Библиотека Ленингр. Гос. инд. ин-та
им. А. И. ГЕРЦЕНА
3350

3320

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

Библиотека Лицея. Инв. № 3350 им. Д. И. Гернета

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

№ 1, 2

Прош. 50

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ бульварѣ.

1868.

3320

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О ЗАКОНАХЪ ДВИЖЕНІЯ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ

ВЪ РОССІИ *

Истекшее двадцатипятилѣтіе было особенно благопріятно для успѣховъ статистики Россіи. При живомъ сочувствіи правительства къ этому дѣлу, при щедромъ матеріальномъ его содѣйствіи, весьма нерѣдко по его иниціативѣ, были предпринимаемы у насъ важные статистическіе труды, изъ которыхъ многіе уже окончены, а другіе находятся въ ходу въ настоящее время. Но чѣмъ удачнѣе обработаны нѣкоторыя отрасли россійской статистики, тѣмъ рѣзче выдаются остающіеся въ ней, съ одной стороны, пробѣлы, а съ другой, невполнѣ удовлетворительныя рѣшенія такихъ вопросовъ, которые, однакожь, заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. Къ числу послѣднихъ нельзя не отнести ученіе о *движеніи народонаселенія*, имѣющее особенно важное значеніе въ наукѣ по многочисленнымъ примѣненіямъ своимъ къ разъясненію задачъ изъ государственной и общественной экономіи.

Одну изъ существенныхъ потребностей статистики народонаселенія всякаго государства составляютъ *таблицы смертности* и *таблицы его населенія, распредѣленнаго по возрастамъ*. При такихъ только пособіяхъ и возможны не гадательныя, а сколько-нибудь надежныя заключенія о произво-

---

* Статья эта, написанная почтеннымъ академикомъ въ формѣ рѣчи, была имъ прочтена въ Петербургѣ, въ частномъ академическомъ кругу. *Ред.*

дительной силѣ страны и о ея боевыхъ средствахъ. Тѣ же таблицы служатъ необходимымъ руководствомъ для рѣшенія разнообразныхъ задачъ, относящихся къ страхованію пожизненныхъ доходовъ и единовременныхъ посмертныхъ выдачъ, къ учрежденію на прочныхъ началахъ кассъ эмеритальныхъ, вдовьихъ и сиротскихъ, наконецъ, къ уясненію многихъ вопросовъ, касающихся ближайшихъ интересовъ общества. Понятно, что при такой многосторонней пользѣ, приносимой подобными таблицами, большинство европейскихъ государствъ постоянно озабочивается тщательнымъ собираніемъ данныхъ, необходимыхъ для ихъ вычисленія. Въ нѣкоторыхъ странахъ критическая разработка полученныхъ такимъ образомъ матеріаловъ поставила спеціалистовъ въ возможность составить болѣе или менѣе пространныя и вѣрныя таблицы. Въ недавнее время, общее желаніе соединить въ одно цѣлое всѣ надежнѣйшіе статистическіе матеріалы и придать имъ какъ можно болѣе единства, побудило ученыхъ образованнѣйшихъ государствъ устроить статистическіе съѣзды для обсужденія мѣръ, которыя могли бы привести къ успѣшному осуществленію задуманнаго предпріятія. Такіе съѣзды происходили въ Брюсселѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ, и на нихъ рѣшено было возложить на представителей статистики различныхъ національностей, на каждаго по принадлежности, и по общему, предварительно условленному плану, прежде всего обработку матеріаловъ, относящихся къ пространству государствъ и къ ихъ населенію. Всѣ работы должны были потомъ поступить въ главную редакцію, которая была поручена гг. Кетле и Гейшлингу. Изъ совокупности такихъ трудовъ предполагается составить, со временемъ, обширное сочиненіе о *международной статистикѣ*. Первый томъ замышленнаго сборника, подъ заглавіемъ: *Statistique internationale* (population), уже изданъ, какъ извѣстно, въ Брюсселѣ въ 1865 году. Результаты, систематически и отчасти критически изложенные въ немъ, свидѣтельствуютъ объ особенномъ стараніи, съ которымъ исполнили это дѣло преимущественно бельгійскіе, англійскіе, шведскіе и прусскіе ученые. Помѣщенныя въ книгѣ свѣдѣнія относятся: 1) къ пространству различныхъ государствъ, провинцій и областей, и 2) къ составу и движенію ихъ населеній. Не касаясь цифръ о простран-

ствѣ государствъ, приведу только вкратцѣ содержаніе заключающихся въ сборникѣ данныхъ о народонаселеніи. Первое подраздѣленіе содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о составѣ населенія въ отношеніи этнографическомъ, экономическомъ, сословномъ, по вѣроисповѣданію, по языку и пр. Въ статьяхъ о движеніи народонаселенія помѣщены результаты ревизій въ нѣкоторыхъ государствахъ, распредѣленіе жителей по возрастамъ, таблицы смертности, цифры вѣроятной и средней жизни, свѣдѣнія о числѣ браковъ, разводовъ, вдовцовъ, вдовъ, холостыхъ, вѣдомости о числѣ годовыхъ рожденій, о числѣ умершихъ въ разныя эпохи, цифры мертворожденныхъ и другія подобнаго рода указанія. Изъ этого краткаго перечня уже оконченныхъ работъ можно судить о важности труда, предпринятаго при совокупныхъ усиліяхъ даровитѣйшихъ европейскихъ представителей статистики.

По недостатку многихъ изъ поименованныхъ сейчасъ данныхъ, выполненіе такой обширной программы для Россіи было, конечно, невозможно; поэтому, статистическія свѣдѣнія о движеніи народонаселенія въ нашей Имперіи, помѣщенныя въ названномъ сборникѣ, очень бѣдны сравнительно съ тѣми, которыя, рядомъ съ ними, сообщены для другихъ первоклассныхъ государствъ. Въ особенности нельзя не пожалѣть, что въ немъ нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ данныхъ, по которымъ бы возможно было судить, хотя въ общихъ чертахъ, о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи ея населенія по возрастамъ. Подобнаго рода указанія имѣли бы очень важное значеніе въ томъ отношеніи, что будучи помѣщены въ изданіи, носящемъ на себѣ, по заключающимся въ немъ свѣдѣніямъ, характеръ офиціальности, и притомъ весьма распространенномъ между учеными, они способствовали бы въ немалой мѣрѣ къ разсѣянію укоренившагося мнѣнія о чрезвычайной, ненормальной смертности въ нашемъ отечествѣ. Это научное недоразумѣніе, по непонятной причинѣ ускользнувшее отъ вниманія статистиковъ, произошло положительно отъ того, что первоначальныя наши таблицы смертности были вычислены въ томъ ошибочномъ предположеніи, что народонаселеніе остается неподвижнымъ, то-есть, что число годовыхъ рожденій уравновѣшивается годовымъ числомъ умершихъ. Подобное условіе, равносильное съ тѣмъ, что итоги годовыхъ рожденій оставались постоянными за цѣлое столѣтіе до эпохи, для которой составлены таблицы, видимо

непримѣнимо къ Россіи. Чтобъ удостовѣриться въ томъ, стòитъ только сравнить между собой итоги рожденій, относящіеся къ послѣднимъ годамъ прошедшаго столѣтія, съ итогами настоящаго времени. Такъ въ 1796 году число рожденій младенцевъ обоего пола православнаго исповѣданія не доходило до *одного милліона* (533.526 муж. пола и 456.920 женск. пола),* между тѣмъ какъ въ 1862 году соотвѣтственное число простиралось почти до *трехъ милліоновъ* (1.505.952 муж. пола и 1.448.695 женск. пола). Нѣтъ сомнѣнія, что на такое значительное увеличеніе числа рожденій, постороннія причины, какъ напримѣръ территоріальныя пріобрѣтенія Россіи и возсоединеніе уніатовъ въ 1839 году съ православною церковію, могли имѣть только самое незамѣтное вліяніе: это возрастаніе, почти всецѣло, было слѣдствіемъ естественныхъ законовъ рождаемости у насъ.

На такомъ невѣрномъ основаніи, каково предположеніе о *неподвижности населенія*, была вычислена сперва Германомъ въ 1819 году, а потомъ Зерновымъ въ 1843 г. таблица смертности для мужескаго пола; указанія той и другой относятся не къ каждому возрастному году, чего требовала бы полнота таблицы, а только къ послѣдовательнымъ пятилѣтіямъ. Въ особенности вторая изъ нихъ значительно преувеличиваетъ смертность въ Россіи. Въ *Руководствѣ къ политической ариѳметикѣ*, изданномъ Бруномъ въ 1845 г., помѣщена также таблица смертности мужескаго пола для Россіи; но такъ какъ она основана на цифрахъ таблицы Зернова, отъ которой отличается только тѣмъ, что указанія распространены въ ней на годовые промежутки посредствомъ интерполированія, то она представляетъ тѣ же неточности, какъ и предыдущая.

Ниже я буду имѣть случай обратить вниманіе на тѣ рѣзкія аномаліи, къ которымъ приводитъ сопоставленіе этихъ таблицъ съ подобными же иноземными таблицами. Теперь же позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о собственныхъ моихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о явленіяхъ жизненности въ Россіи. Несомнѣнное, и притомъ довольно быстрое возрастаніе народонаселенія Россіи отъ начала нынѣшняго столѣтія до нашей эпохи, независимо отъ территоріальныхъ ея пріобрѣтеній, не могло не возбудить нѣкоторое

---

* *Статистическія изслѣдованія относительно Россійской имперіи*, 1819 г.; соч. ак. Карла Германа (стр. 209).

недовѣріе къ общепринятому мнѣнію о значительной смертности въ Имперіи. Съ другой стороны, представлялось еще то соображеніе, что еслибы дѣйствительно была такая значительная разность смертности въ Россіи и въ близкихъ съ нею странахъ, напримѣръ въ Швеціи, то она могла бы произойдти лишь отъ какихъ-либо весьма вліятельныхъ причинъ, которыя не могли бы ускользнуть отъ вниманія наблюдателей. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы нѣкоторыя различія въ государственномъ строѣ, въ общественномъ быту и въ климатическихъ условіяхъ между нами и сосѣдними народами могли произвести очень замѣтныя отступленія въ жизненныхъ проявленіяхъ. Кромѣ усиленной смертности младенцевъ въ сельскомъ населеніи въ первые годы ихъ жизни, происходящей вообще отъ дурнаго ухода за ними, — другихъ положительныхъ фактовъ въ подтвержденіе общаго заключенія не предъявлено. Чрезмѣрную смертность во всѣхъ возрастахъ основывали единственно на метрическихъ данныхъ, не подвергнувъ предварительно ихъ значенія обстоятельному обсужденію.

Таковъ былъ мой взглядъ на этотъ вопросъ: недоразумѣніе лежало въ неточномъ толкованіи смысла данныхъ, и разрѣшеніе сомнѣнія составляло собственно задачу *числословную*, которая не требовала спеціальныхъ познаній въ статистикѣ; это и побудило меня заняться ею. Результаты моихъ изысканій помѣщены въ двухъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ *Запискахъ* нашей Академіи подъ заглавіями: 1) *Опытъ о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи православнаго народонаселенія по возрастамъ*, и 2) *изслѣдованія о возрастномъ составѣ женскаго православнаго населенія Россіи.*

Не буду утомлять вниманіе читателей изложеніемъ употребленныхъ мною пріемовъ; скажу только, что главныя данныя, которыми я пользовался при составленіи таблицъ, были метрическія показанія о числѣ родившихся мужескаго и женскаго пола православнаго исповѣданія съ 1796 г. по 1862 г., а также число умершихъ въ 1862 г., распредѣленное по возрастнымъ пятилѣтіямъ. Эти данныя, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ числу наиболѣе надежныхъ. Кромѣ того, обращался я и къ другимъ источникамъ, между прочимъ къ *отчетамъ о дѣйствіяхъ военнаго министерства*, которые послужили мнѣ для опредѣленія нормы смертности въ нашихъ войскахъ. Имѣя въ виду представить опытъ таблицъ смерт-

ности и народонаселенія для Россіи, вычисленныхъ на строгихъ началахъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ, на основаніи полученныхъ результатовъ, доказать несостоятельность общепринятыхъ понятій о чрезмѣрной смертности въ Имперіи. Съ этою цѣлію, и для устраненія возраженій, я, при неполнотѣ данныхъ, намѣренно склонялъ допущенія на сторону невыгодную для жизненности въ нашемъ отечествѣ.

На такихъ основаніяхъ вычислены, для каждаго пола отдѣльно, наши *таблицы смертности* и *таблицы народонаселенія, распредѣленнаго по возрастамъ*. Новыя таблицы смертности, какъ можно было предвидѣть, значительно расходились съ прежними, но за то, въ существенныхъ чертахъ своихъ, согласовались въ удовлетворительной степени съ европейскими таблицами, въ особенности же со шведскою, составленною Варгентиномъ. Несогласіе, болѣе замѣтное, относилось только къ первому пятилѣтію младенческаго возраста, когда, дѣйствительно, у насъ, въ преобладающемъ по числу сельскомъ населеніи, смертность значительнѣе чѣмъ у большей части другихъ европейскихъ народовъ.

Коснусь теперь составленныхъ мною таблицъ мужескаго и женскаго православнаго населенія Россіи. Этотъ первый у насъ опытъ распредѣленія жителей Имперіи по возрастамъ я счелъ бы весьма полезнымъ провѣрить прямыми наблюденіями. Самый естественный къ тому путь состоялъ бы въ сличеніи теоретическихъ цифръ съ результатами ревизій. Но, къ сожалѣнію, такого способа повѣрки я не могъ употребить потому, что выводы нашихъ ревизій, по обширности государства и по другимъ причинамъ, значительно затрудняющимъ операцію, не имѣютъ ни надлежащей полноты, ни той степени точности, какія требуются для подобнаго контроля. Воспользовавшись однакоже однимъ трудомъ г. Веселовскаго, я могъ удостовѣриться, что мои таблицы въ весьма удовлетворительной степени согласуются съ результатами произведеннаго у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ частнаго народосчисленія. Назначенными отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ коммиссіями уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ были извлечены изъ ревизскихъ сказокъ и подворныхъ описей возможно точныя свѣдѣнія о числѣ и возрастѣ крестьянъ и крестьянокъ разныхъ губерній. Населеніе при этомъ раздѣлялось по возрастамъ на три разряда: *рабочихъ*,

полурабочихъ и нерабочихъ. Изъ данныхъ, собранныхъ такимъ образомъ по шести губерніямъ: Саратовской, Владимірской, Нижегородской, Московской, Тверской и Новгородской г. Веселовскій вывелъ процентное содержаніе численностей мужескаго и женскаго населеній по отношенію къ каждому изъ этихъ трехъ разрядовъ, и сличеніе его цифръ съ теоретическими указаніями подтвердило надежность послѣднихъ.

Сравненіе вычисленныхъ для Россіи таблицъ населенія съ иностранными обнаруживаетъ существованіе у насъ весьма замѣтнаго числительнаго перевѣса молодаго поколѣнія надъ старшими возрастами сравнительно съ тѣмъ, что̀ наблюдается въ другихъ европейскихъ государствахъ, и преимущественно во Франціи, которая, въ этомъ отношеніи, находится какъ бы въ исключительномъ положеніи. Этотъ знаменательный фактъ, къ которому я скоро возвращусь, есть прямое слѣдствіе бо́льшей *плодовитости браковъ* въ Россіи чѣмъ въ остальной Европѣ; при такомъ благопріятномъ условіи рождаемости съ избыткомъ восполняется убыль младенцевъ, уклоняющаяся у насъ отъ средней нормы.

Я укажу только на немногіе сравнительные результаты, вытекающіе изъ сопоставленія новыхъ русскихъ таблицъ съ прежними, а также съ нѣкоторыми иностранными. Считаю при этомъ не безполезнымъ напомнить, что такъ какъ въ выкладкахъ я нигдѣ не ослаблялъ, а иногда даже усиливалъ невыгоду условій жизненности въ Россіи, то выводы, которые будутъ сейчасъ приведены, не могутъ возбудить основательныхъ возраженій со стороны приверженцевъ мнѣнія о ненормальной смертности въ Россіи; эти выводы, скорѣе еще, менѣе благопріятны чѣмъ должны бы быть въ дѣйствительности.

Начну съ указаній о продолжительности *вѣроятной* и *средней жизни*, такихъ двухъ элементовъ, которые имѣютъ особенно важное значеніе въ вопросахъ о жизненности вообще. * *Вѣроятная жизнь* новорожденнаго младенца мужескаго пола принималась у насъ отъ 3 до 4 лѣтъ, между тѣмъ какъ по новой таблицѣ она доходитъ до 24 лѣтъ для мужескаго пола и отъ 28 до 29 лѣтъ для женскаго. Для Швеціи, по

---

* Всѣ приводимыя далѣе цифры можно найдти въ двухъ вышеназванныхъ моихъ сочиненіяхъ.

таблицѣ *Варгентина*, величина этого элемента отъ 30 до 31 года для новорожденнаго мужескаго пола, и отъ 35 до 36 для женскаго пола. Значительныя, хотя менѣе разительныя различія, существуютъ и для другихъ возрастныхъ періодовъ между новыми и прежними опредѣленіями. *Среднюю жизнь* для новорожденнаго младенца муж. пола въ Россіи полагали, круглымъ числомъ, въ 19 лѣтъ по Зернову, и въ 21 годъ по опредѣленію г. Спасскаго; * по моей же таблицѣ, вмѣсто этихъ чиселъ, должно принять 31 годъ для мужескаго пола и $32^1/_2$ года для женскаго. Для Швеціи соотвѣтственныя цифры, по Варгентину, суть 33 и 36.

Понятно, что основываясь на числахъ, каковы 3—4 года, вмѣсто 24 лѣтъ для вѣроятной жизни, 19 лѣтъ, вмѣсто 31 года для средней жизни, и еще на нѣкоторыхъ другихъ указаніяхъ, въ такой же степени ошибочныхъ и невыгодныхъ, занимавшіеся вопросомъ о движеніи населенія въ Россіи введены были въ заблужденіе насчетъ истинной мѣры смертности у насъ; иностранные статистики, конечно, не противорѣчили нашимъ писателямъ. Такъ, между прочимъ, редакторы сборника *Statistique internationale*, ** получившіе свѣдѣнія о движеніи народонаселенія въ Россіи за 1858 годъ, говорятъ: „въ теченіе 1858 г. число умершихъ въ Россіи было несравненно больше чѣмъ въ другихъ государствахъ: въ ней приходилось по 1 умершему на 26,6 жителей.“ На основаніи же нашихъ таблицъ народонаселенія, приходится по 1 умершему на 31,6 жителей муж. пола и на 33,7 женскаго пола, то-есть, среднимъ числомъ, на 32,6 души, что̀ слишкомъ на $22^1/_2$ процента болѣе числа, показаннаго бельгійскими статистиками.

Содержаніе 1,30 годоваго числа рожденій къ годовому же числу умершихъ въ Россіи, приводимое въ *Statistique internationale* также оказывается слишкомъ слабымъ: по моему вычисленію элементъ этотъ для муж. пола равенъ числу 1, 32, а для женскаго 1,43; эти цифры почти не уклоняются отъ однородной съ ними средней величины для главнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

---

* *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи*, издаваемый Статистическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. II, 1854 г. стр. 318 и 312.

** См. *введеніе*, стр. XLV.

Равнымъ образомъ, по даннымъ того же сборника, *процентъ народоприращенія* Россіи слишкомъ низокъ: изъ этихъ данныхъ заключаемъ, что норма процента приращенія въ 1858 г. была 1,12 (точнѣе 1,1186); * по моему же вычисленію, относящемуся къ 1862 г., она равна 1,34 (точнѣе 1,3399). Если, собственно для сравненія результатовъ, допустимъ съ нѣкоторыми статистиками, что возрастаніе народонаселенія слѣдуетъ *геометрической прогрессіи*, то окажется, что по цифрамъ *международной статистики*, населеніе Россіи можетъ удвоиться чрезъ 62 года, между тѣмъ какъ, согласно съ моими цифрами, такое удвоеніе произошло бы *десятью* годами раньше, именно чрезъ 52 года. Наша цифра 52 года совпадаетъ съ тою, которую относятъ къ Англіи, ** и вмѣстѣ съ тѣмъ, она выгоднѣе однородныхъ съ нею цифръ для значительнаго большинства европейскихъ государствъ. Чтобы представить себѣ наглядымъ образомъ мѣру приращенія нашего православнаго населенія, можно замѣтить, что на каждыя 14 годовыхъ рожденій приходится, круглымъ числомъ, по 10 умершихъ въ теченіе того же годоваго промежутка. Такимъ образомъ избытокъ 4 перваго числа предъ вторымъ показываетъ, что годовое приращеніе нашего населенія составляетъ, примѣрно, $^4/_{14}$ или $^2/_7$ годоваго числа рожденій; а какъ послѣднее въ настоящее время доходитъ почти до 3 милліоновъ, то соотвѣтственная цифра народоприращенія превышаетъ 800 тысячъ душъ.

Были иностранные писатели, которые, соединяя понятіе о большей или меньшей смертности съ условіями развитія народа въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, съ легкомысліемъ, едва ли совмѣстнымъ съ достоинствомъ ученыхъ, не вникнувъ въ смыслъ данныхъ нашей статистики населенія, выводили изъ нихъ заключенія, оскорбительныя для нашего народнаго самолюбія. Такъ, одинъ извѣстный французскій статистикъ, директоръ главнаго статистическаго учрежденія во Франціи (Legoyt), изобразивъ, голословно, исключительное положеніе Россіи относительно размѣровъ смертности, присовокупилъ къ тому слѣдующія соображенія:

---

* См. мой *Опытъ*, стр. 156.

** См. *Revue des deux Mondes*, 1867 г., во второй майской книжкѣ, стр. 463. Тамъ же цифра удвоенія населенія для Россіи показана въ 66 лѣтъ.

„По нашему мнѣнію, смертность преимущественно обусловливается степенью цивилизаціи страны, такъ что, за весьма немногими изъятіями, зависящими отъ мѣстныхъ или какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, представилась бы возможность измѣрять нравственные и матеріальные успѣхи народа цифрой его смертности. *Такъ, мы видимъ, что Англія стоитъ на вершинѣ, а Россія на низшей ступени лѣстницы смертности въ Европѣ.*“ *

Оставляя въ сторонѣ этотъ необдуманный и, къ счастію, несостоятельный приговоръ французскаго статистика, возвращусь къ тому факту, котораго передъ этимъ я коснулся только мимоходомъ: я разумѣю фактъ о числительномъ перевѣсѣ въ Россіи младшаго поколѣнія надъ старшими возрастами, имѣющемъ существенное вліяніе на успѣхи народоприращенія. Во второй майской книжкѣ журнала *Revue des deux Mondes* за истекшій годъ, профессоръ г. Лефоръ, помѣстилъ занимательную статью о движеніи народонаселенія во Франціи, написанную имъ по поводу предполагаемаго преобразованія французской арміи. ** Авторъ разсматриваетъ между прочимъ и вопросъ о вліяніи, какое можетъ имѣть возрастная группировка населенія страны на мѣру приращенія этого населенія въ будущемъ. Сравнивая между собой въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ европейскихъ народовъ, онъ приходитъ къ заключеніямъ, весьма невыгоднымъ для Франціи; въ спискѣ государствъ пропущена Россія, вѣроятно по неизвѣстности автору необходимыхъ данныхъ для подобнаго сравненія: этотъ пробѣлъ я пополню далѣе. Результаты свои г. Лефоръ основалъ преимущественно на соображеніи, вопервыхъ, цифръ, выражающихъ отношеніе годоваго числа рожденій въ государствѣ къ его населенію, и вовторыхъ, на группировкѣ того же населенія на три возрастные разряда: на *младенческій*: отъ рожденія до 20 лѣтъ; на *возмужалый*: отъ 20 до 60 лѣтъ, и на *старческій*: отъ 60 л. и свыше. Чтобы дать возможность слѣдить за выводами автора, привожу объ его таблички:

---

* *Dictionnaire de l'Economie politique*, par MM. Ch. Coquelin et Guillaumin, 1852—1853; Tome 2, статья: *Population*, стр. 415 и 417.

** *Du mouvement de la population en France*, par Léon Le Fort, стр. 462.

ТАБЛИЧКА 1-я.

Содержаніе числа рожденій къ населенію (за искл. мертворожд.)

Государства.	Годы.	Число рожденій на 10.000 жителей.
Саксонія	1861	410
Австрія	1857	409
Пруссія	1861	374
Испанія	1860	365
Шотландія	1861	349
Великобританія	1861	347
Бавaрія	1861	344
Ганноверъ	1861	334
Голландія	1858	322
Бельгія	1861	304
Франція	1861	268

ТАБЛИЧКА 2-я.

Распредѣленіе 10.000 жителей по возрастамъ.

	Отъ рожденія до 20 лѣтъ.	Взрослыхъ отъ 20 до 60 л.	Стариковъ отъ 60 л. и свыше.
Франція	3612	5373	1015
Бельгія	4132	4973	895
Голландія	4266	4964	770
Великобританія	4534	4732	734
Пруссія	4740	4683	577

Сличая между собой цифры первой таблички, г. Лефоръ говоритъ: „Итакъ Франція, по отношенію къ рождаемости, занимаетъ послѣднее мѣсто; Бельгія, въ которой организація, какъ гражданская, такъ и военная, почти не отличается отъ нашей, хотя немногимъ, но все же однакожь стоитъ выше насъ, несмотря на то что плотность ея населенія—самая значительная въ Европѣ — должна отчасти препятствовать ея народоприращенію. Англія, Пруссія, Австрія и Саксонія занимаютъ по рождаемости высшія мѣста. Еслибы, въ 1830 году, у насъ, какъ въ названныхъ сейчасъ государствахъ, считалось по 1 рожденію на 26 или 27 жителей, то недочетъ нашъ въ 1861 г. доходилъ бы до 379.600 новорожденныхъ сравнительно съ Англіей и до 432.857 сравнительно съ Пруссіей, такъ что, примѣрно, вмѣсто *одного милліона* рожденій, считавшихся во Франціи, ей бы слѣдовало разчитывать слишкомъ на 1.400.000.“

„Мы не можемъ молчать, продолжаетъ г. Лефоръ, и должны

громко заявить о несоразмѣрномъ уменьшеніи цифры годовыхъ рожденій во Франціи, грозящемъ ей немаловажною опасностію. При невозможности опровергнуть самый фактъ, нѣкоторые экономисты пытаются придать ему другое значеніе. Какое дѣло до того, говорятъ они, что во Франціи рождается менѣе дѣтей чѣмъ въ другихъ государствахъ, находящихся, повидимому, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но за то она и теряетъ ихъ менѣе, а слѣдовательно возращаетъ большее число достигающихъ возмужалости? Это сужденіе было бы довольно убѣдительно, еслибы не опиралось на шаткіе доводы. Къ несчастію, тѣ, которые желаютъ усыпить насъ въ этомъ роковомъ спокойствіи, въ подтвержденіе своихъ заключеній могутъ предъявить только два факта, весьма не достаточно изслѣдованные, именно: соразмѣрно большее число взрослыхъ сравнительно съ числомъ дѣтей и довольно значительное увеличеніе средней жизни.“

За тѣмъ, переходя ко второй таблицѣ, показывающей, что сравнительное число взрослыхъ и стариковъ во Франціи значительно болѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ, между тѣмъ какъ цифра ея молодаго поколѣнія до 20-тилѣтняго возраста, напротивъ того, есть наименьшая изъ всѣхъ однородныхъ съ нею, г. Лефоръ задается вопросомъ, какое отсюда можно вывести заключеніе? Своимъ соображеніямъ по этому поводу онъ предпосылаетъ мнѣніе профессора Брока, который относитъ къ славѣ Франціи перевѣсъ двухъ старшихъ ея поколѣній надъ младшимъ и видитъ въ такомъ фактѣ залогъ будущаго преуспѣянія своего отечества.

„Не отрадно ли видѣть, говоритъ онъ, что Франція занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ трехъ столбцахъ таблицы? Она располагаетъ наибольшимъ числомъ рукъ и для работы, и для защиты страны. Дѣти — эта утѣха семействъ и надежда отечества — въ смыслѣ соціальной экономіи, составляютъ, собственно говоря, только бремя для общества, потому что, потребляя, они ничего не производятъ. Въ настоящее время они входятъ въ долги, которые, конечно, уплатятъ въ послѣдствіи, если только останутся живы; если же умрутъ, не успѣвъ расплатиться своими трудами, то общество потеряетъ затраченный на нихъ капиталъ. Лишь бы только, какъ во Франціи, число дѣтей не было ниже извѣстнаго предѣла, достаточнаго для поддержанія и приращенія населенія, а соціальныя силы не перестанутъ быть обратно пропорціональными

итогу дѣтей. Въ этомъ отношеніи Франція стоитъ во главѣ другихъ націй. Сестра наша, Бельгія, мало отстала отъ насъ. Испанія, Ирландія, Великобританія и Пруссія занимаютъ въ спискѣ послѣднія мѣста."

Г. Лефоръ, во имя началъ экономической науки, съ жаромъ отвергаетъ такое воззрѣніе на роль молодаго поколѣнія. Онъ находитъ заключенія г. Брока совершенно ошибочными, и превозносимый имъ возрастный составъ населенія во Франціи объясняетъ гибельнымъ по своимъ послѣдствіямъ непомѣрнымъ уменьшеніемъ въ ней числа рожденій съ самаго начала нынѣшняго столѣтія. Это утвержденіе получитъ бо́льшую опредѣлительность, если замѣтимъ, что числительный перевѣсъ въ извѣстное время взрослаго поколѣнія надъ младшимъ есть слѣдствіе слабой рождаемости въ предшествовавшіе этой эпохѣ годы, и служитъ вѣрнымъ признакомъ медленнаго возрастанія и даже убыли населенія страны, когда сказанное преобладаніе перейдетъ за нѣкоторый предѣлъ. Напротивъ того, при благопріятныхъ условіяхъ рождаемости, хотя числительный перевѣсъ и окажется на сторонѣ младшихъ возрастовъ, но за то населеніе будетъ возрастать быстрѣе, при чемъ *абсолютная* цифра взрослыхъ превзойдетъ вообще прежнюю, однородную съ ней цифру, относящуюся къ слабой рождаемости.

Г. Лефоръ не упускаетъ изъ виду и положенія, высказываемаго нѣкоторыми экономистами, что усиленная рождаемость подъ конецъ можетъ сдѣлаться причиной обѣднѣнія страны. Мнѣніе это онъ считаетъ несостоятельнымъ для всѣхъ государствъ и въ особенности для Франціи. Еслибъ основательность такого взгляда была признана, то пришлось бы допустить необходимость принятія мѣръ къ ограниченію числа рожденій. „Мальтусъ, говоритъ г. Лефоръ, чьимъ именемъ, какъ бы въ кару ему, заклеймили гнусное его ученіе (cette abominable doctrine), хотя и былъ глубокимъ мыслителемъ, но однакоже забылъ то обстоятельство, что производительность страны зависитъ не только отъ числительности населенія, но еще болѣе отъ энергіи и разумной дѣятельности людей. Такъ, англійскій государственный человѣкъ, Георгъ Грегамъ, съ справедливою народною гордостію сказалъ: „Пусть, послѣ жатвы, вмѣсто туземцевъ, поселятъ въ Англіи равное число людей какой угодно европейской націи; станутъ ли утверждать, что спустя десять лѣтъ послѣ того,

страна останется такою же по своей производительности? Когда населеніе Англіи состояло всего изъ 9 милліоновъ, Мальтусъ находилъ, что это число было уже слишкомъ значительно для ея пространства; Англія тогда же отвергла его ученіе, и нынѣ 28 милліоновъ жителей заселяютъ Соединенное Королевство; она бросила на западъ длинную вереницу колоній, независимыхъ штатовъ, гдѣ говорятъ на одномъ съ нею языкѣ, и гдѣ сохраняютъ во всей чистотѣ нравы и обычаи семейной жизни ея обитателей. Жители этихъ далекихъ странъ не утратили ни привычки къ труду настойчивому, ни мужества, ни смышлености, свойственной расѣ ихъ соотчичей, и, въ обмѣнъ мануфактурныхъ произведеній метрополіи, снабжаютъ ее жизненными потребностями и сырыми продуктами, которые питаютъ ея промышленность.“

Г. Лефоръ, разсмотрѣвъ вліяніе возрастной группировки на народоприращеніе, переходитъ ко второму недостаточно изслѣдованному факту, къ увеличенію съ 1850 по 1855 г. *средней жизни* во Франціи. Такое увеличеніе, если оно и состоялось, онъ считаетъ весьма неутѣшительнымъ на томъ основаніи, что къ сказанному періоду времени принадлежатъ роковые 1854 и 1855 годы, въ которые холера и Крымская война настолько увеличили смертность во Франціи, что итогъ умершихъ превзошелъ число рожденій, въ теченіе упоминаемыхъ пяти лѣтъ уменьшившееся слишкомъ на 800 тысячъ душъ.

Крайняя медленность хода народоприращенія во Франціи возбуждаетъ сильныя опасенія насчетъ ея будущаго политическаго могущества. Сравнивая въ этомъ отношеніи свое отечество съ другими европейскими государствами, г. Лефоръ замѣчаетъ, между прочимъ, что при существующихъ нынѣ нормахъ рождаемости, населеніе Пруссіи должно удвоиться въ 54 года, а Франціи только въ 198 лѣтъ; по такому разчету Франція, чрезъ 50 лѣтъ, могла бы противопоставить только 47 милліоновъ жителей 67-милліонному населенію прусской Германіи. Столь исключительную слабую рождаемость въ имперіи Г. Лефоръ приписываетъ вліянію нравственныхъ причинъ, безбрачію многочисленнаго католическаго духовенства, но преимущественно, условіямъ существующей системы конскрипціи, которая въ настоящее время должна подвергнуться преобразованіямъ, угрожающимъ Франціи, по мнѣнію автора, большими бѣдствіями въ будущемъ.

Мы указали на нѣкоторыя изъ соображеній, подтверждающихъ мнѣніе тѣхъ экономистовъ, которые признаютъ выгоднымъ для преуспѣянія государства усиленіе его населенія, конечно въ размѣрахъ, обусловливаемыхъ его пространствомъ, плодородіемъ страны и степенью образованности ея жителей. По своей обширности и по хлѣбородію многихъ губерній, Россія подходитъ подъ первыя два условія; поэтому, относительное преобладаніе молодаго ея поколѣнія передъ старшими возрастами, указывающее на ростъ ея населенія, должно считать фактомъ вполнѣ благопріятнымъ, если только, какъ и можно надѣяться, нравственное и умственное развитіе нашего народа будетъ идти дружно съ постепеннымъ его умноженіемъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести численныя мѣры преобладанія въ Россіи молодаго поколѣнія надъ старшими возрастами и пополнить такимъ образомъ пропускъ г. Лефора по двумъ его таблицамъ. Такое дополненіе тѣмъ болѣе необходимо, что оно поставитъ всякаго желающаго въ возможность сравнить наши данныя по этому вопросу съ подобными данными для главнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

По первой таблицѣ: число рожденій, соотвѣтствующее 10-титысячному православному населенію обоего пола равно 437 *. Оно превышаетъ однородныя цифры всѣхъ одиннадцати государствъ, поименованныхъ въ таблицѣ г. Лефора. Наименьшее число рожденій, 268, соотвѣтствуетъ Франціи, а наибольшее, 410, Саксоніи.

По второй таблицѣ: изъ 10-титысячнаго населенія обоего пола приходится у насъ: ** отъ рожденія до 20 лѣтъ: 4.814;

* См. въ *Мѣсяцесловѣ* на 1867 г.: *таблицы смертности и народонаселенія, вычисленныя для Россіи*, стр. 42 и 43. Такъ какъ соотвѣтствующее 10.000 населенію годовое число мужескихъ рожденій равно 450, а женскихъ 425, то средняя $\frac{450+425}{2}=437{,}5$ изобразитъ, приблизительно, цифру годовыхъ рожденій, относящуюся къ 10.000 жителей обоего пола.

** Изъ тѣхъ же двухъ таблицъ получимъ:

	Отъ рожденія до 20 лѣтъ.	Взрослыхъ, отъ 20 до 60 л.	Стариковъ, отъ 60 и свыше.
Для мужеск. пола.	4861	4624	515
Для женск. пола.	4767	4564	669
Суммы.....	9628	9188	1184

отъ 20 до 60 лѣтъ: 4.594; отъ 60-ти и свыше: 592. Итакъ, возрастное распредѣленіе жителей въ Россіи ближе всего подходитъ къ распредѣленію населенія въ Пруссіи (соотвѣтственныя ея цифры: 4.740, 4.683, 577), даже съ нѣкоторымъ перевѣсомъ на сторонѣ числительности нашего молодаго поколѣнія. Такимъ образомъ, возрастная группировка у насъ представляетъ наиболѣе ручательствъ за усиленіе населенія сравнительно съ приводимыми во второй таблицѣ пятью государствами, именно: Франціи, Бельгіи, Голландіи, Великобританіи и Пруссіи.

Въ бѣгломъ очеркѣ, представленномъ мною, я только слегка коснулся нѣкоторыхъ результатовъ, строгимъ путемъ доказанныхъ въ моемъ *Опытѣ*. Вычисленныя мною таблицы, конечно, далеки отъ желаемой степени законченности: но должно сказать и то, что вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе такой задачи невозможно, пока собираемыя у насъ данныя по движенію народонаселенія не получатъ всей полноты и точности, требуемыхъ наукой. Смѣю однакожь выразить убѣжденіе, что мои изслѣдованія и въ настоящемъ ихъ видѣ будутъ полезны, какъ пособіе, для приблизительнаго разрѣшенія многихъ вопросовъ, касающихся законовъ жизненности въ Россіи и имѣющихъ высокій общественный интересъ.

Не знаю, насколько изданныя мною сочиненія поколебали вообще прежнія воззрѣнія на движеніе нашего народонаселенія. Но, по заявленіямъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, пользующихся авторитетомъ въ наукѣ и читавшихъ мой *Опытъ*, я уже имѣю основаніе полагать, что преувеличенное мнѣніе о смертности въ Россіи, бывшее въ ходу до сего времени, должно уступить мѣсто болѣе точному понятію объ этомъ важномъ, и по преимуществу, жизненномъ для насъ вопросѣ.

В. БУНЯКОВСКІЙ.

1-го декабря,
1867 года.

Взявъ половину каждаго изъ этихъ трехъ чиселъ, относящихся къ 20.000 населенію, получимъ для 10.000 жителей обоего пола слѣдующія соотвѣтственныя цифры: 4.814, 4.594, 592.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА НА ВОСТОКѢ

ПРЕДЪ КРЫМСКОЮ ВОЙНОЙ

Geschichte der Turkey von dem Siege der Reform im Jahre 1826 bis zum Pariser Tractat vom Jahre 1856, von Dr. Rosen.

> Il n'y a rien de sérieux à espérer du monde musulman, ni pour sa propre réforme, ni pour les chrétiens, que le malheur des événements a placés sous ses lois.
>
> Guizot, *Memoires.*

Такой трудъ, какъ сочиненіе г. Розена, всегда представлялъ бы значительный интересъ, а въ настоящую минуту онъ получаетъ особенное значеніе. Авторъ, бывшій прусскій консулъ въ одномъ изъ городовъ Малой Азіи, рѣшился написать исторію Турціи въ XIX столѣтіи: что̀ можетъ быть занимательнѣе этого предмета? Касательно глубокой начитанности г. Розена нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ не только воспользовался всѣмъ, что̀ появилось въ иностранной печати относительно современныхъ событій на Востокѣ, но теперешній федеральный канцлеръ Сѣверо-Германскаго Союза, графъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ, открылъ ему доступъ къ документамъ, хранящимся въ прусскомъ государственномъ архивѣ. И это обстоятельство имѣетъ не малую важность въ нашихъ глазахъ. Мы не избалованы безпристрастіемъ европейскихъ писателей, какъ скоро заходитъ рѣчь о политикѣ Россіи на Востокѣ: сто́итъ открыть

любую книгу, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ, и можно сказать навѣрно, что вмѣсто добросовѣстной оцѣнки намѣреній и дѣйствій русскаго правительства, вмѣсто желанія уразумѣть истинныя стремленія русскаго народа, мы встрѣтимъ только обвиненія, нареканія и подозрительность. Мы знаемъ изъ какого источника проистекаетъ эта слѣпая, непримиримая къ намъ ненависть, но Пруссія всегда славилась своими дружелюбными отношеніями къ Россіи, — и теперь, когда прусскій писатель, пользующійся, очевидно, расположеніемъ главы прусскаго министерства, начинаетъ говорить о вопросѣ, столь близкомъ для насъ, не въ правѣ ли мы ожидать отъ него по крайней мѣрѣ самаго обыкновеннаго безпристрастія?

Книга г. Розена вошла въ извѣстный сборникъ монографій по современной исторіи, издаваемый Бидерманомъ и Гирцелемъ; * сборникъ этотъ знакомитъ насъ съ исторіей европейскихъ государствъ, начиная съ Вѣнскаго конгресса, а между тѣмъ г. Розенъ беретъ исходною точкой своего разказа 1826 годъ. Чѣмъ объяснить такое исключеніе? Почему авторъ, вознамѣрившись изобразить судьбы Турціи въ XIX вѣкѣ, проходитъ молчаніемъ цѣлое десятилѣтіе? Вотъ собственное его объясненіе на этотъ счетъ: „Мнѣ предоставлена была полная свобода въ выборѣ начальнаго и заключительнаго пункта моей монографіи: такъ какъ ни Вѣнскій конгрессъ, ни вступленіе на престолъ султана Махмуда не имѣли послѣдствіемъ значительныхъ измѣненій во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ имперіи, то лишь побѣда, одержанная преобразовательнымъ движеніемъ, которое ознаменовалось въ 1826 году уничтоженіемъ янычаръ, представлялась мнѣ событіемъ, вслѣдствіе коего старая, столь рѣзко отмѣченная въ своихъ особенностяхъ, Турція сошла съ поприща, и наступили новыя времена.... Миръ 1856 года, включившій преобразованную Турцію, въ качествѣ равноправнаго члена, въ систему цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, былъ послѣднимъ великимъ успѣхомъ движенія, обнаружившагося въ Турціи послѣ энергическаго переворота 15-го іюня 1826 года; имъ закругляется избранная мной эпоха въ одно отдѣльное цѣлое. Такимъ образомъ, предметомъ моего труда служитъ исторія реформы въ Турціи отъ первыхъ ея

---

* *Staatengeschichte der neuesten Zeit.*

зачатковъ до торжества, достигнутаго ею на поприщѣ международнаго права: время переходное, въ которое Турція вступаетъ на помочахъ европейской цивилизаціи, и затѣмъ,—когда великія державы торжественно объявляютъ ее совершеннолѣтнею,—сбрасываетъ эти помочи, чтобъ отнынѣ принять исключительно на себя полную отвѣтственность за свои дѣйствія.“ Такимъ образомъ авторъ съ самаго начала становится на ложную точку зрѣнія. Хотя предметомъ его изслѣдованія служитъ Турція, но говоритъ о ней какъ о самостоятельномъ политическомъ организмѣ, искать въ ней самой разгадки ея судебъ — болѣе чѣмъ странно въ наше время. Всѣ эти попытки реформъ, всѣ эти жалкія усилія усвоить себѣ европейскіе порядки не имѣли ни малѣйшаго значенія и силы и не породили никакихъ серіозныхъ послѣдствій; до Парижскаго мира 1856 года, точно такъ же какъ и послѣ него, Турція никогда не думала ходить на своихъ ногахъ и принимать „исключительно на себя полную отвѣтственность за свои дѣйствія“; въ исторіи Турціи на первомъ планѣ должны стоять не столько Константинополь, сколько то, что̀ происходило вокругъ и вдали отъ него,—не предна́чертанія султана, не происки его министровъ, а постоянно возраставшее, неудержимое движеніе въ средѣ христіанъ, которое обнаружило, наконецъ, міру всю несостоятельность и все безобразіе мусульманскаго владычества. Какой же смыслъ имѣетъ 1826 годъ? Не странно ли считать его эпохой въ политическомъ существованіи Турціи и начинать съ него исторію этого государства въ XIX вѣкѣ? Текущее столѣтіе имѣетъ дѣйствительно громадное значеніе въ судьбахъ имперіи Османлисовъ: оно было свидѣтелемъ того, какъ постепенно выяснялись и получали опредѣленную форму политическія и гражданскія стремленія христіанскихъ племенъ, какимъ образомъ эти племена, пробужденныя къ сознательной жизни Екатериной II, не переставали бороться противъ ненавистнаго имъ ига. Изображеніе событій, относящихся сюда, составляло прямую обязанность автора, а между тѣмъ онъ менѣе всего посвятилъ имъ свое вниманіе; еслибъ онъ понялъ такимъ образомъ свою задачу, то не избралъ бы, конечно, исходнымъ пунктомъ для разказа 1826 годъ,—не пропелъ бы совершеннымъ молчаніемъ такое, напримѣръ, событіе, какъ борьба Сербовъ, которою ознаменовалась первая четверть нашего столѣтія. Когда султанъ Махмудъ душилъ

янычаръ, Греки уже пять лѣтъ сряду изумляли Европу своими геройскими подвигами, — а между тѣмъ изъ книги, которая претендуетъ познакомить насъ съ исторіей Турціи въ XIX вѣкѣ, вовсе исключенъ этотъ первый періодъ греческаго возстанія.

Каковы бы ни были, однако, взгляды автора, время, изображенное имъ, въ высшей степени любопытно. Особенно любопытно оно для насъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главная вина Россіи предъ Европой относительно Восточнаго вопроса заключается въ духовной и кровной связи, которая соединяетъ ее съ христіанскими племенами, въ неизмѣнномъ призваніи ея быть заступницей и покровительницей этихъ племенъ. Когда Екатерина II открыто приняла на себя эту священную обязанность, можно было тотчасъ же предвидѣть, что на этомъ пути нѣтъ для насъ соглашенія съ Европой. Обстоятельства были, впрочемъ, таковы, что подозрительность и недоброжелательство къ намъ не могли высказываться въ первое время слишкомъ явно. Разгромъ, произведенный Наполеономъ, отвлекъ вниманіе отъ Востока; затѣмъ, послѣ 1815 года, императоръ Александръ былъ душой союза между континентальными державами, и европейская дипломатія, усиливаясь обольстить его этою ролью, надѣялась, что онъ забудетъ о высокомъ своемъ призваніи относительно христіанъ, бѣдствовавшихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Греческое возстаніе разрушило всѣ эти разчеты. Начиная съ этого времени,—начиная главнымъ образомъ съ Адріанопольскаго мира и до Крымской войны,—въ теченіе двадцати пяти лѣтъ развилась и сложилась та ненависть къ Россіи, проявленія которой мы видимъ теперь на каждомъ шагу, — ненависть, руководившая политикой государственныхъ людей въ родѣ Пальмерстона, заставившая Францію и Англію забыть свои вѣковыя распри и соединить свое оружіе противъ нашего отечества. „Восточный вопросъ, сказалъ одинъ нѣмецкій писатель, много занимавшійся этимъ предметомъ, опредѣляется весьма просто и легко: онъ состоитъ въ изысканіи средствъ предотвратить замѣшательства, которыя угрожаютъ политическому равновѣсію Европы вслѣдствіе слабости Порты, съ одной стороны, и могущества Россіи, съ другой.“ Такимъ образомъ о христіанахъ, подвластныхъ султану, нѣтъ и рѣчи; безсиліе Турокъ и искреннее или притворное опасеніе честолюбія Рос-

сіи—вотъ главные факторы въ распрѣ, угрожающей ежеминутно поколебать миръ и спокойствіе европейскихъ государствъ. Самыя ревностныя усилія были пущены въ ходъ, чтобы сообщить этому взгляду на Россію характеръ непреложной истины, но тѣмъ интереснѣе для насъ прослѣдить, опирается ли онъ на какія-нибудь разумныя основанія. Было ли въ русской политикѣ что̀-нибудь, могущее служить для него оправданіемъ? Какія событія, въ теченіе времени отъ 1829 до 1853 года, послужили доказательствомъ для Европы, что Россія питала относительно Порты замыслы, имѣвшіе цѣлью утвердить, на развалинахъ мусульманскаго, ея собственное владычество?

Вотъ тѣ вопросы, отвѣтъ на которые мы желали бы найти въ книгѣ г. Розена. Скажемъ заранѣе, что онъ разрѣшаетъ ихъ, по большей части, противъ нашего отечества, но въ какой степени добросовѣстны его сужденія, — пусть выведутъ заключеніе сами читатели.

I.

О борьбѣ Грековъ за независимость было писано такъ много (хотя, къ сожалѣнію, въ Россіи менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь), что мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибы рѣшились прослѣдить исторію этой борьбы въ ея подробностяхъ. Извѣстна роль, которой держалась Россія во время этихъ многознаменательныхъ событій. Подъ вліяніемъ идей Священнаго Союза, поддаваясь внушеніямъ европейской дипломатіи, которая расточала неимовѣрныя усилія, чтобы не допустить разрыва между Портой и Россіей, императоръ Александръ не рѣшался взять подъ свое покровительство дѣло возставшихъ Грековъ, и не по его винѣ отношенія наши къ султану одно время едва не сдѣлались открыто враждебными: сами Турки какъ бы умышленно старались вызвать эти враждебныя отношенія безумными жестокостями по отношенію къ христіанскимъ населеніямъ, цѣлымъ рядомъ оскорбленій русскому посланнику и отказомъ выполнить условія трактатовъ, заключенныхъ въ прежнее время. Европейскія правительства успѣли однако уладить несогласіе. Судьба несчастнаго народонаселенія, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду вело неравную борьбу съ своими притѣснителями, занимала ихъ весьма мало; кровь лилась потоками, совершались неистовства, о которыхъ трудно составить себѣ понятіе даже послѣ всего того, что̀ происходитъ теперь на нашихъ гла-

захъ въ Кандіи, а всѣ заботы государственныхъ людей на Западѣ направлены были къ одной цѣли: дать время Портѣ подавить возстаніе, а для этого препятствовать Россіи прибѣгнуть ко вмѣшательству на Востокѣ въ интересахъ человѣколюбія и справедливости. Это натянутое положеніе дѣлъ не могло продолжаться безконечно. Авторъ разбираемой нами книги начинаетъ свой разказъ именно съ того времени, когда одна изъ западныхъ державъ,—та самая, которая выставляла и выставляетъ непреложнымъ правиломъ своей политики сохраненіе неприкосновенности турецкаго владычества,—а именно Англія, вдругъ измѣняетъ свой образъ дѣйствій относительно инсургентовъ. Переворотъ этотъ, совершившійся подъ вліяніемъ знаменитаго Каннинга, оцѣненъ авторомъ очень вѣрно. „Опасенія англійскаго министра, говоритъ онъ, что Россія отступитъ наконецъ отъ системы невмѣшательства въ дѣла Грековъ, были весьма основательны. Какъ бы ни были сильны симпатіи къ греческому возстанію повсюду въ западной Европѣ, онѣ не могли идти въ уровень съ тѣми, которыя господствовали во всѣхъ слояхъ русскаго народа. Симпатіи эти возбуждены были, на Западѣ—классическими воспоминаніями о геройской націи, возставшей противъ варварскаго деспотизма; въ Россіи—судьбой единовѣрцевъ, бѣдствовавшихъ отъ исконнаго врага христіанской религіи. И къ тому же, развѣ оскорбленія, испытанныя Россіей отчасти непосредственно, въ лицѣ ея посланника и вслѣдствіе нарушенія правъ, принадлежавшихъ ей по договорамъ, отчасти же косвенно, вслѣдствіе постыднаго гоненія на православную церковь въ Стамбулѣ—не оправдывали и на этотъ разъ войну съ Турціей точно въ такой же мѣрѣ, какъ всѣ прежнія войны, происходившія въ теченіе ста лѣтъ? Могла ли Европа не признать за Россіей права требовать себѣ удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ? И чѣмъ поддерживался еще миръ, казавшійся неестественнымъ среди подобныхъ обстоятельствъ? Онъ поддерживался волей одного только человѣка, обуздывавшаго воинственныя стремленія своего народа,— человѣка, правда, могущественнаго, но который могъ измѣнить свой образъ мыслей,—а именно волею императора Александра“.... На основаніи такого рода соображеній, Каннингъ склонился къ совокупному съ русскимъ правительствомъ вмѣшательству въ Восточномъ вопросѣ, но легко было уразумѣть мотивы, руководившіе имъ въ этомъ случаѣ: онъ оказывалъ сочув-

ствіе инсургентамъ единственно съ тою цѣлью, чтобъ отвлечь ихъ взоры отъ Россіи къ Англіи; онъ соединялся съ Петербургскимъ кабинетомъ главнымъ образомъ для того, чтобы стѣснить его свободу дѣйствій, чтобы тяготѣть надъ всѣми его намѣреніями и рѣшеніями; не интересы христіанъ, а интересы Порты, которая, вслѣдствіе непостижимаго своего упорства, очутилась въ безвыходномъ положеніи—вотъ что̀ стояло на первомъ планѣ въ заботахъ англійскаго правительства.

Необыкновенно странное зрѣлище представляла въ то время европейская дипломатія! Австрія не скрывала, что возстановленіе на Востокѣ *status quo* въ томъ видѣ, какъ было предъ первымъ взрывомъ греческаго возстанія, удовлетворило бы самымъ пламеннымъ ея желаніямъ; Пруссія держалась въ сторонѣ; Англія и Франція дѣйствовали, повидимому, заодно съ Россіей, но въ сущности Россія менѣе всего могла довѣрять этимъ союзникамъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшему изъ нихъ. Цѣль европейскихъ кабинетовъ, очевидно, заключалась въ томъ, чтобы запутать насъ въ безконечные переговоры, всячески препятствуя намъ воспользоваться законнымъ нашимъ вліяніемъ для рѣшенія текущихъ вопросовъ. Къ счастію, сама Турція постаралась вывести Россію изъ этого ложнаго положенія: полагаясь на увѣренія своихъ доброжелателей, что русское правительство ни въ какомъ случаѣ не прибѣгнетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, она не только отказывалась отъ самыхъ необходимыхъ и разумныхъ уступокъ, но продолжала упорствовать въ нарушеніи обязательствъ, возложенныхъ на нее предшествовавшими договорами: она держала свои войска въ Княжествахъ и распоряжалась тамъ произвольно, вопреки всѣмъ существовавшимъ постановленіямъ на этотъ счетъ; она отказывалась признать права Сербіи, выговоренныя для этого княжества по Букарештскому договору; она не хотѣла покончить споры о прибрежныхъ пунктахъ на Черномъ морѣ и дать вознагражденіе за ущербы, понесенные нашею торговлей. Русскому правительству предстоялъ, такимъ образомъ, двоякій выборъ: или примириться съ положеніемъ, которое было создано для него на Востокѣ недоброжелательствомъ Порты и кознями европейскихъ державъ, или же употребить всѣ мѣры, чтобы настоять на своихъ требованіяхъ и возстановить свое законное вліяніе.

Нечего было, конечно, останавливаться на первомъ изъ этихъ предположеній: еслибы Россія допустила его, то утратила бы разомъ все свое обаяніе въ глазахъ народонаселеній, которыя только на нее привыкли постоянно возлагать свои надежды; Греки были бы раздавлены, Турки, обольщенные успѣхомъ, сдѣлались бы еще менѣе сговорчивы относительно русскаго правительства, и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, оно все-таки не избѣгло бы войны, но вынуждено было бы вести эту войну при самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, не имѣя вовсе союзниковъ и давъ возможность укрѣпиться Портѣ. Императоръ Николай возмнѣрился поэтому, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, сообщить энергическое направленіе своей политикѣ. Онъ объявилъ, что въ дѣлѣ (какъ называлось тогда) „умиротворенія Греціи“ онъ не намѣренъ отдѣляться отъ своихъ союзниковъ, но желаетъ покончить, во что бы то ни стало, частные споры между Турціей и Россіей: достаточно было этой угрозы, чтобы заставить одуматься Порту. Она разомъ согласилась выполнить всѣ требованія нашего правительства, и европейская дипломатія предавалась уже радостнымъ надеждамъ, что по минованіи этой бури, главный, существенный вопросъ, отъ котораго зависѣло, казалось, дальнѣйшее независимое существованіе Турціи, сдѣлается попрежнему предметомъ безплодныхъ переговоровъ, депешъ, нотъ, меморандумовъ, — что ничуть не мѣшало бы литься потоками христіанской крови, — какъ вдругъ неожиданное событіе вывело его на новую дорогу. Мы говоримъ о Наваринской катастрофѣ,—объ этой побѣдѣ союзныхъ флотовъ надъ турецкимъ и египетскимъ, горько оплаканной самими побѣдителями, за исключеніемъ лишь Россіи. Турція поспѣшила объявить, что отказывается выполнить условія только что заключеннаго ею съ нами Аккерманскаго договора, и ко всѣмъ прежнимъ оскорбленіямъ присоединила еще новое, издавъ манифестъ, въ которомъ каждая строка дышала непримиримою къ намъ враждой. Предотвратить войну сдѣлалось послѣ этого невозможнымъ.

Всѣ событія, на которыя намекнули мы сейчасъ, даютъ случай г. Розену выразить безъ утайки свой образъ мыслей. Съ грустью говоритъ онъ о „превратной политикѣ (die verkehrte Politik)“ западныхъ державъ,—о томъ странномъ, по его мнѣнію, заблужденіи, которое побудило Англію и Францію

играть въ руку Россіи. Онъ полагаетъ, что изъ всѣхъ европейскихъ государственныхъ людей того времени, только Меттерниxъ, отстаивавшій, какъ извѣстно, до конца интересы Порты, руководился вполнѣ здравыми и ясными принципами; нужно было, по словамъ его, быть крайне близорукимъ, чтобы не видать, что прикрываясь гуманными побужденіями, Россія стремилась въ сущности къ достиженію въ высшей степени практическихъ цѣлей. Но еслибы Россія дѣйствительно преслѣдовала корыстныя и эгоистическія цѣли, то имѣла бы полную возможность осуществить ихъ вслѣдствіе разрыва своего съ Турціей. Напротивъ того, результаты войны 1828 и 1829 годовъ доказали совершенно противное. Начиная эту войну, императоръ Николай объявилъ, что онъ не желаетъ разрушенія Турціи, что единственная цѣль его—принудить Порту къ выполненію лежавшихъ на ней обязательствъ,—и онъ оставался неизмѣнно вѣренъ этому намѣренію. Достаточно было одного слова со стороны русскаго правительства,—и вслѣдъ за побѣдоноснымъ движеніемъ нашихъ войскъ, христіанскія народонаселенія поднялись бы единодушно на защиту своихъ правъ; но слово это не было произнесено нами. Мы поставили себѣ задачей избѣгать всякихъ потрясеній въ предѣлахъ Порты. Милліоны несчастныхъ были убѣждены, особенно подъ вліяніемъ событій, происходившихъ тогда въ Греціи, что мы приносимъ имъ окончательное избавленіе отъ ненавистнаго ига,—а главнѣйшія наши заботы были направлены къ тому, чтобъ избѣгать „революціонныхъ“ средствъ и не возбудить подозрительности Европы! Если когда-либо Турція была близка къ паденію, такъ это именно въ 1829 году, и безпристрастная исторія должна будетъ записать въ свои лѣтописи, что Турція не погибла только потому, что мы заблагоразсудили пощадить ее. Къ чести г. Розена должно сказать, что онъ нисколько не отрицаетъ этой истины: въ то время какъ бо́льшая часть иностранныхъ писателей, говоря о тогдашней войнѣ, прибѣгаютъ къ разглагольствованіямъ, будто бы русская армія находилась въ полнѣйшемъ разстройствѣ, будто бы стоило только Портѣ обнаружить малѣйшее упорство, и побѣда была бы вырвана изъ нашихъ рукъ (въ самое послѣднее время силился доказывать эту нелѣпость, между прочимъ, Гервинусъ),—авторъ разбираемой нами книги сознается, что соображенія, остановившія движеніе впередъ русскихъ войскъ, были „поли-

тическаго, а отнюдь не стратегическаго свойства". „Можно еще было, говоритъ онъ, не приходить въ отчаяніе Туркамъ даже послѣ пораженія при Кулевчи, даже послѣ завоеванія Силистріи и занятія непріятелемъ всей Болгаріи, до тѣхъ поръ пока Шумла казалась неприступною и не были еще перейдены Балканы. Но теперь русская армія появилась за горнымъ хребтомъ, и военныя дѣйствія начались въ области, на которую упомянутая сейчасъ крѣпость не могла имѣть никакого вліянія. Вскорѣ распространилась вѣсть, что побѣдоносный непріятель, преодолѣвая всѣ препоны, приближается ко второй столицѣ имперіи — Адріанополю, гдѣ жители ожидали его съ трепетомъ. Каждый новый курьеръ приносилъ только подтвержденіе понесенныхъ пораженій и неудачъ: правительство убѣдилось, что выставивъ въ Константинополѣ знамя пророка, оно отнюдь не успѣло воодушевить народонаселеніе къ священной войнѣ, и ни для кого не составляло тайны, что у султана нѣтъ уже арміи, нѣтъ резерва. Вскорѣ палъ и Адріанополь. Русскія войска неудержимо подвигались впередъ; впервые страшная опасность угрожала гордой столицѣ Османлисовъ, — и тѣмъ не менѣе ни одна рука не поднялась для ея защиты.... Въ угрюмомъ молчаніи, въ мертвенномъ спокойствіи отчаянія ожидали мусульмане совершенія своихъ судебъ, между тѣмъ какъ христіане, преимущественно Франки, а по примѣру ихъ зажиточные Турки, спѣшили укрыть свои семейства и свои драгоцѣнности въ отдаленныхъ селеніяхъ вдоль Босфора, опасаясь, что султанъ, обуянный духомъ своихъ воинственныхъ предковъ, предпочтетъ лучше удалиться въ Азію чѣмъ признать себя побѣжденнымъ. Но подобное мнѣніе о Махмудѣ было слишкомъ преувеличено".... Паническій страхъ, овладѣвшій Турками, отразился даже на европейскихъ дипломатахъ, находившихся въ Константинополѣ. Они были твердо убѣждены, что пробилъ послѣдній часъ турецкаго владычества. Посланники англійскій и французскій поспѣшили препроводить къ графу Дибичу извѣстную декларацію. „Теперешнія обстоятельства, писали они, возлагаютъ на насъ настоятельную обязанность, отъ выполненія коей мы не можемъ уклониться, а именно, обратить вниманіе вашего сіятельства на неизбѣжныя послѣдствія, которыя могло бы повлечь движеніе императорскихъ войскъ къ Константинополю. Высокая Порта положительно заявила намъ, — и мы не колеблемся подтвер-

дить справедливость означеннаго заявленія,—что въ такомъ случаѣ ея существованіе прекратится (elle cessera d'exister), и что вслѣдствіе прекращенія ея власти страшнѣйшая анархія подвергнетъ самымъ печальнымъ бѣдствіямъ какъ христіанское, такъ и мусульманское народонаселеніе имперіи. Еслибы мы умолчали предъ вами о такомъ положеніи дѣла, то навлекли бы на себя, предъ правительствами нашими, отвѣтственность, объ отстраненіи коей должны заботиться всѣми силами. Мы выполняемъ слѣдовательно свой долгъ, препровождая къ вамъ это посланіе. Отнынѣ будемъ мы лишь стараться оградить, доступными еще для насъ средствами, христіанское народонаселеніе столицы отъ опасностей, которыя ежеминутно висятъ надъ его головой.“ Этотъ протестъ, если можно такъ назвать его, — протестъ, далеко не отличавшійся, какъ могутъ судить читатели, грознымъ тономъ, былъ единственною попыткой остановить движеніе русскихъ войскъ. Не онъ, конечно, воспрепятствовалъ появленію ихъ предъ стѣнами Константинополя. Россія не нанесла рѣшительнаго удара Турціи единственно потому, что сама не хотѣла нанести его. Она доказала это не только тѣмъ, что согласилась прекратить войну и начала мирные переговоры среди самыхъ блестящихъ успѣховъ своего оружія, но доказала преимущественно Адріанопольскимъ трактатомъ, который вызвалъ такіе вопли въ Европѣ. Перечитывая 17 статей, изъ коихъ состоитъ этотъ трактатъ, трудно усмотрѣть, какія матеріальныя выгоды извлекла она для себя за столько тяжкихъ пожертвованій и усилій: не тѣ ли, что удержала за собой нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ на Черномъ морѣ между Анапой и Поти? не тѣ ли, что достигла ничтожнаго исправленія своей границы со стороны Малой Азіи? Англійское правительство старалось, правда, увѣрить, что области, удержанныя здѣсь Россіей, хотя и незначительны по пространству, имѣютъ большую важность въ стратегическомъ отношеніи, ибо могутъ служить ключомъ къ сосѣднимъ провинціямъ Персіи, но графъ Нессельроде, въ знаменитой депешѣ своей отъ 21-го января 1830 года, доказалъ, что области, о коихъ идетъ рѣчь, необходимы Россіи отнюдь не для нападенія, но единственно для обороны. „Оттуда, говоритъ онъ, безпрерывно угрожали намъ доселѣ нападеніемъ. Мы сохранили за собой эти пункты, чтобъ огра-

дить нашу безопасность на будущее время,—мы сохранили ихъ вовсе не затѣмъ, чтобъ открыть себѣ путь въ Константинополь или Тегеранъ, но единственно съ цѣлью защитить отъ вторженій наши собственные предѣлы.“ Англійское правительство ставило намъ въ вину, что мы овладѣли островами на Дунаѣ, но острововъ этихъ было всего только два, они были объявлены нейтральными и къ тому же долженствовали оставаться незаселенными: неужели Россія не имѣла права учредить тамъ свои карантины, послѣ того какъ они служили постояннымъ притономъ для разбойничьихъ шаекъ, которыя заносили туда чуму? Сильное негодованіе возбуждено было также требованіемъ Россіи, чтобы Порта выплатила военныя издержки, но императоръ Николай добровольно отказался въ послѣдствіи отъ громадной части этой суммы: самъ г. Розенъ, считающій вообще Андріанопольскій трактатъ послѣднимъ словомъ въ высшей степени макіавелистической будто бы политики, долженъ сознаться, что Россія обнаружила въ этомъ случаѣ „дѣйствительно неслыханное великодушіе“ (wahrhaft unerhörte Grossmuth). Наконецъ послѣднее обстоятельство: Россію упрекали въ жаждѣ къ пріобрѣтеніямъ, а между тѣмъ мы отказались отъ Молдавіи, которую сама Порта предлагала намъ безъ всякихъ домогательствъ съ нашей стороны, — отказались единственно потому, что (какъ выразился графъ Нессельродъ) „интересы первостепенной важности воспрещали намъ всякія завоеванія: мы объявили, что не хотимъ разрушенія Турецкой имперіи, и желали остаться вѣрны этому заявленію....“ Повторимъ еще разъ: стóитъ только просмотрѣть статьи Адріанопольскаго трактата, чтобъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ были добросовѣстны всѣ вопли о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи.

Не отрицаемъ, впрочемъ, что въ трактатѣ этомъ была статья, долженствовавшая раздражить до крайности европейскіе кабинеты: 10 статья его гласила именно, что Порта обязана подчиниться безусловно тому рѣшенію, которое было постановлено союзными державами относительно Греціи. Россія искупила такимъ образомъ своею кровью освобожденіе Грековъ, а нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы не принесла она этой жертвы, то греческій вопросъ затянулся бы въ безплодныхъ и безвыходныхъ переговорахъ до той поры, когда несчастная нація, истощивъ весь запасъ

своей энергіи, вынуждена была бы сложить оружіе на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Но какой ударъ европейской дипломатіи! Всѣми силами старалась она уладить вопросъ прежде чѣмъ окончится война, — и не успѣла въ этомъ; постоянно стремилась захватить его въ свои руки и видѣла теперь, что честь его разрѣшенія принадлежитъ главнымъ образомъ Россіи. Очутившись въ такомъ незавидномъ положеніи, европейская дипломатія рѣшилась поправить дѣло отчаяннымъ средствомъ: прежде шла рѣчь лишь о томъ, чтобы создать для Греціи политическое устройство въ родѣ того, которымъ, напримѣръ, пользуется Сербія: теперь Англія первая возвысила голосъ въ пользу полной независимости для этой страны, но независимости, ограниченной такими предѣлами, при которыхъ Греція осуждена была влачить самое печальное существованіе. Тщетно настаивало русское правительство, чтобы были присоединены къ ней острова,—и въ томъ числѣ Критъ, который въ настоящую минуту, спустя сорокъ лѣтъ, возобновилъ свои геройскія усилія прежняго времени.

Вотъ каковъ былъ исходъ войны 1828 и 1829 годовъ. Россію обвиняли въ корыстныхъ замыслахъ, и она не сдѣлала никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ, пріобрѣтеній; Россіи ставили въ укоръ, что она прикрывается симпатіями къ христіанамъ для достиженія совершенно постороннихъ цѣлей, а между тѣмъ Греція была обязана намъ своимъ освобожденіемъ; благодаря намъ же, была обезпечена автономія Дунайскихъ Княжествъ, и Сербія пріобрѣла то самостоятельное политическое положеніе, которымъ она пользуется теперь. Въ отвѣтъ своимъ недоброжелателямъ Россіи стоило только указать на эти краснорѣчивые факты.... Но несмотря ни на что, Адріанопольскій трактатъ возбудилъ страшную тревогу. Легкость, съ которою русскія войска очутились подъ стѣнами самого Константинополя, поразительное безсиліе, обнаруженное Портой, не давали покоя европейскимъ дипломатамъ. Въ самомъ началѣ войны они ласкали себя надеждой, что война эта будетъ не по силамъ Россіи; они возлагали твердыя упованія на реформы, произведенныя Махмудомъ, и теперь пришлось убѣдиться, что реформы эти оказались совершенно безсильными чтобы спасти Турцію. Не лишнимъ будетъ сказать о нихъ здѣсь нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе что авторъ раз-

бираемой нами книги придаетъ имъ, какъ уже было замѣчено нами выше, весьма важное значеніе. Султанъ Махмудъ выполнилъ мѣру, которая давно уже составляла предметъ его страстныхъ помысловъ и желаній: въ виду повсемѣстнаго распаденія его государства, пораженный неудачами, которыя пришлось ему испытать въ борьбѣ какъ съ внутренними, такъ и съ внѣшними врагами, онъ убѣдился, что можно помочь злу однимъ только средствомъ, а именно: привить къ Турціи европейскіе порядки и прежде всего преобразовать армію на европейскій образецъ. Но для этого нужно было преодолѣть громадныя затрудненія: нужно было сломить старинную организацію янычаръ, которые были не только политическимъ учрежденіемъ, ибо на нихъ, въ теченіе вѣковъ, опирались главныя силы Оттоманской имперіи, но и учрежденіемъ религіознымъ, ибо янычары выдавали себя за самыхъ ревностныхъ защитниковъ ислама, и расположеніе къ нимъ мусульманскаго духовенства вполнѣ оправдывало эти притязанія. Мы знаемъ, что Махмудъ достигъ своей цѣли самыми жестокими, безчеловѣчными средствами, которыя упрочили за нимъ названіе „кровопроливца“. Онъ самъ и его приверженцы были убѣждены, что переворотъ, о которомъ идетъ рѣчь, открываетъ собой новую эпоху для политическаго существованія Турціи. „Какъ долго продолжалась революція во Франціи? спросилъ одинъ изъ министровъ султана французскаго драгомана, Дегранжа, и на отвѣтъ его, что болѣе двадцати-пяти лѣтъ, сказалъ: Ну, такъ напишите же въ Парижъ, что у насъ политическій переворотъ окончился въ двадцать три минуты.“ Политическіе люди въ Европѣ, извѣстные своими симпатіями къ Турціи, возлагали также большія надежды на упомянутое событіе, но еслибъ они захотѣли внимательно углубиться въ него, то уже съ самаго начала могли бы замѣтить поразительныя явленія, которыя показывали, до какой степени несбыточны ихъ разчеты. Правда, янычары представляли собой самую безпорядочную вольницу, ихъ своеволіе, неистовства превосходили всякую мѣру и обрушались часто не на христіанъ только, но и на мусульманское народонаселеніе: тѣмъ не менѣе мусульмане смотрѣли на нихъ съ непритворнымъ сочувствіемъ. Г. Розенъ весьма вѣрно объясняетъ, въ нѣсколькихъ словахъ, причину этого, повидимому, страннаго явленія: „Если янычары, говоритъ онъ, покрыли себя стыдомъ

во время войны, если въ самой столицѣ были они язвой для всѣхъ жителей, то все-таки они одни служили опорой для низшихъ классовъ мусульманскаго населенія противъ безпощаднаго произвола власти, которой, кромѣ дѣйствительныхъ ея злоупотребленій, приписывали всевозможныя бѣдствія, какъ, напримѣръ, неурожай, голодъ, чуму, пожары. Какъ много ни страдали частныя лица отъ своеволія янычаръ, тиранніи ихъ была несравненно симпатичнѣе массѣ народа чѣмъ жестокости и насилія правительства: и теперь естественно возникалъ вопросъ, чего нужно ожидать въ будущемъ, когда пала эта единственная опора бѣдныхъ, это страшилище сильныхъ?...“ Негодованіе и ропотъ мусульманскаго народонаселенія по поводу уничтоженія янычаръ были такъ сильны, что принудили турецкое правительство прибѣгнуть къ самымъ варварскимъ мѣрамъ преслѣдованія. Вскорѣ появился султанскій фирманъ, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующія характеристическія строки: „Отнынѣ шпіоны, въ одѣяніи, въ которомъ рѣшительно нельзя будетъ узнать ихъ, будутъ посѣщать различныя части города, а также женщины, не менѣе искусно переодѣтыя, будутъ проникать въ частные дома, публичныя бани и подслушивать разговоры. Если кто-нибудь, мущины или женщины, большіе или малые, дерзнутъ распространять ложные слухи или держать возмутительныя рѣчи, то немедленно подвергнутся аресту; никакой пощады, никакого помилованія не могутъ они ожидать для себя; никакая протекція не оградитъ ихъ; никакія просьбы и мольбы не будутъ выслушаны. Мущинъ повелѣвается казнить немедленно и на самомъ мѣстѣ преступленія, женщины будутъ задушены и брошены въ море....“ Мусульманское народонаселеніе не видало для себя, такимъ образомъ, отъ уничтоженія янычаръ ничего кромѣ увеличенія жестокостей и преслѣдованій; оно не въ силахъ было понять и еще менѣе было въ силахъ усвоить себѣ европейскіе порядки. Самъ Махмудъ понималъ ихъ не лучше своихъ подданныхъ: европейская цивилизація, европейское благоустройство было у него и его совѣтниковъ постоянно на языкѣ, но истинное значеніе этихъ словъ оставалось непонятнымъ; ихъ прельщала форма, а не содержаніе, внѣшность, а не сущность дѣла: „il commence par la queue“, говорили о султанѣ европейскіе дипломаты Перы. Махмудъ далъ арміи и чиновникамъ одежду приближавшуюся къ

европейской; съ какою-то страстію, доходившею до ребячества, издѣвался онъ, во имя будто бы цивилизаціи, надъ всѣми обычаями и вѣрованіями своихъ соотечественниковъ. Коранъ воспрещалъ магометанамъ употребленіе вина,—онъ предавался крѣпкимъ напиткамъ до изступленія, и извѣстно, что этотъ несчастный порокъ свелъ его въ могилу; ничѣмъ нельзя было такъ угодить ему, какъ слѣдуя въ этомъ случаѣ его примѣру; отъ времени до времени появлялись фирманы, навѣянные вліяніемъ „невѣрнаго“ Запада, свидѣтельствовавшіе лишь о томъ, какъ мало истинный смыслъ европейской цивилизаціи былъ доступенъ турецкому правительству: такъ, напримѣръ, султанъ отмѣнялъ навсегда конфискацію и, между тѣмъ, не могъ обуздать свое корыстолюбіе всякій разъ, какъ попадался въ его руки Еврей или христіанинъ, обладавшій значительнымъ состояніемъ; хотѣлъ возвысить земледѣліе, призывалъ изъ Англіи хлѣбопашцевъ и не дѣлалъ въ то же время ничего, чтобъ обезпечить неприкосновенность частной собственности. Масса народа попрежнему грязла въ грубѣйшемъ фатализмѣ, попрежнему многоженство процвѣтало въ средѣ мусульманъ, попрежнему сохранили они въ характерѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ своихъ всѣ черты, дѣлающія ихъ неспособными къ воспріятію европейской цивилизаціи. Гдѣ же вліяніе реформъ, задуманныхъ Махмудомъ? Не ясно ли, что реформы эти не только не говорили ничего въ пользу Турокъ, но напротивъ обнаружили несомнѣннымъ образомъ, какая глубокая, непроходимая бездна лежитъ между ними и Европой? И намъ не остается ничего болѣе, какъ пожать плечами, когда мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Розена слѣдующія разсужденія: „Когда Махмудъ сошелъ въ могилу, солнце новаго порядка вещей стояло уже высоко на горизонтѣ Турціи.... Дѣло, задуманное имъ, живетъ и не перестанетъ жить до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Турецкое государство. Потомство должно судить о немъ не по тому, что̀ онъ совершилъ, а потому, что̀ онъ началъ и къ чему стремился, и съ этой точки зрѣнія онъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ личностямъ.... Махмудъ былъ основателемъ новаго порядка вещей въ Турціи, подобно тому какъ Петръ Великій, съ которымъ любилъ онъ себя сравнивать, былъ созидателемъ новаго порядка въ Россіи, и если по успѣхамъ, достигнутымъ имъ, стоитъ онъ несравненно

ниже этого реформатора, то причину того должно искать не въ свойствахъ его духа и характера, а въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя заставили его искупать двухсотлѣтнія правительственныя прегрѣшенія его предшественниковъ....“

Мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать еще одного мѣста изъ книги г. Розена, гдѣ онъ говоритъ о значеніи войны 1828 и 1829 годовъ для внутренняго состоянія Турціи: „хотя уничтоженіемъ янычаръ реформа одержала побѣду, но то была побѣда грубой силы, то было *ôte-toi afin que je m'y mette* въ средѣ варварскаго міра; нравы и понятія этого міра нисколько не были затронуты переворотомъ. Русскіе штыки внесли свѣтъ европейскаго просвѣщенія въ самое сердце Турціи; султанъ, его сановники, все мусульманское народонаселеніе преклонились, хотя вначалѣ и неохотно, предъ этимъ свѣтомъ и вскорѣ принуждены были привѣтствовать съ радостью тотъ день, когда разсѣялись сумерки. Турки узрѣли, подобно Адаму, свою наготу и устыдились ея; христіанскіе народы, хотя все еще считавшіеся презрѣнными гяурами, сдѣлались ихъ образцами и учителями; варварское обращеніе съ человѣческою жизнью, умерщвленіе безъ разбору виновныхъ и невиновныхъ прекратилось разомъ, словомъ, произошло превращеніе Порты въ новое государство (?), способное занять мѣсто въ современной Европѣ. Конечно, при заключеніи Адріанопольскаго мира Россія имѣла въ виду только *свой* интересъ, но и Турція, несмотря на послѣдующіе годы слабости и униженія, извлекла для себя изъ всего этого много пользы, такъ что она не въ состояніи была жаловаться. Если, какъ скоро открытъ былъ путь къ реформамъ, та же самая степень культуры могла бы быть достигнута и не вслѣдствіе русскихъ побѣдъ, то во всякомъ случаѣ развитіе шло бы крайне медленно, и волны событій унесли бы Турецкую имперію прежде чѣмъ достигла она безопаснаго убѣжища, то-есть допущенія въ среду европейскихъ государствъ. Исключить Порту изъ этого европейскаго союза,—вотъ къ чему были направлены всѣ стремленія Петербургскаго кабинета, но страшные удары, которые онъ наносилъ ей, вмѣсто того чтобы разрушить ее, только раздробляли кору ея средневѣковаго быта.“

Мы полагаемъ что эти выписки достаточно поясняютъ взглядъ нашего автора: онъ вѣритъ, что мусульманская

Турція могла переродиться совершенно; въ глазахъ его эта трудная задача перерожденія уже началась для нея, и только въ Россіи встрѣтила она своего главнаго и даже единственнаго противника. Въ то время какъ всѣ европейскія державы старались укрѣпить Порту на пути, на который она выступила, русское правительство, преслѣдуя свои честолюбивыя цѣли, постоянно стремилось-де запутать ее и создавать для нея новыя затрудненія. Таково воззрѣніе г. Розена, и мы увидимъ сейчасъ, въ какой мѣрѣ подтверждается оно фактами.

II.

Послѣ Адріанопольскаго мира произошли въ Европѣ событія, сильно отразившіяся на политикѣ нашего отечества по Восточному вопросу и сообщившія этой политикѣ характеръ, которому она оставалась неизмѣнно вѣрною въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Изъ европейскихъ державъ, Франція менѣе всѣхъ другихъ имѣла причины соперничать съ нами на Востокѣ; интересы обоихъ государствъ не представляли тамъ ничего враждебнаго, и это обнаружилось вполнѣ ясно во время войны 1828 и 1829 годовъ, когда Тюльерійскій кабинетъ оказалъ намъ существенныя услуги, устранивъ возможность коалиціи противъ Россіи. Эти добрыя отношенія наши къ Франціи подверглись коренной перемѣнѣ вслѣдствіе польской революціи. Система нашихъ международныхъ отношеній получила совершенно иное направленіе. Подъ вліяніемъ несчастныхъ идей Священнаго Союза, мы считали, болѣе чѣмъ когда-нибудь, своимъ долгомъ служить опорой консервативной политики въ Европѣ; всѣ наши заботы и усилія сосредоточились исключительно на этой цѣли; въ прежнее время по многимъ, и самымъ существеннымъ для насъ вопросамъ, мы дѣйствовали заодно съ Франціей: теперь Франція, являвшаяся въ нашихъ глазахъ представительницей революціоннаго начала, не могла никакимъ образомъ разчитывать на расположеніе съ нашей стороны. Чѣмъ болѣе ослаблялась наша связь съ нею, тѣмъ прочнѣе укрѣплялись узы, которыя соединяли Россію съ германскими державами. Пруссія долженствовала стоять стражемъ противъ либеральнаго движенія со стороны Бельгіи и Рейна; Австрія служила оплотомъ противъ него со стороны Италіи и Швейцаріи; наконецъ сама Россія, всегда готовая явиться на помощь, своимъ союзникамъ охраняла спокойствіе на Востокѣ:

роли распредѣлены были, повидимому, равномѣрно, но роль русскаго правительства была во всемъ этомъ особенно тягостна. Она употребляла невѣроятныя усилія для поддержанія союза и вмѣстѣ съ тѣмъ не извлекала изъ него ни малѣйшей для себя выгоды. Пруссія, вопервыхъ, разъединенная своимъ вѣковымъ соперничествомъ съ Австріей, не могла слѣдовать строго консервативной политикѣ, не ослабивъ этимъ самымъ своего положенія въ Германіи, гдѣ опирались на нее всѣ патріотическія стремленія, гдѣ все, что̀ жило мыслью объ объединеніи германскаго отечества, о политической свободѣ, религіозной вѣротерпимости, обращалось исключительно къ ней съ своими упованіями и надеждами. Въ Россіи, бывшей душой союза, о коемъ идетъ рѣчь, прусское или, лучше сказать, германское общество, видѣло главную помѣху для осуществленія своихъ стремленій, и отсюда непримиримая къ ней ненависть, плоды которой достаточно обнаружились въ послѣдующее время. Что касается Австрія, консервативный союзъ приносилъ ей существенную пользу: только опираясь на него, могла она сохранить свое преобладающее положеніе въ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать свое владычество на Италіянскомъ полуостровѣ: замѣчаніе это до такой степени справедливо, что прошло лишь десять лѣтъ какъ рушилась ея связь съ Россіей, и она утратила разомъ и то, и другое. Но пользуясь этимъ въ высшей степени выгоднымъ положеніемъ, Австрія безпрерывно требовала отъ насъ новыхъ и самыхъ тяжкихъ жертвъ: событія двадцатыхъ годовъ представили убѣдительное доказательство, что интересы ея на Востокѣ находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами Россіи, и союзъ нашъ съ нею могъ существовать подъ тѣмъ лишь условіемъ, если мы забудемъ о тѣхъ преданіяхъ и принципахъ, которыми постоянно руководилась наша политика въ Восточномъ вопросѣ. Сохраненіе неприкосновенности Оттоманской имперіи, поддержаніе строгаго status quo въ ея предѣлахъ, открытое порицаніе всякихъ движеній въ средѣ христіанскихъ племенъ, надъ которыми тяготѣло ненавистное иго—вотъ чего требовала отъ насъ Австрія, и мы принесли ей эту жертву въ видахъ того отвлеченнаго принципа, который служилъ руководящею нитью для нашихъ дѣйствій. Ради него, ради этого принципа, разорвали мы связь съ Франціей, съ которою не имѣли причины сталкиваться, и взамѣнъ того отнюдь не пріобрѣли возможности положиться вполнѣ на

германскихъ нашихъ союзниковъ, ибо съ ними были у насъ естественные поводы къ столкновенію; мы принудили правительство Лудовика-Филиппа броситься въ объятія Англіи и такимъ образомъ подготовили сами союзъ двухъ западныхъ державъ; мы возстановили, наконецъ, противъ себя общественное мнѣніе въ Европѣ, которое обвиняло насъ во враждебномъ отношеніи ко всякому прогрессу, ко всякому движенію впередъ.... Результаты этой политики обнаружились самымъ печальнымъ для насъ образомъ во время войны 1853 года, но они начали выясняться мало-по-малу еще гораздо прежде.

Начиная съ Адріанопольскаго мира, въ теченіи болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ, не замѣчаемъ мы почти ни малѣйшаго движенія въ средѣ христіанскихъ племенъ Востока. Правда, никогда еще Константинополь не служилъ ареной такихъ многообразныхъ дипломатическихъ интригъ, никогда европейскія державы не прибѣгали къ такимъ ревностнымъ усиліямъ, чтобъ упрочить тамъ свое вліяніе, но собственно для христіанъ не проистекало отъ этого ни малѣйшей пользы. Съ рѣдкимъ смиреніемъ покорились они своей участи и какъ будто утратили надежду на всякую благопріятную перемѣну въ ней. Обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что національныя стремленія упомянутыхъ племенъ еще недостаточно созрѣли въ то время, не пришли къ ясному сознанію, но намъ кажется, что было бы несравненно справедливѣе искать разгадку въ той политической системѣ, которую усвоили относительно восточныхъ христіанъ европейскія державы. Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія Сербы, и затѣмъ позднѣе Греки обрѣли въ себѣ достаточный запасъ энергіи и геройства, чтобы вступить въ борьбу съ своими вѣковыми притѣснителями: чѣмъ же объяснить тогдашнее одушевленіе и теперешнюю апатію? Мы полагаемъ, что причина этой кажущейся, невольной апатіи христіанскихъ народонаселеній лежала въ твердомъ ихъ сознаніи, что времена, наступившія послѣ Адріанопольскаго мира, не представляютъ для нихъ ничего благопріятнаго, что имъ нечего разчитывать на Европу, и что Европа отнесется, напротивъ, непріязненно ко всякому движенію въ ихъ средѣ. А между тѣмъ обстоятельства были такого рода, что какъ бы нарочно вызывали ихъ инціативу....

Дѣло въ томъ, что процессъ разложенія въ предѣлахъ

Оттоманской имперіи принималъ все большіе и большіе размѣры. Едва успѣвала она залѣчить одну рану, какъ уже вскрывалась другая: не успѣла еще она оправиться отъ войны, совершенно истощившей ея средства и принудившей ее признать независимое существованіе Греческаго королевства, и вотъ возникала новая, столь же страшная опасность, которая угрожала ей въ нѣдрахъ самого мусульманскаго міра. Мы говоримъ о борьбѣ Турціи съ египетскимъ пашой, Мегметомъ-Али: не станемъ разказывать ее въ подробностяхъ, а замѣтимъ только, что если читатели захотятъ ознакомиться со всѣми событіями, относящимися до нея, то пусть обратятся къ г. Розену, который посвятилъ ей значительную часть своего сочиненія. Мегметъ-Али былъ тоже реформаторомъ на восточный образецъ, но реформаторомъ гораздо болѣе счастливымъ чѣмъ султанъ Махмудъ. Возвысившись изъ ничтожества до обладанія Египтомъ, онъ обнаружилъ замѣчательные таланты, оставаясь въ то же время совершеннымъ варваромъ. Уже тотъ способъ, которымъ въ самомъ началѣ своего правленія отдѣлался онъ отъ Мамелюковъ,—извѣстно, что онъ пригласилъ ихъ для совѣщанія и умертвилъ измѣннническимъ образомъ,—доказывалъ, что Мегметъ-Али не былъ разборчивъ на средства: явное вѣроломство, обманъ, безчеловѣчныя жестокости, все было для него одинаково хорошо, лишь бы вело къ цѣли. Онъ первый рѣшился сформировать свою армію по-европейски: сначала прибѣгнулъ онъ къ наемникамъ, но когда наемники взбунтовались, и ворвавшись во дворецъ, чуть не умертвили его самого, онъ поспѣшилъ замѣнить ихъ египетскими феллахами. Успѣхъ оказался весьма удовлетворительный. У Мегмета-Али была хорошо обученная и дисциплинованная армія въ то время, когда султанъ Махмудъ еще только обдумывалъ средства уничтожить янычаръ. Но этого мало. Египетскій паша понималъ, что сила не въ одномъ войскѣ, что она также въ деньгахъ,—и всѣ его заботы были направлены къ тому чтобы копить и пріобрѣтать деньги какими бы то ни было путями. Онъ объявилъ почти всѣ продукты, предназначавшіеся для вывоза: хлопокъ, ленъ, пеньку, индиго и т. д., исключительно своею монополіей; онъ не задумался даже присвоить себѣ почти всю поземельную собственность въ Египтѣ; особенная коммиссія назначена была съ цѣлью разсмотрѣть права на эту собствен-

ность ея владѣльцевъ, а такъ какъ у большей части ихъ не оказалось письменныхъ документовъ, то они превратились въ фермеровъ паши; налоги и подати возрастали ежегодно въ огромныхъ размѣрахъ. И Мегметъ-Али достигъ цѣли: онъ былъ богатъ, хотя народонаселеніе его страны и было доведено до послѣдней степени нищеты и раззоренія; оно переходило толпами въ сосѣднія области, преимущественно въ Сирію, чтобы только укрыться отъ грабежа, гоненій и невыносимо тяжкой военной службы. А между тѣмъ около Мегмета-Али вращалось множество иностранцевъ, главнымъ образомъ Французовъ,—которые дивились его мудрости, восхваляли его страсть къ нововведеніямъ, считали его проводникомъ европейской цивилизаціи на Востокѣ, словомъ, расточали ему тѣ же самыя похвалы, которыя доставались когда-то на долю другаго варвара въ этомъ же родѣ—Али, паши янинскаго. „Подобно тому какъ Мегметъ,— писалъ о немъ одинъ путешественникъ, умѣвшій смотрѣть на дѣло здравыми глазами,— соединяетъ въ своей особѣ государя, совѣтъ министровъ, сенатъ, главнокомандующаго на сушѣ и на морѣ, словомъ, все возможное, точно также его фаворитъ, Армянинъ родомъ, исправляетъ одновременно должности министра, камердинера, судьи, начальника войска и т. д. Вице-король диктуетъ или отдаетъ ему на словахъ свои приказанія, и когда въ жару разговора онъ вскакиваетъ и мечется по комнатѣ, то фаворитъ усердно бѣгаетъ вслѣдъ за нимъ, поправляетъ ему туфли и смотритъ, чтобы сабля его не зацѣпилась какъ-нибудь за мебель....“

Сынъ Мегмета и главнокомандующій его войскъ, Ибрагимъ-паша, отличался большою храбростью, но былъ человѣкъ совершенно ничтожный въ политическомъ отношеніи. Всѣ недостатки отца были развиты въ немъ въ высшей степени: скупость его доходила до скряжничества, самые жестокіе приговоры изрекалъ онъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ человѣкъ, наводившій ужасъ на своихъ подчиненныхъ, дрожалъ какъ ребенокъ предъ гнѣвнымъ взглядомъ престарѣлаго Мегмета-Али. Въ *Мемуарахъ* г. Гизо находимъ слѣдующій разказъ: „Г. Лавалеттъ писалъ мнѣ, говоритъ Гизо, что когда въ 1844 году египетскій паша покинулъ внезапно, въ припадкѣ гнѣва, Александрію, угрожая примѣрнымъ наказаніемъ всѣмъ, кто остался въ этомъ городѣ, то Ибрагимъ, не чувствовавшій отъ страха

головы на своихъ плечахъ, горько плакалъ по цѣлымъ днямъ. Я знаю, говорилъ онъ, что отецъ раздраженъ противъ меня болѣе чѣмъ противъ другихъ, а между тѣмъ, въ чемъ можетъ онъ упрекать меня? Развѣ я не повиновался ему слѣпо въ теченіе всей своей жизни? Когда я командовалъ войскомъ, то несмотря даже на болѣзнь, ни разу не просился въ отпускъ болѣе чѣмъ на двадцать четыре часа; для него я сдѣлался даже палачомъ.... Ибрагимъ разказалъ при этомъ г. Лавалетту, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ у отца его былъ министромъ финансовъ какой-то Коптъ, страшный грабитель, но которому Мегметъ-Али продолжалъ вѣрить, несмотря на многочисленные доносы на него. Однажды этотъ Коптъ вошелъ въ палатку Ибрагима, который командовалъ лагеремъ въ окрестностяхъ Каира, и подалъ ему запечатанное письмо отъ паши. Ибрагимъ прочелъ письмо, перечелъ еще разъ, спокойно взялъ со стола пистолетъ и размозжилъ голову несчастному министру финансовъ. Въ письмѣ находились только эти слова: „Убей мнѣ собственною рукой эту собаку.“ До такой степени безусловное повиновеніе отцу входило въ характеръ Ибрагима....“ Впрочемъ, если самъ онъ былъ лишенъ всякой силы начинанія, то, съ другой стороны, трудно было бы, конечно, Мегмету-Али найдти болѣе вѣрнаго и готоваго на всякое самопожертвованіе исполнителя своихъ предначертаній.

Франція находилась въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ египетскому пашѣ. Нѣтъ ничего понятнѣе этого съ ея точки зрѣнія: Франція хотѣла упрочить свое вліяніе въ Египтѣ, чтобы господствовать на Средиземномъ морѣ; ея капиталы находили выгодное помѣщеніе въ этой странѣ. Но не легко понять тѣ соображенія, какія въ послѣдствіи, во время разгрома, нанесеннаго Турціи войсками паши, побуждали французскихъ ораторовъ и публицистовъ выражать пламенное желаніе, чтобы власть его распространилась на Востокѣ, въ странной надеждѣ, будто бы онъ будетъ въ состояніи оживить свѣжими силами одряхлѣвшее тѣло Оттоманской имперіи. Еслибы Мегметъ одержалъ верхъ, то одно варварство было бы замѣнено другимъ,—вотъ и все: ни болѣе ни менѣе. Побѣды Мегмета-Али свидѣтельствовали только о крайнемъ безсиліи и разложеніи Турціи; онѣ не говорили рѣшительно ничего въ пользу мнимаго могущества Египта.

Самъ онъ, начиная войну, нисколько не разчитывалъ, впро-

чемъ, на блестящіе успѣхи, достигнутые имъ съ такою поразительною легкостью. Все честолюбіе его ограничивалось сперва тѣмъ, чтобы низвергнуть одного изъ сирійскихъ намѣстниковъ—Абдаллу-пашу (Сирія раздѣлена была на четыре пашалыка: Дамаскъ, Алеппо, Адану и С.-Жанъ-д'Акръ; Абдалла владѣлъ послѣднимъ изъ нихъ). Но Порта давно уже опасалась замысловъ своего египетскаго намѣстника, она подозрѣвала, что онъ стремится къ полной независимости, и рѣшилась принять противъ него энергическія мѣры. Лишь только войска Ибрагима, сына Мегмета-Али, появились предъ стѣнами Акры, султанъ Махмудъ двинулъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій, подъ предводительствомъ Гуссейна, прославившагося истребленіемъ янычаръ, свою шестидесятитысячную армію, получившую уже европейскую организацію, составлявшую его славу и гордость. Въ виду опасности, Ибрагимъ употребилъ чрезвычайныя усилія чтобъ овладѣть осажденною крѣпостью и дѣйствительно взялъ ее штурмомъ: затѣмъ, не теряя времени, поспѣшилъ на встрѣчу турецкому военноначальнику. Въ битвѣ при Гомсѣ нанесъ онъ Гуссейну рѣшительное пораженіе. Вся Сирія очутилась въ его рукахъ, хребетъ Тавра не могъ остановить его, и онъ очутился въ равнинахъ Малой Азіи. Вмѣсто Гуссейна, противникомъ его явился теперь Решидъ-паша, составившій себѣ репутацію въ войнѣ съ Греками: новый полководецъ сошелся съ Ибрагимомъ при Коніи. Дѣло происходило въ декабрѣ. Густой туманъ покрывалъ равнину, гдѣ долженствовала произойдти рѣшительная борьба между Турками и Египтянами, снѣгъ валилъ хлопьями цѣлый день и не позволялъ различать даже предметы, находившіеся въ самомъ близкомъ разстояніи; при самомъ началѣ сраженія Решидъ-паша, желавшій осмотрѣть позицію, заѣхалъ далеко за аванпосты и попался въ плѣнъ непріятелю. Турецкія войска, лишенные предводителя, сопротивлялись довольно долго, но все-таки дѣло кончилось тѣмъ, что страшное замѣшательство обнаружилось въ ихъ рядахъ, и они обратились въ бѣгство....

Понятно отчаяніе, съ которымъ было принято извѣстіе объ этомъ пораженіи въ Константинополѣ. Арміи не существовало, лучшій полководецъ султана находился въ плѣну, и ничто не могло воспрепятствовать отнынѣ движенію непріятеля къ самому Босфору. Хуже всего было сознаніе,

что этотъ ударъ вызванъ былъ вовсе не какими-либо случайными промахами и неудачами, а обнаружилъ, напротивъ, всю глубину зла, которымъ заражено было безобразное устройство Оттоманской имперіи, ибо повсюду, гдѣ ни появлялись войска Мегмета-Али, мусульманское народонаселеніе принимало ихъ съ восторгомъ, какъ освободителей отъ ненавистнаго ига. Сознавая невозможность спасти себя отъ бѣды собственными средствами, Порта естественно должна была подумать о чужеземной помощи. Но къ кому было обратиться за нею? Изъ всѣхъ европейскихъ державъ, Англія оказывала ей всегда самое ревностное покровительство, но на этотъ разъ Англія рѣшилась уклониться отъ вооруженнаго вмѣшательства въ восточныя дѣла и предлагала только свое нравственное содѣйствіе. А какая могла быть польза въ этомъ нравственномъ содѣйствіи? Могло ли оно остановить появленіе Ибрагима-паши предъ Константинополемъ? Если нельзя было разчитывать на Англію, то еще труднѣе было помышлять о Франціи, которая, вслѣдствіе извѣстнаго своего расположенія къ Мегмету-Али, явилась бы далеко не безпристрастною посредницей въ этомъ спорѣ. Погибель казалась неизбѣжною....

Въ эту-то критическую минуту явилась Турціи помощь съ той стороны, откуда она никакимъ образомъ не имѣла бы, казалось, права ожидать ее, а именно, со стороны Россіи. Обстоятельство въ высшей степени странное, и мы понимаемъ, что оно должно было сильно поразить западныя державы, которыя никакъ не могли составить себѣ ясное понятіе о немъ, съ какой точки ни разсматривали его. Если Россія, согласно ходячимъ о ней мнѣніямъ, одушевляема была честолюбивыми замыслами, если она стремилась распространить свои предѣлы насчетъ Турціи, то что̀ заставляло ее препятствовать неизбѣжному, повидимому, распаденію Турецкой имперіи? Если же Россія не имѣла въ виду ничего другаго, кромѣ благосостоянія и независимости близкихъ ей по крови и духу христіанскихъ племенъ, то опять-таки какія соображенія побуждали ее поддерживать ненавистное мусульманское владычество? Для всякаго было ясно, что христіане не иначе какъ съ тяжелымъ и грустнымъ чувствомъ должны были смотрѣть на появленіе русскаго флага подъ стѣнами Константинополя, этого флага, который столько разъ служилъ для нихъ предвѣстникомъ свободы, а

теперь прикрывалъ собою нераздѣльность и цѣлость владѣній султана.... Западные публицисты и государственные люди прибѣгали къ самымъ хитрымъ предположеніямъ, въ которыхъ главную роль играли, разумѣется, коварные замыслы русскаго правительства, между тѣмъ какъ дѣло объяснялось гораздо проще. Можно было возражать противъ событія, о которомъ идетъ рѣчь, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, можно было усомниться, согласуется ли оно съ нашею національною политикой, но относительно западной Европы оно было безупречно. Мы уже упомянули, что императоръ Николай, руководимый мыслью объ охраненіи спокойствія и установленнаго порядка вещей, простиралъ эту заботливость не на Западъ только, но и на Востокъ; онъ былъ твердо убѣжденъ, что и съ этой стороны нужно препятствовать всякому перевороту, который могъ бы нарушить доброе согласіе между державами, служившими опорой консервативнаго союза. Онъ не желалъ разрушенія Оттоманской имперіи, но настаивалъ въ то же время, чтобы Порта приняла мѣры для улучшенія участи подвластныхъ ей христіанъ, и чтобы съ точностью выполняла она трактаты, заключенные ею съ нами,—трактаты, въ коихъ были выговорены болѣе или менѣе широкія политическія права для нѣкоторыхъ христіанскихъ народонаселеній. Но какъ достигнуть этой послѣдней цѣли? Какъ принудить Порту къ исполненію лежавшихъ на ней обязательствъ? Угрозами и требованіями. Но это значило бы возбуждать неудовольствія и раздоры, которые могли отозваться на прочности союза, которымъ мы дорожили, къ несчастью, болѣе всего. Императоръ Николай рѣшился избрать другое средство: какъ скоро поддержаніе на Востокѣ *status quo* входило въ намѣренія нашей политики, то не оставалось, по мнѣнію его, ничего болѣе какъ жить въ добромъ согласіи съ Портой и благорасположеніемъ вынуждать отъ нея тѣ уступки, которыя были вырываемы у нея доселѣ только вооруженною рукой. Теперь представлялся, повидимому, самый удобный случай выступить съ этою политикой: Порта переживала въ высшей степени критическія минуты; она не имѣла никакихъ средствъ защитить себя отъ побѣдоноснаго непріятеля, ни откуда не ожидала она помощи и содѣйствія, какъ вдругъ Россія, въ которой привыкла она видѣть естественнаго своего врага,—предлагаетъ свои услуги, чтобы выручить ее изъ бѣды. Повто-

ряемъ снова, какъ бы ни были ошибочны эти разчеты съ русской точки зрѣнія, западныя державы не могли видѣть въ нихъ ничего, что̀ способно было бы встревожить ихъ подозрительность: какое другое, болѣе убѣдительное доказательство могла бы представить имъ Россія въ совершенной искренности своихъ намѣреній не посягать на существованіе Турецкой имперіи? Русское правительство считало себя поэтому въ правѣ надѣяться, что его образъ дѣйствій будетъ оцѣненъ надлежащимъ образомъ западными державами, и въ то же самое время оно полагало, что ему удастся уничтожить разомъ то недоброжелательство, которое питало къ нему Порта, внушить ей признательность къ своимъ дѣйствіямъ, отношенія непріязненныя замѣнить дружественными и воспользоваться ими для благоденствія христіанскихъ племенъ, привыкшихъ смотрѣть на него съ довѣріемъ. Россію упрекали въ томъ, что она стремится упрочить свое вліяніе въ Константинополѣ. Дѣйствительно, Россія заботилась объ упроченіи этого вліянія, но оно не могло нисколько тревожить западную Европу, ибо, какъ мы замѣтили сейчасъ, не имѣло въ виду никакихъ корыстныхъ и эгоистическихъ цѣлей. Повѣрятъ ли, однако, западныя державы этой искренности? Оцѣнятъ ли онѣ по достоинству виды русскаго правительства, — вотъ въ чемъ заключался вопросъ, и еслибъ онъ былъ разрѣшенъ отрицательно, то ясно, что всѣ разчеты русской политики должны были разлетѣться въ прахъ....

Тотчасъ по полученіи извѣстія объ исходѣ битвы при Коніи, императоръ Николай отозвалъ русскаго генеральнаго консула изъ Александріи, а посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Бутеневъ, заявилъ Портѣ о готовности Россіи оказать ей дѣятельную вооруженную помощь. С.-Петербургскій кабинетъ вовсе не претендовалъ при этомъ на какую-либо изолированную роль: „Намъ извѣстно“, читаемъ мы въ депешѣ графа Нессельроде къ лорду Абердину, „что Порта обратилась за содѣйствіемъ къ Англіи, и мы искренно желали бы, чтобы содѣйствіе это было ей оказано. Недовѣріе и соперничество совершенно чужды намъ въ этомъ случаѣ, ибо у насъ одни и тѣ же интересы — поддержаніе Оттоманской имперіи. Ни на минуту не встревожились бы мы, еслибъ англійскій флотъ соединился съ турецкимъ, чтобы принудить египетскаго пашу къ покорности....“ Ничего не могло быть яснѣе и категоричнѣе этого заявленія, и лишь

послѣ того какъ обнаружилось, что западныя державы упорно намѣреваются держаться въ сторонѣ, русское правительство рѣшилось обратиться съ извѣстнымъ намъ предложеніемъ къ султану. Съ этою цѣлью прибылъ въ Константинополь, въ сопровожденіи полковника Дюгамеля, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Муравьевъ (въ послѣдствіи герой Карса), которому поручено было подтвердить Портѣ все, что̀ уже было сообщено ей нашимъ посланникомъ Бутеневымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ей лично свои услуги. Порта находилась въ эту минуту въ страшномъ замѣшательствѣ. Самъ Махмудъ былъ готовъ съ радостью принять помощь русскаго правительства, но около него боролось множество разнородныхъ вліяній, которыя въ свою очередь служили лишь орудіемъ въ рукахъ европейской дипломатіи. Опасность была такъ велика, что султанъ рѣшился, однако, поставить на своемъ, но до какой степени казался ему трудепъ и отваженъ этотъ шагъ, видно между прочимъ изъ того, что онъ счелъ не лишнимъ разыграть предварительно небольшую комедію. Явившись въ засѣданіе дивана, онъ объявилъ, что не хочетъ никакой посторонней помощи и приметъ самъ начальство надъ войсками. „Въ мое отсутствіе“, сказалъ онъ, „сераскиръ приметъ на себя управленіе государствомъ; рейсъ-эфенди (министру иностранныхъ дѣлъ) поручаю я поддерживать добрыя сношенія съ державами; кіаія-бей (министръ внутреннихъ дѣлъ) займется, вмѣстѣ съ дефтердаромъ (министромъ финансовъ), уменьшеніемъ налоговъ и улучшеніемъ участи низшихъ классовъ....“ При этихъ словахъ престарѣлый Хозревъ-паша и всѣ прочіе сановники бросились на колѣна, умоляя владыку правовѣрныхъ не подвергать себя опасности.... „Но что̀ же дѣлать въ такомъ случаѣ?“ — „Принять предложеніе русскаго императора!“ Султанъ отвѣчалъ согласіемъ, но этимъ не прекратились еще колебанія Порты. Она не могла подавить опасеній, что возложивъ на себя нравственное обязательство относительно Россіи, раздражитъ тѣмъ самымъ другія державы, уполномоченные коихъ дѣйствительно не скрывали своего неудовольствія. Особенно сильно волновался французскій повѣренный въ дѣлахъ, г. де-Вареннъ (въ послѣдствіи его замѣнилъ баронъ Руссенъ). Всѣми силами старался онъ, чтобы Порта заключила миръ съ египетскимъ пашой при посредничествѣ Франціи, вопервыхъ для того, чтобы

выговорить какъ можно болѣе выгодныя условія для Мегмета-Али; вовторыхъ, чтобы не допустить русскаго вмѣшательства. Съ цѣлью успокоить европейскихъ дипломатовъ, Порта прибѣгла къ полумѣрѣ: положено было, что генералъ Муравьевъ отправится въ Александрію, а полковникъ Дюгамель въ лагерь Ибрагима-паши, чтобъ убѣдить непріятеля къ уступкамъ. И то и другое было исполнено, но безъ малѣйшаго результата. Ибрагимъ отвѣчалъ, что онъ не болѣе какъ подчиненный своего отца и не можетъ остановить движеніе войскъ безъ его приказанія, а Мегметъ-Али, устроившій самый блистательный пріемъ русскому генералу и прибывшему одновременно съ нимъ Халиль-пашѣ, обнаружилъ непреклонное упорство въ переговорахъ и не хотѣлъ слышать объ уступкахъ. Порта убѣдилась, наконецъ, что безъ русской помощи обойдтись невозможно, но даже и тутъ, до самой послѣдней минуты, рѣшенія ея мѣнялись безпрерывно: вслѣдствіе просьбы, съ которою обратилась она къ Бутеневу, русскій флотъ выступилъ уже изъ Севастополя, какъ вдругъ новая просьба: повременить прибытіемъ флота. Флотъ прибылъ въ Босфоръ и расположился якоремъ близь Буюкдере: опять просьба, чтобъ удалился онъ въ другую гавань, ибо французскій посланникъ подалъ протестъ и угрожалъ Портѣ своимъ отъѣздомъ; немедленно затѣмъ самыя убѣдительныя просьбы, чтобы флотъ оставался на мѣстѣ, такъ какъ было получено извѣстіе, что египетскія войска намѣрены двинуться впередъ, и т. д. Страхъ Мегмета-Али, страхъ западныхъ державъ, страхъ пробудить фанатизмъ мусульманской черни, все это сказалось въ послѣднюю минуту....

Эскадра нашего черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева, бросивъ якорь въ Босфорѣ, высадила на азіятскомъ берегу его, между деревнями Бейкосомъ и Ункіаръ-Скелесси, 13.000 сухопутной арміи. Это было огромнымъ успокоеніемъ для султана, который зналъ, что отнынѣ не угрожаетъ, по крайней мѣрѣ, опасность самому Константинополю. Но тѣмъ сильнѣе господствовала тревога среди европейскихъ дипломатовъ. На сторонѣ ихъ была многочисленная партія въ диванѣ и между приближенными султана, которая энергически противилась русскому вмѣшательству; партія эта должна была уступить одно время, ибо всѣ ея аргументы разлетались въ прахъ въ виду опасности,

угрожавшей отъ наступавшаго непріятеля, но теперь, когда эта опасность, если не миновала, то значительно уменьшилась (благодаря Россіи!), она снова возвысила свой голосъ. Баронъ Руссенъ дѣйствовалъ въ тѣсномъ согласіи съ нею. Онъ доказывалъ, что еслибы даже Порта принуждена была уступить Мегмету-Али всю Сирію, все-таки было бы несравненно выгоднѣе для нея заключить миръ непосредственно и безъ всякаго участія со стороны Россіи; онъ обѣщалъ выговорить возможно выгодныя условія для султана, еслибы только тотъ согласился приступить къ переговорамъ при посредничествѣ Тюльерійскаго кабинета. Мы уже видѣли, что Порта, которая давно привыкла служить жалкимъ орудіемъ въ рукахъ европейской дипломатіи, подчинялась и на этотъ разъ то одному вліянію, то другому, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она охотно усвоила воззрѣнія мнимыхъ своихъ доброжелателей, которые въ самую критическую для нея минуту оставили ее безъ всякой помощи. Съ ея согласія г. Вареннъ отправился въ лагерь Ибрагима-паши и послѣ четырехдневныхъ переговоровъ склонилъ этого послѣдняго къ подписанію мирнаго трактата (въ Кутахіи), по которому Мегметъ-Али получилъ всю Сирію въ пожизненное владѣніе и кромѣ того пашалыкъ Адану, весьма важный по своему положенію при Средиземномъ морѣ и по огромнымъ доходамъ съ его лѣсовъ, коимъ онъ долженъ былъ управлять отнынѣ въ зависимости отъ Порты. Чрезъ нѣсколько дней появился султанскій фирманъ, извѣщавшій объ этомъ событіи въ слѣдующихъ куріозныхъ выраженіяхъ: „Возвратившись изъ Кутахіи, Амеджи-эффенди (Решидъ-паша, составившій себѣ въ послѣдствіи извѣстность своими пресловутыми реформами, о которыхъ будемъ говорить ниже) повергнулъ къ подножію престола доказательства совершенной покорности и несомнѣннаго повиновенія Ибрагима-паши, а также желанія и просьбы его получить въ награду намѣстничество въ Аданскомъ пашалыкѣ. Султанъ, подобіе Всемогущаго Бога на землѣ, почерпая свои рѣшенія въ божественныхъ внушеніяхъ, сознаетъ, что если величіе и достоинство повелителя требуютъ съ одной стороны неумолимой строгости противъ тѣхъ, которые дерзаютъ противиться его волѣ, то съ другой принадлежитъ ему священное право обнаруживать пощаду всѣмъ, кто со смиреніемъ взываетъ къ нему о милости; обыкновенные смертные, не имѣющіе понятія

о божественныхъ внушеніяхъ, руководящихъ дѣйствіями нашего повелителя, не въ состояніи ни постигнуть, ни оцѣнить этого. Поэтому султанъ не поколебался изречь прощеніе египетскому пашѣ и склонилъ свой милостивый слухъ къ его просьбамъ....“

Такъ возвѣщала Порта о договорѣ, вслѣдствіе котораго теряла она цѣлую треть своихъ провинцій. Во всякомъ случаѣ, дѣло было сдѣлано: 6-го іюля баронъ Ливенъ, адъютантъ графа А. Ѳ. Орлова (который прибылъ въ маѣ мѣсяцѣ съ чрезвычайнымъ порученіемъ къ султану) возвратился въ Константинополь изъ Малой Азіи и объявилъ, что вся египетская армія очистила турецкія владѣнія. „Россія, говоритъ г. Розенъ, дѣйствовала во всемъ этомъ весьма искусно: она снискала благодарность главы Оттоманской имперіи, нисколько не воспрепятствовавъ въ то же время грабежу, угрожавшему совершенно разрушить могущество Порты....“ Достаточно прослѣдить событія, о которыхъ мы упоминали выше, чтобъ убѣдиться, до какой степени несправедливъ этотъ упрекъ. Россія добровольно предложила свои услуги, чтобъ остановить Ибрагимъ-пашу, который готовъ былъ двинуться къ Константинополю и низложить династію султана; Россія обѣщалась поддержать существованіе Турецкой имперіи: развѣ это обѣщаніе не было сдержано ею? Развѣ не вслѣдствіе только ея вмѣшательства египетская армія принуждена была прекратить свое наступательное движеніе? Если затѣмъ султанъ предпочелъ обратиться къ посредничеству Франціи, которая устроила ему позорный миръ, то обвинять въ этомъ русскую политику болѣе чѣмъ недобросовѣстно. Сами противники наши понимали это такъ хорошо, что не съ этой стороны раздавались главныя ихъ нареканія на Россію: они приберегли весь запасъ своего негодованія противъ позднѣйшаго образа дѣйствій нашего правительства. Въ непродолжительномъ времени сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Николай, спѣшившій воспользоваться оказанною имъ услугой, чтобъ укрѣпить дружественныя отношенія къ Турціи, заключилъ съ нею тѣсный союзъ. Ункіаръ-Скелессійскій договоръ, подписанный графомъ Орловымъ, гласилъ, что оба государства обязываются оказывать взаимную одно другому помощь отъ всякаго нападенія и вступать въ соглашеніе о всѣхъ предметахъ, касающихся ихъ спокойствія; въ случаѣ еслибы представились обстоятель

ства, могущія заставить Порту обратиться за содѣйствіемъ къ Россіи, императоръ всероссійскій обѣщалъ доставить сухимъ путемъ и моремъ столько военныхъ силъ, сколько сочтено будетъ необходимымъ обѣими договаривающимися сторонами. Трактатъ долженствовалъ имѣть силу въ теченіи восьми лѣтъ. Къ нему приложена была отдѣльная статья, которую выписываемъ здѣсь буквально: „На основаніи одного изъ условій 1-й статьи союзнаго договора между Высокою Портой и россійскимъ императорскимъ правительствомъ, обѣ договаривающіяся стороны обязаны оказывать другъ другу матеріальную помощь и существенное содѣйствіе для безопасности своихъ владѣній. Императоръ Всероссійскій, желая, однако, избавить Оттоманскую Порту отъ затрудненій, которыя представились бы ей отъ оказанія матеріальной помощи, не потребуетъ сей помощи, въ случаѣ еслибы Порта была обязана доставить ее. Порта, вмѣсто помощи, которую она должна оказывать, обязана ограничить свое содѣйствіе россійскому императорскому двору закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то-есть не дозволять ни одному иностранному военному судну входить туда подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.“

Намъ кажется, что трудно было бы возразить что-нибудь противъ справедливости подобнаго условія. Нельзя было, конечно, требовать отъ Россіи, чтобы безъ малѣйшей надежды на вознагражденіе за понесенные матеріальные ущербы, она спѣшила на помощь Турціи всякій разъ, какъ то потребуется. Россія предлагала правительству султана оборонительный союзъ, въ которомъ обязанности обѣихъ сторонъ были бы по возможности уравновѣшены, но что̀ могъ предложить султанъ взамѣнъ обѣщаннаго ему содѣйствія? Матеріальныя его средства для войны были слишкомъ незначительны. Во власти его находился только одинъ способъ оказать намъ услугу въ случаѣ непріязненнаго столкновенія между нами и европейскими державами, и русское правительство потребовало отъ него именно этой услуги. Авторъ разбираемой нами книги сознаетъ, что во всемъ этомъ Россія была совершенно въ своемъ правѣ: „нельзя было бы возразить ровно ничего противъ Ункіаръ-Скелессійскаго договора“, говоритъ онъ, „еслибы между договаривающимися сторонами не существовало такого громаднаго неравенства въ силахъ....“ Князь Меттернихъ выразилъ

еще прежде ту же самую мысль въ видѣ шутки: „Ничего не можетъ быть естественнѣе“, сказалъ онъ, „союза между лошадью и человѣкомъ, только нужно стараться быть человѣкомъ, а не лошадью.“ На томъ разстояніи, которое отдѣляетъ насъ отъ описываемаго событія, трудно составить себѣ понятіе объ ярости, вызванной имъ въ Европѣ: когда въ 1828 году Россія начала войну съ султаномъ, чтобы принудить его къ выполненію имъ же самимъ принятыхъ на себя обязательствъ, ее упрекали, что она пользуется правомъ сильнаго, что она преслѣдуетъ честолюбивые замыслы; когда Россія явилась затѣмъ съ матеріальною помощью Оттоманской имперіи, доживавшей, повидимому, свои послѣднія минуты, возгласы противъ нея сдѣлались еще сильнѣе; теперь, когда Россія ставила Турцію совершенно на одну ногу съ собою и заключала съ нею оборонительный союзъ, негодованіе достигло послѣднихъ предѣловъ. * Словомъ—миръ и война, союзъ и разрывъ дипломатическихъ сношеній, все въ одинаковой мѣрѣ обнаруживало со стороны Россіи, по мнѣнію нашихъ недоброжелателей, явный замыселъ утвердить свое вліяніе въ Константинополѣ, чтобы современемъ окончательно захватить его въ свои руки....

Если Адріанопольскій договоръ раздражилъ противъ насъ западную Европу, то трактатъ Ункіаръ-Скелессійскій переполнилъ чашу. Съ этой самой минуты начинается безпрерывная, упорная агитація, имѣвшая цѣлью подорвать какими бы то ни было средствами наше положеніе на Востокѣ. Во главѣ усилій, направленныхъ къ этой цѣли, мы видимъ, конечно, Англію, представителемъ которой въ столицѣ султана является престарѣлый лордъ Понсонби, достойный предшественникъ лорда Стратфорда-Редклифа. Въ парламентскихъ преніяхъ, въ печати, на митингахъ Восточный вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто, и обсужденіе его, какъ слѣдовало ожидать, только распаляетъ общую подозрительность и враж-

* Извѣстно, что западныя державы обратились съ протестомъ къ С.-Петербургскому кабинету; онѣ заявляли, что въ случаѣ вооруженнаго вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Турціи, онѣ удерживаютъ за собой право такого образа дѣйствій „какъ еслибы договоръ, о коемъ идетъ рѣчь, не существовалъ (comme si le traité en question n'existait pas).“ Графъ Нессельродъ отвѣчалъ, что Россія будетъ дѣйствовать согласно смысла договора, какъ еслибы декларація державъ не существовала (comme si la declaration des cabinets n'existait pas).

дебное чувство противъ нашего отечества. Если раздаются весьма рѣдкіе голоса, которые считаютъ долгомъ возстать противъ этого увлеченія, то вмѣсто пользы, приносятъ вредъ Россіи, ибо не въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ ея стремленія. Такъ, напримѣръ, Кобденъ издалъ въ 1836 году свою брошюру *Russia, by a Manchester Manufacturer*, исходною точкой которой служитъ мысль, что Россія дѣйствительно имѣетъ въ виду разрушеніе Оттоманской имперіи и утвержденіе тамъ своего владычества. Но знаменитый авторъ не страшится этой перспективы, напротивъ, онъ вполнѣ сочувствуетъ ей; „если столица Русской имперіи, говоритъ онъ, — будетъ перенесена съ береговъ Балтійскаго моря на берега Босфора, то тамъ, гдѣ господствуетъ теперь варварство, возникнетъ наука, искусство, разовьется промышленность и торговля. Англіи нечего страшиться этого переворота, ибо она извлечетъ изъ него громадную для себя пользу: вывозъ ея продуктовъ въ предѣлы Балканскаго полуострова приметъ такіе размѣры, о которыхъ нельзя и мечтать въ настоящее время“. Кобденъ не требуетъ, конечно, чтобъ англійское правительство содѣйствовало завоевательнымъ замысламъ Россіи (замысламъ совершенно мнимымъ, и въ этомъ заключается главная ошибка автора), оно обязано только, по мнѣнію его, не препятствовать ходу событій и держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Таково было воззрѣніе знаменитаго представителя манчестерской школы, но нѣтъ ничего удивительнаго, если аргументы его не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Его голосъ былъ заглушенъ голосомъ другаго человѣка, дипломата и публициста,—болѣе публициста, чѣмъ дипломата,—который посвятилъ всѣ способности, всю энергію и волю одной идеѣ, всецѣло овладѣвшей имъ: укоренить въ умахъ необходимость поддерживать неприкосновенность Оттоманской имперіи и причинять какъ можно болѣе вреда Россіи. Мы говоримъ о Давидѣ Уркартѣ. Это была одна изъ тѣхъ личностей, въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться: предразсудкамъ ли, доведеннымъ до вопіющихъ крайностей, или непреклонному увлеченію, съ которымъ они отстаиваютъ ихъ. Какъ бы то ни было, вліяніе Уркварта на публику было громадно. Впервые обратилъ онъ на себя вниманіе въ томъ самомъ году, когда заключенъ былъ Ункіаръ-Скелессійскій договоръ, извѣстнымъ своимъ сочиненіемъ *The Spirit of the East* и другимъ, еще болѣе обширнымъ изслѣдованіемъ о *Турціи, ея муниципаль-*

номъ устройствѣ, торговлѣ и источникахъ ея богатства: европейская публика съ удивленіемъ прислушивалась къ идеямъ, которыя поражали ее своею новизной,—да и дѣйствительно было чему удивляться! Опираясь на свой опытъ и познанія, пріобрѣтенныя двадцатилѣтнимъ изученіемъ Турціи (Уркваргъ говоритъ, что весьма полезное содѣйствіе оказано было ему въ этомъ случаѣ какимъ-то Арабомъ, Гассуною Дгіесомъ, и Французомъ Блакомъ), авторъ утверждалъ, что въ Европѣ составилось самое фальшивое понятіе о Турціи; что имперіи султановъ не только не грозитъ, какъ привыкли думать обыкновенно, неизбѣжное разложеніе, но что она исполнена богатыхъ жизненныхъ силъ, обѣщающихъ ей блестящую будущность. Всѣ голословныя, по его мнѣнію, толки о турецкомъ деспотизмѣ и безобразномъ управленіи основаны лишь на томъ, что въ Европѣ хотятъ судить о Турціи исключительно съ европейской точки зрѣнія; стóитъ только отрѣшиться отъ этого взгляда, говоритъ онъ, стóитъ лишь вникнуть въ оригинальный, вполнѣ самостоятельный духъ восточныхъ учрежденій,—и въ томъ, что̀ кажется хаосомъ, легко будетъ усмотрѣть стройный организмъ и мудрую политическую систему, вполнѣ способную примирить и удержать подъ одною властью племена различнаго происхожденія и различныхъ вѣрованій. Все несчастіе Турціи, продолжаетъ Уркваргъ, заключается въ томъ, что она сама не вѣритъ въ свои собственныя силы; европейскіе ея доброжелатели и враги одинаково успѣли убѣдить ее въ томъ, что она не можетъ существовать безъ посторонней помощи. Особенно гибельно было въ этомъ отношеніи вліяніе Россіи, преимущественно вліяніе дипломатическое, а не вліяніе ея оружія, ибо несмотря даже на исходъ недавней войны 1828 и 1829 годовъ, Уркваргъ былъ твердо убѣжденъ, что Турція въ состояніи выдержать напоръ русскаго колосса, благодаря тѣмъ „жизненнымъ силамъ“, которыя онъ успѣлъ открыть въ ней. „Рѣшитесь только, восклицалъ онъ, не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, имѣйте мужество предоставить ее самой себѣ,—и вы убѣдитесь, что Восточнаго вопроса не существуетъ вовсе....“ Но по странной непослѣдовательности, немедленно вслѣдъ затѣмъ англійскій публицистъ обращался съ горькими упреками къ своему отечеству, что оно не увеличиваетъ своихъ морскихъ силъ, что оно не стремится занять грозное положеніе на водахъ

Архипелага,—и все это для того только, чтобы бороться съ „дипломатическими“ интригами Россіи! Отсутствіе всякаго вмѣшательства, чтобы дать окрѣпнуть Турціи, и съ другой стороны вмѣшательство самое энергическое и постоянное, чтобы противодѣйствовать Россіи — вотъ дилемма, съ которою Урквартъ никогда не могъ справиться.

Государственные люди Англіи понимали, конечно, до какой степени несостоятельны эти теоріи; они знали кое-что насчетъ этихъ пресловутыхъ „жизненныхъ силъ“, которыхъ исполнена была Турція, и насчетъ готовности христіанскихъ племенъ Востока наслаждаться безмятежною жизнью подъ мудрымъ управленіемъ султана, но во всякомъ случаѣ такой дѣятель какъ Урквартъ былъ для нихъ сущею находкой. Воспользоваться его услугами было выгодно уже потому, что онъ пріобрѣлъ значительное вліяніе въ Турціи: не даромъ же въ послѣдствіи предлагали ему тамъ мѣсто въ диванѣ! Урквартъ занялъ должность перваго секретаря при англійскомъ послѣ, лордѣ Понсонби, и вотъ что̀ разказываетъ онъ самъ объ этомъ назначеніи: „Лорду Пальмерстону хотѣлось понудить меня къ немедленному отъѣзду въ Константинополь, но я требовалъ, чтобы правительство откровенно высказалось насчетъ программы, мною ему представленной. Программа эта заключалась въ слѣдующемъ: увеличеніе морскихъ силъ Англіи, рѣшительное противодѣйствіе Россіи, укрѣпленіе союза съ Франціей, съ тѣмъ, чтобъ и эта держава слѣдовала одинаковому съ нашимъ направленію на Востокѣ, признаніе независимости Кавказа, а главнѣйшимъ образомъ необходимость заключить торговый трактатъ между Портой и Англіей,—трактатъ, который уничтожилъ бы преобладаніе Россіи въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы намъ возможность оборонять эту имперію отъ русскаго правительства и распространять на нее гарантіи международнаго права. Одновременно съ этимъ Порта обязана была бы открыть доступъ въ Черное море военнымъ кораблямъ Англіи и вообще всѣхъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, Англіи слѣдовало завязать тѣсныя политическія и коммерческія сношенія—въ Европѣ съ Австріей, а въ Азіи—съ Персіей. Когда эта программа была, наконецъ, одобрена министерствомъ, я отправился въ Константинополь.“ Урквартъ понималъ, что планъ не достигнетъ цѣли, если на ряду съ усиліями пра-

вительствъ, не будетъ направлено противъ Россіи и общественное мнѣніе Европы. Нужно было во что̀ бы то ни стало, возбудить это общественное мнѣніе, заставить его проникнуться страхомъ опасностей, которыми будто бы угрожало русское честолюбіе общему миру и спокойствію: цѣль казалась такъ заманчива, что нечего было останавливаться въ выборѣ средствъ для ея достиженія, и Уркартъ, дѣйствительно, не задумался предъ средствами. Въ ноябрѣ 1833 года появилась первая тетрадь знаменитаго *Portfoglio*, сборника статей и, главнымъ образомъ, дипломатическихъ документовъ по Восточному вопросу. Справедливо замѣчаетъ г. Розенъ, что трудно указать на какое-либо другое произведеніе въ области литературы, которое имѣло бы такое громадное вліяніе на публику, которое способствовало бы такъ сильно пропагандѣ извѣстныхъ политическихъ тенденцій. Россію обвиняли въ честолюбіи,—и вдругъ обвиненія эти были подкрѣплены цѣлымъ рядомъ документовъ, вышедшихъ будто бы изъ-подъ пера самого русскаго правительства! Что̀, казалось, могло быть убѣдительнѣе.... Но откуда же эти документы? Какимъ образомъ попали они въ руки нашихъ доброжелателей? Разъясненіе этого вопроса очень важно, ибо тутъ впервые встрѣчаемся мы съ интригой, которая съ начала тридцатыхъ годовъ и вплоть до настоящаго времени ведетъ непрерывную, неутомимую борьбу съ Россіей. *Portfoglio* былъ первымъ дебютомъ польской эмиграціи на поприщѣ самой безсовѣстной клеветы и вымысловъ. Во время варшавскихъ событій 1830 года инсургенты захватили въ свои руки дипломатическую канцелярію великаго князя Константина Павловича и въ числѣ различныхъ документовъ, хранившихся тамъ, нашли нѣсколько такихъ, которые относились къ Восточному вопросу: можно сказать положительно, что не находилось, да и не могло находиться между ними ни одного, который служилъ бы подтвержденіемъ враждебныхъ намъ навѣтовъ, но обстоятельство это нисколько не было въ состояніи смутить новыхъ мастеровъ дѣла. Къ документамъ подлиннымъ легко было присочинить множество другихъ, въ извѣстномъ направленіи и смыслѣ, легко было перемѣшать ложь и истину такимъ образомъ, чтобы произвести на публику желаемое впечатлѣніе,—словомъ, учинить одинъ изъ тѣхъ наглыхъ подлоговъ,

къ которымъ не разъ, хотя и не столь успѣшно, прибѣгали неразборчивыя на средства политическія партіи. Одно обстоятельство сильно содѣйствовало тому, что публика не усомнилась въ достовѣрности представленныхъ ей фальшивыхъ документовъ: русское правительство не сочло нужнымъ опровергнуть ихъ. „Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, * набросить тѣнь сомнѣнія на сборникъ, извѣстный подъ названіемъ *Portfoglio*, между тѣмъ какъ Россія имѣла настоятельную потребность отказаться отъ него: въ этомъ заключается главный аргументъ въ пользу достовѣрности помѣщенныхъ въ немъ депешъ.“ Подобный образъ дѣйствій съ нашей стороны представлялся, конечно, весьма страннымъ, и враги наши никакъ не хотѣли понять, что онъ входилъ въ несчастную систему, усвоенную нами, относиться презрительно къ общественному мнѣнію западной Европы и не предпринимать ровно ничего для противодѣйствія клеветамъ и лжи, распространяемымъ насчетъ Россіи. Мы продолжали упорно молчать, въ то время какъ польская и всяческія другія интриги энергически работали противъ насъ, и многіе готовы были истолковать это непостижимое молчаніе въ смыслѣ совершеннаго безсилія нашего сказать что-нибудь въ свою пользу.

Относительно *Portfoglio* подобный образъ дѣйствій русскаго правительства былъ тѣмъ страннѣе, что сборникъ этотъ былъ пущенъ въ ходъ при содѣйствіи англійскихъ министровъ. Такъ утверждалъ, по крайней мѣрѣ, самъ Уркварть, когда въ послѣдствіи произошла ссора между нимъ и лордомъ Пальмерстономъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ 23-го мая 1838 г. въ Гласговѣ, онъ прямо объявилъ, что мысль объ изданіи *Portfoglio* была внушена ему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Секретарь лорда Пальмерстона, г. Бакгоузъ (Backhouse), поспѣшилъ офиціально опровергнуть это показаніе въ газетѣ *Times*, но Уркварть упорно отстаивалъ истину своихъ словъ, и не было никакого основанія предположить, чтобъ онъ говорилъ наобумъ. Во всякомъ случаѣ англійское правительство не могло отстранить отъ себя отвѣтственность за его образъ дѣйствій, когда онъ занималъ должность секретаря лорда Понсонби. Домъ Уркварта въ Константинополѣ служилъ притономъ для польскихъ эми-

---

* Wurm: *Diplomatische Geschichte der Orientalischen Frage.*

грантовъ; Урквартъ открыто находился въ сношеніяхъ съ кавказскими горцами и рѣшился даже самъ посѣтить „этотъ, по выраженію *Portfoglio*, свободолюбивый народъ, который одинъ имѣлъ мужество бороться съ Россіей“. Послѣ поѣздки своей на Кавказъ онъ былъ поглощенъ мыслью о томъ, чтобъ организовать подвозъ оружія и припасовъ для горцевъ, несмотря на то что русское правительство объявило въ блокадѣ весь берегъ Чернаго моря отъ Анапы до Редутъ-Кале. Въ декабрѣ 1836 года англійское судно *Vixen*, будто бы нагруженное солью, но въ сущности везшее оружіе и боевые снаряды въ огромномъ количествѣ, пыталось прорвать блокаду, но было загнано бурей въ Сухумъ-Кале, гдѣ и подверглось захвату. „Во всемъ этомъ дѣлѣ, пишетъ г. Розенъ, русское правительство обнаружило большую умѣренность; оно не хотѣло видѣть въ немъ политическую интригу и удовольствовалось тѣмъ, что конфисковало корабль и его грузъ, отпустивъ на волю экипажъ, по выдержаніи имъ установленнаго карантина. Но этотъ умѣренный образъ дѣйствій не встрѣтилъ ни малѣйшей признательности со стороны англо-французской печати: благодаря главнымъ образомъ публицистской дѣятельности Урквартa, руссофобія приняла въ послѣднее время громадные размѣры, и случай съ кораблемъ *Vixen* послужилъ поводомъ для самыхъ озлобленныхъ выходокъ въ газетахъ противъ С.-Петербургскаго кабинета.“

Дѣйствительно, вражда къ Россіи, ловко возбуждаемая со всѣхъ сторонъ, росла съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ на Востокѣ приготовлялись событія несравненно болѣе грозныя чѣмъ въ 1833 году.

III.

Ункіаръ-Скелессійскій договоръ открывалъ для Турціи эпоху полной безопасности и спокойствія, которою султанъ Махмудъ могъ бы воспользоваться весьма выгодно въ своихъ интересахъ, но имъ владѣла одна мысль, не дававшая ему покою ни днемъ, ни ночью, и для осуществленія которой онъ не задумался бы предъ самыми тяжкими пожертвованіями. Мы говоримъ о его непримиримой ненависти къ Мегмету-Али. Выгнать „египетскаго разбойника“ изъ Сиріи — вотъ въ чемъ состоялъ предметъ самыхъ завѣтныхъ

его мечтаній и стремленій. Начиная съ 1833 года, въ Турціи шли дѣятельныя приготовленія къ войнѣ; страна приходила въ совершенное раззореніе, а между тѣмъ султанъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ для арміи, которую онъ формировалъ на европейскій образецъ при содѣйствіи нарочно приглашенныхъ съ этою цѣлью прусскихъ офицеровъ. Надежды Махмуда на успѣхъ оправдывались тѣмъ обстоятельствомъ, что народонаселеніе Сиріи было крайне недовольно египетскимъ владычествомъ; въ первое время оно было твердо увѣрено, что по низверженіи турецкаго ига настанетъ для него такое благоденствіе, о которомъ оно и не мечтало до сихъ поръ, и съ горестью принуждено было убѣдиться, что налоги не уменьшались, что рекрутская повинность сдѣлалась тягостнѣе чѣмъ прежде.... Мегметъ-Али понималъ необходимость улучшить судьбу этого народонаселенія, чтобы привязать его къ себѣ,—но съ другой стороны ему было извѣстно о военныхъ приготовленіяхъ, которыя поглощали всѣ заботы султана, и онъ поневолѣ принужденъ былъ тратить доходы Сирійской провинціи на содержаніе многочисленной арміи.

Обстоятельство, упомянутое нами, указываетъ между прочимъ на крайне затруднительное положеніе, въ которое поставило себя русское правительствоУнкіаръ-Скелессійскимъ договоромъ. По смыслу этого договора оно обязалось защищать Турцію отъ внѣшнихъ враговъ, но могло ли оно смотрѣть равнодушно, что Турція сама накликала на себя опасность, разчитывая, конечно, на русскую помощь? Еслибы войска ея снова потерпѣли пораженіе, еслибы снова возникъ вопросъ о ея политическомъ существованіи, то Россіи пришлось бы выручать ее изъ бѣды; но не говоря уже о матеріальномъ ущербѣ, связанномъ съ подобнаго рода демонстраціями, не значило ли бы это сдѣлать вызовъ всей Европѣ, которая относилась крайне враждебно къ вмѣшательству Россіи въ дѣла Оттоманской имперіи? Вотъ почему С.-Петербургскій кабинетъ не щадилъ никакихъ усилій, чтобъ обуздать воинственные замыслы султана. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ не переставалъ повторять, что русское правительство питаетъ самое дружелюбное расположеніе къ Портѣ, что оно готово охранять ее отъ всякихъ постороннихъ нападеній, но что вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не считаетъ возможнымъ и полезнымъ потворствовать

всѣмъ рискованнымъ замысламъ, которые были внушаемы султану его ненавистью къ Мегмету-Али. Ничего не могло быть законнѣе и справедливѣе этихъ совѣтовъ, но именно тутъ-то западныя державы находили весьма выгодную почву для борьбы съ русскою политикой. Хотя, повидимому, и онѣ очень ревностно заботились о сохраненіи спокойствія на Востокѣ, но въ сущности столкновеніе между Портой и Мегметомъ-Али представлялось для нихъ событіемъ вовсе не такъ тревожнымъ какъ для насъ. Лордъ Понсонби совершенно вошелъ въ виды султана; онъ былъ убѣжденъ, что Турція не можетъ существовать въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ осталась она послѣ мира, заключеннаго ею въ Кутахіи; возстановленіе ея власти надъ провинціями, которыя перешли къ египетскому пашѣ, казалось ему первымъ и необходимымъ условіемъ для обезпеченія спокойствія на Востокѣ—и эту мысль постоянно развивалъ онъ въ донесеніяхъ своему правительству. Понятно, что государственный человѣкъ, высказывавшій убѣжденія такого рода, былъ *persona grata* при дворѣ султана; понятно, что вліяніе Англіи въ Константинополѣ должно было возрастать съ каждымъ днемъ, между тѣмъ какъ совѣты Россіи не были оцѣнены ни малѣйшимъ образомъ. Даже тѣ изъ приближенныхъ Махмуда, которые были въ началѣ расположены къ С.-Петербургскому кабинету, склонялись теперь на сторону мнѣнія, что русская политика, обнаруживая миролюбивыя наклонности, питаетъ самые коварные замыслы, что она стремится поддерживать безпрерывный антагонизмъ между Турціей и Египтомъ, съ цѣлью поставить и ту и другую изъ этихъ странъ въ одинаково вассальныя къ себѣ отношенія. Мы видимъ, слѣдовательно, какое выгодное положеніе заняла Англія съ цѣлью подорвать вліяніе русскаго правительства. Что касается Франціи, она взирала съ большими надеждами на возможность столкновенія между султаномъ и египетскимъ пашой. Разчеты государственныхъ людей, стоявшихъ въ то время во главѣ управленія этою страной, опирались преимущественно на слѣдующія соображенія: они были убѣждены вопервыхъ, что египетскій паша обладаетъ такими средствами для войны, предъ которыми средства султана представлялись совершенно ничтожными; вовторыхъ, ими руководило не менѣе твердое убѣжденіе, что Россія ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ исключительнаго протек-

тората надъ Турціей, пріобрѣтеннаго ею по Ункіаръ-Скелессійскому договору. Война на Востокѣ предвѣщала, слѣдовательно, по мнѣнію ихъ, полное торжество Мегмета-Али, торжество, коимъ онъ воспользуется на этотъ разъ безпрепятственно, ибо между Англіей и Россіей неминуемо долженъ возникнуть раздоръ, который Тюльерійскій кабинетъ думалъ опять-таки эксплуатировать въ свою пользу.

Событіе, такъ давно ожиданное всѣми, казавшееся неизбѣжнымъ, наконецъ случилось. Несмотря на то что Мегметъ-Али, чуявшій приближеніе грозы, тщательно избѣгалъ всякихъ дѣйствій, которыя могли бы раздражить Порту, султанъ не могъ не воспользоваться возстаніемъ, обнаружившимся въ Сиріи противъ Египтянъ, и не попытать еще разъ счастія. Войска его, подъ начальствомъ сераскира Гафиза-паши перешли границу и расположились близь Ниссиба, въ виду непріятельской арміи. Численность ихъ простиралась, по свидѣтельству полковника Мольтке и другихъ прусскихъ офицеровъ, до 70.000, и нужно сказать, что дисциплиной, вооруженіемъ и устройствомъ они значительно превосходили Египтянъ, которые въ теченіи уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду не получали вовсе жалованья. И между тѣмъ послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы этой арміи не существовало вовсе! Были ли тому причиной ошибки турецкаго полководца, или искусныя распоряженія Ибрагима-паши, но только Турки обратились въ самое безпорядочное бѣгство, солдаты стрѣляли въ своихъ офицеровъ, каждый думалъ только о томъ, чтобы спасти собственную жизнь.... Ибрагимъ не преслѣдовалъ непріятеля, да и къ чему было нужно это, когда предъ нимъ уже не было правильно организованной арміи, а только безпорядочныя шайки бѣглецовъ? Онъ захватилъ въ свои руки 20.000 ружей, 169 пушекъ, огромные запасы всякаго продовольствія и спокойно расположился на ночлегъ въ роскошной палаткѣ Гафиза-паши. Опять-таки и на этотъ разъ обнаружилось самымъ убѣдительнымъ образомъ, что Египтяне выиграли битву вовсе не вслѣдствіе превосходства своего надъ Турками; мы уже замѣтили выше, что армія ихъ представляла довольно печальное зрѣлище въ сравненіи съ арміей турецкою и, конечно, нигдѣ и никогда не видано было того, что̀ случилось видѣть въ сраженіи при Ниссибѣ: цѣлые баталіоны въ

рядахъ побѣдителей бросали оружіе и обращались въ бѣгство вмѣстѣ съ побѣжденными.

Ударъ обрушился на Оттоманскую имперію въ самую критическую для нея минуту. Когда пришло въ Константинополь извѣстіе о пораженіи Гафиза-паши, султанъ Махмудъ доживалъ свои послѣднія минуты; онъ находился въ такомъ плачевномъ состояніи, что приближенные не рѣшились даже сообщить ему о страшной катастрофѣ. Изнуренный всякаго рода излишествами, впадшій въ совершенную апатію, изъ которой онъ пробуждался лишь тогда, когда заходила рѣчь о ненавистномъ ему врагѣ, престарѣлый султанъ удалился въ одинъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, между тѣмъ какъ приняты были всѣ мѣры, чтобы скрыть отъ народа его приближающуюся кончину. Правленіе находилось собственно въ рукахъ Хозрева-паши, личности весьма замѣчательной въ своемъ родѣ. Въ теченіи долгаго ряда лѣтъ пользовался онъ громаднымъ вліяніемъ: невѣжественный, съ самыми грубыми инстинктами, умѣлъ онъ держаться на мѣстѣ потому, что изучилъ до тонкости характеръ, прихоти, слабости, пороки своего повелителя и пользовался ими съ необычайною ловкостью. Когда султаномъ овладѣла страсть къ пресловутымъ реформамъ, Хозревъ до такой степени старался угодить ему на этомъ поприщѣ, что Махмудъ безпрерывно долженъ былъ останавливать его словами: *явашъ, баба, явашъ* (осторожнѣе, старикъ, осторожнѣе).... При этомъ не было въ немъ ни малѣйшей разборчивости на средства. Лѣтомъ 1826 года, во время возмущенія янычаръ, онъ командовалъ турецкою эскадрой въ Эгейскомъ морѣ; на корабляхъ его находилось нѣсколько сотенъ обреченнаго на истребленіе войска, и хотя онѣ не принимали ни малѣйшаго участія въ бунтѣ, онъ не задумался тотчасъ же утопить ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Геній интриги доходилъ въ немъ до необычайныхъ размѣровъ: казни и ссылки съ одной стороны, щедрыя награды и милости съ другой—всѣмъ онъ пользовался одинаково, чтобы губить своихъ враговъ и пріобрѣтать приверженцевъ, которые были послушными его рабами. Въ самое непродолжительное время составилъ онъ себѣ безсовѣстнымъ взяточничествомъ такое огромное состояніе, что занялъ мѣсто во главѣ первѣйшихъ богачей Константинополя. „Хозреву, говоритъ о немъ г. Розенъ, было чуждо всякое состраданіе, всякая

жалость, какъ скоро дѣло касалось государственнаго интереса, а еще болѣе, когда затронуты были его личные интересы. Обречь на самыя страшныя истязанія десятокъ людей совершенно невинныхъ не стоило для него ровно ничего, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни разу не случалось, чтобы человѣкъ истинно виновный, какъ бы ни былъ ничтоженъ его проступокъ, избѣгнулъ наказанія." Махмудъ зналъ о жестокости своего министра, но продолжалъ держать его при себѣ, вопервыхъ потому, что жестокость никогда не была большимъ порокомъ въ его глазахъ, а вовторыхъ, по той причинѣ, что благодаря Хозреву, онъ былъ совершенно безопасенъ въ своей столицѣ,—обстоятельство весьма не маловажное, если вспомнимъ о раздраженіи народа послѣ истребленія янычаръ. Въ послѣдніе годы царствованія султана знаменитый фаворитъ его пріобрѣлъ политическую извѣстность тѣмъ, что считался самымъ непримиримымъ и отъявленнымъ врагомъ Мегмета-Али, который увѣрялъ съ своей стороны, что именно только вслѣдствіе его происковъ онъ вынужденъ былъ стать во враждебныя отношенія къ Портѣ.

Вотъ этотъ-то престарѣлый сановникъ былъ полновластнымъ господиномъ въ Константинополѣ, когда пришло туда извѣстіе о битвѣ при Ниссибѣ. Толпы народа собирались ежедневно предъ загороднымъ помѣщеніемъ султана, которое представляло весьма оригинальное зрѣлище: съ утра и до поздней ночи кривлялись предъ окнами умирающаго разряженные канатные плясуны и фокусники, оглушительная музыка и пѣніе раздавались безпрерывно, и все это съ цѣлью увѣрить, будто бы Махмудъ пользуется самымъ вожделѣннымъ здоровьемъ, а между тѣмъ Хозревъ спѣшилъ принять энергическія мѣры на случай какого-либо возмущенія въ городѣ. Наконецъ 30-го іюня 1839 года султанъ умеръ, оставивъ престолъ шестнадцатилѣтнему своему сыну Абдулъ-Меджиду. Новый повелитель Оттоманской имперіи — почти ребенокъ, — не имѣлъ никакого понятія о дѣлахъ, не зналъ никого изъ высшихъ сановниковъ Порты и сдѣлался тотчасъ же невиннымъ орудіемъ самыхъ безсовѣстныхъ интригъ въ средѣ придворныхъ. Конечно, не такой человѣкъ нуженъ былъ на престолѣ въ столь критическую минуту, тѣмъ болѣе, что событія съ каждымъ днемъ принимали все болѣе грозный характеръ. Едва воцарился Абдулъ-Меджидъ, какъ пронеслась вѣсть, что глав-

нокомандующій турецкаго флота (капуданъ-паша) передался со всѣми своими морскими силами Мегмету-Али. Обстоятельства этого неожиданнаго событія не разъяснены еще вполнѣ до сихъ поръ: извѣстно только, что капуданъ-паша не задолго до своей измѣны велъ дѣятельные переговоры съ адмираломъ Лаландомъ, который стоялъ съ французскою эскадрой не далеко отъ Дарданеллъ, и что одинъ изъ кораблей этой эскадры сопровождалъ его до самой Александріи: общественное мнѣніе обвиняло Францію въ интригѣ,—Французы утверждали съ своей стороны, что капуданъ-паша обманулъ ихъ самихъ, но какъ бы то ни было, султанъ оставался безъ арміи, безъ флота, безъ денегъ, и ожидая каждую минуту, что египетскія войска появятся на берегу Босфора.

Европейская дипломатія сильно встревожилась этимъ положеніемъ дѣлъ. Взоры ея обращены были, впрочемъ, не столько на Константинополь и на Сирію, сколько на Россію: какъ поступитъ русское правительство, рѣшится ли оно воспользоваться правами и обязательствами, принадлежавшими ей по Ункіаръ-Скелессійскому договору—вотъ вопросъ, который въ высшей степени занималъ кабинеты. Князь Меттернихъ подалъ мысль о томъ, чтобъ отправить къ Портѣ отъ имени пяти державъ коллективную ноту (27-го іюля 1839 года), въ которой эти державы предлагали ей свое посредничество и совѣтовали не вступать до тѣхъ поръ въ непосредственные переговоры съ Египтомъ. Франція съ радостью присоединилась къ этому заявленію, истолковавъ его въ такомъ смыслѣ, что оно направлено исключительно противъ Россіи. По мнѣнію ея, подобный образъ дѣйствій угрожалъ намъ коалиціей и не создавалъ съ другой стороны никакихъ серіозныхъ затрудненій для Мегмета-Али. И дѣйствительно, еслибы Россія вознамѣрилась дѣйствовать на Востокѣ отдѣльно отъ другихъ державъ, еслибъ она двинула свой флотъ и свои сухопутныя войска къ Константинополю—къ какимъ безвыходнымъ замѣшательствамъ подала бы поводъ подобная политика! Вмѣсто того чтобъ охранять Оттоманскую имперію отъ Мегмета-Али, западныя державы вступили бы во враждебныя столкновенія съ Россіей; борьба на Востокѣ вызвала бы не менѣе упорную борьбу въ самой Европѣ; среди этого всеобщаго потрясенія, египетскій паша, неминуемо выигралъ бы свое дѣло, и такимъ образомъ осуществи-

лась бы завѣтная мысль французскаго правительства о возрожденіи (renaissance) Турціи посредствомъ перемѣщенія династіи Мегмета-Али на берега Босфора.... Но разчеты эти оказались неосновательными съ самаго начала *. Россія присоединилась къ коллективной нотѣ 27-го іюля, да и какія причины имѣла бы она поступить иначе? Недоброжелатели наши могли говорить что̀ имъ угодно о таинственныхъ замыслахъ нашего правительства, о желаніи его воспользоваться своимъ протекторатомъ надъ Турціей для корыстныхъ цѣлей, но для каждаго изъ насъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что все это не имѣло никакого смысла. Мы видѣли, что Россія торжественно заявила о намѣреніи своемъ не только не посягать на цѣлость Оттоманской имперіи, но даже содѣйствовать ея охраненію, и всѣ ея дѣйствія вполнѣ согласовались съ этимъ заявленіемъ. Другой вопросъ—въ какой степени была раціональна эта политика и соотвѣтствовала ли она нашимъ интересамъ; въ сущности, какъ увидимъ сейчасъ, она не принесла намъ ничего кромѣ вреда, но относительно ея совершенной искренности не можетъ быть двоякаго мнѣнія. Русское правительство было убѣждено, что главное его призваніе состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать господство мира въ Европѣ и служить оплотомъ противъ революціонныхъ движеній; достиженію этой цѣли приносило оно въ теченіи долгаго ряда лѣтъ самыя дорогія жертвы: могло ли же оно теперь, съ своей точки зрѣнія, принебречь этою задачей ради удовлетворенія своего самолюбія?

Вотъ почему роль Россіи, въ виду тогдашнихъ событій на Востокѣ, представлялась вполнѣ ясною. Мы не знаемъ въ чемъ состояли инструкціи нашего уполномоченнаго въ Лондонѣ, но самое положеніе дѣлъ указываетъ на сущность объясненій, которыя долженствовали склонить въ нашу пользу англійское правительство. Россія, оказавъ матеріальную помощь Турціи, спасла ее отъ неминуемой бѣды; Россія нисколько не добивалась этой роли; еслибы другія державы рѣшились присоединиться къ ней съ цѣлью сдѣлать то, что̀ было сдѣлано

---

* J'aurais raison de dire, que cette note était la plus grande faute qu'on pût commettre; c'est l'ornière dans laquelle le char a échoué, et de laquelle nous n'avons encore pu l'arracher." Депеша г. Тьера къ г. Гизо, въ *Memoires de Guizot*, t. V, p. 63.

ею, тѣмъ лучше; ни Англія, ни Франція не сочли однако возможнымъ прибѣгнуть ко вмѣшательству, и русское правительство нашлось вынужденнымъ одно воспрепятствовать перевороту, который могъ отозваться потрясеніями во всей Европѣ. Заслуга эта не была оцѣнена надлежащимъ образомъ. Напротивъ, дѣйствія Россіи были истолкованы въ самомъ превратномъ смыслѣ, и теперь, когда прежнія невзгоды возникаютъ съ новою силой, европейскія державы, вмѣсто того чтобы соединиться дружно для противодѣйствія имъ, исполнены подозрительности и недовѣрія къ русскому правительству. Не значитъ ли это, однако, упускать изъ виду дѣйствительную опасность и преслѣдовать совершенно мнимую? Не ясно ли, что опасности угрожаютъ Европѣ отнюдь не отъ Россіи, а отъ Франціи, которая умышленно потворствуетъ замѣшательствамъ на Востокѣ? Вѣрный союзникъ или, лучше сказать, сателлитъ этой державы, разрушилъ однимъ ударомъ эфемерное могущество Порты, онъ разбилъ ея войска, овладѣлъ ея флотомъ, его армія приближается къ Босфору, — всему этому рукоплещетъ французское правительство, въ надеждѣ, что утвердивъ свое вліяніе въ Египтѣ, оно будетъ господствовать на Средиземномъ морѣ,—и между тѣмъ Англія, Пруссія и Австрія готовятся какъ бы содѣйствовать осуществленію столь отважныхъ замысловъ! Чѣмъ объяснить подобное ослѣпленіе съ ихъ стороны? Страхомъ Россіи? Но Россія нисколько не думаетъ настаивать на изолированномъ образѣ дѣйствій; она вполнѣ расположена соединить свои усилія съ усиліями другихъ державъ, ибо честолюбіе чуждо ей, и она преслѣдуетъ совершенно одинаковую съ ними цѣль: охраненіе неприкосновенности Оттоманской имперіи въ видахъ обезпеченія общаго мира и спокойствія.

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, измѣнялъ тотчасъ же положеніе дѣлъ. Франція мечтала о коалиціи противъ Россіи; теперь возникала коалиція противъ Франціи. Нужно сказать, что и сама она своимъ страннымъ образомъ дѣйствій успѣла въ это время создать для себя почти безвыходныя затрудненія. Во главѣ ея министерства стоялъ г. Тьеръ, который отъ начала до конца не переставалъ дѣйствовать подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго самообольщенія. Обманутый, вѣроятно, преувеличенными или ложными донесеніями своихъ агентовъ на Востокѣ, онъ

былъ убѣжденъ, что, вопервыхъ, Мегметъ-Али обладаетъ такимъ могуществомъ, которое преодолѣетъ всякія усилія обуздать его, что, вовторыхъ, союзныя державы не въ состояніи будутъ принять никакихъ серіозныхъ, принудительныхъ мѣръ противъ него, ибо если имъ и легко дѣйствовать со стороны моря, то на сухомъ пути пришлось бы имъ обратиться къ помощи Россіи, чего никто изъ нихъ не желаетъ и не можетъ желать. Увѣренность его простиралась до такой степени, что онъ не хотѣлъ слышать ни о какихъ уступкахъ: соглашеніе между четырьмя державами упрочивалось болѣе и болѣе, а г. Тьеръ принималъ тонъ, показывавшій, будто онъ, въ союзѣ съ Мегметомъ-Али, намѣревается предписывать законы всей Европѣ! Но чѣмъ рѣзче выяснялись притязанія Франціи, чѣмъ несговорчивѣе была она въ своихъ требованіяхъ, тѣмъ сильнѣе возрастала подозрительность другихъ правительствъ и преимущественно англійскаго. „Объяснимся откровенно, говорилъ лордъ Пальмерстонъ французскому послу въ Константинополѣ, г. Гизо: Франція очевидно желаетъ, чтобы въ Египтѣ и въ Сиріи упрочилась новая и независимая власть, которая была бы ея созданіемъ и уже по этому самому сдѣлалась бы ея неизмѣнною союзницей. Вы уже овладѣли Алжиромъ; что̀ остается теперь между вами и Египтомъ? Почти ничего, если не говорить о жалкихъ, безсильныхъ владѣніяхъ, въ родѣ Туниса и Триполи. Такимъ образомъ весь берегъ Африки, а также значительная часть азіятскаго прибрежья по Средиземному морю, очутились бы въ вашей власти или подъ вашимъ вліяніемъ: мы этого не допустимъ“ *. Дѣйствительно, весьма существенные интересы великобританскаго правительства замѣшаны были въ этомъ вопросѣ, и г. Тьеръ сильно обманулся, полагая, будто бы Англія поколеблется пожертвовать „сердечнымъ согласіемъ“ своимъ съ Франціей,—согласіемъ, направленнымъ противъ консервативнаго союза трехъ сѣверныхъ державъ.

Мы не станемъ излагать подробно переговоры, происходившіе по этому поводу; всѣ попытки Тюльерійскаго кабинета отстоять интересы своего фаворита оказались безуспѣшны, и въ Лондонѣ подписанъ былъ между Англіей, Россіей, Пруссіей и Австріей договоръ, сущность коего

---

* *Memoires de Guizot*, t. V, p. 42.

состояла въ слѣдующемъ: если Мегметъ-Али, въ теченіи десяти дней отъ перваго сдѣланнаго ему заявленія согласится вывести свои войска изъ Сиріи, Аданы и съ острова Крита, а также возвратить султану его флотъ, то онъ сохранитъ за собой наслѣдственное обладаніе Египтомъ и пожизненное С.-Жанъ-д'Акрскимъ пашалыкомъ; если пропуститъ онъ означенный срокъ, то по миновании другихъ десяти дней будетъ оставленъ ему только одинъ Египетъ; если же и на этотъ разъ не подчинится онъ рѣшенію державъ, то Порта долженствовала лишить его всѣхъ принадлежащихъ ему владѣній. Англійскій и австрійскій флоты, подъ начальствомъ адмираловъ Стапфорда и Бандіеры, соединились, чтобы поддержать на дѣлѣ вышеупомянутыя опредѣленія конференціи. Еслибы Мегметъ-Али имѣлъ достаточно благоразумія, чтобы тотчасъ подчиниться имъ, то сохранилъ бы еще весьма выгодное положеніе, но, какъ мы уже замѣтили выше, ослѣпленіе его не имѣло никакихъ границъ: онъ понималъ, что союзъ четырехъ державъ направленъ былъ столько же противъ него, сколько и противъ Франціи, — онъ надѣялся, что Франція, раздраженная унизительною ролью, предоставленною ей такъ неожиданно, не замедлитъ явиться къ нему на помощь; съ другой стороны, Тюльерійскій кабинетъ, все еще ласкавшій себя мыслью, что союзники не въ состояніи будутъ одержать верхъ надъ египетскимъ пашой, ревностно питалъ въ немъ это упорство. Разчеты г. Тьера разлетѣлись, однако, въ прахъ. Союзники не только отважились поддержать оружіемъ свои требованія, но оружіе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Первыя дѣйствія Англичанъ и Австрійцевъ направлены были противъ Бейрута, и Бейрутъ вынужденъ былъ сдаться послѣ шестимѣсячной осады; та же участь постигла вскорѣ и С.-Жанъ-д'Акръ; Египтяне очистили всѣ прибрежные пункты и спѣшили ретироваться во внутренность Сиріи, но тутъ ожидало ихъ поголовное возстаніе жителей; постоянно отбиваясь отъ ихъ нападеній, покидая на пути оружіе и снаряды, Ибрагимъ-паша достигъ съ большимъ трудомъ Суэзскаго перешейка, и такимъ образомъ владычество Мегмета-Али въ Сиріи, начавшееся при столь блестящихъ предзнаменованіяхъ, рушилось не менѣе постыдно чѣмъ въ 1832 году владычество султана.

IV.

Востокъ былъ умиротворенъ, но положеніе дѣлъ въ Европѣ представлялось весьма ненадежнымъ. Раздраженіе Франціи достигло крайнихъ размѣровъ, и раздраженіе это раздѣляемо было одинаково и правительствомъ, и народомъ. Въ теченіе весьма краткаго промежутка времени былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ, который показывалъ, что Лудовикъ-Филиппъ и его министры не задумаются прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ рѣшеніямъ, чтобы загладить свою постыдную неудачу: всѣ безсрочно-отпускные призывались въ дѣйствительную службу, и кромѣ того, численный составъ арміи былъ значительно увеличенъ; на верфяхъ строились въ значительномъ количествѣ новые корабли; палаты открыли правительству чрезвычайный кредитъ въ 107 милліоновъ франковъ на военныя издержки: предпринято укрѣпленіе Парижа, и г. Тьеръ, съ цѣлью поддержать возбужденное настроеніе въ обществѣ, озаботился перенесеніемъ праха Наполеона съ острова Елены. „При извѣстіи о бѣдствіяхъ, испытанныхъ Мегметомъ-Али, говоритъ г. Гизо, пробудилось въ высшей степени воинственное движеніе, хотя никто не умѣлъ опредѣлить ни его характера, ни его границъ; желали только отомстить державамъ, которыя воспользовались событіями на Востокѣ, чтобы возобновить противъ Франціи коалицію 1815 года. Но изъ воинственнаго, движеніе это превратилось вскорѣ въ революціонное; политическая система Европы и основы Французской монархіи, границы государства и порядокъ вещей, существовавшій въ другихъ странахъ—всѣ эти вопросы возбуждены были разомъ; республиканская пресса отличалась обычнымъ своимъ неистовствомъ, тайныя общества усилились болѣе чѣмъ когда-нибудь: 1840 годъ походилъ совершенно на 1831 годъ, и тѣ же самыя крайности порождали тѣ же самыя опасности *.“ И не въ одной Франціи, но почти повсюду господствовало убѣжденіе, что стоило только французскому правительству открыть клапанъ, и революціонный ураганъ распространился бы по Европѣ....

Естественно возникаетъ вопросъ, какую выгоду извлекли

---

* *Memoires de Guizot*, t. V, p. 382.

мы для себя изъ подобнаго положенія дѣлъ? Намъ хотѣлось разорвать союзъ западныхъ державъ, и цѣль эта была достигнута, но въ какой мѣрѣ и на долгое ли время? Охлажденіе между ними могло бы принести существенную пользу Россіи, еслибы русское правительство рѣшилось протянуть руку Франціи среди того крайне затруднительнаго, почти безвыходнаго положенія, въ которомъ она находилась; одного слова съ нашей стороны было достаточно, чтобъ оказать ей важную услугу и сдѣлать изъ нея вѣрную намъ союзницу, но слова этого произнесено не было. Къ сожалѣнію, политическая наша система была предначертана такимъ образомъ, что въ ней не было мѣста для подобнаго союза: Франція служила въ глазахъ нашихъ представительницей принципа, борьбу съ которымъ считали мы своимъ призваніемъ, долгомъ и даже интересомъ. Но въ такомъ случаѣ должно было неминуемо произойдти то, что̀ и произошло въ самомъ дѣлѣ: не имѣя ни малѣйшей возможности разчитывать на насъ и не желая оставаться въ своемъ изолированномъ положеніи, Франція вынуждена была снова броситься въ объятія Англіи. Союзъ западныхъ державъ былъ возстановленъ,—мало того, онъ сдѣлался прочнѣе чѣмъ когда-нибудь, потому что для одной изъ союзныхъ сторонъ не предстояло свободнаго выбора, потому что ей оставалось только сообразоваться безпрекословно съ политикой державы, съ которою по многимъ существеннымъ для насъ вопросамъ мы не могли избѣжать антагонизма. Англія съ самаго начала разчитала все это очень вѣрно и поспѣшила воспользоваться выгодами такого положенія: такъ какъ Мегметъ-Али отвергалъ до самой послѣдней минуты всякія уступки, то по смыслу лондонскаго договора Порта имѣла полное право низложить его; британское правительство употребило, однако, все свое вліяніе на султана, чтобы сохранить ему наслѣдственное обладаніе Египтомъ. Это былъ первый залогъ будущаго тѣснаго сближенія ея съ Франціей. Невольно приходитъ здѣсь на умъ, что еслибы справедливы были обвиненія нашихъ недоброжелателей, будто Россія имѣла въ виду поддерживать антагонизмъ между султаномъ и египетскимъ пашой съ цѣлью питать всякаго рода смуты на Востокѣ, то ей слѣдовало бы усвоить себѣ именно ту рѣчь, съ которою выступила Англія. „Чѣмъ объяснить, восклицаетъ г. Розенъ, что Россія не хотѣла поддержать человѣка, на которомъ опирался принципъ

внутренняго разложенія Турціи, обрекавшій ее на вѣчное безсиліе?“ Объясняется это тѣмъ, что добросовѣстность наша простиралась до размѣровъ, казавшихся невѣроятными людямъ, которые лучше насъ понимали наши собственные интересы.

События отъ 1832 до 1840 года образуютъ періодъ, въ теченіе коего Россія испробовала совершенно несвойственную ей до тѣхъ поръ политику на Востокѣ. Она вознамѣрилась жить въ тѣсной дружбѣ съ Портой и доказать вмѣстѣ съ тѣмъ Европѣ, что намѣренія ея относительно Оттоманской имперіи нисколько не разнятся отъ намѣреній другихъ державъ. Программа эта была выполнена ею съ самою строгою добросовѣстностью, но какіе же плоды пожала она для себя на этомъ поприщѣ? Недовѣріе и подозрительность противъ насъ европейскихъ правительствъ не только не уменьшились, но именно въ означенный періодъ, какъ уже замѣчено выше, достигли неслыханныхъ размѣровъ. Россія приносила жертвы, она посылала свой флотъ и свое войско на помощь султану, съ необычайнымъ великодушіемъ уменьшала она сумму, которую онъ долженъ былъ выплатить ей за военныя издержки 1828 и 1829 годовъ, и вмѣсто благодарности, она сѣяла только вражду къ себѣ, между тѣмъ какъ Англія, державшаяся, повидимому, въ сторонѣ, воспользовалась всѣми выгодами тогдашняго положенія дѣлъ. Въ 1832 году предоставила она намъ спасти Порту отъ опасности, грозившей потрясти совершенно ея независимое существованіе; затѣмъ, видя что вліяніе наше въ Константинополѣ усилилось, англійское правительство поспѣшило соединиться въ 1839 году противъ насъ съ Франціей и Австріей; чтобы разрушить эту коалицію, мы принуждены были отказаться отъ Ункіаръ-Скелессійскаго договора и отъ нашего протектората надъ Турціей; отстранивъ опасность для себя съ этой стороны, Англія поспѣшила вступить въ соглашеніе съ нами и съ германскими державами, чтобъ уничтожить замыслы Франціи и нанести ударъ Мегмету-Али.... Сколько блестящихъ результатовъ въ самое короткое время! Неприкосновенность и цѣлость Оттоманской имперіи были обезпечены; могущественный соперникъ ея обращенъ въ ничтожество; Россія отказалась отъ своего сепаратнаго образа дѣйствій на Востокѣ; Франція принуждена была проститься съ своею завѣтною мечтой о господствѣ на Средиземномъ морѣ... Прошло лишь

нѣсколько мѣсяцевъ, и мы видимъ, что Мегметъ-Али, это послушное орудіе Тюльерійскаго кабинета, становится не менѣе вѣрнымъ сателлитомъ англійской политики: Англичане свободно распоряжаются въ Египтѣ и спѣшатъ проложить правильный путь чрезъ Суезскій перешеекъ, съ цѣлью установить ближайшее сообщеніе съ своими Остъ-Индскими владѣніями. Еще такъ незадолго до того паша отвѣчалъ упорнымъ отказомъ на всѣ ихъ домогательства!

Говоря о событіяхъ сороковыхъ годовъ на Востокѣ, мы не коснулись еще одной ихъ стороны, имѣвшей весьма важныя послѣдствія для Россіи, а именно многоразличныхъ преобразованій, задуманныхъ въ то время Портой. Султанъ Махмудъ былъ также реформаторомъ, но слово: „реформа“ имѣло совершенно особое значеніе въ его устахъ и въ устахъ его совѣтниковъ. Сообщить европейское устройство арміи, наполнить ее офицерами, обучавшимися въ заграничныхъ школахъ, воспользоваться, словомъ, плодами европейской цивилизаціи для всего, что̀ могло увеличить внѣшнее могущество имперіи, далѣе этого не простирались ихъ помыслы. Лица, окружавшія преемника его, Абдулъ-Меджида, взглянули на дѣло иначе: въ самый разгаръ борьбы съ египетскимъ пашой, когда Турціи угрожало, повидимому, неизбѣжное разложеніе, они поняли необходимость расположить въ ея пользу общественное имѣніе Европы такими мѣрами, которыя имѣли бы въ виду радикальный переворотъ въ политической системѣ Оттоманской имперіи, преимущественно же улучшеніе быта христіанскихъ ея народонаселеній, и за эту-то задачу взялся съ необыкновенною отвагой одинъ изъ молодыхъ министровъ султана, Решидъ-паша. Онъ остановился на этой мысли вовсе не вслѣдствіе самостоятельнаго убѣжденія, она была подсказана ему его европейскими друзьями, и до какой степени они сами вѣрили въ ея успѣхъ, можно видѣть изъ словъ государственнаго человѣка, который игралъ важную роль въ событіяхъ тогдашняго времени. Вотъ какъ выражается по этому поводу г. Гизо:

„Решиду-пашѣ недоставало одного изъ необходимѣйшихъ качествъ для успѣха задуманнаго имъ дѣла: онъ самъ былъ слишкомъ мало Турокъ, чтобы сдѣлаться могущественнымъ реформаторомъ въ Турціи. Съ дѣтства воспитанный въ Европѣ и занятый всю жизнь внѣшними сношеніями своего государства съ Европой, онъ былъ прежде всего европейскимъ

дипломатомъ: наблюдатель болѣе тонкій чѣмъ глубокій, политикъ искусный, но не обладавшій мужествомъ, онъ предался желанію и надеждѣ примѣнить къ Оттоманской имперіи нѣкоторыя изъ условій и основъ европейской цивилизаціи: не то чтобы въ глубинѣ своего сердца онъ обольщенъ былъ ею болѣе чѣмъ чисто-мусульманскими преданіями и нравами, но ему казалось, что лишь извѣстнымъ уподобленіемъ турецкаго правительства правительствамъ европейскимъ возможно было сохранить за его страной и за его повелителемъ подобающее имъ положеніе и вѣсъ въ европейской политикѣ. Решидъ-паша бросалъ по вѣтру чужеземныя сѣмена, не имѣя подъ собой почвы, на которой они могли бы пустить корень и дать плодъ.

„Въ политической жизни весьма часто проявляется наклонность обманывать себя и обманывать другихъ одною только внѣшностью. Мало такихъ людей, которые смотрятъ достаточно серіозно и на самихъ себя, и на то, надъ чѣмъ они работаютъ, чтобы дѣйствительно заинтересоваться своимъ трудомъ и подвигаться неуклонно къ своей цѣли. Когда Решидъ-паша обнародовалъ реформы, заключающіяся въ гюльханейскомъ гатти-шерифѣ, онъ былъ весьма доволенъ самъ собою и полагалъ, что Европа должна быть не менѣе довольна. Когда европейскіе дипломаты въ Константинополѣ добились нѣкоторыхъ перемѣнъ въ турецкой администраціи и коекакихъ уступокъ въ пользу восточныхъ христіанъ, они полагали, что сдѣлали очень много для укрѣпленія Оттоманской имперіи и для водворенія мира между христіанами и мусульманами, находящимися подъ ея владычествомъ. Обманъ или заблужденіе съ обѣихъ сторонъ! Ни турецкій реформаторъ, ни европейскіе дипломаты не давали себѣ яснаго отчета о задачахъ, предстоявшихъ ихъ разрѣшенію и не были слишкомъ требовательны относительно самихъ себя; еслибъ они внимательно углубились въ затрудненія, связанныя съ ихъ предпріятіемъ, и измѣрили тщательно то, что̀ они величали своимъ успѣхомъ, то увидали бы очень скоро громадную неудовлетворительность (l'immense insuffisance) своего дѣла....

„Чѣмъ чаще бесѣдовалъ я съ самыми значительными и просвѣщенными изъ мусульманскихъ политиковъ (и въ томъ числѣ съ Решидомъ-пашой), тѣмъ сильнѣе былъ пораженъ отсутствіемъ всякаго содержанія и безсиліемъ исламизма, котораго они служили представителями. Всѣ они были

исполнены печали и безпокойства за свое правительство и народъ; всѣ сознавали необходимость какихъ-нибудь реформъ; но ни въ ихъ идеяхъ, ни въ ихъ усиліяхъ для достиженія этой цѣли не было ничего самостоятельнаго и плодотворнаго; они думали и говорили не вслѣдствіе побужденія собственной мысли и не подъ вліяніемъ внутренней дѣятельности мусульманскаго общества,—всѣ ихъ преобразовательныя попытки являлись лишь рабскимъ заимствованіемъ европейской и христіанской цивилизаціи, заимствованіемъ, сдѣланнымъ съ цѣлію поддержать разлагающійся организмъ посредствомъ подражанія иноземцамъ, отъ сосѣдства и могущества которыхъ нельзя было уйдти. Но подражательность и страхъ никогда не бываютъ плодотворны. Всѣ эти мусульмане, предоставленные самимъ себѣ, не сдѣлали бы ровно ничего изъ того, что̀ старались испробовать на нихъ, и понятно всякому, кто не хочетъ довольствоваться только внѣшностію, что все испробованное оказалось тщетнымъ и поверхностнымъ.... Невозможно возлагать никакія серіозныя надежды на мусульманскій миръ ни для собственнаго его преобразованія, ни для христіанъ, которыхъ бѣдственныя обстоятельства подчинили его законамъ.“ *

Мы не думаемъ, чтобы можно было оспаривать глубокую истину вышеприведенныхъ словъ. Впрочемъ, если политическіе люди западной Европы встрѣтили рукоплесканіями преобразовательную дѣятельность Решида-паши, то вовсе не потому, чтобъ они довѣряли сколько-нибудь ея успѣху. Ими руководилъ въ этомъ случаѣ тонко разчитанный умыселъ: нужно было такъ или иначе привлечь симпатіи европейской публики къ Турціи; нужно было, по возможности, отнять на будущее время поводъ для вмѣшательства Россіи, показавъ, что Порта сама, и безъ всякаго посторонняго понужденія, готова примирить съ собою христіанскихъ своихъ подданныхъ. Еслибы не этотъ преднамѣренный разчетъ, то не трудно было бы уразумѣть всѣ несообразности, которыми отличался пресловутый гюльханейскій гатти-шерифъ (3-го ноября 1839 г.): „Для Решида-паши, говоритъ г. Розенъ, дѣло шло не столько о томъ, чтобы водворить новый порядокъ вещей, сколько о томъ, чтобы блеснуть документомъ, который съ пышностію и величіемъ обозначалъ бы программу турец-

* *Memoires de Guizot*, т. VII.

каго правительства на будущее время.... Документъ этотъ не имѣетъ никакихъ претензій на оригинальность; редакція его въ высшей степени не логична, ибо въ самомъ началѣ причиной упадка и безсилія имперіи выставляется отступничество отъ *старинныхъ* предписаній ислама; непосредственно же вслѣдъ затѣмъ, гатти-шерифъ говоритъ, что возстановить прежній блескъ и славу можно только посредствомъ *новыхъ* учрежденій, а въ концѣ упоминается опять, что единственный путь ко спасенію лежитъ въ неизмѣнной вѣрности установленнымъ издревле преданіямъ и обычаямъ. Очевидно, что составитель документа имѣлъ въ виду двоякую и діаметрально противоположную одна другой публику: ему хотѣлось восхваленіемъ старины расположить къ себѣ мусульманъ, а обѣщаніемъ нововведеній заслужить одобреніе христіанъ и преимущественно Европейцевъ."

Нечего, впрочемъ, г. Розену упрекать Решида-пашу въ непослѣдовательности, когда онъ самъ, произнести строгій приговоръ надъ гатти-шерифомъ, видитъ въ немъ, однако, „въ высшей степени достойный уваженія шагъ на пути реформы". Если разсуждаютъ такимъ образомъ въ наше время, послѣ цѣлаго ряда печальныхъ опытовъ надъ турецкими преобразованіями, то возможно ли удивляться, что за тридцать лѣтъ назадъ, смѣлая выходка Решида-паши встрѣчена была выспренними похвалами со стороны французской и англійской печати? Успѣхъ достался такъ легко и скоро, что долженъ былъ разохотить султана и его министровъ къ новымъ подвигамъ въ томъ же родѣ. Не прошло и года послѣ обнародованія гатти-шерифа, какъ вдругъ Европа узнала съ изумленіемъ, что въ Константинополѣ собирается парламентъ! Возможно ли было идти быстрѣе по пути прогресса? Такъ какъ невѣжественному мусульманскому народонаселенію трудно было предоставить выборъ депутатовъ, то само турецкое правительство озаботилось назначить ихъ: Абдулъ-Меджидъ честь-честью открылъ это замѣчательное собраніе рѣчью, которая, по образцу англійскихъ тронныхъ рѣчей, отличалась необыкновеннымъ лаконизмомъ; депутаты отвѣчали ему адресомъ въ чисто восточномъ стилѣ и мирно были распущены по домамъ. Тѣмъ комедія и кончилась; да и чего же можно было ожидать другаго? Еслибы мнимые депутаты дерзнули

заявить, что повсюду въ странѣ господствуютъ грабежъ, нищета и раззореніе, то правительство знало это очень хорошо и безъ нихъ, а что касается средствъ помочь злу, то средства эти были имъ извѣстны еще менѣе чѣмъ правительству. На этотъ разъ шутка показалась не совсѣмъ приличною даже самымъ ревностнымъ друзьямъ Турокъ въ Европѣ; вмѣсто ожидаемаго успѣха, она окончилась совершеннымъ *fiasco*. Впрочемъ, европейское общественное мнѣніе было снисходительно. Оно продолжало относиться съ одобреніемъ къ мнимому преобразовательному движенію въ Турціи несмотря на то что не видало никакихъ плодовъ его предъ собою, не взирая даже на собственное признаніе султана, что положеніе имперіи оставалось столь же плачевнымъ какъ и прежде. „Въ 1845 году, говоритъ г. Розенъ, появился султанскій гатти-шерифъ, объявлявшій во всеуслышаніе, что за исключеніемъ военной реформы, всѣ остальныя мѣры, разчитанныя на благоденствіе его подданныхъ, были или не приведены въ исполненіе, или истолкованы въ самомъ ложномъ смыслѣ. Этотъ замѣчательный и отнюдь не лестный для турецкаго чиновнаго міра документъ (не только объявленный, согласно обычаю, Портѣ, но официально сообщенный всѣмъ посольствамъ), присовокуплялъ въ концѣ, что причину столь печальнаго явленія нужно искать въ общемъ невѣжествѣ; поэтому предписано было министрамъ озаботиться учрежденіемъ въ государствѣ хорошихъ школъ, ибо-де только распространеніе полезныхъ знаній можетъ способствовать благотворнымъ реформамъ въ управленіи.“ Новый предметъ для восторговъ европейскихъ публицистовъ, новыя похвалы султану за его заботливость о просвѣщеніи, и въ результатѣ точно такой же пуфъ, какъ и всѣ прежніе!

Мы не думаемъ, однако, отрицать важность того мнимопреобразовательнаго движенія въ Турціи, о коемъ идетъ рѣчь. Само по себѣ оно не имѣло, конечно, никакого смысла, всѣ эти гюльханейскія хартіи, танзиматы, гатти-гамаюны были лишь обманомъ, разчитаннымъ на довѣрчивость европейской публики, но оно получаетъ весьма серіозное значеніе, если смотрѣть на него какъ на орудіе направленное противъ Россіи. Враги наши рѣшились поразить насъ на томъ самомъ пути, на которомъ мы полагали въ то время свою честь, достоинство и славу. Русское правительство гордилось тѣмъ, что не отступало ни на шагъ отъ строго

консервативной политики; для поддержанія союза съ германскими державами оно тщательно избѣгало всего, что̀ могло бы возбудить броженіе на Востокѣ; оно довольствовалось лишь тѣмъ, что настаивало предъ Портой о неуклонномъ соблюденіи ею установленныхъ трактатовъ, но голосъ его не раздавался надлежащимъ образомъ въ пользу многочисленныхъ христіанъ, которыхъ эти трактаты не касались вовсе и которые только чаяли своего избавленія, изнемогая подъ невыносимымъ игомъ. Минута была слѣдовательно въ высшей степени благопріятна для самой искусной и тонко разчитанной интриги противъ нашего отечества. Если откуда-либо могло выйдти безпощадное обличеніе всѣхъ безобразій, которыя вмѣщала въ себѣ турецкая система управленія, всѣхъ этихъ пресловутыхъ реформъ, имѣвшихъ цѣлію прикрыть пышными фразами вопіющее зло, то конечно со стороны Россіи; въ этомъ заключалось наше призваніе и обязанность, но если Россія безмолвствовала, то не выгодно ли было именно въ эту минуту окружить Порту ореоломъ либерализма? Правда, либерализмъ этотъ нисколько не отражался на внутреннемъ положеніи самой Турціи, но за то она являлась поборницей всѣхъ революціонныхъ движеній, совершавшихся въ Европѣ. Съ одной стороны Россія съ своею консервативною политикой, съ своимъ упорнымъ противодѣйствіемъ народнымъ движеніямъ, съ другой Порта, открывающая у себя прибѣжище анархическимъ элементамъ изъ всѣхъ странъ Европы: ее ли можно упрекнуть въ недостаткѣ сочувствія къ прогрессу? Не къ ней ли долженствовали быть направлены симпатіи космополитической революціонной партіи, которой суждено было ознаменовать вскорѣ свое торжество цѣлымъ рядомъ потрясеній?

Смотря на вопросъ съ этой точки зрѣнія, легко уяснить себѣ тѣ чудовищныя явленія, которыми отличалась политика Порты въ сороковыхъ годахъ. Возможно ли повѣрить, напримѣръ, что турецкое правительство обнаружило самый горячій интересъ къ движенію, происходившему на Италіянскомъ полуостровѣ, подъ руководствомъ Пія IX? Дѣло дошло въ одно время до того, что въ Константинополѣ появился папскій уполномоченный, архіепископъ Ферріери и велъ дѣятельные переговоры о „мирномъ и дружескомъ союзѣ“ между главой католическаго міра и повелителемъ мусульманъ. „Порта, говоритъ г. Розенъ, смотрѣла съ радо-

стію на возрожденіе Италіи—этого дѣтища либерализма, *долженствовавшаго уже по этому самому находиться, какъ полагала она, въ духовномъ сродствѣ съ Турціей*... Сильное возбужденіе, обнаружившееся со вступленіемъ на престолъ Пія IX, не могло не встрѣтить отголоска въ многочисленной франко-италіянской колоніи въ Константинополѣ. Слѣдовало бы, кажется, предполагать, что обветшалая имперія Османлисовъ была недоступна вліянію новыхъ идей. Какъ можно было, въ самомъ дѣлѣ, правительству ея говорить о равенствѣ и свободѣ, когда оно поддерживало господство одного племени, которое обращается, какъ пастухъ со стадомъ, съ подвластнымъ ему многочисленнымъ народонаселеніемъ, лишеннымъ всякихъ политическихъ и гражданскихъ правъ? Какъ возможно было этому правительству затрогивать соціальные вопросы, пока династія плодилась посредствомъ гарема купленныхъ невольницъ? Существенный интересъ побуждалъ, повидимому, министровъ султана держаться въ сторонѣ отъ всякаго движенія, но апатія и безнадежное положеніе восточныхъ христіанъ облегчали имъ средства кокетничать съ либерализмомъ, нисколько не опасаясь, что затрогиваемые ими вопросы справедливости и гуманности пробудятъ къ жизни подавленныя Турками племена. Въ то время какъ континентальныя правительства, несмотря на свое могущество и неизмѣримо высшее благосостояніе своихъ подданныхъ, относились со смущеніемъ и страхомъ къ революціонному потоку, Решидъ-паша, стоявшій во главѣ ницценской, безсильной Порты, не задумался ни на минуту, подъ вліяніемъ политическихъ выходцевъ и преимущественно польскихъ эмиссаровъ, протянуть руку для братскаго пожатія *новому времени*.“ Извѣстно въ какія отношенія стала Порта къ венгерскому возстанію; она не успокоилась даже послѣ того какъ возстаніе это было окончательно подавлено и продолжала, какъ извѣстно, оказывать ревностное покровительство его руководителямъ, принужденнымъ въ послѣдствіи спасаться бѣгствомъ. Вообще Константинополь сдѣлался сборнымъ мѣстомъ политическихъ выходцевъ изъ всѣхъ странъ, которые занимались тамъ заговорами совершенно безпрепятственно: особый комитетъ, составленный ими, держалъ въ своихъ рукахъ нити общеевропейской революціи. И чѣмъ далѣе шла Порта по этому пути, тѣмъ тонъ ея относительно Россіи становился

рѣзче и несговорчивѣе. „Чѣмъ объяснить такое явленіе? спрашиваетъ г. Розенъ. Русская дипломатія могла отыскивать причины его въ интригахъ политическихъ выходцевъ, или въ удаленіи со службы перваго драгомана императорскаго посольства, князя Ганджери, который въ теченіи долгихъ лѣтъ пользовался большимъ вліяніемъ на Порту, а также,—и, быть-можетъ, главнымъ образомъ,—въ тѣсномъ взаимодѣйствіи двухъ государственныхъ людей: Решида-паши и Стратфорда-Каннинга, которые оба, и съ одинаковымъ рвеніемъ, стремились упрочить сближеніе между Турціей и Англіей. Конечно, всѣ эти причины существовали и обнаруживали свое дѣйствіе; но русское правительство упускало, какъ кажется, изъ виду еще другую и несравненно болѣе важную. Она не хотѣла обратить достаточно вниманія на силу общественнаго мнѣнія въ цивилизованномъ мірѣ, которое все рѣзче отвращалось отъ Россіи, враждебной всякому прогрессу, угрожавшей Европѣ рабствомъ и гнетомъ, и все съ бо́льшимъ сочувствіемъ относилось къ Портѣ, которая привлекала ея симпатіи уже потому, что должна была сдѣлаться первою жертвой русскихъ угрозъ. Русское правительство знало сколько въ этомъ общественномъ мнѣніи было неяснаго, преднамѣреннаго, лживаго; оно не сомнѣвалось, что въ немъ произойдетъ быстрый переворотъ, а потому не могла привыкнуть уважать его какъ самостоятельную силу. Вслѣдствіе того оно упорствовало играть относительно Турціи роль, которая отнюдь не сообразовалась съ обстоятельствами и отъ которой было бы несравненно лучше для него отказаться совершенно. Оно не хотѣло принять въ разчетъ враждебныхъ ему заявленій иностранной печати въ конституціонныхъ государствахъ; напротивъ, становилось все болѣе и болѣе надменнымъ, по мѣрѣ того какъ чувствовало себя одинокимъ, до тѣхъ поръ, пока цѣной тяжкихъ бѣдствій уразумѣло значеніе симпатій европейскаго общественнаго мнѣнія къ Портѣ и вынуждено было уступить имъ....“

Дѣйствительно, враги наши могли торжествовать заранѣе свою побѣду. Было еще далеко до 1853 года, но всѣ элементы для могущественной коалиціи противъ Россіи находились уже на-готовѣ. Укоренившееся убѣжденіе, что русское правительство преслѣдуетъ корыстные замыслы на Востокѣ; недоброжелательство къ намъ общественнаго мнѣнія въ

Европѣ и сочувствіе этого общественнаго мнѣнія Турціи, ко торую постарались окружить ореоломъ мнимаго либерализма,—все это имѣетъ свой корень въ событіяхъ 1830—1840 годовъ. Таковы были неизбѣжныя послѣдствія усвоенной нами политики, послѣдствія тѣмъ болѣе печальныя, что мы дѣйствовали вполнѣ искренно, принося жертвы для другихъ и не пользуясь ни малѣйшими выгодами для самихъ себя. Если мы ласкали себя надеждой, что намъ удастся утвердить свое вліяніе въ Константинополѣ и облегчить судьбу родственныхъ намъ по духу и крови христіанскихъ племенъ, то это была не болѣе какъ мечта. Наше вліяніе долженствовало неминуемо столкнуться съ другими, враждебными ему,—и не трудно было предвидѣть, что побѣда останется не за нами. Мы поддерживали Порту не иначе какъ подъ извѣстными условіями, домогаясь отъ нея уступокъ требованіямъ человѣколюбія и справедливости; другіе обнаруживали готовность сдѣлать это совершенно безусловно, не заботясь нисколько о христіанскихъ племенахъ и имѣя въ виду прежде всего прочность и крѣпость мусульманскаго владычества. Вотъ почему, несмотря на „безпримѣрное великодушіе“ (слова г. Розена), съ которымъ старались мы облегчить султану выполненіе нѣкоторыхъ условій Адріанопольскаго трактата, несмотря на дѣятельную помощь, оказанную ему нами въ 1833 году, онъ устремлялъ свои взоры на Англію и Австрію, не посылавшихъ ему ни своего флота, ни своихъ войскъ, но въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ естественныхъ союзниковъ. Не могли же мы въ самомъ дѣлѣ забыть до такой степени объ историческомъ своемъ призваніи и о національныхъ своихъ интересахъ, чтобы пожертвовать восточными христіанами ради какого-то союза съ Турціей, не имѣвшаго ни цѣли, ни смысла! Еслибы мы отважились даже на подобную вопіющую нелѣпость, то намъ все-таки не повѣрили бы. Съ этой точки зрѣнія событія 1830 — 1840 годовъ особенно поучительны: никогда, въ теченіе всей нашей исторіи, не обнаруживали мы такой готовности жить въ добромъ согласіи съ Портой, и именно въ это время недовѣріе и недоброжелательство къ намъ европейскихъ правительствъ и европейскаго общественнаго мнѣнія достигли высшихъ размѣровъ. Каждый нашъ шагъ былъ истолкованъ въ превратномъ смыслѣ, въ каждомъ нашемъ дѣйствіи хотѣли видѣть

злое намѣреніе: чтобы составить себѣ понятіе объ этой подозрительности стóитъ только прочесть книгу г. Розена, а авторъ ея принадлежитъ еще къ націи, у которой, повидимому, долженствовало бы быть наименѣе счетовъ съ Россіей на Востокѣ.

Западныя державы испугались въ тридцатыхъ годахъ намѣренія нашего поддерживать Порту. Онѣ рѣшились доказать, что Порта можетъ держаться сама на своихъ ногахъ. Отсюда попытки турецкихъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью распространить убѣжденіе, будто бы политическій и общественный организмъ, основу коего составляютъ чисто азіятскій деспотизмъ, рабство, полигамія, гаремы, способенъ усвоить себѣ начала европейской цивилизаціи и обезпечить свободное развитіе для христіанскихъ племенъ. Если нелѣпыя надежды эти, искусственно поддерживаемыя государственными людьми западной Европы, которые сами отнюдь имъ не вѣрили, могли одно время сбивать съ толку публику, то отъ насъ зависѣло, конечно, нанести имъ ударъ съ самаго начала. Христіанскія племена не протестовали противъ недостойной игры, совершавшейся на ихъ счетъ, только потому, что страшились нигдѣ не найдти себѣ поддержки; невольная, совершенно мнимая ихъ апатія была искусно эксплуатирована Портой. Россіи не нужно было даже вызывать движенія въ средѣ восточныхъ христіанъ; ей предстояло только со всею силой своего авторитета, съ твердымъ сознаніемъ долга, лежавшаго на ней, указать гласно и открыто на печальную дѣйствительность, противопоставить всѣмъ этимъ толкамъ о реформахъ картину вопіющихъ беззаконій, насилій и преслѣдованій, процвѣтавшихъ подъ властью султана. Русское правительство приняло на себя именно эту задачу въ настоящее время, и всякій знаетъ, съ какимъ успѣхомъ была она исполнена. Мы знаемъ, что и теперь недовѣріе и недоброжелательство къ нашему отечеству столь же сильны какъ и прежде, мы знаемъ, что и теперь ожидаютъ насъ, быть-можетъ, грозныя испытанія на почвѣ Восточнаго вопроса, но по крайней мѣрѣ мы вырвали изъ рукъ нашихъ недоброжелателей тѣ аргументы, которыми они съ такимъ коварствомъ пользовались противъ насъ. Остается лишь жалѣть, что это возвращеніе къ началамъ здравой политики было достигнуто путемъ тяжело искупленныхъ нами заблужденій.

ЕВ. ѲЕОКТИСТОВЪ.

ИДІОТЪ

РОМАНЪ.

(Посвящено Софьѣ Александровнѣ Ивановой.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ ноября, въ оттепель, часовъ въ девять утра, поѣздъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на всѣхъ парахъ подходилъ къ Петербургу. Было такъ сыро и туманно, что насилу разсвѣло; въ десяти шагахъ, вправо и влѣво отъ дороги, трудно было разглядѣть хоть что̀-нибудь изъ оконъ вагона. Изъ пассажировъ были и возвращавшіеся изъ-за границы; но болѣе были наполнены отдѣленія для третьяго класса, и все людомъ мелкимъ и дѣловымъ, не изъ очень далека. Всѣ, какъ водится, устали, у всѣхъ отяжелѣли за ночь глаза, всѣ назяблись, всѣ лица были блѣдножелтыя, подъ цвѣтъ тумана.

Въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, съ разсвѣта, очутились другъ противъ друга, у самаго окна, два пассажира, — оба люди молодые, оба почти на-легкѣ, оба не щегольски одѣтые, оба съ довольно замѣчательными физіономіями, и оба пожелавшіе, наконецъ, войдти другъ съ другомъ въ разговоръ. Еслибъ они оба знали одинъ про другаго чѣмъ они особенно въ эту минуту замѣчательны, то, конечно,

подивились бы, что случай такъ странно посадилъ ихъ другъ противъ друга въ третьеклассномъ вагонѣ Петербургско-Варшавскаго поѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ небольшаго роста, лѣтъ двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, съ сѣрыми, маленькими, но огненными глазами. Носъ его былъ широкъ и сплюснутъ, лицо скулистое; тонкія губы безпрерывно складывались въ какую-то наглую, насмѣшливую и даже злую улыбку; но лобъ его былъ высокъ и хорошо сформированъ и скрашивалъ неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно примѣтна была въ этомъ лицѣ его мертвая блѣдность, придававшая всей физіономіи молодаго человѣка изможденный видъ, несмотря на довольно крѣпкое сложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то страстное, до страданія, не гармонировавшее съ нахальною и грубою улыбкой и съ рѣзкимъ, самодовольнымъ его взглядомъ. Онъ былъ тепло одѣтъ, въ широкій, мерлушечій, черный, крытый тулупъ, и за ночь не зябъ, тогда какъ сосѣдъ его принужденъ былъ вынести на своей издрогшей спинѣ всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, къ которой, очевидно, былъ не приготовленъ. На немъ былъ довольно широкій и толстый плащъ безъ рукавовъ и съ огромнымъ капюшономъ, точь-въ-точь какъ употребляютъ часто дорожные, по зимамъ, гдѣ-нибудь далеко за границей, въ Швейцаріи, или, напримѣръ, въ Сѣверной Италіи, не разчитывая, конечно, при этомъ и на такіе концы по дорогѣ, какъ отъ Эйдкунена до Петербурга. Но что̀ годилось и вполнѣ удовлетворяло въ Италіи, то оказалось не совсѣмъ пригоднымъ въ Россіи. Обладатель плаща съ капюшономъ былъ молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше средняго, очень бѣлокуръ, густоволосъ, со впалыми щеками и съ легонькою, востренькою, почти совершенно бѣлою бородкой. Глаза его были большіе, голубые и пристальные; во взглядѣ ихъ было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того страннаго выраженія, по которому нѣкоторые угадываютъ съ перваго взгляда въ субъектѣ падучую болѣзнь. Лицо молодаго человѣка было, впрочемъ, пріятное, тонкое и сухое, но безцвѣтное, а теперь даже до̀-синя иззябшее. Въ рукахъ его болтался тощій узелокъ изъ стараго, полинялаго фуляра, заключавшій, кажется, все его дорожное достояніе. На ногахъ его были толстоподошвенные башмаки съ штиблетами,— все не по-русски. Черноволосый сосѣдъ въ крытомъ

Ну, вотъ зачѣмъ я тутъ не померъ тогда же! Да если и пошелъ, такъ потому что думалъ: „все равно, живой не вернусь!“ А обиднѣе всего мнѣ то показалось, что этотъ бестія Залежевъ все на себя присвоилъ. Я и ростомъ малъ, и одѣтъ какъ холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно, а онъ по всей модѣ, въ помадѣ и завитой, румяный, галстухъ клѣтчатый, — такъ и разсыпается, такъ и расшаркивается, и ужь навѣрно она его тутъ вмѣсто меня приняла! „Ну, говорю, какъ мы вышли, ты у меня теперь тутъ не смѣй и подумать, понимаешь!“ Смѣется: „а вотъ какъ-то ты теперь Семену Парѳенычу отчетъ отдавать будешь?“ Я, правда, хотѣлъ было тогда же въ воду, домой не заходя, да думаю: „вѣдь ужь все равно“, и какъ окаянный воротился домой.

— Эхъ! Ухъ! кривился чиновникъ, и даже дрожь его пробирала: — а вѣдь покойникъ не то что за десять тысячъ, а за десять цѣлковыхъ на тотъ свѣтъ сживывалъ, кивнулъ онъ князю. Князь съ любопытствомъ разсматривалъ Рогожина; казалось, тотъ былъ еще блѣднѣе въ эту минуту.

— Сживывалъ! переговорилъ Рогожинъ: — ты что̀ знаешь? Тотчасъ, продолжалъ онъ князю, — про все узналъ, да и Залежевъ каждому встрѣчному пошелъ болтать. Взялъ меня родитель, и на верху заперъ, и цѣлый часъ поучалъ. „Это я только, говоритъ, предуготовляю тебя, а вотъ я съ тобой еще на ночь попрощаться зайду“. Что̀ жь ты думаешь? Поѣхалъ сѣдой къ Настасьѣ Филипповнѣ, земно ей кланялся, умолялъ и плакалъ; вынесла она ему наконецъ коробку, шваркнула: „Вотъ, говоритъ, тебѣ, старая борода, твои серьги, а онѣ мнѣ теперь въ десять разъ дороже цѣной, коли изъ-подъ такой грозы ихъ Парѳенъ добывалъ. Кланяйся, говоритъ, и благодари Парѳена Семеныча.“ Ну, а я этой порой, по матушкину благословенію, у Сережки Протушина двадцать рублей досталъ, да во Псковъ по машинѣ и отправился, да пріѣхалъ-то въ лихорадкѣ; меня тамъ святцами зачитывать старухи принялись, а я пьянъ сижу, да пошелъ потомъ по кабакамъ на послѣднія, да въ безчувствіи всю ночь на улицѣ и провалялся, анъ къ утру горячка, а тѣмъ временемъ за ночь еще собаки обгрызли. На силу очнулся.

— Ну-съ, ну-съ, теперь запоетъ у насъ Настасья Филипповна!

потирая руки хихикалъ чиновникъ:—теперь, сударь, что̀ подвѣски! Теперь мы такія подвѣски вознаградимъ....

— А то, что если ты хоть разъ про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то вотъ тебѣ Богъ, тебя высѣку, даромъ что ты съ Лихачевымъ ѣздилъ, вскрикнулъ Рогожинъ, крѣпко схвативъ его за руку.

— А коли высѣчешь, значитъ и не отвергнешь! Сѣки! Тѣмъ самымъ пріобрѣтешь! Высѣкъ, и тѣмъ самымъ запечатлѣлъ.... А вотъ и пріѣхали!

Дѣйствительно, въѣзжали въ вокзалъ. Хотя Рогожинъ и говорилъ, что уѣхалъ тихонько, но его уже поджидали нѣсколько человѣкъ. Они кричали и махали ему шапками.

— Ишь, и Залежевъ тутъ! пробормоталъ Рогожинъ, смотря на нихъ съ торжествующею и даже какъ бы злобною улыбкой, и вдругъ оборотился къ князю:—Князь, неизвѣстно мнѣ за что̀ я тебя полюбилъ. Можетъ, оттого, что въ эдакую минуту встрѣтилъ, да вотъ вѣдь и его встрѣтилъ (онъ указалъ на Лебедева), а вѣдь не полюбилъ же его. Приходи ко мнѣ, князь. Мы эти штиблетишки-то съ тебя поснимаемъ, одѣну тебя въ кунью шубу въ первѣйшую; фракъ тебѣ сошью первѣйшій, жилетку бѣлую, али какую хошь, денегъ полны карманы набью и.... поѣдемъ къ Настасьѣ Филипповнѣ! Придешь, али нѣтъ?

— Внимайте, князь Левъ Николаевичъ! внушительно и торжественно подхватилъ Лебедевъ.—Ой, не упускайте! Ой, не упускайте!...

Князь Мышкинъ привсталъ, вѣжливо протянулъ Рогожину руку и любезно сказалъ ему:

— Съ величайшимъ удовольствіемъ приду и очень васъ благодарю за то, что вы меня полюбили. Даже, можетъ-быть, сегодня же приду, если успѣю. Потому, я вамъ скажу откровенно, вы мнѣ сами очень понравились и особенно, когда про подвѣски бриллiантовыя разказывали. Даже и прежде подвѣсокъ понравились, хотя у васъ и сумрачное лицо. Благодарю васъ тоже за обѣщанныя мнѣ платья и за шубу, потому мнѣ дѣйствительно платье и шуба скоро понадобятся. Денегъ же у меня въ настоящую минуту почти ни копѣйки нѣтъ.

— Деньги будутъ, къ вечеру будутъ, приходи!

— Будутъ, будутъ, подхватилъ чиновникъ, — къ вечеру до зари еще будутъ!

тулупѣ все это разглядѣлъ, частію отъ нечего дѣлать, и, наконецъ, спросилъ съ тою неделикатною усмѣшкой, въ которой такъ безцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствіе при неудачахъ ближняго:

— Зябко?

И повелъ плечами.

— Очень, отвѣтилъ сосѣдъ съ чрезвычайною готовностью,— и замѣтьте, это еще оттепель. Что̀ жь, еслибы морозъ? Я даже не думалъ, что у насъ такъ холодно. Отвыкъ.

— Изъ-за границы что ль?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фью! Экъ вѣдь васъ!...

Черноволосый присвистнулъ и захохоталъ.

Завязался разговоръ. Готовность бѣлокураго молодаго человѣка въ швейцарскомъ плащѣ отвѣчать на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣстности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ между прочимъ, что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ за границу по болѣзни, по какой-то странной нервной болѣзни, въ родѣ падучей или Виттовой пляски, какихъ-то дрожаній и судорогъ. Слушая его, черномазый нѣсколько разъ усмѣхался; особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: „что̀ же, вылѣчили?“—бѣлокурый отвѣчалъ, что „нѣтъ, не вылѣчили“.

— Хе! Денегъ что̀, должно-быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый.

— Истинная правда! ввязался въ разговоръ одинъ сидѣвшій рядомъ и дурно одѣтый господинъ, нѣчто въ родѣ закорузлаго въ подъячествѣ чиновника, лѣтъ сорока, сильнаго сложенія, съ краснымъ носомъ и угреватымъ лицомъ:—истинная правда-съ, только всѣ русскія силы даромъ къ себѣ переводятъ!

— О, какъ вы въ моемъ случаѣ ошибаетесь, подхватилъ швейцарскій паціентъ, тихимъ и примиряющимъ голосомъ;— конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой докторъ мнѣ изъ своихъ послѣднихъ еще на дорогу сюда далъ, да два почти года тамъ на свой счетъ содержалъ.

— Что̀ жь, некому платить что ли было? спросилъ черномазый.

— Да, господинъ Павлищевъ, который меня тамъ соде-

жалъ, два года назадъ померъ; я писалъ потомъ сюда генеральшѣ Епанчиной, моей дальней родственницѣ, но отвѣта не получилъ. Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда же пріѣхали-то?

— То-есть, гдѣ остановлюсь?... Да не знаю еще, право.... такъ....

— Не рѣшились еще?

И оба слушателя снова захохотали.

— И небось въ этомъ узелкѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

— Объ закладъ готовъ биться, что такъ, подхватилъ съ чрезвычайно довольнымъ видомъ красноносый чиновникъ,— и что дальнѣйшей поклажи въ багажныхъ вагонахъ не имѣется, хотя бѣдность и не порокъ, чего опять-таки нельзя не замѣтить.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человѣкъ тотчасъ же и съ необыкновенною поспѣшностью въ этомъ признался.

— Узелокъ вашъ все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе, продолжалъ чиновникъ, когда нахохотались до сыта (замѣчательно, что и самъ обладатель узелка началъ, наконецъ, смѣяться, глядя на нихъ, что̀ увеличило ихъ веселость),—и хотя можно побиться, что въ немъ не заключается золотыхъ, заграничныхъ свертковъ съ наполеондорами и фридрихсдорами, ниже съ голландскими арабчиками, о чемъ можно еще заключить, хотя бы только по штиблетамъ, облекающимъ иностранные башмаки ваши, но.... если къ вашему узелку прибавить въ придачу такую будто бы родственницу, какъ, примѣрно, генеральша Епанчина, то и узелокъ приметъ нѣкоторое иное значеніе, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если генеральша Епанчина вамъ дѣйствительно родственница, и вы не ошибаетесь, по разсѣянности.... что̀ очень и очень свойственно человѣку, ну хоть.... отъ излишка воображенія.

— О, вы угадали опять, подхватилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, — вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то-есть, почти что не родственница; до того даже, что я, право, нисколько и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ.

— Даромъ деньги на франкировку письма истратили. Гм.... по крайней мѣрѣ простодушны и искренны, а сіе похвально!

Гм.... генерала же Епанчина знаемъ-съ, собственно потому, что человѣкъ общеизвѣстный; да и покойнаго господина Павлищева, который васъ въ Швейцаріи содержалъ, тоже знавали-съ, если только это былъ Николай Андреевичъ Павлищевъ, потому что ихъ два двоюродные брата. Другой доселѣ въ Крыму, а Николай Андреевичъ, покойникъ, былъ человѣкъ почтенный и при связяхъ, и четыре тысячи душъ въ свое время имѣли-съ....

— Точно такъ, его звали Николай Андреевичъ Павлищевъ,— и отвѣтивъ, молодой человѣкъ пристально и пытливо оглядѣлъ господина всезнайку.

Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже довольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они все знаютъ, вся безпокойная пытливость ихъ ума и способности устремляются неудержимо въ одну сторону, конечно, за отсутствіемъ болѣе важныхъ жизненныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ сказалъ бы современный мыслитель. Подъ словомъ: „все знаютъ“ нужно разумѣть, впрочемъ, область довольно ограниченную: гдѣ служитъ такой-то? съ кѣмъ онъ знакомъ, сколько у него состоянія, гдѣ былъ губернаторомъ, на комъ женатъ, сколько взялъ за женой, кто ему двоюроднымъ братомъ приходится, кто троюроднымъ и т. д., и т. д., и все этомъ родѣ. Большею частію эти всезнайки ходятъ съ ободранными локтями и получаютъ по семнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Люди, о которыхъ они знаютъ всю подноготную, конечно, не придумали бы какіе интересы руководствуютъ ими, а между тѣмъ многіе изъ нихъ этимъ знаніемъ, равняющимся цѣлой наукѣ, положительно утѣшены, достигаютъ самоуваженія и даже высшаго духовнаго довольства. Да и наука соблазнительная. Я видалъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтавшихъ и обрѣтшихъ въ этой же наукѣ свои высшія примиренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣлавшихъ карьеру. Въ продолженіе всего этого разговора черномазый молодой человѣкъ зѣвалъ, смотрѣлъ безъ цѣли въ окно и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца путешествія. Онъ былъ какъ-то разсѣянъ, что-то очень разсѣянъ, чуть ли не встревоженъ, даже становился какъ-то страненъ: иной разъ слушалъ и не слушалъ, глядѣлъ и не глядѣлъ, смѣялся и подчасъ самъ не зналъ и не помнилъ чему смѣялся.

— А позвольте, съ кѣмъ имѣю честь.... обратился вдругъ

угреватый господинъ къ бѣлокурому молодому человѣку съ узелкомъ.

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, отвѣчалъ тотъ съ полною и немедленною готовностью.

— Князь Мышкинъ? Левъ Николаевичъ? Не знаю-съ. Такъ что даже и не слыхивалъ-съ, отвѣчалъ въ раздумьи чиновникъ, — то-есть, я не объ имени, имя историческое, въ Карамзина исторіи найдти можно и должно, я объ лицѣ-съ, да и князей Мышкиныхъ ужь что-то нигдѣ не встрѣчается, даже и слухъ затихъ-съ.

— О, еще бы! тотчасъ же отвѣтилъ князь:—князей Мышкиныхъ теперь и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдній. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у насъ и однодворцами бывали. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ. Да вотъ не знаю какимъ образомъ и генеральша Епанчина очутилась тоже изъ княженъ Мышкиныхъ, тоже послѣдняя въ своемъ родѣ....

— Хе-хе-хе! Послѣдняя въ своемъ родѣ! Хе-хе! Какъ это вы оборотили, захихикалъ чиновникъ.

Усмѣхнулся тоже и черномазый. Бѣлокурый нѣсколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочемъ, плохой каламбуръ.

— А представьте, я совсѣмъ не думая сказалъ, пояснилъ онъ, наконецъ, въ удивленіи.

— Да ужь понятно-съ, понятно-съ, весело поддакнулъ чиновникъ.

— А что вы, князь, и наукамъ тамъ обучались, у профессора-то? спросилъ вдругъ черномазый.

— Да.... учился....

— А я вотъ ничему никогда не обучался.

— Да вѣдь и я такъ кой-чему только, прибавилъ князь, чуть не въ извиненіе. — Меня по болѣзни не находили возможнымъ систематически учить.

— Рогожиныхъ знаете? быстро спросилъ черномазый.

— Нѣтъ, не знаю, совсѣмъ. Я вѣдь въ Россіи очень мало кого знаю. Это вы-то Рогожинъ?

— Да, я, Рогожинъ, Парѳенъ.

— Парѳенъ? Да ужь это не тѣхъ ли самыхъ Рогожиныхъ.... началъ-было съ усиленною важностью чиновникъ.

— Да, тѣхъ, тѣхъ самыхъ, быстро и съ невѣжливымъ нетерпѣніемъ перебилъ его черномазый, который вовсе, впро-

чемъ, и не обращался ни разу къ угреватому чиновнику, а съ самаго начала говорилъ только одному князю.

— Да.... какже это? удивился до столбняка и чуть не выпучилъ глаза чиновникъ, у котораго все лицо тотчасъ же стало складываться во что-то благоговѣйное и подобострастное, даже испуганное:—это того самаго Семена Парфеновича Рогожина, потомственнаго почетнаго гражданина, что̀ съ мѣсяцъ назадъ тому помре и два съ половиной милліона капиталу оставилъ?

— А ты откуда узналъ, что онъ два съ половиной милліона чистаго капиталу оставилъ? перебилъ черномазый, не удостоивая и въ этотъ разъ взглянуть на чиновника:—ишь вѣдь! (мигнулъ онъ на него князю) и что̀ только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ же лѣзутъ? А это правда, что вотъ родитель мой померъ, а я изъ Пскова черезъ мѣсяцъ чуть не безъ сапогъ домой ѣду. Ни братъ подлецъ, ни мать, ни денегъ, ни увѣдомленія,—ничего не прислали! Какъ собакѣ! Въ горячкѣ въ Псковѣ весь мѣсяцъ пролежалъ.

— А теперь милліончикъ слишкомъ разомъ получить приходится, и это по крайней мѣрѣ, о, Господи! всплеснулъ руками чиновникъ.

— Ну чего ему, скажите пожалуста! раздражительно и злобно кивнулъ на него опять Рогожинъ: — вѣдь я тебѣ ни копѣйки не дамъ, хоть ты тутъ вверхъ ногами предо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, не дамъ, хошь цѣлую недѣлю пляши!

— И не давай! Такъ мнѣ и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, дѣтей малыхъ брошу, а предъ тобой буду плясать. Польсти, польсти!

— Тьфу тебя! сплюнулъ черномазый.—Пять недѣль назадъ я вотъ какъ и вы, обратился онъ къ князю,—съ однимъ узелкомъ отъ родителя во Псковъ убѣгъ, къ теткѣ; да въ горячкѣ тамъ и слегъ, а онъ безъ меня и помре. Кондрашка пришибъ. Вѣчная память покойнику, а чуть меня тогда до̀ смерти не убилъ! Вѣрите ли, князь, вотъ ей-Богу! Не убѣги я тогда, какъ разъ бы убилъ.

— Вы его чѣмъ-нибудь разсердили? отозвался князь, съ нѣкоторымъ особеннымъ любопытствомъ разсматривая

милліонера въ тулупѣ. Но хотя и могло быть нѣчто достопримѣчательное собственно въ милліонѣ и въ полученіи наслѣдства, князя удивило и заинтересовало и еще что-то другое; да и Рогожинъ самъ почему-то особенно охотно взялъ князя въ свои собесѣдники, хотя въ собесѣдничествѣ нуждался, казалось, болѣе механически чѣмъ нравственно; какъ-то болѣе отъ разсѣянности чѣмъ отъ простосердечія; отъ тревоги, отъ волненія, чтобы только глядѣть на кого-нибудь и о чемъ-нибудь языкомъ колотить. Казалось, что онъ до сихъ поръ въ горячкѣ, и ужь по крайней мѣрѣ въ лихорадкѣ. Что же касается до чиновника, такъ тотъ такъ и повисъ надъ Рогожинымъ, дыхнуть не смѣлъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, точно бриллианта искалъ.

— Разсердился-то онъ разсердился, да можетъ и стоило, отвѣчалъ Рогожинъ,—но меня пуще всего братъ доѣхалъ. Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четьи-Минеи читаетъ, со старухами сидитъ, и что Сенька-братъ порѣшитъ, такъ тому и быть. А онъ что же мнѣ знать-то въ свое время не далъ? Понимаемъ-съ! Оно правда, я тогда безъ памяти былъ. Тоже, говорятъ, телеграмма была пущена. Да телеграмма-то къ теткѣ и приди. А она тамъ тридцатый годъ вдовствуетъ и все съ юродивыми сидитъ съ утра до ночи. Монашенка не монашенка, а еще пуще того. Телеграммы-то она испужалась, да не распечатывая въ часть и представила, такъ она тамъ и залегла до сихъ поръ. Только Коневъ, Василій Васильичъ, выручилъ, все отписалъ. Съ покрова парчеваго на гробѣ родителя, ночью, братъ кисти литыя, золотыя, обрѣзалъ: „онѣ дескать эвона какихъ денегъ стоятъ“. Да вѣдь онъ за это одно въ Сибирь пойдти можетъ, если я захочу, потому оно есть святотатство. Эй ты, пугало гороховое! обратился онъ къ чиновнику.—Какъ по закону: святотатство?

— Святотатство! Святотатство! тотчасъ же поддакнулъ чиновникъ.

— За это въ Сибирь?

— Въ Сибирь, въ Сибирь! Тотчасъ въ Сибирь!

— Они все думаютъ, что я еще боленъ, продолжалъ Рогожинъ князю,—а я, ни слова не говоря, потихоньку, ещё больной, сѣлъ въ вагонъ, да и ѣду; отворяй ворота, братецъ Семенъ Семенычъ! Онъ родителю покойному на меня нагова-ривалъ, я знаю. А что я дѣйствительно чрезъ Настасью

Филипповну тогда родителя раздражилъ, такъ это правда. Тутъ ужь я одинъ. Попуталъ грѣхъ.

— Чрезъ Настасью Филипповну? подобострастно промолвилъ чиновникъ, какъ бы что-то соображая.

— Да вѣдь не знаешь! крикнулъ на него въ нетерпѣніи Рогожинъ.

— Анъ и знаю! побѣдоносно отвѣчалъ чиновникъ.

— Эвона! Да мало ль Настасій Филипповнъ! И какая ты наглая, я тебѣ скажу, тварь! Ну, вотъ такъ и зналъ, что какая-нибудь вотъ этакая тварь такъ тотчасъ же и повиснетъ! продолжалъ онъ князю.

— Анъ, можетъ, и знаю-съ! тормошился чиновникъ:—Лебедевъ знаетъ! Вы, ваша свѣтлость, меня укорять изволите, а что̀ коли я докажу? Анъ, та самая Настасья Филипповна и есть, чрезъ которую вашъ родитель вамъ внушить пожелалъ калиновымъ посохомъ, а Настасья Филипповна есть Барашкова, такъ-сказать, даже знатная барыня, и тоже въ своемъ родѣ княжна, а знается съ нѣкоимъ Тоцкимъ, съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, съ однимъ исключительно, помѣщикомъ и раскапиталистомъ, членомъ компаній и обществъ, и большую дружбу на этотъ счетъ съ генераломъ Епанчинымъ ведущіе...

— Эге, Да ты вотъ что̀! дѣйствительно удивился наконецъ Рогожинъ;—тьфу чортъ, да вѣдь онъ и впрямь знаетъ.

— Все знаетъ! Лебедевъ все знаетъ! Я, ваша свѣтлость, и съ Лихачевымъ Алексашкой два мѣсяца ѣздилъ, и тоже послѣ смерти родителя, и всѣ, то-есть, всѣ углы и проулки знаю, и безъ Лебедева, дошло до того, что ни шагу. Нынѣ онъ въ долговомъ отдѣленіи присутствуетъ, а тогда и Армансъ, и Коралію, и княгиню Пацкую, и Настасью Филипповну имѣлъ случай узнать, да и много чего имѣлъ случай узнать.

— Настасью Филипповну? А развѣ она съ Лихачевымъ.... злобно посмотрѣлъ на него Рогожинъ, даже губы его поблѣднѣли и задрожали.

— Н-ничего! Н-н-ничего! Какъ есть ничего! спохватился и заторопился поскорѣе чиновникъ: —н-никакими, то-есть, деньгами Лихачевъ доѣхать не могъ! Нѣтъ, это не то что̀ Армансъ. Тутъ одинъ Тоцкій. Да вечеромъ въ Большомъ али во французскомъ театрѣ въ своей собственной ложѣ сидитъ. Офицеры тамъ мало ли что̀ промежъ себя говорятъ, а и тѣ ничего не могутъ доказать: „вотъ дескать это есть та

самая Настасья Филипповна“, да и только; а насчетъ дальнѣйшаго — ничего! Потому что и нѣтъ ничего.

— Это вотъ все такъ и есть, мрачно и насупившись подтвердилъ Рогожинъ,—тоже мнѣ и Залёжевъ тогда говорилъ. Я тогда, князь, въ третьегодняшней отцовской бекешѣ черезъ Невскій перебѣгалъ, а она изъ магазина выходитъ, въ карету садится. Такъ меня тутъ и прожгло. Встрѣчаю Залежева, тотъ не мнѣ чета, ходитъ какъ прикащикъ отъ парикмахера, и лорнетъ въ глазу, а мы у родителя въ смазныхъ сапогахъ, да на постныхъ щахъ отличались. Это, говоритъ, не тебѣ чета, это, говоритъ, княгиня, а зовутъ ее Настасьей Филипповной, фамиліей Барашкова, и живетъ съ Тоцкимъ, а Тоцкій отъ нея какъ отвязаться теперь не знаетъ, потому совсѣмъ, то-есть, лѣтъ достигъ настоящихъ, пятидесяти пяти, и жениться на первѣйшей раскрасавицѣ во всемъ Петербургѣ хочетъ. Тутъ онъ мнѣ и внушилъ, что сегодня же можешь Настасью Филипповну въ Большомъ театрѣ видѣть, въ балетѣ, въ ложѣ своей, въ бенуарѣ, будетъ сидѣть. У насъ, у родителя, попробуй-ка въ балетъ сходить,—одна расправа, убьетъ! Я однакоже на часъ втихомолку сбѣгалъ и Настасью Филипповну опять видѣлъ; всю ту ночь не спалъ. На утро покойникъ даетъ мнѣ два пятипроцентные билета, по пяти тысячъ каждый, сходи дескать да продай, да семь тысячъ пятьсотъ къ Андреевымъ на контору снеси, уплати, а остальную сдачу съ десяти тысячъ, не заходя никуда, мнѣ представь; буду тебя дожидаться. Билеты-то я продалъ, деньги взялъ, а къ Андреевымъ въ контору не заходилъ, а пошелъ никуда не глядя въ англійскій магазинъ, да на всѣ пару подвѣсокъ и выбралъ, по одному брилліантику въ каждой, эдакъ почти какъ по орѣху будутъ, четыреста рублей долженъ остался, имя сказалъ, повѣрили. Съ подвѣсками я къ Залежеву: такъ и такъ, идемъ братъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Отправились. Что̀ у меня тогда подъ ногами, что̀ предо мною, что̀ по бокамъ, ничего я этого не знаю и не помню. Прямо къ ней въ залу вошли, сама вышла къ намъ. Я, то-есть, тогда не сказался, что это я самый и есть; а „отъ Парѳена дескать Рогожина“, говоритъ Залежевъ, „вамъ въ память встрѣчи вчерашняго дня; соблаговолите принять“. Раскрыла, взглянула, усмѣхнулась: „благодарите, говоритъ, вашего друга господина Рогожина за его любезное вниманіе“, откланялась и ушла.

— А до женскаго пола вы, князь, охотникъ большой? Сказывайте раньше!

— Я н-н-нѣтъ! Я вѣдь... Вы, можетъ-быть,не знаете, я вѣдь по прирожденной болѣзни моей даже совсѣмъ женщинъ не знаю.

— Ну, коли такъ, воскликнулъ Рогожинъ,—совсѣмъ ты, князь, выходишь юродивый, и такихъ какъ ты Богъ любитъ!

— И такихъ Господь Богъ любитъ, подхватилъ чиновникъ.

— А ты ступай за мной, строка, сказалъ Рогожинъ Лебедеву, и всѣ вышли изъ вагона.

Лебедевъ кончилъ тѣмъ, что достигъ своего. Скоро шумная ватага удалилась по направленію къ Вознесенскому проспекту. Князю надо было повернуть къ Литейной. Было сыро и мокро; князь разспросилъ прохожихъ,—до конца предстоявшаго ему пути выходило версты три, и онъ рѣшился взять извощика.

II.

Генералъ Епанчинъ жилъ въ собственномъ своемъ домѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ Литейной, къ Спасу Преображенія. Кромѣ этого (превосходнаго) дома, пять шестыхъ котораго отдавались въ наемъ, генералъ Епанчинъ имѣлъ еще огромный домъ на Садовой, приносившій тоже чрезвычайный доходъ. Кромѣ этихъ двухъ домовъ, у него было подъ самымъ Петербургомъ весьма выгодное и значительное помѣстье; была еще въ Петербургскомъ уѣздѣ какая-то фабрика. Въ старину генералъ Епанчинъ, какъ всѣмъ извѣстно было, участвовалъ въ откупахъ. Нынѣ онъ участвовалъ и имѣлъ весьма значительный голосъ въ нѣкоторыхъ солидныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Слылъ онъ человѣкомъ съ большими деньгами, съ большими занятіями и съ большими связями. Въ иныхъ мѣстахъ онъ сумѣлъ сдѣлаться совершенно необходимымъ, между прочимъ и на своей службѣ. А между тѣмъ извѣстно тоже было, что Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ — человѣкъ безъ образованія и происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей; послѣднее, безъ сомнѣнія, только къ чести его могло относиться, но генералъ, хоть и умный былъ человѣкъ, былъ тоже не безъ маленькихъ, весьма простительныхъ слабостей и не любилъ иныхъ намековъ. Но умный и ловкій человѣкъ онъ былъ безспорно. Онъ, напримѣръ, имѣлъ систему не выставляться, гдѣ надо ступшевы-

ваться, и его многіе цѣнили именно за его простоту, именно за то, что онъ зналъ всегда свое мѣсто. А между тѣмъ, еслибы только вѣдали эти судьи, что происходило иногда на душѣ у Ивана Ѳедоровича, такъ хорошо знавшаго свое мѣсто! Хоть и дѣйствительно онъ имѣлъ и практику, и опытъ въ житейскихъ дѣлахъ, и нѣкоторыя, очень замѣчательныя способности, но онъ любилъ выставлять себя болѣе исполнителемъ чужой идеи чѣмъ съ своимъ царемъ въ головѣ, человѣкомъ „безъ лести преданнымъ“,и—куда нейдетъ вѣкъ?—даже русскимъ и сердечнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ приключилось даже нѣсколько забавныхъ анекдотовъ; но генералъ никогда не унывалъ, даже и при самыхъ забавныхъ анекдотахъ; къ тому же и везло ему, даже въ картахъ, а онъ игралъ по чрезвычайно большой и даже съ намѣреніемъ не только не хотѣлъ скрывать эту свою маленькую будто бы слабость къ картишкамъ, такъ существенно и во многихъ случаяхъ ему пригождавшуюся, но и выставлялъ ее. Общества онъ былъ смѣшаннаго, разумѣется, во всякомъ случаѣ „тузоваго“. Но все было впереди, время терпѣло, время все терпѣло, и все должно было придти современемъ и своимъ чередомъ. Да и лѣтами генералъ Епанчинъ былъ еще, какъ говорится, въ самомъ соку, то-есть пятидесяти шести лѣтъ и никакъ не болѣе, что во всякомъ случаѣ составляетъ возрастъ цвѣтущій, возрастъ, съ котораго, по-настоящему, начинается *истинная* жизнь. Здоровье, цвѣтъ лица, крѣпкіе, хотя и черные зубы, коренастое, плотное сложеніе, озабоченное выраженіе физіономіи по утру на службѣ, веселое въ вечеру за картами или у его сіятельства, — все способствовало настоящимъ и грядущимъ успѣхамъ и устилало жизнь его превосходительства розами.

Генералъ обладалъ цвѣтущимъ семействомъ. Правда, тутъ уже не все были розы, но было за то и много такого, на чемъ давно уже начали серіозно и сердечно сосредоточиваться главнѣйшія надежды и цѣли его превосходительства. Да и что, какая цѣль въ жизни важнѣе и святѣе цѣлей родительскихъ? Къ чему прикрѣпиться, какъ не къ семейству? Семейство генерала состояло изъ супруги и трехъ взрослыхъ дочерей. Женился генералъ еще очень давно, еще будучи въ чинѣ поручика, на дѣвицѣ почти одного съ нимъ возраста, не обладавшей ни красотой, ни образованіемъ, за которою онъ взялъ всего только пятьдесятъ душъ,—правда

и послужившихъ къ основанію его дальнѣйшей фортуны. Но генералъ никогда не роптalъ въ послѣдствіи на свой ранній бракъ, никогда не третировалъ его какъ увлеченіе неразчетливой юности и супругу свою до того уважалъ и до того иногда боялся ея, что даже любилъ. Генеральша была изъ княжескаго рода Мышкиныхъ, рода хотя и не блестящаго, но весьма древняго, и за свое происхожденіе весьма уважала себя. Нѣкто изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ, одинъ изъ тѣхъ покровителей, которымъ покровительство, впрочемъ, ничего не сто́итъ, согласился заинтересоваться бракомъ молодой княжны. Онъ отворилъ калитку молодому офицеру и толкнулъ его въ ходъ, а тому даже и не толчка, а только развѣ одного взгляда надо было—не пропалъ бы даромъ! За немногими исключеніями, супруги прожили все время своего долгаго юбилея согласно. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ своихъ, генеральша умѣла найдти себѣ, какъ урожденная княжна и послѣдняя въ родѣ, а можетъ-быть и по личнымъ качествамъ, нѣкоторыхъ очень высокихъ покровительницъ. Въ послѣдствіи, при богатствѣ и служебномъ значеніи своего супруга, она начала въ этомъ высшемъ кругу даже нѣсколько и освоиваться.

Въ эти послѣдніе годы подросли и созрѣли всѣ три генеральскія дочери, Александра, Аделаида и Аглая. Правда, всѣ три были только Епанчины, но по матери роду княжескаго, съ приданымъ не малымъ, съ родителемъ, претендующимъ въ послѣдствіи, можетъ-быть, и на очень высокое мѣсто и, что́ тоже довольно важно,—всѣ три были замѣчательно хороши собой, не исключая и старшей, Александры, которой уже минуло двадцать пять лѣтъ. Средней было двадцать три года, а младшей, Аглаѣ, только-что исполнилось двадцать. Эта младшая была даже совсѣмъ красавица и начинала въ свѣтѣ обращать на себя большое вниманіе. Но и это было еще не все: всѣ три отличались образованіемъ, умомъ и талантами. Извѣстно было, что онѣ замѣчательно любили другъ друга и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о какихъ-то будто бы пожертвованіяхъ двухъ старшихъ въ пользу общаго домашняго идола—младшей. Въ обществѣ онѣ не только не любили выставляться, но даже были слишкомъ скромны. Никто не могъ ихъ упрекнуть въ высокомѣріи и заносчивости, а между тѣмъ знали, что онѣ горды и цѣну себѣ понимаютъ. Старшая была музыкантша,

средняя была замѣчательный живописецъ; но объ этомъ почти никто не зналъ многіе годы, и обнаружилось это только въ самое послѣднее время, да и то нечаянно. Однимъ словомъ, про нихъ говорилось чрезвычайно много похвальнаго. Но были и недоброжелатели. Съ ужасомъ говорилось о томъ, сколько книгъ онѣ прочитали. Замужъ онѣ не торопились; извѣстнымъ кругомъ общества хотя и дорожили, но все же не очень. Это тѣмъ болѣе было замѣчательно, что всѣ знали направленіе, характеръ, цѣли и желанія ихъ родителя.

Было уже около одиннадцати часовъ, когда князь позвонилъ въ квартиру генерала. Генералъ жилъ во второмъ этажѣ и занималъ помѣщеніе по возможности скромное, хотя и пропорціональное своему значенію. Князю отворилъ ливрейный слуга, и ему долго нужно было объясняться съ этимъ человѣкомъ, съ самаго начала посмотрѣвшимъ на него и на его узелокъ подозрительно. Наконецъ, на неоднократное и точное заявленіе, что онъ дѣйствительно князь Мышкинъ, и что ему непремѣнно надо видѣть генерала, по дѣлу необходимому, недоумѣвающій человѣкъ препроводилъ его, рядомъ, въ маленькую переднюю, передъ самою пріемной, у кабинета, и сдалъ его съ рукъ на руки другому человѣку, дежурившему по утрамъ въ этой передней и докладывавшему генералу о посѣтителяхъ. Этотъ другой человѣкъ былъ во фракѣ, имѣлъ за сорокъ лѣтъ и озабоченную физіономію и былъ спеціальный, кабинетный прислужникъ и докладчикъ его превосходительства, вслѣдствіе чего и зналъ себѣ цѣну.

— Подождите въ пріемной, а узелокъ здѣсь оставьте, проговорилъ онъ, неторопливо и важно усаживаясь въ свое кресло и съ строгимъ удивленіемъ посматривая на князя, расположившагося тутъ же рядомъ подлѣ него на стулѣ, съ своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Если позволите, сказалъ князь,—я бы подождалъ лучше здѣсь съ вами, а тамъ что жь мнѣ одному?

— Въ передней вамъ не стать, потому вы посѣтитель, иначе гость. Вамъ къ самому генералу?

Лакей, видимо, не могъ примириться съ мыслью впустить такого посѣтителя и еще разъ рѣшился спросить его.

— Да, у меня дѣло.... началъ было князь.

— Я васъ не спрашиваю какое именно дѣло, — мое дѣло только объ васъ доложить. А безъ секретаря, я сказалъ, докладывать о васъ не пойду.

Подозрительность этого человѣка, казалось, все болѣе и болѣе увеличивалась; слишкомъ ужь князь не подходилъ подъ разрядъ вседневныхъ посѣтителей, и хотя генералу довольно часто, чуть не ежедневно, въ извѣстный часъ приходилось принимать, особенно по *дѣламъ*, иногда даже очень разнообразныхъ гостей, но несмотря на привычку и инструкцію довольно широкую, камердинеръ былъ въ большомъ сомнѣніи; посредничество секретаря для доклада было необходимо.

— Да вы точно.... изъ-за границы? какъ-то невольно спросилъ онъ наконецъ—и сбился; онъ хотѣлъ, можетъ-быть, спросить: „Да вы точно князь Мышкинъ?“

— Да, сейчасъ только изъ вагона. Мнѣ кажется, вы хотѣли спросить: точно ли я князь Мышкинъ? да не спросили изъ вѣжливости.

— Гмъ.... промычалъ удивленный лакей.

— Увѣряю васъ, что я не солгалъ вамъ, и вы отвѣчать за меня не будете. А что я въ такомъ видѣ и съ узелкомъ, то тутъ удивляться нечего: въ настоящее время мои обстоятельства не казисты.

— Гмъ. Я опасаюсь не того, видите ли. Доложить я обязанъ, и къ вамъ выйдетъ секретарь, окромя если вы.... Вотъ то-то вотъ и есть что окромя. Вы не по бѣдности просить къ генералу, осмѣлюсь, если можно узнать?

— О нѣтъ, въ этомъ будьте совершенно удостовѣрены. У меня другое дѣло.

— Вы меня извините, а я на васъ глядя спросилъ. Подождите секретаря; самъ теперь занятъ съ полковникомъ, а затѣмъ придетъ и секретарь.... компанейскій.

— Стало-быть, если долго ждать, то я бы васъ попросилъ: нельзя ли здѣсь гдѣ-нибудь покурить? У меня трубка и табакъ съ собой.

— По-ку-рить? съ презрительнымъ недоумѣніемъ вскинулъ на него глаза камердинеръ, какъ бы все еще не вѣря ушамъ;— покурить? Нѣтъ, здѣсь вамъ нельзя покурить, а къ тому же вамъ стыдно и въ мысляхъ это содержать. Хе.... чудно-съ!

— О, я вѣдь не въ этой комнатѣ просилъ; я вѣдь знаю; а я бы вышелъ куда-нибудь, гдѣ бы вы указали, потому я привыкъ, а вотъ ужь часа три не курилъ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно и, знаете, есть пословица: въ чужой монастырь....

— Ну какъ я объ васъ объ такомъ доложу? пробормоталъ

почти невольно камердинеръ.—Первое то, что вамъ здѣсь и находиться не слѣдуетъ, а въ пріемной сидѣть, потому вы сами на линіи посѣтителя, иначе гость, и съ меня спросится.... Да вы что же у насъ жить что ли намѣрены? прибавилъ онъ, еще разъ накосившись на узелокъ князя, очевидно не дававшій ему покоя.

— Нѣтъ, не думаю. Даже еслибъ и пригласили, такъ не останусь. Я просто познакомиться только пріѣхалъ и больше ничего.

— Какъ? Познакомиться? съ удивленіемъ и съ утроенною подозрительностью спросилъ камердинеръ:—какъ же вы сказали сперва, что по дѣлу?

— О, почти не по дѣлу! То-есть, если хотите, и есть одно дѣло, такъ только совѣта спросить, но я, главное, чтобъ отрекомендоваться, потому я князь Мышкинъ, а генеральша Епанчина тоже послѣдняя изъ княженъ Мышкиныхъ, и кромѣ меня съ нею Мышкиныхъ больше и нѣтъ.

— Такъ вы еще и родственникъ? встрепенулся уже почти совсѣмъ испуганный лакей.

— И это почти что нѣтъ. Впрочемъ, если натягивать, конечно родственники, но до того отдаленные, что, по-настоящему, и считаться даже нельзя. Я разъ обращался къ генеральшѣ изъ-за границы съ письмомъ, но она мнѣ не отвѣтила. Я все-таки почелъ нужнымъ завязать сношенія по возвращеніи. Вамъ же все это теперь объясняю, чтобы вы не сомнѣвались, потому вижу, вы все еще безпокоитесь: доложите, что князь Мышкинъ, и ужь въ самомъ докладѣ причина моего посѣщенія видна будетъ. Примутъ—хорошо, не примутъ—тоже, можетъ-быть, очень хорошо. Только не могутъ, кажется, не принять: генеральша ужь конечно захочетъ видѣть старшаго и единственнаго представителя своего рода, а она породу свою очень цѣнитъ, какъ я объ ней въ точности слышалъ.

Казалось бы, разговоръ князя былъ самый простой; но чѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ и становился въ настоящемъ случаѣ нелѣпѣе, и опытный камердинеръ не могъ не почувствовать что-то, что́ совершенно прилично человѣку съ человѣкомъ и совершенно неприлично гостю съ *человѣкомъ*. А такъ какъ *люди* гораздо умнѣе чѣмъ обыкновенно думаютъ про нихъ ихъ господа, то и камердинеру зашло въ голову, что тутъ два дѣла: или князь такъ какой-нибудь

потаскунъ и непремѣнно пришелъ на бѣдность просить, или князь просто дурачокъ и амбиціи не имѣетъ, потому что умный князь и съ амбиціей не сталъ бы въ передней сидѣть и съ лакеемъ про свои дѣла говорить, а стало-быть, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не пришлось бы за него отвѣчать?

— А все-таки вамъ въ пріемную бы пожаловать, замѣтилъ онъ по возможности настойчивѣе.

— Да вотъ сидѣлъ бы тамъ, такъ вамъ бы всего и не объяснилъ, весело засмѣялся князь, — а стало-быть вы все еще безпокоились бы, глядя на мой плащъ и узелокъ. А теперь вамъ, можетъ, и секретаря ждать нечего, а пойдти бы и доложить самимъ.

— Я посѣтителя такого какъ вы безъ секретаря доложить не могу, а къ тому же и сами, особливо давеча, заказали ихъ не тревожить ни для кого, пока тамъ полковникъ, а Гаврила Ардаліонычъ безъ доклада идетъ.

— Чиновникъ-то?

— Гаврила-то Ардаліонычъ? Нѣтъ. Онъ въ Компаніи отъ себя служитъ. Узелокъ-то поставьте хоть вонъ сюда.

— Я ужь объ этотъ думалъ; если позволите. И знаете, сниму я и плащъ?

— Конечно, не въ плащѣ же входить къ нему.

Князь всталъ, поспѣшно снялъ съ себя плащъ и остался въ довольно приличномъ и ловко сшитомъ, хотя и поношенномъ уже пиджакѣ. По жилету шла стальная цѣпочка. На цѣпочкѣ оказались женевскіе серебряные часы.

Хотя князь былъ и дурачокъ,—лакей ужь это рѣшилъ,— но все-таки генеральскому камердинеру показалось, наконецъ, неприличнымъ продолжать долѣе разговоръ отъ себя съ посѣтителемъ, несмотря на то что князь ему почему-то нравился, въ своемъ родѣ, конечно. Но съ другой точки зрѣнія онъ возбуждалъ въ немъ рѣшительное и грубое негодованіе.

— А генеральша когда принимаетъ? спросилъ князь, усаживаясь опять на прежнее мѣсто.

— Это ужь не мое дѣло-съ. Принимаютъ розно, судя по лицу. Модистку и въ одиннадцать допуститъ. Гаврилу Ардаліоныча тоже раньше другихъ допускаютъ, даже къ раннему завтраку допускаютъ.

— Здѣсь у васъ въ комнатахъ теплѣе чѣмъ за границей зимой, замѣтилъ князь, — а вотъ тамъ зато на улицахъ

теплѣе нашего, а въ домахъ зимой—такъ русскому человѣку и жить съ непривычки нельзя.

— Не топятъ?

— Да, да и дома устроены иначе, то-есть печи и окна.

— Гм! А долго вы изволили ѣздить?

— Да четыре года. Впрочемъ, я все на одномъ почти мѣстѣ сидѣлъ, въ деревнѣ.

— Отвыкли отъ нашего-то?

— И это правда. Вѣрите ли, дивлюсь на себя какъ говорить по-русски не забылъ. Вотъ съ вами говорю теперь, а самъ думаю: „а вѣдь я хорошо говорю“. Я, можетъ, потому такъ много и говорю. Право, со вчерашняго дня все говорить по-русски хочется.

— Гм! Хе! Въ Петербургѣ-то прежде живали? (Какъ не крѣпился лакей, а невозможно было не поддержать такой учтивый и вѣжливый разговоръ.)

— Въ Петербургѣ? Совсѣмъ почти нѣтъ, такъ только проѣздомъ. И прежде ничего здѣсь не зналъ, а теперь столько, слышно, новаго, что, говорятъ, кто и зналъ-то, такъ сызнова узнавать переучивается. Здѣсь про суды теперь много говорятъ.

— Гм!... Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что̀, какъ тамъ, справедливѣе въ судѣ или нѣтъ?

— Не знаю. Я про наши много хорошаго слышалъ. Вотъ опять у насъ смертной казни нѣтъ.

— А тамъ казнятъ?

— Да. Я во Франціи видѣлъ, въ Ліонѣ. Меня туда Шнейдеръ съ собою бралъ.

— Вѣшаютъ?

— Нѣтъ, во Франціи все головы рубятъ.

— Что̀ же, кричитъ?

— Куды! Въ одно мгновеніе. Человѣка кладутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильйотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочитъ такъ, что и глазомъ не успѣешь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ сбѣгается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

— Конечно! конечно! Этакую муку!... Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро

по фамиліи. Ну вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ—плакалъ, бѣлый какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну кто же со страху плачетъ? Я и не думалъ, чтобъ отъ страху можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Что же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: „не убій“, такъ за то, что онъ убилъ, и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я ужь мѣсяцъ назадъ это видѣлъ, а до сихъ поръ у меня какъ предъ глазами. Разъ пять снилось.

Князь даже одушевился говоря, легкая краска проступила въ его блѣдное лицо, хотя рѣчь его попрежнему была тихая. Камердинеръ съ сочувствующимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, такъ что оторваться, кажется, не хотѣлось; можетъ-быть, тоже былъ человѣкъ съ воображеніемъ и попыткой на мысль.

— Хорошо еще вотъ, что муки не много, замѣтилъ онъ,— когда голова отлетаетъ.

— Знаете ли что? горячо подхватилъ князь: — вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно такъ же замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана, гильйотина. А мнѣ тогда же пришла въ голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшно, вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочитъ. Подумайте: если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная, и стало-быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ—душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужь больше не будешь, и что это ужь навѣрно; главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ склизнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Знаете ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе чѣмъ убійство разбойничье.

Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужь горло перерѣзано, а онъ еще надѣется, или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*, и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумашествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: „ступай, тебя прощаютъ“. Вотъ эдакой человѣкъ, можетъ-быть, могъ бы разказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!

Камердинеръ, хотя и не могъ бы такъ выразить все это, какъ князь, но конечно, хотя не все, но главное понялъ, что̀ видно было даже по умилившемуся лицу его.

— Если ужь такъ вамъ желательно, промолвилъ онъ,—покурить, то оно, пожалуй, и можно, коли только поскорѣе. Потому вдругъ спроситъ, а васъ и нѣтъ. Вотъ тутъ подъ лѣсенкой, видите, дверь. Въ дверь войдете, направо каморка; тамъ можно, только форточку растворите, потому оно не порядокъ....

Но князь не успѣлъ сходить покурить. Въ переднюю вдругъ вошелъ молодой человѣкъ, съ бумагами въ рукахъ. Камердинеръ сталъ снимать съ него шубу. Молодой человѣкъ скосилъ глаза на князя.

— Это, Гаврила Ардаліонычъ, началъ конфиденціально и почти фамиліарно камердинеръ,—докладываются, что князь Мышкинъ и барыни родственникъ, пріѣхалъ съ поѣздомъ изъ-за границы, и узелокъ въ рукѣ, только....

Дальнѣйшаго князь не услышалъ, потому что камердинеръ началъ шептать. Гаврила Ардаліоновичъ слушалъ внимательно и поглядывалъ на князя съ большимъ любопытствомъ, наконецъ пересталъ слушать и нетерпѣливо приблизился къ нему.

— Вы князь Мышкинъ? спросилъ онъ чрезвычайно

любезно и вѣжливо. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати восьми, стройный блондинъ, средневысокаго роста, съ маленькою наполеоновскою бородкой, съ умнымъ и очень красивымъ лицомъ. Только улыбка его, при всей ея любезности, была что-то ужь слишкомъ тонка; зубы выставлялись при этомъ что-то ужь слишкомъ жемчужно-ровно; взглядъ, несмотря на всю веселость и видимое простодушіе его, былъ что-то ужь слишкомъ присталенъ и испытующъ.

„Онъ, должно-быть, когда одинъ, совсѣмъ не такъ смотритъ и, можетъ-быть, никогда не смѣется“, почувствовалось какъ-то князю.

Князь объяснилъ все что̀ могъ, на-скоро, почти то же самое, что̀ уже прежде объяснялъ камердинеру и еще прежде Рогожину. Гаврила Ардаліоновичъ межь тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ.

— Не вы ли, спросилъ онъ, — изволили съ годъ назадъ или даже ближе прислать письмо, кажется изъ Швейцаріи, къ Елизаветѣ Прокофьевнѣ?

— Точно такъ.

— Такъ васъ здѣсь знаютъ и навѣрно помнятъ. Вы къ его превосходительству? Сейчасъ я доложу... Онъ сейчасъ будетъ свободенъ. Только вы бы.... вамъ бы пожаловать пока въ пріемную.... Зачѣмъ они здѣсь? строго обратился онъ къ камердинеру.

— Говорю, сами не захотѣли....

Въ это время вдругъ отворилась дверь изъ кабинета, и какой-то военный, съ портфелемъ въ рукѣ, громко говоря и откланиваясь, вышелъ оттуда.

— Ты здѣсь, Ганя? крикнулъ голосъ изъ кабинета: — а пожалуй-ка сюда!

Гаврила Ардаліоновичъ кивнулъ головой князю и поспѣшно прошелъ въ кабинетъ.

Минуты черезъ двѣ дверь отворилась снова, и послышался звонкій и привѣтливый голосъ Гаврилы Ардаліоновича:

— Князь, пожалуйте!

III.

Генералъ, Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, стоялъ посреди своего кабинета и съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на входящаго князя, даже шагнулъ къ нему два шага. Князь подошелъ и отрекомендовался.

— Такъ-съ, отвѣчалъ генералъ, — чѣмъ же могу служить?

— Дѣла неотлагательнаго я никакого не имѣю; цѣль моя была просто познакомиться съ вами. Не желалъ бы безпокоить, такъ какъ я не знаю ни вашего дня, ни вашихъ распоряженій.... Но я только-что самъ изъ вагона... пріѣхалъ изъ Швейцаріи...

Генералъ чуть-чуть было усмѣхнулся, но подумалъ и пріостановился; потомъ еще подумалъ, прищурился, оглядѣлъ еще разъ своего гостя съ ногъ до головы, затѣмъ быстро указалъ ему стулъ, самъ сѣлъ нѣсколько наискось и въ нетерпѣливомъ ожиданіи повернулся къ князю. Ганя стоялъ въ углу кабинета, у бюро, и разбиралъ бумаги.

— Для знакомствъ вообще я мало времени имѣю, сказалъ генералъ, — но такъ какъ вы, конечно, имѣете свою цѣль, то....

— Я такъ и предчувствовалъ, перебилъ князь, — что вы непремѣнно увидите въ посѣщеніи моемъ какую-нибудь особенную цѣль. Но ей-Богу, кромѣ удовольствія познакомиться, у меня нѣтъ никакой частной цѣли.

— Удовольствіе, конечно, и для меня чрезвычайное, но не все же забавы, иногда, знаете, случаются и дѣла... Притомъ же я никакъ не могу, до сихъ поръ, разглядѣть между нами общаго.... такъ-сказать причины....

— Причины нѣтъ, безспорно, и общаго, конечно, мало. Потому что, если я князь Мышкинъ и ваша супруга изъ нашего рода, то это, разумѣется, не причина. Я это очень понимаю. Но однакожь весь-то мой поводъ въ этомъ только и заключается. Я года четыре въ Россіи не былъ, слишкомъ; да и что̀ я выѣхалъ: почти не въ своемъ умѣ! И тогда ничего не зналъ, а теперь еще пуще. Въ людяхъ хорошихъ нуждаюсь; даже вотъ и дѣло одно имѣю и не знаю куда сунуться. Еще въ Берлинѣ подумалъ: „это почти родствен-

ники, начну съ нихъ; можетъ-быть, мы другъ другу и пригодимся, они мнѣ, я имъ,—если они люди хорошіе.“ А я слышалъ, что вы люди хорошіе.

— Очень благодаренъ-съ, удивлялся генералъ; — позвольте узнать, гдѣ остановились?

— Я еще нигдѣ не остановился.

— Значитъ, прямо изъ вагона ко мнѣ? И.... съ поклажей?

— Да со мной поклажи всего одинъ маленькій узелокъ съ бѣльемъ, и больше ничего; я его въ рукѣ обыкновенно несу. Я номеръ успѣю и вечеромъ занять.

— Такъ вы все еще имѣете намѣреніе номеръ занять?

— О да, конечно.

— Судя по вашимъ словамъ, я было подумалъ, что вы ужь такъ прямо ко мнѣ.

— Это могло быть, но не иначе какъ по вашему приглашенію. Я же, признаюсь, не остался бы и по приглашенію, не почему либо, а такъ.... по характеру.

— Ну, стало-быть и кстати, что я васъ не приглясилъ и не приглашаю. Позвольте еще, князь, чтобъ ужь разомъ все разъяснить: такъ какъ вотъ мы сейчасъ договорились, что насчетъ родственности между нами и слова не можетъ быть, — хотя мнѣ, разумѣется, весьма было бы лестно,—то, стало-быть....

— То, стало-быть, вставать и уходить? приподнялся князь, какъ-то даже весело разсмѣявшись, несмотря на всю видимую затруднительность своихъ обстоятельствъ. — И вотъ, ей Богу же, генералъ, хоть я ровно ничего не знаю практически ни въ здѣшнихъ обычаяхъ, ни вообще какъ здѣсь люди живутъ, но такъ я и думалъ, что у насъ непремѣнно именно это и выйдетъ, какъ теперь вышло. Что жь, можетъ-быть, оно такъ и надо.... Да и тогда мнѣ тоже на письмо не отвѣтили.... Ну, прощайте и извините, что обезпокоилъ.

Взглядъ князя былъ до того ласковъ въ эту минуту, а улыбка его до того безъ всякаго оттѣнка хотя бы какого-нибудь затаеннаго непріязненнаго ощущенія, что генералъ вдругъ остановился и какъ-то вдругъ другимъ образомъ посмотрѣлъ на своего гостя; вся перемѣна взгляда совершилась въ одно мгновеніе.

— А знаете, князь, сказалъ онъ совсѣмъ почти другимъ голосомъ, — вѣдь я васъ все-таки не знаю, да и Елизавета

Прокофьевна, можетъ-быть, захочетъ посмотрѣть на одно-фамильца.... Подождите, если хотите, коли у васъ время терпитъ.

— О, у меня время терпитъ; у меня время совершенно мое (и князь тотчасъ же поставилъ свою мягкую, кругло-полую шляпу на столъ). Я, признаюсь, такъ и разчитывалъ, что, можетъ-быть, Елизавета Прокофьевна вспомнитъ, что я ей писалъ. Давеча вашъ слуга, когда я у васъ тамъ дожидался, подозрѣвалъ, что я на бѣдность пришелъ къ вамъ просить; я это замѣтилъ, а у васъ, должно-быть, на этотъ счетъ строгія инструкціи; но я, право, не за этимъ, а право, для того только чтобы съ людьми сойдтись. Вотъ только думаю немного, что я вамъ помѣшалъ, и это меня безпокоитъ.

— Вотъ что̀, князь, сказалъ генералъ съ веселою улыбкой,—если вы въ самомъ дѣлѣ такой какимъ кажетесь, то съ вами, пожалуй, и пріятно будетъ познакомиться; только видите, я человѣкъ занятой, и вотъ тотчасъ же опять сяду кой-что просмотрѣть и подписать, а потомъ отправлюсь къ его сіятельству, а потомъ на службу, такъ и выходитъ, что я хоть и радъ людямъ.... хорошимъ то-есть.... но.... Впрочемъ, я такъ убѣжденъ, что вы превосходно воспитаны, что.... А сколько вамъ лѣтъ, князь?

— Двадцать шесть.

— Ухъ! А я думалъ гораздо меньше.

— Да, говорятъ, у меня лицо моложавое. А не мѣшать вамъ я научусь и скоро пойму, потому что самъ очень не люблю мѣшать.... И наконецъ, мнѣ кажется, мы такіе розные люди на видъ.... по многимъ обстоятельствамъ, что у насъ, пожалуй, и не можетъ быть много точекъ общихъ, но, знаете, я въ эту послѣднюю идею самъ не вѣрю, потому очень часто только такъ кажется, что нѣтъ точекъ общихъ, а онѣ очень есть.... это отъ лѣности людской происходитъ, что люди такъ промежь собой на глазъ сортируются и ничего не могутъ найдти.... А впрочемъ, я, можетъ-быть, скучно началъ? вы, какъ будто....

— Два слова-съ: имѣете вы хотя бы нѣкоторое состояніе? Или, можетъ-быть, какія-нибудь занятія намѣрены предпринять? Извините, что я такъ....

— Помилуйте, я вашъ вопросъ очень цѣню и понимаю. Никакого состоянія покамѣсть я не имѣю и никакихъ занятій, тоже покамѣсть, а надо бы-съ. А деньги теперь у

меня были чужія, мнѣ далъ Шнейдеръ, мой профессоръ, у котораго я лѣчился и учился въ Швейцаріи, на дорогу, и далъ ровно вплоть, такъ что теперь, напримѣръ, у меня всего денегъ нѣсколько копѣекъ осталось. Дѣло у меня, правда, есть одно, и я нуждаюсь въ совѣтѣ, но....

— Скажите, чѣмъ же вы намѣреваетесь покамѣсть прожить, и какія были ваши намѣренія? перебилъ генералъ.

— Трудиться какъ-нибудь хотѣлъ.

— О, да вы философъ; а впрочемъ.... знаете за собой таланты, способности, хотя бы нѣкоторыя, то-есть, изъ тѣхъ, которыя насущный хлѣбъ даютъ? Извините опять....

— О, не извиняйтесь. Нѣтъ-съ, я думаю, что не имѣю ни талантовъ, ни особыхъ способностей; даже напротивъ, потому что я больной человѣкъ и правильно не учился. Что же касается до хлѣба, то мнѣ кажется....

Генералъ опять перебилъ и опять сталъ разспрашивать. Князь снова разказалъ все, что̀ было уже разказано. Оказалось, что генералъ слышалъ о покойномъ Павлищевѣ и даже зналъ лично. Почему Павлищевъ интересовался его воспитаніемъ, князь и самъ не могъ объяснить, — впрочемъ, просто, можетъ-быть, по старой дружбѣ съ покойнымъ отцомъ его. Остался князь послѣ родителей еще малымъ ребенкомъ, всю жизнь проживалъ и росъ по деревнямъ, такъ какъ и здоровье его требовало сельскаго воздуха. Павлищевъ довѣрилъ его какимъ-то старымъ помѣщицамъ, своимъ ростевнницамъ; для него нанималась сначала гувернантка, потомъ гувернеръ; онъ объявилъ впрочемъ, что хотя и все помнитъ, но мало можетъ удовлетворительно объяснить, потому что во многомъ не давалъ себѣ отчета. Частые припадки его болѣзни сдѣлали изъ него совсѣмъ почти идіота (князь такъ и сказалъ: идіота). Онъ разказалъ наконецъ, что Павлищевъ встрѣтился однажды въ Берлинѣ съ профессоромъ Шнейдеромъ, Швейцарцемъ, который занимается именно этими болѣзнями, имѣетъ заведеніе въ Швейцаріи, въ кантонѣ Валлійскомъ, лѣчитъ по своей методѣ холодною водой, гимнастикой, лѣчитъ и отъ идіотизма, и отъ сумашествія, при этомъ обучаетъ и берется вообще за духовное развитіе; что Павлищевъ отправилъ его къ нему въ Швейцарію, лѣтъ назадъ около пяти, а самъ два года тому назадъ умеръ, внезапно, не сдѣлавъ распоряженій; что Шнейдеръ держалъ и долѣчивалъ его еще года два; что онъ его не

вылѣчилъ, но очень много помогъ; и что наконецъ, по его собственному желанію и по одному встрѣтившемуся обстоятельству, отправилъ его теперь въ Россію.

Генералъ очень удивился.

— И у васъ въ Россіи никого, рѣшительно никого? спросилъ онъ.

— Теперь никого, но я надѣюсь.... притомъ я получилъ письмо....

— По крайней мѣрѣ, перебилъ генералъ, не разслышавъ о письмѣ,—вы чему-нибудь обучались, и ваша болѣзнь не помѣшаетъ вамъ занять какое-нибудь, напримѣръ, не трудное мѣсто, въ какой-нибудь службѣ?

— О, навѣрно не помѣшаетъ. И насчетъ мѣста я бы очень даже желалъ, потому что самому хочется посмотрѣть къ чему я способенъ. Учился же я всѣ четыре года постоянно, хотя и не совсѣмъ правильно, а такъ, по особой его системѣ, и при этомъ очень много русскихъ книгъ удалось прочесть.

— Русскихъ книгъ? Стало-быть, грамоту знаете и писать безъ ошибокъ можете?

— О, очень могу.

— Прекрасно-съ; а почеркъ?

— А почеркъ превосходный. Вотъ въ этомъ у меня, пожалуй, и талантъ; въ этомъ я просто каллиграфъ. Дайте мнѣ, я вамъ сейчасъ напишу что-нибудь для пробы, съ жаромъ сказалъ князь.

— Сдѣлайте одолженіе. И это даже надо.... И люблю я эту вашу готовность, князь, вы очень, право, милы.

— У васъ же такія славныя письменныя принадлежности, и сколько у васъ карандашей, сколько перьевъ, какая плотная, славная бумага.... И какой славный у васъ кабинетъ! Вотъ этотъ пейзажъ я знаю; это видъ швейцарскій. Я увѣренъ, что живописецъ съ натуры писалъ, и я увѣренъ, что это мѣсто я видѣлъ; это въ кантонѣ Ури....

— Очень можетъ быть, хотя это и здѣсь куплено. Ганя, дайте князю бумагу; вотъ перья и бумага, вотъ на этотъ столикъ пожалуйте. Что̀ это? обратился генералъ къ Ганѣ, который тѣмъ временемъ вынулъ изъ своего портфеля и подалъ ему фотографическій портретъ большаго формата:— ба! Настасья Филипповна! Это сама, сама тебѣ прислала,

сама? оживленно и съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ онъ Ганю.

— Сейчасъ, когда я былъ съ поздравленіемъ, дала. Я давно уже просилъ. Не знаю, ужь не намекъ ли это съ ея стороны, что я самъ пріѣхалъ съ пустыми руками, безъ подарка, въ такой день, прибавилъ Ганя, непріятно улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, съ убѣжденіемъ перебилъ генералъ,—и какой, право, у тебя складъ мыслей! Станетъ она намекать.... да и не интересанка совсѣмъ. И притомъ чѣмъ ты станешь дарить: вѣдь тутъ надо тысячи! Развѣ портретомъ? А что, кстати, не просила еще она у тебя портрета?

— Нѣтъ, еще не просила; да, можетъ-быть, и никогда не попроситъ. Вы, Иванъ Ѳедоровичъ, помните, конечно, про сегодняшній вечеръ? Вы вѣдь изъ нарочито приглашенныхъ.

— Помню, помню, конечно, и буду. Еще бы, день рожденія, двадцать пять лѣтъ! Гмъ.... А знаешь, Ганя, я ужь такъ и быть тебѣ открою, приготовься. Аѳанасію Ивановичу и мнѣ она обѣщала, что сегодня у себя вечеромъ скажетъ послѣднее слово: быть или не быть! Такъ смотри же, знай.

Ганя вдругъ смутился, до того, что даже поблѣднѣлъ немного.

— Она это навѣрно сказала? спросилъ онъ, и голосъ его какъ бы дрогнулъ.

— Третьяго дня слово дала. Мы такъ приставали оба, что вынудили. Только тебѣ просила до времени не передавать.

Генералъ пристально разсматривалъ Ганю; смущеніе Гани ему видимо не нравилось.

— Вспомните, Иванъ Ѳедоровичъ, сказалъ тревожливо и колеблясь Ганя,—что вѣдь она дала мнѣ полную свободу рѣшенья до тѣхъ самыхъ поръ, пока не рѣшитъ сама дѣла, да и тогда все еще мое слово за мной....

— Такъ развѣ ты.... такъ развѣ ты.... испугался вдругъ генералъ.

— Я ничего.

— Помилуй, что же ты съ нами-то хочешь дѣлать?

— Я вѣдь не отказываюсь. Я, можетъ-быть, не такъ выразился....

— Еще бы ты-то отказывался! съ досадой проговорилъ генералъ, не желая даже и сдерживать досады.—Тутъ, братъ, дѣло ужь не въ томъ, что ты *не* отказываешься, а дѣло въ

твоей готовности, въ удовольствіи, въ радости, съ которою примешь ея слова.... Что у тебя дома дѣлается?

— Да что дома? Дома все состоитъ въ моей волѣ, только отецъ по обыкновенію дурачится, но вѣдь это совершенный безобразникъ сдѣлался; я съ нимъ ужь и не говорю, но однакожь въ тискахъ держу, и, право, еслибы не мать, такъ указалъ бы дверь. Мать все, конечно, плачетъ; сестра злится, а я имъ прямо сказалъ, наконецъ, что я господинъ своей судьбы, и въ домѣ, желаю, чтобы меня.... слушались. Сестрѣ по крайней мѣрѣ все это отчеканилъ, при матери.

— А я, братъ, продолжаю не постигать, задумчиво замѣтилъ генералъ, нѣсколько вскинувъ плечами и немного разставивъ руки. — Нина Александровна тоже намедни, вотъ когда приходила-то, помнишь? стонетъ и охаетъ; „чего вы?“ спрашиваю. Выходитъ, что имъ будто бы тутъ *безчестье*. Какое же тутъ безчестье, позвольте спросить? Кто въ чемъ можетъ Настасью Филипповну укорить, или что-нибудь про нее указать? Неужели то, что она съ Тоцкимъ была? Но вѣдь это такой уже вздоръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ особенно! „Вы, говоритъ, не пустите ее къ вашимъ дочерямъ?“ Ну! Эвона! Ай да Нина Александровна! То-есть, какъ это не понимать, какъ это не понимать....

— Своего положенія? подсказалъ Ганя затруднившемуся генералу:—она понимаетъ; вы на нее не сердитесь. Я, впрочемъ, тогда же намылилъ голову, чтобы въ чужія дѣла не совались. И однако до сихъ поръ все тѣмъ только у насъ въ домѣ и держится, что послѣдняго слова еще не сказано, а гроза грянетъ. Если сегодня скажется послѣднее слово, стало-быть, и все скажется.

Князь слышалъ весь этотъ разговоръ, сидя въ уголкѣ за своею каллиграфскою пробой. Онъ кончилъ, подошелъ къ столу и подалъ свой листокъ.

— Такъ это Настасья Филипповна? промолвилъ онъ, внимательно и любопытно поглядѣвъ на портретъ:—удивительно хороша! прибавилъ онъ тотчасъ же съ жаромъ. На портретѣ была изображена дѣйствительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ, чрезвычайно простаго и изящнаго фасона; волосы, повидимому темнорусые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокіе, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ бы высокомѣрное. Она

была нѣсколько худа лицомъ, можетъ-быть, и блѣдна.... Ганя и генералъ съ изумленіемъ посмотрѣли на князя....

— Какъ, Настасья Филипповна! Развѣ вы ужь знаете и Настасью Филипповну? спросилъ генералъ.

— Да; всего только сутки въ Россіи, а ужь такую раскрасавицу знаю, отвѣтилъ князь, и тутъ же разказалъ про свою встрѣчу съ Рогожинымъ и передалъ весь разказъ его.

— Вотъ еще новости! опять затревожился генералъ, чрезвычайно внимательно выслушавшій разказъ, и пытливо поглядѣлъ на Ганю.

— Вѣроятно, одно только безобразіе, пробормоталъ тоже нѣсколько замѣшавшійся Ганя, — купеческій сынокъ гуляетъ. Я про него что-то уже слышалъ.

— Да и я, братъ, слышалъ, подхватилъ генералъ. — Тогда же, послѣ серегъ, Настасья Филипповна весь анекдотъ пересказывала. Да вѣдь дѣло-то теперь уже другое. Тутъ, можетъ-быть, дѣйствительно милліонъ сидитъ и... страсть Безобразная страсть, положимъ, но все-таки страстью пахнетъ, а вѣдь извѣстно, на что̀ эти господа способны, во всемъ хмѣлю!... Гм!... Не вышло бы анекдота какого-нибудь! заключилъ генералъ задумчиво.

— Вы милліона опасаетесь? осклабился Ганя.

— А ты нѣтъ, конечно?

— Какъ вамъ показалось, князь, обратился вдругъ къ нему Ганя, — что̀ это, серіозный какой-нибудь человѣкъ, или только такъ, безобразникъ? Собственно ваше мнѣніе?

Въ Ганѣ что-то происходило особенное, когда онъ задавалъ этотъ вопросъ. Точно новая и особенная какая-то идея загорѣлась у него въ мозгу и нетерпѣливо засверкала въ глазахъ его. Генералъ же, который искренно и простосердечно безпокоился, тоже покосился на князя, но какъ бы не ожидая много отъ его отвѣта.

— Не знаю какъ вамъ сказать, отвѣтилъ князь,—только мнѣ показалось, что въ немъ много страсти и даже какой-то больной страсти. Да онъ и самъ еще совсѣмъ какъ будто больной. Очень можетъ быть, что съ первыхъ же дней въ Петербургѣ и опять сляжетъ, особенно если закутитъ.

— Такъ? Вамъ такъ показалось? уцѣпился генералъ за эту идею.

— Да, показалось.

— И однакожь этого рода анекдоты могутъ происходить и не въ нѣсколько дней, а еще до вечера, сегодня же, можетъ, что-нибудь обернется, усмѣхнулся генералу Ганя.

— Гм!... Конечно.... Пожалуй, а ужь тогда все дѣло въ томъ, какъ у ней въ головѣ мелькнетъ, сказалъ генералъ.

— А вѣдь вы знаете какова она иногда?

— То-есть какова же? вскинулся опять генералъ, достигшій чрезвычайнаго разстройства.—Послушай, Ганя, ты пожалуста сегодня ей много не противорѣчь и постарайся эдакъ, знаешь, быть.... однимъ словомъ, быть по душѣ.... Гм!... Что ты такъ ротъ-то кривишь? Слушай, Гаврила Ардаліонычъ, кстати, очень даже кстати будетъ теперь сказать: изъ-за чего мы хлопочемъ? Понимаешь, что я относительно моей собственной выгоды, которая тутъ сидитъ, уже давно обезпечена; я, такъ или иначе, а въ свою пользу дѣло рѣшу. Тоцкій рѣшеніе свое принялъ непоколебимо, сталобыть, и я совершенно увѣренъ. И потому, если я теперь желаю чего, такъ это единственно твоей пользы. Самъ посуди; не довѣряешь ты что ли мнѣ? Притомъ же ты человѣкъ.... человѣкъ.... однимъ словомъ, человѣкъ умный, и я на тебя понадѣялся.... а это, въ настоящемъ случаѣ, это.... это....

— Это главное, договорилъ Ганя, опять помогая затруднившемуся генералу и скорчивъ свои губы въ ядовитѣйшую улыбку, которую уже не хотѣлъ скрывать. Онъ глядѣлъ своимъ воспаленнымъ взглядомъ прямо въ глаза генералу, какъ бы даже желая, чтобы тотъ прочелъ въ его взглядѣ всю его мысль. Генералъ побагровѣлъ и вспылилъ.

— Ну да, умъ главное! поддакнулъ онъ, рѣзко смотря на Ганю:—и смѣшной же ты человѣкъ, Гаврила Ардаліонычъ! Ты вѣдь точно радъ, я замѣчаю, этому купчику, какъ выходу для себя. Да тутъ именно чрезъ умъ надо бы съ самаго начала дойдти; тутъ именно надо понять и.... и поступить съ обѣихъ сторонъ честно и прямо, не то.... предувѣдомить заранѣе, чтобы не компрометтировать другихъ, тѣмъ паче, что и времени къ тому было довольно, и даже еще и теперь его остается довольно (генералъ значительно поднялъ брови), несмотря на то что остается всего только нѣсколько часовъ.... Ты понялъ? Понялъ? Хочешь ты или не хочешь, въ самомъ дѣлѣ? Если не хочешь, скажи, и—милости просимъ. Никто васъ, Гаврила Ардаліонычъ, не удер-

живаетъ, никто насильно въ канканъ не тащитъ, если вы только видите тутъ канканъ.

— Я хочу, вполголоса, но твердо промолвилъ Ганя, потупилъ глаза и мрачно замолкъ.

Генералъ былъ удовлетворенъ. Генералъ погорячился, но ужь видимо раскаивался, что далеко зашелъ. Онъ вдругъ оборотился къ князю, и казалось, по лицу его вдругъ прошла безпокойная мысль, что вѣдь князь былъ тутъ и все-таки слышалъ. Но онъ мгновенно успокоился; при одномъ взглядѣ на князя можно было вполнѣ успокоиться.

— Ого! вскричалъ генералъ, смотря на образцикъ калиграфіи, представленный княземъ:—да вѣдь это пропись! Да и пропись-то рѣдкая! Посмотри-ка, Ганя, каковъ талантъ!

На толстомъ веленевомъ листѣ князь написалъ средневѣковымъ русскимъ шрифтомъ фразу:

„Смиренный игуменъ Пафнутій руку приложилъ.“

— Вотъ это, разъяснялъ князь съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ и одушевленіемъ,—это собственная подпись игумена Пафнутія, со снимка четырнадцатаго столѣтія. Они превосходно подписывались, всѣ эти наши старые игумены и митрополиты, и съ какимъ иногда вкусомъ, съ какимъ стараніемъ! Неужели у васъ нѣтъ хоть Погодинскаго изданія, генералъ? Потомъ я вотъ тутъ написалъ другимъ шрифтомъ: это круглый, крупный французскій шрифтъ, прошлаго столѣтія, иныя буквы даже иначе писались, шрифтъ площадной, шрифтъ публичныхъ писцовъ, заимствованный съ ихъ образцовъ (у меня былъ одинъ),—согласитесь сами, что онъ не безъ достоинствъ. Взгляните на эти круглыя *д*, *а*. Я перевелъ французскій характеръ въ русскія буквы, что̀ очень трудно, а вышло удачно. Вотъ и еще прекрасный и оригинальный шрифтъ, вотъ эта фраза: „усердіе все превозмогаетъ“. Это шрифтъ русскій, писарскій или, если хотите, военно-писарскій. Такъ пишется казенная бумага къ важному лицу, тоже круглый шрифтъ, славный, *черный* шрифтъ, черно написано, но съ замѣчательнымъ вкусомъ. Каллиграфъ не допустилъ бы этихъ росчерковъ или, лучше сказать, этихъ попытокъ расчеркнуться, вотъ этихъ недоконченныхъ полухвостиковъ,—замѣчаете,—а въ цѣломъ, посмотрите, оно составляетъ вѣдь характеръ, и, право, вся тутъ военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотѣлось, и талантъ просится, да воротникъ военный туго

на крючокъ стянутъ, дисциплина и въ почеркѣ вышла, прелесть! Это недавно меня одинъ обращикъ такой поразилъ, случайно нашелъ, да еще гдѣ? въ Швейцаріи! Ну, вотъ это простой, обыкновенный и чистѣйшій англійскій шрифтъ: дальше ужь изящество не можетъ идти, тутъ все прелесть, бисеръ, жемчугъ; это закончено; но вотъ и варіація, и опять французская, я ее у одного французскаго путешествующаго комми заимствовалъ: тотъ же англійскій шрифтъ, но черная линія капельку почернѣе и потолще чѣмъ въ англійскомъ, анъ—пропорція свѣта и нарушена; и замѣтьте тоже: овалъ измѣненъ, капельку кругленѣе и вдобавокъ позволенъ росчеркъ, а росчеркъ это напопаснѣйшая вещь! Росчеркъ требуетъ необыкновеннаго вкуса; но если только онъ удался, если только найдена пропорція, то эдакой шрифтъ ни съ чѣмъ не сравнимъ, такъ даже, что можно влюбиться въ него.

— Ого! да въ какія вы тонкости заходите, смѣялся генералъ,—да вы, батюшка, не просто каллиграфъ, вы артистъ, а? Ганя?

— Удивительно, сказалъ Ганя,—и даже съ сознаніемъ своего назначенія, прибавилъ онъ, смѣясь насмѣшливо.

— Смѣйся, смѣйся, а вѣдь тутъ карьера, сказалъ генералъ.—Вы знаете, князь, къ какому лицу мы теперь вамъ бумаги писать дадимъ? Да вамъ прямо можно тридцать пять рублей въ мѣсяцъ положить, съ перваго шагу. Однако ужь половина перваго, заключилъ онъ, взглянувъ на часы;—къ дѣлу, князь, потому мнѣ надо поспѣшить, а сегодня, можетъ, мы съ вами не встрѣтимся! Присядьте-ка на минутку; я вамъ уже изъяснилъ, что принимать васъ очень часто не въ состояніи; но помочь вамъ капельку искренно желаю, капельку, разумѣется, то-есть въ видѣ необходимѣйшаго, а тамъ какъ ужь вамъ самимъ будетъ угодно. Мѣстечко въ канцеляріи я вамъ пріищу, не тугое, но потребуетъ аккуратности. Теперь-съ насчетъ дальнѣйшаго: въ домѣ, то-есть въ семействѣ Гаврилы Ардаліоныча Иволгина, вотъ этого самаго молодаго моего друга, съ которымъ прошу познакомиться, маменька его и сестрица очистили въ своей квартирѣ двѣ-три меблированныя комнаты и отдаютъ ихъ отлично рекомендованнымъ жильцамъ, со столомъ и прислугой. Мою рекомендацію, я увѣренъ, Нина Александровна приметъ. Для васъ же, князь, это даже больше чѣмъ кладъ, вопервыхъ, потому что вы будете не одинъ, а, такъ-сказать, въ нѣдрахъ

семейства, а по моему взгляду, вамъ нельзя съ перваго шагу очутиться однимъ въ такой столицѣ, какъ Петербургъ. Нина Александровна, маменька и Варвара Александровна, сестрица Гаврилы Ардаліоныча,—дамы, которыхъ я уважаю чрезмѣрно. Нина Александровна, супруга Ардаліона Александровича, отставленнаго генерала, моего бывшаго товарища по первоначальной службѣ, но съ которымъ я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прекратилъ сношенія, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ въ своемъ родѣ уважать его. Все это я вамъ изъясняю, князь, съ тѣмъ, чтобы вы поняли, что я васъ, такъ сказать, лично рекомендую, слѣдственно за васъ какъ бы тѣмъ ручаюсь. Плата самая умѣренная, и я надѣюсь, жалованье ваше въ скорости будетъ совершенно къ тому достаточно. Правда, человѣку необходимы и карманныя деньги, хотя бы нѣкоторыя, но вы не разсердитесь, князь, если я вамъ замѣчу, что вамъ лучше бы избѣгать карманныхъ денегъ, да и вообще денегъ въ карманѣ. Такъ по взгляду моему на васъ говорю. Но такъ какъ теперь у васъ кошелекъ совсѣмъ пустъ, то, для первоначалу, позвольте вамъ предложить вотъ эти двадцать пять рублей. Мы, конечно, сочтемся, и если вы такой искренній и задушевный человѣкъ, какимъ кажетесь на словахъ, то затрудненій и тутъ между нами выйдти не можетъ. Если же я вами такъ интересуюсь, то у меня, на вашъ счетъ, есть даже нѣкоторая цѣль; въ послѣдствіи вы ее узнаете. Видите, я съ вами совершенно просто; надѣюсь, Ганя, ты ничего не имѣешь противъ помѣщенія князя въ вашей квартирѣ?

— О, напротивъ! И мамаша будетъ очень рада.... вѣжливо и предупредительно подтвердилъ Ганя.

— У васъ вѣдь, кажется, только еще одна комната и занята. Этотъ, какъ его, Ферд.... Фер....

— Фердыщенко.

— Ну да; не нравится мнѣ этотъ вашъ Фердыщенко: сальный шутъ какой-то. И не понимаю, почему его такъ поощряетъ Настасья Филипповна? Да онъ взаправду что ли ей родственникъ?

— О нѣтъ, все это шутка! И не пахнетъ родственникомъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Ну, такъ какъ же вы, князь, довольны или нѣтъ?

— Благодарю васъ, генералъ, вы поступили со мной какъ чрезвычайно добрый человѣкъ, тѣмъ болѣе, что я даже и не

просилъ; я не изъ гордости это говорю; я и дѣйствительно не зналъ куда голову приклонить. Меня, правда, давича позвалъ Рогожинъ.

— Рогожинъ? Ну, нѣтъ; я бы вамъ посовѣтовалъ отечески, или, если больше любите, дружески, и забыть о господинѣ Рогожинѣ. Да и вообще совѣтовалъ бы вамъ придерживаться семейства, въ которое вы поступите.

— Если ужь вы такъ добры, началъ было князь,—то вотъ у меня одно дѣло. Я получилъ увѣдомленіе....

— Ну, извините, перебилъ генералъ, — теперь ни минуты болѣе не имѣю. Сейчасъ я скажу о васъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ: если она пожелаетъ принять васъ теперь же (я ужь въ такомъ видѣ постараюсь васъ отрекомендовать), то совѣтую воспользоваться случаемъ и понравиться, потому Лизавета Прокофьевна очень можетъ вамъ пригодиться; вы же однофамилецъ. Если не пожелаетъ, то не взыщите, когда-нибудь въ другое время. А ты, Ганя, взгляни-ка покамѣсть на эти счеты, мы давеча съ Федосѣевымъ бились. Ихъ надо бы не забыть включить....

Генералъ вышелъ, и князь такъ и не успѣлъ разказать о своемъ дѣлѣ, о которомъ начиналъ было чуть ли не въ четвертый разъ. Ганя закурилъ папиросу и предложилъ другую князю; князь принялъ, но не заговаривалъ, не желая помѣшать, и сталъ разсматривать кабинетъ; но Ганя едва взглянулъ на листъ бумаги, исписанный цифрами, указанный ему генераломъ. Онъ былъ разсѣянъ; улыбка, взглядъ, задумчивость Гани стали еще болѣе тяжелы на взглядъ князя, когда они оба остались наединѣ. Вдругъ онъ подошелъ къ князю; тотъ въ эту минуту стоялъ опять надъ портретомъ Настасьи Филипповны и разсматривалъ его.

— Такъ вамъ нравится такая женщина, князь? спросилъ онъ его вдругъ, пронзительно смотря на него. И точно будто бы у него было какое чрезвычайное намѣреніе.

— Удивительное лицо! отвѣтилъ князь, и я увѣренъ, что судьба ея не изъ обыкновенныхъ.—Лицо веселое, а она вѣдь ужасно страдала, а? Объ этомъ глаза говорятъ, вотъ эти двѣ косточки, двѣ точки подъ глазами въ началѣ щекъ. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вотъ не знаю, добра ли она? Ахъ, кабы добра! Все было бы спасено!

— А женились бы *вы* на такой женщинѣ? продолжалъ Ганя, не спуская съ него своего воспаленнаго взгляда.

— Я не могу жениться ни на комъ, я нездоровъ, сказалъ князь.

— А Рогожинъ женился бы? Какъ вы думаете?

— Да что же, жениться, я думаю, и завтра же можно; женился бы, а чрезъ недѣлю, пожалуй, и зарѣзалъ бы ее.

Только что выговорилъ это князь, Ганя вдругъ такъ вздрогнулъ, что князь чуть не вскрикнулъ.

— Что съ вами? проговорилъ онъ, хватая его за руку.

— Ваше сіятельство! Его превосходительство просятъ васъ пожаловать къ ея превосходительству, возвѣстилъ лакей, появляясь въ дверяхъ. Князь отправился вслѣдъ за лакеемъ.

IV.

Всѣ три дѣвицы Епанчины были барышни здоровыя, цвѣтущія, рослыя, съ удивительными плечами, съ мощною грудью, съ сильными, почти какъ у мущинъ, руками, и конечно вслѣдствіе своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать. Маменька ихъ, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность ихъ аппетита, но такъ какъ иныя мнѣнія ея, несмотря на всю наружную почтительность, съ которою принимались дочерьми, въ сущности давно уже потеряли первоначальный и безспорный авторитетъ между ними, и до такой даже степени, что установившійся согласный конклавъ трехъ дѣвицъ сплошь да рядомъ начиналъ пересиливать, то и генеральша, въ видахъ собственнаго достоинства, нашла удобнѣе не спорить и уступать. Правда, характеръ весьма часто не слушался и не подчинялся рѣшеніямъ благоразумія; Лизавета Прокофьевна становилась съ каждымъ годомъ все капризнѣе и нетерпѣливѣе, стала даже какая-то чудачка, но такъ какъ подъ рукой все-таки оставался весьма покорный и пріученный мужъ, то излишнее и накопившееся изливалось обыкновенно на его голову, а затѣмъ гармонія въ семействѣ возстановлялась опять, и все шло какъ не надо лучше.

Генеральша, впрочемъ, и сама не теряла аппетита, и обыкновенно, въ половинѣ перваго, принимала участіе въ обильномъ завтракѣ, похожемъ почти на обѣдъ, вмѣстѣ съ дочерьми. По чашкѣ кофею выпивалось барышнями еще

раньше, ровно въ десять часовъ, въ постеляхъ, въ минуту пробужденія. Такъ имъ полюбилось и установилось разъ навсегда. Въ половинѣ же перваго накрывался столъ въ маленькой столовой, близь мамашиныхъ комнатъ, и къ этому семейному и интимному завтраку являлся иногда и самъ генералъ, если позволяло время. Кромѣ чаю, кофею, сыру, меду, масла, особыхъ аладій, излюбленныхъ самою генеральшей, котлетъ и пр., подавался даже крѣпкій, горячій бульйонъ. Въ то утро, въ которое начался нашъ разказъ, все семейство собралось въ столовой въ ожиданіи генерала, обѣщавшаго явиться къ половинѣ перваго. Еслибъ онъ опоздалъ хоть минуту, за нимъ тотчасъ же послали бы; но онъ явился аккуратно. Подойдя поздороваться съ супругой и поцѣловать у ней ручку, онъ замѣтилъ въ лицѣ ея на этотъ разъ что-то слишкомъ особенное. И хотя онъ еще наканунѣ предчувствовалъ, что такъ именно и будетъ сегодня по одному „анекдоту“ (какъ онъ самъ по привычкѣ своей выражался), и уже засыпая вчера, объ этомъ безпокоился, но все-таки теперь опять струсилъ. Дочери подошли съ нимъ поцѣловаться; тутъ хотя и не сердились на него, но все-таки и тутъ было тоже какъ бы что-то особенное. Правда, генералъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сталъ излишне подозрителенъ; но такъ какъ онъ былъ отецъ и супругъ опытный и ловкій, то тотчасъ же и взялъ свои мѣры.

Можетъ-быть, мы не очень повредимъ выпуклости нашего разказа, если остановимся здѣсь и прибѣгнемъ къ помощи нѣкоторыхъ поясненій для прямой и точнѣйшей постановки тѣхъ отношеній и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимъ семейство генерала Епанчина въ началѣ нашей повѣсти. Мы уже сказали сейчасъ, что самъ генералъ, хотя былъ человѣкъ и не очень образованный, а напротивъ, какъ онъ самъ выражался о себѣ, „человѣкъ самоучный“, но былъ однакоже опытнымъ супругомъ и ловкимъ отцомъ. Между прочимъ, онъ принялъ систему не торопить дочерей своихъ замужъ, то-есть, не „висѣть у нихъ надъ душой“ и не безпокоить ихъ слишкомъ томленіемъ своей родительской любви объ ихъ счастіи, какъ невольно и естественно происходитъ сплошь да рядомъ даже въ самыхъ умныхъ семействахъ, въ которыхъ накопляются взрослыя дочери. Онъ даже достигъ того, что склонилъ и Лизавету Прокофьевну къ своей системѣ, хотя дѣло вообще было трудное,—труд-

ное потому, что и неестественное; но аргументы генерала были чрезвычайно значительны, основывались на осязаемыхъ фактахъ. Да и предоставленныя вполнѣ своей волѣ и своимъ рѣшеніямъ, невѣсты натурально принуждены же будутъ, наконецъ, взяться сами за умъ, и тогда дѣло загорится, потому что возьмутся за дѣло охотой, отложивъ капризы и излишнюю разборчивость; родителямъ оставалось бы только неусыпнѣе и какъ можно непримѣтнѣе наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь страннаго выбора или неестественнаго уклоненія, а затѣмъ, улучивъ надлежащій моментъ, разомъ помочь всѣми силами и направить дѣло всѣми вліяніями. Наконецъ, ужь одно то, что съ каждымъ годомъ, напримѣръ, росло въ геометрической прогрессіи ихъ состояніе и общественное значеніе; слѣдственно, чѣмъ болѣе уходило время, тѣмъ болѣе выигрывали и дочери, даже какъ невѣсты. Но среди всѣхъ этихъ неотразимыхъ фактовъ, наступилъ и еще одинъ фактъ: старшей дочери, Александрѣ, вдругъ и совсѣмъ почти неожиданно (какъ и всегда это такъ бываетъ), минуло двадцать пять лѣтъ. Почти въ то же самое время и Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій, человѣкъ высшаго свѣта, съ высшими связями и необыкновеннаго богатства, опять обнаружилъ свое старинное желаніе жениться. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, изящнаго характера, съ необыкновенною утонченностію вкуса. Ему хотѣлось жениться хорошо; цѣнитель красоты онъ былъ чрезвычайный. Такъ какъ съ нѣкотораго времени онъ съ генераломъ Епанчинымъ состоялъ въ необыкновенной дружбѣ, особенно усиленной взаимнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ фанансовыхъ предпріятіяхъ, то и сообщилъ ему, такъ сказать, прося дружескаго совѣта и руководства: возможно или нѣтъ предположеніе о его бракѣ съ одною изъ его дочерей? Въ тихомъ и прекрасномъ теченіи семейной жизни генерала Епанчина наступалъ очевидный переворотъ.

Безспорною красавицей въ семействѣ, какъ уже сказано было, была младшая, Аглая. Но даже самъ Тоцкій, человѣкъ чрезвычайнаго эгоизма, понялъ, что не тутъ ему надо искать, и что Аглая не ему предназначена. Можетъ-быть, нѣсколько слѣпая любовь и слишкомъ горячая дружба сестеръ и преувеличивали дѣло, но судьба Аглаи предназначалась между ними, самымъ искреннимъ образомъ, быть не просто судьбой,

а возможнымъ идеаломъ земнаго рая. Будущій мужъ Аглаи долженъ былъ быть обладателемъ всѣхъ совершенствъ и успѣховъ, не говоря уже о богатствѣ. Сестры даже положили между собой, и какъ-то безъ особенныхъ лишнихъ словъ, о возможности, если надо, пожертвованія съ ихъ стороны въ пользу Аглаи: приданое для Аглаи предназначалось колоссальное и изъ ряду вонъ. Родители знали объ этомъ соглашеніи двухъ старшихъ сестеръ, и потому, когда Тоцкій попросилъ совѣта, между ними почти и сомнѣній не было, что одна изъ старшихъ сестеръ навѣрно не откажется увѣнчать ихъ желанія, тѣмъ болѣе что Аѳанасій Ивановичъ не могъ затрудниться насчетъ приданаго. Предложеніе же Тоцкаго самъ генералъ оцѣнилъ тотчасъ же, съ свойственнымъ ему знаніемъ жизни, чрезвычайно высоко. Такъ какъ и самъ Тоцкій наблюдалъ покамѣсть, по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, чрезвычайную осторожность въ своихъ шагахъ, и только еще сондировалъ дѣло, то и родители предложили дочерямъ на видъ только еще самыя отдаленныя предположенія. Въ отвѣтъ на это было получено отъ нихъ, тоже хоть не совсѣмъ опредѣленное, но покрайней мѣрѣ успокоительное заявленіе, что старшая, Александра, пожалуй и не откажется. Это была дѣвушка, хотя и съ твердымъ характеромъ, но добрая, разумная и чрезвычайно уживчивая; могла выйдти за Тоцкаго даже охотно, и еслибы дала слово, то исполнила бы его честно. Блеска она не любила, не только не грозила хлопотами и крутымъ переворотомъ, но могла даже усладить и успокоить жизнь. Собой она была очень хороша, хотя и не такъ эффектна. Что̀ могло быть лучше для Тоцкаго?

И однакоже дѣло продолжало идти все еще ощупью. Взаимно и дружески, между Тоцкимъ и генераломъ положено было до времени избѣгать всякаго формальнаго и безвозвратнаго шага. Даже родители все еще не начинали говорить съ дочерьми совершенно открыто; начинался какъ будто и диссонансъ: генеральша Епанчина, мать семейства, становилась почему-то недовольною, а это было очень важно. Тутъ было одно мѣшавшее всему обстоятельство, одинъ мудреный и хлопотливый случай, изъ-за котораго все дѣло могло разстроиться безвозвратно.

Этотъ мудренный и хлопотливый „случай“ (какъ выражался самъ Тоцкій) начался ещѐ очень давно, лѣтъ восемнадцать этакъ назадъ. Рядомъ съ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій

Аѳанасія Ивановича, въ одной изъ срединныхъ губерній, бѣдствовалъ одинъ мелкопомѣстный и бѣднѣйшій помѣщикъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный по своимъ безпрерывнымъ и анекдотическимъ неудачамъ,—одинъ отставной офицеръ, хорошей дворянской фамиліи, и даже въ этомъ отношеніи почище Тоцкаго, нѣкто Филиппъ Александровичъ Барашковъ. Весь задолжавшійся и заложившійся, онъ успѣлъ уже наконецъ послѣ каторжныхъ, почти мужичьихъ трудовъ, устроить кое-какъ свое маленькое хозяйство удовлетворительно. При малѣйшей удачѣ онъ необыкновенно ободрялся. Ободренный и просіявшій надеждами, онъ отлучился на нѣсколько дней въ свой уѣздный городокъ, чтобы повидаться и, буде возможно, столковаться окончательно съ однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ кредиторовъ. На третій день по прибытіи его въ городъ, явился къ нему изъ его деревеньки его староста, верхомъ, съ обожженною щекой и обгорѣвшею бородой, и возвѣстилъ ему, что „вотчина сгорѣла“, вчера, въ самый полдень, причемъ „изволили сгорѣть и супруга, а дѣточки цѣлы остались“. Этого сюрприза даже и Барашковъ, пріученный къ „синякамъ фортуны“, не могъ вынести; онъ сошелъ съ ума и чрезъ мѣсяцъ померъ въ горячкѣ. Сгорѣвшее имѣніе, съ разбредшимися по міру мужиками, было продано за долги; двухъ же маленькихъ дѣвочекъ, шести и семи лѣтъ, дѣтей Барашкова, по великодушію своему, принялъ на свое иждивеніе и воспитаніе Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій. Онѣ стали воспитываться вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго Аѳанасія Ивановича, одного отставнаго и многосемейнаго чиновника и притомъ Нѣмца. Вскорѣ осталась одна только дѣвочка, Настя, а младшая умерла отъ коклюша; Тоцкій же вскорѣ совсѣмъ и забылъ о нихъ обѣихъ, проживая за границей. Лѣтъ пять спустя, однажды Аѳанасій Ивановичъ, проѣздомъ, вздумалъ заглянуть въ свое помѣстье и вдругъ замѣтилъ въ деревенскомъ своемъ домѣ, въ семействѣ своего Нѣмца, прелестнаго ребенка, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, рѣзвую, милую, умненькую и обѣщавшую необыкновенную красоту; въ этомъ отношеніи Аѳанасій Ивановичъ былъ знатокъ безошибочный. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ помѣстьи всего нѣсколько дней, но успѣлъ распорядиться; въ воспитаніи дѣвочки произошла значительная перемѣна: приглашена была почтенная и пожилая гувернантка, опытная въ высшемъ воспитаніи дѣвицъ, Швейцарка, образованная

и преподававшая, кромѣ французскаго языка, и разныя науки. Она поселилась въ деревенскомъ домѣ, и воспитаніе маленькой Настасьи приняло чрезвычайные размѣры. Ровно чрезъ четыре года это воспитаніе кончилось; гувернантка уѣхала, а за Настей пріѣхала одна барыня, тоже какая-то помѣщица и тоже сосѣдка г-на Тоцкаго по имѣнію, но уже въ другой, далекой губерніи, и взяла Настю съ собой, вслѣдствіе инструкціи и полномочія отъ Афанасія Ивановича. Въ этомъ небольшомъ помѣстьи оказался тоже, хотя и небольшой, только что отстроенный деревянный домъ; убранъ онъ былъ особенно изящно, да и деревенька, какъ нарочно, называлось сельцо „Отрадное“. Помѣщица привезла Настю прямо въ этотъ тихій домикъ, и такъ какъ сама она, бездѣтная вдова, жила всего въ одной верстѣ, то и сама поселилась вмѣстѣ съ Настей. Около Насти явилась старуха ключница и молодая, опытная горничная. Въ домѣ нашлись музыкальные инструменты, изящная дѣвичья библіотека, картины, эстампы, карандаши, кисти, краски, удивительная левретка, а чрезъ двѣ недѣли пожаловалъ и самъ Аѳанасій Ивановичъ.... Съ тѣхъ поръ онъ какъ-то особенно полюбилъ эту глухую, степную свою деревеньку, заѣзжалъ каждое лѣто, гостилъ по два, даже по три мѣсяца, и такъ прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусомъ и изящно.

Однажды случилось, что какъ-то въ началѣ зимы, мѣсяца четыре спустя послѣ одного изъ лѣтнихъ пріѣздовъ Аѳанасія Ивановича въ „Отрадное“, заѣзжавшаго на этотъ разъ всего только на двѣ недѣли, пронесся слухъ, или, лучше сказать, дошелъ какъ-то слухъ до Настасьи Филипповны, что Аѳанасій Ивановичъ въ Петербургѣ женится на красавицѣ, на богатой, на знатной,—одинимъ словомъ, дѣлаетъ солидную и блестящую партію. Слухъ этотъ оказался потомъ не во всѣхъ подробностяхъ вѣрнымъ: свадьба и тогда была еще только въ проектѣ, и все еще было очень неопредѣленно, но въ судьбѣ Настатьи Филипповны все-таки произошелъ съ этого времени чрезвычайный переворотъ. Она вдругъ выказала необыкновенную рѣшимость и обнаружила самый неожиданный характеръ. Долго не думая, она бросила свой деревенскій домикъ и вдругъ явилась въ Петербургъ, прямо къ Тоцкому, одна-одинехонька. Тотъ изумился, началъ было говорить; но вдругъ оказалось, почти съ перваго слова,

что надобно совершенно измѣнить слогъ, діапазонъ голоса, прежнія темы пріятныхъ и изящныхъ разговоровъ, употреблявшіяся доселѣ съ такимъ успѣхомъ, логику,—все, все, все! Предъ нимъ сидѣла совершенно другая женщина, нисколько не похожая на ту, которую онъ зналъ доселѣ и оставилъ всего только въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ сельцѣ „Отрадномъ“.

Эта новая женщина, оказалось, вопервыхъ, необыкновенно много знала и понимала,—такъ много, что надо было глубоко удивляться, откуда могла она пріобрѣсти такія свѣдѣнія, выработать въ себѣ такія точныя понятія. (Неужели изъ своей дѣвичьей библіотеки?) Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имѣла положительное знаніе, если не свѣта, то о томъ по крайней мѣрѣ какъ нѣкоторыя дѣла текутъ на свѣтѣ. Вовторыхъ, это былъ совершенно не тотъ характеръ какъ прежде, то-есть не что-то робкое, пансіонски-неопредѣленное, иногда очаровательное по своей оригинальной рѣзвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недовѣрчивое, плачущее и безпокойное.

Тутъ: тутъ хохотало предъ нимъ и кололо его ядовитѣйшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имѣло къ нему въ своемъ сердцѣ ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія, презрѣнія до тошноты, наступившаго тотчасъ же послѣ перваго удивленія. Эта новая женщина объявляла, что ей въ полномъ смыслѣ все равно будетъ, если онъ сейчасъ же и на комъ угодно женится, но что она пріѣхала не позволить ему этотъ бракъ, и не позволить по злости, единственно потому, что ей такъ хочется, и что слѣдственно такъ и быть должно,—„ну хоть для того, чтобы мнѣ только посмѣяться надъ тобой въ волю, потому что теперь и я наконецъ смѣяться хочу“.

Такъ по крайней мѣрѣ она выражалась; всего, что̀ было у ней на умѣ, она, можетъ-быть, и не высказала. Но покамѣсть новая Настасья Филипповна хохотала и все это излагала, Аѳанасій Ивановичъ обдумывалъ про себя это дѣло и по возможности приводилъ въ порядокъ нѣсколько разбитыя свои мысли. Это обдумываніе продолжалось не мало времени; онъ вникалъ и рѣшался окончательно почти двѣ недѣли: но чрезъ двѣ недѣли его рѣшеніе было принято.

Дѣло въ томъ, что Аѳанасію Ивановичу въ то время было уже около пятидесяти лѣтъ, и человѣкъ онъ былъ въ высшей степени солидный и установившійся. Постановка его въ свѣтѣ и въ обществѣ давнымъ-давно совершилась на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Себя, свой покой и комфортъ онъ любилъ и цѣнилъ болѣе всего на свѣтѣ, какъ и слѣдовало въ высшей степени порядочному человѣку. Ни малѣйшаго нарушенія, ни малѣйшаго колебанія не могло быть допущено въ томъ, что̀ всею жизнью устанавливалось и приняло такую прекрасную форму. Съ другой стороны, опытность и глубокій взглядъ на вещи подсказали Тоцкому очень скоро и необыкновенно вѣрно, что онъ имѣетъ теперь дѣло съ существомъ совершенно изъ ряду вонъ, что это именно такое существо, которое не только грозитъ, но и непремѣнно сдѣлаетъ, и, главное, ни предъ чѣмъ рѣшительно не остановится, тѣмъ болѣе что рѣшительно ничѣмъ въ свѣтѣ не дорожитъ, такъ что даже и соблазнить его невозможно. Тутъ, очевидно, было что-то другое, подразумѣвалась какая-то душевная и сердечная бурда,—что-то въ родѣ какого-то романическаго негодованія Богъ знаетъ на кого и за что́, какого-то ненасытимаго чувства презрѣнія, совершенно выскочившаго изъ мѣрки,—однимъ словомъ что-то въ высшей степени смѣшное и недозволенное въ порядочномъ обществѣ и съ чѣмъ встрѣтиться для всякаго порядочнаго человѣка составляетъ чистѣйшее Божіе наказаніе. Разумѣется, съ богатствомъ и со связями Тоцкаго можно было тотчасъ же сдѣлать какое-нибудь маленькое и совершенно невинное злодѣйство, чтобъ избавиться отъ непріятности. Съ другой стороны, было очевидно, что и сама Настасья Филипповна почти ничего не въ состояніи сдѣлать вреднаго, въ смыслѣ, напримѣръ, хоть юридическомъ; даже и скандала не могла бы сдѣлать значительнаго, потому что такъ легко ее можно было всегда ограничить. Но все это въ такомъ только случаѣ, еслибы Настасья Филипповна рѣшилась дѣйствовать какъ всѣ, и какъ вообще въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуютъ, не выскакивая слишкомъ эксцентрично изъ мѣрки. Но тутъ-то и пригодилась Тоцкому его вѣрность взгляда: онъ сумѣлъ разгадать, что Настасья Филипповна и сама отлично понимаетъ, какъ безвредна она въ смыслѣ юридическомъ, но что у ней совсѣмъ другое на умѣ и.... въ сверкавшихъ

глазахъ ея. Ничѣмъ не дорожа, а пуще всего собой (нужно было очень много ума и проникновенія, чтобы догадаться въ эту минуту, что она давно уже перестала дорожить собой, и чтобъ ему, скептику и свѣтскому циник у, повѣрить серіозности этого чувства), Настасья Филипповна въ состояніи была самое себя погубить, безвозвратно и безобразно, Сибирью и каторгой, лишь бы надругаться надъ человѣкомъ, къ которому она питала такое безчеловѣчное отвращеніе. Аѳанасій Ивановичъ никогда не скрывалъ, что онъ былъ нѣсколько трусоватъ или, лучше сказать, въ высшей степени консерваторъ. Еслибъ онъ зналъ, напримѣръ, что его убьютъ подъ вѣнцомъ, или произойдетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, чрезвычайно неприличное, смѣшное и непринятое въ обществѣ, то онъ конечно бы испугался, но при этомъ не столько того, что его убьютъ и ранятъ до крови, или плюнутъ всепублично въ лицо и пр. и пр., а того, что это произойдетъ съ нимъ въ такой неестественной и непринятой формѣ. А вѣдь Настасья Филипповна именно это и пророчила, хотя еще и молчала объ этомъ; онъ зналъ, что она въ высшей степени его понимала и изучила, а слѣдственно знала чѣмъ въ него и ударить. А такъ какъ свадьба дѣйствительно была еще только въ намѣреніи, то Аѳанасій Ивановичъ смирился и уступилъ Настасьѣ Филипповнѣ.

Рѣшенію его помогло и еще одно обстоятельство: трудно было вообразить себѣ до какой степени не походила эта новая Настасья Филипповна на прежнюю лицомъ. Прежде это была только очень хорошенькая дѣвочка, а теперь.... Тоцкій долго не могъ простить себѣ, что онъ четыре года глядѣлъ и не разглядѣлъ. Правда, много значитъ и то, когда съ обѣихъ сторонъ, внутренно и внезапно, происходитъ переворотъ. Онъ припоминалъ впрочемъ и прежде мгновенія, когда иногда странныя мысли приходили ему при взглядѣ, напримѣръ, на эти глаза, какъ бы предчувствовался въ нихъ какой-то глубокій и таинственный мракъ. Этотъ взглядъ глядѣлъ—точно задавалъ загадку. Въ послѣдніе два года онъ часто удивлялся измѣненію цвѣта лица Настасьи Филипповны; она становилась ужасно блѣдна и—странно—даже хорошѣла отъ этого. Тоцкій, который, какъ всѣ погулявшіе на своемъ вѣку джентльмены, съ презрѣніемъ смотрѣлъ вначалѣ какъ дешево досталась ему эта нежившая

душа, въ послѣднее время нѣсколько усомнился въ своемъ взглядѣ. Во всякомъ случаѣ, у него положено было еще прошлою весной, въ скоромъ времени, отлично и съ достаткомъ выдать Настасью Филипповну замужъ за какого-нибудь благоразумнаго и порядочнаго господина, служащаго въ другой губерніи. (О, какъ ужасно и какъ зло смѣялась надъ этимъ теперь Настасья Филипповна!) Но теперь Аѳанасій Ивановичъ, прельщенный новизной, подумалъ даже, что онъ могъ бы вновь эксплуатировать эту женщину. Онъ рѣшился поселить Настасью Филипповну въ Петербургѣ и окружить роскошнымъ комфортомъ. Если не то, такъ другое: Настасьей Филипповной можно было щегольнуть и даже потщеславиться въ извѣстномъ кружкѣ. Аѳанасій же Ивановичъ такъ дорожилъ своею славой по этой части.

Прошло уже пять лѣтъ петербургской жизни и, разумѣется, въ такой срокъ многое опредѣлилось. Положеніе Аѳанасія Ивановича было неутѣшительное; всего хуже было то, что онъ, струсивъ разъ, уже никакъ потомъ не могъ успокоиться. Онъ боялся—и даже самъ не зналъ чего,—просто боялся Настасьи Филипповны. Нѣкоторое время, въ первые два года, онъ сталъ было подозрѣвать, что Настасья Филипповна сама желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ, но молчитъ изъ необыкновеннаго тщеславія и ждетъ настойчиво его предложенія. Претензія была бы странная, но Аѳанасій Ивановичъ сталъ подозрителенъ: онъ морщился и тяжело задумывался. Къ большому и (таково сердце человѣка!) къ нѣсколько непріятному своему изумленію, онъ вдругъ, по одному случаю, убѣдился, что еслибы даже онъ и сдѣлалъ предложеніе, то его бы не приняли. Долгое время онъ не понималъ этого. Ему показалось возможнымъ одно только объясненіе, что гордость „оскорбленной и фантастической женщины“ доходитъ уже до такого изступленія, что ей скорѣе пріятнѣе выказать разъ свое презрѣніе въ отказѣ, чѣмъ навсегда опредѣлить свое положеніе и достигнуть недосягаемаго величія. Хуже всего было то, что Настасья Филипповна ужасно много взяла верху. На интересъ тоже не подавалась, даже на очень крупный, и хотя приняла предложенный ей комфортъ, но жила очень скромно и почти ничего въ эти пять лѣтъ не скопила. Аѳанасій Ивановичъ рискнулъ было на очень хитрое средство, чтобы разбить свои цѣпи: непримѣтно и искусно онъ сталъ соблазнять ее, чрезъ

ловкую помощь, разными идеальнѣйшими соблазнами; но олицетворенные идеалы: князья, гусары, секретари посольствъ, поэты, романисты, соціалисты даже, ничто не произвело никакого впечатлѣнія на Настасью Филипповну, какъ будто у ней вмѣсто сердца былъ камень, а чувства изсохли и вымерли разъ навсегда. Жила она больше уединенно, читала, даже училась, любила музыку. Знакомствъ имѣла мало; она все зналась съ какими-то бѣдными и смѣшными чиновницами, знала двухъ какихъ-то актрисъ, какихъ-то старухъ, очень любила многочисленное семейство одного почтеннаго учителя, и въ семействѣ этомъ и ее очень любили и съ удовольствіемъ принимали. Довольно часто по вечерамъ сходились къ ней пять-шесть человѣкъ знакомыхъ, не болѣе. Тоцкій являлся очень часто и аккуратно. Въ послѣднее время не безъ труда познакомился съ Настасьей Филипповной генералъ Епанчинъ. Въ то же время совершенно легко и безъ всякаго труда познакомился съ ней и одинъ молодой чиновникъ, по фамиліи Фердыщенко, очень неприличный и сальный шутъ, съ претензіями на веселость, и выпивающій. Былъ знакомъ одинъ молодой и странный человѣкъ, по фамиліи Птицынъ, скромный, аккуратный и вылощенный, пропстедшій изъ нищеты и сдѣлавшійся ростовщикомъ. Познакомился, наконецъ, и Гаврила Ардаліоновичъ.... Кончилось тѣмъ, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красотѣ ея знали всѣ, но и только; никто не могъ ничѣмъ похвалиться, никто не могъ ничего разказать. Такая репутація, ея образованіе, изящная манера, остроуміе, все это утвердило Аѳанасія Ивановича окончательно на извѣстномъ планѣ. Тутъ-то и начинается тотъ моментъ, съ котораго принялъ въ этой исторіи такое дѣятельное и чрезвычайное участіе самъ генералъ Епанчинъ.

Когда Тоцкій такъ любезно обратился къ нему за дружескимъ совѣтомъ насчетъ одной изъ его дочерей, то тутъ же, самымъ благороднѣйшимъ образомъ, сдѣлалъ полнѣйшія и откровенныя признанія. Онъ открылъ, что рѣшился уже не останавливаться *ни предъ какими* средствами, чтобы получить свою свободу; что онъ не успокоился бы, еслибы Настасья Филипповна даже сама объявила ему, что впредь оставитъ его въ полномъ покоѣ; что ему мало словъ, что ему нужны самыя полныя гарантіи. Столковались и рѣшились

дѣйствовать сообща. Первоначально положено было испытать средства самыя мягкія и затронуть такъ-сказать однѣ „благородныя струны сердца“. Оба пріѣхали къ Настасьѣ Филипповнѣ, и Тоцкій прямехонько началъ съ того, что объявилъ ей о невыносимомъ ужасѣ своего положенія; обвинилъ онъ себя во всемъ; откровенно сказалъ, что не можетъ раскаяться въ первоначальномъ поступкѣ съ нею, потому что онъ сластолюбецъ закоренѣлый и въ себѣ не властенъ, но что теперь онъ хочетъ жениться, и что вся судьба этого въ высшей степени приличнаго и свѣтскаго брака въ ея рукахъ; однимъ словомъ, что онъ ждетъ всего отъ ея благороднаго сердца. Затѣмъ сталъ говорить генералъ Епанчинъ, въ своемъ качествѣ отца, и говорилъ резонно, избѣгнулъ трогательнаго, упомянулъ только, что вполнѣ признаетъ ея право на рѣшеніе судьбы Аѳанасія Ивановича, ловко щегольнулъ собственнымъ смиреніемъ, представивъ на видъ, что судьба его дочери, а можетъ-быть и двухъ другихъ дочерей, зависитъ теперь отъ ея же рѣшенія. На вопросъ Настасьи Филипповны: „Чего именно отъ нея хотятъ?“ Тоцкій съ прежнею, совершенно обнаженною прямотой, признался ей, что онъ такъ напуганъ еще пять лѣтъ назадъ, что не можетъ даже и теперь совсѣмъ успокоиться, до тѣхъ поръ пока Настасья Филипповна сама не выйдетъ за кого-нибудь замужъ. Онъ тотчасъ же прибавилъ, что просьба эта была бы, конечно, съ его стороны нелѣпа, еслибъ онъ не имѣлъ насчетъ ея нѣкоторыхъ основаній. Онъ очень хорошо замѣтилъ и положительно узналъ, что молодой человѣкъ, очень хорошей фамиліи, живущій въ самомъ достойномъ семействѣ, а именно Гаврила Ардаліоновичъ Иволгинъ, котораго она знаетъ и у себя принимаетъ, давно уже любитъ ее всею силой страсти, и конечно, отдалъ бы половину жизни за одну надежду пріобрѣсть ея симпатію. Признанія эти Гаврила Ардаліоновичъ сдѣлалъ ему, Аѳанасію Ивановичу, самъ, и давно уже, по-дружески и отъ чистаго молодаго сердца, и что объ этомъ давно уже знаетъ и Иванъ Ѳедоровичъ, благодѣтельствующій молодому человѣку. Наконецъ, если только онъ, Аѳанасій Ивановичъ, не ошибается, любовь молодаго человѣка давно уже извѣстна самой Настасьѣ Филипповнѣ, и ему показалось даже, что она смотритъ на эту любовь снисходительно. Конечно, ему всѣхъ труднѣе говорить объ этомъ, но если Настасья

Филипповна захотѣла бы допустить въ немъ, въ Тоцкомъ, кромѣ эгоизма и желанія устроить свою собственную участь, хотя нѣсколько желанія добра и ей, то поняла бы, что ему давно странно и даже тяжело смотрѣть на ея одиночество: что тутъ одинъ только неопредѣленный мракъ, полное невѣріе въ обновленіе жизни, которая такъ прекрасно могла бы воскреснуть въ любви и въ семействѣ и принять такимъ образомъ новую цѣль; что тутъ гибель способностей, можетъ-быть, блестящихъ, добровольное любованіе своею тоской, однимъ словомъ, даже нѣкоторый романтизмъ, недостойный ни здраваго ума, ни благороднаго сердца Настасьи Филипповны. Повторивъ еще разъ, что ему труднѣе другихъ говорить, онъ заключилъ, что не можетъ отказаться отъ надежды, что Настасья Филипповна не отвѣтитъ ему презрѣніемъ, если онъ выразитъ свое искреннее желаніе обезпечить ея участь въ будущемъ и предложитъ ей сумму въ семьдесятъ пять тысячъ рублей. Онъ прибавилъ въ поясненіе, что эта сумма, все равно, назначена уже ей въ его завѣщаніи; однимъ словомъ, что тутъ вовсе не вознагражденіе какое-нибудь... и что наконецъ почему же не допустить и не извинить въ немъ человѣческаго желанія хоть чѣмъ-нибудь облегчить свою совѣсть и т. д., и т. д., все что̀ говорится въ подобныхъ случаяхъ на эту тему. Аѳанасій Ивановичъ говорилъ долго и краснорѣчиво, присовокупивъ, такъ-сказать мимоходомъ, очень любопытное свѣдѣніе, что объ этихъ семидесяти пяти тысячахъ онъ заикнулся теперь въ первый разъ, и что о нихъ не зналъ даже и самъ Иванъ Ѳедоровичъ, который вотъ тутъ сидитъ; однимъ словомъ не знаетъ *никто*.

Отвѣтъ Настасьи Филипповны изумилъ обоихъ друзей.

Не только не было замѣтно въ ней хотя бы малѣйшаго проявленія прежней насмѣшки, прежней вражды и ненависти, прежняго хохоту, отъ котораго, при одномъ воспоминаніи, до сихъ поръ проходилъ холодъ по спинѣ Тоцкаго, но напротивъ, она какъ будто обрадовалась тому, что можетъ наконецъ поговорить съ кѣмъ-нибудь откровенно и по-дружески. Она призналась, что сама давно желала спросить дружескаго совѣта, что мѣшала только гордость, но что теперь, когда ледъ разбитъ, ничего и не могло быть лучше. Сначала съ грустною улыбкой, а потомъ весело и рѣзво разсмѣявшись, она призналась, что прежней бури во всякомъ

случаѣ и быть не могло; что она давно уже измѣнила отчасти свой взглядъ на вещи, и что хотя и не измѣнилась въ сердцѣ, но все-таки принуждена была очень многое допустить въ видѣ совершившихся фактовъ; что̀ сдѣлано, то сдѣлано, что̀ прошло, то прошло, такъ что ей даже странно, что Аѳанасій Ивановичъ все еще продолжаетъ быть такъ напуганнымъ. Тутъ она обратилась къ Ивану Ѳедоровичу и съ видомъ глубочайшаго уваженія объявила, что она давно уже слышала очень многое объ его дочеряхъ, и давно уже привыкла глубоко и искренно уважать ихъ. Одна мысль о томъ, что она могла бы быть для нихъ хоть чѣмъ-нибудь полезною, была бы, кажется, для нея счастьемъ и гордостью. Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Аѳанасій Ивановичъ угадалъ мечты ея; она желала бы воскреснуть, хоть не въ любви, такъ въ семействѣ, сознавъ новую цѣль; но что о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ она почти ничего не можетъ сказать. Кажется, правда, что онъ ее любитъ; она чувствуетъ, что могла бы и сама его полюбить, еслибы могла повѣрить въ твердость его привязанности; но онъ очень молодъ, если даже и искрененъ; тутъ рѣшеніе трудно. Ей, впрочемъ, нравится больше всего то, что онъ работаетъ, трудится и одинъ поддерживаетъ все семейство. Она слышала, что онъ человѣкъ съ энергіей, съ гордостью, хочетъ карьеры, хочетъ пробиться. Слышала тоже, что Нина Александровна Иволгина, мать Гаврилы Ардаліоновича, превосходная и въ высшей степени уважаемая женщина; что сестра его Варвара Ардаліоновна очень замѣчательная и энергичная дѣвушка; она много слышала о ней отъ Птицына. Она слышала, что онѣ бодро переносятъ свои несчастія; она очень бы желала съ ними познакомиться, но еще вопросъ, радушно ли онѣ примутъ ее въ ихъ семью? Вообще она ничего не говоритъ противъ возможности этого брака, но объ этомъ еще слишкомъ надо подумать; она желала бы, чтобъ ее не торопили. Насчетъ же семидесяти пяти тысячъ,—напрасно Аѳанасій Ивановичъ такъ затруднялся говорить о нихъ. Она понимаетъ сама цѣну деньгамъ и конечно ихъ возьметъ. Она благодаритъ Аѳанасія Ивановича за его деликатность, за то, что онъ даже и генералу объ этомъ не говорилъ, не только Гаврилѣ Ардаліоновичу, но однакожь, почему же и ему не знать объ этомъ заранѣе? Ей нечего стыдиться за эти деньги, входя въ ихъ семью. Во всякомъ

случаѣ она ни у кого не намѣрена просить прощенія ни въ чемъ и желаетъ чтобъ это знали. Она не выйдетъ за Гаврилу Ардаліоновича, пока не убѣдится, что ни въ немъ, ни въ семействѣ его, нѣтъ какой-нибудь затаенной мысли на ея счетъ. Во всякомъ случаѣ, она ни въ чемъ не считаетъ себя виновною, и пусть бы лучше Гаврила Ардаліоновичъ узналъ на какихъ основаніяхъ она прожила всѣ эти пять лѣтъ въ Петербургѣ, въ какихъ отношеніяхъ къ Аѳанасію Ивановичу, и много ли скопила состоянія. Наконецъ если она и принимаетъ теперь капиталъ, то вовсе не какъ плату за свой дѣвичій позоръ, въ которомъ она не виновата, а просто какъ вознагражденіе за исковерканную судьбу.

Она даже такъ разгорячилась и раздражилась, излагая все это (что̀, впрочемъ, было такъ естественно), что генералъ Епанчинъ былъ очень доволенъ и считалъ дѣло оконченнымъ; но разъ напуганный Тоцкій и теперь не совсѣмъ повѣрилъ, и долго боялся, нѣтъ ли и тутъ змѣи подъ цвѣтами. Переговоры однако начались; пунктъ, на которомъ былъ основанъ весь маневръ обоихъ друзей, а именно, возможность увлеченія Настасьи Филипповны къ Ганѣ, началъ мало-помалу выясняться и оправдываться, такъ что даже Тоцкій начиналъ иногда вѣрить въ возможность успѣха. Тѣмъ временемъ Настасья Филипповна объяснилась съ Ганей: словъ было сказано очень мало, точно ея цѣломудріе страдало при этомъ. Она допускала однакожь и дозволяла ему любовь его, но настойчиво объявила, что ничѣмъ не хочетъ стѣснять себя; что она до самой свадьбы (если свадьба состоится) оставляетъ за собой право сказать: „нѣтъ“, хотя бы въ самый послѣдній часъ; совершенно такое же право предоставляетъ и Ганѣ. Вскорѣ Ганя узналъ положительно, чрезъ услужливый случай, что недоброжелательство всей его семьи къ этому браку и къ Настасьѣ Филипповнѣ лично, обнаруживавшееся домашними сценами, уже извѣстно Настасьѣ Филипповнѣ въ большой подробности; сама она съ нимъ объ этомъ не заговаривала, хотя онъ и ждалъ ежедневно. Впрочемъ, можно было бы и еще много разказать изъ всѣхъ исторій и обстоятельствъ, обнаружившихся по поводу этого сватовства и переговоровъ; но мы и такъ забѣжали впередъ, тѣмъ болѣе, что иныя изъ обстоятельствъ являлись еще въ видѣ слишкомъ неопредѣленныхъ слуховъ. Напримѣръ, будто бы Тоцкій откуда-то узналъ, что

Настасья Филипповна вошла въ какія-то неопредѣленныя и секретныя отъ всѣхъ сношенія съ дѣвицами Епанчиными,— слухъ совершенно невѣроятный. Зато другому слуху онъ невольно вѣрилъ и боялся его до кошмара: онъ слышалъ за вѣрное, что Настасья Филипповна будто бы въ высшей степени знаетъ, что Ганя женится только на деньгахъ, что у Гани душа черная, алчная, нетерпѣливая, завистливая и необъятно, непропорціонально ни съ чѣмъ самолюбивая; что Ганя хотя и дѣйствительно страстно добивался побѣды надъ Настасьей Филипповной прежде, но когда оба друга рѣшились эксплуатировать эту страсть, начинавшуюся съ обѣихъ сторонъ, въ свою пользу, и купить Ганю продажей ему Настасьи Филипповны въ законныя жены, то онъ возненавидѣлъ ее какъ свой кошмаръ. Въ его душѣ будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и онъ хотя и далъ наконецъ, послѣ мучительныхъ колебаній, согласіе жениться на „сквернойженщинѣ“, но самъ поклялся въ душѣ горько отмстить ей за это и „доѣхать“ ее потомъ, какъ онъ будто бы самъ выразился. Все это Настасья Филипповна будто бы знала и что-то втайнѣ готовила. Тоцкій до того было уже струсилъ, что даже и Епанчину пересталъ сообщать о своихъ безпокойствахъ; но бывали мгновенія, что онъ, какъ слабый человѣкъ, рѣшительно вновь ободрялся и быстро воскресалъ духомъ;онъ ободрился,напримѣръ,чрезвычайно,когда Настасья Филипповна дала наконецъ слово обоимъ друзьямъ, что вечеромъ, въ день своего рожденія, скажетъ послѣднее слово. Зато самый странный и самый невѣроятный слухъ, касавшійся самого уважаемаго Ивана Ѳедоровича, увы! все болѣе и болѣе оказывался вѣрнымъ.

Тутъ съ перваго взгляда все казалось чистѣйшею дичью. Трудно было повѣрить, что будто бы Иванъ Ѳедоровичъ, на старости своихъ почтенныхъ лѣтъ, при своемъ превосходномъ умѣ и положительномъ знаніи жизни и пр. и пр., соблазнился самъ Настасьей Филипповной,—но такъ будто бы, до такой будто бы степени, что этотъ капризъ почти походилъ на страсть. На что онъ надѣялся въ этомъ случаѣ— трудно себѣ и представить; можетъ-быть, даже на содѣйствіе самого Гани. Тоцкому подозрѣвалось по крайней мѣрѣ что-то въ этомъ родѣ, подозрѣвалось существованіе какого-то почти безмолвнаго договора, основаннаго на взаимномъ

проникновеніи, между генераломъ и Ганей. Впрочемъ, извѣстно, что человѣкъ, слишкомъ увлекшійся страстью, особенно если онъ въ лѣтахъ, совершенно слѣпнетъ и готовъ подозрѣвать надежду тамъ, гдѣ вовсе ея и нѣтъ; мало того, теряетъ разсудокъ и дѣйствуетъ какъ глупый ребенокъ, хотя бы и былъ семи пядей во лбу. Извѣстно было, что генералъ приготовилъ ко дню рожденія Настасьи Филипповны отъ себя въ подарокъ удивительный жемчугъ, стоившій огромной суммы, и подаркомъ этимъ очень интересовался, хотя и зналъ, что Настасья Филипповна женщина безкорыстная. Наканунѣ дня рожденія Настасьи Филипповны онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, хотя и ловко скрывалъ себя. Объ этомъ-то именно жемчугѣ и прослышала генеральша Епанчина. Правда, Елизавета Прокофьевна, уже съ давнихъ поръ начала испытывать вѣтренность своего супруга, даже отчасти привыкла къ ней; но вѣдь невозможно же было пропустить такой случай: слухъ о жемчугѣ чрезвычайно интересовалъ ее. Генералъ выслѣдилъ это заблаговременно; еще наканунѣ были сказаны иныя словечки; онъ предчувствовалъ объясненіе капитальное и боялся его. Вотъ почему ему ужасно не хотѣлось въ то утро, съ котораго мы начали разказъ, идти завтракать въ нѣдра семейства. Еще до князя онъ положилъ отговориться дѣлами и избѣжать. Избѣжать у генерала иногда значило просто-запросто убѣжать. Ему хоть одинъ этотъ день и, главное, сегодняшній вечеръ хотѣлось выиграть безъ непріятностей. И вдругъ такъ кстати пришелся князь. „Точно Богъ послалъ!“ подумалъ генералъ про себя, входя къ своей супругѣ.

V.

Генеральша была ревнива къ своему происхожденію. Каково же ей было, прямо и безъ приготовленія, услышать, что этотъ послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, о которомъ она уже что-то слышала, не больше какъ жалкій идіотъ и почти-что нищій, и принимаетъ подаяніе на бѣдность. Генералъ именно билъ на эффектъ, чтобы разомъ заинтересовать, отвлечь все какъ-нибудь въ другую сторону и подъ шумокъ избѣжать вопроса о жемчугѣ.

Въ крайнихъ случаяхъ генеральша обыкновенно чрезвычайно выкатывала глаза, и нѣсколько откинувшись назадъ корпусомъ, неопредѣленно смотрѣла передъ собой, не говоря ни слова. Это была рослая женщина, однихъ лѣтъ съ своимъ мужемъ, съ темными, съ большою просѣдью, но еще густыми волосами, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, сухощавая, съ желтыми, ввалившимися щеками и тонкими впалыми губами. Лобъ ея былъ высокъ, но узокъ; сѣрые, довольно большіе глаза имѣли самое неожиданное иногда выраженіе. Когда-то у ней была слабость повѣрить, что взглядъ ея необыкновенно эффектенъ; это убѣжденіе осталось въ ней неизгладимо.

— Принять? Вы говорите его принять, теперь, сейчасъ?— и генеральша изъ всѣхъ силъ выкатила свои глаза на суетившагося предъ ней Ивана Ѳедоровича.

— О, на этотъ счетъ можно безъ всякой церемоніи, если только тебѣ, мой другъ, угодно его видѣть, спѣшилъ разъяснить генералъ.—Совершенный ребенокъ и даже такой жалкій; припадки у него какіе-то болѣзненные; онъ сейчасъ изъ Швейцаріи, только-что изъ вагона, одѣтъ странно, какъ-то по-нѣмецкому, и въ добавокъ ни копѣйки, буквально; чуть не плачетъ. Я ему двадцать пять рублей подарилъ и хочу ему въ канцеляріи писарское мѣстечко какое-нибудь у насъ добыть. А васъ, mesdames, прошу его попотчивать, потому что онъ, кажется, и голоденъ...

— Вы меня удивляете, продолжала попрежнему генеральша;—голоденъ и припадки! Какіе припадки?

— О, они не повторяются такъ часто, и притомъ онъ почти какъ ребенокъ, впрочемъ образованный. Я было васъ, mesdames, обратился онъ опять къ дочерямъ,—хотѣлъ попросить проэкзаминовать его, все-таки хорошо бы узнать къ чему онъ способенъ.

— Про-эк-за-ми-но-вать? протянула генеральша и въ глубочайшемъ изумленіи стала опять перекатывать глаза съ дочерей на мужа и обратно.

— Ахъ, другъ мой, не придавай такого смыслу... впрочемъ, вѣдь какъ тебѣ угодно; я имѣлъ въ виду обласкать его и ввести къ намъ, потому что это почти доброе дѣло.

— Ввести къ намъ? Изъ Швейцаріи?!

— Швейцарія тутъ не помѣшаетъ; а впрочемъ, повторяю, какъ хочешь. Я вѣдь потому, что, вопервыхъ, однофами-

лецъ и, можетъ-быть, даже родственникъ, а вовторыхъ, не знаетъ гдѣ главу приклонить. Я даже подумалъ, что тебѣ нѣсколько интересно будетъ, такъ какъ все-таки изъ нашей фамиліи.

— Разумѣется, maman, если съ нимъ можно безъ церемоніи; къ тому же онъ съ дороги ѣсть хочетъ, почему не накормить, если онъ не знаетъ куда дѣваться? сказала старшая Александра.

— И въ добавокъ дитя совершенное, съ нимъ можно еще въ жмурки играть.

— Въ жмурки играть? Какимъ образомъ?

— Ахъ, maman, перестаньте представляться, пожалуста, съ досадой перебила Аглая.

Средняя, Аделаида, смѣшливая, не выдержала и разсмѣялась.

— Позовите его, papa, maman позволяетъ, рѣшила Аглая. Генералъ позвонилъ и велѣлъ звать князя.

— Но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно завязать ему салфетку на шеѣ, когда онъ сядетъ за столъ, рѣшила генеральша,— позвать Ѳедора, или пусть Мавра... чтобы стоять за нимъ и смотрѣть за нимъ, когда онъ будетъ ѣсть. Спокоенъ ли онъ по крайней мѣрѣ въ припадкахъ? Не дѣлаетъ ли жестовъ?

— Напротивъ, даже очень мило воспитанъ и съ прекрасными манерами. Немного слишкомъ простоватъ иногда... Да вотъ онъ и самъ! Вотъ-съ, рекомендую, послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, однофамилецъ и, можетъ-быть, даже родственникъ, примите, обласкайте. Сейчасъ пойдутъ завтракать, князь, такъ сдѣлайте честь... А я ужь, извините, опоздалъ, спѣшу....

— Извѣстно, куда вы спѣшите, важно проговорила генеральша.

— Спѣшу, спѣшу, мой другъ, опоздалъ! Да дайте ему ваши альбомы, mesdames, пусть онъ вамъ тамъ напишетъ; какой онъ каллиграфъ, такъ на рѣдкость! талантъ; тамъ онъ такъ у меня расчеркнулся стариннымъ почеркомъ: „Игуменъ Пафнутій руку приложилъ“... Ну, до свиданія.

— Пафнутій? Игуменъ? Да постойте, постойте, куда вы, и какой тамъ Пафнутій? съ настойчивою досадой и чуть не въ тревогѣ прокричала генеральша убѣгавшему супругу.

— Да, да, другъ мой, это такой въ старину былъ игуменъ... а я къ графу, ждетъ, давно, и главное, самъ назначилъ... Князь, до свиданія!

Генералъ быстрыми шагами удалился.

— Знаю я къ какому онъ графу! рѣзко проговорила Елизавета Прокофьевна и раздражительно перевела глаза на князя.—Что̀ бишь! начала она брезгливо и досадливо припоминая:—ну что̀ тамъ? Ахъ, да: ну, какой тамъ игуменъ?

— Maman, начала было Александра, а Аглая даже топнула ножкой.

— Не мѣшайте мнѣ, Александра Ивановна, отчеканила ей генеральша,—я тоже хочу знать. Садитесь вотъ тутъ, князь, вотъ на этомъ креслѣ, напротивъ, нѣтъ, сюда, къ солнцу, къ свѣту ближе подвиньтесь, чтобъ я могла видѣть. Ну, какой тамъ игуменъ?

— Игуменъ Пафнутій, отвѣчалъ князь внимательно и серіозно.

— Пафнутій? Это интересно; ну, что̀ же онъ?

Генеральша спрашивала нетерпѣливо, быстро, рѣзко, не сводя глазъ съ князя, а когда князь отвѣчалъ, она кивала головой вслѣдъ за каждымъ его словомъ.

— Игуменъ Пафнутій, четырнадцатаго столѣтія, началъ князь,—онъ правилъ пустынью на Волгѣ, въ нынѣшней нашей Костромской губерніи. Извѣстенъ былъ святою жизнью, ѣздилъ въ Орду, помогалъ устраивать тогдашнія дѣла и подписался подъ одною грамотой, а снимокъ съ этой подписи я видѣлъ. Мнѣ понравился почеркъ, и я его заучилъ. Когда давеча генералъ захотѣлъ посмотрѣть какъ я пишу, чтобъ опредѣлить меня къ мѣсту, то я написалъ нѣсколько фразъ разными шрифтами, и между прочимъ „Игуменъ Пафнутій руку приложилъ“ собственнымъ почеркомъ игумена Пафнутія. Генералу очень понравилось, вотъ онъ теперь и вспомнилъ.

— Аглая, сказала генеральша,—запомни: Пафнутій, или лучше запиши, а то я всегда забываю. Впрочемъ, я думала будетъ интереснѣе. Гдѣ жь эта подпись?

— Осталась, кажется, въ кабинетѣ у генерала, на столѣ.

— Сейчасъ же послать и принести.

— Да я вамъ лучше другой разъ напишу, если вамъ угодно.

— Конечно, maman, сказала Александра,—а теперь лучше бы завтракать; мы есть хотимъ.

— И то, рѣшила генеральша.—Пойдемте князь; вы очень хотите кушать?

— Да, теперь захотѣлъ очень, и очень вамъ благодаренъ.

— Это очень хорошо, что вы вѣжливы, и я замѣчаю, что

вы вовсе не такой... чудакъ, какимъ васъ изволили отрекомендовать. Пойдемте. Садитесь вотъ здѣсь, напротивъ меня, хлопотала она, усаживая князя, когда пришли въ столовую,—я хочу на васъ смотрѣть. Александра, Аделаида, потчуйте князя. Не правда ли, что онъ вовсе не такой... больной? Можетъ, и салфетку не надо... Вамъ князь подвязывали салфетку за кушаньемъ?

— Прежде, когда я лѣтъ семи былъ, кажется, подвязывали, а теперь я обыкновенно къ себѣ на колѣни салфетку кладу, когда ѣмъ.

— Такъ и надо. А припадки?

— Припадки? удивился немного князь:—припадки теперь у меня довольно рѣдко бываютъ. Впрочемъ, не знаю; говорятъ, здѣшній климатъ мнѣ будетъ вреденъ.

— Онъ хорошо говоритъ, замѣтила генеральша, обращаясь къ дочерямъ и продолжая кивать головой вслѣдъ за каждымъ словомъ князя,—я даже не ожидала. Стало-быть, все пустяки и неправда; по обыкновенію. Кушайте, князь, и разказывайте: гдѣ вы родились, гдѣ воспитывались? Я хочу все знать; вы чрезвычайно меня интересуете.

Князь поблагодарилъ, и кушая съ большимъ аппетитомъ, сталъ снова передавать все то, о чемъ ему уже неоднократно приходилось говорить въ это утро. Генеральша становилась все довольнѣе и довольнѣе. Дѣвицы тоже довольно внимательно слушали. Сочлись родней; оказалось, что князь зналъ свою родословную довольно хорошо; но какъ ни подводили, а между нимъ и генеральшей не оказалось почти никакого родства. Между дѣдами и бабками можно бы было еще счесться отдаленнымъ родствомъ. Эта сухая матерія особенно понравилась генеральшѣ, которой почти никогда не удавалось говорить о своей родословной, при всемъ желаніи, такъ что она встала изъ-за стола въ возбужденномъ состояніи духа.

— Пойдемте всѣ въ нашу сборную, сказала она,—и кофей туда принесутъ. У насъ такая общая комната есть, обратилась она къ князю, уводя его,—по-просту, моя маленькая гостиная, гдѣ мы, когда однѣ сидимъ, собираемся, и каждая своимъ дѣломъ занимается: Александра, вотъ эта, моя старшая дочь, на фортепіано играетъ, или читаетъ, или пьетъ; Аделаида—пейзажи и портреты пишетъ (и ничего кончить не можетъ), а Аглая сидитъ, ничего не дѣлаетъ.

У меня тоже дѣло изъ рукъ валится: ничего не выходитъ. Ну вотъ, и пришли; садитесь, князь, сюда, къ камину, и разказывайте. Я хочу знать какъ вы разказываете что-нибудь. Я хочу вполнѣ убѣдиться, и когда съ княгиней Бѣлоконской увижусь, со старухой, ей про васъ все разкажу. Я хочу, чтобы вы ихъ всѣхъ тоже заинтересовали. Ну, говорите же.

— Maman, да вѣдь этакъ очень странно разказывать, замѣтила Аделаида, которая тѣмъ временемъ поправила свой мольбертъ, взяла кисти, палитру и принялась-было копировать давно уже начатый пейзажъ съ эстампа. Александра и Аглая сѣли вмѣстѣ на маленькомъ диванѣ, и сложа руки, приготовились слушать разговоръ. Князь замѣтилъ, что на него со всѣхъ сторонъ устремлено особенное вниманіе.

— Я бы ничего не разказала, еслибы мнѣ такъ велѣли, замѣтила Аглая.

— Почему? Что̀ тутъ страннаго? Отчего ему не разказывать? Языкъ есть. Я хочу знать, какъ онъ умѣетъ говорить. Ну, о чемъ-нибудь. Разкажите, какъ вамъ понравилась Швейцарія, первое впечатлѣніе. Вотъ вы увидите, вотъ онъ сейчасъ начнетъ и прекрасно начнетъ.

— Впечатлѣніе было сильное... началъ-было князь.

— Вотъ-вотъ, подхватила нетерпѣливая Лизавета Прокофьевна, обращаясь къ дочерямъ,—началъ же.

— Дайте же ему по крайней мѣрѣ, maman, говорить, остановила ее Александра. — Этотъ князь, можетъ-быть, большой плутъ, а вовсе не идіотъ, шепнула она Аглаѣ.

— Навѣрно такъ, я давно это вижу, отвѣтила Аглая.—И подло съ его стороны роль разыгрывать. Что онъ, выиграть что ли этимъ хочетъ?

— Первое впечатлѣніе было очень сильное, повторилъ князь. — Когда меня везли изъ Россіи, чрезъ разные нѣмецкіе города, я только молча смотрѣлъ и, помню, даже ни о чемъ не разспрашивалъ. Это было послѣ ряда сильныхъ и мучительныхъ припадковъ моей болѣзни, а я всегда, если болѣзнь усиливалась, и припадки повторялись нѣсколько разъ сряду, впадалъ въ полное отупѣніе, терялъ совершенно память, а умъ хотя и работалъ, но логическое теченіе мысли какъ бы обрывалось. Больше двухъ или трехъ идей послѣдовательно я не могъ связать сряду. Такъ мнѣ кажется. Когда же припадки утихали, я опять становился и здо-

ровъ, и силенъ, вотъ какъ теперь. Помню: грусть во мнѣ была нестерпимая; мнѣ даже хотѣлось плакать; я все удивлялся и безпокоился: ужасно на меня подѣйствовало, что все это *чужое*; это я понялъ. Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я отъ этого мрака, помню я, вечеромъ, въ Базелѣ, при въѣздѣ въ Швейцарію, и меня разбудилъ крикъ осла на городскомъ рынкѣ. Оселъ ужасно поразилъ меня и необыкновенно почему-то мнѣ понравился, а съ тѣмъ вмѣстѣ вдругъ въ моей головѣ какъ бы все прояснѣло.

— Оселъ? Это странно, замѣтила генеральша.—А впрочемъ, ничего нѣтъ страннаго, иная изъ насъ въ осла еще влюбится, замѣтила она, гнѣвливо посмотрѣвъ на смѣявшихся дѣвицъ.—Это еще въ миѳологіи было. Продолжайте, князь.

— Съ тѣхъ поръ я ужасно люблюословъ. Это даже какая-то во мнѣ симпатія. Я сталъ о нихъ разспрашивать, потому что прежде я ихъ не видывалъ, и тотчасъ же самъ убѣдился, что это преполезнѣйшее животное, рабочее, сильное, терпѣливое, дешевое, переносливое; и чрезъ этого осла мнѣ вдругъ вся Швейцарія стала нравиться, такъ что совершенно прошла прежняя грусть.

— Все это очень странно, но объ ослѣ можно и пропустить; перейдемте на другую тему. Чего ты все смѣешься, Аглая? И ты, Аделаида? Князь прекрасно разказалъ объ ослѣ. Онъ самъ его видѣлъ, а ты что̀ видѣла? Ты не была за границей?

— Я осла видѣла, maman, сказала Аделаида.

— А я и слышала, подхватила Аглая. Всѣ три опять засмѣялись. Князь засмѣялся вмѣстѣ съ ними.

— Это очень дурно съ вашей стороны, замѣтила генеральша;—вы ихъ извините, князь, а онѣ добрыя. Я съ ними вѣчно бранюсь, но я ихъ люблю. Онѣ вѣтрены, легкомысленны, сумашедшія.

— Почему же? смѣялся князь:—и я бы не упустилъ на ихъ мѣстѣ случай. А я все-таки стою за осла: оселъ добрый и полезный-человѣкъ.

— А вы добрый, князь? Я изъ любопытства спрашиваю, спросила генеральша.

Всѣ опять засмѣялись.

— Опять этотъ проклятый оселъ подвернулся; я о немъ и не думала! вскрикнула генеральша.—Повѣрьте мнѣ, пожалуста, князь, я безъ всякаго....

— Намека? О, вѣрю безъ сомнѣнія!

И князь смѣялся не переставая.

— Это очень хорошо, что вы смѣетесь. Я вижу, что вы добрѣйшій молодой человѣкъ, сказала генеральша.

— Иногда недобрый, отвѣчалъ князь.

— А я добрая, неожиданно вставила генеральша,—и если хотите, я всегда добрая, и это мой единственный недостатокъ, потому что не надо быть всегда доброю. Я злюсь очень часто, вотъ на нихъ, на Ивана Ѳедоровича особенно, но скверно то, что я всего добрѣе, когда злюсь. Я давеча, предъ вашимъ приходомъ, разсердилась и представилась, что ничего не понимаю и понять не могу. Это со мной бываетъ; точно ребенокъ. Аглая мнѣ урокъ дала; спасибо тебѣ, Аглая. Впрочемъ, все вздоръ. Я еще не такъ глупа какъ кажусь, и какъ меня дочки представить хотятъ. Я съ характеромъ и не очень стыдлива. Я, впрочемъ, это безъ злобы говорю. Поди сюда, Аглая, поцѣлуй меня, ну... и довольно нѣжностей, замѣтила она, когда Аглая съ чувствомъ поцѣловала ее въ губы и въ руку.—Продолжайте, князь. Можетъ-быть, что-нибудь и поинтереснѣе осла вспомните.

— Я опять-таки не понимаю, какъ это можно такъ прямо разказывать, замѣтила опять Аделаида,—я бы никакъ не нашлась.

— А князь найдется, потому что князь чрезвычайно уменъ и умнѣе тебя по крайней мѣрѣ въ десять разъ, а можетъ и въ двѣнадцать. Надѣюсь, ты почувствуешь послѣ этого. Докажите имъ это, князь; продолжайте. Осла и въ самомъ дѣлѣ можно наконецъ мимо. Ну, что̀ вы, кромѣ осла, за границей видѣли?

— Да и объ ослѣ было умно, замѣтила Александра:—князь разказалъ очень интересно свой болѣзненный случай и какъ все ему понравилось чрезъ одинъ внѣшній толчокъ. Мнѣ всегда было интересно, какъ люди сходятъ съ ума и потомъ опять выздоравливаютъ. Особенно, если это вдругъ сдѣлается.

— Не правда ли? Не правда ли? вскинулась генеральша; — я вижу, что и ты иногда бываешь умна; ну, довольно смѣяться! Вы остановились, кажется, на швейцарской природѣ, князь, ну!

— Мы пріѣхали въ Люцернъ, и меня повезли по озеру. Я

чувствовалъ какъ оно хорошо, но мнѣ ужасно было тяжело при этомъ, сказалъ князь.

— Почему? спросила Александра.

— Не понимаю. Мнѣ всегда тяжело и безпокойно смотрѣть на такую природу въ первый разъ; и хорошо, и безпокойно; впрочемъ, все это еще въ болѣзни было.

— Ну, нѣтъ, я бы очень хотѣла посмотрѣть, сказала Аделаида. — И не понимаю, когда мы за границу соберемся. Я, вотъ, сюжета для картины два года найдти не могу:

„Востокъ и Югъ, давно описанъ"....

Найдите мнѣ, князь, сюжетъ для картины.

— Я въ этомъ ничего не понимаю. Мнѣ кажется: взглянуть и писать.

— Взглянуть не умѣю.

— Да что вы загадки-то говорите? ничего не понимаю!— перебила генеральша: — какъ это взглянуть не умѣю? Есть глаза, и гляди. Не умѣешь здѣсь взглянуть, такъ и за-границей не выучишься. Лучше разкажите-ка какъ вы сами-то глядѣли, князь.

— Вотъ это лучше будетъ, прибавила Аделаида.—Князь, вѣдь, за границей выучился глядѣть.

— Не знаю; я тамъ только здоровье поправилъ; не знаю, научился ли я глядѣть. Я, впрочемъ, почти все время былъ очень счастливъ.

— Счастливъ! вы умѣете быть счастливымъ? вскричала Аглая:—такъ какъ же вы говорите, что не научились глядѣть? Еще насъ поучите.

— Научите пожалуста, смѣялась Аделаида.

— Ничему не могу научить, смѣялся и князь, — я все почти время за границей прожилъ въ этой швейцарской деревнѣ; рѣдко выѣзжалъ куда-нибудь не далеко; чему же я васъ научу? Сначала мнѣ было только не скучно; я сталъ скоро выздоравливать; потомъ мнѣ каждый день становился дорогъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ дороже, такъ что я сталъ это замѣчать. Ложился спать я очень довольный, а вставалъ еще счастливѣе. А почему это все — довольно трудно разказать.

— Такъ что вамъ ужь никуда и не хотѣлось, никуда васъ не позывало? спросила Александра.

— Сначала, съ самаго начала, да, позывало, и я впадалъ въ большое безпокойство. Все думалъ какъ я буду жить; свою судьбу хотѣлъ испытать, особенно въ иныя минуты

бывалъ безпокоенъ. Вы знаете, такія минуты есть, особенно въ уединеніи. У насъ тамъ водопадъ былъ, небольшой, высоко съ горы падалъ и такою тонкою ниткой, почти перпендикулярно,—бѣлый, шумливый, пѣнистый; падалъ высоко, а казалось довольно низко, былъ въ полверстѣ, а казалось, что до него пятьдесятъ шаговъ. Я по ночамъ любилъ слушать его шумъ; вотъ въ эти минуты доходилъ иногда до большаго безпокойства. Тоже иногда въ полдень, когда зайдешь куда-нибудь въ горы, станешь одинъ по срединѣ горы, кругомъ сосны, старыя, большія, смолистыя; вверху на скалѣ старый замокъ средневѣковой, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вотъ тутъ-то, бывало, и зоветъ все куда-то, и мнѣ все казалось, что если пойдти все прямо, идти долго, долго, и зайдти вотъ за эту линію, за ту самую, гдѣ небо съ землей встрѣчается, то тамъ вся и разгадка, и тотчасъ же новую жизнь увидишь, въ тысячу разъ сильнѣй и шумнѣй чѣмъ у насъ; такой большой городъ мнѣ все мечтался, какъ Неаполь, въ немъ все дворцы, шумъ, громъ, жизнь... Да, мало ли что мечталось! А потомъ мнѣ показалось, что и въ тюрьмѣ можно огромную жизнь найдти.

— Послѣднюю похвальную мысль я еще въ моей *Христоматіи*, когда мнѣ двѣнадцать лѣтъ было, читала, сказала Аглая.

— Это все философія, замѣтила Аделаида, — вы философъ и насъ пріѣхали поучать.

— Вы, можетъ, и правы, улыбнулся князь, — я дѣйствительно, пожалуй, философъ, и кто знаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мысль имѣю поучать... Это можетъ быть; право, можетъ быть.

— И философія ваша точно такая же какъ у Евлампіи Николавны, подхватила опять Аглая, — такая чиновница, вдова, къ намъ ходитъ, въ родѣ приживалки. У ней вся задача въ жизни — дешевизна; только чтобъ было дешевле прожить, только о копѣйкахъ и говоритъ, и замѣтьте, у ней деньги есть, она плутовка. Такъ точно и ваша огромная жизнь въ тюрьмѣ, а можетъ-быть, и ваше четырехлѣтнее счастье въ деревнѣ, за которое вы вашъ городъ Неаполь продали, и кажется съ барышомъ, несмотря на то что на копѣйки.

— Насчетъ жизни въ тюрьмѣ можно еще и не согласиться,

сказалъ князь: — я слышалъ одинъ разказъ человѣка, который просидѣлъ въ тюрьмѣ лѣтъ двѣнадцать; это былъ одинъ изъ больныхъ у моего профессора и лѣчился. У него были припадки, онъ былъ иногда безпокоенъ, плакалъ и даже пытался разъ убить себя. Жизнь его въ тюрьмѣ была очень грустная, увѣряю васъ, но ужь конечно не копѣечная. А все знакомство-то у него было съ паукомъ, да съ деревцомъ, что̀ подъ окномъ выросло... Но, я вамъ лучше разкажу про другую мою встрѣчу прошлаго года съ однимъ человѣкомъ. Тутъ одно обстоятельство очень странное было, — странное тѣмъ собственно, что случай такой очень рѣдко бываетъ. Этотъ человѣкъ былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, за политическое преступленіе. Минутъ черезъ двадцать прочтено было и помилованіе, и назначена другая степень наказанія; но однакоже въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ, или по крайней мѣрѣ четверть часа, онъ прожилъ подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ. Мнѣ ужасно хотѣлось слушать, когда онъ иногда припоминалъ свои тогдашнія впечатлѣнія, и я нѣсколько разъ начиналъ его вновь разспрашивать. Онъ помнилъ все съ необыкновенною ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забудетъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троихъ первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ (бѣлые длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ бѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало-быть, ему приходилось идти къ столбамъ въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: разсчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты

еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобы въ послѣдній разъ кругомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо помнилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ разчиталъ. Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы *думать про себя*; онъ зналъ заранѣе о чемъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а чрезъ три минуты будетъ уже *нѣчто*, кто-то или что-то,—такъ кто же? Гдѣ же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченною крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ чрезъ три минуты какъ-нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступитъ, были ужасны; но онъ говоритъ, что ничего не было для него въ это время тяжеле, какъ безпрерывная мысль: „Что̀ еслибы не умирать! Что̀ еслибы воротить жизнь,— какая безконечность! И все это было-бы мое! Я бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего бы не потерялъ, каждую бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужь ничего бы даромъ не истратилъ!“ Онъ говорилъ, что эта мысль у него наконецъ въ такую злобу переродилась, что ему ужь хотѣлось, чтобъ его поскорѣй застрѣлили.

Князь вдругъ замолчалъ; всѣ ждали, что онъ будетъ продолжать и выведетъ заключеніе.

— Вы кончили? спросила Аглая.

— Что̀? кончилъ, сказалъ князь, выходя изъ минутной задумчивости.

— Да, для чего же вы про это разказали?

— Такъ... мнѣ припомнилось... я къ разговору...

— Вы очень обрывисты, замѣтила Александра, — вы, князь, вѣрно хотѣли вывести, что ни одного мгновенія на копѣйки цѣнить нельзя, и иногда пять минутъ дороже сокровища. Все это похвально, но позвольте однакоже, какъ

же этотъ пріятель, который вамъ такія страсти разказывалъ... вѣдь ему перемѣнили же наказаніе, стало-быть, полагали же эту „безконечную жизнь“. Ну, что же онъ съ этимъ богатствомъ сдѣлалъ потомъ? Жилъ ли каждую-то минуту „счетомъ“?

— О, нѣтъ, онъ мнѣ самъ говорилъ, — я его уже про это спрашивалъ, — вовсе не такъ жилъ и много, много минутъ потерялъ.

— Ну, стало-быть, вотъ вамъ и опытъ, стало-быть, и нельзя жить взаправду „отсчитывая счетомъ“. Почему-нибудь да нельзя же.

— Да, почему-нибудь да нельзя же, повторилъ князь, — мнѣ самому это казалось... А все-таки какъ-то не вѣрится...

— То-есть вы думаете, что умнѣе всѣхъ проживете? сказала Аглая.

— Да, мнѣ и это иногда думалось.

— И думается?

— И... думается, отвѣчалъ князь, попрежнему съ тихою и даже робкою улыбкой смотря на Аглаю; но тотчасъ же разсмѣялся опять и весело посмотрѣлъ на нее.

— Скромно! сказала Аглая, почти раздражаясь.

— А какія однакоже вы храбрыя, вотъ вы смѣетесь, а меня такъ все это поразило въ его разказѣ, что я потомъ во снѣ видѣлъ, именно эти пять минутъ видѣлъ....

Онъ пытливо и серіозно еще разъ обвелъ глазами своихъ слушательницъ.

— Вы не сердитесь на меня за что-нибудь? спросилъ онъ вдругъ, какъ бы въ замѣшательствѣ, но однакоже прямо смотря всѣмъ въ глаза.

— За что? вскричали всѣ три дѣвицы въ удивленіи.

— Да вотъ, что я все какъ будто учу....

Всѣ засмѣялись.

— Если сердитесь, то не сердитесь, сказалъ онъ,—я вѣдь самъ знаю, что меньше другихъ жилъ и меньше всѣхъ понимаю въ жизни. Я, можетъ-быть, иногда очень странно говорю....

И онъ рѣшительно сконфузился.

— Коли говорите, что были счастливы, стало-быть, жили не меньше, а больше; зачѣмъ же вы кривите и извиняетесь? строго и привязчиво начала Аглая:—и не безпокойтесь пожалуста, что вы насъ поучаете, тутъ никакого нѣтъ торжества съ вашей стороны. Съ вашимъ квіетизмомъ можно

и сто лѣтъ жизни счастьемъ наполнить. Вамъ покажи смертную казнь и покажи вамъ пальчикъ, вы изъ того и изъ другаго одинаково похвальную мысль выведете, да еще довольны останетесь. Этакъ можно прожить.

— За что ты все злишься, не понимаю, подхватила генеральша, давно наблюдавшая лица говорившихъ, — и о чемъ вы говорите тоже не могу понять. Какой пальчикъ и что за вздоръ? Князь прекрасно говоритъ, только немного грустно. Зачѣмъ ты его обезкураживаешь? Онъ когда началъ, то смѣялся, а теперь совсѣмъ осовѣлъ.

— Ничего, maman.—А жаль, князь, что вы смертной казни не видѣли, я бы васъ объ одномъ спросила.

— Я видѣлъ смертную казнь, отвѣчалъ князь.

— Видѣли? вскричала Аглая:—я бы должна была догадаться! Это вѣнчаетъ все дѣло. Если видѣли, какъ же вы говорите, что все время счастливо прожили? Ну, не правду ли я вамъ сказала?

— А развѣ въ вашей деревнѣ казнятъ? спросила Аделаида?

— Я въЛіонѣ видѣлъ, я туда съ Шнейдеромъ ѣздилъ, онъ меня бралъ. Какъ пріѣхалъ, такъ и попалъ.

— Что же, вамъ очень понравилось? Много назидательнаго? Полезнаго? спрашивала Аглая.

— Мнѣ это вовсе не понравилось, и я послѣ того немного боленъ былъ, но признаюсь, что смотрѣлъ какъ прикованный, глазъ оторвать не могъ.

— Я бы тоже глазъ оторвать не могла, сказала Аглая.

— Тамъ очень не любятъ, когда женщины ходятъ смотрѣть, даже въ газетахъ потомъ пишутъ объ этихъ женщинахъ.

— Значитъ, коль находятъ, что это не женское дѣло, такъ тѣмъ самымъ хотятъ сказать (а стало-быть, оправдать), что это дѣло мужское. Поздравляю за логику. И вы также, конечно, думаете?

— Разкажите про смертную казнь, перебила Аделаида.

— Мнѣ бы очень не хотѣлось теперь.... смѣшался и какъ бы нахмурился князь.

— Вамъ точно жалко намъ разказывать, кольнула Аглая.

— Нѣтъ, я потому, что я уже про эту самую смертную казнь давеча разказывалъ.

— Кому разказывали?

— Вашему камердинеру, когда дожидался....

— Какому камердинеру? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ что̀ въ передней сидитъ, такой съ просѣдью, красноватое лицо; я въ передней сидѣлъ, чтобы къ Ивану Ѳедоровичу войдти.

— Это странно, замѣтила генеральша.

— Князь—демократъ, отрѣзала Аглая,—ну, если Алексѣю разказывали, намъ ужь не можете отказать.

— Я непремѣнно хочу слышать, повторила Аделаида.

— Давеча, дѣйствительно, обратился къ ней князь, нѣсколько опять одушевляясь (онъ, казалось, очень скоро и довѣрчиво одушевлялся), дѣйствительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжетъ для картины спрашивали, дать вамъ сюжетъ: нарисовать лицо приговореннаго за минуту до удара гильйотины, когда еще онъ на эшафотѣ стоитъ, предъ тѣмъ какъ ложиться на эту доску.

— Какъ лицо? Одно лицо? спросила Аделаида:—странный будетъ сюжетъ, и какая же тутъ картина?

— Не знаю, почему же? съ жаромъ настаивалъ князь:—я въ Базелѣ недавно одну такую картину видѣлъ. Мнѣ очень хочется вамъ разказать.... Я когда-нибудь разкажу.... очень меня поразила.

— О базельской картинѣ вы непремѣнно разкажете послѣ, сказала Аделаида,—а теперь растолкуйте мнѣ картину изъ этой казни. Можете передать такъ, какъ вы это себѣ представляете? Какъ же это лицо нарисовать? Такъ, одно лицо? Какое же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, съ полною готовностію началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ, и повидимому, тотчасъ же забывъ о всемъ остальномъ,—тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону; я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ.... Впрочемъ, вѣдь какъ это разказать! Мнѣ ужасно бы, ужасно бы хотѣлось, чтобы вы или кто-нибудь это нарисовалъ! Лучше бы, еслибы вы! Я тогда же подумалъ, что картина будетъ полезная. Знаете, тутъ нужно все представить, что̀ было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни по крайней мѣрѣ еще чрезъ недѣлю; онъ какъ-то разчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда-то пойдти и только чрезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому-то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ

спалъ. Это было въ концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со стражей, и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ приподнялся, облокотился,—видитъ свѣтъ: „Что̀ такое?“—„Въ десятомъ часу смертная казнь.“ Онъ со сна не повѣрилъ, началъ-было спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ,—такъ разказывали,—потомъ сказалъ: „Все-таки тяжело такъ вдругъ....“ и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три-четыре проходятъ на извѣстныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей Богу, эти невинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и увѣрены, что это человѣколюбіе): потомъ туалетъ (вы знаете что̀ такое туалетъ преступника?), наконецъ везутъ по городу до эшафота.... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что̀ еще безконечно жить остается, пока везутъ. Мнѣ кажется, онъ навѣрно думалъ дорогой: „Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо.... еще когда-то доѣдемъ до булочника!“ Кругомъ народъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ,—все это надо перенести, а главное, мысль: „вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!“ Ну, вотъ это все предварительно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ, а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорятъ, былъ. Съ нимъ все время неотлучно былъ священникъ, и въ телѣжкѣ съ нимъ ѣхалъ, и все говорилъ, — врядъ ли тотъ слышалъ: и начнетъ слушать, а съ третьяго слова ужь не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ сталъ всходить на лѣсенку; тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно-быть человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Внизу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталъ на эшафотъ, сталъ вдругъ бѣлый какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была,—какъ будто что̀ его давитъ въ горлѣ, и отъ этого точно щекотно, — чувствовали вы это когда-нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и

весь разсудокъ остается, но никакой уже власти не имѣетъ? Мнѣ кажется, если, напримѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать—будь что̀ будетъ!... Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самымъ губамъ вдругъ подставлялъ, маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный,—часто подставлялъ, поминутно. И какъ только крестъ касался губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ бы оживлялся, и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностію цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякій случай, но врядъ ли въ эту минуту что-нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски.... Странно, что рѣдко въ эти самыя послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ и работаетъ, должно-быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу; я воображаю, такъ и стучатъ разныя мысли, все неконченныя и, можетъ-быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „вотъ этотъ глядитъ—у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржавѣла....“ а между тѣмъ все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть, и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходитъ и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и.... *знаетъ*, и вдругъ услышитъ надъ собой какъ желѣзо склизнуло! Это непремѣнно услышишь! Я бы, еслибы лежалъ, я бы нарочно слушалъ и услышалъ! Тутъ, можетъ-быть, только одна десятая доля мгновенія, но непремѣнно услышишь! И представьте же, до сихъ поръ еще спорятъ, что, можетъ-быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ-быть, знаетъ, что она отлетѣла,—каково понятіе! А что̀ если пять секундъ!... Нарисуйте эшафотъ такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностію протягиваетъ свои синія губы и глядитъ, и—*все знаетъ*. Крестъ и голова,—вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу,—все это можно нарисовать

какъ бы на третьемъ планѣ, въ туманѣ, для аксессуара.... Вотъ какая картина!..

Князь замолкъ и поглядѣлъ на всѣхъ.

— Это, конечно, не похоже на квіетизмъ, проговорила про себя Александра.

— Ну, теперь разкажите, какъ вы были влюблены, сказала Аделаида.

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Слушайте, какъ бы торопилась Аделаида,—за вами разказъ о базельской картинѣ, но теперь я хочу слышать о томъ, какъ вы были влюблены; не отпирайтесь, вы были. Къ тому же, вы сейчасъ какъ начнете разказывать, перестаете быть философомъ.

— Вы какъ кончите разказывать, тотчасъ же и застыдитесь того что̀ разказали, замѣтила вдругъ Аглая. — Отчего это?

— Какъ это наконецъ глупо, отрѣзала генеральша, съ негодованіемъ смотря на Аглаю.

— Не умно, подтвердила Александра.

— Не вѣрьте ей, князь, обратилась къ нему генеральша,— она это нарочно съ какой-то злости дѣлаетъ; она вовсе не такъ глупо воспитана; не подумайте чего-нибудь, что онѣ васъ такъ тормошатъ. Онѣ, вѣрно, что-нибудь затѣяли, но онѣ уже васъ любятъ. Я ихъ лица знаю.

— И я ихъ лица знаю, сказалъ князь, особенно ударяя на свои слова.

— Это какъ? спросила Аделаида съ любопытствомъ.

— Что̀ вы знаете про наши лица? залюбопытствовали и двѣ другія.

Но князь молчалъ и былъ серіозенъ; всѣ ждали его отвѣта.

— Я вамъ послѣ скажу, сказалъ онъ тихо и серіозно.

— Вы рѣшительно хотите заинтересовать насъ, вскричала Аглая:—и какая торжественность!

— Ну, хорошо, заторопилась опять Аделаида,—но если ужь вы такой знатокъ лицъ, то навѣрно были и влюблены; я, стало-быть, угадала. Разказывайте же.

— Я не былъ влюбленъ, отвѣчалъ князь также тихо и серіозно,—я.... былъ счастливъ иначе.

— Какъ же, чѣмъ же?

— Хорошо, я вамъ разкажу, проговорилъ князь какъ бы въ глубокомъ раздумьи.

VI.

— Вотъ вы всѣ теперь, началъ князь,—смотрите на меня съ такимъ любопытствомъ, что не удовлетвори я его, вы на меня, пожалуй, и разсердитесь. Нѣтъ, я шучу, прибавилъ онъ поскорѣе съ улыбкой.—Тамъ.... тамъ были все дѣти, и я все время былъ тамъ съ дѣтьми, съ одними дѣтьми. Это были дѣти той деревни, вся ватага, которая въ школѣ училась. Я не то чтобъ училъ ихъ; о, нѣтъ, тамъ для этого былъ школьный учитель, Жюль Тибо; я, пожалуй, и училъ ихъ, но я больше такъ былъ съ ними, и всѣ мои четыре года такъ и прошли. Мнѣ ничего другаго не надобно было. Я имъ все говорилъ, ничего отъ нихъ не утаивалъ. Ихъ отцы и родственники на меня разсердились всѣ, потому что дѣти, наконецъ, безъ меня обойдтись не могли и все вокругъ меня толпились, а школьный учитель даже сталъ мнѣ, наконецъ, первымъ врагомъ. У меня много стало тамъ враговъ, и все изъ-за дѣтей. Даже Шнейдеръ стыдилъ меня. И чего они такъ боялись? Ребенку можно все говорить,—все; меня всегда поражала мысль, какъ плохо знаютъ большіе дѣтей, отцы и матери даже своихъ дѣтей? Отъ дѣтей ничего не надо утаивать, подъ предлогомъ, что они маленькіе и что имъ рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И какъ хорошо сами дѣти подмѣчаютъ, что отцы считаютъ ихъ слишкомъ маленькими и ничего не понимающими, тогда какъ они все понимаютъ. Большіе не знаютъ, что ребенокъ даже въ самомъ трудномъ дѣлѣ можетъ дать чрезвычайно важный совѣтъ. О, Боже! когда на васъ глядитъ эта хорошенькая птичка, довѣрчиво и счастливо, вамъ вѣдь стыдно ее обмануть! Я потому ихъ птичками зову, что лучше птички нѣтъ ничего на свѣтѣ. Впрочемъ, на меня всѣ въ деревнѣ разсердились больше по одному случаю.... а Тибо просто мнѣ завидовалъ; онъ сначала все качалъ головой и дивился, какъ это дѣти у меня все понимаютъ, а у него почти ничего, а потомъ сталъ надо мной смѣяться, когда я ему сказалъ, что мы оба ихъ ничему не научимъ, а они еще насъ научатъ. И какъ онъ могъ мнѣ завидовать и клеветать на

меня, когда самъ жилъ съ дѣтьми! Черезъ дѣтей душа лѣчится.... Тамъ былъ одинъ больной въ заведеніи Шнейдера, одинъ очень несчастный человѣкъ. Это было такое ужасное несчастіе, что подобное врядъ ли и можетъ быть. Онъ былъ отданъ на излѣченіе отъ помѣшательства; по-моему, онъ былъ не помѣшанный, онъ только ужасно страдалъ,—вотъ и вся его болѣзнь была. И еслибы вы знали, чѣмъ стали подконецъ для него наши дѣти.... Но я вамъ про этого больнаго потомъ лучше разкажу; я разкажу теперь какъ это все началось. Дѣти сначала меня не полюбили. Я былъ такой большой, я всегда такой мѣшковатый; я знаю, что я и собой дуренъ.... наконецъ и то, что я былъ иностранецъ. Дѣти надо мной сначала смѣялись, а потомъ даже камнями въ меня стали кидать, когда подглядѣли, что я поцѣловалъ Мари. А я всего одинъ разъ поцѣловалъ ее.... Нѣтъ, не смѣйтесь, поспѣшилъ остановить князь усмѣшку своихъ слушательницъ,—тутъ вовсе не было любви. Еслибы вы знали, какое это было несчастное созданіе, то вамъ бы самимъ стало ее очень жаль, какъ и мнѣ. Она была изъ нашей деревни. Мать ея была старая старуха, и у ней, въ ихъ маленькомъ, совсѣмъ ветхомъ домишкѣ, въ два окна, было отгорожено одно окно, по дозволенію деревенскаго начальства; изъ этого окна ей позволяли торговать снурками, нитками, табакомъ, мыломъ, все на самыя мелкіе гроши, тѣмъ она и пропитывалась. Она была больная, и у ней все ноги пухли, такъ что все сидѣла на мѣстѣ. Мари была ея дочь, лѣтъ двадцати, слабая и худенькая; у ней давно начиналась чахотка, но она все ходила по домамъ въ тяжелую работу наниматься поденно,—полы мыла, бѣлье, дворы обметала, скотъ убирала. Одинъ проѣзжій французскій комми соблазнилъ ее и увезъ, а черезъ недѣлю на дорогѣ бросилъ одну и тихонько уѣхалъ. Она пришла домой, побираясь, вся испачканная, вся въ лохмотьяхъ, съ ободранными башмаками; шла она пѣшкомъ всю недѣлю, ночевала въ полѣ и очень простудилась; ноги были въ ранахъ, руки опухли и растрескались. Она, впрочемъ, и прежде была собой не хороша; глаза только были тихіе, добрые, невинные. Молчалива была ужасно. Разъ, прежде еще, она за работой вдругъ запѣла, и я помню, что всѣ удивились и стали смѣяться: „Мари запѣла! Какъ? Мари запѣла!“ и она ужасно законфузилась, и ужь навѣкъ потомъ замолчала. Тогда еще ее ласкали, но когда она

воротилась больная и истерзанная, никакого-то къ ней состраданія не было ни въ комъ! Какіе они на это жестокіе! какія у нихъ тяжелыя на это понятія! Мать, первая, приняла ее со злобой и съ презрѣньемъ: „ты меня теперь обезчестила“. Она первая ее и выдала на позоръ: когда въ деревнѣ услышали, что Мари воротилась, то всѣ побѣжали смотрѣть Мари, и чуть не вся деревня сбѣжалась въ избу къ старухѣ: старики, дѣти, женщины, дѣвушки, всѣ такою торопливою, жадною толпой. Мари лежала на полу, у ногъ старухи, голодная, оборванная и плакала. Когда всѣ набѣжали, она закрылась своими разбившимися волосами и такъ и приникла ничкомъ къ полу. Всѣ кругомъ смотрѣли на нее какъ на гадину; старики осуждали и бранили, молодые даже смѣялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрѣли съ презрѣньемъ такимъ какъ на паука какого. Мать все это позволила, сама тутъ сидѣла, кивала головой и одобряла. Мать въ то время ужь очень больна была и почти умирала; чрезъ два мѣсяца она и въ самомъ дѣлѣ померла; она знала, что она умираетъ, но все-таки съ дочерью помириться не подумала до самой смерти, даже не говорила съ ней ни слова, гнала спать въ сѣни, даже почти не кормила. Ей нужно было часто ставить свои больныя ноги въ теплую воду; Мари каждый день обмывала ей ноги и ходила за ней; она принимала всѣ ея услуги молча и ни одного слова не сказала ей ласково. Мари все переносила, и я потомъ, когда познакомился съ нею, замѣтилъ, что она и сама все это одобряла, и сама считала себя за какую-то самую послѣднюю тварь. Когда старуха слегла совсѣмъ, то за ней пришли ухаживать деревенскія старухи, поочереди, такъ тамъ устроено. Тогда Мари совсѣмъ уже перестали кормить; а въ деревнѣ всѣ ее гнали, и никто даже ей работы не хотѣлъ дать какъ прежде. Всѣ точно плевали на нее, а мущины даже за женщину перестали ее считать, все такія скверности ей говорили. Иногда, очень рѣдко, когда пьяные напивались въ воскресенье, для смѣху бросали ей гроши, такъ, прямо на землю; Мари молча поднимала. Она уже тогда начала кашлять кровью. Наконецъ ея отребья стали ужь совсѣмъ лохмотьями, такъ что стыдно было показаться въ деревнѣ; ходила же она съ самаго возвращенія босая. Вотъ тутъ-то, особенно дѣти, всею ватагой,—ихъ было человѣкъ сорокъ слишкомъ школьниковъ, — стали драз-

нить ее и даже грязью въ нее кидали. Она попросилась къ пастуху, чтобы пустилъ ее коровъ стеречь, но пастухъ прогналъ. Тогда она сама, безъ позволенія, стала со стадомъ уходить на цѣлый день изъ дому. Такъ какъ она очень много пользы приносила пастуху, и онъ замѣтилъ это, то ужь и не прогонялъ ея, и иногда даже ей остатки отъ своего обѣда давалъ, сыру и хлѣба. Онъ это за великую милость съ своей стороны почиталъ. Когда же мать померла, то пасторъ въ церкви не постыдился всенародно опозорить Мари. Мари стояла за гробомъ, какъ была, въ своихъ лохмотьяхъ, и плакала. Сошлось много народу смотрѣть какъ она будетъ плакать и за гробомъ идти; тогда пасторъ,—онъ еще былъ молодой человѣкъ, и вся его амбиція была сдѣлаться большимъ проповѣдникомъ,—обратился ко всѣмъ и указалъ на Мари. „Вотъ кто была причиной смерти этой почтенной женщины“ (и неправда, потому что та уже два года была больна), „вотъ она стоитъ предъ вами и не смѣетъ взглянуть, потому что она отмѣчена перстомъ Божіимъ; вотъ она босая и въ лохмотьяхъ,—примѣръ тѣмъ, которыя теряютъ добродѣтель! Кто же она? Это дочь ея!“, и все въ этомъ родѣ. И представьте, эта низость почти всѣмъ имъ понравилась, но.... тутъ вышла особенная исторія; тутъ вступились дѣти, потому что въ это время дѣти были всѣ уже на моей сторонѣ и стали любить Мари. Это вотъ какъ вышло. Мнѣ захотѣлось что-нибудь сдѣлать Мари; ей очень надо было денегъ дать, но денегъ тамъ у меня никогда не было ни копѣйки. У меня была маленькая брилліантовая булавка, и я ее продалъ одному перекупщику; онъ по деревнямъ ѣздилъ и старымъ платьемъ торговалъ. Онъ мнѣ далъ восемь франковъ, а она стоила вѣрныхъ сорокъ. Я долго старался встрѣтить Мари одну; наконецъ, мы встрѣтились за деревней, у изгороди, на боковой тропинкѣ въ гору, за деревомъ. Тутъ я ей далъ восемь франковъ и сказалъ ей, чтобъ она берегла, потому что у меня больше ужь не будетъ, а потомъ поцѣловалъ ее и сказалъ, чтобъ она не думала, что у меня какое-нибудь нехорошее намѣреніе, и что цѣлую я ее не потому, что влюбленъ въ нее, а потому, что мнѣ ея очень жаль и что я съ самаго начала ея нисколько за виноватую не почиталъ, а только за несчастную. Мнѣ очень хотѣлось тутъ же и утѣшить, и увѣрить ее, что она не должна себя такою низкою считать предъ всѣми, но она,

кажется, не поняла. Я это сейчасъ замѣтилъ, хотя она все время почти молчала и стояла предо мной, потупивъ глаза и ужасно стыдясь. Когда я кончилъ, она мнѣ руку поцѣловала, и я тотчасъ же взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать, но она поскорѣй отдернула. Вдругъ въ это время насъ подглядѣли дѣти, цѣлая толпа; я потомъ узналъ, что они давно за мной подсматривали. Они начали свистать, хлопать въ ладошки и смѣяться, а Мари бросилась бѣжать. Я хотѣлъ было говорить, но они въ меня стали камнями кидать. Въ тотъ же день всѣ узнали, вся деревня; все обрушилось опять на Мари; ее еще пуще стали не любить. Я слышалъ даже, что ее хотѣли присудить къ наказанію, но, слава Богу, прошло такъ; за то ужь дѣти ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежняго, грязью кидались; гонятъ ее, она бѣжитъ отъ нихъ съ своею слабою грудью, задохнется, они за ней, кричатъ, бранятся. Одинъ разъ я даже бросился съ ними драться. Потомъ я сталъ имъ говорить, говорилъ каждый день, когда только могъ. Они иногда останавливались и слушали, хотя все еще бранились. Я имъ разказалъ какая Мари несчастная; скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало-по-малу мы стали разговаривать, я отъ нихъ ничего не таилъ; я имъ все разказалъ. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалѣть Мари. Иные, встрѣчаясь съ нею, стали ласково съ нею здороваться; тамъ въ обычаѣ, встрѣчая другъ друга,—знакомые или нѣтъ,—кланяться и говорить: „здравствуйте“. Воображаю, какъ Мари удивлялась. Однажды двѣ дѣвочки достали кушанья и снесли къ ней, отдали, пришли и мнѣ сказали. Они говорили, что Мари расплакалась, и что они теперь ее очень любятъ. Скоро и всѣ стали любить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня вдругъ стали любить. Они стали часто приходить ко мнѣ и все просили, чтобъ я имъ разказывалъ; мнѣ кажется, что я хорошо разказывалъ, потому что они очень любили меня слушать. А въ послѣдствіи я и учился, и читалъ все только для того, чтобъ имъ потомъ разказать, и всѣ три года потомъ я имъ разказывалъ. Когда потомъ всѣ меня обвиняли,—Шнейдеръ тоже,—зачѣмъ я съ ними говорю какъ съ большими и ничего отъ нихъ не скрываю, то я имъ отвѣчалъ, что лгать имъ стыдно, что они и безъ того все знаютъ, какъ ни таи отъ нихъ, и узнаютъ, пожалуй, скверно, а отъ меня не скверно узнаютъ. Стоило только всякому

вспомнить, какъ самъ былъ ребенкомъ. Они не согласны были.... Я поцѣловалъ Мари еще за двѣ недѣли до того какъ ея мать умерла; когда же пасторъ проповѣдь говорилъ, то всѣ дѣти были уже на моей сторонѣ. Я имъ тотчасъ же разказалъ и растолковалъ поступокъ пастора; всѣ на него разсердились, а нѣкоторые до того, что ему камнями стекла въ окнахъ разбили. Я ихъ остановилъ, потому что ужь это было дурно; но тотчасъ же въ деревнѣ всѣ все узнали, и вотъ тутъ и начали обвинять меня, что я испортилъ дѣтей. Потомъ всѣ узнали, что дѣти любятъ Мари, и ужасно перепугались; но Мари уже была счастлива. Дѣтямъ запретили даже и встрѣчаться съ нею, но они бѣгали потихоньку къ ней въ стадо, довольно далеко, почти въ полверстѣ отъ деревни; они носили ей гостинцевъ, а иные просто прибѣгали для того, чтобъ обнять ее, поцѣловать, сказать: „Je vous aime Marie!“ и потомъ стремглавъ бѣжать назадъ. Мари чуть съ ума не сошла отъ такого внезапнаго счастія; ей это даже и не грезилось; она стыдилась и радовалась, а главное, дѣтямъ хотѣлось, особенно дѣвочкамъ, бѣгать къ ней, чтобы передавать ей, что я ее люблю и очень много о ней имъ говорю. Они ей разказали, что это я имъ все пересказалъ, и что они теперь ее любятъ и жалѣютъ, и всегда такъ будутъ. Потомъ забѣгали ко мнѣ и съ такими радостными, хлопотливыми личиками передавали, что они сейчасъ видѣли Мари, и что Мари мнѣ кланяется. По вечерамъ я ходилъ къ водопаду; тамъ были одно совсѣмъ закрытое со стороны деревни мѣсто, и кругомъ расли тополи; туда-то они ко мнѣ по вечерамъ и сбѣгались, иные даже украдкой. Мнѣ кажется, для нихъ была ужаснымъ наслажденіемъ моя любовь къ Мари, и вотъ въ этомъ одномъ, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманулъ ихъ. Я не разувѣрялъ ихъ, что я вовсе не люблю Мари, то-есть не влюбленъ въ нее, что мнѣ ея только очень жаль было; я по всему видѣлъ, что имъ такъ больше хотѣлось, какъ они сами вообразили и положили промежь себя, и потому молчалъ и показывалъ видъ, что они угадали. И до какой степени были деликатны и нѣжны эти маленькія сердца: имъ между прочимъ показалось невозможнымъ, что ихъ добрый Leon такъ любитъ Мари, а Мари такъ дурно одѣта и безъ башмаковъ. Представьте себѣ, они достали ей и башмаки, и чулки, и бѣлье, и даже какое-то платье; какъ это они ухитрились, не понимаю; всею

ватагой работали. Когда я ихъ разспрашивалъ, они только весело смѣялись, а дѣвочки били въ ладошки и цѣловали меня. Я иногда ходилъ тоже потихоньку повидаться съ Мари. Она ужь становилась очень больна и едва ходила; наконецъ перестала совсѣмъ служить пастуху, но все-таки каждое утро уходила со стадомъ. Она садилась въ сторонѣ; тамъ у одной, почти прямой, отвѣсной скалы, былъ выступъ; она садилась въ самый уголъ, отъ всѣхъ закрытый, на камень и сидѣла почти безъ движенія весь день, съ самаго утра до того часа, когда стадо уходило. Она уже была такъ слаба отъ чахотки, что все больше сидѣла съ закрытыми глазами, прислонивъ голову къ скалѣ, и дремала, тяжело дыша; лицо ея похудѣло какъ у скелета, и потъ проступалъ на лбу и на вискахъ. Такъ я всегда заставалъ ее. Я приходилъ на минуту, и мнѣ тоже не хотѣлось, чтобы меня видѣли. Какъ я только показывался, Мари тотчасъ же вздрагивала, открывала глаза и бросалась цѣловать мнѣ руки. Я уже не отнималъ, потому что для нея это было счастьемъ; она все время, какъ я сидѣлъ, дрожала и плакала; правда, нѣсколько разъ она принималась было говорить, но ее трудно было и понять. Она бывала какъ безумная, въ ужасномъ волненіи и восторгѣ. Иногда дѣти приходили со мной. Въ такомъ случаѣ они обыкновенно становились неподалеку и начинали насъ стеречь отъ чего-то и отъ кого-то, и это было для нихъ необыкновенно пріятно. Когда мы уходили, Мари опять оставалась одна, попрежнему безъ движенія, закрывъ глаза и прислонясь головой къ скалѣ; она, можетъ-быть, очемъ-нибудь грезила. Однажды поутру она уже не могла выйти къ стаду и осталась у себя въ пустомъ своемъ домѣ. Дѣти тотчасъ же узнали и почти всѣ перебывали у ней въ этотъ день навѣстить ее; она лежала въ своей постели одна-одинехонька. Два дня ухаживали за ней одни дѣти, забѣгая по очереди, но потомъ, когда въ деревнѣ прослышали, что Мари уже въ самомъ дѣлѣ умираетъ, то къ ней стали ходить изъ деревни старухи, сидѣть и дежурить. Въ деревнѣ, кажется, стали жалѣть Мари, по крайней мѣрѣ дѣтей уже не останавливали и не бранили, какъ прежде. Мари все время была въ дремотѣ, сонъ у ней былъ безпокойный: она ужасно кашляла. Старухи отгоняли дѣтей, но тѣ подбѣгали подъ окно, иногда только на одну минуту, чтобы только сказать: „Bonjour, notre bonne Marie.“ А та, только завидитъ

ли заслышитъ ихъ, вся оживлялась и тотчасъ же, не слушая старухъ, силилась приподняться на локоть, кивала имъ головой, благодарила. Они, попрежнему, приносили ей гостинцевъ, но она почти ничего не ѣла. Черезъ нихъ, увѣряю васъ, она умерла почти счастливая. Черезъ нихъ она забыла свою черную бѣду, какъ бы прощеніе отъ нихъ приняла, потому что до самаго конца считала себя великою преступницей. Они, какъ птички, бились крылышками въ ея окна и кричали ей каждое утро: „Nous t'aimons Marie.“ Она очень скоро умерла. Я думалъ, она гораздо дольше проживетъ. Наканунѣ ея смерти, предъ закатомъ солнца, я къ ней заходилъ; кажется, она меня узнала, и я въ послѣдній разъ пожалъ ея руку; какъ изсохла у ней рука! А тутъ вдругъ на утро приходятъ и говорятъ мнѣ, что Мари умерла. Тутъ дѣтей и удержать нельзя было: они убрали ей весь гробъ цвѣтами и надѣли ей вѣнокъ на голову. Пасторъ въ церкви уже не срамилъ мертвую, да и на похоронахъ очень мало было, такъ только изъ любопытства зашли нѣкоторые; но когда надо было нести гробъ, то дѣти бросились всѣ разомъ, чтобы самимъ нести. Такъ какъ они не могли снести, то помогали, всѣ бѣжали за гробомъ и всѣ плакали. Съ тѣхъ поръ могилка Мари постоянно почиталась дѣтьми: они убираютъ ее каждый годъ цвѣтами, обсадили кругомъ розами. Но съ этихъ похоронъ и началось на меня главное гоненіе всей деревни изъ-за дѣтей. Главные зачинщики были пасторъ и школьный учитель. Дѣтямъ рѣшительно запретили даже встрѣчаться со мной, а Шнейдеръ обязался даже смотрѣть за этимъ. Но мы все-таки видались, издалека объяснялись знаками. Они присылали мнѣ свои маленькія записочки. Въ послѣдствіи все это уладилось, но тогда было очень хорошо: я даже еще ближе сошелся съ дѣтьми черезъ это гоненіе. Въ послѣдній годъ я даже почти помирился съ Тибо и съ пасторомъ. А Шнейдеръ много мнѣ говорилъ и спорилъ со мной о моей вредной „системѣ“ съ дѣтьми. Какая у меня система! Наконецъ, Шнейдеръ мнѣ высказалъ одну очень странную свою мысль, это ужь было предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, что онъ вполнѣ убѣдился, что я самъ совершенный ребенокъ, то-есть вполнѣ ребенокъ, что я только ростомъ и лицомъ похожъ на взрослаго, но что развитіемъ, душой, характеромъ и, можетъ-быть, даже умомъ я не взрослый, и такъ и останусь, хотя бы я до шестиде-

сяти лѣтъ прожилъ. Я очень смѣялся: онъ, конечно, не правъ, потому что какой же я маленькій? Но одно только правда: я и въ самомъ дѣлѣ не люблю быть со взрослыми, съ людьми, съ большими,—и это я давно замѣтилъ,—не люблю, потому что не умѣю. Что бы они ни говорили со мной, какъ бы добры ко мнѣ ни были, все-таки съ ними мнѣ всегда тяжело почему-то, и я ужасно радъ, когда могу уйдти поскорѣе къ товарищамъ, а товарищи мои всегда были дѣти, но не потому что я самъ былъ ребенокъ, а потому что меня, просто, тянуло къ дѣтямъ. Когда я, еще въ началѣ моего житья въ деревнѣ,—вотъ когда я уходилъ тосковать одинъ въ горы,—когда я, бродя одинъ, сталъ встрѣчать иногда, особенно въ полдень, когда выпускали изъ школы, всю эту ватагу шумную, бѣгущую съ ихъ мѣшочками и грифельными досками, съ крикомъ, со смѣхомъ, съ играми, то вся душа моя начинала вдругъ стремиться къ нимъ. Не знаю, но я сталъ ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущеніе при каждой встрѣчѣ съ ними. Я останавливался и смѣялся отъ счастья, глядя на ихъ маленькія, мелькающія и вѣчно бѣгущія ножки, на мальчиковъ и дѣвочекъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, на смѣхъ и слезы (потому что многіе уже успѣвали подраться, расплакаться, опять помириться и поиграть, пока-мѣсть изъ школы до дому добѣгали), и я забывалъ тогда всю мою тоску. Потомъ же, во всѣ эти три года, я и понять не могъ, какъ тоскуютъ и зачѣмъ тоскуютъ люди? Вся судьба моя пошла на нихъ. Я никогда и не разчитывалъ покидать деревню, и на умъ мнѣ не приходило, что я поѣду когда-нибудь сюда, въ Россію. Мнѣ казалось, что я все буду тамъ, но я увидалъ наконецъ, что Шнейдеру нельзя же было содержать меня, а тутъ подвернулось дѣло до того, кажется, важное, что Шнейдеръ самъ заторопилъ меня ѣхать и за меня отвѣчалъ сюда. Я вотъ посмотрю что̀ это такое и съ кѣмъ-нибудь посовѣтуюсь. Можетъ, моя участь совсѣмъ перемѣнится, но это все не то и не главное. Главное въ томъ, что уже перемѣнилась вся моя жизнь. Я тамъ много оставилъ, слишкомъ много. Все исчезло. Я сидѣлъ въ вагонѣ и думалъ: „Теперь я къ людямъ иду; я, можетъ-быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь.“ Я положилъ исполнить свое дѣло честно и твердо. Съ людьми мнѣ будетъ, можетъ-быть, скучно и тяжело. На первый случай я положилъ быть со всѣми вѣжливымъ и откровеннымъ; больше отъ меня вѣдь

никто не потребуетъ. Можетъ-быть, и здѣсь меня сочтутъ за ребенка,—такъ пусть! Меня тоже за идіота считаютъ всѣ почему-то, я дѣйствительно былъ такъ боленъ когда-то, что тогда и похожъ былъ на идіота; но какой же я идіотъ теперь, когда я самъ понимаю, что меня считаютъ за идіота? Я вхожу и думаю: „Вотъ меня считаютъ за идіота, а я все-таки умный, а они и не догадываются....“ У меня часто эта мысль. Когда я въ Берлинѣ получилъ оттуда нѣсколько маленькихъ писемъ, которыя они уже успѣли мнѣ написать, то тутъ только я и понялъ какъ ихъ любилъ. Очень тяжело получить первое письмо! Какъ они тосковали, провожая меня! Еще за мѣсяцъ начали провожать: „Léon s'en va, Léon s'en va pour toujours!“ Мы каждый вечеръ сбирались попрежнему у водопада и все говорили о томъ какъ мы разстанемся. Иногда бывало такъ же весело, какъ и прежде; только, расходясь на ночь, они стали крѣпко и горячо обнимать меня, чего не было прежде. Иные забѣгали ко мнѣ потихоньку отъ всѣхъ, по одному, для того только, чтобъ обнять и поцѣловать меня наединѣ, не при всѣхъ. Когда я уже отправлялся на дорогу, всѣ, всею гурьбой, провожали меня до станціи. Станція желѣзной дороги была, примѣрно, отъ нашей деревни въ верстѣ. Они удерживались чтобы не плакать, но многіе не могли и плакали въ голосъ, особенно дѣвочки. Мы спѣшили, чтобы не опоздать, но иной вдругъ изъ толпы бросался ко мнѣ среди дороги, обнималъ меня своими маленькими ручонками и цѣловалъ, только для того и оставливалъ всю толпу; а мы хоть и спѣшили, но всѣ останавливались и ждали покамѣсть онъ простится. Когда я сѣлъ въ вагонъ, и вагонъ тронулся, они всѣ мнѣ прокричали „ура!“ и долго стояли на мѣстѣ, пока совсѣмъ не ушелъ вагонъ. И я тоже смотрѣлъ.... Послушайте, когда я давеча вошелъ сюда и посмотрѣлъ на ваши милыя лица,—я теперь очень всматриваюсь въ лица,—и услышалъ ваши первыя слова, то у меня, въ первый разъ съ того времени, стало на душѣ легко. Я давеча уже подумалъ, что, можетъ-быть, я и впрямь изъ счастливыхъ: я вѣдь знаю, что такихъ, которыхъ тотчасъ полюбишь, не скоро встрѣтишь, а я васъ, только что изъ вагона вышелъ, тотчасъ встрѣтилъ. Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всѣмъ стыдно, а вотъ вамъ я говорю, и съ вами мнѣ не стыдно. Я нелюдимъ и, можетъ-быть, долго къ вамъ не приду. Не примите только

этого за дурную мысль: я не изъ того сказалъ, что вами не дорожу, и не подумайте тоже, что я чѣмъ-нибудь обидѣлся. Вы спрашивали меня про ваши лица и что̀ я замѣтилъ въ нихъ? Я вамъ съ большимъ удовольствіемъ это скажу. У васъ, Аделаида Ивановна, счастливое лицо, изъ всѣхъ трехъ лицъ самое симпатичное. Кромѣ того, что вы очень хороши собой, на васъ смотришь и говоришь: „У ней лицо какъ у доброй сестры.“ Вы подходите спроста и весело, но и сердце умѣете скоро узнать. Вотъ такъ мнѣ кажется про ваше лицо. У васъ, Александра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, можетъ-быть, у васъ есть какая-нибудь тайная грусть; душа у васъ, безъ сомнѣнія, добрѣйшая, но вы не веселы. У васъ какой-то особенный оттѣнокъ въ лицѣ, похоже какъ у Гольбейновой Мадонны въ Дрезденѣ. Ну, вотъ и про ваше лицо; хорошъ я угадчикъ? Сами же вы меня за угадчика считаете. Но про ваше лицо Лизавета Прокофьевна, обратился онъ вдругъ къ генеральшѣ,—про ваше лицо ужь мнѣ не только кажется, а я просто увѣренъ, что вы совершенный ребенокъ, во всемъ, во всемъ, во всемъ хорошемъ и во всемъ дурномъ, несмотря на то что вы въ такихъ лѣтахъ. Вы вѣдь на меня не сердитесь, что я это такъ говорю? Вѣдь вы знаете за кого я дѣтей почитаю? И не подумайте, что я съ простоты такъ откровенно все это говорилъ сейчасъ вамъ про ваши лица; о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Можетъ-быть, и я свою мысль имѣлъ.

VII.

Когда князь замолчалъ, всѣ на него смотрѣли весело, даже и Аглая, но особенно Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ и проэкзаминовали! вскричала она.—Что̀, милостивыя государыни, вы думали, что вы же его будете протежировать, какъ бѣдненькаго, а онъ васъ самъ едва избрать удостоилъ, да еще съ оговоркой, что приходить будетъ только изрѣдка. Вотъ мы и въ дурахъ, и я рада; а пуще всего Иванъ Ѳедоровичъ. Браво, князь, васъ давеча проэкзаминовать велѣли. А то, что̀ вы про мое лицо сказали, то все совершенная правда: я ребенокъ и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль въ одномъ

словѣ. Вашъ характеръ я считаю совершенно сходнымъ съ моимъ и очень рада; какъ двѣ капли воды. Только вы мущина, а я женщина и въ Швейцаріи не была; вотъ и вся разница.

— Не торопитесь, maman, вскричала Аглая,—князь говоритъ, что онъ во всѣхъ своихъ признаніяхъ особую мысль имѣлъ и не спроста говорилъ.

— Да, да, смѣялись другія.

— Не труните, милыя, еще онъ, можетъ-быть, похитрѣе всѣхъ васъ трехъ вмѣстѣ. Увидите. Но только что жь вы, князь, про Аглаю ничего не сказали? Аглая ждетъ, и я жду.

— Я ничего не могу сейчасъ сказать; я скажу потомъ.

— Почему? Кажется, замѣтна?

— О да, замѣтна; вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна. Вы такъ хороши, что на васъ боишься смотрѣть.

— И только? А свойства? настаивала генеральша.

— Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота — загадка.

— Это значитъ, что вы Аглаѣ загадали загадку, сказала Аделаида;—разгадай-ка, Аглая. А хороша она, князь, хороша?

— Чрезвычайно! съ жаромъ отвѣтилъ князь, съ увлеченіемъ взглянувъ на Аглаю;—почти какъ Настасья Филипповна, хотя лицо совсѣмъ другое!...

Всѣ переглянулись въ удивленіи.

— Какъ, кто-о-о? протянула генеральша:—какъ Настасья Филипповна? Гдѣ вы видѣли Настасью Филипповну? Какая Настасья Филипповна?

— Давеча Гаврила Ардаліоновичъ Ивану Ѳедоровичу портретъ показывалъ.

— Какъ, Ивану Ѳедоровичу портретъ принесъ?

— Показать. Настасья Филипповна подарила сегодня Гаврилѣ Ардаліоновичу свой портретъ, а тотъ принесъ показать.

— Я хочу видѣть! вскинулась генеральша: — гдѣ этотъ портретъ? Если ему подарила, такъ и долженъ быть у него, а онъ, конечно, еще въ кабинетѣ. По средамъ онъ всегда приходитъ работать и никогда раньше четырехъ не уходитъ. Позвать сейчасъ Гаврилу Ардаліоновича! Нѣтъ, я не слишкомъ-то умираю отъ желанія его видѣть. Сдѣлайте одолженіе, князь, голубчикъ, сходите въ кабинетъ, возьмите у

него портретъ и принесите сюда. Скажите что посмотрѣть. Пожалуста.

— Хорошъ, да ужь простоватъ слишкомъ, сказала Аделаида, когда вышелъ князь.

— Да, ужь что-то слишкомъ, подтвердила Александра,— такъ что даже и смѣшонъ немножко.

И та, и другая какъ будто не выговаривали всю свою мысль.

— Онъ, впрочемъ, хорошо съ нашими лицами вывернулся, сказала Аглая,—всѣмъ польстилъ, даже и maman.

— Не остри, пожалуста, вскричала генеральша. — Не онъ польстилъ, а я польщена.

— Ты думаешь, онъ вывертывался? спросила Аделаида.

— Мнѣ кажется, онъ не такъ простоватъ.

— Ну, пошла! разсердилась генеральша:—а по-моему, вы еще его смѣшнѣе. Простоватъ да себѣ на умѣ, въ самомъ благородномъ отношеніи, разумѣется. Совершенно какъ я.

„Конечно скверно, что я про портретъ проговорился, соображалъ князь про себя, проходя въ кабинетъ и чувствуя нѣкоторое угрызеніе.... Но.... можетъ-быть, я и хорошо сдѣлалъ, что проговорился....“ У него начинала мелькать одна странная идея, впрочемъ, еще не совсѣмъ ясная.

Гаврила Ардаліоновичъ еще сидѣлъ въ кабинетѣ и былъ погруженъ въ свои бумаги. Должно-быть, онъ дѣйствительно не даромъ бралъ жалованье изъ акціонернаго общества. Онъ страшно смутился, когда князь спросилъ портретъ и разказалъ какимъ образомъ про портретъ тамъ узнали.

— Э-э-эхъ! И зачѣмъ вамъ было болтать! вскричалъ онъ въ злобной досадѣ:—не знаете вы ничего.... Идіотъ! пробормоталъ онъ про себя.

— Виноватъ, я совершенно не думавши; къ слову пришлось. Я сказалъ, что Аглая почти такъ же хороша, какъ Настасья Филипповна.

Ганя попросилъ разказать подробнѣе; князь разказалъ. Ганя вновь насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Далось же вамъ, Настасья Филипповна.... пробормоталъ онъ, но не докончивъ, задумался. Онъ былъ въ видимой тревогѣ. Князь напомнилъ о портретѣ. — Послушайте, князь, сказалъ вдругъ Ганя, какъ будто внезапная мысль осѣнила его:—у меня до васъ есть огромная просьба.... Но я, право, не знаю....

Онъ смутился и не договорилъ; онъ на что-то рѣшался и

какъ бы боролся самъ съ собой. Князь ожидалъ молча. Ганя еще разъ испытующимъ, пристальнымъ взглядомъ оглядѣлъ его.

— Князь, началъ онъ опять, — тамъ на меня теперь.... по одному совершенно странному обстоятельству.... и смѣшному.... и въ которомъ я не виноватъ.... ну, однимъ словомъ, это лишнее,—тамъ на меня, кажется, немножко сердятся, такъ что я нѣкоторое время не хочу входить туда безъ зова. Мнѣ ужасно нужно бы поговорить теперь съ Аглаей Ивановной. Я на всякій случай написалъ нѣсколько словъ (въ рукахъ его очутилась маленькая сложенная бумажка)— и вотъ не знаю какъ передать. Не возьметесь ли вы, князь, передать Аглаѣ Ивановнѣ, сейчасъ, но только одной Аглаѣ Ивановнѣ, такъ, то-есть, чтобъ никто не увидалъ, понимаете? Это не Богъ знаетъ какой секретъ, тутъ нѣтъ ничего такого.... но... сдѣлаете?

— Мнѣ это не совсѣмъ пріятно, отвѣчалъ князь.

— Ахъ, князь, мнѣ крайняя надобность! сталъ просить Ганя: — она, можетъ-быть, отвѣтитъ.... Повѣрьте, что я только въ крайнемъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ могъ обратиться.... Съ кѣмъ же мнѣ послать?... Это очень важно.... Ужасно для меня важно....

Ганя ужасно робѣлъ, что князь не согласится, и съ трусливою просьбой заглядывалъ ему въ глаза.

— Пожалуй, я передамъ.

— Но только такъ, чтобы никто не замѣтилъ, умолялъ обрадованный Ганя,—и вотъ что̀, князь, я надѣюсь, вѣдь, на ваше честное слово, а?

— Я никому не покажу, сказалъ князь.

— Записка не запечатана, но.... проговорился было слишкомъ суетившійся Ганя, и остановился въ смущеніи.

— О, я не прочту, совершенно просто отвѣчалъ князь, взялъ портретъ и пошелъ изъ кабинета.

Ганя, оставшись одинъ, схватилъ себя за голову.

— Одно ея слово, и я.... и я, право, можетъ-быть, порву?...

Онъ уже не могъ снова сѣсть за бумаги отъ волненія и ожиданія и сталъ бродить по кабинету, изъ угла въ уголъ.

Князь шелъ, задумавшись; его непріятно поразило порученіе, непріятно поразила и мысль о запискѣ Гани къ Аглаѣ. Но не доходя двухъ комнатъ до гостиной, онъ вдругъ остановился, какъ будто вспомнилъ о чемъ, осмотрѣлся кругомъ,

подошелъ къ окну, ближе къ свѣту, и сталъ глядѣть на портретъ Настасьи Филипповны.

Ему какъ бы хотѣлось разгадать что-то, скрывавшееся въ этомъ лицѣ и поразившее его давеча. Давешнее впечатлѣніе почти не оставляло его, и теперь онъ спѣшилъ какъ бы что-то вновь провѣрить. Это необыкновенное по своей красотѣ и еще по чему-то лицо еще сильнѣе поразило его теперь. Какъ будто необъятная гордость и презрѣніе, почти ненависть, были въ этомъ лицѣ, и въ то же самое время что-то довѣрчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали какъ будто даже какое-то состраданіе при взглядѣ на эти черты. Эта ослѣпляющая красота была даже невыносима, — красота блѣднаго лица, чуть не впалыхъ щекъ и горѣвшихъ глазъ; странная красота! Князь смотрѣлъ съ минуту, потомъ вдругъ спохватился, оглядѣлся кругомъ, поспѣшно приблизилъ портретъ къ губамъ и поцѣловалъ его. Когда черезъ минуту онъ вошелъ въ гостиную, лицо его было совершенно спокойно.

Но только-что онъ вступилъ въ столовую (еще черезъ одну комнату отъ гостиной), съ нимъ въ дверяхъ почти столкнулась выходившая Аглая. Она была одна.

— Гаврила Ардаліоновичъ просилъ меня вамъ передать, сказалъ князь, подавая ей записку.

Аглая остановилась, взяла записку и какъ-то странно поглядѣла на князя. Ни малѣйшаго смущенія не было въ ея взглядѣ, развѣ только проглянуло нѣкоторое удивленіе, да и то, казалось, относившееся къ одному только князю. Аглая своимъ взглядомъ точно требовала отъ него отчета,—какимъ образомъ онъ очутился въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Ганей?— и требовала спокойно и свысока. Они простояли два-три мгновенія другъ противъ друга; наконецъ что-то насмѣшливое чуть-чуть обозначилось въ лицѣ ея; она слегка улыбнулась и прошла мимо.

Генеральша нѣсколько времени, молча и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія, разсматривала портретъ Настасьи Филипповны, который она держала предъ собой въ протянутой рукѣ, чрезвычайно и эффектно отдаливъ отъ глазъ.

— Да, хороша, проговорила она наконецъ, — очень даже. Я два раза ее видѣла, только издали. Такъ вы такую-то красоту цѣните? обратилась она вдругъ къ князю.

— Да.... Такую.... отвѣчалъ князь съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— То-есть именно такую?

— Именно такую.

— За что?

— Въ этомъ лицѣ.... страданія много.... проговорилъ князь, какъ бы невольно, какъ бы самъ съ собою говоря, а не на вопросъ отвѣчая.

— Вы впрочемъ, можетъ-быть, бредите, рѣшила генеральша и надменнымъ жестомъ откинула отъ себя портретъ на столъ. Александра взяла его, къ ней подошла Аделаида, обѣ стали разсматривать. Въ эту минуту Аглая возвратилась опять въ гостиную.

— Этакая сила! вскричала вдругъ Аделаида, жадно всматриваясь въ портретъ изъ-за плеча сестры.

— Гдѣ? Какая сила? рѣзко спросила Лизавета Прокофьевна.

— Такая красота—сила, горячо сказала Аделаида,—съ этакою красотой можно міръ перевернуть!

Она задумчиво отошла къ своему мольберту. Аглая взглянула на портретъ только мелькомъ, прищурилась, выдвинула нижнюю губку, отошла и сѣла къ сторонѣ, сложивъ руки.

Генеральша позвонила.

— Позвать сюду Гаврилу Ардаліоновича, онъ въ кабинетѣ, приказала она вошедшему слугѣ.

— Maman! значительно воскликнула Александра.

— Я хочу ему два слова сказать—и довольно! быстро отрѣзала генеральша, останавливая возраженіе. Она была видимо раздражена. — У насъ, видите ли, князь, здѣсь теперь все секреты. Все секреты! Такъ требуется, этикетъ какой-то, глупо. И это въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ требуется наиболѣе откровенности, ясности, честности. Начинаются браки, не нравятся мнѣ эти браки....

— Maman, что вы это? опять поспѣшила остановить ее Александра.

— Чего тебѣ, милая дочка! Тебѣ самой развѣ нравятся? А что князь слушаетъ, такъ мы друзья. Я съ нимъ, по крайней мѣрѣ. Богъ ищетъ людей, хорошихъ конечно, а злыхъ и капризныхъ ему не надо; капризныхъ особенно, которые сегодня рѣшаютъ одно, а завтра говорятъ другое. Понимаете, Александра Ивановна? Онѣ, князь, говорятъ, что я чудачка, а я умѣю различать. Потому сердце главное, а остальное вздоръ. Умъ тоже нуженъ, конечно.... можетъ-быть, умъ-то и

самое главное. Не усмѣхайся, Аглая, я себѣ не противорѣчу: дура съ сердцемъ и безъ ума такая же несчастная дура, какъ и дура съ умомъ безъ сердца. Старая истина. Я вотъ дура съ сердцемъ безъ ума, а ты дура съ умомъ безъ сердца; обѣ мы и несчастны, обѣ и страдаемъ.

— Чѣмъ же вы ужь такъ несчастны, maman? не утерпѣла Аделаида, которая одна, кажется, изъ всей компаніи не утратила веселаго расположенія духа.

— Вопервыхъ, отъ ученыхъ дочекъ, отрѣзала генеральша,— а такъ какъ этого и одного довольно, то объ остальномъ нечего и распространяться. Довольно многословія было. Посмотримъ какъ-то вы обѣ (я Аглаю не считаю) съ вашимъ умомъ и многословіемъ вывернетесь, и будете ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы съ вашимъ почтеннымъ господиномъ?... А!... воскликнула она, увидѣвъ входящаго Ганю:—вотъ еще идетъ одинъ брачный союзъ. Здравствуйте! отвѣтила она на поклонъ Гани, не пригласивъ его садиться. — Вы вступаете въ бракъ?

— Въ бракъ?... Какъ?... Въ какой бракъ?... бормоталъ ошеломленный Гаврила Ардаліоновичъ. Онъ ужасно смѣшался.

— Вы женитесь? спрашиваю я, если вы только лучше любите такое выраженіе?

— Н-нѣтъ.... я.... н-нѣтъ, солгалъ Гаврила Ардаліоновичъ, и краска стыда залила ему лицо. Онъ бѣгло взглянулъ на сидѣвшую въ сторонѣ Аглаю и быстро отвелъ глаза. Аглая холодно, пристально, спокойно глядѣла на него, не отрывая глазъ, и наблюдала его смущеніе.

— Нѣтъ? Вы сказали: нѣтъ? настойчиво допрашивала неумолимая Лизавета Прокофьевна:—довольно, я буду помнить, что вы сегодня, въ среду утромъ, на мой вопросъ сказали мнѣ: „нѣтъ“. Что у насъ сегодня, среда?

— Кажется, среда, maman, отвѣтила Аделаида.

— Никогда дней не знаютъ. Которое число?

— Двадцать седьмое, отвѣтилъ Ганя.

— Двадцать седьмое? Это хорошо по нѣкоторому разчету. Прощайте, у васъ, кажется, много занятій, а мнѣ пора одѣваться и ѣхать; возьмите вашъ портретъ. Передайте мой поклонъ несчастной Нинѣ Александровнѣ. До свиданія, князь-голубчикъ! Заходи почаще, а я къ старухѣ Бѣлокопской нарочно заѣду о тебѣ сказать. И послушайте, милый: я вѣрую, что васъ именно для меня Богъ привелъ въ

Петербургъ изъ Швейцаріи. Можетъ-быть, будутъ у васъ и другія дѣла, но главное для меня. Богъ именно такъ разчиталъ. До свиданія, милыя. Александра, зайди ко мнѣ, другъ мой.

Генеральша вышла. Ганя опрокинутый, потерявшійся, злобный, взялъ со стола портретъ и съ искривленною улыбкой обратился къ князю.

— Князь, я сейчасъ домой. Если вы не перемѣнили намѣренія жить у насъ, то я васъ доведу, а то вы и адреса не знаете.

— Постойте, князь, сказала Аглая, вдругъ подымаясь съ своего кресла, — вы мнѣ еще въ альбомѣ напишите. Папа сказалъ, что вы каллиграфъ. Я вамъ сейчасъ принесу...

И она вышла.

— До свиданія, князь, и я ухожу, сказала Аделаида. Она крѣпко пожала руку князю, привѣтливо и ласково улыбнулась ему и вышла. На Ганю она не посмотрѣла.

— Это вы, заскрежеталъ Ганя, вдругъ набрасываясь на князя, только-что всѣ вышли, — это вы разболтали имъ, что я женюсь! бормоталъ онъ сквозь полушепотомъ, съ бѣшенымъ лицомъ и злобно сверкая глазами; — безстыдный вы болтунишка!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, спокойно и вѣжливо отвѣчалъ князь, — я и не зналъ, что вы женитесь.

— Вы слышали давеча какъ Иванъ Ѳедоровичъ говорилъ, что сегодня вечеромъ все рѣшится у Настасьи Филипповны, вы это и передали! Лжете вы! Откуда онѣ могли узнать? Кто же, чортъ возьми, могъ имъ передать, кромѣ васъ? Развѣ старуха не намекала мнѣ?

— Вамъ лучше знать кто передалъ, если вамъ только кажется, что вамъ намекали, я ни слова про это не говорилъ.

— Передали записку? Отвѣтъ? съ горячечнымъ нетерпѣніемъ перебилъ его Ганя. Но въ самую эту минуту воротилась Аглая, и князь ничего не успѣлъ отвѣтить.

— Вотъ, князь, сказала Аглая, положивъ на столикъ свой альбомъ, — выберите страницу и напишите мнѣ что-нибудь. Вотъ перо и еще новое. Ничего что стальное? Каллиграфы, я слышала, стальными не пишутъ.

Разговаривая съ княземъ, она какъ бы и не замѣчала, что Ганя тутъ же. Но покамѣсть князь поправлялъ перо, отыскивалъ страницу и изготовлялся, Ганя подошелъ къ камину,

гдѣ стояла Аглая, сейчасъ справа подлѣ князя, и дрожащимъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ ей чуть не на ухо:

— Одно слово, одно только слово отъ васъ,—и я спасенъ.

Князь быстро повернулся и посмотрѣлъ на обоихъ. Въ лицѣ Гани было настоящее отчаяніе; казалось, онъ выговорилъ эти слова какъ-то не думая, сломя голову. Аглая смотрѣла на него нѣсколько секундъ совершенно съ тѣмъ же самымъ спокойнымъ удивленіемъ, какъ давеча на князя, и казалось, это спокойное удивленіе ея, это недоумѣніе, какъ бы отъ полнаго непониманія того что̀ ей говорятъ, было въ эту минуту для Гани ужаснѣе самаго сильнѣйшаго презрѣнія.

— Что̀ же мнѣ написать? спросилъ князь.

— А я вамъ сейчасъ продиктую, сказала Аглая, поворачиваясь къ нему;—готовы? Пишите же: „Я въ торги не вступаю.“ — Теперь подпишите число и мѣсяцъ. Покажите.

Князь подалъ ей альбомъ.

— Превосходно! Вы удивительно написали; у васъ чудесный почеркъ! Благодарю васъ. До свиданія, князь.... Постойте прибавила она, какъ бы что-то вдругъ припомнивъ, — пойдемте, я хочу вамъ подарить кой-что на память.

Князь пошелъ за нею; но войдя въ столовую, Аглая остановилась.

— Прочтите это, сказала она, подавая ему записку Гани.

Князь взялъ записку и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Аглаю.

— Вѣдь я знаю же, что вы ея не читали и не можете быть повѣреннымъ этого человѣка. Читайте, я хочу чтобы вы прочли.

Записка была очевидно написана наскоро:

„Сегодня рѣшится моя судьба, вы знаете какимъ образомъ. Сегодня я долженъ буду дать свое слово безвозвратно. Я не имѣю никакихъ правъ на ваше участіе, не смѣю имѣть никакихъ надеждъ; но когда-то вы выговорили одно слово, одно только слово, и это слово озарило всю черную ночь моей жизни и стало для меня маякомъ. Скажите теперь еще одно такое же слово—и спасете меня отъ погибели! Скажите мнѣ только: *разорви все*, и я все порву сегодня же. О, что̀ вамъ сто́итъ сказать это! Въ этомъ словѣ я испрашиваю только признакъ вашего участія и сожалѣнія ко мнѣ,—и только, *только*! И ничего больше, *ничего*! Я не смѣю задумать какую-нибудь надежду, потому что я недостоинъ ея.

Но послѣ вашего слова я приму вновь мою бѣдность, я съ радостью стану переносить отчаянное положеніе мое. Я встрѣчу борьбу, я радъ буду ей, я воскресну въ ней съ новыми силами!

„Пришлите же мнѣ это слово состраданія (только *одного* состраданія, клянусь вамъ)! Не разсердитесь на дерзость отчаяннаго, на утопающаго, за то, что онъ осмѣлился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы спасти себя отъ погибели.

„Г. И.“

— Этотъ человѣкъ увѣряетъ, рѣзко сказала Аглая, когда князь кончилъ читать, — что слово: „*разорвите все*“ меня не скомпрометтируетъ и не обяжетъ ничѣмъ, и самъ даетъ мнѣ въ этомъ, какъ видите, письменную гарантію, этою самою запиской. Замѣтьте, какъ наивно поспѣшилъ онъ подчеркнуть нѣкоторыя словечки, и какъ грубо проглядываетъ его тайная мысль. Онъ, впрочемъ, знаетъ, что еслибъ онъ разорвалъ все, но самъ, одинъ, не ожидая моего слова и даже не говоря мнѣ объ этомъ, безъ всякой надежды на меня, то я бы тогда перемѣнила мои чувства къ нему и, можетъ-быть, стала бы его другомъ. Онъ это знаетъ навѣрно! Но у него душа грязная: онъ знаетъ и не рѣшается; онъ знаетъ и все-таки гарантіи проситъ. Онъ на вѣру рѣшиться не въ состояніи. Онъ хочетъ, чтобъ я ему, взамѣнъ ста тысячъ, на себя надежду дала. Насчетъ же прежняго слова, про которое онъ говоритъ въ запискѣ и которое будто бы озарило его жизнь, то онъ нагло лжетъ. Я просто разъ пожалѣла его. Но онъ дерзокъ и безстыденъ: у него тотчасъ же мелькнула тогда мысль о возможности надежды; я это тотчасъ же поняла. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ меня улавливать; ловитъ и теперь. Но довольно; возьмите и отдайте ему записку назадъ, сейчасъ же, какъ выйдете изъ нашего дома, разумѣется, не раньше.

— А что̀ сказать ему въ отвѣтъ?

— Ничего, разумѣется. Это самый лучшій отвѣтъ. Да вы, стало-быть, хотите жить въ его домѣ?

— Мнѣ давеча самъ Иванъ Ѳедоровичъ отрекомендовалъ, сказалъ князь.

— Такъ берегитесь его, я васъ предупреждаю; онъ теперь вамъ не проститъ, что вы ему возвратите назадъ записку.

Аглая слегка пожала руку князю и вышла. Лицо ея было серіозно и нахмурено, она даже не улыбнулась, когда кивнула князю головой на прощаніе.

— Я сейчасъ, только мой узелокъ возьму, сказалъ князь Ганѣ, — и мы выйдемъ.

Ганя топнулъ ногой отъ нетерпѣнія. Лицо его даже почернѣло отъ бѣшенства. Наконецъ оба вышли на улицу, князь съ своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Отвѣтъ? Отвѣтъ? накинулся на него Ганя:—что она вамъ сказала? Вы передали письмо?

Князь молча подалъ ему его записку. Ганя остолбенѣлъ.

— Какъ? Моя записка! вскричалъ онъ:—онъ и не передавалъ ея! О, я долженъ былъ догадаться! О, пр-р-ро-клят.... Понятно, что она ничего не поняла давеча! Да какъ же, какъ же, какъ же вы не передали; о, пр-р-ро-клят....

— Извините меня, напротивъ, мнѣ тотчасъ же удалось передать вашу записку, въ ту же минуту какъ вы дали, и точно такъ, какъ вы просили. Она очутилась у меня опять, потому что Аглая Ивановна сейчасъ передала мнѣ ее обратно.

— Когда? Когда?

— Только что я кончилъ писать въ альбомѣ, и когда она пригласила меня съ собой. (Вы слышали?) Мы вошли въ столовую, она подала мнѣ записку, велѣла прочесть и велѣла передать вамъ обратно.

— Про-че-е-сть! закричалъ Ганя чуть не во все горло:—прочесть! Вы читали?

И онъ снова сталъ въ оцѣпенѣніи среди тротуара, но до того изумленный, что даже разинулъ ротъ.

— Да, читалъ, сейчасъ.

— И она сама, сама вамъ дала прочесть? Сама?

— Сама, и повѣрьте, что я бы не сталъ читать безъ ея приглашенія.

Ганя съ минуту молчалъ и съ мучительными усиліями что-то соображалъ, но вдругъ воскликнулъ:

— Быть не можетъ! Она не могла вамъ велѣть прочесть. Вы лжете! Вы сами прочли!

— Я говорю правду, отвѣчалъ князь прежнимъ, совершенно невозмутимымъ тономъ, — и повѣрьте: мнѣ очень жаль, что это производитъ на васъ такое непріятное впечатлѣніе.

— Но, несчастный, по крайней мѣрѣ, она вамъ сказала же что-нибудь при этомъ? Что-нибудь отвѣтила же?

— Да, конечно.

— Да говорите же, говорите, о, чортъ!....

И Ганя два раза топнулъ правою ногой, обутою въ калошу, о тротуаръ.

— Какъ только я прочелъ, она сказала мнѣ, что вы ее ловите; что вы желали бы ее компрометтировать такъ, чтобы получить отъ нея надежду, для того чтобы, опираясь на эту надежду, разорвать безъ убытку съ другою надеждой на сто тысячъ. Что еслибы вы сдѣлали это, не торгуясь съ нею, разорвали бы все сами, не прося у ней впередъ гарантіи, то она, можетъ-быть, и стала бы вашимъ другомъ. Вотъ и все, кажется. Да, еще: когда я спросилъ, уже взявъ записку, какой же отвѣтъ? Тогда она сказала, что безъ отвѣта будетъ самый лучшій отвѣтъ,—кажется, такъ; извините, если я забылъ ея точное выраженіе, а передаю какъ самъ понялъ.

Неизмѣримая злоба овладѣла Ганей и бѣшенство его прорвалось безъ всякаго удержу:

— А! Такъ вотъ какъ! скрежеталъ онъ:—такъ мои записки въ окно швырять! А! Она въ торги не вступаетъ,—такъ я вступлю! И увидимъ! За мной еще много... увидимъ!... Въ бараній рогъ сверну!...

Онъ кривился, блѣднѣлъ, пѣнился; онъ грозилъ кулакомъ. Такъ шли они нѣсколько шаговъ. Князя онъ не церемонился ни мало, точно былъ одинъ въ своей комнатѣ, потому что въ высшей степени считалъ его за ничто. Но вдругъ онъ что-то сообразилъ и опомнился.

— Да какимъ же образомъ, вдругъ обратился онъ къ князю,—какимъ же образомъ вы (идіотъ! прибавилъ онъ про себя), вы вдругъ въ такой довѣренности, два часа послѣ перваго знакомства? Какъ такъ?

Ко всѣмъ мученіямъ его не доставало зависти. Она вдругъ укусила его въ самое сердце.

— Этого ужь я вамъ не сумѣю объяснить, отвѣтилъ князь.

Ганя злобно посмотрѣлъ на него:

— Это ужь не довѣренность ли свою подарить вамъ позвала она васъ въ столовую? Вѣдь она вамъ что-то подарить собиралась?

— Иначе я и не понимаю, какъ именно такъ.

— Да за что же, чортъ возьми! Что вы тамъ такое сдѣлали? Чѣмъ понравились? Послушайте, суетился онъ изо всѣхъ силъ (все въ немъ въ эту минуту было какъ-то разбросано и кипѣло въ безпорядкѣ, такъ что онъ и съ

мыслями собраться не могъ),—послушайте, не можете ли вы хоть какъ-нибудь припомнить и сообразить въ порядкѣ, о чемъ вы именно тамъ говорили, всѣ слова, съ самаго начала? Не замѣтили ли вы чего, не упомните ли?

— О, очень могу, отвѣчалъ князь,—съ самаго начала, когда я вошелъ и познакомился, мы стали говорить о Швейцаріи.

— Ну, къ чорту Швейцарію!

— Потомъ о смертной казни...

— О смертной казни?

— Да; по одному поводу.... потомъ я имъ разказывалъ о томъ, какъ прожилъ тамъ три года и одну исторію съ одною бѣдною поселянкой....

— Ну, къ чорту бѣдную поселянку! Дальше! рвался въ нетерпѣніи Ганя.

— Потомъ, какъ Шнейдеръ высказалъ мнѣ свое мнѣніе о моемъ характерѣ и понудилъ меня....

— Провалиться Шнейдеру и наплевать на его мнѣнія! дальше!

— Дальше, по одному поводу, я сталъ говорить о лицахъ, то-есть о выраженіяхъ лицъ и сказалъ, что Аглая Ивановна почти такъ же хороша, какъ Настасья Филипповна. Вотъ тутъ-то я и проговорился про портретъ....

— Но вы не пересказали, вы вѣдь не пересказали того, что̀ слышали давеча въ кабинетѣ? Нѣтъ? Нѣтъ?

— Повторяю же вамъ, что нѣтъ.

— Да откуда же, чортъ... Ба! Не показала ли Аглая записку старухѣ?

— Въ этомъ я могу васъ вполнѣ гарантировать, что не показала. Я все время тутъ былъ; да и времени она не имѣла.

— Да, можетъ-быть, вы сами не замѣтили чего-нибудь... О! идіотъ пр-ро-клятый! воскликнулъ онъ уже совершенно внѣ себя:—и разказать ничего не умѣетъ!

Ганя, разъ начавъ ругаться и не встрѣчая отпора, мало-по-малу потерялъ всякую сдержанность, какъ это всегда водится съ иными людьми. Еще немного, и онъ, можетъ-быть, сталъ бы плеваться, до того ужь онъ былъ взбѣшенъ. Но именно чрезъ это бѣшенство онъ и ослѣпъ; иначе онъ давно бы обратилъ вниманіе на то, что этотъ „идіотъ“, котораго онъ такъ третируетъ, что-то ужь слишкомъ скоро и

тонко умѣетъ иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать. Но вдругъ произошло нѣчто неожиданное.

— Я долженъ вамъ замѣтить, Гаврила Ардаліоновичъ, сказалъ вдругъ князь,—что я прежде дѣйствительно былъ такъ нездоровъ, что и въ самомъ дѣлѣ былъ почти идіотъ; но теперь я давно уже выздоровѣлъ, и потому мнѣ нѣсколько непріятно, когда меня называютъ идіотомъ въ глаза. Хоть васъ и можно извинить, взявъ во вниманіе ваши неудачи, но вы въ досадѣ вашей даже раза два меня выбранили. Мнѣ это очень не хочется, особенно такъ, вдругъ, какъ вы, съ перваго раза; и такъ какъ мы теперь стоимъ на перекресткѣ, то не лучше ли намъ разойдтись: вы пойдете направо къ себѣ, а я налѣво. У меня есть двадцать пять рублей, и я навѣрно найду какой-нибудь отель-гарни.

Ганя ужасно смутился и даже покраснѣлъ отъ стыда, что его такъ неожиданно поймали.

— Извините, князь, горячо вскричалъ онъ, вдругъ перемѣняя свой ругательный тонъ на чрезвычайную вѣжливость:— ради Бога, извините! Вы видите въ какой я бѣдѣ! Вы еще почти ничего не знаете, но еслибы вы знали все, то навѣрно бы хоть немного извинили меня; хотя, разумѣется, я неизвинимъ....

— О, мнѣ и не нужно такихъ большихъ извиненій, поспѣшилъ отвѣтить князь.—Я вѣдь понимаю, что вамъ очень непріятно, и потому-то вы и бранитѐсь. Ну, пойдемте къ вамъ. Я съ удовольствіемъ....

„Нѣтъ, его теперь такъ отпустить невозможно, думалъ про себя Ганя, злобно посматривая дорогой на князя,—этотъ плутъ выпыталъ изъ меня все, а потомъ вдругъ снялъ маску... Это что-то значитъ. А вотъ мы увидимъ! Все разрѣшится, все, все! сегодня же!“

Они уже стояли у самаго дома.

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

ГОСУДАРСТВО И ПРОВИНЦІЯ*

Въ политической литературѣ немного можно назвать вопросовъ, порождающихъ такія противорѣчивыя мнѣнія, какъ вопросъ о провинціи. Эти несогласія нельзя объяснить однимъ разнообразіемъ политическихъ убѣжденій и воззрѣній. Когда границы спора опредѣлены, предметъ несогласія ясенъ,—споръ близокъ къ окончанію. Еслибы всѣ несогласія въ области политической зависѣли только отъ различныхъ политическихъ стремленій, преслѣдующихъ опредѣленныя цѣли, несогласія эти не длились бы такъ долго, не порождали бы такихъ недоразумѣній, какъ это часто приходится видѣть въ политикѣ. Когда каждая изъ партій, находящихся въ борьбѣ, видитъ основанія своего несогласія съ другою, откровенно преслѣдуетъ ясно сознанную задачу, рѣшеніе вопроса зависитъ отъ успѣха спорящихъ сторонъ, своевременности ихъ стремленій, искренности убѣжденій, словомъ, отъ условій, которыя можно взвѣсить, результаты которыхъ можно предусмотрѣть. Партія, сознательно дѣйствующая, сознательно относящаяся къ стремленіямъ другихъ партій, на половину облегчаетъ задачу публициста. Большинство недоразумѣній, главная причина продолжительности борьбы, зависитъ отъ неясности пониманія элементовъ спора, отъ того что въ вопросъ, составляющій предметъ полемики, вводится масса

---

* Эта статья составляетъ часть труда, приготовляемаго мною къ печати, подъ заглавіемъ *Русская губернія*. Предлагаемая глава назначена для выясненія главнѣйшихъ сторонъ провинціальнаго вопроса и тѣхъ воззрѣній, которыми опредѣляется постановка его въ западно-европейской литературѣ. *Авторъ*.

понятій, не имѣющихъ ничего общаго съ началами изслѣдуемаго предмета. Общеизвѣстная истина, что для разрѣшенія какого-нибудь спора должно знать о чемъ споришь, не сознается еще въ политикѣ, подобно многимъ общеизвѣстнымъ истинамъ. Причины этого заключаются отчасти въ томъ, что борьба начинается въ то время, когда сами партіи еще не созрѣли и не выяснили своего положенія, которое и выяснено можетъ быть только чрезъ эту борьбу; когда, вмѣстѣ съ неясностію положенія партій, по необходимости неясны элементы спора. Затѣмъ продолжительныя враждебныя отношенія, примѣсь эгоистическихъ побужденій въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, стремленіе уронить противника какими бы то ни было средствами, всевозможные софизмы,—все это вредно отражается на политическихъ вопросахъ, и ихъ рѣшеніе рѣдко поднимается на ту высоту истинно-научныхъ положеній, гдѣ нѣтъ мѣста ничему кромѣ безпристрастнаго служенія истинѣ. Почти каждый доводъ, какъ бы онъ ни былъ научно построенъ, всегда содержитъ въ себѣ нѣсколько мотивовъ, вытекающихъ изъ соображеній чуждыхъ научнаго безпристрастія.

Въ такомъ положеніи находится и вопросъ о провинціи. До настоящаго времени споръ этотъ не введенъ въ должныя границы. Собственно спора о провинціи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ. Подъ видомъ спора о провинціи въ настоящее время ведутся пренія объ автономіи и единствѣ, о самоуправленіи и централизаціи, децентрализаціи, индивидуализмѣ, гувернаментализмѣ, чуть не о сепаратизмѣ, федераціи, свободѣ, деспотизмѣ и другихъ подобныхъ предметахъ, которые способные скорѣе разжечь страсти, запутать политическихъ дѣятелей, чѣмъ привести къ какимъ бы то ни было благопріятнымъ результатамъ.

Немного сдѣлано для того чтобы ввести этотъ важный вопросъ въ настоящіе предѣлы. Токвилль *, а за нимъ Леонъ Фоше,

---

* *De la démocratie en Amerique*, I, p. 104. „Concentrer dans un même lieu, ou dans une même main le pouvoir de diriger les intérêts communs, c'est fonder ce que j'appellerai la centralisation gouvernementale. Concentrer de la même manière le pouvoir de diriger les intérêts spéciaux à certaines parties de la nation, c'est fonder ce que j'appellerai la centralisation administrative." Изъ самого тона Токвилля и года изданія его книги видно, что ему принадлежитъ честь этого различенія, а не Леону Фоше, какъ говоритъ г. Лохвицкій въ своей книгѣ: *Губернія*.

показали разницу между государственною и административною централизаціей, т.-е. между политическою и административною самостоятельностію его частей. Нельзя сомнѣваться въ важности такого различенія, разъясняющаго истинное значеніе провинціальной самостоятельности провинцій. Государственное единство Англіи не препятствуетъ сильному развитію самоуправленія, и наоборотъ. Напротивъ мѣстныя учрежденія всегда поддерживаютъ въ народѣ политическую жизнь, устанавливаютъ среди него общіе интересы и слѣдовательно служатъ лучшею опорой государственному единству. Но въ государственныхъ наукахъ мало сказать, что извѣстная форма администраціи не препятствуетъ осуществленію государственной идеи. Должно доказать еще государственную необходимость извѣстныхъ установленій, для того чтобъ они сдѣлались прочнымъ достояніемъ государственной теоріи. Государство многое можетъ допустить, но наука должна останавливаться только на томъ, что̀ для него необходимо.

Публицисты, разграничившіе понятіе объ административной и государственной централизаціи, не остановились на простой возможности совмѣщенія государственнаго единства съ самостоятельностію мѣстностей. Они и ихъ послѣдователи краснорѣчиво доказывали вредъ административной централизаціи, выставляли необходимость уменьшенія правительственной опеки и развитія личной и общественной инціативы. Несмотря однако на то, что труды ихъ указали на множество темныхъ сторонъ въ строѣ государствъ, грѣшащихъ излишествомъ централизаціи, нельзя сказать, чтобъ они выставили солидныя основанія, на которыхъ могла бы продолжаться дальнѣйшая разработка провинціальнаго вопроса.

Вслѣдствіе этого я не счелъ себя въ правѣ обойдти этотъ предметъ въ трудѣ, имѣющемъ цѣлію выяснить вопросъ о нашемъ мѣстномъ управленіи и преимущественно земствѣ. Многія причины побудили меня къ этому. Понятіе о нашей губерніи, съ тѣхъ поръ какъ земскія учрежденія получили законное существованіе, значительно усложнилось. Въ составъ ея вошли новые элементы, произошелъ рядъ новыхъ и сложныхъ комбинацій. Показать *что̀ такое* наша губернія въ ряду русскихъ учрежденій, значитъ покончить съ цѣлою массой недоразумѣній, порождаемыхъ

неясными понятіями о принципѣ и кругѣ дѣятельности прежнихъ и новыхъ ея установленій. Для того чтобы понять ихъ истинное значеніе, должно выяснить сначала въ какой мѣрѣ каждое правительство нуждается въ самостоятельности мѣстныхъ учрежденій и дѣятельности общества, и затѣмъ въ какомъ смыслѣ вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ исторіей даннаго народа.

Идея, говоритъ Гегель, должна быть разграничена въ понятіи и бытіи. Отсюда двѣ задачи для изслѣдователя. Онъ долженъ ознакомиться съ понятіями, входящими въ составъ изслѣдуемаго вопроса, прежде чѣмъ онъ встрѣтится съ ними въ исторіи учрежденій. Простое историческое изложеніе никогда не поведетъ къ разъясненію вопроса. Если опасно приступать къ фактамъ съ предвзятыми идеями, съ непремѣннымъ намѣреніемъ найдти въ нихъ то или другое, то еще хуже когда изслѣдователь ничего не ищетъ въ изслѣдуемыхъ фактахъ, когда нѣтъ у него вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ бы ждалъ отъ нихъ. Дурно подсказывать отвѣты, но еще хуже не имѣть никакихъ вопросовъ для разрѣшенія. Работа, не имѣющая такой опредѣленной цѣли, можетъ остаться безплодною, хотя бы окончилась накопленіемъ громады матеріала. Вотъ почему намъ необходимо разсмотрѣть общія основанія, историческое происхожденіе и современное положеніе вопроса о провинціи.

Этимъ будетъ закончена одна сторона задачи. Мы поймемъ, насколько каждое правительство можетъ уклониться отъ административной самостоятельности провинціи. Затѣмъ изслѣдованіе перейдетъ къ оцѣнкѣ конкретныхъ явленій, къ обсужденію мѣста губернскихъ учрежденій въ нашемъ государственномъ организмѣ. Явились ли они вслѣдствіе необходимаго историческаго закона, какъ продуктъ коренныхъ условій нашей общественности, или ихъ появленіе есть случайный, хотя и счастливый фактъ, удачная комбинація законодательныхъ сферъ? Удовлетворяютъ ли они дѣйствительнымъ потребностямъ нашего общества, или суть роскошь чуждой намъ цивилизаціи? гдѣ ихъ жизненное начало: въ насъ, или въ непреодолимомъ успѣхѣ торжествующей, хотя и внѣ насъ стоящей, цивилизаціи?

Отвѣтомъ на эти вопросы долженъ служить предпринимаемый нами трудъ, въ которомъ мы старались сгруппировать всѣ факты касательно постепеннаго развитія нашей провинціи.

I.

Провинціальный вопросъ, какъ и сама провинція, есть произведеніе новыхъ европейскихъ государствъ и находится въ тѣсной связи съ понятіями о національности. Новое европейское государство отличается именно тѣмъ, что каждая страна, входящая въ его составъ, необходимо должна слиться съ нимъ въ одно цѣлое, вступить съ нимъ въ органическое соединеніе, сдѣлаться неразрывною частью одного великаго цѣлаго. Пока существуютъ въ государствѣ племенные оттѣнки, мѣстныя различія на столько сильныя, что они могутъ внести рознь въ общегосударственную жизнь, развитіе его нельзя считать оконченнымъ. Оно не достигло кореннаго условія своего существованія—національнаго единства. Въ этомъ отношеніи современныя государства рѣзко отличаются отъ государствъ древнихъ. На первый взглядъ, правительства древнихъ государствъ представляли картину, которая могла бы порадовать поклонниковъ провинціальной автономіи. Бытъ провинцій, входившихъ въ составъ Персидской и Римской монархій, почти ни въ чемъ не измѣнялся формально. Персія даже вполнѣ сохраняла автономію провинцій. Но при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла оказывается, что эта самостоятельность (и притомъ видимая) провинціи была послѣдствіемъ разныхъ несовершенствъ тогдашней культуры, невыгодныхъ столько же для государствъ, сколько и для провинцій. Характеристическая черта древности заключалась въ томъ, что *государство* собственно не распространялось, то-есть, оно не принимало въ себя никакихъ новыхъ странъ и народностей. Раздѣленныя религіозными догматами, приводившими къ замкнутости и отчужденію, древнія государства не могли распространять свои учрежденія на подвластныя имъ страны и народы. Они подчиняли ихъ своей власти (imperium), но не давали имъ своего государственнаго быта. Римъ распространилъ свое владычество по всему свѣту, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ сдѣлалъ все человѣчество гражданами Римскаго государства. Вѣчный городъ до самаго конца

остался муниципіей и упорно отказывался расширить ея предѣлы даже тогда, когда легіоны и проконсулы его расположились по всѣмъ странамъ міра. Отсюда шаткость государствъ и рабство провинцій. Лишившись самостоятельнаго политическаго устройства, они не получали ничего въ замѣнъ. Единственнымъ учрежденіемъ въ нихъ былъ проконсулъ, единственнымъ закономъ—его эдикты. Въ еще большей степени должно сказать это относительно Персидской и сродныхъ съ нею восточныхъ монархій. Онѣ не трогали государственнаго устройства завоеванныхъ странъ, но не въ силу какихъ-нибудь общихъ государственныхъ соображеній, а скорѣе вслѣдствіе отсутствія всякихъ понятій объ управленіи. Завоеватели располагались, такъ-сказать, военнымъ станомъ среди покоренныхъ земель, мало сливаясь съ туземнымъ народонаселеніемъ.

Въ настоящее время жизненность каждаго государства соразмѣряется умѣніемъ коренной національности не только связать съ собою подчиненныя народности, но и *претворить* ихъ природныя особенности, ассимилировать племена, вошедшія въ ея составъ. Существованіе мѣстныхъ особенностей, а тѣмъ болѣе элементовъ чуждой цивилизаціи, среди извѣстнаго народа доказываетъ его несовершенное политическое развитіе. Чѣмъ больше мы видимъ въ данномъ государствѣ мѣстностей и племенъ *состоящихъ на особомъ положеніи*, тѣмъ дальше это государство отъ полнаго развитія своихъ національныхъ началъ, тѣмъ больше препятствій и трудовъ предстоитъ ему преодолѣть.

Не вдаваясь здѣсь въ подробное изслѣдованіе причинъ этого различія между древнимъ міромъ и новымъ, можно сказать, что главное его основаніе заключается въ различіи элементовъ, обусловливающихъ національность теперь, отъ того, что̀ представлялъ въ этомъ отношеніи древній міръ. Лучше сказать, іерархія этихъ элементовъ теперь иная, сравнительно съ тѣмъ что̀ была она прежде. Въ древности различіе національностей установлялось элементами скорѣе общественнаго чѣмъ политическаго характера. Религія, культъ, очерчивали границы муниципіи, которыхъ никто уже не могъ переступать. Языкъ, племя, являлись также существенными ея основами. Вслѣдствіе этого національности носили исключительный характеръ не только въ смыслѣ устойчивости ихъ особенностей, что̀ было бы выгодно,

но и въ смыслѣ невозможности сліянія народностей, входившихъ въ составъ государства. Новѣйшія національности создаются подъ вліяніемъ болѣе широкихъ, но въ то же время болѣе прочныхъ началъ. Религія перестала раздѣлять людей, какъ это было въ древности: напротивъ, она сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ къ ихъ соединенію. Племя потеряло свое значеніе, когда при смѣшеніи и сліяніи человѣческихъ породъ, при образованіи, подъ вліяніемъ общей политической жизни, вторичныхъ и даже третичныхъ породъ, явилась возможность самыхъ сложныхъ государственныхъ комбинацій. Языкъ также не ведетъ необходимо къ образованію особыхъ національностей, нѣсколько языковъ мирно уживаются подъ однимъ общимъ политическимъ устройствомъ. Съ ослабленіемъ этихъ первоначальныхъ элементовъ національнаго различія, *политическій бытъ* занимаетъ первое мѣсто. Общность историческихъ воспоминаній, единство государственныхъ интересовъ скрѣпляютъ людей больше чѣмъ какія бы то ни было общественныя различія.

Два факта являются результатомъ этой перемѣны. Во-первыхъ, политическій бытъ можетъ объединять большее количество странъ и народностей чѣмъ въ древности, за-тѣмъ, сліяніе всѣхъ этихъ народностей въ отношеніи культурныхъ различій сдѣлалось не только возможнымъ, но и необходимымъ. Догматъ единобожія снялъ сѣть разнообразныхъ культовъ, общая историческая жизнь сгладила нравы, сблизила языки, слила, смѣшала племена. Далѣе, государственная власть не является уже такимъ продуктомъ религіозныхъ и другихъ общественныхъ учрежденій, гдѣ ея объемъ и характеръ опредѣлялся исключительно объемомъ и характеромъ извѣстнаго общества, тоже заранѣе опредѣленнаго. Робертъ фонъ-Моль вѣрно опредѣляетъ характеръ новаго общества, по отношенію его къ государству. „Съ идеей общества, говоритъ онъ, * не соединяется представленія о замкнутости его въ границахъ опредѣленнаго пространства и о необходимости равномѣрнаго распространенія однородныхъ общественныхъ группъ среди одного и того же народа. Между тѣмъ строго начертанные

---

* *Энциклопедія государственныхъ наукъ*, стр. 24 русскаго перевода.

рубежи между различными частями человѣческаго рода положительно необходимы для правильной организаціи человѣческаго общежитія, ибо только при такомъ условіи возможенъ опредѣленный планъ организаціи, разчитанныя мѣропріятія, точное опредѣленіе правъ и обязанностей, образованіе и признаніе необходимой общественной власти.“ Мы не безъ основанія назвали эту характеристику характеристикой новаго общества. Общественныя формы древности, напротивъ, давали опредѣленное содержаніе государству и заранѣе опредѣляли его объемъ. Только съ выдѣленіемъ юридической, равно ко всѣмъ относящейся государственной власти изо всѣхъ общественныхъ элементовъ, послѣдніе получили такой неопредѣленный, то-есть *свободный* характеръ. Въ древности была римская, аѳинская религія, въ связи съ нею развивалась *римская* семья, *римская* собственность; развитіе это опредѣлялось „строго начертанными рубежами между различными частями человѣческаго рода“. Новое государство сдѣлало ихъ простыми элементами юридическаго быта, одинаково удобными для всякаго общества. Итакъ, съ одной стороны большее единство, а съ другой бо́льшая свобода общественныхъ элементовъ — существенный признакъ новаго государства. Такимъ образомъ оно дѣйствительно становится единственнымъ условіемъ для „начертанія рубежей между различными частями рода человѣческаго“. Въ христіанско-европейскомъ мірѣ приблизительное единство догматовъ, появленіе громадныхъ сложныхъ племенъ, говорящихъ однимъ языкомъ, дѣлаетъ вполнѣ невозможнымъ заключеніе религіи, языка, и другихъ элементовъ культуры въ предѣлы государства. Они ищутъ высшей формы соединенія въ международномъ союзѣ. Съ другой стороны, свобода религіи, мысли и имущественнаго оборота указываетъ на невозможность сообщенія имъ государственнаго значенія, отождествленія съ ними государства. Государство, оставаясь такимъ образомъ главнымъ мотивомъ національнаго различія, должно заботиться о развитіи и равномѣрномъ распространеніи всѣхъ особенностей даннаго народа по всѣмъ его частямъ. Національная идея, лежащая въ основаніи извѣстной культуры, должна сдѣлаться такимъ же всеобщимъ фактомъ какъ сама государственная власть и ея законодательство. Свобода вѣроисповѣданія и языка среди общества не предполагаетъ необходимости особеннаго положенія ихъ

въ *правѣ государственномъ*. Здѣсь они явятся важнымъ препятствіемъ къ народному единству и могутъ повлечь за собой непріятныя столкновенія между различными расами и цивилизаціями. Единство религіи, языка должно быть осуществлено прежде всего въ законодательствѣ и государственномъ управленіи, а затѣмъ сильнѣйшіе элементы общества сами собой докончатъ дѣло государства.

Образованіе новыхъ европейскихъ государствъ открылось ассимилированіемъ различныхъ племенъ и языковъ, причемъ работа значительно облегчалась единствомъ религіи, постепенно охватившей всю историческую Европу. Идея единства, не осуществившаяся въ учрежденіяхъ папства и священной Римской имперіи, помогла при образованіи единства національнаго, единаго осуществимаго. Произносится формула, двигавшая, напримѣръ, французскихъ королей: une foi, une loi, un roi, — рѣшительно невозможная въ древности. Становится ясно, что политическую роль и продолжительное существованіе получатъ тѣ государства, въ которыхъ сила ассимиляціи наиболѣе сильна. Становится ясно, что каждая часть государства должна быть органически связана съ своимъ цѣлымъ во всѣхъ отношеніяхъ; что государства, успѣвшія объединить наибольшее количество народностей, получатъ наибольшее значеніе.

Такимъ образомъ, предѣлы новыхъ государствъ неминуемо должны были расшириться сравнительно съ предѣлами государствъ древнихъ. Они не могли уже ограничиваться тѣсными предѣлами муниципій. Громадныя политическія комбинаціи все больше и больше занимали мѣсто прежнихъ мелкихъ политическихъ единицъ. Объемъ государственной территоріи, количество народонаселенія, сложность его элементовъ, во всемъ этомъ новое государство существенно отличается отъ древняго.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на разрѣшеніе новаго государства представляются многіе вопросы, не затруднявшіе древнихъ. Оно состоитъ изъ множества частей, *органически* связанныхъ между собою и съ центромъ, живущихъ подъ одними законами и однимъ правительствомъ. Въ какихъ отношеніяхъ будутъ эти части состоять къ центральному правительству? Автономія провинцій Персидской монархіи не мыслима въ новомъ государствѣ; она обусловливалась тѣмъ, что завоеватели не въ силахъ были создать никакой полити-

ческой системы, не въ силахъ были дать покореннымъ странамъ какія бы то ни было учрежденія, такъ какъ у нихъ самихъ ихъ не было. Части новаго государства не могутъ стоять на степени римскихъ провинцій. Жалкое положеніе послѣднихъ обусловливалось тѣмъ, что Римъ не давалъ имъ своихъ учрежденій. Ни того, ни другаго нѣтъ уже въ новыхъ государствахъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ стремятся къ тому чтобъ этого не было. Но можетъ ли объединеніе государства дойдти до уничтоженія не только политической самостоятельности, но и мѣстныхъ особенностей экономическаго быта, уничтожить не только отдѣльную, но и всякую государственную жизнь своихъ частей? Можетъ ли оно перенести въ центръ не только верховныя политическія права, но и стянуть въ него всякое правленіе общественной жизни?

Съ разрѣшеніемъ политическаго вопроса, начинается рядъ административныхъ задачъ, которыя не вездѣ разрѣшаются одинаковымъ образомъ. Сложности и трудности этихъ административныхъ вопросовъ много способствовала неясность понятій, господствующихъ доселѣ въ политическихъ наукахъ. Начнемъ съ анализа этихъ понятій.

II.

Въ политической литературѣ господствуетъ мнѣніе, перенесенное и къ намъ,* что происхожденіе провинціи можетъ быть двоякое. Иногда она произведеніе исторіи, иногда въ основаніи ея лежатъ теоретическія, административныя соображенія. Отсюда противоположность между провинціей какъ естественнымъ организмомъ и провинціей какъ административнымъ тѣломъ. Напримѣръ, старыя французскія провинціи сложились несомнѣнно подъ вліяніемъ историческихъ условій; департаменты являются продуктомъ теоретическихъ соображеній;** провинціи Австрійской имперіи

---

* См. *Губернія*, г. Лохвицкаго, глава I.

** См. Jules Chévillard: *La division administrative.* 1865.

организмы естественные, въ противоположность искусственно образовавшимся губерніямъ Русской имперіи.

Мы не видимъ въ чемъ заключается практическая польза подобной классификаціи. Если подъ именемъ провинціи разумѣть только извѣстное дѣленіе страны, да и здѣсь принимать въ разчетъ только границы этого дѣленія, то такое разграниченіе, пожалуй, вѣрно. Но если признавать провинцію извѣстнымъ организмомъ въ ряду другихъ государственныхъ и общественныхъ организмовъ, то такая классификація не можетъ удовлетворить изслѣдователя. Всякое явленіе совершается во времени, и потому можетъ быть названо историческимъ; всякая комбинація требуетъ извѣстныхъ теоретическихъ соображеній, а потому можетъ быть названа искусственною. Учрежденіе департаментовъ было продуктомъ всей исторіи дореволюціонной Франціи, точно такъ, какъ въ прежнемъ провинціяльномъ дѣленіи можно найдти извѣстныя логическія основанія. Изъ того, что въ настоящее время наша логика несхожа съ логикой нашихъ предковъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе жили по законамъ одной необходимости, безъ всякихъ теоретическихъ соображеній. Учрежденія различаются началами, лежащими въ ихъ основаніи, а не способомъ происхожденія, такъ какъ каждое изъ нихъ одинаково есть произведеніе совокупнаго дѣйствія историческихъ условій и комбинацій человѣческаго разума. Въ иныхъ странахъ административное дѣленіе покоится на извѣстныхъ общественныхъ элементахъ, хотя послѣдніе сами по себѣ не создавали провинціи какъ вполнѣ самостоятельнаго тѣла. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы такая провинція не имѣла историческаго значенія?

Съ этой точки зрѣнія можно будетъ приблизительно понять, что̀ хотѣли выразить словами *историческій* и *искусственный*.

Каждое изъ нынѣ существующихъ государствъ въ западной Европѣ сложилось изъ массы организмовъ, предшествовавшихъ его развитію. Безъ сомнѣнія, до появленія государственной власти каждый изъ этихъ организмовъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Онъ имѣлъ свои цѣли, задачи, не подчинявшіяся высшимъ цѣлямъ; для достиженія своихъ цѣлей онъ имѣлъ свои средства, коими могъ располагать по своему усмотрѣнію. Понятно, что организація подобныхъ тѣлъ сообразовалась съ условіями ихъ развитія, что каждое изъ нихъ имѣло свой центръ. Эта самостоятельность не

прекратилась тотчасъ съ появленіемъ государственной власти. Власть не сразу занимаетъ верховное положеніе въ обществѣ. Она долгое время довольствуется внѣшнимъ подчиненіемъ, возможностію объединенія такихъ сторонъ управленія, которыя тѣсно связаны съ существомъ верховной власти. Ея усилія идутъ прежде всего на сосредоточеніе суда, военныхъ силъ, финансовъ. Она не можетъ пока взять въ свои руки внутреннее управленіе со всѣми его сложными и трудными задачами. Мало-по-малу внѣшнее подчиненіе становится поглощеніемъ разныхъ частей государства; власть, вліявшая на поверхность общества, становится живою, неразрывною его связью. Расширяется общественное сознаніе, сфера прежнихъ организмовъ становится узкою для окрѣпшаго умосозерцанія новаго общества, прежнія цѣли кажутся мелкими для лицъ, имѣвшихъ уже случай служить общенаціональнымъ задачамъ. Власть все болѣе и болѣе становится въ непосредственное отношеніе къ каждому гражданину, который уже тяготится прежними организмами, заслонявшими отъ него эту власть. Организмы эти теряютъ свое самостоятельное существованіе. Прежде они вмѣщали въ себѣ всѣ стремленія людей; ихъ цѣли, идеи привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ; теперь выросли другія задачи, предъ которыми прежнія цѣли имѣютъ только второстепенное значеніе. Феодальное междуусобіе мелко въ сравненіи съ національною войной, „патріотизмъ колокольни“ узокъ въ сравненіи съ народнымъ самосознаніемъ. Жизнь этихъ организмовъ дѣлается лишь дополненіемъ къ общегосударственной жизни. Формально они продолжаютъ свое существованіе; предѣлы ихъ территорій остаются неприкосновенными; но жизненныя силы перемѣстились уже въ другія организаціи. Придетъ время, и государство измѣнитъ даже эти внѣшнія отличія сообразно съ своими намѣреніями. Этимъ закончится продолжительный внутренній процессъ объединенія страны и установленія единой государственной власти.

Наконецъ страна управляется на основаніи высшихъ соображеній; преслѣдуются общія государственныя цѣли, предъ которыми должны молчать всѣ второстепенныя соображенія, будничные разчеты. Но здѣсь и начинается противоположеніе между такъ-называемою историческою и искусственною провинціей. Государственный интересъ долженъ стоять на первомъ планѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждое движеніе

мысли, каждый будничный разчетъ, должны были войдти въ сферу государственныхъ интересовъ. Правительственная дѣятельность подчинила себѣ всю массу народныхъ силъ для удовлетворенія высшихъ потребностей государства, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ обществѣ не было другой дѣятельности кромѣ правительственной.

Отрицаніе и уничтоженіе общественныхъ историческихъ организмовъ во имя высшаго государственнаго организма должно имѣть свои предѣлы. Подчиненіе ихъ высшимъ началамъ государственной жизни есть необходимость; совершенное ихъ уничтоженіе есть вредъ. Мы не можемъ себѣ представить правильно развившееся государство безъ тѣхъ организмовъ, которые дали ему существованіе. Даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ общественные элементы не составляли прочныхъ мѣстныхъ организмовъ, государство, понимающее свое призваніе, рано или поздно группируетъ ихъ, даетъ имъ организацію въ виду этихъ мѣстныхъ интересовъ.

Слабость семейныхъ началъ въ Спартѣ, уничтоженіе муниципальнаго быта въ древнемъ Римѣ, несуществованіе его въ первыя времена феодальнаго государства, вредно отражались на судьбѣ этихъ государствъ. Цивилизація и образованіе новаго государства начинаются въ новой Европѣ именно послѣ общиннаго движенія, организовавшаго въ первый разъ народныя силы. Воспользовавшись услугами этихъ силъ, государство должно сохранять ихъ въ эпоху своего могущества, какъ его главную основу. Безъ нихъ государство дѣлается простымъ логическимъ отвлеченіемъ, не имѣющимъ никакой органической связи съ страной. Тогда его могущество вредно отражается и на недѣлимыхъ. Если между недѣлимымъ, отдѣльно взятымъ, и государствомъ, во всей его совокупности, не будетъ никакихъ посредствующихъ группъ, свободному развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ недѣлимаго и даже его матеріальному благосостоянію грозитъ серіозная опасность. При отсутствіи такихъ союзовъ, государство является единственнымъ твердымъ учрежденіемъ среди разрозненной, а потому безсильной массы недѣлимыхъ, которые не замедлятъ стушеваться предъ этимъ колоссальнымъ могуществомъ. Къ числу такихъ организмовъ, существованіе которыхъ должно продолжиться въ государствѣ, принадлежитъ и провинція.

Она должна имѣть извѣстную степень самостоятельности, безъ которой достиженіе ея цѣлей сдѣлается невозможнымъ. Выраженіе самостоятельность требуетъ оговорки. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о той степени самостоятельности, какую провинція имѣла до образованія государственнаго единства. Мы имѣемъ въ виду ту долю самостоятельности, которая необходима провинціи въ уцѣлѣвшей для нея, послѣ конфискаціи различныхъ ея правъ государствомъ, сферѣ отношеній. Государство низвело ее изъ сферы самостоятельныхъ политическихъ отношеній въ сферу отношеній подчиненныхъ. Но разъ она введена въ надлежащіе предѣлы, въ этихъ предѣлахъ должно продолжиться ея самостоятельное существованіе. Это значитъ, что съ появленіемъ государственныхъ цѣлей не теряютъ своего значенія цѣли низшихъ организмовъ, хотя онѣ и отступаютъ на второй планъ. Признаніе же за извѣстнымъ организмомъ самостоятельныхъ цѣлей предполагаетъ за этимъ организмомъ извѣстную совокупность правъ, дающихъ ему возможность ихъ осуществленія.

Сказанное, полагаемъ, разъясняетъ, какое значеніе можетъ имѣть дѣленіе провинціи на историческую и искусственную. Провинціей историческою можно назвать организацію мѣстности подъ вліяніемъ общественныхъ элементовъ, имѣющихъ вполнѣ самостоятельное существованіе, хотя бы даже они первоначально не выразились въ формѣ провинціи. По мѣрѣ подчиненія этихъ общественныхъ элементовъ государству, происходитъ другая организація мѣстности, на основаніи административныхъ соображеній. Этимъ сохраняется связь всѣхъ общественныхъ элементовъ съ верховною властью, и совокупность первоначальныхъ организмовъ получаетъ не только мѣстное но и общегосударственное значеніе.

Трудно сказать, гдѣ границы между этими двумя видами провинціи. Иногда историческая провинція внѣшнимъ образомъ продолжаетъ свое существованіе даже во время полнаго торжества государственной администраціи. Обыкновенно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда границы историческихъ дѣленій не представляютъ особенныхъ неудобствъ въ административномъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, организація общественныхъ элемен-

товъ въ мѣстныхъ организмахъ должна происходить подъ вліяніемъ, руководствомъ и надзоромъ государственной власти. Ни одна провинція, составляя часть государства, не можетъ обходиться безъ представителя высшей правительственной власти, стоящаго въ главѣ ея и чрезъ котораго устанавливалась бы связь между мѣстностію и верховнымъ правительствомъ; затѣмъ, въ виду различныхъ правительственныхъ задачъ, въ мѣстности появляется рядъ учрежденій, имѣющихъ чисто исполнительный характеръ.

Но рядомъ съ этими органами продолжаютъ свое существованіе общественные элементы, введенные въ сферу экономическихъ отношеній. Опредѣлить ихъ отношеніе къ органамъ правительства и къ правительственной дѣятельности вполнѣ необходимо. Если вліяніе общественнаго склада отражается даже на государственной формѣ, то еще больше должно оно отразиться на мѣстномъ управленіи. Только въ одномъ случаѣ можно бы устранить это вліяніе, именно въ предположеніи, что всѣ общественные классы станутъ въ несвободное отношеніе къ государству, что ихъ трудъ, собственность, промышленность, торговля, словомъ, весь экономическій оборотъ подчинится неограниченному господству и распоряженію государственной силы. Исторія знаетъ такіе примѣры, но они относятся къ моментамъ переходнымъ, къ временамъ излишняго напряженія правительственной власти. Они не могутъ совмѣщаться съ юридическою, нормальною дѣятельностію власти. Напротивъ, государство, опредѣливъ сферу каждаго права, каждой дѣятельности, предполагаетъ затѣмъ полную свободу дѣйствія въ этихъ опредѣленныхъ предѣлахъ. Совокупность такихъ свободныхъ элементовъ съ ихъ свободною дѣятельностью не можетъ не имѣть значенія въ мѣстномъ управленіи.

Слѣдовательно, провинція не представляется простымъ дѣленіемъ государства на части, но предполагаетъ необходимую самостоятельность этихъ частей въ двухъ отношеніяхъ: самостоятельность правительственныхъ органовъ и тѣсно съ нею связанную самостоятельность общественныхъ элементовъ.

Самостоятельность правительственныхъ органовъ мѣстнаго управленія основывается отчасти на общихъ началахъ

государственнаго права, отчасти на соображеніяхъ практическихъ, свойственныхъ каждому конкретному государственному устройству. Посылая различныхъ правительственныхъ лицъ въ провинціи,государство не можетъ не возлагать на нихъ отвѣтственности за положеніе этой провинціи. Всякая исполнительная власть, по самому существу своему, можетъ дѣйствовать благотворно только подъ условіемъ строжайшей отвѣтственности. Имѣя совершенно самостоятельныя задачи, подобно всѣмъ другимъ властямъ въ государствѣ, она въ то же время пользуется несравненно большею свободой дѣйствій. Законодательная власть устанавливаетъ только нормы для дѣятельности органовъ власти и отдѣльныхъ гражданъ; судебная власть охраняетъ эти нормы, наблюдаетъ, чтобы дѣятельность тѣхъ и другихъ не переступала указанныхъ предѣловъ. Но какъ только нормы опредѣлены, какъ только неприкосновенность ихъ гарантирована судомъ, должна начаться въ этихъ предѣлахъ самостоятельная дѣятельность исполнительной власти, на которой главнымъ образомъ лежитъ обязанность осуществленія разнообразныхъ государственныхъ задачъ.

Отвѣтственность и самостоятельность, тѣсно связанныя въ государственномъ правѣ, опредѣляютъ такимъ образомъ положеніе органовъ исполнительной власти въ провинціи. Осуществляя государственныя задачи въ *мѣстности*, эти органы нуждаются въ полной самостоятельности своихъ дѣйствій, въ виду разнообразныхъ условій, представляемыхъ каждою мѣстностію, условій, необходимо видоизмѣняющихъ общее направленіе власти сообразно потребностямъ времени и мѣста. Общій государственный интересъ и интересы мѣстнаго населенія въ особенности будутъ гарантированы лишь въ томъ случаѣ, когда дѣятельность власти въ провинціи будетъ направляться совокупностію мѣстныхъ условій, когда особый характеръ мѣстности отразится и на особомъ характерѣ управленія, когда непредвидѣнныя затрудненія будутъ получать скорое разрѣшеніе, когда каждый новый фактъ въ жизни мѣстнаго общества будетъ вызывать соотвѣтствующую дѣятельность администраціи, когда управленіе, такъ сказать, будетъ расти вмѣстѣ съ обществомъ. Очевидно, эти условія не будутъ достигнуты, когда власть дѣйствительнаго управленія будетъ сосредоточена въ

центральномъ правительствѣ, а въ мѣстности будутъ находиться простые эмиссары, агенты этого правительства, для простаго исполненія его предписаній. Центральное правительство прежде всего дѣйствуетъ общими мѣрами, въ которыхъ, правда, выражаются высшія начала національнаго права, но которыя не могутъ ни уловить всѣхъ мѣстныхъ оттѣнковъ національной жизни, ни предвидѣть разныхъ комбинацій, случаевъ, неизбѣжныхъ въ жизни каждаго развивающагося, дѣйствующаго общества. А всѣ эти обстоятельства предъявятъ свои требованія при практическомъ примѣненіи общей мѣры. Всякій недосмотръ вредно отразится въ административныхъ сферахъ и можетъ повести къ важнымъ замѣшательствамъ. Безъ сомнѣнія, центральное правительство увидитъ въ этомъ замѣшательствѣ и безпорядкахъ неумѣнье или нежеланіе мѣстныхъ органовъ исполнять его предписанія и, въ томъ и другомъ случаѣ, можетъ подвергнуть ихъ отвѣтственности. Но врядъ ли это будетъ справедливо. Одно изъ коренныхъ положеній государственнаго права гласитъ, что мѣра отвѣтственности опредѣляется степенью власти данной лицу, т.-е. тою или другою степенью самостоятельности. Несправедливо подвергнуть мѣстныя власти отвѣтственности за плохое исполненіе предписаній центральнаго правительства въ томъ случаѣ, когда власти эти не обставлены всѣми условіями успѣшной дѣятельности. Когда онѣ не имѣютъ права тотчасъ разрѣшать всѣ недоумѣнія, а обязаны о каждомъ случаѣ спрашивать власть центральную; когда онѣ не имѣютъ возможности принимать въ разчетъ мѣстныя особенности, а обязаны ломить ихъ подъ неумолимыя требованія общаго распоряженія; когда новая комбинація въ жизни извѣстной мѣстности не можетъ быть удовлетворена тотчасъ, а должна ждать, чтобы во всей странѣ была сознана эта новая потребность и вызвала общую мѣру,—тогда нечего разчитывать на успѣхъ мѣстной администраціи, нечего привлекать ее къ отвѣтственности. Отвѣтственность, въ этомъ случаѣ, не только несправедлива, но и безполезна. Новая администрація неминуемо впадетъ въ тѣ же ошибки. Слѣдовательно, придется сквозь пальцы смотрѣть на самую бездѣятельность мѣстной администраціи. Поставленная для исполненія предписаній центральнаго правительства, она будетъ ограничиваться только однимъ

исполненіемъ. Собственной иниціативы, въ виду постепенно развивающихся интересовъ общества, она имѣть не будетъ. Итакъ вялое исполненіе предписаній центральной власти, лѣнивое отношеніе къ обществу, отсутствіе всякой самодѣятельности, вотъ результаты такого положенія мѣстной власти. Центральная власть не будетъ въ состояніи слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народныхъ силъ, потому что главное орудіе ея для этой цѣли, — мѣстныя власти, вовсе не заинтересованы этою задачей. Центральная власть должна постоянно ожидать самыхъ непріятныхъ затрудненій, разрѣшить которыя она не всегда въ состояніи, по незнанію мѣстныхъ условій, ихъ вызвавшихъ. Мѣры, кажущіяся полезными въ первую минуту, могутъ оказаться безполезными въ послѣдствіи. Столкновенія, ничтожныя въ началѣ, могутъ разрастись до самыхъ неожиданныхъ размѣровъ, пока центральная власть получитъ увѣдомленіе о случившемся и пришлетъ предписаніе. Влѣдствіе этого центральное управленіе можетъ ограничиться слабыми мѣрами, когда нужно энергическое вмѣшательство власти, и наоборотъ, прибѣгнуть къ суровымъ средствамъ, когда затрудненія уже начали улаживаться мирными средствами.

Притомъ несамостоятельность органовъ мѣстнаго управленія и сильная централизація власти существуетъ всегда скорѣе на бумагѣ чѣмъ на дѣлѣ. Мѣстныя власти всегда пріобрѣтаютъ значительную долю самостоятельности вопреки положеніямъ законодательства. Это совершается отчасти вслѣдствіе политики самого центральнаго правительства, отчасти вслѣдствіе невозможности довести до конца дѣло централизаціи.

Само центральное правительство сознаетъ, что его регламентація не можетъ уловить всѣхъ случаевъ народной жизни, а потому допускаетъ самостоятельную дѣятельность своихъ органовъ въ мѣстности, насколько это не вредитъ его интересамъ. Оно даетъ имъ извѣстную долю самовластія (pouvoir discretionnaire), подъ единственнымъ условіемъ успѣшнаго исполненія его требованій. Иногда это положительно выражается въ дозволеніи принимать всѣ мѣры, необходимыя для достиженія видовъ правительства. Съ другой стороны, мѣстная администрація всегда настолько останется въ предѣлахъ, ей указанныхъ, насколько у центральнаго

правительства есть средствъ контролировать ея дѣйствія. При ненадежности контроля, самая слабая степень власти можетъ перейдти въ безграничный произволъ. Притомъ, въ силу одного того, что мѣстная власть удалена на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ власти центральной, рѣчь о контролѣ заходитъ уже тогда, когда дѣло доходитъ до отвѣтственности, то-есть, когда вмѣсто предупрежденія зла, необходимо уже его пресѣченіе. Если даже предположить, что центральное правительство изобрѣтетъ какую-нибудь систему дѣйствительнаго контроля, оно врядъ ли достигнетъ цѣли. Администрація не можетъ быть организованною системой недовѣрія. Построенная на такомъ началѣ, она убиваетъ всякую энергію у своихъ агентовъ; ни одинъ администраторъ не будетъ имѣть мужества усердно служить правительству, предполагающему въ немъ преступника. Такой взглядъ унижаетъ его въ собственныхъ глазахъ; онъ заставляетъ его заботиться лишь о формальномъ отправленіи своихъ обязанностей, думать объ одномъ: уйдти отъ придирокъ высшаго начальства. Далѣе, такая власть, не пользующаяся кредитомъ даже своего начальства, конечно не будетъ имѣть вѣса въ обществѣ, ввѣренномъ ея попеченію.

Слѣдовательно, правительство, не сообщая мѣстному управленію опредѣленной доли самостоятельности, рискуетъ тѣмъ, что управленіе это или пріобрѣтетъ ее помимо его воли, силою самой необходимости, или потеряетъ кредитъ въ обществѣ, въ ущербъ правительственнымъ задачамъ. Самостоятельность пріобрѣтенная самимъ мѣстнымъ управленіемъ, какъ это доказалъ опытъ, не будетъ знать границъ и, не признаваемая закономъ, всегда останется внѣ правительственнаго контроля. Напротивъ, сообщая этому управленію опредѣленную степень самостоятельности, правительство достигаетъ этимъ двухъ цѣлей: мѣстная власть знаетъ что̀ она можетъ и должна сдѣлать, высшее правительство—чего оно можетъ отъ нея требовать. Опредѣленность отношеній сообщаетъ болѣе точный характеръ самому управленію.

Обращаясь къ дѣятельности судебной, еще нагляднѣе можно видѣть необходимость самостоятельности мѣстнаго управленія. Вопервыхъ, судъ никогда не можетъ быть чисто исполнительнымъ органомъ, простымъ агентомъ высшей власти. *Сужденіе* составляетъ необходимое свойство его

дѣятельности, и въ опредѣленной сферѣ сужденіе это вполнѣ самостоятельно. Каждое судебное мѣсто по необходимости имѣетъ опредѣленный кругъ дѣлъ, гдѣ рѣшенія его окончательны. Какъ бы ни ничтожна была сумма иска предоставленнаго окончательному рѣшенію того или другаго судебнаго мѣста,—это зависитъ отъ различныхъ условій,—но никогда ни одно изъ нихъ не можетъ быть лишено возможности постановленія окончательныхъ приговоровъ. Затѣмъ даже и по дѣламъ восходящимъ въ высшія инстанціи въ ревизіонномъ и аппелляціонномъ порядкѣ, судебныя мѣста пользуются полною самостоятельностію сужденій и дѣйствій. Ни одно мѣсто не можетъ потребовать дѣло, пока оно находится на обсужденіи низшей инстанціи, никто не можетъ подсказать рѣшеніе; словомъ, рѣшеніе, даже подлежащее ревизіи и аппелляціи, должно быть постановляемо такъ, какъ еслибъ оно имѣло значеніе окончательнаго. По общему характеру судебной дѣятельности, не можетъ быть несамостоятельныхъ судебныхъ мѣстъ, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что провинція должна обладать извѣстными инстанціями. Во всякомъ случаѣ, съ практической стороны важно, чтобы самостоятельныя судебныя инстанціи находились или въ провинціи, или въ дѣленіяхъ, близко подходящихъ къ провинціальнымъ. Правосудіе, сказалъ одинъ изъ англійскихъ королей, должно находиться у дверей каждаго гражданина. Дѣйствительно, какой порядокъ судопроизводства мы ни возьмемъ, уголовный или гражданскій, вездѣ мы встрѣчаемся съ необходимостью держать органы судопроизводства какъ можно ближе къ управляемымъ. Дѣятельность уголовнаго судьи обусловливается возможностію стоять какъ можно ближе къ самой обстановкѣ преступленія. Характеръ мѣстности, образъ жизни жителей, сфера, въ которой находился предполагаемый убійца, обычаи общества и образъ мыслей ближайшаго кружка преступника, всѣ эти обстоятельства, независимо отъ ближайшихъ уликъ, могутъ навести на слѣды преступленія, выяснить его истинный характеръ. Далѣе, одно изъ важнѣйшихъ средствъ доказательства, свидѣтельскія показанія, есть средство, такъ сказать, по преимуществу мѣстное. Есть разница между свидѣтелемъ, дающимъ свои показанія въ обстановкѣ родныхъ и знакомыхъ, въ присутствіи лицъ, знающихъ его образъ жизни и обстановку, исполняющимъ свои

обязанности, не отрываясь отъ домашнихъ занятій, и свидѣтелемъ, который долженъ ѣхать въ отдаленный центръ, бросая свои занятія, и давать свои показанія не подъ контролемъ знающаго его, а среди чуждаго ему общества. Отъ этого страдаютъ прежде всего его домашніе интересы, затѣмъ интересы правосудія. Онъ принужденъ нести издержки, часто значительныя, и если ему приходится ѣхать на свой счетъ для дачи показаній, онъ естественно съ самаго начала старается уклониться отъ всякаго участія въ дѣлѣ, вслѣдствіе чего правосудіе часто теряетъ самыя драгоцѣнныя показанія. Гражданскій процессъ еще болѣе вызываетъ необходимость поставить судебные органы какъ можно ближе къ тяжущимся, потому что сосредоточеніе суда въ одномъ мѣстѣ увеличитъ судебныя издержки до такой степени, что правосудіе можетъ сдѣлаться достояніемъ однихъ зажиточныхъ классовъ.

Мы не станемъ дольше останавливаться на доказательствѣ необходимости самостоятельныхъ правительственныхъ органовъ въ провинціи. Она сознается даже крайними защитниками централизаціи. Немногіе возстаютъ противъ такого перемѣщенія власти отъ центральныхъ правительствъ къ мѣстнымъ. Это децентрализація въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ею разрѣшается только вопросъ объ организаціи силъ правительственныхъ, она ничего не говоритъ объ обществѣ. * Между тѣмъ въ этомъ заключается существенная часть вопроса о мѣстномъ управленіи.

Сообщеніе самостоятельности правительственнымъ органамъ въ мѣстности необходимо предполагаетъ организацію общественныхъ силъ, какъ противовѣсъ этой самостоятельности, противовѣсъ, безъ котораго она легко можетъ выродиться въ произволъ. Высшее правительство, облекая мѣстную

---

* Французскіе публицисты мало разработали этотъ вопросъ, по причинамъ, которыя мы увидимъ ниже. Они знаютъ только централизацію и децентрализацію, какъ противоположные термины. Нѣкоторые прибавляютъ еще сюда понятіе о self-government, но тутъ же смѣшиваютъ его съ децетрализаціей, или различаютъ два вида децентрализаціи. См. J. Chévillard, id. II, p. 221. Batbie: *Traité de droit public*, IV, p. 422 и слѣд.

администрацію властью, опредѣляетъ ея границы и ставитъ ее подъ свой контроль. Но какъ бы ни были строго опредѣлены границы этой власти, какъ бы бдителенъ ни былъ контроль, мѣстная администрація всегда можетъ переступить свои предѣлы, если ея дѣятельность не будетъ задерживаться рядомъ корпорацій и организмовъ сферы общественной. Ограниченія не могутъ сдержать ненормальнаго развитія права; *одно право можетъ ограничиваться другимъ такимъ же правомъ*. Дѣятельность администраціи можетъ найдти должное ограниченіе только въ той средѣ, въ которой она дѣйствуетъ. Только такое ограниченіе дѣйствительно, только при немъ виды высшаго правительства получаютъ осуществленіе. Когда мѣстный администраторъ не только имѣетъ въ виду ограниченія поставленныя его дѣятельности законодательствомъ, но и встрѣчается съ положительными правами разныхъ общественныхъ организацій; когда онъ не только обязанъ отдавать отчетъ высшему правительству, но и раздѣлять свою дѣятельность съ органами общества, допущенными въ правительственную сферу; когда не только сознаніе долга удерживаетъ его отъ правонарушеній, но и возможность отпора со стороны общественныхъ элементовъ, — лишь тогда самостоятельность мѣстной администраціи можетъ быть благотворна. Напротивъ, дѣйствуя среди безправной массы, администрація всегда выйдетъ изъ назначенныхъ ей границъ. Затѣмъ, какъ бы ни были обширны права, предоставленныя мѣстной администраціи, права, дающія ей возможность примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, она не можетъ своими средствами удовлетворить всѣмъ сложнымъ правительственнымъ задачамъ. Слагаясь изъ людей, чуждыхъ извѣстной мѣстности, не знакомыхъ съ ея потребностями, она способна часто примѣнять къ своей дѣятельности чисто теоретическія соображенія, вмѣсто насущныхъ потребностей извѣстнаго общества. Отсюда возможность колебаній и даже радикальныхъ видоизмѣненій взглядовъ въ дѣлѣ управленія извѣстными практическими задачами, въ особенности въ дѣлѣ народнаго хозяйства. Все это приводитъ къ необходимости порученія нѣкоторыхъ задачъ органамъ общества, члены которыхъ близко знакомы съ условіями мѣстности и могутъ согласовать правительственную дѣятельность съ преданіями мѣстнаго общества.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы можемъ придти къ слѣдующимъ положеніямъ. Въ государствѣ, окончательно сформировавшемся, составившемъ одну національность, * не можетъ быть рѣчи о провинціи, какъ о политически самостоятельномъ тѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вызываетъ появленіе государственнаго единства? Прежде всего уничтоженіе племеннымъ особенностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и племенной вражды, раздѣлявшихъ страну, затѣмъ единство законовъ и правъ, единство политической жизни; словомъ, государство появляется съ уничтоженіемъ всѣхъ узкихъ, эгоистическихъ стремленій предъ одною великою національною цѣлью. Доказывать необходимость такой централизаціи значитъ доказывать необходимость самого государства. Страна не представляющая такой централизаціи есть недоразвившееся или неспособное къ развитію государство.

Но государство не стираетъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей: въ виду этихъ особенностей, мѣстное населеніе должно быть снабжено извѣстною суммой правъ, дарованныхъ ему общимъ законодательствомъ, а мѣстная администрація должна быть поставлена въ возможность дѣйствовать сообразно съ условіями времени и мѣста. Отсюда возникаетъ необходимость самостоятельности провинціи какъ подчиненнаго государственнаго организма. Самостоятельность эта проявляется въ двухъ направленіяхъ: въ сферѣ администраціи и въ сферѣ общественной. Провинція является административно-общественнымъ организмомъ. Вотъ почему и самый вопросъ о провинціи слагается изъ двухъ необходимыхъ частей: изъ вопроса о правительствѣ съ одной и объ обществѣ съ другой стороны.

Безъ самостоятельности общества самостоятельность администраціи не можетъ повести ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Общество должно входить въ организмъ провинціи, для того чтобъ организмъ этотъ явился однимъ живымъ цѣлымъ. Но и дѣятельность общественныхъ элементовъ безъ объединяющей, организующей дѣятельности правительства не можетъ составить такого цѣлаго, или если

---

* Мы принимаемъ здѣсь національность какъ начало чисто политическое, въ противоположность ея племенному, филологическому и религіозному значенію.

и составитъ, то съ явнымъ ущербомъ для государства. Общественные элементы, достигшіе самостоятельности помимо правительства, всегда стремятся выйдти изъ сферы простаго административнаго значенія и получить значеніе политическое. Напомнимъ мѣстныя сословныя собранія въ средніе вѣка. Какъ одни правительственные элементы не создаютъ провинціи,—она является въ такомъ случаѣ простымъ механическимъ дѣленіемъ страны безъ самостоятельной жизни,—такъ не создаетъ ея и администрація, основанная на однихъ общественныхъ элементахъ. Въ Англіи, напримѣръ, правительственный персоналъ сосредоточенъ весь въ центральномъ управленіи. Мѣстная администрація представляетъ развитіе общественныхъ элементовъ. Всѣ лица, дѣйствующія въ графствѣ, не говоря уже о выборныхъ должностяхъ, являются скорѣе членами общества чѣмъ чиновниками. И что же? Никто не скажетъ, что англійскія графства представляютъ одно цѣлое, одинъ организмъ. Въ Англіи нѣтъ провинцій въ строгомъ смыслѣ, хотя мѣстность и имѣетъ свои опредѣленныя задачи. На совершенно другихъ основаніяхъ можно сказать, что и Франція не имѣетъ настоящей провинціи, а скорѣе чисто правительственный персоналъ въ мѣстности. Результаты невыгодны и здѣсь, и тамъ. Если въ Англіи правительству трудно было ввести единство во внутреннее управленіе даже по такимъ капитальнымъ вопросамъ какъ реформа полиціи, законъ о бѣдныхъ, то во Франціи обществу трудно соблюсти свои интересы и отстоять свои самыя законныя потребности.

При такомъ взглядѣ на провинцію очевидно, что вопросъ о самоуправленіи не есть противоположеніе сферы правительственной сферѣ общественной. Это не есть вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ и личной иниціативѣ, о свободѣ и опекѣ, гувернаментализмѣ и индивидуализмѣ. *Это есть вопросъ о правильномъ распредѣленіи дѣлъ въ самой правительственной сферѣ.* Мы имѣемъ въ виду не разграничить сферу правительственную отъ свободной дѣятельности общества, а рѣшить, насколько задачи самого правительства не могутъ быть достигнуты съ помощію однихъ правительственныхъ органовъ, безъ участія общества. Это совершенно видоизмѣняетъ вопросъ.

Мы не должны будемъ вести съ государствомъ споръ за

права человѣческой личности; не должны будемъ удерживать личность отъ посягательствъ на государственную власть. Напротивъ, мы будемъ искать разрѣшенія провинціальнаго вопроса въ органическомъ соединеніи и совокупномъ дѣйствіи правительственныхъ силъ и общественныхъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія, провинціальный вопросъ сдѣлается интегральною частью государственнаго права, частью, безъ которой система учрежденій будетъ являться чѣмъ-то неполнымъ, односторонне или не вполнѣ развившимся.

Всматриваясь въ государственное устройство существующихъ государствъ, нельзя не замѣтить, что всѣ законодательства инстинктивно, такъ-сказать, понимаютъ вопросъ именно въ этомъ смыслѣ. Французское законодательство, несмотря на свою централизацію, допускаетъ однако зародыши самоуправленія въ свои департаменты. Англійское правительство старается уже ввести начало серіознаго государственнаго контроля въ мѣстное управленіе. Прусское законодательство еще больше подходитъ къ выставленному нами понятію о провинціи. Но между тѣмъ въ наукѣ, какъ только зайдетъ рѣчь о теоріи мѣстнаго управленія, тотчасъ ученые и публицисты раздѣляются на самыя противоположныя партіи. Несмотря на множество ихъ оттѣнковъ, они могутъ быть подведены подъ двѣ главныя группы: защитниковъ правительственной централизаціи съ одной и защитниковъ самоуправленія съ другой стороны.

Изъ самаго ихъ названія можно видѣть, что они имѣютъ въ виду не всю совокупность провинціи, а только одинъ изъ ея элементовъ. Провести вездѣ идею единой центральной власти, подчинить всю массу разрозненныхъ общественныхъ интересовъ общимъ государственнымъ цѣлямъ, вотъ совершенно законное желаніе однихъ. Ограничить правительственную дѣятельность сферою общихъ задачъ, оставивъ подробности управленія, частные интересы на попеченіи общества, замѣнить по этимъ вопросамъ правительственную регламентацію личною инціативой, поддержать энергію общественной жизни, вотъ совершенно законное стремленіе другихъ. Систему централизаторовъ нельзя назвать системой деспотизма. Напротивъ, установленіе правильныхъ юридическихъ отношеній въ обществѣ, опека общественныхъ организмовъ въ виду высшихъ задачъ государства,—обыкновенные ихъ

мотивы. Государство, какъ орудіе прогресса, должно-де имѣть всѣ средства для осуществленія своихъ задачъ. На его отвѣтственности лежитъ не только попеченіе о настоящихъ поколѣніяхъ, но и о будущихъ. Оно должно принимать на себя всѣ обязанности, которыя не могутъ быть наложены на общество и отдѣльныя личности. Есть вопросы достаточно обезпеченные личнымъ интересомъ дѣятелей: здѣсь государство можетъ ограничить свое участіе охраненіемъ правъ каждаго изъ членовъ общества. Но есть-де вопросы, которые съ одной стороны не могутъ быть предметомъ принудительныхъ предписаній, а съ другой не могутъ быть вообще или въ данную минуту предоставлены на попеченіе частной дѣятельности: нельзя предписать человѣку быть благотворительнымъ; нельзя въ извѣстные моменты общества образованіе оставить на попеченіи частной дѣятельности. Тогда государство беретъ-де эти задачи на себя: оно дѣлается благотворителемъ, воспитателемъ и т. д. Эта дѣятельность государства не останавливается съ развитіемъ общества. Государство должно-де расти вмѣстѣ съ нимъ, его сила возрастать рядомъ съ возрастаніемъ общественныхъ силъ, его дѣятельность увеличиваться съ увеличеніемъ общества, усложняться съ усложненіемъ его отношеній. Крайній индивидуалистъ, говоритъ Дюпонъ-Вайтъ, согласится съ тѣмъ, что прогрессъ творитъ среди людей новыя явленія въ сферѣ нравственной, политической и экономической, и что эти приращенія въ жизни приводятъ къ усиленію общественной власти. „A plus de force il faut plus de règle; à plus de vie, il faut plus d'organes. Or la règle et l'organe d'une société c'est l'Etat.“ *

Защитники самоуправленія, съ своей стороны, требуютъ развитія общественныхъ силъ не только въ интересахъ общества, но также и для пользы государства. „Административная централизація, говоритъ Токвилль, постоянно стремится къ ослабленію гражданскаго духа. Ей, правда, удается соединить въ данную эпоху всѣ свободныя силы націи въ одномъ мѣстѣ; но она вредитъ *воспроизведенію* этихъ силъ. Она можетъ доставить націи побѣду въ день борьбы, но уменьшаетъ съ теченіемъ времени ея могущество. Она много можетъ сдѣлать

---

* См. Dupont-White: *L'individu et l'Etat.*

для временнаго величія одного человѣка, но не для прочнаго благосостоянія народа.“ *

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, раціонально-юридическаго порядка, раціональной пользы, теорія централизаторовъ представляетъ много выгодныхъ сторонъ. Децентрализаторы правы съ точки зрѣнія частныхъ, общественныхъ интересовъ, имѣющихъ законное право существованія подлѣ общихъ государственныхъ цѣлей. Какъ бы ни были сильны прогрессивныя стремленія правительства, какъ бы ни было законно его желаніе основать всю общественную жизнь на общихъ началахъ, выраженныхъ имъ въ законодательствѣ, но никогда его логическая дѣятельность не можетъ отрѣшиться на столько отъ бытовыхъ условій конкретнаго общества, чтобы на немъ не отразился извѣстный общественный складъ. Мало того, даже условія его прогрессивнаго развитія требуютъ, чтобъ оно ни на минуту не прерывало связь съ живыми силами страны.

Въ этомъ, можно сказать, и состоитъ причина несогласія между двумя школами. Централизаторы большею частію отрицаютъ значеніе бытовыхъ условій страны. Внѣ правительства для нихъ не существуетъ возможности правильной государственной жизни. Что-де представляетъ собою общество, какъ не совокупность разрозненныхъ, противорѣчивыхъ, находящихся въ борьбѣ интересовъ, готовыхъ своимъ эгоистическимъ стремленіямъ принести въ жертву общую пользу? Внѣ правительства вы наталкиваетесь на личныя стремленія, на развитіе эгоизма, индивидуализма, ведущаго къ анархіи, или на сословія, готовыя подчинить себѣ всѣ другія, или на общины, корпораціи, стремящіяся къ политическому значенію. Среди всей этой неурядицы, одно-де государство является представителемъ порядка и единства, и даже прогресса. Слѣдовательно, чѣмъ меньше будетъ въ администраціи мѣста этимъ разнороднымъ стремленіямъ, чѣмъ больше она будетъ основываться на идеѣ общихъ интересовъ, тѣмъ больше надежды на успѣхъ. Въ противоположность централизаторамъ, защитники самоуправленія являются съ требованіями уваженія къ народной жизни. Общество лучше-де знаетъ свои

---

* *De la Democratie en Amerique.*

интересы чѣмъ правительство, отстоящее отъ него слишкомъ далеко и по самой природѣ своей преслѣдующее общія цѣли въ ущербъ частнымъ. Устраненіе общества отъ административныхъ вопросовъ есть-де совершенное поглощеніе всѣхъ частныхъ, общественныхъ интересовъ, какъ бы законны они ни были, интересами общими. Это есть отрицаніе не только личности, но и всѣхъ общественныхъ организмовъ, слѣдовательно и всего общественнаго порядка, настоящаго и прошедшаго, въ пользу отвлеченной идеи государства.

Такъ или иначе, централизаторы имѣютъ въ виду общій, хотя отчасти отвлеченный, государственный порядокъ; защитники самоуправленія поневолѣ отстаиваютъ общественно-историческія основы государства.

Это зависитъ отчасти отъ того, что первые обыкновенно имѣютъ въ виду Францію, какъ представительницу идей всемогущества государства, всемогущества, предъ которымъ исчезаютъ всѣ общественные организмы, при которомъ между недѣлимымъ и массой государства нѣтъ никакихъ посредствующихъ комбинацій; послѣдніе — Англію, какъ страну, построенную на исторически выработанныхъ элементахъ общества, гдѣ положеніе человѣка въ обществѣ опредѣляетъ заранѣе и его роль и значеніе въ государствѣ.

На этомъ основываются отчасти и возраженія, дѣлаемыя централизаторами своимъ противникамъ. Отъ этого же зависитъ и трудность соглашенія двухъ школъ. Мы уже видѣли, что ни французское, ни англійское государственное устройство не представляетъ провинціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ провинціи, какъ организма sui generis. Исключительность, односторонность господствующихъ здѣсь началъ устанавливаетъ и односторонній характеръ самой организаціи. Отсюда вытекаетъ и самый характеръ аргументаціи двухъ школъ. Замѣчая, что одни напираютъ на построеніе администраціи на общественныхъ началахъ, централизаторы съ большимъ основаніемъ возражаютъ, что историческое развитіе этихъ общественныхъ началъ должно быть таково, чтобъ участіе ихъ въ управленіи не вредило общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Положеніе общественныхъ организмовъ и классовъ бываетъ-де таково, что кромѣ усиленной правительственной дѣятельности ничто не можетъ установить среди ихъ

правильной юридической жизни. Если мы прибавимъ къ этому, что защитники самоуправленія черпали свои доказательства большею частію изъ англійскаго быта, то намъ понятно будетъ, почему централизаторы признали самоуправленіе формой администраціи, исключительно свойственною едвали не одной Англіи. Во всякомъ случаѣ они утверждаютъ, что система самоуправленія, для того чтобы не повредить государственному и общественному развитію, нуждается во многихъ условіяхъ, которыя находятся не во всѣхъ государствахъ и зависятъ-де отъ исключительнаго положенія страны и особенностей ея историческаго развитія. Напротивъ система администраціи, построенная исключительно на государственныхъ началахъ, по своей общности и независимости отъ общественныхъ элементовъ, можетъ-де примѣняться къ государствамъ съ самыми различными общественными элементами. Такая система можетъ держаться одною логичностью своихъ построеній; она-де легко можетъ подлаживаться къ временнымъ, историческимъ общественнымъ условіямъ и въ то же время не забывать своего высокаго назначенія. Опираясь въ администраціи на одни общественные элементы, какъ въ Англіи, правительству слишкомъ-де много приходится сообразоваться съ тѣмъ или другимъ настроеніемъ общества. Напротивъ здѣсь оно скорѣе можетъ видоизмѣнять общественные элементы сообразно своему желанію.

Дѣйствительно, благодаря такой діалектикѣ и нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя мы разсмотримъ ниже, въ политическихъ сферахъ установилось убѣжденіе, что участіе общества въ мѣстномъ управленіи требуетъ такихъ условій, что только немногія страны, и то не въ одинаковой степени, способны его принять. Можно однако смѣло сказать что это положеніе можно отнести къ разряду тѣхъ политическихъ софизмовъ, которые такъ хорошо изслѣдованы Бентамомъ.

Каждая политическая и административная организація, во-первыхъ, есть продуктъ извѣстныхъ причинъ, а вовторыхъ, нуждается въ извѣстныхъ условіяхъ, для того чтобъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Централизація, подобно самоуправленію, нуждается также въ извѣстныхъ условіяхъ, безъ которыхъ она, вмѣсто пользы, принесетъ вредъ странѣ и изъ орудія прогресса превратится въ

орудіе застоя или даже разрушенія. А за тѣмъ, и это самое важное, она всегда есть продуктъ извѣстныхъ причинъ, свойственныхъ не всѣмъ странамъ одинаково.

Независимо отъ этихъ недоразумѣній, въ споръ о томъ или другомъ устройствѣ провинціи входятъ многія начала, мало имѣющія связи съ существомъ дѣла. Такъ, напримѣръ, защитники самоуправленія непремѣнно провозглашаютъ начало личной свободы, въ ея различныхъ проявленіяхъ, обвиняютъ противниковъ въ стремленіи къ деспотизму, и споръ, вмѣсто обыкновенныхъ административныхъ соображеній, принимаетъ политическій характеръ.

Усложненію спора весьма много способствуетъ и то, что не только централизаторы вообще имѣютъ въ виду Францію, но и самый вопросъ о провинціи главнымъ образомъ возникъ въ этой странѣ. Можно сказать, что нигдѣ не имѣетъ онъ такого значенія какъ здѣсь. Для Французовъ этотъ вопросъ имѣетъ не только административное, но и общеполитическое значеніе; французскіе публицисты имѣютъ въ виду неудовлетворительность не только административнаго порядка, но и всего государственнаго строя современной Франціи. Вслѣдствіе этого аргументація ихъ принимаетъ иногда такое направленіе, которое очень пригодно для ихъ особыхъ цѣлей, но мало годится для научнаго изслѣдованія. Вотъ почему для ученаго, желающаго спеціально заняться французскою литературой по этому предмету, необходимо отдѣлить всѣ эти временные, случайные элементы спора отъ тѣхъ положеній, которыя дѣйствительно могутъ занять мѣсто въ научной разработкѣ вопроса о провинціи.

Мы попытаемся выяснить здѣсь въ общихъ чертахъ причины, вызвавшія появленіе вопроса о провинціи въ современной Франціи. Въ особенности намъ необходимо будетъ показать, почему вопросъ этотъ принялъ здѣсь такой оттѣнокъ, какого онъ, очевидно, не можетъ имѣть ни въ какой другой странѣ.

III.

Государственный строй западной Европы вообще и Франціи въ особенности долгое время основывался на поземельныхъ отношеніяхъ, такъ сказать, исходилъ изъ факта землевладѣнія. Два результата были послѣдствіемъ этого факта. Вопервыхъ, территорія получила тамъ громадное, преобладающее значеніе, вслѣдствіе чего вся совокупность земель, входившихъ въ составъ того или другаго владѣнія, получила совершенно самостоятельное значеніе, независимо отъ понятія народнаго, племеннаго единства и верховныхъ правъ центральной власти. Парализуя, такимъ образомъ, два объединяющія начала тогдашнихъ государствъ,—національное сознаніе и дѣятельность верховной власти,—феодальный порядокъ далъ особенное значеніе оттѣнкамъ различныхъ племенъ, соединенныхъ подъ ихъ властью. Всѣ племенныя отличія, оттѣнки, зависящіе отъ географическихъ и этнографическихъ условій, оттѣнки, которые при другихъ условіяхъ прошли бы безъ особеннаго вліянія, получили здѣсь особенное политическое значеніе. Земля, на которой строилась феодальная система, давала особое государственное значеніе не только факту собственности, но и всѣмъ особенностямъ народонаселенія, обитавшаго на ней. Здѣсь сила такъ-называемой исторической провинціи. Второй результатъ, вытекающій изъ перваго, состоитъ въ томъ, что государству для выполненія его задачъ предстояла борьба самая затруднительная. Оттого, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, результаты его дѣятельности превзошли первоначальную цѣль. Государство не только поставило одинъ общій законъ вмѣсто множества мѣстныхъ, но и уничтожило всякую самостоятельность провинцій; не только объединило подъ своею верховною властью всю территорію, но и отвергло законное вліяніе мѣстныхъ условій и особенностей на ходъ администраціи; не только создало единую націю, но и стерло всѣ отличія, которыя такъ много способствуютъ разностороннему развитію національнаго характера.

Особенно замѣтно это во Франціи. * Принципы, смѣнявшіеся въ ея исторіи, говоритъ одинъ изъ ея публицистовъ, были неуступчивы. Они или владычествовали безгранично, или падали безусловно. Ни одна страна не знала такого раздробленія, ни одна потомъ не видѣла такой централизаціи. Но ошибочно было бы думать, что одна королевская власть установила всю эту централизацію. Если Токвилль основательно доказалъ, что централизація не есть продуктъ революціи, а наслѣдіе стараго порядка, развитое революціей, то съ такимъ же основаніемъ можно доказать, что въ старомъ порядкѣ она была произведеніемъ не одной королевской власти, а всѣхъ условій національной жизни. Не одни короли были заинтересованы паденіемъ феодализма; не они одни подняли знамя національнаго единства противъ феодальнаго раздробленія. Государственная идея зародилась одновременно на тронѣ и среди третьяго сословія. Для королей феодалы были преградой, задерживавшею ихъ власть. Для промышленныхъ и земледѣльческихъ классовъ они являлись классомъ привилегированнымъ, котораго преимущества тяжело отзывались на народной промышленности. Королевская власть сверху, третье сословіе снизу, старались подорвать основы этого феодальнаго общества: короли,—потому что съ правами землевладѣнія были соединены державныя права, которыя имъ необходимо было собрать въ свои руки; общины,—потому что благодаря исключительности принциповъ феодальнаго государства, онѣ, какъ не имѣющія самостоятельныхъ правъ въ землевладѣльческой аристократіи, стояли внѣ феодальной организаціи, въ качествѣ безправной массы. Вслѣдствіе этого политика королей должна была состоять въ постепенномъ присоединеніи территорій къ коронѣ и постепенномъ уничтоженіи державныхъ правъ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя признавали его

---

* Относительно постепеннаго образованія французской централизаціи см. *Histoire de l'administration en France et des progrès du pouvoir royal*, par Dareste de la Chovanne. *L'ancienne régime et la révolution*, Токвилля. *Geschichte der Rechtsverfassung Frankreich's*, Шеффнера. *Etudes d'administration*, par J. Chévillard. E. Regnaud: *La Province*, особенно приложеніе къ этому труду. *La révolution et l'empire*, par. de Meaux. *La liberté politique*, par J. Simon. Guizot: *Histoire de la civilisation en France.*

сузеренную власть. Сузеренитетъ долженъ былъ превратиться въ суверенитетъ. Политика общинъ заключалась въ томъ, чтобы сначала войдти въ феодальное общество въ качествѣ самостоятельныхъ его членовъ и затѣмъ постепенно преобразовать это общество по своимъ планамъ. Сначала былъ подорванъ принципъ землевладѣнія, какъ исключительнаго источника политическихъ правъ; общины вошли въ составъ феодальной іерархіи. Хартіи, завоеванныя ими, дали имъ права подобныя тѣмъ, какія бароны имѣли въ своихъ участкахъ. Они сдѣлались юридическими лицами по феодальному праву. Высшая, средняя, и низшая юрисдикція, право налоговъ, предводительство войскомъ, сосредоточивались въ рукахъ ихъ сановниковъ. Но если для феодаловъ мѣстная самостоятельность была альфой и омегой ихъ политическихъ стремленій, то для общинъ дѣло не могло на этомъ остановиться. Ни сами общины, ни короли не могли видѣть въ муниципіяхъ послѣдней ступени государственнаго развитія. Общины вошли въ феодальное устройство какъ самостоятельный элементъ, короли были очень довольны этимъ, потому что каждый самостоятельный членъ третьяго сословія увеличивалъ количество непосредственныхъ подданныхъ короля, и общины ставили его въ прямыя отношенія чуть не съ цѣлою массой народа, заслоненнаго до тѣхъ поръ стѣной феодаловъ. Но они не забывали, что съ появленіемъ общинъ, какъ равноправныхъ членовъ феодальнаго общества, въ то же время увеличивается количество феодальныхъ организмовъ, которые могутъ стать на пути развитія королевскаго могущества. Дѣйствительно, логическимъ послѣдствіемъ общинныхъ идей вовсе не было національное единство, или, по крайней мѣрѣ, оно должно было осуществиться въ формѣ федераціи городовъ подъ верховнымъ сузеренитетомъ короля. * Но скоро неизбѣжный ходъ событій показалъ и третьему сословію, что его споръ съ феодализмомъ не можетъ разрѣшиться въ узкихъ рамкахъ муниципій. Общины скоро увидѣли, что въ мѣстномъ самодержавіи нѣтъ ничего драгоцѣннаго. Въ ряду феодальной іерархіи онѣ явились съ меньшимъ значеніемъ чѣмъ настоящіе феодалы. Несмотря на пышные титулы городскихъ сановниковъ, на громкія имена патриціевъ, перовъ, консуловъ, члены общинъ не сдѣлались

---

* См. въ *Histoire du tiers état*, Ог. Тьерри, исторію движенія 1386 г.

настоящими патриціями, и для аристократіи оставались презрѣнными мѣщанами; новыя права не вполнѣ обезпечивали ихъ гражданскую свободу, хотя они, подобно рыцарямъ, обзавелись крѣпкими стѣнами, надѣли латы и стали учиться военному искусству, которое здѣсь сдѣлало даже значительные успѣхи. Но что̀ значили они, взятые сами по себѣ, въ сравненіи съ военнымъ дворянствомъ? Несмотря на всѣ ихъ усилія, промышленность все еще страдала отъ дикаго баронства. Итакъ ни честолюбіе, ни скромныя потребности мира и тишины, выраженныя общинами, не могли быть удовлетворены въ узкой сферѣ мѣстнаго самоуправленія. И то и другое нуждалось для своего осуществленія въ болѣе широкой и вмѣстѣ въ болѣе возвышенной цѣли. Зародыши государственнаго порядка начали вырабатываться въ общинахъ, но развиться могли они только на широкомъ поприщѣ національности; военная служба и искусство получили новое значеніе въ муниципіяхъ, но подорвать феодальную армію они могли только въ формѣ постояннаго королевскаго войска. Изученіе римскаго права и зародышъ правильнаго законодательства должны были привести къ положительнымъ результатамъ въ формѣ общаго государственнаго законодательства. Вотъ почему королевская служба явилась поприщемъ, на которомъ должна была продолжаться борьба третьяго класса съ феодализмомъ. Вотъ чѣмъ объяснятся странный, повидимому, фактъ, что съ паденіемъ общинъ значеніе этого третьяго сословія не только не уменьшается, но увеличивается. Магистратура, парламенты, администрація, вотъ гдѣ буржуазія могла не только бороться съ своими противниками, но даже заставить ихъ преклониться предъ собою.

Вслѣдствіе этого общины рано приходятъ въ упадокъ; онъ начинается уже въ XIV столѣтіи. * Что̀ было дѣлать буржуа въ узкой сферѣ роднаго города? Какъ бы онъ ни былъ богатъ, онъ только въ немъ могъ пользоваться почетомъ, въ формѣ должностей и другихъ отличій. Но какъ скоро переступалъ за черту своего города, онъ не встрѣчалъ не только уваженія, но даже и безопасности. Онъ, быть-можетъ, знаменитый патрицій своего города, робко проѣзжалъ мимо горделивыхъ замковъ могущественныхъ

---

* Гизо: *Histoire de la civilisation en France*, T. IV.

бароновъ, съ завистью поглядывая на ихъ стройныя башни. Рано понялъ онъ тщету общинныхъ привилегій и спѣшилъ въ другую сферу, гдѣ его капиталъ могъ дать ему болѣе значенія. Онъ сталъ добиваться должностей, и для этого пускалъ въ ходъ всѣ средства: римское право, изученіе котораго впервые началось въ городахъ; образованіе, въ которомъ онъ не находилъ соперниковъ между полуграмотными баронами; капиталъ, который такъ мало помогалъ ему въ узкой сферѣ муниципій.

Короли спѣшили воспользоваться всѣмъ этимъ. Образованность и знаніе римскаго права, которое они видѣли въ буржуазіи, давали имъ возможность подготовить господство общаго закона надъ мѣстными правами; капиталы улыбались ихъ истощенной казнѣ. Явилось сословіе юристовъ съ новыми государственными идеалами, съ понятіями о суверенитетѣ, съ своимъ девизомъ une foi, un roi, une loi. * Изъ него сложилось могущественная бюрократія. Явилась продажность должностей, это оригинальное и, повидимому, загадочное явленіе тогдашняго государственнаго устройства. Продажность должностей была путемъ, посредствомъ котораго третье сословіе проложило себѣ дорогу къ общегосударственному, національному значенію. Вкусъ къ должностямъ и официальному положенію, говоритъ Дюпонъ Вайтъ, есть общій фактъ во французской исторіи. Замѣчательно, что должности покупались не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей, а исключительно для власти. „Правосудіе, говоритъ Франклинъ въ своихъ письмахъ, раздается во Франціи даромъ и даже болѣе чѣмъ за даромъ, потому что члены парламента покупаютъ свои должности и выручаютъ на затраченную сумму не болѣе трехъ процентовъ въ формѣ разныхъ доходовъ и приношеній (такъ называемыхъ epices), тогда какъ законная норма 5%. Можно слѣдовательно сказать, что они даютъ, кромѣ времени и трудовъ, еще два процента, лишь бы имъ позволили управлять.“

Цѣна этихъ должностей доказываетъ до какой степени буржуазія угождала власти. Въ 1639 г. правительство создало 16 должностей рекетмейстеровъ, предполагая выручить

---

* Или, какъ говорилъ Людовикъ XI, „une seule monnoie, un seul poid, une seule coutume“.

изъ нихъ 11 милліоновъ *. Даже Монтескье, основатель конституціонной теоріи, не возстаетъ противъ этого обычая. По его мнѣнію, продажность должностей хороша (est bonne) въ монархическихъ государствахъ, потому что она превращаетъ въ семейное ремесло то, что̀ граждане не берутъ на себя изъ добродѣтели **.

Такъ общины, въ борьбѣ съ феодализмомъ, налагали руки на собственное существованіе. Двѣ причины повели къ полному упадку муниципальнаго быта. Лучшіе люди стремились въ центръ, оставляя городское управленіе въ рукахъ ничтожныхъ людей, которые злоупотребляли властью, но не могли отстоять городскихъ вольностей. Затѣмъ, подъ вліяніемъ дурнаго управленія, сами общины начали призывать королевскихъ чиновниковъ, членовъ бюрократіи, вышедшей изъ рядовъ той же буржуазіи. Вотъ первый зародышъ централизаціи. Общины покинули сферу мѣстнаго управленія, которое ихъ мало занимало, даже отталкивало, и перенесли свои интересы въ высшія сферы государственности, выставивъ такихъ дѣятелей какъ Боденъ, л'Опиталь, Кольберъ и многіе другіе.

Нужно ли говорить, что общины сошлись въ этомъ направленіи съ политикой королей? Послѣдніе, конечно, воспользовались такимъ ходомъ вещей, чтобы совершенно устранить дѣятельность феодальнаго общества и замѣнить его дѣятельностью правительственныхъ органовъ. Теперь имъ легко было это сдѣлать. Они не находили противодѣйствія въ общинахъ. Послѣ немногихъ и неудачныхъ вспышекъ свободнаго общиннаго духа, буржуазія окончательно установилась въ своемъ стремленіи къ центральной администраціи и равнодушіи къ городскимъ вольностямъ. Затѣмъ королямъ уже легко было справиться съ сопротивленіемъ феодаловъ.

---

* *L'individu et l'etat*, стр. 101.

** *Esprit des lois*, livr. V, chap. XI. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы продажность должностей была хороша сама по себѣ. Уже въ тѣ времена его явленіе вызывало сильные протесты со стороны лучшихъ публицистовъ, мыслителей и государственныхъ людей Франціи. См. относительно этого вопроса *Traité des offices*, par Eug. Durand, Rennes, 1863, и добросовѣстную статью *Etudes sur l'abolition de la vénalite des offices*, par M. Thereau, помѣщенную въ *Journal des Economistes*, апрѣль, май, іюнь и сентябрь 1867 г. и еще неоконченную.

Они были не одни, за ними было могущественное движеніе національныхъ элементовъ и первое созданіе этого движенія—постоянная армія. Одно право за другимъ отпадало отъ феодальныхъ владѣльцевъ, сосредоточиваясь въ рукахъ королевскихъ чиновниковъ. Централизація не видѣла предѣловъ своимъ успѣхамъ. Вмѣстѣ съ необходимыми, державными, государственными правами, переходили сюда и такія, которыя являются необходимымъ условіемъ мѣстнаго самоуправленія. Бюджетъ и мелкіе мѣстные расходы, публичныя зданія, государственныя дороги и мостъ на какомъ-нибудь проселкѣ—все одинаково сосредоточивалось въ рукахъ бюрократіи, все дѣлалось по усмотрѣнію и съ разрѣшенія правительства.

Общественные элементы были устранены отъ управленія, буржуазія добровольно покинула муниципіи, феодалы силой обращены въ придворную аристократію. Что же оставалось въ мѣстности? На это намъ отвѣчаетъ Ло. „Никогда, говоритъ онъ маркизу д'Аржансону, я не повѣрилъ бы тому, что видѣлъ въ мою бытность контролеромъ финансовъ. Знайте, что Франція управляется тридцатью интендантами. У васъ нѣтъ ни парламентовъ, ни собраній, ни губернаторовъ; отъ этихъ тридцати провинціальныхъ докладчиковъ зависитъ счастіе и несчастіе провинцій, ихъ довольство или скудость.“ *

Революція осталась вѣрна тѣмъ же взглядамъ. Осуществленіе стремленій буржуазіи, отрицаніе всего историческаго порядка во имя отвлеченныхъ идей и національныхъ вольностей,—она не могла повернуть къ провинціальному быту. Провинціальныя вольности, основанныя на содѣйствіи представителей мѣстныхъ интересовъ, кажутся двигателямъ революціи возвращеніемъ къ феодальному порядку, который они только-что добили. Буржуазія, достигшая власти, желаетъ не только удержать то значеніе, которое она уже пріобрѣла, но еще усилить его. А въ чемъ же могло заключаться это усиленіе, какъ не въ усиленіи самой централизаціи, этого исконнаго стремленія третьяго сословія? Вотъ почему первымъ актомъ революціи было уничтоженіе провинціи даже какъ простаго географическаго термина, послѣ того какъ утратилось ея государственное значеніе: департаменты замѣнили эту умершую политическую единицу.

* Появленіе интендантовъ относится къ министерству Ришельё въ 1635 г.

Послушаемъ, въ заключеніе, одного изъ историковъ провинціи, наиболѣе проникнутаго взглядами третьяго сословія. Г. Томасъ * не сѣтуетъ подобно Токвилю на установленіе централизаціи, но зато онъ вѣрнѣе выражаетъ понятія изучаемаго нами времени. Для него провинція является главною противницей національнаго единства; каждый шагъ къ уничтоженію ея вольностей—торжествомъ національнаго единства. И что̀ такое были эти вольности? Въ нихъ мы не видимъ никакого единства: ни единства смысла, ни единства происхожденія. Онѣ не истекали отъ одной центральной власти, не были произведеніемъ одной законодательной мысли. Нѣкоторыя изъ нихъ, тѣсно связанныя съ феодальнымъ порядкомъ, какъ привилегіи первыхъ двухъ сословій, были прямо враждебны государственнымъ интересамъ. Привилегіи муниципій вытекали изъ другихъ началъ, но онѣ не могли привести ни къ какимъ результатамъ безъ дѣятельности сильной центральной власти. Самая борьба, которую онѣ ведутъ съ феодализмомъ, не можетъ привести ни къ какому полезному результату. Безъ руководства центральной власти эта борьба порождаетъ одинъ безпорядокъ. Парламенты борются съ провинціальными чинами, чины съ городами, города съ сельскими общинами, общины съ корпораціями, нигдѣ нѣтъ руководящаго начала, вездѣ явный ущербъ національному интересу.

Королевская власть если и дала Франціи національное единство, то единство это далеко не удовлетворяло тѣмъ понятіямъ, какія мы имѣемъ въ настоящее время объ этомъ предметѣ. Она не сдѣлала изъ народа одного общества. Дѣло объединенія она провела на столько, на сколько это нужно было съ точки зрѣнія ея интереса. Это было единство власти, но не единство всѣхъ интересовъ и стремленій. Классы были раздѣлены еще сильнѣе чѣмъ во время феодализма. Отъ прежнихъ привилегій осталась внѣшность, но эта внѣшность оскорбляла и раздражала народъ больше чѣмъ дѣйствительныя права феодаловъ. Такимъ образомъ къ тому времени, когда нація готовилась организовать свой бытъ на новыхъ основаніяхъ, она представляла не массу людей, стремящихся къ одной возвышенной цѣли, а множество партій, преслѣдовавшихъ только свои цѣли. Единство Французской

---

* *Une province sous Louis* XIV.

монархіи не представляетъ того блестящаго продукта политики королей, какимъ его рисуютъ многіе историки. * Одинъ изъ лучшихъ писателей современной Франціи превосходно рисуетъ намъ эту картину разъединенія, какую представляло намъ пресловутое единство монархіи Лудовика XIV:

„Онъ основалъ, говорятъ намъ, единство.... единство чего? Было ли это единство территоріи? Но французская географія напоминала кафтанъ арлекина.

„Единство администраціи? Но мы видимъ двѣ Франціи въ самой Франціи — одна называется pays d'Etat, другая—pays d'élections.

„Единство законодательства? Но кодексамъ того времени позавидовалъ бы самъ Хаосъ; здѣсь правосудіе отправлялось на основаніи обычнаго, тамъ—писаннаго права.

„Единство правосудія? Но юрисдикцій было столько же, сколько и подсудимыхъ и родовъ преступленій.

„Единство арміи? Но армія говорила на всѣхъ языкахъ Европы.

„Единство собственности? Но пропасть раздѣляла собственность феодальную и крестьянскую.

„Единство промышленности? Но корпорація создала аристократію блузы и фартука.

„Единство религіи? Но преслѣдованіе во имя клочка бумаги, называвшагося буллою Unigenitus, породила въ королевствѣ расколъ, исчезнувшій только съ прекращеніемъ преслѣдованія.

„Единство націи наконецъ? Но дворянство, но церковь, но буржуазія, составляли отдѣльныя націи въ государствѣ, каждая съ своимъ управленіемъ и одеждой.

„Гдѣ же это единство, дарованное Лудовикомъ XIV Франціи? И если онъ далъ его ей въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ революціи было давать его въ другой разъ.“ **

Картина, можетъ-быть, слишкомъ рѣзка. Но основаніе ея вѣрно: третьему сословію надо было докончить то, чего не могли или не хотѣли докончить короли.

Всѣ интересы третьяго сословія сосредоточились въ центральныхъ учрежденіяхъ, какъ ихъ жизнь сосредоточилась

---

* Гизо, Ог. Тьерри и ихъ послѣдователи.

** E. Pelletan: *Décadance de la monarchie Francaise.* Мѣсто это цитировано г. Реньйо въ его книгѣ: *La Province.*

въ Парижѣ. Для нихъ только здѣсь было государство. Внѣ Парижа и центральныхъ учрежденій не существовало для нихъ ничего. Безъ всякой жалости уничтожены были всѣ организмы стараго общества; даже самыя названія ихъ исчезли изъ новаго законодательства. Вмѣсто провинцій—департаменты, вмѣсто общинъ—муниципалитеты, кантоны.

Между тѣмъ это страшное сосредоточеніе не только власти, но и всѣхъ національныхъ силъ въ центрѣ, не могло обойдтись безъ протестовъ со стороны національнаго чувства. Будущая картина провинціи не улыбалась патріотамъ. Будущее значеніе центральной власти внушало всѣмъ серіозныя опасенія.

Вопросъ о самостоятельности частей государства, объ освобожденіи ихъ отъ преобладающаго вліянія столицы возникъ одновременно съ раздѣленіемъ Франціи на департаменты и муниципалитеты. Но почва, на которой строились эти теоріи, рѣзко отличается отъ основаній, выставленныхъ нами въ началѣ статьи. Нигдѣ не заходило рѣчи о самостоятельныхъ правительственныхъ агентахъ, дѣйствующихъ среди самостоятельныхъ общественныхъ организмовъ. Напротивъ, правительственная практика Конвента устраняла всякій вопросъ о самостоятельности правительственныхъ органовъ въ провинціи, предъ его эмиссарами слагали свои обязанности всѣ чиновники. Съ другой стороны, становилось ясно, *что между правительственнымъ организмомъ и отдѣльною личностію не будетъ болѣе никакихъ посредствующихъ организмовъ.* Этотъ фактъ многое объясняетъ въ современной исторіи Франціи и прежде всего непомѣрное поглощеніе личности государствомъ: непосредственное противоположеніе общаго, въ формѣ государства, и частнаго, въ формѣ недѣлимаго, необходимо ведетъ къ такому результату. Для того, чтобы недѣлимое со всѣми его интересами не исчезло въ государствѣ, нужно чтобъ ихъ раздѣляли посредствующіе и непремѣнно самостоятельные организмы.

Государство не состоитъ изъ простаго собранія недѣлимыхъ, оно стоитъ не среди безформенной массы гражданъ. Послѣдніе, подчиняясь государству какъ высшему организующему началу, въ то же время не составляютъ простой толпы по отношенію къ власти. Наполеонъ былъ правъ съ точки зрѣнія французскаго государ-

ственнаго человѣка, когда говорилъ: „что̀ такое общество? Правительство, судъ, администрація, нѣсколько другихъ учрежденій: остальное прахъ!“ * Но онъ не былъ правъ съ точки зрѣнія науки. Еслибы безъ государства недѣлимые были только прахомъ, то самому государству угрожала бы серіозная опасность. Есть идеи, есть цѣли, осуществленіе которыхъ не можетъ быть дѣломъ отдѣльной личности, но которыя въ то же время не могутъ быть задачей цѣлаго государства, иначе оно уклонилось бы отъ своего прямаго назначенія. Замкнуть такія отношенія, какъ религія, нравственность, имущественный оборотъ, наука въ индивидуальную сферу, значитъ породить хаосъ въ важнѣйшихъ основахъ общежитія, привести къ субъективной морали, къ субъективной или, много, семейной религіи, къ замкнутому эгоизму въ имущественныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, поручить всѣ эти и подобныя имъ интересы государству, значитъ ввести въ сферу принудительныхъ отношеній то, что̀ должно оставаться въ области свободы. Далѣе, въ историческомъ порядкѣ существуютъ организмы предшествующіе государству и не умирающіе въ немъ — семья, общины, провинція. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно выступаютъ изъ жизни государственной, но за то составляютъ необходимую часть организма общественнаго. Другіе, напротивъ, осуществляютъ подробности государственной цѣли, которыя не могутъ входить въ кругъ дѣятельности государственной власти, безъ явнаго ущерба ея достоинства. Изъ всей этой массы разнообразныхъ цѣлей, элементовъ, организмовъ, охарактеризованныхъ однимъ обще-національнымъ духомъ, составляется одно цѣлое, называемое обществомъ. Это область разнообразія и свободы, въ противоположность единству и принужденію, характеризующему дѣятельность государственной власти.

Эти понятія не выяснены до настоящаго времени во французской публицистикѣ. Перечитывая труды французскихъ политическихъ мыслителей, убѣждаемся, что у нихъ между идеей государства и недѣлимаго существуетъ странный, ничѣмъ не пополненный пробѣлъ.** Тѣмъ болѣе замѣтно было

---

* „Le reste de la poussière!“

** Понятіе объ обществѣ начало разъясняться съ появленіемъ такъ-

это явленіе въ эпоху революціи. Всѣ мыслители того времени, говоря объ общемъ въ противоположность частному, имѣли въ виду лишь государство. Съ одной стороны, ихъ ненависть ко всѣмъ историческимъ организмамъ, существовавшимъ въ формѣ привилегированныхъ корпорацій, съ другой, идеалъ всемогущаго античнаго государства, воплощавшаго въ себѣ всякую общественную и политическую жизнь,—уклоняли ихъ изслѣдованія съ настоящей дороги. Наконецъ, въ самыхъ способахъ практическаго осуществленія ихъ стремленій видно, что они не знали или не хотѣли знать другихъ организмовъ кромѣ государства. Самое слово общество (société) означало у нихъ именно государство, соединеніе для политическихъ цѣлей, какъ это видно изъ самаго заглавія сочиненія Руссо: *Contrat social*. Они не мыслили человѣческаго общества внѣ государства. Естественная философія представляла имъ человѣка внѣ всякихъ формъ общежитія, въ естественномъ состояніи; но разъ начиналось общежитіе, оно появлялось для нихъ въ формѣ государства, всѣ цѣли человѣческія сосредоточивались въ немъ. Рано или поздно мыслители и публицисты должны были замѣтить внутреннее противорѣчіе между такимъ всемогущимъ учрежденіемъ и основнымъ началомъ всей естественной философіи, личною свободой. Если человѣкъ можетъ себя мыслить внѣ государства, то неужели съ появленіемъ государства онъ долженъ отказаться отъ своей самостоятельности? Съ особенною силой противорѣчіе это должно было обнаружиться, когда идеи естественнаго права нашли себѣ практическое примѣненіе во французской революціи, когда, съ одной стороны, всемогущее государство со всѣми средствами централизаціи готово было задавить всякую жизнь въ провинціи, а съ другой—идея неотчуждаемаго народнаго суверенитета подготовляла право вооруженнаго возстанія. Прежнее логическое противорѣчіе системѣ естественнаго права, противорѣчіе между логикой и свободой, между неотчуждаемыми правами и свободой договора, должно было разрѣшиться

называемаго органическаго ученія о государствѣ, родоначальниками котораго должно считать Краузе и отчасти Гербарта. Наилучше разработалъ вопросъ этотъ Л. Штейномъ, Молемъ и Трейчке. Во Франціи онъ, такъ сказать, отрицательно выясняется въ ученіи соціалистовъ.

уже не въ кабинетѣ ученыхъ, а на гражданской, политической сценѣ. Отдастъ ли человѣкъ всю свою свободу государству, какъ это утверждалъ Руссо, или его дѣятельность должна имѣть сферу свободную отъ вторженія правительства? Далѣе, гдѣ должна помѣститься сумма власти? Суверенитетъ принадлежитъ народу, онъ не отчуждаемъ, слѣдовательно, онъ долженъ осуществляться всѣмъ народомъ, всѣ части котораго должны имѣть одинакія права. Но что̀ дѣлать съ преобладающимъ вліяніемъ Парижа, съ возвышающимся значеніемъ столичной черни?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ безпокоило не только жирондистовъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе въ федерализмѣ, но и предводителей „горы“, которыхъ ужь никакъ нельзя заподозрить въ отвращеніи отъ централизаціи.

Посмотримъ, на какихъ основаніяхъ думали они разрѣшить этотъ вопросъ. Власть, говорилъ Робеспьеръ, должна быть раздѣлена. Лучше увеличить количество должностныхъ лицъ чѣмъ сосредоточить въ рукахъ немногихъ опасныя права. Избѣгайте стремленій старыхъ правительствъ, которыя хотѣли управлять слишкомъ много. Позвольте отдѣльнымъ лицамъ, семьямъ, дѣлать все, что̀ не вредитъ другимъ. Предоставьте общинамъ завѣдываніе дѣлами, которыя не касаются общей администраціи республики. Предоставьте личной свободѣ то, что̀ не принадлежитъ существенно свободѣ общественной. *

Итакъ *личная свобода*, вотъ во имя чего требуютъ теперь самостоятельности провинцій. Республика должна предоставить личной дѣятельности то, что̀ не относится непосредственно къ общегосударственнымъ задачамъ. Дѣятельность этой свободной личности высвободитъ-де изъ-подъ государственной опеки общины и провинціи. Онѣ будутъ свободны, потому что свободна личность. Основаніе весьма шаткое! Мы увидимъ ниже, что общинное и провинціальное самоуправленіе способствуютъ развитію личной свободы. Но это далеко не единственная ихъ цѣль, а тѣмъ болѣе не единственное основаніе. Признать личную свободу за высшій принципъ самоуправленія, значитъ связать послѣднее съ условіями чисто политическаго характера, постоянно измѣняющимися, сообразно со взглядами верховнаго правительства. Степень

---

* Louis Blanc: *Hist. de la Révolution.* Regnaud: *La Province.*

самостоятельности провинціи обусловливалась бы степенью личной свободы, какую правительство признаетъ за гражданами. Съ другой стороны, защитники личной свободы требовали самостоятельности провинціи во имя человѣческихъ правъ. Но между государствомъ и личностью не ставилось никакихъ организмовъ, независимыхъ отъ личности съ одной и разграниченныхъ отъ государства съ другой стороны. Если и существовало понятіе объ организмахъ, то преимущественно о тѣхъ, которые ближе всего стоятъ къ недѣлимому, о семьѣ и, много, общинѣ. Провинція совершенно исчезла изъ политическаго словаря того времени. Если жирондисты и говорили о правахъ департаментовъ, то во имя правъ личной свободы и значенія каждаго отдѣльнаго гражданина. Деспотизмъ Парижа возмущаетъ ихъ потому, что онъ, какъ департаментъ, составляетъ $^1/_{83}$ Франціи, слѣдовательно долженъ имѣть значеніе какъ и всякая $^1/_{83}$ часть Франціи, т.-е. какъ всякій департаментъ. Политическое значеніе должно быть распредѣлено поровну между всѣми частями народа, въ силу равенства всѣхъ гражданъ. „Должно разрушить аристократію городовъ, какъ разрушена аристократія между людьми.“

Шаткость этого основанія не замедлила обнаружиться. Личная свобода есть вѣнецъ политической организаціи и ея главный результатъ, но не можетъ быть ея основаніемъ. Когда мы скажемъ свободѣ: бери то, что̀ не принадлежитъ государству, она естественно будетъ стремиться взять и то, что̀ ему принадлежитъ; съ другой стороны, когда мы говоримъ государству: отдай свободѣ то, что̀ ей принадлежитъ, мы рискуемъ услышать отъ него отвѣтъ, что въ сущности *ему* принадлежитъ все.

Другаго отвѣта нельзя было услышать отъ государства и гражданъ временъ революціи. Революціонеры не понимали государственной власти съ другимъ значеніемъ, кромѣ того, которое издавно принадлежало королевской власти. Для нихъ вопросъ заключался не въ объемѣ и степени власти, а въ томъ, кому должна она принадлежать. Ихъ оскорблялъ абсолютизмъ королей, но восхищало самовластіе народа. „Подобно тому, говоритъ Руссо, какъ природа даетъ каждому человѣку неограниченное право надъ его членами, общественный договоръ даетъ также неограниченное право соціальному тѣлу надъ его членами.“ Такъ гласитъ книга,

которую, по справедливости, должно считать политическимъ евангеліемъ того времени. Результаты легко можно было предвидѣть: личная свобода не осуществилась, не осуществилась вмѣстѣ съ нею и правильная провинціальная организація; централизація дошла до крайнихъ размѣровъ.

Одинъ изъ публицистовъ современной Франціи, Батби, мѣтко характеризуетъ дѣятельность правительства въ это время. „Законодатели 1790 г., говоритъ онъ, построили, правда, департаментскую и муниципальную систему, основанную на выборномъ началѣ, и въ этомъ отношеніи ихъ работа была попыткой къ самоуправленію, * которая могла обмануть децентрализаторовъ, ищущихъ прецедентовъ для своей теоріи. Въ сущности, редакторы этого закона повиновались больше *политическимъ стремленіямъ своего времени чѣмъ какой-либо административной теоріи.* Народъ былъ идоломъ той минуты; голосованіе (suffrage) народное было преобладающею идеей, къ которой все должно было прилаживать. Иная система въ то время не могла бы войдти въ голову законодателя; создать власть, стоящую внѣ народныхъ выборовъ, было бы принято за невообразимую аномалію, даже за измѣну. Но уступая требованіямъ времени, преслѣдовали ли законодатели 1790 г. идею децентрализаціи или самоуправленія? Чтобъ убѣдиться въ противномъ, стóитъ только вспомнить о той ярости, которую возбуждало нѣсколько времени спустя слово федерализмъ. Децентрализація показалась бы благопріятнымъ условіемъ для этой идеи, и въ силу этого руководители революціи должны были относиться къ ней неблагопріятно. Революція убила провинціальный духъ, не тронутый старою монархіей. Она нанесла ему самый сильный ударъ, какой только могъ онъ получить, и въ этомъ отношеніи можно сказать, что демократія докончила централизаціонную работу французскихъ королей. Конвентъ и комитетъ общественной безопасности организовали въ центрѣ самую энергическую и всепоглащающую власть, какая когда-либо существовала. Ея органы въ

---

* Self-government, какъ говоритъ Батби. У Французовъ рѣшительно нѣтъ слова для обозначенія понятія самоуправленія, кромѣ слова *децентрализаціи*, которое, какъ мы видѣли и увидимъ ниже, означаетъ совсѣмъ иное.

департаментахъ,—обращенные въ эмиссаровъ представители народа,—не допускали сопротивленія своимъ распоряженіямъ, и все что̀ было экзальтированнаго и покорнаго, было увлечено великимъ движеніемъ, выставившимъ четырнадцать армій на границы Франціи. Это была, правда, политическая централизація, но въ эту эпоху военной и патріотической лихорадки, административные вопросы были слишкомъ холодны чтобы привлечь общественное вниманіе. Центральная власть была слишкомъ озабочена высшими интересами, чтобы направлять мелкіе мѣстные интересы. Она занималась ими однако всякій разъ, когда этого требовали интересы *отечества въ опасности*. Арміи нужны были съѣстные припасы и обувь, эмиссаръ конвента удовлетворялъ конечно этимъ нуждамъ, не обращая вниманія на мѣстныя власти. Онъ формуловалъ свои распоряженія безъ согласія муниципальныхъ властей, и никто не помышлялъ о сопротивленіи.“ *

Такимъ образомъ провинціальная самостоятельность была основана на политическихъ правахъ отдѣльныхъ гражданъ, правахъ, дававшихъ существованіе какъ муниципалитетамъ, такъ и центральному правительству. Но мѣра свободы мѣстныхъ учрежденій была связана съ мѣрой свободы предоставленной гражданамъ. Департаменты и муниципалитеты не существовали какъ органическое историческое явленіе. Они были простое соединеніе опредѣленнаго числа гражданъ. Такой характеръ имѣютъ мѣстныя учрежденія во времена директоріи. Ея кантональные муниципалитеты являются чисто искусственными соединеніями, безъ силы въ настоящемъ, безъ прочнаго будущаго. Учрежденія эти, не имѣя самостоятельнаго существованія, независимаго отъ судьбы личныхъ правъ гражданъ, естественно теряли свое значеніе съ уменьшеніемъ этихъ правъ. Консульство уже ограничило выборное начало, имперія ввела строго-правительственную систему, сохранившуюся до настоящаго времени.

Революція прошла, но ея политическія ученія остались. Вопросъ о провинціи связался съ вопросомъ о личной и политической свободѣ недѣлимыхъ, какъ съ главнымъ основаніемъ ея собственной самостоятельности. Вотъ почему

---

* Batbie, IV, стр. 428 и слѣд..

самостоятельность провинціи и ослабленіе централизаціи требуется теперь во Франціи небольшимъ кружкомъ людей сохранившихъ любовь къ свободѣ. Нужно ли говорить, что начало личной свободы играетъ первенствующую роль во всѣхъ ихъ изслѣдованіяхъ?

Предъ нами лежитъ много сочиненій написанныхъ въ пользу самостоятельности провинціи, и вездѣ *личная свобода* служитъ исходною точкой и руководящимъ началомъ. Вотъ, напримѣръ, небольшая брошюра Одиллона Барро. * Авторъ ея принадлежитъ, какъ извѣстно, къ старой либеральной партіи. Для него начала 1789 г. имѣютъ неотразимую прелесть. И вотъ какъ онъ строитъ свои разсужденія. Начнемъ съ *эпиграфа*: онъ характеризуетъ уже духъ сочиненія. Од. Барро взялъ его изъ Вивьена (*Etudes administratives*). „Свобода, гласитъ этотъ эпиграфъ, есть такая святая и сладостная вещь, что я взялъ бы ее изъ всякихъ рукъ. Я былъ счастливъ получить ее отъ Вашингтона; она помирила бы меня съ Стюартами; я благодарилъ бы за нее даже Кромвеля, еслибъ онъ могъ мнѣ ее дать.“ Изложеніе еще яснѣе обнаруживаетъ точку зрѣнія и цѣль автора. Вотъ его главныя положенія. Вопросъ о централизаціи не могъ возникнуть въ древности, потому что классическія государства не имѣли настоящаго понятія о личной свободѣ. Въ древности, какъ извѣстно, свободенъ былъ тотъ, кто участвовалъ въ государственномъ управленіи, ** составлялъ часть государственной власти, но никто не дерзалъ положить предѣлы этой власти: смотря по тому принадлежала ли эта власть многимъ, немногимъ или одному, политическая жизнь была распространена, сосредоточена, или поглощена. Древній взглядъ на вещи сохранился до нашего времени. Мы до сихъ поръ не понимаемъ выраженія Монтескье, что „власть народа смѣшиваютъ съ его свободой, тогда какъ ихъ должно различать“. Слѣдовательно, задача народа и его публицистовъ заключаются въ томъ, чтобы ввести власть, кому бы она ни принадлежала, въ такіе предѣлы, гдѣ бы она не вредила личной свободѣ. Отсюда ясно слѣдуетъ несостоятельность тѣхъ, которые придерживаются прежняго дѣленія формъ правленія, по чисто внѣшнимъ признакамъ, на монархію, аристократію и демократію. Есть только двѣ группы

---

* Od. Barrot: *De centralisation et de ses effets.*

** См. *Полит.* Аристотеля, кн. III.

правительствъ, какова бы ни была ихъ внѣшняя форма:* правительства поглащающія личную свободу и самодѣятельность, и правительства дающія имъ просторъ. Публицисты временъ республики не поняли этого и потому оставили централизацію, измѣнивъ только ея формы.

Итакъ централизація, съ точки зрѣнія автора, есть не что иное какъ напряженіе правительственной дѣятельности, сосредоточеніе въ рукахъ правительства всей власти. Мы увидимъ ниже, къ какимъ результатамъ можно придти на основаніи этого положенія. Теперь будемъ слѣдовать за дальнѣйшими положеніями и выводами Од. Барро. Задача каждаго благоустроеннаго государства состоитъ въ томъ, чтобы развивать самодѣятельность личности. Трудно понять, какъ государственная форма, ослабляющая способности человѣка, можетъ способствовать благосостоянію государства (стр. 123). *Государство есть только соединеніе личныхъ силъ.* Оно не живетъ само собою, у него нѣтъ собственныхъ силъ. Каждое правительство, ослабляющее личность, ослабляетъ государство. Эта истина сознается всѣми болѣе или менѣе. Всѣ правительства въ настоящее время ищутъ разрѣшенія этого сложнаго вопроса. Міръ въ настоящее время представляетъ двѣ цивилизаціи: одна истекаетъ изъ сосредоточенной дѣятельности власти, поглощающей индивидуальныя силы, другая развивается путемъ усилій отдѣльныхъ лицъ. Кто изъ нихъ побѣдитъ?

Мы никакъ не можемъ понять, почему эти положенія относятся къ вопросу о провинціи. Од. Барро, очевидно, смѣшиваетъ двѣ вещи: самоуправленіе и централизацію съ одной стороны, съ гувернаментализмомъ и индивидуализмомъ, съ другой. Самоуправленіе, какъ мы видѣли, заключается въ распредѣленіи правительственныхъ задачъ между организмами центральной власти и организмами общества. Органы общества, призванные для этихъ задачъ, входятъ чрезъ это самое въ правительственную сферу, становятся частью администраціи. Индивидуализмъ Од. Барро будетъ заключаться въ томъ, что извѣстныя задачи будутъ выдѣлены изъ правительственныхъ сферъ. Расширяя дѣятельность свободной личности, мы выдѣлимъ въ пользу общества не только частныя

---

* Эта мысль вполнѣ вѣрна и заслуживаетъ вниманія, хотя и не по отношенію къ вопросу о провинціи, какъ увидимъ ниже.

дѣла, но и правительственныя задачи, не только введемъ въ провинцію массу общественныхъ элементовъ, что̀ полезно и даже необходимо, но и уничтожимъ значеніе правительственныхъ органовъ, что̀ невозможно. Далѣе, связывая вопросъ о провинціи съ личною свободой вообще и съ политическою свободой лицъ въ особенности, писателямъ одной школы съ Од. Барро приходится вести провинціальную самостоятельность такъ же далеко, какъ и свободу лица, то-есть дать ей политическое значеніе. Такой выводъ логически вытекаетъ изъ основныхъ положеній школы. Личная свобода можетъ осуществляться въ различныхъ сферахъ и различныхъ отношеніяхъ. Она слагается, такъ сказать, изъ нѣсколькихъ видовъ свободы. Между ними существеннымъ элементомъ является свобода политическая. Самостоятельность провинціи, одно изъ проявленій личной свободы, должна слагаться изъ всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ этой свободы. Слѣдовательно, провинція должна имѣть нѣкоторую долю политической самостоятельности, безъ чего провинціальная жизнь будетъ не полна. Отсюда смѣшеніе автономіи, то-есть одного изъ признаковъ недоразвившагося государства, съ самоуправленіемъ, однимъ изъ результатовъ настоящаго государственнаго единства. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію автора, италіянская революція, реформа въ Венгріи, Австріи, чуть ли не движеніе панславизма, суть стремленія къ децентрализаціи. Основаніе широко, и выводы широки. Но дѣло настоящей децентрализаціи отъ этого ничего не выиграетъ.

Еще опредѣленнѣе высказывается по этому поводу Реньйо, авторъ *La Province*. „Провинція, говоритъ онъ (стр. 38), должна требовать доли въ общественной жизни, мѣста въ политической и умственной сферѣ, во имя свободы, правъ и основныхъ началъ новѣйшаго общества.“ Далѣе (стр. 39): „Славу и силу народовъ составляетъ политическая жизнь, и ея-то не достаетъ провинціи. Вотъ чего должна она требовать не отъ Парижа, но отъ закона, не во имя завистливаго соперничества, но во имя началъ свободы, которыя повелѣваютъ, чтобы въ великой территоріи, составляющей націю, жизнь, воля и умъ могли проявляться на всякомъ мѣстѣ, и которыя протестуютъ противъ порядка вещей, гдѣ мысль и интересы всѣхъ сферъ подчинены фантазіямъ центра.“ Въ чемъ же состоитъ эта несамостоятельность провинціи?

Г. Реньйо поясняетъ намъ это. Провинція не имѣетъ самостоятельныхъ политическихъ мнѣній, она послушно слѣдуетъ за указаніями центра. Въ 1814 году она восклицаетъ: да здравствуетъ король; въ 1830 года послѣ изгнанія Карла X: да здравствуетъ хартія; чрезъ нѣсколько времени: да здравствуетъ Лудовикъ-Филиппъ; въ 1848 году: да здравствуетъ республика,—и такъ далѣе. Непосредственнымъ результатомъ такой несамостоятельности является ея равнодушіе къ политическимъ дѣламъ, ея пассивное отношеніе къ интересамъ отечества. Отсюда безсиліе провинціи даже предъ внѣшними врагами. Два завоеванія Франціи иностранцами доказываютъ это. Наконецъ бѣдность литературы, недостатокъ умственнаго движенія во французскихъ провинціяхъ—всѣмъ извѣстный фактъ. Реньйо во всемъ винитъ правительство. „Par une inexplicable imprévoyence les gouvernements de tous les régimes ont encouragé plutôt que de le combattre ce funeste mouvement de centralisation.“ Должно согласиться, что это по меньшей мѣрѣ наивно. Человѣкъ провозглашаетъ безграничную свободу личности и въ то же время ожидаетъ, чтобы правительство уничтожило развитіе централизаціи. Реньйо въ этомъ отношеніи вполнѣ Французъ, онъ ждетъ отъ правительства всего, даже свободы, и ожидаетъ этого въ то время, когда самъ провозглашаетъ, что жизнь государствъ прежде всего зиждется на дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Какой самостоятельности проситъ авторъ у правительства для провинціи? Политической? Но гдѣ найдетъ онъ правительство, которое согласится на это? Административной? Но общество во Франціи сдѣлало все, чтобы перенести всю правительственную дѣятельность въ центръ. Что же удивительнаго, что правительство послѣдовало за общественнымъ движеніемъ? Это вполнѣ согласно съ положеніями самихъ индивидуалистовъ, по которому государство есть совокупность и произведеніе недѣлимыхъ. Во всякомъ случаѣ послѣдуемъ за изложеніемъ автора; посмотримъ, чего желаетъ онъ для провинціи.

Откуда бы ни пришла такая самостоятельность провинціи, будетъ ли она продуктомъ общественнаго движенія, или результатомъ правительственной политики, она должна проявляться въ политической сферѣ столько же, сколько въ административной, и даже въ первой больше чѣмъ въ послѣдней. Авторъ категорически высказывается по этому пред-

мету.* „Несмотря на торжественныя и неоднократныя восклицанія противъ федерализма, говоритъ онъ (стр. 64), мы осмѣливаемся утверждать, что теперь разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи провинціи можетъ произойдти только въ федеративной системѣ.“ Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ именемъ федеративной системы, онъ указываетъ на примѣръ греческихъ амфиктіоній (?), швейцарскихъ кантоновъ и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: отдѣльныя части государства жертвуютъ-де частью мѣстнаго самодержавія въ пользу самодержавія общаго. Но никто изъ лицъ, знакомыхъ съ государственными началами Соединенныхъ Штатовъ, не станетъ искать самодержавія въ центральномъ правительствѣ. Оно цѣликомъ принадлежитъ этимъ отдѣльнымъ частямъ, или, лучше сказать, массѣ народа, сгруппированной по этимъ отдѣльнымъ частямъ. „Въ Америкѣ, говоритъ Токвилль, имѣются два правительства, совершенно разграниченныя и независимыя: одно обыкновенное и неопредѣленное, соотвѣтствующее ежедневнымъ потребностямъ страны; другое *исключительное* и *опредѣленное*, имѣющее въ виду только *нѣкоторые общіе* интересы. Это: штаты, — маленькія самодержавныя націи, — съ одной, и союзное правительство, съ другой стороны.... Федеральное правительство есть исключеніе; правительство государствъ (штатовъ) общее правило.“ **

Этого ли хочетъ г. Реньйо для Франціи? Онъ спѣшитъ оговориться. „Понятно, говоритъ онъ, что федерализмъ въ смыслѣ американскаго не можетъ имѣть мѣсто во Франціи. Территоріальныя подраздѣленія этой страны не имѣютъ никакихъ державныхъ правъ, отъ которыхъ бы они могли отказаться. Они поставлены въ другія условія. Составляя коллективныя личности, они должны требовать того, что̀ можетъ требовать каждая личность, то-есть, свободнаго управленія своими имуществами, свободнаго развитія своихъ способностей (какихъ это?), свободнаго пользованія политическими вольностями. Другими словами, они нуждаются прежде всего въ расширеніи правъ, и притомъ правъ не суверенныхъ, а личныхъ“ (ibid., стр. 66).

---

* Стр. 64 и слѣдующія, главы VI и VII.

** *De la democratie en Amérique*, I, p. 69.

Итакъ г. Реньйо не даетъ самодержавныхъ правъ провинціи, дѣлаетъ эту уступку странѣ, нѣсколько столѣтій работавшей надъ своимъ государственнымъ единствомъ! Но онъ требуетъ какихъ-то личныхъ правъ для провинціи. Провинція личность — но какая? По-нашему, юридическая, то-есть созданная закономъ, или видоизмѣненная имъ, и дѣйствующая въ предѣлахъ указанныхъ закономъ. Самое существованіе ея вытекаетъ изъ закона, или признается имъ. По мнѣнію автора, она, повидимому, физическая личность, или, по крайней мѣрѣ, *продолженіе физической личности;* въ ней живутъ тѣ права и свойства, какія мы замѣчаемъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ. Не даромъ Реньйо назвалъ свою будущую провинцію личностію собирательною. Эти лица, соединенныя въ провинцію, могутъ-де имѣть всѣ права, какія имѣетъ отдѣльная личность. Врядъ ли это такъ. Отдѣльное лицо имѣетъ собственность, и справедливость требуетъ, чтобъ оно могло распоряжаться ею вполнѣ свободно. Но провинціи можетъ ли принадлежать это право? Имущество провинціальное принадлежитъ не только наличному составу ея членовъ, но и будущимъ поколѣніямъ. Слѣдовательно, воля современнаго поколѣнія, дѣйствующаго въ провинціи, должна сдерживаться государствомъ въ виду этихъ будущихъ поколѣній. Этого требуютъ всѣ начала справедливости. Имущество провинціи пріобрѣтено не частными лицами, а такъ сказать официальнымъ путемъ, въ виду не временныхъ нуждъ, *а постоянныхъ интересовъ*. Далѣе, даже наличное поколѣніе провинціальныхъ гражданъ, не всегда дѣйствуетъ единогласно, *какъ одна личность*. Въ большинствѣ случаевъ мы видимъ существованіе партій, иногда весьма разнообразныхъ, но во всякомъ случаѣ, по каждому вопросу масса гражданъ раздѣляется на *большинство* и *меньшинство*. При этомъ на сторонѣ меньшинства можетъ быть больше законныхъ правъ чѣмъ на сторонѣ большинства. Гдѣ сыщетъ оно защиту противъ несправедливыхъ притязаній? Наконецъ, мѣстность не перестаетъ быть частью государства; интересы, порученные ея завѣдыванію, могутъ близко касаться общегосударственныхъ интересовъ, и государство *обязано*, въ виду огражденія этихъ интересовъ, не допускать черезчуръ свободнаго распоряженія провинціальною собственностію. Справедливо, чтобы каждая провинція, за удовлетвореніемъ обще-государственныхъ потреб-

ностей, имѣла *свой бюджетъ*, составленный въ виду ея потребностей и средствъ, и не служила другимъ провинціямъ. Реньйо основательно доказываетъ эту мысль и справедливо нападаетъ на жалкое положеніе департаментовъ обязанныхъ платить, по прихоти Сенскаго департамента, за сооруженія, которыми имъ не придется пользоваться. Несправедливо заставлять ихъ поддерживать роскошь, въ то время какъ они, быть-можетъ, не имѣютъ необходимаго. Но и въ этомъ удовлетвореніи необходимаго, неужели они должны быть избавлены отъ правительственнаго контроля, въ виду выставленныхъ выше соображеній? Слѣдовательно, даже въ сферѣ, наиболѣе свойственной мѣстному управленію, въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ, провинція не можетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуетъ частное лицо съ имуществомъ, принадлежащимъ ему на правѣ полной собственности. Этого требуетъ, наконецъ, самый интересъ той личной свободы, которая такъ воодушевляетъ школу индивидуалистовъ. Къ числу правъ, необходимо вытекающихъ изъ самостоятельности провинціи, принадлежитъ право обложенія податьми частныхъ лицъ въ пользу общественныхъ нуждъ. Предоставляемъ самимъ индивидуалистамъ судить, что̀ сдѣлалось бы съ священнымъ правомъ частной собственности, еслибы права провинціи, то-есть провинціальнаго большинства, не находили границы, а право частныхъ лицъ—защиты, въ общемъ правѣ, охраняемомъ государствомъ? Пойдемъ дальше. Какія еще права принадлежатъ провинціи, по мнѣнію Реньйо? Отожествленіе правъ провинціи съ правами личной свободы доводитъ его до курiозныхъ положеній. Въ числѣ этихъ *правъ* онъ ставитъ *развитіе способностей*. Какихъ? Умственныхъ, нравственныхъ, физическихъ. Провинція должна учиться гимнастикѣ, пѣнію, сочинять книги? Если здѣсь имѣется въ виду развитіе провинціальной литературы, то, кажется, оно достаточно обезпечивается общими законами о печати. Создавать же какія-нибудь особенныя условія для развитія мѣстной литературы, какъ чего-то отличнаго отъ литературы общенаціональной, по меньшей мѣрѣ безполезно. Наконецъ мы доходимъ до какихъ-то политическихъ вольностей, принадлежащихъ провинціи. Что̀ разумѣетъ г. Реньйо подъ именемъ политическихъ вольностей? Главнымъ образомъ тѣ права, которыя Англія

даетъ своимъ графствамъ, и привилегіи, предоставленныя англійскимъ колоніямъ. Мы разсмотримъ сначала первый примѣръ, чтобы не долго останавливаться на второмъ.

Свободой, говоритъ Реньйо, мы называемъ то, что̀ Англичане называютъ self-government, то-есть завѣдываніе мѣстными интересами тѣми кто въ нихъ заинтересованъ. „Англичане, продолжаетъ онъ, дѣлаютъ широкое примѣненіе этого принципа ко внутреннему управленію своихъ провинцій. Каждое графство имѣетъ свой мѣстный бюджетъ, свою выборную администрацію, свои муниципальныя корпораціи и такъ далѣе.“ Мы видѣли выше, что Англія не имѣетъ, собственно говоря, провинціи: графства и приходы не являются такими цѣльными организмами, какъ тѣ, о которыхъ мечтаетъ Реньйо. Къ этому мы прибавимъ еще одно замѣчаніе. Самоуправленіе въ Англіи не есть просто мѣстное управленіе. Оно идетъ гораздо дальше. Парламентское устройство, судъ присяжныхъ и тому подобныя установленія суть также послѣдствія самоуправленія. Все что̀ противоположно чисто правительственному персоналу, который въ Англіи весьма невеликъ, входитъ въ сферу самоуправленія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ органы этого самоуправленія не носили правительственнаго характера. Вопервыхъ, они не исходятъ изъ одного выборнаго начала. Старое англійское самоуправленіе, за исключеніемъ городовъ, не знало этого начала. Въ управленіи графствъ нѣтъ выборныхъ должностей, за исключеніемъ должности коронера. Всѣ члены управленія отправляютъ должность въ силу королевскаго порученія и пока угодно королю. Основа англійскаго самоуправленія, — мировые судьи—назначаются королевскимъ патентомъ. „Das Friedensrichteramt, говоритъ Гнейстъ,* beruht auf persönlicher Verleihung des Königs, und kann von *Niemanden* beansprucht werden von Besitz oder Standes wegens.“ Они находятся въ подчиненіи центральной власти и подлежатъ строжайшей отвѣтственности за свои дѣйствія.** То же самое еще въ большей степени слѣдуетъ сказать о шерифахъ. Эта система порученій создала все управленіе графствъ.

---

* *Gesch. und heut. Gestalt der Engl. Communalverf*, II. стр. 819.

** Ibid. стр. 835 и слѣд.

Одна статья за другою поручалась различнымъ должностнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего управленіе это составляетъ скорѣе совокупность порученій чѣмъ органическіе аттрибуты самостоятельнаго организма. Вникая за тѣмъ въ сущность этого самоуправленія, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ началъ, которыя не совсѣмъ ладятъ съ тѣмъ, что̀ Реньйо говоритъ о личной свободѣ, какъ о главномъ принципѣ провинціи. Управленіе мѣстными интересами ввѣрено исключительно мировымъ судьямъ, соединеннымъ въ четвертныя засѣданія. Здѣсь составляется бюджетъ графства, опредѣляется и повѣряется распредѣленіе налоговъ. Имъ же принадлежитъ главный надзоръ за исполненіемъ правительственныхъ задачъ, возложенныхъ на другія корпораціи и управленія. Мы не знаемъ, что̀ сказалъ бы человѣкъ, проникнутый началами 1789, еслибъ ему предложили отдать важнѣйшіе интересы мѣстности въ руки крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, притомъ не избранныхъ обществомъ, а назначенныхъ отъ короны. Онъ, вѣроятно, усомнился бы въ вѣрности опредѣленія самоуправленія, которое даетъ Реньйо: онъ не нашелъ бы здѣсь администраціи интересовъ лицами, наиболѣе заинтересованными. Въ области приходскаго управленія, гдѣ наиболѣе развито выборное начало, система множественности голосовъ заставляетъ сомнѣваться въ широкомъ и ровномъ для всѣхъ примѣненіи личной свободы. Мы увидимъ ниже въ чемъ заключается эта система. Пока остановимся на другихъ выдающихся фактахъ. Если графства не имѣютъ признаковъ настоящей провинціи, какъ цѣльнаго законченнаго организма, то, можетъ-быть, *города* соединяютъ въ себѣ эти признаки? Исторія и современное состояніе доказываютъ иное. Первоначально города, за исключеніемъ важнѣйшихъ и такъ-называемыхъ инкорпорированныхъ графствъ, не выходили изъ сферы общаго земскаго управленія. Въ послѣдствіи разныя перемѣны и въ особенности законъ 1835 г. дали имъ болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, съ широкимъ выборнымъ началомъ. Но, тѣмъ не менѣе, они не представляютъ законченныхъ организмовъ, кругъ ихъ дѣятельности все еще слагается изъ различныхъ данныхъ имъ порученій. Вопервыхъ, по отношенію къ судебной власти не всѣ они вышли изъ-подъ вліянія мировыхъ судей, то-есть не всѣ имѣютъ

отъ короны порученія относительно мировой юстиціи, и въ этомъ отношеніи подчиняются общему земскому управленію. Наиболѣе самостоятельности представляетъ административная дѣятельность городовъ. Начиная съ самой организаціи городскаго управленія, до его правъ на распоряженіе городскимъ имуществомъ, все говоритъ о большей цѣльности этого организма сравнительно съ графствомъ. Въ силу органическаго акта 1835 г. муниципальнымъ совѣтамъ принадлежатъ слѣдующія задачи: a) управленіе имуществами и доходами города и общеполезными учрежденіями, за исключеніемъ установленій благотворительныхъ; b) содержаніе мѣстныхъ судебныхъ установленій и администрація исправительныхъ и тюремныхъ домовъ; c) управленіе полиціей. Въ послѣдствіи разные законодательные акты прибавили новые аттрибуты къ дѣятельности муниципальнаго совѣта. Такъ, въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣется отдѣльная мировая юстиція, на совѣтъ возложенъ надзоръ за мѣрами и вѣсами, умалишенными, дорогами и такъ далѣе.* Впрочемъ, по существеннымъ вопросамъ мѣстной администраціи они должны дѣйствовать подъ контролемъ центральнаго правительства.

Устройство приходовъ къ исходу среднихъ вѣковъ было поставлено въ непосредственное соотношеніе съ одною изъ общегосударственныхъ потребностей — заботой о бѣдныхъ. Главная его цѣль есть налогъ въ пользу бѣдныхъ, значительнѣйшій между всѣми мѣстными налогами. „При разсмотрѣніи устройства прихода, говоритъ Фишель (*Государственный строй Англіи*, стр. 312), нельзя не замѣтить, что въ немъ нѣтъ теперь главнаго, единственнаго представителя, общаго единственнаго учрежденія, которое бы соединяло въ себѣ всѣ его функціи. Мы видимъ множество должностныхъ лицъ, завѣдующихъ различными частями, но между ними нѣтъ никакой общей связи. Поэтому, если что̀ не входитъ въ опредѣленный закономъ кругъ извѣстнаго вѣдомства, то остается чуждымъ и для приходскихъ должностныхъ лицъ и для приходскихъ собраній. Поэтому приходъ не есть община самобытная, удовлетворяющая сама всѣмъ своимъ потребностямъ.“ Можно сказать болѣе. Законода-

---

* Относительно этихъ вопросовъ смотри между прочимъ Tisco и v. d. Stroeten: *Institutions et taxes locales en Angleterre*, стр. 95 и слѣд.

тельство устраиваетъ эти организмы скорѣе въ виду лучшаго осуществленія государственныхъ задачъ чѣмъ для чисто мѣстныхъ потребностей. Слѣдовательно сельской общины, которую индивидуалисты считаютъ главнымъ основаніемъ самоуправленія, въ Англіи нѣтъ; остается далеко несовершенная община городская.

Но, можетъ-быть, всѣ эти учрежденія соединяются въ какомъ-нибудь высшемъ мѣстномъ организмѣ? Несамостоятельныя сами по себѣ, можетъ-быть, они получаютъ самостоятельность чрезъ какую-нибудь высшую организацію? И этого нѣтъ. Между графствами, городами и приходами нѣтъ прочной іерархической связи. Каждое изъ этихъ учрежденій дѣйствуетъ совершенно самостоятельно въ сферѣ предоставленныхъ ему задачъ, которыя притомъ не вытекаютъ изъ внутреннихъ и разнообразныхъ потребностей этого организма, а связаны съ идеей общихъ государственныхъ повинностей. Вслѣдствіе этого государство, по своему усмотрѣнію, устанавливаетъ задачи общинъ, приходовъ и графствъ и опредѣляетъ мѣру ихъ участія въ сферѣ государственнаго управленія. По его усмотрѣнію, извѣстная задача изъ мѣстной можетъ сдѣлаться государственною и наоборотъ. Такъ управленіе бѣдными, сосредоточенное прежде въ мѣстности, теперь централизовано въ Лондонѣ и породило тамъ нѣчто въ родѣ континентальнаго министерства. * Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ Англіи угрожала континентальная бюрократія. Отчетность, гласность и, что̀ самое важное, независимое положеніе суда навсегда предохраняютъ эту страну отъ увлеченій материка Европы. Дѣйствительно, судъ является единственнымъ связующимъ началомъ среди этой разбросанной административной дѣятельности; онъ сдерживаетъ каждое изъ этихъ тѣлъ въ предѣлахъ, установленныхъ скорѣе обычаемъ чѣмъ закономъ, скорѣе характеромъ возложенныхъ на нихъ порученій чѣмъ сущностію разнородныхъ организмовъ. Въ какой степени всѣ мѣстныя установленія Англіи мало подходятъ подъ идею провинціи, видно между прочимъ изъ того, что одинъ изъ политическихъ мыслителей, основательно знающихъ ея бытъ, представилъ весьма вѣрное замѣчаніе, что провинціей

---

* Относительно этого смотри Dupont White: *La Centralisation*, стр. 35, 95 и слѣд.

въ Англіи можно считать каждое изъ трехъ соединенныхъ ея королевствъ.*

Итакъ англійская *провинція* не представляетъ того, чего въ ней ищутъ континентальные децентрализаторы. Еще меньше можетъ имѣть значенія для вопроса о самоуправленіи отношеніе Англіи къ ея колоніямъ. Г. Реньйо съ особенною любовью и долго останавливается на англійскихъ колоніяхъ. По его мнѣнію, онѣ вполнѣ должны разрѣшить вопросъ о провинціи. Мы съ своей стороны не долго остановимся на этомъ фактѣ, ибо онъ вовсе не разрѣшаетъ провинціальнаго вопроса. Колоніи не считаются органическими частями Англійскаго королевства. Ихъ самоуправленіе есть независимость частей, *не слитыхъ* съ общимъ государственнымъ организмомъ.

Направленіе французскихъ децентрализаторовъ, выразившееся въ книгѣ Реньйо, еще въ большей степени отразилось на трудахъ Жюля Симона. Онъ уже формально связываетъ вопросъ о децентрализаціи съ вопросомъ о свободѣ. Онъ изложилъ первоначально свои взгляды въ книгѣ *La Liberté;* въ послѣдствіи (въ 1867 г.) онъ выдѣлилъ вопросъ о свободѣ политической и обработалъ сочиненіе подъ этимъ заглавіемъ. ** Въ этомъ трудѣ важное мѣсто занимаетъ разсужденіе объ административныхъ реформахъ (глава IV). „Нужно, говоритъ авторъ, опредѣлить, что̀ принадлежитъ власти и что̀ принадлежитъ свободѣ, ибо безъ власти нѣтъ общества, безъ свободы нѣтъ человѣка.“ Итакъ вопросъ о централизаціи и децентрализаціи представляется у него размежеваніемъ власти и свободы. Дѣйствительно, онъ продолжаетъ: „свобода, надо съ этимъ согласиться, немного синонимъ децентрализаціи; и та, и другая достигается чрезъ обезоруженіе центральной власти.“ Исходная точка Симона, слѣдовательно, та же самая какъ и у Од. Барро и у Реньйо, только онъ высказывается еще рѣзче ихъ. Централизація для него есть система угнетенія, выражающаяся въ дѣятельности бюрократіи, которую всѣ ненавидятъ и къ которой поневолѣ всѣ обращаются. „Свобода, говоритъ онъ, можетъ сдѣлать три упрека французской администраціи, въ томъ видѣ какъ она сложилась въ началѣ этого столѣтія: она управляетъ слишкомъ много, употреб-

---

* Смотри Le Play: *La réforme social en France,* II, § 59, p. 291.

** *La liberté politique,* par J. Simon.

ляетъ для этого слишкомъ много агентовъ, и эти агенты слишкомъ мелки.“ Не подлежитъ сомнѣнію, продолжаетъ онъ, что во Франціи мало уважаютъ чиновниковъ. На нихъ смотрятъ скорѣе какъ на надсмотрщиковъ чѣмъ какъ на покровителей, какъ на лицъ привилегированныхъ чѣмъ какъ на полезныхъ агентовъ, и т. д. И между тѣмъ, по странной непослѣдовательности, въ этой странѣ, гдѣ такъ мало уважаютъ чиновниковъ, можетъ-быть, съ наибольшею жадностію гоняются за должностями. Мы видѣли выше причины этого страннаго противорѣчія. Онѣ заключаются именно въ томъ, что французская централизація есть столько же созданіе общества, какъ и правительства. Исторія могла бы доказать это Ж. Симону и его сотоварищамъ. Но разъ укрѣпившись въ томъ убѣжденіи, что децентрализація есть торжество личной свободы и общества надъ правительствомъ, какъ приписать этому обществу централизаціонныя стремленія!

Притомъ общество, какъ мы видѣли, почти не существуетъ для лицъ, исходною точкой для которыхъ служитъ идея недѣлимаго и его свободы. Для нихъ между недѣлимымъ и государствомъ нѣтъ связующихъ организмовъ; власть есть общее, въ противоположность недѣлимому. „Государство, говоритъ Ж. Симонъ, само общество. *Безъ власти, нѣтъ общества*, безъ свободы нѣтъ недѣлимаго.“ Печальное положеніе человѣчества, когда свобода будетъ осуществляться только въ индивидуальной сферѣ, когда общество будетъ синонимомъ авторитета! Тамъ гдѣ вопросъ о децентрализаціи являтся такою эквилибристикой между личною свободой и инціативой, съ одной стороны, и авторитетомъ общества, отождествленнаго съ государствомъ, съ другой, разрѣшеніе сложнаго вопроса о провинціи едва ли возможно. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что во многихъ мѣстахъ у разсматриваемыхъ нами писателей проглядываетъ стремленіе стать на настоящую дорогу. Но эти замѣчанія отрывочны и могли бы получить практическое значеніе только въ томъ случаѣ, еслибы во французской политической литературѣ распространилось истинное ученіе объ обществѣ. Теперь же эти бѣглыя замѣчанія о чемъ-то, существующемъ между государствомъ и недѣлимымъ, являются какъ стремленіе къ лучшей гарантіи той же личной свободы. Лучше всего это доказываетъ слѣдующее мѣсто въ брошюрѣ Од. Барро. „Чтобы *лицо*, гово-

рить онъ, *сдѣлалось силой въ государствѣ*, т.-е. чтобъ *его права были уважаемы*, его природная энергія не была стѣснена, *оно не должно быть изолировано*, иначе государство задавитъ и поглотитъ его непремѣнно. Нужно слѣдовательно группировать личныя силы и соединять эти отдѣльныя группы такъ, чтобы, по мѣткому выраженію Ройе-Коллара, при пораженіи одной части этого цѣлаго остальныя издавали продолжительный стонъ."

Не для того только чтобы гарантировать личную свободу,—для этого есть много другихъ средствъ,—но главное, чтобы дать возможность всестороннему развитію народныхъ силъ, чтобъ удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ и интересамъ различныхъ частей націи, важно существованіе различныхъ организмовъ, сложившихся такъ же исторически и постепенно, какъ и само государство. Это не простая группировка лицъ, собраніе недѣлимыхъ: такъ опредѣлять можно казарму или гостиницу. Это живой организмъ, а не механическое соединеніе. Разрушеніе историческихъ организмовъ ведетъ за собой упадокъ государства, равно какъ и порабощеніе лица. Искусственными мѣрами трудно уже будетъ замѣнить уничтоженное. Механизмъ не замѣнитъ организма. *Эти группы* индивидуальныхъ силъ не будутъ имѣть жизненности и устойчивости, свойственныхъ живымъ организаціямъ. Онѣ не *издадутъ того продолжительнаго стона*, о которомъ мечталъ Ройе-Колларъ. Нужно было прислушиваться къ этимъ *стонамъ* тогда, когда въ теченіе трехъ столѣтій стиралось все историческое во имя отвлеченныхъ стремленій и теорій. Почему бюрократія такъ сильна въ Франціи? На это отвѣтитъ лучше всего національное собраніе 1791 г., этотъ возстановитель правъ человѣка. Парижскіе работники, послѣ уничтоженія цеховыхъ корпорацій, скоро почувствовали свое изолированное положеніе, или, лучше сказать, разобщеніе между отдѣльными лицами рабочаго люда. Въ трудныя времена, когда имъ желательно было потолковать о мѣрахъ взаимнаго обезпеченія противъ разныхъ бѣдствій, они потребовали правъ сходокъ, столь обыкновенныхъ при старомъ порядкѣ. Національное собраніе отвѣчало имъ на это слѣдующее: „Гражданамъ не можетъ быть дозволено собираться для ихъ *воображаемыхъ* интересовъ. *Нація* и чиновники отъ ея имени должны доставлять нуждающимся работу

и помогать немощнымъ." Итакъ между гражданиномъ и націей нѣтъ ничего. Есть правда нѣчто: officiers publics, дѣйствующіе во имя націи, но не надолго; скоро la grande nation заслонится par la grande armée съ императоромъ во главѣ, и officiers publics займутъ подобающее имъ мѣсто. „Послѣ революціи, власть бюрократіи, говоритъ Ле-Пле, не перестаетъ возвышаться, благодаря ея выгодному положенію среди другихъ общественныхъ властей. Вопервыхъ, она не возбуждаетъ зависти, потому что управляя государствомъ съ большею властью чѣмъ старая администрація, она больше чѣмъ послѣдняя налагаетъ на главу государства и его министровъ почести, отвѣтственность и опасность власти. Во-вторыхъ, она составляетъ, среди всеобщей шаткости людей и вещей, единственное прочное учрежденіе французскаго общества: ибо французскія правительства, сдѣлавшись регулярнѣе, не сдѣлались прочнѣе. Между тѣмъ какъ соціальный организмъ ослабленъ революціями, парализованъ противорѣчивыми правительственными системами, бюрократія спокойно пользуется плодами своихъ побѣдъ и съ жаромъ стремится къ новымъ пріобрѣтеніямъ."

Такимъ образомъ бюрократія является послѣдствіемъ, а не причиной упадка свободы и нравственнаго чувства, какъ это выходитъ по мнѣнію Ж. Симона. А причина этого упадка тѣсно связана именно съ индивидуализаціей всѣхъ національныхъ силъ и интересовъ, т.-е., съ развитіемъ того самаго начала, которому такъ поклоняется такъ-называемая французская либеральная школа. Не должно думать, чтобы централизація и индивидуализмъ были такими противорѣчивыми, непримиримыми понятіями. Напротивъ, централизація именно привела къ тому индивидуализму, къ той разрозненности, которая такъ поражаетъ во Франціи и государствахъ развившихся въ рамкахъ французской культуры. Правительство тамъ любитъ имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ; его стѣснялъ бы организмъ высшаго порядка.

А. ГРАДОВСКІЙ.

(*До слѣд. №*)

ВАКХАНКА И САТИРЪ

I.

Разъ,—юноша пылкій,—въ вакханку влюбясь,
Я за городъ шелъ съ ней, въ полуденный часъ;
Тирсъ, хмѣлемъ повитый, ласкалъ ей плечо;
Вакханка шла съ пляски, дыша горячо;
Но не усталость ей грудь волновала,
Глаза были влажны—улыбка блуждала.

II.

Зефиръ волосами вакханки игралъ.
Прохлады ища, я шаги замедлялъ.
Лѣсъ тѣнью одѣлъ насъ. Казалось, сама
Вакханка глазами искала холма....
Какъ вдругъ насъ подмѣтилъ сатиръ, и скачками
Догналъ, и прилегъ, и поползъ за кустами.

III.

Въ досадѣ—я къ морю, гдѣ пѣли валы
У ската песчанаго знойной скалы.
Тамъ, къ солнцу ревнуя, — весь трепетъ и пылъ, —
Я грудь ея тѣнью моей заслонилъ:
Вдругъ вижу, сатиръ на уступѣ лѣсистомъ
Усѣлся,—и пылъ мой привѣтствуетъ свистомъ.

IV.

Въ досадѣ я въ горы, гдѣ мраморъ, плющомъ
Повитый, мѣстами отмѣченъ рѣзцомъ.
Пещера была тамъ, и маки цвѣли,
Вакханка блѣднѣла.... уста ея жгли....
Глаза ея меркли, вдругъ, слышу, затопалъ
Сатиръ, и открывъ насъ, въ ладоши захлопалъ.

V.

„Чѣмъ этого бога въ восторгъ я привелъ!
Нѣтъ! полно!“ сказалъ я, взволнованъ и золъ, —
„Не время намъ нѣжиться! полно шутить,
Убью, если нечѣмъ инымъ отомстить!“
Вакханка меня обхватила руками,
И шепчетъ мнѣ: „пусть онъ хохочетъ надъ нами“.

VI.

—„Но эта насмѣшка мнѣ кровь леденитъ
Я камень схвачу—и онъ будетъ убитъ.“
—„Постой! онъ задоренъ, хитеръ и силенъ,
Я драки люблю; но съ нимъ бой неравенъ....
Пусти! я дойду—и шепну лишь словечко,
Уйдетъ онъ, и будетъ смиренъ, какъ овечка.“

VII.

И встала нагая вакханка, у ногъ
Моихъ покидая измятый вѣнокъ,
И вышла на солнце. Сатиръ ее ждалъ,
Ей, зубы оскаливъ, лукаво мигалъ;
Она ему на ухо что-то сказала,
И тирсъ уронила, и съ нимъ побѣжала.

VIII.

Глазамъ я не вѣрилъ, какъ будто во снѣ....
Я къ ней, но она обернулась ко мнѣ,
И громко смѣясь, закричала: „прощай!
Не вынесъ ты смѣха—теперь догоняй!“
И въ гнѣвѣ, проклятье пославши Зевесу,
Я тирсъ ея поднялъ и бросился къ лѣсу.

IX.

Я видѣлъ, какъ обнялъ онъ цѣпкой рукой,
Веселой измѣнницы станъ молодой,
Какъ, бѣлыя ноги вакханки моей
Козлиныхъ прыжковъ его были рѣзвѣй,
Какъ, взвизгнувъ, она за рога уцѣпилась,
И вдругъ на спинѣ у него очутилась.

X.

И въ бродъ, тамъ гдѣ въ пѣну свалился утесъ,
Весь въ брызгахъ, скача, онъ вакханку понесъ,
За ними стремглавъ прибѣжалъ я къ рѣкѣ.
Копыто сатира увязло въ пескѣ....
Я тирсъ въ него бросилъ—тирсъ въ сучьяхъ повиснулъ;
Онъ вверхъ побѣжалъ, и дразня меня, свистнулъ.

XI.

И съ торжествомъ мнѣ махнувши рукой,
Вакханка исчезла съ нимъ въ чащѣ лѣсной;
Вернулся мой умъ, я какъ вкопаный сталъ:—
„Спасибо за первый урокъ!“ закричалъ.
И крикъ мой, въ лѣсу повторяемый эхомъ,
Вдали мнѣ откликнулся вѣтренымъ смѣхомъ.

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

ИСТОРІЯ ЛЕЙТЕНАНТА ЕРГУНОВА

I.

....Въ тотъ вечеръ Кузьма Васильевичъ Ергуновъ разказалъ намъ опять свою исторію. Онъ повторялъ ее аккуратно разъ въ мѣсяцъ, и мы слушали ее каждый день съ новымъ удовольствіемъ, хотя знали ее чуть не наизусть, со всѣми ея подробностями. Подробности эти обросли, если можно такъ выразиться, первоначальный стволъ самой исторіи, какъ опенки обростаютъ срубленный пень. Слишкомъ хорошо зная характеръ нашего собесѣдника, мы не затруднялись пополнять его недомолвки и пропуски. Но съ тѣхъ поръ Кузьма Васильевичъ умеръ, и уже разказывать его исторію будетъ некому, а потому мы и рѣшаемся довести ее до всеобщаго свѣдѣнія.

II.

Случилась она лѣтъ сорокъ тому назадъ, во время молодости Кузьмы Васильевича. Самъ онъ говорилъ про себя, что былъ онъ тогда франтъ и красавецъ, кровь съ молокомъ, губы имѣлъ румяныя, волосы кудрявые и очи соколиныя. Мы вѣрили ему на-слово, хотя ничего подобнаго въ немъ не находили: на наши глаза Кузьма Васильевичъ представлялся человѣкомъ наружности весьма обыкновенной, съ простымъ и какъ бы заспаннымъ лицомъ, грузнымъ и нескладнымъ тѣломъ. Но и то сказать: годы хоть какую красоту исказятъ! Слѣды франтовства болѣе ясно сохранились въ Кузьмѣ Васильевичѣ. Онъ до старости носилъ узкіе панталоны со штрипками, перетягивалъ свой дебелый станъ, на затылкѣ стригъ, на лбу завивалъ свои волосы, и усы красилъ персидскою фаброй, которая впрочемъ отливала больше багрянцемъ и даже зеленью чѣмъ чернотой. Со всѣмъ тѣмъ Кузьма Васильевичъ былъ весьма достойный дворянинъ,

хотя за преферансомъ любилъ „запускать *глазенапа*“ къ сосѣдямъ, то-есть заглядывалъ имъ въ карты; но это онъ дѣлалъ не столько изъ жадности, сколько изъ бережливости, ибо не любилъ попусту тратить деньги. Однако, въ сторону прибаутки: приступимъ къ самому дѣлу.

III.

Дѣло это происходило весной, въ тогда еще новомъ городѣ Николаевѣ, куда Кузьма Васильевичъ былъ откомандированъ по казенному порученію. (Онъ служилъ лейтенантомъ во флотѣ.) Начальство ввѣрило ему, какъ надежному и благоразумному офицеру, надзоръ за какими-то морскими постройками, и отъ времени до времени выдавало въ его распоряженіе довольно значительныя суммы, которыя онъ, для большей безопасности, постоянно носилъ въ кожаномъ поясѣ на тѣлѣ. Кузьма Васильевичъ, дѣйствительно, отличался благоразуміемъ, и несмотря на свои молодые годы, велъ себя примѣрно: всякихъ неприличныхъ поступковъ избѣгалъ тщательно, не прикасался картъ, вина не пилъ и даже общества чуждался, такъ что товарищи его, смирные—прозывали его красною дѣвицей, а буйные—мямлей и рохлей. За Кузьмой Васильевичемъ водился одинъ только грѣшокъ: онъ питалъ сердечную склонность къ прекрасному полу; однако и тутъ умѣлъ сдерживать свои порывы, и никакого „малодушества“ себѣ не позволялъ. Онъ вставалъ и ложился спать рано, добросовѣстно исполнялъ свою обязанность, и единственное его развлеченіе состояло въ вечернихъ, довольно продолжительныхъ прогулкахъ по загороднымъ улицамъ Николаева. Книгъ онъ не читалъ, ибо боялся приливовъ къ головѣ; каждую весну онъ пилъ особый декоктъ противъ полнокровія. Надѣвъ мундиръ и старательно обчистившись вѣничкомъ, Кузьма Васильевичъ отправлялся степеннымъ шагомъ вдоль заборовъ фруктовыхъ садовъ, часто останавливался, любовался красотами природы, срывалъ цвѣтокъ на память и чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе; но особенное наслажденіе испытывалъ онъ только тогда, когда ему случалось встрѣтить „купидончика“, то-есть хорошенькую мѣщаночку, спѣшившую домой въ накинутой на плечи душегрѣйкѣ, съ узелкомъ въ маленькой ручкѣ и съ пестрымъ платочкомъ на головѣ. Будучи, какъ онъ самъ выражался, комплекціи чувствительной, но

скромной, Кузьма Васильевичъ не заговаривалъ съ „купинодончикомъ“, за то привѣтливо улыбался ему, долго и внимательно глядѣлъ ему въ слѣдъ.... Потомъ вздыхалъ глубоко, отправлялся тѣмъ же степеннымъ шагомъ домой, садился у окошка и мечталъ съ полчасика, бережно покуривая крѣпкій вагштафъ изъ большой пѣнковой трубки, подаренной ему крестнымъ отцомъ, квартальнымъ надзирателемъ изъ Нѣмцевъ. Такъ проходили дни, ни весело, ни скучно.

IV.

Вотъ однажды, возвращаясь передъ сумерками пустымъ переулкомъ къ себѣ на квартиру, Кузьма Васильевичъ услышалъ за собой торопливые шаги и прерывистыя слова, смѣшанныя съ рыданьями. Онъ оглянулся, и увидѣлъ дѣвушку лѣтъ двадцати, съ чрезвычайно пріятнымъ, но совершенно разстроеннымъ и заплаканнымъ лицомъ. Казалось, ее постигло большое и неожиданное горе: она бѣжала и спотыкалась на бѣгу, говорила сама съ собой, охала, махала руками; ея бѣлокурые волосы растрепались, а косынка (тогда еще не знали ни бурнусовъ, ни мантилій) соскользнула съ плечъ и держалась на одной булавкѣ. Одѣта была дѣвушка какъ барышня, не какъ мѣщанка.

Кузьма Васильевичъ посторонился; чувство состраданія побѣдило въ немъ опасеніе смалодушничать, и когда она съ нимъ поровнялась, вѣжливо прикоснулся къ козырьку своего кивера и спросилъ ее о причинѣ ея слезъ.

— Потому, прибавилъ онъ и положилъ руку на кортикъ,— я, какъ военный человѣкъ, могу помочь.

Дѣвушка остановилась, и повидимому, въ первое мгновенье не совсѣмъ ясно поняла, чего онъ хотѣлъ отъ нея; но тотчасъ же, какъ бы обрадовавшись случаю высказаться, заговорила на несовсѣмъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Помилуйте, господинъ офицеръ, начала она, и слезы посыпались дождемъ по ея миловиднымъ щекамъ,—что̀ же это такое! Это ужасти, это Богъ знаетъ что̀! Насъ совсѣмъ ограбили, помилуйте! Кухарка все, все унесла, все, сервизъ, шкатулку и платье.... да.. и платье даже, и чулки, и бѣлье... да... и тетенькинъ ридикюль, тамъ еще была двадцатипятирублевая бумажка въ такой маленькій футляръ, и двѣ ложки анпликэ.... и еще салопъ, и все.... И это я все говорю господину квартальному поручику, а господинъ квартальный поручикъ говоритъ:

„Подите вонъ, не вѣрю, не вѣрю.... Слышать, слышать не хочу, вы самы такія же!“ Я говорю: „Помилуйте, салопъ....“ а онъ: „Слышать, слышать не хочу!“ Такъ обидно, господинъ офицеръ! Подите, говоритъ, вонъ.... вонъ!... Да куда же я пойду?

Дѣвушка судорожно, почти съ воплемъ зарыдала, и совершенно растерявшись, прислонилась къ рукаву Кузьмы Васильевича.... Онъ смутился въ свою очередь, и замеръ на мѣстѣ, только изрѣдка повторяя: „Полноте, полноте!“ а самъ все глядѣлъ на тонкій, безпрестанно вздрагивавшій затылокъ огорченной дѣвушки.

— Позвольте, я провожу васъ, сказалъ онъ наконецъ, слегка касаясь указательнымъ пальцемъ ея плеча, — а то тутъ на улицѣ, вы понимаете, никакъ невозможно. Вы объясните мнѣ ваше неудовольствіе, и конечно, я приложу все стараніе.... какъ офицеръ.

Дѣвушка приподняла голову, и казалось, въ первый разъ хорошенько разглядѣла молодаго человѣка, который, можно сказать, держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Она застыдилась, отвернулась, и все еще всхлипывая, отошла немного въ сторону. Кузьма Васильевичъ возобновилъ свое предложеніе. Дѣвушка посмотрѣла на него искоса, сквозь мокрые отъ слезъ волосы, падавшіе ей на лицо (Кузьма Васильевичъ на этомъ мѣстѣ разказа всякій разъ увѣрялъ насъ, что этотъ взглядъ пронзилъ его „словно шиломъ“, а однажды даже попытался представить намъ этотъ удивительный взглядъ), и положивъ свою руку на подставленную калачикомъ руку услужливаго лейтенанта, отправилась вмѣстѣ съ нимъ на свою квартиру.

V.

Кузьма Васильевичъ въ жизни своей мало имѣлъ обращенія съ дамами, и потому затруднялся, съ чего бы начать бесѣду, но спутница его сама залепетала весьма рѣчисто, безпрестанно утирая безпрестанно накоплявшіяся слезы. Нѣсколько мгновеній спустя, Кузьма Васильевичъ уже зналъ, что ее звали Эмиліей Карловной, что она была родомъ изъ Риги, а въ Николаевъ пріѣхала погостить къ своей тетенькѣ, которая тоже была изъ Риги, что ея папенька также служилъ въ военной службѣ, но умеръ „отъ груди“; что у тетеньки была кухарка изъ Русскихъ, очень хорошая и дешевая, только безъ паспорта, и что самая та кухарка въ самый тотъ день ихъ обокрала и сбѣжала неизвѣстно куда.

Надо было пойдти въ полицію — in die Polizei.... Но тутъ воспоминанія о квартальномъ, о нанесенной обидѣ нахлынули снова.... и снова разразились рыданья. Кузьма Васильевичъ опять затруднился, что̀ бы сказать такое утѣшительное.... Но дѣвушка, у которой, повидимому, всѣ впечатлѣнія и приходили, и уходили очень скоро, внезапно остановилась, и протянувъ руку, спокойно промолвила:

— А вотъ наша квартира!

VI.

Квартира эта состояла изъ плохенькаго, словно въ землю вросшаго домика, съ четырьмя крошечными окошками на улицу. Темная зелень гераніума застилала ихъ изнутри, въ одномъ изъ нихъ теплилась свѣчка: ночь уже надвигалась. Отъ самаго домика и почти въ уровень съ нимъ тянулся бревенчатый заборъ съ едва замѣтною калиткой. Дѣвушка подошла къ ней, и найдя ее запертою, нетерпѣливо заколотила желѣзнымъ кольцомъ заржавѣлаго замка. Послышались за заборомъ тяжелые шаги, словно кто шелъ, небрежно шаркая, въ стоптанныхъ туфляхъ, и хриплый женскій голосъ спросилъ что-то по-нѣмецки, чего Кузьма Васильевичъ не понялъ: онъ, какъ истый морякъ, не зналъ ни одного языка кромѣ русскаго. Дѣвушка отвѣчала тоже по-нѣмецки; калитка чуть-чуть отворилась, и впустивъ дѣвушку, тотчасъ захлопнулась передъ самымъ носомъ Кузьмы Васильевича, который, однако, успѣлъ разглядѣть, среди полумрака лѣтнихъ сумерекъ, обликъ толстой старухи въ красномъ платьѣ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукѣ. Пораженный изумленьемъ, Кузьма Васильевичъ остался нѣкоторое время неподвиженъ на улицѣ; но при мысли, что съ нимъ, военнымъ офицеромъ, такъ невѣжливо поступаютъ (Кузьма Васильевичъ весьма дорожилъ своимъ званіемъ), онъ почувствовалъ приливъ негодованія, круто повернулся налѣво кругомъ и направился домой. Онъ еще десяти шаговъ не отошелъ, какъ калитка опять отворилась, и дѣвушка, уже успѣвшая пошептаться со старухой, показалась на порогѣ и громко воскликнула:

— Куда же вы, господинъ офицеръ! Пожалуйте къ намъ!

Кузьма Васильевичъ поколебался немного, однако вернулся.

VII.

Его новая знакомая, которую мы отнынѣ будемъ звать Эмиліей, ввела его чрезъ темный и сырой чуланчикъ въ

довольно большую, но низкую и неопрятную комнату, съ громаднымъ шкафомъ у задней стѣны, клеенчатымъ диваномъ, облупившимися портретами двухъ архіереевъ въ клобукахъ и одного Турка въ чалмѣ надъ дверями и между оконъ, картонами и коробками по угламъ, разрозненными стульями и кривоногимъ ломбернымъ столомъ, на которомъ лежала мужская фуражка возлѣ недопитаго стакана съ квасомъ. Вслѣдъ за Кузьмой Васильевичемъ вошла въ комнату и замѣченная имъ у калитки старуха въ красномъ платьѣ, которая оказалась весьма неблагообразною Жидовкой, съ угрюмыми свиными глазками и сѣдыми усами на одутловатой верхней губѣ. Эмилія указала на нее Кузьмѣ Васильевичу и промолвила:

— А вотъ моя тетенька, мадамъ Фритче.

Кузьма Васильевичъ нѣсколько удивился, однако почелъ долгомъ отрекомендоваться. Мадамъ Фритче посмотрѣла на него изъ-подлобья, ничего ему не отвѣтила и спросила свою племянницу по-русски: не хочетъ ли она чаю?

— Ахъ да, чаю! подхватила Эмилія;—не правда ли, господинъ офицеръ, вы будете кушать чай? Да, тантушка, дайте чаю!... Но что же вы стоите, господинъ офицеръ? Садитесь! Ахъ какой вы церемонный! Позвольте, я сниму косынку.

Когда Эмилія говорила, она безпрестанно поворачивала голову изъ стороны въ сторону и подергивала плечиками; птицы такъ дѣлаютъ, когда сидятъ на высокой голой вѣткѣ и со всѣхъ сторонъ освѣщены солнцемъ.

Кузьма Васильевичъ опустился на стулъ, и придавъ осанкѣ своей надлежащую важность, а именно, подпершись кортикомъ и устремивъ глаза на полъ, навелъ рѣчь на покражу. Но Эмилія тотчасъ перебила его.

— Не безпокойтесь, это ничего; тетенька мнѣ сейчасъ сказала, что главныя вещи сысканы. (Мадамъ Фритче проворчала что-то себѣ подъ носъ и вышла вонъ.) И совсѣмъ не надо было ходить въ Polizei; но я никакъ не могу утерпѣть, потому я такая.... Вы не понимаете по-нѣмецки? такая быстрая, immer so rasch! Но я уже не думаю объ этомъ.... aber auch gar nicht!

Кузьма Васильевичъ посмотрѣлъ на Эмилію. Дѣйствительно, лицо ея приняло выраженіе самое беззаботное. Все въ немъ улыбалось, въ этомъ хорошенькомъ личикѣ: и опушенные почти бѣлыми рѣсницами глаза и губы, и щеки, и подбородокъ, и ямочка на подбородкѣ, и самый даже кончикъ вздернутаго носа. Она подошла къ маленькому зеркальцу

возлѣ шкафа, и попѣвая сквозь зубы и щурясь, стала поправлять волосы. Кузьма Васильевичъ пристально слѣдилъ за ея движеніями.... Очень она ему нравилась.

VIII.

— Вы меня извините, заговорила она снова, слегка повертываясь предъ зеркаломъ,—что я васъ такъ.... привела къ себѣ. Можетъ-быть, вамъ непріятно?

— О, помилуйте!

— Я вамъ уже сказала: я такая быстрая. Сперва сдѣлаю, потомъ подумаю. А иногда даже и не подумаю.... Какъ васъ зовутъ, господинъ офицеръ? Можно спросить? прибавила она, подойдя къ нему и скрестивъ на груди свои кругленькія руки.

— Меня зовутъ Ергуновъ Кузьма Васильевъ.

— Ергу.... Ахъ, это имя не хорошо!... То-есть, трудно для меня. Я буду васъ звать господинъ Флóрестанъ. У насъ въ Ригѣ былъ одинъ господинъ Флóрестанъ. Онъ продавалъ отличный гроденапль въ магазинѣ и былъ красавецъ. Не хуже васъ. Но какой вы широкоплечій! Настоящій русскій молодецъ! Я люблю Русскихъ.... я сама Русская.... мой папенька былъ офицеръ. А руки у меня бѣлѣе вашихъ!—Она подняла ихъ надъ головой, помахала ими нѣсколько разъ по воздуху, для того чтобы кровь отъ нихъ оттекла, и тотчасъ ихъ опустила.— Видите? Я ихъ мою греческимъ мыломъ.... съ духами. Понюхайте.... Ахъ! да не цѣлуйте.... Я не затѣмъ.... Гдѣ вы служите?

— Я служу въ 19-мъ Черноморскомъ экипажѣ, во флотѣ.

— А! Вы морякъ! А что же, у васъ большое жалованье?

— Нѣтъ.... не очень-съ.

— Вы, должно-быть, очень храбры. Это сейчасъ видно по вашимъ глазамъ. Какія у васъ густыя брови! Говорятъ, ихъ надо на ночь саломъ мазать, чтобы росли. Но отчего у васъ усовъ нѣтъ?

— По формѣ не полагается.

— Ахъ! это нехорошо! Что это у васъ, кинжалъ?

— Это, кортикъ, кортикъ, такъ-сказать, принадлежность моряковъ.

— А! кортикъ! Что, онъ острый? Можно посмотрѣть?—Она съ усиліемъ, закусивъ губу и щурясь, вытащила лезвіе изъ ножонъ и приложилась къ нему носомъ.—О, какой тупой! Эдакъ я васъ сейчасъ убить могу.

Она замахнулась на Кузьму Васильевича. Онъ притворился что испугался, и засмѣялся. И она засмѣялась.

— Ihr habt Pardon, вы помилованы, промолвила она, принявъ величественную позу.—На, возьмите ваше оружіе. А сколько вамъ лѣтъ? спросила она вдругъ.

— Двадцать пять.

— А мнѣ девятнадцать! Какъ это смѣшно! Ахъ!

— И Эмилія залилась такимъ звонкимъ хохотомъ, что даже назадъ немного опрокинулась. Кузьма Васильевичъ не поднимался со стула и еще пристальнѣе прежняго глядѣлъ на ея розовое, трепетавшее отъ смѣха лицо, и нравилась она ему все больше и больше.

Эмилія вдругъ умолкла, и напѣвая сквозь зубы — такая у ней была привычка—снова подошла къ зеркалу.

— Вы умѣете пѣть, господинъ Флóрестанъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Не выученъ-съ.

— А играть на гитарѣ? Тоже нѣтъ? А я умѣю. У меня есть гитара-съ перленмуттеръ, только струны порваны. Надо будетъ купить. Вы мнѣ дадите денегъ, господинъ офицеръ? Я вамъ спою прекрасный нѣмецкій романсъ.—Она вздохнула и закрыла глаза.—Ахъ, такой прекрасный! Но танцовать вы умѣете? И это нѣтъ? Unmöglich! Я васъ выучу. Лакосезъ и вальсъ-казакъ. Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла....— Эмилія подпрыгнула раза два.—Посмотрите, какія у меня ботинки! „З'Варшавы“. О. мы будемъ танцовать съ вами, господинъ Флóрестанъ! Но какъ вы называть меня будете?

Кузьма Васильевичъ осклабился и покраснѣлъ до ушей.

— Я буду васъ звать: прекраснѣйшая Эмилія!

— Нѣтъ! нѣтъ! Вы должны звать меня: Mein Schätzchen, mein Zuckerpüppchen! Повторите за мною.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, но я боюсь, для меня будетъ нѣсколько затруднительно....

— Все равно, все равно. Скажите: Mein.

— Мэ.... инъ....

— Zucker.

— Цук.... керъ....

— Püppchen! Püppchen! Püppchen!

— Пю... Пю... Этого я не могу-съ. Нехорошо что-то выходитъ.

— Нѣтъ! Вы должны.... Вы должны! А вы знаете, что̀ это значитъ? Это по-нѣмецки самое пріятное для барышень слово. Я вамъ это растолкую послѣ. А теперь вотъ тетенька намъ самоваръ несетъ. Браво! браво! Тетенька, я буду пить чай со сливками.... Есть сливки?

— So schweige doch, отвѣчала тетенька.

IX.

Кузьма Васильевичъ просидѣлъ у мадамъ Фритче до полуночи. Съ самаго своего пріѣзда въ Николаевъ онъ еще не проводилъ такого пріятнаго вечера. Правда, ему не разъ приходило въ голову, что офицеру или дворянину не слѣдовало бы знаться съ особами въ родѣ рижской уроженки и ея „тантушки“, но Эмилія такая была хорошенькая, такъ забавно болтала, такъ ласково на него поглядывала, что онъ махнулъ рукой на свое происхожденіе, званіе, и рѣшился на этотъ разъ пожить въ „собственное удовольствіе“. Одно только обстоятельство его смутило и оставило въ немъ впечатлѣніе не совсѣмъ пріятное. Въ самомъ разгарѣ разговора между имъ, Эмиліей и мадамъ Фритче, дверь изъ передней комнаты чуть-чуть растворилась, и мужская рука въ темномъ обшлагѣ съ тремя крошечными серебряными пуговками тихонько высунулась и тихонько положила на стулъ возлѣ двери довольно большой узелъ. Обѣ дамы тотчасъ бросились къ стулу и начали разсматривать принесенное. „Да это не тѣ ложки!“ воскликнула Эмилія, но тетка толкнула ее локтемъ и унесла узелъ, не завязавъ концовъ. Кузьмѣ Васильевичу показалось, какъ будто одинъ изъ нихъ былъ запачканъ чѣмъ-то краснымъ, словно кровью....

— Что̀ это? спросилъ онъ Эмилію.—Вамъ еще нѣсколько краденыхъ вещей возвратили?

— Да, отвѣчала Эмилія, какъ бы нехотя;—еще.

— Это слуга вашъ ихъ отыскалъ?

Эмилія нахмурилась.

— Какой слуга? У насъ нѣтъ никакого слуги.

— Такъ другой какой муцина?

— Къ намъ муцины не ходятъ.

— Однако позвольте, позвольте.... Я видѣлъ обшлагъ мужскаго сюртука или венгерки. И наконецъ эта фуражка....

— Къ намъ никогда, никогда муцины не ходятъ, настойчиво повторила Эмилія....—Что̀ вы видѣли.... Ничего вы не видѣли! А фуражка эта моя.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Случится въ маскарадъ... Ну да, моя, und Punctum!

— А кто жь вамъ узелъ-то принесъ?

Эмилія ничего не отвѣчала, и надувъ губки, вышла изъ комнаты вслѣдъ за мадамъ Фритче. Спустя минутъ десять, она вернулась одна, безъ тетки, и когда Кузьма Васильевичъ снова принялся ее разспрашивать, она посмотрѣла ему въ лобъ, сказала, что стыдно быть кавалеру любопытнымъ (при этихъ словахъ лицо ея немного измѣнилось, словно потемнѣло), и доставъ изъ ломбернаго стола колоду старыхъ картъ, попросила его погадать на ея счастье и на червоннаго короля.

Кузьма Васильевичъ засмѣялся, взялъ карты, и всякія нехорошія мысли тотчасъ выскочили у него изъ головы.

Но онѣ еще разъ вернулись къ нему въ тотъ же день. А именно: онъ уже вышелъ изъ калитки на улицу, уже простился съ Эмиліей, въ послѣдній разъ крикнувъ ей: „Adieu Zuckerpüppchen!“ какъ вдругъ мимо его прошмыгнулъ человѣкъ невысокаго росту, и обернувшись на мигъ въ его сторону (ночь давно наступила, но луна свѣтила довольно ярко), выставилъ цыганское худощавое лицо съ черными густыми бровями и усами, черными глазами и крючковатымъ носомъ. Человѣкъ этотъ тотчасъ бросился за уголъ, а Кузьмѣ Васильевичу показалось, что онъ узналъ не лицо его,—онъ никогда не видалъ его прежде,—а обшлагъ его рукава: три серебряныя пуговки явственно сверкнули на лунѣ. Тревожное недоумѣніе зашевелилось въ душѣ осторожнаго лейтенанта; вернувшись домой, онъ не закурилъ, по обыкновенію, своей пѣнковой трубки. Впрочемъ, неожиданное знакомство съ любезною Эмиліей и пріятные часы, проведенные въ ея обществѣ, способствовали взволнованному настроенію его чувствъ.

X.

Какія бы ни были опасенія Кузьмы Васильевича, они разсѣялись скоро и не оставили слѣда. Онъ сталъ частенько навѣдываться къ обѣимъ дамамъ изъ Риги. Влюбчивый лейтенантъ сблизился съ Эмиліей. Сперва онъ стыдился этой близости, скрывалъ свои посѣщенія, потомъ пересталъ стыдиться и скрываться: кончилось тѣмъ, что онъ охотнѣе сидѣлъ у своихъ новыхъ знакомыхъ чѣмъ у кого бы то ни было, не говоря уже о собственныхъ, не слишкомъ веселыхъ четырехъ стѣнахъ. Сама мадамъ Фритче уже не возбуждала въ немъ непріятныхъ ощущеній, хотя обращалась съ нимъ непривѣтливо и угрюмо попрежнему. Особы мало-зажиточныя, подобныя госпожѣ Фритче, въ гостяхъ своихъ преиму-

щественно цѣнятъ щедрость; а Кузьма Васильевичъ былъ скупенекъ и дарилъ больше изюмомъ, грецкими орѣхами, пряниками.... Только разъ онъ, по собственному выраженію, „раззорился“, поднесъ Эмиліи легонькую розовую косынку настоящей французской матеріи; а она въ тотъ же день прожгла на свѣчкѣ его подарокъ. Онъ сталъ ей выговаривать: она нацѣпила косынку на хвостъ кошкѣ; онъ разсердился, она разсмѣялась ему въ носъ. Кузьма Васильевичъ долженъ былъ, наконецъ, самому себѣ сознаться, что онъ не только не пользовался уваженіемъ дамъ изъ Риги, но даже довѣрія ихъ не заслужилъ: его никогда не впускали разомъ, безъ предварительнаго осмотра; иногда заставляли дожидаться, иногда отсылали прочь безо всякой церемоніи, и желая что-нибудь скрыть отъ него, бесѣдовали при немъ по-нѣмецки. Эмилія не отдавала ему никакого отчета въ своихъ поступкахъ и на его вопросы отвѣчала какъ-то вскользь, словно не разслышавъ его словъ; а главное: нѣкоторыя комнаты въ домѣ мадамъ Фритче, который былъ довольно обширенъ, хотя съ улицы казался лачужкой, оставались для него постоянно закрытыми. За всѣмъ тѣмъ, Кузьма Васильевичъ не прекращалъ своихъ посѣщеній, а напротивъ учащалъ ихъ: онъ все-таки живыхъ людей видѣлъ. Самолюбіе его удовлетворялось также и тѣмъ, что Эмилія продолжала называть его Флорестаномъ, находила его красавцемъ необыкновеннымъ и увѣряла, что у него глаза какъ у райской птицы, „wie die Augen eines Paradiesvogels!“

XI.

Однажды, въ самый развалъ лѣта, въ полдень, Кузьма Васильевичъ, провозившись цѣлое утро на солнцѣ съ подрядчиками и работниками, притащился измученный, разбитый, къ калиткѣ слишкомъ извѣстнаго ему домика. Онъ постучался; его впустили. Онъ ввалился въ такъ-называемую гостиную и тотчасъ же прикорнулъ на диванѣ. Эмилія подошла къ нему и отерла платкомъ его взмокшій лобъ.

— Какъ онъ усталъ, мой крошка! Какъ ему жарко! проговорила она съ соболѣзнованіемъ.—Боже мой! Хоть бы воротникъ разстегнулъ. Господи! Такъ душка и прыгаетъ.

— Умаялся я, дружокъ, простоналъ Кузьма Васильевичъ.— Съ утра на ногахъ, да на самомъ все припекѣ. Бѣда! Домой хотѣлъ идти. Тамъ опять эти аспиды, подрядчики! А у васъ тутъ прохлада.... кажется, соснулъ бы.

— Ну и что̀ же? Почивай, мой цыпленочекъ; здѣсь никто не мѣшаетъ....

— Да совѣстно какъ будто....

— В-вотъ! что̀ за совѣсть! Почивай. А я тебя буду.... какъ это по-вашему?... байбайкать. „Schlaf, mein Kindchen, schlafe!“ запѣла она.

— Водицы бы сперва испить....

— Вотъ тебѣ стаканъ воды. Свѣжая! Какъ кристаллъ! Постой, я подушечку подъ голову положу... А вотъ это отъ мухъ.

Она закрыла ему лицо платкомъ.

— Спасибо, купидончикъ.... Я только такъ.... вздремну маленько....

Кузьма Васильевичъ закрылъ глаза и заснулъ немедленно.

„Schlaf, mein Kindchen, schlafe!“ напѣвала Эмилія, покачиваясь изъ стороны въ сторону и сама тихонько подсмѣиваясь и пѣсенкѣ своей, и своимъ движеніямъ.

„Какое у меня большое дитя!“ думала она. „Мальчикъ!“

XII.

Часа черезъ полтора лейтенантъ проснулся. Ему чудилось сквозь сонъ, какъ будто кто-то его трогаетъ, наклоняется, дышетъ надъ нимъ. Онъ ощупался, сдернулъ платокъ. Эмилія стояла на колѣняхъ близехонько возлѣ него; выраженіе ея лица показалось ему страннымъ. Она тотчасъ же вскочила, отошла къ окошку и спрятала что-то въ карманъ.

Кузьма Васильевичъ потянулся.

— Однакожь я-таки всхрапнулъ лихо! промолвилъ онъ, зѣвая.—Поди-ка сюда, мэйне зюссе фрейлейнъ!

Эмилія подошла къ нему. Онъ проворно приподнялся, сунулъ руку въ ея карманъ и досталъ небольшія ножницы.

— Ach, Herr Je! невольно воскликнула Эмилія.

— Это.... это ножницы? пробормоталъ Кузьма Васильевичъ.

— Ну да, конечно. А ты что̀ думалъ—пистолетъ? Ахъ, какое у тебя смѣшное лицо! Измято какъ подушка, и волосы на затылкѣ всѣ кверху... И не смѣется... Ахъ, ахъ! А глаза опухли... Ахъ!

Эмилія захохотала.

— Ну, будетъ, будетъ, проворчалъ Кузьма Васильевичъ и всталъ съ дивана.—Будетъ зубы-то безъ толку скалить. Коли ничего умнѣе придумать не можешь, я вѣдь уйду.... Я уйду, повторилъ онъ, видя, что она не унимается.

Эмилія умолкла.

— Ну, полно, оставайся; я не стану.... Только волосы поправить надо....

— Нѣтъ, что̀ жь.... Оставь! Я лучше уйду, сказалъ Кузьма Васильевичъ и взялся за фуражку.

Эмилія надулась.

— Фуй, какой злой! Настоящій Русскій! Всѣ Русскіе злые! Вотъ онъ уходитъ. Фуй! Вчера мнѣ пять рублей обѣщалъ, а сегодня ничего не даетъ и уходитъ.

— У меня съ собой денегъ нѣтъ, буркнулъ Кузьма Васильевичъ уже въ дверяхъ.—Прощай!

Эмилія посмотрѣла ему вслѣдъ и погрозилась пальцемъ.

— Денегъ нѣтъ! Слышите, слышите, что̀ говоритъ! Охъ, какіе обманщики эти Русскіе! Но погодите, мопсъ вы эдакой... Тантушка, пожалуйте-ка сюда, я вамъ что̀ скажу.

Вечеромъ того же дня, Кузьма Васильевичъ, ложась спать и раздѣваясь, замѣтилъ, что въ верхнемъ краѣ его кожанаго пояса, вершка на полтора распоролся шовъ. Какъ человѣкъ аккуратный, онъ тотчасъ досталъ иголку и нитку, навощилъ ее и самъ зашилъ прорѣху, а впрочемъ не обратилъ никакого вниманія на это, повидимому, ничтожное обстоятельство.

XIII.

Весь слѣдующій день Кузьма Васильевичъ посвятилъ служебнымъ обязанностямъ; онъ не выходилъ изъ дому даже послѣ обѣда и вплоть до ночи, въ потѣ лица, строчилъ и переписывалъ на-бѣло рапортъ къ начальству, немилосердо путая буквы *ъ* и *е*, всякій разъ ставя послѣ „но“ восклицательный знакъ, а послѣ „впрочемъ“—точку съ запятой. На другое утро босоногій Жиденокъ, въ изорванномъ халатѣ, принесъ ему письмо отъ Эмиліи,—первое письмо, полученное отъ нея Кузьмой Васильевичемъ: „Mein Herr liebster Florestan“, писала она ему,—„неушта ты такъ разсердился на „твою Zuckerpüppchen, што не пришолъ вчирась? Пожалуста, „не сердись, если ты не хочешь, штопъ твоя веселая Эмилія „очень много плакала, и приходи непременно сиводня въ 5 „часовъ вечера.“ (Цифра 5 была окружена двумя вѣнками.) „Я очень, очень буду рада. Твоя любезная Эмилія.“ Кузьма Васильевичъ внутренно подивился учености своей любезной, далъ Жиденкугрошъ и велѣлъ сказать, что хорошо, молъ, приду.

XIV.

Кузьма Васильевичъ сдержалъ слово: пяти часовъ еще не пробило, какъ ужь онъ стоялъ передъ калиткой госпожи Фритче. Но, къ удивленію своему, онъ не засталъ Эмиліи дома; его встрѣтила сама хозяйка, и сдѣлавъ предварительно—о, чудо!—книксенъ, сообщила ему, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, Эмилія принуждена была отлучиться, но что она скоро вернется и проситъ его подождать ее. На госпожѣ Фритче былъ опрятный бѣлый чепецъ; она улыбалась, говорила вкрадчивымъ голосомъ и очевидно старалась придать привѣтливое выраженіе своему угрюмому лицу, которое, впрочемъ, нисколько отъ этого не выигрывало, а напротивъ, принимало какой-то зловѣщій оттѣнокъ.

— Вы, господинъ, присядьте, присядьте, твердила она, пододвигая кресло,—а мы васъ, если позволите, поподчуемъ!

Мадамъ Фритче еще разъ сдѣлала книксенъ, вышла изъ комнаты и скоро вернулась съ чашкой шеколада на маленькомъ желѣзномъ подносѣ. Шеколадъ оказался качества сомнительнаго, однако Кузьма Васильевичъ выпилъ всю чашку съ удовольствіемъ, хотя рѣшительно не могъ понять, откуда бралась такая прыть у мадамъ Фритче, и что̀ все это значило? Со всѣмъ тѣмъ, Эмилія не приходила, и онъ начиналъ терять терпѣніе и скучать, какъ вдругъ ему послышались за стѣной звуки гитары. Сперва раздался одинъ аккордъ, потомъ другой, третій, четвертый,—все громче, громче и полнѣй. Кузьма Васильевичъ изумился: у Эмиліи, точно, была гитара, но съ тремя струнами: онъ все еще не собрался купить ей остальныя, притомъ же Эмиліи дома не было. Кто жь это могъ быть? Опять раздался аккордъ и такъ звонко, словно въ самой комнатѣ.... Кузьма Васильевичъ обернулся и чуть не вскрикнулъ отъ испуга. Передъ нимъ, на порогѣ низенькой двери, которой онъ до тѣхъ поръ не замѣтилъ,—тяжелый шкафъ ее задвигалъ,—стояло неизвѣстное существо: дитя не дитя, и не взрослая дѣвушка. Одѣта она была въ бѣлое платьице съ пестрыми разводами и красные башмачки съ каблучками; прихваченные сверху золотымъ ободкомъ, густые черные волосы падали въ видѣ плаща съ небольшой головки на худенькое тѣло. Изъ-подъ мягкой ихъ громады блестѣли тем-

нымъ блескомъ огромные глаза; голыя, смуглыя ручки, обремененныя запястьями и кольцами, неподвижно держали гитару. Лица почти не было видно: такъ оно казалось мало и темно, только губы алѣли, и обозначался узкій, прямой носъ. Кузьма Васильевичъ долго стоялъ какъ вкопаный и пристально, не смигнувъ ни разу, глядѣлъ на это странное существо; и оно на него глядѣло, и тоже не мигало и не шевелилось. Наконецъ онъ очнулся и маленькими шажками подошелъ къ нему.

Темное личико начало понемногу улыбаться, бѣлые зубки сверкнули вдругъ, головка приподнялась и, чуть-чуть встряхнувъ кудрями, показалась во всей своей рѣзкой и тонкой красотѣ. „Это что̀ за бѣсенокъ?“ подумалъ Кузьма Васильевичъ, и нагнувшись еще поближе, промолвилъ въ полголоса:

— Фигурка! Эй, фигурка! Кто вы такая?

— Сю́да, сю́да, промолвила немного сиплымъ голоскомъ, не русскимъ, медлительнымъ говоромъ и съ невѣрными удареніями „фигурка“, и подалась назадъ шага на два.

Кузьма Васильевичъ вслѣдъ за ней переступилъ порогъ и очутился въ крохотной комнаткѣ безъ оконъ, обитой по стѣнамъ и по полу толстыми коврами изъ верблюжьей шерсти. Сильный запахъ мускуса такъ и обдалъ его. Двѣ желтыя восковыя свѣчи горѣли на кругломъ столикѣ передъ низкимъ турецкимъ диванчикомъ. Въ углу стояла кроватка подъ кисейнымъ пологомъ съ шелковыми полосками, и длинныя янтарныя, чётки, съ красною кистью на концѣ, висѣли близъ изголовья.

— Да позвольте, наконецъ, кто вы такая? повторилъ Кузьма Васильевичъ.

— Се́стра.... се́стра Эммиліи.

— Вы ея сестра? И здѣсь живете?

— Да.... да....

Кузьма Васильевичъ захотѣлъ прикоснуться къ „фигуркѣ“. Она отшатнулась.

— Какъ же это она никогда мнѣ объ васъ не говорила?

— А не́льзя.... не́льзя....

— Вы, стало-быть, скрываетесь.... прячетесь?

— Да....

— Есть такая причина?

— Есте.... е́сте.

— Гм!—Кузьма Васильевичъ опять захотѣлъ прикоснуться къ „фигуркѣ“, она опять отшатнулась.—То-то я васъ никогда не замѣтилъ. Я, признаюсь, и существованія вашего не

подозрѣвалъ. И мадамъ Фритче, старуха эта, вамъ тоже доводится теткой?

— Да.... тотка.

— Гм! Вы какъ будто по-русски плохо понимаете. Какъ васъ зовутъ, позвольте узнать?

— Ко́либри.

— Какъ?

— Ко́либри.

— Ко́либри? Вотъ необыкновенное имя! Это, помнится, въ Африкѣ бываютъ такія насѣкомыя?

XV.

Колибри засмѣялась коротким странным смѣхомъ.... Точно у ней въ горлѣ стеклышки столкнулись. Она покачала головкой, повела кругомъ глазами, положила гитару на столъ и, проворно подойдя къ двери, разомъ ее притворила. Она двигалась живо и ловко, съ едва слышнымъ, быстрымъ шумомъ, какъ ящерица; сзади ея волосы спускались ниже колѣнъ.

— А зачѣмъ вы дверь-то заперли? спросилъ Кузьма Васильевичъ. Колибри приложила палецъ къ губамъ:

— Эммилія.... Не надо.... ея не надо.

Кузьма Васильевичъ ухмыльнулся.

— Ужь не ревнуете ли вы?

Колибри приподняла брови.

— Цо?

— Ревнуете.... сердитесь, объяснилъ Кузьма Васильевичъ.

— О, да!

— Вотъ какъ! Много чести!.. Послушайте, сколько вамъ лѣтъ?

— Семинадцать.

— Семнадцать, вы хотите сказать?

— Да.

Кузьма Васильевичъ окинулъ внимательнымъ взоромъ свою фантастическую собесѣдницу.

— Какая же вы красоточка! проговорилъ онъ внушительно.— Чудо! просто чудо! Что̀ за волосы! Глаза! А брови-то, брови!.. У!

Колибри опять засмѣялась и опять повела своими великолѣпными глазами.

— Да, я краса́вица! Садитесь, и я сяду.... подлѣ.

— Извольте, извольте.... Но, воля ваша, какая же вы сестра Эмиліи? Вы на нее нисколько не похожи.

— Нѣтъ... я сéстра.... куджúна. Вотъ.... возьмите.... свѣтòкъ. Хорошій свѣтòкъ. Пахнетъ.—Она вынула изъ-за пояса вѣтку бѣлой сирени, понюхала, откусила лепестокъ и подала ему всю вѣтку.—Хотите варенья? Хорошее.... изъ Константинополя... шербетъ.—Колибри достала изъ небольшаго комода обернутую въ кусокъ алой шелковой матеріи, со стальными блестками, раззолоченную баночку, серебряную ложечку, хрустальный граненый графинчикъ съ водой и такой же стаканчикъ.—Кушайте шербетъ, господинъ; онъ очень прекрасный. Я вамъ буду пѣть.... Хотите?—Она схватила гитару.

— А вы поете? спросилъ Кузьма Васильевичъ, кладя себѣ въ ротъ ложку дѣйствительно превосходнаго шербету.

— О, да!—Она откинула назадъ свою косу, наклонила голову набокъ и взяла нѣсколько аккордовъ, старательно глядя на концы своихъ пальцевъ и на ручку гитары... потомъ вдругъ запѣла не по росту сильнымъ и пріятнымъ, но гортаннымъ и для уха Кузьмы Васильевича нѣсколько дикимъ голосомъ. „Ахъ ты, моя кошечка!“ подумалъ онъ. Пѣла она пѣсню заунывную, нисколько не русскую и на языкѣ совершенно Кузьмѣ Васильевичу незнакомомъ. По его увѣренію, звуки: „кха, гха“ то и дѣло слышались въ пѣніи, а подъ конецъ она протяжно повторила: „синтамаръ“ или „синцимаръ“, „что-то въ этомъ вкусѣ“, подперлась рукой, вздохнула и опустила гитару на колѣни. — Хорошо? спросила она.—Ещё хотите?

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Кузьма Васильевичъ. — Только зачѣмъ это у васъ такое лицо, словно все печальное? Вы бы шербету откушали.

— Нѣтъ... вы сами. А я ещё.... Эта будетъ весéлѣй.—Она спѣла другую пѣсенку, въ родѣ плясовой, на томъ же непонятномъ языкѣ. Опять послышались Кузьмѣ Васильевичу прежніе гортанные звуки. Ея смуглые пальчики такъ и бѣгали по струнамъ, „какъ паучки“. И кончила она этотъ разъ тѣмъ, что бойко крикнула: „Ганда!“ или „Гасса!“ и застучала кулачкомъ по столу, сверкая глазами....

XVI.

Кузьма Васильевичъ сидѣлъ какъ отуманенный. Голова у него кружилась. Такъ это все было неожиданно.... Да и запахъ этотъ, пѣніе... шербетъ съ ванилью... А тутъ Колибри все ближе къ нему подвигается, волосы ея блестятъ и шуршатъ, и пышетъ отъ нея жаромъ, и это печальное лицо... „Русалка!“ по-

думалъ Кузьма Васильевичъ. Неловко ему что-то становилось.

— Душечка моя, промолвилъ онъ, — признайтесь, что̀ вамъ вздумалось меня сегодня къ себѣ позвать?

— Вы молодой, хорошенькій.... Я такихъ люблю.

— А, вотъ что̀! Но что̀ скажетъ Эмилія? Она мнѣ письмо написала: она должна сейчасъ придти.

— Вы не говорите ей.... ничего! Бѣда! Убьетъ!

Кузьма Васильевичъ засмѣялся.

— Будто она такая злая?

Колибри нѣсколько разъ съ важностью качнула головой.

— И мадамъ Фритче тоже ничего. Ни! ни! ни!—Она тихонько постучала себѣ по лбу. — Понимаешь, офицеръ?

Кузьма Васильевичъ нахмурилъ брови.

— Тайна, значитъ?

— Да.... да.

— Ну, пожалуй.... словечка не пророню. Только за это ты поцѣловать меня должна.

— Нѣтъ, послѣ.... когда уйдешь.

— Вотъ еще что̀ выдумала! Кузьма Васильевичъ нагнулся было къ ней, но она медленно отклонилась и выпрямилась какъ ужъ, на котораго набрели въ лѣсной травѣ. Кузьма Васильевичъ уставился на нее. — Вишь ты! промолвилъ онъ наконецъ: — злюка какая! Ну, Господь съ тобой!

Колибри усмѣхнулась, почти фыркнула.

— Сегодня—нѣтъ, завтра—да. Завтра приходи.

— Въ которомъ часу?

— Въ семь.... вечеромъ.

— А какъ быть съ Эмиліей?

— Эммилія.... нѣтъ; не будетъ.

— Ты думаешь? Ну, хорошо. А только ты завтра скажешь мнѣ.

— Що?

— Зачѣмъ ты отъ меня такъ долго пряталась?

— Да.... да; завтра все будетъ; конецъ будетъ.

— Смотри же, а я тебѣ подарочекъ принесу.

— Нѣтъ... не надо.

— Отчего же? Ты вотъ, я вижу, наряжаться любишь.

— Не надо. Это... все мое. Не подарокъ. Я не бе́ру.

— Какъ знаешь! А теперь уйдти надо?

— О, да!

Кузьма Васильевичъ приподнялся. Колибри тоже встала.

— Прощай, игрушечка! А когда жь поцѣлуй-то?

Колибри вдругъ легко подпрыгнула, и проворно вскинувъ обѣ руки вокругъ шеи молодаго лейтенанта, не поцѣловала, а словно клюнула его въ губы. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее въ свою очередь, но она мгновенно отскочила прочь и стала за диванчикъ.

— Такъ завтра въ семь часовъ? промолвилъ онъ не безъ смущенія.

Она кивнула ему головой, и взявъ за конецъ двумя пальцами длинную прядь собственныхъ волосъ, прикусила ее своими острыми зубками.

Кузьма Васильевичъ сдѣлалъ ей ручкой, вышелъ и потянулъ за собою дверь. Онъ слышалъ какъ Колибри тотчасъ къ ней подбѣжала... Ключъ звонко щелкнулъ въ замкѣ.

XVII.

Въ гостиной госпожи Фритче никого не было. Кузьма Васильевичъ немедленно отправился въ переднюю. Ему не хотѣлось столкнуться съ Эмиліей. Хозяйка встрѣтила его на крыльцѣ.

— А! Вы уходите, господинъ лейтенантъ, промолвила она съ тою же приторною и зловѣщею ужимкой....—Эмиліи ждать не будете?

Кузьма Васильевичъ надѣлъ фуражку.

— Мнѣ, доложу вамъ, сударыня, некогда больше ждать. Я и завтра, можетъ-быть, не приду. Такъ вы ей и скажите.

— Хорошо, скажу. Но вѣдь вы не соскучились, господинъ лейтенантъ?

— Нѣтъ-съ; я не соскучился.

— То-то же. Прощенія просимъ-съ.

— Прощайте-съ.

Кузьма Васильевичъ пришелъ домой, и растянувшись на постели, погрузился въ размышленія. Онъ недоумѣвалъ несказанно. „Что̀ за притча во языцѣхъ!“ воскликнулъ онъ не однажды. И зачѣмъ Эмилія ему писала? Назначила свиданіе и не пришла?... Онъ досталъ ея записку, повертѣлъ ее въ рукахъ, понюхалъ: пахло отъ нея табакомъ, и въ одномъ мѣстѣ онъ замѣтилъ поправку; стояло: „плакала“, а сперва было написано: „плакалъ“. Но что̀ же можно было извлечь изъ этого? И возможно ли, чтобы хозяйка ничего не знала? И *она*. Кто она? Да; кто она? Очаровательная Колибри, эта „игрушечка“,

эта „фигурка“ не выходила у него изъ головы, и онъ съ нетерпѣніемъ дожидался завтрашняго вечера, хотя втайнѣ чуть не побаивался самой этой „игрушечки и фигурки“.

XVIII.

На слѣдующій день Кузьма Васильевичъ отправился передъ обѣдомъ въ ряды и, настойчиво поторговавшись, купилъ крошечный золотой крестикъ на бархатной ленточкѣ. „Хотя она и увѣряетъ“, такъ размышлялъ онъ, „что ей никакого подарка не требуется, но намъ хорошо извѣстно, что̀ подобныя слова обозначаютъ; а наконецъ, если точно нравъ у ней такой безкорыстный,—Эмилія не побрезгаетъ.“ Такъ размышлялъ николаевскій Донъ-Жуанъ, вѣроятно, даже не подозрѣвавшій въ то время чѣмъ былъ и чѣмъ остался въ памяти людской настоящій Донъ-Жуанъ. Въ шестомъ часу вечера Кузьма Васильевичъ выбрился тщательно, и послалъ за знакомымъ цирюльникомъ, велѣлъ хорошенько напомадить и завить себѣ хохолъ, что̀ тотъ и исполнилъ съ особеннымъ рвеніемъ, не жалѣя казенной бумаги на папильйотки; потомъ Кузьма Васильевичъ надѣлъ новый, съ иголочки, мундиръ, взялъ въ правую руку пару новыхъ замшевыхъ перчатокъ, и побрызгавъ на себя лоделаваномъ, вышелъ изъ дому. Кузьма Васильевичъ въ этотъ разъ гораздо больше хлопоталъ о своей наружности чѣмъ когда шелъ на свиданіе съ „Zuckerpüppchen“; не потому, что Колибри ему больше нравилась чѣмъ Эмилія, но въ „игрушечкѣ“ было нѣчто загадочное, нѣчто такое, что̀ невольно возбуждало даже то лѣнивое воображеніе, какимъ обладалъ молодой лейтенантъ.

XIX.

Мадамъ Фритче встрѣтила его по-вчерашнему, и какъ бы стакнувшись съ нимъ въ условной лжи, снова объявила ему, что Эмилія отлучилась на короткое время и проситъ ее подождать. Кузьма Васильевичъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и присѣлъ на стулъ. Мадамъ Фритче опять улыбнулась, то-есть показала свои желтые клыки, и удалилась, не предложивъ ему шеколаду.

Кузьма Васильевичъ тотчасъ вперилъ взоры въ таинственную дверь. Она оставалась закрытою. Онъ громко кашлянулъ раза два, какъ бы давая знать о своемъ присутствіи.... Дверь не шелохнулась. Онъ затаилъ дыханье, приникъ ухомъ....

Хоть бы малѣйшій шумъ или шорохъ ему послышался; точно все вымерло кругомъ. Кузьма Васильевичъ всталъ, на цыпочкахъ приблизился къ двери — и, напрасно пошаривъ пальцами, нажалъ на нее колѣномъ.... Не тутъ-то было. Тогда онъ нагнулся и раза два произнесъ усиленнымъ шепотомъ: „Колибри, Колибри.... Игрушечка!“ Никто не отозвался. Кузьма Васильевичъ выпрямился, одернулъ мундиръ—и, постоявъ немного на мѣстѣ, уже болѣе твердыми шагами подошелъ къ окну и забарабанилъ по стекламъ. Онъ начиналъ чувствовать досаду, негодованіе; офицерскій гоноръ заговорилъ въ немъ: „Что за вздоръ! подумалъ онъ наконецъ, за кого меня принимаютъ? Коли такъ, вѣдь я кулаками застучу. Принуждена она будетъ откликнуться! Старуха услышитъ.... Ну что жь? Не я виноватъ!“ Онъ быстро повернулся на каблукахъ.... Дверь стояла раскрытою на половину.

XX.

Кузьма Васильевичъ немедленно и снова на цыпочкахъ устремился въ потаенную комнатку. На диванѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ широкимъ краснымъ поясомъ, лежала Колибри, и закрывъ нижнюю часть лица платкомъ, смѣялась безъ шума, но отъ души. Волосы свои она убрала на этотъ разъ, заплела ихъ въ двѣ тугія длинныя косы и перевила красными лентами; вчерашніе башмачки красовались на ея крошечныхъ, крестъ-на-крестъ положенныхъ ножкахъ; но самыя эти ножки были голы: глядя на нихъ, можно было подумать, что она надѣла темные шелковые чулки. Диванъ стоялъ иначе чѣмъ наканунѣ: ближе къ стѣнѣ; а на столѣ, на китайскомъ подносѣ, виднѣлся толстобрюхій пестрый кофейникъ, рядомъ съ граненою сахарницей и двумя голубенькими фарфоровыми чашечками. Тутъ же лежала гитара, и сизый дымокъ бѣжалъ тонкою струйкой съ верхушки крупной курительной свѣчки.

Кузьма Васильевичъ подошелъ къ дивану и наклонился къ Колибри, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ промолвить слово, она протянула руку, и не переставая смѣяться въ платокъ, запустила свои небольшіе жесткіе пальцы въ его волосы и мгновенно растрепала его благоустроенный кокъ.

— Это что еще? воскликнулъ Кузьма Васильевичъ, не вполнѣ довольный подобною нецеремонностью въ обращеніи.— Ахъ, ты, шалунья!

Колибри приняла платокъ отъ лица.

— Не хорошо такъ; эдакъ лучше.—Она отодвинулась къ одному концу дивана и подобрала ноги. — Садитесь.... тамъ.

Кузьма Васильевичъ сѣлъ, куда она ему указывала.

— Зачѣмъ же ты удаляешься? промолвилъ онъ послѣ небольшаго молчанья. — Или ты меня боишься?

Колибри свернулась въ клубочекъ и посмотрѣла на него съ боку.

— Я не бо́юсь.... Нѣтъ.

— Ты не должна меня дичиться, продолжалъ наставительнымъ тономъ Кузьма Васильевичъ.—Ты вѣдь помнишь свое вчерашнее обѣщаніе? Поцѣловать меня?

Колибри обхватила свои колѣни обѣими руками, положила на нихъ голову и опять посмотрѣла на него.

— Помню.

— То-то же. И ты должна сдержать свое слово.

— Да.... должна.

— Въ такомъ случаѣ, началъ Кузьма Васильевичъ и пододвинулся было къ ней.

Колибри высвободила свои косы, которыя она захватила вмѣстѣ съ колѣнями, и одною изъ нихъ ударила его по рукѣ.

— Потише, господинъ!

Кузьма Васильевичъ сконфузился.

— Какіе у нея глаза, у разбойницы пробормоталъ онъ, какъ бы про себя. — Однако, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ,—зачѣмъ же ты звала меня въ такомъ случаѣ?

Колибри вытянула шею какъ птица.... Она прислушивалась. Кузьма Васильевичъ перетревожился.

— Эмилія? произнесъ онъ вопросительно.

— Нѣтъ.

— Кто-нибудь другой?

Колибри пожала плечомъ.

— Да ты что-нибудь слышишь?

— Ничего.—Колибри отвела назадъ, и тоже птичьимъ движеніемъ, свою небольшую, яйцевидную головку съ красивымъ проборомъ и короткими вихрами курчавыхъ завитушекъ на затылкѣ, тамъ гдѣ начинались косы, и опять въ клубочекъ свернулась. — Ничего.

— Ничего! Такъ я теперь...—Кузьма Васильевичъ потянулся къ Колибри, но тотчасъ же отдернулъ руку. На пальцѣ у него показалась капля крови.—Что̀ за глупости такія! воскликнулъ онъ, встряхивая пальцемъ.—Вѣчныя эти ваши булавки! Да и

kaкая это къ чорту булавka, прибавилъ онъ, взглянувъ на длинную золотую шпильky, которую Колибри медленно втыкала себѣ въ поясъ.—Это цѣлый кинжалъ, это жало.... Да, да, это твое жало, и ты оса, вотъ ты кто, оса, понимаешь?

Колибри, повидимому, очень понравилось сравненье Кузьмы Васильевича: она залилась тонкимъ хохотомъ и нѣсколько разъ сряду повторила:

— Да, я ужалю.... я ужалю.

Кузьма Васильевичъ глядѣлъ на нее и думалъ: „Вѣдь вотъ смѣется, а лицо все печальное....“

— Посмотри-ка, что̀ я тебѣ покажу, промолвилъ онъ громко.

— Цо?

— Зачѣмъ ты говоришь: цо? Развѣ ты Полька?

— Ни.

— Теперь вотъ: „ни!“ Ну да все равно!—Кузьма Васильевичъ досталъ свой подарочекъ и повертѣлъ имъ на воздухѣ.—Глянь-ка сюда... Хороша штучка?

Колибри равнодушно вскинула глазами.

— А! Крестъ! Мы не носимо.

— Какъ? Креста не носите? Да ты Жидовка, что ли?

— Не носимо, повторила Колибри, и вдругъ встрепенувшись, глянула назадъ черезъ плечо.—Хотите? я пѣть буду.... торопливо спросила она.

Кузьма Васильевичъ сунулъ крестикъ въ карманъ мундира и оглянулся тоже. Ему почудился легкій трескъ за стѣной....

— Что̀ такое? пробормоталъ онъ.

— Мышь.... мышь, поспѣшно проговорила Колибри — и вдругъ, совершенно неожиданно для Кузьмы Васильевича, обняла его голову своими гибкими, гладкими руками, и быстрый поцѣлуй обжегъ его щеку.... точно уголекъ къ ней приложился.

Онъ стиснулъ Колибри въ своихъ объятіяхъ, но она выскользнула какъ змѣя—ея станъ былъ немного толще змѣинаго туловища — и вскочила на ноги.

— Постой, шепнула она, прежде надо кофе пить....

— Полно! Что̀ за кофе! Послѣ.

— Нѣтъ, теперь. Теперь горячій, послѣ холодный.—Она-ухватила кофейникъ за ручку и, высоко приподнявъ его, стала лить въ обѣ чашки. Кофе падалъ тонкою, какъ бы перекрученою струей; Колибри положила голову на плечо и смотрѣла какъ онъ лился.—Вотъ, клади сахаръ.... пей.... и я буду.

Кузьма Васильевичъ бросилъ въ чашку кусокъ сахару и

выпилъ ее разомъ. Кофе ему показался очень крѣпкимъ и горькимъ. Колибри глядѣла на него улыбаясь и чуть-чуть расширяя ноздри надъ краемъ своей чашки. Она тихонько опустила ее на столъ.

— Что же ты не пьешь? спросилъ Кузьма Васильевичъ.

— Я.... понемножку.... отвѣчала она.

Кузьма Васильевичъ пришелъ въ азартъ.

— Да сядь же наконецъ возлѣ меня!

— Сейчасъ.—Она нагнула голову и, все не спуская глазъ съ Кузьмы Васильевича, взялась за гитару. — Только прежде я пѣть буду.

— Да, да, только сядь.

— И танцовать буду. Хочешь?

— Ты танцуешь? Ну, это бы я посмотрѣлъ. Но нельзя ли послѣ?

— Нѣтъ, теперь.... А я тебя очень люблю.

— Ты меня любишь! Смотри же.... а впрочемъ, танцуй, чудачка ты эдакая!

XXI.

Колибри стала по ту сторону стола и, пробѣжавъ нѣсколько разъ пальцами по струнамъ гитары, затянула, къ удивленію Кузьмы Васильевича, который ожидалъ веселаго, живаго напѣва, затянула какой-то медлительный, однообразный речитативъ, сопровождая каждый отдѣльный, какъ бы съ усиліемъ выталкиваемый звукъ мѣрнымъ раскачиваніемъ всего тѣла направо и налѣво. Она не улыбалась и даже брови свои сдвинула, свои высокія, круглыя, тонкія брови; между ними рѣзко выступалъ синій знакъ, похожій на восточную букву, вѣроятно, вытравленный порохомъ. Глаза она почти закрыла, но зрачки ея тускло свѣтились изъ-подъ нависшихъ рѣсницъ, попрежнему упорно вперяясь въ Кузьму Васильевича. И онъ также не могъ отвести взора отъ этихъ чудныхъ, грозныхъ глазъ, отъ этого смуглаго, постепенно разгоравшагося лица, отъ полураскрытыхъ и неподвижныхъ губъ, отъ двухъ черныхъ змѣй, мѣрно колебавшихся по обѣимъ сторонамъ стройной головы. Колибри продолжала раскачиваться, не сходя съ мѣста, и только ноги ея пришли въ движенье: она слегка ихъ передвигала, приподнимая то носокъ, то каблукъ. Разъ она вдругъ быстро перевернулась и пронзительно вскрикнула, высоко встряхнувъ въ воздухѣ гитарой.... Потомъ опять началась прежняя однооб-

разная пляска, сопровождаемая тѣмъ же однообразнымъ пѣніемъ. Кузьма Васильевичъ сидѣлъ между тѣмъ преспокойно на диванѣ и продолжалъ глядѣть на Колибри. Онъ ощущалъ въ себѣ нѣчто странное, необычайное: ему было очень легко и свободно, даже слишкомъ легко; онъ какъ будто тѣла своего не чувствовалъ, какъ будто плавалъ, и въ то же время мурашки по немъ ползали, какое-то пріятное безсиліе распространялось по ногамъ, и дремота щекотала ему вѣки и губы. Онъ уже ничего не желалъ, не думалъ ни о чемъ, а только ему было очень хорошо, словно кто его баюкалъ, „байбайкалъ“, какъ выразилась Эмилія, и шепталъ онъ про себя: „игрушечка!“ По временамъ лицо „игрушечки“ заволакивалось!... „Отчего бы это?“ спрашивалъ себя Кузьма Васильевичъ. „Отъ курева“, успокаивалъ онъ себя..... „Такой есть тутъ синій дымокъ.“ И опять его кто-то баюкалъ и даже разказывалъ ему на ухо что-то такое хорошее.... Только почему-то все не договаривалъ. Но вотъ вдругъ на лицѣ „игрушечки“ глаза открылись огромные, величины небывалой, настоящія мостовыя арки.... Гитара покатилась, и ударившись объ полъ, прозвенѣла гдѣ-то за тридевятью землями.... Какой-то очень близкій и короткій пріятель Кузьмы Васильевича нѣжно и плотно обнялъ его сзади и галстухъ ему поправилъ. Кузьма Васильевичъ увидалъ передъ самымъ лицомъ своимъ крючковатый носъ, густые усы и пронзительные глаза незнакомца съ обшлагомъ о трехъ пуговкахъ.... и хотя глаза находились на мѣстѣ усовъ, и усы на мѣстѣ глазъ, и самый носъ являлся опрокинутымъ, однако Кузьма Васильевичъ не удивился ничуть, а напротивъ нашелъ, что такъ оно и слѣдовало; онъ собрался даже сказать этому носу: „здорово, братъ Григорій“, но отмѣнилъ свое намѣреніе и предпочелъ.... предпочелъ немедленно отправиться съ Колибри въ Царьградъ для предстоящаго бракосочетанія, такъ какъ она была Турчанка, а государь его пожаловалъ въ дѣйствительные Турки.

XXII.

Кстати жь, передъ нимъ очутилась лодочка: онъ занесъ въ нее ногу, и хотя по неловкости споткнулся и ушибся довольно сильно, такъ что нѣкоторое время не зналъ, гдѣ что̀ находится, однако справился и, сѣвъ на лавочку, поплылъ по той самой большой рѣкѣ, которая въ видѣ Рѣки Временъ протекаетъ на картѣ на стѣнѣ Николаевской гим-

назіи, въ Царьградъ. Съ великимъ удовольствіемъ плылъ онъ по той рѣкѣ и наблюдалъ за множествомъ красныхъ гагаръ, безпрестанно ему попадавшихся; онѣ однако не подпускали его и, ныряя, превращались въ круглыя розовыя пятна. И Колибри съ нимъ ѣхала; но, желая предохранить себя отъ зноя, помѣстилась подъ лодкой и изрѣдка стучала въ дно.... Вотъ наконецъ и Царьградъ. Дома, какъ слѣдуетъ быть домамъ, въ видѣ тирольскихъ шляпъ; и у Турокъ все такія крупныя, степенныя лица; только не годится долго на нихъ глядѣть: они начинаютъ корчиться, рожи строить, а послѣ и совсѣмъ распадаются, какъ талый снѣгъ. Вотъ и дворецъ, въ которомъ онъ будетъ жить съ Колибри.... И такъ все въ немъ отлично устроено! Стѣны съ генеральскимъ шитьемъ, вездѣ эполеты, по угламъ люди трубятъ; и на лодкѣ можно въѣхать въ гостиную. Ну, разумѣется, портретъ Магомета.... Только Колибри бѣжитъ все впередъ по комнатамъ, и косы ея волочатся за нею по полу, и никакъ она не хочетъ обернуться, и все меньше она становится, все меньше... Ужь это не Колибри, а мальчикъ въ курточкѣ, и онъ его гувернеръ, и онъ долженъ влѣзать вслѣдъ за этимъ мальчикомъ въ подзорную трубку, и труба та все уже, уже, вотъ ужь и двинуться нельзя.... ни впередъ ни назадъ, и дышать невозможно, и что-то обрушилось на спину... и земля въ ротъ...

XXIII.

Кузьма Васильевичъ открылъ наконецъ глаза. Свѣтло кругомъ, тихо.... пахнетъ уксусомъ, мятой. Надъ нимъ и по бокамъ что-то бѣлое; онъ вглядывается: пологъ постельный. Онъ хочетъ голову приподнять.... нельзя; руку.... нельзя тоже. Что такое значитъ? Онъ опускаетъ глаза.... Какое-то длинное тѣло протянуто передъ нимъ, и на томъ тѣлѣ шерстяное одѣяло, желтое съ коричневою каймой. Тѣло оказывается его, Кузьмы Васильевича. Онъ пытается крикнуть.... ничего не выходитъ. Онъ пытается опять, напрягаетъ всѣ свои силы.... дряхлый стонъ раздается и дрожитъ подъ его носомъ. Слышатся тяжелые шаги, жилистая рука раздвигаетъ пологъ. Сѣдой инвалидъ въ военной заплатанной шинели стоитъ передъ нимъ и глядитъ на него.... И онъ глядитъ на инвалида. Большая оловянная кружка придвигается къ губамъ Кузьмы Васильевича. Кузьма Васильевичъ жадно пьетъ холодную воду. Языкъ его развязывается. „Гдѣ я?“ Инвалидъ

еще разъ взглядываетъ на него, уходитъ и возвращается съ другимъ человѣкомъ, въ темномъ мундирѣ. „Гдѣ я?“ повторяетъ Кузьма Васильевичъ. „Ну, теперь будетъ живъ,“ говоритъ человѣкъ въ мундирѣ. „Вы въ госпиталѣ, прибавляетъ онъ громко; но извольте почивать. Вамъ вредно разговаривать.“ Кузьма Васильевичъ готовъ удивиться, но снова впадаетъ въ забытье...

На другое утро явился докторъ. Кузьма Васильевичъ пришелъ въ себя. Докторъ поздравилъ его съ выздоровленіемъ и велѣлъ перевязать ему голову.

— Какъ? голову? Да развѣ у меня....

— Вы не должны говорить, не должны безпокоиться, перебилъ его докторъ.—А теперь лежите смирно и благодарите Всевышняго Создателя. Гдѣ, компрессы, Поплевкинъ?

— Да гдѣ же деньги.... казенныя....

— Ну! опять сталъ бредить.... Побольше льду, Поплевкинъ!

XXIV.

Прошла еще недѣля. Кузьма Васильевичъ на столько оправился, что доктора нашли возможнымъ сообщить ему случившееся съ нимъ происшествіе. Вотъ что онъ узналъ:

16-го іюня, въ семь часовъ вечера, посѣтилъ онъ въ послѣдній разъ домъ госпожи Фритче, а 17-го іюня, къ обѣду, т.-е. почти черезъ сутки, пастухъ нашелъ его въ оврагѣ возлѣ большой Херсонской дороги, въ двухъ верстахъ отъ Николаева, безчувственнаго, съ разрубленною головой, съ багровыми пятнами на шеѣ. Мундиръ и жилетка на немъ были разстегнуты, всѣ карманы выворочены, фуражки и кортика не оказалось, кожанаго пояса съ деньгами тоже. По измятой травѣ, по широкому слѣду въ пескѣ и глинѣ можно было заключить, что несчастнаго лейтенанта волокомъ волокли на дно оврага, и только тамъ нанесли ему ударъ въ голову, не топоромъ, а саблей, вѣроятно, его же кортикомъ: вдоль всего слѣда отъ самой дороги, не замѣчалось ни капли крови, а вокругъ головы стояла цѣлая лужа. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что убійцы его сперва опоили, потомъ пытались придушить, и отвезя ночью за городъ, стащили въ оврагъ и тамъ окончательно прихлопнули. Кузьма Васильевичъ не умеръ, благодаря лишь своему, по истинѣ желѣзному, сложенію. Пришелъ онъ въ себя 22-го іюля, то-есть цѣлыхъ пять недѣль спустя.

XXV.

Кузьма Васильевичъ немедленно довелъ до свѣдѣнія начальства постигшее его несчастье, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла изустно и на бумагѣ, сообщилъ адресъ мадамъ Фритче. Полиція бросилась въ указанный домъ, но никого въ немъ не нашла: птички уже вылетѣли изъ гнѣзда. Схватились за хозяина дома; но отъ этого хозяина, престарѣлаго и глухаго мѣщанина, большаго толку не добились. Самъ онъ проживалъ въ другомъ кварталѣ и зналъ одно: четыре мѣсяца тому назадъ, отдалъ онъ свой домъ въ наймы одной Еврейкѣ съ паспортомъ, по имени Шмуль или Шмулькe, которую онъ тогда же и прописалъ въ части, „пріѣзжала къ ней другая жинка“, такъ показывалъ онъ, „тоже съ пачпортомъ, — но какимъ рукомесломъ онѣ обѣ „занимались, и то ему неизвѣстно; и были ли у нихъ другіе „постояльцы тоже не слыхалъ и не знаетъ; а какой паре„некъ у него въ томъ домѣ жилъ дворникомъ или карауль„щикомъ, и тотъ сшелъ не то въ Одесть, не то въ Питеръ; „а новый дворникъ поступилъ недавно, съ перваго числа „іюля.“ Навели справки въ полиціи и по околотку: оказалось, что Шмулькe, вмѣстѣ съ товаркой, настоящее имя которой было Фридерика Бенгель, выѣхала изъ Николаева около 20-го іюня, а куда неизвѣстно. Таинственнаго человѣка съ цыганскимъ лицомъ и тремя пуговками на обшлагѣ, а равно и черномазой дѣвки иностранки съ огромною косой никто и не видывалъ. Кузьма Васильевичъ, какъ только выписался изъ госпиталя, самъ посѣтилъ роковой для него домъ. Въ маленькой комнаткѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Колибри, и гдѣ все еще пахло мускусомъ, находилась другая, тоже скрытая дверь; къ ней-то, во второе его посѣщеніе, былъ придвинутъ диванъ, и черезъ нее вошелъ, вѣроятно, убійца и обхватилъ его сзади. Кузьма Васильевичъ подалъ жалобу по формѣ; началось дѣло. Нѣсколько занумерованныхъ отношеній и предписаній полетѣло въ разныя стороны; поступили въ свое время надлежащія отписки и справки.... но тѣмъ все и кончилось. Подозрительныя личности такъ и канули въ воду,—а вмѣстѣ съ ними исчезли и похищенныя казенныя деньги, тысяча девять сотъ семнадцать рублей съ копѣйками

ассигнаціями и золотомъ. Сумма немаловажная въ ту эпоху! Цѣлыхъ десять лѣтъ потомъ ихъ выплачивалъ Кузьма Васильевичъ, пока не попалъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ.

XXVI.

Самъ онъ на первыхъ порахъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что виной всей бѣды, начальницей заговора, была Эмилія, его коварная „Zuckerpüppchen“. Онъ вспомнилъ, какъ въ самый день послѣдняго свиданія съ нею, онъ неосторожно задремалъ на диванѣ, какъ, проснувшись, увидѣлъ ее возлѣ себя на колѣнкахъ, и какъ она смѣшалась, и какъ наконецъ онъ въ тотъ же вечеръ открылъ прорѣху въ своемъ поясѣ, прорѣху, очевидно продѣланную ея ножницами. „Она увидѣла“, думалъ Кузьма Васильевичъ, „она сказала старой чертовкѣ и тѣмъ двумъ діаволамъ, она залучила меня, написавъ ко мнѣ письмо.... меня и обработали. Но кто бы могъ это отъ нея ожидать!“ Онъ представлялъ себѣ хорошенькое, добренькое лицо Эмиліи, ея свѣтлые глазки.... „Женщины! женщины!“ твердилъ онъ, скрежеща зубами; „Крокодилово исчадіе!“ Но переѣхавъ окончательно изъ госпиталя къ себѣ домой, онъ узналъ одно обстоятельство, которое привело его въ недоумѣніе, поставило его въ тупикъ. Въ самый тотъ день, когда его, полумертваго, привезли въ городъ, дѣвушка, по всѣмъ примѣтамъ, какъ двѣ капли воды похожая на Эмилію, прибѣжала, вся въ слезахъ, съ растрепанными волосами къ нему на квартиру, и освѣдомившись о немъ у деньщика, бросилась, какъ сумасшедшая, въ госпиталь. Въ госпиталѣ ей сказали, что Кузьма Васильевичъ непремѣнно долженъ умереть, и она тотчасъ скрылась, ломая руки, съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Явно было, что она не предвидѣла, не ожидала убійства. Или, можетъ-быть, ее самое обманули—не выдали ей обѣщанной части? Раскаяніе ею вдругъ овладѣло? Но однакожь она потомъ выѣхала изъ Николаева вмѣстѣ съ тою отвратительною старухой, которая навѣрное все знала.... Кузьма Васильевичъ терялся въ догадкахъ и порядкомъ-таки наскучилъ своему деньщику, безпрестанно заставляя его сызнова описывать наружность прибѣжавшей дѣвушки и повторять ея слова.

XXVII.

Цѣлые полтора года спустя, Кузьма Васильевичъ получилъ отъ Эмиліи—alias Фридерики Бенгель—письмо на нѣмецкомъ языкѣ, которое онъ немедленно велѣлъ себѣ перевести и въ послѣдствіи неоднократно намъ показывалъ. Оно было испещрено орѳографическими ошибками и восклицательными знаками; на кувертѣ стоялъ штемпель: „Бреславль“. Вотъ по возможности вѣрный переводъ этого письма:

„Мой дорогой, незабвенный и несравненный Флорестанъ! Господинъ лейтенантъ Ергенгофъ!

„Сколько разъ я порывалась къ вамъ писать! И всегда, къ сожалѣнію, откладывала, хотя мысль, что вы меня можете считать участницей въ томъ ужасномъ злодѣяніи, была всегда для меня самая убійственная мысль! О, мой милый господинъ лейтенантъ! Повѣрьте мнѣ, день, когда я узнала, что вы остались живы и здоровы, былъ самый счастливый день въ моей жизни! Но я не намѣрена вполнѣ себя оправдывать! Я не буду лгать! Я, точно, первая открыла вашу привычку носить деньги на вашемъ желудкѣ! (Впрочемъ, въ нашихъ краяхъ всѣ мясники и торговцы мясомъ такъ поступаютъ!) И имѣла неосторожность немножко сказать объ этомъ! Я даже въ шутку тогда сказала, что вотъ было бы хорошо взять у васъ немножко этихъ денегъ! Но старая злодѣйка (господинъ Флорестанъ! она *не была* моею теткой), которая вступила въ заговоръ съ этимъ безбожнымъ извергомъ Луиджи и его сообщницей! Клянусь вамъ гробомъ моей матери, я до сихъ поръ не знаю, кто были эти люди! Знаю только, что имя его было Луиджи, и что они оба пріѣхали изъ Бухарешта и были, навѣрное, большіе преступники, и прятались отъ полиціи и имѣли деньги и драгоцѣнныя вещи! Луиджи былъ ужасный субъектъ (ein schröckliches Subject), убить себѣ подобнаго (einen Mitmenschen) для него ничего не значило! Онъ говорилъ на всѣхъ языкахъ—и это *онъ* тогда возвратилъ вещи отъ нашей кухарки! Не спрашивайте, какъ! Онъ все, все могъ сдѣлать, онъ былъ ужасный человѣкъ! Онъ увѣрилъ старуху, что только опоитъ васъ немного и потомъ вывезетъ и броситъ, и будетъ говорить, что ничего не знаетъ и что вы сами виноваты—гдѣ-нибудь много вкусили вина! Но злодѣй уже тогда имѣлъ въ умѣ, что лучше васъ совсѣмъ убить, дабы ни одинъ пѣтухъ о томъ не прокричалъ! Письмо отъ моего имени онъ къ вамъ написалъ, а меня старуха удалила лукавствомъ! Я ничего не подозрѣвала, и я ужасно боялась Луиджи! Онъ говорилъ мнѣ: „Я зарѣжу, зарѣжу тебя какъ цыпленка!“ И такъ при этомъ страш-

но шевелилъ усами! Притомъ меня увезли въ одну компанію.... Мнѣ очень стыдно, господинъ лейтенантъ! И я даже теперь плачу горькими слезами при этихъ мысляхъ!... Мнѣ кажется... ахъ! я не была рождена для такихъ занятій.... Но этому помочь нельзя; и вотъ какъ все случилось! Потомъ я ужасно испугалась и поневолѣ уѣхала, потому что еслибы полиція насъ открыла—что̀ бы было со мной тогда? Проклятый Луиджи тотчасъ бѣжалъ, какъ только узналъ, что вы остались живы. Но я въ скорости съ ними со всѣми разсталась, и хоть я теперь безъ куска хлѣба часто сижу, однако душа моя покойна! Вы меня, можетъ-быть, спросите, зачѣмъ я пріѣзжала въ Николаевъ? Но я не могу ничего отвѣчать! Я клялась! Кончаю просьбой очень, очень для меня важною: пожалуста, когда вы будете вспоминать о вашей маленькой пріятельницѣ Эмиліи, не думайте о ней, какъ о черной преступницѣ! Вѣчный Богъ видитъ мое сердце. Я имѣю дурную нравственность (Ich habe eine chlechte Moralität), и я вѣтрена, но я не злодѣйка. И я всегда буду васъ любить и помнить, мой несравненный Флорестанъ, и всегда буду вамъ желать всего хорошаго на земномъ шарѣ (auf diesem Erdenrund)! Не знаю, дойдетъ ли до васъ мое письмо, но если дойдетъ, то напишите мнѣ нѣсколько строкъ, чтобъ я видѣла, что вы получили мое письмо! Этимъ вы очень осчастливите вашу вамъ неизмѣнно преданную Эмилію.

„*P. S.* Пишите подъ буквами: F. E. poste restante, въ Бреславль, въ Силезію.

„*P. S. S.* Я писала вамъ по-нѣмецки; я иначе не могла бы выразить свои чувства; но вы мнѣ пишите по-русски.“

XXVIII.

— Ну, и что̀ же? Отвѣчали вы ей? спрашивали мы Кузьму Васильевича.

— Собирался, много разъ собирался. Да какъ написать? По-нѣмецки я не умѣю, а по-русски.... Кто бы перевелъ ей? Такъ и не написалъ.

И всякій разъ, окончивъ свой разказъ, Кузьма Васильевичъ вздыхалъ, качалъ головою, говорилъ: „Вотъ что̀ значитъ молодость!“ И если въ числѣ слушателей находился новичокъ, въ первый разъ ознакомившійся съ знаменитою исторіей, онъ бралъ его руку, клалъ себѣ на черепъ и заставлялъ щупать шрамъ отъ раны.... Рана дѣйствительно была страшная, и шрамъ шелъ отъ одного до другаго уха.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

Баденъ-Баденъ, 1867.

ГЛИНКА

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ МУЗЫКИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *.

I.

Глинка создалъ *русское* голосоведеніе и тѣмъ самымъ доказалъ, что условія, порождающія голосоведеніе (мелодію обусловленную другими одновременными мелодіями) у насъ отличны отъ тѣхъ, которыми опредѣляется оно въ Германіи. Условія эти, для каждаго отдѣльнаго голоса въ гармоніи, заключаются въ содержаніи другихъ голосовъ. Голоса въ гармоническомъ соединеніи взаимно ограничиваются и связываются, взаимно поддерживаются и оживляются: какой-нибудь мелодическій оборотъ, положимъ въ тенорѣ, заключаетъ множество оборотовъ для альта или сопрано, въ отдѣльности прекрасныхъ, но въ одновременномъ соединеніи съ теноромъ невозможныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, исключая одни обороты для этихъ голосовъ, вторящихъ или, какъ говорятъ, *контрапунктующихъ* тенору, основной голосъ ** неизбѣжно вызываетъ, въ интересахъ общей гармоніи, другіе обороты въ каждомъ контрапунктующемъ голосѣ, обороты, изъ коихъ нѣкоторые представляютъ высокую мелодическую прелесть. Эта-то контрапунктическая необходимость, вслѣдствіе которой одна

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1867 г., № 10.

** Основной голосъ, не принадлежащій контрапунктисту, а только взятый имъ какъ мотивъ для сочиненія, называется въ отличіе отъ другихъ, *данными голосомъ*.

мелодія, гармоніи ради, вызываетъ непремѣнно такую-то другую, или такія-то двѣ, три, четыре другія, не должна, конечно, быть понята безусловно, иначе не осталось бы вовсе мѣста для изобрѣтенія и фантазіи. Не весь данный голосъ, а только нѣкоторыя его части, напримѣръ, окончаніе всего голоса и отдѣльныхъ его частей (колѣнъ), необходимо требуютъ извѣстнаго контрапункта; бо́льшая часть контрапунктовъ или вторящихъ голосовъ не свободны лишь при какихъ-нибудь внѣшнихъ условіяхъ, налагаемыхъ композиторомъ на себя для произведенія того или другаго эффекта, или въ видахъ удобоисполнимости тѣмъ или другимъ инструментомъ. Такимъ образомъ, голосоведеніе зависитъ, вопервыхъ, отъ даннаго голоса, вовторыхъ, отъ предѣловъ и механизма тѣхъ орудій, для которыхъ піеса назначается. Возвращаясь къ различію между Глинкинскимъ (русскимъ) голосоведеніемъ и нѣмецкимъ или италіянскимъ, я заключаю, что или данные голоса наши отличны отъ западныхъ, или о́рганы, которые преимущественно исполняютъ русскую музыку, другіе нежели на Западѣ, или наконецъ, различіе простирается на тѣ и другіе. Послѣднее такъ и есть. Данные голоса русскіе не тѣ, что̀ современные данные голоса на западѣ. Русскія музыкальныя орудія совсѣмъ иныя, чѣмъ преобладающія орудія западной музыки. Первое было высказано и, по мѣрѣ силъ, доказано въ предыдущей статьѣ нашей, гдѣ мы подвергли критическому анализу различіе между русскими народными пѣснями, этими вліятельнѣйшими изъ данныхъ голосовъ, и художественною музыкой Запада. Второе, то-есть различіе русскихъ музыкальныхъ о́рдановъ отъ иностранныхъ, до сихъ поръ еще не выяснилось съ достаточною силой въ нашей композиціи, хотя глубоко коренится въ бытовыхъ особенностяхъ народа. Разсѣянныя и искаженныя черты этой-то особенности русской музыки лишь кое-гдѣ выглядываютъ изъ-подъ груды иноземныхъ, а отчасти и туземныхъ, искаженій, навязывавшихъ нашему воспріимчивому народу именно тѣ стороны музыкальной композиціи, которыя наиглубже диссонируютъ съ его собственнымъ музыкальнымъ складомъ. Какъ древняя надпись, на половину разрушенная временемъ, представляется неопытному взору безсмысленными отрывками словъ и складовъ, но подъ неотступно испытующимъ взоромъ историка воскресаетъ въ своей ста-

ринной полнотѣ, дополняясь логически и грамматически необходимыми частями, возстановленными догадливостью ученаго, такъ и русская музыка, вѣковыя народныя черты которой глубоко исказились отъ беззастѣнчивыхъ quasi-улучшеній иностранцевъ, отъ тупаго равнодушія нашей собственной среды къ русскимъ народнымъ памятникамъ, современемъ раскроетъ свой истинный характеръ, свои эстетически-неизбѣжныя требованія предъ изучающимъ ее музыкантомъ. Эти эстетическія требованія, при условіи честнаго и вполнѣ объективнаго изученія народности, необходимо опредѣлятъ и характеръ такихъ видовъ музыки, которые совсѣмъ неизвѣстны нашему народу: народность и въ этихъ видахъ, ею доселѣ нетронутыхъ, обнаружитъ тяготѣніе къ нѣкоторымъ пріемамъ, ей сроднымъ, и оттолкнетъ многіе другіе, ей антипатичные. Народно въ искусствѣ не одно то, что̀ непосредственно родилось на почвѣ народа, не только обрядъ, преданіе, пѣсня, пляска, но и то, что̀ свободно создано позднѣйшимъ художникомъ, какъ выводъ, какъ разумно-изящное произведеніе простѣйшихъ народныхъ факторовъ. Наша народная музыка въ тѣсномъ смыслѣ не знаетъ гармоніи, но тѣмъ не менѣе, есть гармонія согласная съ духомъ нашей музыки и въ этомъ смыслѣ народная, и есть гармонія антинародная: первая та, которую можно примѣнять безъ искаженія народной мелодіи, вторая (и болѣе употребительная) та, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ каденціяхъ) требуетъ, въ другихъ (въ выборѣ консонансовъ и диссонансовъ) по крайней мѣрѣ облегчаетъ искаженія (а именно введеніе діэзовъ и бемолей). То же должно сказать и о выборѣ музыкальныхъ о́ргановъ для народно-русскихъ произведеній, о русской инструментовкѣ. Народъ нашъ не имѣетъ инструментовки, какъ не имѣетъ и гармоніи. Но основныя качества русской народной пѣсни указываютъ на бо́льшую годность ея для одного разряда инструментовъ нежели для другаго. И здѣсь, какъ въ вопросѣ о гармоніи, современные зачатки музыкальной народности въ Россіи ближе всего подходятъ, по своимъ признакамъ, къ музыкѣ Нидерландовъ, Франціи, Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ періодѣ возрожденія. И здѣсь, слѣдовательно, вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на сомнѣнія и противорѣчія, хаотически громоздящіяся въ современной русской музыкѣ, можетъ дать лишь исторія музыки, а отвѣтъ на вопросъ,

почему у насъ такъ сбиты и перепутаны всѣ понятія о потребностяхъ нашего народа, о его истинныхъ влеченіяхъ и вкусахъ въ музыкальномъ отношеніи, находится въ томъ печальномъ фактѣ, что наши музыканты почти не изучаютъ исторіи музыки. Исторія музыки, въ сейчасъ названномъ періодѣ, показываетъ намъ примѣръ того, какъ народная пѣсня, въ тональности и даже во многихъ частностяхъ техники весьма схожая съ русскою, при вполнѣ благопріятныхъ обстоятельствахъ, развилась до величайшаго процвѣтанія хороваго голосоведенія и богатѣйшей гармоніи; какъ она породила, на основаніи *контрапунктической необходимости*, безчисленныя мелодическія фразы и обороты, и въ томъ числѣ нетлѣнныя музыкальныя красоты въ голосахъ, прибавленныхъ къ гомофоннымъ народнымъ пѣснямъ геніальными тружениками нидерландскаго періода; какъ она вызвала неисчерпаемогибкія формы фуги, имитацій; какъ она, въ этой красѣ органически-выросшей гармоніи, получила немыслимое нынѣ распространеніе и популярность въ публикѣ, какъ контрапунктическое хоровое пѣніе, основанное на простонародныхъ мотивахъ, сдѣлалось въ XVI столѣтіи не менѣе любимымъ и всеобщимъ нежели въ наше время салонная игра на фортепіано.

Вся эта музыка, столь неразрывно связанная съ основными законами древне-народной пѣсни, была музыка вокальная, многоголосная (полифонная) и притомъ лишенная инструментальнаго аккомпанимента. Съ нашею, русскою, она имѣла общее то, что, вопервыхъ, была основана на простонародныхъ пѣсняхъ, * вовторыхъ, держалась церковныхъ ладовъ, а втретьихъ, въ гармоническомъ отношеніи, состояла изъ однихъ трезвучій. Она была доведена до высшаго совершенства, и ея блестящія качества сошлись не случайно, не по прихоти композиторовъ или мимолетной моды, а напротивъ органически разрослись подъ вліяніемъ счастливѣйшей, благосклоннѣйшей обстановки. Народная пѣсня, это

---

* Склонность къ простонародному пѣнію и характеру—черта весьма яркая у русской школы. Она обнаруживается не только въ частомъ выборѣ народныхъ пѣсенъ для мотивовъ, но и въ самыхъ сюжетахъ, избираемыхъ нашими композиторами, какъ для оперъ, такъ и для програмной музыки.

чистѣйшее произведеніе человѣческаго голоса, при полномъ невмѣшательствѣ постороннихъ обстоятельствъ, имѣетъ большее притяженіе къ контрапункту однородному съ нею, слѣдовательно также вокальному, нежели къ инструментальному. Далѣе, средневѣковое процвѣтаніе религіознаго искусства повлекло къ огромному распространенію церковнаго пѣнія, между тѣмъ какъ музыкальные инструменты, почти исключительно посвященные пляскѣ и свѣтской забавѣ, находились, по духу времени, въ величайшемъ презрѣніи. Между тѣмъ какъ церковные пѣвчіе получали основательное музыкальное образованіе, какого они теперь уже нигдѣ не получаютъ, инструментисты, забытые и презираемые, находились на ступени грубѣйшаго балаганства, пробавляясь въ своемъ ремеслѣ механическою рутиной. Очень естественно, что великій прогрессъ средневѣковой музыки, выразившійся въ появленіи и развитіи многоголосія (полифоніи), показался не въ инструментальной сферѣ, находившейся въ пренебреженіи, а въ вокальной, пользовавшейся покровительствомъ могущественной церкви. Вотъ почему въ исторіи народная пѣсня раньше развила изъ себя полифонный хоръ безъ аккомпанимента нежели новѣйшіе виды композиціи: романсъ, кантату, оперу и т. п., немыслимые безъ инструментальнаго аккомпанимента. Но дальнѣйшія условія этого стиля, хороваго, многоголоснаго, исключительно голосоваго и съ любовью разрабатывавшаго народныя пѣсни, вытекаютъ изъ четырехъ сейчасъ названныхъ. Условія эти — церковные лады и преобладающіе (а вначалѣ даже исключительные) консонансы. Народныя пѣсни были основаны на церковныхъ ладахъ, строго-діатоническихъ, то-есть ограниченныхъ семью звуками: *до*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *си*; слѣдовательно и гармонія, иногда необходимо требуемая народными пѣснями, а большею частью свободно порождаемая ими, должна была держаться въ діатоническихъ предѣлахъ. Однажды стѣсненная этими предѣлами, но поддержанная многочисленностью и превосходнымъ составомъ церковныхъ хоровъ, любовію къ свѣтскому многоголосному пѣнію, вдохновляющимъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, музыка развила и выяснила церковные лады въ ихъ гармоническомъ значеніи, заключенномъ, какъ въ зародышѣ, въ мелодическомъ содержаніи народныхъ пѣсенъ и церковныхъ мелодій. Появились церковныя каденціи, уже не какъ послѣдованія двухъ

тоновъ, вводнаго и заключительнаго (тоники), а какъ сочетанія аккордовъ, исключительно свойственныхъ окончанію. Появился и безпрерывно возрасталъ цѣлый лексиконъ аккордныхъ сочетаній, первоначально вызванныхъ контрапунктической необходимостью, но потомъ въ высшей степени развитыхъ и обогащенныхъ творчествомъ контрапунктистовъ Лексиконъ этотъ, хотя дополненный огромнымъ множествомъ диссонирующихъ, хроматическихъ, энгармоническихъ оборотовъ, составляетъ основу и теперешняго музыкальнаго языка; * необходимо прибавить, что въ нѣкоторыхъ пріемахъ онъ потерпѣлъ прискорбныя искаженія, непонятныя для музыкальнаго разума, но легко объясняемыя исторіей. На этотъ лексиконъ самое рѣшительное вліяніе имѣло то обстоятельство, что хоръ, для котораго сочиняли въ эпоху контрапункта, былъ хоръ безъ аккомпанимента (что̀ называется хоръ *a capella*). Надобно было ограничиваться такими фигурами и оборотами мелодіи, которые интонируются легко и свободно и безъ помощи инструмента, въ наше время всегда поддерживающаго интонацію. Въ статьѣ неспеціальнаго свойства очень трудно дать частные примѣры такихъ голосоведеній, которыя неудобно поются, съ удовлетворительнымъ объясненіемъ, почему пѣніе ихъ неудобно. Поэтому ограничусь нѣкоторыми общими указаніями. Для голоса неудобенъ *хроматизмъ*, то-есть всякая мелодія, основанная на двѣнадцати полутонахъ. Для голоса неудобны рѣзкіе диссонансы, потому что, слыша тотъ или другой звукъ въ другомъ голосѣ, невольно интонируешь отъ него консонансъ, то-есть составную часть того же аккорда; нуженъ навыкъ и опытность, чтобы, слыша въ другомъ голосѣ часть одного аккорда, самому брать часть другаго (одновременное созвучіе тоновъ, принадлежащихъ къ различнымъ аккордамъ, и составляетъ то, что̀ называется диссонансомъ). Строгій діатонизмъ, царствовавшій въ періодъ процвѣтанія, и выше объясненный изъ свойства тогдашнихъ „данныхъ мелодій“, такимъ образомъ получаетъ новое объясненіе въ необходимости предупредить неточности въ вокальномъ

---

* Достаточно упомянуть о *задержаніяхъ* (объясненіе этого термина находится въ предыдущей статьѣ) и о повтореніяхъ группы аккордовъ по ступенямъ вверхъ или внизъ. Повторенія эти называются *секвенціями*.

исполненіи. Эта же забота объ исполненіи повела и къ исключительному употребленію трезвучій (аккордовъ консонирующихъ), какъ до-ми-соль, ре-фа-ла, ми-соль-си, фа-ла-до, соль-си-ре, ла-до-ми, и происходящихъ отъ нихъ „секст-аккордовъ“, какъ ми-соль-до, фа-ла-ре, соль-си-ми, ла-до-фа, си-ре-соль, до-ми-ла; весь огромный матеріалъ употребительныхъ теперь аккордовъ возникъ изъ мелодическихъ дополненій къ этимъ первоначальнымъ гармоніямъ, изъ проходящихъ нотъ, * задержаній, предъемовъ ** и вспомогательныхъ нотъ. *** Дополненія эти, въ интересахъ чистой интонаціи, были связаны строжайшими правилами.

Весь этотъ стиль, извѣстный подъ именемъ *стараго стиля* (style rigoureux, gebundene Schreibart), представляется органическимъ произведеніемъ народной пѣсни, основанной на древнихъ ладахъ и, въ силу историческихъ обстоятельствъ, пересаженной на почву многоголоснаго хора безъ инструментальнаго аккомпанимента. Совсѣмъ не ту участь испытала

---

* *Проходящею нотой* называется такая мелодическая нота, которая, не принадлежа къ аккорду, во время котораго она берется, находится между двумя нотами, къ нему принадлежащими, изъ которыхъ одна берется непосредственно предъ проходящею нотой, другая же непосредственно послѣ нея, притомъ такъ, чтобъ акцентъ падалъ на гармоническія ноты (между которыми находится проходящая), а не на проходящую, и чтобы разстояніе отъ первой гармонической ноты къ проходящей и отъ проходящей ко второй гармонической составляло *секунду*.

** Предъемъ противоположенъ задержанію. Если, въ то время какъ остальные голоса держатъ аккордъ, одинъ голосъ беретъ тонъ, къ нему не принадлежащій, но составляющій одинъ изъ интерваловъ слѣдующаго аккорда, то такой голосъ образуетъ *предъемъ*.

*** *Вспомогательная нота* противоположна проходящей въ томъ отношеніи, что тогда какъ послѣдняя заключена между двумя различными тонами аккорда, вспомогательная ставится между двухъ одинаковыхъ его тоновъ, то-есть, послѣ проходящей ноты голосъ беретъ новый интервалъ гармоніи, а послѣ вспомогательной возвращается къ прежнему. Почти всѣ мелодическія украшенія не что иное какъ вспомогательныя ноты, различно комбинированныя съ гармоническими: такъ, напримѣръ, трель есть вспомогательная нота, повторяемая большое число разъ и быстро чередующаяся съ гармонической нотой.

народная пѣсня въ Россіи, гдѣ она не развила изъ себя никакой гармоніи, никакой формы композиціи, никакого состава инструментальнаго. Музыка полифонно-хоровая и притомъ вполнѣ народная, которая отличаетъ вторую половину XV и все XVI столѣтіе, и въ которой такъ тѣсно и неразрывно были сплетены содержаніе и форма, мелодія, гармонія, ритмъ и инструментовка, вскорѣ по смерти величайшихъ дѣятелей этого періода, Орландо Лассо, Палестрины и Габріели, уступила мѣсто стилю оперному, придворно-галантному и напыщенному, гдѣ контрапунктическія условія, развившіяся изъ народныхъ пѣсенъ, сохранились только для маловажныхъ хоровъ, а бо́льшая часть піесъ наполнилась речитативами и аріями одноголосными, съ оркестровымъ аккомпанементомъ, лишеннымъ жизни и самобытности прежняго о́ргана музыки — хора человѣческихъ голосовъ. Вмѣстѣ съ одноголоснымъ пѣніемъ, порожденнымъ оперой, стало развиваться искусство инструментальной игры, которое прежде, находясь въ загонѣ, не оказывало никакого вліянія на композицію. Стали появляться сочиненія, явно вызванныя возникавшею виртуозностью. Чѣмъ болѣе развивались инструментальныя формы, тѣмъ болѣе онѣ стали расходиться съ вокальными. Не вдаваясь здѣсь въ подробности о происхожденіи сонаты, токкаты, сюиты, варіацій и пр., я долженъ однакоже замѣтить разницу между голосоведеніемъ инструментальнымъ, возникшимъ въ XVII столѣтіи, и голосоведеніемъ настоящимъ, созданнымъ, какъ уже показываетъ его названіе, человѣческими голосами. Нѣтъ стиля, въ которомъ было бы такъ необходимо соблюденіе строгихъ законовъ гармоніи, какъ въ стилѣ хоровомъ: ни одна ошибка противъ этихъ законовъ, повидимому произвольныхъ и стѣснительныхъ, не проходитъ неотмѣченною хористомъ. Хористъ, не знающій ни одного правила гармоніи, отмѣчаетъ посредствомъ колебанія и неточности интонаціи всѣ промахи, сдѣланные неловкимъ композиторомъ. Этой чуткости и красоты фактуры, разумѣется, у инструментовъ нѣтъ, ибо они интонируютъ механически, по волѣ распоряжающагося ими игрока. Чѣмъ болѣе развивалась опера и инструментальная виртуозность, тѣмъ болѣе падалъ хоровой стиль сочиненія, такъ что вскорѣ хоры вовсе исчезли изъ оперъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ композиторы, почувствовавшіе себя на свободѣ отъ стѣснительныхъ голосовыхъ

условій, стали писать небрежнѣе и небрежнѣе: полифонія исчезала, сохраняясь лишь въ церковной музыкѣ; гармонія, изъ живой ткани самостоятельныхъ, подвижныхъ голосовъ, сдѣлалась механическимъ послѣдованіемъ сплошныхъ аккордовъ, рутинныхъ и бѣдныхъ. За то цвѣло пѣніе солистовъ. Въ это время, то-есть лѣтъ полтораста послѣ появленія оперы, во время глубокаго пренебреженія къ народнымъ пѣснямъ, какъ къ остаткамъ средневѣковаго безвкусія и невѣжества, во время голословнѣйшаго самодовольства просвѣщенной разсудочности, непонимавшей и недопускавшей ничего непосредственнаго, первобытнаго, словомъ, около середины XVIII столѣтія, музыкальная композиція стала переходить въ Россію: явились оперы, романсы, духовныя сочиненія. Произведенія эти были не что̀ иное, какъ подражаніе господствовавшему тогда повсюду оперному и инструментальному стилю; стиль этотъ къ концу столѣтія проложилъ себѣ путь и къ гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ, и къ гармонизаціи народныхъ пѣсенъ. Фальшь въ этомъ стилѣ, очень-красивомъ для оперы и концерта, но неумѣстномъ въ обработкѣ народной пѣсни, а тѣмъ менѣе умѣстномъ въ церкви, прошла такъ незамѣтно для современниковъ и затѣмъ такъ глубоко внѣдрилась въ плоть и кровь потомковъ, что нужна твердая воля и трезвая проницательность, чтобы путемъ критики и изданія народныхъ пѣсенъ изгладить слѣды этого стиля изъ нашей музыки и противоставить ему стиль истинновокальный, строгій и контрапунктическій. Этотъ послѣдній стиль, сколь это ни покажется страннымъ, изъ всѣхъ существующихъ самый близкій къ требованіямъ народной пѣсни: какъ и она, его произведенія могутъ быть спѣты безъ аккомпанимента; какъ и она, этотъ стиль держится церковныхъ ладовъ, хотя развилъ ихъ до величайшаго гармоническаго богатства; какъ и она, этотъ стиль отличается спокойнымъ и суровымъ величіемъ, въ которомъ нелегко найдетъ красоту современная публика, привыкшая и въ искусствѣ къ мелкой нервичности и болѣзненной страстности.

Значительнѣйшая часть пути, по которому музыка наша отъ механическаго усвоенія современныхъ западныхъ формъ постепенно восходитъ къ самобытному развитію своихъ богатыхъ родныхъ элементовъ, остается еще впереди: мы не имѣемъ еще музыки, которая стала бы въ такое непосредственное отношеніе къ народной пѣснѣ, въ какомъ

къ ней стояла контрапунктическая музыка XVI столѣтія. И неудивительно, если, сдѣлавъ въ лицѣ Глинки одинъ огромный шагъ къ народному идеалу, наша музыка съ его времени испытываетъ остановки, затрудненія и отклоненія въ сторону. Непониманіе народнаго стиля и его условій велико и прискорбно въ наше время; но оно существовало и у Глинки, въ томъ смыслѣ, что Глинка не сознательно стремился къ тѣмъ новымъ формамъ, которыя онъ въ такомъ обиліи внесъ въ музыкальную технику. Глинка представляетъ замѣчательное соединеніе глубочайшаго инстинкта съ недостаточностью образованія; Глинка не зналъ теоріи церковныхъ ладовъ, когда такъ часто и такъ превосходно писалъ въ нихъ; Глинка подмѣшивалъ въ свои безсмертныя русскія творенія элементы италіянской пѣвческой виртуозности, не отдавая себѣ отчета въ несовмѣстимости ихъ съ тѣмъ самымъ русскимъ стилемъ, котораго онъ былъ основатель. Если мы встрѣчаемъ такую зыбкость пониманія у великаго художника, мощною рукой проложившаго новый путь для музыки, то удивитъ ли она насъ у тѣхъ русскихъ композиторовъ, которые теперь все еще стоятъ на точкѣ, установленной Глинкой, и если прибавили къ Глинкинскому содержанію что-нибудь свое, то никакъ не въ сторону народности? Изучая болѣе и болѣе русскія пѣсни, вникая болѣе и болѣе въ аналогію ихъ со средневѣковыми пѣснями Запада, а потому и въ неизбѣжную аналогію стилей, развившагося въ концѣ среднихъ вѣковъ на Западѣ и имѣющаго развиться у насъ, наши композиторы со временемъ дойдутъ сознательно до той межи, которой Глинка достигъ по геніальному чутью, а быть-можетъ, перейдутъ и черезъ нее. Межа эта, на которой сливаются инструментально-оперный и вокально-хоровой стили, установлена Глинкой и до сихъ поръ никѣмъ изъ его преемниковъ не достигнута; наши современные композиторы не имѣютъ ни чистоты Глинкинской техники, ни ея богатства.

Какъ инстинктивно, какъ непосредственно Глинка дошелъ до того яснаго и прозрачнаго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и роскошнаго стиля, въ которомъ сочинены *Холмскій*, *Русланъ*, *Аррагонская хота*, можно видѣть изъ того, что онъ совсѣмъ не уяснилъ себѣ связи между этою чистотой и строгостью голосоведенія и тѣмъ органомъ, для котораго необходима и исторически вызвана подобная строгость письма.

Глинка, въ зрѣлую эпоху своего творчества, велъ голоса такъ безукоризненно, что его гармонія можетъ быть спѣта хоромъ безъ затрудненія: но она не написана для хора, она написана для оркестра или вполнѣ самостоятельнаго, или аккомпанирующаго одноголосному пѣнію (речитативу, аріи, балладѣ). У Глинки уже сильно сказывается народно-русскій элементъ въ примѣненіи гармоніи, сказывается именно въ ея удобоисполнимости голосами, въ ея *вокальности*; но эта гармонія не нашла себѣ соотвѣтствующаго органа, она расточается на мертвые инструменты, совсѣмъ не нуждающіеся въ такой безукоризненности голосоведенія и могущіе въ случаѣ нужды сыграть гармонію и гораздо болѣе грубую и массивную. Всѣ эти выдержанныя ноты въ среднихъ голосахъ или въ верхнемъ, въ то время какъ движутся остальные голоса; эти красивыя, но въ инструментальномъ исполненіи исчезающія и никому не слышныя скрещиванія голосовъ; эти двойные контрапункты, * встрѣчающіеся на каждомъ шагу, суть эффекты чисто-вокальные, настоящее мѣсто имъ въ полифонномъ хорѣ, и употребленіе ихъ въ оркестровомъ сочиненіи есть не болѣе какъ подражаніе, чтобы не сказать пародія. Какъ ни велико наше благоговѣніе предъ красотами Глинкинскихъ твореній, и какъ ни глубоко ихъ значеніе для той двойной задачи, которую мы можемъ прослѣдить во всей музыкальной дѣятельности Глинки (народность и музыкальная драма), нельзя не сожалѣть о томъ, что геній, столь явно одаренный спеціальною способностью къ самому идеальному стилю музыки, къ полифонно-хоровому, посвятилъ всю свою дѣятельность на другія области, въ которыхъ не могъ не произвести глубокаго и благодѣтельнаго переворота, но которыя, очевидно, не должны бы были поглотить его колоссальныя силы. Какъ я ниже постараюсь показать, Глинка понялъ задачу оперы глубже нежели его болѣе знаменитые

---

* Контрапунктъ, какъ уже было объяснено, есть мелодія, поющаяся или играющаяся одновременно съ данною мелодіей и составляющая съ ней правильную гармонію. Двойной контрапунктъ есть такая мелодія, которая, безъ ущерба для гармонической правильности, можетъ быть прибавлена къ основной (или „данной“) и сверху, и снизу. Не всякій контрапунктъ годится въ двойные, но контрапункты наиболѣе плавные и составляющіе съ основною мелодіей самыя красивыя гармоніи всегда способны къ такой перестановкѣ снизу вверхъ или сверху внизъ, называемой на техническомъ языкѣ *обращеніемъ*.

современники, Мейерберъ и Вагнеръ; онъ имѣлъ способность, которой не видно ни у Мейербера, ни у Вагнера, ограничивать свою гармонію оборотами и послѣдованіями, интонируемыми голосомъ безъ помощи аккомпанимента, и въ этихъ-то тѣсныхъ предѣлахъ развертываться до поразительнаго богатства, стройности и полноты; другими словами, онъ имѣлъ способность, столь рѣдкую въ нашъ вѣкъ, къ вокально-полифонному сочиненію *a capella*.

Арена для этого рода сочиненія, гдѣ онъ наиболѣе необходимъ, но въ наше время почти не встрѣчается, есть церковь. Основываясь на тщательномъ изученіи Глинкинской гармоніи, можно сказать, что Глинка имѣлъ особое призваніе къ церковной композиціи. Обстоятельства сначала отклонили его въ совершенно иную сторону: на поприщахъ оперы, романса, симфонической музыки, Глинка пожалъ богатые лавры и долгое время довольствовался ими; но когда пріѣздъ италіянской оперной труппы въ Петербургъ и ея баснословный успѣхъ, затмившій все остальное, а въ томъ числѣ и русскую труппу съ Глинкинскимъ репертуаромъ, глубоко оскорбилъ нашего композитора и вселилъ въ него непреодолимое отвращеніе отъ оперной композиціи, когда такимъ образомъ онъ отвернулся отъ сцены и сталъ искать своему творчеству другое поле дѣятельности, онъ не могъ не почувствовать своего спеціальнаго призванія. Незадолго до смерти, Глинка, не обольщенный ни своею почетною извѣстностью у большинства, ни безпредѣльнымъ энтузіазмомъ того меньшинства, которое составляло кружокъ его поклонниковъ, отправился въ Берлинъ къ своему старому учителю, Дену, дабы изучить во всемъ объемѣ церковные лады и контрапункты, съ ясно-формулованною цѣлью: посвятить себя церковной композиціи. Смерть застала его за этими работами, слишкомъ поздно предпринятыми. Въ настоящее время значительно подвинулись впередъ и вопросъ о церковной композиціи въ Россіи, и сознаніе нерелигіозности и негодности для богослужебныхъ цѣлей тѣхъ переложеній, которыми доселѣ пробавлялось наше церковное пѣніе, сознаніе настоятельной необходимости изученія церковныхъ ладовъ и трезвучной гармоніи; понятія выяснились, мысль окрѣпла, но гдѣ новый Глинка, который вдохновенными твореніями отвѣчалъ бы на наши критическія сомнѣнія и отрицанія, который бы положилъ конецъ нашимъ спорамъ и препираніямъ созданіемъ величественной

церковной музыки, въ которой бы и Вѣчная Правда нашла свое восторженное истолкованіе, и современное поколѣніе отвѣтъ на свои, неудовлетворяемыя нашимъ искусствомъ, религіозныя нужды? Идеальная церковная музыка была бы одинаково далека отъ двухъ крайностей. Она не вносила бы въ церковь безразлично всѣ прикрасы новѣйшей свѣтской музыки, она не наводняла бы композиціи непристойнымъ веселіемъ ритмовъ и льстивою мягкостью септаккордовъ, которыя мы такъ часто встрѣчаемъ у нѣкогда за образецъ почитавшагося Бортнянскаго, она не позволила бы себѣ той необузданной, энгармонической модуляціи, тѣхъ театрально-раздирающихъ диссонансовъ, которыми грѣшитъ во многихъ отношеніяхъ прекрасная „Гранская месса Листа“, но она не сочла бы для себя обязательною ту искусственную, напускную бѣдность и сухость письма, то насильственное ограниченіе самыми голыми и однообразными аккордами, которыми отличается новѣйшее направленіе, выразившееся въ гармонизаціяхъ г. Потулова. * Такой музыки можно было ожидать отъ Глинки. Но неумолимый рокъ не судилъ ему свершить тотъ подвигъ на славу русскаго искусства, на украшеніе христіанской церкви, который онъ предпринялъ подъ конецъ своей жизни.

II.

Г. Стасовъ однажды сказалъ, что Глинка то же самое для Россіи, что Глукъ и Моцартъ для Германіи. Эти слова въ свое время были горячо оспариваемы, какъ пристрастное преувеличеніе, ни на чемъ не основанное. Между тѣмъ, трудно въ двухъ словахъ обозначить истинное положеніе Глинки среди русскихъ музыкантовъ болѣе точно нежели въ этомъ опредѣленіи г. Стасова. Глукъ преобразовалъ музыкальную драму; Моцартъ слилъ разрозненные народные стили и соединилъ величавую полифонію прошлыхъ вѣковъ съ новѣйшею легкостью и текучестью. Глинка для Россіи сдѣлалъ то и

---

* Нѣкоторыя изъ этихъ гармонизацій напечатаны въ недавновышедшемъ первомъ выпускѣ замѣчательнаго труда Д. В. Разумовскаго: *Церковное пѣніе въ Россіи. Опытъ историко-техническаго изложенія*, на страницахъ 118, 123, 125, 128, 130, 132, 135.

другое. Въ драматической силѣ и правдѣ, въ обрисовкѣ характеровъ, въ музыкальной пластичности онъ не уступалъ Глуку; въ способности внутренно сливать и сплавлять отдѣльные народные стили, соединять средства и эффекты нѣмецкой музыки съ италіянскими и французскими и провести весь этотъ перенятый у иностранцевъ матеріалъ черезъ горнило народнаго вдохновенія, онъ столь же мало уступалъ Моцарту. Онъ уступалъ ему только въ богатствѣ техники. Глинкинское голосоведеніе столь же изящно и чисто, какъ и Моцартовское; но оно менѣе сложно и смѣло. Тѣмъ не менѣе въ склонности и Глинки, и Моцарта къ имитаціямъ, къ двойнымъ контрапунктамъ, къ энергическимъ задержаніямъ, къ смѣлымъ и отдаленнымъ, но рѣдко предпринимаемымъ хроматическимъ модуляціямъ, нельзя не признать чертъ родственныхъ, сближающихъ этихъ двухъ музыкантовъ, столь различныхъ по времени, по размѣрамъ дѣятельности, по образованію и общественному положенію. Мы находимъ дальнѣйшее сходство между этими двумя геніями въ той благородной и возвышенной мелодичности, которая имъ обоимъ свойственна, въ мелодичности, не только доставившей всемірную извѣстность нѣкоторымъ мелодіямъ Моцарта, но вошедшей въ составъ стиля почти всѣхъ позднѣйшихъ композиторовъ Германіи, такъ что слѣды Моцартовскихъ вліяній можно отыскать не только у Бетховена, но даже у Шумана; въ мелодичности, отъ Глинки точно также перешедшей къ новѣйшимъ русскимъ композиторамъ, въ особенности къ гг. Даргомыжскому и Балакиреву. И Моцартъ отличался, какъ Глинка, пѣвучестью и *вокальностью* инструментальнаго голосоведенія; и онъ писалъ для оркестра такъ чисто и плавно, что его инструменты могутъ въ случаѣ нужды быть замѣнены человѣческими голосами. Дальнѣйшее, болѣе общее сходство между Моцартомъ и Глинкой находится въ идеальности и объективности ихъ твореній. Они не разработывали какого-нибудь одного рода задачъ съ особенною любовью или удачей; они съ чисто-художническимъ энтузіазмомъ одинаково брались за самыя различныя по настроенію задачи и выполняли ихъ съ одинаковымъ совершенствомъ; то непосредственное отношеніе къ задачѣ, какое мы примѣчаемъ у нѣкоторыхъ другихъ музыкантовъ, преимущественно новѣй-

шихъ, замѣняется у нихъ отношеніемъ свободнымъ, чисто-артистическимъ. Отсюда гибкость и разнообразіе таланта какъ Моцарта, такъ и Глинки. Если Моцартъ гораздо болѣе выказалъ эту гибкость нежели Глинка, если онъ оставилъ послѣ себя мастерскія произведенія въ такихъ родахъ сочиненія, къ которымъ Глинка и не подходилъ (реквіемъ, струнные квартеты, сонаты для фортепіано со скрипкой, концерты для фортепіано, піески для одного фортепіано, комическія оперы), то Глинка вознаграждаетъ глубиной лирическаго содержанія и интересомъ національной окраски. Здѣсь начинается различіе между тѣмъ и другимъ. Моцартъ былъ человѣкъ XVIII вѣка, космополитическаго и внѣшняго; Глинка отразилъ въ себѣ національныя стремленія и лирическую сосредоточенность XIX вѣка. У Моцарта за блестящимъ и нерѣдко грандіознымъ обще-европейскимъ музыкальнымъ языкомъ, на которомъ онъ писалъ, не проглядываетъ человѣкъ привязанный къ почвѣ и къ народнымъ вліяніямъ; музыка его такъ тѣсно слила эти народныя вліянія, что въ отдѣльности ихъ нельзя распознать. И у Глинки есть сліяніе стилей французскаго, нѣмецкаго и италіянскаго; но огромная разница этого сліянія съ Моцартовскимъ заключается въ томъ, что Моцартъ ограничивается сліяніемъ, что у него къ этимъ тремъ сошедшимся факторамъ не присоединяется четвертаго, преобладающаго, къ которому они стали бы въ подчиненное отношеніе; между тѣмъ какъ Глинка всѣ средства французской, нѣмецкой и италіянской школъ, введенные имъ, подчинилъ главному, преобладающему содержанію, народно-русскому. Укажу на нѣкоторые примѣры данныхъ, почерпнутыхъ Глинкой изъ трехъ національныхъ школъ, сейчасъ мною названныхъ.

Французская школа въ музыкѣ до сихъ поръ еще не нашла достаточной оцѣнки въ музыкальной критикѣ. Оцѣнкѣ этой въ самой Франціи мѣшаетъ невѣроятная пустота и поверхностность, господствующія въ тамошней музыкальной критикѣ; внѣ Франціи — національное тщеславіе другихъ музыкальныхъ народовъ (Нѣмцевъ и Италіянцевъ) не охотно признающихъ въ музыкѣ важность или прелесть чего-либо, кромѣ своего. Между тѣмъ, школа эта такъ ярко-своеобразна, что не можетъ не кинуться въ глаза своею оригинальностью. Оригинальность эта, вопервыхъ, слагается изъ

чисто-музыкальныхъ особенностей. Небольшой объемъ, но грація и изящество мелодіи, безпокойный, сильно акцентованный ритмъ, гармонія, хотя далеко не на первый планъ поставленная, но искусная и пикантная, съ сильною склонностью къ хроматизму, вотъ что̀ отличаетъ французскихъ композиторовъ. Вовторыхъ, всѣ эти музыкальныя данныя получаютъ для насъ совершенно новую окраску вслѣдствіе того замѣчательнаго употребленія, которое изъ нихъ дѣлаютъ Французы. Ни эта оригинальная мелодія со своимъ кокетливымъ ритмомъ, ни эта красивая, немного пестрая гармонія не существуютъ для Француза какъ цѣль: онѣ для него средства къ выраженію *слова*. Вся французская музыка вокальна, и притомъ одноголосно-вокальна; въ хоровомъ стилѣ Французы сдѣлали несравненно меньше нежели Фламандцы, Италіянцы, Нѣмцы, но за то ихъ музыкальная дѣятельность съ конца XVII вѣка вся обратилась на пѣніе соло. Лишенные глубокихъ, цѣльныхъ музыкальныхъ *настроеній*, Французы, можетъ-быть, больше какого-либо другаго народа способны красиво, увлекательно, даже поэтически одѣть логическую *мысль:* для нихъ и сама музыка представилась средствомъ не соединять отдѣльные моменты стихотворенія въ общую картину, а напротивъ того комментировать и рельефно выяснять именно эти отдѣльные моменты. Отсюда объясняется, напримѣръ, *мелодрама*, родъ искусства, въ которомъ мы можемъ видѣть съ одной стороны безсиліе поэзіи, въ крайнихъ случаяхъ призывающей на помощь музыку, а съ другой ничтожество музыки, дѣйствующей на слушателей не посредствомъ своего содержанія, а благодаря простому факту своего появленія, между тѣмъ какъ для Француза мелодрама не только не смѣшна, но вполнѣ законна и необходима. Французы въ музыкѣ представители элемента разсудочности, логики: для нихъ музыка должна быть мотивирована словами, иначе она не имѣетъ права на участіе и успѣхъ. Естественно, что дѣятельность французскихъ композиторовъ сосредоточилась на оперѣ и пѣснѣ. Въ той и другой области заслуги Французовъ огромны. Вліяніе же французской школы на другія, напримѣръ, на русскую, сказывается не въ однихъ музыкально-техническихъ данныхъ: оно сказывается и въ томъ направленіи, которое принимаетъ музыка, когда она изъ области неопредѣленныхъ настроеній (составляющихъ ея настоящее царство) отважи-

вается на переходъ въ область ясно и твердо очерченной характеристики. На Глинку вліяніе французское сказалось въ томъ и другомъ смыслѣ. Онъ далеко несвободенъ отъ вліяній французской техники, онъ всегда стремится придать музыкѣ опредѣленный смыслъ и рѣзкую характерность. Первое, то-есть техническое, вліяніе французской школы можно было бы объяснить его раннимъ знакомствомъ и любовью къ Керубини и Мегюлю, еслибы въ его сочиненіяхъ не проглядывали черты болѣе новыхъ французскихъ композиторовъ. Мелодіи его балетовъ, гдѣ мѣстный колоритъ не бралъ окончательно верхъ, какъ, напримѣръ, въ мазуркѣ и польскомъ *Жизни за Царя* и лезгинкѣ *Руслана*, мелодіи явно французскія. Сюда относится не только довольно слабый балетъ 3-го дѣйствія *Руслана*, не только танцы во 2-мъ дѣйствіи *Жизни за Царя* между краковякомъ и мазуркой, но и превосходная тема пляски арапченковъ въ замкѣ Черномора, также и многія части прелестнаго „краковяка“ въ *Жизни за Царя*. Оживленные и бойкіе ритмы Французовъ перешли къ Глинкѣ и сказались, напримѣръ, въ вальсѣ Ратмира *Чудный сонъ живой любви*. Французскіе хроматически-нисходящіе басы (образцикомъ которыхъ можетъ служить инструментальное окончаніе первой баркароллы *Фенеллы*), сдѣлались у Глинки манерой, гораздо болѣе постоянною нежели у самихъ Французовъ; онъ ихъ обогатилъ *обращеніемъ*, то-есть, послѣ появленія ихъ въ нижнемъ голосѣ, ставилъ ихъ въ верхній, и наоборотъ, бывшую верхнюю мелодію дѣлалъ нижнею. Назову здѣсь лишь немногіе изъ случаевъ, гдѣ Глинка пользовался этимъ средствомъ: аллегро увертюры къ *Жизни за Царя* (фраза, взятая изъ дуэта Сусанина съ Ваней въ 3-мъ дѣйствіи, именно, входъ Сусанина), стретто увертюры къ *Руслану*, модуляція изъ E-dur въ C-dur въ увертюрѣ *Аррагонская хота*, ритурнель романса *Кто она и гдѣ она*. Модуляція по большимъ терціямъ внизъ или вверхъ, кругообразно достигающая первоначальной тоники (какъ *Славься* изъ C-dur въ As-dur, изъ As-dur въ E-dur, изъ E-dur снова въ C-dur, какъ въ болѣе тѣсномъ, сжатомъ видѣ въ увертюрѣ къ Руслану, а въ простѣйшемъ своемъ выраженіи, какъ унисонная гамма цѣлыми тонами, въ хорѣ 4-го дѣйствія Руслана, *Погибнетъ, погибнетъ*), также встрѣчается у Французовъ: на ней построенъ одинъ изъ хоровъ

Бога и Баядерки, Обера. Оберъ вообще поражаетъ общностью внѣшнихъ чертъ съ Глинкой, кидающеюся именно потому въ глаза, что за ними скрывается глубокая противоположность во внутреннемъ строѣ веселаго, блестящаго Француза и серіознаго, задушевнаго Русскаго. Оберъ отличается склонностью къ гармонизаціи одними трезвучіями (вспомнимъ увертюру къ *Черному домино*), частымъ употребленіемъ фригійскаго каданса (особенно въ речитативахъ, но также и въ пѣвучихъ фразахъ); у Обера даже мелькаетъ эолійскій ладъ (въ первомъ хорѣ *Занетты*, во второй баркаролѣ *Фенеллы*, въ первой аріи Альфонса въ той же оперѣ, въ прелестномъ дуэтѣ 2-го акта *Чернаго домино* на словахъ: „Dans cette maison“ и пр., а также въ слѣдующемъ затѣмъ ритурнелѣ, и т. д.). Можно распространить сравненіе и на другаго французскаго композитора, съ талантомъ болѣе яркимъ чѣмъ Оберовскій, но не достигшаго Оберовской знаменитости: я разумѣю Герольда. Въ грандіозномъ речитативѣ перваго финала *Цампы*, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оживляется мраморная статуя и распространяетъ панику между пирующими разбойниками, въ богатой модуляціи этого речитатива, а также и многихъ другихъ мѣстъ этой геніальной оперы, находящейся въ такомъ несправедливомъ пренебреженіи у присяжной критики, нельзя не узнать средствъ, весьма и весьма сродственныхъ съ тѣми, посредствомъ которыхъ дѣйствовалъ Глинка. Указанный мною речитативъ со статуей, очень близокъ къ безсмертному речитативу „Головы“, въ концѣ втораго дѣйствія Руслана, и оба они, кажется, имѣютъ корень въ речитативѣ оракула Глуковской Альцесты (почти буквально заимствованномъ Моцартомъ въ речитативѣ статуи командора, въ *Донъ-Жуанъ*, въ сценѣ на кладбищѣ).

О вліяніи италіянской школы на Глинку было уже часто говорено другими. Вліяніе это иногда и преувеличивали, но отрицать его нельзя: оно не только объясняетъ фактуру многихъ Глинкинскихъ арій (въ партіяхъ Людмилы, Сабинина, Вани), но и проникаетъ собой цѣлые романсы Глинкинскіе, гдѣ, казалось, къ подражанію Италіянцамъ было наименѣе повода. Не только многіе посредственные романсы Глинки, какъ *Не называй ее небесной*, но и нѣкоторые изъ наиболѣе глубокихъ, какъ *Я помню чудное мгновеніе* и *Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца*, носятъ на себѣ явные слѣды

италіянскаго вліянія. Глинка жилъ въ Италіи и въ этой странѣ сочинилъ не мало варіацій, фантазій и дивертисментовъ на Беллиніевскія и Доницеттіевскія темы. Отъ него не могла ускользнуть роскошная и обаятельная прелесть италіянской мелодіи, ея страстный, патетическій характеръ, ея ясно-очерченная и удобно-схватываемая форма. Онъ не перенялъ жалкой пустоты италіянской оркестровки; онъ не перенялъ также гармонической скудости и рутинности, изъ которой выходить Италіянцы рѣшаются лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, хотя у нихъ, напримѣръ у Доницетти, нѣтъ недостатка ни въ гармоническомъ умѣніи, ни въ гармонической изобрѣтательности. Но Глинка проникся положительными, плодотворными качествами италіянскихъ композиторовъ: онъ усвоилъ ту теплоту и яркость мелодіи, которая составляетъ специфическую принадлежность Италіянцевъ и разительно контрастируетъ съ характеромъ сѣверныхъ мелодій, также прелестныхъ и исполненныхъ поэзіи, но совершенно лишенныхъ блеска и поразительности италіянскихъ напѣвовъ. Мелодія русская и мелодія италіянская у Глинки взаимно прониклись, причемъ огромный перевѣсъ, конечно, остался на сторонѣ русскаго элемента. Тѣмъ болѣе любопытно отыскивать въ самыхъ русскихъ, по тону и настроенію, вещахъ Глинки слѣды италіянскихъ вліяній. Въ превосходномъ первомъ финалѣ *Руслана*, гдѣ каждое слово проникнуто жизнію и драматическимъ движеніемъ, Ратмиръ обращается къ своимъ соперникамъ со словами: „О витязи! Скорѣй во чисто поле! Дорогъ часъ, путь далекъ! Вѣрный конь меня помчитъ по волѣ, какъ въ степи вѣтерокъ.“ Музыка на эти слова, совершенно италіянская по мотиву, становится русскою отъ того процесса чисто-Глинкинской гармонизаціи, отдѣлки формы и инструментовки, которому она подверглась въ рукахъ нашего композитора; но освободивъ мелодію Ратмира отъ всѣхъ украшеній формы, аккомпанимента и оркестровки, мы получаемъ мелодію кровно-италіянскаго происхожденія, поражающую насъ среди всей этой кіевской обстановки, но, спѣшу прибавить, столь красивую, пылкую и энергическую, что невольно заставляетъ примириться съ ея италіянскимъ происхожденіемъ, немотивированнымъ русскою сказкой, составляющею содержаніе оперы. Италіянскимъ же вліяніемъ навѣяна комическая арія Фарлафа: *Близокъ ужъ часъ тор-*

жества моего; но италіянскому смѣхотворству, посредствомъ скороговорки и тому подобныхъ внѣшнихъ средствъ, здѣсь дано такое глубоко-комическое содержаніе, музыкальная фактура этого нумера такъ исполнена серіозности и изящества русской музыки, что и здѣсь, какъ въ вышеприведенной фразѣ Ратмира, италіянская мелодія является лишь какъ первобытный матеріалъ, какъ краска на палитрѣ, какъ средство, возведенное въ область идеала одухотворяющею силой чисто-русскаго вдохновенія.

Самое глубокое уваженіе питалъ Глинка, а за нимъ питаютъ и современные русскіе композиторы, къ школѣ германской. Школа эта, дѣйствительно, имѣла на русскую музыку вліяніе болѣе прямое и болѣе плодотворное нежели италіянская или французская. Отъ нѣмецкихъ композиторовъ Русскіе переняли не только весь гармоническій и контрапунктическій матеріалъ, доведенный Нѣмцами до высочайшей утонченности и богатства, но и формы (сонатную и варіаціонную), а также и инструментовку, у Французовъ довольно-односторонюю, у Италіянцевъ же крайне-плоскую и балаганную, и лишь у Нѣмцевъ развившуюся во всѣ стороны съ одинаковою силой. Участіе нѣмецкаго элемента въ образованіи того, что̀ теперь въ сочиненіяхъ молодыхъ русскихъ композиторовъ начинаетъ очень ясно и подчасъ даже односторонне обозначаться какъ стиль русской школы—гораздо сильнѣе и обширнѣе нежели участіе французской или италіянской музыки. Давно прошло время, когда въ сочиненіяхъ всѣхъ музыкальныхъ націй господствовалъ полифонный стиль и богатое голосоведеніе. Эта склонность нынѣ изъ западныхъ народовъ осталась у однихъ Нѣмцевъ, но отъ нихъ перешла къ Русскимъ. Фуга въ первомъ дѣйствіи *Жизни за Царя*, канонъ въ первомъ дѣйствіи *Руслана* и *Людмилы*, множество имитацій *, разсѣянныхъ во всѣхъ

* Имитаціей называется такая фраза, въ которой мелодія, предложенная однимъ голосомъ, переходитъ въ другой, а иногда въ третій, четвертый и т. д., въ то время, какъ первый голосъ продолжаетъ свое пѣніе. Эффектъ этотъ, дѣлая нѣсколько голосовъ соучастниками въ одной и той же мелодіи, но въ различное время, чрезвычайно оживляетъ голосоведеніе и интересъ цѣлаго сочиненія. Изъ имитаціи развилась фуга, которая есть не что̀ иное, какъ обширная имитація, гдѣ ступени, на которыхъ должно появляться повтореніе основной мелодіи, а также форма цѣлаго, опредѣлены

сочиненіяхъ Глинки, не составляютъ, можетъ-быть, самыхъ зрѣлыхъ плодовъ русской полифоніи, но они суть прекрасные проблески и залоги ея будущаго. Я уже указывалъ на сходство Глинкинской полифоніи съ Моцартовскою, причемъ счелъ долгомъ безпристрастія прибавить, что Моцартовская богаче и обширнѣе. Можно найдти такое же родство между гармоніей Глинки и гармоніей Шумана. И Глинка, и Шуманъ принадлежатъ къ геніальнѣйшимъ гармонистамъ нашего времени; у обоихъ есть склонность къ діатонизму, хотя у Глинки эта склонность болѣе выяснилась, у Шумана глубже скрывается; оба они модулируютъ смѣло и роскошно; оба они достигаютъ гармоническихъ эффектовъ не столько чрезъ нагроможденіе аккордовъ, сколько чрезъ богатое оживленіе голосовъ, преимущественно среднихъ, посредствомъ проходящихъ и вспомогательныхъ нотъ и задержаній. Это техническое сходство не осталось безъ вліянія и на поэтическое содержаніе обоихъ композиторовъ. Гармонія есть по преимуществу царство смутныхъ, но страстныхъ ощущеній, она, какъ колоритъ живописи, сообщаетъ музыкѣ теплоту и внутреннюю жизнь, между тѣмъ какъ мелодія составляетъ въ музыкѣ область внѣшнюю, образную, уподобляясь наиболѣе рисунку въ живописи. При томъ углубленіи и утонченіи лиризма, который мы наблюдаемъ въ XIX столѣтіи, можно было предвидѣть, что музыканты, слѣдуя за общимъ движеніемъ умовъ, съ особенною любовью возьмутся именно за эту сторону музыки, самую субъективную, самую способную высказывать разнообразнѣйшія волненія, словомъ, за гармонію. Такъ и случилось. Ни одна часть музыки (исключая даже инструментовку), не испытала въ нашемъ столѣтіи такого рѣшительнаго переворота, какъ гармонія: она не только воскресила все богатство Баховской гармоніи, забытое послѣдующими поколѣніями XVIII вѣка, но и прибавила къ нимъ множество новыхъ, хроматическихъ и энгармоническихъ ходовъ. Надобно быть знакомымъ съ огромнымъ множествомъ сочиненій Берліоза, Шумана, Вагнера, Листа, Франца, Глинки,

---

извѣстными правилами, между тѣмъ какъ имитація, не составляя отдѣльной, законченной композиціи, не имѣетъ округленной формы, а напротивъ того, въ своемъ качествѣ части большаго цѣлаго, сливается съ предыдущею и послѣдующею частями.

Даргомыжскаго, чтобы знать, до какихъ иногда куріозныхъ заблужденій, но и до какихъ геніальныхъ откровеній довело это свойственное нашему вѣку направленіе. Сходство между гармоніей Шумана и гармоніей Глинки есть сходство ихъ преобладающихъ настроеній, ихъ душевнаго міра: оба они были въ высшей степени лирики, Шуманъ—лирикъ исключительно (его натура была глубже и сосредоточеннѣе Глинкинской), Глинка—лирикъ между прочимъ (его натура была гибче и многостороннѣе Шумановской); они оба должны были сдѣлаться превосходными композиторами романсовъ: какъ лучшіе нѣмецкіе романсы написаны Шуманомъ, такъ лучшіе русскіе романсы имѣютъ авторомъ Глинку. Какъ Шуманъ имѣлъ въ лицѣ Роберта-Франца преемника на поприщѣ романса, превзошедшаго его въ характерности, въ выразительности, въ реализмѣ звуковъ, въ объективности, но уступающаго ему въ музыкальномъ вдохновеніи, въ мелодической свѣжести, такъ и Глинка предоставилъ дальнѣйшее развитіе русскаго романса г. Даргомыжскому, отличающемуся необыкновенною мѣткостью музыкальной характеристики, остроумнымъ реализмомъ (поддерживаемымъ наблюдательностью и юморомъ), смѣлостью и яркостью, соединенными съ нѣсколько болѣзненною необузданностью гармоніи, правдой и страстностью декламаціи, но оставшемуся далеко позади Глинки въ отношеніи самобытности и оригинальности.

Кромѣ гармоніи, русская школа унаслѣдовала отъ нѣмецкой формы. Формы въ своемъ чистѣйшемъ примѣненіи составляютъ достояніе инструментальной музыки; лишь въ ней форма сама себѣ цѣль: въ вокальной она опредѣляется содержаніемъ словъ, дающимъ всей музыкальной фактурѣ законъ и объясненіе. Инструментальная же музыка выработана исключительно Нѣмцами. Поэтому лишь у Нѣмцевъ мы встрѣчаемъ формы въ ихъ высшемъ развитіи. Новѣйшее время преимущественно пользовалось двумя формами: формой сонаты и формой варіаціи. Изъ нихъ первая,* установленная,

---

* Формой *сонаты* называется та, въ которой двѣ темы, сначала появляющіяся въ двухъ различныхъ тонахъ, въ концѣ повторяются обѣ въ одномъ и томъ же тонѣ, а передъ своимъ возвращеніемъ подвергаются разнообразнымъ превращеніямъ и видоизмѣненіямъ, повторяясь въ отрывкахъ, чередуясь и т. п. Первая тема всегда въ

послѣ слишкомъ столѣтней постепенной подготовки, Іосифомъ Гайдномъ, съ особенною любовью разрабатывалась Бетговеномъ (Моцартъ къ ней не прибавилъ отъ себя ничего замѣчательнаго, кромѣ сліянія ея съ контрапунктическими формами), который довелъ ее до разнообразія, гибкости и широты, раньше его немыслимой. Но тотъ же Бетговенъ не оставилъ безъ вниманія и второй изъ этихъ формъ **— варіаціи; онъ ее соединилъ съ первою, замѣнивъ прежде употребительныя, рутинныя, буквальныя повторенія музыкаль-

---

тонѣ тоники; вторая большею частью въ тонѣ доминанты (такъ, если первая въ до-мажоръ, вторая въ соль-мажоръ), иногда же верхней медіанты (ми-миноръ или ми-мажоръ), весьма рѣдко въ тонѣ нижней медіанты. Повтореніе обѣихъ темъ всегда на тоникѣ (любопытное исключеніе представляетъ увертюра къ *Руслану* и *Людмилѣ*). Между первымъ появленіемъ двухъ темъ и ихъ повтореніемъ, въ такъ-называемой средней части, обыкновенно помѣщается богатая и обширная модуляція, отступающая въ отдаленные тоны. Форма, сейчасъ описанная, необычайно распространена и особенно употребительна для обширныхъ піесъ или частей піесъ, сочиненныхъ въ быстромъ темпѣ. Необходимо прибавить, что названіе этой формы заимствовано не изъ новѣйшей (напримѣръ Бетговенской) „сонаты", въ которой лишь одна изъ составныхъ частей (именно первое аллегро) придерживается этой формы, а изъ болѣе стариннаго вида сонаты (къ которому принадлежатъ, напримѣръ, Скарлаттіевскія), состоявшей не изъ трехъ или четырехъ отдѣльныхъ фразъ, какъ новѣйшая соната, а всего изъ одной.

** Форма *варіаціи* состоитъ изъ темы, большею частію небольшой по числу тактовъ, и ряда измѣненій этой темы, которыя и называются *варіаціями*. Измѣненія эти могутъ касаться мелодическихъ деталей темы, или ея ритма, или ея гармоніи, или ея инструментовки. Обыкновенно при измѣненіи одного какого-либо условія темы, сохраняются остальныя, дабы тема не дѣлалась неузнаваема. Тотъ видъ варіаціи, который наиболѣе извѣстенъ публикѣ и лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ, въ сочиненіяхъ Герца, Черни, Тальберга, Дёлера и мн. др. пользовался огромнымъ распространеніемъ у любителей фортепіано, основанъ на разложеніи основной гармоніи темы на бравурные пассажи: этотъ видъ называется *фигуральною* варіаціей и (такъ какъ онъ оставляетъ нетронутыми гармонію, ритмъ и инструментовку) можетъ быть отнесенъ къ разряду варіаціи мелодической. Какъ увидитъ читатель, варіаціи Глинки, хотя и принадлежатъ тоже къ общему *роду* варіаціи, относятся къ *виду* совершенно различному отъ того, который такъ хорошо былъ извѣстенъ піанистамъ прошедшаго поколѣнія.

ныхъ фразъ повтореніями измѣненными, расширенными. обогащенными. Ту и другую форму принялъ Глинка, но не въ одинаковой мѣрѣ. Сонатная форма ему понадобилась для увертюръ: въ ней написаны увертюры къ *Руслану* и на тему *Аррагонской хоты*, въ ней же (точнѣе сказать, въ *Веберовской* увертюрной формѣ, составляющей одно изъ видоизмѣненій сонатной формы) и увертюра къ *Жизни за Царя*. Вообще же, Глинка къ сонатной формѣ обнаружилъ мало склонности; она, вѣроятно, показалась ему неудобною для его техническихъ цѣлей, состоявшихъ большею частью въ проведеніи одной, небольшой по числу тактовъ, мелодіи, черезъ огромное множество гармоническихъ и инструментальныхъ превращеній. Этимъ цѣлямъ въ высшей степени соотвѣтствовала форма варіаціи. Къ ней-то обращался Глинка съ особою любовью. Изъ инструментальныхъ вещей его, *Аррагонская хота* содержитъ сильную примѣсь варіаціи, *Камаринская* же вся въ формѣ варіаціи. Но особенно замѣчательно преобладаніе этой формы въ *Русланѣ* и *Людмилѣ*. Баллада Финна, разказъ живой головы, хоръ дѣвушекъ *Ложится въ полѣ мракъ ночной*, лезгинскіе танцы, хоръ пятаго дѣйствія *Ахъ ты свѣтъ*, *Людмила*, основаны на варіаціи, притомъ исключительно на двухъ ея видахъ: гармонической и инструментальной. Самый обширный рядъ варіацій заключаетъ въ себѣ баллада Финна, написанная на чрезвычайно-удачный, простой и гибкій мотивъ, допускающій, какъ то доказалъ Глинка, огромное множество видоизмѣненій въ гармоніи и инструментовкѣ, одно красивѣе, изящнѣе, увлекательнѣе другаго. Мнѣ въ другомъ мѣстѣ придется воротиться къ балладѣ Финна, гдѣ я разберу важнѣйшее, внутреннее значеніе этой піесы; здѣсь же умѣстно замѣтить, что по утонченности отдѣлки, по интересу подробностей, по благородству и яркой оригинальности стиля, эта баллада есть образецъ варіаціонной формы, образецъ, какихъ немного можно найдти у величайшихъ мастеровъ этой формы: Моцарта, Бетговена, Шумана.

Развитіе Глинки совпадаетъ съ эпохой появленія одного изъ свѣтилъ музыки XIX столѣтія, Гектора Берліоза. Никогда въ музыкѣ не было индивидуальности болѣе рѣзко и угловато очерченной, нежели этотъ до самого нашего времени мало изучаемый и мало понятый композиторъ. Оригинальность его такъ изумительно велика, что

не только связь Берліоза съ предыдущими композиторами, съ которыми онъ на первый взглядъ не представляетъ рѣшительно ничего общаго, но даже связь его со слѣдующими за нимъ отыскивается лишь съ величайшимъ трудомъ и кроется въ самыхъ отдаленныхъ и тонкихъ аналогіяхъ. Берліозъ, прежде всего, обозначаетъ одну изъ главныхъ чертъ музыки нашего времени: исключительное стремленіе къ оркестру. Но это стремленіе есть не что̀ иное, какъ послѣдствіе другаго: это, въ противоположность трезвой разсудочности XVIII вѣка, стремленіе къ фантастическому сверхъестественному, чудесному и невѣроятному. Хотя вкусъ къ поэзіи такого рода теперь уже значительно угомонился, но все же онъ составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ нашего столѣтія и неизбѣжную реакцію противъ просвѣтительнаго скептицизма, не слишкомъ благопріятнаго для поэтической грезы, скептицизма, которымъ отличался XVIII вѣкъ. Вокальная музыка соотвѣтствуетъ элементу реальному; музыка инструментальная—элементу идеальному; несвязанная, какъ въ вокальной музыкѣ, положительнымъ содержаніемъ словъ, мечта композитора въ инструментальномъ сочиненіи несется въ необъятномъ просторѣ. Звукосочетанія, лишенныя всякаго реальнаго повода, всякаго опредѣленнаго значенія (какое они имѣли бы въ оперѣ, ораторіи, романсѣ и т. д.) представляются его воображенію со всею прелестью чистой музыки, не служащей никакой цѣли. Мудрено ли, что усовершенствованіе инструментовки и большее значеніе инструментальной композиціи, которымъ знаменовано музыкальное движеніе нашего столѣтія, встрѣтились съ тѣмъ порывомъ къ сверхъестественному и чудесному, которымъ отличалась романтическая школа поэтовъ, открывшая наше столѣтіе? Уже у Вебера проскользаетъ эта наклонность къ міру чудесъ и сказки, но Веберъ, будучи оперный композиторъ, не далъ ей того простора, какой она получила затѣмъ. Движеніе музыки къ изображенію сказочныхъ грезъ усилилось съ появленіемъ „концертныхъ увертюръ“ Мендельсона, изъ которыхъ наипопулярнѣйшая, *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, дѣйствительно отличающаяся прелестнымъ сказочнымъ колоритотъ, многими принимается даже за эру въ музыкальномъ развитіи. Но высшее выраженіе свое элементъ сказочной мечты получилъ въ сочиненіяхъ Берліоза. Фантастичность его инструментовки соотвѣтствуетъ фан-

тастичности его программъ: вездѣ, въ *Эпизодѣ изъ жизни художника*, *Ромео и Джульеттѣ*, *Фаустѣ*, мелкіе фантастическіе эпизоды стремятся занять первое мѣсто, ясно изобличая пристрастіе къ нимъ композитора. У Берліоза неразрывно связаны роскошныя, затѣйливыя сочетанія инструментовъ и игра почувствовавшей себя на волѣ романтической фантазіи: сновидѣнія, бредъ, Шекспировская фея Мабъ, Шекспировскій Аріель, Гетевскій Мефистофель, сильфы, гномы, блуждающіе огоньки, все здѣсь служитъ иногда внутреннимъ поводомъ, а иногда и внѣшнимъ предлогомъ къ такимъ смѣлостямъ и нововведеніямъ инструментовки, то грозно-поразительнымъ, то обаятельно-граціознымъ, что ихъ избытокъ, ослѣпляющій и смущающій непривычнаго слушателя, долго мѣшалъ установленію правильнаго взгляда на Берліоза, мѣшалъ распространенію его сочиненій въ публикѣ и поддерживалъ въ массахъ клевету (и до сихъ поръ не вполнѣ разсѣянную), что Берліозъ не болѣе какъ искатель внѣшнихъ эффектовъ. Глинка, призванный наиболѣе къ музыкѣ вокальной, обладалъ, однакоже, и этою стороной творчества, являя ее хотя весьма умѣренною и смягченною сравнительно съ Берліозомъ, но тѣмъ не менѣе съ величавою оригинальностью. И Глинка, въ четвертомъ дѣйствіи *Руслана* и *Людмилы*, показалъ удивительный даръ къ изображенію роскошныхъ чудесъ восточно-сказочнаго міра; и Глинка, вслѣдствіе такого свойства таланта, чувствовалъ влеченіе къ новымъ краскамъ оркестра, къ новымъ и поразительнымъ комбинаціямъ инструментовъ. Почти въ одно и то же время, Глинка и Берліозъ, первый въ *Русланѣ*, второй въ *Леліо*, вводили фортепіано въ число оркестровыхъ инструментовъ; будничное и прозаическое фортепіано, звукъ котораго, по странной метаморфозѣ, въ оркестрѣ становится чѣмъ-то фантастически нѣжнымъ и роскошнымъ (и способъ его употребленія у Глинки и Берліоза одинаковъ: оба взялись за его верхнія октавы, прельщенные какъ ихъ огромною высотой, недостижимою даже для малой флейты, такъ и ихъ свѣтлымъ, острымъ, стекляннымъ звукомъ). Почти въ одно и то же время, Глинка и Берліозъ старались дать англійскому рожку права гражданства въ оркестрѣ, выясняя богатый и теплый колоритъ этого инструмента, до нашего времени не вошедшаго въ общее употребленіе. Но Берліозъ, какъ въ фантастической поэзіи шелъ гораздо дальше Глинки, такъ и въ инструментовкѣ

былъ гораздо смѣлѣе своего великаго современника, который, въ противоположность Берліозу, умѣлъ соединить яркую новизну колорита съ благоразумною умѣренностію требованій. Сочиненія Глинки, вопервыхъ, не требуютъ того многочисленнаго и исключительнаго, на практикѣ лишь рѣдко осуществимаго, состава оркестра, какъ Берліозовскія; вовторыхъ же, онѣ не содержатъ такихъ техническихъ трудностей для инструментовъ, какими наполнены Берліозовскія партитуры. Съ этой стороны, для распространенія Глинкинской музыки чрезъ концерты и представленія не предвидится тѣхъ затрудненій, какія окружали и будутъ окружать исполненіе Берліозовскихъ симфоній и увертюръ: оркестръ Глинки, если исключить его сильную склонность къ военной музыкѣ (играющей, напримѣръ, въ Русланѣ и Людмилѣ въ *трехъ* актахъ), почти равняется общеупотребительному съ мѣдными инструментами безъ клапановъ и тремя тромбонами; лишь рѣдко сюда входитъ арфа; басъ-кларнета, корнетъ-а-пистоновъ, тубы, безпрерывнаго дѣленія скрипокъ и віолончелей, коими отличается современная оркестровка, у Глинки не было вовсе. Изъ того богатаго, но все-таки довольно умѣреннаго состава оркестра, чрезъ предѣлы котораго Глинка не переходилъ, онъ умѣлъ извлекать бездну эффектовъ самыхъ изящныхъ и восхитительныхъ. Благородство и возвышенность музыкальнаго стиля Глинки никогда не позволяли ему довольствоваться исключительно красивою окраской музыкальной мысли, самой по себѣ мелкой и пустяшной: поэтому его оркестровые эффекты никогда не обращаютъ на себя исключительнаго вниманія, а раздѣляютъ его съ гармоніей, съ мелодіей, съ подробностями формы; но однихъ этихъ эффектовъ достало бы для упроченія Глинкѣ почетнаго мѣста между его современниками. Его инструментовка, менѣе изысканная и затѣйливая нежели Берліозовская и Листовская, тѣмъ не менѣе блистаетъ разнообразіемъ, силой звучности, утонченностью отдѣлки и яркостью колорита.

Если слить воедино тѣ разбросанныя черты, которыя я намѣтилъ въ предыдущемъ очеркѣ, то намъ представляется художникъ, призваніе котораго было стать посредникомъ между многими крайностями, примирить многія противоположныя стремленія, стройно и гармонически соединить боровшіеся до него и во время его элементы. И въ этомъ,

дѣйствительно, заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ великаго русскаго композитора, въ этомъ заключается то значеніе его, которое г. Стасовъ прекрасно выразилъ опредѣленіемъ: Глинка для Россіи то же, что̀ Моцартъ для Германіи. И въ этомъ, по моему убѣжденію, заключается важность Глинки не для одной Россіи. Композиторъ, одаренный прелестью мелодіи, увлекательностью ритмовъ, но въ то же время силой и энергіей развитія, „разработки“; чистотой и правильностью изумительными, но въ то же время неисчерпаемою новизной и смѣлостью гармоніи; оригинальностью, бросающеюся въ глаза съ перваго взгляда, и въ то же время законченностью и прозрачностью формы,—такой композиторъ можетъ имѣть благодѣтельное и спасительное вліяніе на судьбы музыки.

Но Глинка, говорятъ намъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и русскій Глукъ: Глинка, слѣдовательно, имѣетъ еще другую сторону дѣятельности; есть еще область, гдѣ онъ произвелъ реформу, куда вдохнулъ новую жизнь. Въ какой степени справедливы эти слова—читатель увидитъ изъ слѣдующей статьи, гдѣ мы будемъ говорить о музыкальной драмѣ и объ отношеніи Глинки къ тому движенію, которое въ ней обнаружилось къ концу его артистической дѣятельности.

Г. ЛАРОШЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Война и миръ, соч. графа Л. Н. Толстаго. Москва, 1868 г. Томы I, II и III.

Два года тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ *Тысяча восемьсотъ пятый годъ*, печаталось начало новаго романа графа Толстаго, котораго нынѣ поступило въ продажу три тома. По слухамъ, ихъ будетъ еще два; предъ нами, слѣдовательно, далеко не все новое произведеніе нашего даровитаго романиста, но даже и теперь можно съ увѣренностію сказать, что оно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій русской литературы и свидѣтельствуетъ, что талантъ графа Толстаго находится еще въ порѣ своего развитія. Ни въ одномъ изъ прежнихъ его сочиненій не обнаруживалось столько силы, такого широкаго замысла, такого богатства красокъ и разнообразія въ рисункѣ, какъ въ новомъ, еще не вполнѣ отпечатанномъ его романѣ. *Война и миръ*,—таково названіе этого романа. Самое заглавіе его заставляетъ догадываться, что авторъ поставилъ себѣ обширную задачу—изобразить русское общество въ ту тревожную эпоху, когда жестокія войны прерывались, уступая мѣсто кратковременному миру съ тѣмъ, чтобы возгорѣться съ новою яростію. Дѣйствительно, романъ графа Толстаго начинается 1805-мъ годомъ и окончится, какъ слышно, 1812-мъ: богатая тема для даровитаго романиста!

Богатая, да; но, какъ намъ кажется, не совсѣмъ благодарная. По крайней мѣрѣ, намъ случалось слышать замѣчанія, что отъ романа графа Толстаго не достаточно вѣетъ эпохой,—замѣчаніе, съ которымъ, однакожъ, мы отнюдь не согласны. *Война и миръ* есть романъ историческій, а прини-

маясь за подобный романъ, каждый невольно вспоминаетъ Вальтеръ- Скотта; но не всѣ, можетъ-быть, принимаютъ при этомъ во вниманіе то, что англійскій романистъ заимствовалъ свои сюжеты изъ временъ весьма отдаленныхъ, въ изображеніи которыхъ, разумѣется, гораздо ощутительнѣе букетъ эпохи, между тѣмъ какъ художественное изображеніе эпохи, отдѣленной отъ насъ полувѣкомъ, требуетъ отъ автора чертъ весьма тонкихъ, а отъ читателя большаго вниманія и, такъ-сказать, тонкости органовъ. Люди 1805—1812 годовъ почти тѣ же и дѣйствуютъ почти при той же обстановкѣ, какъ и люди настоящаго поколѣнія, одно это *почти* отдѣляетъ ихъ отъ насъ, и это, кажется намъ, достаточно ясно выражено графомъ Толстымъ. Оглянитесь, и вы не найдете вокругъ себя ни старо-гусарскаго типа, который выведенъ въ лицѣ Денисова, ни помѣщиковъ, которые раззорялись бы такъ же добродушно, какъ графъ Ростовъ (нынѣ тоже раззоряются, но при этомъ сердятся), ни доѣзжачихъ, ни масоновъ, ни всеобщаго (мы говоримъ, *всеобщаго*) лепета на языкѣ, представляющемъ смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“. А съ другой стороны, сколько осязательной связи съ настоящею, теперешнею современностію! Какъ живо чувствуется, что эти Ростовы только что сошли въ могилу, оставивъ свои преданія и—свои долги сыновьямъ своимъ; какъ близокъ къ намъ типъ реформатора Сперанскаго, или пожилой фрейлины Annette Шереръ, которая, вмѣстѣ съ княжной Болконскою, исчерпываетъ типъ извѣстнаго рода русскихъ патріотокъ!.. Еслибы цѣль графа Толстаго состояла исключительно въ томъ, чтобы нарисовать яркую историческую картину, конечно, онъ лучше сдѣлалъ бы, взявъ сюжетъ изъ XVII вѣка; но нашъ романистъ—психологъ по преимуществу, и мы полагаемъ, что съ этой стороны люди ближайшихъ къ намъ эпохъ представляютъ гораздо болѣе интереса. Но замѣтьте при этомъ: нигдѣ въ романѣ графа Толстаго вы не найдете ничего тенденціознаго, ни одной замашки тѣхъ господъ, которые ежедневно проповѣдуютъ намъ, и въ романахъ, и въ драмахъ, то западничество, то славянофильство, то гражданскій бракъ, то Жанъ-Жакову методу воспитанія...

Посмотрите: въ тѣсной рамѣ трехъ небольшихъ томовъ художникъ нарисовалъ не менѣе полусотни фигуръ, и каждая изъ нихъ есть живая, осязаемая личность, каждая имѣетъ

свою особую физіономію, которую, кажется, вы когда-то и гдѣ-то видали; вамъ хочется назвать этихъ людей, и вы удивляетесь, отчего вамъ никогда не приходило въ голову написать ихъ портреты. Не говоримъ о лицахъ выведенныхъ на первый планъ, но назовемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые появляются на минуту, эпизодически, которыхъ авторъ могъ бы вовсе не выводить на сцену, еслибъ изъ-подъ пера его не сыпались типы съ такимъ же обиліемъ, съ какимъ мелодіи лились съ пера Россини. Не живые ли люди эта Марья Дмитріевна Ахросимова, этотъ дипломатъ Билибинъ, этотъ превосходный офицеръ нѣмецкаго происхожденія Бергъ, этотъ дядя Ростовыхъ, не имѣющій, кажется, и фамиліи, эта ключница Анисья, эти псари, кучера, этотъ австрійскій генералъ Макъ, произносящій не болѣе десяти словъ и остающійся на сценѣ не болѣе десяти минутъ! Графъ Толстой находитъ возможность положить печать особенности даже на первенствующихъ борзыхъ собакъ въ охотахъ Ростовыхъ и ихъ сосѣдей... Въ чемъ же заключается тайна автора? Какъ могъ онъ, давая такъ мало мѣста каждой фигурѣ, сообщить ей столько жизни и живости? Тайна автора заключается въ необыкновенной самобытности его таланта и въ необыкновенной вѣрности его взгляда. Благодаря этой вѣрности взгляда, онъ улавливаетъ какъ въ нравственномъ образѣ человѣка, такъ и въ его внѣшности именно тѣ черты, которыя его характеризуютъ, а благодаря самобытности своего таланта, онъ находитъ въ запасѣ словъ именно такое, которое столько же мѣтко, сколько и оригинально. Въ новомъ романѣ графа Толстаго, какъ и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, можно безъ всякой придирчивости найдти множество поводовъ къ замѣчаніямъ; но никто никогда, конечно, не находилъ въ немъ того, что̀ можно было бы назвать общимъ мѣстомъ, избитою фразой, выраженіемъ, потерявшимъ выпуклость отъ употребленія. Прослѣдите, напримѣръ, за манерой автора писать портреты своихъ дѣйствующихъ лицъ; у него собственно нѣтъ описаній, то-есть такихъ мѣстъ, читая которыя, вы могли бы, черта за чертой, нарисовать описываемую фигуру; но за то двѣ-три особенности изображаемой фигуры выставлены такъ выпукло, такъ отчеканены необычайно мѣткимъ словомъ автора, что даровитый рисовальщикъ тотчасъ же набросаетъ по нимъ самый живой

и оконченный образъ. То же самое замѣчается и относительно цѣлыхъ сценъ и положеній: у графа Толстаго есть такіе штрихи, которые одушевляютъ цѣлыя страницы, цѣлыя главы. Такъ, напримѣръ, во второмъ томѣ *Войны и мира* есть глава, въ которой описывается поѣздка молодаго Ростова въ Тильзитъ съ цѣлью подать императору Александру просьбу о помилованіи провинившагося друга своего, Денисова. Глава эта, говоря сравнительно, довольно блѣдна; но вотъ Ростову указываютъ *дежурную*, куда совѣтуютъ обратиться съ его дѣломъ; онъ отворяетъ дверь:

„Невысокій, полный человѣкъ, лѣтъ тридцати, въ бѣлыхъ панталонахъ, ботфортахъ и въ одной, видно, только-что надѣтой, батистовой рубашкѣ, стоялъ въ этой комнатѣ; камердинеръ застегивалъ ему сзади шитыя шелкомъ прекрасныя, новыя помочи, которыя почему-то замѣтилъ Ростовъ. Человѣкъ этотъ разговаривалъ съ кѣмъ-то бывшимъ въ другой комнатѣ.

„— Bien faite et la beauté du diable! говорилъ этотъ человѣкъ, и увидавъ Ростова, пересталъ говорить и нахмурился. — Что̀ вамъ угодно? Просьба?...

„— Qu'est ce que c'est? спросилъ кто-то изъ другой комнаты.

„— Encore un petitionnaire, отвѣчалъ человѣкъ въ помочахъ.

„— Скажите ему, что послѣ. Сейчасъ выйдетъ, надо ѣхать.

„— Послѣ, послѣ, завтра. Поздно....

„Ростовъ повернулся и хотѣлъ выйдти, но человѣкъ въ помочахъ остановилъ его.

„— Отъ кого? Вы кто?

„— Отъ маіора Денисова, отвѣчалъ Ростовъ.

„— Вы кто? офицеръ?

„— Поручикъ графъ Ростовъ.

„— Какая смѣлость! По командѣ подайте. А сами идите, идите....

„И онъ сталъ надѣвать подаваемый камердинеромъ мундиръ.“

Или мы очень ошибаемся, или этотъ господинъ въ шитыхъ помочахъ и батистовой рубашкѣ, комфортабельно разговаривающій о какой-то актрисѣ или трактирщицѣ на другой день послѣ Фридланда, когда госпитали не вмѣщали раненыхъ и больныхъ, когда только-что подписанъ былъ тяжелый Тильзитскій миръ, освѣщаетъ всю среду, называемую главною квартирой!

Возьмемъ другой примѣръ. Послѣ описанной коротенькой сценки въ *дежурной*, авторъ приводитъ своего читателя на площадь, гдѣ происходитъ разводъ отъ Преображен-

скаго полка въ присутствіи обоихъ императоровъ: опять картина довольно обыкновенная, при чемъ разказывается весьма извѣстный фактъ о томъ, что Наполеонъ навѣсилъ Légion d'honneur одному русскому гренадеру. Вызванный солдатъ выступилъ изъ рядовъ, говоритъ графъ Толстой: —

„Наполеонъ чуть поворотилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то одинъ другому, и пажъ,—тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у Бориса, выбѣжалъ впередъ, и почтительно наклонившись надъ протянутою рукой и не заставивъ ее дожидаться ни одной секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной лентѣ. Наполеонъ не глядя сжалъ два пальца. Орденъ очутился между ними....“

Не открываютъ ли эти нѣсколько строкъ цѣлаго міра отношеній между *маленькимъ капраломъ* и его дворомъ? Не выражено ли этимъ небрежнымъ движеніемъ руки Наполеона все, что̀ можно сказать на тему: „властелинъ Франціи“?

Вотъ одна изъ особенностей нашего автора. Другая заключается въ необычайной его искренности и правдивости. Для него ничто, совершающееся въ человѣкѣ, не маловажно и не безынтересно; онъ все высматриваетъ и все подмѣчаетъ, а подмѣтивъ, не хочетъ и не можетъ маскировать, а тѣмъ менѣе скрывать, но тотчасъ же фотографируетъ своимъ своеобразнымъ словомъ съ необыкновенною и нерѣдко безпощадною точностію. Князь Василій Курагинъ хочетъ, во что̀ бы ни стало, выдать свою дочь за графа Пьера Безухаго, толстаго, разсѣяннаго добряка и богача. Молодыхъ людей нарочно оставляютъ вдвоемъ, имъ приготовляютъ всевозможныя удобства, а Пьеръ еще и не замѣтилъ, что Эленъ (Helène) пластическою красотой своей напоминаетъ богинь Олимпа. Но вотъ однажды они сидѣли вечеромъ у стола и вели между собой довольно вялый разговоръ.

„Тетушка говорила въ это время о коллекціи табатерокъ, которая была у покойнаго отца Пьера, графа Безухаго, и показала свою табатерку. Княжна Эленъ попросила посмотрѣть портретъ мужа тетушки, который былъ сдѣланъ на этой табатеркѣ.

„— Это, вѣрно, дѣлано Винесомъ, сказалъ Пьеръ, называя извѣстнаго миніатюриста, нагибаясь къ столу, чтобы взять въ руки табатерку, и прислушиваясь къ разговору за

другимъ столомъ. Онъ привсталъ, желая обойдти, но тетушка подала табатерку прямо черезъ Элень, позади ея. Элень нагнулась впередъ, чтобы дать мѣсто и, улыбаясь, оглянулась. Она была, какъ и всегда на вечерахъ, въ весьма откры томъ, по тогдашней модѣ, спереди и сзади платьѣ. Ея бюстъ казавшійся всегда мраморнымъ Пьеру, находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ его глазъ, что онъ своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелесть ея плечъ и шеи, и такъ близко отъ его губъ, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. Онъ слышалъ тепло ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движеніи. Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составлявшую одно цѣлое съ ея платьемъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелесть ея тѣла, которое было закрыто только одеждой. И разъ увидавъ это, онъ не могъ видѣть иначе, какъ мы не можемъ возвратиться къ разъ объясненному обману."

Нельзя не согласиться, что нашъ авторъ поразительными чертами изобразилъ это „страстное, звѣрское чувство", которое свойственно человѣку; но нельзя не сказать, съ другой стороны, что замѣчательный реализмъ его таланта приводитъ его на ту черту, за которою кончается область художества. Старая фрейлина Пронская собирается на балъ; она похожа на развалину, но, говоритъ авторъ, „также было надушено, вымыто, напудрено ея старое, некрасивое тѣло; также старательно промыто за ушами..." И подобныхъ мѣстъ много въ романѣ графа Толстаго. Но особенно много у него такихъ, гдѣ авторъ какъ бы играетъ съ тѣмъ „страстнымъ, звѣрскимъ чувствомъ," о которомъ сказано выше. Вотъ одно изъ нихъ еще. Наташа Ростова невѣста князя Андрея Болконскаго; она, какъ ей кажется, влюблена въ своего жениха, который находится за границей, и о разлукѣ съ нимъ она сокрушается, проводя скучную зиму въ деревнѣ. Но женихъ ея скоро долженъ возвратиться. Ее везутъ въ Москву, гдѣ дѣлаютъ ей приданое, и гдѣ она съ часу на часъ ожидаетъ возвращенія князя Андрея. Въ театрѣ она замѣчаетъ очень красиваго адъютанта, Анатолія Курагина, и Анатолій тоже замѣчаетъ ее. Онъ входитъ въ ложу сестры своей, Элень Безухой, гдѣ Наташа находится, садится возлѣ нея, придвигается къ ней очень близко, начинаетъ съ ней разговаривать, какъ старый знакомый, ласково и упорно смотритъ на нее.

„Говоря это, онъ не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно

знала, что онъ восхищается ею. Ей было это пріятно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобъ онъ ужь лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между имъ и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мущинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно-близкою къ этому человѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ, и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мущиной. Наташа оглядывалась на Элленъ и на отца, какъ будто спрашивая ихъ, что̀ такое это значило; но Элленъ была занята разговоромъ съ какимъ-то генераломъ и не отвѣтила на ея взглядъ, а взглядъ отца ничего не сказалъ ей, какъ только то, что̀ онъ всегда говорилъ: „весело, ну я и радъ“.

Вотъ первое впечатлѣніе. Оно было совершенно ново и не непріятно Наташѣ, такъ не непріятно, что она чувствуетъ себя очень расположенною ѣхать нѣсколько дней спустя къ графинѣ Безухой, гдѣ непремѣнно встрѣтитъ ея брата. Дѣйствительно, она встрѣтила его и тотчасъ же почувствовала „отсутствіе нравственныхъ преградъ между ею (собою) и имъ“. Чѣмъ кончились отношенія, начавшіяся такимъ образомъ, читатель узнаетъ изъ романа графа Толстаго (если онъ еще не прочелъ его); мы же скажемъ, что подобныя положенія спасаются отъ цинизма лишь благодаря тому вліянію чувства высокой нравственности, которое носится надъ всѣми сочиненіями этого писателя. Но горе тому, кто вздумалъ бы ему подражать!

Будемъ слѣдить далѣе за особенностями нашего замѣчательнаго романиста. Графъ Толстой по преимуществу наблюдатель и психологъ. Но такъ какъ онъ въ то же время художникъ и поэтъ,—то-есть человѣкъ, такъ сказать, думающій образами,—то результаты своихъ наблюденій онъ передаетъ не въ видѣ скучнаго анализа, а живыми представленіями. Онъ не задаетъ себѣ вопроса: „Что̀ могъ бы сдѣлать такой-то въ такомъ-то положеніи? Что̀ могъ бы онъ чувствовать и что̀ могъ бы сказать?“ Въ его фантазіи одновременно создается и положеніе, и роль въ оном̀ дѣйствующаго лица: качество драгоцѣнное, безъ котораго невозможно

быть ни хорошимъ романистомъ, ни хорошимъ драматургомъ. Но намъ кажется, что графъ Толстой недостаточно разборчивъ въ предметѣ своихъ наблюденій и нерѣдко впадаетъ въ мелочность. Выразимъ нашу мысль яснѣе. Графъ Толстой, какъ мы сказали, обладаетъ необыкновенною силой взгляда. Воображаемыя лица стоятъ передъ нимъ какъ живые натурщики; онъ ихъ разсматриваетъ, поворачиваетъ, заставляетъ дѣлать движенія, и какъ скоро подмѣтитъ какую-нибудь черту, затрогивающую его художественное чувство, тотчасъ отмѣчаетъ ее на бумагѣ. Что̀ за дѣло ему, что эта черта тонка какъ волосъ, что это движеніе души мимолетно: по этому-то самому оно ему и дорого! Да и какъ не дорожить! Это перлъ, добытый изъ самыхъ глубокихъ безднъ души человѣческой, это алмазъ, вырванный изъ таинственныхъ нѣдръ природы! И такихъ алмазовъ у графа Толстаго множество. Но, по нашему мнѣнію, они иногда портятъ общій эффектъ картины.... Чтобъ еще болѣе выяснить нашу мысль, сопоставимъ различные способы изображать характеры. Писатели прежняго времени брали человѣка en bloc. У нихъ были герои или добродѣтельные или порочные, твердые или слабохарактерные, прямодушные или лукавые; оттѣнковъ они не дѣлали; добродѣтель была 84 пробы, порокъ изображался „безъ смягчающихъ обстоятельствъ“. Фигуры, которыя такимъ образомъ выходили, были точно обведены карандашомъ Альберта Дюрера: сухія, холодныя и безжизненныя, но твердо поставленныя. Новѣйшая школа писателей поступаетъ иначе. Она избѣгаетъ слишкомъ опредѣленныхъ чертъ; она выходитъ изъ той точки зрѣнія, что нѣтъ въ природѣ ни безусловно добродѣтельныхъ, ни абсолютно порочныхъ людей, ни храбрецовъ, которые когда-нибудь не струсили бы, ни трусовъ, которые хоть разъ въ жизни не обнаружили бы смѣлости. Задавшись такою, совершенно справедливою мыслію, они *закладываютъ* (выражаясь языкомъ живописцевъ) тонъ,—положимъ,—храбрости, но тотчасъ же накидываютъ на него полутоны, начинаютъ доискиваться почему человѣкъ храбръ, точно ли онъ храбръ, какого рода его храбрость: отъ пылкости, отъ самолюбія ли она происходитъ? есть ли она результатъ убѣжденія и силы воли надъ слабостію нервовъ, или тупаго непониманія опасности, или же страха передъ судомъ свѣта?... Но такъ или иначе, только послѣ всѣхъ этихъ изысканій оказывается, что

нашъ храбрецъ есть тряпка, и что весь свѣтъ пошло ошибается, почитая его храбрецомъ.... Къ такимъ-то послѣдствіямъ приводитъ злоупотребленіе психологическимъ анализомъ,—и, признаемся откровенно, намъ кажется, что графъ Толстой не избѣгаетъ упрека въ этомъ недостаткѣ, происходящемъ отъ избытка въ немъ силы наблюденія. Возьмемъ для примѣра одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его романѣ, князя Андрея Болконскаго. Въ первыхъ главахъ мы видимъ въ немъ молодаго человѣка, чрезвычайно самолюбиваго и честолюбиваго, сильно вѣрующаго въ свои дарованія, расположеннаго работать серіознымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать карьеру, и встрѣтившаго въ жизни своей лишь одного человѣка, къ которому онъ чувствуетъ почтеніе: къ отцу своему, „одному изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени“. Все остальное или возбуждаетъ его презрѣніе, или не возбуждаетъ ровно ничего. Въ высшихъ кругахъ петербургскаго общества онъ появляется на минуту, бросаетъ направо и налѣво нѣсколько разсѣянныхъ словъ, опускается на кресло, какъ надломленный, и ходитъ не расправляя колѣнъ: они расправляются только тогда, когда онъ входитъ въ кабинетъ своего отца, да еще подъ пулями. Только съ отцомъ своимъ, да еще съ Пьеромъ Безухимъ Андрей говоритъ серіозно, при чемъ, однакожь, онъ говоритъ Пьеру *ты*, а тотъ ему *вы*. Всѣ эти черты развиты въ сотнѣ различныхъ положеній въ первомъ томѣ романа: при прощаніи князя Андрея съ отцомъ и беременною женой, когда онъ ѣдетъ въ армію, адъютантомъ Кутузова, въ сношеніяхъ его съ товарищами, надъ которыми онъ безусловно господствуетъ, въ отношеніяхъ его къ Кутузову, который оказываетъ ему особенное вниманіе, въ аудіенціи съ императоромъ Францомъ, надъ которымъ чувствуется его нравственное превосходство, наконецъ, въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ долженъ дѣйствовать человѣкъ съ его честолюбіемъ и его энергіей. Но на Аустерлицкомъ полѣ съ нимъ совершается нѣчто новое, неожиданное. Разкажемъ этотъ важный моментъ въ жизни князя Андрея словами самого автора. Сраженіе было уже проиграно; нѣсколько баталіоновъ побѣжали и едва не смяли самого Кутузова.

„— Болконскій, прошепталъ Кутузовъ дрожащимъ отъ сознанія своего старческаго безсилія голосомъ. — Болконскій,

прошепталъ онъ, указывая на разстроенный баталіонъ и на непріятеля,—что жь это?

„Но прежде чѣмъ онъ договорилъ это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшія ему къ горлу, уже соскакивалъ съ лошади и бѣжалъ къ знамени.

„— Ребята, впередъ! крикнулъ онъ дѣтски-пронзительно....

„Вотъ оно!“ думалъ князь Андрей, схвативъ древко знамени и съ наслажденіемъ слыша свистъ пуль, очевидно направленныхъ именно противъ него. Нѣсколько солдатъ упало.

„— Ура! закричалъ князь Андрей, едва удерживая въ рукахъ тяжелое знамя, и побѣжалъ впередъ съ несомнѣнною увѣренностію, что весь баталіонъ побѣжитъ за нимъ. Дѣйствительно, онъ пробѣжалъ одинъ только нѣсколько шаговъ. Тронулся одинъ, другой солдатъ, и весь баталіонъ, съ крикомъ *ура*, побѣжалъ впередъ и обогналъ его. Унтеръ-офицеръ баталіона, подбѣжавъ, взялъ колебавшееся отъ тяжести въ рукахъ князя Андрея знамя, но тотчасъ же былъ убитъ. Князь Андрей опять схватилъ знамя, и волоча его за древко, бѣжалъ съ баталіономъ. Впереди себя онъ видѣлъ нашихъ артиллеристовъ, изъ которыхъ одни дрались, другіе бросали пушки и бѣжали къ нему навстрѣчу: онъ видѣлъ и французскихъ пѣхотныхъ солдатъ, которые хватали артилерійскихъ лошадей и поворачивали пушки. Князь Андрей съ баталіономъ уже былъ въ двадцати шагахъ отъ орудій. Онъ слышалъ надъ собой не перестававшій свистъ пуль и безпрестанно, справа и слѣва отъ него, охали и падали солдаты. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ: онъ вглядывался только въ то, что происходило впереди его—на батареѣ. Онъ ясно видѣлъ уже одну фигуру рыжаго артиллериста со сбитымъ на бокъ киверомъ, тянущаго съ одной стороны банникъ, тогда какъ французскій солдатъ тянулъ банникъ къ себѣ за другую сторону. Князь Андрей видѣлъ уже ясно растерянное и вмѣстѣ озлобленное выраженіе лицъ этихъ двухъ людей, видимо не понимавшихъ того, что они дѣлали.

„Что они дѣлаютъ?“ думалъ князь Андрей, глядя на нихъ: „зачѣмъ не бѣжитъ рыжій артиллеристъ, когда у него нѣтъ оружія? Зачѣмъ не колетъ его Французъ? Не успѣетъ добѣжать, какъ Французъ вспомнитъ о ружьѣ и заколетъ его.“ Дѣйствительно, другой Французъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, подбѣжалъ къ борющимся, и участь рыжаго артиллериста, все еще не понимавшаго того, что ожидаетъ его, и съ торжествомъ выдернувшаго банникъ, должна была рѣшиться. Но князь Андрей не видалъ чѣмъ это кончилось. Какъ бы со всего розмаха крѣпкою палкой, кто-то изъ ближайшихъ солдатъ, какъ ему показалось, ударилъ его въ голову. Немного это больно было, а главное непріятно, потому что боль эта развлекала его и мѣшала ему видѣть то, на что онъ смотрѣлъ.

„Что это? Я падаю? У меня ноги подкашиваются“, подумалъ онъ и упалъ на спину. Онъ раскрылъ глаза, надѣясь

увидать чѣмъ кончилась борьба Французовъ съ артиллеристами, и желая знать, убитъ или нѣтъ рыжій артиллеристъ, взяты или спасены пушки. Но онъ ничего не видалъ. Надъ нимъ ничего, кромѣ неба—высокаго неба, не яснаго, но все-таки неизмѣримо высокаго, съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками. „Какъ тихо, спокойно и торжественно, совсѣмъ не такъ какъ я бѣжалъ“, подумалъ князь Андрей,—„не такъ какъ мы бѣжали, кричали и дрались, совсѣмъ не такъ, какъ съ озлобленными и испуганными лицами тащили другъ у друга банникъ Французъ и артиллеристъ, совсѣмъ не такъ ползутъ облака по этому высокому, безконечному небу. Какъ же я не видалъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. Да! Все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ его. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу!...“

Едва переживъ свою рану, Болконскій уѣзжаетъ въ деревню. Честолюбіе его вогнато внутрь; онъ становится раздражителенъ и начинаетъ напоминать отца своего, котораго вѣрно не забыли читатели *Русскаго Вѣстника*. Но въ то же время вліяніе другаго рода оказываютъ на него деревенская тишина, присутствіе маленькаго сына, который родился въ его отсутствіе, наконецъ, невольное раскаяніе въ томъ, что онъ слишкомъ явно обнаруживалъ пренебреженіе къ женѣ своей, умершей, когда онъ гонялся за славой. Личность князя Андрея, поставленная подъ такое двойное освѣщеніе, изображена въ нѣсколькихъ мастерскихъ сценахъ. Въ это время наѣзжаетъ къ нему Пьеръ Безухій, сдѣлавшійся между тѣмъ масономъ, и двойственность борющихся въ его душѣ вліяній блеститъ въ разговорѣ между ними самыми яркими красками. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, князю Андрею пришлось куда-то выѣхать.

„Проѣхали перевозъ, на которомъ онъ годъ тому назадъ говорилъ съ Пьеромъ. Проѣхали грязную деревню, гумны, зеленя, спускъ съ оставшимся снѣгомъ у моста, подъемъ по размытой глинѣ, полосы жнивья и зеленѣющагося кое-гдѣ кустарника и въѣхали въ березовый лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ лѣсу было почти жарко, вѣтру не слышно было. Береза, вся обсѣянная зелеными, клейкими листьями, не шевелилась, и изъ-подъ прошлогоднихъ листьевъ, поднимая ихъ, вылѣзала, зеленѣя, первая трава и лиловые цвѣты. Разсыпанныя кое-гдѣ по березнику мелкія ели своею грубою вѣчною зеленью непріятно напоминали о зимѣ. Лошади зафыркали въѣхавъ въ лѣсъ и виднѣе запотѣли.

„Лакей Петръ что-то сказалъ кучеру, кучеръ утверди-

тельно отвѣтилъ. Но видно, Петру мало было сочувствованія кучера: онъ повернулся на козлахъ къ барину.

„— Ваше сіятельство, легко какъ! сказалъ онъ почтительно улыбаясь.

„— Что?

„— Легко, ваше сіятельство.

„Что̀ онъ говоритъ?“ подумалъ князь Андрей. „Да, объ веснѣ вѣрно,“ подумалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ. „И то зелено все уже.... какъ скоро! И береза, и черемуха, и ольха ужь начинаетъ.... А дубъ и не замѣтно. Да, вотъ онъ, дубъ.“

На краю дороги стоялъ дубъ. Вѣроятно въ десять разъ старше березъ, составлявшихъ лѣсъ, онъ былъ въ десять разъ толще и въ два раза выше каждой березы. Это былъ огромный, въ два обхвата, дубъ, съ обломанными, давно видно, суками и съ обломанною корой, заросшею старыми болячками. Съ огромными своими, неуклюжими, несимметрично-растопыренными, корявыми руками и пальцами, онъ старымъ, сердитымъ и презрительнымъ уродомъ стоялъ между улыбающимися березами. Только одни мертво и вѣчно зеленыя мелкія ели, разсыпанныя по лѣсу, вмѣстѣ съ дубомъ не хотѣли подчиняться обаянію весны и не хотѣли видѣть ни весны, ни солнца.

„Весна и любовь, и счастіе!“ какъ будто говорилъ этотъ дубъ: „и какъ не надоѣстъ вамъ все одинъ и тотъ же глупый и безсмысленный обманъ. Все одно и то же, и все обманъ! Нѣтъ ни весны, ни солнца, ни счастія. Вонъ, смотрите, сидятъ задавленныя мертвыя ели, всегда одинакія, и вотъ и я растопырилъ свои обломанные, ободранные пальцы, гдѣ ни выросли они—изъ спины, изъ боковъ; какъ выросли—такъ и стою, и не вѣрю вашимъ надеждамъ и обманамъ.“

„Князь Андрей нѣсколько разъ оглянулся на этотъ дубъ, проѣзжая по лѣсу, какъ будто онъ чего-то ждалъ отъ него. Цвѣты и трава были подъ дубомъ, но онъ все также, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно стоялъ посреди ихъ.

„Да, онъ правъ, тысячу разъ правъ этотъ дубъ“, думалъ князь Андрей, „пускай другіе, молодые, вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь,— наша жизнь кончена!“ Цѣлый новый рядъ мыслей, безнадежныхъ, но грустно-пріятныхъ, въ связи съ этимъ дубомъ возникъ въ душѣ князя Андрея. Во время этого путешествія онъ какъ будто вновь обдумалъ всю свою жизнь и пришелъ къ тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключенію, что ему начинать ничего было не надо, что онъ долженъ доживать свою жизнь, не дѣлая зла, не тревожась и ничего не желая.“

Возвращаясь домой, князь Андрей ѣдетъ опять тѣмъ же лѣсомъ.

„Цѣлый день былъ жаркій, гдѣ-то собиралась гроза, но только небольшая тучка брызнула на пыль дороги и на

сочные листья. Лѣвая сторона лѣса была темна, въ тѣни; правая, мокрая, глянцовитая, блестѣла на солнцѣ, чуть колыхаясь отъ вѣтра. Все было въ цвѣту; соловьи трещали и перекатывались то близко, то далеко.

„Да, здѣсь, въ этомъ лѣсу, былъ этотъ дубъ, съ которымъ мы были согласны“, подумалъ князь Андрей. „Да гдѣ онъ?“ подумалъ опять князь Андрей, глядя на лѣвую сторону дороги, и самъ того не зная, не узнавая его, любовался тѣмъ дубомъ, котораго онъ искалъ. Старый дубъ, весь преображенный, раскинувшись шатромъ сочной, темной зелени, млѣлъ, чуть колыхаясь въ лучахъ вечерняго солнца. Ни корявыхъ пальцевъ, ни болячекъ, ни стараго недовѣрія и горя,—ничего не было видно. Сквозь жесткую, столѣтнюю кору пробились безъ сучковъ сочные, молодые листья, такъ что вѣрить нельзя было, что этотъ старикъ произвелъ ихъ. „Да, это тотъ самый дубъ“, подумалъ князь Андрей, и на него вдругъ нашло безпричинное, весеннее чувство радости и обновленія. Всѣ лучшія минуты его жизни вдругъ въ одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлицъ съ высокимъ небомъ, и мертвое, укоризненное лицо жены, и Пьеръ на паромѣ, и дѣвочка взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна, и—все это вдругъ вспомнилось ему.

„Нѣтъ, жизнь не кончена въ тридцать одинъ годъ, вдругъ окончательно, безперемѣнно рѣшилъ князь Андрей.“

Все это прекрасно, прекрасно и прекрасно; но не забудемъ: князь Андрей рѣшился „безперемѣнно“, что онъ возвращается къ жизни. Посмотримъ же, поведетъ ли его авторъ твердымъ шагомъ къ возрожденію. Князь Андрей ѣдетъ въ Петербургъ и встрѣчается со Сперанскимъ, находившимся въ апогеѣ своей силы. Онъ принимаетъ участіе въ работахъ знаменитаго реформатора и до нѣкоторой степени испытываетъ на себѣ его вліяніе или, по крайней мѣрѣ, то чувство уваженія и признанія его достоинствъ, которое до сихъ поръ онъ питалъ въ отношеніи одного только отца своего. Въ самый день открытія государственнаго совѣта, онъ обѣдаетъ у Сперанскаго. Наканунѣ онъ былъ на балѣ. „Отъ усталости или отъ безсонницы день былъ не хорошій для занятій.“ Къ нему между тѣмъ навернулся нѣкто Бицкій и съ непомѣрнымъ восхищеніемъ разказалъ всѣ обстоятельства открытія государственнаго совѣта.

„Князь Андрей слушалъ разказъ объ открытіи государственнаго совѣта, котораго онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ и которому приписывалъ такую важность, и удивлялся, что событіе это теперь, когда оно совершилось, не только не трогало его, но представлялось болѣе чѣмъ ничтож-

нымъ. Онъ съ тихою насмѣшкой слушалъ восторженный разказъ Бицкаго. Самая простая мысль приходила ему въ голову. „Какое дѣло мнѣ и Бицкому, какое дѣло намъ до того, что̀ государю угодно было сказать въ совѣтѣ? Развѣ все это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?“

„И это простое разсужденіе вдругъ уничтожило для князя Андрея весь прежній интересъ совершаемыхъ преобразованій.“

Странно! неужели вліяніе усталости или напускной восторгъ пустомели могъ вдругъ совершенно измѣнить образъ мыслей такого человѣка, какимъ мы знаемъ князя Андрея? Если же это не что̀ иное какъ мимолетное впечатлѣніе, то стоило ли отмѣчать его?... Но пойдемъ далѣе. Болконскій ѣдетъ къ Сперанскому.

„Въ назначенный часъ обѣда князь Андрей уже входилъ въ собственный небольшой домъ Сперанскаго, у Таврическаго сада. Въ паркетной столовой небольшаго домика, отличавшагося необыкновенною чистотой (напоминающею монашескую чистоту), князь Андрей, нѣсколько опоздавшій, уже нашелъ въ пять часовъ собравшееся все общество этого petit comité, интимныхъ знакомыхъ Сперанскаго. Дамъ не было никого, кромѣ маленькой дочери Сперанскаго (съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на отца) и ея гувернантки. Гости были Жерве, Магницкій и Столыпинъ. Еще изъ передней князь Андрей услыхалъ громкіе голоса и звонкій, отчетливый хохотъ—хохотъ похожій на тотъ, какимъ смѣются на сценѣ. Кто-то голосомъ, похожимъ на Сперанскаго, отчетливо отбивалъ: ха.... ха.... ха.... Князь Андрей никогда не слыхалъ смѣха Сперанскаго, и этотъ звонкій, тонкій смѣхъ государственнаго человѣка странно поразилъ его.

„Князь Андрей вошелъ въ столовую. Все общество стояло между двухъ оконъ у небольшаго стола съ закуской. Сперанскій въ сѣромъ фракѣ съ звѣздой, очевидно въ томъ еще бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстукѣ, въ которыхъ онъ былъ въ знаменитомъ засѣданіи государственнаго совѣта, съ веселымъ лицомъ стоялъ у стола. Гости окружали его. Магницкій, обращаясь къ Михаилу Михайловичу, разказывалъ анекдотъ. Сперанскій слушалъ, впередъ смѣясь тому, что̀ скажетъ Магницкій. Въ то время какъ князь Андрей вошелъ въ комнату, слова Магницкаго опять заглушились смѣхомъ. Громко басилъ Столыпинъ, пережевывая кусокъ хлѣба съ сыромъ; тихимъ смѣхомъ шипѣлъ Жерве, и тонко, отчетливо смѣялся Сперанскій.

„Сперанскій, все еще смѣясь, подалъ князю Андрею свою бѣлую, нѣжную руку.

„— Очень радъ васъ видѣть, князь, сказалъ онъ.—Минутку.... обратился онъ къ Магницкому, прерывая его разказъ.

— У насъ нынѣче уговоръ: обѣдъ удовольствія, и ни слова про дѣла. И онъ опять обратился къ разкащику, и опять засмѣялся.

„Князь Андрей съ удивленіемъ и грустью разочарованія слушалъ его смѣхъ и смотрѣлъ на смѣющагося Сперанскаго. Это былъ не Сперанскій, а другой человѣкъ, казалось князю Андрею. Все что̀ прежде таинственно и привлекательно представлялось князю Андрею въ Сперанскомъ, вдругъ стало ему ясно и непривлекательно.

„За столомъ разговоръ ни на мгновеніе не умолкалъ и состоялъ какъ будто бы изъ собранія смѣшныхъ анекдотовъ. Еще Магницкій не успѣлъ докончить своего разказа, какъ ужь кто-то другой заявилъ свою готовность разказать что-то, что̀ было еще смѣшнѣе. Анекдоты большею частью касались ежели не самого служебнаго міра, то лицъ служебныхъ. Казалось, что въ этомъ обществѣ такъ окончательно было рѣшено ничтожество этихъ лицъ, что единственное отношеніе къ нимъ могло быть только добродушно-комическое. Сперанскій разказалъ, какъ на совѣтѣ сегодняшняго утра на вопросъ у глухаго сановника о его мнѣніи, сановникъ этотъ отвѣчалъ, что онъ того же мнѣнія. Жерве разказалъ цѣлое дѣло о ревизіи, замѣчательное по безсмыслицѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Столыпинъ, заикаясь, вмѣшался въ разговоръ, и съ горячностью началъ говорить о злоупотребленіяхъ прежняго порядка вещей, угрожая придать разговору серіозный характеръ. Магницкій началъ трунить надъ горячностью Столыпина, Жерве вставилъ шутку, и разговоръ принялъ опять прежнее, веселое направленіе.

„Очевидно, Сперанскій послѣ трудовъ любилъ отдохнуть и повеселиться въ пріятельскомъ кружкѣ, и всѣ его гости, понимая его желаніе, старались веселить его и сами веселиться. Но веселье это казалось князю Андрею тяжелымъ и невеселымъ. Тонкій звукъ голоса Сперанскаго непріятно поражалъ его, и неумолкавшій смѣхъ своею фальшивою нотой почему-то оскорблялъ чувство князя Андрея. Князь Андрей не смѣялся и боялся, что онъ будетъ тяжелъ для этого общества. Но никто не замѣчалъ его несоотвѣтственности къ общему настроенію. Всѣмъ было, казалось, очень весело.

„Онъ нѣсколько разъ желалъ вступить въ разговоръ, но всякій разъ его слово выбрасывалось вонъ, какъ пробка изъ воды, и онъ не могъ шутить съ ними вмѣстѣ.

„Ничего не было дурнаго или неумѣстнаго въ томъ, что̀ они говорили, все было остро, умно и могло бы быть смѣшно; но чего-то, того самаго, что̀ составляетъ соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бываетъ.

„Послѣ обѣда дочь Сперанскаго съ своею гувернанткой встали. Сперанскій приласкалъ дочь своею бѣлою рукой и поцѣловалъ ее. И этотъ жестъ показался неестественнымъ князю Андрею.

„Муцины, по-англійски, остались за столомъ и за порт-

вейномъ. Въ срединѣ начавшагося разговора объ испанскихъ дѣлахъ Наполеона, одобривая которыя всѣ были одного и того же мнѣнія, князь Андрей сталъ противорѣчить имъ. Сперанскій улыбнулся и, очевидно, желая отклонить разговоръ отъ принятаго направленія, разказалъ анекдотъ, не имѣющій отношенія къ разговору. На нѣсколько мгновеній всѣ замолкли.

„Посидѣвъ за столомъ, Сперанскій закупорилъ бутылку съ виномъ, и сказавъ: „нынче хорошее винцо въ сапожкахъ ходитъ," отдалъ слугѣ и всталъ. Всѣ встали, и также шумно разговаривая, пошли въ гостиную. Сперанскому подали два конверта, привезенные курьеромъ. Онъ взялъ ихъ и прошелъ въ кабинетъ. Какъ только онъ вышелъ, общее веселье замолкло, и гости разсудительно и тихо стали переговариваться другъ съ другомъ."

Черезъ нѣсколько минутъ, когда вошелъ Сперанскій, князь Андрей собрался ѣхать.

„— Куда вы такъ рано? сказалъ Сперанскій.

„— Я обѣщалъ на вечеръ....

„Они молчали. Князь Андрей смотрѣлъ близко въ эти зеркальные, непропускающіе къ себѣ глаза, и ему стало смѣшно, какъ онъ могъ ждать чего-нибудь отъ Сперанскаго и отъ всей своей дѣятельности, связанной съ нимъ, и какъ могъ онъ приписывать важность тому, что̀ дѣлалъ Сперанскій. Этотъ аккуратный, невеселый смѣхъ долго не переставалъ звучать въ ушахъ князя Андрея, послѣ того какъ онъ уѣхалъ отъ Сперанскаго.

„Вернувшись домой, князь Андрей сталъ вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре мѣсяца, какъ будто что-то новое. Онъ вспоминалъ свои хлопоты, искательства, исторію своего проекта военнаго устава, который былъ принятъ къ свѣдѣнію и о которомъ старались умолчать единственно потому, что другая работа, очень дурная, была уже сдѣлана и представлена государю; вспомнилъ о засѣданіяхъ комитета, членомъ котораго былъ Бергъ; вспомнилъ, какъ въ этихъ засѣданіяхъ старательно и продолжительно обсуживалось все касающееся формы и процесса засѣданій комитета и какъ старательно и кротко обходилось все что̀ касалось сущности дѣла. Онъ вспомнилъ о своей законодательной работѣ, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи римскаго и французскаго свода, и ему стало совѣстно за себя. Потомъ онъ живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ, свою поѣздку въ Рязань, вспомнилъ мужиковъ, Дрона-старосту, и приложивъ къ нимъ права лицъ, которыя онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такою праздною работой."

Обѣдъ у Сперанскаго принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ сценамъ во всемъ романѣ; невозможно нарисовать болѣе живой, болѣе осязательный картины болѣе тонкими, почти неуловимыми чертами. Но что̀ же однако? Тотъ ли передъ нами князь Андрей, котораго мы видѣли въ 1805 году? Если разочарованіе насчетъ Сперанскаго и очарованіе въ отношеніи Дрона-старосты были въ немъ впечатлѣніемъ мимолетнымъ, то о немъ не стоило и упоминать, подобно множеству другихъ мимолетныхъ впечатлѣній, которыя онъ испыталъ въ продолженіе тридцати лѣтъ своей жизни; если же впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ разказа Бицкаго и обѣда у Сперанскаго, оставили въ немъ слѣдъ, то, повторяемъ: тотъ ли это честолюбивый человѣкъ, „одаренный практическою цѣпкостію“, котораго мы знали прежде? Что̀ же онъ теперь сдѣлаетъ? Оставитъ Сперанскаго? Станетъ на сторону Балашева или Ростопчина? Поѣдетъ въ деревню, къ своему Дрону-старостѣ?... Ничуть: онъ остается въ Петербургѣ и влюбляется въ Наташу Ростову.

На томъ самомъ балѣ, съ котораго унесъ онъ такую обильную послѣдствіями усталость, князь Андрей увидѣлъ Наташу, танцовалъ съ ней, и „вино ея прелести ударило ему въ голову“. Во время котильйона онъ слѣдилъ за нею глазами, когда она порхала по паркету и вдругъ: „Ежели она подойдетъ прежде къ своей кузинѣ, а потомъ къ другой дамѣ, то она будетъ моею женой“, сказалъ *совершенно неожиданно* самъ себѣ князь Андрей.... Что̀ жь это такое? Неужели мы станемъ слѣдить за всѣми „неожиданными“, стало-быть совершенно случайными движеніями человѣческаго духа? Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же конецъ роману и гдѣ предѣлы наблюденію? Если на бѣду авторъ сдѣлаетъ предметомъ своихъ наблюденій какого-нибудь нервнаго субъекта, то онъ легко можетъ разогнать свои наблюденія на двѣнадцать томовъ; только это уже будетъ не романъ, а дневникъ психіатра. Но намъ придется поставить еще не одинъ вопросительный знакъ предъ портретомъ князя Андрея. Онъ влюбляется въ Наташу Ростову не на шутку. Лицо его принимаетъ „молодое выраженіе“, онъ пишетъ стихи въ альбомъ Наташи; онъ „никогда не испытывалъ ничего подобнаго“. Онъ нарочно пріѣзжаетъ къ Пьеру Безухому, чтобы высказаться предъ нимъ.

„Это чувство сильнѣе меня“, говорилъ онъ. „Вчера я мучился, страдалъ, но и мученья этого я не отдамъ ни за что въ мірѣ. Я не жилъ прежде. Только теперь я живу, но я не могу жить безъ нея. Но можетъ ли она меня любить? Я старъ для нея... Что жь ты не говоришь?“

Во время разговора съ Пьеромъ, замѣчаетъ авторъ, князь Андрей казался и былъ совершенно другимъ человѣкомъ; онъ легко и смѣло дѣлалъ планы на продолжительное будущее. Онъ не только фантазировалъ, но поѣхалъ къ отцу за разрѣшеніемъ, готовый, впрочемъ, даже и на ссору съ нимъ, въ случаѣ весьма вѣроятнаго съ его стороны упрямства. И вотъ онъ возвращается, уладивъ кое-какъ дѣло съ несговорчивымъ старикомъ, дѣлаетъ формальное предложеніе, получаетъ формальное согласіе матери невѣсты и признаніе въ любви со стороны Наташи.

„— Ахъ, я такъ счастлива, отвѣчала она, улыбнулась сквозь слезы, нагнулась ближе къ нему, подумала секунду, какъ будто спрашивая себя, можно ли это, и поцѣловала его.

„Князь Андрей держалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза, и не находилъ въ своей душѣ прежней любви къ ней. Въ душѣ его вдругъ перевернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желанія, а была жалость къ ея женской и дѣтской слабости, былъ страхъ передъ ея преданностью и довѣрчивостью, тяжелое и вмѣстѣ радостное сознаніе долга, навѣки связавшаго его съ нею. Настоящее чувство, хотя и не было такъ свѣтло и поэтично какъ прежнее, было серіознѣе и сильнѣе.

Здѣсь мы рѣшительно становимся въ тупикъ. Не то чтобы такой поворотъ казался намъ невозможнымъ: всякія противорѣчія и неожиданности возможны; но какую же цѣль имѣетъ авторъ? Неужели онъ силится показать въ лицахъ, что „всякій человѣкъ есть ложь“, что сердце человѣческое есть „кладезь мрачный“? Но что̀ бъ оно ни было, мрачный кладезь или лабиринтъ, авторъ,—который вводитъ въ него читателя,—долженъ умѣть не заблудиться въ немъ! Признаемся, намъ лучше нравятся тѣ лица графа Толстаго, отдѣлка которыхъ не доведена, какъ на портретахъ академика Зарянки, до излишества. Онъ, какъ мы уже сказали, имѣетъ завидную способность нѣсколькими мѣткими чертами обрисовать фигуру такъ, что воображеніе читателя само додѣлываетъ нѣкоторые детали. Посмотрите, напримѣръ, фигуры стараго князя Болконскаго, его дочери, графа Ростова—

отца: это мастерскіе и, по нашему мнѣнію, совершенно доконченные типы, и мы полагаемъ, что дальнѣйшая отдѣлка только ослабила бы производимое ими впечатлѣніе. Портреты Наташи и особенно князя Андрея грѣшатъ именно этою чрезмѣрною отдѣлкой, хотя, конечно, мы и не рѣшаемъ безусловно до окончанія романа.

Совершенно противоположный упрекъ принуждены мы сдѣлать относительно внѣшней стороны романа: она положительно страдаетъ недостаткомъ отдѣлки. Неправильности въ слогѣ автора не рѣдки, повтореніе сряду одного слова часто встрѣчается; на 85 страницѣ, второй части, т. I. у императора Александра голубые глаза, а на 118—сѣрые. На страницѣ 56, тома III, читаемъ: „31-го декабря наканунѣ Новаго 1810 года, la réveillon, былъ балъ у Екатерининскаго вельможи.“ На этомъ балѣ нѣкто баронъ Фиргофъ разговаривалъ „о *завтрашнемъ*, предполагаемомъ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта.“ *На другой день* пріѣхалъ къ князю Андрею Бицкій и сообщилъ ему подробности засѣданія государственнаго совѣта *вчерашняго утра*. Вслѣдъ за тѣмъ, князь Андрей ѣдетъ обѣдать къ Сперанскому и находитъ его „въ томъ еще бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстухѣ, въ которыхъ онъ былъ въ знаменитомъ засѣданіи государственнаго совѣта“. Котораго же числа происходило это засѣданіе? Всѣ эти небрежности прискорбно видѣть въ сочиненіи, на которое положено авторомъ такъ много дарованія и, безъ сомнѣнія, много времени и любви; не менѣе прискорбно замѣтить, что оно и издано небрежно: съ большимъ количествомъ опечатокъ, какимъ-то неуклюжимъ шрифтомъ, на бумагѣ, какая употребляется за границей развѣ для учебниковъ.

Мы кончили. Но намъ хотѣлось бы разстаться съ графомъ Толстымъ и съ его прекраснымъ романомъ не иначе какъ со словомъ сочувствія на устахъ. Поэтому позволяемъ себѣ сдѣлать еще одну выписку, а именно описаніе поѣздки всей молодежи семейства Ростовыхъ, *ряженыхъ*, въ зимнюю, рождественскую ночь.

„Тройка стараго графа, въ которую сѣлъ Диммлеръ (учитель музыки) и другіе ряженые, визжа полозьями, какъ будто примерзая къ снѣгу и побрякивая густымъ колокольцомъ, тронулась впередъ. Пристяжныя жались на оглобли и увязали, выворачивая какъ сахаръ крѣпкій и блестящій снѣгъ.

„Николай тронулся за первою тройкой; сзади зашумѣли и завизжали остальныя. Сначала ѣхали маленькою рысью по узкой дорогѣ. Пока ѣхали мимо сада, тѣни отъ оголенныхъ деревьевъ ложились часто поперекъ дороги и скрывали яркій свѣтъ луны, но какъ только выѣхали за ограду, алмазно-блестящая, съ сизымъ отблескомъ, снѣжная равнина, вся облитая мѣсячнымъ сіяніемъ и неподвижная, открылась со всѣхъ сторонъ. Разъ, разъ, толконулъ ухабъ въ переднихъ саняхъ; точно также толконуло слѣдующія сани и слѣдующія, и дерзко нарушая закованную тишину, однѣ за другими стали растягиваться сани.

„— Слѣдъ заячій, много слѣдовъ! прозвучалъ въ морозномъ скованномъ воздухѣ голосъ Наташи.

„— Какъ видно, Nicolas! сказалъ голосъ Сони. Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтобы ближе разсмотрѣть ея лицо. Какое-то совсѣмъ новое, милое лицо, съ черными бровями и усами, въ лунномъ свѣтѣ, близко и далеко, выглядывало изъ соболей.

„Это прежде была Соня,“ подумалъ Николай. Онъ ближе вглядѣлся въ нее и улыбнулся.

„— Вы что, Nicolas?

„— Ничего, сказалъ онъ и повернулся опять къ лошадямъ.

„Выѣхавъ на торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю изсѣченную слѣдами шиповъ, видными въ свѣтѣ мѣсяца, лошади сами собой стали натягивать возжи и прибавлять ходу. Лѣвая пристяжная, загнувъ голову, прыжками подергивала свои постромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, какъ будто спрашивая: „начинать, или рано еще?“ Впереди, уже далеко отдѣлившись и звеня удаляющимся густымъ колокольцомъ, ясно виднѣлась на бѣломъ снѣгу черная тройка Захара. Слышны были изъ его саней покрикиванье и хохотъ и голоса наряженыхъ.

„— Ну ли вы, разлюбезные! крикнулъ Николай, съ одной стороны подергивая возжу и отводя съ кнутомъ руку. И только по усилившемуся какъ будто навстрѣчу вѣтру, и по подергиванью натягивающихъ и все прибавляющихъ скоку пристяжныхъ, замѣтно было, какъ шибко полетѣла тройка. Николай оглянулся назадъ. Съ крикомъ и визгомъ, махая кнутами и заставляя скакать коренныхъ, поспѣвали другія тройки. Коренной стойко поколыхивался подъ дугой, не думая сбивать и обѣщая еще и еще наддать, когда понадобится.

„Николай догналъ первую тройку. Они съѣхали съ какой-то горы, въѣхали на широко-разъѣзженную дорогу по лугу около рѣки.

„Гдѣ это мы ѣдемъ?“ подумалъ Николай. „По косому лугу должно-быть. Но нѣтъ, это что-то новое, чего я никогда не видалъ. Это не Косой лугъ и не Демкина гора, а это Богъ знаетъ что̀ такое? Это что-то новое и волшебное. Ну, что̀ бы тамъ ни было!“ И онъ, крикнувъ на лошадей, сталъ объѣзжать первую тройку.

„Захаръ сдержалъ лошадей и обернулъ свое уже объиндевѣвшее до бровей лицо.

„Николай пустилъ своихъ лошадей; Захаръ, вытянувъ впередъ руки, чмокнулъ и пустилъ своихъ.

„— Ну, держись, баринъ, проговорилъ онъ. Еще быстрѣе рядомъ полетѣли тройки, и быстро перемѣнялись ноги скачущихъ лошадей. Николай сталъ забирать впередъ. Захаръ, не перемѣняя положенія вытянутыхъ рукъ, приподнялъ одну руку съ возжами.

„— Врешь, баринъ, прокричалъ онъ Николаю. Николай въ скокъ пустилъ всѣхъ лошадей и перегналъ Захара. Лошади засыпали мелкимъ, сухимъ снѣгомъ лица сѣдоковъ, рядомъ съ ними звучали частые переборы и путались быстро движущіяся ноги и тѣни перегоняемой тройки, и свистъ полозьевъ по снѣгу, и женскіе взвизги.

„Опять остановивъ лошадей, Николай оглянулся кругомъ себя. Кругомъ была все та же пропитанная насквозь луннымъ свѣтомъ волшебная равнина съ разсыпанными по ней звѣздами.

„Захаръ кричитъ, чтобъ я взялъ налѣво; а зачѣмъ налѣво?“ думалъ Николай. „Развѣ мы къ Мелюковымъ ѣдемъ, развѣ это Мелюковка? Мы Богъ знаетъ гдѣ ѣдемъ, и Богъ знаетъ, что̀ съ нами дѣлается, и очень странно и хорошо то, что̀ съ нами дѣлается.“ Онъ оглянулся въ сани.

„— Посмотри, у него и усы и рѣсницы все бѣлое, сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ странныхъ, хорошенькихъ и чужихъ людей съ тонкими усами и бровями.

„Этотъ, кажется, была Наташа, подумалъ Николай, а эта M-me Schoss; а можетъ-быть, и нѣтъ, а этотъ черкесъ съ усами не знаю кто, но я люблю ее.“

„— Не холодно ли вамъ? спросилъ онъ. Они не отвѣчали и засмѣялись. Диммлеръ изъ заднихъ саней что-то кричалъ, вѣроятно смѣшное, но нельзя было разслышать, что̀ онъ кричалъ.

„— Да, да, смѣясь отвѣчали голоса.

„Однако вотъ какой-то волшебный лѣсъ съ переливающимися черными тѣнями и блестками алмазовъ и съ какою-то амфиладой мраморныхъ ступеней, и какія-то серебряныя крыши волшебныхъ зданій, и пронзительный визгъ какихъ-то звѣрей. А ежели и въ самомъ дѣлѣ это Мелюковка, то еще страннѣе то, что мы ѣхали Богъ знаетъ гдѣ и пріѣхали въ Мелюковку,“ думалъ Николай.

„Дѣйствительно, это была Мелюковка.“

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Неосторожное опубликованіе секретной телеграфной переписки павшаго италіянскаго министра Раттацци съ его агентами, во время событій разрѣшившихся Ментанскимъ побоищемъ, до сихъ поръ служитъ темою разсужденій французскихъ официальныхъ, официозныхъ и независимыхъ защитниковъ „священныхъ“ обязанностей „старшей дочери церкви“, „священныхъ“ правъ римской ѳеократіи, „священнаго“ долга, при выполненіи котораго Франція удостовѣрилась въ „чудесномъ“ дѣйствіи ружей Шасспо, и всякаго рода тому подобныхъ „священныхъ“ вещей. Французскіе клерикальные органы всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ не находятъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить, соразмѣрно съ своимъ негодованіемъ, изворотливыя продѣлки, помощью коихъ г. Раттацци вздумалъ повторить въ 1867 году событія 1860 года, упустивъ изъ виду то коренное различіе въ политической обстановкѣ этихъ двухъ эпохъ, что въ 1860 году Франція ожидала отъ Италіи обѣщанной въ 1858 году, въ Пломбьерѣ, но постоянно отсрочивавшейся уступки Ниццы и Савоіи, тогда какъ въ 1867 году Франція не ожидала отъ Италіи ничего, кромѣ развѣ содѣйствія въ будущемъ какимъ-нибудь затаеннымъ замысламъ, до исполненія коихъ однако многое еще могло и измѣниться, и исправиться. Г. Раттацци не замѣтилъ и того, что въ 1867 г. Наполеону III предстояла внутренняя законодательная борьба, для временныхъ потребностей которой онъ долженъ былъ стяжать довѣріе и благоволеніе клерикальнаго и консервативнаго большинства законодателей національнаго представительства Франціи.

Въ этихъ двухъ упущеніяхъ заключается великая ошибка и единственная дѣйствительная вина г. Раттацци, павшаго

на Италію своимъ легкомысліемъ и Ментанское побоище, и грозное „никогда“, которымъ французскій государственный министръ запечатлѣлъ принятую своимъ правительствомъ политику. Каковы бы ни были двуличіе и вѣроломство политики Флорентійскаго кабинета, не слѣдуетъ однако терять изъ виду, что этотъ характеръ выходитъ естественнымъ плодомъ всего прошедшаго несчастной средневѣковой Италіи, раздробленной, растлѣнной безпрестанными смутами, козлнями и предательствами, и что этотъ ядовитый плодъ, прослуживъ столько вѣковъ орудіемъ политики посѣявшаго и выростившаго его ѳеократическаго Рима, весьма естественно обращается нынѣ противъ него же, въ виду непреодолимой потребности Италіи сбросить съ себя гнетъ сентябрьской конвенціи, и замѣнивъ хитростью силу, приложить къ своей борьбѣ съ Римомъ его же собственное ученіе: цѣль оправдываетъ средства. И не современную Италію, не успѣвшую еще переродиться нравственно, возмужать политически и окрѣпнуть матеріально подъ живительнымъ вліяніемъ свободы и независимости, — не современную Италію слѣдуетъ винить въ неразборчивости средствъ, какую изобличаетъ помянутая переписка.

Ничего этого не сознаютъ и не помнятъ опьяненные своимъ успѣхомъ ревнители и поборники римской ѳеократіи, подпертой французскимъ мечомъ. Они забываютъ, что громя пороки современной Италіи, они громятъ не столько ее, сколько ея тысячелѣтняго воспитателя; возставая противъ дѣйствій итальянскаго министерства, поражаютъ политическую систему, которой самые яркіе образцики приходится искать не въ политикѣ Флорентійскаго кабинета, систему, которая во многихъ отношеніяхъ есть едва ли не самая заповѣдная часть политическаго завѣщанія первой имперіи. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, систематическое возбужденіе Наполеономъ I въ семьѣ испанскаго короля раздоровъ и вражды между сыномъ и отцомъ, дабы, подъ предлогомъ примиренія, завлечь ихъ во Францію, въ Баіонну, и объявить тамъ военноплѣнными и лишенными престола. Вспомнимъ недавно оглашенныя двусмысленныя отношенія его къ Россіи, въ періодъ времени отъ 1809 до 1812 года, когда подъ личиной самой искренней дружбы къ императору Александру Павловичу и самаго отъявленнаго доброжелательства къ Россіи, онъ готовилъ къ роковому поединку съ нею всѣ силы порабощен-

ной имъ Европы, разчитывая на герцогство Варшавское какъ на операціонную базу предстоявшаго вторженія. 20-го октября 1809 года французскій министръ, герцогъ Кадоръ, писалъ къ канцлеру графу Румянцеву: „Императоръ не только не намѣренъ возбудить столь отдаленную отъ его мысли идею о возрожденіи Польши, но онъ расположенъ способствовать, вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, всему что̀ можетъ изгладить воспоминаніе о ней въ сердцахъ ея древнихъ жителей. Его величество одобряетъ, чтобъ имена: Польша и Поляки, исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ сношеній, но даже изъ исторіи.“ * 1-го декабря того же года представлено было законодательному сословію Франціи официальное *изложеніе состоянія имперіи*, послѣ чего другой французскій министръ, г. Монталиве, въ произнесенной имъ рѣчи, приводилъ слѣдующую выдержку изъ этого важнаго документа: „....Императору было бы легко присоединить къ герцогству Варшавскому всю Галицію; но онъ не хотѣлъ сдѣлать ничего, что̀ могло бы обезпокоить его союзника, императора Россійскаго. Его величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. Сдѣланное императоромъ для новой Галиціи было предписано ему не столько политикой, сколько честью.“ **

Но этого мало; съ немногимъ за годъ до объявленія войны 1812 года, 28-го февраля 1811 года, самъ императоръ Наполеонъ I писалъ своему союзнику: „Люди вкрадчивые и подосланные Англіей утомляютъ слухъ вашего величества клеветливыми рѣчами. Я будто бы намѣренъ возстановить Польшу. Я могъ совершить это въ Тильзитѣ; черезъ двѣнадцать дней послѣ Фридланда, я могъ быть въ Вильнѣ. Еслибъ я захотѣлъ возстановить Польшу,—я вознаградилъ бы Австрію въ Вѣнѣ; она просила сохраненія своихъ древнихъ областей и своихъ сообщеній съ моремъ. Мнѣ было возможно это и въ 1810 году, когда всѣ русскія войска были заняты противъ Порты. Возможно мнѣ это еще и нынѣ, не дожидаясь, чтобы ваше величество въ продолженіи этого лѣта пришли къ окончательному соглашенію съ Портой. Такъ какъ я этого не сдѣлалъ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ,

---

* Montalembert. *Le Pape et la Pologne*, стр. 15, *note*.

** *Exposé de la situation de l'Empire*, 1 Decembre 1809. p. 6.

то слѣдовательно возстановленіе Польши не было въ моихъ намѣреніяхъ.“ *

Разъясненіе тайныхъ причинъ всѣхъ этихъ завѣреній и изліяній французскаго правительства правительству русскому изложено въ подробности въ перепискѣ князя Адама Чарторыйскаго (котораго никто не заподозритъ въ недоброжелательствѣ къ Бонапартамъ) съ императоромъ Александромъ I. ** Переписка эта издана въ 1865 году княземъ Владиславомъ Чарторыйскимъ, съ прибавленіемъ къ ней предисловія г. де-Мазада. Вотъ что̀ узнаемъ мы, напримѣръ, изъ этой книги о двухъ любопытныхъ разговорахъ императора Александра и Чарторыйскаго, помѣченныхъ 12-мъ ноября и 26-мъ декабря 1809 года. Въ первомъ изъ нихъ, на спросъ государя, извѣстна ли Чарторыйскому приведенная выше депеша герцога Кадора, князь Адамъ отвѣчалъ: „Я о ней слышалъ и съ огорченіемъ увидѣлъ изъ нея, что вы, государь, выставлены въ ней главнымъ врагомъ, стоящимъ во главѣ гонителей націи и имени польскихъ; что лишь въ угоду вамъ Польша оставлена и разочарована во всѣхъ своихъ надеждахъ, и ожесточеніе простирается даже до желанія, чтобы самое имя Польши было вычеркнуто изъ исторіи.“ Дѣйствительно, благодѣянія и всѣмъ извѣстныя сочувствія Александра I къ Польшѣ пріобрѣли ему въ ея населеніяхъ многихъ приверженцевъ; усыпляя бдительность Россіи относительно сокровенныхъ затѣй Франціи, депеша герцога Кадора, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣла цѣлью поколебать въ Польшѣ послѣдніе остатки преданности и любви къ русскому государю.“ На возраженія императора Александра I противъ этого мнѣнія Чарторыйскій отвѣчалъ: „Никто не усомнится нынѣ, что лишь по настояніямъ вашего величества и для избѣжанія войны съ Россіей, Наполеонъ сдѣлалъ уступку въ дѣлѣ, отъ котора́го онъ иначе никогда бы не уклонился, и которое составляетъ предметъ его постоянной заботливости....“ Не трудно въ рѣчахъ бывшаго куратора Виленскаго университета замѣтить ту вкрадчивую изворотливость, съ какою онъ усиливается

---

* Moller, *Situation de la Pologne au 1 Janvier* 1865, стр. 115.

** *Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondence particuliere et conversations* 1801—1823. Publiées par le prince *Ladislav Czartoryski*. Paris 1865.

вяушить государю желаніе дать Полякамъ новыя доказательства своего расположенія къ нимъ и подготовить такимъ образомъ успѣхъ своего задушевнаго проекта: возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года, вознаграждая Австрію, за уступку Галиціи, уступкой, завоеванныхъ въ то время Россіей, Молдавіи и Валахіи. „Вашему величеству лучше чѣмъ кому бы то ни было извѣстно“, присовокуплялъ онъ, „что Наполеонъ искусно умѣетъ держать одновременно самыя разномысленныя рѣчи... Направляя нынѣ Поляковъ на Испанію, онъ сумѣетъ объяснить имъ, что въ этомъ состоитъ послѣдняя служба, которую онъ отъ нихъ требуетъ, что за тѣмъ ничто болѣе не помѣшаетъ ему осуществить ихъ желанія, что одна необходимость парализовала его до сихъ поръ, и что единственною виной тому вѣчный врагъ—Россійская имперія. Подобными-то рѣчами уничтожитъ онъ дурное дѣйствіе своего поведенія, и словамъ его будутъ вѣрить, потому что они польстятъ надеждѣ націи, потому что съ другой стороны не только ничего не дѣлается для уравновѣшенія ихъ впечатлѣнія, но, напротивъ, дѣлается все нужное для приданія имъ силы.“ Еще подробнѣе высказался Чарторыйскій въ разговорѣ 26-го декабря. „Я не могу не удивляться“, говорилъ онъ, „искусству, съ которымъ Наполеонъ распространялъ и укоренялъ одновременно самыя противорѣчивыя предположенія и мнѣнія; ибо, въ то самое время, когда онъ произносилъ помянутыя вашимъ величествомъ рѣчи и приказывалъ писать депеши и произносить слова, естественно приводившія Поляковъ въ негодованіе и отчаяніе, онъ тѣмъ не менѣе успѣвалъ распространять между ними мнѣніе, что онъ не только принимаетъ къ сердцу интересы Польши, но и питаетъ къ нашей націи особенное чувство пріязни. Между тѣмъ какъ съ одной стороны въ немъ отрицали всякое доброжелательное чувство и считали его доступнымъ лишь тому что̀ можетъ служить его честолюбивымъ видамъ, онъ успѣвалъ, съ другой, убѣждать Поляковъ, что онъ ихъ любитъ, что онъ имъ желаетъ добра, что лишь въ нихъ однихъ видитъ истинныхъ друзей. Чтобы пробудить восторгъ, ему сто́итъ выпустить какую-нибудь газетную статью или послать въ Варшаву любаго своего адъютанта изъ Поляковъ, который, будучи вездѣ принятъ въ обществѣ, повторитъ нѣсколько словъ Наполеона

или разкажетъ какой-нибудь анекдотъ, затрогивающій патріотизмъ. Этого станетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ явится новый посланный ободрять умы.“ Государь, сказано въ отчетѣ, прервалъ Чарторыйскаго слѣдующими словами: „Ахъ! что̀ вы мнѣ говорите! Все это еще ничего: мнѣ изъ вѣрнаго источника извѣстно, что въ то самое время, когда онъ поручалъ г. де-Монталиве произносить свою рѣчь, онъ говорилъ совершенно противное вашимъ соотечественникамъ и усиливался уничтожить дурное дѣйствіе, какое должна была произвесть на нихъ извѣстная часть этой рѣчи и оживить ихъ надежды всякаго рода обѣщаніями и объясненіями.“

Но возвратимся къ современности.

О, ужасъ! вопіетъ нынѣ въ одинъ голосъ хоръ французской правительственной печати, а въ числѣ его и суеважный, суемудрый *Mémorial diplomatique*, наряженный въ полу-австрійскую и полу-французскую ливрею,—о, ужасъ! На позоръ просвѣщенной дипломатіи, г. Раттацци возвелъ двуличіе и вѣроломство на степень политической системы! Но полно, г. ли Раттацци создалъ эту столь возмутительную систему? Мы видѣли поучительные примѣры ея примѣненія въ эпоху первой имперіи; не трудно указать блистательные образцики и въ новѣйшее время, о коихъ, впрочемъ, благоразумно забываетъ официозная французская печать.

Едва минуло три года послѣ Восточной войны, вдругъ вопреки миролюбивымъ и успокоительнымъ завѣреніямъ не только *Монитера*, но и тронной рѣчи, повторявшей пресловутый девизъ „Имперія есть миръ“, — насталъ для Австріи часъ, заслуженнаго ея неблагодарностію къ Россіи, тяжкаго испытанія. Среди всеобщаго мира и международныхъ отношеній самаго успокоительнаго свойства, внезапно, безъ всякаго повода и причины, созданъ новый *casus belli* изъ италіянскаго вопроса, выдвинутаго, еще въ засѣданіи 8-го апрѣля Парижскаго конгресса 1856 года, графомъ Кавуромъ, заявленія котораго настояніями предсѣдателя, графа Валевскаго, внесены были въ протоколъ засѣданія, дабы служить историческимъ основаніемъ и исходною точкой уже въ то время подготовлявшейся кровавой развязки вопроса, о которомъ въ тайнѣ рѣчь шла еще въ 1854 году. И Австрія, и вся Европа имѣли тѣмъ менѣе основанія ожидать въ

1859 году столь скораго и насильственнаго разрѣшенія вопроса, затронутаго 8-го апрѣля 1856 года, что въ продолженіе всей Восточной войны, Вѣнскій кабинетъ дѣлалъ въ угоду Франціи все что̀ только было въ его силахъ и власти: оказалъ ей значительное содѣйствіе не только внезапнымъ занятіемъ Дунайскихъ Княжествъ, но и постояннымъ отвлеченіемъ силъ Россіи на ея западную границу, и для формальнаго объявленія войны ожидалъ лишь успѣха своихъ отчаянныхъ усилій увлечь за собой всѣ силы Германскаго Союза.* Но этого мало: если съ одной стороны нѣтъ сомнѣнія, что слабое Сардинское королевство не иначе могло рѣшиться пожертвовать 4.000 человѣкъ и 50 милліоновъ франковъ на войну съ неподавшею ей никакого повода къ неудовольствію Россіей, какъ взамѣнъ какого-нибудь существеннаго обѣщанія,—что̀ и подтвердилось событіями—то изъ преній англійскаго парламента, въ засѣданіяхъ 3-го и 10-го февраля 1857 года, видно, что въ концѣ 1854 года, между Франціей, Англіей и Австріей былъ заключенъ, скрытно отъ Италіи, формальный „военный союзъ“, какъ въ томъ признался, послѣ продолжительныхъ отрицаній, самъ лордъ Пальмерстонъ,—„военный союзъ“, гарантировавшій Австріи ея владѣнія въ Италіи. Такимъ образомъ оказывается, что въ одно и то же время, для увлеченія

---

* Во франкфуртскомъ сеймѣ борьба была ведена со стороны Австріи барономъ Прокешемъ, со стороны Пруссіи—г. фонъ-Бисмаркомъ. Естественное соперничество двухъ этихъ одинаково честолюбивыхъ державъ, обнаружилось тогда во всей силѣ, какъ обнаруживалось оно каждый разъ, когда одна изъ нихъ пыталась увлечь за собой весь Союзъ въ какое-либо предпріятіе, замышленное въ виду ея отдѣльныхъ интересовъ и предводительство которымъ составляло, разумѣется, непремѣнное условіе ея домогательствъ. Въ этомъ именно и заключалась главная гарантія мира, которая создана на Вѣнскомъ конгрессѣ учрежденіемъ федеральнаго договора Германіи. Россія отъ 1854 по 1856 годъ, а Франція въ 1859 году, въ одинаковой мѣрѣ испытали благодѣянія этого учрежденія. Не указываетъ ли достаточно это сближеніе на ту политику, которой обѣ эти державы должны были бы держаться отъ 1863 по 1866 годъ, включительно, когда это самое учрежденіе, предохранившее между прочимъ и самую Германію отъ безплоднаго и обременительнаго для нея участія въ двухъ кровопролитныхъ затѣяхъ французской политики, принесено въ жертву замысламъ Пруссіи?

Сардиніи въ войну съ Россіей, ей была обѣщана поддержка Франціи въ дѣлѣ освобожденія Италіи отъ ига Австріи, а для увлеченія самой Австріи въ войну противъ ея спасительницы, ей были гарантированы тѣ самыя владѣнія ея въ Италіи, освобожденіе которыхъ было обѣщано Сардиніи!

Еще обильнѣе назиданіями всякаго рода другое предпріятіе второй имперіи — знаменитая мексиканская экспедиція, торжественно провозглашенная „величайшимъ событіемъ“ царствованія Наполеона III. Тутъ на каждомъ шагу бросается въ глаза противорѣчіе между событіями и офиціальными, иногда самаго торжественнаго свойства, завѣреніями всякаго рода офиціозныхъ органовъ. Не входя въ давно всѣмъ извѣстныя подробности, остановимся лишь на самыхъ выразительныхъ куріозахъ этой экспедиціи. Съ самаго начала ея, конвенціей 31-го октября 1861 года, „высокія договаривающіяся стороны“ обязались „не производить на внутреннія дѣла Мексики *никакого вліянія*, которое могло бы посягнуть на право мексиканскаго народа избирать и учреждать свободно форму своего правительства“, а между тѣмъ мысль объ основаніи новаго правительства въ Мексикѣ не только была еще съ 1859 года предметомъ весьма дѣятельной переписки испанскаго министра, Кальдеронъ-Каліантеса, съ представителемъ Мадридскаго кабинета въ Парижѣ, г. Мономъ, и переговоровъ послѣдняго съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ г. де-Тувенелемъ, * но уже

---

* О переговорахъ этихъ упомянуто въ первый разъ въ депешѣ г. Мона министру г. Кальдеронъ-Каліантесу, отъ 3-го января 1859 г., но самые переговоры о „необходимости основать въ Мексикѣ сильныя *правительство* и *власть*,“ происходили между г. Мономъ и г. де-Тувенелемъ уже 24-го ноября 1858 г. Предложеніе шло со стороны г-на Мона. Озабоченное приготовленіями къ исполненію обѣщаній, данныхъ въ ту же осень, въ Пломбьерѣ, графу Кавуру, французское правительство хотя и не отвергало и даже, какъ видно изъ той же депеши г. Мона, приняло это предложеніе весьма благосклонно, но по необходимости протянуло приведеніе его въ исполненіе, въ ожиданіи исхода уже рѣшеннаго въ то время столкновенія съ Австріей. Происшедшее въ Виллафранкѣ свиданіе и примиреніе обоихъ императоровъ, Наполеона III и Франца-Іосифа, по всей вѣроятности, вновь выдвинуло на политическую арену и предложенія г. Мона касчетъ Мексики, и давнишніе замыслы

11-го октября 1861 года, двадцать дней до заключенія конвенціи, самъ г. де-Тувенель писалъ французскому послу въ Лондонѣ о необходимости основать въ Мексикѣ правительство, „достаточно сильное дабы остановить ея внутреннее разложеніе“. Не взирая на это, пять мѣсяцевъ послѣ этой депеши, министръ-ораторъ г. Бильйо, отрекаясь отъ всякаго рода подобныхъ намѣреній, увѣрялъ большинство законодательнаго сословія, будто оппозиція напрасно подозрѣваетъ „не знаю какія-то тайныя козни Франціи въ пользу иностраннаго принца“, будто во всѣхъ толкахъ объ этомъ „нѣтъ ничего серіознаго“, и въ заключеніе потребовалъ отъ оппозиціи „доказательствъ“ основательности ея подозрѣній. Доказательствъ этихъ оппозиція не имѣла; но преемникъ г. Бильйо, г. Руэръ, съ свойственною ему ретивостью, доставилъ ихъ своею рѣчью въ засѣданіи 28-го января 1864 года, ссылаясь на депешу отъ 11-го же декабря 1861 года, въ которой г. Тувенель сообщилъ г-ну Флао, что „императору было бы пріятно, еслибы выборъ Мексиканцевъ и согласіе державъ пали на принца австрійскаго дома“. Событія не оправдали ожиданія французскаго правительства. Настало время отступиться отъ затѣи и умилостивить раздраженную французскимъ вмѣшательствомъ республику Соединенныхъ Штатовъ. Эту трудную задачу предложила себѣ тронная рѣчь 22-го января 1866 г., въ которой императоръ Наполеонъ, заявивъ о своей рѣшимости вывесть войска свои изъ Мексики, прямо обратился къ Соединеннымъ Штатамъ съ смѣлымъ завѣреніемъ, будто „мексиканская экспедиція не была противна ихъ интересамъ“, что̀-де доказывается предложеніемъ,

---

Австріи относительно низовьевъ Дуная. И тотъ и другой планъ, существованіе которыхъ подтвердилось въ послѣдствіи всякаго рода фактами (см. *Корреспонденціи и Замѣтки* въ январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1866 года) весьма естественно должны были показаться Наполеону III самыми сподручными способами уговорить Франца-Іосифа къ уступкѣ Ломбардіи, обѣщаніемъ вознагражденія изъ вассальныхъ владѣній Турціи на лѣвомъ берегу Дуная, а лишеннаго намѣстничества въ Ломбардіи брата австрійскаго императора, Максиміліана,—императорскою короной въ Мексикѣ. Таковы вѣроятныя начала мексиканской экспедиціи, истинный характеръ коей такъ запутанъ всякаго рода противорѣчивыми завѣреніями гг. Бильйо, Руэра, Корта и пр.

которое Франція сдѣлала имъ еще въ 1861 г., принять участіе въ этомъ вмѣшательствѣ Европы въ дѣла Америки. Между тѣмъ, не только г. де-Тувенель, въ депешѣ отъ 11-го октября 1861 года, поручалъ французскому послу обратить вниманіе Англіи на необходимость не допускать предвидимаго со временемъ расширенія Соединенныхъ Штатовъ насчетъ мексиканской территоріи, но и самъ императоръ въ письмѣ своемъ къ маршалу Форе, отъ 2-го іюля 1862 г., подробно объяснялъ, что истинная цѣль экспедиціи состоитъ въ созданіи на берегахъ Мексиканскаго залива прочной „латинской и монархической“ преграды распространенію „англо-саксонскаго и республиканскаго принципа Соединенныхъ Штатовъ“. Что же касается до предложенія Франціи Соединеннымъ Штатамъ принять участіе въ мексиканской экспедиціи, то въ виду междуусобной войны, которая въ то время парализовала всѣ силы американской республики, и для которой г. де-Тувенель, въ своей депешѣ отъ 11-го октября 1861 г., не видѣлъ другаго исхода какъ распаденіе Союза, это предложеніе, разумѣется, не могло имѣть никакого серіознаго значенія.

Въ 1866 году, Тюльерійскій кабинетъ, повидимому, всего болѣе опасался, чтобъ и въ этотъ разъ, подобно тому что̀ случилось въ 1851 году, колебанія Пруссіи, ея неувѣренность въ своихъ силахъ, ея опасенія со стороны Франціи, не привели ее къ какому-нибудь внезапному смиренію предъ Австріей и, повтореніемъ пресловутаго Ольмюцкаго замиренія въ 1851 году, не уничтожили бы еще разъ всѣхъ надеждъ Тюльерійскаго кабинета на вожделѣнную и поощряемую имъ кровавую распрю между обѣими великими державами Германіи. Опасенія эти, очевидно, руководили всею политикой Тюльерійскаго кабинета въ продолженіи первой половины 1866 г. Ободрить Берлинскій кабинетъ, внушить ему полное довѣріе къ Франціи, успокоить опасенія его за Рейнъ, увѣрить его въ сочувствіяхъ Франціи, такова была все это время политика Тюльерійскаго кабинета, разрѣшившаяся пресловутымъ письмомъ отъ 11-го іюля 1866 г., которое, заявивъ міру признаніе Франціей необходимости исправленія границъ Пруссіи, послужило послѣдней сигналомъ открытія военныхъ дѣйствій. Г. фонъ-Бисмаркъ, который въ 1851 г. оправдывалъ предъ прусскою палатой Ольмюцкое примиреніе, ссылаясь на необходимость не подавать „пре-

зиденту французской республики случая сходить въ Кёльнъ за императорскою короной", оказался въ 1866 г. совершенно успокоеннымъ на этотъ счетъ. И въ самомъ дѣлѣ Берлинскій кабинетъ явилъ бы себя слишкомъ взыскательнымъ, еслибы, послѣ всѣхъ любезностей безпрестанно оказываемыхъ ему французскимъ правительствомъ, сохранилъ хотя малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ искренности этихъ сочувствій и этой дружбы.

Но вотъ произошло побоище при Садовой, съѣхались въ Никольсбургѣ дипломаты воюющихъ сторонъ, и надъ сердечнымъ союзомъ Франціи съ Пруссіей пронеслась темная тучка въ видѣ замысловатой теоріи территоріальныхъ вознагражденій за сохраненіе „внимательнаго нейтралитета". Но тучка разсѣялась при ясномъ сіяніи полнаго удовольствія, изъявленнаго благодушнымъ циркуляромъ маркиза де-Лавалетта отъ 16-го сентября 1866 г., по случаю передѣлки карты Европы, перечеркнутой мечомъ графа Бисмарка. Этимъ циркуляромъ вполнѣ возстановлялось сердечное соглашеніе, мгновенно поколебленное въ Никольсбургѣ. Побѣда при Садовой внезапно совершила чудо: Франція успокоилась по отношенію къ Пруссіи; но предъ Европой внезапно изобличилась до тѣхъ поръ неизвѣстная ей грозная истина, что къ концу настоящаго столѣтія Россія будетъ имѣть стомилліонное населеніе. Какимъ образомъ кровавая развязка австро-прусскаго столкновенія могла способствовать такому внезапному статистическому прозрѣнію, остается загадкой; дѣло въ томъ, что открытіе это произвело немедленно значительные результаты, указавъ Франціи на безотлагательную якобы необходимость заключенія прочнаго союза между всѣми державами центральной и западной Европы, для энергическаго противодѣйствія союзу будущей стомилліонной самодержавной Россіи съ будущею стомилліонною республиканскою Сѣверною Америкой. Кому, въ самомъ дѣлѣ, могло придти на умъ, въ виду столь грозной, хотя и нѣсколько отдаленной опасности, чтобы какіе-нибудь мелочные, завистливые или своекорыстные разчеты и недоразумѣнія могли закинуть въ отношенія Франціи съ Пруссіей зародышъ одинаково для обѣихъ пагубнаго взаимнаго недовѣрія?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужила долго разгоравшаяся, но внезапно вспыхнувшая искра люксембургскаго

приключенія, въ которомъ, какъ бы насмѣшкой судьбы надъ притворными опасеніями циркуляра маркиза Лавалетта, разрѣшеніе трудной задачи: согласить требованія чести и достоинства обѣихъ споряцихъ сторонъ, предпринято и совершено тою же Россіей, которую вся правительственная печать Франціи, какъ бы по сигналу данному министерскимъ циркуляромъ отъ 16-го сентября 1866 года, уже цѣлые шесть мѣсяцевъ прославляла общимъ непримиримымъ врагомъ спокойствія Европы. Задушевная дружба Франціи съ Пруссіей послѣ этого происшествія очевидно могла подвергнуться нѣкоторымъ сомнѣніямъ. Тѣмъ не менѣе была часть публики вѣрившая пріязненнымъ и сочувственнымъ завѣреніямъ Франціи по поводу вовсе будто бы не неожиданныхъ для нея лавровъ Пруссіи. Каково же было общее изумленіе, когда, въ засѣданіи законодательнаго сословія 16-го марта 1867 года, г. Руэръ, этотъ истый enfant terrible французской дипломатіи, сдѣлалъ слѣдующее признаніе: „Я не колеблюсь заявить палатѣ: день 4-го іюля былъ тяжелый день для лицъ принадлежащихъ къ правительству. Въ виду непредвидѣннаго событія, казавшагося невѣроятнымъ и Австріи, и Франціи, и военнымъ, и простымъ гражданамъ, когда было какъ бы предубѣжденіе, что Австрія должна одержать побѣду, и что Пруссія поплатится дорогою цѣной за свои неосторожности, въ виду этого внезаннаго событія, да! мы почувствовали въ сердцѣ патріотическую тоску (angoisses patriotiques)... Повторяю, въ средѣ правительственной день 4-го іюля былъ днемъ патріотической тоски....“

Въ заключеніе упомянемъ объ образѣ дѣйствій Тюльерійскаго кабинета относительно Испаніи, въ продолженіе послѣдняго военнаго возстанія, возбужденнаго маршаломъ Примомъ въ Каталоніи и частію въ Наваррѣ. Уступая настояніямъ испанскаго посланника въ Парижѣ, г-на Мона, французское правительство предписало всѣмъ пограничнымъ префектамъ отправлять въ центръ Франціи многочисленныхъ испанскихъ возмутившихся преторіанцевъ, которые иногда цѣлыми отрядами искали во Франціи убѣжище противъ преслѣдовавшихъ ихъ войскъ, но пробывъ нѣсколько времени въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ ея, спѣшили переправиться обратно черезъ Пиренеи, чтобъ опять принять участіе въ вооруженіяхъ возстанія.

Французская граница оказывала въ этомъ отношеніи испанскимъ инсургентамъ услугу, нѣсколько похожую на ту, какую Австрія оказывала въ 1863 году польскимъ повстанцамъ. Но вопреки официально отданному префектамъ приказанію министра, на дѣлѣ оказалось, что Тюльерійскій кабинетъ именно хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему нейтралитету, столь полезному для возмутившихся испанскихъ преторіанцевъ. Дѣйствительно, какъ только нѣкоторые префекты, преимущественно изъ тѣхъ что̀ обвѣшаны испанскими орденами, вздумали приняться за серіозное исполненіе министерскаго приказанія,—усердіе ихъ встрѣтило совершенно неожиданное сопротивленіе въ окружныхъ жандармскихъ начальникахъ, зависящихъ единственно отъ своего корпуснаго командира, генерала Деларю, отъ котораго они получаютъ секретныя наставленія, весьма часто противорѣчащія явнымъ приказаніямъ министровъ. „Гг. префекты, говорилъ въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ одинъ изъ этихъ агентовъ генерала Деларю, напрасно такъ стараются буквально исполнить циркуляръ, внушенный министру не столько политикой, сколько вѣжливостью нашего правительства. Имъ бы только показать инсургентамъ министерскій циркуляръ; объ исполненіи же его заботиться имъ нечего. Намъ предписано наблюдать, чтобъ усердіе префектовъ не навлекало на наше правительство недовѣрія и ненависти инсургентовъ, такъ какъ нельзя ручаться, что въ Испаніи сегодняшняя революція не сдѣлается завтра правительствомъ.“ *

Эта откровенность почтеннаго ветерана, превратившагося въ тайнаго полицейскаго агента, довольно ясно характеризуетъ систему. Г. Раттацци, конечно, не безызвѣстно было это положеніе, принятое французскимъ правительствомъ относительно Испаніи, и онъ ограничился повтореніемъ, на границѣ папскихъ владѣній, той же комедіи, какую французскіе префекты разыгрывали на границѣ Испаніи подъ наблюденіемъ *жандармеріи*; вся разница въ томъ, что вмѣсто наивнаго ветерана, разболтавшаго тайную мысль правительства, г. Раттацци имѣлъ несчастіе попасть на цѣлое наивное министерство, опубликовавшее его секретную переписку.

АЛЕКЪ.

---

* Свидѣтелемъ этого куріознаго признанія былъ самъ авторъ этой статьи.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ:

I.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Ященцкимъ и Лебединскимъ, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (миѳологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія.

II.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ

Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Этотъ словарь есть сокращеніе предыдущаго словаря. Слова и обороты, находящіеся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ-называемыхъ золотаго и серебрянаго вѣка, за исключеніемъ лишь сочиненій спеціальнаго содержанія (какъ напримѣръ Varronis de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsii de medicina, Plinii Naturalis Historia), а равно собственныя имена изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія, объяснены въ сокращенномъ словарѣ столь же подробно какъ и въ полномъ. Кромѣ того, для употребленія книги въ духовныхъ училищахъ, въ сокращенномъ словарѣ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцовъ западной церкви или такъ-называемыхъ церковныхъ писателей.

Полный словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ. Сокращенный 1.130 страницъ въ восьмушку, въ два столбца, по 65 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ безплатно; платящій за восемь экземпл. получаетъ два экземпляра безплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпл. безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соотвѣтственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру безплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того вѣсовыхъ за сто фунтовъ.

Цѣна Сокращеннаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга три руб. сер. Въ конторѣ можно получать Сокращенный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ; платящій за десять экз. получаетъ два экз. безплатно; платящій за двадцать экз. получаетъ пять экз. безплатно; платящій за двадцать пять экз. получаетъ семь экз. безплатно; платящій за сто пятьдесятъ экз. получаетъ пятьдесятъ экз. безплатно; платящій за четыреста экз. получаетъ двѣсти экз. безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соотвѣтственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому оплатившій отъ десяти до девятнадцати экземпляровъ получаетъ два экземпляра безплатно; оплатившій отъ двадцати до двадцати четырехъ—пять экз.; оплатившій отъ двадцати пяти до тридцати четырехъ—семь экз.; оплатившій отъ тридцати пяти до сорока четырехъ—девять экз.; оплатившій отъ сорока пяти до сорока девяти—двѣнадцать экз. и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экз. Сокращеннаго Словаря за четыре фунта. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать пять экз. прилагаетъ за двадцать экз. шестьдесятъ рублей, и сверхъ того вѣсовыхъ за 400 фунтовъ.

Менѣе шести экземпляровъ Полнаго и двѣнадцати экз. Сокращеннаго Словаря получать отъ конторы нельзя; отпуска въ кредитъ или на коммиссію нѣтъ.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ав. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 k., съ пер. 1 р. 50 k.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 k., съ пересылкою 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 k. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 k., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 k., съ пер. 85 k.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ. Части I и II. Соч. графа Л. Н. Толстаго. Цѣна 2 р. 50 k., съ перес. 3 р.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 k., съ перес. 1 р.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ магистромъ восточной словесности М. Л. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 руб. 50 коп. сер.

КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

ОБМИРАНЬЕ.

Неисповѣдимы будущія судьбы Руси — а широко раскинулся материкъ ея, и много простору обнялъ одинъ языкъ, одна рѣчь, одинъ народный духъ. Много мерзости запустѣнія видится по грѣшному лицу ея, искаженіе внѣдрилось въ человѣчество и бродитъ въ немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе — но вѣчнаго броженія нѣтъ, а упованіе не умираетъ.... тутъ и тамъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, кой-гдѣ, въ укромной тиши, среди потемковъ, искры, обдающія тепломъ и свѣтомъ — и повсюду Божеское Провидѣнье, не покинувшее доселѣ народа своего и отвѣчающее на безуміе премудростію: и въ такихъ-то нежданыхъ искоркахъ отрадно разгадывать предвѣстника зари будущаго разсвѣта....

Чѣмъ дальше отъ столицъ нашихъ на югъ и на востокъ, тѣмъ просторъ становится шире, и еще много, много видится тутъ умственно впереди.... Катишься по природному хрящу полотна, не устлана дорога золотомъ, не полита потомъ, чтобъ желѣзо ѣла — какъ говорится о щебенкѣ, а такъ создана, какова есть; не глушитъ и пронзительный свистъ рыскающаго паровaго звѣря, не мчитъ онъ тебя вихремъ, такъ, что свѣта божьяго не видать, не кружитъ тебѣ голову отъ мелькающихъ столбовъ, рѣшетокъ, значковъ и будокъ, а скачешь и катишься раздольно, льготно, оглядываешься на

частыя дубравы, на пологіе зеленые скаты, на крутые берега, на дальніе темные боры, на сѣдой придорожный ковылъ, на стерлитамацкія мѣловыя горы, на синее плесо Бѣлой, мелькнувшее внезапно съ темени взлобка....

Такъ и я скакалъ когда-то, и коренной обитатель этой дикой, обильной стороны, Башкиръ, поматывалъ кнутикомъ и тянулъ, уныло завывая, тоскливую пѣсню свою. Дымокъ по ясному небу издалеча указалъ жилье, и это былъ городокъ, населенный казаками, мѣщанами, торгашами, немногими Татарами и должностными по управленію лицами, окруженный хорошими селами, скопомъ переселенцевъ изъ десятка малоземельныхъ губерній, даже изъ Украйны. Подъѣзжаемъ вскачь, во весь духъ — коли дымкомъ запахло, то башкирской тройки на лычныхъ возжахъ не удержишь — гляжу — и сюда, и въ эту глушь забрались былые порядки, и тутъ у въѣзда стоитъ застава, хотя огорожи нѣтъ никакой и въѣздъ во всѣ улицы вольный; но караула нѣтъ, очепъ высоко приподнялъ журавлиный носъ свой, расписанная клѣтками будка пуста; изъ нея торчитъ солома, вокругъ бродятъ телята и гуси, а рѣзвая коза, вскочивъ на очепъ, осторожно пробирается по немъ въ гору, сама не зная зачѣмъ: вѣроятно, какъ Англичанинъ, чтобы побывать тамъ, гдѣ еще никто не бывалъ. Всѣ улицы идутъ прямо внизъ, къ рѣкѣ, и Башкиръ промчалъ меня на лыкахъ подъ гору, съ трудомъ заворотивъ по запоздалому крику моему лошадей и подъѣхавъ большимъ кругомъ къ указанному ему домику съ зелеными ставнями. Я ѣхалъ по службѣ, и эти зеленыя ставеньки были издавна суточнымъ пріютомъ моимъ на перепутьи.

Старушка, но еще крѣпкая и здоровая, съ засученными по локоть рукавами, съ кулаками въ мукѣ, хлопотливо выглянула изъ сѣнецъ на деревянное крылечко и разсыпалась въ привѣтливыхъ причитаньяхъ.

— Ахъ ты негаданый желанный! Вотъ кого Богъ принесъ! Что давно не бывалъ? А у меня седни пирогъ съ бѣлорыбицею, да ботвинья съ провѣсною, вотъ словно ждала дорогаго гостя!

Старуха обнялась со мною и повела за руку чрезъ высокій порогъ въ свѣтелку. Тутъ все по-старому: широко разрослась розанель по окнамъ, а между нею тычкомъ стоятъ бальсамины, вѣчно въ цвѣту; столикъ съ синею салфеткой, посреди которой сидитъ затканый бѣлый пѣтухъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ; желтый ситцевый диванъ, съ

котораго, ради гостя, спѣшно сдернули чахолъ, и явились мирныя картины возвращенія въ свои семьи ратниковъ изъ-подъ Француза: вездѣ объятія, хлѣбъ-соль, веселье, и право, Авдотья Власьевна не могла подобрать лучшаго картиннаго узора для своего дома.

Хозяйка моя была женщина замѣчательная, а я зналъ ее уже давно. Все насущное имущество свое она заработала колотьбой и трудомъ, здравымъ смысломъ и оборотливостью; правда, мужъ оставилъ-было ей на хлѣбъ и на одежу, оставилъ ей и тесовую кровельку, подъ которою жилось уютно, да зятекъ сумѣлъ объѣхать тещу на кривыхъ, прочитавъ полуграмотной довѣренность на заборъ товара для торга на сотню рублей, а давъ подписать дарственную запись на домъ, на скотъ и на деньги, которыя ею розданы были, по обычаю, въ ростъ. Доброе дѣло это обнаружилось для Авдотьи Власьевны не прежде, какъ когда уже зятекъ, прогулявъ все, сталъ безъ обиняковъ гнать ее изъ дому. Кромѣ этой замужней дочери, у нея былъ еще малолѣтній сынъ, которому она и прочила имѣньице свое. Понявъ въ чемъ дѣло, узнавъ, что всѣ долги давно собраны зятемъ и что сама она живетъ въ чужомъ домѣ, Авдотья Власьевна долго не думала; по ея убѣжденіямъ, нельзя было не разругаться за это съ зятемъ, а затѣмъ надо было позаботиться о себѣ и о сынѣ.

— Гдѣ у тебя Богъ твой, сказала она зятю,—аль ты думаешь, что Онъ каинскихъ дѣлъ твоихъ не увидитъ? Увидитъ онъ все, зятекъ, помяни меня, не дастъ онъ младенца въ обиду, не оставитъ его безъ пріюта; а ты, да я еще и глазъ своихъ не закрою, какъ ты накланяешься братцу своему, отопчешь пороги его! А ты, донюшка, не величайся своимъ гильдействомъ, а знай, коли твоя вина тутъ есть въ этомъ дѣлѣ, то и ты недолго набарствуешь, радехонька будешь братскіе полы подмыть!

Кончивъ такимъ образомъ эти разчеты, Авдотья Власьевна перекрестилась, вышла съ ребенкомъ изъ дому и дала зарокъ: не знать покоя, ни днемъ, ни ночью, покуда не воротитъ сыну отцовскаго наслѣдья.

Водворившись у кумы, она первые дни провела не безъ дѣла, поминая зятька не добромъ, по поводу бесѣды съ совѣтчиками и соболѣзнователями, которыхъ было не мало. Но, поуспокоясь и сказавъ: Богъ съ нимъ, она ободрилась, сосчитала небольшія деньжонки свои и рѣшилась торговать для заработковъ. Доселѣ она была домостройка, скопидомка,

славилась умѣньемъ печь пироги, да готовить суточныя щи, кои замораживались и снова переваривались, а теперь принялась за торговлю въ разъѣздъ: купивъ пару добрыхъ коней и справивъ двѣ упряжки, она поѣхала съ двумя возами орѣховъ, на кои въ тотъ годъ былъ урожай, въ Оренбургъ, и взяла съ собой сына и еще работника. Это городъ степной, гдѣ дынь и арбузовъ много, а орѣховъ нѣтъ; Власьевнѣ едва дали стать на базаръ, какъ уже молва разнеслась по городу, что орѣхи въ привозѣ, и двѣ подводы очистили, расхватали ихъ до скорлупки. Одну телѣгу нагрузила она арбузами, другую кишмишомъ и урюкомъ, да бухарскою красною выбойкой, которую народъ такъ любитъ, за дешевизну и прочность ея, потому что она въ носкѣ мало уступаетъ холсту. И Власьевна не довезла своего товара до-дому, все дорогой разобрали: на ягоды кидались торговые люди, для развозки по сельскимъ базарамъ, а на выбойку бабы, въ каждомъ селеніи. Воротясь съ пустыми возами и одними гостинцами кумѣ восвояси и встрѣченная вопросами о томъ, какъ Богъ помогъ, она только смѣючись головой поматывала да отмахивалась руками. „Ты ништни у меня, молчи“, приговаривала она сыну, „небось, Господь сироты не покинетъ!“ И опять поѣхала она съ орѣхами, да съ возомъ лука, и такъ же вернулась съ бухарскимъ товаромъ, а по первозимью повезла орѣховаго масла, меду, соленыхъ груздей — всего этого нѣтъ въ степномъ мѣстѣ — а воротилась съ уральскою рыбой и икрой, товаромъ дорогимъ, который перекупленъ былъ у нея купцами и пошелъ въ Уфу.

„Никакъ обозы Авдотьи Власьевны пришли!“ говорили шутники, когда ночной скрыпъ полозьевъ раздавался длительно подъ окнами. „Да, отвѣчалъ другой, поди вотъ, какую силу забрала, вѣдь скоро въ городѣ у насъ купца не будетъ съ оборотомъ противъ нея!“ — „Старательна больно, замѣтилъ третій, да смышлена, опять же, знать, и Господь постоялъ за сироту, вѣдь ужь больно пьянюжка этотъ обидѣлъ старуху!“ „Крѣпка въ словѣ, объяснилъ еще другой, сроду никого не обманывала, да и сына тому же учитъ, вотъ съ нею и торговые всѣ лучше дѣла-тѣ дѣлаютъ чѣмъ съ любымъ купцомъ; барыши барышами, да вѣдь на торгъ они съ убытками на одномъ полозу ѣздятъ; нашъ братъ малосильный чуть подойдетъ, по грѣхамъ своимъ, ну и кинутся всѣ на расхватъ, и подшибутъ; а вишь ей вѣрятъ, не жмутъ, все только

кланяются, почетъ отдаютъ, знаютъ, что всѣ сроки исполнитъ". — „Вѣстимо, отозвался еще одинъ, горемычнымъ голосомъ, безъ вѣры не торговля, а колотьба; мошну-ту убьешь на товарѣ, а перехватить-то и нечѣмъ!"

И доѣздилась-таки Авдотья Власьевна до того, что выкупила родовой домикъ свой, пропитый разгульнымъ зятемъ, исправила, ухитила его, убрала уютно, записала сына въ гильдію, передала ему всю торговлю, наказавъ ему не поминать зятька лихомъ и считать нажитое ею за отцовское наслѣдье. Поправивъ и устроивъ дѣла такимъ образомъ, она сама усѣлась на покой. Ей чрезъ улицу шапку сымали, а къ обѣднѣ идучи, она едва поспѣвала на всѣ стороны раскланиваться.

— Что тебя, Власьевна, давно не видать на нашей сторонѣ? спросилъ я: — аль по рыбу болѣ не ѣздишь?

— Полно мнѣ, старой бабѣ, по большимъ дорогамъ мыкаться, слава Богу, свое дѣло сдѣлала: за свою простоту потрудилась, чужой грѣхъ покрыла, отцовскимъ благословеньемъ сынка не обидѣла, стало-быть, Господь милостивъ къ намъ; пусть теперь Прокопій Андреевичъ самъ за себя постоитъ; я всѣ дѣла ему передала, пусть самъ заправляетъ.

— А гдѣ же у тебя Проня? спросилъ я.

Старуха зорко на меня поглядѣла, хитро прищурилась и шепотомъ сказала:

— На слѣдъ краснаго звѣря напалъ, такъ вишь порошей выслѣживать поѣхалъ!

— Вотъ какъ, среди краснаго лѣта да порошей! Это ты, Власьевна, загадками глаза отводишь? На какого жь онъ краснаго звѣря позарился, сказывай!

— А кто его знаетъ, на чернаго ль соболя, на бѣлую ль горностайку, его воля — вотъ увидимъ.

— Ну, дай Богъ любовь да совѣтъ, коли такъ, вотъ и Проня твой заживетъ не получеловѣкомъ, малый онъ славный, да ты же его добру и учила; а по нраву ль тебѣ невѣста?

— Тебѣ вотъ все до ноготка, всю запазушную разкажи! Ему вѣдь жить съ нею, а мнѣ только глядючи радоваться; сказываютъ, не то чтобы въ окно подать, а хоть кому на ладонкѣ поднести: и умница какая, и до сиротства жалостлива; предъ Пасхой, сказываютъ, отцу насупротивничала, а все изъ-за этого жь дѣла: ты, тятенька, говоритъ, мнѣ мантона-то не справляй, мнѣ не надо, а ты вотъ бѣдняковъ этихъ

пристрой! А отецъ-то, сказываютъ, нравный такой, а дочь-ту любитъ, ну и выпросила-таки, отецъ старшаго парнишку, сироту, къ себѣ въ лавку взялъ, и о другихъ позаботился. Ужь далъ бы Господи этому дѣлу устроиться, такъ бы я поглядѣла еще, поколѣ Богу угодно, на голубчиковъ своихъ, да и посылай Господь по-душу, да примай ее, милосердный.... а ты не объѣзжай насъ и впредь, пусть и дѣтки порадуются тебѣ, а ты на нихъ!

Годъ спустя о ту же пору я опять мчался по тому же пути; день былъ праздничный, и вся природа, казалось, праздновала его. Было тепло, но не знойно, тихо, но не мертвый застой; легкая встрѣчная тяга воздуха обдавала прохладой и незамѣтно уносила докучную путнику пыль, глаза свободно глядѣли на міръ Божій, ширяя по закрою, и чувство раздолья вздымало грудь. Бездна дичи оживляетъ здѣсь воздухъ, поля и лѣса: стаями сидитъ краснобровый полюхъ на любимой насѣсти своей, на сухой придорожной березѣ; думчиво тяжелый мошникъ покачивается на макушкѣ островерхой ели; шумно вырывается внезапно изъ-подъ ногъ боровой куликъ, подымаясь столбикомъ въ гору; по быстрымъ ключевымъ потокамъ, какъ тѣнь мелькая, стрѣлою проносится золотистая форель и пеструшка, не сближаясь потому только съ каспійскимъ осетромъ, что увалень этотъ обложенъ поголовщиной на уральское войско и ему дорога кверху перегорожена непропускомъ; но на почвѣ этой захожему гостю, оленю остяцкой тундры, случалось сталкиваться съ горбатымъ степнякомъ, караваннымъ верблюдомъ.

И опять-таки Башкиръ промчалъ меня на лычной упряжи подъ гору, мимо обычнаго пристанища моего, зеленыхъ ставенекъ, и съ трудомъ вразумилъ упрямую тройку свою, что надо опять подняться въ гору, воротясь назадъ. День былъ праздничный, обѣдня отошла, улицы полны разряженнаго народа, всѣ заваленки усажены пестро и нарядно разодѣтыми казачками, мѣщанками и крестьянками, а мущины, въ халатахъ и кафтанахъ въ накидку, расхаживали туда и сюда. На заваленкѣ, предъ домомъ съ зелеными ставнями — на коихъ увидѣлъ я обнову: расписные горшки съ цвѣтами — на заваленкѣ сидѣла молодая чета, кровь съ молокомъ: Проня, въ красной канаусовой косовороткѣ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ, а молодая его, статная, свѣтлорусая,

такъ и сіяла въ шелковыхъ переливахъ; голова ея повязана была *малою* или *гладенькою головкой*, купеческою повязкой; кончики косынки надо лбомъ продѣты были въ алмазный перстенекъ, а сверхъ васильковой головки этой накинутъ былъ легкій кисейный платочекъ, захлеснутый концами подъ бородой. Съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣла она на чужаго пріѣзжаго во всѣ глаза, а Проня, узнавъ гостя, бросился высаживать его изъ тарантаса, подозвалъ жену, крикнулъ въ окно матери; „ничего, Серафимушка“, продолжалъ онъ, когда та, потупясь, чинно раскланивалась, „подойди да поцѣлуйся съ гостемъ, ничего, баринъ знакомый, вотъ какой знакомый, ровно свой!“ Проня нудилъ меня въ избу, ухватилъ чемоданъ мой, напирая имъ на меня, изъ усердія, сзади, а тутъ выбѣжала старуха, и обнимаясь, всхлипнула, но удержалась, и стараясь подавить чувства свои, суетливо повела подъ укромную стрѣху свою. Это бурное волненье и взрывъ не могли быть вызваны, какъ прямою причиной, моимъ пріѣздомъ, и я оглядывался съ какимъ-то безпокойствомъ. Вошли и сѣли, праздничный самоваръ не только былъ уже на столѣ, но, казалось, уныло допѣвалъ протяжную пѣсенку свою, собираясь уснуть, да и въ хозяевахъ было что-то молчаливое, тоскливое, неловкое; старуха говорила коротко и сухо, и какъ будто даже обликъ ея измѣнился; сынъ молча вздохнулъ разъ и другой; невѣстка, потупя очи, робѣла, и унося допѣвающій самоваръ, боязливо покосилась на свекровушку свою, не зная, угодное ли ей она дѣлаетъ.

Мнѣ стало грустно. Кто же это изъ васъ, подумалъ я, и самъ потупя глаза, кто провинился, кто разрушилъ благодатный миръ и покой за зелеными ставеньками, на коихъ, будто напоказъ, расцвѣли алые и лазоревые цвѣты, между тѣмъ какъ за ними душа томилась, жизнь блекла? Вѣдь не ты же, прямой и добродушный парень, отъ котораго не было матери иного отвѣта, кромѣ: „какъ знаешь, матушка, воля твоя, какъ хотите“; вѣдь и не Серафимушка же, которая не красовалась бы этою кроткою умилкой на щекахъ, еслибы рушила и свой, и семейный покой; такъ неужто же ты, чтимая всѣми, старая доброжелательница моя, разумная, богобоязненная, неужели ты сама подкапываешь и зоришь домъ, тобою воздвигнутый?

Между тѣмъ сосѣди дважды прибѣгали звать хозяевъ на вечерки, но молодые тихо отказывались.

— Чего нейдете, сказала мать,—я и безъ васъ гостя угощу, слава Богу, не впервые!

Я вздохнулъ. Не родительская рѣчь это, Авдотья Власьевна, подумалъ я, и не добромъ она звучитъ; знать злой кикимора раздора вытѣснилъ твоего исконнаго сдружливаго домоваго и поселился за изращатою печью, которая, бывало, такъ привѣтливо на меня глядѣла своими синими, нехитрыми кувшинчиками, по три цвѣточка въ каждомъ!

Молодые ушли, но не какъ уходятъ на вечеринку, а будто изъ-подъ неволи, робко и грустно. Я сидѣлъ молча, вслѣдъ имъ глядя. Убравъ самоваръ, старуха сѣла подлѣ меня, какъ и въ былые годы, съ чулкомъ, и также молчала; казалось, мы оба придумывали, съ чего бы завязать бесѣду.

— Авдотья Власьевна, спросилъ я безъ обиняковъ,—что̀ это у тебя въ домѣ дѣлается?

— Чай самъ видишь что̀! пословица не спроста говоритъ: материно сердце въ дѣткахъ, а дѣтское въ камнѣ! Ужь я ль его не любила, не жалѣла, ужь я ль ему не была днемъ денною печальницей, въ ночь ночною богомольницей!

Договоривъ это черезъ силу, старуха вскликнула и горько зарыдала, накрывъ лицо руками. Знать сильна была кручина, что одолѣла стойкую, крутую бабу и прорвалась обильными, жгучими слезами.

— Да скажи мнѣ намилость, продолжалъ я, отводя мокрыя руки ея отъ залитаго слезами лица,—скажи мнѣ, Власьевна, что̀ же это у васъ сталось, какой некошный мутитъ въ домѣ? Кто причиной этого горя, вѣдь не Серафима же, тихая, кроткая, которую ты сама такъ хвалила....

— А въ тихомъ-то болотѣ бѣсы водятся, горячо перебила она, и заплывшіе слезами глаза блеснули недобрымъ блескомъ.

— Власьевна, вѣдь не похожа Серафима твоя на гнилое болото, воля твоя!

Старуха вспылила такъ, какъ я и не видывалъ—много, стало-быть, наболѣло и накипѣло на этомъ горячемъ сердцѣ.

— Что бѣла да румяна, да бровь черна, такъ и не похожа! А что̀ мнѣ въ красотѣ то ея, не воду пить съ лица! Въ людяхъ красоваться, такъ было макомъ сидѣть, а пошла замужъ, такъ тутъ потѣшка иная, а про то забудь! Въ людяхъ смиренница, а дома змѣя запазушная! Нежто мы въ ордѣ живемъ? Да и тамъ старшихъ-то почитаютъ!

Я молчалъ, а Власьевна, послѣ короткой перемежки, продолжала:

— Тихоня она эдакая, и сына-то отъ меня отворотила! Правду говорятъ, что по дочери зять помилѣетъ, а по невѣсткѣ сынъ опостылѣетъ! Таковъ ли онъ теперь до меня, каковъ былъ? Изъ рукъ моихъ глядѣлъ, бывало, слова супротивнаго не слыхивала отъ него.... что̀, не вѣришь? продолжала она, зорко въ меня вглядываясь:—да она слышь и въ дѣвкахъ-то тихоней, смиренница эдакая, смотрѣла, а отца подъ свой норовъ гнела. Зартачится, говорятъ, не хочу я ничего, не хочу обновъ, а вотъ сдѣлай то и то; старикъ и самъ человѣкъ нравный, и туда, и сюда, нѣтъ, обойдетъ таки его, на свое поставитъ. Навязалась на нее какая-то лохмотница, попрошайка, да еще и съ ребятишками, и довела таки отца до того, что пристроилъ ихъ всѣхъ, кого куда! Вотъ пошла было она и у меня верховодить, да нѣтъ, я ей воли не дамъ, я ей сразу всю правду матку высказала, я вѣдь перегородя рыло говорить не люблю! Вотъ она и притихла тебѣ, словно добрая какая, а шуры-муры пошли да пошли! Ты чай Пшеницыну Ѳеклу знаешь? Ну, хозяинъ ея, торгуя, перехватилъ вишь у меня объ Рождествѣ сотню, а на масляну Богъ по душу послалъ, померъ; хвать-похвать, денегъ нѣтути, товаръ по рукамъ розданъ, стали допрашивать хозяйку—а та что̀, вѣстимо бабье дѣло, кромѣ печи да запечья ничего не вѣдаетъ! Какъ у нихъ тамъ дѣло было, не знаю, только потянули заимодавцы Ѳеклу мою во всѣ стороны, извѣстно, кому своего не жаль! Она и приходитъ ко мнѣ плакаться, да рѣчь заводитъ о сиротахъ, а у меня тутъ и безъ нея на сердцѣ накипѣло; я ей и говорю: Да мнѣ что̀, Ѳекла Андревна, дѣти твои, а деньги-тѣ мои. Гляжу, а моя-то что̀ вишня раскраснѣлась, съ назолу на меня; вотъ и пошла она огоряча, не то уламываетъ меня, не то учитъ уму-разуму. Зло взяло меня, я и говорю: знаемъ мы, невѣстушка, что ты изъ молодыхъ да ранняя, только ты мнѣ въ моемъ дому не укащица: мы твоихъ-то золотыхъ горъ еще не видали, а нашимъ добромъ не распоряжайся. Опять смолчала Серафима Ивановна, а какъ пошла отъ меня Ѳекла, гляжу, встала за нею невѣстушка моя: я пождала, да и сама приотворила дверь въ сѣнцы, и слышу голосъ ея: ты-де, тетушка, не кручинься, съ малолѣтнихъ сиротъ отцовскихъ долговъ до возраста искать не станутъ, а я вотъ упрошу свекровушку свою за тебя, и мужа просить стану, онъ послушается меня.... Ладно-молъ, красавица моя, ладно, гдѣ сладкою

рѣчью не возмешь, тамъ змѣей прошипишь! и хлопнувъ дверью, я пошла къ себѣ. Что̀ она тамъ послѣ сынку моему насказала, не знаю, не была я при томъ и грѣшить не хочу, только сталъ онъ отъ меня отшатываться, и ее-то съ собою уводитъ, а коли дома, то словно всякое слово мое сторожитъ, ровно ее оберегаетъ отъ вѣдьмы какой, прости Господи! А мнѣ что̀, коли мать родительница черезъ эту смиренницу опостылѣла, такъ и Богъ съ нимъ! Такъ закончила съ притворнымъ равнодушіемъ, обманывая самое себя, огорченная старуха.

Но изъ всѣхъ словъ этихъ я убѣдился, что эти семейные нелады, прямо ведущіе ко враждѣ непримиримой, основаны на однихъ только вздорныхъ, пустыхъ недоразумѣніяхъ, въ коихъ, несмотря на всѣ достоинства свои, виновата одна Власьевна. Съ горячею любовью хлопотала она о женитьбѣ сына, готова была, для счастья его, на всякую внезапную жертву, но не уяснила себѣ будущаго положенія и отношеній своихъ, а положившись на Бога, что-де авось все пойдетъ тогда хорошо, сама не приняла на себя для этого никакихъ обязательствъ, не сознавала никакой перемѣны въ домѣ, глядѣла на невѣстку, какъ на новую картинку, прилѣпленную къ стѣнѣ, безгласную, нѣмую, а на сына, какъ на того же беззаботнаго парня, котораго надо растить, холить и поучать, ни въ чемъ не давая воли.

Пока сердце человѣка не затронуто страстью, не распалено, оно судитъ и рядитъ здраво, не только по разсудку, но и по вѣрному чутью; тутъ умъ и сердце заодно, раздору нѣтъ, благодатный миръ покоитъ чистую совѣсть; но коль скоро кремневая самотность дастъ искру о стальную грань внѣшняго міра, и вспышка распалитъ сердце, то оно становится слѣпо и глухо, и тупо къ мудрой правдѣ, оно слышитъ только себя, оно ненавидитъ все, что̀ не можетъ съ нимъ согласоваться, и впадаетъ въ безуміе. Своей вины мы никому не прощаемъ. Давно ли старушка моя, умная и добрая, хвалилась благостыней Серафимы, давно ли ставила ей милосердіе въ великую заслугу, говорила, что заступнику нужныхъ самъ Богъ пособникъ, а теперь, позабывъ рѣчи свои, тѣ же дѣла ставитъ ей въ укоръ, ненавидитъ ее за нихъ и гонитъ со свѣту!

— Авдотья Власьевна, сказалъ я наконецъ,—не знаю самъ, что̀ тутъ говорить, это васъ некошный помутилъ: помолимся Богу, дай, я васъ помирю!

Старуха встала съ мѣста и повторила:

— Ты помиришь? нѣтъ, отецъ родной, продолжала она съ твердостію,—ни ты, никто живой человѣкъ не помиритъ насъ, а развѣ одинъ только Господь!

— Подлинно такъ, Авдотья Власьевна, отвѣчалъ я,—дѣло это Божье, не наше. Горе горькое выжало изъ меня бахвальную рѣчь эту, а самъ я вижу, что тутъ человѣческимъ умомъ ничего не сдѣлаешь.

Скучно показалось мнѣ въ этомъ доселѣ радушномъ домикѣ, будто я попалъ въ чужіе люди, на чужое мѣсто, и самъ сталъ не свой. Я послалъ за лошадьми; почти молча мы простились со старухой—слезы душили ее, и смутная дума потянулась вслѣдъ за мною: уныло вторилъ ей поддужный колокольчикъ, по звуку болѣе сходный съ боталомъ, въ которомъ по временамъ путалась и заплеталось клепало, обличая неровную побѣжку коренной.

Смерклось вовсе, и мы катились по дорогѣ, что̀ по полотну, молча. Наконецъ возница мой соскучился, и оглянувшись, спросилъ: *юрлань-ме*? запѣть, что ли? Юрлай, отвѣчалъ я, будто проснувшись въ раздумьи, пой, твой волчій вой не будетъ розныть со строемъ души моей. Башкиръ, будто мѣхомъ, потянулъ въ себя дыханье, позадержалъ его и залился плачевнымъ высокимъ голосомъ, словно издали повѣтру донесся звучный стонъ, подконецъ замиравшій; затѣмъ послѣдовалъ однобразный напѣвъ, на слова мѣстнаго народнаго сочиненья: „Сакмаръ быстра, бреуна тулста, икмякъ да іокъ, капралъ да сокъ!“ * и подконецъ дѣло завершилось начальнымъ протяжнымъ воемъ.

Не развеселила меня эта пѣсня, сложенная, какъ всѣ народныя пѣсни, никѣмъ, хотя и поется всѣми. Отчего же самый благонамѣренный, ретивый и честный начальникъ поки-

---

* Лѣсная и дровяная торговля въ степномъ Оренбургѣ была въ однѣхъ рукахъ, и цѣны, какъ полагали, произвольны и высоки; чтобъ устранить это зло, основана была казенная дровяная торговля, со сгономъ лѣса Башкирами, по наряду. Дѣло кончилось обогащеньемъ нѣсколькихъ казачьихъ чиновниковъ, обнищаньемъ многихъ Башкиръ, большою смертностію въ сгонныхъ командахъ, еще большею противу прежняго дороговизной дровъ, и раззореньемъ лѣсопромышленника, который кончилъ жизнь свою въ землянкѣ, на кладбищѣ, гдѣ поселился божедомомъ и хоронилъ своими руками покойниковъ, во время страшнаго холернаго мора. Память его жива донынѣ и проживетъ долго.

дaетъ за собою такую память? Отчего, спрошу прямо, изъ стольких десятковъ перемѣнныхъ начальниковъ губерній нѣтъ ни одного, о коемъ бы на мѣстѣ большинство отозвалось признательно и любовно? Издали указываютъ, какъ бы завидуя другъ другу, на того или другаго съ похвалой; былыхъ и давнихъ поминаютъ иногда добромъ; но налицо такихъ не бываетъ. Былъ одинъ такой, близкій мнѣ человѣкъ, такъ скоро надорвался, обезумѣлъ и Богу душу отдалъ. Былъ и другой, такъ этого довели до неистовства, и онъ сталъ править кулаками. Зналъ я и третьяго: онъ честно бился, до изнеможенья, а потомъ сталъ править отписываясь и разчитывая, сколько ему осталось служить до пенсіи. Сквозь трущобу корысти, бездушной лѣни, несознанія за собой никакого долга, сквозь грязный слой привычной, обиходной лжи, сквозь цѣлыя горы письма не пробьешься, ни снизу, ни сверху; задавленные всѣмъ этимъ, мы ждемъ только большихъ оказій, чтобы прокричать ура, задать обѣдъ на славу, и очень заботимся о томъ, чтобы праздникъ этотъ, прощальный или встрѣчный, праздникъ, на которомъ мы забылись и перевели духъ, былъ обстоятельно пропечатанъ во всѣхъ вѣдомостяхъ. Этому описанію задушевности никто не вѣритъ, никто его и недочитываетъ, но дѣло закончено въ порядкѣ и сдано въ архивъ...

На какой безтолковый бредъ однакоже навела меня заунывная пѣсняБашкира, которую я, будучи не въ духѣ, назвалъ волчьею пѣсенкой! Но дѣло въ томъ, что года черезъ три, четыре послѣ этого со мною сталось то, что̀, говорятъ, со многими бываетъ: внезапно мелькнуло во мнѣ чувство, будто я вторично переживаю какое-то мгновеніе прошлаго, будто все, что̀ во мнѣ и со мною, сбывается вторично. Я быстро оглянулся, очнулся, и увидѣлъ, что ѣду ночью на башкирской тройкѣ, что возница, въ островерхой валяной шапкѣ, завываетъ: „Сакмаръ быстра, бреуна тулста“, мало того, увидѣлъ, что подъѣзжаю къ тому̀ же мѣсту и вскорѣ помчусь подъ гору, къ домику съ зелеными ставнями!

Нечаянная встрѣча задержала меня однакоже на нѣсколько часовъ по сосѣдству, и знойное солнце стояло уже высоко, когда я остановился у знакомыхъ воротъ, запертыхъ, на сей разъ, будто никого не было дома, да и въ окнахъ, несмотря на почтовый колокольчикъ, никто не показывался. Я вошелъ въ калитку, взошелъ на крылечко и оглянулся: сѣнцы

усыпаны были свѣжею, пахучею травой, на коей сидѣла краснощекая, бѣлокурая дѣвочка, заботливо выбиравшая синіе колокольчики, алый душистый горошекъ, бѣлую кашку, укладывая ихъ ворохомъ у себя на колѣняхъ и напѣвая про себя: Алый цвѣтъ, алый цвѣтъ, скажи, любишь или нѣтъ? Глядя на такого ребенка, мнѣ всегда думается: сколько мира и непорочности дается человѣку въ задатокъ будущности его, какъ свято и цѣло блюдется оно, доколѣ еще сердце и думка не рознятъ между собою, и какое бурное волненье въ немъ возникаетъ съ того часу, когда онъ начинаетъ сознавать личность и самостоятельность свою! Какое врожденное сочувствіе къ этому мирному младенческому быту отзывается въ тайникѣ души каждаго, утратившаго это состоянье, даже въ самомъ грубомъ и черствомъ сердцѣ!

— Здравствуй дитя, сказалъ я тихимъ голосомъ, чтобы не всполошить ребенка. Малютка вскинула на меня ясные каріе глаза, въ коихъ отчетливо отразился взглядъ матери ея, а обликъ въ губкахъ и въ умилкѣ на щечкахъ.—Здравствуй, повторилъ я, переступая порогъ; дѣвочка вскочила, тихо проговорила: „здравствуй“, кивнула головкой и попятилась.—Какъ тебя зовутъ?

— Внука, Душарка, проговорила она и бросилась бѣгомъ мимо меня на дворъ.

— Гдѣ бабушка? кричалъ я ей вслѣдъ. Но Душарка, оглянувшись на меня и ничего не отвѣчая, вскочила черезъ растворенную калитку въ огородъ и скрылась въ густомъ, рословъ бурьянѣ. Я глядѣлъ ей вслѣдъ, съ высокаго крылечка, изъ-подъ навѣса на рѣзныхъ столбикахъ: трава раздавалась и колыхалась надъ головой бѣглянки, струясь за нею, какъ вода за ныряющимъ утенкомъ. Пошедши этимъ слѣдомъ, я услышалъ зовъ ея: „баба! баба!“ Все вокругъ меня было въ полномъ растѣ: въ воздухѣ стоялъ запахъ укропа, огурцовъ, медунки и липы въ цвѣту, подсолнухи подставляли щедровитое лицо свое прямо подъ палящіе, знойные лучи; янтарная смола топилась и висѣла ожерельемъ на золотыхъ лепесткахъ; подъ липами и старою, нависшею ивой стояли улья, пчелы дружно гудѣли цѣлыми роями; нѣжась на солнцѣ, носились они надъ высокою травой, избирая себѣ между пестрыми головками лакомый присѣстъ; кузнечики трещали вокругъ въ своихъ закоулкахъ; звонкій, однообразный напѣвъ иволги раздавался въ концѣ огорода, гдѣ густая посадка ивъ указывала на болотистый ручей. „Баба! баба!“ продолжала покрикивать визгли-

вымъ голоскомъ малютка, и на грядахъ, какъ изъ земли выросла, явилась привставшая Авдотья Власьевна; „асеньки?“ откликнулась она ласково, протянувъ руки къ бѣгущей встрѣчу дѣвочкѣ, съ трудомъ выбравшейся изъ высокой травы и прыгавшей по грядкамъ: „асеньки мои!“ Старуха подхватила внучку налету, вскинула ее высоко и, уложивъ на руки, зацѣловала.

— Здоровенько ль живешь, Власьевна! крикнулъ я издали. Она стала всматриваться въ меня, застѣнивъ глаза отъ палящаго солнца ладонью. Я подошелъ вплоть къ ней, прикрывъ лицо шапкой, и вдругъ спросилъ:—не признаешь, что ли?

— Ахъ родимый, баженый, моленый! То-то слышу я, голосъ знакомый, словно свой, а въ лицо-то и не признаю, супроти солнца, а въ глазонькахъ-то свѣтъ ужь тусклый, родименькій, старость приходитъ, хоть хворать больно не хвораю, да ужь ветшаю; а все Бога благодарю!

Пошли мы въ избу; догадливый ямщикъ, не дожидаясь распорядковъ, вкатилъ тарантасъ мой подъ навѣсъ и отпрягъ коней.

— Проня дома у тебя? спросилъ я:—аль въ торговлѣ?

— Нѣтъ, уѣхалъ съ невѣстушкой на богомолье, къ Девятой Пятницѣ.

Замѣтимъ, что эта явленная икона Богоматери, на девятую Пятницу послѣ Пасхи, обходитъ полгуберніи, и къ этому кочевому шествію стекается бездна народу со всѣхъ сторонъ, и каждое населенное мѣсто всѣмъ населеніемъ своимъ провожаетъ ее отъ себя до ночлега.

— Мои со вкладомъ поѣхали, продолжала старуха, таща за собою дѣвченочку, которая, то подпрыгивая, то волочась по землѣ, мурлыкала пѣсенку, — говорятъ, надо-де Бога благодарить, за милосердіе Его. Пойдемъ-ка, Душарочка, да самоварчикъ поставимъ для любаго гостя, чайку заваримъ!

— Ну Авдотья Власьевна, сказалъ я,—у тебя растетъ внука безприданница, гляди какая красоточка будетъ!

Старуха радостно улыбнулась, по привычкѣ своей повертѣла отъ удовольствія головой и съ важностію сказала:

— Вся въ мать, вотъ вылитая Серафимушка! Младенецъ смиренный, жалостливый, что̀ хошь попроси, все отдастъ, изо-рту пряникъ вынетъ, отдастъ, какъ есть мать!

Эта рѣчь изумила и умилила меня до крайности: сталобыть, въ эти годы много пережито въ этомъ домикѣ; нѣтъ и слѣда безнадежнаго, отчаяннаго раздора, надъ коимъ и вчужѣ

надрывалось сердце, господствуетъ любовь да совѣтъ..... Молча я призадумался и потупилъ сидя глаза, будто боялся разочарованья. Между тѣмъ въ кухонькѣ подлѣ, несмотря на притворенную дверь, раздавалось сопѣнье кузнечнаго мѣха: это Авдотья Власьевна раздувала самоваръ, а по временамъ слышался тонкій голосокъ Душарочки.

— Стало-быть васъ внука помирила и внесла благодать въ семью, сказалъ я наконецъ управившейся съ самоваромъ хозяйкѣ.

— Нѣтъ, не внука; хоть и ангельская душа, а не она: сказывала я тебѣ, коли помнишь, что кромѣ Бога, никто не помиритъ—такъ оно и вышло: это, какъ есть, дѣло Божье! кабы не онъ, не его милосердіе, мыкали бъ мы горе по вѣкъ свой. Ну, дай срокъ, я все поразкажу тебѣ, безъ утайки, что̀ и какъ было.

Усѣвшись за самоваръ, я разъ-другой отъ нетерпѣнья закидывалъ словечко про это дѣло, но Авдотья Власьевна, кивнувъ головой, отвѣчала только: „дай срокъ!“ Наконецъ, убравъ самоваръ и уложивъ Душарку спать, она задумчиво усѣлась противъ меня, подперлась локтями, уставила глаза прямо на меня, и начала:

„Чай слыхалъ ты поговорку: сердита кобыла на возъ, а претъ его и подъ гору и въ гору? Вотъ такъ-то и мнѣ жилось въ домѣ, всѣ опостылѣли, и невѣстка, и сынъ по ней, и не глядѣла бы на Божій свѣтъ. Встанешь ранкомъ, и лба не перекрестишь, а ужь она тутъ; и утромъ вмѣстѣ, и въ обѣдъ вмѣстѣ, и вечеръ вмѣстѣ—хоть въ землю уйдти, одна бъ отрада была! Ину пору и словечка не молвитъ, а все кажись поперекъ стоитъ, только душу мутитъ. Такъ маялась я изо дня въ день, доколѣ Господь не смиловался надо мной. Вотъ онъ, душеспаситель мой, и послалъ мнѣ немочь, болѣзнь смертную, и ужь вижу я подъ конецъ сама, что умираю. Дай, поколѣ еще Богъ памяти не отнялъ, распоряжусь всѣмъ добромъ своимъ, пусть и по насъ поживутъ, не поминаючи насъ лихомъ; не обидѣла я и дочки, хоть зятекъ ужь никуда не сталъ годенъ, и еще кой-кого помянула, и расписать все велѣла сынку, а остальному всему онъ же самъ законный, прирожденный наслѣдникъ остался; позвали отца духовнаго, и онъ руку приложилъ; пріобщилась я и поновилась отъ него, послѣ исповѣди, святымъ причастіемъ, и говорю, вотъ-молъ и слава Богу, совсѣмъ; и дѣтей благословила, да ужь

почитай слова не могла вымолвить, сталъ языкъ отниматься и память обмирать.“

— Понимаю, Власьевна, стало - быть, тогда-то ты съ Серафимой простилась и помирилась, сказалъ я.

„Не мирилась я грѣшная ни съ кѣмъ, отвѣчала горячо старуха, — а ты слушай: мнѣ думалось, что обидѣли меня дѣти, что Господь взыщетъ съ нихъ за это, а мнѣ попомнитъ, какъ я ему денно и нощно печаловалась! Ты слушай: вотъ и стало мнѣ къ утру таково тяжело, гдѣ-гдѣ дохну; да и то не во всю грудь, привалило вишь; и сталъ у меня послѣдній вздохъ поперекъ груди, ни туда, ни сюда, ни живота, ни смерти, и очи мои закатились, и обмерла; ни губами, ни пальцемъ однимъ не пошевелю, бровью не поведу, все во мнѣ замерло, и слышала я, какъ послѣдняя горячая струйка крови пролилась, сердце стало, не бьется, сама не дышу — вотъ она смерть какая бываетъ, подумала я, — прими Господь грѣшную душу мою! И умерла!

„Вотъ лежу я, покойница, и думаю себѣ: гдѣ же я это, на этомъ свѣтѣ, или на томъ? Словно ангелы небесные ликуютъ вкругъ меня, да не близко, издалече, а ничего не вижу. Тутъ послышалось что-то около, будто голосъ сосѣдкинъ: преставилась голубушка наша, помяни Господи во царствіи твоемъ душеньку рабы твоей Евдокіи! Прибѣжали сынъ и дочь, а невѣстка въ ту пору по родамъ въ постели лежала, ея сынъ не пустилъ; поднялся плачъ, вой, причитанья—а я лежу, словно каменная, ни живчика во всемъ тѣлѣ моемъ нѣтъ—и словно мнѣ ихъ и не жаль; слышу, руки мнѣ складываютъ, обмывать собираются,—что̀ жь это, и вправду, неужто такъ люди умираютъ? Пришелъ и зятекъ, поглядѣлъ видно, постоялъ, и слышу, говоритъ: и заживо мало радости отъ нея видѣли, и померла горе не велико! Тутъ сторонніе люди корить стали его, а меня, дай Богъ имъ здоровья, добромъ помянули. Такъ-то лежа я тутъ много чего наслушалась, а все-таки видно люди Бога боятся, больно лихомъ не поминали! Народъ поразошелся, все стихло, и сынокъ ушелъ готовить что̀ нужно, матушку свою хоронить—вотъ я слышу, кто-то крадучись пробирается ко мнѣ въ горницу, словно по стѣнкѣ бредетъ, и стонетъ про себя, да подошедши къ кровати, бухъ, на меня, прямо на грудь ко мнѣ, и охватило меня что-то горячими руками, и припало къ лицу горячимъ лицомъ; а слезы, кипень кипнемъ, варъ варомъ.

что капель вешняя со стрѣхи, такъ на меня ливмя полились, и на щеки, и на грудь, и на лицо. Господи, думаю, кто это такое? Аль доченька горемычная опять вернулась, чтобъ одной по себѣ наплакаться? Слышу, всхлипываетъ, да шепотомъ причитаетъ; что молъ голосъ ровно Серафимушкинъ, а чего ровно, она и есть! Она, сердечная, съ ложа мукъ и болей встала, и ноги не держатъ, а приплелась, какъ все въ избѣ опустѣло, приникла жаркимъ ликомъ на грудь ко мнѣ, и истекаетъ слезами.... Мамонька моя родимая, открой ты свои грозны оченьки, погляди ты, каково-то мнѣ безъ тебя горькимъ горькошенько! Видитъ ли душенька твоя правду мою, все нутро мое, ты видишь ли, вѣришь ли злой невѣсткѣ своей? Такъ-то голося, она все крѣпче и крѣпче ко мнѣ припадаетъ, такъ и прижимается.... Ну, отецъ родной, что̀ со мной дѣялось тогда, не дай Богъ и ворогу Татарину, ни другу, ни недругу! Стало меня ретивое корить, адскимъ огнемъ палить, и жалость одолѣла смертная, жалость такая, что вотъ бы въ ноги такъ и повалилась ей, обняла бы ее, какъ и сына роднаго не обнимывала — да не могу ни суставчикомъ мизинца пошевелить, ни знаку признаку подать.... Долго ли мы такъ лежали, не знаю—а она видно ужь и сама ослабѣла и притихла.... вдругъ, словно оторвалось что во мнѣ, словно жаль моя камнемъ тяжелымъ отъ сердца отвалилась, и стала подыматься, подыматься, да и вырвалась вздохомъ изъ устъ моихъ, и ожило сердце во мнѣ, и очи отворились....

Что̀ послѣ было—не спрашивай, и сама не знаю; сказывали, что нашли насъ обѣихъ безъ памяти, и прохворали мы обѣ долго: я-то стала на радостяхъ бойчѣе оправляться, а она, послѣ родовъ, да съ испугу, что мамонька ожила подъ слезами ея, пуще было расхворалась, и сама въ забытьи была, да ужь я ее тогда отхаживала; а на душѣ-то у насъ стало таково тихо и радостно, потому вишь, что ангелы Божьи обмиранье это навели на меня, чтобъ я грѣшная досыта ласки Серафимушкиной наслушалась, а то бы я никому, никому въ томъ не повѣрила. Вотъ тебѣ, отецъ мой, все дѣло какъ оно было, и съ тѣхъ поръ, всѣ мы самъ-третей живемъ душа въ душу, другъ у друга изъ рукъ глядимъ, тишь да крышь, да Божья благодать!

Мы оба долго молчали. Та ли это тревожная, сумрачная, подозрительная старуха, которая видѣла вкругъ себя одно

коварство и затаенную злобу, которую и самое съѣдала ненависть ко близкимъ сердцу ея, та ли это мать, въ отчаянномъ, безутѣшномъ положеніи? Мнѣ казалось, что и самое лицо ея съ тѣхъ поръ измѣнилось, любовь и покой изгладили суровыя черты и провели свою привѣтливую бороздку. Видно, не перемѣна мѣста нужна для счастья нашего, а перемѣна состоянія души нашей, и постылое станетъ милымъ, и человѣкъ, самъ не вѣдая какъ, послышитъ себя духомъ въ небесномъ царствѣ.

„Много искаженія внѣдрилось въ человѣчество, но кой-гдѣ и кой-когда, въ укромной тиши, въ потьмахъ, просвѣчиваютъ искры свѣта и тепла, и повсюду Божеское Провидѣнье, не покинувшее доселѣ народа своего, отвѣчающее на безуміе премудростію.“ Это было началомъ, и это же пусть будетъ и конецъ нашего разказа.

ОКТЯБРЬ.

Грудень ни колеса, ни полоза не любитъ, нѣтъ ѣзды. Въ Воронежѣ и Тамбовѣ это *грязникъ и листопадъ*, въ Смоленскѣ *грудень* (отъ *груда*, кóлоть, мерзлая грязь), на сѣверѣ и востокѣ онъ *зазимье*, а встарь *паздерникъ* (отъ *посдирать*), а повсюду *сватебникъ*; ужь сѣверякъ оброснулъ листву, липа обронила ее дò-гола и стоитъ, какъ лутоха; дубъ еще крѣпится, но только слава что листъ держится, а пожелкъ, побурѣлъ, покраснѣлъ, такъ что солнышко, проглянувъ, на немъ огнемъ играетъ. Одинъ только товарищъ дубу остался—горькая рябинушка: и красна, и пестра, а перистый листъ еще болтается на вѣтру. Зелень осталась на одномъ только кустѣ, и то не нашемъ, а завозномъ, въ садахъ, на сирени или, какъ удачно передѣлали ее, на синели; она у себя дома морозу не видывала и не знаетъ какъ съ нимъ обходиться, держитъ зеленый листъ до послѣдняго зазимья. Не сойдешь и глухаря въ бору, сухой листъ шумитъ подъ ногами; русакъ уже выбрался на озимь, а бѣляку горюну приходится плохо: онъ тоскливо поглядываетъ на предательскую шубку свою, которая заранѣ уже перебралась подъ масть снѣга, онъ жмется по опушкамъ, ждетъ не дождется зимы.

Конецъ хороводамъ, начало посидѣлкамъ, кои впрочемъ на сѣверѣ начались уже вмѣстѣ съ засидками, съ Семіона. Уже

скотину закармливаютъ пожинальнымъ снопомъ, и съ Покрова ея болѣе въ полѣ не гоняютъ. Пастухи ищутъ пріюта, идутъ въ батраки, нанимаются молотить, либо берутся за бабью работу, мнутъ ленъ.

Покровъ землю покроетъ, гдѣ листомъ, а гдѣ и снѣжкомъ—мужикъ избу кроетъ, а не ухитишь до Покрова, не будетъ такова, то-есть тепла: захвати тепла до Покрова. Но Покровъ же и дѣвкѣ голову покроетъ, и вотъ за что̀ мѣсяцъ этотъ сватебникъ. Батюшка Покровъ, покрой сыру землю, и меня молоду; бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ—не меня ль молоду замужъ снаряжаетъ! Такъ приговариваютъ шаловливыя, веселыя невѣсты, готовясь разстаться съ дѣвичьей нѣгушкой и вступить въ призванье суровой жизни крестьянской домостройки; но иныя изъ нихъ судятъ иначе и направляютъ созерцательный взглядъ свой на невещественный, духовный бытъ человѣка—о чемъ у насъ рѣчь впереди.

Примѣръ всего земнаго шара, всѣхъ народовъ вселенной, доказываетъ намъ, что человѣкъ, по вѣрѣ и исповѣданіи своемъ, не можетъ обойдтись безъ внѣшней или вещественной обстановки, безъ обрядовъ. Безъ этихъ видимыхъ, насущныхъ признаковъ, большинство теряетъ избранную стезю и не можетъ на пути своемъ опознаться; только чувственныя явленія пробуждаютъ въ немъ мысль, или по крайности какое-то темное духовное настроенье, а затѣмъ и стремленье къ добру и къ истинамъ вѣры. Самое значенье обрядовъ, въ чистомъ, неискаженномъ ихъ видѣ, есть представительство и прообразованье, они должны напоминать намъ объ истинахъ духовныхъ и нравственныхъ, кои умственно удерживаются тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе развита духовная сторона, чѣмъ грубѣе человѣкъ прикованъ къ насущной глыбѣ. Но тутъ неизбѣжно является соблазнъ иного рода: тупая привычка къ исполненію обряда, будто сущности дѣла, глушитъ, какъ сорная трава, добрую пшеницу: внѣшность заступаетъ вовсе дорогу духовному, обрядъ вытѣсняетъ мысль и чувство и замѣщаетъ ихъ; обрядъ становится сущностію, человѣкъ безсознательно впадаетъ въ кощунство, либо въ ханжество.

На сихъ началахъ основаны всѣ расколы наши, сомнѣнія, колебанія и отпаденія. Человѣкъ ищетъ истины, и вѣчно блуждаетъ: онъ блуждаетъ умомъ, коли дастъ ему необузданную свободу, и блуждаетъ волею, сердцемъ, коли отдастся на произволъ увлеченія; онъ блуждаетъ и тупѣетъ, привя-

зываясь къ одной внѣшности, обрядливости вѣры, онъ блуждаетъ и бредитъ, кидаясь въ противную крайность, въ умственную отвлеченную область духовнаго міра, желая уже во плоти отрѣшиться отъ насущнаго и жить однимъ духомъ.

Одно направленіе нашего раскола пошло по первому пути, то-есть, ищетъ сущности вѣры въ обрядахъ, въ одной внѣшности: это поповщина, или толки, кои ограничиваются требованьемъ исполненія всѣхъ обрядовъ по старинѣ, и безпоповщина, толки, идущіе далѣе этого, утверждающіе, что видимое, вещественное царство антихриста наступило, чему для нихъ служитъ уликой искаженіе обрядовъ и обычаевъ; они могутъ быть люди очень добрые и нравственные, но самое направленіе ихъ на одну внѣшность и обрядливость придаетъ имъ какую-то безразсудную тупость, упорство и нетерпимость; простодушные изъ нихъ кощунствуютъ, полагая сущность вѣры въ обрядахъ, а умные и развитые лукавятъ, ханжатъ, изъ видовъ уже вовсе не духовныхъ. Крайнимъ звеномъ этого братства являются бѣгуны, коихъ основа ученія состоитъ въ нарушеніи всѣхъ гражданскихъ порядковъ и учрежденій, потому что они признаютъ ихъ дѣломъ діавольскаго соблазна.

Другое направленіе, которое, можетъ-быть, развилось по себѣ, а можетъ-быть, и вызвано первымъ, какъ всякая крайность вызываетъ другую, противную, какъ бревно на перевѣсѣ одинаково легко можетъ перевалиться и на тотъ, и на другой конецъ. Это направленіе, въ сущности своей, духовное, и говоритъ: церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ; оно отрекается отъ всѣхъ обрядовъ, не замѣчая при томъ, что невольно принимаетъ свои, особенные обряды, соблюдаемые съ ожесточеніемъ и неистовствомъ изувѣра, хотя они въ сущности одно пустосвятство. Хуже всего то, что и тутъ и тамъ является нетерпимость, увѣренность въ святости своей, въ избранничествѣ своемъ и ненависть къ разномыслящимъ. Это духоборцы разныхъ толковъ, молоканы, и созерцательные толки христовщины, хлыстовъ, кои, въ крайней степени своей, являются каженниками или скопцами, а въ былое время были дѣтогубцами и сократильщиками, убійцами, ради спасенія души.

Гнѣздо созерцательныхъ толковъ у насъ въ среднихъ губерніяхъ: Тамбовской, Пензенской, Орловской, тогда какъ первое направленіе, расколъ обрядный, свойственно сѣверу

и востоку; второе же занесено въ Тавриду, на Кавказъ и въ Сибирь ссылками и переселеніями цѣлыхъ общинъ. Строптивый Новгородъ искони плодилъ у себя расколъ старовѣрства, а обрусѣлая Мордва, обоихъ поколѣній, Эрзя и Мокша, склонны къ расколамъ смиренія, къ видѣніямъ и пророчествамъ. Только въ послѣднихъ, т.-е., созерцательныхъ толкахъ являются пророки и пророчицы, даже чудовищные самозванцы, подъ именемъ Христа и Богородицы. Въ сихъ же толкахъ мы встрѣчаемъ сходство съ нѣмецкими гернгутерами и американскими шекерами, направленіе тупое, грустное, стремленіе къ косности и къ отреченью отъ міра. Этимъ духомъ вѣетъ даже по близости, въ сосѣдствѣ всѣхъ созерцательныхъ толковъ, и имъ заражено населеніе цѣлыхъ уѣздовъ и губерній. Женскій полъ, даже въ молодости, очень склоненъ въ тѣхъ мѣстахъ къ такому направленію. Именуясь православнымъ, прилежно посѣщая церкви, народъ исправляетъ всѣ требы, ходитъ на исповѣдь, но отказывается отъ причастія, признавая себя недостойнымъ; плясать — дьявола тѣшить, грѣшно; пѣсни поютъ одни сорванцы; степенная молодка или дѣвка не выйдетъ на хороводъ, танковъ не водитъ, а умница, на возрастѣ, накидываетъ на голову черный платъ, подколовъ его подъ бородою, потупляетъ глаза въ землю, ни на кого не взглянетъ, не улыбнется, лишняго слова не молвитъ, съ парнями не говоритъ вовсе, и черезъ годъ, другой, просится у родителей на спасеніе, въ келію, въ чемъ ей никогда почти не отказываютъ. Келейки эти, мѣстами, ставятъ на задахъ двора, и тамъ келейница живетъ одна, чинно и тихо, выучивается грамотѣ, если не знала ея, читаетъ священныя книги, особенно псалтырь и требникъ, строго исполняетъ всѣ обряды церкви, не упуская ни одной службы, но для общества она пропала, къ мірскому безучастна. Но чаще келейки эти ставятся сподрядъ въ особомъ порядкѣ, сбоку или позадь села, безъ дворовъ и огорожи, и нерѣдко по двѣ келейницы живутъ вмѣстѣ. Это настоящій скитъ. Онѣ въ страду помогаютъ роднымъ въ уборкѣ, а прочее время занимаются рукодѣліемъ, пряжею, тканьемъ, а всего охотнѣе шитьемъ, плетеньемъ и вязаньемъ, и кормятся этимъ хорошо, даже даютъ помощь своимъ.

Этотъ странный обычай усиливается не только по мѣстности, но даже и по времени, будто повальная болѣзнь; порою всѣ дѣвки на селѣ вдругъ, словно рехнувшись, всѣми

силами порываются въ келейницы, замужество почитается зазорнымъ — и на селѣ нѣтъ невѣстъ!

Такъ различны у насъ нравы, обычаи, а по нимъ и слѣдствія однѣхъ и тѣхъ же мѣръ: въ иномъ мѣстѣ стоило только распустить слухъ, что безграмотныхъ дѣвокъ вѣнчать не станутъ, чтобы въ одинъ годъ заставить всѣхъ дѣвокъ въ околоткѣ выучиться читать; въ другомъ же, напротивъ, грамотность дѣвки считается вѣрнымъ признакомъ скораго удаленія ея отъ міра.

Въ одной изъ такихъ мѣстностей, гдѣ близость нѣсколькихъ одинокихъ монастырей и женскихъ общинъ способствовали худо понятому духовному настроенію, лежало хорошее имѣніе Руфа Садоковича, село Царево-Стойбище, прозванное такъ, по преданію, отъ бывшаго тутъ стана Грознаго, во время похода его на Казань. Село это было привольное, земля добрая, въ круглой межѣ и въ достаткѣ, черноземъ въ колѣно, лѣсу болѣе чѣмъ нужно, воды въ мѣру, луга богатые, такъ что завистливые дальніе сосѣди, жалуясь на свои неудобства, утѣшались поговоркою: какъ быть; не Царево-Стойбище, всѣхъ угодій подъ одну руку не подберешь. И при этомъ селеніи выстроились исподоволь два келейные порядка: солдатскій или вдовій, безтягольный, куда селились малыми срубами и безъ усадебныхъ участковъ отставные, одинокіе, вдовы, солдатки, а другой келейный, скитный, дѣвичій, куда выходили дѣвицы, удаляясь отъ міра, и тамъ старились и доживали вѣкъ свой, по ихъ понятіямъ, въ богоугодномъ отшельничествѣ. Между этими двумя выселками или слободками были тѣсныя сношенія, и жители первой, ветхіе и убогіе, получали много помощи отъ келейницъ.

Руфъ Садоковичъ среднихъ лѣтъ, холостой, изъ числа тѣхъ плотненькихъ, алокровныхъ толстячковъ, которые охотно выгибаются немного назадъ, закладывая обѣ руки въ карманы, и вертятся какъ живчикъ. Плотность, и даже брюшко, нисколько не умѣряютъ живости его, проворства, подвижности и дѣятельности; сѣренькіе глазки его горятъ жизнію, каждая черта круглаго, алаго лица его играетъ, улыбочка всегда на устахъ, и онъ самъ весь кипитъ, какъ самоварчикъ; если онъ, призадумавшись на одну минуту, вдругъ повернется и проведетъ себя рукою по приглаженной маковкѣ, будто ощупывая, нѣтъ ли уже плѣшинки, то это значило, что дѣло сложилось у него въ головѣ, кончено, рѣшено, и быть

по сему. Далѣе пяти минутъ онъ ни надъ чѣмъ не призадумывался, судилъ и рѣшалъ здраво, удачно, и ничѣмъ не затруднялся. Такъ онъ служилъ, такъ въ пять минутъ вышелъ въ отставку, такъ поѣхалъ въ Сибирь и набралъ доходныхъ золотыхъ паевъ, такъ онъ, устроивъ это дѣло и погладивъ себя по головкѣ, прикатилъ въ родовое имѣнье свое, Царево-Стойбище, чтобъ устроить его и жить отнынѣ въ кипучей дѣятельности на покоѣ. Онъ никогда не хворалъ, ѣлъ и пилъ всегда хорошо, но умѣренно, вѣку положилъ себѣ всего 60 лѣтъ, первую треть его посвятилъ ученію, образованію, вторую—жизни общественной, гражданской, поучаясь при семъ впрочемъ на сколько и гдѣ можно, а наконецъ послѣднюю треть рѣшилъ дожить осѣдло, на покоѣ, какъ онъ выражался, то-есть, перестроить все хозяйство по-своему, раскатывая между тѣмъ безпрестанно во всѣ стороны и выписывая во всѣ мѣста, гдѣ ему чаще случалось бывать наѣздомъ или проѣздомъ, по три газеты, чтобы нигдѣ не оставаться трехъ дней безъ послѣднихъ новостей, чтобы какое-нибудь нечаянное событіе не захватило его врасплохъ. Руфъ Садоковичъ скоро ѣлъ, скоро спалъ, былъ всегда свѣжъ и на ногахъ, не тяготился дѣлами, ни хлопотами, умѣя рѣшать ихъ быстро, а коли вервь не сучилась, то отрубалъ ее топоромъ и принимался за иное. Въ кругу власти своей, захватывая даже иногда немножко чрезъ край, онъ противорѣчія и помѣхъ не терпѣлъ, ворочалъ всѣмъ какъ бы шутя, и ему все сходило съ рукъ и все удавалось; если же изрѣдка наскакивала коса на камень, то онъ смекалъ это всегда во время, не настаивалъ, не ссорился, а уклонялся вдругъ въ сторону, будто уступалъ, и также внезапно и нечаянно достигалъ цѣли своей инымъ путемъ, гдѣ оплошность противниковъ натиску его не ожидала. Послѣ того онъ смѣялся въ кулачокъ, обращая дѣло въ шутку и оставаясь со всѣми въ добромъ согласіи.

Быстро обозрѣлъ онъ вотчину свою, сдѣлалъ тотчасъ же нѣкоторыя распоряженія, пріучая старосту рѣзкими, короткими и ясными приказаніями своими не пропускать ни одного словечка мимо ушей и не откладывать никакого исполненія, безъ разумныхъ причинъ, до завтраго, а чему была не пора, тѣмъ онъ памяти старосты не обременялъ, мыслей его не развлекалъ, а удерживалъ за собою, безъ записки, потому что самъ никогда и ничего не забывалъ.

— Ну, сказалъ Руфъ Садоковичъ, толкуя со старостой, который и самъ словно ожилъ и помолодѣлъ, при толковой и короткой расправѣ этой,—ну, братецъ, вотъ я пробѣжалъ посемейные списки наши: мало сажаешь на тягло. Есть парни зрѣлые. Надо женить ихъ.

— Вотъ про это-то дѣло и я хотѣлъ доложить вашей милости, началъ тотъ, съ тяжелымъ вздохомъ,—и не знаю какъ быть тутъ, такая бѣда!

— Какая бѣда?

— Да вѣдь дѣвки-то у насъ всѣ не туда глядятъ, не совладаешь съ ними, какъ вотъ вашему разсужденію угодно будетъ, а вѣдь намъ что́ съ ними дѣлать!

Руфъ Садоковичъ только-что прибылъ въ вотчину свою, гдѣ прежде бывалъ лишь наѣздомъ, не успѣлъ еще спознаться со всѣми мѣстными обычаями, и потому не понималъ загадочныхъ словъ старосты; заставивъ же его разказать и объяснить толкомъ, въ чемъ дѣло, онъ услышалъ, что Царево-Стойбище вовсе обнищало невѣстами, которыя поголовно уходятъ въ келейный рядъ, въ богомолки, стяжая вѣчное спасеніе. Какъ только дѣвчонка станетъ входить въ года, такъ ее тотчасъ товарки берутъ въ свой табунъ, объяснялъ староста, и набьютъ уши спасеньемъ; глядишь, а она ужь и черный платъ на голову накинула, и плачетъ денно и нощно: мамынька, не бери грѣха на душу, отпусти меня въ старки, къ сестрамъ въ келейку! Ужь и то бывало, что строгіе отцы не пускали, такъ вѣдь ничѣмъ не возьмешь, она все свое, вонъ одна, Мотылева, сама на себя было руку наложила; у Тараса тоже, ну, мужикъ справный, дѣльный, умный мужикъ, нечего сказать, онъ было и просваталъ дочь-ту, и рукобитье было, и на столъ взято, и пиво сварено — ну, что́ хошь дѣлай, нейду, да и только; и посѣкъ онъ ее раза два таки порядкомъ, и попа призывалъ, и сулилъ ему за это, такъ и попъ ничего не сдѣлаетъ, она крѣпче его на своемъ стоитъ; такъ и разошлись, и убытку понесъ отецъ-то на этомъ, попусту пиво роспили. Бирали мы когда-то со стороны дѣвокъ, напримѣръ, такъ ужь не даютъ теперь, и такъ задолжали мы кругомъ; а вотъ и сладилъ я было съ сосѣдками нашими, да опять разбили, барыни разбранились, поссорились, ну, теперь ни за что́ не даютъ.

— Съ кѣмъ поссорились, за что́?

— Да все изъ пустяковъ, сударь: сельцо Мокруша, Анны

Мироновны, на седьмую часть ей досталось, ну, и прозвали его Сёмухой, такъ оно и пошло, Сёмуха да Сёмуха; а Пищухино, Ѳедоры Ивановны, нехорошо прозвалъ народъ, не при вашей милости будь сказано, Пустосёловымъ зовутъ; вотъ барыни тѣ объ этимъ обижаются; что за Сёмуха, говоритъ Анна Мироновна, коли оно Мокруша; какое Пустосёлово, говоритъ Ѳедора Ивановна, у меня Пищухино, а не Пустосёлово! А чего, Пищухино, и всего-то 20 душонокъ, а въ Сёмухѣ-то и того нѣтъ — вотъ онѣ сперва стали этимъ промежду собою попрекаться, и разссорились, а тутъ и наши дураки туда же, Сёмуха да Пустосёлово на зубокъ попало; барынѣ-тѣ на меня вскинулись, какъ, говорятъ, смѣете такъ безчестить насъ? А я что сдѣлаю, платкомъ глотки-тѣ всему міру не завяжешь, ну и осерчали, и отказали въ дѣвкахъ, а у нихъ двѣ есть, въ залишкѣ.

— А у насъ, много ли ихъ? Сколько въ кельяхъ, сколько по домамъ?

— Да въ кельяхъ, въ старкахъ то-есть, никакъ двѣнадцать, ну, на половину онѣ ужь и не молодыя, а вотъ по домамъ, по семьямъ-то, что ужъ года по два и по три просятся у отцовъ, дѣвокъ съ восемь будетъ; и ничѣмъ ихъ....

— Слушай: завтра поутру чтобъ были всѣ дѣвки эти, съ отцами и матерями, и всѣ молодые ребята, сколько есть на селѣ, кого отецъ-мать женить хотятъ, чтобъ были здѣсь, у меня, да еще просить отца Данила, чтобъ и онъ тутъ былъ.

На другое утро всѣ собрались. Руфъ Садоковичъ, потолковавъ недолго со священникомъ, позвалъ напередъ парней, спросилъ ихъ: хотятъ ли они жениться? и на поклонъ и отвѣтъ ихъ, что просятъ барской милости, велѣлъ имъ всѣмъ покинуть шапки свои въ одной кучѣ, посреди полу. Выславъ ихъ, онъ позвалъ отцовъ и матерей съ невѣстами.

— Здравствуйте! Я созвалъ васъ, чтобы потолковать о дѣлѣ и кончить его: я неоконченнаго ничего не покидаю: что это у насъ дѣлается? Говорятъ, вы дочерей не отдаете, въ засолъ, въ прокъ, что ли, ихъ прочите?

Отвѣты отцовъ, при поклонахъ, пожиманіи плечами и разводкѣ руками посыпались: мы, батюшка, не противники вашей милости—это ихъ воля—это онѣ сами дурятъ, промежъ себя, — спасенья своего ищутъ, батюшка, — мы люди темные, мы что говорить не знаемъ, а онѣ свое — тоже,

вѣдь, боишься, какъ бы не согрѣшить передъ Богомъ, а ужъ тутъ воля ваша...

Матери, повидимому, также были въ раздумьи, иныя поблажали дочкамъ, другія были очень недовольны ими, но противъ общаго голоса или обычая ничего не могли сдѣлать; одна изъ послѣднихъ, почуявъ, что бариново слово развязало ей язычекъ, вышла впередъ, съ поклономъ, и разсыпалась такимъ горохомъ, что Руфу Садоковичу пришлось заложить руки въ карманы, выставить ногу впередъ, и дожидаться той минуты, когда можно будетъ провести себя рукой по маковкѣ. У говоруньи этой всѣ были виноваты, одна она права и свята: и отецъ-то не знай чего глядитъ, и народъ-то словно рехнулся, и попъ-то словно ихъ руку держитъ, и кончила тѣмъ, что надобы-де и отца и дочку-ту посѣчь, тогда все дѣло устроится.

— Дѣвушки, сказалъ Руфъ Садоковичъ,—подойдите сюда, на середку; слушайте: вы кому хотите угождать—Богу? Вы отъ кого спасенія чаете—отъ Бога? А чѣмъ же вы чаете обрѣсти спасеніе это, тѣмъ ли, чтобы слушаться и повиноваться завѣту Его, приказаніямъ, или тѣмъ, чтобы самодуромъ свои законы ставить, да вдвое грѣшить поклепомъ на Бога? Слушайте же, что̀ Господь сказалъ, вотъ и отецъ Данила здѣсь, онъ не дастъ мнѣ именемъ Божьимъ говорить неправды: Создавъ человѣка, мужа, праотца нашего Адама, и посадивъ его въ рай земной, Богъ сказалъ: „Не добро быти человѣку единому: сотворимъ ему помощника; и созда Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе Еву къ Адаму: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину.“ Вотъ что̀ говоритъ Господь, а вы, ища послушанія, смиренія и спасенія, ему повинуйтесь. Разбирайте шапки!

При второмъ, настоятельномъ приказаніи: разбирать шапки, дѣвки исполнили это робко, потупивъ глаза.

— Позвать ребятъ! Дѣвки, надѣвайте на себя шапки, живо!

Озадаченныя такимъ нежданнымъ оборотомъ дѣла, дѣвки надѣли шапки, поглядывая исподлобья другъ на друга, въ такомъ изумленіи, будто и сами не знали, что̀ дѣлали; руки ихъ двигались только по привычкѣ повиноваться барину. Парни вошли:

— Разбирайте невѣстъ своихъ по шапкамъ, — сказалъ Руфъ Садоковичъ,—живо, ну!

Парни подошли къ дѣвкамъ, и разобравъ ихъ, по шапкамъ своимъ, стояли съ ними рядомъ.

— Ну, а кому жребій не выпалъ, продолжалъ Руфъ Садоковичъ, тотъ подымай шапку съ полу, да ступай горевать домой, дѣло не ушлое, авось еще найдемъ невѣстъ. Отцы и матери, благословляйте дѣтей! кланяйтесь отцамъ въ ноги, женихи и невѣсты! Батюшка, помолимся, да благословите, вотъ восемь паръ молодыхъ! Дома ревѣть будете, прикрикнулъ онъ на дѣвокъ,—тутъ плачъ не кстати, плакать не мѣсто! Отцы, пиво мое, и двѣ овцы на каждую чету новоженовъ. Староста! купишь по два красныхъ платка на невѣсту, да чтобъ я этихъ черныхъ не видалъ! Въ твоемъ келейномъ ряду дай жеребей всѣмъ здоровымъ и молодымъ старкамъ, а по двѣ кельи въ годъ долой, сломать; объяви имъ это! Ну! старики и молодые, пиво мое, и по двѣ овцы; съ Богомъ, идите; дѣло кончено (и погладилъ себя по головкѣ), съ Богомъ, по домамъ.

И восемь сватьбъ сыграно было въ одинъ день.

В. ДАЛЬ.

ГОСУДАРСТВО И ПРОВИНЦІЯ *

IV.

Аргументація децентрализаторовъ не только не выяснила вопроса о государствѣ и провинціи, но и вредно отразилась на полемикѣ по его поводу. Децентрализація есть уступка авторитета, государства или, что̀ по ученію французскихъ публицистовъ одно и то же, — общества въ пользу свободы и притомъ свободы личной, другими словами, уступка цѣлаго въ пользу лица. Этого, говорятъ децентрализаторы, требуетъ прогрессъ человѣчества, ибо авторитетъ есть орудіе порядка, а одна свобода есть двигатель прогресса. Вопросъ слѣдовательно сводится на отношенія лица и государства къ дѣлу прогресса. Указать каковы дѣйствительныя отношенія лица и государства къ прогрессу, естественно, должно было стать исходною точкой и для централизаторовъ. И дѣйствительно, труды самаго талантливаго представителя этой школы, Дюпонъ-Уайта, цѣликомъ построены на этой мысли. Достаточно внѣшняго обзора его сочиненій, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Полемику противъ децентрализаціи онъ открылъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ *Личность и Государство*. Все оно посвящено изслѣдованію роли государства въ прогрессивномъ движеніи общества и необходимости подчиненія ему личности. Введеніе (въ третьемъ изданіи 1865 г.) занимается вопросомъ о государственной иниціативѣ. Первая глава разсматриваетъ какой видъ власти благопріятенъ прогрессу; въ слѣдующихъ главахъ изслѣдуется дѣятельность

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1868 г., № 1-й.

государства въ политическомъ, экономическомъ и нравственномъ прогрессѣ общества. За тѣмъ идетъ изслѣдованіе роли государства во Франціи и другихъ странахъ, опроверженіе возраженій, дѣлаемыхъ школой индивидуалистовъ, нѣсколько исключеній въ пользу личной дѣятельности. Книга заключается изслѣдованіемъ роли личной инціативы по отношенію къ прогрессу, при чемъ значеніе индивидуализма значительно умаляется въ пользу коллективной или государственной дѣятельности. Послѣдующій трудъ Дюпонъ-Уайта носитъ заглавіе *Централизація, продолженіе Личности и Государства,* * и слѣдовательно обѣщаетъ продолжать изслѣдованія соотношеній личности или свободы, государства или власти. Только эти элементы принимаютъ здѣсь уже болѣе конкретную форму: вопросъ о власти превращается въ вопросъ о централизаціи, на мѣсто индивидуализма выступаетъ децентрализація. Полемика ведется противъ тѣхъ же началъ, только подъ другими названіями. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ окончательно устанавливаются воззрѣнія автора, которыя проводятся за тѣмъ во всѣхъ его трудахъ. Ими проникнуты предисловія къ его переводамъ трудовъ Милля. Они весьма подробно развиты въ его трудѣ *О политической свободѣ въ ея отношеніяхъ къ мѣстному управленію.* ** Трудно найдти болѣе солидныя возраженія противъ индивидуализма чѣмъ тѣ, какія выставляетъ Дюпонъ-Уайтъ. Онъ искренній другъ и защитникъ прогресса. Нѣтъ болѣе сильнаго противника деспотизма. Нечего и говорить про его строгую добросовѣстность по отношенію къ противникамъ. Антагонистъ Милля, онъ гордится именемъ его друга, переводитъ его лучшіе политическіе труды на французскій языкъ. Тѣмъ любопытнѣе изучить его воззрѣнія и аргументы.

Что̀ такое государство для Дюпонъ-Уайта? Государство есть власть, существующая не сама собою, но чрезъ общество и для общества; безъ абсолютнаго восточнаго права надъ душами, тѣлами и имуществомъ, но съ ограниченіями, налагаемыми на него нравственнымъ закономъ, котораго оно истолкователь, въ силу делегаціи всѣхъ, дѣйствительной или

---

* *La Centralisation, suite de l'Individu et l'État.*

** *La liberté politique considerée dans ses rapports avec l'administration locale.*

предполагаемой, съ цѣлію порядка и общаго блага. Сущность государства въ томъ, что оно *власть разума выраженнаго въ законѣ*; оно дѣйствуетъ по общимъ соображеніямъ и общими предписаніями, а не въ силу капризовъ властителя, импровизованныхъ по поводу отдѣльныхъ случаевъ и отдѣльныхъ лицъ. Его благодѣянія заключаются въ замѣнѣ властей частныхъ, непосредственныхъ и произвольныхъ, властями публичными, находящимися на опредѣленномъ разстояніи отъ управляемыхъ.

Государство не существуетъ въ рождающемся обществѣ. Идея правительства смѣшана въ немъ съ идеями собственности, семьи, религіи. Порядокъ поддерживается силой владѣтеля, отца, жреца. *Человѣкъ владычествуетъ надъ человѣкомъ.* Этотъ порядокъ свойственъ первымъ вѣкамъ человѣчества. Нужны уроки столѣтій, чтобы доказать человѣку, что онъ не долженъ имѣть другаго владыки, кромѣ разума, другаго раба и собственности, кромѣ природы. Нѣтъ въ исторіи зрѣлища, которое бы могло сравниться съ этимъ разрушеніемъ личнаго владычества, замѣненнаго государствомъ, то-есть закономъ, разумомъ. Римъ великъ не столько тѣмъ, что завоевалъ столько народовъ, сколько тѣмъ, что оставилъ имъ идею, неизвѣстную Востоку, идею государства, общественнаго дѣла.

Цивилизація застаетъ правительства въ состояніи факта, затеряннаго въ ряду другихъ фактовъ. Она извлекаетъ ихъ изъ этого смѣшенія и возводитъ въ область права. Выдѣляя изъ частныхъ властей то, что̀ нужно для поддержанія порядка, она создаетъ для этой задачи особенный органъ, спеціальную функцію. Извлечь начало власти изъ элементовъ унижающихъ или усиливающихъ ее черезъ мѣру; поднять ее на высоту, откуда она можетъ обозрѣвать всю совокупность вещей и дѣйствовать на нее какъ на одно цѣлое,—значитъ установить среди людей не только могущественную принудительную силу чтобы сдерживать ихъ эгоизмъ, но еще большую силу *примѣра* и нравственнаго побужденія, чтобы вести общества къ той степени совершенства, къ которой они способны. Разъ государство установлено, прогрессъ точно такъ же, какъ и порядокъ, находитъ въ немъ свой органъ. Государства, порожденіе цивилизаціи, дѣлаются самымъ энергическимъ ея агентомъ. *

При такомъ понятіи о государствѣ, вѣрномъ въ общихъ

L'Individu et l'État. Введеніе къ первому изданію, LXVI и слѣд.

чертахъ, въ теоретическомъ и историческомъ смыслѣ, Дюпонъ-Уайтъ получаетъ громадный перевѣсъ надъ индивидуалистами. Онъ поражаетъ эту школу на ея же собственной почвѣ. При той исторической роли, какую государство имѣетъ въ его теоріи, ему легко настоять на томъ, что индивидуализмъ не способенъ осуществить даже свободу какъ общій фактъ юридическаго быта. Свобода, какъ одинаковое достояніе всѣхъ членовъ общества, есть произведеніе государства.

Нѣтъ, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ, противоположенія между понятіями свобода и государство, ибо государство есть форма власти, появляющаяся въ тотъ моментъ, когда человѣкъ выходитъ изъ-подъ власти человѣка. Появленіе государства есть вмѣстѣ появленіе человѣческихъ правъ; его развитіе есть ихъ безостановочное покровительство, съ начала и до конца оно есть освобожденіе и опека.

Выдѣляя политическій элементъ повсюду, гдѣ его находило, и собирая его въ однѣ руки, государство сдѣлало своимъ удѣломъ область принудительныхъ отношеній, а чрезъ это всѣ остальныя сферы человѣческой дѣятельности стали пріобрѣтать все болѣе и болѣе свободы. Религія въ соединеніи съ политическимъ, принудительнымъ элементомъ есть теократія; безъ него—это свободное прославленіе Всемогущаго; собственность, соединенная съ политическою властью есть феодализмъ; безъ нея—это лучшая гарантія личнаго развитія. Роль государства въ этомъ отношеніи можно формуловать слѣдующимъ образомъ: оно уменьшаетъ объемъ власти, но укрѣпляетъ принципъ права. Государство отняло у феодаловъ рабовъ, крѣпостныхъ, массу феодальныхъ сервитутовъ, но укрѣпило поземельную собственность. Недѣлимые, очевидно, выиграли при этомъ. Укрѣпился принципъ недвижимой собственности, движимая собственность получила равныя съ нею права, которыхъ она не имѣла при политической роли землевладѣнія. Слѣдовательно, господство государства распространило право собственности на большее количество предметовъ и тѣмъ расширило сферу свободнаго имущественнаго оборота. Собственность, болѣе ограниченная по отношенію къ объекту, выиграла по отношенію неприкосновенности своихъ правъ.* То же

---

* См. ibid, стр. 236; вообще превосходныя замѣчанія относительно развитія собственности подъ охраной государства встрѣчаемъ на стр. 228 и слѣд.

самое, прибавляетъ Дюпонъ-Уайтъ, если не въ большей степени, должно замѣтить относительно свободы мысли. Съ уничтоженіемъ господства человѣка надъ человѣкомъ, понятіе нравственнаго равенства сдѣлалось достояніемъ общества. Всѣ получили одинаковое право на выраженіе своихъ мнѣній, и никто не можетъ подавлять это проявленіе въ другомъ. Тѣмъ менѣе возможно подчиненіе различныхъ проявленій мысли одному какому-либо разряду идей, напримѣръ, религіознымъ идеямъ. Стóитъ вспомнить положеніе философіи въ средніе вѣка, когда она была *прислужницей* теологіи, и сравнить его съ послѣдующимъ ея развитіемъ и выдѣленіемъ изъ нея множества отраслей знанія. Государство предохраняетъ общество отъ исключительнаго служенія одной идеѣ, эмансипируетъ его, такъ-сказать, отъ рабства мысли, ставитъ его въ критическое отношеніе къ проявленіямъ собственнаго духа. Общество, подчинившееся одной мысли, отличается быстротой первоначальнаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безпримѣрнымъ застоемъ, неподвижностію въ послѣдствіи. „Общества не живутъ, а засыпаютъ подъ вліяніемъ словъ учителя. Это, впрочемъ, старая исторія,—исторія Индіи, Китая, Арабовъ, этихъ *отсталыхъ* рода человѣческаго, прежде бывшихъ его авангардомъ и свѣточемъ!“ * Государство, сосредоточивая *принудительность* въ сферѣ политической, освобождаетъ мысль. Гдѣ нѣтъ правонарушенія, нѣтъ и вмѣшательства власти. Но правонарушеніе выражается въ положительныхъ дѣйствіяхъ, возможность которыхъ обусловливается главнымъ образомъ организаціей, іерархіей извѣстныхъ общественныхъ элементовъ. Потому чѣмъ больше извѣстная общественная сфера стремится къ собственной организаціи, собственному *правительству*, тѣмъ сильнѣе противодѣйствіе государства, ибо тѣмъ возможнѣе политическое значеніе этой сферы. Чѣмъ ближе мысль къ политическому дѣйствію, тѣмъ болѣе затрудняется ея проявленіе и, наоборотъ, чѣмъ менѣе мысль превращается въ актъ, дѣйствіе, тѣмъ больше она имѣетъ правъ быть свободной. Въ этомъ отношеніи книга должна быть свободнѣе журнала, журналъ свободнѣе сходки, сходка свободнѣе ассоціаціи. Наиболѣе сильныя ограниченія касаются вѣроисповѣданій, такъ какъ они болѣе

---

* Ibid., стр. 219; вообще относительно этихъ вопросовъ см. стр. 210—244.

всего стремятся создать собственную іерархію и играть политическую роль. Этимъ однако и ограничивается репрессивная дѣятельность государства. Его занимаетъ исключительно область дѣйствій и именно дѣйствій политическихъ. Чистая мысль, подавленная при кастовомъ устройствѣ, получаетъ полную свободу. „Государство, говоритъ Дюпонъ Уайтъ, подозрительно только въ отношеніи къ своей прерогативѣ. Оно отдаетъ свободному обсужденію все остальное — нравственность, религію, общественныя привилегіи.... Касты, уязвимыя въ тысячи пунктахъ, охотно уничтожили бы человѣческую мысль во всей ея совокупности. Тамъ, гдѣ онѣ уничтожены, свобода мысли сомнительна только въ одномъ отношеніи, относительно обсужденія правительственныхъ дѣйствій. Тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, эта свобода не можетъ касаться ни религіи, ни дворянства, ни юстиціи, ни монополій, ни корпорацій и пр. пр. Лучше всего доказываетъ это *Эмиль*, напечатанный съ дозволенія правительства и осужденный парламентомъ.“

Мы нарочно со вниманіемъ остановились на положеніяхъ Дюпонъ-Уайта. По своей оригинальности они не имѣютъ ничего подобнаго во французской литературѣ; по ихъ особому направленію, извѣстность ихъ весьма ограничена, и обыкновенно о Дюпонъ-Уайтѣ знаютъ лишь, что онъ централизаторъ, *слѣдовательно* поборникъ деспотизма. Рѣдко у кого, повторяемъ, можно встрѣтить такое обширное разностороннее образованіе, такое добросовѣстное и научное отношеніе къ предмету. Выходя съ исторической точки зрѣнія, Дюпонъ Уайтъ смотритъ на государство какъ на продуктъ исторіи, видитъ въ немъ фактъ, необходимый для развитія человѣчества. Государство образовалось потому, что идея права побѣдила личный эгоизмъ, и представляетъ раціональный юридическій порядокъ въ противоположность общественно-историческимъ элементамъ, задерживающимъ осуществленіе этого порядка. Торжество юридическаго порядка зависитъ отъ большей или меньшей степени самостоятельности государства среди общественныхъ элементовъ. Оно не должно давать имъ государственнаго значенія. Власть не должна стать достояніемъ какого-либо общественнаго класса. Иначе государство потеряетъ свою личность и сознаніе своихъ цѣлей, сольется съ однимъ изъ классовъ общества и приметъ участіе въ соперничествѣ, борьбѣ между различными

классами общества, а это легко можетъ повести къ извращенію и гибели государственныхъ формъ. Во всемъ этомъ есть большая доля научной истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ выступаютъ и тѣ недостатки, какіе составляютъ удѣлъ большинства французскихъ публицистовъ. Отъ верховнаго положенія государства въ обществѣ до уничтоженія общественныхъ организмовъ въ политическомъ смыслѣ еще далеко. Среди самыхъ развитыхъ государствъ сохраняются общественные организмы, живущіе особенною жизнью и участвующіе въ осуществленіи государственныхъ задачъ. Отождествлять эти организмы съ жизнью недѣлимыхъ, не видѣть внѣ государства ничего кромѣ индивидуальныхъ стремленій—большое увлеченіе и очевидная ошибка. Винить въ этомъ Дюпонъ-Уайта, конечно, нельзя. Такой взглядъ естественъ въ странѣ, гдѣ дѣйствительно между личностію и государствомъ нѣтъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Затѣмъ политическая цѣль автора невольно привела его къ необходимости воспользоваться оружіемъ своихъ противниковъ для ихъ же пораженія, съ помощію историческаго и критическаго анализа. Но разъ критическая задача выполнена, остается спросить, сдѣлано ли имъ что-либо для разрѣшенія провинціальнаго вопроса?

На это приходится отвѣчать отрицательно. Провинція, община, корпорація, какъ организмы, для него не существуютъ. Для него это собранія недѣлимыхъ; ихъ дѣятельность—индивидуализмъ, эгоизмъ. Они остатокъ стараго порядка, тѣхъ временъ, когда *человѣкъ владычествовалъ надъ человѣкомъ*. Какъ только кончилось это владычество и начинается торжество разума, ихъ дѣятельность должна быть стѣснена до крайняго предѣла, поставлена подъ опеку государства. Такимъ образомъ вопросъ о централизаціи и самоуправленіи есть вопросъ о роли индивидуума и государства. Что же можетъ сдѣлать личность на пользу общества? Послѣдній отдѣлъ сочиненія *Личность и государство* посвященъ этому вопросу. Неутѣшительную картину представляетъ намъ авторъ. Онъ не вѣритъ въ способность человѣка сдѣлать что-нибудь полезное, внѣ сферы его личныхъ интересовъ; какъ только интересы усложняются, касаются цѣлой группы, лицо становится безсильно, и начинается роль государства.* Государство беретъ на себя охраненіе правъ,

* Мы излагаемъ здѣсь общій взглядъ Дюпонъ-Уайта на личность. Изъ него не должно выводить заключенія, чтобъ онъ не призна-

потому что личность къ этому неспособна; армія никогда не организовалась бы подъ вліяніемъ одного личнаго интереса. То же самое должно сказать объ общихъ условіяхъ народнаго богатства — дорогахъ, колоніяхъ, банкахъ, школахъ. Словомъ какую бы сферу мы ни взяли, вездѣ дѣятельность государства если не господствуетъ исключительно, то по крайней мѣрѣ стоитъ на первомъ планѣ. Мало того. Индивидуализмъ въ глазахъ Дюпонъ-Уайта является препятствіемъ къ прогрессу. Иначе это и быть не можетъ. Въ силу его теорій индивидуализмъ для него синонимъ эгоизма; эгоизмъ не способенъ на самоотверженіе, а всякій прогрессъ болѣе или менѣе есть актъ самоотверженія. „Чѣмъ больше люди знаютъ другъ друга, тѣмъ сильнѣе ихъ взаимная ненависть. Какъ только они сталкиваются, начинается ненависть.“ Плохой залогъ для общежитія! „Общее благо, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ въ другомъ мѣстѣ, не есть ни результатъ, ни предметъ человѣческихъ стремленій къ благосостоянію. Какъ бы ни называлось это стремленіе: эгоизмомъ, индивидуализмомъ, свободой — оно не думаетъ о соціальномъ прогрессѣ и не стремится къ нему“. Весь историческій порядокъ до появленія государствъ — эгоизмъ; все что̀ стоитъ внѣ государства — эгоизмъ; все индивидуальное—ложь. Любопытно взглянуть что̀ можно выстроить на этомъ основаніи.

Всякое дѣло, касающееся общей пользы, должно оставаться въ рукахъ государства. Поручать его обществу значитъ внести мелкія эгоистическія стремленія туда, гдѣ должно дѣйствовать высшее сознаніе. Всякая уступка обществу есть торжество индивидуализма. Нѣтъ общественныхъ интересовъ, которые бы въ то же время не были государственными. Внѣ государства можетъ быть только индивидуальная дѣятельность. Всякая организація индивидуальныхъ силъ есть уже естественная противница государства. Подобно тому какъ индивидуалисты, исходя изъ принципа личной свободы, требуютъ для провинціи политическихъ вольностей, Дюпонъ-Уайтъ, исходя изъ своей критики индивидуализма, боится, чтобы доля самостоятельности,

---

валъ пользы личной иниціативы. Есть, по его мнѣнію, области, гдѣ личный интересъ является достаточнымъ двигателемъ прогресса, какъ напримѣръ земледѣліе, промышленность, обмѣнъ.

предоставленная мѣстности, не повела къ распаденію государственной власти. Его воззрѣніе можно назвать антитезой индивидуализма, какъ труды де-Местра названы антитезой революціонныхъ теорій. Тамъ источникъ прогресса и правъ есть личность; здѣсь личность есть скорѣе источникъ зла, она получаетъ соціальный характеръ только подъ вліяніемъ государства, какъ представителя права и прогресса. Естественный выводъ ученія индивидуалистовъ: чѣмъ ближе къ личности, тѣмъ больше правъ; наибольшая сумма задачъ разрѣшается личною дѣятельностію, затѣмъ идетъ община, затѣмъ провинція и наконецъ государству предоставляется только то, что̀ необходимо для общихъ задачъ. Ученіе Дюпонъ-Уайта приводитъ къ противоположнымъ результатамъ. Для индивидуалистовъ децентрализація—законное пріобрѣтеніе личной свободы. Для Дюпонъ-Уайта централизація—непреложное условіе торжества государственной власти.

„Мы намѣрены, говоритъ онъ въ своей книгѣ о централизаціи, изучить здѣсь слѣдующій вопросъ: Полезно ли сосредоточить *суверенитетъ* въ одномъ мѣстѣ, или должно распространить его по мѣстностямъ, или между привилегированными классами: дворянствомъ, церковью etc. Необходимо знать, будутъ ли правительственныя задачи сосредоточены въ однѣхъ рукахъ, или государство *откажется* отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пользу мѣстностей или кастъ.“

По этому началу можно подумать, что авторъ не различаетъ административной и политической централизаціи. По крайней мѣрѣ иначе нельзя понять его вопросъ: будетъ ли правительство едино или многообразно? Но далѣе онъ различаетъ эти два вида централизаціи, и принимая во вниманіе, что необходимость политическаго единства не подвергается сомнѣнію, онъ объявляетъ, что единственнымъ предметомъ его изслѣдованій будетъ централизація административная. *

Что̀ же такое административная централизація для Дюпонъ-Уайта? Централизація, говоритъ онъ, похожа на законъ. Древніе опредѣляли законъ слѣдующимъ образомъ: *разумъ безъ страсти.* Не должно ли правительство, помѣщенное въ центрѣ, обладать именно этимъ качествомъ? Находясь

---

* *La Centralisation,* p. 2—5.

на извѣстномъ разстояніи отъ лицъ и мѣстностей, не будетъ ли оно чуждо ихъ страстямъ, холодно какъ цифра, все предано общему благу и справедливости? Надо быть чуждымъ *страсти*. Но это само по себѣ еще ничего не опредѣляетъ. Стремленіе къ общему благу, справедливости, великимъ открытіямъ тоже страсть и иногда очень сильная. Сенъ-Симонъ говоритъ даже, что для того чтобы дѣлать великія вещи надо быть *страстнымъ*. Мы увидимъ ниже, что книга Дюпонъ-Уайта тоже продуктъ страсти своего рода. Очевидно, авторъ разумѣетъ страсти эгоистическаго характера. *Такія* страсти извращаютъ правительственную дѣятельность, ихъ боится авторъ. Чѣмъ ближе къ недѣлимому, тѣмъ больше эгоизма, вотъ его вѣчный исходный пунктъ. Съ этой точки зрѣнія два призрака пугаютъ его воображеніе: въ прошедшемъ—привилегированныя сословія и феодализмъ, въ настоящемъ—индивидуализація общества. „Вамъ нравятся, говоритъ онъ индивидуалистамъ *, мечты простора и независимости для лицъ и для мѣстностей. Что же! Франція знала соціальную организацію, подходящую въ этому типу, который васъ соблазняетъ: разсѣянныя власти, суверенныя общины, личности существующія сами по себѣ. Феодализмъ былъ именно таковъ: если и царствовала анархія, за то индивидуализмъ разливался чрезъ край. И это самое отвратительное воспоминаніе, какое только сохранилось въ человѣческой памяти.“ Слѣдуетъ изложеніе всѣхъ невыгодъ феодальной системы, невыгодъ для общаго блага, для національнаго единства и т. д. Исторія не новая. Странно лишь то, что авторъ, обѣщая оставаться въ сферѣ вопросовъ административной централизаціи, говоритъ о феодализмѣ, который былъ не административною только, но и политическою децентрализаціей, въ которомъ дурно было не то что мѣстность имѣла извѣстную долю самостоятельности въ мѣстныхъ дѣлахъ, а то, что мѣстность заступала мѣсто государства, что она не только раздѣляла власть съ центральнымъ правительствомъ, но лишала его власти. Не менѣе странно слышать, что государство можетъ быть организмомъ, люди могутъ здѣсь являться патріотами, героями, а въ мѣстности они необходимо чуть не дикіе звѣри, готовые продать все изъ-за удо-

* Ibid. стр. 8.

влѣтворенія своихъ личныхъ интересовъ. Почему государство есть нѣчто большее чѣмъ простая совокупность недѣлимыхъ, а провинція, община только эманаціи индивидуализма, которыя, будучи предоставлены сами себѣ, могутъ дойдти до самыхъ вопіющихъ злоупотребленій *. Это подало поводъ Одиллону Барро сказать, что основа централизаціи презрѣніе къ человѣчеству.

Основа централизаціи во Франціи въ томъ, что дѣйствительно въ ней нѣтъ никакого организма кромѣ государства. Общество не представляетъ никакихъ признаковъ строенія. Что разрушеніе феодализма не было необходимо тождественно съ разрушеніемъ мѣстной самостоятельности, это признаютъ писатели индивидуалистической школы. И они любятъ иногда вспоминать о добромъ старомъ времени. Конечно, они дѣлаютъ это со всевозможными оговорками, колѣнопреклоненіями предъ началами 1789 года, но все-таки дѣлаютъ. Дюпонъ-Уайтъ остался вѣренъ своему взгляду до конца. Ни малѣйшей уступки прошлому. Что̀ разрушено, то разрушено. Индивидуализмъ признанъ неспособнымъ къ общественной дѣятельности. Онъ осужденъ во всѣхъ его проявленіяхъ: въ феодалѣ, общинѣ, парламентахъ, провинціи. Такъ и должно быть. Мѣстность навсегда должна остаться несовершеннолѣтнею по отношенію государству.

Дюпонъ-Уайтъ является, такъ сказать, поэтомъ революціи. Онъ видитъ очень хорошо, что централизація есть продуктъ не только правительства, но и общества. *Это національный фактъ* Франціи. Централизація не могла остановиться на организаціи правительственныхъ сферъ. Стремленіе къ единству, сосредоточивающее власть въ одномъ центрѣ, должно было въ одномъ же центрѣ сосредоточить работу общественной жизни, идей и мнѣній: отсюда преобладаніе столицы. Свобода въ мѣстности—индивидуализмъ, эгоизмъ, распущенность. Въ центрѣ она орудіе прогресса, противовѣсъ и контроль правительства. Такимъ образомъ въ централизованномъ государствѣ, въ видахъ единства направленія и дѣйствія, все должно помѣщаться въ центральныхъ учрежденіяхъ, причемъ мѣстные правительственные органы должны имѣть какъ можно меньше самостоятельности; осуществленіе же свободы обезпечивается: а) народнымъ представи-

* Ibid., стр., 54 и слѣд.

тельствомъ, b) представительствомъ центра, пропорціональнымъ качеству и могуществу мнѣній здѣсь сосредоточенныхъ; c) исключительнымъ значеніемъ столицы, созданной централизаціей, и которая есть готовый противовѣсъ исключительному вліянію исполнительной власти. *

Лучше не сформулировалъ бы централизацію Конвентъ. Но удивительно только, что послѣ столькихъ испытаній французскій умъ еще не убѣдился въ безполезности свободы въ Парижѣ, когда ея нѣтъ въ провинціяхъ. Что̀ значитъ народное представительство на верху, когда въ провинціяхъ нѣтъ признака жизни? Что̀ значитъ напряженіе общественнаго мнѣнія, сосредоточеніе умственныхъ силъ, экономическаго оборота въ столицѣ, когда провинція не имѣетъ ни общественнаго мнѣнія, ни журналистики, ни самостоятельной экономической дѣятельности? Вся эта комбинація ведетъ къ результатамъ, предсказаннымъ еще Лампе,—къ параличу частей и апоплексіи сердца. Рѣшительно Дюпонъ-Уайтъ поэтъ не только революціи, но и французскаго государственнаго устройства. Его лира настроена, правда, нѣсколько иначе чѣмъ труба индивидуалистовъ. Индивидуалисты увлекаются декларацією правъ человѣка, какъ ее поняла конституція 1791 года, съ прибавкой англійскаго самоуправленія. Дюпонъ-Уайтъ свободу, равенство, всѣ эти требованія революціи понялъ въ духѣ Конвента, Наполеона I и Наполеона III. Впрочемъ, нѣтъ! Наполеонъ III отступилъ отъ этого плана. Онъ начинаетъ сообщать мѣстнымъ правительственнымъ агентамъ больше власти чѣмъ они имѣли прежде. Декретъ 25-го марта 1852 г. началъ собой эру того что̀ Французы называютъ децентрализаціей. Въ 1861 и послѣдующихъ годахъ начала выраженныя въ немъ получили дальнѣйшее распространеніе. Эти акты чрезвычайно любопытны. Императоръ не соглашается въ нихъ съ школой централизаторовъ относительно выгодъ сосредоточенія власти въ одномъ мѣстѣ. „Принимая во вниманіе, говоритъ декретъ, что послѣ паденія имперіи злоупотребленія и излишества разнаго рода извратили принципъ нашей административной централизаціи, замѣнивъ быструю дѣятельность мѣстныхъ властей продолжительными формальностями центральной администраціи; что *направлять*

* Ibid., стр. 275—276.

можно издали, а хорошо управлять можно только вблизи; что слѣдовательно насколько нужно централизовать правительственную дѣятельность государства, настолько же необходимо децентрализовать чисто административную дѣятельность“ и т. д.

Это не совсѣмъ согласно съ выводами Дюпонъ-Уайта. Но противорѣчія императорскихъ декретовъ съ централизаціонною теоріей, идущія, повидимому, весьма далеко, суть только общія и въ подробностяхъ формальныя или, лучше сказать, кажущіяся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совокупность этихъ декретовъ служитъ лучшимъ средствомъ разрушить фантасмагорію централизаторовъ или, по крайней мѣрѣ, одну изъ существенныхъ ея частей, теорію преобладающей и *свободной* столицы.

Вопервыхъ, юристамъ не совсѣмъ ясна была мысль выраженная въ декретѣ 1852 года. Въ немъ выражено, говоритъ Шевильяръ, только желаніе замѣнить медленность центральнаго управленія быстротой мѣстныхъ властей. Но о какихъ мѣстныхъ властяхъ здѣсь говорится? Идетъ ли здѣсь рѣчь о выборныхъ муниципальныхъ должностяхъ, этой основѣ мѣстнаго самоуправленія, или дѣло состоитъ въ передачѣ префекту тѣхъ вопросовъ, которые прежде разрѣшались министерствомъ и главой государства? Постановленія декрета разрѣшаютъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Префектъ одинъ выигрываетъ отъ этой перемѣны.

Министерскіе циркуляры напрасно стараются замаскировать это стремленіе. Вотъ что̀ говорится въ одномъ изъ нихъ: „Г. префектъ, мысль, диктовавшая декретъ 25-го марта, имѣла въ виду дать департаменту болѣе *личное существованіе* и для этого *дала вамъ* больше свободы въ управленіи тѣми вопросами, которые до него касаются.“ Вотъ настоящая децентрализація! Дѣло идетъ о *личности* департамента, и для этого усиливаютъ не значеніе такъ-называемыхъ генеральныхъ совѣтовъ, а власть префектовъ!

Весьма естественно, что въ лагерѣ децентрализаторовъ такая децентрализація не произвела благопріятнаго впечатлѣнія. Они отозвались объ этихъ декретахъ невыгодно и даже невѣжливо. Барантъ въ своей книгѣ *Des communes et de l'aristocratie*, такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: „Въ послѣднее время придумали передать префектамъ нѣкоторые аттрибуты департаментовъ, чтобъ уменьшить, какъ гово-

рятъ, централизацію. Но въ сущности это значитъ менѣе контролировать дѣйствія агентовъ абсолютной власти; это значитъ идти тѣмъ же путемъ, который привелъ къ такому быстрому вырожденію должности интендантовъ.“

Другой писатель, г. Фьеве (Fievée), выражается еще рѣзче: „Децентрализація 1852 года есть домашняя сдѣлка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и префектами; онъ предоставляетъ послѣднимъ ничтожныя подробности, восходившія прежде въ Парижъ, и это называется *уничтоженіемъ стѣсненій*, установленныхъ излишнею наклонностію къ централизаціи.... Префектамъ, какъ странствующимъ прикащикамъ (commis-voyageurs) министра, предоставлено то, что надобло дѣлать его осѣдлымъ прикащикамъ (commis-fixes), и чего они часто не дѣлали. Дѣло пойдетъ скорѣе, говорятъ намъ; но пойдетъ ли лучше и въ болѣе благопріятномъ смыслѣ для свободы?“

Сказаннаго нами, полагаемъ, достаточно, чтобы выставить, какъ неоспоримое положеніе, что централизація есть произведеніе національной исторіи Франціи и тѣхъ исключительныхъ условій, которыя, быть-можетъ, неповторимы въ другой странѣ. Дюпонъ-Уайтъ говоритъ, что для самоуправленія нужна особенная раса людей. Принимая подъ словомъ раса столь же физіологическій, сколько и политическій фактъ, мы можемъ сказать, что для осуществленія такой централизаціи, какъ во Франціи, нужны особыя племенныя качества и исключительныя политическія условія. Страна, не испытавшая такихъ коренныхъ преобразованій, національность которой не представляетъ безформенной массы людей, между которыми единственное учрежденіе—государство; страна, гдѣ общество не породило еще взамѣнъ всякихъ организмовъ одно живое тѣло—столицу, въ такой странѣ можетъ ли идти рѣчь о централизаціи? Но во Франціи централизація несомнѣнно имѣетъ глубоко національное значеніе. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ общественному мнѣнію, или политическимъ мыслителямъ, приходилось серіозно высказываться о значеніи централизаціи, они не колеблясь утверждали ея необходимость.

Еще въ тѣ времена, когда Наполеонъ III не раздражалъ политическихъ страстей, когда, слѣдовательно, возможно было спокойное обсужденіе административныхъ вопросовъ,

замѣчательные публицисты и государственные люди осуждали децентрализацію.

Карменень является главнымъ представителемъ такого направленія. Его можно назвать основателемъ новѣйшаго французскаго административнаго права. * „Предоставьте большей половинѣ нашихъ общинъ, говоритъ онъ, свободу дѣйствовать или не дѣйствовать, и у насъ не будетъ ни учителей, ни солдатъ, ни священниковъ, ни проселочныхъ дорогъ, ни большихъ проселочныхъ дорогъ, ни департаментскихъ дорогъ, ни первоначальныхъ школъ, ни поземельнаго налога etc.... У насъ платятъ только потому, что законъ говоритъ: платите. Дѣлаютъ то или другое, потому что законъ гласитъ: дѣлайте.“

Вивьенъ не принадлежитъ къ числу крайнихъ централизаторовъ, онъ не поетъ ей, подобно Карменену, дивирамбовъ, напротивъ, онъ представляетъ рѣдкое безпристрастіе по отношенію къ этому богу Французовъ. Онъ сомнѣвается въ вѣрности предположенія г. Тьера, что вся Европа завидуетъ французской централизаціи. Онъ видитъ ясно, что доведенная до крайности, она убиваетъ свободу, порождаетъ рабство. Но, говоритъ онъ, „несмотря на глубокія измѣненія, внесенныя парламентскимъ правительствомъ, централизація все еще есть основный фактъ нашей администраціи. Вѣками сложилась эта система, и къ этой продолжительной школѣ примѣнились и нравы, поддерживающіе значеніе централизаціи. Вслѣдствіе постояннаго вмѣшательства центральнаго правительства во всѣ дѣла, граждане отвыкли отъ личной дѣятельности. Всѣ сбрасываютъ съ себя личную отвѣтственность; отъ центральнаго правительства ожидаютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше ему сдѣлано уступокъ, и если французскій умъ щедръ на критику этого правительства, личныя честолюбія не стараются занять его мѣсто. Положеніе, въ какомъ находится общество, семья и собственность, поддерживаетъ это направленіе. Нѣтъ болѣе гражданскихъ состояній, готовыхъ вступить въ конкурренцію съ государствомъ для удовлетворенія публичныхъ обязанностей, законъ о раздѣлѣ имуществъ * раздробляетъ

---

* Робертъ фонъ-Моль признаетъ его заслуги, хотя по своимъ воззрѣніямъ склоняется на сторону децентрализаторовъ, съ точки зрѣнія личной свободы. См. его *Gesch. und Lit. der Staatswiss.* III. 203, 206.

наслѣдство и разсѣиваетъ плодъ долгихъ трудовъ и сбереженій. Нѣтъ болѣе великихъ именъ, посвятившихъ себя патріотическимъ дѣламъ: стремленіе къ ревнивому равенству ихъ отстраняетъ или безпокоитъ. Нѣтъ болѣе религіозныхъ обществъ, съ большими доходами и обширнымъ патронатомъ; законъ ихъ не признаетъ; нравы воздвигаютъ стѣны между ними и интересами этого міра. Дѣятельность каждаго сосредоточивается въ развитіи своего благосостоянія и созерцаніи своихъ домашнихъ интересовъ. Среди этого крушенія крупной собственности, наслѣдственнаго вліянія и личнаго патріотизма, правительство располагаетъ обширными средствами, его патронатъ не знаетъ границъ, оно является посредникомъ во всѣхъ общественныхъ затрудненіяхъ, раздавателемъ всѣхъ милостей, исполнителемъ всѣхъ великихъ предпріятій."

Авторъ *Etudes administratives* принадлежитъ къ числу дѣятелей 1848 года, когда началось обсужденіе проектовъ преобразованія французской администраціи. Французское національное собраніе категорически высказалось по этому предмету. Бешаръ, авторъ сочиненія о внутреннемъ управленіи Франціи (*L'administration intérieure de la France* 1851), и одинъ изъ горячихъ защитниковъ децентрализаціи, г. Радо, возбудили вопросъ объ этомъ предметѣ въ одномъ изъ засѣданій собранія. Два члена произнесли рѣчи, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбу спора. Дюфоръ и Буленвилье провозгласили, что правительство дало личной свободѣ все, чего отъ него можно ожидать; мало того: что оно осуществляетъ эту свободу лучше чѣмъ могло бы осуществить его мѣстное управленіе.

Итакъ, всѣ писатели и авторы на сторонѣ этого страннаго явленія. Даже такіе публицисты какъ Вивьенъ, которые ничего не имѣютъ противъ самоуправленія, даже иногда обращаютъ свои взоры на Англію, и они говорятъ: нѣтъ личности, а потому не можетъ быть самоуправленія. Ниже мы еще увидимъ эту связь личности съ самоуправленіемъ, а теперь укажемъ одинъ любопытный фактъ.

Извѣстно, что въ настоящее время одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ внутренняго управленія Франціи есть вопросъ о сооруженіи проселочныхъ дорогъ (такъ-называемыхъ chemins vicinaux). Въ августѣ 1867 года императоръ рѣшился энергически подвинуть это дѣло впередъ,

съ тѣмъ чтобы въ десять лѣтъ всѣ сооруженія были кончены. Энергія правительства представляется неизлишнею. Дѣятельность общинъ, на которыя прежде возложено было это дѣло, не удовлетворяла своему назначенію. Вотъ что говоритъ французскій министръ внутреннихъ дѣлъ: * „Сооруженіе проселочныхъ дорогъ, возложенное законодательствомъ 1791 г. на общины, въ теченіе полустолѣтія исполнялось медленно и съ большимъ равнодушіемъ. Законъ 1824 г. предоставившій въ распоряженіе муниципальныхъ совѣтовъ новыя средства, не могъ подстрекнуть ихъ усердіе: они заботились больше объ обязанностяхъ настоящаго чѣмъ о выгодахъ будущаго времени. Вслѣдствіе этого за все время до 1836 г. дорогъ было выстроено не болѣе какъ на 30.000 килом., тогда какъ по разчету, сдѣланному настоящею администраціей, проселочныя дороги занимаютъ 354.000 кил., кромѣ большихъ и среднихъ дорогъ, гдѣ работы идутъ успѣшнѣе, благодаря дѣятельности департаментовъ и помощи правительства. Правда, послѣ закона 1836 г. работы пошли успѣшнѣе; 118.000 килом., сооружено вновь; на 68 тыс. начались работы, но остается еще 168 тыс., которыя такъ или иначе нужно соорудить, въ видахъ интересовъ земледѣлія и промышленности.“ Вотъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ пробныхъ камней способности народа къ самоуправленію! Наше новорожденное земство уже конкуррируетъ съ правительствомъ относительно построенія желѣзныхъ дорогъ; при ничтожныхъ средствахъ, окруженное всевозможными препятствіями, оно подвигается впередъ, упрочивая будущность русскаго самоуправленія....

Но пора закончить нашъ длинный обзоръ французской литературы о провинціи. Мы можемъ уже вывести изъ него нѣкоторыя положенія, которыя будутъ необходимы для нашего дальнѣйшаго изложенія.

V.

Мы указывали на запутанность понятій, вслѣдствіе которой по отношенію къ вопросу о провинціи такъ перемѣшались между собою партіи, раздѣляющія французское общество. Либералы являются здѣсь консерваторами, консерваторы либералами. Вивьенъ приводитъ въ связь съ развитіемъ централи-

---

* См. *Moniteur* 18 Aout. 1867 г.

заціи падекіе крупной собственности и наслѣдственныхъ отличій; на тѣхъ же соображеніяхъ проклинаютъ ее легитимисты, и Октавъ Фелье, въ своемъ *Господинѣ де-Каморѣ* недаромъ влагаетъ горячія рѣчи въ пользу самостоятельности провинцій въ уста легитимиста. Централизація даетъ большое значеніе власти, и между тѣмъ именно среди поклонниковъ власти встрѣчаются ея сильные противники. Она стѣсняетъ личную свободу, и именно защитники свободы воспѣваютъ ея величіе и благодѣянія (достаточно вспомнить Тьера). Имперіалистская газета *Patrie* говоритъ, обращаясь къ г. Реньйо, заявляющему себя вѣрнымъ сыномъ „великихъ началъ 1789 года“: „До настоящаго времени главные враги централизаціи во Франціи выходили изъ рядовъ приверженцевъ стараго порядка. Къ чему же голосъ революціонера присоединяется къ хору старой аристократіи?“ Жюль Симонъ, говоря о децентрализаціи, какъ о единственномъ способѣ административнаго преобразованія, заранѣе слагаетъ съ себя упреки революціонной партіи. „Произнося слово децентрализація, говоритъ онъ, мы знаемъ, что многіе подозрительные умы подумаютъ, будто мы желаемъ покинуть то, что̀ устанавливаетъ національное единство, что̀ составляетъ силу демократіи противъ феодализма и Франціи противъ Европы.“ Вопросъ слѣдовательно поставленъ такъ, что каждый кто хочетъ говорить о провинціи, какъ о живомъ организмѣ, навлекаетъ на себя подозрѣніе въ федерализмѣ и феодализмѣ. Единственное средство провести свои теоріи есть протестовать противъ централизаціи во имя личной свободы. Такъ и дѣлаютъ Симонъ и всѣ писатели одного съ нимъ направленія. Но и это не обезпечиваетъ ихъ отъ нападокъ друзей революціи, которые являются въ этомъ случаѣ раздѣляющими вполнѣ убѣжденія защитниковъ имперіализма. Это, замѣчаетъ г. Ле-Пле,* единственный пунктъ, гдѣ эти двѣ противоположныя партіи примиряются и дѣйствуютъ дружно. Провинціяльный духъ кажется подозрительнымъ революціонерамъ. Они помнятъ, что провинція стараго порядка, въ особенности тѣ, гдѣ господствовала сельская жизнь, мало сочувствовали и даже прямо противились революціи, возглашенной Парижемъ и другими большими городами. Возстановленіе провинціализма будетъ-де препятствовать окончa-

* *La Reforme sociale en France II,* p. 491.

тельному осуществленію началъ 1789 г.; развитіе провинціяльнаго самоуправленія внесетъ-де въ политическую жизнь всѣ мелкія страсти, которыя вредно отзовутся на національномъ единствѣ.

Такъ несовершенна теоретическая постановка вопроса о провинціи во французской литературѣ. Причина этого несовершенства зависитъ отъ построенія всей системы на одномъ отвлеченномъ началѣ, способномъ ко всевозможнымъ толкованіямъ, видоизмѣненіямъ и даже неожиданнымъ превращеніямъ. Подобно всѣмъ понятіямъ отрицательнаго характера, свобода не носитъ въ себѣ указанія на какую-либо положительную организацію. Напротивъ, самыя разнообразныя организаціи способны прикрываться ея именемъ. Между свободой и децентрализаціей нѣтъ такой необходимой, причинной связи, какъ полагаютъ ея защитники. Чью свободу имѣютъ они въ виду? Большинства, потому что оно явится главнымъ дѣйствующимъ элементомъ мѣстнаго управленія. Но что же будетъ дѣлать меньшинство въ тѣхъ случаяхъ, когда право будетъ на его сторонѣ? Пользованіе своими правами есть одинъ изъ существенныхъ видовъ свободы, а не доказано, чтобы мѣстное управленіе служило единственною гарантіей этихъ правъ. Далѣе, само большинство будетъ не всегда составляться въ силу стремленія массъ къ одному общему интересу; напротивъ, оно будетъ составляться иногда подъ вліяніемъ элементовъ чуждыхъ общему интересу. Вліянія крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и даже мѣстной администраціи могутъ замѣнить эту предполагаемую общественную волю. Во всякомъ случаѣ, борьба общественныхъ элементовъ неизбѣжна и можетъ кончиться въ ущербъ самымъ существеннымъ интересамъ общества и государства. Не лучше ли же оставить администрацію въ рукахъ единаго, сильнаго правительства, способнаго осуществить общее благо, правительства, котораго независимая дѣятельность дѣйствительно оградитъ свободу всѣхъ и каждаго? И притомъ о какой свободѣ идетъ здѣсь рѣчь? Децентрализаторы напираютъ на политическую свободу, безъ которой невозможны всѣ другіе виды ея. Централизаторы настаиваютъ на общественной или, лучше сказать, гражданской свободѣ, которая лучше всего можетъ быть ограждена государствомъ. И, можетъ-быть, послѣдніе болѣе правы чѣмъ первые. Новыя государства, относительно понятія свободы, рѣзко отличаются отъ государствъ

древнихъ. Въ древности степень не только политической, но и всякой свободы гражданина опредѣлялась участіемъ его въ народномъ собраніи, въ судѣ и администраціи. Изъ политической свободы вытекали всѣ остальные ея виды. Но въ новомъ государствѣ для человѣка явилась возможность, быть свободнымъ, не участвуя въ политической жизни страны; не участвуя въ палатахъ, въ земскомъ управленіи, не подавая голоса въ законодательствѣ и судѣ, современный гражданинъ можетъ быть свободенъ какъ отецъ, какъ промышленникъ, какъ членъ религіознаго общества, какъ писатель, ученый, и по отношенію къ этимъ видамъ свободы еще Богъ знаетъ гдѣ можно встрѣтить больше гарантій, въ мѣстномъ или въ центральномъ управленіи.

Слѣдовательно, исходя изъ понятія свободы, не всегда можно придти къ децентрализаціи. Послѣдняя предполагаетъ существованіе извѣстныхъ организмовъ, облеченныхъ извѣстными правами надъ отдѣльными личностями. Вслѣдствіе этого, кромѣ государственной власти, явится еще рядъ другихъ властей, имѣющихъ возможность располагать имуществомъ и, до нѣкоторой степени, свободой согражданъ. Этой оборотной стороны дѣла обыкновенно не видятъ децентрализаторы. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія личной свободы, нѣтъ ничего естественнѣе вопроса, что̀ лучше—непосредственное отношеніе каждаго гражданина къ общей государственной власти и ея органамъ, или установленіе новаго порядка властей, съ двойнымъ, такъ-сказать, подчиненіемъ личности? Централизаторы говорятъ, что если имѣть въ виду личную свободу, то нѣтъ ничего выгоднѣе помѣщенія власти въ одномъ верховномъ организмѣ, свободномъ отъ всѣхъ мелкихъ общественныхъ страстей. Напротивъ, власть низведенная въ подчиненные организмы отразится вредно на свободѣ отдѣльныхъ людей. И не правы ли они?

Самоуправленіе есть прежде всего *жертва*, приносимая свободой общему благу. Вслѣдствіе этого ей иногда приходится переносить тиранію мѣстныхъ властей, *облеченныхъ довѣріемъ общества.* Самоуправленіе требуетъ больше денегъ, больше людей, больше времени, словомъ, на него расходуется больше частной *свободы* чѣмъ думаютъ децентрализаторы. Это одинъ изъ видовъ распредѣленія *власти.* Если вопросъ о самоуправленіи долженъ быть изучаемъ въ государственномъ правѣ, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ

быть сопоставленъ съ высшимъ, основнымъ элементомъ этой науки, съ понятіемъ *власти*. Какое бы установленіе, отношеніе, право мы ни разсматривали съ точки зрѣнія этой науки, вездѣ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоятъ изслѣдуемые предметы къ государственной власти?

Подъ вліяніемъ этой общей идеи видоизмѣняется смыслъ разныхъ понятій, а иногда они получаютъ два различные смысла. Слово *право*, означающее въ правѣ гражданскомъ возможность пріобрѣтенія или распоряженія тѣми или другими вещами въ виду своихъ личныхъ интересовъ, въ государственной наукѣ означаетъ долю власти, данной тому или другому лицу для осуществленія извѣстныхъ интересовъ болѣе или менѣе общаго свойства. Такимъ же образомъ слово *свобода* означаетъ или независимость лица отъ государства въ сферѣ его индивидуальной дѣятельности, или участіе гражданъ въ государственномъ управленіи. Гражданинъ можетъ быть свободенъ или потому, что онъ можетъ свободно заниматься своею экономическою дѣятельностію, или потому, что онъ составляетъ часть государственной власти. Какъ будемъ мы разсматривать *право* и *свободу* органовъ самоуправленія?

Децентрализаторы основываютъ необходимость и законность самоуправленія на личной свободѣ, то-есть на индивидуализмѣ. Индивидуализмъ имѣетъ самъ по себѣ нѣкоторыя хорошія стороны, преимущественно же онъ привлекателенъ тою свободой дѣйствій въ частной жизни, къ которой необходимо приводитъ. Но оцѣнка его, *какъ принципа общественной жизни*, привела централизаторовъ къ справедливымъ и важнымъ возраженіямъ. Ихъ критика, какъ мы видѣли, можетъ логически дойдти до полнаго отрицанія индивидуализма въ общественной жизни. *Но могутъ ли они дойдти до отрицанія разнообразныхъ интересовъ въ обществѣ?* Могутъ ли они отрицать положеніе, что каждый интересъ порождаетъ особое учрежденіе, а совокупность интересовъ вызываетъ къ жизни цѣлые организмы?

Свобода является послѣдствіемъ и условіемъ мѣстнаго самоуправленія, а не его принципомъ и источникомъ. Притомъ свобода эта будетъ уже не личная, а общественная. Свобода эта имѣетъ въ виду больше массу чѣмъ отдѣльное лицо.

Она устанавливается въ видахъ общаго блага, а не въ виду правъ отдѣльныхъ личностей. Призваніе гражданъ къ правительственной дѣятельности влечетъ за собой сообщеніе имъ извѣстныхъ правъ, необходимыхъ для такой дѣятельности. Затѣмъ, въ видахъ огражденія личныхъ интересовъ, остальной массѣ гражданъ предоставляется право обсужденія дѣйствій своихъ представителей, право жалобы на нихъ въ суды и т. д., словомъ, вводится гласность и свобода обсужденія. Въ этомъ смыслѣ свобода есть послѣдствіе самоуправленія и въ этомъ качествѣ тѣсно связана съ его принципомъ. Самоуправленіе съ вытекающею изъ него свободой есть результатъ разнообразныхъ интересовъ, которые не могутъ быть удовлетворены дѣятельностію центральнаго правительства. Жизнь разнообразныхъ организмовъ, входящихъ въ составъ государства, не всегда можетъ быть уложена въ законодательныя рамки; программа дѣятельности органовъ правительства, которымъ поручается осуществленіе государственныхъ задачъ, не всегда можетъ быть опредѣлена. Вслѣдствіе этого каждый органъ исполнительной власти пользуется извѣстною долей власти, нерегулированною прямо закономъ. Это то, что во французскомъ административномъ правѣ называется pouvoir discrétionnaire. Необходимость этой власти растетъ по мѣрѣ приближенія органовъ власти къ самому источнику народной жизни со всѣмъ ея разнообразіемъ, по мѣрѣ того какъ они съ высоты общихъ соображеній и общаго направленія административной дѣятельности, спускаются въ сферу сложныхъ практическихъ соображеній. Но мы уже видѣли выше, что какъ бы ни былъ великъ объемъ этой власти и велико усердіе этихъ органовъ, они не могутъ исчерпать всѣхъ задачъ общественной жизни и удовлетворить всѣмъ ея интересамъ. Отсюда необходимость участія въ правительственной дѣятельности общественныхъ органовъ и тѣсно-связанное съ нимъ сообщеніе имъ правъ. Въ этомъ смыслѣ свобода есть условіе самоуправленія.

Это не есть споръ о словахъ. Свобода—начало индивидуальное; она всегда имѣетъ въ виду лицо. Коллективная свобода, то-есть свобода въ массѣ или, лучше сказать, въ группѣ, не тождественна съ идеей свободы вообще. Человѣкъ можетъ быть свободенъ какъ членъ того или другаго организма, но порабощенъ какъ отдѣльная личность. Истинная свобода осуществляется въ независимости отдѣльныхъ личностей.

Многія государства умѣютъ освятить свободу парламента, форума, но не знаютъ истинной неприкосновенности семейнаго очага. Классическая муниципія была свободна, но члены ея не были свободны, и истинная свобода не осуществилась въ древнемъ мірѣ. Осуществленіе ея началось съ эмансипаціи личности, доведенной до послѣднихъ границъ въ естественномъ правѣ, которое до настоящаго времени осталось юридическимъ ученіемъ либеральной школы, какъ конституціонализмъ ея политическою теоріей *. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, являясь такимъ индивидуальнымъ, атомистическимъ началомъ, свобода по отношенію къ общежитію есть начало отрицательное. Идея организаціи не есть логическій выводъ изъ него. Равновѣсіе силъ, ненарушеніе правъ, вотъ его послѣдній результатъ. Чего требуетъ свобода въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку? Послушаемъ декларацію правъ, этотъ символъ вѣры естественнаго права. „Право каждаго состоитъ въ развитіи своихъ способностей, ограниченномъ единственно подобнымъ же правомъ другихъ лицъ. *Обязанность* каждаго состоитъ въ уваженіи права другаго.“ ** Изъ такого соотношенія личностей нельзя вывести ничего, кромѣ цѣлаго ряда механизмовъ, имѣющихъ цѣлію установить равновѣсіе между этими различными правами.

Между тѣмъ понятіе о государствѣ на этомъ не могло остановиться. Государство служитъ прогрессу, вопервыхъ, тѣмъ что запрещаетъ зло и, вовторыхъ, тѣмъ что дѣлаетъ добро, которое не всегда можно оставить на попеченіе личной дѣятельности. Для выясненія этой стороны его дѣятельности недостаточно одного понятія свободы. Для органическаго ученія о государствѣ и сродныхъ съ нимъ организмахъ необходимо понятіе *интереса*. Если мы желаемъ построить правильное ученіе о группахъ, организмахъ, какими должны быть само государство и всѣ подчиненныя ему установленія, мы должны обратиться къ понятіямъ прямо противоположнымъ идеѣ недѣлимаго. Идея свободы ведетъ къ идеѣ атомистическаго общества, опредѣляетъ положеніе въ немъ государства лишь какъ уравновѣшивающаго механизма, не давая ему самобытнаго существованія. Группа должна имѣть свою цѣль и свои начала, независи-

---

* См. Шталь: *Gesch. d. phil. d. R.*

** *Déclaration des droit de l'homme*, art. 7, 8.

мыя отъ идеи недѣлимаго. Она находитъ ихъ въ идеѣ интереса. Сама по себѣ эта идея, конечно, можетъ относиться къ личности такъ же какъ и къ государству и сроднымъ съ нимъ организмамъ. Точно также и свободу мы можемъ разсматривать и какъ общественный, и какъ индивидуальный фактъ. Но дѣло въ томъ, что свобода и интересъ въ этихъ двухъ сферахъ приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Понятіе интереса для полнаго своего развитія нуждается *въ группѣ*. Выходя единственно изъ идеи свободы, естественное право дошло до отрицанія національности, до космополитизма; тѣмъ менѣе можно ожидать отъ этого начала признанія какого бы то ни было историческаго организма. Выходя изъ началъ простой логической необходимости и всеобщей свободы, мыслители, подготовившіе *начала* 89 г., развиваемыя теперь французскою публицистикой, дошли до отрицанія всякаго историческаго строенія общества. Напротивъ, идея интереса не сходитъ съ практической почвы историческаго развитія и требуетъ для себя извѣстнаго общественнаго строенія. Въ группѣ находитъ она истинное выраженіе и дальнѣйшее развитіе. Здѣсь ея истинная сфера, здѣсь она получаетъ свое настоящее значеніе. Замкнутая въ индивидуальную сферу, она тождественна съ эгоизмомъ и не можетъ сдѣлаться высшимъ началомъ общежитія. Подобно тому какъ свобода достигаетъ своего высшаго развитія въ личности, интересъ получаетъ всеобщее, идеальное значеніе въ группѣ. Свобода осуществленная только въ группѣ приведетъ къ деспотизму. Интересъ, осуществленный только въ отдѣльной личности, приводитъ къ борьбѣ, къ bellum omnium contra omnes Гоббса, потрясаетъ самыя основы общежитія. Только превращаясь въ понятіе *общаго блага*, онъ становится животворящимъ принципомъ соціальнаго организма. А такое превращеніе можетъ произойдти только въ томъ случаѣ, когда идея интереса постепенно очищается отъ эгоистическихъ элементовъ въ цѣломъ рядѣ организмовъ, соединяющихъ отдѣльную личность съ государствомъ, гдѣ идея общаго блага находитъ высшее выраженіе и окончательное развитіе. Въ этомъ великое значеніе государства; въ этомъ неоспоримое значеніе другихъ группъ и организмовъ, развившихся въ государствѣ и прежде него. Они очищаютъ интересы отъ всего, что̀ въ нихъ есть

индивидуальнаго, и претворяютъ ихъ въ общія цѣли или, что то же, въ принципы общежитія.

Такіе интересы не должно смѣшивать съ частною пользой, частными интересами, которые всегда и вездѣ должны находить себѣ законное удовлетвореніе. Но не должно видѣть въ группахъ простое продолженіе частныхъ интересовъ, подъ общимъ благомъ не слѣдуетъ разумѣть совокупность частныхъ пользъ. Общее благо есть именно то, что̀ не состоитъ въ непосредственной связи съ частною пользой. Обыденный языкъ инстинктивно формулировалъ это. Извѣстна поговорка: „общее дѣло—ничье дѣло“. Та же самая обыденная жизнь даетъ намъ и другое указаніе. Никто не станетъ хвалить человѣка за то, что онъ уладилъ свои собственныя дѣла; напротивъ, всѣ чувствуютъ невольное почтеніе къ полезному общественному дѣятелю. Значитъ, здѣсь есть какая-то глубокая разница, которая инстинктивно чувствуется всѣми. Отождествить такіе интересы съ интересами личными и сдѣлать ихъ принципомъ личную свободу значитъ не понимать истиннаго смысла государства и другихъ общественныхъ организмовъ.

Съ этой точки зрѣнія самое выраженіе *самоуправленіе* пріобрѣтаетъ другое значеніе или, лучше сказать, пріобрѣтаетъ опредѣленное значеніе, тогда какъ иначе оно имѣетъ столь же неопредѣленный и разнообразный смыслъ, какъ понятіе личная свобода, выставляемое его принципомъ. * Самоуправленіе рѣзко отличается отъ политической самостоятельности частей государства. Оно необходимо предполагаетъ существованіе сильнаго центральнаго правительства, которому органы самоуправленія подчиняются наравнѣ съ органами этой самой власти. Самоуправленіе прежде всего дѣйствуетъ въ предѣлахъ закона, установленнаго тою же общею для всѣхъ верховною властію.

Оно предполагаетъ предварительное раздѣленіе вѣдомствъ, разграниченіе властей и послѣдующее за тѣмъ распредѣленіе правительственныхъ задачъ между органами правительства и органами самоуправленія. Въ этомъ отношеніи оно рѣзко отличается отъ тѣхъ первобытныхъ формъ мѣстнаго

---

* Относительно этихъ и послѣднихъ замѣчаній см. классическій трудъ Л. Штейна: *Verwaltungslehre* I, стр. 363 и сл., хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ съ нимъ можно согласиться.

управленія, которыми централизаторы любятъ попрекать своихъ противниковъ, отъ формъ феодальныхъ, покоившихся на полномъ смѣшеніи властей и вѣдомствъ.

Оно отличается и отъ простаго перемѣщенія власти изъ центра въ мѣстность, то-есть отъ того, что можно назвать децентрализаціей въ тѣсномъ смыслѣ. Напротивъ, при самоуправленіи, кромѣ простаго перемѣщенія, предполагается еще новая организація власти, участіе въ администраціи новыхъ элементовъ, не участвовавшихъ въ ней прежде.

Наконецъ, самоуправленіе не есть освобожденіе личности доведенное до послѣднихъ предѣловъ. Вопросъ о самоуправленіи есть вопросъ объ организаціи власти, а не о предѣлахъ этой власти и ея правахъ надъ отдѣльною личностью. Въ самоуправленіи всегда идетъ рѣчь объ общихъ, а не о частныхъ интересахъ. Масса, группа въ немъ выигрываетъ, то или другое отдѣльное лицо можетъ проиграть. Тѣмъ не менѣе, право участія каждаго гражданина въ самоуправленіи не подлежитъ сомнѣнію. Система, построенная на исключительныхъ интересахъ одного сословія, можетъ привести къ самымъ вреднымъ результатамъ. Въ этомъ смыслѣ самоуправленіе есть участіе всѣхъ общественныхъ классовъ въ администраціи. Самоуправленіе прежде всего государственное явленіе, то-есть предполагаетъ существованіе сильной и единой государственной власти. Существованіе такой власти отражается на общественномъ строѣ тѣмъ, что ставитъ *каждаго гражданина* въ непосредственное отношеніе къ верховной власти, отъ которой онъ былъ заслоненъ различными организмами и лицами до полнаго осуществленія государственнаго порядка. То же непосредственное отношеніе всѣхъ гражданъ къ государственной власти обезпечиваетъ ихъ свободу и уничтожаетъ возможность мѣстнаго деспотизма. Въ этомъ отношеніи должно различать самоуправленіе въ новомъ смыслѣ отъ общаго понятія о самоуправленіи, какъ о правительственной дѣятельности неправительственныхъ лицъ. Самоуправленіемъ нельзя назвать ту или другую форму администраціи потому только, что она не основана на дѣятельности чиновниковъ. Сосредоточеніе всѣхъ земскихъ интересовъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, облеченныхъ правомъ суда, вотчинной полиціи, не будетъ самоуправленіемъ, а остаткомъ средневѣковыхъ порядковъ. Самоуправленіе начинается съ призванія всѣхъ заинтересованныхъ

лицъ къ завѣдыванію мѣстными интересами. Слѣдовательно, политическое равенство и предварительная организація общества есть признакъ новаго самоуправленія.

Политическое равенство, впрочемъ, не находитъ себѣ въ мѣстномъ управленіи такого широкаго примѣненія какъ въ сферѣ общегосударственной. Это объясняется исключительностью, спеціальностью интересовъ мѣстности и мѣстной администраціи. По отношенію къ послѣдней принципъ равенства по необходимости подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ. Признавая равныя политическія права всѣхъ лицъ предъ государствомъ, законодательство иногда должно ограничивать эти права въ управленіи мѣстномъ, вслѣдствіе спеціальности нѣкоторыхъ задачъ возложенныхъ на мѣстное управленіе. Самоуправленіемъ нѣкоторые писатели называютъ такую систему управленія, гдѣ администрація поручается всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ. Законодательная практика нѣкоторыхъ государствъ прибавляетъ къ этому положенію, что участіе это опредѣляется степенью интереса, который эти лица могутъ имѣть въ томъ или другомъ дѣлѣ. Столько правъ, сколько интереса. Это практическое положеніе идетъ, вопервыхъ, въ разрѣзъ съ обыкновеннымъ понятіемъ о мѣстномъ управленіи, какъ проявленіи личной свободы, а вовторыхъ, опредѣляетъ условія мѣстнаго самоуправленія со всѣми его особенностями.

Въ часто-политической, общегосударственной сферѣ положеніе, что мѣра участія отдѣльнаго лица въ политической жизни опредѣляется степенью его интересовъ въ томъ или другомъ вопросѣ, могло бы оказаться практически непримѣнимымъ. Политическія дѣла въ такой степени общи, вопросы до такой степени отвлеченны, что для опредѣленія того, въ какой степени тотъ, или другой гражданинъ заинтересованъ въ нихъ, нужно было бы пуститься въ психологическій анализъ, отвлеченныя умозрѣнія, неумѣстныя въ практической сферѣ политики. Подобные интересы общи всѣмъ гражданамъ государства и притомъ, если не de facto, то de jure, въ одинакой степени. Напротивъ, по отношенію къ мѣстному управленію интересы спеціальнѣе, а потому осязательнѣе, доступнѣе измѣренію. Принимая во вниманіе, что задачи мѣстнаго самоуправленія характеризуются хозяйственными нуждами края, слѣдовательно элементами экономическими, доступными ис-

численію, степень интереса можетъ быть выражена въ цифрахъ. Тотъ, напримѣръ, кто платитъ 200 руб. налогу, болѣе заинтересованъ въ порядочномъ веденіи дѣлъ чѣмъ тотъ кто платитъ 1 руб. Каждая надбавка чувствительнѣе отзовется на человѣкѣ, которому она принесетъ нѣсколько десятковъ рублей лишнихъ платежей, чѣмъ на человѣкѣ, для котораго разница выразится въ нѣсколькихъ копѣйкахъ. Слѣдовательно, здѣсь степень интереса удобно можетъ опредѣлять мѣру правъ.

Одинъ этотъ признакъ опредѣляетъ уже сферу мѣстнаго управленія, какъ сферу конкретныхъ, спеціальныхъ интересовъ, въ противоположность общимъ, болѣе отвлеченнымъ интересамъ государства. Интересъ здѣсь является и движущимъ началомъ, и высшимъ принципомъ. Вслѣдствіе того, что извѣстные интересы не могутъ быть удовлетворены правительствомъ, призываются къ участію въ управленіи общественныя силы. И если въ виду общности политическихъ интересовъ, основанное на равенствѣ построеніе общества есть существенное, часто необходимое условіе для законодательной дѣятельности, то съ другой стороны мѣстные интересы предполагаютъ въ обществѣ строеніе и организацію въ формѣ извѣстныхъ классовъ и т. п. Въ виду этихъ интересовъ дѣятельность государства, осуществляя равное юридическое положеніе для всѣхъ лицъ, не можетъ отказаться отъ историческихъ организмовъ какіе есть въ обществѣ. По мѣрѣ того какъ организуется государство въ качествѣ *прогрессивнаго* общественнаго органа,* его историческіе организмы и элементы получаютъ охранительное значеніе и въ скромной сферѣ мѣстнаго управленія подготовляютъ будущій прогрессъ государства, дѣлая мѣстную администрацію надежнымъ регуляторомъ высшей государственной политики.

До окончательнаго образованія государства всѣ интересы распредѣлены между различными организмами. Всѣ общественные вопросы замкнуты въ узкой сферѣ; узкость и исключительность стремленій характеризуетъ власть дѣйствующую въ мѣстности. Государство конфискуетъ державныя права присвоенныя мѣстности. Оно открываетъ этимъ юридическую жизнь для всей массы гражданъ и вводитъ подчинен-

---

* Мы готовы согласиться въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ Дюпонъ-Уайта.

ные организмы въ соотвѣтствующую имъ сферу дѣятельности. Общество, высвобожденное изъ прежнихъ узкихъ рамокъ, начинаетъ безостановочно развиваться. Освободившее его государство служитъ первымъ его руководителемъ на этомъ пути. Всѣ части умственной, нравственной и даже экономической жизни получаютъ отъ него могущественный толчокъ. Общество быстро подымается и даже какъ будто забываетъ о тѣхъ организмахъ, чрезъ которые совершилось его первоначальное развитіе. Но должны ли государства и общества идти постоянно по этому пути? Та же исторія доказываетъ весь вредъ такого развитія. Общество, отказавшееся отъ естественныхъ организмовъ и ихъ практическихъ интересовъ, легко увлекается отвлеченными соображеніями, привыкаетъ не соразмѣрять своихъ силъ съ требованіями, ступаетъ на опасную дорогу переворотовъ. Государство, долгое время бывшее единственнымъ руководителемъ общества, въ виду тѣхъ же общественныхъ интересовъ оказывается не въ состояніи удовлетворять нуждамъ общества на основаніи однихъ правительственныхъ отношеній. Итакъ, вопервыхъ, историческіе организмы общества громко заявляютъ о своихъ интересахъ и призываютъ на служеніе имъ общество, увлекшееся шумною общегосударственною жизнію и, за отвлеченными интересами, забывшее конкретныя потребности. Съ другой стороны, государство начинаетъ замѣчать несоотвѣтствіе между своею дѣятельностію и разнообразными нуждами общества.

Дѣло въ томъ, что государство, по мѣткому опредѣленію Л. Штейна, есть общность людей, возвысившаяся до личности, до личнаго сознанія, до личной воли и дѣятельности. Его дѣятельность является намъ независимо отъ всѣхъ общественныхъ историческихъ элементовъ; только при этомъ условіи оно является истинно юридическимъ учрежденіемъ. Но выдѣляясь изъ общества, пріобрѣтая значеніе истинной личности, дошедшей до самосознанія, государство часто склоняется къ преслѣдованію интересовъ своей государственной личности, предпочтительно предъ всѣми другими, или осуществляетъ общественные интересы съ государственной точки зрѣнія. Между тѣмъ различные общественные элементы нуждаются въ болѣе конкретномъ выраженіи своихъ интересовъ нежели то, которое можетъ дать имъ государство.

Вопросъ слѣдовательно сводится на то, можетъ или не

можетъ государство осуществить всѣ интересы, извѣстные подъ названіемъ общественныхъ? Если государство явится единственнымъ организмомъ среди безформенной массы гражданъ, если оно, какъ единственное *общее*, явится противоположностію всей массы *частнаго*, то, конечно, не можетъ быть и спора о первенствующей роли государства. Общественная жизнь, сведенная на борьбу индивидуальныхъ интересовъ, не особенно утѣшительное зрѣлище. Еслибы пришлось выбирать только между частною и государственною инціативой, то идеи общей пользы требовали бы предпочтенія государственной дѣятельности. Но мы уже видѣли, что отчасти исторія оставляетъ въ государствѣ организмы, предшествовавшіе его развитію, отчасти само правительство организуетъ общественныя, исторически выработавшіяся силы, въ виду лучшаго осуществленія правительственныхъ задачъ.

Государство, направляя разнообразіе общественныхъ стремленій къ одной цѣли, не можетъ, однако, соединить всѣ цѣли подъ своимъ верховнымъ руководствомъ. *Разнообразіе* не можетъ быть уничтожено во имя *единства*. Предположимъ, что государство въ данную минуту (и это часто бываетъ въ обществахъ мало развитыхъ) можетъ не только воплотить въ себѣ всю совокупность общественныхъ цѣлей, но даже поставить обществу большее количество задачъ чѣмъ выработала ихъ сама общественная жизнь. Но очевидно, это состояніе общества и такое положеніе въ немъ государства будетъ нѣчто переходное. Наростаніе общественныхъ силъ, а вмѣстѣ съ ними и интересовъ общества, будетъ идти не останавливаясь, и въ этомъ отношеніи сосредоточеніе общественной дѣятельности въ однѣхъ офиціальныхъ сферахъ будетъ гибельно для общественнаго развитія. Въ этомъ смыслѣ Токвилль совершенно правъ, говоря, что централизація гибельна для *воспроизведенія* національныхъ силъ.

Общія цѣли должны имѣть свою іерархію. Должна быть извѣстная постепенность между чисто-индивидуальными цѣлями и совершенно отвлеченными общими цѣлями государства. Между человѣкомъ и націей долженъ быть рядъ организмовъ, въ которыхъ индивидуальность постепенно сглаживается, а общность выступаетъ на первый планъ. Такіе организмы въ совокупности съ государствомъ осуществляютъ общественные интересы въ противоположность част-

нымъ. Но въ то же время ихъ совокупность рѣзко отличается отъ органически развившейся государственной личности и ея дѣятельности. Ихъ интересы уже потеряли часть узкой индивидуальности частныхъ стремленій, но въ свою очередь являются частнымъ явленіемъ въ сравненіи съ дѣйствительно государственными задачами. На такіе интересы и соотвѣтствующіе имъ организмы можно смотрѣть какъ на переходъ отъ государственнаго единства къ разнообразію единичныхъ стремленій. Съ одной стороны, по нимъ и ихъ іерархіи можно прослѣдить постепенное развитіе государственнаго начала, съ другой, эта же іерархія лучше всего показываетъ постепенное убываніе государственной всеобщности интересовъ до полной индивидуализіи ихъ въ личности. Въ провинціи есть еще значительная часть государства; въ сословіи его меньше; въ общинѣ его мало; въ семьѣ совсѣмъ нѣтъ.

Самостоятельность существованія дается этимъ организмамъ, безъ сомнѣнія, самостоятельностію интересовъ. Сказать что они преслѣдуютъ тѣ же цѣли что̀ и государство было бы грубою ошибкой. Но съ другой стороны, государство возлагаетъ на нихъ свои задачи, въ особенности тѣ, гдѣ оно является представителемъ общества. Это не значитъ чтобы задачи эти выходили изъ государственной сферы; повторяемъ, это значитъ, что тѣ или другіе общественные элементы получаютъ участіе въ правительственной сферѣ, становятся правительствомъ.

Для того чтобы полнѣе охарактеризовать это соотношеніе между личностью, государствомъ и общественными органами, участвующими въ управленіи, мы возьмемъ здѣсь два наиболѣе выдающіеся примѣра изъ частной и общественной дѣятельности. Предположимъ, что идетъ рѣчь о томъ, чтобъ опредѣлить роль частной, общественной и правительственной иниціативы въ области чисто-экономической дѣятельности, и, напримѣръ, въ области благотворительности.

Начала политической экономіи со временъ Адама Смита гласятъ, что всякій человѣкъ, пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, сохраняетъ полную свободу слѣдо́вать пути, указанному ему личнымъ его интересомъ, и направлять куда ему заблагоразсудится свой капиталъ и промышленность, вмѣстѣ съ другими людьми или цѣлымъ клас-

сомъ людей.* Причины этого очевидны. Личный интересъ служитъ здѣсь достаточною гарантіей прогресса. Отдѣльныя личности или ассоціаціи лицъ выведутъ и капиталы, и трудъ на настоящую дорогу. Всякое правительственное вмѣшательство извратило бы истинное соотношеніе между экономическимъ прогрессомъ и его рычагомъ, личнымъ интересомъ. Бываютъ минуты, когда государство беретъ на себя починъ въ промышленныхъ улучшеніяхъ. Оно служитъ имъ усердно, но въ то же время заставляетъ *служить* имъ общество.** Тотчасъ правильное соотношеніе элементовъ прекращается; заинтересованнымъ лицомъ является государство, а частныя лица разыгрываютъ роль самоотверженныхъ служителей этихъ интересовъ, изъ частныхъ превратившихся въ государственные. Между тѣмъ, образованіе государства обусловливается отрѣшеніемъ его отъ всякихъ экономическихъ личныхъ стремленій: государство отдѣлило власть отъ землевладѣнія, слитыя въ феодализмѣ, вышло изъ-подъ гнетущаго вліянія промышленности въ торговыхъ республикахъ, отказалось отъ государственныхъ монополій, послѣдняго признака неразвитаго государства, удерживая за собой тѣ, гдѣ интересы личности не могутъ быть иначе гарантированы; оно отказывается даже отъ государственнаго землевладѣнія и отъ другихъ казенныхъ имуществъ. Оно не желаетъ быть похоже на *хозяина*. Лично заинтересованнымъ можетъ здѣсь быть только частное лицо. Оно въ отдѣльности или въ соединеніи съ другими можетъ лучше всего осуществить экономическій прогрессъ. Личный интересъ является главнымъ основаніемъ экономической дѣятельности laissez faire!

Но благотворительность представляетъ другія условія. По отношенію къ благотворительности, въ числѣ индивидуальныхъ стремленій нѣтъ такого могущественнаго рычага, какъ личный интересъ. Индивидуальное чувство ничего не подскажетъ человѣку при видѣ нищаго, кромѣ обыкновенной жалости, состраданія. Чувство слишкомъ шаткое, чтобы на немъ построить какое-либо прочное учрежденіе! Предположимъ, что въ простое, неподдѣльное чувство состраданія будутъ внесены

---

* А. Смитъ: *Richesse des nations*, III, p. 29.

** Какъ, напримѣръ, въ Россіи во времена Петра I.

какія-нибудь сознательныя идеи; явится сознаніе, что такой-то нищій и ему подобныя лица постигнуты несчастьемъ, въ которомъ иногда виной общество, и которое могло произойдти отъ недостатка труда, внезапнаго прекращенія работы, голода, недостатка образованія, эпидеміи и т. п. Но всѣ эти соображенія все же приведутъ только къ тому же чувству жалости, можетъ-быть, въ усиленной степени. И то не всегда. Понятіе о недостаткѣ труда, какъ причинѣ бѣдности, можетъ легко замѣниться понятіемъ о *нежеланіи* работать. Отсюда одинъ шагъ до обращенія съ нищимъ какъ преступникомъ. Во всякомъ случаѣ, частная благотворительность въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ палліативными мѣрами. Упорная, раціональная борьба съ нищенствомъ удѣлъ немногихъ избранниковъ, составляющихъ исключеніе. Къ счастію, есть лицо, положительно заинтересованное прекращеніемъ нищенства. Это лицо есть государство. Для него нищенство ненормальный общественный фактъ; нищіе нехорошій общественный элементъ. Съ этой точки зрѣнія, разборъ отношеній труда, продовольствія, образованія, къ вопросу о бѣдности, приводитъ его къ болѣе практическимъ результатамъ чѣмъ сострадательнаго человѣка, о которомъ мы говорили выше. Словомъ, отдѣльные люди имѣютъ дѣло съ бѣдными, одно государство имѣетъ дѣло съ бѣдностію.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только началось образованіе новѣйшихъ обществъ, благотворительность перестала быть частнымъ дѣломъ. До образованія государствъ благотворительницей являлась церковь, для которой милосердіе было догматомъ, долгомъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ бѣдный считался церковнымъ человѣкомъ. * Съ секуляризаціей церковныхъ имуществъ, государство не оставляетъ благотво-

---

* Уставъ Владиміра; „а се люди церковніи.... слѣпець, храмець....“ Въ посланіи одного владимірскаго епископа къ сыну Александра Невскаго мы находимъ слѣдующее: „Дано клирошанамъ на потребу старости, и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ много, кормленіе низшихъ, кормленіе обидимыхъ, помоганіе страннымъ, пособіе въ пожарѣ и въ потопѣ, плѣнныхъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе, сиротамъ и убогимъ промышленіе, вдовамъ пособіе“... См. Милютина: „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“, въ *Чт. Им. Общ. Ист.* и *Др. Росс.* 1859, 4, стр. 64. Неволина: *О пространствѣ церковнаго суда* (въ VI т. его соч. стр. 257). То же самое мы видимъ въ Византіи и другихъ европейскихъ государствахъ.

рительности въ частныхъ рукахъ, а дѣлаетъ изъ нея или общественную повинность, какъ въ Англіи, или беретъ ее на себя, какъ въ другихъ державахъ.

Но изъ того, что благотворительность не можетъ быть дѣломъ частнымъ, не слѣдуетъ, чтобъ она производилась одними правительственными органами. Напротивъ, участіе въ этомъ дѣлѣ органовъ общественныхъ необходимо, и часто правительственные органы не могутъ выдержать съ ними конкурренціи. Общественные органы ближе знакомы съ экономическимъ бытомъ извѣстной мѣстности, съ формами труда, собственности, съ нравами жителей, словомъ, обладаютъ всѣми познаніями, необходимыми для того чтобы дѣйствовать на причины бѣдности. Затѣмъ правительственные органы придаютъ благотворительности слишкомъ официальный характеръ, отталкивающій отъ ихъ благодѣяній всѣхъ истинно-нуждающихся. Далѣе, правительство, поручивъ благотворительность только своимъ чиновникамъ, обыкновенно уничтожаетъ частную инціативу. Правительственное благотворительное заведеніе мало внушаетъ довѣрія частнымъ лицамъ, которыя бы желали пожертвовать всѣмъ или частью своего имущества въ пользу бѣдныхъ. Безконтрольность, негласность, безотвѣтственность такихъ учрежденій отталкиваютъ каждаго. Напротивъ, общественные органы, несущіе эти правительственныя задачи, удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ и вполнѣ способны внушить къ себѣ довѣріе частныхъ благотворителей.

На этихъ двухъ примѣрахъ мы могли прослѣдить два вопроса, о которыхъ упоминали нѣсколько разъ въ теченіе этой главы. Первый примѣръ указываетъ намъ на отличіе частной (индивидуальной или общественной) дѣятельности отъ государственной. Эта сфера характеризуется тѣмъ, что личный интересъ служитъ здѣсь достаточною гарантіей для прогресса, котораго главный представитель есть государство. Въ этой сферѣ непосредственная дѣятельность государства оказалась бы излишнею и даже вредною. Пока охраняемый имъ юридическій порядокъ не нарушается, пока частныя силы достаточны для преодолѣнія всѣхъ препятствій, оно можетъ оставаться покойно. Масса частныхъ лицъ заинтересованныхъ вопросами чисто-хозяйственной дѣятельности неизмѣримо превосходитъ количество лицъ, которыя могутъ быть выставлены по этому предмету правитель-

ствомъ. Притомъ интересы первыхъ болѣе конкретны, относятся къ болѣе осязательнымъ предметамъ чѣмъ интересъ послѣднихъ, который можетъ быть только отвлеченная идея общаго блага.* Наконецъ интересы первыхъ воспитываются и руководятся въ практической школѣ непосредственной экономической дѣятельности, а послѣдніе руководятся общими теоретическими соображеніями.

Но какъ только личный интересъ перестаетъ быть главнымъ руководящимъ мотивомъ дѣятельности, начинается роль правительственныхъ органовъ. Сила личнаго интереса далеко не одинакова даже въ сферѣ чисто экономической. Пока рѣчь идетъ о производствѣ—значеніе его первостепенно. Но въ болѣе сложныхъ вопросахъ обмѣна и распредѣленія богатствъ, онъ не можетъ уже быть единственнымъ руководителемъ общественнаго прогресса. Бываютъ, говоритъ Д. С. Милль, такія времена и положенія націи, когда почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, ибо частные люди, хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло; когда не будетъ ни дорогъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство: публика или такъ бѣдна, что не имѣетъ средствъ къ тому, или такъ не развита умственно, что не можетъ оцѣнить ихъ пользу, или такъ непривычна къ общему** дѣйствованію, что не умѣетъ распоряжаться этими дѣлами.

Въ задачу нашего труда не входятъ изслѣдованія этого важнаго и труднаго вопроса. Степень цивилизаціи націи, образъ правленія, матеріальныя средства общества и другія историческія условія опредѣляютъ соотношеніе между двумя сферами, сферою частной и сферою правительственной дѣятельности. Это вопросъ объ индивидуализмѣ и гувернаментализмѣ, имѣющій мало общаго съ вопросомъ о самоуправленіи и централизаціи, такъ какъ послѣдній есть вопросъ о

---

* *Любопытные факты* относительно вреда правительственнаго вмѣшательства въ экономическое производство, находимъ въ сочиненіи Dunoyer: *De la liberté du travail.*

** *Начала политич. экономіи*, II, кн. V.

распредѣленіи *правительственныхъ* задачъ между органами центральнаго правительства и органами общества, вошедшими въ правительственную сферу. Передавая извѣстныя задачи въ ихъ вѣдомство, центральная власть не отказывается отъ нихъ совершенно. Между дѣятельностію органовъ самоуправленія и правительствомъ устанавливается прочная связь. Нѣкоторые акты органовъ самоуправленія требуютъ *утвержденія* правительства, бо́льшая часть ихъ подлежатъ правительственному *контролю*, подвергаются *протесту* и подлежатъ *отвѣтственности* въ установленномъ порядкѣ. Въ случаѣ неисполненія ими нѣкоторыхъ обязанностей, правительство предоставляетъ своимъ органамъ право исполнить ихъ собственными средствами. Такъ смотритъ на этотъ вопросъ и Милль, говоря о мѣстномъ управленіи. „Мы не будемъ разсуждать, говоритъ онъ, о границахъ правительственной дѣятельности, вопросѣ не составляющемъ особенности представительнаго правленія. Въ сочиненіи моемъ о свободѣ я сказалъ уже все существенное относительно этого предмета. Но *исключая изъ функцій, выполняемыхъ большею частію европейскихъ правительствъ, задачи, которыя не должны бы подлежать никакой общественной власти*, мы въ остаткѣ получимъ такую совокупность разнообразныхъ и многочисленныхъ обязанностей, что онѣ должны быть, хотя бы по началу раздѣленія труда, распредѣлены между центральными и мѣстными властями.“

На основаніи какихъ началъ происходитъ это распредѣленіе правительственной и общественной дѣятельности? Во-первыхъ, государство, подчиняя себѣ всю совокупность общественныхъ организмовъ, не можетъ дойдти, безъ ущерба для общества и самого правительства, до полнаго уничтоженія ихъ самобытности и забвенія ихъ интересовъ. Полная диктатура государства, закрѣпленіе сословій, превращеніе общины въ тяглую единицу, можетъ быть временнымъ, переходнымъ фактомъ, но не можетъ сдѣлаться постояннымъ явленіемъ. Вслѣдствіе этого мѣстныя особенности получаютъ снова значеніе, а мѣстные элементы—организацію. Совокупность этихъ задачъ не составляетъ правительственной сферы въ строгомъ смыслѣ слова, напротивъ онѣ вызываются самостоятельною жизнью организмовъ, наполняющихъ пространство между отдѣльною личностію и государствомъ.

Это сфера необязательныхъ задачъ, признаваемыхъ государствомъ за тѣмъ или другимъ организмомъ, но не интересующихъ государство на столько, чтобы признать ихъ составною частію правительственной дѣятельности. Эта сфера является связью, переходомъ отъ личной къ правительственной дѣятельности. Иногда задачи эти остаются достояніемъ общинъ, приходовъ и другихъ организмовъ; иногда, съ развитіемъ государственныхъ средствъ, правительство считаетъ нужнымъ принять ихъ подъ свое ближайшее наблюденіе. Прежде къ этимъ скромнымъ задачамъ присоединялись еще разныя права, сдѣлавшіяся въ послѣдствіи достояніемъ государственной власти. Вмѣстѣ съ этимъ видоизмѣнилось и положеніе организмовъ по отношенію къ государству. По немногимъ вопросамъ они сохранили свою самостоятельность—всѣ другія задачи вытекаютъ уже не изъ ихъ самобытнаго существованія, а исполняются какъ порученіе государства. Слѣдовательно, въ немногихъ отношеніяхъ они являются дѣйствующими для себя: въ большинствѣ случаевъ они дѣйствуютъ какъ части одного великаго цѣлаго. Въ древности общины сосредоточивали въ своихъ рукахъ судъ, законодательство, финансы. Теперь законодательство перешло въ руки центральной власти, а по отношенію къ суду общины являются одною изъ инстанцій общаго государственнаго суда. Вотъ почему эта, такъ-сказать, *естественная сфера* нисходитъ на второй планъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ вовсе утрачивается вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій. Во всякомъ же случаѣ естественныя единицы являются съ административными обязанностями, и отъ этого преимущественно зависитъ ихъ государственное значеніе. Все это, при изслѣдованіи вопроса о самоуправленіи, выдвигаетъ на первый планъ чисто-правительственныя задачи, распредѣленныя между правительственными и общественными органами. Такое распредѣленіе чисто-правительственныхъ задачъ обусловливается самимъ понятіемъ общественной пользы и прогресса. Какъ бы ни было прогрессивно и благонамѣренно правительство, все же оно, при осуществленіи разныхъ задачъ, руководится своими личными соображеніями. На первомъ планѣ стоитъ единство государственныхъ интересовъ, которое необходимо въ каждомъ государствѣ; но доведенное до крайнихъ предѣловъ, стремленіе это можетъ

оставить безъ вниманія различныя мѣстныя особенности и повести къ одностороннему и даже фальшивому разрѣшенію многихъ вопросовъ. Напротивъ самоуправленіе является органомъ этихъ мѣстныхъ особенностей и частныхъ интересовъ. Одинъ примѣръ разъяснитъ намъ это положеніе.

Вопросъ о путяхъ сообщенія поднятъ и поставленъ на настоящую дорогу почти во всѣхъ государствахъ Европы правительствомъ. Большая часть сооруженій по этому предмету возникла благодаря правительственной инціативѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого чтобъ этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ навсегда остался въ рукахъ правительства? Когда убѣжденіе о необходимости извѣстнаго предмета уже вошло въ общественное сознаніе, общество можетъ вести дѣло лучше правительства. Послѣднее, во времена общественной неразвитости, можетъ, удовлетворяя своимъ потребностямъ, способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворенію общественныхъ нуждъ, на сколько онѣ развиты въ то время. Обыкновенныя почтовыя дороги, проложенныя для административныхъ потребностей, могутъ въ то же время служить для перевозки тяжестей и другихъ частныхъ потребностей. Но по мѣрѣ того какъ возрастаютъ общественныя силы, руководство правительства оказывается недостаточнымъ и наконецъ безсильнымъ. Народная промышленность избираетъ себѣ другіе пути сообщенія и другіе центры торговли. Правительственныя дороги глохнутъ, прежніе административные центры приходятъ въ упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе техническихъ улучшеній въ путяхъ сообщенія, направленіе ихъ становится уже вопросомъ первостепенной важности, а не безразличнымъ какъ прежде. При существованіи однѣхъ грунтовыхъ дорогъ, обществу все равно гдѣ правительство ни проложитъ свои дороги; оно уже значительно заинтересовано тѣмъ куда пойдетъ шоссе; направленіе желѣзной дороги сильно волнуетъ умы. Исключительная правительственная дѣятельность въ этомъ отношеніи часто можетъ даже идти въ разрѣзъ съ ближайшими народными потребностями.

Такимъ образомъ, съ одной стороны необходимость организовать разные неправительственные интересы и сохранить существованіе разныхъ организмовъ, съ другой стремленіе распредѣлить эти интересы, съ цѣлію болѣе полнаго ихъ осуществленія, вотъ два главныя обстоятельства приводящія

страну къ самоуправленію. Но это апріористическое распредѣленіе задачъ и признаніе разныхъ самостоятельныхъ элементовъ и интересовъ не рѣшаетъ еще вопроса о томъ, какіе организмы могутъ существовать и существуютъ въ государствѣ соотвѣтственно всѣмъ этимъ задачамъ и элементамъ. Тѣмъ менѣе могутъ они разрѣшить спеціально интересующій насъ вопросъ, вопросъ о провинціи. Составляетъ ли она необходимый, естественный фактъ, или есть произведеніе законодательныхъ соображеній? Другими словами, слагается ли провинціальная жизнь изъ однихъ правительственныхъ порученій, или же провинція является средоточіемъ самобытныхъ общественныхъ элементовъ, окончательно организованныхъ правительствомъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что названіе *естественныхъ* ближе всего подходитъ къ организмамъ, непосредственно развившимся изъ какихъ-нибудь простыхъ экономическихъ фактовъ. Такова община, исторія которой такъ или иначе связана съ исторіей землевладѣнія, развитія промышленности и т. д. Такіе организмы, даже подчинившись вполнѣ общему административному дѣленію, сохраняютъ значеніе не только административныхъ, но и естественныхъ единицъ *. Напротивъ, въ провинціи мы замѣчаемъ другія начала. Простые факты экономической жизни заслоняются уже здѣсь болѣе сложными отношеніями. Вопросы принимаютъ болѣе общій характеръ. Въ провинціи люди связываются уже болѣе единствомъ политическихъ **, или по крайней мѣрѣ единствомъ высшихъ административныхъ соображеній. Въ провинціи общество выходитъ уже изъ своего первоначальнаго дробленія; оно не имѣетъ уже дѣла съ разрозненными естественными организмами, а тѣмъ менѣе съ отдѣльными личностями. Общество сельское, сословіе дворянское, могутъ и должны собирать своихъ членовъ при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ; провинція нуждается уже въ представительствѣ. *** Она слагается изъ разно-

---

* Даже во Франціи мы встрѣчаемъ понятіе объ общинѣ какъ объ естественномъ организмѣ, въ противоположность департаменту и округу.

** Многія изъ нихъ и были дѣйствительно самостоятельными политическими тѣлами.

*** Милль требуетъ даже муниципальнаго и приходскаго представительства.

образныхъ элементовъ, въ виду болѣе общихъ и возвышенныхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого въ ней труднѣе различить то, что̀ мы назвали естественными задачами общественнаго организма, отъ задачъ, переданныхъ правительствомъ въ руки органовъ самоуправленія. Многія задачи осуществлявшіяся прежде въ провинціи, конфискованы государствомъ въ послѣдствіи. Судъ, отчасти полиція, здѣсь получили свое первое развитіе, и при томъ не въ тѣхъ патріархальныхъ формахъ какъ въ общинѣ, а въ болѣе усовершенствованныхъ, подходящихъ уже къ идеѣ государственной дѣятельности. Власть провинціальная не есть уже власть *міра* надъ отдѣльнымъ лицомъ, помѣщика надъ крѣпостнымъ, а власть уже нѣсколько отвлекшаяся отъ простыхъ экономическихъ элементовъ. Вслѣдствіе этого между государствомъ и провинціей мы замѣчаемъ весьма сильное сродство. Въ нѣкоторыя эпохи историческаго развитія провинціи сами считаютъ себя за государство. Только сильное движеніе національнаго духа и появленіе высшихъ цѣлей разрушаютъ это убѣжденіе, и нерѣдко обнаживается другая крайность. Развитіе государственнаго единства до такой степени уничтожаетъ мѣстныя различія, что онѣ вполнѣ забываютъ о своемъ самостоятельномъ существованіи. Общины, корпораціи, сословія, сохраняютъ свои отличительные признаки въ государствѣ, провинція легче сливается съ обще-государственнымъ тѣломъ, безъ всякаго слѣда. Вотъ почему бо́льшая часть задачъ такъ-называемаго провинціяльнаго самоуправленія составляется скорѣе изъ правительственныхъ порученій чѣмъ изъ *естественныхъ* задачъ этого организма. Провинція отъ другихъ тѣлъ отличается, какъ мы видѣли, большею общностію, слѣдовательно большею отвлеченностію интересовъ, въ чемъ и состоитъ ея сходство съ государствомъ. Ея естественныя задачи скорѣе всего походятъ на естественныя задачи государства. Лучше сказать, она не имѣетъ дѣйствительно самостоятельныхъ задачъ: ея задачи чисто производныя. Однѣ изъ нихъ являются продолженіемъ и дальнѣйшею организаціей менѣе сложныхъ общественныхъ элементовъ, другія переносятся на провинцію центральною властью. Роль государства по отношенію къ провинціи напоминаетъ въ извѣстной степени отношеніе сюзерена къ вассалу. Задачи, составлявшія прежде полное достояніе провинціи, конфискуются государствомъ и потомъ снова отчасти возвра-

щаются ей, но уже подъ условіями *службы* и контроля. Что простые общественные элементы получаютъ дальнѣйшую организацію въ мѣстности, это понятно, и значеніе этого факта для общественной и государственной жизни мы укажемъ ниже. Но почему государство считаетъ необходимымъ переносить въ провинцію часть своей власти и задачъ? Почему самыя централизаціонныя правительства хлопочутъ „о личности (la personnalité) департаментовъ?“

Мы уже сдѣлали нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній, которыя могутъ нѣсколько пояснить этотъ вопросъ. Но теперь намъ необходимо остановиться на общихъ основаніяхъ этого явленія.

Правительство переноситъ въ мѣстность часть своей власти и возлагаетъ на нее часть своихъ задачъ. Мы останавливались выше на *количественномъ* распредѣленіи этихъ задачъ. Теперь подвергнемъ анализу *качественное* ихъ распредѣленіе.

Сказать, что правительство сообщаетъ своимъ мѣстнымъ органамъ долю власти, значитъ разъяснить дѣло на половину. Нужно еще показать, что̀ именно изъ власти центральной передается въ мѣстность? Передача власти изъ центра въ мѣстность не есть простое дробленіе власти; различіе между высшею и мѣстною властью не просто количественное. Онѣ различаются между собою способами и задачами дѣятельности.

Но объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

А. ГРАДОВСКІЙ.

(До слѣдующаго №.)

СЧИСЛЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ

I.

Въ прошедшемъ столѣтіи, въ продолженіе шестидесяти-пяти лѣтъ, правительство ежегодно производило гласное, открытое счисленіе раскольниковъ. Цѣль его была исключительно фискальная, податная. Петръ I установилъ это счисленіе съ цѣлію обложенія раскольниковъ подушною податью и притомъ двойною противъ православныхъ. Установленное въ 1715—16 годахъ, оно продолжалось до 20-го іюля 1782 г., когда сборъ двойнаго оклада съ раскольниковъ былъ навсегда отмѣненъ Екатериною II. *

Счисленіе раскольниковъ производилось чиновниками мѣстной администраціи. Они представляли именныя вѣдомости въ центральное управленіе, находившееся въ Москвѣ. Сначала, пока счисленіе находилось въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода,—это управленіе находилось при *духовной инквизиціи*, а потомъ, когда счисленіе перешло въ вѣдомство правительствующаго сената, управленіе сосредоточено было въ особо-учрежденной *раскольнической конторѣ*. Именныя вѣдомости повѣрялись и счетъ раскольниковъ по возможности контролировался, но дѣйствительная численность разномы-

* Предполагавшееся лѣтъ пятнадцать тому назадъ новое обложеніе раскольниковъ особымъ окладомъ, по рублю съ души, въ пользу православныхъ церквей, въ приходахъ которыхъ они имѣютъ пребываніе, хотя и было утверждено императоромъ Николаемъ Павловичемъ 10-го іюня 1853 года, но въ исполненіе не приведено (*Собраніе постановленій по части раскола*. Спб. 1858 г., стр. 595).

слящихъ съ господствующею церковью въ точности все-таки не была извѣстна. Цифры „духовной инквизиціи“ и „раскольнической конторы“ были гораздо ниже цифры дѣйствительной, что̀ видно изъ множества правительственныхъ распоряженій прошлаго столѣтія объ отысканіи „потаенныхъ раскольниковъ“ и обложеніи ихъ двойнымъ окладомъ.

Перепись раскольниковъ введена Петромъ I при слѣдующихъ обстоятельствахъ. До него и при немъ подати и ратные люди сбираемы были съ тяглыхъ дворовъ; такимъ образомъ повинности падали не на лица, а на землю, дома, промыслы, угодья и т. п. Система по нынѣшнимъ экономическимъ воззрѣніямъ правильная и справедливая, но въ тогдашнее время внутренняго неустройства крайне невыгодная для государства. Войны, бунты, голодные года̀, чума, продолжавшіеся чрезъ все почти XVII столѣтіе, во многихъ мѣстностяхъ совершенно обезлюдили тяглые дворы. Оставшіеся въ селахъ и деревняхъ тяглые люди должны были платить и за себя, и за убылыхъ. Правда, имъ предоставляемо было пользованіе оставшимися впустѣ за уходомъ односельцевъ землями, но силъ не доставало обрабатывать ихъ. Сельскіе люди стали „разбѣгаться въ рознь“, другіе во множествѣ закладывались кабалой за патріарха, за архіереевъ, за монастыри, за бояръ и за другихъ знатныхъ и сильныхъ людей, во владѣніи которыхъ крестьянину было жить несравненно легче. Иные записывались въ казаки, въ стрѣльцы, въ пушкари, въ монастырскіе служители, ибо этихъ чиновъ люди были избавлены отъ платежа податей. Казна отъ этого много теряла.

А деньги Петру были крайне нужны на веденіе тяжелой, изнурительной войны со Шведами. Для увеличенія средствъ къ ея веденію, онъ прибѣгалъ къ средствамъ чрезвычайнымъ: установлялъ новые налоги, собиралъ съ церковныхъ колоколенъ для литья пушекъ колокола, и пр. Въ то же время онъ заботился и объ установленіи такой податной системы, которая бы доставляла больше государственнаго дохода съ возможно меньшими расходами на его взиманіе. Для того онъ велѣлъ произвесть общую народную перепись (ревизію) и обложить народъ *подушною податью.*

Указъ о производствѣ первой ревизіи состоялся 26-го ноября 1718 года, но еще до этого времени Петръ принималъ частныя (то-есть мѣстныя или сословныя) мѣры для производства

народныхъ переписей, съ цѣлію обложенія людей подушною податью. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году онъ велѣлъ переписать всѣхъ дворянъ, съ тѣмъ чтобы негодныхъ къ военной службѣ обложить подушнымъ окладомъ. Счисленіе раскольниковъ и обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ въ 1716 году принадлежитъ къ числу такихъ же мѣръ. Оно послѣдовало вотъ по какому поводу.

Въ 1714 году въ Кіевской губерніи дѣйствовала коммиссія для производства частной народной переписи. Тамошній губернаторъ, князь Голицынъ, представилъ государю „пункты о бѣглыхъ изъ великороссійскихъ губерній раскольникахъ, что̀ поселились въ Стародубьѣ, подлѣ литовской границы.“ „Велѣно, писалъ онъ къ государю, бѣглыхъ великороссійской породы всѣхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ вывозить въ великорусскіе. Въ Стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники, и коммиссаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасно, дабы не разбѣжались за границу“. Февраля 18-го 1715 г., Петръ написалъ на этомъ докладѣ князя Голицына слѣдующее: „обложить въ окладъ“.* Перепись произведена, окладъ положенъ, но не двойной, а обыкновенный. За исключеніемъ немногихъ отшедшихъ за рубежъ, раскольники остались въ Стародубьѣ.

Чрезъ годъ послѣ того, именно 8-го февраля 1716 года, Петръ велѣлъ переписать раскольниковъ обоего пола по всему государству. Деньги ему тогда были чрезвычайно нужны, и потому онъ обложилъ ихъ двойнымъ окладомъ, полагая, что изъ мѣстъ, удаленныхъ отъ границъ, раскольники не станутъ бѣгать въ чужіе краи, въ чемъ однако ошибся.

Окладъ назначенъ былъ вдвое противъ платимаго купцами и крестьянами. Женщины платили въ половину противъ мущинъ. Стародубскіе раскольники, какъ жившіе у рубежа, оставлены были при платежѣ обыкновеннаго оклада.** Февраля 18-го того же года, велѣно переписать для обложенія двойнымъ окладомъ раскольничьихъ монаховъ и монахинь.***

Хотя въ указѣ 1716 года раскольники и приглашались записываться въ перепись „безъ всякаго сомнѣнія“, но они неохотно являлись къ производившимъ перепись. Несмотря на

---

* *Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи*, V, № 2.889.

** Тамъ же V, № 2.991.

*** Тамъ же V, № 2.996.

строгія мѣры правительства, значительная часть ихъ избѣгала счисленія и обложенія окладомъ.

Въ 1721 году изданъ *Духовный Регламентъ*. Въ немъ между прочимъ было сказано: „Полезно есть имѣть въ коллегіумѣ (то-есть въ святѣйшемъ синодѣ) вѣдѣніе сколько во всѣхъ епархіяхъ обрѣтается раскольщиковъ, сія бо ко многимъ разсужденія требующимъ случаямъ помощно есть.“* Учрежденный въ томъ же году святѣйшій синодъ призналъ для себя полезнымъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи и двойной окладъ, взимаемый съ раскольниковъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій было ходатайство о предоставленіи въ его вѣдѣніе какъ счисленія раскольниковъ, такъ и сбора съ нихъ двойнаго оклада. Ходатайство свое синодъ основывалъ на приведенной сейчасъ статьѣ *Духовнаго Регламента*. „Понеже, сказано было во всеподданнѣйшемъ докладѣ святѣйшаго синода, по именному его императорскаго величества повелѣнію, по *Духовному Регламенту*, раскольническія дѣла поручены синоду, того ради приличнымъ видится и сбираемымъ съ нихъ двойнаго окладу деньгамъ и съ неисповѣдующихся штрафамъ быть въ синодъ присылаемымъ.“ Петръ былъ тогда на радостяхъ. „Жестокая школа, двадцать одинъ годъ продолжавшаяся“, какъ называлъ онъ шведскую войну, кончилась; онъ торжествовалъ заключеніе славнаго Ништадскаго мира. Принявъ титулъ императора, Петръ былъ въ это время такъ счастливъ, такъ радостенъ, такъ щедръ и милостивъ, какимъ никогда до того не бывалъ. „Рука моя расходилась“, сказалъ онъ Румянцову, щедро награждая его деньгами и имѣніями. Въ это-то время святѣйшій синодъ и представилъ свое ходатайство. Петръ ноября 19-го 1721 года написалъ на докладѣ, поднесенномъ ему: „быть по сему“. ** Теперь въ деньгахъ онъ не нуждался, „рука у него расходилась“, и онъ отдалъ двойной окладъ въ вѣдѣніе синода. Но отдавая въ вѣдомство духовенства эту немаловажную статью дохода, онъ, впрочемъ, назначилъ его на дѣла общеполезныя: учрежденіе школъ и богадѣленъ при монастыряхъ и т. п.

Съ двойнымъ окладомъ и счисленіемъ раскольниковъ въ духовное вѣдомство поступило и преслѣдованіе раскольниковъ,

---

* *Духовный Регламентъ*, изд. 1856 г., стр. 75.

** *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, I, 18.

не являвшихся къ переписи, а также изслѣдованіе, дѣйствительно ли записывающіеся въ двойной окладъ состоятъ въ расколѣ, не были ли они прежде записаны въ приходскихъ исповѣдныхъ книгахъ и т. д. Для такихъ дѣйствій синодъ счелъ нужнымъ ввести въ Россіи *духовную инквизицію*, мысль о которой издавна занимала духовенство: нѣкоторые изъ его представителей пытались даже поставлять въ примѣръ русскимъ государямъ усердіе къ инквизиціоннымъ дѣйствіямъ испанскихъ королей. *

Инквизиція учреждена была въ Москвѣ. Строитель московскаго Данилова монастыря Пафнутій назначенъ былъ „протоинквизиторомъ“; въ каждую епархію назначены „провинціалъ-инквизиторы“, которымъ были подчинены „инквизиторы“, находившіеся по городамъ и уѣздамъ. Декабря 23-го 1721 года, святѣйшій синодъ составилъ для нихъ особую инструкцію, напечатанную въ *Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи* (VI, № 3.870). Конечно, дѣйствія московской инквизиціи далеко не то что̀ дѣйствія инквизиціи римско-католической; она просуществовала не болѣе пяти лѣтъ и не успѣла развить свои дѣйствія, какъ хотѣлось инквизиторамъ. Притомъ дѣйствія ея были направлены не противъ всѣхъ разномыслящихъ съ господствующею церковью, но только противъ раскольниковъ, да еще суевѣровъ,

---

* Еще въ 1590 году по поводу открывшейся въ Новгородѣ ереси раціоналистовъ, которую Іосифъ Волоцкой назвалъ „жидовствующею“, знаменитый Геннадій, архіепископъ новгородскій, писалъ къ московскому митрополиту Зосимѣ: „А только государь нашъ, сынъ твой, князь великій того не обыщетъ и тѣхъ не казнитъ, ино какъ ему съ своей земли та соромота свести? Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ! Сказывалъ мнѣ посолъ цесарскій про шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и язъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ писалъ; и ты бъ, господине, о томъ великому князю пристойно говорилъ не только спасенія ради его, но и чти (чести) для государя великаго князя“ (*Акты Археографической Экспедиціи*, I, № 381). Но московскій митрополитъ самъ принадлежалъ къ такъ-названнымъ жидовствующимъ и потому не склонялъ Ивана Васильевича къ подражанію шпанскимъ королямъ. Но послѣ него жидовствующіе были казнены и въ обрядѣ казни ихъ на кострѣ, сохраненномъ лѣтописями, усматривается большое сходство съ обрядами, употреблявшимися инквизиціей въ Испаніи.

„сказующихъ видѣнія или слышанія чувственная или сонная“. Главное же потому инквизиція не имѣла у насъ значительнаго развитія, что будучи противна духу православія, она въ самомъ духовенствѣ не встрѣтила сочувствія. Это была затѣя архіереевъ, и то не всѣхъ, преимущественно Ѳеофана Прокоповича и Питирима Нижегородскаго, который самъ прежде былъ раскольникомъ и, какъ всякій неофитъ, относился съ фанатическою нетерпимостію къ бывшимъ своимъ единовѣрцамъ. * Бѣлое духовенство не сочувствовало „духовной инквизиціи“, лишь немногіе монахи, и, что̀ замѣчательно, малорусскаго происхожденія, учившіеся въ Кіевѣ и мало знакомые съ великорусскими раскольниками, посвятили свое усердіе инквизиціоннымъ дѣйствіямъ. Свѣтскіе начальники еще менѣе сочувствовали дѣламъ инквизиціоннымъ и тѣмъ возбуждали жалобы усердныхъ преслѣдователей раскола **. Въ одномъ

---

* Какъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія архіереи смотрѣли на отношенія свои къ раскольникамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія Алексія, архіепископа Рязанскаго, святѣйшему синоду, напечатаннаго въ *Собраніи постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода* (I, 333): „изъ присланныхъ 1736 года въ Рязанскую епархію раскольниковъ и раскольницъ нѣкоторые обратились къ св. церкви, а другіе обоего пола раскольники въ томъ же заблужденіи своемъ пребываютъ, и увѣщаній преосвященнаго Алексѣя не принимаютъ, затыкая уши свои, аки аспидъ глухій, и притомъ ему преосвященному, при старости своей, зѣло трудно имѣть много разглагольства съ ними, а потому не лучше ли смирять ихъ постомъ и стегать плетьми, ибо онъ преосвященный полагаетъ, что въ сердцахъ ихъ кроется духъ хульный на православныя церкви и на православныхъ архіереевъ“. Синодъ не согласился.

** Питиримъ Нижегородскій писалъ къ Петру I, что „отъ градскихъ начальниковъ и отъ волостныхъ прикащиковъ, и отъ старостъ обращенію (раскольниковъ) стало быть препятіе и остановка крайняя, что уже къ тѣмъ раскольщикамъ въ кельи и домы и входъ мой тѣ начальники отняли.... Отчего тѣ замерзелые раскольщики, видя себѣ такое попущеніе, въ душепагубную свою глупую прелесть души простыхъ людей отъ согласія святыя церкви отторгиваютъ непрестанно; и тѣмъ по закоснѣлому своему безстрашію, между простымъ народомъ чинятъ великій развратъ.“ Петръ велѣлъ свѣтскимъ начальникамъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имѣній, помогать Питириму. Подлинная переписка Петра I

только отношеніи инквизиція пришлась по сердцу приходскимъ причтамъ и свѣтскимъ чиновникамъ: она доставила имъ возможность увеличить поборы.

Въ распоряженіе духовной инквизиціи назначена была особая команда вооруженныхъ солдатъ; они употреблялись для отыскиванія раскольниковъ по лѣсамъ и пустынямъ, для истребленія устроенныхъ тамъ ихъ жилищъ, для отысканія „потаенныхъ раскольниковъ“, для отправки ихъ на каторгу и для вырѣзыванія ноздрей, для истребленія у раскольниковъ и нераскольниковъ старопечатныхъ и харатейныхъ книгъ и п. т.

Къ счастію, инквизиція существовала у насъ не долго. Она была уничтожена при Екатеринѣ I, и въ то время какъ счисленіе раскольниковъ, такъ и сборъ двойнаго съ нихъ оклада перешли изъ синода въ вѣдѣніе правительствующаго сената. Для сего въ Москвѣ учреждена была „раскольническая контора“ изъ свѣтскихъ лицъ. Она вела именные списки раскольниковъ; въ нее поступилъ и двойной окладъ, собираемый по провинціямъ мѣстными властями. Такъ продолжалось до 1782 года, когда былъ отмѣненъ двойной окладъ, а съ нимъ и особое счисленіе раскольниковъ.

Число раскольниковъ въ XVIII столѣтіи не только не уменьшалось, но даже увеличивалось, несмотря на то что они во множествѣ бѣгали или за границу или въ пустыни закамскія и въ Сибирь. Изъ сенатскаго указа 17-го сентября 1742 года видно, что въ семнадцать лѣтъ, съ 1719 по 1736 годъ, въ Россіи убыло 2.100.469 душъ, изъ нихъ умерло 1.558.000, взято въ рекруты 202.000 и *бѣжало около 442.000*. Заявляя эти цифры, сенатъ прибавилъ: „уповательно и больше того оной убыли имѣется“ *. Изъ 442 тысячъ бѣглыхъ значительная часть была раскольниковъ. Изъ указа 7-го февраля 1762 года видно, что изъ одной только Нижегородской губерніи съ 1716 года, то-есть въ сорокъ пять лѣтъ, семь восьмыхъ раскольничьяго населенія, то-есть 35 тысячъ, вслѣд-

---

съ Питиримомъ въ Нижегородской духовной консисторіи. Ср. Голикова *Дѣянія Петра Великаго*, VI, 304, и статьи Макарія, нынѣ епископа Орловскаго, въ *Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1848 г. № 57, гдѣ упоминается, что по ходатайству того же преосвященнаго Питирима, Петръ велѣлъ раскольниковъ, укрывающихся отъ записки въ двойной окладъ, ссылать на каторгу, а главнымъ изъ нихъ вырывать ноздри.

* *Полное собраніе законовъ Россійской имперіи*. XI, № 8.619.

ствіе обидъ и притѣсненій со стороны духовенства, бѣжало преимущественно за литовскій рубежъ *. Изъ различныхъ правительственныхъ распоряженій, бывшихъ въ прошломъ столѣтіи, видно, что раскольники далеко не всѣ были записаны въ книги двойнаго оклада. Кромѣ такъ-называемыхъ *записныхъ*, было гораздо болѣе такъ-называемыхъ *потаенныхъ*, которые, однако, въ духовныхъ росписяхъ значились принадлежащими къ господствующей церкви. Кромѣ того, въ XVIII столѣтіи возникли или, вѣрнѣе сказать, распространились тайныя ученія хлыстовъ, скопцовъ, духоборцовъ, молоканъ и т. п. Послѣдователи всѣхъ этихъ ученій считались православными.

Съ 1782 года особое счисленіе раскольниковъ прекратилось. Попытка возобновить его сдѣлана была въ 1810 году, тотчасъ по учрежденіи особаго министерства полиціи, въ вѣдѣніе котораго поступили дѣла о расколѣ. Министръ полиціи, генералъ Балашовъ, призналъ нужнымъ (не знаемъ по какимъ соображеніямъ) привести въ извѣстность современное число раскольниковъ и затѣмъ вести имъ ежегодный счетъ. Онъ доложилъ объ этомъ государю, и 18-го августа 1811 года Александръ Павловичъ далъ повелѣніе: „всѣмъ начальникамъ губерній собрать свѣдѣнія, сколько въ которой находится старообрядцевъ, и вѣдомости о нихъ доставлять ежегодно къ 1-му января и 1-му іюля министру полиціи“ **. Но предпріятію министра полиціи не суждено было осуществиться.

Въ Нижегородской губерніи губернаторомъ былъ тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ А. М. Руновскій, одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей своего времени, вышедшій изъ школы Безбородки и Трощинскаго, человѣкъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. Получивъ циркуляръ министра полиціи, онъ поручилъ городскимъ и земскимъ полиціямъ предварительно составить именные списки раскольниковъ. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ открылось значительное число принадлежащихъ къ такъ-называемому Спасову согласію. Всѣ послѣдователи этого толка *** въ исповѣдныхъ

---

* Тамъ же.

** *Собраніе постановленій по части раскола* стр. 37.

*** Ихъ чрезвычайно много въ поволжскихъ губерніяхъ отъ Нижегородской до Астраханской. Объ нихъ не упоминали ни Андрей Іоанновъ, ни другіе писатели о расколѣ до послѣдняго времени.

приходскихъ вѣдомостяхъ числились и числятся православными на томъ основаніи, что они, сообразно своему толку, крестятъ дѣтей и вѣнчаются въ церквахъ православныхъ. Такіе же раскольники оказались и по другимъ уѣздамъ Нижегородской губерніи. Кромѣ того, въ уѣздахъ заволжскихъ: Семеновскомъ и Балахнинскомъ, нашлось много раскольниковъ *не записныхъ*, то-есть такихъ, отцы и дѣды которыхъ не платили двойнаго оклада и не значились въ спискахъ „раскольнической конторы“. Полицейскіе чиновники, производившіе именную перепись, включили въ нее и этихъ людей. Узнавъ объ этомъ, тайные раскольники сами во множествѣ стали являться въ городскія и земскія полиціи, прося записать ихъ въ расколъ и представляя доказательства своей непринадлежности къ господствующей церкви. Приходское духовенство встревожилось, ибо запиской въ расколъ всѣхъ наличныхъ дѣйствительныхъ раскольниковъ оно во многихъ мѣстахъ могло бы совершенно лишиться доходовъ. Хотя производившійся по синодскому указу 15-го мая 1722 года гривенный сборъ съ раскольниковъ въ пользу духовенства * еще въ началѣ царствованія Екатерины II былъ отмѣненъ, и приходскому духовенству запрещено было ходить въ дома раскольниковъ для вымогательства денегъ, но причты продолжали дѣлать поборы. Въ самой даже Москвѣ, обходя приходы со святою водой, священники выламывали у раскольниковъ, не хотѣвшихъ пускать ихъ къ себѣ, ворота, двери и окна, требуя денегъ и свѣдѣній о новорожденныхъ, чтобы записать ихъ въ свои книги и такимъ образомъ зачислить ихъ своими прихожанами **. По мѣстамъ отдаленнымъ,

---

* *Полное собраніе законовъ Россійской имперіи* VI, 4.009. Тамъ, между прочимъ, сказано: „съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ брать приходскимъ ихъ священникамъ съ причетниками со всякаго раскольничьяго двора по гривнѣ съ души въ годъ, а сверхъ того отъ рожденія гривна, отъ женитьбы гривна, отъ погребенія гривна“.

** Въ 1767 году и прежде того въ Москвѣ священники и діаконъ прихода Василія Неокесарійскаго, что на Тверской, несмотря на воспрещеніе, „ходили въ дома раскольниковъ въ разныя времена со святою водой, ломали ворота, двери и окна и другія обиды имъ причиняли“. Они были за то посажены въ монастыри на мѣсяцъ, и синодъ сверхъ того постановилъ: „сами оштрафованные сознались, что они къ раскольникамъ со святынею

по глухимъ захолустьямъ, это продолжалось до самаго послѣдняго времени, что̀ доказывается множествомъ формальныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ. Перепись, производимая по циркуляру Балашова, должна была положить конецъ притязаніямъ приходскаго духовенства къ „незаписнымъ“ раскольникамъ, и оно сильно возроптало.

Вновь назначенный тогда на Нижегородскую каѳедру епископъ Моисей вступился въ дѣло пересмотра раскольниковъ. Вслѣдствіе того у него съ губернаторомъ Руновскимъ произошли пререканія. Синодальный указъ 19-го іюля 1777 года ясно говорилъ: „что касается до записки желающихъ въ расколъ, то слѣдуетъ ли ихъ въ оный записывать оставить на разсмотрѣніи свѣтской команды“, слѣдовательно епархіальному начальству и не слѣдовало вмѣшиваться въ неподлежащее его вѣдѣнію дѣло. Но Моисей, человѣкъ пылкій и заносчивый, и въ то же время слабо смотрѣвшій за

ходили и о рождающихся отъ нихъ дѣтяхъ, по внесеніи въ исповѣдныя вѣдомости, извѣстія требовали, а по именнымъ ея императорскаго величества 1762 года декабря 14-го и 1764 года марта 13-го указамъ точно велѣно, какъ съ прежними, такъ и съ записавшимися въ расколъ поступать равно, какъ и съ выходящими изъ-за границы раскольниками, то-есть не чиня имъ и съ дѣтьми ихъ никому отъ кого никакого притѣсненія, а въ 1765 году правительствующимъ сенатомъ опредѣлено и въ святѣйшій синодъ вѣдѣніемъ знать дано, чтобы по всѣмъ раскольническимъ дѣламъ ничего собою не предпринимать, а давать о томъ знать сенату и въ случаѣ надобности общія со святѣйшимъ синодомъ конференціи имѣть; того ради приказали означенныхъ священника и діакона обязать подпискою, чтобъ они къ записнымъ раскольникамъ въ домы, безъ требованія ихъ, ни подъ какимъ видомъ не ходили“ и пр. (*Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода.* I, 637,638). Но такъ какъ обязаны подпиской были только обвиненные священнослужители церкви Св. Василія въ Москвѣ, то по другимъ мѣстамъ приходское духовенство и послѣ того ходило по домамъ раскольниковъ за сборомъ денегъ. Синодскимъ указомъ 19-го іюля 1777 г. „наикрѣпчайше подтверждено“ всѣмъ священникамъ, чтобъ они „у раскольниковъ дѣтей крестили и браки вѣнчали только по ихъ просьбамъ, и притомъ взятковъ отнюдь не брали и никакимъ образомъ не домогались подъ лишеніемъ чиновъ своихъ.“ (Тамъ же I, 694,695). Послѣ того это было еще не одинъ разъ подтверждаемо. Но во многихъ приходахъ духовенство продолжало дѣйствовать попрежнему.

духовенствомъ, за что̀ въ послѣдствіи и подвергся непріятностямъ, думалъ иначе. Онъ находилъ, что открытою запиской тайныхъ раскольниковъ въ составленные списки наносится ущербъ церкви, и говорилъ, „что чиновники для записи въ расколъ указываютъ раскольникамъ къ тому способы и берутъ за то съ нихъ деньги“. Дѣло дошло до Петербурга и было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ. Въ положеніи его сказано: „при собираніи свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи, чиновники, занимавшіеся этимъ дѣломъ, дѣйствовали не вполнѣ осторожно и открывали нѣкоторымъ образомъ способы записываться въ расколъ и такимъ, которые прежде были православными“. Императоръ Александръ Павловичъ на журналѣ комитета 18-го іюня 1812 года собственноручно написалъ: „и не слѣдовало никогда гласной переписки дѣлать; нужно только имѣть подъ рукою свѣдѣніе о нихъ“. На основаніи этой резолюціи, циркуляромъ министерства полиціи сообщено всѣмъ губернаторамъ, что „его величеству благоугодно было приказать, чтобы свѣдѣнія о старообрядцахъ не иначе были собираемы, какъ подъ рукою и безъ всякой малѣйшей огласки, и чтобы вѣдомости о нихъ по таковымъ собираемымъ свѣдѣніямъ присылаемы были къ министру полиціи, единожды въ годъ, къ 1-му января.“ *

Это распоряженіе, совершенно противное принятой со временъ императрицы Екатерины II системѣ и рѣзко отличающееся отъ предшествовавшихъ указовъ императора Александра, состоялось въ самую трудную минуту. Императоръ находился тогда въ Вильнѣ, при немъ былъ и Балашовъ, не участвовавшій въ засѣданіи комитета министровъ, когда обсуждалось дѣло о пререканіяхъ Руновскаго съ Моисеемъ. На присланномъ изъ Петербурга журналѣ Александръ Павловичъ написалъ выше приведенную резолюцію чрезъ шесть дней по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, въ то время когда онъ уже приближался къ Вильнѣ. Въ такое время нельзя было предпринимать какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, надо было всячески заботиться о полнѣйшемъ внутреннемъ согласіи.

Начавшаяся перепись раскольниковъ была такимъ образомъ прекращена повсемѣстно. Она нигдѣ не была кончена.

---

* *Собраніе постановленій по части раскола* стр. 40, 41.

Въ составленныя для того книги внесены были одни только *записные* раскольники, то-есть потомки плативших двойной окладъ, да и то не всѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эти книги были внесены только главы семействъ, въ другихъ одинъ только мужескій полъ и т. п. Списки, составленные такимъ образомъ по распоряженію 1811 года, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались безъ измѣненій даже до 1852 года. Такимъ образомъ во время изслѣдованій произведенныхъ статистическими экспедиціями, о которыхъ будетъ сказано ниже, въ нѣкоторыхъ земскихъ судахъ было обнаружено, что именные списки раскольниковъ велись безъ всякихъ измѣненій съ 1811 года, и въ продолженіе сорока лѣтъ умершіе изъ нихъ не исключались, новорожденные не приписывались, а ежегодно показываемое въ вѣдомостяхъ число раскольниковъ означалось наобумъ, одинъ годъ немножко побольше, другой немножко поменьше. Во многихъ уѣздахъ именныхъ списковъ вовсе не велось, а ежегодно показываемая въ отчетахъ цифра ставилась совершенно произвольно.

Число раскольниковъ между тѣмъ умножалось. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ покойный московскій митрополитъ Филаретъ уже указывалъ на быстро увеличивающееся въ Москвѣ число раскольниковъ и на необходимость принять противъ усиленія раскола рѣшительныя мѣры. Александръ Арсеньевъ, бывшій долгое время раскольничьимъ попомъ на Рогожскомъ кладбищѣ и потому хорошо знавшій дѣла поповщинскаго раскола, въ послѣдствіи, когда уже былъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей Черниговской губерніи, официально заявилъ, что исходѣ 1823 года въ городѣ Москвѣ послѣдователей поповщинскаго раскола было до 35.000 человѣкъ, а въ 1825 году 68.000.* А по спискамъ значилось въ 1826 году раскольниковъ всѣхъ толковъ, духоборцевъ, субботниковъ и скопцовъ въ Москвѣ и во всей Московской губерніи 53.835.** Раскольники Рогожскаго кладбища еще въ двадцатыхъ годахъ и ранѣе въ просьбахъ, подаваемыхъ въ разныя учрежденія, постоянно упоминали, что число ихъ единовѣрцевъ во всей Россіи превышаетъ цифру пяти милліоновъ. Эта цифра

---

* Дѣло о Кочуевѣ, *въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.*

** Варадинова: *Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ*, VIII—163.

никогда никѣмъ не оспаривалась, никогда никѣмъ не опровергалась, она показывалась даже въ конфиденціальныхъ бумагахъ какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства. А между тѣмъ по офиціальнымъ донесеніямъ губернаторовъ раскольниковъ всѣхъ толковъ считали во всей Россіи лишь около восьми сотъ тысячъ.

Министерство полиціи было упразднено въ 1820 году, дѣла о раскольникахъ перешли въ особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и съ переходомъ въ новое министерство счисленіе раскольниковъ не улучшилось: губернаторы въ представляемыхъ вѣдомостяхъ показывали только *записныхъ* раскольниковъ, притомъ по иным губерніямъ только лицъ мужескаго пола, а по другимъ безъ причисленія новорожденныхъ. Изъ многихъ губерній вѣдомостей вовсе не доставлялось.

II.

Вскорѣ по воцареніи императора Николая Павловича, министерство внутреннихъ дѣлъ 26-го февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію, предписало губернаторамъ: доставлять ежегодно вѣдомости о числѣ раскольниковъ къ Новому году. Это не было новымъ распоряженіемъ, а только подтвержденіемъ состоявшагося въ 1811 году, но нигдѣ почти неисполненнаго. Въ томъ же 1826 году изъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ было образовано третье отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи. Губернаторамъ было предписано вѣдомости о раскольникахъ представлять по истеченіи каждаго года въ новое учрежденіе, а копіи съ нихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такъ продолжается и до сихъ поръ.

Въ вѣдомостяхъ на этомъ основаніи доставляемыхъ губернаторами показано раскольниковъ:

Въ	1826 году	827.721
„	1827 „	825.391 *
„	1837 „	1.003.816
„	1839 „	889.926 **

* Въ 1827 году не представлено свѣдѣній по Черниговской губерніи. По остальнымъ губерніямъ значится 795.435. Къ этому присоединена цифра по Черниговской губерніи, за предыдущій 1826 годъ, 29.956.

** Въ 1839 году не представлено свѣдѣній по губерніямъ Ени-

Въ 1841 году	911.671	
„ 1849 „	821.215	
„ 1850 „	829.971	*
„ 1859 „	875.382	
„ 1864 „	917.097	**

Сюда, какъ уже замѣчено, включены только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ въ XVIII столѣтіи двойной окладъ. Да и тѣ не всѣ; мы уже сказали что въ иныхъ уѣздахъ цифры не измѣнялись *по сороку* лѣтъ, и несмотря на естественное приращеніе населенія вслѣдствіе перевѣса количества рожденій надъ числомъ умершихъ, число раскольниковъ показывалось или одно и то же черезъ цѣлые десятки лѣтъ, или съ каждымъ годомъ понемножку убавлялось исправниками, чтобы показать предъ начальствомъ „благополучіе уѣзда и усердіе свое“ къ ослабленію раскола.

Порядокъ составленія по уѣздамъ и губерніямъ вѣдомостей о раскольникахъ слѣдующій. Въ каждомъ городскомъ или уѣздномъ полицейскомъ управленіи ведется именной

сейской, Таврической, Томской и по Землѣ Войска Донскаго, и общее число показано 788.560. Присоединяя къ этому цифру по названнымъ губерніямъ за 1837 годъ получимъ цифру 889.926.

* Въ 1841, 1849 и 1850 годахъ не показано цифры по иррегулярнымъ войскамъ (Землямъ Войска Донскаго, Уральскаго и Линейнаго). Въ прежнихъ вѣдомостяхъ, до 1840 поступавшихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ вѣдомостяхъ поступавшихъ послѣ 1840 года въ военное министерство цифра тамошнихъ раскольниковъ показывалась около 60.000. Эту цифру мы и прибавили къ счисленію за 1841, 1849 и 1850 годъ.

** Мы имѣемъ подъ руками официальныя цифры за всѣ годы съ 1826 до 1865, но выставляемъ здѣсь только тѣ, которыя читателю можно повѣрить по напечатаннымъ прежде свѣдѣніямъ. Счисленія за 1826, 1827, 1837, 1839, 1841, 1849 и 1850 гг. находятся въ восьмомъ томѣ *Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ* Варадинова; за 1859 годъ въ *Статистическихъ таблицахъ Россійской имперіи* изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, С.-Петербургъ 1863 г., стр. 234; за 1864 годъ цифра заимствована изъ *Статистическаго Временника Россійской имперіи* изданнаго въ 1866 году тѣмъ же центральнымъ статистическимъ комитетомъ (стр. 34). Къ цифрѣ, показываемой *Временникомъ* только по Европейской Россіи (801.745), мы прибавили 115.352, показанныя за 1859 годъ въ *Статистическихъ таблицахъ* по Сибири и Закавказью.

спискомъ раскольниковъ, но въ этихъ спискахъ записываются далеко не всѣ раскольники, особенно гдѣ ихъ много. Ежегодно составляемая числовая вѣдомость должна бы основываться на этихъ именныхъ спискахъ, но этого не дѣлается: полицейскія управленія обыкновенно придерживаются цифры предыдущихъ годовъ, убавляя ее понемножку.

Иные исправники, особенно изъ молодыхъ и вновь поступавшихъ на службу, и пробовали представлять цифру раскольниковъ ближе подходящую къ дѣйствительности, согласуя ее или съ свѣдѣніями духовенства (по вѣдомостямъ духовнаго вѣдомства, раскольниковъ почти повсемѣстно показывается больше чѣмъ въ полицейскихъ управленіяхъ) или съ собственными наблюденіями. Цифра въ такомъ случаѣ оказывалась гораздо большею показанной за предыдущіе годы. При полученіи такой вѣдомости въ губернскомъ управленіи обыкновенно возникалъ вопросъ, отчего въ такомъ-то уѣздѣ число раскольниковъ быстро увеличилось. Отъ исправника требовались объясненія: почему расколъ усилился, кто виновенъ въ совращеніи столь значительнаго числа вновь оказавшихся раскольниковъ, какія были приняты полиціей мѣры къ предупрежденію и пресѣченію раскольничьей пропаганды, почему не было своевременно донесено о столь сильномъ увеличеніи раскола и т. п. Возникала непріятная для исправника переписка, оканчивавшаяся обыкновенно дѣлаемыхъ ему замѣчаніемъ за неосновательность донесеній или за недостатокъ усердія къ пресѣченію развитія раскола. Разъ испытавъ такія послѣдствія согласованія ни на чемъ не основанной цифры съ дѣйствительностью, исправникъ ужь конечно никогда не повторялъ неудачнаго опыта, не подражали ему и преемники его, изъ старыхъ дѣлъ знавшіе каково выказывать непрошенное усердіе къ точности статистической цифры. Такъ и оставались всѣ при старой цифрѣ, ежегодно уменьшая ее понемножку. Но у каждаго дѣльнаго исправника прежде бывала и теперь есть своя, приблизительно вѣрная, цифра раскольничьяго населенія уѣзда, съ которою соображаются иногда и губернаторы, но она держится какъ бы въ секретѣ и обыкновенно называется *неофиціальною цифрой*.

Въ свою очередь бывали случаи, что иной губернаторъ представлялъ по цѣлой губерніи число раскольниковъ болѣе согласное съ дѣйствительностью; результаты оказывались тѣ

же или почти тѣ же. Начинались запросы отчего да почему раскольники умножились въ такой-то губерніи, требовались объясненія, завязывалась переписка, и затѣмъ все приходило въ прежнюю колею.

Изъ самыхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ, при тщательномъ ихъ сличеніи, ясно можно видѣть, до какой степени шатки заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія.

Въ послѣднія сорокъ лѣтъ (какъ видно изъ производившихся дѣлъ, изъ донесеній губернаторовъ, изъ представленій епархіальныхъ начальствъ, изъ спеціальныхъ изслѣдованій о расколѣ, производившихся на мѣстахъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ) расколъ усиливался преимущественно въ губерніяхъ великороссійскихъ, особенно же въ приволжскихъ и восточныхъ, а менѣе всего распространялся въ западномъ краѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что̀ объясняется значительнымъ числомъ живущихъ тамъ иновѣрцевъ: римско-католиковъ, лютеранъ, Евреевъ, а также и православныхъ, возсоединенныхъ изъ уніи въ 1839 г., изъ числа коихъ доселѣ совратившихся въ расколъ не было. Но офиціальныя цифры говорятъ совершенно противное. Изъ сличенія цифръ 1826 и 1864 годовъ выходитъ, что раскольниковъ во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ стало значительно меньше. Такъ въ губерніи Калужской ихъ будто бы уменьшилось на 9%, во Владимірской на 13%, Тамбовской на 15%, Тульской на 28%, Тверской на 29%, Олонецкой на 34%, Оренбургской, Саратовской и Симбирской взятыхъ вмѣстѣ на 34%, Орловской, Псковской и Пермской въ каждой на 37%, Ярославской на 44%, Петербургской на 45%, Костромской на 50%, Новгородской на 52%, Харьковской на 58%, а въ Полтавской даже на 91%.

За то въ губерніяхъ, гдѣ расколъ въ дѣйствительности не усиливался, и если число раскольниковъ увеличилось, то лишь вслѣдствіе естественнаго приращенія населенія, тамъ гдѣ расколъ даже ослабѣвалъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ (напримѣръ, въ Землѣ Войска Донскаго и въ Могилевской губерніи, по уничтоженіи въ послѣдней старообрядскихъ монастырей Гомельскаго уѣзда), тамъ, по указанію офиціальныхъ цифръ, съ 1826 по 1864 годъ онъ усилился въ два и даже въ два съ половиной раза. Такъ въ Курляндіи онъ показалъ усилившимся на 157%, въ Могилевской губерніи на 148%, въ Волынской на 145%, въ Бессарабіи на 121%,

въ Кіевской губерніи на 80%, въ Подольской на 80%, въ Землѣ Войска Донскаго на 67%, въ Екатеринославской губерніи на 59%, въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской взятыхъ вмѣстѣ на 53%, въ Херсонской на 47%, въ Лифляндской на 30% и въ Витебской на 25%.

Цифры духовнаго вѣдомства по нѣкоторымъ епархіямъ нѣсколько выше цифръ представленныхъ губернаторами, по другимъ ниже. Вопросъ, отчего изъ одной губерніи доходили разныя вѣсти, разрѣшается очень просто: какъ губернаторы, такъ и архіереи представляли своимъ начальствамъ цифру фантастическую, основаніе для которой заключалось единственно въ показаніяхъ за предшествовавшіе годы. Каждый оставался спокоенъ: безпокойныхъ запросовъ, непріятной переписки не было. Не ими такъ началось, не ими и кончится. Замѣчательно однако, что и цифры доставляемыя въ святѣйшій синодъ епархіальными архіереями представляютъ то же самое, что̀ и представляемыя въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторами: гдѣ раскольниковъ въ 1826—1864 годахъ стало въ дѣйствительности больше, тамъ показывалось, что число ихъ уменьшилось, и наоборотъ.

Какъ цифры губернаторскихъ отчетовъ основываются на цифрахъ представляемыхъ полицейскими управленіями, такъ и епархіальныя донесенія о числѣ раскольниковъ основываются на ежегодно представляемыхъ приходскими причтами вѣдомостяхъ. Казалось бы, епархіальная цифра должна быть вѣрнѣе губернаторской, даже безусловно вѣрна. Кому же вѣрнѣе знать свой приходъ, кому всего удобнѣе имѣть на счету всѣхъ уклоняющихся отъ церкви, какъ не приходскому священнику? Но на дѣлѣ выходитъ не то. И приходскіе причты, составляя вѣдомости о раскольникахъ, не основываются на дѣйствительности, но, подобно исправникамъ, придерживаются цифръ прошлаго года. Еслибы какой-нибудь священникъ и вздумалъ представить въ консисторію дѣйствительную цифру раскольниковъ, ему угрожали бы еще болѣе чувствительныя непріятности чѣмъ исправнику. Бюрократизмъ и формалистика въ духовномъ вѣдомствѣ развиты едва ли еще не больше чѣмъ въ гражданскомъ. Приходскій священникъ, рѣшась представить начальству дѣйствительную, извѣстную ему цифру раскольниковъ, долженъ бы былъ, вмѣсто прошлогднихъ десятковъ, показать сотни. Отъ того произошли бы неизбѣжные запросы, переписка и

даже гораздо хуже. Увеличеніе цифры раскольниковъ можетъ подать начальству мысль о неспособности священника. Что же онъ за пастырь, если изъ стада его вдругъ цѣлыя сотни уклонились въ расколъ? Вѣрно показавшій число раскольниковъ въ своемъ приходѣ можетъ такимъ образомъ подвергнуться строгому взысканію, даже лишиться мѣста.

Сверхъ того, причты тѣхъ приходовъ, гдѣ много раскольниковъ, имѣютъ, къ сожалѣнію, еще особыя причины скрывать настоящее число ихъ. Раскольникъ *записной* для причта человѣкъ потерянный, съ него онъ не получитъ ни копѣйки. Напротивъ, *незаписной* составляетъ важную статью въ домашнемъ бюджетѣ церковнослужителей. Незаписной въ книгахъ раскольникъ считается православнымъ, но отмѣчается не бывающимъ у исповѣди и св. причастія или по *наклонности къ расколу*, чаще *по нерачснію* или *по опущенію*, а иногда даже отмѣчается *бытчикомъ* (непремѣнно одинъ разъ въ десять лѣтъ). Такой раскольникъ, сроду не бывавшій и на церковной паперти, но зачисленный по церковнымъ вѣдомостямъ православнымъ, несравненно выгоднѣе для причта чѣмъ самый усердный прихожанинъ. За то чтобъ у него не исправлять требъ онъ платитъ гораздо дороже чѣмъ усердный къ церкви прихожанинъ за исправленіе ихъ. Притомъ доходъ съ „незаписнаго“ вѣрнѣе и обезпеченнѣе; чуть воспротивился онъ платить положенную дань, на него готовъ доносъ: отца похоронилъ въ лѣсу, сына крестилъ неизвѣстно гдѣ, дочь вѣнчалъ не при церкви и т. п. Такъ бывало въ прежнее время, а по мѣстамъ и до сихъ поръ дѣлается. Начнется бывало слѣдствіе, и хотя дѣло ничѣмъ не кончится, ибо въ *Уложеніи о наказаніяхъ* за подобные проступки наказанія не полагается, однакоже несговорчивому даннику нахожденіе подъ слѣдствіемъ всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую онъ поупрямился заплатить своевременно. Дѣло затягивалось на нѣсколько лѣтъ; а находящемуся подъ слѣдствіемъ не выдавали паспортовъ, и если онъ человѣкъ торговый, то много терялъ отъ невольнаго домосѣдства.

Бывавшіе подъ судомъ раскольники за дѣйствія по расколу извѣстны во многихъ мѣстахъ подъ именемъ *рѣшеныхъ*. Вотъ откуда произошло такое странное названіе: до 1853 года каждое дѣло о раскольникахъ, по разсмотрѣніи въ уѣздныхъ судахъ и въ уголовныхъ палатахъ, представля-

лось, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на обсужденіе комитета министровъ. По закону наказаніе полагается только совратителямъ, совращенные же, *по рѣшеніямъ* комитета министровъ, обыкновенно подвергались духовному увѣщанію, и если оставались послѣ того въ расколѣ, то обязывались подпиской никого въ расколъ не совращать. Во время существованія такого порядка много десятковъ тысячъ перебывало въ консисторіяхъ на увѣщаніяхъ, но не было, кажется, ни одного примѣра, чтобъ увѣщанія эти подѣйствовали на увѣщеваемаго, чтобы хоть одинъ раскольникъ согласился остаться при церкви, а не идти въ число *рѣшеныхъ*. Да и то надо сказать, что всѣ эти троекратныя увѣщанія на практикѣ были не что̀ иное какъ троекратная плата извѣстной суммы денегъ. Казалось бы, такой *рѣшеный* не долженъ уже былъ затѣмъ считаться по церковнымъ росписямъ православнымъ, долженъ бы быть причисленъ къ записнымъ раскольникамъ. Этого никогда не бывало. Рѣшеный никогда не вносился въ списки раскольниковъ, тѣмъ менѣе семья его; напротивъ, если у рѣшенаго родился послѣ увѣщаній и данной имъ подписки ребенокъ, и онъ, какъ водится, окрестилъ его по своему обряду, на него поступалъ новый доносъ, *о совращеніи въ расколъ своего сына*, то-есть новорожденнаго-то. Начиналось новое дѣло, въ концѣ котораго были новыя троекратныя увѣщанія.

Принадлежащіе къ сектамъ хлыстовскимъ (хлысты, монтаны, ляды, лазаревщина, скопцы, шелапуты и пр.) и мистическимъ (сіонская церковь, десные христіане и пр.) почти никогда не показываются въ числѣ отщепенцевъ отъ господствующей церкви. Принадлежащіе, напримѣръ, къ хлыстамъ, по самымъ правиламъ своей секты, должны исправлять всѣ требы въ православной церкви и дѣйствительно исправляютъ ихъ съ виду усерднѣе самаго усерднаго православнаго и потому считаются принадлежащими къ церкви, между тѣмъ какъ въ то же время имѣютъ своихъ живыхъ боговъ, своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ и т. п.

Несообразность числа раскольниковъ, официально показываемаго, съ дѣйствительною цифрой, давно обращала на себя вниманіе. Такъ, напримѣръ, было обращено вниманіе на Пермскую губернію, гдѣ въ 1826 году показывалось 112 тысячъ раскольниковъ, въ тридцатыхъ годахъ при бывшемъ тамъ архіепископѣ Аркадіи обращено изъ нихъ въ право-

славіе сто тысячъ, * но въ 1841 году, по офиціальнымъ показаніямъ, ихъ оставалось еще 108 тысячъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Пермской епархіи обращено было изъ раскола еще до ста тысячъ человѣкъ, а въ 1850 году все-таки показывалось 72.899; въ пятидесятыхъ годахъ обращено еще до сотни тысячъ, а въ 1864 году показывалось еще 70 тысячъ.

Несообразность офиціальной цифры съ дѣйствительною самымъ поразительнымъ образомъ оказалась въ 1850 году. Въ ноябрѣ этого года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, кромѣ годовыхъ отчетовъ по своему управленію, представили государю отчеты за 25 лѣтъ. При отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ бывшій тогда министромъ графъ Л. А. Перовскій представилъ особую записку о расколѣ. Оказалось, что къ началу царствованія Николая Павловича раскольниковъ въ Россіи было 827 тысячъ, въ двадцать пять лѣтъ обратилось къ православію и къ единовѣрію болѣе милліона, и все-таки къ 1851 году осталось ихъ 750 тысячъ. Графъ Перовскій, рѣшительно отрицая приблизительную даже вѣрность послѣдней цифры, замѣтилъ, что дѣйствительное число раскольниковъ несравненно болѣе показываемаго офиціально, „конечно, ихъ *до девяти милліоновъ*“, замѣтилъ онъ. Не задолго передъ тѣмъ (въ концѣ сороковыхъ годовъ) произведены были изслѣдованія о расколѣ въ Московской губерніи состоявшимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Липранди. Онъ доносилъ графу Перовскому, что въ той губерніи раскольниковъ не 73.485, какъ значится въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ, а 186.000. ** Общее же число раскольниковъ по всему государству г. Липранди, основываясь на счетѣ самихъ московскихъ раскольниковъ, полагалъ въ девять милліоновъ. *** На этомъ основаніи и говоритъ въ своей запискѣ графъ Перовскій.

---

* Объ этомъ недавно писали и въ *Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*.

** *Статистическія таблицы Россійской Имперіи, издаваемыя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ*. Спб. 1863, стр. 235.

*** *Записка г. Липранди*, напечатанная во 2 томѣ *Сборника правительственныхъ распоряженій о расколѣ*, г. Кельсіева, стр. 104 и 146.

Прочитавъ *Записку о расколѣ въ 1825—1850 годахъ*, императоръ Николай Павловичъ приказалъ графу Перовскому придумать средства, какимъ бы образомъ, не возбуждая народныхъ толковъ о записи въ раскольники, негласно и самымъ осторожнымъ образомъ собрать возможно вѣрныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ августовской книжкѣ *Православнаго Собесѣдника* за 1867 годъ помѣщена статья *О численности раскольниковъ*; въ ней г. Ивановскій разказываетъ, какимъ образомъ производились эти изслѣдованія. Но эта статья, будучи основана лишь на тѣхъ немногихъ офиціальныхъ запискахъ, которыя напечатаны г. Кельсіевымъ въ изданномъ имъ въ Лондонѣ *Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ*, не полна и не совсѣмъ вѣрна.

Г. Ивановскій введеніе въ наше общество мнѣнія о десятимилліонной численности раскольниковъ * приписываетъ г. Липранди и пишущему эти строки. Слишкомъ много чести! Мнѣніе это основано не на моихъ изслѣдованіяхъ и не на изслѣдованіяхъ г. Липранди, а на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ государства, съ одной стороны генералъ-губернаторами, губернаторами, чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, статистическими экспедиціями, а съ другой епархіальными архіереями, вслѣдствіе указа святѣйшаго синода, послѣдовавшаго въ іюнѣ 1853 года.

---

* Г. Ивановскій говоритъ: „на основаніи этихъ-то свѣдѣній (изслѣдованій по Московской, Костромской и Нижегородской губерніямъ) число раскольниковъ стали считать въ десятеро больше чѣмъ какъ показывали офиціальныя цифры, то-есть не около милліона, а около десяти милліоновъ.“ При этомъ онъ ссылается на мою *Записку о русскомъ расколѣ*, составленную для великаго князя Константина Николаевича въ 1857 году и напечатанную въ первомъ томѣ Кельсіевскаго *Сборника*. Но тамъ сказано: „по другимъ губерніямъ (кромѣ Нижегородской), на основаніи свѣдѣній секретно собранныхъ министерствомъ, дѣйствительное число раскольниковъ превышаетъ офиціально показываемую цифру раскольниковъ въ 5, въ 6, въ 8 и даже въ десять разъ и болѣе“. Изъ этихъ словъ еще нельзя, кажется, заключить, что на этомъ основаніи слѣдуетъ считать раскольниковъ повсюду въ десять разъ болѣе. Притомъ *Записка о русскомъ расколѣ* писана въ 1857 году, но девяти или десяти милліонная цифра раскольниковъ является въ разныхъ офиціальныхъ запискахъ за десять лѣтъ и болѣе до этого времени.

Вотъ какъ было дѣло, на сколько мнѣ оно извѣстно. Во время министерства графа Перовскаго дѣла по расколу, какъ и теперь, завѣдывались департаментомъ общихъ дѣлъ министерства. Но въ этомъ департаментѣ производились тогда только дѣла такъ-сказать обиходныя: переписка съ губернскими начальствами о раскольникахъ, разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ о проступкахъ раскольниковъ, составленіе по этимъ дѣламъ записокъ для внесенія въ комитетъ министровъ, принятіе мѣръ противъ раскола сообразно мѣстнымъ условіямъ и т. п. Дѣла же большей важности, какъ, напримѣръ, о только что возникшей въ то время Бѣлокриницкой митрополіи, по изслѣдованіямъ скопческой секты и хлыстовъ, по собранію свѣдѣній для исторіи раскола и самое составленіе ея, словомъ, всѣ работы, требовавшія не только знанія канцелярскаго порядка, но и научной подготовки — поручены были извѣстному ученому, бывшему предъ тѣмъ профессоромъ Московскаго университета и редакторомъ журнала *Телескопъ*, покойному Н. И. Надеждину. * Надеждинъ былъ редакторомъ и *Записки о расколѣ*, представленной императору Николаю Павловичу во время совершившагося двадцатипятилѣтія его царствованія. Получивъ повелѣніе привести въ возможную ясность число раскольниковъ, графъ Перовскій и это дѣло возложилъ на Надеждина, поручивъ ему придумать средства къ исполненію государевой воли и выбрать способныхъ на то людей какъ изъ министерскихъ чиновниковъ, такъ и изъ лицъ постороннихъ. Въ это время я, по порученію графа Перовскаго, ревизовалъ полиціи, думы и другія городскія учрежденія въ Нижегородской губерніи, и не кончивъ еще ревизіи, въ мартѣ 1852 года пріѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Во время этихъ объясненій графъ Перовскій сталъ разспрашивать меня о нижегородскихъ раскольникахъ и послѣ довольно продолжи-

---

* Подъ его руководствомъ въ сороковыхъ годахъ работали: дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди и нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились недавно бывшій московскимъ губернаторомъ графъ А. К. Сиверсъ, нынѣшній одесскій градоначальникъ М. Н. Шидловскій и др. Принимали въ этихъ работахъ участіе В. И. Даль, завѣдывавшій тогда особою канцеляріей графа Перовскаго, и товарищъ министра покойный И. Г. Свяжинъ. Дѣла, порученныя Надеждину, производились помимо департамента.

тельнаго разговора сказалъ, что онъ намѣренъ дать мнѣ порученіе по дѣламъ раскола, и приказалъ объясниться съ Надеждинымъ. Отъ Надеждина узналъ я объ упомянутой *Запискѣ* и о повелѣніи государя, въ исполненіи котораго я долженъ былъ принять участіе. Кромѣ меня къ этому былъ призванъ предсѣдатель петербургской уголовной палаты И. С. Синицынъ. Начались совѣщанія какъ исполнить волю государя, какъ узнать приблизительно вѣрное число раскольниковъ въ двухъ на первый разъ губерніяхъ, не подавая никому ни малѣйшаго повода къ заключеніямъ, что производится счетъ ихъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, по назначенію министра, принялъ участіе еще одинъ изъ министерскихъ чиновниковъ, нынѣ статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, бывшій тогда вице-директоромъ хозяйственнаго департамента и завѣдывавшій дѣлами „временнаго статистическаго комитета“. По его мысли образованы были двѣ „статистическія экспедиціи“, одна въ губернію Нижегородскую, другая въ Ярославскую. Начальствующимъ первой графъ Перовскій назначилъ меня, а начальствующимъ второй — покойнаго Синицына. Статистическія экспедиціи составлены были изъ членовъ, назначенныхъ изъ министерскихъ чиновниковъ и изъ прикомандированныхъ къ нимъ, по соглашенію начальствующихъ съ мѣстными губернаторами, самыхъ способныхъ и лучшихъ чиновниковъ губернскаго управленія. Члены были избираемы гг. Надеждинымъ и Милютинымъ. Ими же была одобрена составленная мною инструкція статистическимъ экспедиціямъ; она утверждена графомъ Перовскимъ и напечатана въ томъ же 1852 году въ *Сборникѣ циркуляровъ по министерству внутреннихъ дѣлъ*. Назначены были на обѣ экспедиціи особыя денежныя средства (до 15 тысячъ) изъ министерства и, кромѣ того, изъ губернскихъ суммъ по соглашенію начальствующихъ экспедиціями съ губернаторами. *

---

* Въ ярославской экспедиціи подъ начальствомъ Синицына находились: тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ (бывшій московскій губернаторъ), дѣйствительные статскіе совѣтники А. И. Артемьевъ (старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета), Насиловъ (предсѣдатель петербургскаго физиката) и Г. Г. Григорьевъ (владимірскій вице-губернаторъ), статскій совѣтникъ графъ Гуттенъ-Чапскій (бывшій петербургскій вице-губернаторъ) и ма-

Вскорѣ послѣ того какъ статистическія экспедиціи отправились въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи, графъ Перовскій призналъ нужнымъ произвести исчисленіе раскольниковъ еще въ одной губерніи, лежащей между двумя названными, въ Костромской. Но не образуя для того цѣлой экспедиціи, онъ послалъ туда гг. Брянчанинова и Арнольди, на которыхъ не лежало обязанности собирать общія статистическія свѣдѣнія, и они исключительно занимались собраніемъ свѣдѣній о раскольникахъ.

Вотъ результаты счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ 1852 году въ Нижегородской, Костромской и Ярославской губерніяхъ:

Въ Нижегородской, по офиціальному показанію губернатора, было 20.246 раскольниковъ обоего пола. По изслѣдованіямъ статистической экспедиціи ихъ оказалось 172.500.

Въ Костромской офиціально показывалось 19.870 раскольниковъ. Брянчаниновъ и Арнольди насчитали 105.572.

Въ Ярославской офиціально показывалось 7.454 раскольника, по изслѣдованію статистической экспедиціи оказалось 278.417.

Такимъ образомъ оказалось въ Костромской губерніи раскольниковъ въ пять разъ болѣе, въ Нижегородской въ восемь съ половиной разъ, а въ Ярославской *въ тридцать семь разъ*.

Изслѣдованія по тремъ губерніямъ представили слѣдующій результатъ: вмѣсто 47.570 раскольниковъ офиціально показываемыхъ, оказалось ихъ 556.389, то-есть, около двухъ третей офиціальной цифры, относящейся ко всей Имперіи. Оказалось, что офиціальная цифра по тремъ губерніямъ, взятымъ вмѣстѣ, уменьшена *въ одиннадцать разъ*. На этомъ-то основа-

---

гистръ богословія Пискаревъ. Въ Нижегородской экспедиціи находились: статскіе совѣтники Е. К. Огородниковъ (старшій редакторъ центральнаго статистическаго комитета) и Н. И. Зайцевскій (секретарь того же комитета), камеръ-юнкеръ П. А Галаховъ и А. Н. Аксаковъ. Въ числѣ губернскихъ чиновниковъ при мнѣ находился К. В. Трубниковъ, теперь редакторъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*. Въ Костромскую губернію были посланы дѣйствительные статскіе совѣтники Брянчаниновъ (бывшій ставропольскій губернаторъ) и статскій совѣтникъ Л. И. Арнольди (бывшій калужскій вице-губернаторъ).

ніи и стали считать дѣйствительную цифру раскольниковъ приблизительно отъ 9 до 10 милліоновъ. Общее число раскольниковъ по всей Россіи официально за 1852 годъ показано было въ 910 тысячъ. Помноживъ его на одиннадцать, получимъ 10 милліоновъ. Вотъ какимъ образомъ произошла десятимилліонная цифра раскольниковъ. Впрочемъ, девятимилліонную цифру въ правительственныхъ сферахъ предполагали и прежде этого времени.

Статистическія экспедиціи продолжались до 1855 года, но съ начала 1853 года расколомъ онѣ уже не занимались. До 1855 года я и г. Синицынъ, оставаясь начальствующими экспедицій, одни, безъ участія членовъ, занимались болѣе подробными изслѣдованіями о состояніи раскола, я по Нижегородской, онъ по Ярославской и Костромской губерніямъ. Это происходило уже въ министерство Д. Г. Бибикова.

III.

Еще счисленіе раскольниковъ статистическими экспедиціями не было кончено, какъ графъ Перовскій получилъ въ августѣ 1852 года другое назначеніе, а министромъ внутреннихъ дѣлъ государь повелѣлъ быть генералъ-адъютанту Д. Г. Бибикову. Вскорѣ по представленіи результатовъ счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ трехъ лишь губерніяхъ и подтвердившаго мнѣніе, что раскольниковъ въ Россіи находится до девяти милліоновъ, онъ 18-го февраля 1853 года входилъ объ этомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и государь, для обсужденія въ подробностяхъ дѣла о современномъ состояніи раскола, повелѣлъ новому министру составить особый комитетъ,* „которому заняться во всей подробности пересмотромъ изготовленнаго уже свода дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ и составить

---

* Онъ состоялъ изъ графа Блудова, оберъ-прокурора св. синода графа Протасова и министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова. См. *Собраніе постановленій по части раскола*, Спб. 1858, стр. 586. Въ этомъ комитетѣ сверхъ того принялъ участіе и покойный архіепископъ херсонскій Иннокентій, находившійся тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ.

основный проектъ правилъ, которыя служили бы на будущее время руководствомъ при всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и въ судебныхъ дѣлахъ до раскольниковъ относящихся". *

Во второмъ засѣданіи этого комитета 23-го мая 1853 года между прочимъ постановлено: „1) поручить епархіальнымъ преосвященнымъ собрать осторожнѣйшимъ образомъ, не гласно, посредствомъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, и доставить святѣйшему синоду достовѣрныя, сколько можно, свѣдѣнія о нынѣшнемъ числѣ раскольниковъ и о состояніи раскола въ ихъ епархіяхъ съ означеніемъ въ какихъ наиболѣе мѣстахъ проживаютъ раскольники, кто ихъ наставники и коноводы, и какими они располагаютъ средствами, чѣмъ особенно держится расколъ и чѣмъ бы съ большею благонадежностью могъ быть потрясенъ до основанія, и кто изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ способнѣе быть употребляемъ противъ сектаторовъ; 2) въ видахъ усиленія противураскольничьихъ духовныхъ миссій образовать при духовныхъ академіяхъ изъ наличныхъ студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для особаго приготовленія ихъ на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники; 3) приступить къ новому изданію книгъ въ прежнее время изданныхъ въ обличеніе раскола; составить и издать обстоятельную исторію раскола въ Россіи и возможно полное обличеніе порознь самыхъ главныхъ сектъ его: поповщины и безпоповщины въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, поручивъ составленіе таковыхъ книгъ, подъ руководствомъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, извѣстнымъ и опытнѣйшимъ въ духовномъ просвѣщеніи лицамъ;** 4) поручить Казанской ду-

---

* *Собраніе постановленій по части раскола*, Спб. 1858, стр. 587.

** Къ этому не было приступлено. Въ 1858 г. высочайше повелѣно составить исторію раскола въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, „употребивъ на этотъ важный государственный трудъ, какъ изволилъ выразиться Государь Императоръ, самыхъ способныхъ къ подобному дѣлу чиновниковъ и лицъ спеціально знакомыхъ съ предметомъ". Для сего назначены были покойнымъ министромъ графомъ Ланскимъ двое спеціалистовъ (А. И. Артемьевъ и пишущій эти строки), но за неотысканіемъ денежныхъ средствъ работы

ховной академіи, какъ еще не занятой никакимъ повременнымъ изданіемъ, издавать духовный журналъ, съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ его видахъ.“ *

Въ томъ же засѣданіи комитета состоялось постановленіе о приведеніи въ извѣстность современнаго положенія раскола и посредствомъ гражданскихъ лицъ, одновременно съ изслѣдованіями епархіальныхъ начальствъ, „дабы, какъ сказано было въ журналѣ комитета, повѣркой однихъ свѣдѣній другими можно было достигнуть до удовлетворительной въ нѣкоторой степени полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола.“ ** Это предположеніе было высочайше утверждено 10 іюня 1853 года.

Одновременно съ тѣмъ постановлено и государемъ утверждено: всѣ дѣла о раскольникахъ обратить къ общему ходу, то-есть изъ уголовныхъ палатъ не представлять ихъ болѣе чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, а вершить на законномъ основаніи въ самихъ палатахъ или въ сенатѣ, смотря по сущности дѣла. Тогда же утверждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *особенное временное управленіе* изъ самаго малаго числа чиновниковъ для

эти не приведены въ исполненіе. (*Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858, стр. 677—684.)

* Такимъ образомъ произошелъ *Православный Собесѣдникъ*. Въ редакцію его были доставлены копіи съ отчетовъ о современномъ положеніи раскола, составленныхъ въ 1854—1856 гг. въ разныхъ губерніяхъ чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ нихъ-то преимущественно г. Щаповъ составилъ свою книгу *Русскій расколъ старообрядства*, изъ нихъ-то составлена и значительная часть статей о расколѣ, напечатанныхъ въ *Православномъ Собесѣдникѣ* (иногда цѣликомъ слово въ слово), и нигдѣ не сдѣлано ни одного упоминанія объ источникѣ, даже и послѣ заявленія, напечатаннаго въ началѣ 1862 года въ *Сѣверной Пчелѣ*. Все какъ будто было открыто и изслѣдовано самою редакціей *Православнаго Собесѣдника*, между тѣмъ какъ трудъ ея состоялъ преимущественно въ перефразировкѣ, а иногда только въ переписке того или другаго отрывка изъ отчетовъ.

** *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода*, II, 526—529. *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1858 стр. 592.

производства важнѣйшихъ дѣлъ о раскольникахъ.* Дѣла о расколѣ изъ департамента общихъ дѣлъ были переданы въ особенную канцелярію министра, ими сталъ завѣдывать сенаторъ А. И. Войцеховичъ. Изъ занимавшихся расколомъ при графѣ Перовскомъ остались при тѣхъ же занятіяхъ, то-есть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ статистики, догматики и исторіи раскола только четверо: графъ Стенбокъ, А. И. Артемьевъ, И. С. Синицынъ и я.** Надеждинъ сдѣлался тяжко боленъ и черезъ два года скончался, Н. А. Милютинъ, поступивъ на должность директора хозяйственнаго департамента, также прекратилъ всякое участіе въ дѣлахъ по расколу.

Приведеніе въ извѣстность современнаго положенія раскола предположено было на первый разъ произвести въ слѣдующихъ тридцати пяти губерніяхъ: Архангельской, Виленской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Курской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Полтавской, Псковской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тобольской, Томской, Тверской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Эстляндской, Ярославской и въ области Бессарабской. Изъ нихъ въ двадцати шести изслѣдованія предположено было произвести посредствомъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, а въ губерніяхъ С.-Петербургской, Московской, Новгород-

---

* *Собраніе постановленій по части раскола.* Спб. 1863, стр. 592—602. Тамъ означены и лица занимавшіяся приведеніемъ въ исполненіе правилъ 10-го іюня 1853 года (упраздненіе раскольничьихъ скитовъ и монастырей, воспрещеніе отлучекъ раскольникамъ проживавшимъ въ скитахъ, собраніе съ раскольниковъ по рублю съ души, что впрочемъ не состоялось, записка ихъ въ гильдіи на временномъ правѣ, требованіе метрическихъ свидѣтельствъ на законность браковъ и пр.). Эти лица были: сенаторъ А. И. Войцеховичъ, графъ Бобринскій, гг. Ковальковъ (нынѣ помощникъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ), Сипягинъ, Д. А. Арсеньевъ (оба умершіе) и Бажановъ (теперь чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ).

** И. С. Синицына не должно смѣшивать съ другимъ чиновникомъ министерства Синицынымъ, который во времена графа Перовскаго заслужилъ извѣстность по сыскнымъ дѣламъ о контрабандѣ, фальшивой монетѣ и т. п.

ской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Саратовской спеціальными чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. *

Данная по этому случаю инструкція напечатана въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, но не совсѣмъ точно, не вполнѣ. ** Вотъ она: „1) Сколько въ N губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію сими токмо книгами, то нужно обратить особенное вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто они именно. *** 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по скольку именно въ городѣ, селѣ, выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ

---

* Года три тому назадъ въ *Душеполезномъ Чтеніи* нѣкто П., говоря, что изслѣдованія о раскольникахъ производимы были неправильно (онъ называетъ Самарскую губернію, гдѣ этимъ дѣломъ занимался статсъ-секретарь Гротъ, бывшій тогда самарскимъ губернаторомъ), замѣчаетъ, что вообще эти изслѣдованія производимы были мелкими чиновниками, не понимавшими дѣла. Это несправедливо. Кромѣ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ этимъ дѣломъ занимались: въ Петербургской губерніи церемоніймейстеръ И. П. Варпаховскій, въ Московской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Игнатьевъ, а по назначеніи его саратовскимъ губернаторомъ—тайный совѣтникъ Н. П. Смирновъ (бывшій сенаторъ), въ Новгородской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. К. Арсеньевъ (нынѣшній олонецкій губернаторъ), въ Ярославской и Костромской—статскій совѣтникъ И. С. Синицынъ, въ Симбирской—дѣйствительные статскіе совѣтники князь Урусовъ и Компанейщиковъ (нынѣшній вятскій губернаторъ), въ Саратовской—дѣйствительные статскіе совѣтники графъ Стенбокъ (товарищъ министра удѣловъ) и А. И. Артемьевъ; въ Нижегородской и Казанской—пишущій эти строки. Кромѣ того, какъ сказано выше, изслѣдованіями о расколѣ занимались епархіальные архіереи.

** Редакція *Православнаго Собесѣдника* заимствовала ее изъ лондонскаго *Сборника* г. Кельсіева (т. IV, стр. 55 и далѣе).

*** Изслѣдованія производились одновременно съ повѣркой на мѣстахъ только что произведенной тогда девятой народной переписи.

сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники N губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій, и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ N губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ, извѣстно ли гдѣ они находятся, снабжены ли они законными видами, и состоятъ ли они съ своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ N губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ. 5) Нѣтъ ли въ N губерніи скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, и если есть, то гдѣ они находятся, когда составились, въ какомъ числѣ людей, и кто эти люди. 6) Нѣтъ ли въ N губерніи послѣдователей секты странниковъ или бѣгуновъ, и если есть, то дознать кто эти люди и гдѣ они укрываются. 7) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники по образу жизни, по занятіямъ и по понятіямъ, и во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими жителями губерніи и чѣмъ отличаются, распространяется ли между ними грамотность, у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ и т. п. 8) На какія секты раздѣляются теперь раскольники N губерніи, лжеученіе сектъ сихъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде; если съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками, какими именно, и не образовались ли между ними новыя секты и какія,—въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи. Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ N губерніи, какіе между ними ходятъ толки, въ чемъ состоятъ ихъ надежды, съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ, какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей, чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ, и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ коихъ можно бы было воспользоваться. 9) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, дабы обнаружить самый скелетъ раскола,

то-есть, вопервыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ-статься въ иныхъ мѣстахъ и по недостатку самыхъ храмовъ; вовторыхъ, руководителей раскола по фанатизму; втретьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія, относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній о каждомъ, какимъ образомъ слѣдовало бы поступить съ нимъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ."

Вотъ въ чемъ состояли тѣ изслѣдованія раскола, о которыхъ составилось у насъ въ обществѣ превратное понятіе и о которыхъ усердными корреспондентами Герцена говорилось въ заграничной печати какъ о чемъ-то подобномъ испанской инквизиціи. Вотъ въ чемъ состояли возглашенныя этою печатью „Бибиковскія гоненія раскольниковъ". Всякій можетъ видѣть было ли тутъ что-нибудь похожее на гоненія. Результатомъ произведенныхъ изслѣдованій было приведеніе въ ясность состоянія раскола, дотолѣ весьма мало извѣстнаго правительству.

По мѣрѣ поступленія отчетовъ о современномъ состояніи раскола, представленныхъ губернаторами и спеціальными чиновниками министерства, они отправляемы были въ святѣйшій синодъ, гдѣ производилось сличеніе ихъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, и вслѣдствіе того дѣлались по духовному вѣдомству надлежащія распоряженія. Первый отчетъ представленъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Онъ заключался въ тринадцати томахъ съ приложеніями. Сличеніе его съ отчетомъ нижегородскаго преосвященнаго Іереміи и критическій разборъ обоихъ производилъ преосвященный Григорій, архіепископъ казанскій, въ послѣдствіи митрополитъ петербургскій. Оказалось, что нижегородскій преосвященный нашелъ въ своей епархіи раскольниковъ еще болѣе чѣмъ чиновникъ министерства. Официальная цифра была 20.246, министерскій чиновникъ опредѣлилъ ее въ 172.500, а преосвященный Іеремія

въ 233.323. * Затѣмъ поступилъ отчетъ отъ псковскаго губернатора и олонецкимъ архіепископомъ Аркадіемъ сличенъ съ отчетомъ о состояніи раскола въ Псковской епархіи, представленнымъ преосвященнымъ Платономъ. Третій разсмотрѣнный такимъ образомъ отчетъ былъ симбирскій, начатый чиновниками министерства и конченный губернаторомъ. Сличеніе его съ отчетомъ симбирскаго преосвященнаго и критическій разборъ произведены были по порученію святѣйшаго синода архимандритомъ Софоніею. Такимъ образомъ сличались и прочіе отчеты начальниковъ губерній и министерскихъ чиновниковъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, сличались для того, чтобы „повѣркой однихъ свѣдѣній другими, достигнуть до удовлетворительной, въ нѣкоторой степени, полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола".

Во всѣхъ отчетахъ, составленныхъ начальниками губерній и министерскими чиновниками, число раскольниковъ показано гораздо больше чѣмъ въ офиціальныхъ ежегодныхъ отчетахъ. По многимъ губерніямъ оно показано, въ семь, въ восемь, въ десять разъ болѣе, а по Ярославской даже въ тридцать семь разъ.

Въ отчетахъ епархіальныхъ архіереевъ то же самое. Преосвященный Іеремія Нижегородскій показалъ, напримѣръ, дѣйствительное число въ одиннадцать разъ болѣе офиціальнаго, увеличивъ такимъ образомъ число насчитанное министерскимъ чиновникомъ на цѣлую треть его.

При сличеніи отчетовъ въ святѣйшемъ синодѣ и при критической ихъ оцѣнкѣ, ни по одному не выражено ни малѣйшаго сомнѣнія въ невѣрномъ увеличеніи цифры.

Въ губерніяхъ, гдѣ изслѣдованія производились министерскими чиновниками, оказалось:

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Московской	73.485	186.000
„ Нижегородской.	20.246	172.500
„ Новгородской	8.436	68.131
„ Саратовской	25.750	125.000

---

* *Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода* 11—673.

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Костромской.	19.870	105.572
„ Казанской.	8.267	72.000 *
„ Ярославской.	7.454	278.417
„ Симбирской	7.500	85.000
Всего . . .	171.008	1.092.620 **.

А принимая поправку нижегородскаго преосвященнаго Іереміи, нашедшаго цифру 172.500 неточною и опредѣлившаго число ихъ 233.323, получимъ общее число дѣйствительныхъ раскольниковъ въ восьми губерніяхъ 1.153.443. Стало-быть, ихъ оказалось въ семь разъ болѣе чѣмъ показывалось официально.

Теперь представимъ нѣкоторыя цифры по изслѣдованіямъ, произведеннымъ генералъ-губернаторами и губернаторами

	Число раскольниковъ записныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Олонецкой	3.850	18.197
„ Оренбургской	18.500	145.000
„ Самарской.	28.750	85.194

Исчисленій по другимъ губерніямъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ въ настоящее время подъ руками. Но общій выводъ изъ нихъ былъ тотъ, что раскольниковъ въ десять разъ болѣе чѣмъ показывалось.

При производствѣ изслѣдованій на мѣстахъ ни по духовному вѣдомству преосвященнымъ, ни по гражданскому губернаторамъ и спеціальнымъ чиновникамъ не было дано

---

* Изслѣдованія по Казанской губерніи мною не кончены; пробывъ въ Казани не болѣе мѣсяца (въ февралѣ и мартѣ 1855 года), я отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Въ это время изслѣдованіе по расколу прекратилось, и я не возвращался въ Казанскую губернію. Я успѣлъ собрать свѣдѣнія только о расколѣ въ самой Казани. Цифра, представленная мною здѣсь, сообщена мнѣ предъ отправленіемъ въ Казань, находившимся тогда въ Петербургѣ Казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ (въ послѣдствіи митрополитъ Петербургскій). Преосвященный, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о расколѣ въ его епархіи, замѣчалъ, что раскольниковъ въ ней должно быть болѣе ста тысячъ.

** По Петербургской губерніи изслѣдованія не были кончены.

одинаковой программы дѣйствій, и потому каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію. Конечно, это большой недостатокъ, но онъ былъ неизбѣженъ. Въ маѣ 1852 г., когда, предъ отправленіемъ изъ Петербурга статистическихъ экспедицій, я и покойный Синицынъ, какъ начальствующіе экспедиціями, откланивались графу Перовскому, министръ, на вопросъ какіе употреблять пріемы при собраніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, сказалъ: „подробныхъ инструкцій дать вамъ нельзя; все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, здѣсь намъ неизвѣстныхъ; предоставляю все вашей находчивости и умѣнью воспользоваться мѣстными обстоятельствами. Вы посылаетесь на первый разъ, въ видѣ опыта; самыя ошибки ваши въ этомъ новомъ дѣлѣ будутъ полезны въ послѣдствіи при производствѣ такихъ же работъ по другимъ губерніямъ. Поэтому ведите подробные дневники о своихъ дѣйствіяхъ и посылайте ихъ къ Надеждину.“ Въ 1853 году также не дано было однообразной программы.

Такъ какъ изслѣдователи дѣйствовали каждый по-своему, то конечно одинъ насчиталъ раскольниковъ больше, другой меньше. Такъ напримѣръ Синицынъ, въ Ярославской губерніи, признаками раскола считалъ домашнее употребленіе лѣстовокъ, подручниковъ, ручныхъ кадильницъ и т. п. * Еслибъ этотъ признакъ былъ принятъ въ основаніе по Нижегородской губерніи, то мнѣ пришлось бы все населеніе Заволжья отнести къ числу раскольниковъ поголовно. Но одинъ и тотъ же признакъ имѣетъ смыслъ въ одной губерніи и не имѣетъ его въ другой. Въ губерніяхъ южныхъ, напримѣръ, двуперстное сложеніе есть вѣрный признакъ раскола, а въ Нижегородской и Костромской около одной третьей доли православныхъ крестится двуперстно.

Отнюдь не выдавая свою систему дѣйствій за непогрѣшимую, представлю однако здѣсь какимъ образомъ я считалъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи. Я и члены экспедиціи объѣхали всѣ приходы и сдѣлали выписки изъ исповѣдныхъ записей, сколько не бываетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ у исповѣди и у св. причастія: а) по наклонности къ расколу, б) по нерадѣнію, в) по опущенію, г) по малолѣтству. Отъ многихъ священниковъ я слышалъ, что записы-

---

* Его изслѣдованіе напечатано во II томѣ *Сборника правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ* Кельсіева.

ваемые небытчиками по опущенію и нерадѣнію въ дѣйствительности раскольники. Это подтверждалось сдѣланнымъ въ 1847 году общимъ по епархіи распоряженіемъ архіепископа Іакова: „не считать раскольниками не бывающихъ по нѣсколько лѣтъ у исповѣди и у св. причастія, если имъ не сдѣлано узаконеннаго увѣщанія, и они епархіальнымъ начальствомъ не исключены изъ числа православныхъ прихожанъ". Тогдашній преосвященный Іеремія, принимавшій близкое участіе въ этомъ дѣлѣ, говорилъ мнѣ, что всѣхъ этихъ небытчиковъ слѣдуетъ считать раскольниками.*

Затѣмъ собираемы были свѣдѣнія отъ мѣстныхъ властей,**

---

* Въ своемъ отчетѣ, представленномъ въ святѣйшій синодъ, преосвященный говоритъ: „предмѣстникомъ моимъ преосвященнымъ Іаковомъ въ отчетахъ за 1847 и 1848 годъ доводимо было до свѣдѣнія святѣйшаго синода распоряженіе его по Нижегородской епархіи, чтобы не считать раскольниками тѣхъ, коимъ не было сдѣлано узаконеннаго увѣщанія, хотя бы они не были нѣсколько лѣтъ у исповѣди и святаго причастія, и слѣдовательно епархіальнымъ начальствомъ не исключены изъ числа православныхъ прихожанъ. Слѣдствіемъ такого распоряженія было то, что священно- и церковнослужители не бывшихъ нѣсколько лѣтъ у исповѣди и святаго причастія за явнымъ или тайнымъ *уклоненіемъ въ расколъ* стали писать: „за нерачѣніемъ" или „по опущенію". Цѣль таковыхъ небытчиковъ не считать въ числѣ записныхъ раскольниковъ та, чтобъ они *не совершенно освободились отъ духовной власти*. Причиною приращенія раскольниковъ и небытчиковъ на исповѣди и у святаго причастія въ послѣдніе годы было слѣдующее обстоятельство: дознана мною и консисторіей, доказана многими опытами и сознана священно- и церковнослужителями *невѣрность записей въ исповѣдныхъ книгахъ*. Изъ желанія ли показаться усердными пастырями, пекущимися о ввѣренномъ имъ словесномъ стадѣ, изъ угодія ли своимъ прихожанамъ и опасенія навлечь на себя негодованіе и подвергнуться тайнымъ или явнымъ нареканіямъ ихъ, или изъ какихъ-либо видовъ корысти священно- и церковнослужители всегдашнихъ небытчиковъ показывали часто бытчиками у исповѣди и у святаго причастія, если не за всѣ годы, то по крайней мѣрѣ за многіе." (См. *Сборникъ* Кельсіева, 1—184.)

** Вотъ что писалъ, напримѣръ, ко мнѣ тогда управлявшій въ то время Нижегородскимъ удѣльнымъ имѣніемъ В. И. Даль: „Въ Семеновскомъ уѣздѣ въ двухъ волостяхъ удѣльныхъ крестьянъ 7.400 мужескаго пола, изъ нихъ полиція показываетъ раскольниковъ обоего пола до 3.000, по духовнымъ же росписямъ значится 2.493, а по именнымъ

которымъ неофиціально извѣстна приблизительно вѣрная цифра раскольниковъ, отъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, наконецъ, отъ нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ въ своей средѣ раскольниковъ. Опредѣливъ, такимъ образомъ, цифру незаписныхъ раскольниковъ и опредѣливъ сколько процентовъ общаго числа православныхъ они составляютъ, оставалось взять столько же процентовъ изъ числа не бывающихъ у исповѣди и у причастія за малолѣтствомъ и приложить ее къ числу незаписныхъ. Эта цифра, вмѣстѣ съ цифрой записныхъ, и составила 172.500 человѣкъ.

Что получаемая посредствомъ такого пріема цифра не можетъ считаться преувеличенною, доказательствомъ тому

спискамъ въ удѣльной конторѣ раскольниковъ гласныхъ 4.295, да сверхъ того скрытныхъ, исправляющихъ въ церквахъ нѣкоторыя требы въ крайнихъ случаяхъ, „страха ради іудейска“, до 3.000, итого около 7.300 обоего пола, то-есть не менѣе половины населенія. Еще лучше другой примѣръ: по Арзамасскому уѣзду удѣльныхъ крестьянъ не показано раскольниками ни одного, тогда какъ тамъ есть нѣсколько удѣльныхъ селеній, напримѣръ Волчиха, населенныхъ сплошь раскольниками безпоповщины, большею частію толковъ поморскаго и спасова согласія. Здѣсь же должно, впрочемъ, объяснить, что по обычному порядку, въ мѣстахъ, гдѣ расколъ распространенъ, молодые люди большею частію числятся православными, хотя въ сущности и не знаютъ и не исповѣдываютъ никакой вѣры, родители имъ даютъ полную свободу, и безнравственность достигаетъ между ними до высшей степени; женитьба и замужство составляютъ обыкновенно первый переворотъ въ этомъ отношеніи: четѣ объявляется, по взаимному согласію родителей ея, послѣдователей разныхъ толковъ, къ какому толку они должны принадлежать, и нерѣдко мужъ и жена остаются, по условію, въ разныхъ толкахъ, съ обѣщаніемъ воспитывать дѣтей по отцѣ или по матери. За всѣмъ тѣмъ и тутъ еще отъ четы не требуется строгаго исполненія правилъ: они еще молоды, успѣютъ „замолить“ грѣхи свои, да и старухи молятся за нихъ. Въ извѣстные годы, когда уже мірское и житейское теряетъ нѣсколько силу свою, но честолюбіе усиливается, и человѣкъ желаетъ пріобрѣсти вѣсъ и значеніе, бывшая молодежь обращается „къ спасенію“, начинаетъ хаживать и съ полнымъ уже усердіемъ обращается къ расколу. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ большей половинѣ Россіи только часть молодаго поколѣнія можно причислить къ *временно-православнымъ*, подъ старость же и оно поголовно обращается въ расколъ.“

служитъ то, что преосвященный Іеремія, имѣвшій, разумѣется, несравненно болѣе средствъ для дознанія приблизительно вѣрной цифры чѣмъ я, насчиталъ раскольниковъ на цѣлую треть больше добытой мною цифры.

Примѣнимъ теперь этотъ способъ исчисленія раскольниковъ по всему государству, взявъ за основаніе отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1859 годъ.

Въ 1859 году всѣхъ православныхъ по церковнымъ росписямъ значилось 51.474.209 обоего пола. Изъ того числа не бывшихъ у исповѣди и св. причастія:

По наклонности къ расколу.	726.982
По нерадѣнію	3.417.231
Не причащавшихся по опущенію.	2.196.714
Всего	6.340.927

Это и есть приблизительная цифра незаписныхъ раскольниковъ взрослыхъ. За малолѣтствомъ изъ 51.474.209 человѣкъ не было на исповѣди и у св. причастія 9.232.234, что̀ составляетъ около одной пятой общаго числа. Одна пятая цифры 6.340.927 будетъ: 1.268.185. Присовокупляя это число къ числу взрослыхъ незаписныхъ раскольниковъ получимъ 7.709.112.

Записныхъ раскольниковъ по отчетамъ 1859 года значилось 875.382. Такимъ образомъ общее число раскольниковъ въ 1859 году было 8.584.494.

Въ изслѣдованіяхъ о числѣ раскольниковъ, произведенныхъ въ 1863 году въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ руководствомъ члена государственнаго совѣта А. Г. Тройницкаго, бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ же году напечатанныхъ, сказано: „вѣрнѣе всего можно принять (за раскольниковъ) 10% всего населенія Россіи или $^1/_6$ всего православнаго населенія.“ * Изслѣдованія эти, произведенныя г. Бушеномъ, основаны также на цифрахъ 1859 года. Одна шестая доля тогдашняго православнаго населенія (51.474.209) составляетъ 8 580.000, то-есть то же что̀ и нами сейчасъ выведено.

Но кромѣ незаписныхъ (хотя и явныхъ) раскольниковъ, у насъ не мало тайныхъ сектаторовъ, которые, слѣдуя

---

* *Статистическія таблицы, изданныя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ.* Спб. 1863 г., стр. 235.

ученію несравненно болѣе противному православію чѣмъ всѣ виды такъ-называемаго старообрядства, считаются самыми усердными сынами церкви, ибо христіанскія обязанности исполняютъ усерднѣе всѣхъ. Они причащаются не однажды въ годъ, а по четыре раза, они не уклоняются и въ другое время отъ общественнаго богослуженія и почитаются приходскими клирами за самыхъ усердныхъ прихожанъ. Таковы хлысты во всѣхъ отрасляхъ этой секты: божьи люди, богомолы, ляды, купидоны, лазаревщина, монтаны, милютинская ересь, адамиты, шелапуты, холстовщина, духовные скопцы и обыкновенные скопцы. Къ этимъ сектамъ, признающимъ своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ, живыхъ боговъ, принадлежали даже духовныя лица. * Принадлежащихъ къ этимъ тайнымъ сектамъ исчислить нѣтъ никакой возможности. Центральный статистическій комитетъ полагаетъ, что ихъ въ Россіи не менѣе 110.000.

Кромѣ того, есть отрасль раскола, такъ-называемое Спасово согласіе, раздѣляющаяся на нѣсколько сектъ. Они исполняютъ требы въ православныхъ церквахъ, то-есть крестятъ дѣтей, пріобщаются (особенно передъ свадьбой), вѣнчаются. Всѣ они записываются въ духовныхъ росписяхъ бытчиками у исповѣди и св. причастія. Они находятся преимущественно въ поволжскихъ губерніяхъ, отъ Нижегородской до Астраханской, а также въ Пензенской, Тамбовской и отчасти въ Воронежской. Въ одной Нижегородской губерніи ихъ болѣе 60.000 (они-то, вѣроятно, и составляютъ разницу въ цифрахъ, полученныхъ мною и преосвященнымъ Іереміею. Всѣхъ же послѣдователей Спасова согласія считаютъ до 700.000.

Прибавивъ 110.000 послѣдователей тайныхъ сектъ и 700.000 Спасова согласія получимъ цифру въ 9.300.000.

Эта цифра относится къ 1859 году. Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Статистическія изслѣдованія о движеніи народонаселенія въ Россіи показываютъ, что у насъ ежегодное приращеніе равняется 1,3%, а въ девять лѣтъ 11,7. Слѣдо-

---

* Въ прошломъ столѣтіи въ Москвѣ монашествующіе Ивановскаго и Петровскаго монастырей, въ Петербургской губерніи—Зеленецкаго монастыря. Недавно, именно въ 1867 году, въ Харьковской губерніи въ одномъ изъ монастырей обнаружена такая же секта, о чемъ извѣщено было въ газетахъ.

вательно, цифра, равнявшаяся девять лѣтъ тому назадъ 9.300.000, теперь уже возрасла *свыше десяти милліоновъ двухсотъ тысячъ* именно 10.295.000. Но такъ какъ эту цифру нельзя считать положительно вѣрною, то мы и полагаемъ, что раскольниковъ теперь *отъ десяти до девяти милліоновъ.*

Въ послѣднее время не мало говорятъ о томъ, будто число раскольниковъ умножается. И дѣйствительно, въ газетахъ часто встрѣчаются извѣстія объ уклоненіяхъ въ расколъ цѣлыми массами. Такъ, года четыре тому назадъ въ Симбирской губерніи разомъ обратилось въ расколъ болѣе двадцати пяти тысячъ, въ 1867 году половина города Петровска (Саратовской губерніи), то-есть пять тысячъ, въ октябрѣ 1867 половина села Богородскаго (Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи), то-есть три тысячи, и т. д. Къ мѣстнымъ начальствамъ и въ центральное управленіе часто поступаютъ просьбы отъ цѣлыхъ обществъ, въ которыхъ они, говоря, что издавна не принадлежатъ къ господствующей церкви, ходатайствуютъ о дозволеніи имъ отправлять религіозные обряды по-своему и объ исключеніи ихъ изъ списковъ православныхъ. Эти явленія еще не доказываютъ, чтобы число раскольниковъ дѣйствительно увеличивалось, чтобы совращенія въ расколъ совершались массами, и чтобы православная паства терпѣла ущербъ.

Это не что̀ иное какъ стремленіе незаписныхъ раскольниковъ, составляющихъ около девяти десятыхъ общаго числа, попасть въ число записныхъ и тѣмъ окончательно избавиться отъ всякихъ столкновеній съ приходскими причтами. Въ послѣдніе годы, когда система правительственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ значительно измѣнилась, и они уже не преслѣдуются за свои заблужденія, когда затѣмъ крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ прекратилась, незаписные раскольники стали открыто заявлять принадлежность свою къ расколу, которому, впрочемъ, слѣдовали со дня своего рожденія. Число раскольниковъ, собственно говоря, не увеличивается, оно остается то же, но расколъ начинаетъ выходить наружу, и это явленіе нѣкоторыми принимается за усиленіе раскола. Въ дѣйствительности же расколъ значительно слабѣетъ противъ прежняго: слабѣетъ его духъ, его нетерпимость, его фанатизмъ. Гражданское полноправіе раскольниковъ и распространеніе въ народѣ образованія, безъ сомнѣнія, осла-

бятъ его еще болѣе и послужатъ къ совершенному его уничтоженію. Но конечно, это можетъ совершиться не вдругъ, а въ продолженіе, быть-можетъ, еще многихъ десятилѣтій и при томъ непремѣнномъ условіи, что система стѣсненій, оказавшаяся на опытѣ лишь способствовавшею къ умноженію раскольниковъ и къ усиленію фанатизма раскола, никогда и ни въ какомъ видѣ не будетъ возстановляема.

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

ГОВОРУНЫ

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица.

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ КОСТОМИНЪ, богатый землевладѣлецъ, должностное лицо по уѣзду, 55 лѣтъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, его жена, 35 лѣтъ.

СЕРГѢЙ СЕРГѢИЧЪ КРОХОТОВЪ, дальній родственникъ Костомина.

ПЛАТОНЪ КИРИЛЫЧЪ ЧИГАСОВЪ, изъ мелкопомѣстныхъ.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА, его жена.

ПЕТРЪ, сынъ Чигасова отъ перваго брака, 25 лѣтъ.

НАСТЕНЬКА, дочь Чигасова отъ перваго брака, крестница Костомина, 18 лѣтъ.

ЛЕОНИДЪ НИКОЛАЕВИЧЪ НЕЛИЦКІЙ, чиновникъ изъ Петербурга, племянникъ Костомина, 36 лѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ ИЛЬИЧЪ КРЕНЕВЪ, 30 лѣтъ.

ВАДИМЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛАДУШКИНЪ, 35 лѣтъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ, проживающій по бѣдности у Чигасовыхъ.

Слуга Костомина.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшой, простенькій садъ. Въ различныхъ мѣстахъ сцены куртины цвѣтовъ и деревья. На правомъ планѣ сцены прилегающая къ деревянному дому терраса. Въ глубинѣ сцены, прямо противъ зрителей, деревянный заборъ, въ срединѣ котораго затворенная калитка. Налѣво отъ зрителей и ближе къ авансценѣ, круглый столъ и около него полукруглая скамья. Направо, совершенно на авансценѣ, садовая съ рѣшетчатою спинкой скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧИГАСОВЪ, ПЕТРЪ, ЛАДУШКИНЪ и НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Первые двое сидятъ у стола. Нилъ Нилычъ роется въ кустахъ, по близости сидящихъ. Ладушкинъ стоитъ по срединѣ сцены. Петръ въ бѣломъ парусинномъ пиджакѣ, а Нилъ Нилычъ въ свѣтлосѣромъ сюртукѣ, довольно длинномъ и застегнутомъ, и въ бѣломъ галстукѣ.

ЛАДУШКИНЪ (*обращаясь къ Петру*).

Такъ что жь, по-твоему, я не имѣю права распоряжаться безотчетно своимъ капиталомъ, не могу улучшать свое имѣніе, жить доходами съ него?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, не можете, потому что принципъ наслѣдства—ложный принципъ. Онъ въ явномъ противорѣчіи съ истинными экономическими началами.

ЛАДУШКИНЪ.

Ну, принципъ! начало! Охъ ужь эти ваши начала! Въ томъ-то и бѣда, что во всемъ вы знаете только одни начала, а концовъ свести не можете.

ЧИГАСОВЪ (*нюхая табакъ*).

Нѣтъ, Вадимъ Петровичъ, я въ этомъ случаѣ такъ полагаю, что пріятно видѣть, когда молодой человѣкъ до такой степени произошелъ и философію, и экономію....

ЛАДУШКИНЪ (*Петру*).

Любезный другъ, да ты подумай: вѣдь отрицая право наслѣдства, ты посягаешь на святое чувство заботы отца о дѣтяхъ.

ПЕТРЪ.

Въ томъ-то и дѣло, что наука не признаетъ этихъ нѣжностей. Развѣ птицы, напримѣръ, оставляютъ запасы корма для своего потомства? Каждая изъ нихъ питается только тѣмъ, что̀ находитъ сама. Таковъ законъ природы.

ЧИГАСОВЪ.

Правда, правда. И насчетъ птицъ я это заключеніе нахожу справедливымъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

И вотъ посмотрите, Платонъ Кирилычъ, какъ напримѣръ чижи эту траву любятъ. (*Показываетъ пригоршню травы.*)

ЧИГАСОВЪ (*Нилу Нилычу*).

Не мѣшай, братецъ.

ЛАДУШКИНЪ (*Петру*).

А на основаніи какого закона природы самъ-то ты ничего не дѣлаешь и сидишь на̀ шеѣ у своей семьи? Малому двадцать пять лѣтъ и до сихъ поръ не можетъ нигдѣ устроиться. Странствуетъ съ мѣста на мѣсто безъ всякаго дѣла. Эхъ, вы, философы! На себя-то оглянулись бы.

ПЕТРЪ.

Позвольте. Вопервыхъ, вы не понимаете, что̀ мы дѣласмъ. Быть-можетъ, отъ нашихъ дѣлъ гораздо больше пользы человѣчеству чѣмъ отъ вашихъ. А вовторыхъ, если мы не можемъ нигдѣ устроиться, какъ вы выражаетесь, то въ этомъ виноваты не мы, а вы же сами, потому что вы эксплуатируете частный трудъ вашими капиталами.

ЛАДУШКИНЪ.

Вотъ тебѣ-на! Я же виноватъ сталъ, я же виноватъ въ томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ!

ПЕТРЪ.

Да, вы, и всѣ тѣ, которые подобно вамъ родились капиталистами, рантье....

ЛАДУШКИНЪ.

А безъ насъ вы, конечно, натворили бы великихъ дѣлъ? Измѣнили бы все?

ПЕТРЪ.

Да, все, рѣшительно все.

ЛАДУШКИНЪ.

Небось и земной шаръ перекатили бы на другое мѣсто?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*Чигасову въ полголоса*).

Платонъ Кирилычъ, а что такое рантье?

ЛАДУШКИНЪ.

Вотъ въ самомъ дѣлѣ странно. Родишься на свѣтъ съ заранѣе опезпеченнымъ кускомъ хлѣба, разумѣется, въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, и никакъ не воображаешь, что ужь сдѣлалъ бѣду, помѣшалъ какимъ-то господамъ совершать великіе подвиги! (*Подходя къ Петру и комическимъ тономъ:*) Петръ Платонычъ, вы меня, пожалуста, извините, что я родился. Мнѣ, право, совѣстно. Еслибъ я зналъ, что помѣшаю вамъ, я какъ-нибудь постарался бы....

ПЕТРЪ.

Это не отвѣтъ, а буфонство.

ЛАДУШКИНЪ.

Буфонство! А ты полагаешь, что на твои софизмы можно отвѣчать серіозно? Слуга покорный. Я не охотникъ до ученыхъ споровъ подобнаго рода (*садится на скамью у авансцены*).

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, а я такъ люблю, когда разговариваютъ объ ученыхъ предметахъ: все такія новыя слова слышишь. (*Взглянувъ на калитку*). Ай! Никакъ наша барыня воротилась отъ Костоминыхъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЧИГАСОВЪ, ПЕТРЪ, ЛАДУШКИНЪ (попрежнему на скамьѣ у авансцены) и КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (входитъ въ калитку, которую затворяетъ за собою).

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*Чигасову и не замѣчая Ладушкина*).

А ты все еще здѣсь! Съ самаго обѣда тутъ прохлаждаешься. Хотя бы ты въ комнатахъ поприбралъ. Знаешь, что гости будутъ. Что жь ты сложа руки-то сидишь! Гм! тюфякъ, право тюфякъ!

ЧИГАСОВЪ.

Что жь ты, Катюшенька, сердишься? Еще успѣемъ сдѣлать все что̀ нужно: теперь только шестой часъ, а гости раньше восьми не соберутся.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Порѣшилъ дѣло. Ишь умникъ какой! Самъ часъ для гостей назначилъ. А вотъ какъ Костомины-то сейчасъ будутъ? Евгенія Александровна мнѣ сію минуту сказала, что мы съ мужемъ пойдемъ осматривать пріютъ и къ вамъ завернемъ. Нельзя же намъ своихъ благодѣтелей принять кое-какъ. Вѣдь мы ихъ милостями только и живемъ. А ты объ этомъ ни о чемъ не подумаешь. Забрался тутъ, какъ кротъ въ нору. Я все одна, да одна хлопочи, распинайся за васъ за всѣхъ. (*Съ крикомъ.*) Да что ты тутъ прилипъ? Говорятъ тебѣ, ступай, прибери въ комнатахъ.

ЧИГАСОВЪ.

Иду, иду, матенька. Ну, не сердись (*идетъ къ террасѣ*).

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*передразнивая его*).

Иду, иду, матенька! Гм! кулекъ! (*Нилу Нилычу:*) Нилъ! пошелъ, прими посуду. Сейчасъ отъ Костоминыхъ принесутъ. Да шевелись, старое чучело!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*уходя*).

Сейчасъ, сейчасъ. (*Въ сторону:*) Экое зелье! Экое зелье!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ЧИГАСОВА и НИЛА НИЛЫЧА.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*Петру*).

А ты что, другъ милый, такимъ растерзаннымъ ходишь? Концы галстука на цѣлую сажень распустилъ. Повѣситься что ли собираешься? Сними свой балахонъ-то, да надѣнь хоть сюртучишко. Что ты, отъ большой учености, поваромъ-то вырядился!

ПЕТРЪ.

Зачѣмъ мнѣ переодѣваться? Я къ вашимъ гостямъ не выйду.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Къ вашимъ гостямъ!... Смотри, пожалуй, какой знатный князь или графъ, что̀ нашими гостями пренебрегаетъ. Да, да, любезный другъ, я тебѣ и не совѣтовала бы порядочнымъ людямъ на глаза показываться, только не отъ важности, а отъ стыда. Другой бы сынъ, въ твои лѣта, все семейство содержалъ, а ты который разъ сюда за деньгами пріѣзжаешь?

ПЕТРЪ.

Не бойтесь, больше не пріѣду. Теперь я только и думаю о томъ какъ бы убраться отсюда навсегда, чтобы не подвергать дальнѣйшимъ опытамъ ваше скряжничество.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Что̀? Скряжничество? (*Устремляясь къ нему:*) Какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія дерзости? Ну, да постой! я съ тобой теперь иную рѣчь поведу. Я сумѣю тебя пристроить. Я завтра же пойду къ Костомину и разкажу ему все.... Скажу, что отъ тебя житья нѣтъ. Пусть онъ упрячетъ тебя куда-нибудь подальше. Теперь, говорятъ, есть такой законъ на вашу братію, безголовыхъ мудрецовъ. Довольно вамъ тутъ новыя науки объяснять. Будешь гдѣ-нибудь семгу ловить или рябчиковъ стрѣлять. Погоди ты! погоди ты! (*Уходитъ тоже чрезъ террасу.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, кромѣ КАТЕРИНЫ ВЛАСЬЕВНЫ. (Петръ смотритъ вслѣдъ уходящей Катеринѣ Власьевнѣ, потомъ мѣрными шагами, съ надутою физіономіей, подходитъ къ Ладушкину.)

ПЕТРЪ.

Вадимъ Петровичъ!

ЛАДУШКИНЪ.

Что ты?

ПЕТРЪ.

Вы слышали?

ЛАДУШКИНЪ (*равнодушно*).

Слышалъ.

ПЕТРЪ.

Дайте мнѣ триста рублей взаймы.

ЛАДУШКИНЪ.

Это почему?

ПЕТРЪ.

Потому, что я не могу здѣсь оставаться. Вы сами видѣли сейчасъ, что здѣсь за сцены: глупость, грубость, невѣжество! Чего добраго, въ самомъ дѣлѣ дождешься, что мачиха когда-нибудь въ волосы вцѣпится. Вѣдь здѣсь еще татарскія понятія о личности. Я хочу опять уѣхать въ Петербургъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Дѣло не въ томъ. А я тебя спрашиваю: почему ты именно ко мнѣ обращаешься за деньгами?

ПЕТРЪ.

Обстоятельства заставляютъ. Потому, что отъ домашнихъ мнѣ ждать нечего. Они больше не дадутъ.

ЛАДУШКИНЪ.

А! Понимаю. Согласно обстоятельствамъ, ты предпочитаешь внѣшній заемъ внутреннему. Я вѣдь тебя знаю, вѣдь ты замѣчательный финансистъ: ты въ совершенствѣ изучилъ всѣ эти теоріи займовъ безъ возврата.

ПЕТРЪ.

Не бойтесь, со временемъ все возвращу что̀ у васъ занималъ. Я занимаю именно у васъ потому, что у васъ всегда есть лишнія деньги, стало-быть, вы не имѣете основательнаго повода отказывать.

ЛАДУШКИНЪ (*вставъ*).

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это очень вѣрный выводъ! У васъ есть деньги, стало-быть.... стало-быть, давайте каждому, кто проситъ. Какъ просто-то! А намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, это до сихъ поръ и въ голову не приходило. (*Перемѣняя тонъ:*) Дружище, Петръ! Не требую я возвращенія того, что̀ ты у меня занималъ. Напротивъ, далъ бы я тебѣ съ величайшимъ удовольствіямъ вдвое, втрое болѣе, еслибы только былъ увѣренъ, что эти займы пойдутъ тебѣ хоть сколько-нибудь въ пользу. А вѣдь это, наконецъ, становится швыряньемъ денегъ за окно, и продолжать такое занятіе ради тебя у меня рѣшительно нѣтъ охоты. Ты вспомни, вѣдь ты выросъ почти на моихъ глазахъ, зналъ я тебя, когда ты былъ еще гимназистомъ. Развѣ я когда-нибудь не заявлялъ полнѣйшей готовности помочь тебѣ сдѣлаться человѣкомъ? И что̀ жь изъ тебя вышло? Подумай, что̀ ты творишь и что̀ ты проповѣдуешь въ свое оправданіе....

ПЕТРЪ.

А! Понимаю; я задѣлъ ваше самолюбіе. Вамъ не нравится, если человѣкъ, въ вопросѣ науки, откровенно высказываетъ свои убѣжденія. Вы даете взаймы только тѣмъ, кто во всемъ соглашается съ вами. Это вашъ невинный, дозволенный процентъ. Въ такомъ случаѣ, я совѣтовалъ бы вамъ давать побольше взаймы подобнымъ господамъ.... (*указывая за кулисы*) вотъ какъ Креневъ. Онъ будетъ подличать предъ вами сколько угодно, ради своихъ выгодъ. (*Уходя:*) Ха-ха-ха! какое колоссальное самолюбіе! Ха-ха-ха! (*Быстро уходитъ налѣво.*)

ЛАДУШКИНЪ.

Да ты, братецъ, пойми.... ты пойми только.... (*Махнувъ рукой:*) Удивительный народъ! (*Возвращаясь къ скамьѣ и смотря за кулисы налѣво:*) Однако Креневъ что-то ужь очень сильно начинаетъ ухаживать за Настенькой. Какія у него цѣли? Богъ знаетъ, что̀ у него въ головѣ. Вѣдь онъ тоже мастеръ прикрываться фразами. (*Садится на скамью и задумывается.*) А хорошая дѣвушка... (*Подумавъ:*) Дѣвушка и съ умомъ, и съ сердцемъ. (*Снова подумавъ:*) Симпатичное существо.... (*снова послѣ нѣкотораго молчанія:*) могла бы составить счастіе для мужа.... (*снова помолчавъ:*) да, для мужа, котораго она любила бы.... (*внезапно оборачиваясь:*) Они идутъ сюда.... и какой жаркій разговоръ! Креневъ беретъ ее за руку. Уйдти лучше: чего добраго, еще сдѣлаешься невольнымъ свидѣтелемъ самыхъ интимныхъ объясненій. Уступайте, уступайте мѣсто всѣмъ, Вадимъ Петровичъ. Прочь съ дороги! (*Уходитъ налѣво за ближнюю кулису.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

КРЕНЕВЪ и НАСТЕНЬКА (*быстро выходятъ изъ дальней кулисы налѣво*).

НАСТЕНЬКА (*кокетливо защищаясь отъ Кренева, который ее преслѣдуетъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Пожалуста, не требуйте этого.

КРЕНЕВЪ.

Послушайте, Настасья Платоновна. Вы очень умная дѣвушка, и натура у васъ замѣчательно богатая. Но я вамъ прямо скажу—она еще недоразвита. Мелкая жизненная среда не даетъ развиться въ васъ прекраснымъ начаткамъ. Оттого, несмотря на вашъ здравый взглядъ, самыя простыя вещи вдругъ покажутся вамъ чѣмъ-то дикимъ, и вы начинаете представлять какія-то совершенно дѣтскія возраженія. Я вамъ говорю о любви, о глубинѣ чувства, о глубокой симпатіи; я жду такого же полнаго, сердечнаго отвѣта, въ которомъ сказалось бы все существо ваше, и вы вдругъ...

НАСТЕНЬКА.

Я уже вамъ сказала, что я васъ люблю. Чего же вы еще хотите отъ меня?

КРЕНЕВЪ.

Я хочу отъ васъ поцѣлуя, единаго поцѣлуя. Пусть этотъ поцѣлуй будетъ для меня задаткомъ....

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, нѣтъ. Пожалуста, не требуйте отъ меня никакихъ задатковъ.

КРЕНЕВЪ.

Настасья Платоновна, я не понимаю васъ. Позвольте же наконецъ.... да любите ли вы меня?

НАСТЕНЬКА.

Я-то васъ люблю и люблю давно; а вотъ вы любите ли меня, Владиміръ Ильичъ? Признаюсь, ваше сегодняшнее объясненіе совершенно сконфузило меня: я никакъ не ожидала.... потому что.... А знаете, Владиміръ Ильичъ, я вамъ скажу откровенно, вѣдь я васъ мысленно уже давно ревновала къ Костоминой: мнѣ все казалось, что вы въ нее влюблены, а не въ меня.

КРЕНЕВЪ.

Въ Костомину! Полноте. Изъ чего вы это заключили? Вы сами должны знать, что.... Впрочемъ, стóитъ ли говорить о подобныхъ пустякахъ. Лучше обратимся къ нашему разговору. (*Схватывая ее за руку.*) Итакъ поцѣлуй, одинъ поцѣлуй.

НАСТЕНЬКА (*защищаясь*).

Нѣтъ, постойте.... постойте.... я совсѣмъ потерялась. Дайте мнѣ немножко опомниться. Вы, конечно, останетесь у насъ сегодня весь вечеръ?

КРЕНЕВЪ.

Нѣтъ, не могу. У меня есть дѣло.

НАСТЕНЬКА.

А если я буду просить васъ непремѣнно остаться у насъ.

КРЕНЕВЪ.

Перестаньте, что̀ за шутки.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, совсѣмъ не шутки. А если я не только прошу, но даже требую, чтобы вы остались у насъ, требую какъ доказательства вашей любви ко мнѣ.

КРЕНЕВЪ.

Вотъ вы, женщины, какія эгоистки, требуете отъ насъ доказательствъ, а когда мы просимъ у васъ самаго ничтожнаго доказательства, поцѣлуя.... просимъ позволенія прижать васъ къ сердцу....

НАСТЕНЬКА (*потупляя глаза и играя концемъ ленты*).

А почему вы знаете: можетъ-быть.... (*Съ живостью:*) Да нѣтъ, вы останетесь, вы останетесь.... Вы не смѣете уйдти.... Я вамъ запрещаю.... Слышите, вы не смѣете.

КРЕНЕВЪ (*быстро схватывая ее за руку, которую цѣлуетъ нѣсколько разъ*).

Извольте, извольте. Я остаюсь.

(*Настенька убѣгаетъ чрезъ террасу. Въ это время Ладушкинъ показывается слѣва изъ-за кулисъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРЕНЕВЪ и ЛАДУШКИНЪ.

КРЕНЕВЪ (*нѣсколько сконфуженный и идя на встрѣчу Ладушкину*).

Славная дѣвочка! Очень мила!

ЛАДУШКИНЪ.

И ты, какъ я вижу, должно-быть, любишь ее. Не станешь же ты, какъ благородный человѣкъ, понапрасну завлекать дѣвушку.

КРЕНЕВЪ.

Какъ завлекать? Куда завлекать? Что ты разумѣешь?

ЛАДУШКИНЪ.

Я разумѣю, что ты, вѣроятно, жениться на ней хочешь.

КРЕНЕВЪ.

Жениться! Къ какой стати?... Съ чего это ты взялъ?

ЛАДУШКИНЪ.

Съ чего взялъ! Но вѣдь ты любишь ее?

КРЕНЕВЪ.

Ну да.... пожалуй, люблю.... то-есть, если хочешь, я совсѣмъ не допускаю этого слова въ томъ банальномъ смыслѣ, въ которомъ вы его принимаете. По-моему, любовь — это глубокая симпатія, дружба....

ЛАДУШКИНЪ.

Знаю, знаю все это.... Но какъ бы то ни было, ты влюбленъ въ эту дѣвушку. Она, вѣроятно, тоже любитъ тебя....

КРЕНЕВЪ.

Да, она любитъ меня. Это, братъ, я тебѣ скажу, такая впечатлительная, живая натура; тутъ столько богатыхъ задатковъ, что только немножко, немножко развитія, и ты увидишь, что̀ это такое будетъ.... Представь себѣ....

ЛАДУШКИНЪ.

Хорошо, хорошо. Представляю. Все представляю, что̀ выйдетъ изъ этого развитія. А ты мнѣ скажи, какая же конечная цѣль вашей взаимной любви?

КРЕНЕВЪ.

Какая цѣль! Что̀ за странный вопросъ! Мы симпатизируемъ другъ другу. Вотъ и все. Однако послушай, ты по какому праву меня допрашиваешь, и почему тебя такъ интересуютъ всѣ эти подробности?... Постой-ка, постой-ка, братъ! Э! да ты уже самъ не того ли? Должно-быть, эта дѣвочка и тебя за сердце ущипнула. Не хочешь ли ты самъ на ней жениться? Ну, что̀ жъ? Прекрасно! Женись. Она была бы для тебя отличною женой. Я тебѣ говорю это по дружбѣ.

ЛАДУШКИНЪ.

А ты, само собою разумѣется, продолжалъ бы ее любить.

КРЕНЕВЪ.

Отчего же нѣтъ?

ЛАДУШКИНЪ.

Ну, и она тебя, конечно, тоже любила бы попрежнему? Однимъ словомъ, это взаимное развитіе между вами продолжалось бы?

КРЕНЕВЪ.

Вѣроятно.

ЛАДУШКИНЪ (*мнимо серіознымъ тономъ и пожимая ему руку*).

Mercі за участіе. Я вижу, что ты истинный другъ, а главное, откровененъ. Сейчасъ вотъ тутъ одинъ, тоже глубокій мыслитель, заявлялъ свое право распоряжаться моими деньгами, теперь ты изъявляешь готовность развивать мою жену, если я только когда-нибудь женюсь. Значитъ, мнѣ самому заботъ уже никакихъ не будетъ: о женѣ и капиталахъ позаботится общество, позаботитесь вы на основаніи вашихъ теорій. Благодарю, благодарю.

КРЕНЕВЪ.

Ты воображаешь, что твоя иронія необыкновенно убійственна. Скажи, пожалуста, долго ли вы будете смотрѣть на любовь такъ цинически, допускать это чувство только въ самомъ низкомъ, животномъ смыслѣ? По-вашему, ужь никакъ и не можетъ быть свободной, благородной гармоніи между живущими существами. По-вашему, все вали въ одну яму, все топчи ногами.

ЛАДУШКИНЪ.

Ну, а цѣлованіе ручекъ и прочія нѣжности, которыхъ я былъ сейчасъ свидѣтелемъ, все это тоже для гармоніи?

КРЕНЕВЪ.

Что̀ жь за бѣда, если я мимоходомъ, въ минуту увлеченія, сорву поцѣлуй или пожму ручку? Повѣрь, что всякій порядочный человѣкъ и безъ твоихъ совѣтовъ знаетъ гдѣ остановиться и не позволитъ себѣ ничего такого, что̀ могло бы погубить дѣвушку. Пора бы намъ, кажется, бросить рутину и смотрѣть здраво на вопросы чувства. Въ послѣднее время у насъ на каждомъ шагу существенныя реформы, прогрессъ не воображаемый, а дѣйствительный; а между тѣмъ въ нравственномъ развитіи полнѣйшая инерція. И все

оттого, что у насъ нѣтъ никакой инициативы въ обществѣ. Намъ, даже для того чтобъ измѣнить свой взглядъ на любовь, непремѣнно нуженъ указъ отъ правительства.

ЛАДУШКИНЪ.

Такъ это, вѣроятно, ты, ты взялъ на себя инициативу въ этомъ вопросѣ.... чтобы не было инерціи.... И ты, какъ видно, успѣваешь, очень успѣваешь. У тебя большая практика. Сегодня ты съ Настенькой, завтра съ Костоминой, послѣзавтра и съ той и съ другой.

КРЕНЕВЪ.

Что̀ такое съ Костоминой? По какому поводу ты назвалъ Костомину? (*Поучительнымъ тономъ.*) Это упоминаніе совсѣмъ не кстати, а потому я тебѣ долженъ замѣтить....

ЛАДУШКИНЪ.

Ты мнѣ долженъ замѣтить! Посмотри-ка мнѣ прямо въ глаза.

КРЕНЕВЪ.

Ну, что̀ такое?

ЛАДУШКИНЪ.

Не хорошо, братъ, ты поступаешь, Владиміръ Ильичъ, право не хорошо! (*Уходитъ чрезъ террасу.*)

КРЕНЕВЪ (*вслѣдъ ему*).

Сдѣлай милость, избавь меня отъ своихъ поученій. Я въ нихъ не нуждаюсь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРЕНЕВЪ (*одинъ*).

Да, я дѣйствительно немножко увлекся сегодня. Впрочемъ, трудно и удержаться въ границахъ, особенно тотчасъ послѣ обѣда, когда кровь взволнована нѣсколькими бокалами вина. (*Махнувъ рукой.*) А не бѣда! Что̀ же можетъ выйдти изъ подобнаго любезничанья? Ровно ничего. Однако къ какой стати Ладушкинъ назвалъ Костомину? Ужь не подозрѣваетъ ли онъ чего-нибудь въ моихъ отношеніяхъ къ ней. (*Съ увлеченіемъ.*) Вотъ эта госпожа такъ сто́итъ того, чтобъ ею заняться. Это ужь не какая-нибудь пикантная дѣвочка съ хорошенькимъ личикомъ, а grande dame и притомъ женщина ухъ съ какимъ характеромъ! (*Увидавъ Костомину.*) А вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КОСТОМИНЪ, ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, входятъ чрезъ калитку, ЧИГАСОВЪ, КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА и НАСТЕНЬКА, сойдя съ террасы, идутъ къ нимъ на встрѣчу, и КРЕНЕВЪ.

КРЕНЕВЪ (*подходя къ Евгеніи Александровнѣ*).

Bon jour.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Здравствуйте, Владиміръ Ильичъ.

КОСТОМИНЪ.

А, Владиміръ Ильичъ! Вы какимъ образомъ здѣсь? Вѣдь вы, кажется, говорили мнѣ, что васъ приглашали сегодня на какое-то совѣщаніе.

КРЕНЕВЪ.

Хотѣли было собраться человѣкъ пять, но отмѣнили.

КОСТОМИНЪ.

Отмѣнили! И прекрасно сдѣлали! Знаете, ужь съ общими-то собраніями у насъ просто бѣда.... такъ говорятъ, такъ бушуютъ! А какъ начнутъ еще по пяти, да по шести человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ совѣщаться, у меня просто душа не на мѣстѣ. Ужь слишкомъ горячитесь, слишкомъ....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что жь за бѣда въ томъ? Пусть лучше горячатся чѣмъ остаются равнодушными къ общественнымъ интересамъ.

КРЕНЕВЪ.

Браво! браво, Евгенія Александровна! Совершенно вѣрное замѣчаніе. Да-съ. Въ этой горячности хорошій задатокъ для будущаго. Широкая натура; силы наружу просятся.

КОСТОМИНЪ.

Да хоть бы просились-то онѣ въ указанной формѣ. Ну, пришла охота говорить — говори, говори много, говори горячо, убѣждай, дѣйствуй на умъ и сердце, а у насъ какъ?

У насъ какъ ораторъ всталъ съ мѣста, такъ вотъ по физіономіи и видишь, такъ и видишь, что онъ сердиться собирается.

КРЕНЕВЪ.

Какъ быть, дѣло новое. Попривыкнемъ.

КОСТОМИНЪ.

Да, а пока привыкнете, сколько вы у начальства крови перепортите!

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Нельзя же стѣснять свободу мнѣнія. Это былъ бы такой же деспотизмъ, какъ стѣснять свободу чувства. Вопросъ совершенно одинаковъ.

КОСТОМИНЪ.

Ты, матушка, ужь пожалуста не мѣшай сюда вопросовъ чувства. Ужь и безъ того теперь столько вопросовъ, что голова кругомъ идетъ, а какъ вы еще начнете сюда свои женскіе вопросы вмѣшивать....

КРЕНЕВЪ (*перебивая*).

Нѣтъ, Евгенія Александровна совершенно справедливо замѣтила, что стѣснять свободу мнѣнія....

КОСТОМИНЪ.

Господи Боже мой! да развѣ я стѣсняю мнѣніе? Я хочу только, чтобъ оно шло указаннымъ путемъ. Я самъ сочувствую новымъ порядкамъ.... я имъ сочувствую.... потому что.... потому что я, наконецъ, по своей должности обязанъ сочувствовать.... (*Показывая на затылокъ:*) Они, батюшка, у меня вотъ гдѣ сидятъ! Но за то и отвѣтственности нашему брату!.... Ни минуты, ни минуты покоя!

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Вы хотя бы удостоили присѣсть, ваше превосходительство. Что жь это вы все изволите стоять. (*Указывая на скамью.*) Матушка, Евгенія Александровна, не угодно ли вотъ сюда въ тѣнь. (*Евгенія Александровна садится.*)

КОСТОМИНЪ.

Я къ вамъ на минуту, чтобы взглянуть вотъ на эту новорожденную. (*Настенькѣ.*) Ну, новорожденная, подойди же

ты ко мнѣ. Я тебя еще разъ поздравляю. Ну, что̀ же сегодня? ува! ува! спеленать надо тебя, да въ колыбельку положить. Ха! ха! ха! (*Цѣлуетъ ее въ лобъ.*) А вотъ я тебѣ, милому дитяткѣ, и игрушечку привезъ. (*Подаетъ ей футляръ съ браслетомъ и гладитъ ее по головѣ.*) Смотри же, расти большая, будь умница. (*Смѣется.*)

НАСТЕНЬКА.

Mercі, mercі. Крестный, зачѣмъ вы это дѣлаете?... Право, какой вы добрый. (*Пожимаетъ ему руку.*)

КОСТОМИНЪ (*снова цѣлуя ее въ лобъ*).

Ничего, ничего; очень радъ. Это только такъ.... бездѣлка.

НАСТЕНЬКА (*подходя къ Евгеніи Александровнѣ и дѣлая ей реверансъ*).

Mercі.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*холодно*).

Нѣтъ, мой другъ, ты меня, пожалуста, не благодари. Я нисколько не участвовала въ этомъ подаркѣ. По моему мнѣнію, такіе подарки совершенно лишніе. Прежде нарядовъ дѣвушкѣ надо думать о томъ, чтобы развить серіозно умъ и сердце.

КОСТОМИНЪ.

Ну да, да, да.... Это мы уже слышали. Это мы уже знаемъ. А все-таки не мѣшаетъ немножко и пококетничать, бантикъ что ли пришпилить, локончикъ распустить, дорогую вещицу надѣть.... глазки сдѣлать.... хе, хе, хе! Настенька, такъ ли? Ты, смотри у меня, лови женіховъ. Не смѣй засиживаться въ дѣвкахъ. Слышишь. А будешь замужъ выходить, такъ я тебѣ приготовлю къ тому времени подарочекъ получше браслета. У меня ужь есть кое-что въ виду.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ такія слова и портятъ нравственность дѣвушки. Настенька, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ вообразитъ, что дѣвочка въ ея лѣта можетъ разчитывать на побѣды.

КОСТОМИНЪ.

Да когда же ей воображать-то какъ не въ эти годы? Ты посмотри-ка на нее, какая она у меня красавица; розы,

розы-то какія на щекахъ. А какъ доживетъ она до нашихъ лѣтъ, да розы-то эти поблекнутъ, такъ тогда, разумѣется, ужь поздно будетъ думать о побѣдахъ. Тогда и она примется съ тобой за ученыя книжки, да за филантропію.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*съ неудовольствіемъ*).

Ахъ, Боже мой! Оставимъ, пожалуста, этотъ разговоръ. Дѣлай, какъ знаешь.

КОСТОМИНЪ (*ласково ударяя ее нѣсколько разъ по плечу*).

Ну, ну, ну, не сердись, моя хорошая старушка.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*вспыльчиво*).

Basile! finissez-donc, mon cher, je vous prie! (*Быстро вставая со скамьи.*) Однако, какія у насъ жары.

ЧИГАСОВЪ.

Такая жара, ваше превосходительство, что вотъ я здѣшній старожилъ, а такой не запомню. И какъ на испарину она дѣйствуетъ.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*вполголоса и дѣлая знаки Чигасову*).

Тс!... тс!... Опомнись. Что ты мелешь!

ЧИГАСОВЪ (*не замѣчая жестовъ жены*).

Вотъ я вчера читалъ, что теперь на какомъ-то островѣ у экватора тоже такая жара, что у жителей кровь кипитъ; то я такъ полагаю....

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*громко*).

Ужь перестань ты, пожалуста, объ экваторѣ-то распространяться. А вотъ ты бы лучше ихъ превосходительство попотчивалъ мороженымъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуста, не безпокойтесь, мы сейчасъ ѣдемъ въ пріютъ. Monsieur Креневъ, не хотите ли и вы съ нами? У насъ четырехмѣстная коляска. Кстати, вы мнѣ посовѣтуете какъ размѣстить классы, тѣмъ болѣе, что идея объ учрежденіи этого пріюта ваша. Вы первые дали мнѣ мысль о безплатной школѣ.

КРЕНЕВЪ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ.

НАСТЕНЬКА (*удивленная*).

Владиміръ Ильичъ, и вы тоже ѣдете?

КРЕНЕВЪ.

Да, да. Прощайте.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*подавая Настенькѣ руку*).

Adieu, mon ange. Пожалуста, не забудь моего совѣта. Меньше занимайся браслетами и подобными пустяками и совсѣмъ не думай о женихахъ. Помни, что ты еще дѣвочка, которую можно подъ часъ, за шалости, въ уголъ поставить. Adieu. (*Всѣ идутъ къ террасѣ, кромѣ Настеньки.*)

НАСТЕНЬКА (*Креневу*).

Владиміръ Ильичъ! Что жь это значитъ? Вы хотѣли остаться....

КРЕНЕВЪ.

Не могу.... не могу. Вы сами видите какой случай.... дѣло общественное.... безплатная школа.... первоначальное образованіе. Вѣдь это такой живой вопросъ.... Тутъ ужь некогда думать о себѣ. (*Быстро уходитъ вслѣдъ за прочими.*)

НАСТЕНЬКА (*стоитъ сконфуженная*).

Первоначальное образованіе, безплатная.... Что онъ тутъ такое наговорилъ? Онъ, кажется, только шутитъ со мной. Онъ вовсе не любитъ меня. Онъ смотритъ на меня какъ на дѣвочку, которую можно дурачить какъ угодно. Что же это?...

ЯВЛЕНІЕ IX.

НАСТЕНЬКА и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ (*подходя къ Настенькѣ*).

Что у тебя было сейчасъ за патетическое объясненіе съ Креневымъ?

НАСТЕНЬКА.

Никакихъ объясненій не было.... онъ такъ.... онъ простился со мной....

ПЕТРЪ.

Гм!... простился.... Послушай, сестра, ты, пожалуста, не считай меня за дурака. Я вижу все.... Я давно замѣтилъ, что вы съ Креневымъ любезничаете что-то не въ мѣру. Ты сконфужена. Говори прямо, ты любишь Кренева?

НАСТЕНЬКА.

А что̀ же такое, еслибъ я его и въ самомъ дѣлѣ любила?

ПЕТРЪ.

Ну, а онъ что̀? Онъ тоже признался тебѣ въ любви?

НАСТЕНЬКА (*потупивъ глаза и нерѣшительно*).

Да.

ПЕТРЪ.

Ну, такъ навѣрное обманываетъ.

НАСТЕНЬКА.

Ахъ, Петя, что̀ ты!

ПЕТРЪ.

Разумѣется, обманываетъ.

НАСТЕНЬКА.

Почему ты такъ думаешь?

ПЕТРЪ.

А потому, что Креневъ дрянь, понимаешь, совершеннѣйшая дрянь.

НАСТЕНЬКА.

Ахъ, да. Я знаю: по-твоему, всѣ дрянь, кто учитъ тебя добру и совѣтуетъ вести себя порядочно.

ПЕТРЪ.

Креневъ будетъ учить меня добру! Чему мнѣ у него учиться? Развѣ только его пошлому фразерству? Пройдоха, который только и думаетъ, чтобы составить себѣ положеніе въ обществѣ, лѣзетъ въ аристократы всѣми путями и способами! И ты воображаешь, что подобный господинъ серіозно займется тобой, пожалуй, еще вздумаетъ на тебѣ жениться.... ха-ха-ха!... вотъ дура!

НАСТЕНЬКА (*въ смущеніи*).

Что̀ жь тутъ смѣшнаго?

ПЕТРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, и смѣшно, и досадно!... Явился отъявленный, патентованный враль, наговорилъ ей разныхъ паточныхъ фразъ.... а она тотчасъ и уши развѣсила.... ха-ха-ха! Ахъ ты, аркадская простота! (*Сильно смѣется.*)

НАСТЕНЬКА (*встревоженная и съ горячностію*).

Что̀ же это въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, я ему не позволю смѣяться надо мной. Пусть онъ продолжаетъ ухаживать за своею Костоминой, а меня оставитъ въ покоѣ!

ПЕТРЪ.

А развѣ онъ ухаживаетъ тоже за Костоминой?

НАСТЕНЬКА.

Да, мнѣ кажется. Я прямо сказала Креневу, что отношенія его къ Костоминой для меня странны. Но онъ увѣряетъ, что все это неправда, что онъ любитъ только одну меня. И я готова была повѣрить ему.... Онъ мнѣ всегда казался такимъ благороднымъ.... Въ его словахъ столько чувства, столько гуманности.... Онъ говоритъ такъ умно....

ПЕТРЪ.

Да, да, знаю, знаю, что̀ онъ говоритъ. Прогрессъ, реформа, примиреніе съ общественными недостатками!

НАСТЕНЬКА.

Что̀ жь тутъ дурнаго? Вѣдь ты и самъ говоришь о прогрессѣ.

ПЕТРЪ (*вспыльчиво*).

Ахъ, какая ты безтолковая! Я откровенно отношусь къ прогрессу. Я прямо говорю человѣку: ты скотъ и больше ничего. Надо все къ чорту! Это и есть радикальный, раціональный вопросъ. А Креневъ, напротивъ, все подхваливаетъ, все подхваливаетъ, а между тѣмъ отуманитъ человѣка, осѣдлаетъ, сядетъ верхомъ и поѣдетъ. Вотъ это и называется

умѣренный прогрессъ. Вотъ эти-то оптимисты и есть наше главное современное зло.... Ну, поняла ты теперь?

НАСТЕНЬКА.

Ахъ, Боже мой! не понимаю я вашихъ теорій. Я не знаю что̀ мнѣ дѣлать. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ надоѣла здѣшняя жизнь.... Отъ мачихи каждую минуту непріятности и, по милости ея, я въ своей семьѣ какъ чужая. Костоминъ очень расположенъ ко мнѣ, онъ ласкаетъ меня, но я все же чужое лицо и у него въ домѣ. А его жена меня терпѣть не можетъ. Она, кажется, ревнуетъ Кренева ко мнѣ. Иной разъ мнѣ бываетъ такъ скучно, такъ тяжело.... Любовь къ Креневу еще нѣсколько поддерживала мои силы. Я жила мечтой.... а теперь....

ПЕТРЪ (*перебивая*).

Брось все. Ѣдемъ въ Петербургъ. Я тебя тамъ устрою. Пора тебѣ подумать о самостоятельной дѣятельности, перестать жить подарками, да подачками отъ Костомина.

НАСТЕНЬКА.

Что̀ жь! я готова была бы и здѣсь трудиться....

ПЕТРЪ.

Какъ ты здѣсь будешь трудиться? Чулки что ли вязать, да продавать?.... Такъ это опять глупо. Я тебѣ повторяю, ѣдемъ вмѣстѣ въ Петербургъ. Достань денегъ. Ну, такъ и быть, возьми въ послѣдній разъ у Костомина, и маршъ! Что̀ же, согласна?

НАСТЕНЬКА.

Да.... конечно.... но....

ПЕТРЪ.

Ну что̀: но?

НАСТЕНЬКА.

Но если Креневъ меня любитъ?

ПЕТРЪ.

А, глупая! опять то же. Съ тобой говорить невозможно!

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, я прежде выскажу ему все.... я ему докажу, что онъ не стóитъ моей любви.... что онъ убилъ меня.... я ему скажу.... я ему скажу, что.... (*Закрывъ лицо руками, и громко рыдая, быстро уходитъ чрезъ террасу.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ПЕТРЪ (*одинъ, смотря вслѣдъ уходящей Настенькѣ*).

Поэзія! Сердечные вопросы!... Экъ люди-то, подумаешь, тѣшутъ себя какóю фантасмагоріей. По поводу самой обыденной страстишки давай трепать свое сердце, чортъ знаетъ зачѣмъ! Поддавай самъ себѣ пару! Однако сердечный вопросъ моей сестрицы пришелся очень кстати. Кажется, благодаря ему, можно будетъ выбраться отсюда. Какъ бы мнѣ только убѣдить сестру въ томъ, что Креневъ ее обманываетъ. (*Подумавъ.*) Вотъ что̀, развѣ послать Костомину безыменное письмо насчетъ связи его жены съ Креневымъ.... Костоминъ взбѣсится на Кренева, или какъ-нибудь поймаетъ его.... выйдетъ скандалъ, и сестра увидитъ, что Креневъ подлецъ. Право, удачная мысль! А если это неправда, что Креневъ ухаживаетъ за Костоминой, если сестра ошибается? А!... стóитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, церемониться съ этими скотами. И Креневъ, и Костоминъ личности самыя вредныя для общества.... Этихъ господъ надо допекать всѣми возможными способами. Тутъ надо дѣйствовать ради принципа. Притомъ же, такимъ образомъ я спасаю сестру отъ этихъ негодяевъ, которые губятъ ее, держатъ ее въ нравственномъ рабствѣ. Да, отлично! напишу письмо, и нарочно побезграмотнѣе и какими-нибудь каракулями, чтобы не догадались. Есть ли только здѣсь городская почта? Чего добраго, эти господа только хвастаются различными полезными улучшеніями, а до сихъ поръ у себя и городской почты не завели. Готентоты!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ Костомина. Двѣ двери на главномъ планѣ; одна, входная, отворена. Двѣ двери на лѣвомъ планѣ, и одна на правомъ. Ближняя дверь на лѣвомъ планѣ въ кабинетъ Костомина; дальняя—во внутреннiе покои. Дверь на правомъ планѣ на балконъ. Она тоже отворена. Комната убрана богато и со вкусомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАСТЕНЬКА и потомъ ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

НАСТЕНЬКА (*стоитъ въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ двери, находящейся въ глубинѣ сцены направо, и прислушивается*).

Онъ здѣсь. Я дождусь его и заставлю объясниться. Пусть онъ мнѣ скажетъ, что̀ значитъ его вчерашнее признанiе. Онъ воображаетъ, что можетъ смѣяться надо мной какъ надъ ребенкомъ. Нѣтъ, я ему не позволю.... Ай, кто-то идетъ. (*Быстро отходитъ на авансцену.*)

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*выходя изъ двери, находящейся на боковомъ планѣ налѣво; въ рукахъ у ней сложенный дамскій зонтикъ*).

Настенька, что̀ ты тутъ дѣлаешь?

НАСТЕНЬКА.

Ничего. Я была сейчасъ у Василiя Никитича.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что̀, у мужа есть кто-нибудь?

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, онъ одинъ; какiя-то бумага просматриваетъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

А Леонидъ развѣ не тамъ?

НАСТЕНЬКА.

Леонидъ Николаичъ здѣсь (*указывая на дверь*), въ своей комнатѣ. У него Креневъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Креневъ. Ты почему знаешь?

НАСТЕНЬКА (*нѣсколько сконфузившись*).

Я.... Его голосъ слышно.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

А, голосъ. Что̀ тебя такъ интересуетъ голосъ Кренева?

НАСТЕНЬКА.

Меня нисколько не интересуетъ.... Но отсюда слышно. Они разговариваютъ такъ громко.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Громко. (*Прислушиваясь.*) Я ничего не слышу. У тебя, должно-быть, очень тонкій слухъ. Вообще ты слышишь много такого, чего тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ слышать.

НАСТЕНЬКА.

Я васъ не понимаю. Что̀ вы хотите сказать?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

А то, что твое обращеніе съ Креневымъ совершенно неприлично для молодой дѣвушки. Ты позволяешь себѣ слишкомъ много.

НАСТЕНЬКА.

Что̀ же такое я себѣ позволяю?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ты разговариваешь съ нимъ уже черезчуръ sans gêne, слишкомъ благосклонно выслушиваешь всѣ его шутки и любезности.

НАСТЕНЬКА.

Много ли же разговариваетъ со мной Креневъ! И что̀ жь тутъ неприличнаго, если я на его случайную любезность не

отвѣчаю дерзостью. Онъ постоянно занятъ съ вами и гораздо больше говоритъ вамъ любезностей нежели мнѣ, однако вы тоже благосклонно....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(перебивая ее и съ горячностію)*.

Не ваше дѣло, сударыня, учить меня.

НАСТЕНЬКА.

Я не учу, я только сказала, что вы также благосклонно выслушиваете....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(снова перебивая)*.

Замолчите, вамъ говорятъ. Я и безъ васъ знаю, какъ обращаться съ Креневымъ. Скажите пожалуста! Она вздумала давать наставленія! Вотъ вамъ и благодарность за ваши заботы! Вы, сударыня, забываетесь. Мой мужъ избаловалъ васъ своею добротой.... Каково! Мнѣ мораль читаетъ! Я слишкомъ благосклонно слушаю Кренева!...

НАСТЕНЬКА.

Я не сказала *слишкомъ*, я сказала, что вы также....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы сами не понимаете, что̀ вы говорите. Для васъ, можетъ-быть, Креневъ очень интересенъ,—оттого вы и вертитесь у него постоянно на глазахъ,—а для меня онъ нуль. Онъ долженъ быть счастливъ, что принятъ въ моемъ домѣ. Слишкомъ много будетъ, если я стану обращать на него вниманіе. А вамъ сегодня не угодно было взглянуть на больнаго Трезорку.... Кормили ли вы его?

НАСТЕНЬКА.

Вы сказали, что сами хотите идти посмотрѣть.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, а если я теперь не хочу сама идти, если я желаю, чтобы вы шли? Что̀ же, это составитъ для васъ большой трудъ? Гораздо лучше заняться несчастнымъ животнымъ нежели вертѣться предъ зеркаломъ, да выбирать какая ленточка къ лицу, голубая или зеленая, какъ вы сейчасъ дѣлали въ моей уборной. Я все видѣла изъ своей комнаты. Каждый

добрый поступокъ развиваетъ сердце и умъ женщины, а зеркало только портитъ ея нравственность. Сходите, посмотрите Трезорку.

НАСТЕНЬКА.

Сейчасъ. (*Въ сторону:*) Хитрая!... она нарочно выпроваживаетъ меня отсюда, чтобъ остаться одной съ Креневымъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА и затѣмъ КРЕНЕВЪ и КОСТОМИНЪ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*одна, ходитъ въ волненіи*).

Несносная дѣвчонка! Пріучилъ ее мой мужъ безпрестанно бывать у насъ. Привыкъ къ ней точно къ своему ребенку. А она тутъ только шпіонитъ. И какъ она ведетъ себя! Просто срамъ! C'est une horreur. Ни на что не похоже! Ежеминутно такъ и лѣзетъ на глаза Креневу! Глупая, она, кажется, воображаетъ, что онъ влюбленъ въ нее, тогда какъ напротивъ онъ занятъ мной, и очень, очень занятъ. Онъ серіозно заинтересованъ мной. Это ясно. Я это вижу изъ всѣхъ его поступковъ, изъ всѣхъ его словъ. И какъ онъ говоритъ, какъ онъ хорошо говоритъ! Сколько увлеченія! сколько чувства! Иногда даже страшно: боишься, что онъ вдругъ сдѣлаетъ признаніе, выговоритъ это ужасное слово: *люблю*. Что тогда? какъ отвѣчать ему? Тотчасъ же остановить его.... или? (*Задумывается.*) А что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не могу сочувствовать ему какъ искреннему другу, какъ брату по сердцу, по убѣжденіямъ? Это нисколько не компрометтируетъ, а напротивъ возвышаетъ женщину. Тутъ не можетъ быть и мысли о какомъ-нибудь кокетствѣ. (*Садится.*) Однако эта гадкая дѣвчонка такъ взволновала меня своими дерзкими замѣчаніями, что я не буду въ состояніи спокойно говорить съ Креневымъ, когда онъ выйдетъ сюда. Противная! Я чувствую, что у меня все лицо горитъ. Воображаю, какая я красная. Пожалуй еще пятна выступили. (*Встаетъ и подходитъ къ зеркалу.*) Пятенъ нѣтъ, но лицо красное, совершенно красное. Точно я сейчасъ изъ бани. Une figure commune. (*Поправляется предъ зеркаломъ.*) И какъ эта глупая Наталья низко причесала меня. Совсѣмъ

не къ лицу. Говорила ей, что низко, такъ нѣтъ, все свое твердитъ. Дура! И всѣ шпильки вонъ лѣзутъ. (*Поправляетъ волосы.*) И гдѣ она взяла эти отвратительныя шпильки! Всѣ гнутся. (*Вынимаетъ одну шпильку изъ головы и поправляетъ, а потомъ снова пробуетъ воткнуть въ волосы.*) Нѣтъ, рѣшительно невозможно! Опять, опять согнулась. Фу, какая гадость! (*Бросаетъ шпильку на полъ.*) Терпѣнья никакого нѣтъ! Сегодня всѣ сговорились бѣсить меня. Это какой-то безчувственный народъ; это не люди.... это.... (*Увидавъ входящаго Кренева и внезапно перемѣняя тонъ.*) Ah, bon jour, M-r Креневъ. Я и не знала, что вы здѣсь.

КРЕНЕВЪ.

Я былъ у Леонида Николаевича. Завернулъ къ нему на одну минуту, а просидѣлъ часа два. Онъ, какъ петербургскій житель и одинъ изъ современныхъ дѣятелей, сообщилъ столько интереснаго насчетъ различныхъ реформъ, преобразованій, что и не замѣтили какъ время пролетѣло.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

И не удивительно. Вы, мущины, когда начнете разсуждать о политикѣ, готовы забыть о всемъ другомъ. Для васъ остальной міръ не существуетъ.

КРЕНЕВЪ.

Почему же вы думаете, что мы забываемъ непремѣнно все *остальное*, какъ вы выразились?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Потому что вашъ умъ слишкомъ занятъ.

КРЕНЕВЪ.

Позвольте, но вѣдь кромѣ ума у насъ есть и сердце, а оно, согласитесь, ужь никакъ не занимается реформами.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*шутя*).

Ахъ да, сердце.... Я и забыла, что у васъ сердце въ это время остается совершенно свободно.

КРЕНЕВЪ.

Нѣтъ, не свободно.... Быть-можетъ, въ это время оно тоже очень занято, но только совсѣмъ другимъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*).

Намекъ! (*Громко:*) А занято тоже само по себѣ, гдѣ-нибудь на сторонѣ. Гдѣ же это—далеко или близко отъ васъ?

КРЕНЕВЪ.

А это смотря по обстоятельствамъ; иногда далеко, иногда близко, даже очень, очень близко.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*).

Опять намекъ! (*Громко:*) А, понимаю, вы намекаете на нашъ вчерашній разговоръ о пріютѣ. Да, дѣйствительно, я вижу, что вы отдали этому дѣлу все ваше сердце.

КРЕНЕВЪ.

Я не могъ не отдать всецѣло моего сердца. Этимъ дѣломъ распоряжаетесь вы, стало-быть, мое сердце въ хорошихъ рукахъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*).

Онъ меня любитъ! (*Громко.*) Нѣтъ, нѣтъ, пожалуста, не льстите мнѣ. Я увѣрена, что всякій другой гораздо лучше меня сумѣлъ бы воспользоваться вашимъ искреннимъ сочувствіемъ къ нуждамъ ближняго.

КРЕНЕВЪ.

Pardon. Вы меня не совсѣмъ поняли. По моему мнѣнію, любви къ ближнему еще недостаточно для того чтобы всецѣло отдать сердце. Надо имѣть для того какія-нибудь особенныя причины, raisons majeures. Я въ этомъ случаѣ смотрю на сердце совершенно такъ же, какъ френологи смотрятъ на мозгъ. По моему мнѣнію, въ сердцѣ есть точно также особые отдѣлы для различныхъ ощущеній. Любовь къ ближнему, такъ-называемая сердечная доброта, чувство благодарности, великодушіе, сочувствіе хорошему поступку—всѣ эти отдѣлы въ сердцѣ каждаго порядочнаго человѣка составляютъ общее владѣніе. (*При этихъ словахъ Костомина показывается въ дверяхъ налѣво.*) Это, такъ сказать, общій участокъ, которымъ можетъ распоряжаться каждый ближній. Каждый мой ближній, даже помимо моей воли, имѣетъ на то право. Каждый есть его собственникъ. Но есть еще особый отдѣлъ, отдѣльный участокъ, самый дорогой для меня, владѣльца котораго уже выбираю я самъ. Я отдаю этотъ участокъ только тому, кому хочу отдать.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*).

Онъ рѣшительно хочетъ высказаться. Мнѣ даже дѣлается страшно. (*Громко.*) Кто же у васъ владѣлецъ этого участка?

КРЕНЕВЪ.

Владѣлецъ этого участка тотъ, кто....

КОСТОМИНЪ (*подходя*).

Боже милостивый! опять, опять земскіе вопросы!

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*).

Ахъ, какъ не кстати! прервалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ!

КОСТОМИНЪ.

Только и слышишь: общій участокъ, отдѣльный участокъ, право владѣнія, собственники, владѣльцы! Господи Боже мой! Неужели вамъ не надоѣло толковать объ одномъ и томъ же? О какихъ это владѣльцахъ вы теперь говорите, о крупныхъ и мелкихъ? Это опять та же старая исторія.

КРЕНЕВЪ.

Нѣтъ, я такъ.... я развивалъ Евгеніи Александровнѣ свою теорію.

КОСТОМИНЪ.

Вамъ, милостивые государи, хорошо сочинять разныя теоріи; а вотъ вы попробовали бы каково на дѣлѣ-то выполнять всѣ ваши выдумки. Не знаешь какъ и удовлетворить всѣхъ. Одному подавай то, другому другое. И всѣ недовольны, всѣ бранятся.

КРЕНЕВЪ.

Въ этомъ виноваты не теоріи, а люди. Впрочемъ, чтобъ еще болѣе не волновать васъ моими теоріями, я удаляюсь.

КОСТОМИНЪ.

Куда же это вы?

КРЕНЕВЪ.

Я сейчасъ возвращусь и, если позволите, останусь обѣдать у васъ. Съѣзжу только въ гражданскую палату взять справку для вашего племянника, по одному частному дѣлу. Я ему обѣщалъ.

КОСТОМИНЪ.

Въ такомъ случаѣ до свиданья. (*Креневъ кланяется Костомину и Евгеніи Александровнѣ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ кромѣ КРЕНЕВА.

КОСТОМИНЪ (*смотря вслѣдъ уходящему Креневу*).

Хорошій малый и такой услужливый. Но, знаешь, я тебѣ скажу откровенно: его частые визиты для меня подозрительны.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Подозрительны. Это почему? (*Въ сторону:*) Ужь не замѣчаетъ ли онъ чего-нибудь?

КОСТОМИНЪ.

Помилуй: ѣздитъ къ намъ по два, по три раза въ день. Тутъ, я вижу, кроется что-то.... Что̀ ему у насъ дѣлать такъ часто?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ сторону*).

Неужели онъ догадывается? (*Громко:*) Я сама сначала удивлялась его частымъ визитамъ. А теперь вижу, что дѣло очень просто: онъ интересуется Настенькой, а ее всего чаще можно видѣть у насъ.

КОСТОМИНЪ.

Какъ интересуется? съ какой стати?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вѣроятно, она ему нравится. Быть-можетъ, разчитываетъ жениться на ней, тѣмъ болѣе что и она тоже черезчуръ любезна съ нимъ.

КОСТОМИНЪ.

И она тоже.... Гм!... Жениться. (*Подумавъ:*) Что̀ жь, хорошее бы дѣло. Нѣтъ, не можетъ быть. Что̀ за пустяки! Станетъ Креневъ думать о Настенькѣ. Это человѣкъ часто-

любивый, самолюбивый, искательный. Нѣтъ, все это вздоръ. Онъ ѣздитъ къ намъ для того чтобы шпіонить за мной. Вотъ въ чемъ штука!

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*въ изумленіи*).

Какъ?

КОСТОМИНЪ.

Да такъ, очень просто. Крохотовская партія пользуется имъ чтобъ узнавать всѣ мои мысли и распоряженія, а потомъ коститъ меня на всѣ корки. Онъ вывѣдываетъ все изъ моихъ разговоровъ, а я-то сдуру еще иной разъ съ нимъ совѣтуюсь.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Фи, Basile! Quelle idée! онъ такой благородный человѣкъ.

КОСТОМИНЪ.

Матушка, я самъ знаю, что онъ благородный человѣкъ, но онъ фанатикъ, фанатикъ своихъ убѣжденій. А у этихъ господъ ради своей любимой идеи всѣ средства позволены.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Перестань, пожалуста, Basile. Что ты за пустяки говоришь!

КОСТОМИНЪ.

Нѣтъ, не пустяки, совсѣмъ не пустяки. Да вотъ на дняхъ у меня въ канцеляріи заспорили двое молодыхъ писцовъ о какомъ-то современномъ вопросѣ, и оба, кажется, весьма порядочные люди, да одинъ другаго хвать чернильницей по головѣ. А послѣ и говоритъ: „я, говоритъ, не виноватъ: я свою идею проводилъ, я, говоритъ, увлекся“. Вотъ и толкуй съ ними.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Помилуй, mon cher, можно ли равнять Кренева съ какими-то писарями?

КОСТОМИНЪ.

Совершенно такой же сумашедшій! Тоже помѣшанъ на своихъ идеяхъ. Ну, скажи пожалуста, что̀ сейчасъ-то онъ творилъ, развѣ это не сумашествіе? Вхожу сюда и вижу предъ тобой въ какомъ-то экстазѣ, волненіи, толкуетъ о

чемъ-то горячо. Точно любовное объясненіе. И что же оказывается? Земскіе вопросы объясняетъ! Тьфу ты пропасть! Развѣ это не сумашествіе? Не гораздо ли натуральнѣе было бы, еслибъ онъ, какъ молодой человѣкъ, говорилъ бы тебѣ комплименты.... Ну, наконецъ, пріударилъ бы за тобой, приволокнулся бы что ли....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*быстро вставая и строгимъ тономъ*).

Василій Никитичъ, вы не понимаете, что вы говорите! Съ чего вы взяли, что я позволю кому-нибудь волочиться за мной? Вы меня оскорбляете.

КОСТОМИНЪ.

И, матушка, что тутъ за оскорбленія! Я только такъ сказалъ къ слову.... для сравненія.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы забываете, съ кѣмъ вы говорите. Вы должны знать, что я прежде всего требую къ себѣ уваженія и не дала вамъ повода обижать меня неумѣстными сравненіями.... ставить меня на одну доску съ кокетками.... Нѣтъ, это слишкомъ.... это.... (*Опускается на диванъ и плачетъ, сначала тихо, а потомъ съ рыданіями.*)

КОСТОМИНЪ (*горячо*).

И, ma chère amie, тебѣ ужь и слова нельзя сказать.... Ты сейчасъ въ обиду. Я просто говорю, что это было бы натуральнѣе, понимаешь, натуральнѣе. (*Замѣтивъ, что Евгенія Александровна плачетъ, и подбѣгая къ ней:*) Eugenie! Eugenie! Что ты!... что ты! Дженни! Дженичка! Да перестань пожалуста! голубчикъ! ну, успокойся! успокойся! Я знаю какая ты строгая.... Я не о тебѣ и говорилъ, а о Креневѣ. Я сказалъ, что съ его стороны было бы гораздо натуральнѣе....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*быстро вставая*).

Оставьте меня! Я не могу васъ видѣть. (*Беретъ зонтикъ со стола и уходитъ въ дверь направо*).

КОСТОМИНЪ (*одинъ*).

Эдакая строгая нравственность! Совершенная недотрога! Не смѣй позволить себѣ въ ея присутствіи лишняго слова. Да и что жь такое я сказалъ? Ровно ничего. А теперь изъ пустяковъ цѣлая исторія. Даже, право, досадно. И все эти несносные земскіе вопросы. И въ семьѣ-то нѣтъ отъ нихъ покоя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОСТОМИНЪ И ЛАДУШКИНЪ.

ЛАДУШКИНЪ.

Вашему превосходительству! (*Подаетъ руку Костомину.*)

КОСТОМИНЪ.

Здравствуйте, любезнѣйшій Вадимъ Петровичъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Что̀ вамъ вздумалось пригласить меня сегодня непремѣнно къ обѣду? О какомъ это сюрпризѣ вы упоминаете въ вашей запискѣ?

КОСТОМИНЪ.

Племянникъ Леонидъ пріѣхалъ изъ Петербурга.

ЛАДУШКИНЪ.

Это по какому случаю? Погостить?

КОСТОМИНЪ.

Нѣтъ. Ѣдетъ взглянуть на свое имѣнье; взялъ отпускъ на короткій срокъ. По дорогѣ завернулъ на одинъ денекъ къ намъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Очень радъ, очень радъ повидаться съ нимъ. (*Ставитъ шляпу и снимаетъ перчатки.*) А день-то какой великолѣпный! Воздухъ-то, воздухъ-то, просто прелесть! А у васъ тутъ еще такой ароматъ отъ цвѣтовъ. (*Подходя къ балкону:*) Да, цвѣтничокъ вашъ дѣлается все роскошнѣе. (*Въ сторону:*) Настенька здѣсь.... въ саду.... одна. (*Возвращаясь къ Костомину*). Да вы-то что̀ такіе невеселые? Вѣрно опять споры по земскимъ дѣламъ?

КОСТОМИНЪ.

Споры, ссоры, непріятности.

ЛАДУШКИНЪ.

Полноте, Василій Никитичъ, служите дѣлу—дѣло полезное, благое—и не обращайте вниманія на мелочи.

КОСТОМИНЪ.

Нѣтъ-съ, не мелочи, а неуваженіе ко мнѣ. У насъ теперь каждый въ критику пускается, каждый съ своимъ мнѣніемъ лѣзетъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Что жь? Такъ и слѣдуетъ въ общественномъ дѣлѣ.

КОСТОМИНЪ.

Слѣдуетъ, да не со мной: они сами упрашивали меня занять должность, стало-быть, должны покоряться мнѣ.

ЛАДУШКИНЪ.

Ну, это странная логика. Впрочемъ, если вамъ не нравятся новые порядки, то откажитесь отъ должности, и дѣло съ концомъ.

КОСТОМИНЪ.

Покорно васъ благодарю. Вы хотите, чтобъ я разыгралъ роль какого-то слабоумнаго предъ цѣлою губерніи: дескать, взялся за новое дѣло, да не сумѣлъ. Покорно васъ благодарю.

ЛАДУШКИНЪ.

А коли назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И НЕЛИЦКІЙ. (Нелицкій говоритъ бойко, скороговоркой и постоянно съ увлеченіемъ.)

НЕЛИЦКІЙ (*подходя къ Ладушкину*).

А, дражайшій Вадимъ Петровичъ. Здравствуйте. (*Ладушкинъ пожимаетъ ему руку*). Это что значитъ? Что за церемонныя рукопожатія! Я думалъ, по-старинному,—въ объятія! Что съ вами?

ЛАДУШКИНЪ.

Помилуйте.... Теперь надо быть съ вами осторожну. Еще вопросъ, какъ вы примете эти распростертыя объятія. Васъ теперь и рукой не достанешь. На такой блестящей дорогѣ.

НЕЛИЦКІЙ.

Что ты, что ты! Бросьте эти церемоніи. (*Обнимаются и цѣлуются.*) Вотъ такъ-то лучше. Ну, какъ поживаете, что подѣлываете? А сколько перемѣнъ-то съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались! Наше человѣчество-то вовсе не узнаешь. Совсѣмъ другія идеи, интересы. (*Показывая на Костомина:*) А дядя-то, дядя-то каковъ! Общественный дѣятель! Узнавъ о его назначеніи, думаю, какая нелегкая понесла его теперь на службу! Вѣрно все, попрежнему, значенія добивается, бѣсъ честолюбія мучитъ.

КОСТОМИНЪ.

Что ты за пустяки говоришь! Меня просили, и я не хотѣлъ отказать.

НЕЛИЦКІЙ.

Полно, полно, дядя. Меня не обманешь. Ну, что же — отлично, отлично! Хвалю. Признаюсь, я даже съ нетерпѣніемъ слѣдилъ по газетамъ, не скажешь ли ты рѣчь. Думаю, вотъ будетъ любопытно: дядя рѣчь говоритъ! (*Смѣется.*) И потомъ вдругъ примутся его щелкать — въ одной газетѣ, въ другой, въ третьей. Отлично!

КОСТОМИНЪ (*съ неудовольствіемъ*).

Что жь тутъ отличнаго? Ругательства!

НЕЛИЦКІЙ.

Какъ! какъ! Это именно и нужно. Все это даетъ извѣстность, значеніе. Ругательства необходимы для общественнаго дѣятеля. Кого больше ругали печатно, какъ не Пальмерстона, а между тѣмъ....

КОСТОМИНЪ (*отходя въ сторону и зажимая уши*).

Ахъ, батюшка, ради Бога пощади. Слышать не могу этого имени. Мнѣ имъ всѣ уши протрубили. У насъ теперь каждому ставятъ въ примѣръ Пальмерстона. Какое мнѣ въ

томъ утѣшеніе, что Пальмерстона ругали? Какое мнѣ до него дѣло? Тамъ свои нравы. То Англія, а то Россія; то Пальмерстонъ, а то я—Василій Никитичъ. И я требую къ себѣ уваженія. (*Увидѣвъ вошедшаго слугу:*) Что̀ еще?

СЛУГА.

Письмо къ вашему превосходительству по городской почтѣ. (*Уходитъ.*)

КОСТОМИНЪ (*беретъ письмо*).

Опять какая-нибудь глупая просьба или жалоба. (*Читаетъ адресъ:*) Вотъ каракули-то! (*Распечатываетъ и читаетъ:*) „Такъ какъ собственныя чувства вашего превосходительства, въ отношеніи справедливости, намъ вполнѣ извѣстны, то сіе даетъ намъ смѣлость при общемъ назначеніи, по благоусмотрѣнію, творимаго вами добра, относительно каждой души смертнаго“.... Чортъ знаетъ что̀ такое! (*Бросаетъ письмо на столъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОСТОМИНЪ, ЛАДУШКИНЪ, НЕЛИЦКІЙ и КРОХОТОВЪ. (Крохотовъ—дряхлый старикъ. На немъ бѣлый галстухъ, черный фракъ, такіе же панталоны до колѣнъ и затѣмъ плисовые сапоги. Идетъ шаркая ногами и колеблясь всѣмъ корпусомъ.)

КРОХОТОВЪ.

Помилуй, Василій Никитичъ, что̀ же это такое? Ты и вниманія не хочешь обратить на мою просьбу!

КОСТОМИНЪ.

На твою просьбу отказъ уже готовъ, и ты на дняхъ его получишь.

КРОХОТОВЪ.

Какъ отказъ? Это почему?

КОСТОМИНЪ.

А потому что ты требуешь незаконнаго, невозможнаго.

КРОХОТОВЪ.

Нѣтъ, мы этого такъ не оставимъ. Мы подадимъ жалобу. Мы хотимъ удовлетворенія.

КОСТОМИНЪ.

Ты бы ужь прямо говорилъ, что ты одинъ хочешь. Ясно, что ты опять взбунтовалъ всѣхъ. Опять гдѣ-нибудь рѣчь произнесъ.

КРОХОТОВЪ.

Ну что̀ жь такое? Произнесъ рѣчь. Ну да, я говорю рѣчи, потому что я не какой-нибудь отсталый дикарь, а человѣкъ все же современный.

КОСТОМИНЪ.

Современный! Потемкину и Екатеринѣ.

КРОХОТОВЪ.

И если мы получили наконецъ право высказывать наши желанія, то каждый долженъ пользоваться этимъ правомъ. Я всегда повторяю: господа, въ настоящее время, когда наши свѣжія силы призваны....

КОСТОМИНЪ (*перебивая*).

Свѣжія силы! свѣжія силы! А самъ въ плисовыхъ сапогахъ ходитъ!...

КРОХОТОВЪ.

Дѣло не въ томъ, кто въ какихъ сапогахъ ходитъ, а въ томъ, сколько кто радѣетъ объ общей пользѣ.

КОСТОМИНЪ.

Это, небось, радѣя объ общей пользѣ, ты просилъ, чтобы заключили съ тобой условіе на поставку камня изъ твоей дачи? а заводскія-то свои строенія хотѣлъ выдать за сараи, чтобы меньше платить налога, это вѣрно тоже для общей пользы? Пожалуста, братъ, не дурачь насъ. Вѣдь и мы тоже не совсѣмъ глупы. Мы видимъ, какъ сквозь новые-то порядки хотятъ проводить старые грѣхи.

КРОХОТОВЪ (*запальчиво*).

Я никому не позволю говорить мнѣ подобныя вещи.

КОСТОМИНЪ.

А я никому не позволю дурачить меня.

КРОХОТОВЪ.

Я хочу чтобы моя просьба была по крайней мѣрѣ представлена на общее обсужденіе.

КОСТОМИНЪ.

Не можемъ мы представлять на обсужденіе подобныя просьбы, потому что насъ самихъ сочли бы за сумашедшихъ.

КРОХОТОВЪ.

А, вамъ удобнѣе рѣшать дѣло келейно. Да мы-то этого не хотимъ. Вы обязаны представлять на общее обсужденіе каждую просьбу.

КОСТОМИНЪ.

Какъ? Каждую?

КРОХОТОВЪ.

Да, каждую, иначе вы не понимаете своихъ обязанностей.

КОСТОМИНЪ.

Каждую просьбу! Ха! ха! ха! Вотъ мило! Такъ по-твоему даже и такую? (*Беретъ письмо со стола и подаетъ Крохотову.*) Вотъ не желаешь ли обсудить подобную галиматью. (*Крохотовъ читаетъ письмо*). Ну что̀, хорошо?... Что̀ жь, обсуждай, обсуждай.

КРОХОТОВЪ (*прочитавъ письмо*).

Гмъ! Но напрасно ты показываешь такія письма....

КОСТОМИНЪ.

Отчего же не показывать? Сдѣлай милость, наслаждайся.

КРОХОТОВЪ.

Гмъ! Я вижу, что ты сегодня раздраженъ. Прощай. Мы въ другой разъ поговоримъ еще о нашемъ дѣлѣ. Только я тебя предупреждаю, Василій Никитичъ, что мы другимъ путемъ возбудимъ этотъ вопросъ.

КОСТОМИНЪ (*провожая его*).

Возбуждайте, возбуждайте.

КРОХОТОВЪ (*оборачиваясь*).

И если это дѣло доведетъ тебя до непріятностей, то не пеняй на меня: самъ виноватъ.

КОСТОМИНЪ.

Конечно, конечно.

КРОХОТОВЪ (*уходя*).

Да, стыдно, стыдно намъ быть отсталыми, когда все идетъ быстрыми шагами впередъ. (*Скрывается.*)

КОСТОМИНЪ.

Видимъ, видимъ, какими вы быстрыми шагами идете.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ КРОХОТОВА.

НЕЛИЦКІЙ (*смѣясь*).

Ай да Сергѣй Сергѣичъ! Ай да Сергѣй Сергѣичъ! И онъ сталъ прогрессистомъ! И какъ разгорячился! Даже меня не узналъ. А я, признаться, съ любопытствомъ ожидалъ—не пустится ли онъ въ боксъ. (*Продолжаетъ смѣяться.*) Преуморительно!

КОСТОМИНЪ (*Нелицкому*).

Вотъ, видишь—земство ему поперекъ дороги стало: не можетъ онъ теперь выдѣлывать прежнихъ фокусовъ по подрядамъ и поставкамъ; такъ онъ съ другой стороны къ той же цѣли подбирается, на общей пользѣ, да на прогрессѣ выѣхать хочетъ; а меня коститъ чуть не на всѣхъ перекресткахъ, за то что я ему не помогаю.

НЕЛИЦКІЙ.

Самъ виноватъ, дядя, самъ виноватъ.

КОСТОМИНЪ.

Чѣмъ виноватъ?

НЕЛИЦКІЙ.

Современныхъ пріемовъ не знаетъ. Повѣрь, что все улаживается шутя, легко, просто. Надо только знать пріемы и вѣрно поставить вопросъ. Ты, по-старинному, такъ и бухъ отказъ прямо въ лицо. Теперь такъ нельзя. Ты долженъ отвѣчать просителю самымъ любезнымъ образомъ, но такъ чтобъ онъ не понялъ, что̀ ты говоришь — *да* или *нѣтъ*. И

пока онъ разнюхиваетъ смыслъ твоего отвѣта, ты какъ-нибудь стороной обрабатываешь дѣло по-своему. Надо морочить человѣчество, непремѣнно морочить, для его же собственной пользы. Это доказано. Эта система выработана вѣками.

ЛАДУШКИНЪ (*иронически*).

Да, это извѣстная система надувательства.

НЕЛИЦКІЙ.

Э, батюшка, такъ вы хотите входить съ человѣчествомъ въ интимныя объясненія! Попробуйте,—оно и сядетъ вамъ на шею. Нѣтъ-съ, во всемъ нужна модификація, искусная модификація. И что такое люди? я васъ спрашиваю. Тѣ же дѣти. Это также доказано. А дѣтямъ нужны руководители. Вотъ эта-то система и даетъ возможность администратору поставить вопросъ, не раздражая ничьего самолюбія. (*Костомину:*) Понимаешь: ты тогда можешь кроить и кроить...

КОСТОМИНЪ.

Да, кабы знать что кроить. А, того гляди, скроишь какую-нибудь глупость, а тамъ у васъ же не понравится. Вотъ и нахлобучка.

НЕЛИЦКІЙ.

А для этого ты долженъ имѣть, такъ-сказать, особенный нюхъ, чувствовать чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ. Понимаешь, нюхъ, нюхъ... для администратора необходимъ.

ЛАДУШКИНЪ.

А, по вашей системѣ выходитъ—на что можно согласиться сегодня, въ томъ слѣдуетъ отказать завтра.

НЕЛИЦКІЙ.

Совершенно такъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Что сегодня вы считаете полезнымъ, то завтра признаете вреднымъ.

НЕЛИЦКІЙ.

Да, да. То-есть я хотѣлъ сказать—не вреднымъ, а неудобнымъ. Знаете—неудобнымъ. Это для нашего брата драгоцѣнное словечко. Неудобно, и только. Коротко и ясно. Въ кан-

царской лабораторіи, я вамъ скажу, это такое же капитальное средство, какъ напримѣръ въ медицинѣ хининъ, валеріанъ, безъ которыхъ медику обойдтись нельзя. И притомъ суй, куда хочешь. Вездѣ кстати.

ЛАДУШКИНЪ.

Леонидъ Николаевичъ! но уважайте же наконецъ общественное мнѣніе.

НЕЛИЦКІЙ.

Да кто же вамъ сказалъ, что я его не уважаю? Напротивъ, я прислушиваюсь, чутко прислушиваюсь къ нему. Да вотъ, напримѣръ, я сдѣлался членомъ одного агрономическаго общества. А почему? Потому что общественное мнѣніе теперь за вопросы сельскаго хозяйства. И вы должны знать, что я картофеля не сѣю, а къ свеклѣ даже питаю какую-то антипатію, а между тѣмъ недавно, въ одномъ изъ засѣданій, я горячо, чрезвычайно горячо заступался и за свеклу, и за картофель. Стало-быть, я дѣлаю уступку общественному мнѣнію. Иду даже противъ своего личнаго вкуса.

ЛАДУШКИНЪ.

Да, уступку—по части картофеля и свеклы.

НЕЛИЦКІЙ.

А то что жь! Не въ петлю же мнѣ лѣзть ради общественнаго мнѣнія.

ЛАДУШКИНЪ.

Да что вы сами-то, скажите, консерваторъ или прогрессистъ?

НЕЛИЦКІЙ.

Позвольте. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что это дѣленіе въ послѣднее время признано совершенно ложнымъ, что иногда въ консерватизмѣ больше прогресса чѣмъ въ либерализмѣ, что можно быть прогрессивнымъ консерваторомъ и консервативнымъ прогрессистомъ, а если вести эти фракціи дальше.... но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что моя теорія...

ЛАДУШКИНЪ (*горячо*).

Что ваша теорія—фразы, фразы и фразы!

НЕЛИЦКІЙ (*нѣсколько сконфуженный*).

Какъ? какъ?

ЛАДУШКИНЪ.

Леонидъ Николаевичъ! Мы здѣсь и безъ того не знаемъ куда дѣваться отъ фразъ, а вы намъ еще новыхъ привезли. Нѣтъ-съ, теперь надо дѣло дѣлать, и слава Богу, можно дѣло дѣлать. Посмотрите, вездѣ работа-то идетъ какая. Теперь нечего отыгрываться словами.

НЕЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, позвольте, позвольте. Вы меня не поняли. Я вамъ сейчасъ объясню примѣромъ. (*Беретъ со стола письмо.*) Возьмемъ для примѣра это письмо...

ЛАДУШКИНЪ.

Нѣтъ, я васъ только спрошу....

НЕЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, постойте...

КОСТОМИНЪ.

Господа, господа, что̀ это? Вы сейчасъ и въ небеса, въ ученыя препиранія. (*Ладушкину:*) Вадимъ Петровичъ, другъ любезный, ну не спорьте. Дайте ему объяснить: онъ человѣкъ петербургскій, знаетъ всѣ нынѣшнія манеры. Можетъ-быть, что-нибудь намъ и пригодится.

ЛАДУШКИНЪ.

Извольте, извольте. Я не буду мѣшать объясненіямъ Леонида Николаича. Я лучше пройдусь по саду предъ обѣдомъ. У меня сегодня что-то и голова болитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НЕЛИЦКІЙ и КОСТОМИНЪ.

НЕЛИЦКІЙ.

Чудакъ! и замѣтъ, немножко рѣзокъ! Это все еще старая школа. А главное, никакъ не можетъ сообразить, что моя теорія не какая-нибудь фантазія, что напротивъ это, такъ-сказать, квинтъ-эссенція современныхъ житейскихъ вопросовъ, пропущенныхъ чрезъ фильтру дѣйствительныхъ потребностей государства. Ты понимаешь?

КОСТОМИНЪ.

Да, да, понимаю. Ты говоришь, что... то-есть... что... Но ты такъ темно выразился.

НЕЛИЦКІЙ.

Какъ темно! Я говорю, что вся администрація не что̀ иное какъ одна огромная машина, въ которой, положимъ, ты что̀ такое?

КОСТОМИНЪ.

Я?

НЕЛИЦКІЙ.

Ну да, ты. Ты больше ничего какъ гвоздь.

КОСТОМИНЪ.

Какъ гвоздь?

НЕЛИЦКІЙ

Конечно, гвоздь. А то что̀ же?

КОСТОМИНЪ.

Однако все же я существо живое. Нѣтъ, я съ этимъ не могу согласиться. Впрочемъ, можетъ-быть, это и такъ. Теперь, право, все такъ толкуется мудрено. Вездѣ все новые, да новые взгляды. Еслибы зналъ, ни за что̀ бы не взялъ этой проклятой должности.

НЕЛИЦКІЙ.

Что̀ жь тутъ мудренаго? Что̀ жь тутъ мудренаго? Все зависитъ отъ пріемовъ, отъ умѣнья поставить вопросъ и, повторяю, все разрѣшается просто, шутя, легко. Ну дай мнѣ какой угодно совершенно незнакомый для меня предметъ; я тебѣ обработаю такъ, что будетъ такая ювелирская работа... такой бижу! Да вотъ, напримѣръ, это письмо. Ты говоришь, что всѣ тебя бранятъ, всѣ противъ тебя интригуютъ. А между тѣмъ, вотъ въ этомъ письмѣ, тебѣ поютъ цѣлый хвалебный гимнъ. Положимъ, это только единичное заявленіе, это мелочь, а между тѣмъ, кто знаетъ, если искусно повернуть дѣло, воспользоваться этою мелочью какъ-нибудь кстати, то можно такъ ловко щелкнуть всю противную партію.

КОСТОМИНЪ.

Да, да... въ самомъ дѣлѣ. Это отлично бы! Нельзя ли?

НЕЛИЦКІЙ.

Постой, посмотримъ, что̀ это такое. (*Читаетъ:*) „Такъ какъ собственныя чувства вашего превосходительства.“— Это ты ужь читалъ. Это, конечно, галиматья, глупо, но ничего, и это можетъ пригодиться. Эта безсмыслица на нашемъ языкѣ обыкновенно называется безыскусственное, неподготовленное слово простаго человѣка. (*Продолжая читать:*) „А потому беремъ смѣлость предохранить васъ отъ козней угрожающихъ вамъ враговъ, которые, вторгшись въ ваше семейство, подъ личиной маски, наносятъ оному безчестье.“

КОСТОМИНЪ.

Какъ семейство? съ какой стати тутъ семейство?

НЕЛИЦКІЙ.

Ахъ, Боже мой, да подожди. Ну просто неумѣнье выразиться. „Отношенія Кренева къ вашей женѣ дѣлаются слишкомъ явными, и сіе наноситъ оскорбленіе вашему имени.“ (*Въ сторону:*) Вотъ тебѣ на!

КОСТОМИНЪ.

Какъ! Что̀ такое? Не можетъ быть, не можетъ быть!

НЕЛИЦКІЙ.

Какъ не можетъ быть? (*Показывая письмо:*) Вотъ, видишь. Впрочемъ, возьми лучше, прочти про себя. Тутъ какое-то семейное дѣло. Я не хочу знать вашихъ секретовъ.

КОСТОМИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, коли началъ, такъ читай, а то ты въ самомъ дѣлѣ подумаешь...

НЕЛИЦКІЙ (*читаетъ*).

„Не понимаемъ, какъ вы, такой прозорливый и глубокаго ума человѣкъ, допустили сему обману идти такъ далеко. И если вы не примете своевременно мѣръ, то дѣло не будетъ уже ни для кого тайной. Вы спро́сите, гдѣ доказательства сказаннаго? Они у васъ предъ глазами. Воззри и виждь.“

КОСТОМИНЪ.

А подпись? подпись? Кто подписалъ?

НЕЛИЦКІЙ (*читая*).

„Друзья человѣчества.“

КОСТОМИНЪ.

Друзья человѣчества! Ахъ, подлецы! (*Расхаживая въ волненіи по комнатѣ.*) А! вотъ уже до чего дошло! вотъ до чего дошло...

НЕЛИЦКІЙ.

Дядя, ты меня пожалуста извини, что я случайно вмѣшался въ эту семейную исторію. Я никакъ не ожидалъ, что въ этомъ письмѣ.

КОСТОМИНЪ.

Понимаешь, это гнусный, самый гнусный пасквиль, которымъ враги мои ради злости, только ради злости, суютъ мнѣ въ лицо. Да еще какъ! Мало имъ всякой служебной грязи, такъ въ семейную жизнь забрались съ своею клеветой! Ахъ, бездѣльники! И я-то дуракъ, я-то дуракъ, еще самъ это письмо Крохотову показалъ! Я думаю теперь половина города успѣла узнать, что я такое письмо получилъ; чего добраго, уже разказываютъ, что я Кренева у своей жены засталъ. Срамъ, сплетня! Не придумаешь что̀ и дѣлать. Нѣтъ, нѣтъ, я этого не оставлю такъ, я не позволю шутить со мной! Довольно! довольно! Я сейчасъ же ѣду къ губернатору. Я передамъ ему это письмо. Я буду просить формальнаго слѣдствія...

НЕЛИЦКІЙ.

Что̀ ты, что̀ ты, дядя! Богъ съ тобой! Что̀ ты хочешь дѣлать? Не компрометтируй себя еще больше. Можно все уладить какъ-нибудь легко, безъ шума. Все это пустяки.

КОСТОМИНЪ.

Какъ пустяки? Да вѣдь въ этомъ письмѣ все ложь и клевета, вѣдь тутъ нѣтъ и тѣни, тѣни, понимаешь, тѣни правды. Если Кренева можно подозрѣвать въ ухаживаньи за кѣмъ-нибудь, такъ скорѣе за Настенькой.

НЕЛИЦКІЙ.

За какою Настенькой?

КОСТОМИНЪ.

За Настенькой, моею крестницей.

НЕЛИЦКІЙ.

Постой. Такъ мы и женимъ Кренева на ней. Тогда и конецъ всякимъ сплетнямъ. Вотъ, видишь, стóитъ только вѣрно поставить вопросъ.

КОСТОМИНЪ.

Креневъ не женится: мало приданаго.

НЕЛИЦКІЙ.

Какъ. Да вѣдь ты самъ мнѣ сегодня говорилъ, что хочешь подарить ей Павликовку, въ случаѣ ея замужества.

КОСТОМИНЪ.

Ну что̀ ему Павликовка! Двѣ тысячи рублей годоваго дохода. И притомъ дѣвушка съ незначительною фамиліей, а ему нужны и деньги, и связи.

НЕЛИЦКІЙ.

Гм! (*Подумавъ и потирая лобъ.*) Я тебѣ все устрою. Я ему доставлю видное мѣсто гдѣ-нибудь въ другой губерніи, а кстати ужь и женю его.

КОСТОМИНЪ.

Помилуй, что̀ ты! что̀ ты! Онъ ни за что̀ не согласится поступить на казенную службу. Ты послушай, какъ онъ иной разъ выражается объ администраціи. Вѣдь онъ у насъ здѣсь салонный ораторъ.

НЕЛИЦКІЙ.

Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Итакъ, дядя, будь покоенъ! Все улажено! Я тебѣ докажу, какъ легко обработать каждое дѣло, когда знаешь пріемы. Я тебѣ докажу. Креневъ сейчасъ будетъ сюда, и я съ нимъ переговорю. А ты уйди куда-нибудь и не мѣшай мнѣ.

КОСТОМИНЪ.

Увѣряю тебя, Леонидъ, что это фантазія.

НЕЛИЦКІЙ.

Ступай и, главное, не горячись.

КОСТОМИНЪ (*уходя и потомъ останавливаясь*).

Однако....

НЕЛИЦКІЙ.

Ступай сдѣлай милость. (*Глядя въ окно:*) Вотъ ужь и Кревевъ пріѣхалъ. Ступай и сиди у себя смирно.

КОСТОМИНЪ (*уходя*).

Что же, я готовъ попробовать, только едва ли.

НЕЛИЦКІЙ (*догоняя его*).

Постой, постой, какъ ты говорилъ зовутъ ту дѣвочку? Наташенька? Наташенька?

КОСТОМИНЪ.

Настенька.

НЕЛИЦКІЙ.

А, Настенька. Ну, хорошо, больше ты не нуженъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

НЕЛИЦКІЙ и КРЕНЕВЪ.

КРЕНЕВЪ (*входя изъ средней двери и подавая Нелицкому сложенную бумагу*).

Вотъ тутъ не только справка, но даже копія съ запроса палаты.

НЕЛИЦКІЙ.

Да вы просто мой благодѣтель. (*Беретъ его за руку.*) Очень вамъ благодаренъ, очень вамъ благодаренъ. Ну-съ, присядемте-ка теперь, да потолкуемъ кой о-чемъ. (*Садятся.*) Извольте видѣть, говорятъ, доброе дѣло никогда не остается безъ вознагражденія, и вѣроятно потому, въ то самое время какъ вы, въ образѣ моего добраго генія, добывали для меня, въ храмѣ Ѳемиды, нужныя справки, какая-то невидимая фея случайно навела меня съ дядей на самый интимный разговоръ о васъ; и оказалось, что мы оба, и я и дядя, влюблены въ васъ: дядя въ ваши замѣчательныя нравственныя качества... (*Кревевъ хочетъ возразить что-то.*) Нѣтъ, нѣтъ,

именно замѣчательныя; а я въ вашъ умъ и способности. (*Креневъ снова хочетъ возразить.*) Пожалуста не возражайте, пожалуста не возражайте. Я сегодня имѣлъ съ вами серіозный разговоръ и разгадалъ васъ, разгадалъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, а въ томъ, что мы оба горимъ нетерпѣніемъ составить для васъ блестящую karьеру... Конечно, каждый изъ насъ отдѣльно не въ состояніи сдѣлать этого надлежащимъ образомъ, но если мы соединимся, то, вы знаете, concordia res parvae crescunt, discordia....

КРЕНЕВЪ.

Вы ужь слишкомъ много придаете значенія моимъ достоинствамъ. Всѣ мои достоинства заключаются въ моемъ непремѣнномъ желаніи приносить пользу обществу.

НЕЛИЦКІЙ.

Это-то, милостивый государь, намъ и нужно, это намъ и нужно. Именно, именно этого ищетъ администрація. Takie люди для нея, въ настоящее время, kладъ.

КРЕНЕВЪ.

А, я догадываюсь: вы хотите предложить мнѣ сдѣлаться чиновникомъ. Въ такомъ случаѣ я вамъ заранѣе объявляю, что я отказываюсь, потому что я ищу независимой дѣятельности представителя общественныхъ интересовъ и врагъ бездушной рутины и механической подчиненности.

НЕЛИЦКІЙ.

А! а!.. Вотъ, вотъ... сейчасъ видно, будущій ораторъ, ораторъ, талантъ! Знаете, вы такъ говорите, что васъ заслушаться можно. Но, позвольте, я хочу предложить вамъ не kакую-нибудь мелkую должность, а должность, по kрайней мѣрѣ, вице-губернатора.

КРЕНЕВЪ (*въ сторону*).

Вице-губернатора!

НЕЛИЦКІЙ.

А вѣдь это что̀ значитъ при вашихъ блестящихъ способностяхъ? Это значитъ—въ нѣсkолько лѣтъ ваша karьера сдѣлана. Вы, батюшka, такъ зашагаете! Это значитъ (*показывая на грудь и шею Креневa*) и сюда, и сюда, и сюда! И тутъ регалія, и тутъ другая...

КРЕНЕВЪ.

Регаліи и почести меня не прельщаютъ. Въ этомъ случаѣ я придаю болѣе широкое значеніе слову карьера. Я цѣню карьеру по стольку, по сколько она сообщаетъ самостоятельности моимъ дѣйствіямъ. А такъ какъ должность вице-губернатора уже начало этой самостоятельности, то, занимая ее, я еще болѣе нежели теперь могу быть полезенъ животрепещущимъ вопросамъ общества. Это и побуждаетъ меня принять ваше предложеніе. Я согласенъ.

НЕЛИЦКІЙ (*въ сторону*).

Шельма! ловко вывернулся. (*Громко:*) Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. Прекрасный взглядъ! прекрасный взглядъ! (*Пожимая ему руку:*) Итакъ, вы согласны. Очень радъ, очень радъ. Ну-съ, я тотчасъ же принимаюсь хлопотать о васъ. Сегодня же отправляю письма въ Петербургъ, а между тѣмъ настрою дядю, чтобъ онъ тоже съ своей стороны... вы знаете, у него огромныя связи... А кстати, ужь вы не сердитесь на меня, если я посовѣтую вамъ кончить поскорѣе вашъ сердечный вопросъ. Это нужно для успѣха дѣла.

КРЕНЕВЪ.

Извините, я васъ не понимаю. О какомъ сердечномъ вопросѣ вы говорите?

НЕЛИЦКІЙ.

Насчетъ pupille, protegée дяди, или называйте ее, какъ хотите. Ну, насчетъ его крестницы.... Настеньки. Я, батюшка, все знаю, все знаю, даромъ что вчера пріѣхалъ.

КРЕНЕВЪ (*быстро вставая и съ горячностію*).

Боже мой, что̀ у насъ за удивительное общество! Нельзя дѣвушкѣ сказать самаго обыденнаго комплимента, нельзя выразить сколько-нибудь сочувствія къ ней, безъ того чтобъ...

НЕЛИЦКІЙ (*тоже вставая*).

Батюшка, Владиміръ Ильичъ, вы пожалуста извините меня, что я коснулся этого вопроса. Я никакъ не ожидалъ, что онъ васъ такъ волнуетъ. Впрочемъ, откровенно вамъ скажу, что я не понимаю, изъ чего вы такъ секретничаете. Выборъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣвушка

замѣчательная. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что дѣвушка съ состояніемъ.

КРЕНЕВЪ.

Какъ съ состояніемъ?

НЕЛИЦКІЙ.

Конечно съ состояніемъ. Помилуйте, развѣ это не состояніе—ежегодная рента до шести тысячъ рублей? Вѣдь дядя даритъ ей Павликовку, а вы, вѣроятно, знаете, что̀ это за превосходное имѣніе. Это чистый кладъ. Только нужно чтобы попался онъ въ хорошія руки. А кромѣ того дядя намѣренъ въ духовномъ завѣщаніи тоже выдѣлить ей порядочный кушъ. Мы сейчасъ говорили съ нимъ объ этомъ. Вѣдь я его прямой наслѣдникъ.

КРЕНЕВЪ.

Все это такъ странно, что еслибы другой, а не вы говорили мнѣ, то я, пожалуй, не повѣрилъ бы.

НЕЛИЦКІЙ.

Что̀ жь тутъ страннаго? Вамъ извѣстно какъ дядя привязанъ къ этой дѣвушкѣ. Своихъ дѣтей у него нѣтъ. А вы лучше вотъ что̀, даю вамъ задушевный дружескій совѣтъ: не откладывайте вашего прекраснаго намѣренія въ долгій ящикъ. Сдѣлайте предложеніе теперь же. Дядя будетъ очень радъ. И мы съ нимъ тотчасъ же примемся хлопотать о васъ. Вы знаете, я не министръ, я не могу сразу дать вамъ мѣсто. Я могу только ходатайствовать за васъ. Ну, а съ другой стороны дядя. Я буду направлять, онъ дѣйствовать, и такимъ образомъ съ двухъ сторонъ... понимаете? Мы васъ потащимъ, еще какъ потащимъ!

КРЕНЕВЪ.

Что̀ жъ, если вы уже узнали мой секретъ, то я не стану скрывать отъ васъ, что я давно люблю эту дѣвушку, и мое неизмѣнное намѣреніе было на ней жениться, но я не понимаю, для чего же такъ спѣшить этимъ дѣломъ.

НЕЛИЦКІЙ.

Да кто же васъ заставляетъ жениться непремѣнно теперь? Вы только сдѣлайте предложеніе, станьте относительно ея на правахъ жениха, а жениться вы можете по полученіи

мѣста, наконецъ по полученіи дарственной записи на имѣніе. Прежде всего поставьте вопросъ ясно, развяжите намъ руки, дайте намъ возможность дѣйствовать.

КРЕНЕВЪ.

Въ такомъ случаѣ я готовъ. Я на дняхъ же объяснюсь и съ вашимъ дядей, и съ Настенькой.

НЕЛИЦКІЙ.

Зачѣмъ же на дняхъ? Я сейчасъ же, сію минуту все объясню дядѣ. Что тутъ еще откладывать! Я завтра же уѣзжаю, а надо чтобы начало было сдѣлано при мнѣ. (*Хочетъ идти.*) Я сію минуту.

КРЕНЕВЪ.

Однако позвольте. Дайте мнѣ немножко подумать.

НЕЛИЦКІЙ.

Что вы еще будете раздумывать! Не безпокойтесь, не безпокойтесь.... я сейчасъ.... (*Пожимая ему руку:*) Очень радъ! очень радъ! душевно радъ! Мы, батюшка, изъ васъ сдѣлаемъ человѣка, ухъ, какого человѣка! Я вамъ прямо скажу: я въ этомъ случаѣ дѣйствую какъ эгоистъ. Вы намъ нужны, вы нужны для администраціи, для государства наконецъ. У насъ людей нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Ихъ слѣдуетъ искать и искать. Алмазы никогда поверхъ земли не валяются: ихъ надо добывать съ трудомъ, отыскивать глубоко, прежде найдти ихъ жилу, а потомъ взрывать порохомъ. (*Быстро уходитъ въ дверь налѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

КРЕНЕВЪ (*одинъ*).

Недурно, очень недурно! И какъ все это неожиданно! Сразу совершенно измѣняется мое положеніе. Такого великолѣпнаго случая упускать не слѣдуетъ, отнюдь не слѣдуетъ. (*Ходитъ скорыми шагами по сценѣ.*) Въ самомъ дѣлѣ великолѣпно! великолѣпно! А противникамъ-то моимъ каковъ щелчокъ! Чего добраго, можетъ-быть, современемъ попаду и сюда. Я вамъ припомню тогда всѣ ваши насмѣшки и карикатуры, какъ вы меня бѣднымъ рыцаремъ рисовали. Я вамъ покажу общественные интересы!

ЯВЛЕНІЕ XI.

КРЕНЕВЪ, КОСТОМИНЪ и НЕЛИЦКІЙ.

КОСТОМИНЪ (*подходя къ Креневу и пожимая ему руку*).

Очень радъ, очень радъ. Леонидъ мнѣ разказалъ все. Хвалю, хвалю. Прекрасно! Отличный выборъ! отличный! Вы будете счастливы съ такою женой. Поздравляю, отъ души поздравляю. Дайте же, батюшка, обнять васъ. (*Цѣлуются.*)

КРЕНЕВЪ.

У меня давно была эта мысль, а теперь случай помогъ.

КОСТОМИНЪ.

Ну что̀ ужь о томъ толковать, какъ и что̂. Дѣло хорошее, вотъ и все. За родителей Настеньки я вамъ отвѣчаю: они будутъ согласны, а теперь надо только спросить ее. (*Увидѣвъ входящую Настеньку.*) А вотъ и она. Пожалуйте-ка, милостивая государыня, сюда, пожалуйте. Васъ только намъ и нужно.

ЯВЛЕНІЕ XII.

НАСТЕНЬКА, ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА и ЛАДУШКИНЪ (входятъ изъ двери направо).

КОСТОМИНЪ (*Настенькѣ*).

Извольте-ка намъ дать сейчасъ же отвѣтъ. Владиміръ Ильичъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе, проситъ твоей руки.

НАСТЕНЬКА.

Дѣлаетъ предложеніе? Ахъ, крестный, перестаньте. Вы вѣчно шутите.

КРЕНЕВЪ (*Настенькѣ*).

Нѣтъ, Василій Никитичъ говоритъ правду. И я теперь самъ обращаюсь къ вамъ. Я прошу васъ рѣшить мою участь. Скажите, согласны ли вы осчастливить меня и быть моею женой.

НАСТЕНЬКА (*сконфуженная*).

Право, это такъ неожиданно.... я совсѣмъ растерялась.... дайте мнѣ собраться съ мыслями.... Я на васъ сердита, милостивый государь, очень сердита. Васъ слѣдовало бы помучить хорошенько.

КРЕНЕВЪ (*наклонивъ голову*).

Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

НАСТЕНЬКА (*подавая ему руку*).

Я согласна.

КРЕНЕВЪ (*цѣлуя руку*).

Благодарю васъ.

КОСТОМИНЪ (*Настенькѣ*).

Браво, браво! Поздравляю. (*Евгеніи Александровнѣ:*) Eugenie!... Каково! каково! Вѣдь ты угадала, что̀ давеча-то говорила. (*Подходя къ ней и ласкаясь:*) Ухъ, ты проницательное существо. Да что̀ же ты не поздравляешь жениха и невѣсту?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*стоявшая въ крайнемъ изумленіи*).

Я отъ души, отъ всей души радуюсь. Поздравляю васъ, Владиміръ Ильичъ, поздравляю. Этотъ выборъ вполнѣ дѣлаетъ честь вашему.... вашему сердцу. (*Въ сторону:*) Что̀ же это значитъ? Насмѣшка! (*Креневу:*) Очень, очень рада. Поздравляю. (*Настенькѣ:*) Подойди же ты ко мнѣ, моя милая, подойди, я тебя обниму. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ.*) Душевно радуюсь за тебя. (*Въ сторону:*) Противная дѣвчонка! Она его опутала.... опутала!.... Низкая!

КОСТОМИНЪ.

Ну, господа, милости просимъ теперь обѣдать. Обѣдъ готовъ.

НЕЛИЦКІЙ (*подходя къ Евгеніи Александровнѣ и подавая ей руку*).

Владиміръ Ильичъ сейчасъ просилъ руки, а я самъ предлагаю моей милой тетушкѣ руку, чтобы вести ее къ столу. (*Уводитъ ее, любезничая съ ней.*)

КОСТОМИНЪ (*подавая Настенькѣ руку*).

Ну, а ты, плутовка, пойдемъ со мной. (*Уводитъ Настеньку.*)

КРЕНЕВЪ (*Ладушкину, который въ продолженіе всей сцены стоялъ нѣсколько въ отдаленіи*).

Ну-съ, Вадимъ Петровичъ, изволили слышать? Кто жъ изъ насъ, оказывается теперь, былъ правъ въ нашемъ вчерашнемъ спорѣ? Нуждался ли я въ вашихъ великорѣчивыхъ поученіяхъ?

ЛАДУШКИНЪ.

Но ты вчера говорилъ такъ странно.

КРЕНЕВЪ.

Да, тебѣ кажется все странно, что̀ несогласно съ твоимъ рутиннымъ взглядомъ. (*Уходитъ.*)

ЛАДУШКИНЪ (*одинъ стоитъ въ раздумьи*).

Женится.... женится на ней. Фраза-то, фраза-то какъ сильна! Увлекъ, заговорилъ дѣвушку! Ну, что̀ жь, пусть будутъ счастливы! Однако, какое глупое чувство! Мнѣ досадно, страшно досадно, какая-то злость.... Фу! какой вздоръ! Любить ту, которая тебя не любитъ и даже еще любитъ другаго. Надо убить, задушить въ себѣ эту страсть, надо постараться довести себя до совершенной апатіи.... И я этого достигну, непремѣнно достигну. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ боковой двери и внезапно останавливается.*) Что̀ же? идти теперь пить шампанское.... поздравлять невѣсту.... Нѣтъ, не могу.... не могу!.... (*Быстро уходитъ въ среднюю дверь.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ квартирѣ Чигасова. Въ срединѣ дверь. Направо дверь и, ближе къ зрителямъ, окно. Налѣво отворенная дверь на балконъ и другая ближе къ авансценѣ. У окна дамскій рабочій столикъ. Вдоль лѣвой стѣны диванъ, передъ нимъ столъ и кресла.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАСТЕНЬКА, ЧИГАСОВЪ, НИЛЪ НИЛЫЧЪ и затѣмъ ПЕТРЪ.

Настенька шьетъ за рабочимъ столикомъ, по временамъ посматривая въ окно. Чигасовъ въ халатѣ и ермолкѣ сидитъ на диванѣ. Передъ нимъ бутылка съ наливкой и рюмка. На колѣняхъ у него газета, и онъ дремлетъ. Нилъ Нилычъ входитъ въ среднюю дверь, съ шапкой и узелкомъ въ рукахъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*кладетъ узелокъ и шапку на стулъ у дверей. Настенька его не замѣчаетъ*).

Вотъ она моя хорошая! Въ окошечко посматриваетъ, жениха дожидается. Ахъ ты милая дѣвушка! Птичка ты моя! Улетѣть изъ своего гнѣздышка собираешься. Мнѣ-то каково будетъ безъ тебя! Кто безъ тебя станетъ за меня заступаться! (*Нѣсколько ближе подойдя къ Настенькѣ, которая въ это время привстала и, наклонившись къ окну, внимательно смотритъ вдаль:*) Придетъ, придетъ. Что ты безпокоишься? Я его сейчасъ встрѣтилъ. Не слышитъ ничего. Должно-быть, любовь-то сильно въ сердчишкѣ бунтуетъ. Настенька! (*Настенька попрежнему не замѣчаетъ его.*) А постой-ка я ее испугаю.... (*Крадется къ Настенькѣ съ распростертыми впередъ руками.*)

ПЕТРЪ (*показавшійся предъ тѣмъ въ дверяхъ направо*).

Ахъ ты, старая ворона! Что̀ онъ тутъ творитъ? (*Слѣдитъ на цыпочкахъ за Ниломъ Нильичемъ.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*схватывая Настеньку потихоньку за плечи*).

Ухъ! (*Петръ ударяетъ его кулакомъ по спинѣ*). Ой, ой, ой, что̀ это?

ПЕТРЪ.

Ха! ха! ха!... ха! ха! ха! (*Ходитъ по сцен, заливаясь смѣхомъ.*)

ЧИГАСОВЪ (*проснувшійся и видѣвшій всю сцену*).

Ай да ловко! Вотъ огрѣлъ-то!... (*Тоже сильно хохочетъ.*)

НАСТЕНЬКА (*оборачиваясь въ изумленіи*).

Что такое? Что случилось?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*сѣвъ на стулъ и потирая рукой между плечъ, плачевнымъ тономъ*).

Что за шутки Пётра! Можно ли такъ шутить!

НАСТЕНЬКА (*ухаживая за нимъ*).

Что онъ съ тобой сдѣлалъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*тѣмъ же тономъ*).

Ударилъ. Да еще какъ! Искры изъ глазъ посыпались.

ЧИГАСОВЪ (*разражаясь еще болѣе громкимъ хохотомъ*).

Искры изъ глазъ! Ха-ха-ха! И какъ онъ къ нему ловко подкрался.... этотъ только-что руки растопырилъ, а тотъ какъ разъ... ха-ха-ха! (*Продолжаетъ смѣяться.*)

НАСТЕНЬКА (*Нилу Нилычу*).

Бѣдный Нилъ Нилычъ! Что жь, тебѣ больно?

ПЕТРЪ.

Вотъ наивный вопросъ! Разумѣется, больно. Для того и ударилъ, чтобъ было больно.

НАСТЕНЬКА.

Какъ тебѣ не стыдно, Петя. У тебя нѣтъ никакой жалости.

ПЕТРЪ.

Ну, важное дѣло. Ты что такъ сантиментальничаешь? По обязанности невѣсты, что ли? Или Креневъ внушилъ тебѣ такія нѣжныя чувства?

ЧИГАСОВЪ (*продолжая смѣяться*).

Право, потѣшный народъ! Вотъ разодолжили. А я тутъ преспокойно читаю газету. Такая интересная статья, и вдругъ вижу....

ПЕТРЪ.

Должно-быть, очень интересная, коли вы за ней уснули. Скажите прямо, что вы спали. Что тутъ церемониться?

ЧИГАСОВЪ.

Нѣтъ, я совсѣмъ не спалъ. Тебѣ такъ показалось. (*Нилу Нилычу:*) Нилъ! да полно тебѣ тамъ корчиться. Набей мнѣ трубку.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*медленно вставая*).

Сейчасъ. (*Идетъ въ уголъ комнаты и набиваетъ трубку.*)

ЧИГАСОВЪ (*Петру*).

А я тебѣ совѣтую прочесть эту статью. Очень любопытно.

ПЕТРЪ.

Какая-нибудь глупость. Или воду толкутъ, или подличаютъ. Все тѣ же Кренеевы.... такіе же точно подлецы!

НАСТЕНЬКА.

Петя, пожалуста, ты хоть въ моемъ присутствіи не брани Кренева. Я прошу тебя объ этомъ серіозно.

ПЕТРЪ (*передразнивая ее*).

Въ моемъ присутствіи! Какое канцелярское выраженіе!

ЧИГАСОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, Петръ, не хорошо. Ты этимъ оскорбляешь сестру. Теперь Кренеевъ вступаетъ въ нашу семью; стало-быть, ты долженъ оставить всякую злобу противъ него.

ПЕТРЪ.

Да вы поймите, если только можете понять, что̀ такое Кренеевъ? Вѣдь это враль.... понимаете,—враль, представитель лжи, представитель самаго ложнаго и вреднаго принципа. Развѣ можно когда-нибудь мириться съ этими пошлыми оптимистами?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*подавая трубку*).

Платонъ Кирылычъ, а что̀ такое оптимистъ?

ПЕТРЪ.

Вотъ эти господа,—вотъ въ родѣ тѣхъ, писаніями которыхъ вы восхищаетесь; вѣдь они наговорятъ вамъ и не вѣсть какихъ сладкихъ рѣчей. А ради чего? Только ради своихъ скрытыхъ эгоистическихъ цѣлей. Развѣ у нихъ есть любовь къ человѣчеству, къ меньшей братіи, сожалѣніе къ существу слабѣйшему?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Сожалѣніе къ существу слабѣйшему! А самъ-то ты какъ меня кулакомъ съѣздилъ!

ПЕТРЪ (*шутя*).

А ты развѣ существо?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

А кто же?

ПЕТРЪ.

Ты старый пергаментъ. Тебя можно на переплетъ книгъ употреблять. Да что тутъ съ вами разсуждать! Гораздо лучше выпить наливки. (*Подходитъ къ столу, наливаетъ рюмку и пьетъ.*) Славная наливка! Наливки дѣлать вы здѣсь мастера. Вотъ въ этомъ я признаю за вами значеніе въ исторіи цивилизаціи. (*Нилу Нилычу:*) Понимаешь?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Рябиновка.... кисленькая.

ПЕТРЪ.

Ну, а ты хочешь? (*Наливаетъ рюмку и подаетъ ему.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Кому это? Мнѣ? Нн, нн.... не могу.

ПЕТРЪ.

Это почему?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Плакать буду. Слабъ, ужь очень слабъ сталъ. Повѣришь ли, не то ужь чтобы рюмку вина выпить, ни одного цере-

моніала въ газетахъ безъ слезъ не могу читать. Хоть свадьба, хоть похороны, все равно.... Вотъ недавно нашелъ въ старыхъ газетахъ какъ мужа англійской королевы хоронили. Ну что̀ онъ для меня? Вѣдь совсѣмъ посторонній человѣкъ. А что̀ же ты думаешь, такъ разрыдался, такъ....

ПЕТРЪ.

Полно сказки разказывать. Пей, говорятъ тебѣ! Я терпѣть не могу пить одинъ: что̀ за удовольствіе!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Пётра, голубчикъ, не могу: плакать буду.

ПЕТРЪ.

Плачъ, чортъ тебя возьми, да пей!

ЧИГАСОВЪ.

Ха-ха-ха! Ей-Богу забавникъ ты, Петрунька. На тебя и сердиться нельзя.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, Пётра, ну, разумникъ ты мой, ты меня не принуждай. Мы лучше съ тобой такъ потолкуемъ. Вѣдь ты все знаешь. Ты мнѣ скажи, отчего когда король умираетъ, такъ на похоронахъ бѣлую лошадь ведутъ? И вотъ ты сейчасъ говорилъ, что̀ это значитъ—оптимисты?

ПЕТРЪ.

Э, братъ! да ты на хитрости поднимаешься. Врешь.... пей или я тебѣ на голову вылью. (*Беретъ его за сюртукъ.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Пётра, пожалуста. (*Опускается на стулъ.*)

ЧИГАСОВЪ.

Умора да и только! (*Хохочетъ.*)

ПЕТРЪ.

Ну, братъ, коли ты не слушаешься.... такъ смотри же.... (*Заноситъ рюмку у него надъ головой.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*отчаяннымъ тономъ*).

Что̀ ты, что̀ ты!

НАСТЕНЬКА (*подбѣгая къ Петру*).

Петя, перестань. Какъ тебѣ не стыдно. Что ты его все мучишь!

ПЕТРЪ (*дѣлая тотъ же жестъ*).

Ну, постой же, разъ, два....

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*кричитъ*).

Ай! ай! ай!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*вбѣгая въ попыхахъ.*)

Что̀ у васъ за крикъ? Что̀ за ярмарка? Вы и не слышите, что кто-то стучится отъ Костоминыхъ въ калитку. Кто ее заперъ на замокъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Это я заперъ. Собаки отъ нихъ забѣгаютъ. Всѣ цвѣты перепортили.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ умная голова! Нарочно калитку устроили, чтобы всегда былъ свободный проходъ къ Костоминымъ. Развѣ не могъ такъ притворить? Гдѣ же ключъ-то? Пошелъ, отопри скорѣй.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ключъ. Сейчасъ, сейчасъ.... (*Ищетъ по карманамъ.*)

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*Чигасову*).

А ты что это въ такомъ неглиже расположился? Отдыхать что ли собираешься? Усталъ отъ лѣни! Ну, какъ это самъ генералъ или генеральша? (*Чигасовъ поспѣшно уходитъ въ дверь направо; Петръ медленнымъ шагомъ уходитъ налѣво.*) И что̀ за трактиръ здѣсь! бутылка, рюмка. Порядочныхъ людей принять нельзя. (*Прячетъ бутылку и рюмку подъ диванъ. Замѣтивъ узелъ и шапку:*) А это что̀ за дрянь еще?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ *(который уже направлялся къ балконной двери, быстро возвращается).*

Матушка, не трогайте. Это мое.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ еще! (*Схватываетъ шапку и узелъ.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Голубушка, канареечное сѣмя и макъ для Крохотова. Просилъ канареекъ полѣчить. Я сейчасъ уберу.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ важность какая! (*Растворяетъ дверь и бросаетъ за нее шапку и узелъ.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ай! что̀ вы!

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*грозно*).

Отпирай скорѣй калитку, старая кочерга!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*бѣжитъ къ балкону*).

Сейчасъ, сейчасъ! Съ нами крестная сила! съ нами крестная сила! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА и НАСТЕНЬКА. (Настенька попрежнему сидитъ за работой.)

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Настя! Если генералъ или генеральша, такъ прими ихъ, какъ слѣдуетъ, а про меня скажи, что я по хозяйству занята, что я извиняюсь.... варенье варю. Не могу же я выйдти къ нимъ такая растрепанная. Слышишь?

НАСТЕНЬКА.

Хорошо.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*передразнивая ее*).

Хорошо! Да приподнимись съ мѣста-то, матушка. Поди встрѣть.

НАСТЕНЬКА.

Кого же встрѣчать? Быть-можетъ, это кто-нибудь изъ прислуги.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

А какъ не изъ прислуги?

НАСТЕНЬКА.

Василій Никитичъ не обидится такими пустяками.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Скажите пожалуста—пустяками! Стало-быть, по-твоему, и я пустяки дѣлаю? Я-то изъ чего же бѣгаю, мечусь во всѣ стороны? Я-то изъ чего хлопочу? Слышишь? Изъ чего?

НАСТЕНЬКА.

Не знаю.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Какъ ты смѣешь отвѣчать мнѣ такъ дерзко? Стало-быть, по-твоему, я дура? Ахъ ты негодная дѣвчонка! Ты воображаешь, что за Кренева замужъ выходишь, такъ надъ тобой ужь и властей никакихъ нѣтъ. Выходи, матушка, сдѣлай милость, выходи поскорѣе. Молебенъ отслужу, что отъ тебя избавилась, этакое сокровище съ плечъ свалила. Ежечасно молю Всевышняго, чтобы свадьба не разстроилась. Авось покой въ домѣ будетъ, какъ тебя выпровожу, а за тобой и братца твоего любезнаго.

НАСТЕНЬКА.

Вѣроятно, вамъ недолго осталось ждать.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Хорошо кабы такъ. То-то ты, умница, смотри въ оба, чтобы женихъ-то отъ тебя не ускочилъ. Егозить-то онъ тутъ егозитъ, а когда быть сватьбѣ до сихъ поръ еще не назначилъ, да и помолвки не было. Смотри, чтобы не вышло на то лѣто не на это.

НАСТЕНЬКА.

Не безпокойтесь, онъ меня любитъ, и я ему вѣрю.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

А я тебѣ еще разъ говорю: не выйдешь теперь замужъ, не жить тебѣ у насъ въ домѣ. Я настою, чтобъ отецъ спровадилъ тебя куда-нибудь. Живи, коли хочешь, у Костомиными. А моихъ силъ нѣтъ больше терпѣть, силъ никакихъ нѣтъ.... силъ нѣтъ (*быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАСТЕНЬКА и ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Въ это время Нилъ Нилычъ проходитъ съ балконной двери въ главную дверь. Увидѣвъ вошедшую Евгенію Александровну, Настенька встаетъ и кланяется.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*одѣта по-домашнему, безъ шляпки и мантильи. Въ рукахъ у нея раскрытый зонтикъ*).

Bon jour, mon enfant. Bon jour. Зашла къ вамъ на минуточку взглянуть что̀ вы тутъ дѣлаете. Ну что̀, ты, я думаю, счастлива?

НАСТЕНЬКА (*нѣсколько восторженно*).

Да, я счастлива, совершенно счастлива!

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Знаю, знаю, мой другъ. Для дѣвушки быть невѣстой, это самое счастливое время. Приготовленіе приданаго, нарядовъ, все это такъ наполняетъ вашу жизнь, такъ васъ интересуетъ.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, я счастлива потому, что выхожу замужъ за человѣка, котораго люблю.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну да, да. Для васъ это и составляетъ любовь. Мечты о чепцѣ, о перемѣнѣ названія mademoiselle на madame....

НАСТЕНЬКА (*горячо*).

Нѣтъ, вы ошибаетесь. Любовь моя не такова....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Постой, постой, мой другъ. Что̀ ты на меня кричишь? Развѣ я тебя не одобряю? Напротивъ, я тебя хвалю, отъ

души хвалю. Ты сдѣлала прекрасный выборъ. И ты тѣмъ болѣе должна цѣнить наши благодѣянія, понять какъ мы заботимся о тебѣ, какъ мы устраиваемъ твою будущность.

НАСТЕНЬКА.

Я вполнѣ цѣню ваше вниманіе ко мнѣ и на всю жизнь останусь признательна вашему добрѣйшему мужу за его любовь и ласки. Но все это не можетъ имѣть никакого отношенія къ моему замужеству.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ, вотъ! Я знала, что непремѣнно будетъ такъ, что вмѣсто благодарности, намъ будутъ платить колкостями. Я все предвидѣла, я все предвидѣла. Въ людяхъ такъ мало признательности. Я предупреждала моего мужа.... Вотъ такъ и случилось.

НАСТЕНЬКА (*въ недоумѣніи*).

Креневъ женится на мнѣ по любви. Онъ меня любитъ. Въ чемъ же тутъ ваше содѣйствіе?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Любитъ! ха! ха! ха! (*Сильно смѣется.*) Женится по любви! ха! ха! ха! Скажите пожалуста: влюбленъ! ха! ха! ха! Влюбленъ до страсти, до безумія.... ха! ха! ха! (*Продолжаетъ смѣяться.*) Отлично! ха! ха! ха! mais c'est sublime! c'est du haut comique!

НАСТЕНЬКА.

Да, Креневъ любитъ меня. Онъ женится на мнѣ по любви. Какая же у него могла бы быть другая цѣль?

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Пожалуста, мой другъ, не увлекайся; смотри на вещи гораздо проще. Меньше поэзіи! меньше поэзіи! Креневъ женится на тебѣ потому, что племянникъ мой обѣщалъ ему мѣсто вице-губернатора, а мой мужъ даритъ тебѣ въ приданое Павликовку, имѣньице небольшое, но все же оно что-нибудь значитъ, когда у Кренева собственныя средства почти ничтожны. Такимъ образомъ, женясь на тебѣ, онъ обезпечиваетъ себѣ карьеру и получаетъ вѣрный кусокъ хлѣба, а тебя онъ беретъ уже, какъ бы тебѣ выразить: какъ пріятное дополненіе, получаетъ тебя pour ainsi dire, какъ это говорится... на придачу.

НАСТЕНЬКА (*въ волненіи*).

Нѣтъ, это не можетъ-быть. Это слишкомъ унизительно для меня! Я никогда не согласилась бы выйдти замужъ за человѣка, который смотрѣлъ бы на меня только какъ на средство сдѣлать карьеру, имѣть деньги....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Это ужь, мой другъ, твоя добрая воля выходить или не выходить, но съ другой стороны нельзя же увлекаться иллюзіями, нельзя и требовать, чтобы Креневъ влюбился въ тебя.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, все это неправда! клевета! Все это ложь, самая гадкая ложь!

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*строго*).

Настенька! Кому ты говоришь это? Ты забываешься....

НАСТЕНЬКА.

Я не забываюсь, а говорю вамъ то, что я чувствую. Нѣтъ, довольно я отъ васъ терпѣла! Я не позволю вамъ такъ оскорблять меня.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ ты, дерзкая! Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ тономъ?

НАСТЕНЬКА.

Вашъ тонъ гораздо хуже. Я только защищаю себя отъ оскорбленій, а вы унижаете меня изъ мести, да, изъ мести, ради оскорбленнаго самолюбія. Я очень хорошо понимаю цѣль вашихъ словъ....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Что? Что такое?

НАСТЕНЬКА.

Да, вы убѣждены были, что Креневъ неравнодушенъ къ вамъ, а теперь, когда увидѣли, что онъ предпочелъ меня....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*устремляясь къ ней*).

Замолчи.... негодная!

НАСТЕНЬКА.

Довольно. Больше отъ меня вы ничего не услышите. Я все сказала. (*Быстро уходитъ, захлопнувъ за собой дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА и затѣмъ КРЕНЕВЪ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Какова!... До чего забылась! Говоритъ мнѣ прямо въ глаза подобныя вещи! Это какое-то безуміе... затменіе всякаго чувства, стыда, совѣсти.... Дѣвчонка видимо не помнитъ себя отъ восторга. Она совсѣмъ съ ума сошла отъ того, что ей удалось поймать Кренева. (*Передразнивая:*) „Она счастлива“!... Дура!... Погоди, моя милая, погоди, я тебѣ устрою твое счастье. (*Идетъ къ двери на балконъ, но увидѣвъ входящаго въ среднюю дверь Кренева, останавливается.*)

КРЕНЕВЪ (*встревоженный, не замѣчая Евгеніи Александровны*).

Однако дѣло, кажется, скверно. До сихъ поръ ни строчки. Что жь это значитъ? Думалъ, не завалялось ли письмо на почтѣ. Нарочно заходилъ. И тамъ ничего нѣтъ. Чортъ возьми! Что же это такое? (*Увидѣвъ Евгенію Александровну и подходя къ ней:*) Bon jour, madame. Pardon; я васъ не замѣтилъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

И не мудрено. Вы чѣмъ-то заняты, взволнованы.

КРЕНЕВЪ.

Нисколько.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Полноте, полноте. Я очень хорошо вижу, что вы взволнованы. Впрочемъ, это совершенно натурально. Иначе и быть не можетъ, когда человѣкъ влюбленъ.

КРЕНЕВЪ.

О! повѣрьте, моя любовь самаго спокойнаго свойства. Я уже не юноша. Моя пора волноваться прошла.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Перестаньте пожалуста. Вы точно стыдитесь вашего чувства, какъ будто оправдываетесь.

КРЕНЕВЪ.

Нѣтъ, я не оправдываюсь. Я хотѣлъ только сказать, что то чувство, которое я питаю къ моей невѣстѣ....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте милость, не скромничайте. Не скрывайте благородныхъ влеченій вашего сердца. Это именно одно изъ тѣхъ пылкихъ, благородныхъ увлеченій, которыя въ наше время такъ рѣдки между молодыми людьми. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не ради же мѣста вице-губернатора или того имѣнія, которое даетъ мой мужъ въ приданое Настенькѣ, вы женитесь на ней.

КРЕНЕВЪ (*въ сторону и нѣсколько сконфуженный*).

Ей ужь извѣстно.... (*Громко:*) Дѣйствительно, вашъ племянникъ предлагалъ мнѣ мѣсто, но это больше ничего какъ случайное совпаденіе обстоятельствъ. А что до приданаго, то я объ этомъ не справляюсь.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*перебивая*).

Ахъ, Боже мой, пожалуста не защищайтесь. Напротивъ, будьте увѣрены, что еслибы кто-нибудь вздумалъ такъ объяснять вашу женитьбу, то я первая ваша защитница. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было бы предположить, что вы придали сколько-нибудь серіозное значеніе обѣщаніямъ Леонида. Развѣ вы его не знаете? Леонидъ bon enfant, но онъ фантазеръ и притомъ страшный вѣтрогонъ. Онъ сегодня наобѣщаетъ, наговоритъ, а завтра же все и забыто, все брошено, какъ и вышло теперь. И съ чего онъ вдругъ вообразилъ себѣ, что вы непремѣнно должны быть вице-губернаторомъ.... Ха! ха! ха! Почему же именно вице-губернаторомъ, а не губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ? Ха! ха! ха! (*Смѣется.*)

КРЕНЕВЪ (*въ сторону*).

Однако что же это? Я одураченъ. (*Громко.*) Да, да, въ самомъ дѣлѣ.... (*принужденно смѣется*) это дѣйствительно.... отчасти....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

А Павликовка такое приданое, которое можетъ имѣть, конечно, значеніе для мадемуазель Чигасовой, но ужь

никакъ не для васъ.... Она приноситъ въ хорошій годъ около тысячи рублей.

КРЕНЕВЪ.

Около тысячи рублей. (*Въ сторону:*) Онъ мнѣ сказалъ шесть тысячъ.

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Конечно, при нынѣшнихъ порядкахъ такого дохода ожидать ужь нельзя. Притомъ же имѣніе, надо сознаться, въ большомъ упадкѣ, почти весь лѣсъ вырубленъ, да и земля такая неблагодарная, больше все песокъ....

КРЕНЕВЪ.

Песокъ....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Впрочемъ, къ какой стати я повела рѣчь о доходахъ? Я знаю васъ. Вѣдь вы поэтъ, вы не признаете никакихъ матеріальныхъ разчетовъ. Вы недавно такъ подробно объясняли мнѣ устройство вашего сердца. Итакъ adieu. Не хочу васъ лишать долѣе наслажденія бесѣдовать съ вашею невѣстой.

КРЕНЕВЪ.

Нѣтъ, напротивъ....

ЕВГЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, не притворяйтесь, не притворяйтесь, пожалуста.... Прощайте. Не буду мѣшать вамъ. (*Уходя:*) Блаженствуйте, блаженствуйте. (*Грозя ему пальцемъ.*) О, счастливецъ, счастливецъ! (*Уходитъ въ дверь на балконъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРЕНЕВЪ одинъ.

Что же это? Обманъ! Обманъ со всѣхъ сторонъ! Обманули и насчетъ имѣнья. И эта госпожа теперь смѣется.... очевидно, смѣется надо мной.... Нѣтъ, милостивые государи, я не дуракъ вамъ достался! Не на того напали! Я не сдѣлаю и шага впередъ, пока не буду вполнѣ увѣренъ въ томъ, что получу все обѣщанное. (*Садится.*) Однако все это скверно! Ужасно глупое положеніе! Изволь тутъ разыгрывать роль жениха, да еще влюбленнаго. Не знаешь, какъ себя и держать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

НАСТЕНЬКА и КРЕНЕВЪ.

НАСТЕНЬКА (*подходя къ Креневу и подавая ему руку*).

Наконецъ ты воротился. Я ожидаю тебя съ такимъ нетерпѣніемъ. Я такъ огорчена, взволнована....

КРЕНЕВЪ (*съ неудовольствіемъ*).

Ты вѣчно взволнована. Что̀ такое еще случилось?

НАСТЕНЬКА (*удивленная*).

За что̀ жь ты сердишься?

КРЕНЕВЪ.

Я нисколько не сержусь, а говорю, что у тебя всегда какія-нибудь излишнія волненія.

НАСТЕНЬКА.

Однако, ты говоришь такимъ тономъ неудовольствія.

КРЕНЕВЪ.

Что̀ жь? Не говорить же мнѣ веселымъ тономъ: „ахъ, ты огорчена.... мнѣ это очень пріятно“.

НАСТЕНЬКА.

Да, я оскорблена, обижена, и не за себя, а за тебя. На тебя клевещутъ.

КРЕНЕВЪ.

Что̀ такое?

НАСТЕНЬКА.

Говорятъ, что ты получаешь мѣсто и еще имѣнье въ приданое за мной.

КРЕНЕВЪ (*въ сторону*).

А, ужь и до нея дошло! (*Громко:*) Такъ что̀ же такое? Въ чемъ̀ же тутъ клевета?

НАСТЕНЬКА.

Но ты увѣряешь меня въ любви, и вдругъ я слышу, что ты получаешь мѣсто.... имѣніе....

КРЕНЕВЪ.

Удивительно! Совершенно институтскія понятія о жизни! Такъ что же? Развѣ это не есть доказательство, новое подтвержденіе того, что я тебя дѣйствительно люблю? Почему я желалъ бы, да,—я не скрываю,—желалъ бы получить и мѣсто, и имѣніе? Именно потому, что я люблю тебя, слѣдовательно, дорожу твоею будущностью. Я не могу допустить, чтобы ты, по своему положенію, была ниже другихъ, чтобы свѣтъ оскорблялъ твое самолюбіе, или чтобъ ограниченность средствъ гнела твое существованіе.

НАСТЕНЬКА.

Объ этомъ, пожалуста, не думай. Если я согласилась быть твоею женой, я понимаю что̀ я дѣлаю. Мой долгъ дѣлить съ тобой и горе, и радость, идти дружно рука объ руку навстрѣчу всему, что̀ бы ни случилось,—долгъ самый пріятный, высокій. И будь увѣренъ, что я смѣло буду смотрѣть въ глаза каждой случайности. Я не побоюсь ни нужды, ни бѣдности.... Я буду трудиться....

КРЕНЕВЪ.

Ха-ха-ха!... Какія мечты! Какой пафосъ! Сколько увлеченія и пустословія! Ха-ха-ха!...

НАСТЕНЬКА (*строго*).

Владиміръ Ильичъ!

КРЕНЕВЪ.

Да-съ. Слыхали, слыхали мы эту пѣсню. Всѣ дѣвушки до замужества, пожалуй, и искренно мечтаютъ совершать въ будущемъ великіе подвиги во имя любви къ избранному человѣку, а какъ вышли замужъ, то прежде всего и требуютъ отъ мужа и модныхъ шляпокъ, и мантилій, и экипажей, и выѣздовъ, и баловъ. Такимъ образомъ, на дѣлѣ оказывается, что все это увлеченіе больше ничего какъ результатъ самаго прозаическаго, впрочемъ, вполнѣ натуральнаго желанія поскорѣй выпрыгнуть замужъ за кого бы то ни было.

НАСТЕНЬКА.

Владиміръ Ильичъ! Ваши поученія переходятъ границы приличія. Вы, кажется, сами увлекаетесь такъ, что не

обдумываете вашихъ словъ. Вы не имѣете ни права, ни повода говорить мнѣ колкости.

КРЕНЕВЪ.

Я говорю не на вашъ счетъ, а вообще о русской женщинѣ, и готовъ сто разъ повторить, что человѣкъ, у котораго средства ограниченныя и который не имѣетъ въ виду обезпеченныхъ средствъ, не долженъ жениться. Женясь по любви, онъ дѣлаетъ преступленіе. Это не любовь, а эгоизмъ. Онъ эгоистъ, даже болѣе, онъ злодѣй.

НАСТЕНЬКА (*въ сторону*).

Онъ меня не любитъ. (*Громко:*) Слѣдовательно, если вы сдѣлали мнѣ предложеніе, то только потому, что имѣли въ виду обезпеченныя средства.

КРЕНЕВЪ.

Нѣтъ, не потому именно..... но....

НАСТЕНЬКА.

Однако, еслибы вы не имѣли въ виду ни мѣста, ни приданаго, вы не женились бы?

КРЕНЕВЪ (*въ сторону*).

Несносная! Вотъ не кстати пристала съ своими допросами.... (*Громко и вспыльчиво:*) Сдѣлайте одолженіе, успокойтесь, ни мѣста, ни приданаго не будетъ. Меня обманули.

НАСТЕНЬКА.

А, васъ.... обманули! Не исполнили обѣщаннаго!... Теперь для меня все ясно.... (*Опускается на диванъ.*)

КРЕНЕВЪ.

Ну-съ, теперь, кажется, уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что я женюсь на васъ только по любви. Ну, что̀ жь! будемъ говорить о любви! Станемъ толковать о томъ, какъ мы съ вами, мужъ и жена, нѣжно влюбленные другъ въ друга, будемъ сидѣть на зеленомъ бережку, покрытомъ цвѣтами, внимать томному журчанью ручейка и клясться во взаимной любви. Можно будетъ одѣться пастушкомъ и пастушкой, завести козочку на розовой ленточкѣ. Что̀ жь, по вашимъ понятіямъ, для жизни больше ничего и не нужно?

Однако, этотъ поэтическій разговоръ утомляетъ, притомъ же у меня есть сегодня кое-какія дѣла. (*Смотритъ на часы.*) Итакъ, до свиданья. (*Въ сторону:*) Глупое, ужасно глупое положеніе! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НАСТЕНЬКА и затѣмъ ПЕТРЪ.

НАСТЕНЬКА (*которая въ продолженіе предыдущаго монолога оставалась какъ ошеломленная, какъ бы безучастно слушая слова Кренева, по уходѣ Кренева медленно приподнимается съ мѣста и стоитъ минуту въ грустной задумчивости*).

Разочарованіе!... Полное разочарованіе!... Костомина права.... Такъ вотъ всѣ эти увѣренія въ любви! Все это была только маска. Ему не дали обѣщаннаго, и онъ не въ состояніи болѣе притворяться. Онъ даже смѣется надъ моею любовью къ нему; онъ хочетъ унизить и мое чувство.... Онъ уже заранѣе попрекаетъ меня своими будущими бѣдами и лишеніями.... Не бойтесь, не бойтесь, Владиміръ Ильичъ, я не стѣсню васъ, я не буду вамъ въ тягость. Я васъ теперь узнала вполнѣ. Нѣтъ силы, которая заставила бы меня быть вашею женой! Все кончено!... кончено!... Прочь, прочь мечты!... Вонъ изъ сердца это глупое чувство! Кому оно нужно? Кто просилъ его у тебя? Его унизили, осмѣяли. Тебѣ же прочли поученіе за твою довѣрчивость. Ты думала только, какъ бы поскорѣй выйдти замужъ, ты искала жениховъ. (*Голосомъ полнымъ слезъ:*) И это говоритъ тотъ, любовь къ кому наполняла все мое существо.... всѣ мои помыслы.... каждое движеніе моего сердца.... (*Стремительно садится и громко рыдаетъ, закрывъ лицо руками.*)

ПЕТРЪ (*выглядывая въ дверь*).

Убрался, кажется. (*Входитъ въ комнату.*) Ха-ха-ха!... Ха-ха-ха!... Ай да молодецъ! ай да молодецъ! Ха-ха-ха!... (*Расхаживаетъ быстрыми шагами, покатываясь со смѣху.*) Я васъ люблю, но мнѣ за эту любовь не заплатили обѣщаннаго, а потому не лучше ли намъ будетъ разойдтись по добру, по здорову? Это для вашей же пользы. Вотъ подлецъ-

то! Я тутъ до́-сыта нахохотался, слушая, какъ ораторствовалъ этотъ господинъ. А знаешь, что̀ онъ говорилъ насчетъ этихъ разныхъ любовныхъ нѣжностей, насчетъ пастушка съ баранкомъ на розовой ленточкѣ, это совершенно вѣрно. Именно всѣ вы, русскія барышни, такъ понимаете любовь. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть какой-нибудь смыслъ въ движеніяхъ вашего сердца? Бьется оно у васъ чортъ знаетъ зачѣмъ, хлопаетъ такъ себѣ, по привычкѣ.... искусство для искусства.... а вотъ, погоди, какъ попадется тебѣ такой мужъ какъ Креневъ....

НАСТЕНЬКА.

Онъ никогда не будетъ моимъ мужемъ. Съ этой минуты мы разошлись навсегда.

ПЕТРЪ.

А, кончено, значитъ! (*Свищетъ.*) Фю!... Finita la comedia.... Что̀ жь, ты изберешь теперь другой родъ жизни? Въ гувернантки, что ли, поступишь?

НАСТЕНЬКА.

Да, я буду искать мѣста куда-нибудь въ отъѣздъ. Буду служить хоть даромъ, только бы уѣхать отсюда. Я попрошу Костомина.

ПЕТРЪ.

Новая глупость! Быть вѣчно рабой, тогда какъ имѣешь полную возможность выбрать для себя трудъ разумный, самостоятельный, жить независимо....

НАСТЕНЬКА.

Какимъ образомъ?

ПЕТРЪ.

Ѣдемъ въ Петербургъ. Вотъ и все. Выберись же наконецъ изъ этой тины. Имѣй свою волю, свои убѣжденія. Будь дѣйствительно женщиной, а не куклой. (*Патетически:*) Я указываю тебѣ путь. Слѣдуй за мной, и я спасу тебя.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, прежде нежели рѣшиться ѣхать съ тобой, я должна переговорить съ Костоминымъ. Онъ мой искренній другъ, и я ему вѣрю.

ПЕТРЪ.

Искренній другъ. Ха-ха-ха!... Какъ патетически сказано! О, дружба, это ты! Ступай, ступай къ своему искреннему другу. Такой же скотъ, какъ и всѣ. Мнѣ все равно. Стóитъ ли въ самомъ дѣлѣ учить вашу братью чему-нибудь путному, хлопотать о томъ, чтобы сдѣлать изъ васъ людей. Идите, идите въ свое стадо, паситесь тамъ, щиплите травку. (*Быстрыми шагами направляется къ средней двери.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и НИЛЪ НИЛЫЧЪ, входитъ въ среднюю дверь въ шапкѣ и съ узелкомъ въ рукахъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*снимая шапку и кладя узелокъ на стулъ у дверей*).

Постой, постой, Пётра. Куда ты? Нужно поговорить съ тобой.

ПЕТРЪ.

Да, тебѣ нужно, а мнѣ какая нужда? (*Хочетъ уйдти.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*удерживая его*).

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуста, останься. Дѣло важное. Вотъ тутъ кстати и Настенька.... а ты ея братъ.... стало-быть, твоя обязанность.

ПЕТРЪ.

Ну, любезный, я этихъ обязанностей не признаю.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да постой же хоть на минутку. Человѣка спасти нужно.... нужно спасти.... погибаетъ.

ПЕТРЪ.

Кто погибаетъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*беретъ его за руку*).

Поди, поди сюда. Поговоримъ. (*Ведетъ его къ дивану.*) Настенька, поди и ты сюда.... Общее совѣщаніе.... Садитесь.... Садитесь. (*Сажаетъ ихъ, и самъ садится въ срединѣ.*)

ПЕТРЪ.

Ну, что̀ же? Скоро ли кончится эта дурацкая комедія?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Какая комедія!... И, сохрани Боже! Погибель человѣку, совершенная погибель! Дѣло важное! Только надо, чтобы никто не узналъ, а то меня заѣдятъ. (*Осматривается кругомъ.*) Тутъ, на балконѣ, никого нѣтъ?... Ну, вотъ въ чемъ дѣло. (*Наклонясь и таинственно.*) Скажи ты мнѣ, другъ любезный, что̀ такое сплатація?...

ПЕТРЪ (*вскакивая*).

Да что̀ ты? Дурачить меня, что ли, вздумалъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*вскакивая за нимъ и умоляющимъ тономъ*).

Нѣтъ, Пётра, голубчикъ, ради Царя Небеснаго, скажи, что̀ такое сплатація?

ПЕТРЪ.

Убирайся ты, сумашедшій.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*быстро схватывая его и удерживая*).

Нѣтъ. Стой, я тебя не пущу. Умру на мѣстѣ, а не пущу. Ты долженъ сказать, что̀ такое сплатація, ты долженъ, какъ братъ.

НАСТЕНЬКА (*подбѣгая къ нему*).

Нилъ Нилычъ, что̀ съ тобой? Перестань, успокойся.

ПЕТРЪ (*въ прежнемъ положеніи*).

Да что̀ ты, бѣлены объѣлся, или отъ старости совсѣмъ одурѣлъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, не одурѣлъ, а сплатація, говоритъ, сплатація въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова.

НАСТЕНЬКА.

Какая эксплоатація?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*оставляя Петра*).

Про тебя, голубчикъ, это про тебя Крохотовъ говорилъ.

ПЕТРЪ.

Что̀ ты за галиматью несешь? Сказывай толкомъ, что̀ тебѣ Крохотовъ говорилъ. Объясняй по порядку.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да я тебѣ по порядку и объясняю. Сплатація, говоритъ, самая скверная сплатація.... Я у него канареекъ лѣчилъ.... типунъ у одной.... подъ язычкомъ пузырекъ.... говоритъ, что̀ это, говоритъ, вашу Настеньку-то Костоминъ замужъ выдаетъ за милаго друга своей супруги. Мошенникъ, говоритъ, мошенникъ, плутъ старый. Вотъ на какія штуки пустился. Гадкаго дѣла ни отъ кого не утаишь; такъ онъ, говоритъ, новымъ плутовствомъ прикрыться хочетъ. Хороша, говоритъ, будетъ судьба этой несчастной дѣвушки. Вѣдь для нея, говоритъ, эта сплатація, самая дурная сплатація будетъ. Сказалъ, да и ушелъ. Меня какъ варомъ обдало. Пётра, что̀ же это такое съ ней въ самомъ дѣлѣ будетъ? Значитъ, что-то гадкое затѣвается.... гадкое? а? Что̀ же это они, погубить ее хотятъ, что ли?... А? Да отвѣчай же!

ПЕТРЪ (*Настенькѣ*).

Ну, что̀ я тебѣ сейчасъ говорилъ? Хорошъ твой Костоминъ? А, что̀? не скотъ? не безчестный человѣкъ?

НАСТЕНЬКА (*въ волненіи*).

Нилъ Нилычъ.... можетъ-быть, все это не правда, выдумка....

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Какъ не правда! говоритъ, весь городъ знаетъ.... срамъ, говоритъ, срамъ.... по всему городу.

ПЕТРЪ.

Отлично, отлично! И ты героиня этого скандала!... И подѣломъ, очень радъ!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Письмо, говоритъ, письмо самъ читалъ, и письмо всѣмъ глаза открыло.

ПЕТРЪ.

Какое письмо?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ну, ругательное что ли, или любовное, не знаю, только Костоминъ письмо получилъ. И вся исторія изъ этого письма-то и вышла; все открылось.

ПЕТРЪ (*въ сторону*).

А, это, вѣрно, мое письмо. Ну, тѣмъ лучше, очень кстати.

НАСТЕНЬКА (*съ отчаяніемъ*).

Что же это такое? всѣ, всѣ меня обманываютъ, распоряжаются мной какъ вещью! За что же? за что же? Нѣтъ, нѣтъ.... надо все это кончить.... скорѣй, скорѣй прочь отсюда!... (*Петру.*) Увези, увези меня куда хочешь.... хоть на край свѣта.

ПЕТРЪ.

А, наконецъ-то. А деньги у тебя есть?

НАСТЕНЬКА.

У меня есть рублей четыреста. Костоминъ подарилъ на булавки.

ПЕТРЪ.

Ну, и дѣло съ концомъ. По крайней мѣрѣ этотъ подарокъ стараго плута пойдетъ тебѣ въ пользу. А ты собирайся потихоньку въ дорогу. Слышишь, чтобы никто не зналъ. И чрезъ недѣлю мы съ тобой въ Петербургѣ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Какъ въ Петербургѣ! Ты ее хочешь въ Петербургъ увезти? Нѣтъ, нѣтъ. Что ты, что ты, Пётра! ты ее погубишь, совсѣмъ погубишь! Кто тебя знаетъ, какимъ ты ее тамъ вещамъ научишь. Самъ-то ты сорви-голова.... Нѣтъ, нѣтъ.... нельзя.... одна съ тобой такую даль.... нельзя.... не пущу.... ни за что не пущу.

ПЕТРЪ.

Ты что еще, старое чучело! Тебѣ какое дѣло? Молчать, и больше ничего! А если ты намъ мѣшать вздумаешь, или кому-нибудь хоть одно слово пикнешь, такъ я тебя убью, слышишь, убью.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ай, ай, ай! что ты?

ПЕТРЪ.

Да, послѣдній твой мозгъ изъ головы вышибу.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ай!...

ПЕТРЪ.

Ты понялъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да, да, конечно. Только все страшно. Такую даль одна. И что̀ она тамъ будетъ дѣлать? Совсѣмъ пропадетъ! (*Настенькѣ.*) Настенька, голубчикъ, ты себя-то пожалѣй, да и меня также. Вѣдь у меня кромѣ тебя никого нѣтъ.... Мнѣ и свѣтъ-то милъ только черезъ тебя.... Что жь я тутъ сиротой-то останусь.... Ты погоди, дай мнѣ въ могилу прежде лечь. У жь не долго осталось. Зарой меня прежде въ землю, горсточку песочку брось на гробъ.... дескать, на, тебѣ, старый.... будетъ тебѣ по свѣту маяться.... спи, спи тутъ, не тревожь никого.... надоѣлъ ты всѣмъ.... (*Плачетъ.*)

НАСТЕНЬКА (*беретъ его за руку*).

Другъ мой, Нилъ Нилычъ! Знаю, что ты меня любишь. Жаль мнѣ тебя, жаль и отца. Но дѣлать нечего. Нѣтъ другаго исхода. Устроюсь, Богъ дастъ, въ Петербургѣ, возьму тебя къ себѣ. Будешь жить вмѣстѣ со мной.

ПЕТРЪ.

Да, да, конечно. Въ Петербургѣ только такой рѣдкости не доставало. Мы тебя выпишемъ, непремѣнно, для кунсткамеры.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*Настенькѣ*).

Ты послушай, голубчикъ, ты лучше посовѣтуйся съ кѣмъ-нибудь.... поговори.... (*Взглянувъ въ окно:*) Ай, батюшки.... вотъ счастье, вотъ счастье Богъ посылаетъ!... Смотри-ка, Ладушкинъ идетъ по улицѣ.... (*Подбѣгаетъ къ окну.*) Вадимъ Петровичъ! Вадимъ Петровичъ! зайдите на минутку; крайняя нужда.... Только на единую минутку. Настенька васъ зоветъ.... Крайняя нужда.... Настенька васъ зоветъ.... зайдите, ради самого Бога.

НАСТЕНЬКА (*удерживая Нила Нилыча*).

Что̀ ты! что̀ ты! къ чему это?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ничего, ничего, онъ съ тобой поговоритъ, онъ тебя урезонитъ.... Ему повѣрить можно. Свой человѣкъ и искренно

расположенный.... искренно расположенный.... Тебя ребенкомъ зналъ.

ПЕТРЪ (*подходя и съ угрозой*).

Кто тебя просилъ звать его?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*также грозно*).

Молчи, губитель рода человѣческаго! (*Бѣжитъ навстрѣчу входящему Ладушкину.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ЛАДУШКИНЪ.

ЛАДУШКИНЪ.

Что̀ такое? что̀ случилось?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Помогите, батюшка, Вадимъ Петровичъ, помогите, ради Бога, удержите.... Вразумите этотъ народъ. Уѣхать хотятъ, уѣхать....

ЛАДУШКИНЪ.

Кто хочетъ уѣхать? куда? (*Настенькѣ.*) Вы меня звали. Что̀ вамъ угодно?

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, это такъ. Вышло недоразумѣніе. Это Нилъ Нилычъ.

ЛАДУШКИНЪ.

А, недоразумѣніе.... въ такомъ случаѣ извините. (*Кланяется и хочетъ уйдти.*)

НАСТЕНЬКА (*послѣ минутной нерѣшимости*).

Вадимъ Петровичъ, останьтесь, прошу васъ. Старымъ друзьямъ не слѣдуетъ ссориться на прощаньи. (*Подходитъ къ нему и беретъ его за руку.*) Я вполнѣ цѣню ваше доброе расположеніе ко мнѣ и глубоко уважаю васъ. Въ доказательство того я буду съ вами откровенна, но съ условіемъ, чтобы вы мнѣ заплатили также откровенностію.

ПЕТРЪ.

Трогательная сцена! (*Громко смѣется: Ладушкинъ и Настенька взглядываютъ на него.*)

НАСТЕНЬКА.

Скажите: вѣроятно, до васъ уже дошли слухи насчетъ того, почему Костоминъ вздумалъ устроить мою свадьбу съ Креневымъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Потому, что вы любите Кренева.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, вы слышали что-нибудь другое. Не скрывайте. Говорите прямо.

ЛАДУШКИНЪ.

Да, слышалъ. Впрочемъ, и нельзя не слышать, потому что объ этомъ говоритъ весь городъ. И я искренно пожалѣлъ васъ.

НАСТЕНЬКА.

Но прежде нежели дошли до меня эти слухи, я узнала самого Кренева. Я поняла, наконецъ, его вполнѣ. Я никогда не буду его женой; я презираю его. Онъ мнѣ сдѣлался ненавистенъ. Вы согласитесь, что я не могу остаться здѣсь, да мнѣ, по правдѣ сказать, и жить негдѣ. Скажу вамъ откровенно и надѣюсь, что вы меня не выдадите.... я уѣзжаю отсюда.

ЛАДУШКИНЪ (*въ изумленіи*).

Куда?

НАСТЕНЬКА.

Въ Петербургъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Въ Петербургъ!... Зачѣмъ?

НАСТЕНЬКА.

Довольно мнѣ жить милостями другихъ, довольно ходить на помочахъ. Вотъ до чего меня довели эти помочи. Мной торгуютъ, меня продаютъ. Пора стать на свои собственныя силы, пора жить самостоятельно.... я буду трудиться.... Я сумѣю....

ЛАДУШКИНЪ.

А, понимаю.... женскій трудъ! (*Обращаясь къ Петру.*) Ахъ ты злодѣй, злодѣй! Это, я вижу, твоя работа. За что̀ ты губишь сестру? Изъ огня, да въ полымя.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Вотъ, вотъ, я говорилъ.... губитъ, губитъ....

ПЕТРЪ.

Какъ вамъ страшно это слово *женскій трудъ*. (*Смѣется.*)

ЛАДУШКИНЪ.

Слово прекрасное! И не слово страшно, а страшны тѣ, которые учатъ этому слову, не понимая его, которые на этомъ словѣ строятъ дикія теоріи или, просто-запросто, пользуются имъ для того, чтобы прикрывать свои страсти. Вотъ эти учителя-то страшны!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*Петру*).

Ага!... ага!... видишь, видишь.

ПЕТРЪ.

Мы не виноваты въ томъ, что вы не понимаете нашихъ теорій.

ЛАДУШКИНЪ.

Да хоть бы вы-то сами ихъ понимали, такъ ужь и то было бы хорошо, а вѣдь вы сами запутались въ своихъ словахъ, сами себя не познаша. Гдѣ разумная-то благая цѣль дѣла? Куда она исчезла? Вы все сумѣете опошлить.

ПЕТРЪ (*указывая на Настеньку и съ нѣкоторою торжественностію*).

Гдѣ цѣль? Вотъ она, передъ вами! Спасать подобныя существа отъ семейнаго деспотизма, развить въ нихъ самосознаніе, снять съ нихъ тотъ гнетъ, который останавливаетъ у насъ развитіе женщины.

ЛАДУШКИНЪ (*горячо*).

И для этого прежде всего оторвать женщину отъ семьи! научить ее смѣяться надъ семейными узами, заставить ее забыть, что ея назначеніе быть вѣрною женой и доброю матерью семейства, убить въ ней и скромность, и стыдъ, сознаніе и чести, и достоинства женщины! Вотъ ваши идеалы! Отъ такого идеала отвернется съ ужасомъ и презрѣніемъ каждый честный человѣкъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

А, что? что я говорилъ?

ПЕТРЪ (*съ пренебреженіемъ*).

Съ вами не стóитъ спорить объ этомъ вопросѣ: вы его не понимаете. (*Быстро оборачивается къ Ладушкину спиной и важною поступью уходитъ въ дверь на балконъ.*)

ЛАДУШКИНЪ (*Настенькѣ*).

Нѣтъ, вы не уѣдете.... вы останетесь.... Вамъ тамъ дѣлать нечего.... Все устроится здѣсь какъ-нибудь. Вы успокоитесь.... Мы сообща придумаемъ, пріищемъ способы.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ. Мнѣ нечего искать здѣсь. Вокругъ меня пусто, темно, страшно.... гораздо страшнѣе нежели тамъ, гдѣ вы мнѣ сулите всякія бѣды.... Я чувствую, что здѣсь жизнь задушитъ меня еще скорѣе. Нѣтъ, довольно! Что̀ бы вы мнѣ ни говорили, я васъ не послушаю. Я рѣшилась. Не бойтесь за меня. У меня есть и сила воли, и чувство собственнаго достоинства.... я не погибну....

ЛАДУШКИНЪ.

Боже мой! кто жь возстаетъ противъ желанія трудиться! Но я не могу примириться съ тою мыслью, что съ такимъ руководителемъ, какъ вашъ братъ, вы рискуете попасть въ разрядъ тѣхъ несчастныхъ существъ.... которыя.... Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно, это безжалостно, это безчеловѣчно!...

НАСТЕНЬКА (*подходя къ нему*).

Не станемъ больше говорить объ этомъ. Пожмемте лучше другъ другу руку на прощаньи. Простимся какъ старые, искренніе друзья. (*Пожимая ему руку.*) Благодарю васъ, отъ глубины души благодарю за участіе.

ЛАДУШКИНЪ.

Участіе!... участіе!... Да еслибы вы знали, какъ у меня теперь сердце.... какъ у меня сердце.... болитъ за васъ.... какъ мнѣ васъ жаль.... жаль разставаться съ вами.... (*Перемѣняя тонъ.*) Потому что.... потому что очень натурально.... привычка.... давнишняя привычка считать васъ существомъ близкимъ....привязанность....Я васъ прошу только объ одномъ: еслибы вамъ когда-нибудь понадобилась.... моя помощь.... мое содѣйствіе.... то прямо, прямо обращайтесь ко мнѣ.... Знайте, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который считаетъ за

величайшее счастіе, который.... преданъ.... вамъ.... (*Останавливается отъ волненія.*) Вотъ видите, нервы, нервы-то какіе у меня.... совершенно не могу говорить.... И понятно: все это остаешься одинъ.... одинъ! Я чувствую, что мнѣ тоже нужно успокоить себя.... забыть!... Прощайте.... (*Быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

НАСТЕНЬКА, НИЛЪ НИЛЫЧЪ и ПЕТРЪ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Трогательно говорилъ! (*Утираетъ глаза, потомъ садится на стулъ и потихоньку плачетъ.*)

НАСТЕНЬКА (*послѣ минутнаго молчанія*).

Какія странныя слова!

ПЕТРЪ (*показываясь въ дверяхъ на балконъ*).

Что, кончилась диссертація? Болванъ! Ну что же, наконецъ, рѣшилась? Ѣдемъ?

НАСТЕНЬКА (*послѣ нѣкоторой нерѣшительности*).

Да!

ПЕТРЪ (*Нилу Нилычу*).

А ты что тутъ сморкаешься? Старая нянька барышню въ пансіонъ отпускаетъ. (*Смѣется.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*подходя къ нему и плача*).

Пётра, голубчикъ, ну, ты не сердись.... Ты успокой меня. Ну скажи мнѣ по совѣсти, въ самомъ дѣлѣ: что такое женскій трудъ? Это, значитъ, что же вы тамъ съ ней будете дѣлать?

(*Петръ, презрительно посмотрѣвъ на него, уходитъ.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Разбойники! Одно слово, разбойники!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная въ квартирѣ Ладушкина. Въ убранствѣ вкусъ и комфортъ. Мебель изящная и покойная. Диваны, диванчики, большія кресла. На одномъ изъ столовъ зажженная лампа. Кругомъ ея разложены книги и газеты. На стѣнахъ картины въ золотыхъ рамахъ. На главномъ планѣ, прямо противъ зрителей, каминъ. По сторонамъ его двери, изъ которыхъ лѣвая входная. На каждомъ изъ боковыхъ плановъ тоже дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛАДУШКИНЪ и НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

При поднятіи занавѣса, Ладушкинъ сидитъ на авансценѣ въ большихъ креслахъ, развалившись и прикрывъ рукою лобъ и глаза. Нилъ Нилычъ, суетясь около стола, поправляетъ огонь въ горящей лампѣ. Онъ то отойдетъ отъ стола, то приблизится къ нему, нагнется и смотритъ подъ колпакъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Совсѣмъ неправильно горитъ.... совсѣмъ безтолково.... ровнаго узелка никакъ не сдѣлаешь; все забираетъ въ сторону. (*Поправляетъ огонь.*) Ну, ну, ну, опять поползъ къ верху. А что̀, Вадимъ Петровичъ, въ Америкѣ много этого керасину? Вѣдь его оттуда привозятъ? А?... Изъ Америки?... (*Ждетъ отвѣта.*) Что̀, онъ уснулъ никакъ?... (*Подходитъ потихоньку къ Ладушкину, наклоняется надъ нимъ и прислушивается.*)

ЛАДУШКИНЪ (*внезапно приподнимаетъ голову и въ изумленіи смотритъ на Нила Нилыча*).

Что̀ ты?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Вы уснули?

ЛАДУШКИНЪ.

Нѣтъ.... такъ.... задумался. Что̀ тебѣ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ; я васъ спрашивалъ, а вы не отвѣчаете. Я думалъ вы заснули.

ЛАДУШКИНЪ.

Про что̀ ты спрашивалъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Про Америку.

ЛАДУШКИНЪ.

А, про Америку. Ну, объ этомъ мы поговоримъ съ тобой въ другой разъ. (*Принимаетъ прежнюю позу.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*грозя пальцемъ*).

Не хорошо, ой, не хорошо, Вадимъ Петровичъ! Думаете много. Задумываетесь, все задумываетесь.

ЛАДУШКИНЪ.

Такъ что̀ жъ?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Посѣдѣете скоро. Ни одна барышня замужъ за васъ не пойдетъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Будто.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Увѣряю васъ. Вы не знаете какъ барышни сѣдиной пренебрегаютъ. Больше чѣмъ лысиной. Лысый, по ихъ понятіямъ, все еще какую-нибудь красоту можетъ имѣть. Ну, а сѣдой—значитъ, старикъ. Стало-быть, дѣло совсѣмъ дрянь. А вотъ, Вадимъ Петровичъ, мнѣ разказывали про одного солдата; такъ тотъ сѣдину отмывалъ, зналъ такой секретъ: наперво навакситъ вамъ голову густо, густо, потомъ возьметъ сапожную щетку.... Да вы не слушаете....

ЛАДУШКИНЪ.

Нѣтъ, слушаю. Разказывай, разказывай.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Что̀ вамъ разказывать, когда у васъ мысли опять куда-то далеко улетѣли. Я вижу, у насъ съ вами одно въ головѣ засѣло, объ одномъ скучаемъ.

ЛАДУШКИНЪ.

О чемъ же это, по твоему мнѣнію?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да о Настенькѣ.

ЛАДУШКИНЪ.

Вотъ еще! что̀ за пустяки!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

А я вамъ вотъ что̀ скажу, Вадимъ Петровичъ. Дали вы мнѣ у себя пріютъ съ тѣхъ поръ, какъ у Чигасовыхъ мнѣ житья не стало, и живу я у васъ вторую недѣлю. Стало-быть, мнѣ ваша жизнь извѣстна. И вижу я теперь ясно, что не было бы для васъ лучше жены какъ Настенька.

ЛАДУШКИНЪ (*съ неудовольствіемъ*).

Оставь ты, пожалуйста, этотъ разговоръ. Что̀ тебѣ за охота пришла женить меня на Настенькѣ! Богъ съ ней.... Пусть живетъ, какъ знаетъ. Я и забылъ совсѣмъ про нее.... Я совершенно равнодушенъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ. А у меня она такъ изъ головы не выходитъ. Вотъ двѣ недѣли прошло, какъ потихоньку уѣхала съ братомъ, и до сихъ поръ ни къ кому ни строчки. Гдѣ-то она теперь? Что-то, сердечная, подѣлываетъ? Чай ужь въ Питерѣ давно. Небось съ хорошими людьми познакомитъ ее такой сорванецъ какъ Пётра. Оборони, Боже! оборони, Боже! Собьютъ ее совсѣмъ съ толку.... собьютъ.

ЛАДУШКИНЪ (*вставъ и расхаживая быстрыми шагами*).

Гм!... Да, да.... А ты почему такъ думаешь?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, я такъ говорю.... потому что здѣсь Креневъ ее обманулъ, а тамъ, какъ нашъ мудрецъ-то Петръ Платонычъ возьметъ ее къ себѣ въ науку, такъ охъ Господи! охъ, Господи!... Да что̀ вы такъ вдругъ встревожились?

ЛАДУШКИНЪ.

Нисколько не встревожился, но слушать, братецъ, надоѣдаетъ. Все одно и то же! Точно нѣтъ другаго разговора. Какое мнѣ дѣло до Петра Чигасова, Кренева и имъ подобныхъ! Глупо дѣлалъ я и прежде, что спорилъ и горячился.

Теперь мнѣ рѣшительно все равно. Ты вотъ видишь.... вотъ я сѣлъ (*садится*) и съ мѣста не встану. Дѣлай они и говори что̀ угодно, губи и себя, и другихъ.... Хоть весь свѣтъ!... Понимаешь?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да, да, понимаю. Это значитъ, вы искусъ на себя наложили. Какъ въ древнія времена столпники дѣлали.... Залѣзетъ себѣ въ древесное дупло и объ остальномъ свѣтѣ ужь и не думаетъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Положимъ, что такъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

А вѣдь знаете что̀, Вадимъ Петровичъ. Скучно вамъ такъ будетъ. Вы бы по крайности себѣ канареекъ завели: все было бы какое ни на есть развлеченіе. Или парочку скворцовъ. Скворецъ умная, ухъ какая умная птица, и тоже говорить можетъ.

(*Въ передней раздается звонокъ.*)

ЛАДУШКИНЪ (*приподнимаясь въ креслѣ и осматриваясь*).

Кто бы это? И въ эту пору.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да, поздненько. Ужь одиннадцатый часъ. И на дворѣ-то, посмотрите, темнять какая. Вѣрно, гость какой-нибудь. Я лучше уйду.... уйду. (*Уходитъ въ правую дверь, находящуюся въ глубинѣ сцены.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛАДУШКИНЪ и НЕЛИЦКІЙ.

НЕЛИЦКІЙ (*въ лѣтнемъ дорожномъ костюмѣ и останавливаясь въ дверяхъ*).

Вадимъ Петровичъ! Не прогоните?

ЛАДУШКИНЪ (*вставъ*).

А, Леонидъ Николаевичъ. Какими судьбами?

НЕЛИЦКІЙ.

Я васъ спрашиваю — не прогоните? Могу быть вашимъ гостемъ на нѣсколько часовъ и въ крайнемъ случаѣ до утра? Не стѣсню васъ? Не помѣшаю? говорите прямо.

ЛАДУШКИНЪ.

Очень радъ. Милости просимъ. (*Здороваются.*) Откуда вы? Что̀ значитъ вашъ поздній визитъ (*осматривая Нелицкаго*) и этотъ костюмъ?

НЕЛИЦКІЙ.

А это значитъ, что я къ вамъ прямо изъ тарантаса (*показывая на окно*), каковой и можете усмотрѣть у вашего подъѣзда. Возвращаюсь изъ южныхъ странъ въ сѣверную Пальмиру.

ЛАДУШКИНЪ.

Отчего же вы не остановились у дяди?

НЕЛИЦКІЙ.

Отчего? Очень просто: оттого что не пускаютъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Какъ! Дядя васъ не пускаетъ къ себѣ?

НЕЛИЦКІЙ.

Не дядя. Дядя радъ бы радехонекъ меня видѣть, а тетка. Тетка анаѳемѣ меня предала, послѣ всей этой исторіи, которая, конечно, и вамъ извѣстна. Какъ дядя написалъ мнѣ, что̀ тутъ такое сотворилось, такъ я просто въ ужасъ пришелъ. „Тетка рветъ и мечетъ, видѣть тебя не хочетъ. Ты затѣялъ все.“ Слышите, я поколебалъ ея репутацію, подвергъ сомнѣнію ея непорочность! Слышите, я-то, я-то.... Дура! Ну, дядя и намекаетъ при этомъ, что останавливаться у него будетъ мнѣ не совсѣмъ удобно. Понимаете—жены боится. Старый колпакъ! Почтенный, достойный уваженія человѣкъ, а колпакъ, совершенный колпакъ! Ну-съ, а мнѣ необходимо видѣть его. Думаю, остановиться, на нѣсколько часовъ, въ гостиницѣ и пригласить его туда — не ловко. Сейчасъ разнесется въ городѣ, что пріѣзжалъ, звалъ къ себѣ секретно дядю. Я и рѣшился воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Стало-быть, теперь надо извѣстить вашего дядю.

НЕЛИЦКІЙ.

Я уже извѣстилъ. Ѣхалъ мимо и забросилъ ему потихоньку записочку. Онъ выслалъ мнѣ сказать, что сейчасъ будетъ. Надѣюсь, вы простите мнѣ, что я безъ вашего позволенія такъ распорядился.

ЛАДУШКИНЪ.

О, сдѣлайте одолженіе, распоряжайтесь.

НЕЛИЦКІЙ.

Я полагаю, что между старинными пріятелями.... и притомъ вы, какъ благородный человѣкъ.... Понимаете, мнѣ вовсе не хотѣлось бы оставаться съ дядей и теткой въ натянутыхъ отношеніяхъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Да, вѣдь вы его наслѣдникъ.

НЕЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, не потому, но вообще непріятно. Ну, батюшка, нечего сказать, хороши у васъ всѣ! Отличную кашу заварили! И такого дѣла порядкомъ провести не сумѣли! Провинція! провинція! Неисцѣлимая провинція! Подумаешь, какъ для васъ еще нужны руководители, какъ необходима централизація власти! И меня къ чему тутъ впутали?...

ЛАДУШКИНЪ.

Однако, сознайтесь, что планъ женитьбы Кренева принадлежитъ вамъ.

НЕЛИЦКІЙ.

Да, мнѣ; но я отъ него отрекаюсь, я не признаю его своимъ, потому что онъ испорченъ, совершенно испорченъ въ исполненіи. Я смотрѣлъ на этотъ вопросъ какъ на чисто административный.

ЛАДУШКИНЪ.

Административный....

НЕЛИЦКІЙ.

Именно, именно административный. И я вамъ сейчасъ объясню.

ЛАДУШКИНЪ.

Позвольте; не хотите ли вы съ дороги чаю или закусить?

НЕЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, благодарю, ничего не надо. Я недавно пилъ чай. А вотъ еслибъ умыться.... потому что пыль на шоссе.... я вамъ скажу, такая.... всѣ глаза выѣла.

ЛАДУШКИНЪ.

А, въ такомъ случаѣ я васъ проведу въ мою спальню. (*Отворяетъ дверь налѣво.*) Тутъ всѣ принадлежности для умыванья къ вашимъ услугамъ.

НЕЛИЦКІЙ.

Благодарю, благодарю: (*Подходя къ двери.*) У! Да у васъ тутъ какой комфортъ! Сарданапалъ! Сарданапалъ!

(*Уходитъ вмѣстѣ съ Ладушкинымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЕТРЪ и НАСТЕНЬКА.

Петръ входитъ въ комнату; Настенька останавливается въ дверяхъ. Онъ въ пальто и фуражкѣ; она въ бурнусѣ и съ круглою дамскою шляпкой въ рукахъ. Она едва передвигаетъ ноги. Наружность ея усталая и изнеможенная.

ПЕТРЪ.

Войди, войди сюда. Чего жъ ты боишься?

НАСТЕНЬКА (*плачевнымъ голосомъ*).

Куда ты меня привезъ? Что ты со мной дѣлаешь?

ПЕТРЪ.

Говорятъ тебѣ, что къ моимъ знакомымъ.... знакомое семейство.

НАСТЕНЬКА.

Нѣтъ, я право боюсь. Я лучше уйду.

ПЕТРЪ.

Ну, и ступай, коли тебѣ нравится цѣлую ночь сидѣть гдѣнибудь подъ заборомъ. Куда ты теперь пойдешь въ эту

пору? (*Настенька входитъ.*) Вотъ войди въ эту комнату, посиди здѣсь. Я знаю эту квартиру: тутъ библіотека. А я пока переговорю съ хозяйкой. (*Отворяя дверь въ комнату направо.*) Да что ты нѣжничаешь! Иди поскорѣе: еще кто-нибудь тутъ застанетъ.

НАСТЕНЬКА (*идетъ въ комнату*).

Я устала.

ПЕТРЪ (*передразнивая*).

Устала!... Собралась на великія дѣла, да сразу и раскисла. А ты думаешь, жизнь такъ и дается безъ труда и лишеній.

(*Настенька уходитъ въ комнату направо. Петръ затворяетъ за ней дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЕТРЪ и затѣмъ ЛАДУШКИНЪ.

ПЕТРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ дуракъ былъ, что связался съ этою дрянью. Свалить бы ее только съ плечъ поскорѣе. Сію же минуту уѣду въ деревню къ Багрецову. Всего отсюда какихъ-нибудь двадцать верстъ. Старый товарищъ и нѣсколько разъ приглашалъ меня, и всегда, кажется, такъ радушно. Поживу пока у него. (*Садится къ столу и углубляется въ разсматриваніе книгъ и газетъ.*)

ЛАДУШКИНЪ (*выходя изъ дверей налѣво*).

Вотъ неожиданный визитъ. (*Увидѣвъ Петра, который его не замѣчаетъ.*) Ба! Петръ! Откуда явился? И какъ ни въ чемъ не бывало! Литературой занимается. (*Подходя къ Петру.*) Съ нами крестная сила! Петръ! Ты какимъ образомъ здѣсь? Ты что̀ здѣсь дѣлаешь? Глазамъ не вѣрю.

ПЕТРЪ (*спокойно вставая и держа книгу въ рукахъ*).

Просматривалъ новыя книги. Подумаешь, какъ еще невзыскательна наша публика: пробавляется переводами подобныхъ сочиненій (*съ пренебреженіемъ бросаетъ книгу*), когда вопросъ о самовозрожденіи уже давно жеванъ и пережеванъ!

ЛАДУШКИНЪ.

Я тебя не о самовозрожденіи спрашиваю.... я спрашиваю— откуда ты?

ПЕТРЪ (*съ улыбкой и декламируя*).

Изъ дальнихъ странствій возвратясь, опять прибылъ къ домашнему очагу.... Никакъ не могу разстаться съ милою родиной.

ЛАДУШКИНЪ.

А сестра? а Настенька?

ПЕТРЪ.

Она тоже возвратилась.

ЛАДУШКИНЪ.

Изъ Петербурга?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ. Не бойтесь: мы сего зловреднаго мѣста еще не успѣли достигнуть. Будьте покойны. Сестра возвратилась совершенно такою же дурой, какою уѣхала. Ergo не погибла, какъ вы предсказывали.

ЛАДУШКИНЪ.

Что жь такое случилось? Почему вы опять здѣсь? Да говори же, пожалуста, толкомъ.

ПЕТРЪ.

Ничего важнаго не случилось. Собственно пустяки. Непредвидѣнныя обстоятельства....

ЛАДУШКИНЪ (*перебивая*).

А, старая исторія.... непредвидѣнное разстройство финансовъ, какъ и всегда?

ПЕТРЪ.

Да, отчасти. Мы доѣхали до Нижняго. Тамъ ярмарка. Я рѣшился воспользоваться случаемъ чтобы написать статью для одной газеты. Само собою разумѣется, нельзя писать характеристику кое-какъ. Надо изучить жизнь подробно, ознакомиться со всѣми ея проявленіями, тѣмъ болѣе, что все это оригинально, чрезвычайно оригинально! Этотъ дикій разгулъ, этотъ обмѣнъ идей Азіи съ Европой....

ЛАДУШКИНЪ.

И ты, разумѣется, изучилъ подробно и этотъ разгулъ, и обмѣнъ идей, и, пока Азія съ Европой обмѣнивались, ты, какъ водится, тоже размѣнялъ свои деньги?

ПЕТРЪ.

Не всѣ. Осталось рублей тридцать. Просто ошибка въ разчетѣ.... не сообразилъ.... или, вѣрнѣе, не замѣтилъ, какъ деньги исчезли. Конечно, съ тридцатью рублями добраться до Петербурга трудно, но все же можно, тѣмъ болѣе, что у Насти оставались еще золотыя вещи. И наконецъ я могъ бы получить за статью хорошія деньги. Но сестра заупрямилась; цѣлый день хнычетъ, ноетъ. Мнѣ наконецъ надоѣло, я нанялъ телѣгу, и мы возвратились.

ЛАДУШКИНЪ.

Въ телѣгѣ?

ПЕТРЪ.

Что жь такое? Не въ тріумфальной же колесницѣ намъ было возвращаться.

ЛАДУШКИНЪ.

Ахъ ты, разбойникъ, разбойникъ! Ну изъ чего же ты взбунтовалъ свою сестру! Есть ли въ тебѣ совѣсть!

ПЕТРЪ.

Что же! Я долженъ былъ попытаться увезти сестру отсюда, вытащить ее изъ этого семейнаго омута.... Я долженъ былъ поступить такъ ради уваженія къ принципу.

ЛАДУШКИНЪ.

Часъ отъ часу не легче! Любезный другъ, да прежде нежели уважать свой принципъ, ты подумалъ бы объ уваженіи къ личности человѣка, подумалъ бы о томъ, имѣешь ли ты право пробовать на немъ свои принципы, приносить въ жертву своимъ принципамъ всю его будущность. Вѣдь ты берешь на свою отвѣтственность....

ПЕТРЪ.

Какая же отвѣтственность? Я не виноватъ, что сестра оказалась неспособною на что-нибудь путное. Дрянь!

совершенная дрянь! Ни малѣйшей энергіи! рѣшительно никакой инціативы! Сама виновата.

ЛАДУШКИНЪ.

Гдѣ же она теперь? У отца?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, къ отцу она ни за что̀ не согласилась ѣхать. Да и правда: ее тамъ совсѣмъ задушатъ. Къ Костоминымъ тоже нельзя. Она хочетъ списаться теперь съ своею теткой,—у насъ тетка монахиня,—и ѣхать къ ней. И прекрасно. Тудаей и дорога.

ЛАДУШКИНЪ.

Такъ гдѣ же твоя сестра теперь?

ПЕТРЪ.

Да вѣдь я же сказалъ вамъ, что со мной. Она здѣсь.

ЛАДУШКИНЪ.

Гдѣ здѣсь?

ПЕТРЪ.

Вотъ въ этой комнатѣ.

ЛАДУШКИНЪ.

Какъ! у меня? И она ѣхала прямо ко мнѣ?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, я немножко схитрилъ. Она не знаетъ, гдѣ ваша новая квартира. Я и сказалъ, что везу ее въ знакомое семейство, къ одной добродѣтельной старушкѣ. И она никакъ не ожидаетъ, что эта добродѣтельная старушка никто иной какъ вы. Ха! ха! ха!

ЛАДУШКИНЪ.

Ахъ ты, сумашедшій! Что̀ ты творишь за глупости! Что̀ жь я съ ней буду дѣлать?

ПЕТРЪ.

Дѣлайте, что̀ хотите. Куда жь мнѣ было ее дѣвать? Я поступилъ слишкомъ честно. Я могъ бы бросить ее. Но я этого не сдѣлалъ. Я доставилъ ее опять на то мѣсто, откуда взялъ. Вѣдь вы же утверждали, что я ошибаюсь и что

вы правы, и еще обѣщали ей какое-то содѣйствіе. Ну, такъ вы и докажите теперь на дѣлѣ, что вашъ планъ лучше, что ваши пышныя увѣренія не были пустыя фразы.

ЛАДУШКИНЪ.

Да ты пойми, безумный, что ты этимъ еще больше срамишь свою сестру, что дѣвушка не можетъ оставаться у холостаго человѣка.

ПЕТРЪ.

Все это только пустыя формальности. Мало ли какія глупыя понятія усвоило себѣ человѣчество.

ЛАДУШКИНЪ.

Ты знаешь ли, что Креневъ ужь и безъ того, чтобы только оправдать себя, распустилъ слухи, что я ее сманилъ, что она моя любовница, что я разстроилъ его свадьбу, я будто бы сочинилъ сплетни насчетъ отношеній его къ Костоминой, сбилъ съ толку твою сестру, увезъ или спряталъ ее куда-то. Ты видишь, вотъ ужь куда пошло! Вотъ первые плоды твоей ученой поѣздки. Подумай, какъ же я теперь приму твою сестру. Вѣдь это значитъ окончательно погубить ея репутацію.

ПЕТРЪ.

Ну, а если вы придаете такое важное значеніе вздорнымъ сплетнямъ, такъ выгоните ее на улицу. Пусть она побирается подаяніями, какъ нищенка. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы на это не рѣшитесь: какъ бы ни были дики и отсталы ваши убѣжденія, все же вы человѣкъ благородный.

ЛАДУШКИНЪ.

Господи! наконецъ и онъ призналъ меня благороднымъ человѣкомъ! Этого только не доставало.

ПЕТРЪ (*беретъ свою фуражку*).

Однимъ словомъ, я сдѣлалъ, что̀ могъ. Я передаю теперь сестру вамъ. Поступайте, какъ знаете. Моя задача кончена. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛАДУШКИНЪ (*одинъ*).

Онъ кончилъ свою задачу! Надѣлалъ глупостей.... Какъ судьба-то, какъ судьба злодѣйски распоряжается! Не даетъ мнѣ забыть эту дѣвушку.... мало того, ввела ее ко мнѣ въ домъ.... Точно насмѣшка.... злая насмѣшка! Но что̀ жь я буду дѣлать? Послать сейчасъ за отцомъ Настеньки. Пусть онъ возьметъ ее къ себѣ. Я его уговорю, заставлю. Оставаться ей у меня нельзя. (*Отворяя правую дверь въ глубинѣ сцены.*) Нилъ Нилычъ! Нилъ Нилычъ! поди сюда.

ЯВЛЕНІЕ VI.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ и ЛАДУШКИНЪ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Что̀ вы?

ЛАДУШКИНЪ.

Послушай. Бѣги сію минуту къ Чигасову. Скажи ему, что Настенька здѣсь.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Какъ? гдѣ?

ЛАДУШКИНЪ.

Здѣсь, здѣсь. Вотъ въ этой комнатѣ. Скажи ему, чтобъ онъ сейчасъ же ко мнѣ пришелъ.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Какимъ образомъ она здѣсь очутилась? Господи свѣты! Дайте я прежде взгляну на нее.

ЛАДУШКИНЪ.

Бѣги, бѣги скорѣй. Не надо терять ни минуты. Все послѣ узнаешь. Да смотри, приведи его какъ-нибудь потихоньку. У меня гости.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Кто?

ЛАДУШКИНЪ (*выпроваживая Нила Нилыча*).

Ступай, ступай. Толковать некогда.

(*Нилъ Нилычъ убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛАДУШКИНЪ (*одинъ*).

Однако надо предупредить ее о томъ, гдѣ она, чтобы какъ-нибудь не вышла при постороннихъ. (*Хочетъ идти въ комнату, гдѣ Настенька, но въ это время входитъ Костоминъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛАДУШКИНЪ и КОСТОМИНЪ.

КОСТОМИНЪ (*подавая руку Ладушкину*).

Вотъ, батюшка, до чего дошли. Секретныя свиданія у васъ устраиваемъ. Но гдѣ же, скажите, Леонидъ? Вѣдь онъ у васъ?

ЛАДУШКИНЪ.

Да, да, здѣсь. (*Увидавъ входящаго Нелицкаго.*) Вотъ онъ. Я не буду мѣшать вашимъ объясненіямъ. (*Уходитъ въ ту комнату, гдѣ Настенька.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

КОСТОМИНЪ и НЕЛИЦКІЙ.

НЕЛИЦКІЙ (*подходя и обнимая Костомина*).

Здравствуй, дядя.

КОСТОМИНЪ.

Здравствуй.

НЕЛИЦКІЙ (*вглядываясь въ него*).

Батюшки! похудѣлъ, позеленѣлъ; въ двѣ недѣли состарился. Изъ-за пустяковъ-то! Вотъ тебѣ на!

КОСТОМИНЪ.

Пустяки! хорошо тебѣ говорить: пустяки! Тутъ такія дѣла вышли!

НЕЛИЦКІЙ.

Все вздоръ, на который не стóитъ обращать вниманія. И чего ты струсилъ? Я получилъ отъ тебя письмо и вижу, что ты совсѣмъ растерялся. А все дѣло въ томъ, что ты не умѣешь дѣйствовать, нѣтъ въ твоихъ дѣйствіяхъ той необходимой для администратора пружины....

КОСТОМИНЪ (*перебивая и съ досадой*).

Какая тутъ еще пружина! Ты пойми: меня чуть не въ убійствѣ обвиняютъ.

НЕЛИЦКІЙ (*изумленный*).

Какъ такъ?

КОСТОМИНЪ.

Ну да. Сначала говорили, что я выдаю Настеньку замужъ только для прикрытія связи моей жены съ Креневымъ, а теперь, когда Настенька вдругъ исчезла куда-то, спряталась, что ли, бѣжала или, пожалуй, утопилась,—новое обвиненіе!... Видишь, я ее довелъ до того, силою заставлялъ ее выйдти замужъ за Кренева. А ты лучше нежели кто-либо знаешь, было ли какое-нибудь насиліе съ моей стороны. Если кто тутъ виноватъ, такъ ты, любезный другъ. Ты первый подалъ мысль о женитьбѣ Кренева. Ты рѣшилъ дѣло не подумавъ, а такъ, сразу, по-вашему, по-петербургски.

НЕЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, погоди. Я только поставилъ вопросъ и поставилъ совершенно вѣрно.

КОСТОМИНЪ.

А вышло скверно.

НЕЛИЦКІЙ.

Да, потому что ты сообщилъ мнѣ невѣрныя данныя. Значитъ, дѣвочка вовсе не любила Кренева. Тебѣ такъ показалось.

КОСТОМИНЪ.

Говорятъ же тебѣ, что любила.

НЕЛИЦКІЙ.

Такъ зачѣмъ же она скрылась?

КОСТОМИНЪ.

А я почему знаю. Чортъ знаетъ зачѣмъ. Дурь нашла.

НЕЛИЦКІЙ.

Вотъ, вотъ опять промахъ. Опять не умѣешь вести дѣло. Ясно, что дѣвочка бѣжала съ какою-нибудь любовною цѣлью: подвернулся кто-нибудь другой. Съ самаго сотворенія міра всѣ женщины бѣгали только ради любви. Это доказано. Тебѣ тотчасъ же слѣдовало найдти виноватаго.

КОСТОМИНЪ.

Э, братецъ, къ какой стати толковать о томъ, что̀ слѣдовало. Вопросъ въ томъ: какъ теперь поступить? Знаешь, я хочу бросить все и уѣхать отсюда. Довольно я боролся. Нѣтъ болѣе силъ. Быть-можетъ, я и не понимаю вашихъ порядковъ, но я исполнялъ свою обязанность какъ умѣлъ, не кривилъ совѣстью. Кончено! Завтра же отказываюсь отъ должности.

НЕЛИЦКІЙ.

Вотъ опять ошибка, опять ошибка.

КОСТОМИНЪ.

А что̀ же, по-твоему, я долженъ дѣлать?

НЕЛИЦКІЙ.

Что̀? Вопервыхъ, ты человѣкъ знамени.

КОСТОМИНЪ.

Какъ знамени?

НЕЛИЦКІЙ.

Ну да, гдѣ борьба, тамъ и знамя. А ты знаешь, за свое знамя и воинъ погибаетъ въ бою; за знамя во всѣ времена человѣчество шло и на эшафотъ, и на костры; за свое знамя погибъ и Галилей.

КОСТОМИНЪ (*съ досадой*).

Да говори, братецъ, просто. Я тебя спрашиваю: что̀ дѣлать мнѣ, а не Галилею.

НЕЛИЦКІЙ.

Я тебѣ и говорю: продолжай борьбу. Тебя обвиняетъ кто? Общественное мнѣніе. Ну, ты и оправдайся предъ обще-

ственнымъ мнѣніемъ. Изслѣдуй вопросъ. Отыщи виноватаго. Не пренебрегай никакими слухами.

КОСТОМИНЪ.

А мало ли что̀ врутъ, такъ всѣ слухи и собирать? Вотъ, пожалуй, Креневъ разказываетъ всѣмъ, что Ладушкинъ разстроилъ его свадьбу.

НЕЛИЦКІЙ.

Ладушкинъ! Почему же Ладушкинъ?

КОСТОМИНЪ.

Да будто бы онъ тоже былъ влюбленъ въ Настеньку.

НЕЛИЦКІЙ.

Вотъ видишь, вотъ видишь. Вотъ тебѣ и путеводная нить, а я тебя съ этою нитью поведу и дальше, дальше. (*Таинственно.*) Я тебѣ тоже сообщу кое-что. И мы не разрубимъ, а шутя развяжемъ Гордіевъ узелъ. Вся штука въ пріемахъ.

КОСТОМИНЪ.

Что̀, что̀ такое ты говоришь?

НЕЛИЦКІЙ (*осматриваясь и вполголоса*).

А то, что весь этотъ фокусъ дѣйствительно, можетъ-быть, состряпалъ Ладушкинъ. Ничего нѣтъ мудренаго.

КОСТОМИНЪ.

Что̀ ты, что̀ ты! Богъ съ тобой!

НЕЛИЦКІЙ.

А я тебѣ сейчасъ представлю такія данныя, такія данныя! Вопервыхъ, ты помнишь, когда я хотѣлъ читать это безыменное пасквильное письмо, которое ты получилъ, Ладушкинъ тотчасъ же вышелъ подъ разными предлогами. Очевидно, онъ сконфузился. Вовторыхъ, онъ еще больше сконфузился, когда ему объявили о предстоящей свадьбѣ Настеньки. Я это видѣлъ, очень хорошо видѣлъ. На немъ лица не было. Втретьихъ, онъ пріѣхалъ къ тебѣ обѣдать, а уѣхалъ безъ обѣда. Значитъ, ему было досадно. Вотъ видишь, сколько данныхъ. А теперь присоедини сюда еще

слухи, и тогда всѣ эти данныя пріобрѣтаютъ уже громадное юридическое значеніе.

КОСТОМИНЪ (*въ раздумьи*).

Да, да, конечно.... но....

НЕЛИЦКІЙ.

Что такое: но?

КОСТОМИНЪ.

Да, да.... это можетъ быть, но.... (*съ досадой:*) но ты всегда такъ хорошо доказываешь, такъ сразу и засыплешь словами, такъ и засыплешь, нельзя не согласиться, а потомъ на дѣлѣ и окажется какой-нибудь вздоръ.

НЕЛИЦКІЙ.

Нѣтъ, позволь, я больше ничего какъ сгруппировалъ данныя, а логически сгруппированныя, они пріобрѣтаютъ юридическую убѣдительность. Согласись, вѣдь логическій выводъ здѣсь возможенъ только одинъ.... Не правда ли, только одинъ?

КОСТОМИНЪ.

Ахъ, братецъ, ты меня совсѣмъ сбилъ съ толку!... (*Горячо:*) Это невѣроятно, просто невѣроятно, чтобы Ладушкинъ рѣшился на подобную гадость. Онъ честный человѣкъ.

НЕЛИЦКІЙ.

О, милѣйшій дядя! Честь, это совершенно посторонняя консидерація, которая не идетъ къ дѣлу. И притомъ вопросъ о чести имѣетъ такое условное значеніе, такой эластическій смыслъ, такую растяжимость.... Да вотъ возьмемъ для примѣра резинку, или новѣйшій матеріалъ, гутта-перчу....

КОСТОМИНЪ.

А, чортъ возьми! Что мнѣ до гутта-перчи! А я тебѣ повторяю, что я ни за что не повѣрю, не повѣрю. Я знаю Ладушкина.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА и НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*стремительно вбѣгая изъ двери направо въ глубинѣ сцены*).

Гдѣ же? гдѣ же она?

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*слѣдуя за ней*).

Вотъ здѣсь, здѣсь. (*Направляется къ боковой двери, но замѣтивъ Костомина и Нелицкаго, останавливается.*)

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*Костомину*).

Ахъ, вашему превосходительству мое почтеніе.

КОСТОМИНЪ.

Здравствуй. Ты какимъ образомъ здѣсь?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Да вотъ пришла посмотрѣть на нашу красавицу-то, хочу своими глазами удостовѣриться.

КОСТОМИНЪ.

Какую красавицу?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Падчерицу-то мою, сокровище наше ненаглядное.

КОСТОМИНЪ (*въ изумленіи*).

Какъ? Развѣ она здѣсь?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Здѣсь, здѣсь оказалась.

НЕЛИЦКІЙ (*Костомину*).

А, что̀? Что̀ я тебѣ говорилъ? Не вѣренъ мой выводъ? Не вѣренъ?

КОСТОМИНЪ (*Катеринѣ Власьевнѣ*).

Но.... но я не понимаю.... какимъ же образомъ?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Самъ, самъ Вадимъ Петровичъ далъ знать. Прислалъ сказать моему мужу. А тотъ второй день какъ въ деревню по дѣламъ поѣхалъ. Вотъ я и прибѣжала сюда. Думаю, дай полюбуюсь.

КОСТОМИНЪ.

Самъ Вадимъ Петровичъ?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Да, самъ.... самъ....

КОСТОМИНЪ (*приложсивъ руки ко лбу и ходя быстрыми шагами*).

Мракъ! мракъ! совершенный мракъ!

НЕЛИЦКІЙ (*съ торжествующимъ видомъ и тожсе суетясь*).

Теперь все ясно! ясно! какъ нельзя болѣе ясно!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и ЛАДУШКИНЪ.

ЛАДУШКИНЪ (*замѣтивъ Катерину Власьевну, въ сторону*).

Эта еще зачѣмъ? (*Катеринѣ Власьевнѣ.*) Что вамъ угодно?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Да вотъ, батюшка, пришла, чтобы собственными глазами удостовѣриться насчетъ Настеньки. Вѣдь вы сами же присылали.

ЛАДУШКИНЪ (*въ сторону*).

Все дѣло пропало. (*Катеринѣ Власьевнѣ.*) Я просилъ не васъ, а отца Настеньки. Впрочемъ, если вы желаете взять къ себѣ вашу падчерицу, то переговорите съ ней. (*Показываетъ направо.*) Она здѣсь.

КОСТОМИНЪ.

Здѣсь!

НЕЛИЦКІЙ (*вполголоса ему*).

Собственное сознаніе.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Нѣтъ-съ, не намѣрены мы принимать къ себѣ такую дрянь. Пусть живетъ гдѣ хочетъ, коли она ужь вамъ прискучила.

ЛАДУШКИНЪ.

Какъ прискучила? Что это значитъ?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

А то, что очень вамъ благодарны за ваши милости. Только насъ съ его превосходительствомъ, нашимъ благодѣтелемъ, разстроили. А я должна оправдать себя предъ его превосходительствомъ. Я за все отвѣчай, потому что всякій знаетъ, что мой мужъ собственнаго ума не имѣетъ. А я бы, кажется, десяти тысячъ рублей не взяла, чтобы подъ старость мнѣ за всѣ мои заботы о семьѣ.... такой позоръ.... да поношеніе (*плачетъ*). Очень вамъ благодарны.... очень (*продолжаетъ плакать*).

ЛАДУШКИНЪ (*горячась*).

Милостивая государыня, говорите толкомъ, а не какими-то двусмысленностями. Вы знаете, что ваша падчерица скрылась куда-то вмѣстѣ съ своимъ братомъ. А теперь я объявляю вамъ, что онъ почти сію минуту привезъ ее сюда и оставилъ у меня, а самъ опять куда-то исчезъ. Вотъ и все.

НЕЛИЦКІЙ (*вполголоса Костомину*).

Увертывается, видимо увертывается.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Да что жь въ томъ, что братъ увезъ да привезъ. Дайте этому безсовѣстному мальчишкѣ пять рублей взаймы, такъ онъ не только что сестру, а отца роднаго увезетъ.

ЛАДУШКИНЪ (*еще болѣе горячась*).

Такъ что жь, по-вашему, я, что ли, устроилъ все это дѣло.... я похитилъ вашу падчерицу?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Конечно, никто какъ вы.

ЛАДУШКИНЪ.

Вы съ ума сошли!

НЕЛИЦКІЙ.

Дебаты становятся чрезвычайно интересны.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ тебѣ! Меня же въ сумашедшіе записали! А кто же, позвольте спросить, какъ не вы, съ Настей чувствительный разговоръ имѣли въ тотъ самый день, какъ она ушла? „Я, говоритъ, и такой, и сякой, за кого вы меня принимаете, чтобъ я васъ оставилъ, никогда васъ не оставлю.“ Вы думаете, я не знаю. Я въ другой комнатѣ была. Къ началу разговора я не попала, а эти-то слова я своими ушами слышала. Я до сегодня молчала, потому что, зная васъ за благороднаго человѣка, не увѣрена была, а теперь, какъ дѣвчонка у васъ оказалась, извините, не умолчу. Я должна оправдать себя.

КОСТОМИНЪ (*Нелицкому*).

Теперь я все понимаю.

НЕЛИЦКІЙ (*ему*).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, никакого сомнѣнія.

ЛАДУШКИНЪ.

Я не виноватъ вътомъ, что вы не поняли нашего разговора. Напрасно, вмѣсто того чтобы подслушивать, вы не вошли къ намъ: вы узнали бы о чемъ мы говорили.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Ну, ужь извините. Не могла войдти, потому что не такъ одѣта была: варенье въ тотъ день варила. А и безъ того поняла о чемъ у васъ разговоръ былъ, какъ посмотрѣла на васъ, когда вы послѣ мимо окна проходили.

ЛАДУШКИНЪ.

Это что̀ еще?

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Да-съ, вы съ подъѣзда-то на улицу какъ потерянный какой выбѣжали; не знаете куда и идти. Сначала въ одну сторону бросились, потомъ въ другую; сами такіе блѣдные да встревоженные. А слезы-то по лицу градомъ.... Что̀?... небось, не правда? Небось, я сумашедшая?

ЛАДУШКИНЪ (*въ сторону*).

Фу, какъ все это глупо вышло.

НЕЛИЦКІЙ (*Костомину*).

Уличенъ, вполнѣ уличенъ!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ (*Катеринѣ Власьевнѣ*).

Да перестань ты вздоръ молоть. Ядовитая ты женщина. Ядовитая....

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

А ты что̀, старая лисица, тутъ хвостомъ-то вертишь! А ты лучше скажи-ка, зачѣмъ ты отъ насъ сбѣжалъ. Какъ Настя пропала, такъ и ты сюда же перескочилъ, въ большихъ хоромахъ жить началъ. Значитъ, награду за свои услуги получилъ. Старый грѣховодникъ! Тебя на томъ свѣтѣ ужь давно съ фонарями ищутъ, а ты, передъ смертью-то, за какое ремесло принялся.

НЕЛИЦКІЙ (*Костомину*).

Новая улика! Это ужь даже лишнее.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Да ты же сама меня изъ дому выжила.

ЛАДУШКИНЪ.

Довольно, довольно. (*Катеринѣ Власьевнѣ.*) Вы, сударыня, говорите такія пошлости, на которыя возражать не сто́итъ, но во всякомъ случаѣ слушать я ихъ не намѣренъ. А потому прошу васъ оставить меня. Извольте выйдти вонъ....

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Какъ, меня-то!

ЛАДУШКИНЪ.

Вонъ! говорятъ вамъ.

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА.

Господи! Батюшки! какъ же это? Я пришла по семейному дѣлу, да меня же и вонъ гонятъ, меня же позорятъ. Я и сумашедшая, и глупая, и поплая. Вотъ до чего дожила! Вмѣсто уваженія, какой срамъ.... какой обиды дождалась. (*Плачетъ.*) А все отъ того, что защитить некому, потому что мужъ дуракъ. (*Плачетъ.*)

НЕЛИЦКІЙ.

Драматическій эпизодъ!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Ядъ!... ядъ женщина!

КОСТОМИНЪ.

Перестань, перестань, Катерина Власьевна! Успокойся. (*Выходя впередъ и драматически.*) Ну-съ, Вадимъ Петровичъ, теперь и я скажу: довольно! Прощайте. (*Нелицкому:*) Пойдемъ. Тебѣ оставаться здѣсь нельзя. Я тебя помирю съ теткой. Ты правъ... Все открылось.

НЕЛИЦКІЙ.

Идемъ, идемъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Какъ! Что это значитъ? Неужели и вы подозрѣваете меня въ подобной гнусности?

КОСТОМИНЪ.

Много я былъ наказанъ на своемъ вѣку за свою довѣрчивость къ людямъ, но нынѣшній разъ я одураченъ такъ ловко, такъ ловко.... однимъ словомъ.... вы меня понимаете.... благодарю васъ, благодарю.... (*Направляется къ дверямъ вмѣстѣ съ Нелицкимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и НАСТЕНЬКА.

НАСТЕНЬКА (*выбѣгаетъ изъ боковой двери*).

Нѣтъ, постой, постой, крестный!... я слышала все. Я до сихъ поръ избѣгала объясненія съ тобой. Я не хотѣла огорчить тебя еще болѣе, но теперь.... если на меня взводятъ такую клевету.... я должна высказать все.

КОСТОМИНЪ (*отталкивая ее*).

Ты съ чего взяла, что я стану говорить съ тобой, гадкая дѣвчонка? Я тебя любилъ какъ дочь, а ты какъ меня отблагодарила за мои ласки и заботы о тебѣ? А? Ты меня только

осрамила, осрамила и меня, и мою жену. Нѣтъ для тебя оправданія, нѣтъ и нѣтъ! (*уходитъ.*)

НЕЛИЦКІЙ (*провожая его*).

Прекрасно, прекрасно сказано.... у тебя есть этотъ ораторскій нервъ.... этотъ....

КАТЕРИНА ВЛАСЬЕВНА (*Настенькѣ*).

Да, да, нѣтъ для тебя оправданія. (*Ладушкину, иронически и приспѣдая:*) А вы ужь съ насъ не взыщите: къ себѣ такой прелести мы принять не можемъ. (*Уходитъ.*)

НЕЛИЦКІЙ.

Прощайте, Вадимъ Петровичъ! Переселяюсь къ дядѣ. Благодарю за пріютъ. Ну, батюшка, поздравляю васъ. Это такой chef d'oeuvre! такой chef d'oeuvre! Такая Метерниховская штука! И дядя съ носомъ, и Креневъ съ носомъ, и я съ носомъ! Побѣжденъ. Побѣжденъ. Кладу оружіе, но отдаю справедливость противнику. (*Уходя:*) Будущій министръ иностранныхъ дѣлъ!...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛАДУШКИНЪ, НАСТЕНЬКА и НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

ЛАДУШКИНЪ.

Что же это такое! Сами путали, путали, врали, мудрили, хитрили, проводили разные принципы, идеи, ставили вопросы, а въ результатѣ: я же виноватъ! Нѣтъ, это ужь черезчуръ! Это ни на что не похоже!

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Людоѣды! настоящіе людоѣды!

ЛАДУШКИНЪ (*Настенькѣ*).

Вотъ, Настасья Платоновна, что вышло. Что жь намъ дѣлать?

НАСТЕНЬКА.

Я сознаюсь, я поступила необдуманно, послушавшись брата. Мнѣ слѣдовало прежде откровенно объясниться съ Костоминымъ.

ЛАДУШКИНЪ.

Положимъ, что такъ. Нѣтъ, а дальше что̀? дальше-то что̀ мы будемъ дѣлать?

НАСТЕНЬКА.

Что̀ жь! Я смѣло смотрю въ глаза будущности! Что̀ будетъ, то будетъ. Кусокъ хлѣба я для себя найду. А если мнѣ придется бороться съ жизнію, я не испугаюсь такой борьбы. (*Подходя къ нему и подавая руку.*) Прощайте. Отъ души благодарю васъ.

ЛАДУШКИНЪ (*отнимая руку*).

Ахъ, сдѣлайте милость, не благодарите. Я сегодня уже столько получилъ благодарностей.

НАСТЕНЬКА.

Я благодарю искренно... за то участіе...

ЛАДУШКИНЪ.

Опять участіе! Вы какъ будто нарочно не допускаете во мнѣ возможности другаго чувства. (*Перемѣняя тонъ:*) Послушайте, Настасья Платоновна!... дайте мнѣ хоть разъ высказаться предъ вами.... Вѣдь, наконецъ, и я усталъ молчать. Вы не сердитесь на меня... быть-можетъ, это очень глупое, странное предположеніе, дерзкая мечта, но вотъ, видите ли: сегодня вы случайно, противъ вашего желанія, попали сюда. Что̀, еслибъ я могъ видѣть въ этомъ не простую случайность, а указаніе, рѣшеніе судьбы?... Еслибы вы явились здѣсь когда-нибудь не случайною гостьей, (*съ возрастающимъ волненіемъ:*) а полною хозяйкой, моею.... страстно и глубоко любимою.... моею.... женой?...

НАСТЕНЬКА.

Вадимъ Петровичъ, я буду съ вами откровенна. Когда я узнала, что Креневъ женится на мнѣ изъ разчетовъ, его поступокъ страшно оскорбилъ меня. А теперь, еслибъ я приняла ваше предложеніе, развѣ вы не имѣли бы такого же повода думать, что я поступаю сама нисколько не лучше Кренева, что я тоже разчитываю, выхожу за васъ замужъ только потому, что мнѣ негдѣ приклонить голову.

ЛАДУШКИНЪ.

Полноте, полноте, что̀ вы! Креневъ обманщикъ, спекулянтъ.

НАСТЕНЬКА.

Признаюсь вамъ, ваше послѣднее объясненіе со мной открыло мнѣ глаза. Оно заронило мнѣ въ сердце какое-то новое чувство. Съ той минуты моя симпатія безраздѣльно принадлежитъ вамъ. Нѣтъ для меня человѣка, которому я съ такою готовностію отдала бы свою судьбу. Но мое сердце разбито, и я сама не знаю, что̀ теперь происходитъ въ немъ, можно ли назвать это чувство любовью. Я не хочу васъ обманывать.

ЛАДУШКИНЪ.

Ахъ, Боже мой! дѣло не въ названіяхъ! Оставьте, пожалуста, эти тонкіе анализы! Отдайте мнѣ ваше сердце такъ какъ оно есть, а ужь я самъ постараюсь, чтобы то чувство, которое вы питаете ко мнѣ, можно было назвать любовью, назвать смѣло, не робѣя ни предъ кѣмъ, ни предъ какими теоріями и анализами. Это будетъ моею задачей жизни, и быть-можетъ, я сумѣю ее выполнить. Итакъ говорите прямо, не щадите меня: *да* или *нѣтъ?*

НАСТЕНЬКА (*подавая ему руку*).

Да.

(*Ладушкинъ цѣлуетъ ея руку.*)

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Вотъ благодать-то! Вотъ благодать!... (*Обнимаетъ Настеньку.*) Ахъ ты, моя голубушка, ахъ ты, моя дорогая!...

ЛАДУШКИНЪ.

Точно совсѣмъ другой человѣкъ сталъ. Ожилъ! Ну-съ, теперь велимъ сейчасъ же заложить коляску и ѣдемъ ко мнѣ въ деревню. Къ разсвѣту будемъ тамъ, а чрезъ нѣсколько дней обвѣнчаемся. Нилъ Нилычъ поѣдетъ съ нами.

НИЛЪ НИЛЫЧЪ.

Кто бъ ожидалъ!... Кто бъ ожидалъ! Вотъ счастье.... (*Всплеснувъ руками:*) Господи! Времена-то, времена-то какія! Ничего не сообразишь!...

И. МАННЪ.

СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНІЕ

О ЦАРЕВНѢ

СОФЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

Какъ за чаркой, за блинами,
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы:

„Гдѣ ужь вамъ, Преображенцы
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,—
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!

„Съ слободой своей нѣмецкой,
„Да съ своимъ царемъ Петромъ,
„Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
„Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

„Всѣхъ—и самую царевну“.....
Нѣтъ, ужь тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!

„Даромъ что родилась дѣвкой—
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

„Черной бровью соболиной—
Пропадай богатыри!
Умеръ, право бъ, за-едино,
Еслибъ молвила: умри!...

„Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ—

„Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

„Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы....

„Не сказали бъ, такъ узнала бъ
Вся Москва ихъ: стариkи!
Не на отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

„Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,—
Тихимъ голосомъ поютъ;

„Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы....
Ужь не толстые, хмѣльные
Никоньянскіе попы!..

„Умилился людъ московскій,
Повалилъ за нами, претъ,
И на площади кремлевской
Что волна забилъ народъ.

„А ужь тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

„Старцы свѣчи возжигали,
И Евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И Царевнѣ бьютъ челомъ:

„Благовѣрная Царевна!
„Солнце Русскія земли!
„Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
„Государыня! вели,

„Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
„Съ патріархомъ о дѣлахъ
„По церковному строенью
„И о Никоновыхъ лжахъ!

„Процвѣтала церковь наша
„Аки райскій кринъ, полна
„Благодати, яко чаша
„Пресладчайшаго вина!

„Утверждалася на книгахъ,
„Ихъ же имемъ отъ мужей
„Проводившихъ жизнь въ веригахъ
„И въ умертвіи страстей;

„Ихъ же чтеніемъ спасались
„Благовѣрные цари,
„И цвѣли, и украшались
„По Руси монастыри;

„Но рѣченный Никонъ волкомъ
„Вторгся въ оный вертоградъ,
„И своимъ безумнымъ толкомъ
„Ниспровергъ церковный ладъ!

„Аки римская блудница
„На драконѣ возсѣдя,
„Рекъ „нѣсть Бога! (кровопійца!)
„—Азъ есмь Богъ, и вся моя!“

„И святыя книги рушилъ....
„Ну,—и началъ все мутить...“
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить,—

„Да куда!... изъ-за владыки
Ну выскакивать попы....
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ—ревутъ толпы,

„Вкругъ царевенъ—натерпѣлись
Ужь бѣдняжки!—мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки,

„Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!...

„Ждетъ царевна, не дождется,
Чтобъ затихли, то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ:

„Замутили царствомъ бабы,“
Голосятъ кругомъ,—„ахти!
„Государынямъ пора бы
„Въ монастырь давно идти!“

„Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, Царевна
Удалилась въ свой покой.

„Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ,—
Чтобъ къ царевниным покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

„Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково-любовно
Обратила къ намъ лицо....

„Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то—низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ....

„Если мы вамъ неугодны“,—
Говоритъ—„весь царскій домъ,
„Мы объявимъ всенародно
„Что изъ царства вонъ уйдемъ!

„У Волоховъ иль Цесарцевъ,
„Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
„Вы смѣняли насъ на старцевъ,
„Давнихъ сѣятелей смутъ,—

„Пусть на нихъ падетъ и царство!
„Но въ вину не ставьте намъ,
„Коль сосѣди государство
„Все растащутъ по клочкамъ.

„Коль Поляки съ ханомъ крымскимъ
„Русь подѣлятъ межь собой:
„Покланяйтесь папамъ римскимъ!
„Басурманьтесь съ Татарвой!

„Мы въ церквахъ положимъ вклады,
„И поклонимся мощамъ,
„Да и съ Богомъ!“.... Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ.

„Что ты, матушка, какое
„Слово молвишь“, говоримъ;—
„Слово—самое пустое!
„Нешто мы того хотимъ!

„Знаемъ мы: безъ государей
„Каковы дѣла пойдутъ.
„Заѣдятъ народъ бояре
„Да въ латинство поведутъ!..

„Все тѣ старцы-лиходѣи!
„Чтобы пусто было имъ!
„Нешто мы архіереи?
„Что̀ мы въ книгахъ разглядимъ?

„Ты ужь смилуйся, пожалуй,
„Хоть жалѣючи Земли!...
„А за грубость—насъ до малу
„Жестоко̀ казнить вели!“

„Ждемъ: что̀ скажетъ?.. И сказала:
„—Встаньте! вѣрныхъ Россіянъ
„Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
„Бойся жь насъ ты, крымскій ханъ!....

„Пиръ готовь, а въ гости будемъ!“....
Мы—„ура!“ на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
„Выйдти,—крикнула,—впередъ!“

„И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

„А кого боярскимъ саномъ,—
„А для прочихъ молодцовъ,“
Говоритъ: „три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!“....

„И была гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!...
Чернецы жь сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

„Такъ-то вѣру отстояли,
„Вы, стрѣлецкіе полки!
„Прогуляли, промѣняли
„На царевы кабаки!“

„Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что̀, братъ, скажешь? хороша?...
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть, совсѣмъ душа!“

А. МАЙКОВЪ.

ИДІОТЪ

РОМАНЪ.

(Посвящено Софьѣ Александровнѣ Ивановой.)

VIII.

Ганечкина квартира находилась въ третьемъ этажѣ, по весьма чистой, свѣтлой и просторной лѣстницѣ, и состояла изъ шести или семи комнатъ и комнатокъ, самыхъ впрочемъ обыкновенныхъ, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ по карману семейному чиновнику, получающему даже и двѣ тысячи рублей жалованья. Но она предназначалась для содержанія жильцовъ со столомъ и прислугой и занята была Ганей и его семействомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, къ величайшей непріятности самого Гани, по настоянію и просьбамъ Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны, пожелавшихъ въ свою очередь быть полезными и хоть нѣсколько увеличить доходы семейства. Ганя хмурился и называлъ содержаніе жильцовъ безобразіемъ; ему стало какъ будто стыдно послѣ этого въ обществѣ, гдѣ онъ привыкъ являться, какъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ блескомъ и будущностью. Всѣ эти уступки судьбѣ и вся эта досадная тѣснота, — все это были глубокія душевныя раны его. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ раздражаться

всякою мелочью безмѣрно и непропорціонально, и если еще соглашался на время уступать и терпѣть, то потому только, что ужь имъ рѣшено было все это измѣнить и передѣлать въ самомъ непродолжительномъ времени. А между тѣмъ самое это измѣненіе, самый выходъ, на которомъ онъ остановился, составляли задачу не малую,—такую задачу, предстоявшее разрѣшеніе которой грозило быть хлопотливѣе и мучительнѣе всего предыдущаго.

Квартиру раздѣлялъ корридоръ, начинавшійся прямо изъ прихожей. По одной сторонѣ корридора находились тѣ три комнаты, которыя назначались въ наемъ, для „особенно рекомендованныхъ“ жильцовъ; кромѣ того, по той же сторонѣ корридора, въ самомъ концѣ его, у кухни, находилась четвертая комнатка, потѣснѣе всѣхъ прочихъ, въ которой помѣщался самъ отставной генералъ Иволгинъ, отецъ семейства, и спалъ на широкомъ диванѣ, а ходить и выходить изъ квартиры обязанъ былъ чрезъ кухню и по черной лѣстницѣ. Въ этой же комнаткѣ помѣщался и тринадцатилѣтній братъ Гаврилы Ардаліоновича, гимназистъ Коля; ему тоже предназначалось здѣсь тѣсниться, учиться, спать на другомъ, весьма старомъ, узкомъ и короткомъ диванчикѣ, на дырявой простынѣ и, главное, ходить и *смотрѣть* за отцомъ, который все болѣе и болѣе не могъ безъ этого обойдтись. Князю назначили среднюю изъ трехъ комнатъ; въ первой направо помѣщался Фердыщенко, а третья налѣво стояла еще пустая. Но Ганя прежде всего свелъ князя на семейную половину. Эта семейная половина состояла изъ залы, обращавшейся, когда надо, въ столовую, изъ гостиной, которая была, впрочемъ, гостиною только поутру, а вечеромъ обращалась въ кабинетъ Гани и въ его спальню, и наконецъ изъ третьей комнаты, тѣсной и всегда затворенной: это была спальня Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны. Однимъ словомъ, все въ этой квартирѣ тѣснилось и жалось; Ганя только скрипѣлъ про себя зубами; онъ хотя былъ и желалъ быть почтительнымъ къ матери, но съ перваго шагу у нихъ можно было замѣтить, что это большой деспотъ въ семействѣ.

Нина Александровна была въ гостиной не одна, съ нею сидѣла Варвара Ардаліоновна; обѣ онѣ занимались какимъ-то вязаньемъ и разговаривали съ гостемъ, Иваномъ Петровичемъ Птицынымъ. Нина Александровна казалась лѣтъ

пятидесяти, съ худымъ, осунувшимся лицомъ и съ сильною чернотой подъ глазами. Видъ ея былъ болѣзненный и нѣсколько скорбный, но лицо и взглядъ ея были довольно пріятны; съ первыхъ словъ заявлялся характеръ серіозный и полный истиннаго достоинства. Несмотря на прискорбный видъ, въ ней предчувствовалась твердость и даже рѣшимость. Одѣта она была чрезвычайно скромно, въ чемъ-то темномъ, и совсѣмъ по-старушечьи, но пріемы ея, разговоръ, вся манера, изобличали женщину, видавшую и лучшее общество.

Варвара Ардаліоновна была дѣвица лѣтъ двадцати трехъ, средняго роста, довольно худощавая, съ лицомъ, не то чтобы очень красивымъ, но заключавшимъ въ себѣ тайну нравиться безъ красоты и до страсти привлекать къ себѣ. Она была очень похожа на мать, даже одѣта была почти также какъ мать, отъ полнаго нежеланія наряжаться. Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ подчасъ могъ быть очень веселъ и ласковъ, еслибы не бывалъ всего чаще серіозенъ и задумчивъ, иногда слишкомъ даже, особенно въ послѣднее время. Твердость и рѣшимость виднѣлись и въ ея лицѣ, но предчувствовалось, что твердость эта даже могла быть энергичнѣе и предпріимчивѣе чѣмъ у матери. Варвара Ардаліоновна была довольно вспыльчива, и братецъ иногда даже побаивался этой вспыльчивости. Побаивался ея и сидѣвшій теперь у нихъ гость, Иванъ Петровичъ Птицынъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, скромно, но изящно одѣтый, съ пріятными, но какъ-то слишкомъ ужь солидными манерами. Темнорусая бородка обозначала въ немъ человѣка не съ служебными занятіями. Онъ умѣлъ разговаривать умно и пріятно, но чаще бывалъ молчаливъ. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе даже пріятное. Онъ былъ видимо неравнодушенъ къ Варварѣ Ардаліоновнѣ и не скрывалъ своихъ чувствъ. Варвара Ардаліоновна обращалась съ нимъ дружески, но на иные вопросы его отвѣчать еще медлила, даже ихъ не любила; Птицынъ впрочемъ далеко не былъ обезкураженъ. Нина Александровна была къ нему ласкова, а въ послѣднее время стала даже много ему довѣрять. Извѣстно впрочемъ было, что онъ спеціально занимается наживаніемъ денегъ отдачей ихъ въ быстрый ростъ подъ болѣе или менѣе вѣрные залоги. Съ Ганей онъ былъ чрезвычайнымъ пріятелемъ.

На обстоятельную, но отрывистую рекомендацію Гани

(который весьма сухо поздоровался съ матерью, совсѣмъ не поздоровался съ сестрой и тотчасъ же куда-то увелъ изъ комнаты Птицына), Нина Александровна сказала князю нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣла выглянувшему въ дверь Колѣ свести его въ среднюю комнату. Коля былъ мальчикъ съ веселымъ и довольно милымъ лицомъ, съ довѣрчивою и простодушною манерой.

— Гдѣ же ваша поклажа? спросилъ онъ, вводя князя въ комнату.

— У меня узелокъ; я его въ передней оставилъ.

— Я вамъ сейчасъ принесу. У насъ всей прислуги кухарка да Матрена, такъ что и я помогаю. Варя надъ всѣмъ надсматриваетъ и сердится. Ганя говоритъ, вы сегодня изъ Швейцаріи?

— Да.

— А хорошо въ Швейцаріи?

— Очень.

— Горы?

— Да.

— Я вамъ сейчасъ ваши узлы притащу.

Вошла Варвара Ардаліоновна:

— Вамъ Матрена сейчасъ бѣлье постелитъ. У васъ чемоданъ?

— Нѣтъ, узелокъ. За нимъ вашъ братъ пошелъ; онъ въ передней.

— Никакого тамъ узла нѣтъ, кромѣ этого узелочка; вы куда положили? спросилъ Коля, возвращаясь опять въ комнату.

— Да кромѣ этого и нѣтъ никакого, возвѣстилъ князь, принимая свой узелокъ.

— А-а! А я думалъ не утащилъ ли Фердыщенко.

— Не ври пустяковъ, строго сказала Варя, которая и съ княземъ говорила весьма сухо и только что развѣ вѣжливо.

— Chère Babette, со мной можно обращаться и понѣжнѣе, вѣдь я не Птицынъ.

— Тебя еще сѣчь можно, Коля, до того ты еще глупъ. За всѣмъ, что̀ потребуется, можете обращаться къ Матренѣ; обѣдаютъ въ половинѣ пятаго. Можете обѣдать вмѣстѣ съ нами, можете и у себя въ комнатѣ, какъ вамъ угодно. Пойдемъ, Коля, не мѣшай имъ.

— Пойдемте, рѣшительный характеръ!

Выходя, они столкнулись съ Ганей.

— Отецъ дома? спросилъ Ганя Колю, и на утвердительный отвѣтъ Коли, пошепталъ ему что-то на ухо.

Коля кивнулъ головой и вышелъ вслѣдъ за Варварой Ардаліоновной.

— Два слова, князь, я и забылъ вамъ сказать за этими... дѣлами. Нѣкоторая просьба: сдѣлайте одолженіе, — если только вамъ это не въ большую натугу будетъ, — не болтайте, ни здѣсь, о томъ что у меня съ Аглаей сейчасъ было, ни *тамъ*, о томъ что вы здѣсь найдете; потому что и здѣсь тоже безобразія довольно. Къ чорту, впрочемъ.... Хоть сегодня-то, по крайней мѣрѣ, удержитесь.

— Увѣряю же васъ, что я гораздо меньше болталъ чѣмъ вы думаете, сказалъ князь съ нѣкоторымъ раздраженіемъ на укоры Гани. Отношенія между ними становились видимо хуже и хуже.

— Ну, да ужь я довольно перенесъ чрезъ васъ сегодня. Однимъ словомъ, я васъ прошу.

— Еще и то замѣтьте, Гаврила Ардаліоновичъ, чѣмъ же я былъ давеча связанъ, и почему я не могъ упомянуть о портретѣ? Вѣдь вы меня не просили.

— Фу, какая скверная комната, замѣтилъ Ганя, презрительно осматриваясь, — темно и окна на дворъ. Во всѣхъ отношеніяхъ вы къ намъ не вò время... Ну, да это не мое дѣло; не я квартиры содержу.

Заглянулъ Птицынъ и кликнулъ Ганю; тотъ торопливо бросилъ князя и вышелъ, несмотря на то что онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но видимо мялся и точно стыдился начать; да и комнату обругалъ тоже какъ будто сконфузившись.

Только что князь умылся и успѣлъ сколько-нибудь исправить свой туалетъ, отворилась дверь снова, и выглянула новая фигура.

Это былъ господинъ лѣтъ тридцати, не малаго роста, плечистый, съ огромною, курчавою, рыжеватою головой. Лицо у него было мясистое и румяное, губы толстыя; носъ широкій и сплюснутый, глаза маленькіе, заплывшіе и насмѣшливые, какъ будто безпрерывно подмигивающіе. Въ цѣломъ все это представлялось довольно нахально. Одѣтъ онъ былъ грязновато.

Онъ сначала отворилъ дверь ровно на столько чтобы просунуть голову. Просунувшаяся голова секундъ пять оглядывала комнату; потомъ дверь стала медленно отворяться, вся

фигура обозначилась на порогѣ, но гость еще не входилъ, а съ порога продолжалъ, прищурясь, разсматривать князя. Наконецъ затворилъ за собою дверь, приблизился, сѣлъ на стулъ, князя крѣпко взялъ за руку и посадилъ наискось отъ себя на диванъ.

— Фердыщенко, проговорилъ онъ, пристально и вопросительно засматривая князю въ лицо.

— Такъ что же? отвѣчалъ князь, почти разсмѣявшись.

— Жилецъ, проговорилъ опять Фердыщенко, засматривая попрежнему.

— Хотите познакомиться?

— Э-эхъ!—проговорилъ гость, взъерошивъ волосы и вздохнувъ, и сталъ смотрѣть въ противоположный уголъ. — У васъ деньги есть? спросилъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю.

— Немного.

— Сколько именно?

— Двадцать пять рублей.

— Покажите-ка.

Князь вынулъ двадцати-пяти-рублевый билетъ изъ жилетнаго кармана и подалъ Фердыщенкѣ. Тотъ развернулъ, поглядѣлъ, потомъ перевернулъ на другую сторону, затѣмъ взялъ на свѣтъ.

— Довольно странно, проговорилъ онъ какъ бы въ раздумьи,—отчего бы имъ бурѣть? Эти двадцати-пяти-рублевыя иногда ужасно бурѣютъ, а другія, напротивъ, совсѣмъ линяютъ. Возьмите.

Князь взялъ свой билетъ обратно. Фердыщенко всталъ со стула.

— Я пришелъ васъ предупредить: вопервыхъ, мнѣ денегъ взаймы не давать, потому что я непремѣнно буду просить.

— Хорошо.

— Вы платить здѣсь намѣрены?

— Намѣренъ.

— А я не намѣренъ; спасибо. Я здѣсь отъ васъ направо первая дверь, видѣли? Ко мнѣ постарайтесь не очень часто жаловать; къ вамъ я приду, не безпокойтесь. Генерала видѣли?

— Нѣтъ.

— И не слышали?

— Конечно нѣтъ.

— Ну, такъ увидите и услышите; да къ тому же онъ даже у меня проситъ денегъ взаймы! Avis au lecteur. Прощайте. Развѣ можно жить съ фамиліей Фердыщенко? А?

— Отчего же нѣтъ?

— Прощайте.

И онъ пошелъ къ дверямъ. Князь узналъ потомъ, что этотъ господинъ какъ будто по обязанности взялъ на себя задачу изумлять всѣхъ оригинальностью и веселостью, но у него какъ-то никогда не выходило. На нѣкоторыхъ онъ производилъ даже непріятное впечатлѣніе, отчего онъ искренно скорбѣлъ, но задачу свою все-таки не покидалъ. Въ дверяхъ ему удалось какъ бы поправиться, натолкнувшись на одного входившаго господина; пропустивъ этого новаго и незнакомаго князю гостя въ комнату, онъ нѣсколько разъ предупредительно подмигнулъ на него сзади и такимъ образомъ все-таки ушелъ не безъ апломба.

Новый господинъ былъ высокаго роста, лѣтъ пятидесяти пяти, или даже поболѣе, довольно тучный, съ багрово-краснымъ, мясистымъ и обрюзглымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми сѣдыми бакенбардами, въ усахъ, съ большими, довольно выпученными глазами. Фигура была бы довольно осанистая, еслибы не было въ ней чего-то опустившагося, износившагося, даже запачканнаго. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій сюртучокъ, чуть не съ продравшимися локтями; бѣлье тоже было засаленное,— по-домашнему. Вблизи отъ него немного пахло водкой; но манера была эффектная, нѣсколько изученная и съ видимымъ ревнивымъ желаніемъ поразить достоинствомъ. Господинъ приблизился къ князю, не спѣша, съ привѣтливою улыбкой, молча взялъ его руку, и сохраняя ее въ своей, нѣсколько времени всматривался въ его лицо, какъ бы узнавая знакомыя черты.

— Онъ! Онъ! проговорилъ онъ тихо, но торжественно:— какъ живой! Слышу, повторяютъ знакомое и дорогое имя, и припомнилъ безвозвратное прошлое.... Князь Мышкинъ?

— Точно такъ-съ.

— Генералъ Иволгинъ, отставной и несчастный. Ваше имя и отчество, смѣю спросить?

— Левъ Николаевичъ.

— Такъ, такъ! Сынъ моего друга, можно сказать, товарища дѣтства, Николая Петровича?

— Моего отца звали Николаемъ Львовичемъ.

— Львовичъ, поправился генералъ, но не спѣша, а съ совершенною увѣренностью, какъ будто онъ нисколько и не забывалъ, а только нечаянно оговорился. Онъ сѣлъ, и тоже взявъ князя за руку, посадилъ подлѣ себя. — Я васъ на рукахъ носилъ-съ.

— Неужели? спросилъ князь:—мой отецъ ужь двадцать лѣтъ какъ умеръ.

— Да; двадцать лѣтъ; двадцать лѣтъ и три мѣсяца. Вмѣстѣ учились; я прямо въ военную....

— Да и отецъ былъ въ военной, подпоручикомъ въ Васильковскомъ полку.

— Въ Бѣломірскомъ. Переводъ въ Бѣломірскій состоялся почти наканунѣ смерти. Я тутъ стоялъ и благословилъ его въ вѣчность. Ваша матушка....

Генералъ пріостановился какъ бы отъ грустнаго воспоминанія.

— Да и она тоже полгода спустя потомъ умерла отъ простуды, сказалъ князь.

— Не отъ простуды. Не отъ простуды, повѣрьте старику. Я тутъ былъ, я и ее хоронилъ. Съ горя по своемъ князѣ, а не отъ простуды. Да-съ, памятна мнѣ и княгиня! Молодость! Изъ-за нея мы съ княземъ, друзья съ дѣтства, чуть не стали взаимными убійцами.

Князь начиналъ слушать съ нѣкоторою недовѣрчивостью.

— Я страстно влюбленъ былъ въ вашу родительницу, еще когда она въ невѣстахъ была,—невѣстой друга моего. Князь замѣтилъ и былъ фрапированъ. Приходитъ ко мнѣ утромъ, въ седьмомъ часу, будитъ. Одѣваюсь съ изумленіемъ; молчаніе съ обѣихъ сторонъ; я все понялъ. Вынимаетъ изъ кармана два пистолета. Черезъ платокъ. Безъ свидѣтелей. Къ чему свидѣтели, когда чрезъ пять минутъ отсылаемъ другъ друга въ вѣчность? Зарядили, растянули платокъ, стали, приложили пистолеты взаимно къ сердцамъ и глядимъ другъ другу въ лицо. Вдругъ слезы градомъ у обоихъ изъ глазъ, дрогнули руки. У обоихъ, у обоихъ, разомъ! Ну, тутъ, натурально, объятія и взаимная борьба великодушія. Князь кричитъ: твоя, я кричу: твоя! Однимъ словомъ.... однимъ словомъ.... вы къ намъ.... жить?

— Да, на нѣкоторое время, быть-можетъ, проговорилъ князь, какъ бы нѣсколько заикаясь.

— Князь, мамаша васъ къ себѣ проситъ, крикнулъ загля-

нувшій въ дверь Коля. Князь привсталъ было идти, но генералъ положилъ правую ладонь на его плечо и дружески пригнулъ опять къ дивану.

— Какъ истинный другъ отца вашего, желаю предупредить, сказалъ генералъ, — я, вы видите сами, я пострадалъ, по трагической катастрофѣ; но безъ суда! Безъ суда! Нина Александровна — женщина рѣдкая. Варвара Ардаліоновна, дочь моя — рѣдкая дочь! По обстоятельствамъ содержимъ квартиры,—паденіе неслыханное! Мнѣ, которому оставалось быть генералъ-губернаторомъ!... Но вамъ мы рады всегда. А между тѣмъ у меня въ домѣ трагедія!

Князь смотрѣлъ вопросительно и съ большимъ любопытствомъ.

— Приготовляется бракъ, и бракъ рѣдкій. Бракъ двусмысленной женщины и молодаго человѣка, который могъ бы быть камеръ-юнкеромъ. Эту женщину введутъ въ домъ, гдѣ моя дочь и гдѣ моя жена! Но покамѣсть я дышу, она не войдетъ! Я лягу на порогѣ, и пусть перешагнетъ чрезъ меня!... Съ Ганей я теперь почти не говорю, избѣгаю встрѣчаться даже. Я васъ предупреждаю нарочно; коли будете жить у насъ, все равно, и безъ того станете свидѣтелемъ. Но вы сынъ моего друга, и я въ правѣ надѣяться....

— Князь, сдѣлайте одолженіе, зайдите ко мнѣ въ гостиную, позвала Нина Александровна, сама уже явившаяся у дверей.

— Вообрази, другъ мой, вскричалъ генералъ,—оказывается, что я нянчилъ князя на рукахъ моихъ!

Нина Александровна укорительно глянула на генерала и пытливо на князя, но не сказала ни слова. Князь отправился за нею; но только что они пришли въ гостиную и сѣли, а Нина Александровна только что начала очень торопливо и вполголоса что-то сообщать князю, какъ генералъ вдругъ пожаловалъ самъ въ гостиную. Нина Александровна тотчасъ замолчала и съ видимою досадой нагнулась къ своему вязанью. Генералъ, можетъ-быть, и замѣтилъ эту досаду, но продолжалъ быть въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа.

— Сынъ моего друга! вскричалъ онъ, обращаясь къ Нинѣ Александровнѣ:—и такъ неожиданно! Я давно уже и воображать пересталъ. Но, другъ мой, неужели ты не помнишь покойнаго Николая Львовича? Ты еще застала его.... Въ Твери?

— Я не помню Николая Львовича. Это вашъ отецъ? спросила она князя.

— Отецъ; но онъ умеръ, кажется, не въ Твери, а въ Елисаветградѣ, робко замѣтилъ князь генералу. — Я слышалъ отъ Павлищева....

— Въ Твери, подтвердилъ генералъ;—передъ самою смертью состоялся переводъ въ Тверь, и даже еще предъ развитіемъ болѣзни. Вы были еще слишкомъ малы и не могли упомнить, ни перевода, ни путешествія; Павлищевъ же могъ ошибиться, хотя и превосходнѣйшій былъ человѣкъ.

— Вы знали и Павлищева?

— Рѣдкій былъ человѣкъ, но я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Я благословлялъ на смертномъ одрѣ....

— Отецъ мой вѣдь умеръ подъ судомъ, замѣтилъ князь снова,—хоть я и никогда не могъ узнать за что̀ именно; онъ умеръ въ госпиталѣ.

— О, это по дѣлу о рядовомъ Колпаковѣ, и, безъ сомнѣнія, князь былъ бы оправданъ.

— Такъ? Вы навѣрно знаете? спросилъ князь съ особеннымъ любопытствомъ.

— Еще бы! вскричалъ генералъ.—Судъ разошелся ничего не рѣшивъ. Дѣло невозможное! Дѣло даже, можно сказать, таинственное: умираетъ штабсъ-капитанъ Ларіоновъ, ротный командиръ; князь на время назначается исправляющимъ должность; хорошо. Рядовой Колпаковъ совершаетъ кражу,—сапожный товаръ у товарища, — и пропиваетъ его; хорошо. Князь,—и замѣтьте себѣ, это было въ присутствіи фельдфебеля и капральнаго,—распекаетъ Колпакова и грозитъ ему розгами. Очень хорошо. Колпаковъ идетъ въ казармы, ложится на нары и черезъ четверть часа умираетъ. Прекрасно, но случай неожиданный, почти невозможный. Такъ или этакъ, а Колпакова хоронятъ; князь рапортуетъ, и за тѣмъ Колпакова исключаютъ изъ списковъ. Кажется, чего бы лучше? Но ровно черезъ полгода, на бригадномъ смотру, рядовой Колпаковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оказывается въ третьей ротѣ втораго баталіона Новоземлянскаго пѣхотнаго полка, той же бригады и той же дивизіи!

— Какъ! вскричалъ князь внѣ себя отъ удивленія.

— Это не такъ, это ошибка! обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна, почти съ тоской смотря на него. — Mon mari se trompe.

— Но другъ мой, se trompe, это легко сказать, но разрѣши-ка сама подобный случай! Всѣ стали въ тупикъ. Я первый сказалъ бы qu'on se trompe. Но къ несчастію, я былъ свидѣтелемъ и участвовалъ самъ въ коммиссіи. Всѣ очныя ставки показали, что это тотъ самый, совершенно тотъ же самый рядовой Колпаковъ, который полгода назадъ былъ схороненъ при обыкновенномъ парадѣ и съ барабаннымъ боемъ. Случай дѣйствительно рѣдкій, почти невозможный, я соглашаюсь, но....

— Папаша, вамъ обѣдать накрыли, возвѣстила Варвара Ардаліоновна, входя въ комнату.

— А, это прекрасно, превосходно! Я таки проголодался.... Но случай, можно сказать, даже психологическій....

— Супъ опять простынетъ, съ нетерпѣніемъ сказала Варя.

— Сейчасъ, сейчасъ, бормоталъ генералъ, выходя изъ комнаты,—„и несмотря ни на какія справки“, слышалось еще въ корридорѣ.

— Вы должны будете многое извинить Ардаліону Александровичу, если у насъ останетесь, сказала Нина Александровна князю; — онъ, впрочемъ, васъ очень не обезпокоитъ; онъ и обѣдаетъ одинъ. Согласитесь сами, у всякаго есть свои недостатки и свои... особенныя черты, у другихъ, можетъ, еще больше чѣмъ у тѣхъ, на которыхъ привыкли пальцами указывать. Объ одномъ буду очень просить; если мой мужъ какъ-нибудь обратится къ вамъ по поводу уплаты за квартиру, то вы скажите ему, что отдали мнѣ. То-есть, отданное и Ардаліону Александровичу все равно для васъ въ счетъ бы пошло, но я единственно для аккуратности васъ прошу... Что это, Варя?

Варя воротилась въ комнату и молча подала матери портретъ Настасьи Филипповны. Нина Александровна вздрогнула и сначала какъ бы съ испугомъ, а потомъ съ подавляющимъ горькимъ ощущеніемъ разсматривала его нѣкоторое время. Наконецъ вопросительно поглядѣла на Варю.

— Ему сегодня подарокъ отъ нея самой, сказала Варя,—а вечеромъ у нихъ все рѣшается.

— Сегодня вечеромъ! какъ бы въ отчаяніи повторила вполголоса Нина Александровна; — что же? Тутъ сомнѣній ужь болѣе нѣтъ никакихъ, и надеждъ тоже не остается: портретомъ все возвѣстила... Да онъ тебѣ самъ, что ли, показалъ? прибавила она въ удивленіи.

— Вы знаете, что мы ужь цѣлый мѣсяцъ почти ни слова не говоримъ. Птицынъ мнѣ про все сказалъ, а портретъ тамъ у стола на полу ужь валялся; я подняла.

— Князь, обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна,—я хотѣла васъ спросить (для того собственно и попросила васъ сюда), давно ли вы знаете моего сына? Онъ говорилъ, кажется, что вы только сегодня откуда-то пріѣхали?

Князь объяснилъ вкратцѣ о себѣ, пропустивъ бо́льшую половину. Нина Александровна и Варя выслушали.

— Я не выпытываю чего-нибудь о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ васъ разспрашивая, замѣтила Нина Александровна; — вы не должны ошибаться на этотъ счетъ. Если есть что-нибудь, въ чемъ онъ не можетъ признаться мнѣ самъ, того я и сама не хочу разузнавать мимо него. Я къ тому собственно, что давеча Ганя при васъ, и потомъ когда вы ушли, на вопросъ мой о васъ, отвѣчалъ мнѣ: „Онъ все знаетъ, церемониться нечего!“ Что̀ же это значитъ? То-есть, я хотѣла бы знать въ какой мѣрѣ...

Вошли вдругъ Ганя и Птицынъ; Нина Александровна тотчасъ замолчала. Князь остался на стулѣ подлѣ нея, а Варя отошла въ сторону; портретъ Настасьи Филипповны лежалъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на рабочемъ столикѣ Нины Александровны, прямо передъ нею. Ганя, увидѣвъ его, нахмурился, съ досадой взялъ со стола и отбросилъ на свой письменный столъ, стоявшій въ другомъ концѣ комнаты.

— Сегодня, Ганя? спросила вдругъ Нина Александровна.

— Что̀, сегодня? встрепенулся было Ганя и вдругъ набросился на князя:—А, понимаю, вы ужь и тутъ!... Да что̀ у васъ, наконецъ, болѣзнь это, что ли, какая? Удержаться не можете? Да вѣдь поймите же наконецъ, ваше сіятельство...

— Тутъ я виноватъ, Ганя, а не кто другой, прервалъ Птицынъ.

Ганя вопросительно поглядѣлъ на него.

— Да вѣдь это лучше же, Ганя, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, дѣло покончено, пробормоталъ Птицынъ, и отойдя въ сторону, сѣлъ у стола, вынулъ изъ кармана какую-то бумажку, исписанную карандашомъ, и сталъ ее пристально разсматривать. Ганя стоялъ пасмурный и ждалъ съ

безпокойствомъ семейной сцены. Предъ княземъ онъ и не подумалъ извиниться.

— Если все кончено, то Иванъ Петровичъ, разумѣется, правъ, сказала Нина Александровна, — не хмурься, пожалуста, и не раздражайся, Ганя, я ни о чемъ не стану разспрашивать, чего самъ не хочешь сказать, и увѣряю тебя, что вполнѣ покорилась, сдѣлай одолженіе, не безпокойся.

Она проговорила это, не отрываясь отъ работы и, казалось, въ самомъ дѣлѣ спокойно. Ганя былъ удивленъ, но осторожно молчалъ и глядѣлъ на мать, выжидая, чтобъ она высказалась яснѣе. Домашнія сцены ужь слишкомъ дорого ему стоили. Нина Александровна замѣтила эту осторожность и съ горькою улыбкой прибавила:

— Ты все еще сомнѣваешься и не вѣришь мнѣ; не безпокойся, не будетъ ни слезъ, ни просьбъ, какъ прежде, съ моей стороны по крайней мѣрѣ. Все мое желаніе въ томъ, чтобы ты былъ счастливъ, и ты это знаешь; я судьбѣ покорилась, но мое сердце будетъ всегда съ тобой, останемся ли мы вмѣстѣ, или разойдемся. Разумѣется, я отвѣчаю только за себя; ты не можешь того же требовать отъ сестры...

— А, опять она! вскричалъ Ганя, насмѣшливо и ненавистно смотря на сестру; — маменька! клянусь вамъ въ томъ опять, въ чемъ уже вамъ давалъ слово: никто и никогда не осмѣлится вамъ манкировать, пока я тутъ, пока я живъ. О комъ бы ни шла рѣчь, а я настою на полнѣйшемъ къ вамъ уваженіи, кто бы ни перешелъ чрезъ нашъ порогъ...

Ганя такъ обрадовался, что почти примирительно, почти нѣжно смотрѣлъ на мать.

— Я ничего за себя и не боялась, Ганя, ты знаешь; я не о себѣ безпокоилась и промучилась все это время. Говорятъ, сегодня все у васъ кончится? Что же, кончится?

— Сегодня вечеромъ, у себя, она обѣщала объявить: согласна или нѣтъ, отвѣтилъ Ганя.

— Мы чуть не три недѣли избѣгали говорить объ этомъ, и это было лучше. Теперь, когда уже все кончено, я только одно позволю себѣ спросить: какъ она могла тебѣ дать согласіе и даже подарить свой портретъ, когда ты ея не любишь? Неужели ты ее, такую.... такую....

— Ну, опытную, что ли?

— Я не такъ хотѣла выразиться. Неужели ты до такой степени могъ ей отвести глаза?

Необыкновенная раздражительность послышалась вдругъ въ этомъ вопросѣ. Ганя постоялъ, подумалъ съ минуту, и не скрывая насмѣшки, проговорилъ:

— Вы увлеклись, маменька, и опять не вытерпѣли, и вотъ такъ-то у насъ всегда все начиналось и разгоралось. Вы сказали: не будетъ ни разспросовъ, ни попрековъ, а они уже начались! Оставимъ лучше; право, оставимъ; по крайней мѣрѣ, у васъ намѣреніе было.... Я никогда и ни за что васъ не оставлю; другой отъ такой сестры убѣжалъ бы по крайней мѣрѣ,—вонъ какъ она смотритъ на меня теперь! Кончимъ на этомъ! Я ужь такъ было обрадовался.... И почемъ вы знаете, что я обманываю Настасью Филипповну? А насчетъ Вари какъ ей угодно, и—довольно. Ну, ужь теперь совсѣмъ довольно!

Ганя разгорячался съ каждымъ словомъ и безъ цѣли шагалъ по комнатѣ. Такіе разговоры тотчасъ же обращались въ больное мѣсто у всѣхъ членовъ семейства.

— Я сказала, что если она сюда войдетъ, то я отсюда выйду и тоже слово сдержу, сказала Варя.

— Изъ упрямства! вскричалъ Ганя.—Изъ упрямства и замужъ не выходишь! Что на меня фыркаешь? Мнѣ вѣдь наплевать, Варвара Ардаліоновна; угодно—хоть сейчасъ исполняйте ваше намѣреніе. Надоѣли вы мнѣ ужь очень. Какъ! вы рѣшаетесь наконецъ насъ оставить, князь! закричалъ онъ князю, увидавъ, что тотъ встаетъ съ мѣста.

Въ голосѣ Гани слышалась уже та степень раздраженія, въ которой человѣкъ почти самъ радъ этому раздраженію, предается ему безо всякаго удержу и чуть не съ возрастающимъ наслажденіемъ, до чего бы это ни довело. Князь обернулся было въ дверяхъ, чтобы что-то отвѣтить, но увидѣвъ по болѣзненному выраженію лица своего обидчика, что тутъ только не доставало той капли, которая переполняетъ сосудъ, повернулся и вышелъ молча. Нѣсколько минутъ спустя онъ услышалъ по отголоску изъ гостиной, что разговоръ съ его отсутствія сталъ еще шумнѣе и откровеннѣе.

Онъ прошелъ чрезъ залу въ прихожую, чтобы попасть въ корридоръ, а изъ него въ свою комнату. Проходя близко мимо выходныхъ дверей на лѣстницу, онъ услышалъ и замѣтилъ, что за дверьми кто-то старается изо всѣхъ силъ позвонить въ колокольчикъ; но въ колокольчикѣ, должно-быть, что-то испортилось: онъ только чуть-чуть вздрагивалъ,

а звука не было. Князь снялъ запоръ, отворилъ дверь и—отступилъ въ изумленіи, весь даже вздрогнулъ: предъ нимъ стояла Настасья Филипповна. Онъ тотчасъ узналъ ее по портрету. Глаза ея сверкнули взрывомъ досады, когда она его увидала; она быстро прошла въ прихожую, столкнувъ его съ дороги плечомъ, и гнѣвливо сказала, сбрасывая съ себя шубу:

— Если лѣнь колокольчикъ поправить, такъ по крайней мѣрѣ въ прихожей бы сидѣлъ, когда стучатся. Ну, вотъ теперь шубу уронилъ, олухъ!

Шуба дѣйствительно лежала на полу; Настасья Филипповна, не дождавшись, пока князь съ нея сниметъ, сбросила ее сама къ нему на руки, не глядя, сзади, но князь не успѣлъ принять.

— Прогнать тебя надо. Ступай, доложи.

Князь хотѣлъ было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорилъ и съ шубой, которую поднялъ съ полу, пошелъ въ гостиную.

— Ну, вотъ теперь съ шубой идетъ! Шубу-то зачѣмъ несешь? Ха, ха, ха! Да ты сумашедшій, что ли?

Князь воротился и глядѣлъ на нее какъ истуканъ; когда она засмѣялась—усмѣхнулся и онъ, но языкомъ все еще не могъ пошевелить. Въ первое мгновеніе, когда онъ отворилъ ей дверь, онъ былъ блѣденъ, теперь вдругъ краска залила его лицо.

— Да что это за идіотъ? въ негодованіи вскрикнула, топнувъ на него ногой, Настасья Филипповна. — Ну куда ты идешь? Ну кого ты будешь докладывать?

— Настасью Филипповну, пробормоталъ князь.

— Почему ты меня знаешь? быстро спросила она его;—я тебя никогда не видала! Ступай, докладывай.... Что тамъ за крикъ?

— Бранятся, отвѣтилъ князь и пошелъ въ гостиную.

Онъ вошелъ въ довольно рѣшительную минуту: Нина Александровна готова была уже совершенно забыть, что она „всему покорилась“; она, впрочемъ, защищала Варю. Подлѣ Вари стоялъ и Птицынъ, уже оставившій свою исписанную карандашомъ бумажку. Варя и сама не робѣла, да и не робкаго десятка была дѣвица; но грубости брата становились, съ каждымъ словомъ, невѣжливѣе и нестерпимѣе. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно переставала говорить

и только, молча, насмѣшливо смотрѣла на брата, не сводя съ него глазъ. Этотъ маневръ, какъ и знала она, способенъ былъ выводить его изъ послѣднихъ границъ. Въ эту-то самую минуту князь шагнулъ въ комнату и провозгласилъ:

— Настасья Филипповна!

IX.

Общее молчаніе воцарилось; всѣ смотрѣли на князя какъ бы не понимая его и—не желая понять. Ганя оцѣпенѣлъ отъ испуга.

Пріѣздъ Настасьи Филипповны, и особенно въ настоящую минуту, былъ для всѣхъ самою странною и хлопотливою неожиданностью. Ужь одно то, что Настасья Филипповна жаловала въ первый разъ; до сихъ поръ она держала себя до того надменно, что въ разговорахъ съ Ганей даже и желанія не выражала познакомиться съ его родными, а въ самое послѣднее время даже и не упоминала о нихъ совсѣмъ, точно ихъ и не было на свѣтѣ. Ганя хоть отчасти и радъ былъ, что отдалялся такой хлопотливый для него разговоръ, но все-таки въ сердцѣ своемъ поставилъ ей эту надменность на счетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ ждалъ отъ нея скорѣе насмѣшекъ и колкостей надъ своимъ семействомъ, а не визита къ нему; онъ зналъ навѣрно, что ей извѣстно все, что происходитъ у него дома по поводу его сватовства и какимъ взглядомъ смотрятъ на нее его родные. Визитъ ея, *теперь*, послѣ подарка портрета и въ день своего рожденія, въ день, въ который она обѣщала рѣшить его судьбу, означалъ чуть не самое это рѣшеніе.

Недоумѣніе, съ которымъ всѣ смотрѣли на князя, продолжалось не долго: Настасья Филипповна появилась въ дверяхъ гостиной сама и опять, входя въ комнату, слегка оттолкнула князя.

— Наконецъ-то удалось войдти.... зачѣмъ это вы колокольчикъ привязываете? весело проговорила она, подавая руку Ганѣ, бросившемуся къ ней со всѣхъ ногъ.—Что это у васъ такое опрокинутое лицо? Познакомьте же меня, пожалуста....

Совсѣмъ потерявшійся Ганя отрекомендовалъ ее сперва Варѣ, и обѣ женщины, прежде чѣмъ протянули другъ другу руки, обмѣнялись странными взглядами. Настасья

Филипповна, впрочемъ, смѣялась и маскировалась веселостью; но Варя не хотѣла маскироваться и смотрѣла мрачно и пристально; даже и тѣни улыбки, что̀ уже требовалось простою вѣжливостью, не показалось въ ея лицѣ. Ганя обмеръ; упрашивать было уже нечего и некогда, и онъ бросилъ на Варю такой угрожающій взглядъ, что та поняла, по силѣ этого взгляда, что̀ значила для ея брата эта минута? Тутъ она, кажется, рѣшилась уступить ему и чуть-чуть улыбнулась Настасьѣ Филипповнѣ. (Всѣ они въ семействѣ еще слишкомъ любили другъ друга.) Нѣсколько поправила дѣло Нина Александровна, которую Ганя, сбившись окончательно, отрекомендовалъ послѣ сестры и даже подвелъ первую къ Настасьѣ Филипповнѣ. Но только что Нина Александровна успѣла было начать о своемъ „особенномъ удовольствіи“, какъ Настасья Филипповна, не дослушавъ ея, быстро обратилась къ Ганѣ, и садясь (безъ приглашенія еще) на маленькій диванчикъ, въ углу у окна, вскричала:

— Гдѣ же вашъ кабинетъ? И.... и гдѣ жильцы? Вѣдь вы жильцовъ содержите?

Ганя ужасно покраснѣлъ и заикнулся было что-то отвѣтить, но Настасья Филипповна тотчасъ прибавила:

— Гдѣ же тутъ держать жильцовъ? У васъ и кабинета нѣтъ. А выгодно это? обратилась она вдругъ къ Нинѣ Александровнѣ.

— Хлопотливо нѣсколько, отвѣчала было та;—разумѣется, должна быть выгода. Мы, впрочемъ, только что....

Но Настасья Филипповна опять уже не слушала: она глядѣла на Ганю, смѣялась и кричала ему:

— Что̀ у васъ за лицо? О, Боже мой, какое у васъ въ эту минуту лицо!

Прошло нѣсколько мгновеній этого смѣха, и лицо Гани дѣйствительно очень исказилось: его столбнякъ, его комическая, трусливая потерянность вдругъ сошла съ него; но онъ ужасно поблѣднѣлъ; губы закривились отъ судороги; онъ молча, пристально и дурнымъ взглядомъ, не отрываясь, смотрѣлъ въ лицо своей гостьи, продолжавшей смѣяться.

Тутъ былъ и еще наблюдатель, который тоже еще не избавился отъ своего чуть не онѣменія при видѣ Настасьи Филипповны; но онъ хоть и стоялъ „столбомъ“, на прежнемъ мѣстѣ своемъ, въ дверяхъ гостиной, однако успѣлъ замѣтить блѣдность и злокачественную перемѣну лица Гани.

Этотъ наблюдатель былъ князь. Чуть не въ испугѣ, онъ вдругъ машинально ступилъ впередъ.

— Выпейте воды, прошепталъ онъ Ганѣ.—И не глядите такъ...

Видно было, что онъ проговорилъ это безъ всякаго разчета, безъ всякаго особеннаго замысла, такъ, по первому движенію; но слова его произвели чрезвычайное дѣйствіе. Казалось, вся злоба Гани вдругъ опрокинулась на князя: онъ схватилъ его за плечо, и смотрѣлъ на него молча, мстительно и ненавистно, какъ бы не въ силахъ выговорить слово. Произошло всеобщее волненіе: Нила Александровна слегка даже вскрикнула, Птицынъ шагнулъ впередъ въ безпокойствѣ, Коля и Фердыщенко, явившіеся въ дверяхъ, остановились въ изумленіи, одна Варя попрежнему смотрѣла изъ-подлобья, но внимательно наблюдая. Она не садилась, а стояла сбоку, подлѣ матери, сложивъ руки на груди.

Но Ганя спохватился тотчасъ же, почти въ первую минуту своего движенія, и нервно захохоталъ. Онъ совершенно опомнился.

— Да что̀ вы, князь, докторъ что ли? вскричалъ онъ, по возможности веселѣе и простодушнѣе:—даже испугалъ меня; Настасья Филипповна, можно рекомендовать вамъ, это предрагоцѣнный субъектъ, хоть я и самъ только съ утра знакомъ.

Настасья Филипповна въ недоумѣніи смотрѣла на князя.

— Князь? Онъ князь? Вообразите, а я давеча, въ прихожей, приняла его за лакея и сюда докладывать послала! Ха, ха, ха!

— Нѣтъ бѣды, нѣтъ бѣды! подхватилъ Фердыщенко, поспѣшно подходя и обрадовавшись, что начали смѣяться:— нѣтъ бѣды: se non e vero....

— Да чуть ли еще не бранила васъ, князь. Простите, пожалуста; Фердыщенко, вы то какъ здѣсь, въ такой часъ? Я думала, по крайней мѣрѣ, хоть васъ не застану. Кто? Какой князь? Мышкинъ? переспросила она Ганю, который между тѣмъ, все еще держа князя за плечо, успѣлъ отрекомендовать его.

— Нашъ жилецъ, повторилъ Ганя.

Очевидно князя представляли какъ что-то рѣдкое (и пригодившееся всѣмъ какъ выходъ изъ фальшиваго положенія),

чуть не совали къ Настасьѣ Филипповнѣ; князь ясно даже услышалъ слово „идіотъ“, прошептанное сзади его, кажется, Фердыщенкой, въ поясненіе Настасьѣ Филипповнѣ.

— Скажите, почему же вы не разувѣрили меня давеча, когда я такъ ужасно.... въ васъ ошиблась? продолжала Настасья Филипповна, разсматривая князя съ ногъ до головы самымъ безцеремоннымъ образомъ; она въ нетерпѣніи ждала отвѣта, какъ бы вполнѣ убѣжденная, что отвѣтъ будетъ непремѣнно такъ глупъ, что нельзя будетъ не засмѣяться.

— Я удивился, увидя васъ такъ вдругъ.... пробормоталъ было князь.

— А какъ вы узнали, что это я? Гдѣ вы меня видѣли прежде? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто его гдѣ-то видѣла? И позвольте васъ спросить, почему вы давеча остолбенѣли на мѣстѣ? Что во мнѣ такого остолбеняющаго?

— Ну же, ну! продолжалъ гримасничать Фердыщенко;—да ну же! О Господи, какихъ бы я вещей на такой вопросъ насказалъ! Да ну же.... Пентюхъ же ты, князь, послѣ этого!

— Да и я бы насказалъ на вашемъ мѣстѣ, засмѣялся князь Фердыщенкѣ;—давеча меня вашъ портретъ поразилъ очень, продолжалъ онъ Настасьѣ Филипповнѣ; потомъ я съ Епанчиными про васъ говорилъ... а рано утромъ, еще до въѣзда въ Петербургъ, на желѣзной дорогѣ, разказывалъ мнѣ много про васъ Парфенъ Рогожинъ.... И въ ту самую минуту какъ я вамъ дверь отворилъ, я о васъ тоже думалъ, а тутъ вдругъ и вы.

— А какъ же вы меня узнали, что это я?

— По портрету и....

— И еще?

— И еще потому, что такою васъ именно и воображалъ.... Я васъ тоже будто видѣлъ гдѣ-то.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Я ваши глаза точно гдѣ-то видѣлъ.... да этого быть не можетъ! Это я такъ.... Я здѣсь никогда и не былъ. Можетъ-быть, во снѣ....

— Ай да князь! закричалъ Фердыщенко.—Нѣтъ, я свое: se non e vero—беру назадъ. Впрочемъ.... впрочемъ, вѣдь это онъ все отъ невинности! прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ.

Князь проговорилъ свои нѣсколько фразъ голосомъ неспокойнымъ, прерываясь и часто переводя духъ. Все выражало въ немъ чрезвычайное волненіе. Настасья Филипповна

смотрѣла на него съ любопытствомъ, но уже не смѣялась. Въ эту самую минуту вдругъ громкій, новый голосъ, послышавшійся изъ-за толпы, плотно обступившей князя и Настасью Филипповну, такъ сказать, раздвинулъ толпу и раздѣлилъ ее на-двое. Передъ Настасьей Филипповной стоялъ самъ отецъ семейства, генералъ Иволгинъ. Онъ былъ во фракѣ и въ чистой манишкѣ; усы его были нафабрены....

Этого уже Ганя не могъ вынести.

Самолюбивый и тщеславный до мнительности, до ипохондріи; искавшій во всѣ эти два мѣсяца хоть какой-нибудь точки, на которую могъ бы опереться приличнѣе и выставить себя благороднѣе; чувствовавшій, что еще новичокъ на избранной дорогѣ и пожалуй не выдержитъ; съ отчаянія рѣшившійся наконецъ у себя дома, гдѣ былъ деспотомъ, на полную наглость, но не смѣвшій рѣшиться на это передъ Настасьей Филипповной, сбивавшей его до послѣдней минуты съ толку и безжалостно державшей надъ нимъ верхъ; „нетерпѣливый нищій“, по выраженію самой Настасьи Филипповны, о чемъ ему уже было донесено; поклявшійся всѣми клятвами больно наверстать ей все это въ послѣдствіи, и въ то же время ребячески мечтавшій иногда про себя свести концы и примирить всѣ противоположности,—онъ долженъ теперь испить еще эту ужасную чашу, и, главное, въ такую минуту! Еще одно непредвидѣнное, но самое страшное истязаніе для тщеславнаго человѣка,—мука краски за своихъ родныхъ, у себя же въ домѣ, выпала ему на долю. „Да стóитъ ли наконецъ этого само вознагражденіе!“ промелькнуло въ это мгновеніе въ головѣ Гани.

Въ эту самую минуту происходило то, что̀ снилось ему въ эти два мѣсяца только по ночамъ, въ видѣ кошмара, и леденило его ужасомъ, сжигало стыдомъ: произошла наконецъ семейная встрѣча его родителя съ Настасьей Филипповной. Онъ иногда, дразня и раздражая себя, пробовалъ было представить себѣ генерала во время брачной церемоніи, но никогда не способенъ былъ докончить мучительную картину и поскорѣе бросалъ ее. Можетъ-быть, онъ безмѣрно преувеличивалъ бѣду; но съ тщеславными людьми всегда такъ бываетъ. Въ эти два мѣсяца онъ успѣлъ надуматься и рѣшиться и далъ себѣ слово, во что̀ бы то ни стало, сократить какъ-нибудь своего родителя, хоть на время, и стуше-

вать его, если возможно, даже изъ Петербурга, согласна или не согласна будетъ на то мать. Десять минутъ назадъ, когда входила Настасья Филипповна, онъ былъ такъ пораженъ, такъ ошеломленъ, что совершенно забылъ о возможности появленія на сценѣ Ардаліона Александровича и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. И вотъ генералъ тутъ, предъ всѣми, да еще торжественно приготовившись и во фракѣ, и именно въ то самое время, когда Настасья Филипповна „только случая ищетъ, чтобъ осыпать его и его домашнихъ насмѣшками“. (Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ.) Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ ея теперешній визитъ, какъ не это? Сдружиться съ его матерью и сестрой, или оскорбить ихъ у него же въ домѣ пріѣхала она? Но по тому какъ расположились обѣ стороны, сомнѣній уже быть не могло: его мать и сестра сидѣли въ сторонѣ какъ оплеванныя, а Настасья Филипповна даже и позабыла, кажется, что онѣ въ одной съ нею комнатѣ... И если такъ ведетъ себя, то конечно, у ней есть своя цѣль!

Фердыщенко подхватилъ генерала и подвелъ его.

— Ардаліонъ Александровичъ Иволгинъ, съ достоинствомъ произнесъ нагнувшійся и улыбающійся генералъ,—старый, несчастный солдатъ и отецъ семейства, счастливаго надеждой заключать въ себѣ такую прелестную...

Онъ не докончилъ; Фердыщенко быстро подставилъ ему сзади стулъ, и генералъ, нѣсколько слабый въ эту послѣобѣденную минуту на ногахъ, такъ и шлепнулся или, лучше сказать, упалъ на стулъ, но это, впрочемъ, его не сконфузило. Онъ усѣлся прямо противъ Настасьи Филипповны и съ пріятною ужимкой, медленно и эффектно, поднесъ ея пальчики къ губамъ своимъ. Вообще генерала довольно трудно было сконфузить. Наружность его, кромѣ нѣкотораго неряшества, все еще была довольно прилична, о чемъ самъ онъ зналъ очень хорошо. Ему случалось бывать прежде и въ очень хорошемъ обществѣ, изъ котораго онъ былъ исключенъ окончательно всего только года два-три назадъ. Съ этого же срока и предался онъ слишкомъ уже безъ удержу нѣкоторымъ своимъ слабостямъ; но ловкая и пріятная манера оставалась въ немъ и доселѣ. Настасья Филипповна, казалось, чрезвычайно обрадовалась появленію Ардаліона Александровича, о которомъ, конечно, знала по наслышкѣ.

— Я слышалъ, что сынъ мой... началъ было Ардаліонъ Александровичъ.

— Да, сынъ вашъ! Хороши и вы тоже, папенька-то! Почему васъ никогда не видать у меня? Что̀, вы сами прячетесь, или сынъ васъ прячетъ? Вамъ-то ужь можно пріѣхать ко мнѣ никого не компрометтируя.

— Дѣти девятнадцатаго вѣка и ихъ родители... началъ было опять генералъ.

— Настасья Филипповна! Отпустите, пожалуста, Ардаліона Александровича на одну минуту, его спрашиваютъ, громко сказала Нина Александровна.

— Отпустить! Помилуйте, я такъ много слышала, такъ давно желала видѣть! И какія у него дѣла? Вѣдь онъ въ отставкѣ? Вы не оставите меня, генералъ, не уйдете?

— Я даю вамъ слово, что онъ пріѣдетъ къ вамъ самъ, но теперь онъ нуждается въ отдыхѣ.

— Ардаліонъ Александровичъ, говорятъ, что вы нуждаетесь въ отдыхѣ! вскрикнула Настасья Филипповна съ недовольною и брезгливою гримаской, точно вѣтреная дурочка, у которой отнимаютъ игрушку. Генералъ какъ разъ постарался еще болѣе одурачить свое положеніе.

— Другъ мой! Другъ мой! укорительно произнесъ онъ, торжественно обращаясь къ женѣ и положа руку на сердце.

— Вы не уйдете отсюда, маменька? громко спросила Варя.

— Нѣтъ, Варя, я досижу до конца.

Настасья Филипповна не могла не слышать вопроса и отвѣта, но веселость ея оттого какъ будто еще увеличилась. Она тотчасъ же снова засыпала генерала вопросами, и черезъ пять минутъ генералъ былъ въ самомъ торжественномъ настроеніи и ораторствовалъ при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ.

Коля дернулъ князя за фалду.

— Да уведите хоть вы его какъ-нибудь! Нельзя ли? Пожалуста!—И у бѣднаго мальчика даже слезы негодованія горѣли на глазахъ.—О, проклятый Ганька! прибавилъ онъ про себя.

— Съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Епанчинымъ я дѣйствительно бывалъ въ большой дружбѣ, разливался генералъ на вопросы Настасьи Филипповны.—Я, онъ и покойный князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, сына котораго я обнялъ сегодня послѣ двадцатилѣтней разлуки, мы были трое нераз-

лучные, такъ-сказать, кавалькада: Атосъ, Портосъ и Арамисъ. Но увы, одинъ въ могилѣ, сраженный клеветой и пулей, другой передъ вами и еще борется съ клеветами и пулями....

— Съ пулями! вскричала Настасья Филипповна.

— Онѣ здѣсь, въ груди моей, а получены подъ Карсомъ, и въ дурную погоду я ихъ ощущаю. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живу философомъ, хожу, гуляю, играю въ моемъ кафе, какъ удалившійся отъ дѣлъ буржуа, въ шашки и читаю *Indépendance*. Но съ нашимъ Портосомъ, Епанчинымъ, послѣ третьегодней исторіи на желѣзной дорогѣ по поводу болонки, покончено мною окончательно.

— Болонки! Это что же такое? съ особеннымъ любопытствомъ спросила Настасья Филипповна.—Съ болонкой? Позвольте.... и на желѣзной дорогѣ!... какъ бы припоминала она.

— О, глупая исторія, не стóитъ и повторять: изъ-за гувернантки княгини Бѣлоконской, мистрисъ Шмидтъ, но.... не стóитъ и повторять.

— Да непремѣнно же разкажите! весело воскликнула Настасья Филипповна.

— И я еще не слыхалъ! замѣтилъ Фердыщенко;—c'est du nouveau.

— Ардаліонъ Александровичъ! раздался опять умоляющій голосъ Нины Александровны.

— Папенька, васъ спрашиваютъ, крикнулъ Коля.

— Глупая исторія и въ двухъ словахъ, началъ генералъ съ самодовольствомъ.—Два года назадъ, да! безъ малаго, только-что послѣдовало открытіе новой —ской желѣзной дороги, я (и уже въ штатскомъ пальто), хлопоча о чрезвычайно важныхъ для меня дѣлахъ по сдачѣ моей службы, взялъ билетъ, въ первый классъ: вошелъ, сижу, курю. То-есть продолжаю курить, я закурилъ раньше. Я одинъ въ отдѣленіи. Курить не запрещается, но и не позволяется; такъ, полупозволяется, по обыкновенію; ну, и смотря по лицу. Окно спущено. Вдругъ, передъ самымъ свисткомъ, помѣщаются двѣ дамы съ болонкой, прямо насупротивъ; опоздали, одна пышнѣйшимъ образомъ разодѣта, въ свѣтлоголубомъ; другая скромнѣе, въ шелковомъ черномъ съ перелинкой. Не дурны собой, смотрятъ надменно, говорятъ по-англійски. Я, разумѣется, ничего; курю. То-есть, я и подумалъ было, но однако продолжаю курить, потому окно отворено, въ окно.

Болонка у свѣтлоголубой барыни на колѣнкахъ покоится, маленькая, вся въ мой кулакъ, черная, лапки бѣленькія, даже рѣдкость. Ошейникъ серебряный съ девизомъ. Я ничего. Замѣчаю только, что дамы, кажется, сердятся, за сигару, конечно. Одна въ лорнетъ уставилась, черепаховый. Я опять-таки ничего: потому вѣдь ничего же не говорятъ! Еслибы сказали, предупредили, попросили, вѣдь есть же наконецъ языкъ человѣческій! А то молчатъ.... вдругъ,—и это безъ малѣйшаго, я вамъ скажу, предупрежденія, то-есть безъ самомалѣйшаго, такъ-таки совершенно какъ бы съ ума спятила,—свѣтлоголубая хвать у меня изъ руки сигарку и за окно. Вагонъ летитъ, гляжу какъ полоумный. Женщина дикая; дикая женщина, такъ-таки совершенно изъ дикаго состоянія; а впрочемъ дородная женщина, полная, высокая, блондинка, румяная (слишкомъ даже), глаза на меня сверкаютъ. Не говоря ни слова, я съ необыкновенною вѣжливостью, съ совершеннѣйшею вѣжливостью, съ утонченнѣйшею, такъ-сказать, вѣжливостью, двумя пальцами приближаюсь къ болонкѣ, беру деликатно за шиворотъ, и шваркъ ее за окошко вслѣдъ за сигаркой! Только взвизгнула! Вагонъ продолжаетъ летѣть....

— Вы извергъ! крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая въ ладошки какъ дѣвочка.

— Браво, браво! кричалъ Фердыщенко. Усмѣхнулся и Птицынъ, которому тоже было чрезвычайно непріятно появленіе генерала; даже Коля засмѣялся и тоже крикнулъ: „браво!“

— И я правъ, я правъ, трижды правъ! съ жаромъ продолжалъ торжествующій генералъ, потому что если въ вагонахъ сигары запрещены, то собаки и подавно.

— Браво, папаша! восторженно вскричалъ Коля:—великолѣпно! Я бы непремѣнно, непремѣнно то же бы самое сдѣлалъ!

— Но что же барыня? съ нетерпѣніемъ допрашивала Настасья Филипповна.

— Она? Ну, вотъ тутъ-то вся непріятность и сидитъ, продолжалъ, нахмурившись, генералъ;—ни слова не говоря, и безъ малѣйшаго какъ есть предупрежденія, она хвать меня по щекѣ! Дикая женщина; совершенно изъ дикаго состоянія!..

— А вы?

Генералъ опустилъ глаза, поднялъ брови, поднялъ плечи, сжалъ губы, раздвинулъ руки, помолчалъ и вдругъ промолвилъ:

— Увлекся!

— И больно? Больно?

— Ей-Богу, не больно! Скандалъ вышелъ, но не больно. Я только одинъ разъ отмахнулся, единственно только чтобъ отмахнуться. Но тутъ самъ сатана и подвертѣлъ: свѣтло-голубая оказалась Англичанка, гувернантка или даже какой-то тамъ другъ дома у княгини Бѣлоконской, а которая въ черномъ платьѣ, та была старшая изъ княженъ Бѣлоконскихъ, старая дѣва лѣтъ тридцати пяти. А извѣстно въ какихъ отношеніяхъ состоитъ генеральша Епанчина къ дому Бѣлоконскихъ. Всѣ княжны въ обморокѣ, слезы, трауръ по фавориткѣ болонкѣ, визгъ шестерыхъ княженъ, визгъ Англичанки,—свѣтопреставленіе! Ну, конечно, ѣздилъ съ раскаяніемъ, просилъ извиненія, письмо написалъ, не приняли ни меня, ни письма, а съ Епанчинымъ раздоры, исключеніе, изгнаніе!

— Но позвольте, какъ же это? спросила вдругъ Настасья Филиповна:—пять или шесть дней назадъ я читала въ *Indépendance*,—а я постоянно читаю *Indépendance*,—точно такую же исторію! Но рѣшительно точно такую же! Это случилось на одной изъ прирейнскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонѣ, съ однимъ Французомъ и Англичанкой: точно такъ же была вырвана сигара, точно такъ же была выкинута за окно болонка, наконецъ, точно такъ же и кончилось какъ у васъ. Даже платье свѣтлоголубое!

Генералъ покраснѣлъ ужасно, Коля тоже покраснѣлъ и стиснулъ себѣ руками голову; Птицынъ быстро отвернулся. Хохоталъ попрежнему одинъ только Фердыщенко. Про Ганю и говорить было нечего: онъ все время стоялъ, выдерживая нѣмую и нестерпимую му́ку.

— Увѣряю же васъ, пробормоталъ генералъ, — что и со мной точно то же случилось....

— У папаши дѣйствительно была непріятность съ мистрисъ Шмидтъ, гувернанткой у Бѣлоконскихъ, вскричалъ Коля,—я помню.

— Какъ! Точь-въ-точь? Одна и та же исторія на двухъ концахъ Европы и точь-въ-точь такая же во всѣхъ подробностяхъ, до свѣтлоголубаго платья! настаивала безжалостная Настасья Филиповна:—я вамъ *Indépendance Belge* пришлю!

— Но замѣтьте, все еще настаивалъ генералъ, — что со мной произошло два года раньше....

— А, вотъ развѣ это!

Настасья Филипповна хохотала какъ въ истерикѣ.

— Папенька, я васъ прошу выйдти на два слова, дрожащимъ, измученнымъ голосомъ проговорилъ Ганя, машинально схвативъ отца за плечо. Безконечная ненависть кипѣла въ его взглядѣ.

Въ это самое мгновеніе раздался чрезвычайно громкій ударъ колокольчика изъ передней. Такимъ ударомъ можно было сорвать колокольчикъ. Предвозвѣщался визитъ необыкновенный. Коля побѣжалъ отворять.

X.

Въ прихожей стало вдругъ чрезвычайно шумно и людно; изъ гостиной казалось, что со двора вошло нѣсколько человѣкъ и все еще продолжаютъ входить. Нѣсколько голосовъ говорило и вскрикивало разомъ; говорили и вскрикивали и на лѣстницѣ, на которую дверь изъ прихожей, какъ слышно было, не затворялась. Визитъ оказывался чрезвычайно странный. Всѣ переглянулись; Ганя бросился въ залу, но и въ залу уже вошло нѣсколько человѣкъ.

— А, вотъ онъ Іуда! вскрикнулъ знакомый князю голосъ:— здравствуй, Ганька, подлецъ!

— Онъ, онъ самый и есть! поддакнулъ другой голосъ.

Сомнѣваться князю было невозможно: одинъ голосъ былъ Рогожина, а другой Лебедева.

Ганя стоялъ какъ бы въ отупѣніи на порогѣ гостиной и глядѣлъ молча, не препятствуя входу въ залу одного за другимъ человѣкъ десяти или двѣнадцати вслѣдъ за Парфеномъ Рогожинымъ. Компанія была чрезвычайно разнообразная и отличалась не только разнообразіемъ, но и безобразіемъ. Нѣкоторые входили такъ, какъ были на улицѣ, въ пальто и въ шубахъ. Совсѣмъ пьяныхъ, впрочемъ, не было; за то всѣ казались сильно навеселѣ. Всѣ, казалось, нуждались другъ въ другѣ, чтобы войдти; ни у одного не достало бы отдѣльно смѣлости, но всѣ другъ друга какъ бы подталкивали. Даже и Рогожинъ ступалъ осторожно во главѣ толпы, но у него было какое-то намѣреніе, и онъ казался мрачно и раздраженно-озабоченнымъ. Остальные же составляли только хоръ, или, лучше сказать, шайку для поддержки. Кромѣ Лебедева, тутъ былъ и завитой Залежевъ, сбросившій свою

шубу въ передней и вошедшій развязно и щеголемъ, и подобные ему два, три господина, очевидно изъ купчиковъ. Какой-то въ полувоенномъ пальто; какой-то маленькій и чрезвычайно толстый человѣкъ, безпрестанно смѣявшійся; какой-то огромный вершковъ двѣнадцати господинъ, тоже необычайно толстый, чрезвычайно мрачный и молчаливый, и, очевидно, сильно надѣявшійся на свои кулаки. Былъ одинъ медицинскій студентъ; былъ одинъ увивавшійся Полячокъ. Съ лѣстницы заглядывали въ прихожую, но не рѣшаясь войдти, двѣ какія-то дамы; Коля захлопнулъ дверь передъ ихъ носомъ и заложилъ крючкомъ.

— Здравствуй, Ганька, подлецъ! Что̀, не ждалъ Парѳена Рогожина? повторилъ Рогожинъ, дойдя до гостиной и останавливаясь въ дверяхъ противъ Гани. Но въ эту минуту онъ вдругъ разглядѣлъ въ гостиной, прямо противъ себя, Настасью Филипповну. Очевидно, у него и въ помыслахъ не было встрѣтить ее здѣсь, потому что видъ ея произвелъ на него необыкновенное впечатлѣніе; онъ такъ поблѣднѣлъ, что даже губы его посинѣли. — Стало-быть, правда! проговорилъ онъ тихо и какъ бы про себя, съ совершенно потерянным видомъ; — конецъ!... Ну.... Отвѣтишь же ты мнѣ теперь! проскрежеталъ онъ вдругъ съ неистовою злобой смотря на Ганю....—Ну.... ахъ!...

Онъ даже задыхался, даже выговаривалъ съ трудомъ. Машинально подвигался онъ въ гостиную, но перейдя за порогъ, вдругъ увидѣлъ Нину Александровну и Варю, и остановился, нѣсколько сконфузившись, несмотря на все свое волненіе. За нимъ прошелъ Лебедевъ, не отстававшій отъ него какъ тѣнь и уже сильно пьяный, затѣмъ студентъ, господинъ съ кулаками, Залежевъ, раскланивавшійся направо и налѣво, и наконецъ, протискивался, коротенькій толстякъ. Присутствіе дамъ всѣхъ ихъ еще нѣсколько сдерживало и очевидно сильно мѣшало имъ, конечно, только до *начала*, до перваго повода вскрикнуть и *начать*.... Тутъ ужь никакія дамы не помѣшали бы.

— Какъ? И ты тутъ, князь? разсѣянно проговорилъ Рогожинъ, отчасти удивленный встрѣчей съ княземъ:—все въ штиблетишкахъ, э-эхъ! вздохнулъ онъ, уже забывъ о князѣ и переводя взглядъ опять на Настасью Филипповну, все подвигаясь и притягиваясь къ ней, какъ къ магниту.

Настасья Филипповна тоже съ безпокойнымъ любопытствомъ глядѣла на гостей.

Ганя, наконецъ, опомнился.

— Но позвольте, что̀ же это, наконецъ, значитъ? громко заговорилъ онъ, строго оглядѣвъ вошедшихъ и обращаясь преимущественно къ Рогожину:—вы не въ конюшню, кажется, вошли, господа, здѣсь моя мать и сестра....

— Видимъ, что мать и сестра, процѣдилъ сквозь зубы Рогожинъ.

— Это и видно, что мать и сестра, поддакнулъ для контенансу Лебедевъ.

Господинъ съ кулаками, вѣроятно, полагая, что пришла минута, началъ что-то ворчать.

— Но однакоже! вдругъ и какъ-то не въ мѣру, взрывомъ, возвысилъ голосъ Ганя: — вопервыхъ, прошу отсюда всѣхъ въ залу, а потомъ позвольте узнать....

— Вишь, не узнаетъ! злобно осклабился Рогожинъ, не трогаясь съ мѣста:—Рогожина не узналъ?

— Я, положимъ, съ вами гдѣ-то встрѣчался, но....

— Вишь, гдѣ-то встрѣчался! Да я тебѣ всего только три мѣсяца двѣсти рублей отцовскихъ проигралъ, съ тѣмъ и умеръ старикъ, что не успѣлъ узнать; ты меня затащилъ, а Книфъ передергивалъ. Не узнаешь? Птицынъ-то свидѣтелемъ! Да покажи я тебѣ три цѣлковыхъ, вынь теперь изъ кармана, такъ ты на Васильевскій за ними доползешь на карачкахъ,—вотъ ты каковъ! Душа твоя такова! Я и теперь тебя за деньги пріѣхалъ всего купить, ты не смотри, что я въ такихъ сапогахъ вошелъ, у меня денегъ, братъ, много, всего тебя и со всѣмъ твоимъ живьемъ куплю.... захочу, всѣхъ васъ куплю! Все куплю! разгорячался и какъ бы хмѣлѣлъ все болѣе и болѣе Рогожинъ. — Э-эхъ! крикнулъ онъ:—Настасья Филипповна! Не прогоните, скажите словцо: вѣнчаетесь вы съ нимъ или нѣтъ?

Рогожинъ задалъ свой вопросъ какъ потерянный, какъ божеству какому-то, но съ смѣлостью приговореннаго къ казни, которому уже нечего терять. Въ смертной тоскѣ ожидалъ онъ отвѣта.

Настасья Филипповна обмѣрила его насмѣшливымъ и высокомѣрнымъ взглядомъ, но взглянула на Варю и на Нину Александровну, поглядѣла на Ганю и вдругъ перемѣнила тонъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, что̀ съ вами? И съ какой стати вы вздумали спрашивать? отвѣтила она тихо и серіозно, и какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Нѣтъ? Нѣтъ!! вскричалъ Рогожинъ, приходя чуть не въ изступленіе отъ радости: — такъ нѣтъ же?! А мнѣ сказали они.... Ахъ! Ну!... Настасья Филипповна! Они говорятъ, что вы помолвились съ Ганькой! Съ нимъ-то? Да развѣ это можно? (Я имъ всѣмъ говорю!) Да я его всего за сто рублей куплю, дамъ ему тысячу, ну три, чтобъ отступился, такъ онъ наканунѣ свадьбы бѣжитъ, а невѣсту всю мнѣ оставитъ. Вѣдь такъ, Ганька, подлецъ! Вѣдь ужь взялъ бы три тысячи! Вотъ онѣ, вотъ! Съ тѣмъ и ѣхалъ, чтобы съ тебя подписку такую взять; сказалъ: куплю,—и куплю!

— Ступай вонъ отсюда, ты пьянъ! крикнулъ краснѣвшій и блѣднѣвшій попеременно Ганя.

За его окрикомъ вдругъ послышался внезапный взрывъ нѣсколькихъ голосовъ; вся команда Рогожина давно уже ждала перваго вызова. Лебедевъ что-то съ чрезвычайнымъ стараніемъ нашептывалъ на ухо Рогожину.

— Правда, чиновникъ! отвѣтилъ Рогожинъ:—правда, пьяная душа! Эхъ, куда ни шло. Настасья Филипповна! вскричалъ онъ, глядя на нее какъ полоумный, робѣя и вдругъ ободряясь до дерзости:—вотъ восемнадцать тысячъ!—И онъ шаркнулъ предъ ней на столикъ пачку въ бѣлой бумагѣ, обернутую накрестъ шнурками:—вотъ! И.... и еще будетъ!

Онъ не осмѣлился договорить чего ему хотѣлось.

— Ни-ни-ни! зашепталъ ему снова Лебедевъ, съ страшно испуганнымъ видомъ; можно было угадать, что онъ испугался громадности суммы и предлагалъ попробовать съ несравненно меньшаго.

— Нѣтъ, ужь въ этомъ ты, братъ, дуракъ, не знаешь куда зашелъ.... да видно и я дуракъ съ тобой вмѣстѣ! спохватился и вздрогнулъ вдругъ Рогожинъ подъ засверкавшимъ взглядомъ Настасьи Филипповны. — Э-эхъ! совралъ я, тебя послушался, прибавилъ онъ съ глубокимъ раскаяніемъ.

Настасья Филипповна, вглядѣвшись въ опрокинутое лицо Рогожина, вдругъ засмѣялась.

— Восемнадцать тысячъ, мнѣ? Вотъ сейчасъ мужикъ и скажется! прибавила она вдругъ съ наглою фамиліарностью и привстала съ дивана, какъ бы собираясь ѣхать. Ганя съ замираніемъ сердца наблюдалъ всю сцену.

— Такъ сорокъ же тысячъ, сорокъ, а не восемнадцать, закричалъ Рогожинъ;—Ванька Птицынъ и Бискупъ къ семи часамъ обѣщались сорокъ тысячъ представить. Сорокъ тысячъ! Всѣ на столъ.

Сцена выходила чрезвычайно безобразная, но Настасья Филипповна продолжала смѣяться и не уходила, точно и въ самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ протягивала ее. Нина Александровна и Варя тоже встали съ своихъ мѣстъ и испуганно, молча, ждали, до чего это дойдетъ; глаза Вари сверкали, но на Нину Александровну все это подѣйствовало болѣзненно; она дрожала и, казалось, тотчасъ упадетъ въ обморокъ.

— А коли такъ—сто! Сегодня же сто тысячъ представлю! Птицынъ, выручай, руки нагрѣешь!

— Ты съ ума сошелъ! прошепталъ вдругъ Птицынъ, быстро подходя къ нему и хватая его за руку: — ты пьянъ, за будочниками пошлютъ. Гдѣ ты находишься?

— Съ-пьяна вретъ, проговорила Настасья Филипповна, какъ бы поддразнивая его.

— Такъ не вру же, будутъ! Къ вечеру будутъ. Птицынъ, выручай, процентная душа, что̀ хошь бери, доставай къ вечеру сто тысячъ; докажу что не постою! одушевился вдругъ до восторга Рогожинъ.

— Но однако, что̀ же это такое? грозно и внезапно воскликнулъ разсердившійся Ардаліонъ Александровичъ, приближаясь къ Рогожину. Внезапность выходки доселѣ молчавшаго старика придала ей много комизма. Послышался смѣхъ.

— Это еще откуда? засмѣялся Рогожинъ:—пойдемъ старикъ, пьянъ будешь!

— Это ужь подло! крикнулъ Коля, совсѣмъ плача отъ стыда и досады.

— Да неужели же ни одного между вами не найдется, чтобъ эту безстыжую отсюда вывести! вскрикнула вдругъ, вся трепеща отъ гнѣва, Варя.

— Это меня-то безстыжею называютъ! съ пренебрежительною веселостью отпарировала Настасья Филипповна:—а я-то какъ дура пріѣхала ихъ къ себѣ на вечеръ звать! Вотъ какъ ваша сестрица меня третируетъ, Гаврила Ардаліоновичъ!

Нѣсколько времени Ганя стоялъ какъ молніей пораженный при выходкѣ сестры; но увидя, что Настасья Филип-

повна этотъ разъ дѣйствительно уходитъ, какъ изступленный бросился на Варю и въ бѣшенствѣ схватилъ ее за руку:

— Что̀ ты сдѣлала? вскричалъ онъ, глядя на нее, какъ бы желая испепелить ее на этомъ же мѣстѣ. Онъ рѣшительно потерялся и плохо соображалъ.

— Что̀ сдѣлала? Куда ты меня тащишь? Ужь не прощенія ли просить у ней, за то, что она твою мать оскорбила и твой домъ срамить пріѣхала, низкій ты человѣкъ? крикнула опять Варя, торжествуя и съ вызовомъ смотря на брата.

Нѣсколько мгновеній они простояли такъ другъ противъ друга, лицомъ къ лицу. Ганя все еще держалъ ея руку въ своей рукѣ. Варя дернула разъ, другой, изо всей силы, но не выдержала и вдругъ, внѣ себя, плюнула брату въ лицо.

— Вотъ такъ дѣвушка! крикнула Настасья Филипповна.— Браво, Птицынъ, я васъ поздравляю!

У Гани въ глазахъ помутилось, и онъ, совсѣмъ забывшись, изо всей силы замахнулся на сестру. Ударъ пришелся бы ей непремѣнно въ лицо. Но вдругъ другая рука остановила на лету Ганину руку.

Между нимъ и сестрой стоялъ князь.

— Полноте, довольно! проговорилъ онъ настойчиво, но тоже весь дрожа, какъ отъ чрезвычайно сильнаго потрясенія.

— Да вѣчно, что ли, ты мнѣ дорогу переступать будешь! заревѣлъ Ганя, бросивъ руку Вари, и освободившеюся рукой, въ послѣдней степени бѣшенства, со всего размаха далъ князю пощечину.

— Ахъ! всплеснулъ руками Коля:—ахъ Боже мой!

Раздались восклицація со всѣхъ сторонъ. Князь поблѣднѣлъ. Страннымъ и укоряющимъ взглядомъ поглядѣлъ онъ Ганѣ прямо въ глаза; губы его дрожали и силились что-то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила ихъ.

— Ну, это пусть мнѣ.... а ея.... все-таки не дамъ!... тихо проговорилъ онъ наконецъ, но вдругъ не выдержалъ, бросилъ Ганю, закрылъ руками лицо, отошелъ въ уголъ, сталъ лицомъ къ стѣнѣ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— О, какъ вы будете стыдиться своего поступка!

Ганя, дѣйствительно, стоялъ какъ уничтоженный. Коля бросился обнимать и цѣловать князя; за нимъ затѣснились Рогожинъ, Варя, Птицынъ, Нина Александровна, всѣ, даже старикъ Ардаліонъ Александровичъ.

— Ничего, ничего! бормоталъ князь на всѣ стороны, съ тою же неподходящею улыбкой.

— И будетъ каяться! закричалъ Рогожинъ:—будешь стыдиться, Ганька, что такую.... овцу (онъ не могъ пріискать другаго слова) оскорбилъ! Князь, душа ты моя, брось ихъ; плюнь имъ, поѣдемъ! Узнаешь какъ любитъ Рогожинъ!

Настасья Филипповна была тоже очень поражена и поступкомъ Гани, и отвѣтомъ князя. Обыкновенно блѣдное и задумчивое лицо ея, такъ все время не гармонировавшее съ давешнимъ какъ бы напускнымъ ея смѣхомъ, было очевидно взволновано теперь новымъ чувствомъ; и однако все-таки ей какъ будто не хотѣлось его выказывать, и насмѣшка словно усиливалась остаться въ лицѣ ея.

— Право, гдѣ-то я видѣла его лицо! проговорила она вдругъ уже серіозно, внезапно вспомнивъ опять давешній свой вопросъ.

— А вамъ и не стыдно! Развѣ вы такая, какою теперь представлялись. Да можетъ ли это быть! вскрикнулъ вдругъ князь съ глубокимъ сердечнымъ укоромъ.

Настасья Филипповна удивилась, усмѣхнулась, но какъ будто что-то пряча подъ свою улыбку, нѣсколько смѣшавшись, взглянула на Ганю и пошла изъ гостиной. Но не дойдя еще до прихожей, вдругъ воротилась, быстро подошла къ Нинѣ Александровнѣ, взяла ея руку и поднесла ее къ губамъ своимъ.

— Я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ, прошептала она быстро, горячо, вся вдругъ вспыхнувъ и закраснѣвшись, и повернувшись, вышла на этотъ разъ такъ быстро, что никто и сообразить не успѣлъ, зачѣмъ это она возвращалась. Видѣли только, что она пошептала что-то Нинѣ Александровнѣ и, кажется, руку ея поцѣловала. Но Варя видѣла и слышала все, и съ удивленіемъ проводила ее глазами.

Ганя опомнился и бросился провожать Настасью Филипповну, но она ужь вышла. Онъ догналъ ее на лѣстницѣ.

— Не провожайте! крикнула она ему.—До свиданія, до вечера! Непремѣнно же, слышите!

Онъ воротился смущенный, задумчивый; тяжелая загадка ложилась ему на душу, еще тяжелѣе чѣмъ прежде. Мерещился и князь.... Онъ до того забылся, что едва разглядѣлъ какъ цѣлая Рогожинская толпа валила мимо его и даже

затолкала его въ дверяхъ, наскоро выбираясь изъ квартиры вслѣдъ за Рогожинымъ. Всѣ громко въ голосъ толковали о чемъ-то. Самъ Рогожинъ шелъ съ Птицынымъ и настойчиво твердилъ о чемъ-то важномъ и, повидимому, неотлагательномъ.

— Проигралъ, Ганька! крикнулъ онъ, проходя мимо.

Ганя тревожно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

XI.

Князь ушелъ изъ гостиной и затворился въ своей комнатѣ. Къ нему тотчасъ же прибѣжалъ Коля утѣшать его. Бѣдный мальчикъ, казалось, не могъ уже теперь отъ него отвязаться.

— Это вы хорошо что ушли, сказалъ онъ,—тамъ теперь кутерьма еще пуще чѣмъ давеча пойдетъ, и каждый-то день у насъ такъ, и все чрезъ эту Настасью Филипповну заварилось.

— Тутъ у васъ много разнаго наболѣло и наросло, Коля, замѣтилъ князь.

— Да, наболѣло. Про насъ и говорить нечего. Сами виноваты во всемъ. А вотъ у меня есть одинъ большой другъ, этотъ еще несчастнѣе. Хотите, я васъ познакомлю?

— Очень хочу. Вашъ товарищъ?

— Да, почти какъ товарищъ. Я вамъ потомъ это все разъясню.... А хороша Настасья Филипповна, какъ вы думаете? Я вѣдь ея никогда еще до сихъ поръ не видывалъ, а ужасно старался. Просто ослѣпила. Я бы Ганькѣ все простилъ, еслибъ онъ по любви; да зачѣмъ онъ деньги беретъ, вотъ бѣда!

— Да, мнѣ вашъ братъ не очень нравится.

— Ну, еще бы! Вамъ-то послѣ.... А знаете, я терпѣть не могу этихъ разныхъ мнѣній. Какой-нибудь сумашедшій или дуракъ, или злодѣй въ сумашедшемъ видѣ дастъ пощечину, и вотъ ужь человѣкъ на всю жизнь обезчещенъ, и смыть не можетъ иначе какъ кровью, или чтобъ у него тамъ на колѣнкахъ прощенья просили. По-моему, это нелѣпо и деспотизмъ. На этомъ Лермонтова драма *Маскарадъ* основана, и — глупо, по-моему. То-есть, я хочу сказать, не натурально. Но вѣдь онъ ее почти въ дѣтствѣ писалъ.

— Мнѣ ваша сестра очень понравилась.

— Какъ она въ рожу-то Ганькѣ плюнула. Смѣлая Варька! А вы такъ не плюнули, и я увѣренъ, что не отъ недостатка смѣлости. Да вотъ она и сама, легка на поминѣ. Я зналъ, что она придетъ; она благородная, хоть и есть недостатки.

— А тебѣ тутъ нечего, прежде всего накинулась на него Варя,—ступай къ отцу. Надоѣдаетъ онъ вамъ, князь?

— Совсѣмъ нѣтъ, напротивъ.

— Ну, старшая, пошла! Вотъ это-то въ ней и скверно. А кстати, я вѣдь думалъ, что отецъ навѣрно съ Рогожинымъ уѣдетъ. Кается, должно-быть, теперь. Посмотрѣть, что̀ съ нимъ въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Коля, выходя.

— Слава Богу, увела и уложила маменьку, и ничего не возобновлялось. Ганя сконфуженъ и очень задумчивъ. Да и есть о чемъ. Каковъ урокъ!... Я поблагодарить васъ еще разъ пришла и спросить, князь: вы до сихъ поръ не знавали Настасью Филипповну.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Съ какой же вы стати сказали ей прямо въ глаза, что она „не такая“. И, кажется, угадали. Оказалось, что и дѣйствительно, можетъ-быть, не такая. Впрочемъ, я ея не разберу! Конечно, у ней была цѣль оскорбить, это ясно. Я и прежде о ней тоже много страннаго слышала. Но если она пріѣхала насъ звать, то какъ же она начала обходиться съ мамашей? Птицынъ ее отлично знаетъ, онъ говоритъ, что и угадать ее не могъ давеча. А съ Рогожинымъ? Такъ нельзя разговаривать, если себя уважаешь, въ домѣ своего.... Маменька тоже о васъ очень безпокоится.

— Ничего! сказалъ князь и махнулъ рукой.

— И какъ это она васъ послушалась....

— Чего послушалась?

— Вы ей сказали, что ей стыдно, и она вдругъ вся измѣнилась. Вы на нее вліяніе имѣете, князь, прибавила, чуть-чуть усмѣхнувшись, Варя.

Дверь отворилась, и совершенно неожиданно вошелъ Ганя.

Онъ даже и не поколебался, увидя Варю; одно время постоялъ на порогѣ и вдругъ съ рѣшимостію приблизился къ князю.

— Князь, я сдѣлалъ подло, простите меня, голубчикъ, сказалъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ. Черты лица его

выражали сильную боль. Князь смотрѣлъ съ изумленіемъ и не тотчасъ отвѣтилъ. — Ну, простите, ну простите же! нетерпѣливо настаивалъ Ганя:—ну, хотите, я вашу руку сейчасъ поцѣлую!

Князь былъ пораженъ чрезвычайно и, молча, обѣими руками обнялъ Ганю. Оба искренно поцѣловались.

— Я никакъ, никакъ не думалъ, что вы такой! сказалъ наконецъ князь, съ трудомъ переводя духъ:—я думалъ, что вы.... не способны.

— Повиниться-то?... И съ чего я взялъ давеча, что вы идіотъ! Вы замѣчаете то, чего другіе никогда не замѣтятъ. Съ вами поговорить бы можно, но... лучше не говорить!

— Вотъ предъ кѣмъ еще повинитесь, сказалъ князь, указывая на Варю.

— Нѣтъ, это ужь все враги мои. Будьте увѣрены, князь, много пробъ было; здѣсь искренно не прощаютъ! горячо вырвалось у Гани, и онъ повернулся отъ Вари въ сторону.

— Нѣтъ, прощу! сказала вдругъ Варя.

— И къ Настасьѣ Филипповнѣ вечеромъ поѣдешь?

— Поѣду, если прикажешь, только лучше самъ посуди: есть ли хоть какая-нибудь возможность мнѣ теперь ѣхать?

— Она вѣдь не такая. Она видишь какія загадки загадываетъ! Фокусы!—и Ганя злобно засмѣялся.

— Сама знаю, что не такая, и съ фокусами, да съ какими? И еще, смотри, Ганя, за кого она тебя сама почитаетъ? Пусть она руку мамашѣ поцѣловала. Пусть это какіе-то фокусы, но она все-таки вѣдь смѣялась же надъ тобой! Это не стóитъ семидесяти пяти тысячъ, ей-Богу, братъ! Ты способенъ еще на благородныя чувства, потому и говорю тебѣ. Эй, не ѣзди и самъ! Эй, берегись! Не можетъ это хорошо уладиться!

Сказавъ это, вся взволнованная Варя быстро вышла изъ комнаты.

— Вотъ онѣ все такъ! сказалъ Ганя, усмѣхаясь: — и неужели же онѣ думаютъ, что я этого самъ не знаю? Да вѣдь я гораздо больше ихъ знаю.

Сказавъ это, Ганя усѣлся на диванъ, видимо желая продолжать визитъ.

— Если знаете сами, спросилъ князь довольно робко, — какъ же вы этакую муку выбрали, зная, что она въ самомъ дѣлѣ семидесяти пяти тысячъ не стóитъ?

— Я не про это говорю, пробормоталъ Ганя, — а кстати скажите мнѣ, какъ вы думаете, я именно хочу знать ваше мнѣніе: стóитъ эта „мýка“ семидесяти пяти тысячъ, или не стóитъ?

— По-моему, не стóитъ.

— Ну, ужь извѣстно. И жениться такъ стыдно?

— Очень стыдно.

— Ну, такъ знайте же, что я женюсь, и теперь ужь непремѣнно. Еще давеча колебался, а теперь ужь нѣтъ! Не говорите! Я знаю, что̀ вы хотите сказать....

— Я не о томъ, о чемъ вы думаете, а меня очень удивляетъ ваша чрезвычайная увѣренность....

— Въ чемъ? Какая увѣренность?

— Въ томъ, что Настасья Филипповна непремѣнно пойдетъ за васъ, и что все это уже кончено, а вовторыхъ, еслибы даже и вышла, что семьдесятъ пять тысячъ вамъ такъ и достанутся прямо въ карманъ. Впрочемъ, я, конечно, тутъ многаго не знаю.

Ганя сильно пошевелился въ сторону князя.

— Конечно, вы всего не знаете, сказалъ онъ,—да и съ чего бы я сталъ всю эту обузу принимать?

— Мнѣ кажется, что это сплошь да рядомъ случается: женятся на деньгахъ, а деньги у жены.

— Н-нѣтъ, у насъ такъ не будетъ.... Тутъ.... тутъ есть обстоятельства... пробормоталъ Ганя въ тревожной задумчивости.—А что касается до ея отвѣта, то въ немъ уже нѣтъ сомнѣній, прибавилъ онъ быстро.—Вы изъ чего заключаете, что она мнѣ откажетъ?

— Я ничего не знаю, кромѣ того что̀ видѣлъ; вотъ и Варвара Ардаліоновна говорила сейчасъ....

— Э! Это онѣ такъ, не знаютъ ужь что̀ сказать. А надъ Рогожинымъ она смѣялась, будьте увѣрены, это я разглядѣлъ. Это видно было. Я давеча побоялся, а теперь разглядѣлъ. Или, можетъ-быть, какъ она съ матерью, и съ отцомъ, и съ Варей обошлась?

— И съ вами.

— Пожалуй; но тутъ старинное бабье мщеніе, и больше ничего. Это страшно раздражительная, мнительная и самолюбивая женщина. Точно чиномъ обойденный чиновникъ! Ей хотѣлось показать себя и все свое пренебреженіе къ нимъ.... ну, и ко мнѣ; это правда, я не отрицаю.... А все-таки за меня

выйдетъ. Вы и не подозрѣваете на какіе фокусы человѣческое самолюбіе способно: вотъ она считаетъ меня подлецомъ, за то, что я ее, чужую любовницу, такъ откровенно за ея деньги беру, а и не знаетъ, что иной бы ее еще подлѣе надулъ: присталъ бы къ ней и началъ бы ей либерально-прогрессивныя вещи разсыпать, да изъ женскихъ разныхъ вопросовъ вытаскивать, такъ она бы вся у него въ игольное ушко какъ нитка прошла. Увѣрилъ бы самолюбивую дуру (и такъ легко!), что ее за „благородство сердца и за несчастья“ только беретъ, а самъ все-таки на деньгахъ бы женился. Я не нравлюсь тутъ, потому что вилять не хочу; а надо бы. А что̀ сама дѣлаетъ? Не то же ли самое? Такъ за что̀ же послѣ этого меня презираетъ, да игры эти затѣваетъ? Оттого что я самъ не сдаюсь, да гордость показываю. Ну, да увидимъ!

— Неужели вы ее любили до этого?

— Любилъ вначалѣ. Ну, да довольно.... Есть женщины, которыя годятся только въ любовницы и больше ни во что̀. Я не говорю, что она была моею любовницей. Если захочетъ жить смирно, и я буду жить смирно; если же взбунтуется, тотчасъ же брошу, а деньги съ собой захвачу. Я смѣшнымъ быть не хочу; прежде всего не хочу быть смѣшнымъ.

— Мнѣ все кажется, осторожно замѣтилъ князь,—что Настасья Филипповна умна. Къ чему ей, предчувствуя такую му́ку, въ западню идти? Вѣдь могла бы и за другаго выйдти. Вотъ что̀ мнѣ удивительно.

— А вотъ тутъ-то и разчетъ! Вы тутъ не все знаете, князь.... тутъ.... и кромѣ того, она убѣждена, что я ее люблю до сумашествія, клянусь вамъ, и, знаете ли, я крѣпко подозрѣваю, что и она меня любитъ, по-своему, то-есть, знаете поговорку: „Кого люблю, того и бью“. Она всю жизнь будетъ меня за валета бубноваго считать (да это-то ей, можетъ-быть, и надо) и все-таки любить по-своему; она къ тому приготовляется, такой ужь характеръ. Она чрезвычайно русская женщина, я вамъ скажу; ну, а я ей свой готовлю сюрпризъ. Эта давешняя сцена съ Варей случилась нечаянно, но мнѣ въ выгоду: она теперь видѣла и убѣдилась въ моей приверженности и что̀ я всѣ связи для нея разорву. Значитъ, и мы не дураки, будьте увѣрены. Кстати, ужь вы не думаете ли, что я такой болтунъ? Я, голубчикъ князь, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ дурно дѣлаю, что

вамъ довѣряюсь. Но именно потому что вы первый изъ благородныхъ людей мнѣ попались, я на васъ и накинулся, то-есть, „накинулся“ не примите за каламбуръ. Вы за давешнее вѣдь не сердитесь, а? Я первый разъ, можетъ-быть, въ цѣлые два года по-сердцу говорю. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей; честнѣе Птицына нѣтъ. Что, вы, кажется, смѣетесь, али нѣтъ? Подлецы любятъ честныхъ людей,—вы этого не знали? А я вѣдь.... А впрочемъ, чѣмъ я подлецъ, скажите мнѣ по совѣсти? Что они меня всѣ вслѣдъ за нею подлецомъ называютъ? И знаете, вслѣдъ за ними и за нею я и самъ себя подлецомъ называю! Вотъ что подло, такъ подло!

— Я васъ подлецомъ теперь уже никогда не буду считать, сказалъ князь.—Давеча я васъ уже совсѣмъ за злодѣя почиталъ, и вдругъ вы меня такъ обрадовали,—вотъ и урокъ: не судить, не имѣя опыта. Теперь я вижу, что васъ не только за злодѣя, но и за слишкомъ испорченнаго человѣка считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человѣкъ, какой только можетъ быть, развѣ только что слабый очень и нисколько не оригинальный.

Ганя язвительно про себя усмѣхнулся, но смолчалъ. Князь увидалъ, что отзывъ его не понравился, сконфузился и тоже замолчалъ.

— Просилъ у васъ отецъ денегъ? спросилъ вдругъ Ганя.

— Нѣтъ.

— Будетъ, не давайте. А вѣдь былъ даже приличный человѣкъ, я помню. Его къ хорошимъ людямъ пускали. И какъ они скоро всѣ кончаются, всѣ эти старые приличные люди! Чуть только измѣнились обстоятельства, и нѣтъ ничего прежняго, точно порохъ сгорѣлъ. Онъ прежде такъ не лгалъ, увѣряю васъ; прежде онъ былъ только слишкомъ восторженный человѣкъ, и—вотъ во что это разрѣшилось! Конечно, вино виновато. Знаете ли, что онъ любовницу содержитъ? Онъ уже не просто невинный лгунишка теперь сталъ. Понять не могу долготерпѣнія матушки. Разказывалъ онъ вамъ про осаду Карса? Или про то, какъ у него сѣрая пристяжная заговорила? Онъ вѣдь до этого даже доходитъ.

И Ганя вдругъ такъ и покатился со смѣху.

— Что вы на меня такъ смотрите? спросилъ онъ вдругъ князя.

— Да я удивляюсь, что вы такъ искренно засмѣялись. У васъ право еще дѣтскій смѣхъ есть. Давеча вы вошли

мириться и говорите: „Хотите, я вамъ руку поцѣлую“,—это точно какъ дѣти бы мирились. Стало-быть, еще способны же вы къ такимъ словамъ и движеніямъ. И вдругъ вы начинаете читать цѣлую лекцію объ этакомъ мракѣ и объ этихъ семидесяти-пяти тысячахъ. Право, все это какъ-то нелѣпо и не можетъ быть.

— Что же вы заключить хотите изъ этого?

— То, что вы не легкомысленно ли поступаете слишкомъ, не осмотрѣться ли вамъ прежде? Варвара Ардаліонова, можетъ-быть, и правду говоритъ.

— А, нравственность! Что я еще мальчишка, это я и самъ знаю, горячо перебилъ Ганя,—и ужь хоть тѣмъ однимъ, что съ вами такой разговоръ завелъ. Я, князь, не по разчету въ этотъ мракъ иду, продолжалъ онъ, проговариваясь, какъ уязвленный въ своемъ самодуріи, молодой человѣкъ,—по разчету я бы ошибся навѣрно, потому и головой, и характеромъ еще не крѣпокъ. Я по страсти, по влеченію иду, потому что у меня цѣль капитальная есть. Вы вотъ думаете, что я семьдесятъ-пять тысячъ получу и сейчасъ же карету куплю. Нѣтъ-съ, я тогда третьегодній старый сюртукъ донашивать стану и всѣ мои клубныя знакомства брошу. У насъ мало выдерживающихъ людей, хоть и все ростовщики, а я хочу выдержать. Тутъ, главное, довести до конца — вся задача! Птицынъ семнадцати лѣтъ на улицѣ спалъ, перочинными ножичками торговалъ и съ копѣйки началъ; теперь у него шестьдесятъ тысячъ, да только послѣ какой гимнастики! Вотъ эту-то я всю гимнастику и перескачу, и прямо съ капитала начну; чрезъ пятнадцать лѣтъ скажутъ: „вотъ Иволгинъ, король Іудейскій“. Вы мнѣ говорите, что я человѣкъ не оригинальный. Замѣтьте себѣ, милый князь, что нѣтъ ничего обиднѣе человѣку нашего времени и племени, какъ сказать ему, что онъ не оригиналенъ, слабъ характеромъ, безъ особенныхъ талантовъ и человѣкъ обыкновенный. Вы меня даже хорошимъ подлецомъ не удостоили счесть и, знаете, я васъ давеча съѣсть за это хотѣлъ! Вы меня пуще Епанчина оскорбили, который меня считаетъ (и безъ разговоровъ, безъ соблазновъ, въ простотѣ души, замѣтьте это) способнымъ ему жену продать! Это, батюшка, меня давно уже бѣситъ, и я денегъ хочу. Наживъ деньги, знайте,—я буду человѣкъ въ высшей степени оригинальный. Деньги тѣмъ всего подлѣе и ненавистнѣе, что онѣ даже

таланты даютъ. И будутъ давать до скончанія міра. Вы скажете, это все по-дѣтски или, пожалуй, поэзія,—что жь, тѣмъ мнѣ же веселѣе будетъ, а дѣло все-таки сдѣлается. Доведу и выдержу. Kira bien qui rira le dernier! Меня Епанчинъ почему такъ обижаетъ? По злобѣ что ль? Никогда-съ. Просто потому, что я слишкомъ ничтоженъ. Ну-съ, а тогда.... А однакоже довольно, и пора. Коля уже два раза носъ выставлялъ: это онъ васъ обѣдать зоветъ. А я со двора. Я къ вамъ иногда забреду. Вамъ у насъ не дурно будетъ; теперь васъ въ родню прямо примутъ. Смотрите же, не выдавайте. Мнѣ кажется, что мы съ вами или друзьями, или врагами будемъ. А какъ вы думаете, князь, еслибъ я давеча вамъ руку поцѣловалъ (какъ искренно вызывался), сталъ бы я вамъ врагомъ за это въ послѣдствіи?

— Непремѣнно стали бы, только не навсегда, потомъ не выдержали бы и простили, рѣшилъ князь, подумавъ и засмѣявшись.

— Эге! Да съ вами надо осторожнѣе. Чортъ знаетъ, вы и тутъ яду влили. А кто знаетъ, можетъ-быть, вы мнѣ и врагъ? Кстати, ха-ха-ха! И забылъ спросить: правда ли мнѣ показалось, что вамъ Настасья Филипповна что-то слишкомъ нравится, а?

— Да... нравится.

— Влюблены?

— Н-нѣтъ.

— А весь покраснѣлъ и страдаетъ. Ну, да ничего, ничего, не буду смѣяться; до свиданья. А знаете, вѣдь она женщина добродѣтельная,—можете вы этому вѣрить? Вы думаете, она живетъ съ тѣмъ, съ Тоцкимъ? Ни-ни! И давно уже. А замѣтили вы, что она сама ужасно не ловка и давеча въ иныя секунды конфузилась? Право. Вотъ этакія-то и любятъ властвовать. Ну, прощайте!

Ганечка вышелъ гораздо развязнѣе чѣмъ вошелъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Князь минутъ съ десять оставался неподвиженъ и думалъ.

Коля опять просунулъ въ дверь голову.

— Я не хочу обѣдать, Коля; я давеча у Епанчиныхъ хорошо позавтракалъ.

Коля прошелъ въ дверь совсѣмъ и подалъ князю записку. Она была отъ генерала, сложена и запечатана. По лицу

Коли видно было, какъ было ему тяжело передавать. Князь прочелъ, всталъ и взялъ шляпу.

— Это два шага, законфузился Коля.—Онъ теперь тамъ сидитъ за бутылкой. И чѣмъ онъ тамъ себѣ кредитъ пріобрѣлъ, понять не могу? Князь, голубчикъ, пожалуста, не говорите потомъ про меня здѣсь нашимъ, что я вамъ записку передалъ! Тысячу разъ клялся этихъ записокъ не передавать, да жалко; да вотъ что̀, пожалуста, съ нимъ не церемоньтесь: дайте какую-нибудь мелочь, и дѣло съ концомъ.

— У меня, Коля, у самого мысль была; мнѣ вашего папашу видѣть надо.... по одному случаю... Пойдемте же...

XII.

Коля провелъ князя недалеко, до Литейной, въ одну кафе-билліардную, въ нижнемъ этажѣ, входъ съ улицы. Тутъ направо, въ углу, въ отдѣльной комнаткѣ, какъ старинный обычный посѣтитель, расположился Ардаліонъ Александровичъ, съ бутылкой предъ собой на столикѣ и въ самомъ дѣлѣ съ *Indépendance Belge* въ рукахъ. Онъ ожидалъ князя; едва завидѣлъ, тотчасъ же отложилъ газету и началъ-было горячее и многословное объясненіе, въ которомъ, впрочемъ, князь почти ничего не понялъ, потому что генералъ былъ ужь почти-что готовъ.

— Десяти рублей у меня нѣтъ, перебилъ князь,—а вотъ двадцать пять, размѣняйте и сдайте мнѣ пятнадцать, потому что я остаюсь самъ безъ гроша.

— О, безъ сомнѣнія; и будьте увѣрены, что это тотъ же часъ....

— Я, кромѣ того, къ вамъ съ одною просьбой, генералъ. Вы никогда не бывали у Настасьи Филипповны?

— Я? Я не бывалъ? Вы это мнѣ говорите? Нѣсколько разъ, милый мой, нѣсколько разъ! вскричалъ генералъ въ припадкѣ самодовольной и торжествующей ироніи:—но я наконецъ прекратилъ самъ, потому что не хочу поощрять неприличный союзъ. Вы видѣли сами, вы были свидѣтелемъ въ это утро: я сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать отецъ,—но отецъ кроткій и снисходительный; теперь же на сцену выйдетъ отецъ иного сорта и тогда—увидимъ, посмотримъ: заслуженный ли старый воинъ одолѣетъ интригу, или безстыдная камелія войдетъ въ благороднѣйшее семейство.

— А я васъ именно хотѣлъ попросить, не можете ли вы, какъ знакомый, ввести меня сегодня вечеромъ къ Настасьѣ Филипповнѣ? Мнѣ это надо непремѣнно сегодня же; у меня дѣло; но я совсѣмъ не знаю какъ войдти. Я былъ давеча представленъ, но все-таки не приглашенъ: сегодня тамъ званый вечеръ. Я, впрочемъ, готовъ перескочить черезъ нѣкоторыя приличія, и пусть даже смѣются надо мной, только бы войдти какъ-нибудь.

— И вы совершенно, совершенно попали на мою идею, молодой другъ мой, воскликнулъ генералъ восторженно,—я васъ не за этою мелочью звалъ! продолжалъ онъ, подхватывая впрочемъ деньги и отправляя ихъ въ карманъ:—я именно звалъ васъ, чтобы пригласить въ товарищи на походъ къ Настасьѣ Филипповнѣ или, лучше сказать, на походъ на Настасью Филипповну! Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Каково-то это ей покажется! Я же, подъ видомъ любезности въ день рожденія, изреку наконецъ свою волю,—косвенно, не прямо, но будетъ все какъ бы и прямо. Тогда Ганя самъ увидитъ какъ ему быть: отецъ ли, заслуженный и.... такъ сказать.... и прочее, или.... Но что̀ будетъ, то будетъ! Ваша идея въ высшей степени плодотворна. Въ девять часовъ мы отправимся, у насъ есть еще время.

— Гдѣ она живетъ?

— Отсюда далеко: у Большаго Театра, домъ Мытовцовой, почти тутъ же на площади, въ бельэтажѣ.... У ней большаго собранія не будетъ, даромъ что именинница, и разойдутся рано....

Былъ уже давно вечеръ; князь все еще сидѣлъ, слушалъ и ждалъ генерала, начинавшаго безчисленное множество анекдотовъ и ни одного изъ нихъ не доканчивавшаго. По приходѣ князя онъ спросилъ новую бутылку, и только чрезъ часъ ее докончилъ, затѣмъ спросилъ другую, докончилъ и ту. Надо полагать, что генералъ успѣлъ разказать при этомъ чуть не всю свою исторію. Наконецъ князь всталъ и сказалъ, что ждать больше не можетъ. Генералъ допилъ изъ бутылки послѣднія подонки, всталъ и пошелъ изъ комнаты, ступая очень нетвердо. Князь былъ въ отчаяніи. Онъ понять не могъ, какъ могъ онъ такъ глупо довѣриться. Въ сущности, онъ и не довѣрялся никогда; онъ разчитывалъ на генерала, чтобы только какъ-нибудь войдти къ Настасьѣ Филипповнѣ, хотя бы даже съ нѣкоторымъ скандаломъ, но

не разчитывалъ же на чрезвычайный скандалъ: генералъ оказался рѣшительно пьянъ, въ сильнѣйшемъ краснорѣчіи, и говорилъ безъ умолку, съ чувствомъ, со слезой въ душѣ. Дѣло шло безпрерывно о томъ, что чрезъ дурное поведеніе всѣхъ членовъ его семейства все рушилось, и что этому пора наконецъ положить предѣлъ. Они вышли наконецъ на Литейную. Все еще продолжалась оттепель; унылый, теплый, гнилой вѣтеръ свисталъ по улицамъ, экипажи шлепали въ грязи, рысаки и клячи звонко доставали мостовую подковами. Пѣшеходы унылою и мокрою толпой скитались по тротуарамъ. Попадались пьяные.

— Видите ли вы эти освѣщенные бельэтажи, говорилъ генералъ, — здѣсь все живутъ мои товарищи, а я, я изъ нихъ наиболѣе отслуживший и наиболѣе пострадавшій, я бреду пѣшкомъ къ Большому Театру въ квартиру подозрительной женщины! Человѣкъ, у котораго въ груди тринадцать пуль.... вы не вѣрите? А между тѣмъ единственно для меня Пироговъ въ Парижъ телеграфировалъ и осажденный Севастополь на время бросилъ, а Нелатонъ, парижскій гофъ-медикъ свободный пропускъ во имя науки выхлопоталъ и въ осажденный Севастополь являлся меня осматривать. Объ этомъ самому высшему начальству извѣстно: „А, это тотъ Иволгинъ, у котораго тринадцать пуль!...“ Вотъ какъ говорятъ-съ! Видите ли вы, князь, этотъ домъ? Здѣсь въ бельэтажѣ живетъ старый товарищъ, генералъ Соколовичъ, съ благороднѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ семействомъ. Вотъ этотъ домъ, да еще три дома на Невскомъ и два въ Морской — вотъ весь теперешній кругъ моего знакомства, то-есть, собственно моего личнаго знакомства. Нина Александровна давно уже покорилась обстоятельствамъ. Я же еще продолжаю вспоминать.... и, такъ-сказать, отдыхать въ образованномъ кругу общества прежнихъ товарищей и подчиненныхъ моихъ, которые до сихъ поръ меня обожаютъ. Этотъ генералъ Соколовичъ (а давненько, впрочемъ, я у него не бывалъ и не видалъ Анну Ѳедоровну).... знаете, милый князь, когда самъ не принимаешь, такъ какъ-то невольно прекращаешь и къ другимъ. А между тѣмъ.... гм.... вы, кажется, не вѣрите.... Впрочемъ, почему же не ввести мнѣ сына моего лучшаго друга и товарища дѣтства въ этотъ очаровательный семейный домъ? Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ!

Вы увидите изумительную дѣвушку, да не одну, двухъ, даже трехъ, украшеніе столицы и общества: красота, образованность, направленіе.... женскій вопросъ, стихи, все это совокупилось въ счастливую разнообразную смѣсь, не считая по крайней мѣрѣ восьмидесяти тысячъ рублей приданаго, чистыхъ денегъ, за каждою, что̀ никогда не мѣшаетъ, ни при какихъ женскихъ и соціальныхъ вопросахъ.... однимъ словомъ, я непремѣнно, непремѣнно долженъ и обязанъ ввести васъ. Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Однимъ словомъ.... эффектъ!

— Сейчасъ? Теперь? Но вы забыли, началъ было князь.

— Ничего, ничего я не забылъ, идемъ! Сюда, на эту великолѣпную лѣстницу. Удивляюсь какъ нѣтъ швейцара, но.... праздникъ, и швейцаръ отлучился. Еще не прогнали этого пьяницу. Этотъ Соколовичъ всѣмъ счастьемъ своей жизни и службы обязанъ мнѣ, одному мнѣ и никому иначе, но... вотъ мы и здѣсь.

Князь уже не возражалъ противъ визита и слѣдовалъ послушно за генераломъ, чтобы не раздражить его, въ твердой надеждѣ, что генералъ Соколовичъ и все семейство его мало-по-малу испарятся какъ миражъ и окажутся несуществующими, такъ что они преспокойно спустятся обратно съ лѣстницы. Но къ своему ужасу, онъ сталъ терять эту надежду: генералъ взводилъ его по лѣстницѣ, какъ человѣкъ дѣйствительно имѣющій здѣсь знакомыхъ, и поминутно вставлялъ біографическія и топографическія подробности, исполненныя математической точности. Наконецъ, когда, уже взойдя въ бельэтажъ, остановились направо противъ двери одной богатой квартиры, и генералъ взялся за ручку колокольчика, князь рѣшился окончательно убѣжать; но одно странное обстоятельство остановило его на минуту:

— Вы ошиблись, генералъ, сказалъ онъ,—на дверяхъ написано Кулаковъ, а вы звоните къ Соколовичу.

— Кулаковъ.... Кулаковъ ничего не доказываетъ. Квартира Соколовича, и я звоню къ Соколовичу; наплевать на Кулакова.... Да вотъ и отворяютъ.

Дверь дѣйствительно отворилась. Выглянулъ лакей и возвѣстилъ, что „господъ дома нѣтъ-съ“.

— Какъ жаль, какъ жаль, и какъ нарочно! съ глубочайшимъ сожалѣніемъ повторилъ нѣсколько разъ Ардаліонъ Александровичъ. — Доложите же, мой милый, что генералъ

Иволгинъ и князь Мышкинъ желали засвидѣтельствовать собственное свое уваженіе и чрезвычайно, чрезвычайно сожалѣли....

Въ эту минуту въ отворенныя двери выглянуло изъ комнатъ еще одно лицо, повидимому, домашней экономки, можетъ-быть, даже гувернантки, дамы лѣтъ сорока, одѣтой въ темное платье. Она приблизилась съ любопытствомъ и недовѣрчивостью, услышавъ имена генерала Иволгина и князя Мышкина.

— Марьи Александровны нѣтъ дома, проговорила она, особенно вглядываясь въ генерала,—уѣхали съ барышней, съ Александрой Михайловной, къ бабушкѣ.

— И Александра Михайловна съ ними, о Боже, какое несчастье! И вообразите, сударыня, всегда-то мнѣ такое несчастье! Покорнѣйше прошу васъ передать мой поклонъ, а Александрѣ Михайловнѣ, чтобы припомнили.... однимъ словомъ, передайте имъ мое сердечное пожеланіе того, чего онѣ сами себѣ желали въ четвергъ, вечеромъ, при звукахъ баллады Шопена; онѣ помнятъ.... Мое сердечное пожеланіе! Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ!

— Не забуду-съ, откланивалась дама, ставшая довѣрчивѣе.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, генералъ, еще съ неостывшимъ жаромъ, продолжалъ сожалѣть, что они не застали, и что князь лишился такого очаровательнаго знакомства.

— Знаете, мой милый, я нѣсколько поэтъ въ душѣ, замѣтили вы это? А впрочемъ.... впрочемъ, кажется, мы не совсѣмъ туда заходили, заключилъ онъ вдругъ совершенно неожиданно:—Соколовичи, я теперь вспомнилъ, въ другомъ домѣ живутъ и даже, кажется, теперь въ Москвѣ. Да, я нѣсколько ошибся, но это.... ничего.

— Я только объ одномъ хотѣлъ бы знать, уныло замѣтилъ князь, — совершенно ли долженъ я перестать на васъ разчитывать и ужь не отправиться ли мнѣ одному?

— Перестать? Разчитывать? Одному? Но съ какой же стати, когда для меня это составляетъ капитальнѣйшее предпріятіе, отъ котораго такъ много зависитъ въ судьбѣ всего моего семейства? Но, молодой другъ мой, вы плохо знаете Иволгина. Кто говоритъ „Иволгинъ“, тотъ говоритъ „стѣна“: надѣйся на Иволгина какъ на стѣну, вотъ какъ говорили еще въ эскадронѣ, съ котораго началъ я службу. Мнѣ вотъ только по дорогѣ на минутку зайдти въ одинъ

домъ, гдѣ отдыхаетъ душа моя, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, послѣ тревогъ и испытаній....

— Вы хотите зайдти домой?

— Нѣтъ! Я хочу.... къ капитаншѣ Терентьевой, вдовѣ капитана Терентьева, бывшаго моего подчиненнаго.... и даже друга.... Здѣсь, у капитанши, я возраждаюсь духомъ, и сюда несу мои житейскія и семейныя горести.... И такъ какъ сегодня я именно съ большимъ нравственнымъ грузомъ, то я....

— Мнѣ кажется, я и безъ того сдѣлалъ ужасную глупость, пробормоталъ князь,—что давеча васъ потревожилъ. Къ тому же вы теперь.... Прощайте!

— Но я не могу, не могу же отпустить васъ отъ себя, молодой другъ мой! вскинулся генералъ: — вдова, мать семейства, и извлекаетъ изъ своего сердца тѣ струны, которыя отзываются во всемъ моемъ существѣ. Визитъ къ ней,— это пять минутъ, въ этомъ домѣ я безъ церемоніи, я тутъ почти-что живу, умоюсь, сдѣлаю самый необходимый туалетъ, и тогда на извощикѣ мы пустимся къ Большому Театру. Будьте увѣрены, что я нуждаюсь въ васъ на весь вечеръ.... Вотъ въ этомъ домѣ, мы уже и пришли.... А, Коля, ты уже здѣсь? Что, Марѳа Борисовна дома, или ты самъ только-что пришелъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Коля, какъ разъ столкнувшійся вмѣстѣ съ ними въ воротахъ дома,—я здѣсь давнымъ-давно, съ Ипполитомъ, ему хуже, сегодня утромъ лежалъ. Я теперь за картами въ лавочку спускался. Марѳа Борисовна васъ ждетъ. Только, папаша, ухъ какъ вы!... заключилъ Коля, пристально вглядываясь въ походку и въ стойку генерала.—Ну ужь, пойдемте!

Встрѣча съ Колей побудила князя сопровождать генерала и къ Марѳѣ Борисовнѣ, но только на одну минутку. Князю нуженъ былъ Коля; генерала же онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ бросить и простить себѣ не могъ, что вздумалъ давеча на него понадѣяться. Взбирались долго, въ четвертый этажъ, и по черной лѣстницѣ.

— Князя познакомить хотите? спросилъ Коля дорогой.

— Да, другъ мой, познакомить: генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ, но что.... какъ.... Марѳа Борисовна....

— Знаете, папаша, лучше бы вамъ не ходить! Съѣстъ! Третій день носа не кажете, а она денегъ ждетъ. Вы зачѣмъ

ей денегъ-то обѣщали? Вѣчно-то вы такъ! Теперь и раздѣлывайтесь.

Въ четвертомъ этажѣ остановились предъ низенькою дверью. Генералъ видимо робѣлъ и совалъ впередъ князя.

— А я останусь здѣсь, бормоталъ онъ,—я хочу сдѣлать сюрпризъ....

Коля вошелъ первый. Какая-то дама, сильно набѣленная и нарумяненная, въ туфляхъ, въ кацавейкѣ и съ волосами заплетенными въ косички, лѣтъ сорока, выглянула изъ дверей, и сюрпризъ генерала неожиданно лопнулъ. Только-что дама увидала его, какъ немедленно закричала:

— Вотъ онъ, низкій и эхидный человѣкъ, такъ и ждало мое сердце!

— Войдемте, это такъ, бормоталъ генералъ князю, все еще невинно отсмѣиваясь.

Но это не было такъ. Едва только вошли они чрезъ темную и низенькую переднюю въ узенькую залу, обставленную полдюжиной плетеныхъ стульевъ и двумя ломберными столиками, какъ хозяйка немедленно стала продолжать какимъ-то заученно-плачевнымъ и обычнымъ голосомъ:

— И не стыдно, не стыдно тебѣ, варваръ и тиранъ моего семейства, варваръ и изувѣръ! Ограбилъ меня всю, соки высосалъ и тѣмъ еще недоволенъ! Доколѣ переносить я тебя буду, безстыдный и безчестный ты человѣкъ!

— Марѳа Борисовна, Марѳа Борисовна! Это.... князь Мышкинъ. Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ, бормоталъ трепетавшій и потерявшійся генералъ.

— Вѣрите ли вы, вдругъ обратилась капитанша къ князю,— вѣрите ли вы, что этотъ безстыдный человѣкъ не пощадилъ моихъ сиротскихъ дѣтей! Все ограбилъ, все перетаскалъ, все продалъ и заложилъ, ничего не оставилъ. Что̀ я съ твоими заемными письмами дѣлать буду, хитрый и безсовѣстный ты человѣкъ? Отвѣчай, хитрецъ, отвѣчай мнѣ, ненасытное сердце: чѣмъ, чѣмъ я накормлю моихъ сиротскихъ дѣтей? Вотъ появляется пьяный и на ногахъ не стоитъ.... Чѣмъ прогнѣвала я Господа Бога, гнусный и безобразный хитрецъ, отвѣчай?

Но генералу было не до того.

— Марѳа Борисовна, двадцать пять рублей.... все что̀ могу помощію благороднѣйшаго друга. Князь! Я жестоко ошибся! Такова.... жизнь.... А теперь.... извините, я слабъ,

продолжалъ генералъ, стоя посреди комнаты и раскланиваясь во всѣ стороны;—я слабъ, извините! Леночка! подушку.... милая!

Леночка, восьмилѣтняя дѣвочка, немедленно сбѣгала за подушкой и принесла ее на клеенчатый, жесткій и ободранный диванъ. Генералъ сѣлъ на него, съ намѣреніемъ еще много сказать, но только что дотронулся до дивана, какъ тотчасъ же склонился на бокъ, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ сномъ праведника. Марѳа Борисовна церемонно и горестно показала князю стулъ у ломбернаго стола, сама сѣла напротивъ, подперла рукой правую щеку и начала молча вздыхать, смотря на князя. Трое маленькихъ дѣтей, двѣ дѣвочки и мальчикъ, изъ которыхъ Леночка была старшая, подошли къ столу, всѣ трое положили на столъ руки, и всѣ трое тоже пристально стали разсматривать князя. Изъ другой комнаты показался Коля.

— Я очень радъ, что васъ здѣсь встрѣтилъ, Коля, обратился къ нему князь, — не можете ли вы мнѣ помочь? Мнѣ непремѣнно нужно быть у Настасьи Филипповны. Я просилъ давеча Ардаліона Александровича, но онъ вотъ заснулъ. Проводите меня, потому я не знаю ни улицъ, ни дороги. Адресъ, впрочемъ, имѣю: у Большаго Театра, домъ Мытовцовой.

— Настасья-то Филипповна? Да она никогда и не живала у Большаго Театра, а отецъ никогда и не бывалъ у Настасьи Филипповны, если хотите знать; странно, что вы отъ него чего-нибудь ожидали. Она живетъ близъ Владимірской, у Пяти Угловъ, это гораздо ближе отсюда. Вамъ сейчасъ? Теперь половина десятаго. Извольте, я васъ доведу.

Князь и Коля тотчасъ же вышли. Увы! Князю не на что было взять и извощика, надо было идти пѣшкомъ.

— Я было хотѣлъ васъ познакомить съ Ипполитомъ, сказалъ Коля, — онъ старшій сынъ этой куцавеешной капитанши и былъ въ другой комнатѣ; нездоровъ и цѣлый день сегодня лежалъ. Но онъ такой странный; онъ ужасно обидчивый, и мнѣ показалось, что ему будетъ васъ совѣстно, такъ какъ вы пришли въ такую минуту.... Мнѣ все-таки не такъ совѣстно какъ ему, потому что у меня отецъ, а у него мать, тутъ все-таки разница, потому что мужскому полу въ такомъ случаѣ нѣтъ безчестія. А впрочемъ, это, можетъ-быть, предразсудокъ насчетъ предоминированія въ этомъ

случаѣ половъ. Ипполитъ великолѣпный малый, но онъ рабъ иныхъ предразсудковъ.

— Вы говорите, у него чахотка?

— Да, кажется, лучше бы скорѣе умеръ. Я бы на его мѣстѣ непремѣнно желалъ умереть. Ему братьевъ и сестеръ жалко, вотъ этихъ маленькихъ-то. Еслибы возможно было, еслибы только деньги, мы бы съ нимъ наняли отдѣльную квартиру и отказались бы отъ нашихъ семействъ. Это наша мечта А знаете что̀, когда я давеча разказалъ ему про вашъ случай, такъ онъ даже разозлился, говоритъ, что тотъ, кто пропуститъ пощечину и не вызоветъ на дуэль, тотъ подлецъ. Впрочемъ, онъ ужасно раздраженъ, я съ нимъ и спорить уже пересталъ. Такъ вотъ какъ, васъ, стало-быть, Настасья Филипповна тотчасъ же и пригласила къ себѣ?

— То-то и есть что нѣтъ.

— Какъ же вы идете? воскликнулъ Коля и даже остановился среди тротуара; — и.... и въ такомъ платьѣ, а тамъ званый вечеръ?

— У жь ей-Богу не знаю, какъ я войду. Примутъ—хорошо, нѣтъ—значитъ дѣло манкировано. А насчетъ платья что̀ жь тутъ дѣлать?

— А у васъ дѣло? Или вы такъ только pour passer le temps въ „благородномъ обществѣ“?

— Нѣтъ, я собственно.... то-есть, я по дѣлу.... мнѣ трудно это выразить, но....

— Ну, по какому именно, это пусть будетъ какъ вамъ угодно, а мнѣ главное то, что вы тамъ не просто напрашиваетесь на вечеръ, въ очаровательное общество камелій, генераловъ и ростовщиковъ. Еслибы такъ было, извините, князь, я бы надъ вами посмѣялся и сталъ бы васъ презирать. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей, такъ, даже некого совсѣмъ уважать. По неволѣ свысока смотришь, а они всѣ требуютъ уваженія; Варя первая. И замѣтили вы, князь, въ нашъ вѣкъ всѣ авантюристы! И именно у насъ, въ Россіи, въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И какъ это такъ все устроилось—не понимаю. Кажется, ужь какъ крѣпко стояло, а что̀ теперь? Это всѣ говорятъ и вездѣ пишутъ. Обличаютъ. У насъ всѣ обличаютъ. Родители первые на попятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вонъ, въ Москвѣ, родитель уговаривалъ сына ни *передъ чѣмъ* не отступать для добыванія денегъ; печатно извѣстно. Посмотрите на моего генерала.

Ну что̀ изъ него вышло? А впрочемъ, знаете что̀, мнѣ кажется, что мой генералъ честный человѣкъ; ей-Богу, такъ! Это только все безпорядокъ, да вино. Ей-Богу, такъ! Даже жалко; я только боюсь говорить, потому что всѣ смѣются; а ей-Богу, жалко. И что̀ въ нихъ, въ умныхъ-то? Всѣ ростовщики, всѣ сплошь до единаго! Ипполитъ ростовщичество оправдываетъ, говоритъ, что такъ и нужно, экономическое потрясеніе, какіе-то приливы и отливы, чортъ ихъ дери. Мнѣ ужасно это досадно отъ него, но онъ озлобленъ. Вообразите, его мать, капитанша-то, деньги отъ генерала получаетъ, да ему же на скорые проценты и выдаетъ; ужасно стыдно! А знаете, что мамаша, моя, то-есть, мамаша, Нина Александровна, генеральша, Ипполиту деньгами, платьемъ, бѣльемъ и всѣмъ помогаетъ, и даже дѣтямъ отчасти, чрезъ Ипполита, потому что они у ней заброшены. И Варя тоже.

— Вотъ видите, вы говорите, людей нѣтъ честныхъ и сильныхъ, и что всѣ только ростовщики; вотъ и явились сильные люди, ваша мать и Варя. Развѣ помогать здѣсь и при такихъ обстоятельствахъ не признакъ нравственной силы?

— Варька изъ самолюбія дѣлаетъ, изъ хвастовства, чтобъ отъ матери не отстать; ну, а мамаша дѣйствительно... я уважаю. Да, я это уважаю и оправдываю. Даже Ипполитъ чувствуетъ, а онъ почти совсѣмъ ожесточился. Сначала было смѣялся и называлъ это со стороны мамаши низостью; но теперь начинаетъ иногда чувствовать. Гм! Такъ вы это называете силой? Я это замѣчу. Ганя не знаетъ, а то бы назвалъ потворствомъ.

— А Ганя не знаетъ? Ганя многаго еще, кажется, не знаетъ, вырвалось у задумавшагося князя.

— А знаете, князь, вы мнѣ очень нравитесь. Давешній вашъ случай у меня изъ ума нейдетъ.

— Да и вы мнѣ очень нравитесь, Коля.

— Послушайте, какъ вы намѣрены жить здѣсь? Я скоро достану себѣ занятій и буду кое-что добывать, давайте жить, я, вы и Ипполитъ, всѣ трое вмѣстѣ, наймемте квартиру; а генерала будемъ принимать къ себѣ.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ. Но мы, впрочемъ, увидимъ. Я теперь очень.... очень разстроенъ. Что̀? Ужь пришли? Въ этомъ домѣ... какой великолѣпный подъѣздъ! И швейцаръ. Ну, Коля, не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ.

Князь стоялъ какъ потерянный.

— Завтра разкажете! Не робѣйте очень-то. Дай вамъ Богъ успѣха, потому что я самъ вашихъ убѣжденій во всемъ! Прощайте. Я обратно туда же и разкажу Ипполиту. А что васъ примутъ, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, не опасайтесь! Она ужасно оригинальная. По этой лѣстницѣ въ первомъ этажѣ, швейцаръ укажетъ!

XIII.

Князь очень безпокоился всходя и старался всѣми силами ободрить себя: „Самое большое, думалъ онъ,—будетъ то, что не примутъ и что-нибудь нехорошее обо мнѣ подумаютъ, или, пожалуй, и примутъ, да станутъ смѣяться въ глаза... Э, ничего!“ И дѣйствительно, это еще не очень пугало; но вопросъ: „что же онъ тамъ сдѣлаетъ и зачѣмъ идетъ?“ на этотъ вопросъ онъ рѣшительно не находилъ успокоительнаго отвѣта. Еслибы даже и можно было какимъ-нибудь образомъ, уловивъ случай, сказать Настасьѣ Филипповнѣ: „Не выходите за этого человѣка и не губите себя, онъ васъ не любитъ, а любитъ ваши деньги, онъ мнѣ самъ это говорилъ, и мнѣ говорила Аглая Епанчина, а я пришелъ вамъ пересказать“, то врядъ ли это вышло бы правильно во всѣхъ отношеніяхъ. Представлялся и еще одинъ неразрѣшенный вопросъ, и до того капитальный, что князь даже думать о немъ боялся, даже допустить его не могъ и не смѣлъ, формулировать какъ не зналъ, краснѣлъ и трепеталъ при одной мысли о немъ. Но кончились тѣмъ, что несмотря на всѣ эти тревоги и сомнѣнія, онъ все-таки вошелъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Настасья Филипповна занимала не очень большую, но дѣйствительно великолѣпно отдѣланную квартиру. Въ эти пять лѣтъ ея петербургской жизни было одно время, въ началѣ, когда Аѳанасій Ивановичъ особенно не жалѣлъ для нея денегъ; онъ еще разчитывалъ тогда на ея любовь и думалъ соблазнить ее, главное, комфортомъ и роскошью, зная какъ легко прививаются привычки роскоши и какъ трудно потомъ отставать отъ нихъ, когда роскошь мало-по-малу обращается въ необходимость. Въ этомъ случаѣ, Тоцкій пребывалъ вѣренъ старымъ добрымъ преданіямъ, не измѣняя въ нихъ ничего, безгранично уважая всю непобѣдимую силу чувствен-

ныхъ вліяній. Настасья Филипповна отъ роскоши не отказывалась, даже любила ее, но,—и это казалось чрезвычайно страннымъ,—никакъ не поддавалась ей, точно всегда могла и безъ нея обойдтись; даже старалась нѣсколько разъ заявить о томъ, что̀ непріятно поражало Тоцкаго. Впрочемъ, многое было въ Настасьѣ Филипповнѣ, что̀ непріятно (а въ послѣдствіи даже до презрѣнія) поражало Аѳанасія Ивановича. Не говоря уже о неизящности того сорта людей, которыхъ она иногда приближала къ себѣ, а стало-быть, и наклонна была приближать, проглядывали въ ней и еще нѣкоторыя совершенно странныя наклонности: заявлялась какая-то варварская смѣсь двухъ вкусовъ, способность обходиться и удовлетворяться такими вещами и средствами, которыхъ и существованіе нельзя бы, кажется, было допустить человѣку порядочному и тонко развитому. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы, говоря къ примѣру, Настасья Филипповна выказала вдругъ какое-нибудь милое и изящное незнаніе, въ родѣ, напримѣръ, того, что крестьянки не могутъ носить батистоваго бѣлья, какое она носитъ, то Аѳанасій Ивановичъ, кажется, былъ бы этимъ чрезвычайно доволенъ. Къ этимъ результатамъ клонилось первоначально и все воспитаніе Настасьи Филипповны, по программѣ Тоцкаго, который въ этомъ родѣ былъ очень понимающій человѣкъ; но увы! результаты оказались странные. Несмотря однакожь на то, все-таки было и оставалось что-то въ Настасьѣ Филипповнѣ, что̀ иногда поражало даже самого Аѳанасія Ивановича необыкновенною и увлекательною оригинальностью, какою-то силой, и прельщало его иной разъ даже и теперь, когда уже рухнули всѣ прежніе разчеты его на Настасью Филипповну.

Князя встрѣтила дѣвушка (прислуга у Настасьи Филипповны постоянно была женская) и, къ удивленію его, выслушала его просьбу доложить о немъ безо всякаго неудоумѣнія. Ни грязные сапоги его, ни широкополая шляпа, ни плащъ безъ рукавовъ, ни сконфуженный видъ, не произвели въ ней ни малѣйшаго колебанія. Она сняла съ него плащъ, пригласила подождать въ пріемной и тотчасъ же отправилась о немъ докладывать.

Общество, собравшееся у Настасьи Филипповны, состояло изъ самыхъ обыкновенныхъ и всегдашнихъ ея знакомыхъ. Было даже довольно малолюдно, сравнительно съ прежними годичными собраніями въ такіе же дни. Присутствовали,

вопервыхъ и въ главныхъ, Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій и Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ; оба были любезны, но оба были въ нѣкоторомъ затаенномъ безпокойствѣ по поводу худо скрываемаго ожиданія обѣщаннаго объявленія насчетъ Гани. Кромѣ нихъ, разумѣется, былъ и Ганя,—тоже очень мрачный, очень задумчивый и даже почти совсѣхъ „нелюбезный“, большею частію стоявшій въ сторонѣ, поодаль, и молчавшій. Варю онъ привезти не рѣшился, но Настасья Филипповна и не упоминала о ней; за то, только-что поздоровалась съ Ганей, припомнила о давешней его сценѣ съ княземъ. Генералъ, еще не слышавшій о ней, сталъ интересоваться. Тогда Ганя сухо, сдержанно, но совершенно откровенно разказалъ все что̀ давеча произошло, и какъ онъ уже ходилъ къ князю просить извиненія. При этомъ онъ горячо высказалъ свое мнѣніе, что князя весьма странно и Богъ знаетъ съ чего назвали „идіотомъ, что онъ думаетъ о немъ совершенно напротивъ, и что ужь конечно этотъ человѣкъ себѣ на умѣ“. Настасья Филипповна выслушала этотъ отзывъ съ большимъ вниманіемъ и любопытно слѣдила за Ганей, но разговоръ тотчасъ же перешелъ на Рогожина, такъ капитально участвовавшаго въ утрешней исторіи, и которымъ тоже съ чрезвычайнымъ любопытствомъ стали интересоваться Аѳанасій Ивановичъ и Иванъ Ѳедоровичъ. Оказалось, что особенныя свѣдѣнія о Рогожинѣ могъ сообщить Птицынъ, который бился съ нимъ по его дѣламъ чуть не до девяти часовъ вечера. Рогожинъ настаивалъ изо всѣхъ силъ, чтобы достать сегодня же сто тысячъ рублей. „Онъ, правда, былъ пьянъ,— замѣтилъ при этомъ Птицынъ, — но сто тысячъ, какъ это ни трудно, ему, кажется, достанутъ, только не знаю, сегодня ли, и всѣ ли; а работаютъ многіе, Киндеръ, Трепаловъ, Бискупъ; проценты даетъ какіе угодно, конечно все съ пьяну и съ первой радости....“ заключалъ Птицынъ. Всѣ эти извѣстія были приняты съ интересомъ, отчасти мрачнымъ; Настасья Филипповна молчала, видимо не желая высказываться; Ганя тоже, генералъ Епанчинъ безпокоился про себя чуть не пуще всѣхъ: жемчугъ, представленный имъ еще утромъ, былъ принятъ съ любезностью слишкомъ холодною, и даже съ какою-то особенною усмѣшкой. Одинъ Фердыщенко состоялъ изъ всѣхъ гостей въ развеселомъ и праздничномъ расположеніи духа и громко хохоталъ иногда неизвѣстно чему, да и то потому только, что самъ навя-

залъ на себя роль шута. Самъ Аѳанасій Ивановичъ, слывшій за тонкаго и изящнаго разкащика, а въ прежнее время на этихъ вечерахъ обыкновенно управлявшій разговоромъ, былъ видимо не въ духѣ, и даже въ какомъ-то несвойственномъ ему замѣшательствѣ. Остальные гости, которыхъ было впрочемъ не много (одинъ жалкій старичокъ-учитель, Богъ знаетъ для чего приглашенный, какой-то неизвѣстный и очень молодой человѣкъ, ужасно робѣвшій и все время молчавшій, одна бойкая дама лѣтъ сорока, изъ актрисъ, и одна чрезвычайно красивая, чрезвычайно хорошо и богато одѣтая и необыкновенно неразговорчивая молодая дама), не только не могли особенно оживить разговоръ, но даже и просто иногда не знали о чемъ говорить.

Такимъ образомъ, появленіе князя произошло даже кстати. Возвѣщеніе о немъ произвело недоумѣніе и нѣсколько странныхъ улыбокъ, особенно когда по удивленному виду Настасьи Филипповны узнали, что она вовсе и не думала приглашать его. Но послѣ удивленія Настасья Филипповна выказала вдругъ столько удовольствія, что большинство тотчасъ же приготовилось встрѣтить нечаяннаго гостя и смѣхомъ, и весельемъ.

— Это, положимъ, произошло по его невинности,—заключилъ Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ,— и во всякомъ случаѣ поощрять такія наклонности довольно опасно, но въ настоящую минуту, право, не дурно, что онъ вздумалъ пожаловать, хотя бы и такимъ оригинальнымъ манеромъ: онъ, можетъ-быть, и повеселитъ насъ, сколько я о немъ по крайней мѣрѣ могу судить.

— Тѣмъ болѣе, что самъ напросился! тотчасъ включилъ Фердыщенко.

— Такъ что жь изъ того? сухо спросилъ генералъ, ненавидѣвшій Фердыщенка.

— А то, что заплатитъ за входъ, пояснилъ тотъ.

— Ну, князь Мышкинъ не Фердыщенко, все-таки-съ, не утерпѣлъ генералъ, до сихъ поръ не могшій помириться съ мыслью находиться съ Фердыщенкомъ въ одномъ обществѣ и на равной ногѣ.

— Эй, генералъ, щадите Фердыщенка, отвѣтилъ тотъ, ухмыляясь.—Я вѣдь на особыхъ правахъ.

— На какихъ это вы на особыхъ правахъ?

— Прошлый разъ я имѣлъ честь подробно разъяснить это

обществу; для вашего превосходительства повторю еще разъ. Изволите видѣть, ваше превосходительство: у всѣхъ остроуміе, а у меня нѣтъ остроумія. Въ вознагражденіе я и выпросилъ позволеніе говорить правду, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что правду говорятъ только тѣ, у кого нѣтъ остроумія. Къ тому же я человѣкъ очень мстительный, и тоже потому, что безъ остроумія. Я обиду всякую покорно сношу, но до первой неудачи обидчика; при первой же неудачѣ, тотчасъ припоминаю и тотчасъ же чѣмъ-нибудь отомщаю, лягаю, какъ выразился обо мнѣ Иванъ Петровичъ Птицынъ, который ужь конечно самъ никогда никого не лягаетъ. Знаете Крылова басню, ваше превосходительство: „Левъ да Оселъ“? Ну, вотъ это мы оба съ вами и есть, про насъ и написано.

— Вы, кажется, опять завраліись, Фердыщенко, вскипѣлъ генералъ.

— Да вы чего, ваше превосходительство? подхватилъ Фердыщенко, такъ и разчитывавшій, что можно будетъ подхватить и еще побольше размазать: — не безпокойтесь, ваше превосходительство, я свое мѣсто знаю: если я и сказалъ, что мы съ вами Левъ да Оселъ изъ Крылова басни, то роль Осла я, ужь конечно, беру на себя, а ваше превосходительство—Левъ, какъ и въ баснѣ Крылова сказано:

„Могучій Левъ, гроза лѣсовъ
Отъ старости лишился силы.“

А я, ваше превосходительство,—оселъ.

— Съ послѣднимъ я согласенъ, неосторожно вырвалось у генерала.

Все это было, конечно, грубо и преднамѣренно выдѣлано, но такъ ужь принято было, что Фердыщенку позволялось играть роль шута.

— Да меня для того только и держатъ, и пускаютъ сюда, воскликнулъ разъ Фердыщенко,—чтобъ я именно говорилъ въ этомъ духѣ. Ну возможно ли въ самомъ дѣлѣ такого какъ я принимать? вѣдь я понимаю же это. Ну можно ли меня, такого Фердыщенка, съ такимъ утонченнымъ джентельменомъ, какъ Аѳанасій Ивановичъ, рядомъ посадить? По неволѣ остается одно толкованіе: для того и сажаютъ, что это и вообразить невозможно.

Но хоть и грубо, а все-таки бывало и ѣдко, а иногда даже очень, и это-то, кажется, и нравилось Настасьѣ Филип-

повнѣ. Желающимъ непремѣнно бывать у нея оставалось рѣшиться переносить Фердыщенка. Онъ, можетъ-быть, и полную правду угадалъ, предположивъ, что его съ того и начали принимать, что онъ съ перваго разу сталъ своимъ присутствіемъ невозможенъ для Тоцкаго. Ганя, съ своей стороны, вынесъ отъ него цѣлую безконечность мученій, и въ этомъ отношеніи Фердыщенко сумѣлъ очень пригодиться Настасьѣ Филипповнѣ.

— А князь у меня съ того и начнетъ, что модный романсъ споетъ, заключилъ Фердыщенко, посматривая, что̀ скажетъ Настасья Филипповна.

— Не думаю, Фердыщенко, и пожалуста, не горячитесь, сухо замѣтила она.

— А-а! Если онъ подъ особымъ покровительствомъ, то смягчаюсь и я....

Но Настасья Филипповна встала, не слушая, и пошла сама встрѣтить князя.

— Я сожалѣла, сказала она, появляясь вдругъ передъ княземъ,—что давеча, въ попыхахъ, забыла пригласить васъ къ себѣ, и очень рада, что вы сами доставляете мнѣ теперь случай поблагодарить и похвалить васъ за вашу рѣшимость.

Говоря это, она пристально всматривалась въ князя, силясь хоть сколько-нибудь растолковать себѣ его поступокъ.

Князь, можетъ-быть, и отвѣтилъ бы что-нибудь на ея любезныя слова, но былъ ослѣпленъ и пораженъ до того, что не могъ даже выговорить слова. Настасья Филипповна замѣтила это съ удовольствіемъ. Въ этотъ вечеръ она была въ полномъ туалетѣ и производила необыкновенное впечатлѣніе. Она взяла его за руку и повела къ гостямъ. Передъ самымъ входомъ въ гостиную князь вдругъ остановился и съ необыкновеннымъ волненіемъ, спѣша, прошепталъ ей:

— Въ васъ все совершенство... даже то, что вы худы и блѣдны.... васъ и не желаешь представить иначе.... Мнѣ такъ захотѣлось къ вамъ придти.... я.... простите....

— Непросите прощенія,засмѣялась Настасья Филипповна;— этимъ нарушится вся странность и оригинальность. А правду, стало-быть, про васъ говорятъ, что вы человѣкъ странный. Такъ вы, стало-быть, меня за совершенство почитаете, да?

— Да.

— Вы хоть и мастеръ угадывать, однакожь ошиблись. Я вамъ сегодня же объ этомъ напомню....

Она представила князя гостямъ, изъ которыхъ большей половинѣ онъ былъ уже извѣстенъ. Тоцкій тотчасъ же сказалъ какую-то любезность. Всѣ какъ бы нѣсколько оживились, всѣ разомъ заговорили и засмѣялись. Настасья Филипповна усадила князя подлѣ себя.

— Но однако, что̀ же удивительнаго въ появленіи князя? закричалъ громче всѣхъ Фердыщенко:—дѣло ясное, дѣло само за себя говоритъ!

— Дѣло слишкомъ ясное и слишкомъ за себя говоритъ, подхватилъ вдругъ молчавшій Ганя. — Я наблюдалъ князя сегодня почти безостановочно, съ самаго мгновенія, когда онъ давеча въ первый разъ поглядѣлъ на портретъ Настасьи Филипповны, на столѣ у Ивана Ѳедоровича. Я очень хорошо помню, что еще давеча о томъ подумалъ, въ чемъ теперь убѣжденъ совершенно, и въ чемъ, мимоходомъ сказать, князь мнѣ самъ признался.

Всю эту фразу Ганя высказалъ чрезвычайно серіозно, безъ малѣйшей шутливости, даже мрачно, что̀ показалось нѣсколько страннымъ.

— Я не дѣлалъ вамъ признаній, отвѣтилъ князь покраснѣвъ,—я только отвѣтилъ на вашъ вопросъ.

— Браво, браво! закричалъ Фердыщенко: — по крайней мѣрѣ искренно, и хитро, и искренно!

Всѣ громко смѣялись.

— Да не кричите, Фердыщенко, съ отвращеніемъ замѣтилъ ему вполголоса Птицынъ.

— Я, князь, отъ васъ такихъ пруэсовъ не ожидалъ, промолвилъ Иванъ Ѳедоровичъ;—да знаете ли кому это будетъ въ пору? А я-то васъ считалъ за философа! Ай да тихонькій!

— И судя по тому, что князь краснѣетъ отъ невинной шутки, какъ невинная молодая дѣвица, я заключаю, что онъ, какъ благородный юноша, питаетъ въ своемъ сердцѣ самыя похвальныя намѣренія, — вдругъ и совершенно неожиданно проговорилъ или, лучше сказать, прошамкалъ беззубый и совершенно до сихъ поръ молчавшій семидесятилѣтній старичокъ-учитель, отъ котораго никто не могъ ожидать, что онъ хоть заговоритъ-то въ этотъ вечеръ. Всѣ еще больше засмѣялись. Старичокъ, вѣроятно подумавшій, что смѣются его остроумію, принялся, глядя на всѣхъ, еще пуще смѣяться, причемъ жестоко раскашлялся, такъ что Настасья

Филипповна, чрезвычайно любившая почему-то всѣхъ подобныхъ оригиналовъ-старичковъ, старушекъ и даже юродивыхъ, принялась тотчасъ же ласкать его, расцѣловала и велѣла подать ему еще чаю. У вошедшей служанки она спросила себѣ мантилью, въ которую и закуталась, и приказала прибавить еще дровъ въ каминъ. На вопросъ который часъ, служанка отвѣтила, что уже половина одиннадцатаго.

— Господа, не хотите ли пить шампанское, пригласила вдругъ Настасья Филипповна. — У меня приготовлено. Можетъ-быть, вамъ станетъ веселѣе. Пожалуста, безъ церемоніи.

Предложеніе пить, и особенно въ такихъ наивныхъ выраженіяхъ, показалось очень страннымъ отъ Настасьи Филипповны. Всѣ знали необыкновенную чинность на ея прежнихъ вечерахъ. Вообще вечеръ становился веселѣе, но не по-обычному. Отъ вина однако не отказались, вопервыхъ самъ генералъ, вовторыхъ бойкая барыня, старичокъ, Фердыщенко, за ними и всѣ. Тоцкій взялъ тоже свой бокалъ, надѣясь угармонировать наступающій новый тонъ, придавъ ему по возможности характеръ милой шутки. Одинъ только Ганя ничего не пилъ. Въ странныхъ же, иногда очень рѣзкихъ и быстрыхъ выходкахъ Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечеромъ выпьетъ три бокала, въ ея истерическомъ и безпредметномъ смѣхѣ, перемежающемся вдругъ съ молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь. Одни подозрѣвали въ ней лихорадку; стали наконецъ замѣчать, что и она какъ бы ждетъ чего-то сама, часто посматриваетъ на часы, становится нетерпѣливою, разсѣянною.

— У васъ какъ будто маленькая лихорадка? спросила бойкая барыня.

— Даже большая, а не маленькая, я для того и въ мантилью закуталась, отвѣтила Настасья Филипповна, въ самомъ дѣлѣ ставшая блѣднѣе и какъ будто по временамъ сдерживавшая въ себѣ сильную дрожь.

Всѣ затревожились и зашевелились.

— А не дать ли намъ хозяйкѣ покой? высказался Тоцкій, посматривая на Ивана Ѳедоровича.

— Отнюдь нѣтъ, господа! Я именно прошу васъ сидѣть. Ваше присутствіе особенно сегодня для меня необходимо, настойчиво и значительно объявила вдругъ Настасья Филипповна. И такъ какъ почти уже всѣ гости узнали, что въ

этотъ вечеръ назначено быть очень важному рѣшенію, то слова эти показались чрезвычайно вѣскими. Генералъ и Тоцкій еще разъ переглянулись, Ганя судорожно шевельнулся.

— Хорошо въ пети жё какое-нибудь играть, сказала бойкая барыня.

— Я знаю одно великолѣпнѣйшее и новое пети жё, подхватилъ Фердыщенко;—по крайней мѣрѣ такое, что однажды только и происходило на свѣтѣ, да и то не удалось.

— Что̀ такое? спросила бойкая барыня.

— Насъ однажды компанія собралась, ну, и подпили это, правда, и вдругъ кто-то сдѣлалъ предложеніе, чтобы каждый изъ насъ, не вставая изъ-за стола, разказалъ что-нибудь про себя вслухъ, но такое, что̀ самъ онъ, по искренней совѣсти, считаетъ самымъ дурнымъ изъ всѣхъ своихъ дурныхъ поступковъ въ продолженіе всей своей жизни; но съ тѣмъ чтобъ искренно, главное, чтобъ было искренно, но и не лгать!

— Странная мысль, сказалъ генералъ.

— Да ужь чего страннѣе, ваше превосходительство, да тѣмъ-то и хорошо.

— Смѣшная мысль, сказалъ Тоцкій,—а впрочемъ, понятная: хвастовство особаго рода.

— Можетъ, того-то и надо было, Аѳанасій Ивановичъ.

— Да этакъ заплачешь, а не засмѣешься, съ такимъ пети жё, замѣтила бойкая барыня.

— Вещь совершенно невозможная и нелѣпая, отозвался Птицынъ.

— А удалось? спросила Настасья Филипповна.

— То-то и есть что нѣтъ, вышло скверно, всякъ дѣйствительно кое-что разказалъ, многіе правду, и представьте себѣ, вѣдь даже съ удовольствіемъ иные разказывали, а потомъ всякому стыдно стало, не выдержали! Въ цѣломъ, впрочемъ, было превесело, въ своемъ, то-есть, родѣ.

— А право, это бы хорошо! замѣтила Настасья Филипповна, вдругъ вся оживляясь.—Право бы попробовать, господа! Въ самомъ дѣлѣ, намъ какъ-то не весело. Еслибы каждый изъ насъ согласился что-нибудь разказать.... въ этомъ родѣ.... разумѣется, по согласію, тутъ полная воля, а? Можетъ, мы выдержимъ! По крайней мѣрѣ, ужасно оригинально....

— Геніальная мысль! подхватилъ Фердыщенко.—Барыни,

впрочемъ, исключаются, начинаютъ муцины; дѣло устраивается по жребію, какъ и тогда! Непремѣнно, непремѣнно! Кто очень не хочетъ, тотъ, разумѣется, не разказываетъ, но вѣдь надо же быть особенно не любезнымъ! Давайте ваши жеребьи, господа, сюда, ко мнѣ, въ шляпу, князь будетъ вынимать. Задача самая простая, самый дурной поступокъ изъ всей своей жизни разказать, — это ужасно легко, господа! Вотъ, вы увидите! Если же кто позабудетъ, то я тотчасъ берусь напомнить!

Идея была чрезвычайно странная и никому почти не понравилась. Одни нахмурились, другіе лукаво улыбались. Нѣкоторые возражали, но не очень, напримѣръ Иванъ Ѳедоровичъ, не желавшій перечить Настасьѣ Филипповнѣ и замѣтившій какъ увлекаетъ ее эта странная мысль, можетъ-быть, именно тѣмъ, что странная и почти невозможная. Въ желаніяхъ своихъ Настасья Филипповна всегда была неудержима и безпощадна, если только рѣшалась высказывать ихъ, хотя бы это были самыя капризныя и даже для нея самой безполезныя желанія. И теперь она была какъ въ истерикѣ, суетилась, смѣялась судорожно, припадочно, особенно на возраженія встревоженнаго Тоцкаго. Темные глаза ея засверкали, на блѣдныхъ щекахъ показались два красныя пятна. Унылый и брезгливый оттѣнокъ физіономій нѣкоторыхъ изъ гостей, можетъ-быть, еще болѣе разжигалъ ея насмѣшливое желаніе; можетъ-быть, ей именно нравилась цинічность и жестокость идеи. Иные даже увѣрены были, что у ней тутъ какой-нибудь особый разчетъ. Впрочемъ, стали соглашаться: во всякомъ случаѣ было любопытно, а для многихъ такъ очень заманчиво. Фердыщенко суетился болѣе всѣхъ.

— А если что-нибудь такое, что̀ и разказать невозможно.... при дамахъ, робко замѣтилъ молчавшій юноша.

— Такъ вы это и не разказывайте; будто мало и безъ того скверныхъ поступковъ, отвѣтилъ Фердыщенко; — эхъ вы, юноша!

— А я вотъ и не знаю, который изъ моихъ поступковъ самымъ дурнымъ считать, включила бойкая барыня.

— Дамы отъ обязанности разказывать увольняются, повторилъ Фердыщенко,—но только увольняются; собственное вдохновеніе съ признательностью допускается. Муцины же, если ужь слишкомъ не хотятъ, увольняются.

— Да какъ тутъ доказать, что я не солгу? спросилъ Ганя:— а если солгу, то вся мысль игры пропадаетъ. И кто же не солжетъ? Всякій непремѣнно лгать станетъ.

— Да ужь одно то заманчиво, какъ тутъ будетъ лгать человѣкъ. Тебѣ же, Ганечка, особенно опасаться нечего что солжешь, потому что самый скверный поступокъ твой и безъ того всѣмъ извѣстенъ. Да вы подумайте только, господа, воскликнулъ вдругъ въ какомъ-то вдохновеніи Фердыщенко,—подумайте только, какими глазами мы потомъ другъ на друга будемъ глядѣть, завтра напримѣръ, послѣ разказовъ-то!

— Да развѣ это возможно? Неужели это въ самомъ дѣлѣ серіозно, Настасья Филипповна? съ достоинствомъ спросилъ Тоцкій.

— Волка бояться въ лѣсъ не ходить! съ усмѣшкой замѣтила Настасья Филипповна.

— Но позвольте, господинъ Фердыщенко, развѣ возможно устроить изъ этого пети жё? продолжалъ, тревожась все болѣе и болѣе, Тоцкій;—увѣряю васъ, что такія вещи никогда не удаются; вы же сами говорите, что это не удалось уже разъ.

— Какъ не удалось! я разказалъ же прошедшій разъ, какъ три цѣлковыхъ укралъ, такъ-таки взялъ да и разказалъ!

— Положимъ. Но вѣдь возможности не было, чтобы вы такъ разказали, что стало похоже на правду и вамъ повѣрили? А Гаврила Ардаліоновичъ совершенно справедливо замѣтилъ, что чуть-чуть послышится фальшь, и вся мысль игры пропадаетъ. Правда возможна тутъ только случайно, при особаго рода хвастливомъ настроеніи слишкомъ дурнаго тона, здѣсь немыслимомъ и совершенно неприличномъ.

— Но какой же вы утонченнѣйшій человѣкъ, Аѳанасій Ивановичъ, такъ даже меня дивите! вскричалъ Фердыщенко;—представьте себѣ, господа, своимъ замѣчаніемъ, что я не могъ разказать о моемъ воровствѣ такъ, чтобы стало похоже на правду, Аѳанасій Ивановичъ тончайшимъ образомъ намекаетъ, что я и не могъ въ самомъ дѣлѣ украсть (потому что это вслухъ говорить неприлично), хотя, можетъ-быть, совершенно увѣренъ самъ про себя, что Фердыщенко и очень бы могъ украсть! Но къ дѣлу, господа, къ дѣлу, жеребьи собраны, да и вы, Аѳанасій Ивановичъ,

свой положили, стало-быть, никто не отказывается! Князь, вынимайте.

Князь молча опустилъ руку въ шляпу и вынулъ первый жребій — Фердыщенка, второй — Птицына, третій — генерала, четвертый — Аѳанасія Ивановича, пятый — свой, шестой — Гани и т. д. Дамы жребіевъ не положили.

— О Боже, какое несчастіе! вскричалъ Фердыщенко:—а я-то думалъ, что первая очередь выйдетъ князю, а вторая — генералу. Но, слава Богу, по крайней мѣрѣ Иванъ Петровичъ послѣ меня, и я буду вознагражденъ. Ну, господа, конечно, я обязанъ подать благородный примѣръ, но всего болѣе жалѣю въ настоящую минуту о томъ, что я такъ ничтоженъ и ничѣмъ не замѣчателенъ; даже чинъ на мнѣ самый премаленькій; ну что̀ въ самомъ дѣлѣ интереснаго въ томъ, что Фердыщенко сдѣлалъ скверный поступокъ? Да и какой мой самый дурной поступокъ? Тутъ embarras de richesse. Развѣ опять про то же самое воровство разказать, чтобъ убѣдить Аѳанасія Ивановича, что можно украсть, воромъ не бывши.

— Вы меня убѣждаете и въ томъ, господинъ Фердыщенко, что дѣйствительно можно ощущать удовольствіе до упоенія, разказывая о сальныхъ своихъ поступкахъ, хотя бы о нихъ и не спрашивали.... А впрочемъ.... Извините, господинъ Фердыщенко.

— Начинайте, Фердыщенко, вы ужасно много болтаете лишняго и никогда не докончите! раздражительно и нетерпѣливо приказала Настасья Филипповна.

Всѣ замѣтили, что послѣ своего недавняго припадочнаго смѣха, она вдругъ стала даже угрюма, брюзглива и раздражительна; тѣмъ не менѣе упрямо и деспотично стояла на своей невозможной прихоти. Аѳанасій Ивановичъ страдалъ ужасно. Бѣсилъ его и Иванъ Ѳедоровичъ: онъ сидѣлъ за шампанскимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже, можетъ-быть, разчитывалъ разказать что-нибудь, въ свою очередь.

XIV.

— Остроумія нѣтъ, Настасья Филипповна, оттого и болтаю лишнее! вскричалъ Фердыщенко, начиная свой разказъ: — было бъ у меня такое же остроуміе, какъ у Аѳанасія

Ивановича, или у Ивана Петровича, такъ я бы сегодня все сидѣлъ да молчалъ, подобно Аѳанасію Ивановичу и Ивану Петровичу. Князь, позвольте васъ спросить, какъ вы думаете, мнѣ вотъ все кажется, что на свѣтѣ гораздо больше воровъ чѣмъ не воровъ, и что нѣтъ даже такого самаго честнаго человѣка, который бы хоть разъ въ жизни чего-нибудь не укралъ. Это моя мысль, изъ чего, впрочемъ, я вовсе не заключаю, что все сплошь одни воры, хотя, ей-Богу, ужасно бы хотѣлось иногда и это заключить. Какъ же вы думаете?

— Фу, какъ вы глупо разказываете, отозвалась Дарья Алексѣевна, — и какой вздоръ, не можетъ быть, чтобы всѣ что-нибудь да украли; я никогда ничего не украла.

— Вы ничего никогда не украли, Дарья Алексѣевна; но что̀ скажетъ князь, который вдругъ весь покраснѣлъ?

— Мнѣ кажется, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете, сказалъ князь, дѣйствительно отчего-то покраснѣвшій.

— А вы сами, князь, ничего не украли?

— Фу! какъ это смѣшно! Опомнитесь, господинъ Фердыщенко, вступился генералъ.

— Просто-за-просто, какъ пришлось къ дѣлу, такъ и стыдно стало разказывать, вотъ и хотите князя съ собой же прицѣпить, благо онъ безотвѣтный, отчеканила Дарья Алексѣевна.

— Фердыщенко, или разказывайте, или молчите и знайте одного себя. Вы истощаете всякое терпѣніе, рѣзко и досадливо проговорила Настасья Филипповна.

— Сію минуту, Настасья Филипповна; но ужь если князь сознался, потому что я стою на томъ, что князь все равно что сознался, то что̀ же бы, напримѣръ, сказалъ другой кто-нибудь (никого не называя), еслибы захотѣлъ когда-нибудь правду сказать? Что же касается до меня, господа, то дальше и разказывать совсѣмъ нечего: очень просто, и глупо, и скверно. Но увѣряю васъ, что я не воръ; укралъ же, не знаю какъ. Это было третьяго года, на дачѣ у Семена Ивановича Ищенка, въ воскресенье. У него обѣдали гости. Послѣ обѣда мущины остались за виномъ. Мнѣ вздумалось попросить Марью Семеновну, дочку его, барышню, что-нибудь на фортепіано сыграть. Прохожу чрезъ угловую комнату, на рабочемъ столикѣ у Марьи Ивановны три рубля

лежатъ, зеленая бумажка: вынула, чтобы выдать для чего-то по хозяйству. Въ комнатѣ никовошенько. Я взялъ бумажку и положилъ въ карманъ, для чего—не знаю. Что̀ на меня нашло—не понимаю. Только я поскорѣй воротился и сѣлъ за столъ. Я все сидѣлъ и ждалъ, въ довольно сильномъ волненіи, болталъ безъ умолку, анекдоты разказывалъ, смѣялся; подсѣлъ потомъ къ барынямъ. Чрезъ полчаса, примѣрно, хватились и стали спрашивать у служанокъ. Дарью служанку заподозрили. Я выказалъ необыкновенное любопытство и участіе, и помню даже, когда Дарья совсѣмъ потерялась, сталъ убѣждать ее, чтобъ она повинилась, головой ручаясь за доброту Марьи Ивановны, и это вслухъ, и при всѣхъ. Всѣ глядѣли, а я необыкновенное удовольствіе ощущалъ именно оттого, что я проповѣдую, а бумажка-то у меня въ карманѣ лежитъ. Эти три цѣлковыхъ я въ тотъ же вечеръ пропилъ въ ресторанѣ. Вошелъ и спросилъ бутылку лафиту; никогда до того я не спрашивалъ такъ одну бутылку, безъ ничего; захотѣлось поскорѣе истратить. Особеннаго угрызенія совѣсти я ни тогда, ни потомъ не чувствовалъ. Другой разъ навѣрное не повторилъ бы; этому вѣрьте, или нѣтъ, какъ угодно, я не интересуюсь. Ну-съ, вотъ и все.

— Только ужь, конечно, это не самый худшій вашъ поступокъ, съ отвращеніемъ сказала Дарья Алексѣевна.

— Это психологическій случай, а не поступокъ, замѣтилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А служанка? спросила Настасья Филипповна, не скрывая самаго брезгливаго отвращенія.

— А служанку согнали на другой же день, разумѣется. Это строгій домъ.

— И вы допустили?

— Вотъ прекрасно! Такъ неужели же мнѣ было пойдти и сказать на себя? захихикалъ Фердыщенко, впрочемъ, пораженный отчасти общимъ, слишкомъ непріятнымъ, впечатлѣніемъ отъ его разказа.

— Какъ это грязно! вскричала Настасья Филипповна.

— Ба! Вы хотите отъ человѣка слышать самый скверный его поступокъ, и при этомъ блеска требуете! Самые скверные поступки и всегда очень грязны, Настасья Филипповна, мы сейчасъ это отъ Ивана Петровича услышимъ; да и мало ли что̀ снаружи блеститъ и добродѣтелью хочетъ

kазаться, потому что своя kарета есть. Мало ли kто свою kарету имѣетъ.... И kакими способами....

Однимъ словомъ, Фердыщенko совершенно не выдержалъ и вдругъ озлобился, даже до забвенія себя, перешелъ чрезъ мѣрку; даже все лицо его покривилось. Какъ ни странно, но очень могло быть, что онъ ожидалъ совершенно другаго успѣха отъ своего разkаза. Эти „промахи“ дурнаго тона и „хвастовство особаго рода“, kакъ выразился объ этомъ Тоцkій, случались весьма часто съ Фердыщенkомъ и были совершенно въ его харakтерѣ.

Настасья Филлиповна даже вздрогнула отъ гнѣва и пристально поглядѣла на Фердыщенka; тотъ мигомъ струсилъ и примолkъ, чуть не похолодѣвъ отъ испуга: слишkомъ далеko ужь зашелъ.

— А не kончить ли совсѣмъ? лukаво спросилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Очередь моя, но я пользуюсь моею льготой и не стану разkазывать, рѣшительно сkазалъ Птицынъ.

— Вы не хотите?

— Не могу, Настасья Филипповна; да и вообще считаю такое пети жё невозможнымъ.

— Генералъ, kажется, по очереди слѣдуетъ вамъ, обратилась kъ нему Настасья Филипповна, — если и вы отkажетесь, то у насъ все вслѣдъ за вами разстроится, и мнѣ будетъ жаль, потому что я разчитывала разkазать въ заключеніе одинъ поступоkъ „изъ моей собственной жизни“, но тольko хотѣла послѣ васъ и Аѳанасія Ивановича, потому что вы должны же меня ободрить, заключила она, разсмѣявшись.

— О, если и вы обѣщаетесь, съ жаромъ вскричалъ генералъ,—то я готовъ вамъ хоть всю мою жизнь пересkазать; но я, признаюсь, ожидая очереди, уже приготовилъ свой анеkдотъ....

— И уже по одному виду его превосходительства можно заключить, съ kакимъ особеннымъ литературнымъ удовольствіемъ онъ обработалъ свой анеkдотиkъ, осмѣлился замѣтить все еще нѣсkольko смущенный Фердыщенko, ядовито улыбаясь.

Настасья Филипповна мелькомъ взглянула на генерала и тоже про себя улыбнулась. Но видно было, что тоска и раздражительность усиливались въ ней все сильнѣе и сильнѣе.

Аѳанасій Ивановичъ испугался вдвое, услышавъ про обѣщаніе разказа.

— Мнѣ, господа, какъ и всякому, случалось дѣлать поступки не совсѣмъ изящные въ моей жизни, началъ генералъ,—но страннѣе всего то, что я самъ считаю коротенькій анекдотъ, который сейчасъ разкажу, самымъ скверньйшимъ анекдотомъ изъ всей моей жизни. Между тѣмъ тому прошло чуть не тридцать пять лѣтъ; но никогда-то я не могъ оторваться, при воспоминаніи, отъ нѣкотораго, такъ-сказать, скребущаго по сердцу впечатлѣнія. Дѣло, впрочемъ, чрезвычайно глупое: былъ я тогда еще только-что прапорщикомъ и въ арміи лямку тянулъ. Ну, извѣстно, прапорщикъ: кровь кипятокъ, а хозяйство копѣечное; завелся у меня тогда деньщикъ, Никифоръ, и ужасно о хозяйствѣ моемъ заботился, копилъ, зашивалъ, скребъ и чистилъ, и даже вездѣ воровалъ все, что̀ могъ стянуть, чтобы только въ домѣ пріумножить; вѣрнѣйшій и честнѣйшій былъ человѣкъ. Я, разумѣется, былъ строгъ, но справедливъ. Нѣкоторое время случилось намъ стоять въ городкѣ. Мнѣ отвели въ форштатѣ квартиру у одной отставной подпоручицы и къ тому же вдовы. Лѣтъ восьмидесяти, или по крайней мѣрѣ около, была старушонка. Домишко у ней былъ ветхій, дрянной, деревянный, и даже служанки у себя не имѣла по бѣдности. Но главное, тѣмъ отличалась, что нѣкогда имѣла многочисленнѣйшее семейство и родныхъ; но одни въ теченіе жизни перемерли, другіе разъѣхались, третьи о старухѣ позабыли, а мужа своего лѣтъ сорокъ пять тому назадъ схоронила. Жила съ ней еще нѣсколько лѣтъ предъ этимъ племянница, горбатая и злая, говорятъ, какъ вѣдьма, и даже разъ старуху укусила за палецъ, но и та померла, такъ что старуха года ужь три пробивалась одна-одинешенька. Скучнехонько мнѣ было у ней, да и пустая она такая была, ничего извлечь невозможно. Наконецъ, украла у меня пѣтуха. Дѣло это до сихъ поръ темное, но кромѣ нея было некому. За пѣтуха мы поссорились, и значительно, а тутъ какъ разъ вышелъ случай, что меня, по первой же просьбѣ моей, на другую квартиру перевели, въ противоположный форштатъ, въ многочисленнѣйшее семейство одного купца съ большою бородищей, какъ теперь его помню. Переѣзжаемъ съ Никифоромъ съ радостью, старуху же оставляю съ негодованіемъ. Проходитъ дня три

прихожу съ ученья, Никифоръ докладываетъ, „что напрасно, ваше благородіе, нашу миску у прежней хозяйки оставили, не въ чемъ супъ подавать“. Я, разумѣется, пораженъ: „Какъ такъ, какимъ образомъ наша миска у хозяйки осталась?“ Удивленный Никифоръ продолжаетъ рапортовать, что хозяйка, когда мы съѣзжали, нашей миски ему не отдала по той причинѣ, что такъ какъ я ея собственный горшокъ разбилъ, то она за свой горшокъ нашу миску удерживаетъ, и что будто бы я ей это самъ такимъ образомъ предложилъ. Такая низость съ ея стороны, разумѣется, вывела меня изъ себя; прапорщичья кровь закипѣла, вскочилъ, полетѣлъ. Прихожу къ старухѣ, такъ-сказать, уже внѣ себя; гляжу, она сидитъ въ сѣнцахъ одна-одинешенька, въ углу, точно отъ солнца забилась, рукой щеку себѣ подперла. Я тотчасъ же, знаете, на нее цѣлый громъ такъ и вывалилъ, „такая, дескать, ты, и сякая!“ и знаете, этакъ по-русски. Только смотрю, представляется что-то странное: сидитъ она, лицо на меня уставила, глаза выпучила, и ни слова въ отвѣтъ, и странно, странно такъ смотритъ, какъ бы качается. Я, наконецъ, пріутихъ, вглядываюсь, спрашиваю, ни слова въ отвѣтъ. Я постоялъ въ нерѣшимости; мухи жужжатъ, солнце закатывается, тишина; въ совершенномъ смущеніи, я наконецъ ухожу. Еще до дому не дошелъ, къ маіору потребовали, потомъ пришлось въ роту зайдти, такъ что домой воротился совсѣмъ ввечеру. Первымъ словомъ Никифоръ: „а знаете, ваше благородіе, хозяйка-то наша вѣдь померла.“—„Когда?“—„Да сегодня по вечеру, часа полтора назадъ.“ Это, значитъ, въ то именно время, когда я ее ругалъ, она и отходила. Такъ меня это фрапировало, я вамъ скажу, что едва опомнился. Стало, знаете, даже думаться, даже ночью приснилось. Я, конечно, безъ предразсудковъ, но на третій день пошелъ въ церковь на похороны. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше время идетъ, тѣмъ больше думается. Не то чтобъ, а такъ иногда вообразишь, и станетъ не хорошо. Главное, что̀ тутъ, какъ я, наконецъ, разсудилъ? Вопервыхъ, женщина, такъ-сказать, существо человѣческое, что̀ называютъ въ наше время, гуманное, жила, долго жила, наконецъ, зажилась. Когда-то имѣла дѣтей, мужа, семейство, родныхъ, все это кругомъ нея, такъ-сказать, кипѣло, всѣ эти, такъ-сказать, улыбки, и вдругъ — полный пасъ, все въ трубу вылетѣло, осталась одна какъ....

муха какая-нибудь, носящая на себѣ отъ вѣка проклятіе. И вотъ, наконецъ, привелъ Богъ къ концу. Съ закатомъ солнца, въ тихій лѣтній вечеръ улетаетъ и моя старуха, — конечно, тутъ не безъ нравоучительной мысли; и вотъ въ это-то самое мгновеніе, вмѣсто напутственной, такъ сказать, слезы, молодой, отчаянный прапорщикъ, избочась и фертомъ, провожаетъ ее съ поверхности земли русскимъ элементомъ забубеннымъ ругательствомъ за погибшую миску! Безъ сомнѣнія, я виноватъ, и хоть и смотрю уже давнымъ-давно на свой поступокъ, по отдаленности лѣтъ и по измѣненію въ натурѣ, какъ на чужой, но тѣмъ не менѣе продолжаю жалѣть. Такъ что, повторяю, мнѣ даже странно, тѣмъ болѣе, что если я и виновенъ, то вѣдь не совершенно же: зачѣмъ же ей какъ разъ въ это время вздумалось помирать? Разумѣется, тутъ одно оправданіе: что поступокъ въ нѣкоторомъ родѣ психологическій, но все-таки я не могъ успокоиться, покамѣсть не завелъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, двухъ постоянныхъ больныхъ старушонокъ, на свой счетъ, въ богадѣльнѣ, съ цѣлью смягчить для нихъ приличнымъ содержаніемъ послѣдніе дни земной жизни. Думаю обратить въ вѣковѣчное, завѣщавъ капиталъ. Ну, вотъ-съ, и все-съ. Повторяю, что, можетъ-быть, я и во многомъ въ жизни провинился, но этотъ случай считаю, по совѣсти, самымъ сквернѣйшимъ поступкомъ изъ всей моей жизни.

— И вмѣсто самаго сквернѣйшаго, ваше превосходительство разказали одинъ изъ хорошихъ поступковъ своей жизни; надули Фердыщенка! заключилъ Фердыщенко.

— Въ самомъ дѣлѣ, генералъ, я и не воображала, чтобъ у васъ было все-таки доброе сердце; даже жаль, небрежно проговорила Настасья Филипповна.

— Жаль? Почему же? спросилъ генералъ съ любезнымъ смѣхомъ и не безъ самодовольствія отпилъ шампанскаго.

Но очередь была за Аѳанасіемъ Ивановичемъ, который тоже приготовился. Всѣ предугадывали, что онъ не откажется подобно Ивану Петровичу, да и разказа его, по нѣкоторымъ причинамъ, ждали съ особеннымъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посматривали на Настасью Филипповну. Съ необыкновеннымъ достоинствомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ его осанистой наружности, тихимъ, любезнымъ голосомъ началъ Аѳанасій Ивановичъ одинъ изъ своихъ „милыхъ разказовъ“. (Кстати сказать: человѣкъ онъ былъ

собою видный, осанистый, росту высокаго, немного лысъ, немного съ просѣдью, и довольно тучный, съ мягкими, румяными и нѣсколько отвислыми щеками, со вставными зубами. Одѣвался широко и изящно и носилъ удивительное бѣлье. На его пухлыя, бѣлыя руки хотѣлось заглядѣться. На указательномъ пальцѣ правой руки былъ дорогой брилліантовый перстень.) Настасья Филипповна во все время его разказа пристально разсматривала кружевцо оборки на своемъ рукавѣ и щипала ее двумя пальцами лѣвой руки, такъ что ни разу не успѣла и взглянуть на разкащика.

— Что̀ всего болѣе облегчаетъ мнѣ мою задачу, началъ Аѳанасій Ивановичъ,—это непремѣнная обязанность разказать никакъ не иначе, какъ самый дурной поступокъ всей моей жизни. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть колебаній: совѣсть и память сердца тотчасъ же подскажутъ что̀ именно надо разказывать. Сознаюсь съ горечью, въ числѣ всѣхъ, безчисленныхъ, можетъ-быть, легкомысленныхъ и.... вѣтреныхъ поступковъ жизни моей, есть одинъ, впечатлѣніе котораго даже слишкомъ тяжело залегло въ моей памяти. Случилось тому назадъ лѣтъ около двадцати; я заѣхалъ тогда въ деревню къ Платону Ордынцеву. Онъ только что выбранъ былъ предводителемъ и пріѣхалъ съ молодою женой провести зимніе праздники. Тутъ какъ разъ подошло и рожденіе Анфисы Алексѣевны, и назначались два бала. Къ тому времени былъ въ ужасной модѣ и только что прогремѣлъ въ высшемъ свѣтѣ прелестный романъ Дюма-Фиса *La dame aux camelias*, поэма, которой, по моему мнѣнію, не суждено ни умереть, ни состариться. Въ провинціи всѣ дамы были восхищены до восторга, тѣ которыя по крайней мѣрѣ прочитали. Прелесть разказа, оригинальность постановки главнаго лица, этотъ заманчивый міръ, разобранный до тонкости, и наконецъ всѣ эти очаровательныя подробности, разсыпанныя въ книгѣ (насчетъ, напримѣръ, обстоятельствъ употребленія букетовъ бѣлыхъ и розовыхъ камелій по очереди), однимъ словомъ, всѣ эти прелестныя детали, и все это вмѣстѣ, произвели почти потрясеніе. Цвѣты камелій вошли въ необыкновенную моду. Всѣ требовали камелій, всѣ ихъ искали. Я васъ спрошу: много ли можно достать камелій въ уѣздѣ, когда всѣ ихъ для баловъ спрашиваютъ, хотя бы баловъ и немного было? Петя Ворховской изнывалъ тогда, бѣдняжка, по Анфисѣ Алексѣ-

евнѣ. Право, не знаю, было ли у нихъ что-нибудь, то-есть, я хочу сказать, могла ли у него быть хоть какая-нибудь серіозная надежда? Бѣдный съ ума сходилъ, чтобы достать камелій къ вечеру на балъ для Анфисы Алексѣевны. Графиня Соцкая, изъ Петербурга, губернаторши гостья, и Софья Безпалова, какъ извѣстно стало, пріѣдутъ навѣрно съ букетами, съ бѣлыми. Анфисѣ Алексѣевнѣ захотѣлось, для нѣкотораго особаго эффекту, красныхъ. Бѣднаго Платона чуть не загоняли; извѣстно—мужъ; поручился, что букетъ достанетъ, и—что̀ же? Наканунѣ перехватила Мытищева, Катерина Александровна, страшная соперница Анфисы Алексѣевны во всемъ; на ножахъ съ ней была. Разумѣется, истерика, обморокъ. Платонъ пропалъ. Понятно, что еслибы Петѣ промыслить гдѣ-нибудь въ эту интересную минуту букетъ, то дѣла его могли бы очень сильно подвинуться; благодарность женщины въ такихъ случаяхъ безгранична. Мечется какъ угорѣлый; но дѣло невозможное, и говорить тутъ нечего. Вдругъ сталкиваюсь съ нимъ уже въ одиннадцать вечера, наканунѣ дня рожденія и бала, у Марьи Петровны Зубковой, сосѣдки Ордынцева. Сіяетъ. „Что̀ съ тобой?“—„Нашелъ! *Эврика*!“—„Ну, братъ, удивилъ же ты меня! Гдѣ? Какъ?“—„Въ Екшайскѣ (городишка такой тамъ есть, всего въ двадцати верстахъ, и не нашъ уѣздъ), Трепаловъ тамъ купецъ есть, бородачъ и богачъ, живетъ со старухой женой, и вмѣсто дѣтей, однѣ канарейки. Пристрастились оба къ цвѣтамъ, у него есть камеліи.“—„Помилуй, да это не вѣрно, ну, какъ не дастъ?“—„Стану на колѣни и буду въ ногахъ валяться до тѣхъ поръ пока дастъ, безъ того не уѣду!“—„Когда ѣдешь-то?“—„Завтра чѣмъ свѣтъ въпять часовъ.“—„Ну, съ Богомъ!“ И такъ я, знаете, радъ за него; возвращаюсь къ Ордынцеву; наконецъ ужь второй часъ, а мнѣ все этакъ, знаете, мерещится. Хотѣлъ уже спать ложиться, вдругъ преоригинальная мысль! Пробираюсь немедленно въ кухню, бужу Савелія кучера, пятнадцать цѣлковыхъ ему, „подай лошадей въ полчаса!“ Чрезъ полчаса, разумѣется, возокъ у воротъ; у Анфисы Алексѣевны, сказали мнѣ, мигрень, жаръ и бредъ,—сажусь и ѣду. Въ пятомъ часу я въ Екшайскѣ, на постояломъ дворѣ; переждалъ до разсвѣта, и только до разсвѣта; въ седьмомъ часу у Трепалова. „Такъ и такъ, есть камеліи? Батюшка, отецъ родной, помоги, спаси, въ ноги поклонюсь!“ Старикъ, вижу, высокій, сѣдой, суровый,—страшный старикъ.

„Ни-ни, никакъ! Не согласенъ!“ Я бухъ ему въ ноги! Такъ-таки и растянулся! — „Что вы, батюшка, что вы, отецъ?“ испугался даже. „Да вѣдь тутъ жизнь человѣческая!“ кричу ему. — „Да берите, коли такъ, съ Богомъ.“ Нарѣзалъ же я тутъ красныхъ камелій! чудо, прелесть, цѣлая оранжерейка у него маленькая. Вздыхаетъ старикъ. Вынимаю сто рублей. „Нѣтъ, ужь вы, батюшка, обижать меня такимъ манеромъ не извольте.“ — „А коли такъ, говорю, почтенный, благоволите эти сто рублей въздѣшнюю больницу для улучшенія содержанія и пищи.“ — „Вотъ это, говоритъ, батюшка, дѣло другое, и доброе, и благородное и богоугодное; за здравіе ваше и подамъ.“ И понравился мнѣ, знаете, этотъ русскій старикъ, такъ сказать, коренной русакъ, de la vraie souche. Въ восторгѣ отъ удачи, тотчасъ же въ обратный путь; воротились окольными, чтобы не встрѣтиться съ Петей. Какъ пріѣхалъ, такъ и посылаю букетъ къ пробужденію Анфисы Алексѣевны. Можете себѣ представить восторгъ, благодарность, слезы благодарности! Платонъ, вчера еще убитый и мертвый Платонъ, — рыдаетъ у меня на груди. Увы! Всѣ мужья таковы съ сотворенія.... законнаго брака! Ничего не смѣю прибавить, но только дѣла бѣднаго Пети съ этимъ эпизодомъ рухнули окончательно. Я сперва думалъ, что онъ зарѣжетъ меня, какъ узнаетъ, даже ужь приготовился встрѣтить, но случилось то, чему бы я даже и не повѣрилъ: въ обморокъ, къ вечеру бредъ, и къ утру горячка; рыдаетъ какъ ребенокъ, въ конвульсіяхъ. Черезъ мѣсяцъ, только-что выздоровѣлъ, на Кавказъ отпросился; романъ рѣшительный вышелъ! Кончилъ тѣмъ, что въ Крыму убитъ. Тогда еще братъ его, Степанъ Ворховской, полкомъ командовалъ, отличился. Признаюсь, меня даже много лѣтъ потомъ угрызенія совѣсти мучили: для чего, зачѣмъ я такъ поразилъ его? И добро бы я самъ былъ влюбленъ тогда? А то вѣдь простая шалость, изъ-за простаго волокитства, не болѣе. И не перебей я у него этотъ букетъ, кто знаетъ, жилъ бы человѣкъ до сихъ поръ, былъ бы счастливъ, имѣлъ бы успѣхи, и въ голову бъ не пришло ему подъ Турку идти.“

Аѳанасій Ивановичъ примолкъ съ тѣмъ же солиднымъ достоинствомъ, съ которымъ и приступалъ къ разказу. Замѣтили, что у Настасьи Филипповны какъ-то особенно засверкали глаза, и даже губы вздрогнули, когда Аѳанасій

Ивановичъ кончилъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на нихъ обоихъ.

— Надули Фердыщенка! Вотъ такъ надули! Нѣтъ, вотъ это ужь такъ надули! вскричалъ плачевнымъ головомъ Фердыщенко, понимая, что можно и должно вставить словцо.

— А вамъ кто велѣлъ дѣла не понимать? Вотъ и учитесь у умныхъ людей! отрѣзала ему чуть не торжествующая Дарья Алексѣевна (старинная и вѣрная пріятельница и сообщница Тоцкаго).

— Вы правы, Аѳанасій Ивановичъ, пети жё прескучное, и надо поскорѣй кончить, небрежно вымолвила Настасья Филипповна;—разкажу сама что̀ обѣщала, и давайте всѣ въ карты играть.

— Но обѣщанный анекдотъ прежде всего! съ жаромъ одобрилъ генералъ.

— Князь, рѣзко и неожидавно обратилась къ нему вдругъ Настасья Филипповна,—вотъ здѣсь старые мои друзья, генералъ да Аѳанасій Ивановичъ, меня все замужъ выдать хотятъ. Скажите мнѣ, какъ вы думаете: выходить мнѣ замужъ иль нѣтъ? Какъ скажете, такъ я и сдѣлаю.

Аѳанасій Ивановичъ поблѣднѣлъ, генералъ остолбенѣлъ; всѣ уставили глаза и протянули головы. Ганя застылъ на мѣстѣ.

— За.... за кого? спросилъ князь замирающимъ голосомъ.

— За Гаврилу Ардаліоновича Иволгина,—продолжала Настасья Филипповна попрежнему рѣзко, твердо и четко.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія; князь какъ будто силился и не могъ выговорить, точно ужасная тяжесть давила ему грудь.

— Н-нѣтъ... не выходите! прошепталъ онъ наконецъ, и съ усиліемъ перевелъ духъ.

— Такъ тому и быть! Гаврила Ардаліоновичъ! властно и какъ бы торжественно обратилась она къ нему:—вы слышали какъ рѣшилъ князь? Ну, такъ въ томъ и мой отвѣтъ; и пусть это дѣло кончено разъ на всегда!

— Настасья Филипповна! дрожащимъ голосомъ проговорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Настасья Филипповна! убѣждающимъ, но встревоженнымъ голосомъ произнесъ генералъ.

Всѣ зашевелились и затревожились.

— Что̀ вы, господа? продолжала она, какъ бы съ удивле-

ніемъ вглядываясь въ гостей:—что вы такъ всполохнулись! И какія у васъ у всѣхъ лица!

— Но.... вспомните, Настасья Филипповна, запинаясь, пробормоталъ Тоцкій,—вы дали обѣщаніе.... вполнѣ добровольное, и могли бы отчасти и пощадить.... Я затрудняюсь и.... конечно, смущенъ, но.... Однимъ словомъ, теперь, въ такую минуту, и при.... при людяхъ, и все это такъ.... кончить такимъ пети жё дѣло серіозное, дѣло чести и сердца.... отъ котораго зависитъ....

— Не понимаю васъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы дѣйствительно совсѣмъ сбиваетесь. Вопервыхъ, что̀ такое: „при людяхъ“? Развѣ мы не въ прекрасной интимной компаніи? И почему „пети жё“? Я дѣйствительно хотѣла разказать свой анекдотъ, ну, вотъ, и разказала; не хорошъ развѣ? И почему вы говорите, что „не серіозно“? Развѣ это не серіозно? Вы слышали, я сказала князю: „Какъ скажете, такъ и будетъ“: сказалъ бы *да*, я бы тотчасъ же дала согласіе, но онъ сказалъ *нѣтъ*, и я отказала; такъ развѣ не серіозно? Тутъ вся моя жизнь на одномъ волоскѣ висѣла; чего серіознѣе?

— Но князь, почему тутъ князь? И что̀ такое, наконецъ, князь? пробормоталъ генералъ, почти ужь не въ силахъ сдержать свое негодованіе на такой обидный даже авторитетъ князя.

— А князь для меня то, что я въ него въ перваго, во всю мою жизнь, какъ въ истинно-преданнаго человѣка повѣрила. Онъ въ меня съ одного взгляда повѣрилъ, и я ему вѣрю.

— Мнѣ остается только отблагодарить Настасью Филипповну за чрезвычайную деликатность, съ которою она.... со мной поступила, проговорилъ наконецъ дрожащимъ голосомъ и съ кривившимися губами блѣдный Ганя;—это, конечно, такъ тому и слѣдовало.... Но.... князь.... Князь въ этомъ дѣлѣ...

— До семидесяти пяти тысячъ добирается, что ли? оборвала вдругъ Настасья Филипповна: — вы это хотѣли сказать? Не запирайтесь, вы непремѣнно это хотѣли сказать! Аѳанасій Ивановичъ, я и забыла прибавить: вы эти семьдесятъ пять тысячъ возьмите себѣ и знайте, что я васъ отпускаю на волю даромъ. Довольно! Надо жь и вамъ вздохнуть! Девять лѣтъ и три мѣсяца! Завтра—по-новому, а сегодня — я именинница и сама по себѣ, въ первый разъ въ

цѣлой жизни! Генералъ, возьмите и вы вашъ жемчугъ, подарите супругѣ, вотъ онъ; а съ завтрашняго дня я совсѣмъ и съ квартиры съѣзжаю. И уже больше не будетъ вечеровъ, господа!

Сказавъ это, она вдругъ встала, какъ будто желая уйдти.

— Настасья Филипповна! Настасья Филипповна! послышалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ заволновались, всѣ встали съ мѣстъ; всѣ окружили ее, всѣ съ безпокойствомъ слушали эти порывистыя, лихорадочныя, изступленныя слова; всѣ ощущали какой-то безпорядокъ, никто не могъ добиться толку, никто не могъ ничего понять. Въ это мгновеніе раздался вдругъ звонкій, сильный ударъ колокольчика, точь-въ-точь какъ давеча въ Ганечкину квартиру.

— А! а-а! Вотъ и развязка! Наконецъ-то! Половина двѣнадцатаго! вскричала Настасья Филипповна;—прошу васъ садиться, господа, это развязка!

Сказавъ это, она сѣла сама. Странный смѣхъ трепеталъ на губахъ ея. Она сидѣла молча, въ лихорадочномъ ожиданіи, и смотрѣла на дверь.

— Рогожинъ и сто тысячъ, сомнѣнія нѣтъ, пробормоталъ про себя Птицынъ.

VIII.

Вошла горничная Катя, сильно испуганная.

— Тамъ Богъ знаетъ что̀, Настасья Филипповна, человѣкъ десять ввалились, и все хмѣльные-съ, сюда просятся, говорятъ, что Рогожинъ, и что вы сами знаете.

— Правда, Катя, впусти ихъ всѣхъ тотчасъ же.

— Неужто.... всѣхъ-съ, Настасья Филипповна? Совсѣмъ вѣдь безобразные. Страсть!

— Всѣхъ, всѣхъ впусти, Катя, не бойся, всѣхъ до одного, а то и безъ тебя войдутъ. Вонъ ужь какъ шумятъ, точно давеча. Господа, вы, можетъ-быть, обижаетесь, обратилась она къ гостямъ, — что я такую компанію при васъ принимаю? Я очень сожалѣю и прощенія прошу, но такъ надо, а мнѣ очень, очень бы желалось, чтобы вы всѣ согласились быть при этой развязкѣ моими свидѣтелями, хотя, впрочемъ, какъ вамъ угодно....

Гости продолжали изумляться, шептаться и переглядываться,

но стало совершенно ясно, что все это было разчитано и устроено заранѣе, и что Настасью Филипповну,—хоть она и конечно съ ума сошла,—теперь не собьешь. Всѣхъ мучило ужасно любопытство. Притомъ же и пугаться-то очень было некому. Дамъ было только двѣ: Дарья Алексѣевна, барыня бойкая и видавшая всякіе виды, и которую трудно было сконфузить, и прекрасная, но молчаливая незнакомка. Но молчаливая незнакомка врядъ ли что̀ и понять могла: это была пріѣзжая Нѣмка и русскаго языка ничего не знала; кромѣ того, кажется, была столько же глупа, сколько и прекрасна. Она была вновѣ и уже принято было приглашать ее на извѣстные вечера, въ пышнѣйшемъ костюмѣ, причесанную какъ на выставку, и сажать какъ прелестную картинку для того, чтобы скрасить вечеръ,—точно такъ какъ иные добываютъ для своихъ вечеровъ у знакомыхъ, на одинъ разъ, картину, вазу, статую или экранъ. Что же касается муцинъ, то Птицынъ, напримѣръ, былъ пріятель съ Рогожинымъ, Фердыщенко былъ какъ рыба въ водѣ, Ганечка все еще въ себя придти не могъ, но хоть смутно, а неудержимо самъ ощущалъ горячечную потребность достоять до конца у своего позорнаго столба; старичокъ-учитель, мало понимавшій въ чемъ дѣло, чуть не плакалъ и буквально дрожалъ отъ страха, замѣтивъ какую-то необыкновенную тревогу кругомъ и въ Настасьѣ Филипповнѣ, которую обожалъ какъ свою внучку; но онъ скорѣе бы умеръ чѣмъ ее въ такую минуту покинулъ. Что же касается Аѳанасія Ивановича, то, конечно, онъ себя компрометтировать въ такихъ приключеніяхъ не могъ; но онъ слишкомъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, хотя бы и принимавшемъ такой сумашедшій оборотъ; да и Настасья Филипповна выронила на его счетъ два-три словечка такихъ, что уѣхать никакъ нельзя было, не разъяснивъ окончательно дѣла. Онъ рѣшился досидѣть до конца и уже совершенно замолчать и оставаться лишь наблюдателемъ, что̀, конечно, и требовалось его достоинствомъ. Одинъ лишь генералъ Епанчинъ, только-что сейчасъ предъ этимъ разобиженный такимъ безцеремоннымъ и смѣшнымъ возвратомъ ему подарка, конечно, еще болѣе могъ теперь обидѣться всѣми этими необыкновенными эксцентричностями или, напримѣръ, появленіемъ Рогожина; да и человѣкъ, какъ онъ, и безъ того уже слишкомъ снизошелъ, рѣшившись сѣсть рядомъ съ Птицынымъ и Фердыщенкомъ; но что̀ могла

сдѣлать сила страсти, то могло быть, наконецъ, побѣждено чувствомъ обязанности, ощущеніемъ долга, чина и значенія и вообще уваженіемъ къ себѣ, такъ что Рогожинъ съ компаніей, во всякомъ случаѣ, въ присутствіи его превосходительства былъ невозможенъ.

— Ахъ, генералъ, перебила его тотчасъ же Настасья Филипповна, только-что онъ обратился къ ней съ заявленіемъ,— я и забыла! Но будьте увѣрены, что о васъ я предвидѣла. Если ужь вамъ такъ обидно, то я и не настаиваю и васъ не удерживаю, хотя бы мнѣ очень желалось именно васъ при себѣ теперь видѣть. Во всякомъ случаѣ, очень благодарю васъ за ваше знакомство и лестное вниманіе, но если вы боитесь....

— Позвольте, Настасья Филипповна, вскричалъ генералъ, въ припадкѣ рыцарскаго великодушія,—кому вы говорите? Да я изъ преданности одной останусь теперь подлѣ васъ, и если, напримѣръ, есть какая опасность.... Къ тому же я, признаюсь, любопытствую чрезмѣрно. Я только насчетъ того хотѣлъ, что они испортятъ ковры и, пожалуй, разобьютъ что-нибудь.... Да и не надо бы ихъ совсѣмъ, по-моему, Настасья Филипповна!

— Самъ Рогожинъ! провозгласилъ Фердыщенко.

— Какъ вы думаете, Аѳанасій Ивановичъ, наскоро успѣлъ шепнуть ему генералъ: — не сошла ли она съ ума? То-есть, безъ аллегоріи, а настоящимъ медицинскимъ манеромъ,—а?

— Я вамъ говорилъ, что она и всегда къ этому наклонна была, лукаво отшепнулся Аѳанасій Ивановичъ.

— И къ тому же лихорадка....

Компанія Рогожина была почти въ томъ же самомъ составѣ, какъ и давеча утромъ; прибавился только какой-то безпутный старичишка, въ свое время бывшій редакторомъ какой-то забулдыжной обличительной газетки, и про котораго шелъ анекдотъ, что онъ заложилъ и пропилъ свои вставные на золотѣ зубы, и одинъ отставной подпоручикъ, рѣшительный соперникъ и конкуррентъ, по ремеслу и по назначенію, утрешнему господину съ кулаками и совершенно никому изъ Рогожинцевъ неизвѣстный, но подобранный на улицѣ, на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, гдѣ онъ останавливалъ прохожихъ и слогомъ Марлинскаго просилъ вспоможенія, подъ коварнымъ предлогомъ, что онъ самъ „по пятнадцати цѣлковыхъ давалъ въ свое время просителямъ“.

Оба конкуррента тотчасъ же отнеслись другъ къ другу враждебно. Давешній господинъ съ кулаками послѣ пріема въ компанію „просителя“ счелъ себя даже обиженнымъ и, будучи молчаливъ отъ природы, только рычалъ иногда какъ медвѣдь и съ глубокимъ презрѣньемъ смотрѣлъ на заискиванія и заигрыванія съ нимъ „просителя“, оказавшагося человѣкомъ свѣтскимъ и политичнымъ. Съ виду подпоручикъ обѣщалъ брать „въ дѣлѣ“ болѣе ловкостью и изворотливостью чѣмъ силой, да и ростомъ былъ пониже кулачнаго господина. Деликатно, не вступая въ явный споръ, но ужасно хвастаясь, онъ нѣсколько разъ уже намекнулъ о преимуществахъ англійскаго бокса, однимъ словомъ, оказался чистѣйшимъ западникомъ. Кулачный господинъ при словѣ „боксъ“ только презрительно и обидчиво улыбался, и съ своей стороны, не удостоивая соперника явнаго пренія, показывалъ иногда, молча, какъ бы невзначай, или, лучше сказать, выдвигалъ иногда на видъ одну совершенно національную вещь—огромный кулакъ, жилистый, узловатый, обросшій какимъ-то рыжимъ пухомъ, и всѣмъ становилось ясно, что если эта глубоко-національная вещь опустится безъ промаху на предметъ, то дѣйствительно только мокренько станетъ.

Въ высшей степени „готовыхъ“ опять-таки никого изъ нихъ не было, какъ и давеча, вслѣдствіе стараній самого Рогожина, имѣвшаго цѣлый день въ виду свой визитъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Самъ же онъ почти совсѣмъ успѣлъ отрезвиться, но за то чуть не одурѣлъ отъ всѣхъ вынесенныхъ имъ впечатлѣній въ этотъ безобразный и ни на что не похожій день изъ всей его жизни. Одно только оставалось у него постоянно въ виду, въ памяти и въ сердцѣ, въ каждую минуту, въ каждое мгновеніе. Для этого *одного* онъ провелъ все время, съ пяти часовъ пополудни вплоть до одиннадцати, въ безконечной тоскѣ и тревогѣ, возясь съ Киндерами и Бискупами, которые тоже чуть съ ума не сошли, мечась какъ угорѣлые по его надобности. И однако все-таки сто тысячъ ходячими деньгами, о которыхъ мимолетно, насмѣшливо и совершенно не ясно намекнула Настасья Филипповна, успѣли составиться, за проценты, о которыхъ даже самъ Бискупъ, изъ стыдливости, разговаривалъ съ Киндеромъ не вслухъ, а только шепотомъ.

Какъ и давеча, Рогожинъ выступалъ впереди всѣхъ, остальные подвигались за нимъ, хотя и съ полнымъ сознаніемъ

своихъ преимуществъ, но все-таки нѣсколько труся. Главное, и Богъ знаетъ отчего, трусили они Настасьи Филипповны. Одни изъ нихъ даже думали, что всѣхъ ихъ немедленно „спустятъ съ лѣстницы“. Изъ думавшихъ такъ былъ между прочими щеголь и побѣдитель сердецъ Залежевъ. Но другіе, и преимущественно кулачный господинъ, хотя и не вслухъ, но въ сердцѣ своемъ, относились къ Настасьѣ Филипповнѣ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и даже съ ненавистью, и шли къ ней какъ на осаду. Но великолѣпное убранство первыхъ двухъ комнатъ, неслыханныя и невиданныя ими вещи, рѣдкая мебель, картины, огромная статуя Венеры,—все это произвело на нихъ неотразимое впечатлѣніе почтенія и чуть ли даже не страха. Это не помѣшало конечно имъ всѣмъ, мало-по-малу и съ нахальнымъ любопытствомъ, несмотря на страхъ, протѣсниться вслѣдъ за Рогожинымъ въ гостиную; но когда кулачный господинъ, проситель и нѣкоторые другіе замѣтили въ числѣ гостей генерала Епанчина, то въ первое мгновеніе до того были обезкуражены, что стали даже понемногу ретироваться обратно, въ другую комнату. Одинъ только Лебедевъ былъ изъ числа наиболѣе ободренныхъ и убѣжденныхъ, и выступалъ почти рядомъ съ Рогожинымъ, постигая, что̀ въ самомъ дѣлѣ значитъ милліонъ четыреста тысячъ чистыми деньгами и сто тысячъ теперь, сейчасъ же, въ рукахъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ они, не исключая даже знатока Лебедева, нѣсколько сбивались въ познаніи границъ и предѣловъ своего могущества, и въ самомъ ли дѣлѣ имъ теперь все дозволено, или нѣтъ? Лебедевъ въ иныя минуты готовъ былъ поклясться, что все, но въ другія минуты ощущалъ безпокойную потребность припомнить про себя, на всякій случай, нѣкоторыя и преимущественно ободрительныя и успокоительныя статейки свода законовъ.

На самого Рогожина гостиная Настасьи Филипповны произвела обратное впечатлѣніе чѣмъ на всѣхъ его спутниковъ. Только-что приподнялась портьера, и онъ увидалъ Настасью Филипповну,—все остальное перестало для него существовать, какъ и давеча утромъ, даже могущественнѣе чѣмъ давеча утромъ. Онъ поблѣднѣлъ и на мгновеніе остановился; угадать можно было, что сердце его билось ужасно. Робко и потерянно смотрѣлъ онъ нѣсколько секундъ, не отводя глазъ, на Настасью Филипповну. Вдругъ, какъ бы поте-

рявъ весь разсудокъ и чуть не шатаясь, подошелъ онъ къ столу; дорогой наткнулся на стулъ Птицына и наступилъ своими грязными сапожищами на кружевную отдѣлку великолѣпнаго голубаго платья молчаливой красавицы-Нѣмки; не извинился и не замѣтилъ. Подойдя къ столу, онъ положилъ на него одинъ странный предметъ, съ которымъ и вступилъ въ гостиную, держа его предъ собой въ обѣихъ рукахъ. Это была большая пачка бумаги, вершка три въ высоту и вершка четыре въ длину, крѣпко и плотно завернутая въ *Биржевыя Вѣдомости* и обвязанная туго-натуго со всѣхъ сторонъ и два раза на крестъ бичевкой, въ родѣ тѣхъ, которыми обвязываютъ сахарныя головы. Затѣмъ сталъ, ни слова не говоря и опустивъ руки, какъ бы ожидая своего приговора. Костюмъ его былъ совершенно давешній, кромѣ совсѣмъ новаго шелковаго шарфа на шеѣ, ярко-зеленаго съ краснымъ, съ огромною брилліантовою булавкой, изображавшею жука, и массивнаго брилліантоваго перстня на грязномъ пальцѣ правой руки. Лебедевъ до стола не дошелъ шага на три; остальные, какъ сказано было, понемногу набирались въ гостиную. Катя и Паша, горничныя Настасьи Филипповны, тоже прибѣжали глядѣть изъ-за приподнятыхъ портьеръ, съ глубокимъ изумленіемъ и страхомъ.

— Что̀ это такое? спросила Настасья Филипповна, пристально и любопытно оглядѣвъ Рогожина и указывая глазами на „предметъ“.

— Сто тысячъ! отвѣтилъ тотъ почти шепотомъ.

— А сдержалъ-таки слово, каковъ! Садитесь, пожалуста, вотъ тутъ, вотъ на этотъ стулъ; я вамъ потомъ скажу что-нибудь. Кто съ вами? Вся давешняя компанія? Ну, пусть войдутъ и сядутъ; вонъ тамъ на диванѣ можно, вотъ еще диванъ. Вотъ тамъ два кресла.... что же они не хотятъ, что̀ ли?

Дѣйствительно, нѣкоторые положительно сконфузились, отретировались и усѣлись ждать въ другой комнатѣ, но иные остались и разсѣлись по приглашенію, но только подальше отъ стола, больше по угламъ, одни все еще желая нѣсколько стушеваться, другіе чѣмъ дальше, тѣмъ больше и какъ-то неестественно быстро ободряясь. Рогожинъ усѣлся тоже на показанный ему стулъ, но сидѣлъ не долго; онъ скоро всталъ и уже больше не садился. Мало-по-малу онъ сталъ различать и оглядывать гостей. Увидѣвъ Ганю, онъ ядовито улыбнулся

и прошепталъ про себя: „вишь!“ На генерала и на Аѳанасія Ивановича онъ взглянулъ безъ смущенія и даже безъ особеннаго любопытства. Но когда замѣтилъ подлѣ Настасьи Филипповны князя, то долго не могъ оторваться отъ него, въ чрезвычайномъ удивленіи, и какъ бы не въ силахъ дать себѣ въ этой встрѣчѣ отчетъ. Можно было подозрѣвать, что минутами онъ былъ въ настоящемъ бреду. Кромѣ всѣхъ потрясеній этого дня, онъ всю прошедшую ночь провелъ въ вагонѣ и уже почти двое сутокъ не спалъ.

— Это, господа, сто тысячъ, сказала Настасья Филипповна, обращаясь ко всѣмъ съ какимъ-то лихорадочно-нетерпѣливымъ вызовомъ, — вотъ въ этой грязной пачкѣ. Давеча вотъ онъ закричалъ какъ сумашедшій, что привезетъ мнѣ вечеромъ сто тысячъ, и я все ждала его. Это онъ торговалъ меня: началъ съ восемнадцати тысячъ, потомъ вдругъ скакнулъ на сорокъ, а потомъ вотъ и эти сто. Сдержалъ-таки слово! Фу, какой онъ блѣдный!... Это давеча все у Ганечки было: я пріѣхала къ его мамашѣ съ визитомъ, въ мое будущее семейство, а тамъ его сестра крикнула мнѣ въ глаза: „Неужели эту безстыжую отсюда не выгонятъ!“ а Ганечкѣ, брату, въ лицо плюнула. Съ характеромъ дѣвушка!

— Настасья Филипповна! укорительно произнесъ генералъ. Онъ начиналъ нѣсколько понимать дѣло, по-своему.

— Что такое, генералъ? Не прилично что ли? Да полно форсить-то! Что я въ театрѣ-то французскомъ, въ ложѣ, какъ неприступная добродѣтель бельэтажная сидѣла, да всѣхъ, кто за мною гонялись пять лѣтъ, какъ дикая бѣгала, и какъ гордая невинность смотрѣла, такъ вѣдь это все дурь меня доѣхала! Вотъ, передъ вами же, пришелъ да положилъ сто тысячъ на столъ, послѣ пяти-то лѣтъ невинности, и ужь навѣрно у нихъ тамъ тройки стоятъ и меня ждутъ. Во сто тысячъ меня оцѣнилъ! Ганечка, я вижу, ты на меня до сихъ поръ еще сердишься? Да неужто ты меня въ свою семью ввести хотѣлъ? Меня-то, Рогожинскую! Князь-то что сказалъ давеча?

— Я не то сказалъ, что вы Рогожинская, вы не Рогожинская! дрожащимъ голосомъ выговорилъ князь.

— Настасья Филипповна, полно, матушка, полно, голубушка, не стерпѣла вдругъ Дарья Алексѣевна,—ужь коли тебѣ такъ тяжело отъ нихъ стало, такъ что смотрѣть-то на нихъ! И неужели ты съ этакимъ отправиться хочешь, хоть и за сто бы тысячъ! Правда, сто тысячъ — вишь вѣдь! А ты сто

тысячъ-то возьми, а его прогони, вотъ какъ съ ними надо дѣлать; эхъ, я бы на твоемъ мѣстѣ ихъ всѣхъ.... что̀ въ самомъ-то дѣлѣ!

Дарья Алексѣевна даже въ гнѣвъ вошла. Это была женщина добрая и весьма впечатлительная.

— Да ты не сердись, Дарья Алексѣевна, усмѣхнулась ей Настасья Филипповна, — вѣдь я ему не сердясь говорила. Попрекнула, что ль, я его? Я и впрямь понять не могу, какъ на меня эта дурь нашла, что я въ честную семью хотѣла войдти. Видѣла я его мать-то, руку у ней поцѣловала. А что я давеча издѣвалась у тебя, Ганечка, такъ это я нарочно хотѣла сама въ послѣдній разъ посмотрѣть: до чего ты самъ можешь дойдти? Ну, удивилъ же ты меня, право. Многаго я ждала, а этого нѣтъ! Да неужто ты меня взять могъ, зная, что вотъ онъ мнѣ такой жемчугъ даритъ, чуть не наканунѣ твоей свадьбы, а я беру? А Рогожинъ-то? Вѣдь онъ въ твоемъ домѣ, при твоей матери и сестрѣ меня торговалъ, а ты вотъ все-таки послѣ того свататься пріѣхалъ, да чуть сестру не привезъ? Да неужто же правду про тебя Рогожинъ сказалъ, что ты за три цѣлковыхъ на Васильевскій ползкомъ доползешь?

— Доползетъ, проговорилъ вдругъ Рогожинъ тихо, но съ видомъ величайшаго убѣжденія.

— И добро бы ты съ голоду умиралъ, а ты вѣдь жалованье, говорятъ, хорошее получаешь! Да ко всему-то въ придачу, кромѣ позора-то, ненавистную жену ввести въ домъ! (потому что вѣдь ты меня ненавидишь, я это знаю!) Нѣтъ, теперь я вѣрю, что этакой за деньги зарѣжетъ! Вѣдь теперь ихъ всѣхъ такая жажда обуяла, такъ ихъ разнимаетъ на деньги, что они словно одурѣли. Самъ ребенокъ, а ужь лѣзетъ въ ростовщики! А то намотаетъ на бритву шелку, закрѣпитъ, да тихонько сзади и зарѣжетъ пріятеля, какъ барана, какъ я читала недавно. Ну, безстыдникъ же ты! Я безстыжая, а ты того хуже. Я про того букетника ужь и не говорю....

— Вы ли, вы ли это, Настасья Филипповна! всплеснулъ руками генералъ въ истинной горести: — вы, такая деликатная, съ такими тонкими мыслями, и вотъ! Какой языкъ! Какія слова!

— Я теперь во хмѣлю, генералъ, засмѣялась вдругъ Настасья Филипповна,—я гулять хочу! Сегодня мой день, мой

табельный день, мой високосный день, я его давно поджидала. Дарья Алексѣевна, видишь ты вотъ этого букетника, вотъ этого Monsieur aux camelias, вотъ онъ сидитъ, да смѣется на насъ....

— Я не смѣюсь, Настасья Филипповна, я только съ величайшимъ вниманіемъ слушаю, съ достоинствомъ отпарировалъ Тоцкій.

— Ну вотъ, за что я его мучила цѣлыя пять лѣтъ и отъ себя не отпускала! Стоилъ ли того! Онъ просто таковъ, какимъ долженъ быть.... Еще онъ меня виноватою предъ собой сочтетъ: воспитаніе вѣдь далъ, какъ графиню содержалъ, денегъ-то, денегъ-то сколько ушло, честнаго мужа мнѣ пріискалъ еще тамъ, а здѣсь Ганечку; и что же бъ ты думала: я съ нимъ эти пять лѣтъ не жила, а деньги-то съ него брала и думала, что права! Совсѣмъ вѣдь я съ толку сбила себя! Ты вотъ говоришь, сто тысячъ возьми, да и прогони, коли мерзко. Оно правда, что мерзко.... Я бы и замужъ давно могла выйдти, да и не то что за Ганечку, да вѣдь очень ужь тоже мерзко. И за что я моихъ пять лѣтъ въ этой злобѣ потеряла! А вѣришь, иль нѣтъ, я, года четыре тому назадъ, временемъ думала: не выйдти ли мнѣ ужь и впрямь за моего Аѳанасія Ивановича? Я тогда это со злости думала; мало ли что у меня тогда въ головѣ перебывало; а вѣдь, право, заставила бъ! Самъ напрашивался, вѣришь иль нѣтъ? Правда, онъ лгалъ, да вѣдь падокъ ужь очень, выдержать не можетъ. Да потомъ, слава Богу, подумала: стоитъ онъ такой злости! И такъ мнѣ мерзко стало тогда вдругъ на него, что еслибъ и самъ присватался, не пошла бы. И цѣлыя-то пять лѣтъ я такъ форсила! нѣтъ, ужь лучше на улицу, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть! Иль разгуляться съ Рогожинымъ, иль завтра же въ прачки пойдти! Потому вѣдь на мнѣ ничего своего; уйду—все ему брошу, послѣднюю тряпку оставлю, а безъ всего меня кто возьметъ, спроси-ка вотъ Ганю, возьметъ ли? Да меня и Фердыщенко не возьметъ!...

— Фердыщенко, можетъ-быть, не возьметъ, Настасья Филипповна, я человѣкъ откровенный, перебилъ Фердыщенко,— зато князь возьметъ! Вы вотъ сидите да плачетесь, а вы взгляните-ка на князя! Я ужь давно наблюдаю....

Настасья Филипповна съ любопытствомъ обернулась къ князю.

— Правда? спросила она.

— Правда, прошепталъ князь.

— Возьмете какъ есть, безъ ничего!

— Возьму, Настасья Филипповна....

— Вотъ и новый анекдотъ! пробормоталъ генералъ:—Ожидать было можно.

Князь скорбнымъ, строгимъ и проницающимъ взглядомъ смотрѣлъ въ лицо продолжавшей его оглядывать Настасьи Филипповны.

— Вотъ еще нашелся! сказала она вдругъ, обращаясь опять къ Дарьѣ Алексѣевнѣ:—а вѣдь впрямь отъ добраго сердца, я его знаю. Благодѣтеля нашла! А впрочемъ, правду, можетъ, про него говорятъ, что.... *того*. Чѣмъ жить-то будешь, коли ужь такъ влюбленъ, что Рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?...

— Я васъ честную беру, Настасья Филипповна, а не Рогожинскую, сказалъ князь.

— Это я-то честная?

— Вы.

— Ну, это тамъ.... изъ романовъ! Это, князь-голубчикъ, старыя бредни, а нынче свѣтъ поумнѣлъ, и все это вздоръ! Да и куда тебѣ жениться, за тобой за самимъ еще няньку нужно!

Князь всталъ и дрожащимъ, робкимъ голосомъ, но въ то же время съ видомъ глубоко убѣжденнаго человѣка произнесъ:

— Я ничего не знаю, Настасья Филипповна, я ничего не видѣлъ, вы правы, но я.... я сочту, что вы мнѣ, а не я сдѣлаю честь. Я ничто, а вы страдали и изъ такого ада чистая вышли, а это много. Къ чему же вы стыдитесь, да съ Рогожинымъ ѣхать хотите? Это лихорадка.... Вы господину Тоцкому семьдесятъ тысячъ отдали и говорите, что все что̀ здѣсь есть, все бросите, этого никто здѣсь не сдѣлаетъ. Я васъ.... Настасья Филипповна.... люблю. Я умру за васъ, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про васъ слова сказать, Настасья Филипповна.... Если мы будемъ бѣдны, я работать буду, Настасья Филипповна....

При послѣднихъ словахъ послышалось хихиканье Фердыщенка, Лебедева, и даже генералъ про себя какъ-то крякнулъ съ большимъ неудовольствіемъ. Птицынъ и Тоцкій не могли не улыбнуться, но сдержались. Остальные просто разинули рты отъ удивленія.

— ...Но мы, можетъ-быть, будемъ не бѣдны, а очень богаты,

Настасья Филипповна, продолжалъ князь тѣмъ же робкимъ голосомъ.—Я, впрочемъ, не знаю навѣрно, и жаль, что до сихъ поръ еще узнать ничего не могъ въ цѣлый день, но я получилъ въ Швейцаріи письмо изъ Москвы, отъ одного господина Салазкина, и онъ меня увѣдомляетъ, что я будто бы могу получить очень большое наслѣдство. Вотъ это письмо....

Князь дѣйствительно вынулъ изъ кармана письмо.

— Да онъ ужь не бредитъ ли? пробормоталъ генералъ: — сумашедшій домъ настоящій!

На мгновеніе послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Вы, кажется, сказали, князь, что письмо къ вамъ отъ Салазкина? спросилъ Птицынъ: — это очень извѣстный въ своемъ кругу человѣкъ; это очень извѣстный ходокъ по дѣламъ, и если дѣйствительно онъ васъ увѣдомляетъ, то вполнѣ можете вѣрить. Къ счастію, я руку знаю, потому что недавно дѣло имѣлъ.... Еслибы вы дали мнѣ взглянуть, можетъ-быть, могъ бы вамъ что-нибудь и сказать.

Князь, молча, дрожащею рукой протянулъ ему письмо.

— Да что̀ такое, что̀ такое? спохватился генералъ, смотря на всѣхъ какъ полоумный: — да неужто наслѣдство?

Всѣ устремили взгляды на Птицына, читавшаго письмо. Общее любопытство получило новый и чрезвычайный толчокъ. Фердыщенку не сидѣлось; Рогожинъ смотрѣлъ въ недоумѣніи и въ ужасномъ безпокойствѣ переводилъ взгляды то на князя, то на Птицына. Дарья Алексѣевна въ ожиданіи была какъ на иголкахъ. Даже Лебедевъ не утерпѣлъ, вышелъ изъ своего угла, и согнувшись въ три погибели, сталъ заглядывать въ письмо чрезъ плечо Птицына, съ видомъ человѣка, опасающагося, что ему сейчасъ дадутъ за это колотушку.

IX.

— Вѣрное дѣло, объявилъ, наконецъ, Птицынъ, складывая письмо и передавая его князю.—Вы получаете безо всякихъ хлопотъ, по неоспоримому духовному завѣщанію вашей тетки, чрезвычайно большой капиталъ.

— Быть не можетъ! воскликнулъ генералъ, точно выстрѣлилъ.

Всѣ опять разинули рты.

Птицынъ объяснилъ, обращаясь преимущественно къ Ивану Ѳедоровичу, что у князя пять мѣсяцевъ тому назадъ умерла тетка, которой онъ никогда не зналъ лично, родная и старшая сестра матери князя, дочь московскаго купца третьей гильдіи, Папушина, умершаго въ бѣдности и въ банкротствѣ. Но старшій, родной братъ этого Папушина, недавно также умершій, былъ извѣстный богатый купецъ. Съ годъ тому назадъ у него умерли почти въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ два его единственные сына. Это такъ его поразило, что старикъ недолго спустя самъ заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вдовъ, совершенно никого наслѣдниковъ, кромѣ тетки князя, родной племянницы Папушина, весьма бѣдной женщины и прижившей въ чужомъ домѣ. Во время полученія наслѣдства, эта тетка уже почти умирала отъ водяной, но тотчасъ же стала разыскивать князя, поручивъ это Салазкину, и успѣла сдѣлать завѣщаніе. Повидимому, ни князь, ни докторъ, у котораго онъ жилъ въ Швейцаріи, не захотѣли ждать офиціальныхъ увѣдомленій или дѣлать справки, а князь, съ письмомъ Салазкина въ карманѣ, рѣшился отправиться самъ....

— Одно только могу вамъ сказать, заключилъ Птицынъ, обращаясь къ князю,—что все это должно быть безспорно и право, и все, что̀ пишетъ вамъ Салазкинъ о безспорности и законности вашего дѣла, можете принять какъ за чистыя деньги въ карманѣ. Поздравляю васъ, князь! Можетъ-быть, тоже милліона полтора получите, а пожалуй что и больше. Папушинъ былъ очень богатый купецъ.

— Ай-да послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ! завопилъ Фердыщенко.

— Ура! пьянымъ голоскомъ прохрипѣлъ Лебедевъ.

— А я-то ему давеча двадцать пять цѣлковыхъ ссудилъ бѣдняжкѣ, ха-ха-ха! фантасмагорія, да и только! почти отемнѣвшій отъ изумленія, проговорилъ генералъ: — ну, поздравляю, поздравляю!—и вставъ съ мѣста, подошелъ къ князю обнять его. За нимъ стали вставать и другіе, и тоже полѣзли къ князю. Даже отретировавшіеся за портьеру стали появляться въ гостиной. Пошелъ смутный говоръ, восклицанія, раздались даже требованія шампанскаго; все заторопилось, засуетилось. На мгновеніе чуть не позабыли Настасью Филипповну и что все-таки она хозяйка своего вечера. Но мало-по-малу всѣмъ почти разомъ представилась идея, что

князь только-что сдѣлалъ ей предложеніе. Дѣло, сталобыть, представлялось еще втрое болѣе сумашедшимъ и необыкновеннымъ чѣмъ прежде. Глубоко изумленный, Тоцкій пожималъ плечами; почти только онъ одинъ и сидѣлъ, остальная толпа вся въ безпорядкѣ тѣснилась вокругъ стола. Всѣ утверждали потомъ, что съ этого-то мгновенія Настасья Филипповна и помѣшалась. Она продолжала сидѣть и нѣкоторое время оглядывала всѣхъ страннымъ, удивленнымъ какимъ-то взглядомъ, какъ бы не понимая и силясь сообразить. Потомъ она вдругъ обратилась къ князю, и грозно нахмуривъ брови, пристально его разглядывала; но это было на мгновеніе; можетъ-быть, ей вдругъ показалось, что все это шутка, насмѣшка; но видъ князя тотчасъ ее разувѣрилъ. Она задумалась, опять потомъ улыбнулась, какъ бы не сознавая ясно чему....

— Значитъ, въ самомъ дѣлѣ княгиня! прошептала она про себя какъ бы насмѣшливо, и взглянувъ нечаянно на Дарью Алексѣевну, засмѣялась. — Развязка неожиданная.... я.... не такъ ожидала.... Да что же вы, господа, стоите, сдѣлайте одолженіе, садитесь, поздравьте меня съ княземъ! Кто-то, кажется, просилъ шампанскаго; Фердыщенко, сходите, прикажите. Катя, Паша, увидала она вдругъ въ дверяхъ своихъ дѣвушекъ,—подите сюда, я замужъ выхожу, слышали? За князя, у него полтора милліона, онъ князь Мышкинъ и меня беретъ!

— Да и съ богомъ, матушка, пора! Нечего пропускать-то! крикнула Дарья Алексѣевна, глубоко потрясенная происшедшимъ.

— Да садись же подлѣ меня, князь, продолжала Настасья Филипповна,—вотъ такъ, а вотъ и вино несутъ, поздравьте же, господа!

— Ура! крикнуло множество голосовъ. Многіе затѣснились къ вину, въ томъ числѣ были почти всѣ Рогожинцы. Но хоть они и кричали, и готовы были кричать, но многіе изъ нихъ, несмотря на всю странность обстоятельствъ и обстановки, почувствовали, что декорація перемѣняется. Другіе были въ смущеніи и ждали недовѣрчиво. А многіе шептали другъ другу, что вѣдь дѣло это самое обыкновенное, что мало ли на комъ князья женятся, и Цыганокъ изъ таборовъ берутъ. Самъ Рогожинъ стоялъ и глядѣлъ, искрививъ лицо въ неподвижную, недоумѣвающую улыбку.

— Князь, голубчикъ, опомнись! съ ужасомъ шепнулъ генералъ, подойдя съ боку и дергая князя за рукавъ.

Настасья Филипповна замѣтила и захохотала.

— Нѣтъ, генералъ! Я теперь и сама княгиня, слышали,—князь меня въ обиду не дастъ! Аѳанасій Ивановичъ, поздравьте вы-то меня; я теперь съ вашею женой вездѣ рядомъ сяду; какъ вы думаете, выгодно такого мужа имѣть? Полтора милліона, да еще князь, да еще, говорятъ, идіотъ въ придачу, чего лучше? Только теперь и начнется настоящая жизнь! Опоздалъ, Рогожинъ! Убирай свою пачку, я за князя замужъ выхожу и сама богаче тебя!

Но Рогожинъ постигъ въ чемъ дѣло. Невыразимое страданіе отпечатлѣлось въ лицѣ его. Онъ всплеснулъ руками, и стонъ вырвался изъ его груди.

— Отступись! прокричалъ онъ князю.

Кругомъ засмѣялись.

— Это для тебя отступиться-то? торжествуя подхватила Дарья Алексѣевна:—ишь, деньги вывалилъ на столъ, мужикъ! Князь-то замужъ беретъ, а ты безобразничать явился!

— И я беру! Сейчасъ беру, сію минуту! Все отдамъ....

— Ишь, пьяный изъ кабака, выгнать тебя надо! въ негодованіи повторила Дарья Алексѣевна.

Смѣхъ пошелъ пуще.

— Слышишь, князь, обратилась къ нему Настасья Филипповна,—вотъ какъ твою невѣсту мужикъ торгуетъ.

— Онъ пьянъ, сказалъ князь.—Онъ васъ очень любитъ.

— А не стыдно тебѣ потомъ будетъ, что твоя невѣста чуть съ Рогожинымъ не уѣхала?

— Это вы въ лихорадкѣ были; вы и теперь въ лихорадкѣ, какъ въ бреду.

— И не постыдишься, когда потомъ тебѣ скажутъ, что твоя жена у Тоцкаго въ содержанкахъ жила?

— Нѣтъ, не постыжусь.... Вы не по своей волѣ у Тоцкаго были.

— И никогда не попрекнешь?

— Не попрекну.

— Ну, смотри, за всю жизнь не ручайся!

— Настасья Филипповна, сказалъ князь, тихо и какъ бы съ состраданіемъ,—я вамъ давеча говорилъ, что за честь приму ваше согласіе, и что вы мнѣ честь дѣлаете, а не я вамъ. Вы на эти слова усмѣхнулись, и кругомъ, я слышалъ,

тоже смѣялись. Я, можетъ-быть, смѣшно очень выразился и былъ самъ смѣшонъ, но мнѣ все казалось, что я.... понимаю въ чемъ честь и увѣренъ, что я правду сказалъ. Вы сейчасъ загубить себя хотѣли, безвозвратно, потому, потому что вы никогда не простили бы себѣ потомъ этого: а вы ни въ чемъ не виноваты. Быть не можетъ, чтобы ваша жизнь совсѣмъ уже погибла. Что жь такое, что къ вамъ Рогожинъ прителъ, а Гаврила Ардаліоновичъ васъ обмануть хотѣлъ? Зачѣмъ вы безпрестанно про это упоминаете? То, что вы сдѣлали, на то не многіе способны, это я вамъ повторяю, а что вы съ Рогожинымъ ѣхать хотѣли, то это вы въ болѣзненномъ припадкѣ рѣшили. Вы и теперь въ припадкѣ, и лучше бы вамъ идти въ постель. Вы завтра же въ прачки бы пошли, а не остались бы съ Рогожинымъ. Вы горды, Настасья Филипповна, но, можетъ-быть, вы уже до того несчастны, что и дѣйствительно виновною себя считаете. За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами. Я давеча вашъ портретъ увидалъ, и точно я знакомое лицо узналъ. Мнѣ тотчасъ показалось, что вы какъ будто уже звали меня.... Я.... я васъ буду всю жизнь уважать, Настасья Филипповна, заключилъ вдругъ князь, какъ бы вдругъ опомнившись, покраснѣвъ и сообразивъ предъ какими людьми онъ это говоритъ.

Птицынъ такъ даже отъ цѣломудрія наклонилъ голову и смотрѣлъ въ землю. Тоцкій про себя подумалъ: „идіотъ, а знаетъ, что лестью всего лучше возьмешь; натура!“ Князь замѣтилъ тоже изъ угла сверкающій взглядъ Гани, которымъ тотъ какъ бы хотѣлъ испепелить его.

— Вотъ такъ добрый человѣкъ! провозгласила умилившаяся Дарья Алексѣевна.

— Человѣкъ образованный, но погибшій! вполголоса прошепталъ генералъ.

Тоцкій взялъ шляпу и приготовился встать, чтобы тихонько скрыться. Онъ и генералъ переглянулись, чтобы выйдти вмѣстѣ.

— Спасибо, князь, со мной такъ никто не говорилъ до сихъ поръ, проговорила Настасья Филипповна, — меня все торговали, а замужъ никто еще не сваталъ изъ порядочныхъ людей. Слышали, Аѳанасій Иванычъ? Какъ вамъ покажется все, что князь говорилъ? Вѣдь почти что неприлично.... Рогожинъ! Ты погоди уходить-то. Да ты и не уйдешь,

я вижу. Можетъ, я еще съ тобой отправлюсь. Ты куда везти-то хотѣлъ?

— Въ Екатерингофъ, отрапортовалъ изъ угла Лебедевъ, а Рогожинъ только вздрогнулъ и смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ бы не вѣря себѣ. Онъ совсѣмъ отупѣлъ, точно отъ ужаснаго удара по головѣ.

— Да что̀ ты, что̀ ты, матушка! Подлинно припадки находятъ; съ ума, что ли, сошла? вскинулась испуганная Дарья Алексѣевна.

— А ты и впрямь думала? хохоча вскочила съ дивана Настасья Фи́липповна: — этакого-то младенца сгубить? Да это Аѳанасію Иванычу въ ту жь пору: это онъ младенцевъ любитъ! Ѣдемъ, Рогожинъ! Готовь свою пачку! Ничего, что жениться хочешь, а деньги-то все-таки давай. Я за тебя-то еще и не пойду, можетъ-быть. Ты думалъ, что какъ самъ жениться хотѣлъ, такъ пачка у тебя и останется? Врешь! Я сама безстыдница! Я Тоцкаго наложницей была.... Князь! тебѣ теперь надо Аглаю Епанчину, а не Настасью Филипповну, а то что̀—Фердыщенко-то пальцами будетъ указывать! Ты не боишься, да я буду бояться, что тебя загубила, да что потомъ попрекнешь! А что ты объявляешь, что я честь тебѣ сдѣлаю, такъ про то Тоцкій знаетъ. А Аглаю-то Епанчину ты, Ганечка, просмотрѣлъ; зналъ ли ты это? Не торговался бы ты съ ней, она непремѣнно бы за тебя вышла! Вотъ такъ-то вы всѣ: или съ безчестными, или съ честными женщинами знаться,—одинъ выборъ! А то непремѣнно спутаешься.... Ишь, генералъ-то смотритъ, ротъ раскрылъ....

— Это Содомъ, Содомъ! повторялъ генералъ, вскидывая плечами. Онъ тоже всталъ съ дивана; всѣ опять были на ногахъ. Настасья Филипповна была какъ бы въ изступленіи.

— Неужели! простоналъ князь, ломая руки.

— А ты думалъ, нѣтъ? Я, можетъ-быть, и сама гордая, нужды нѣтъ что безстыдница! Ты меня совершенствомъ давеча называлъ; хорошо совершенство, что изъ одной похвальбы, что милліонъ и княжество растоптала, въ трущобу идетъ! Ну какая я тебѣ жена послѣ этого? Аѳанасій Иванычъ, а вѣдь милліонъ-то я и въ самомъ дѣлѣ въ окно выбросила! Какъ же вы думали, что я за Ганечку, да за ваши семьдесятъ пять тысячъ за счастье выйдти сочту? Семьде-

сятъ пять тысячъ ты возьми себѣ, Аѳанасій Иванычъ (и до ста-то не дошелъ, Рогожинъ перещеголялъ!), а Ганечку я утѣшу сама, мнѣ мысль пришла. А теперь я гулять хочу, я вѣдь уличная! Я десять лѣтъ въ тюрьмѣ просидѣла, теперь мое счастье! Что же ты, Рогожинъ? Собирайся, ѣдемъ!

— Ѣдемъ! заревѣлъ Рогожинъ, чуть не въ изступленіи отъ радости: — ей вы.... кругомъ.... вина! Ухъ!...

— Припасай вина, я пить буду. А музыка будетъ?

— Будетъ, будетъ! Не подходи! завопилъ Рогожинъ въ изступленіи, увидя, что Дарья Алексѣевна подходитъ къ Настасьѣ Филипповнѣ.—Моя! Все мое! Королева! Конецъ!

Онъ отъ радости задыхался; онъ ходилъ вокругъ Настасьи Филипповны и кричалъ на всѣхъ: „не подходи!“ Вся компанія уже набилась въ гостиную. Одни пили, другіе кричали и хохотали, всѣ были въ самомъ возбужденномъ и непринужденномъ состояніи духа. Фердыщенко начиналъ пробовать къ нимъ пристроиться. Генералъ и Тоцкій сдѣлали опять движеніе поскорѣе скрыться. Ганя тоже былъ со шляпой въ рукѣ, но онъ стоялъ молча и все еще какъ бы оторваться не могъ отъ развивавшейся предъ нимъ картины.

— Не подходи! кричалъ Рогожинъ.

— Да что ты орешь-то! хохотала на него Настасья Филипповна;—я еще у себя хозяйка; захочу, еще тебя въ толчки выгоню. Я не взяла еще съ тебя денегъ-то, вонъ онѣ лежатъ; давай ихъ сюда, всю пачку! Это въ этой-то пачкѣ сто тысячъ? Фу, какая мерзость! Чего ты, Дарья Алексѣевна? Да неужто же мнѣ его загубить было? (Она показала на князя.) Гдѣ ему жениться, ему самому еще няньку надо; вонъ генералъ и будетъ у него въ нянькахъ,—ишь за нимъ увивается! Смотри, князь, твоя невѣста деньги взяла, потому что она распутная, а ты ее брать хотѣлъ! Да что ты плачешь-то? Горько, что ли? А ты смѣйся, по-моему (продолжала Настасья Филипповна, у которой у самой засверкали двѣ крупныя слезы на щекахъ). Времени вѣрь—все пройдетъ! Лучше теперь одуматься чѣмъ потомъ.... Да что вы все плачете — вотъ и Катя плачетъ! Чего ты, Катя, милая? Я вамъ съ Пашей много оставляю, уже распорядилась, а теперь прощайте! Я тебя, честную дѣвушку, за собой за распутной ухажи-

вать заставляла.... Этакъ-то лучше, князь, право лучше, потомъ презирать меня сталъ бы, и не было бы намъ счастья! Не клянись, не вѣрю! Да и какъ глупо-то было бы!... Нѣтъ, лучше простимся по-доброму, а то вѣдь я и сама мечтательница, проку бы не было! Развѣ я сама о тебѣ не мечтала? Это ты правъ, давно мечтала, еще въ деревнѣ у него, пять лѣтъ прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь,—и вотъ все такого какъ ты воображала, добраго, честнаго, хорошаго и такого же глупенькаго, что̀ вдругъ придетъ, да и скажетъ: „Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я васъ обожаю!“ Да такъ бывало размечтаешься, что съ ума сойдешь.... А тутъ пріѣдетъ вотъ этотъ: мѣсяца по два гостилъ въ году, опозоритъ, разобидитъ, распалитъ, развратитъ, уѣдетъ,—такъ тысячу разъ въ прудъ хотѣла кинуться, да подла была, души не хватало, ну, а теперь.... Рогожинъ, готовъ?

— Готово! Не подходи!

— Готово! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Тройки ждутъ съ колокольчиками!

Настасья Филипповна схватила въ руки пачку.

— Ганька, ко мнѣ мысль пришла: я тебя вознаградить хочу, потому за что̀ же тебѣ все-то терять? Рогожинъ, доползетъ онъ на Васильевскій за три цѣлковыхъ?

— Доползетъ!

— Ну, такъ слушай же, Ганя, я хочу на твою душу въ послѣдній разъ посмотрѣть; ты меня самъ цѣлые три мѣсяца мучилъ; теперь мой чередъ. Видишь ты эту пачку, въ ней сто тысячъ! Вотъ я ее сейчасъ брошу въ каминъ, въ огонь, вотъ при всѣхъ, всѣ свидѣтели! Какъ только огонь обхватитъ ее всю,—полѣзай въ каминъ, но только безъ перчатокъ, съ голыми руками, и рукава отверни, и тащи пачку изъ огня! Вытащишь—твоя, всѣ сто тысячъ твои! Капельку только пальчики обожжешь,—да вѣдь сто тысячъ, подумай! Долго ли выхватить! А я на душу твою полюбуюсь, какъ ты за моими деньгами въ огонь полѣзешь. Всѣ свидѣтели, что пачка будетъ твоя! А не полѣзешь, такъ и сгоритъ; никого не пущу. Прочь! Всѣ прочь! Мои деньги! Я ихъ за ночь у Рогожина взяла. Мои ли деньги, Рогожинъ?

— Твои, радость! Твои, королева!

— Ну, такъ всѣ прочь, что̀ хочу, то и дѣлаю! Не мѣшать! Федьщенко, поправьте огонь!

— Настасья Филипповна, руки не подымаются! отвѣчалъ ошеломленный Фердыщенко.

— Э-эхъ! крикнула Настасья Филиповна, схватила каминные щипцы, разгребла два тлѣвшія полѣна, и чуть только вспыхнулъ огонь, бросила на него пачку.

Крикъ раздался кругомъ; многіе даже перекрестились.

— Съ ума сошла, съ ума сошла! кричали кругомъ.

— Не.... не.... связать ли намъ ее? шепнулъ генералъ Птицыну:—или не послать ли.... Съ ума вѣдь сошла, вѣдь сошла? Сошла?

— Н-нѣтъ, это, можетъ-быть, не совсѣмъ сумашествіе, прошепталъ блѣдный какъ платокъ и дрожащій Птицынъ, не въ силахъ отвести глазъ своихъ отъ затлѣвшейся пачки.

— Сумашедшая? Вѣдь сумашедшая? приставалъ генералъ къ Тоцкому.

— Я вамъ говорилъ, что *колоритная* женщина, пробормоталъ тоже отчасти поблѣднѣвшій Аѳанасій Ивановичъ.

— Но вѣдь, однакожъ, сто тысячъ!...

— Господи, Господи! раздавалось кругомъ. Всѣ затѣснились вокругъ камина, всѣ лѣзли смотрѣть, всѣ восклицали.... Иные даже вскочили на стулья, чтобы смотрѣть черезъ головы. Дарья Алексѣевна выскочила въ другую комнату и въ страхѣ шепталась о чемъ-то съ Катей и съ Пашей. Красавица-Нѣмка убѣжала.

— Матушка! Королевна! Всемогущая! вопилъ Лебедевъ, ползая на колѣнкахъ передъ Настасьей Филипповной и простирая руки къ камину:—сто тысячъ! Сто тысячъ! Самъ видѣлъ, при мнѣ упаковывали! Матушка! Милостивая! Повели мнѣ въ каминъ: весь влѣзу, всю голову свою сѣдую въ огонь вложу!... Больная жена безъ ногъ, тринадцать человѣкъ дѣтей—все сироты, отца схоронилъ на прошлой недѣлѣ, голодный сидитъ, Настасья Филиповна!! и провопивъ, онъ поползъ было въ каминъ.

— Прочь! закричала Настасья Филипповна, отталкивая его:—разступитесь всѣ! Ганя, чего же ты стоишь? Не стыдись! Полѣзай! Твое счастье!...

Но Ганя уже слишкомъ много вынесъ въ этотъ день и въ этотъ вечеръ, и къ этому послѣднему неожиданному испытанію былъ не приготовленъ. Толпа разступилась предъ ними на двѣ половины, и онъ остался глазъ на глазъ съ Настасьей Филипповной, въ трехъ шагахъ отъ нея разстоянія. Она

стояла у самого камина и ждала, не спуская съ него огненнаго, пристальнаго взгляда. Ганя, во фракѣ, со шляпой въ рукѣ и съ перчатками, стоялъ предъ нею молча и безотвѣтно, скрестивъ руки и смотря на огонь. Безумная улыбка бродила на его блѣдномъ какъ платокъ лицѣ. Правда, онъ не могъ отвести глазъ отъ огня, отъ затлѣвшейся пачки; но, казалось, что-то новое взошло ему въ душу; какъ будто онъ поклялся выдержать пытку; онъ не двигался съ мѣста; черезъ нѣсколько мгновеній всѣмъ стало ясно, что онъ не пойдетъ за пачкой, не хочетъ идти.

— Эй сгорятъ, тебя же застыдятъ, кричала ему Настасья Филипповна, — вѣдь послѣ повѣсишься, я не шучу!

Огонь, вспыхнувшій вначалѣ между двумя дотлѣвавшими головнями, сперва было потухъ, когда упала на него и придавила его пачка. Но маленькое, синее пламя еще цѣплялось снизу за одинъ уголъ нижней головешки. Наконецъ тонкій, длинный язычокъ огня лизнулъ и пачку, огонь прицѣпился и побѣжалъ вверхъ по бумагѣ по угламъ, и вдругъ вся пачка вспыхнула въ каминѣ, и яркое пламя рванулось вверхъ. Всѣ ахнули.

— Матушка! все еще вопилъ Лебедевъ, опять порываясь впередъ, но Рогожинъ оттащилъ и оттолкнулъ его снова.

Самъ Рогожинъ весь обратился въ одинъ неподвижный взглядъ. Онъ оторваться не могъ отъ Настасьи Филипповны, онъ упивался, онъ былъ на седьмомъ небѣ.

— Вотъ это такъ королева! повторялъ онъ поминутно, обращаясь кругомъ къ кому ни попало:—вотъ это такъ по-нашему! вскрикивалъ онъ не помня себя.—Ну кто изъ васъ, мазурики, такую штуку сдѣлаетъ—а?

Князь наблюдалъ грустно и молча.

— Я зубами выхвачу за одну только тысячу! предложилъ было Фердыщенко.

— Зубами-то и я бы сумѣлъ! проскрежеталъ кулачный господинъ сзади всѣхъ въ припадкѣ рѣшительнаго отчаянія.—Ч-чоррть возьми! Горитъ, все сгоритъ! вскричалъ онъ, увидѣвъ пламя.

— Горитъ, горитъ! кричали всѣ въ одинъ голосъ, почти всѣ тоже порываясь къ камину.

— Ганя, не ломайся, въ послѣдній разъ говорю!

— Полѣзай! заревѣлъ Фердыщенко, бросаясь къ Ганѣ въ

рѣшительномъ изступленіи и дергая его за рукавъ: — полѣзай, фанфаронишка! Сгоритъ! О пр-р-проклятый!

Ганя съ силой оттолкнулъ Фердыщенка, повернулся и пошелъ къ дверямъ; но не сдѣлавъ и двухъ шаговъ, зашатался и грохнулся объ полъ.

— Обморокъ! закричали кругомъ.

— Матушка, сгорятъ! вопилъ Лебедевъ.

— Даромъ сгорятъ! ревѣли со всѣхъ сторонъ.

— Катя, Паша, воды ему, спирту! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы и выхватила пачку. Вся почти наружная бумага обгорѣла и тлѣла, но тотчасъ же было видно, что внутренность была нетронута. Пачка была обернута въ тройной газетный листъ, и деньги были цѣлы. Всѣ вздохнули свободнѣе.

— Развѣ только тысчоночка какая-нибудь поиспортилась, а остальныя всѣ цѣлы, съ умиленіемъ выговорилъ Лебедевъ.

— Всѣ его! Вся пачка его! Слышите, господа! провозгласила Настасья Филипповна, кладя пачку возлѣ Гани: — а не пошелъ-таки, выдержалъ! Значитъ, самолюбія еще больше чѣмъ жажды денегъ. Ничего, очнется! А то бы зарѣзалъ, пожалуй.... вонъ ужь и приходитъ въ себя. Генералъ, Иванъ Петровичъ, Дарья Алексѣевна, Катя, Паша, Рогожинъ, слышали? Пачка его, Ганина. Я отдаю ему въ полную собственность, въ вознагражденіе.... ну, тамъ, чего бы то ни было! Скажите ему. Пусть тутъ подлѣ него и лежитъ.... Рогожинъ, маршъ! Прощай, князь, въ первый разъ человѣка видѣла! Прощайте, Аѳанасій Ивановичъ, mercі!

Вся Рогожинская ватага съ шумомъ, съ громомъ, съ криками пронеслась по комнатамъ къ выходу, вслѣдъ за Рогожинымъ и Настасьей Филипповной. Въ залѣ дѣвушки подали ей шубу; кухарка Марѳа прибѣжала изъ кухни. Настасья Филипповна всѣхъ ихъ перецѣловала.

— Да неужто, матушка, вы насъ совсѣмъ покидаете? Да куда же вы пойдете? И еще въ день рожденія, въ такой день! спрашивали расплакавшіяся дѣвушки, цѣлуя у ней руки.

— На улицу пойду, Катя, ты слышала, тамъ мнѣ и мѣсто, а не то въ прачки! Довольно съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ! Кланяйтесь ему отъ меня, а меня не поминайте лихомъ....

Князь стремглавъ бросился къ подъѣзду, гдѣ всѣ разса-

живались на четырехъ тройкахъ съ колокольчиками. Генералъ успѣлъ догнать его еще на лѣстницѣ.

— Помилуй, князь, опомнись! говорилъ онъ, хватая его за руку: — брось! Видишь какая она! Какъ отецъ говорю....

Князь поглядѣлъ на него, но не сказавъ ни слова, вырвался и побѣжалъ внизъ.

У подъѣзда, отъ котораго только-что откатили тройки, генералъ разглядѣлъ, что князь схватилъ перваго извощика и крикнулъ ему въ Екатерингофъ, вслѣдъ за тройками. Затѣмъ подкатилъ генеральскій сѣренькій рысачокъ и увлекъ генерала домой, съ новыми надеждами и разчетами, и съ давешнимъ жемчугомъ, который генералъ все-таки не забылъ взять съ собой. Между разчетами мелькнулъ ему раза два и соблазнительный образъ Настасьи Филипповны; генералъ вздохнулъ:

— Жаль! Искренно жаль! Погибшая женщина! Женщина сумашедшая!... Ну-съ, а князю теперь не Настасью Филипповну надо... Такъ что даже и хорошо, что такъ обернулось.

Въ этомъ же родѣ нѣсколько нравоучительныхъ и напутственныхъ словъ произнесено было и другими двумя собесѣдниками изъ гостей Настасьи Филипповны, разсудившими пройдти нѣсколько пѣшкомъ.

— Знаете, Аѳанасій Ивановичъ, это, какъ говорятъ, у Японцевъ въ этомъ родѣ бываетъ, говорилъ Иванъ Петровичъ Птицынъ:—обиженный тамъ будто бы идетъ къ обидчику и говоритъ ему: „ты меня обидѣлъ, за это я пришелъ распороть въ твоихъ глазахъ свой животъ“, и съ этими словами дѣйствительно распарываетъ въ глазахъ обидчика свой животъ и чувствуетъ, должно-быть, чрезвычайное удовлетвореніе, точно и въ самомъ дѣлѣ отмстилъ. Странные бываютъ на свѣтѣ характеры, Аѳанасій Ивановичъ!

— А вы думаете, что и тутъ въ этомъ родѣ было, отвѣтилъ съ улыбкой Аѳанасій Ивановичъ,—гм! Вы однакожь остроумно.... и прекрасное сравненіе привели. Но вы видѣли однакоже сами, милѣйшій Иванъ Петровичъ, что я сдѣлалъ все что̀ могъ; не могу же я сверхъ возможнаго, согласитесь сами? Но согласитесь, однакожь, и съ тѣмъ, что въ этой женщинѣ присутствовали капитальныя достоинства.... блестящія черты. Я давеча ей крикнуть даже хотѣлъ, еслибы могъ только себѣ это позволить при этомъ содомѣ, что

она сама есть самое лучшее мое оправданіе на всѣ ея обвиненія. Ну кто не плѣнился бы иногда этою женщиной до забвенія разсудка и.... всего? Смотрите, этотъ мужикъ, Рогожинъ, сто тысячъ ей приволокъ! Положимъ, это все, что̀ случилось тамъ теперь,—эфемерно, романтично, не прилично, но за то колоритно, за то оригинально, — согласитесь сами. Боже, что̀ бы могло быть изъ такого характера и при такой красотѣ! Но несмотря на всѣ усилія, на образованіе даже,—все погибло! Нешлифованный алмазъ, — я нѣсколько разъ говорилъ это....

И Аѳанасій Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

(Продолженіе въ апрѣльской книжкѣ.)

ЗИМНЯЯ НЕВѢСТА

(Посвящается графу Гр. Ал. Кушелеву-Безбородку.)

Весь въ пыли ночной мятели,
Бѣлый вихрь, изъ полутьмы
Порываясь, льнетъ къ постели
Бабушки зимы.

Складки полога надъ нею
Шевелитъ, задувъ огни,
И поетъ ей: вѣю-вѣю!
Бабушка, засни!

То не вопли, то не стоны —
То бубенчики звенятъ,
То малиновые звоны
По вѣтру летятъ.

То не духи въ гнѣвѣ рьяномъ
Поднимаютъ снѣгъ столбомъ—
То несутся кони съ пьянымъ,
Сонным ямщикомъ.

То не къ бабушкѣ старушкѣ
Скачетъ внучекъ молодой
Прикорнуть къ ея подушкѣ
Буйной головой.

То не къ матушкѣ въ усадьбу
Сынъ летитъ на подставныхъ—
Скачетъ къ дѣвицѣ на свадьбу
Удалой женихъ.

Какъ онъ бѣсится, какъ плачетъ!
Видно молодъ.... не въ терпежъ!...
Тройка медленнѣе скачетъ....
Пробираетъ дрожь....

Очи мглою застилаетъ—
Ни дороги, ни версты,
Только вѣтеръ развѣваетъ
Гривы, да хвосты.

И зачѣмъ спѣшитъ онъ къ мѣсту?
У меня-ли не ночлегъ?
Я совью ему невѣсту
Блѣдную какъ снѣгъ.

Прихвачу летучій локонъ
Я вѣнцомъ изъ бѣлыхъ розъ,
Что̀ раститъ по стекламъ оконъ
Утренній морозъ.

Грудь и плечи оболоку я
Тканью легкой какъ туманъ,
И невѣсты, чуть дохну я,
Всколыхнется станъ.

Вспыхнутъ искристымъ мерцаньемъ
Влажно темные глаза....
И лобзанье за лобзаньемъ....
Скатится слеза!...

Ледяное сердце будетъ
Къ сердцу пламенному льнуть,
Позабывшись, онъ забудетъ
Заметенный путь....

И глядѣть ей будетъ въ очи
Нескончаемые дни,
Нескончаемыя ночи...
Бабушка, засни!...

1868 г. января 9-го.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ

ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ СЕЛЪ

КРЕМЕНЕЦКАГО УѢЗДА

(1862—1863 г.)

Крестьянскіе безпорядки при введеніи уставныхъ грамотъ, въ свое время, дѣлали очень много шуму, но толки о нихъ передавались съ какою-то таинственностію, будто дѣло секретное и не подлежащее огласкѣ. Послѣдняго взгляда, кажется, держалась и администрація. Газеты и журналы, въ свою очередь, только вскользь упоминали о нѣкоторыхъ безпорядкахъ. Вслѣдствіе того, что разказы, переходя изъ устъ въ уста, принимали необыкновенные размѣры, толкованія причинъ были самыя произвольныя. Разныя партіи, которыхъ тогда было не мало, толковали о крестьянскихъ безпорядкахъ каждая съ своей точки зрѣнія. Подъ вліяніемъ разныхъ взглядовъ на дѣло, самые свидѣтели безпорядковъ, передавая разказы, каждый говорилъ иначе: добиться истины не было никакой возможности; о причинахъ безпорядковъ ничего нельзя было сказать положительнаго. Въ западномъ краѣ Поляки-демократы между собой обвиняли крѣпостниковъ-аристократовъ, а громко—правительство, давшее-де неудовлетворительную свободу; въ крестьянскихъ безпорядкахъ они видѣли пользу для себя, имъ казалось даже, что крестьяне вотъ такъ и примкнутъ къ повстанью. Поляки-аристократы, внутренно каждый разумѣя дѣло, предъ другими, даже своими собратами, указы-

вали на глупость крестьянъ, на правительство, на духовенство, на украинофиловъ. Украинофилы, въ свою очередь, какъ на причину безпорядковъ, указывали на помѣщиковъ, злоупотреблявшихъ своимъ правомъ, на національную вражду Малороссовъ и Поляковъ, и радовались, что наконецъ народъ начинаетъ-де выходить изъ своей долгой дремоты. Мѣстное чиновничество указывало просто на тупость крестьянъ, да на какихъ-то неизвѣстныхъ подстрекателей.

Польскіе помѣщики, приписывая безпорядки правительству, говорили, что возмущенія происходятъ вслѣдствіе недовольства крестьянъ правительствомъ, недовольства свободой, и съ своей стороны, дѣйствительно старались обратить данную Государемъ свободу, если не въ бо́льшую, то, по крайней мѣрѣ, въ ту же прежнюю неволю. Это намѣреніе польскихъ помѣщиковъ не исполнилось, можетъ-быть, благодаря главнымъ образомъ повстанью. Наконецъ, Поляки говорили даже, что возмущенія производятся самою администраціей, съ цѣлью поссорить крестьянъ съ помѣщиками и тѣмъ воспрепятствовать переходу первыхъ на сторону повстанья.

Такимъ образомъ, причины крестьянскихъ безпорядковъ такъ и остались не разъясненными; по крайней мѣрѣ, еще никто не пытался составить о нихъ изслѣдованіе — разобрать, сгруппировать и обнародовать факты. Я нахожу, что своевременное и полное обнародованіе этихъ фактовъ принесло бы значительную пользу, и разнымъ господамъ не пришлось бы выдумывать небывалыя вещи, чтобы повредить своимъ противникамъ. Съ этимъ мнѣніемъ читатель, надѣюсь, согласится, когда прочтетъ нашъ разказъ о возмущеніи крестьянъ села Стараго Олексинца, Кременецкаго уѣзда. Теперь, когда минуло четыре года со времени шляхетскаго повстанья, дѣйствительныя причины крестьянскихъ безпорядковъ въ западномъ краѣ представляются рельефно, и читатель, при сообщеніи обстоятельствъ описываемаго нами дѣла, укажетъ ихъ, смѣю полагать, не задумываясь, и укажетъ вѣрно.

I.

„Въ 1862 г. настроеніе крестьянъ было благопріятно для хода дѣла освобожденія ихъ," писалъ волынскій губернаторъ 22-го января 1863 г. „Введеніе уставныхъ грамотъ пріостановилось," говорилъ онъ далѣе, „собственно по причинѣ поздняго раздѣленія помѣщичьихъ имѣній на мѣстности и, вслѣдствіе этого, уставныя грамоты начали вводиться, можно сказать, съ августа мѣсяца 1862 г. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1863 г., въ Волынской губерніи введено въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ 1.855, оставалось еще не введенныхъ 1.521. До Новаго Года крестьяне вообще удовлетворительно исполняли повинности въ пользу владѣльцевъ. Уборка полей и луговъ минувшаго лѣта была произведена съ большимъ успѣхомъ, такъ что къ 15-му августа ничего не оставалось. При всемъ томъ, владѣльцы не безъ тревоги ожидали наступленія 19-го февраля 1863 г., такъ какъ между крестьянами ходила молва, что съ окончаніемъ двухлѣтняго срока, прекратятся обязательныя ихъ отношенія къ владѣльцамъ."

Впрочемъ, описываемая успѣшность введенія грамотъ была только кажущаяся. На самомъ дѣлѣ было нѣсколько не такъ. Почти еще на первыхъ порахъ введенія грамотъ, и особенно съ октября мѣсяца 1862 г., крестьяне энергически заявили свои протесты. Мировые посредники-помѣщики, сначала еще удачно, хотя и не совсѣмъ законно, пользуясь своею властью, насильственными мѣрами старались вводить уставныя грамоты. Вслѣдствіе этого на бумагѣ все обстояло благополучно, но послѣдствія показали, на сколько это было справедливо.

Съ октября мѣсяца 1862 г. и особенно съ новаго 1863 г. стали поступать свѣдѣнія, что крестьянское дѣло начинаетъ принимать неблагопріятный оборотъ. Въ уѣздахъ Новоградволынскомъ, Острогскомъ, Дубенскомъ, Кременецкомъ и другихъ крестьяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ уставныя грамоты были уже введены, цѣлыми обществами отказывались отъ исполненія повинностей въ пользу помѣщиковъ, объявляя, что они будутъ ожидать „царскаго выкупа". Въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ вышли даже изъ повиновенія властямъ. Съ разныхъ сторонъ начальникъ губерніи получалъ, отъ начальниковъ полиціи и мировыхъ посредниковъ, донесенія или о непринятіи крестьянами уставныхъ грамотъ, или объ отказѣ отъ грамотъ уже принятыхъ и введенныхъ.

Въ Новоградволынскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика С—аго, крестьяне отказались отъ принятія уставной грамоты. Уполномоченные отъ крестьянъ, вызванные къ губернатору, явились и получили наставленія и разъясненія. Разъясненія эти они перетолковали въ смыслѣ благопріятномъ для своихъ желаній, и возвратившись въ село, одинъ изъ депутатовъ, волостной судья Оныщукъ, въ присутствіи старшины и другихъ должностныхъ лицъ, объявилъ, что на оброкъ не пойдетъ, а желаетъ получить царскій выкупъ. При этомъ онъ сказалъ, будто самъ губернаторъ говорилъ, что никто не будетъ принуждать ихъ, крестьянъ, принимать грамоту на оброкъ, или на издѣльную повинность, а всѣ прямо получатъ царскій выкупъ. Крестьяне рѣшительно отказались принять грамоту и отбывать повинности въ пользу помѣщика. Грамота была введена безъ согласія крестьянъ, и они оставлены на *издѣльной* повинности. Оныщукъ арестованъ.

Въ Острогскомъ уѣздѣ въ двухъ имѣніяхъ произошло то же. Впрочемъ, въ одномъ изъ этихъ имѣній крестьяне согласились перейдти на оброкъ, съ цѣлью просить содѣйствія правительства къ пріобрѣтенію въ собственность усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій; но когда они отправились къ помѣщику просить на это его согласія, помѣщикъ прогналъ ихъ. Подобные случаи были во многихъ мѣстахъ.

Сообщая о такихъ безпорядкахъ, 22-го января 1863 г., губернаторъ, между прочимъ, писалъ генералъ-губернатору: „Зная преданность здѣшняго крестьянскаго населенія нашему правительству и крайнюю ихъ неразвитость, въ случаяхъ обнаруживающихся безпорядковъ я старался избѣгать крайнихъ мѣръ и нерѣдко успѣвалъ успокоивать крестьянъ мѣрами убѣжденія. Но молва въ настоящее время между временно-обязанными крестьянами о томъ, что, по истеченіи первыхъ двухъ лѣтъ, повинности ихъ въ пользу владѣльцевъ прекратятся, разсѣиваемая, вѣроятно, злоумышленными людьми, съ цѣлью произвести волненія между крестьянами

янами, не мало меня тревожитъ, тѣмъ болѣе, что войска, квартировавшія въ Волынской губерніи, по необходимости, стянуты къ границѣ Царства Польскаго."

Таково было положеніе дѣлъ, когда открылись безпорядки и въ Старомъ Олексинцѣ Кременецкаго уѣзда, имѣніи, принадлежащемъ члену губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія графу Р. Безпорядки эти, какъ увидимъ, имѣли болѣе серіозныя послѣдствія. Вслѣдствіе поступившихъ въ концѣ октября рапортовъ мироваго посредника 1-го участка и начальника полиціи, въ ноябрѣ 1862 г., въ Олексинецкую волость, для введенія грамоты, былъ командированъ членъ губернскаго присутствія, П. Съ этого времени, то-есть съ конца ноября 1862 г. по 7-е января 1863 г., неизвѣстно въ какомъ положеніи находилось дѣло. Дѣйствія члена присутствія П. до 7-го января ничѣмъ не обнаружились. Почему это такъ случилось, гдѣ былъ и что̀ дѣлалъ до 7-го января командированный П. намъ неизвѣстно: вѣроятно, проживалъ въ находящемся недалеко своемъ имѣніи. А между прочимъ, это бездѣйствіе П. и другихъ чиновниковъ, нельзя сказать чтобы было къ лучшему. 7-го января П., кандидатъ посредника Т—скій, исправникъ Д—о и приставъ Х—скій составили актъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что крестьяне „обнаруживали порывы дерзости и готовность къ буйству прогнаніемъ всѣхъ прибывшихъ для ввода грамоты чиновниковъ, сопровождая крикомъ, что никакой грамоты не хотятъ и слушать не будутъ". 8-го января тѣ же лица телеграфировали губернатору: „Олексинецкіе крестьяне отказались принять грамоту, уполномоченныхъ изъ среды себя не дали, постороннихъ добросовѣстныхъ прогнали чиновникамъ и священникамъ дѣлали угрозы. * Опасно для окрестности. Полиція не имѣетъ силы для возстановленія порядка. Въ волости 3.000 душъ, необходимо 600 человѣкъ военной экзекуціи". По полученіи этой телеграммы, для возстановленія порядка, командированъ былъ баталіонъ Орловскаго пѣхотнаго полка изъ мѣстечка Бѣлогородки, Заславскаго уѣзда. По прибытіи войска, началь-

---

* Въ актѣ же сказано: „обнаруживали готовность къ буйству прогнаніемъ чиновниковъ". Дѣлать угрозы и обнаруживать готовность къ буйству — выраженія не одного значенія, и какое изъ нихъ въ этомъ случаѣ болѣе правильно выражаетъ дѣйствія крестьянъ— нельзя сказать.

нику полиціи поручено было арестовать виновныхъ и содержать въ Кременцѣ до введенія грамоты и возстановленія порядка. Если же онъ признаетъ нужнымъ, разрѣшено для арестованія виновныхъ употребить казаковъ, расположенныхъ въ уѣздѣ: „вообще рекомендую вамъ возлагаемое на васъ порученіе исполнить со всею осмотрительностію и благоразуміемъ“, писалъ губернаторъ. Крестьянамъ было приказано избрать уполномоченныхъ и выслать ихъ въ Житоміръ для личнаго объясненія губернаторомъ правилъ закона. Эта обычная мѣра, какъ и въ большей части случаевъ неповиновенія, не имѣла успѣха. 12-го января командированный П., исправникъ Д—о и посредникъ Ч. снова телеграфировали: „Вызовъ депутатовъ въ Житоміръ, при настоящемъ настроеніи умовъ, влечетъ за собою опасныя послѣдствія: можно ожидать, что они передадутъ обществамъ въ противномъ смыслѣ. Замедленіе очевидно: пройдетъ три недѣли, пока они возвратятся. До того времени ни одна грамота не будетъ введена здѣсь и въ окрестности.“ Того же дня (12-го) исправникъ опять писалъ: „Послѣ отправленія донесенія телеграфомъ, для удержанія тишины и спокойствія, вытребована изъ Вишневца сотня казаковъ. Главный бунтовщикъ-подстрекатель схваченъ, отправленъ въ тюрьму. * По приходѣ пѣхоты казаки выйдутъ“. Того же числа (12-го), вечеромъ, онъ и опять писалъ: „Сегодня собралось въ Олексинцѣ около 3.000 человѣкъ. Отказались выбрать депутатовъ въ Житоміръ и подписать рекрутскіе приговоры, отобрали печати отъ старостъ. Наше положеніе оборонительное. Сотня казаковъ, въ полномъ вооруженіи, стоитъ цѣлый день. Толпы не расходятся, несмотря на многократныя внушенія разойдтись. Баталіона нѣтъ“. Послѣ этого, 13-го января, начальнику полиціи было предписано: „Съ казаками, расположенными въ уѣздѣ, средства ваши будутъ весьма достаточны, распорядитесь только съ толкомъ. Войска расквартируйте по квартирамъ, съ продовольствіемъ на счетъ казны. Если Олексинецкое общество не хочетъ избрать и прислать ко мнѣ депутатовъ для разъясненія ему закона и

---

* Въ актѣ объ этомъ ничего не сказано. Говорится только о крестьянинѣ Загнибидѣ, но это до 7-го января, а не 12-го, и тамъ не сказано, чтобъ онъ былъ арестованъ. Отъ чего происходитъ разница—неизвѣстно.

отвѣтственности за его нарушеніе, то и не требуйте. По прибытіи баталіона виновныхъ арестуйте. Соберите общество и объявите ему отъ меня, чтобы между крестьянами немедленно возстановлено было спокойствіе и повиновеніе во всемъ законной власти, а въ случаѣ нарушенія, а тѣмъ болѣе буйства, употреблена будетъ противъ нихъ сила, а войска будутъ расквартированы экзекуціоннымъ порядкомъ, на счетъ общества.“ 14-го января исправникъ телеграфировалъ: „Сегодня собралось крестьянъ болѣе, даже изъ другихъ волостей. Приказаній разойдтись не слушаютъ,—волнуются. Одного крестьянина, уговаривавшаго толпу пристать на грамоту, едва не разорвали,—спасли казаки. Сотня казаковъ день и ночь стоитъ въ боевомъ порядкѣ. Двѣ другія сотни, мною потребованныя, еще не пришли. Баталіона нѣтъ.“ Того же числа пополудни телеграфировано слѣдующее донесеніе, за подписью члена присутствія П., исправника Д—а, кандидата-посредника Т—скаго и помѣщика Р—скаго: „13-го числа ночью толпа крестьянъ бросилась на казаковъ, которые успѣли отбиться. Двѣ женщины ушибены. Крики толпы и казаковъ наполняли воздухъ; тревога не умолкала. Цѣлую ночь мы всѣ были на ногахъ, на сторожѣ, вооружены. Положеніе наше опасно, баталіона нѣтъ; толпы не расходятся.“ Въ отвѣтъ на это, телеграммой, приказано ввесть грамоту безъ согласія крестьянъ. Губернаторъ писалъ далѣе: „За симъ я не вижу причинъ, которыя могли бы вызвать волненія крестьянъ. Дѣйствій вашихъ не одобряю.“ Давно ожидаемый баталіонъ выступилъ въ походъ только 16-го января.

Теперь разсмотримъ подробности Олексинецкаго дѣла, съ 7-го по 14-е января, какъ онѣ изложены въ актѣ, составленномъ и подписанномъ членомъ присутствія П—скимъ, исправникомъ Д—мъ, кандидатомъ посредника Т—скимъ, приставомъ Х—скимъ, сотникомъ Ч—вымъ и священникомъ Б—кимъ. Въ актѣ этомъ, между прочимъ, говорилось: „Крестьяне прогнали сторонникъ добросовѣстныхъ; причемъ обнаруживали порывы дерзости и готовность къ буйству и прогнанію всѣхъ прибывшихъ для введенія грамоты чиновниковъ. Первую мысль объ этомъ подалъ крестьянинъ Ив. Загнибида (онъ же Куць), сопровождая свое сопротивленіе шумомъ и крикомъ, что никакой грамоты не хотятъ и слушать не будутъ, а что грамоту пришлетъ имъ

самъ Царь. Всѣ увѣщанія и вразумленія, какъ со стороны чиновниковъ, такъ и приглашеннаго благочиннаго и мѣстнаго священника, не имѣли успѣха къ возстановленію порядка и послушанія. При такомъ буйномъ настроеніи крестьянъ и рѣшительномъ сопротивленіи и ослушности ихъ, не представляется никакой возможности ввести въ Олексинцѣ грамоту установленнымъ порядкомъ. Остальное время дня, 7-го января, толпы крестьянъ оставались подлѣ корчмы и волостнаго правленія до самой ночи, шумѣли и кричали. На другой день, съ разсвѣтомъ, толпы стали увеличиваться, на третій день еще больше, не только изъ всѣхъ селеній Олексинецкой волости *, но начали подходить крестьяне, въ значительномъ даже числѣ, изъ другихъ волостей и не хотѣли расходиться, несмотря на всѣ приказанія и внушенія разойдтись по домамъ и исполнять свои обязанности. Толпы эти оставались на открытомъ воздухѣ, преимущественно возлѣ корчмы, не только днемъ, но и ночью. Для удержанія толпы и спокойствія, до прихода командированнаго начальникомъ губерніи баталіона пѣхоты, начальникъ полиціи, вслѣдствіе письменнаго требованія члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, ** вытребовалъ сотню казаковъ изъ ближайшаго къ Олексинцу мѣстечка. Сотня эта прибыла въ Олексинецъ 10-го января. На другой и на третій день, то-есть 11-го и 12-го чиселъ, командированные чиновники нѣсколько разъ выходили къ крестьянамъ, собравшимся въ огромномъ числѣ, увѣщевали и вразумляли ихъ къ возстановленію спокойствія и повиновенію во всемъ законной власти. Но всѣ убѣжденія были безсильны къ вразумленію крестьянъ, которые громко кричали, что грамоты пришлетъ имъ самъ Царь, а тѣхъ, которыя имъ были предлагаемы, не примутъ, уполномоченныхъ не дадутъ и сторонникъ добросовѣстныхъ не допустятъ. Когда же одинъ крестьянинъ Н. Шигера, понявъ силу и справедливость убѣжденій и вразумленій, началъ

---

* Здѣсь говорится, что сборъ этотъ былъ 9-го, а въ телеграммѣ 14-го числа.

** Командированный П — скій вообще нигдѣ не выставляется на видъ, впереди дѣйствуетъ исправникъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что казаки вызваны начальникомъ полиціи *вслѣдствіе требованія* г. П—скаго.

уговаривать толпу пристать на грамоту, многіе изъ крестьянъ бросились на него, схватили, начали бить, и ему угрожала большая опасность, но казаки спасли, вырвавъ его изъ рукъ ожесточенныхъ крестьянъ. Другой крестьянинъ, Ив. Рыбицкій, который также совѣтовалъ крестьянамъ не ослушиваться и исполнять требованія начальства по Царскому указу, со слезами просилъ удалить его изъ селенія, говоря, что крестьяне нападаютъ на него, причиняютъ оскорбленія и грозятъ уничтожить, если не будетъ дѣйствовать съ ними заодно. И крестьянинъ этотъ былъ высланъ изъ селенія. Вообще толпы крестьянъ въ этотъ день (12-го) обнаруживали совершенно буйное направленіе къ неповиновенію: не отпускали отъ себя никого, даже сотскихъ и десятскихъ, не хотѣли подписывать приговора на отдачу рекрутъ, отобрали отъ должностныхъ лицъ печати, воспротивились избрать и прислать къ начальнику губерніи депутатовъ, имѣли намѣреніе сорвать установленные царскіе знаки со старостъ, которые успѣли ихъ попрятать. * Цѣлый день до самой ночи оставалась эти буйная толпа подлѣ корчмы и, на многократныя приказанія разойдтись, не хотѣла слушать.“

„13-го числа былъ день воскресный. Начальникъ полиціи, имѣя въ виду, что многіе изъ крестьянъ будутъ въ церкви, и что проповѣдь священника можетъ подѣйствовать на ихъ умы, просилъ объ этомъ священника. Когда же священникъ, послѣ богослуженія, въ проповѣди выразилъ какая тяжкая отвѣтственность падаетъ за неисполненіе закона и воли Государя и за неповиновеніе властямъ его, то крестьяне съ насмѣшкой отвѣчали, что этому не вѣрятъ, а только тому, что̀ относится къ обѣднѣ, и съ шумомъ вышли изъ церкви. По выходѣ присоединились къ общей толпѣ, не далеко отъ самой церкви и вблизи господскаго дома, и въ такомъ положеніи оставались до самаго вечера, а потомъ начали расходиться. Но въ 11 часовъ ночи снова собралась огромная толпа мущинъ и женщинъ подлѣ корчмы. На вопросы казаковъ, занимавшихъ ночные посты, и прибывшихъ сотника

---

* Тутъ выходитъ маленькая странность: старосты успѣли попрятать носимыя на верхнемъ платьѣ медали, а не успѣли попрятать печатей, по всей вѣроятности, бывшихъ въ карманахъ. Странность эта заставляетъ даже сомнѣваться, что крестьяне имѣли намѣреніе снять медали, или что они отбирали печати.

Ч—ова и юнкера Н—ева, для какой надобности собрались въ столь позднее время, отвѣчали, что̀ намѣрены идти въ господскій домъ. Сотникъ объяснялъ, что ночныя скопища противны закону, что, если имѣютъ какую надобность, могутъ придти днемъ, совѣтовалъ разойдтись, а начальникъ полиціи, съ своей стороны, требовалъ того же, но крестьяне не слушались и домогались пустить ихъ по крайней мѣрѣ въ ограду церкви. Но когда и въ этомъ было отказано, они, приблизясь къ казакамъ, намѣревались прорваться сквозь цѣпь. Казаки, подъ предводительствомъ сотника, дружнымъ натискомъ успѣли отодвинуть ихъ, причемъ не могло обойдтись безъ нанесенія ударовъ съ одной и другой стороны. Между тѣмъ, по данному сигналу, собралось болѣе казаковъ, которые заняли оборонительный пунктъ не далеко отъ господскаго дома, простоявъ въ такомъ положеніи всю ночь. Въ это время одинъ человѣкъ, въ видѣ женщины, началъ приближаться къ казакамъ, и когда подошелъ близко къ нимъ, велѣно одному казаку провести (его) обратно, и на нѣкоторомъ разстояніи оставилъ его казакъ. Тотъ человѣкъ пересталъ выть и побѣжалъ къ толпѣ. Послѣ этого этотъ голосъ слышался въ толпѣ нѣсколько разъ. Дознано, что это былъ крестьянинъ Гр. Карнаухъ. Утромъ сотникъ словесно сообщилъ начальнику полиціи, что толпа крестьянъ имѣла намѣреніе сбить казаковъ, пробраться къ колокольнѣ, ударить въ набатъ и ворваться въ господскій домъ не безъ злаго умысла, и что къ казакамъ подходилъ крестьянинъ, въ видѣ воющей женщины, съ намѣреніемъ, чтобы казаки его задержали, и тѣмъ дать поводъ къ нападенію со стороны крестьянъ, изъ которыхъ у многихъ были уже въ это времи дубинки въ рукахъ. Утромъ 14-го числа толпа не расходилась; двѣ женщины лежали на соломѣ противъ корчмы, подъ видомъ избитыхъ и больныхъ. Онѣ были осмотрѣны приставомъ, начальникомъ полиціи и кандидатомъ мироваго посредника: оказались легкіе ушибы отъ нагаекъ, — ихъ отвезли въ домы. *

---

* Тутъ выходитъ что-то темное; видно, что въ актѣ событіе не досказано, и замѣтно стараніе помягче выразить случившееся. Двѣ женщины лежали *подъ видомъ* избитыхъ и больныхъ,—значитъ, онѣ не были избиты и больны, а по осмотру оказались на нихъ *легкіе ушибы* отъ нагаекъ, вслѣдствіе чего ихъ *отвезли* въ домы. Если

Послѣ этого, чрезъ мѣстнаго пристава и старшину, объявили толпѣ избрать и выслать изъ среды себя нѣсколько человѣкъ, для объясненій, но крестьяне отозвались отрицательно, что никто къ чиновникамъ не выйдетъ; увѣщаній чиновниковъ не слушали и остались при своемъ. При такомъ буйномъ настроеніи крестьянъ и очевидной опасности для помѣщика и командированныхъ лицъ, начальникъ полиціи, по совѣщаніи съ членомъ присутствія П. и кандидатомъ посредника Т—скимъ, вытребовалъ еще двѣ сотни казаковъ *, до прихода баталіона пѣхоты, а остальныхъ расквартировалъ въ Колоденскомъ имѣніи, согласно приказанію начальника губерніи. Но казаки не успѣли возстановить порядокъ, потому что, вслѣдствіе полученнаго распоряженія, они должны были выступить въ походъ. Опредѣлили: настоящій актъ представить начальнику губерніи и доложить, что сказанное въ Олексинецкомъ имѣніи сопротивленіе со стороны крестьянъ отразилось неблагопріятно въ другихъ волостяхъ, каковое сопротивленіе, по всей вѣроятности, происходило вслѣдствіе посторонняго подстрекательства кого-либо изъ злонамѣренныхъ людей изъ-за границы, вблизи которой расположено Олексинецкое имѣніе. Поэтому совершенно необходимо, съ приходомъ баталіона пѣхоты, принять самыя строгія, энергическія мѣры къ подавленію безпорядка и возстановленію послушанія законнымъ властямъ, и первымъ дѣйствіемъ этихъ мѣръ постановить арестованіе наиболѣе виновныхъ и непослушныхъ; за приходомъ же баталіона пѣхоты, расположить оный экзекуціоннымъ порядкомъ, на счетъ общества.“

Послѣдній пунктъ постановленія не былъ исполненъ. По полученіи акта, губернаторъ писалъ: „Вы не хотите понять вашей обязанности. Баталіонъ еще не прибылъ, а вы возитесь съ крестьянами, не успокоиваете ихъ, а вызываете страсти грубыхъ людей. Дѣйствіе ваше осуждаю. Вы не имѣли права опредѣлять продовольствіе баталіона на счетъ

на женщинахъ были легкіе ушибы, то почему ихъ не заставили просто удалиться, или, по крайней мѣрѣ, почему не отвели, а понадобилось даже отвезти.

* П., какъ дѣйствующее лицо, упоминается два раза въ актѣ. Въ первомъ случаѣ онъ главное лицо, а во второмъ совѣщательное. Въ обоихъ случаяхъ слѣдствіемъ является требованіе войскъ.

крестьянъ. Вамъ строго подтверждаю оставить людей въ покоѣ, до прибытія баталіона. Тогда, согласно предписанію, арестуйте виновныхъ и отправьте въ кременецкую тюрьму. Дѣйствуйте съ благоразуміемъ, когда народъ не пьянъ. Грамота должна быть утверждена и введена безъ содѣйствія силы, порядкомъ, указаннымъ для случаевъ, когда нѣтъ согласія крестьянъ."

Въ это время крестьяне явились къ начальнику телеграфной станціи и заявили желаніе подать прошеніе на имя Государя, но получили отказъ. Начальникъ станціи, не имѣя инструкціи для подобныхъ случаевъ, не рѣшился принять прошеніе.

II.

Происшествія въ Олексинцѣ не могли остаться не замѣченными, молва о нихъ распространилась далеко по губерніи. Крестьяне и помѣщики съ любопытствомъ слѣдили чѣмъ-то окончится это дѣло. Особый интересъ дѣлу придавался тѣмъ, что безпорядки происходили въ имѣніяхъ, принадлежащихъ члену губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

21-го января начальникъ староконстантиновской полиціи, между прочимъ, доносилъ губернатору: „Въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ все спокойно; особенныхъ толковъ нѣтъ, только помѣщики ожидаютъ какихъ-то особенныхъ новостей изъ Царства Польскаго. Вчерашняго числа, на мировомъ съѣздѣ у здѣшняго предводителя, собралось болѣе 20 помѣщиковъ. Предметомъ разговора ихъ было волненіе крестьянъ въ Кременецкомъ уѣздѣ, принимающее широкіе размѣры. Какъ близкіе сосѣди, они очень хорошо знаютъ и мѣстность, и качество земли Кременецкаго уѣзда. Общее мнѣніе ихъ весьма невыгодно о г. Р.; съ большимъ неудовольствіемъ они разказывали, что Р., пользуясь вліяніемъ своимъ въ губернскомъ присутствіи, выхлопоталъ перемѣну для своего имѣнія изъ пятой во вторую мѣстность. Перемѣна эта весьма несправедлива для крестьянъ, и это подало поводъ къ волненію." То же самое подтвердилъ и жандармскій штабъ-офицеръ Ж—овъ, командированный въ Олексинецъ, для большей успѣшности усмиренія. Въ донесеніи, отъ 24-го января, онъ писалъ, что сдѣланное начальникомъ кременецкой полиціи изложеніе хода безпорядковъ справедливо.

Три роты пѣхоты онъ засталъ уже въ Олексинцѣ, но приходъ войска мало принесъ помощи и надежды скоро подавить неповиновеніе крестьянъ. „Селеніе пусто, всѣ владѣльцы разбрелись по окрестнымъ деревнямъ, и потому нѣтъ возможности собрать общество. Приговора о рекрутахъ до сихъ поръ волостью не составлено.“ На приглашеніе Ж—ова собраться для разъясненія, олексинецкихъ крестьянъ явилось только до 15 человѣкъ, да изъ другихъ деревень было до 35. Это не имѣло успѣха. „Народъ видимо наученъ упорствовать, и нѣтъ сомнѣнія, что близость границы помогаетъ раздувать въ нихъ такой духъ неповиновенія. Т—ій получилъ изъ Радзивилова безыменное письмо, смыслъ котораго въ томъ, чтобы не защищать выгодъ Р. и не вооружать крестьянъ, такъ какъ *расположеніе народа въ настоящую минуту Полякамъ необходимо.* Изъ этого видно, что въ неповиновеніе крестьянъ вмѣшивается и другая сила. Крестьяне, сколько могъ я замѣтить изъ объясненій съ ними, сознаютъ, что они говорятъ вздоръ, выражая желаніе какой-то особенной грамоты отъ Государя, все это лишь бы скрыть кто ихъ наущалъ. Нѣкоторые проговорились, что имъ передавали, будто во всей губерніи нигдѣ не введены грамоты, другіе клеветали на васъ, что вы имъ иначе объясняли правила. При этомъ одни *жалуются на высокую мѣстность по цѣнѣ*, другіе—*что земли у нихъ меньше нежели сколько значится, да и эта отведена на дурныхъ мѣстахъ.* Такъ ли это, или нѣтъ—я не имѣлъ возможности повѣрить, и вообще въ крестьянахъ проглядываетъ сильное нерасположеніе къ владѣльцу *.“

Вслѣдствіе этого и донесенія начальника староконстантиновской полиціи, 29-го января писано Р., не признаетъ ли онъ полезнымъ, „по совѣщанію съ товарищемъ по званію члена присутствія П., изыскать способъ къ отклоненію повода безпорядковъ между крестьянами, сколько это отъ него зависитъ“. О доставленіи свѣдѣній по этому дѣлу предписано

---

* Въ этомъ донесеніи Ж—овъ нѣсколько противорѣчитъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что крестьяне говорятъ вздоръ и сознаютъ это, а въ другомъ даетъ серіозное значеніе ихъ жалобамъ на обременительность платежей, худокачественность земли и неполноту надѣла.

начальнику кременецкой полиціи, который 15-го февраля (когда безпорядки были уже усмирены, и грамота подписана) отвѣтилъ, что „при введеніи въ дѣйствіе грамотъ, крестьяне селеній Стараго Олексинца и трехъ сосѣднихъ, состоящихъ во второй мѣстности, никакихъ жалобъ не заявили насчетъ мѣстности и размѣра оброка. Земли, въ ихъ пользованіи состоящія, находятся въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ и были со времени межеванія 1818 года. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что эти обстоятельства не были поводомъ къ волненію крестьянъ, можетъ служить *добровольное*, сдѣланное послѣ экзекуціи ихъ, съ помѣщикомъ соглашеніе насчетъ выкупа обществами мірской земли въ полномъ составѣ. При заключеніи же выкупнаго договора, помѣщикъ жертвуетъ крестьянамъ 20% съ оцѣночной суммы, и кромѣ того, предоставляетъ другія значительныя выгоды крестьянамъ, поясненныя въ сказанномъ договорѣ“ *. Справедливо это или нѣтъ, увидимъ въ послѣдствіи; что̀ отвѣтилъ помѣщикъ и отвѣтилъ ли—неизвѣстно.

Возвратимся къ ходу усмиренія. Что̀ дѣлалось съ 14-го по 23-е января, намъ неизвѣстно. Наконецъ 23-го января приступлено было къ повѣркѣ грамоты и вызваны, какъ свидѣтели, добросовѣстные изъ другихъ волостей. 24-го января членъ присутствія П., исправникъ Д—о и посредникъ Ч. составили актъ, въ которомъ сказано: „23-го числа, утромъ, волостной старшина объявилъ, что добросовѣстные идутъ, но, опасаясь насилія со стороны олексинецкихъ крестьянъ, просятъ караульныхъ, что̀ и удовлетворено было. Затѣмъ олексинецкій старшина и кандидатъ старосты объявили, что они ходили сами по крестьянскимъ домамъ для призыва домохозяевъ на сходъ, но почти никого изъ нихъ дома не застали; тѣ же, которые были дома, хотя обѣщали явиться—не пошли. Найденный дома крестьянинъ Кучеръ сказалъ, что предъ разсвѣтомъ кто-то застучалъ въ его окошко съ крикомъ: „пора въ походъ!“ но когда онъ, одѣвшись, вышелъ на дворъ, никого не нашелъ тамъ. Кучеръ подтвердилъ то же и въ присутствіи чиновниковъ. Въ теченіе цѣлаго дня никто изъ крестьянъ на сходъ не

---

* Прочитавъ этотъ рапортъ исправника, можно подумать, что Р. дѣлаетъ даже благодѣянія для крестьянъ. Какія это были выгоды, исправникъ не говоритъ, а въ договорѣ ихъ не было вовсе.

явился, почему грамота и не могла быть повѣрена, такъ какъ въ правилахъ для этого сказано, что повѣрка грамоты въ этомъ случаѣ должна быть сдѣлана „посредствомъ „опроса крестьянъ и добросовѣстныхъ изъ сосѣдственныхъ „селеній, въ присутствіи схода". Назначенный на 24-е чиело сходъ также не состоялся по неявкѣ крестьянъ. 24-го января Ч. и Д—о телеграфировали: „По арестованіи главныхъ виновниковъ, пригласили постороннихъ добросовѣстныхъ для повѣрки грамоты и созывали сходъ олексинецкихъ крестьянъ для присутствія при этомъ. Они не только не пришли, но почти всѣ разошлись изъ селенія. Эта послѣдняя форма введенія грамоты безъ согласія крестьянъ не могла быть выполнена. Три роты расквартированы на счетъ казны, четвертая должна придти. Внушенія и вразумленія Ж—ова не подѣйствовали на крестьянъ. Цѣлая волость дѣйствуетъ заодно." Поэтому, того же числа, губернаторъ предписалъ посреднику ввести грамоту по правилу для случаевъ, когда нѣтъ согласія крестьянъ, а начальнику полиціи предписано объявить крестьянамъ, чтобъ они немедленно обратились къ законному долгу и составили приговоръ на отдачу рекрутъ. „Если къ 1-му февраля въ волости будетъ продолжаться безпорядокъ, то продовольствіе расквартированныхъ войскъ будетъ обращено на счетъ общества. Затѣмъ, если все это не будетъ выполнено къ 1-му февраля, то со 2-го начать продовольствіе войска на счетъ общества. Болѣе виновныхъ, въ особенности подстрекателей, брать подъ арестъ до особаго распоряженія. Если къ 10-му февраля не будутъ представлены къ сдачѣ рекруты, и о томъ не будетъ обществомъ составлено приговора, то, по указанію волостнаго старшины, возьмите въ натурѣ, но годныхъ въ рекруты и представьте въ рекрутское присутствіе."

27-го января исправникъ доносилъ, что три роты баталіона прибыли 21-го числа и расквартированы на счетъ казны въ Олексинцѣ и смежномъ селеніи Башукахъ, отдѣляющемся одною только рѣчкой, преимущественно у непокорныхъ, такъ что въ каждой хатѣ имѣется не менѣе трехъ солдатъ. Четвертая рота еще не пришла. По прибытіи ея, исправникъ предполагалъ расквартировать въ с. Рыдомлѣ, одного и того же помѣщика, „гдѣ крестьяне обнаруживаютъ

особенное упорство и подстрекаютъ олексинецкихъ". * Десять подстрекателей арестованы, но арестъ этотъ не произвелъ въ крестьянахъ расположенія къ покорности. Почти всѣ крестьяне Башукъ и Олексинца оставили свои жилища и разошлись неизвѣстно куда. На убѣжденія Ж — ова крестьяне говорили, что если они согласятся принять грамоту и поступить на оброкъ, то помѣщикъ опять заберетъ ихъ въ свои руки, повернетъ на барщину и будетъ мучить попрежнему, и они уже никогда не освободятся отъ крѣпостной зависимости. Крестьяне стояли на своемъ, говорили, что грамоты не примутъ, повинностей по ней отбывать не будутъ ни оброкомъ, ни работой, а будутъ работать попрежнему до 19-го февраля, когда самъ Царь пришлетъ грамоту. По примѣру олексинецкихъ крестьянъ, въ м. Вышгородкѣ и Рыдомлѣ, того же помѣщика Р., и въ двухъ селеніяхъ помѣщика С—ckaго, крестьяне отдали назадъ введенныя уже грамоты, говоря то же самое, что̀ и олексинецкіе. Поэтому начальникъ полиціи считалъ необходимымъ направить въ Кременецкій уѣздъ одинъ кавалерійскій полкъ и расположить его постоемъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ. „Команды эти могли бы оказывать большую помощь полиціи въ надзорѣ за лицами, распространяющими вредные слухи, и въ удержаніи крестьянъ въ порядкѣ." Кромѣ полка, исправникъ считалъ уже нужнымъ усилить пограничную стражу и надзоръ по линіи, а въ Кременецъ выслать баталіонъ пѣхоты. Онъ просилъ также разрѣшенія: „по возвратѣ крестьянъ въ домы свои, собрать ихъ на сходъ посредствомъ пѣхоты и, повѣривъ грамоту въ присутствіи ихъ и сторонникъ добросовѣстныхъ, объявить ее введеною".

Вотъ списокъ арестованныхъ олексинецкихъ крестьянъ, съ показаніемъ отмѣченныхъ противъ нихъ исправникомъ обвиненій: 1) Шегера, арестованный еще казаками, главный подстрекатель. Онъ разъѣзжалъ по селеніямъ, и всѣ являлись къ нему, какъ къ начальнику, за наставленіями. Долгое время находился за границей и содержался въ тюрьмѣ за контрабанду; 2) Штогринъ, бывшій старшина. Будучи въ

---

* Въ первомъ актѣ было сказано, что олексинецкіе крестьяне даже разсылали своихъ агентовъ-подстрекателей по всѣмъ селеніямъ, а здѣсь ихъ подстрекаютъ сосѣди.

должности, подготовлялъ крестьянъ къ волненію, а по удаленіи разъѣзжалъ по волости и совѣтовалъ не принимать грамоты. Во время его разъѣздовъ отобраны были печати у старостъ Колоденской и Олексинецкой волости. Послѣ событія съ 13-го на 14-е января, утромъ, подойдя къ толпѣ около корчмы, привѣтствовалъ крестьянъ: „здоровы, господа!“ и всѣ, снявъ шапки, закричали: „здравія желаемъ старшинѣ!“; 3) Палій. На убѣжденія отвѣчалъ: „грамота къ намъ приде круглая и чистая якъ яйце, а не то що панъ написавъ“. Предлагалъ прогнать чиновниковъ, ѣздилъ въ села Гнѣздницу и Бутынь для приглашенія къ поддержанію сопротивленія. 4) Штогринъ 2-й. Разъѣзжалъ по селеніямъ и приглашалъ собирать деньги на неизвѣстную цѣль. Имѣетъ сношеніе съ австрійскими подданными, которые бываютъ у него, какъ у знакомаго по контрабандѣ. 5) Карнаухъ. 13-го января одѣвался женщиной и подходилъ къ казакамъ; контрабандистъ. 6) Загнибида. 7-го января кричалъ: „прогнать всѣхъ чиновниковъ и пана прогнать изъ села!“ Грубъ и дерзокъ; ѣздилъ по селеніямъ для приглашенія къ поддержкѣ. 7) Бойчукъ. 8) Сотникъ. 9) Сиротюкъ. 10) Оныщукъ и 11) Папроцкій,— всѣ руководители и зачинщики.

Несмотря на то, что главные зачинщики были уже арестованы, успокоенія не предвидѣлось. 28-го января штабъ-ротмистру М—ову предписано отправиться въ Олексинецъ для содѣйствія Ж—ову, которому, между прочимъ, писано было: „Главные зачинщики безпорядковъ, болѣе виновные крестьяне, уже арестованы. Ихъ слѣдуетъ подвергнуть въ волости примѣрному наказанію, и для этого необходимо воспользоваться присутствіемъ въ Олексинцѣ баталіона и близостью оттуда слѣдованія Литовскаго уланскаго полка, отъ котораго, въ случаѣ надобности, можете требовать содѣйствія для усиленія вашихъ средствъ.“ Послѣднимъ средствомъ дозволено было воспользоваться въ крайнемъ случаѣ. Предложено окончить дѣло въ теченіе недѣли, до масленицы, „когда неудобно имѣть дѣло съ крестьянами“. Въ приложенной при предписаніи Ж—ову копіи съ отношенія начальника штаба войскъ Кіевскаго округа, отъ 27-го января, сказано: „Я никакъ не могу предположить, чтобы для возстановленія порядка между крестьянами въ селеніи было недостаточно двухъ ротъ хорошо устроенной пѣхоты, тѣмъ

болѣе, что многіе изъ крестьянъ, какъ должно полагать, главные зачинщики и болѣе виновные, уже арестованы. Необходимо повести дѣло какъ слѣдуетъ и воспользоваться съ умѣніемъ военною силой." Онъ просилъ губернатора командировать отъ себя чиновника для успокоенія волненій (вслѣдствіе чего и командированъ М—овъ), „которыя, по донесеніямъ мѣстныхъ полицейскихъ начальниковъ, часто бываютъ преувеличены и не всегда совершенно точны".

Крестьяне не успокоивались, а командированныя лица, повидимому, ничего не дѣлали. Уже прошло болѣе трехъ недѣль со времени пріѣзда чиновниковъ и болѣе двухъ недѣль со времени вступленія войска, а усмиреніе не подвигалось ни на шагъ; крестьяне были раздражены больше прежняго, какъ справедливо замѣчалъ и губернаторъ. Такъ тянуться долго не могло, тѣмъ болѣе, что войска были нужны для другаго, болѣе важнаго дѣла. 29-го января предписывалось исправнику: „Пользуйтесь присутствіемъ баталіона. Просите Ж—ова скорѣе пріѣхать въ Олексинецъ. Продовольствіе баталіона на счетъ общества начните 30-го января. Кончайте это дѣло до 4-го февраля." Въ другомъ предписаніи, по эстафетѣ, также говорилось о непремѣнномъ окончаніи къ 4-му февраля.

30-го января Ж—овъ просилъ инструкціи: какъ поступать въ томъ исключительномъ случаѣ, когда крестьянъ не оказывается въ деревнѣ, ибо, какъ извѣстно, они разошлись въ разныя мѣста. При этомъ онъ напомнилъ о толкахъ крестьянъ касательно личнаго разъясненія правилъ губернаторомъ, какъ передавали уполномоченные. * На другой день, 31-го января, исправнику предписано, для выигрыша времени, до пріѣзда Ж—ова, перевести арестованныхъ крестьянъ въ Олексинецъ и отдать подъ крѣпкій военный карауль, въ надежномъ мѣстѣ. Того же числа сообщено Ж—ову, что баталіонъ уже продовольствуется на счетъ общества. „Въ интересахъ самосохраненія, писалъ ему губернаторъ, крестьяне должны собраться. Еслибъ они и не собрались всѣ, то прикажите собрать которые налицо и постороннихъ. Въ присутствіи ихъ и войска, арестованныхъ виновныхъ нака-

---

* Значитъ, крестьяне посылали уполномоченныхъ въ Житомиръ, но изъ дѣла этого не видно, а видно, напротивъ, что крестьяне не хотѣли посылать.

зать примѣрно, мѣрами полиціи. По наказаніи, не распуская людей и войска, предложите посреднику, въ присутствіи вашемъ, повѣрить съ посторонними добросовѣстными грамоту, утвердить и ввести въ дѣйствіе. Войска оставьте на продовольствіи крестьянъ до введенія въ волости порядка. Поспѣшите покончить дѣло.“ Но относительно насильственныхъ мѣръ при введеніи грамоты, Ж—овъ, вѣроятно, сохранилъ то убѣжденіе, какого былъ и губернаторъ назадъ тому нѣсколько дней. По полученіи приведенной телеграммы, гдѣ говорится о примѣрномъ наказаніи, 1-го февраля онъ телеграфировалъ изъ Ковля, что при настоящей болѣзни, и не исполнивъ порученія своего начальства, другаго порученія принять не можетъ. Ж—овъ замѣненъ исправникомъ Д—о, которому приказано дѣйствовать по инструкціи, данной Ж—ову. Принявъ начальство надъ войскомъ, Д—о повернулъ дѣло по-своему. 2-го февраля онъ доносилъ: „Въ Австріи, по границѣ, густою цѣпью поставлены (войска?), для недопущенія перехода здѣшнихъ жителей. Баталіонъ выходитъ 4-го; за арестованными послана команда. Военнаго караула не будетъ. Время прихода двухъ ротъ неизвѣстно. Рекруты не сданы; распоряжаюсь о высылкѣ.“ Черезъ пять дней (7-го февраля) онъ доносилъ: „Главные виновные наказаны въ Олексинцѣ и Иваньи; грамоты введены на оброкъ. Рекруты съ волости сданы. Три роты вышли 4-го, двѣ пришедшія расквартированы въ Башукахъ, гдѣ крестьяне почти всѣ разбрелись. Ожидаемъ сходъ.“ Въ отвѣтъ ему предписано обо всемъ донесть особо, а изъ расквартированныхъ ротъ одну отправить въ Кременецъ, а другую въ Почаевъ. Нужно удивляться неутомимости Д—о. Черезъ четыре дня, 11-го февраля, онъ доносилъ, что въ Башукахъ, Колодномъ, Витковцахъ грамоты введены на оброкъ. Рота остается въ Башукахъ, другая переведена въ Рыдомль, гдѣ на другой день приступлено ко введенію грамоты.

О подробностяхъ послѣднихъ событій изъ донесенія исправника узнаемъ слѣдующее. 4-го февраля пять ротъ Орловскаго полка были собраны въ надлежащемъ порядкѣ и поставлены въ квадратъ на избранномъ мѣстѣ. Въ срединѣ собраны крестьяне олексинецкіе, башуковскіе, иваньскіе и сторонніе, то-есть крестьяне другихъ имѣній. Туда были приведены и зачинщики, содержавшіеся до сего

времени въ кременецкой тюрьмѣ и арестованные по указанію Ж—ова. „Всѣмъ имъ вообще и каждому въ особенности, писалъ исправникъ, прежде всего объяснена степень вины, за которую они должны быть наказаны какъ ослушники и подстрекатели къ неповиновенію закону и начальству. Затѣмъ всѣ они были тутъ же, при содѣйствіи военной силы, наказаны розгами, одни больше, а другіе меньше,* послѣ чего, какъ эти наказанные, такъ и не наказанные Олексинецкіе крестьяне изъявили готовность принять уставную грамоту. Они тутъ же были поведены въ церковь. Тамъ грамота повѣрена съ уполномоченными и добросовѣстными, прочитана и введена въ дѣйствіе, при назиданіи и молебствіи, такъ какъ никакихъ законныхъ возраженій не предъявлено. Въ слѣдующіе дни, одна вслѣдъ за другою, введены грамоты въ двухъ наиболѣе значительныхъ, по количеству душъ, селеніяхъ Олексинецкаго имѣнія—Башукахъ и Рыдомлѣ. Наказанные отданы крестьянамъ, согласно ихъ просьбѣ и ручательству. Одинъ только бывшій старшина Штогринъ, подготовившій волость къ волненію, отправленъ опять въ тюрьму, потому что, по введеніи уставной грамоты, крестьяне четырехъ селеній отзывались, что Штогринъ, будучи старшиной и разъѣзжая по волости, внушалъ крестьянамъ не принимать грамотъ, говоря, что если примутъ — пропадутъ, если же не примутъ—будутъ счастливы. Въ сосѣдственной Колоденской волости, по его злонамѣренному внушенію, во всѣхъ селеніяхъ отобраны насильственнымъ образомъ печати у сельскихъ старостъ. Одновременно съ введеніемъ грамоты въ Олексинцахъ, были приняты энергическія мѣры насчетъ сдачи рекрутъ. Рекруты были взяты во всѣхъ селеніяхъ, вывезены въ Кременецъ и тамъ сданы. Наказаніе Олексинецкихъ крестьянъ и принятіе ими уставной грамоты быстро сдѣлалось извѣстнымъ въ сосѣднихъ селеніяхъ

---

* Здѣсь не говорится по какому масштабу измѣрялось это „больше и меньше“. Вообще рапортъ этотъ, какъ и арестъ зачинщиковъ, представляютъ значительную неполноту и неясность. Въ первый разъ, когда пріѣхалъ Ж—овъ, къ нему явилось на сходъ только 15 человѣкъ, изъ которыхъ 10 арестовано; крестьяне же разошлись по сосѣднимъ деревнямъ. Неужели на сходъ собрались только зачинщики? Естественнѣе предположить, что собрались наименѣе виновные, а зачинщики разошлись. Въ такомъ случаѣ выйдетъ, что арестованы и наказаны наименѣе виновные.

и навело страхъ. Имѣя это въ виду, я, говоритъ исправникъ, просилъ лично мироваго посредника Р—скаго, нисколько не откладывая, вводить грамоты въ сосѣдственной Колоденской волости, крестьяне которой сочувствовали олексинецкимъ и находились подъ настроеніемъ къ подобному же сопротивленію. Я не ошибся въ разчетѣ: въ цѣлой Колоденской волости, кромѣ одного селенія, грамоты введены благополучно, на оброкъ. Крестьяне желаютъ видѣть своего помѣщика, С., чтобы войдти въ соглашеніе насчетъ выкупной сдѣлки, но помѣщика нѣтъ налицо въ имѣніи, и время возвращенія его неизвѣстно." Затѣмъ исправникъ говоритъ о содѣйствіи М—ва и олексинецкаго старшины Центкевича, „который съ полнѣйшимъ усердіемъ, благонамѣренностію и настойчивостію содѣйствовалъ къ усмиренію крестьянъ и прекращенію безпорядковъ въ волости и въ особенности по сдачѣ рекрутъ, которыхъ крестьяне упорно не хотѣли давать, а взятыхъ выпускали." Исправникъ ходатайствовалъ о награжденіи старшины.

Такъ кончилось олексинецкое дѣло. Бывшій старшина Штогринъ преданъ суду, по приказанію губернатора, и ходатайство крестьянъ о выдачѣ его на поруки не было уважено.

III.

Теперь коснемся причинъ возмущенія. Усмирявшіе чиновники выставляли на видъ подстрекательства неизвѣстныхъ лицъ, нежеланіе крестьянъ отбывать повинности и т. п. Нельзя сказать, чтобъ и эти причины, и особенно первая, были вполнѣ неосновательны, но, во всякомъ случаѣ, онѣ далеко не главныя. Кто сколько-нибудь знаетъ характеръ волынскихъ крестьянъ, никакъ не скажетъ, чтобъ они были на столько легкомысленны, что вѣрили всякимъ слухамъ, распускаемымъ кѣмъ ни попало, а отбывать повинности имъ приходилось не въ первый разъ; они уже вынесли ихъ не мало.

Бывшіе въ Олексинцѣ чиновники или не хотѣли доискиваться причины безпорядковъ, или, лучше, не хотѣли о ней говорить. Донесеніе староконстантиновскаго исправника и замѣчанія жандармскаго штабъ-офицера Ж—ова указываютъ

на иныя, болѣе важныя обстоятельства: плохой надѣлъ земли, чрезвычайно высокая оцѣнка ея и недостатокъ количества земли, показаннаго по грамотѣ, сравнительно съ дѣйствительностію. Когда губернаторъ затребовалъ объ этомъ свѣдѣнія отъ исправника Д—о, тотъ далъ уклончивый отвѣтъ, что крестьяне не заявляли ему жалобъ по этому предмету, а на вторичное предписаніе отвѣчалъ, что „состоящая въ пользованіи крестьянъ села Олексинца земля черноземно-глинистая, изобилуетъ лѣсами, водою и мельницами. Качество это нисколько не хуже земель окрестныхъ имѣній, отнесенныхъ ко второй мѣстности. Не всѣ однакоже селенія графа Р. отнесены ко второй мѣстности, есть и такія изъ нихъ, которыя состоятъ въ пятой мѣстности, а именно: во второй мѣстности Старый Олексинецъ, Башуки, Иванье, Рыдомль и мѣстечко Новый Олексинецъ; въ пятой мѣстности Таражъ, Комаринъ и Борщовка. Раздѣленіе имѣній на мѣстности послѣдовало вслѣдствіе соображеній, изложенныхъ въ постановленіи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Приписываемое Р. перечисленіе имѣнія изъ пятой во вторую мѣстность, послужившее будто бы поводомъ къ волненію крестьянъ, не имѣетъ основанія.“ Въ томъ же духѣ отвѣчалъ и мировой посредникъ Ч.

На дѣлѣ было совсѣмъ не такъ. Неизвѣстно, дѣйствительно ли крестьяне не заявляли своихъ жалобъ начальнику полиціи, но трудно допустить, чтобы заявленій не было; вѣроятно, крестьяне встрѣтили положительный отказъ съ его стороны, или просто не довѣряли ему, если рѣшились жаловаться даже Государю. Какъ уже сказано выше, они желали послать просьбу на Высочайшее имя по телеграфу, но въ пріемѣ жалобы имъ было отказано. Они послали прошеніе по почтѣ, и оно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было прислано губернатору. Со словъ донесенія начальника полиціи и посредника, губернаторъ отвѣчалъ, что жалоба крестьянъ на надѣлъ землей дурнаго качества и обремененіе повинностями несправедлива. Между тѣмъ, если присмотрѣться къ донесенію исправника, которое послужило губернатору основаніемъ для отвѣта министерству, легко замѣтить многія несообразности и противорѣчія. Въ первомъ донесеніи исправникъ пишетъ, что при введеніи грамоты крестьяне не заявляли жалобъ насчетъ мѣстности и величины оброка, и

самымъ лучшимъ доказательствомъ, что это не было причиной волненія, исправникъ полагаетъ добровольное соглашеніе о выкупѣ. Но крестьяне совсѣмъ не приняли грамоты, считая условія ея крайне обременительными: какія же тутъ заявленія. При томъ же безпорядки въ Олексинцѣ не были единственными, и при разборѣ ихъ причинъ слѣдовало обратить вниманіе и на другія мѣста. Вотъ что̀ говорили крестьяне одного изъ селъ того же помѣщика: „Пускай насъ ссылаютъ въ Сибирь или топятъ въ водѣ, а мы будемъ ожидать царскаго выкупа и царской грамоты; *мы не хотимъ брать у помѣщика полевыхъ надѣловъ, потому что не въ состояніи платить такихъ оброковъ*“.* Значитъ, крестьяне заявляли жалобы. Что касается до *добровольнаго* соглашенія о выкупѣ, то оно, какъ мы видѣли, состоялось лишь послѣ экзекуціи. Во второмъ донесеніи исправникъ, перечисляя имѣнія Р., отнесенныя ко второй и пятой мѣстности, невольно высказываетъ главную причину безпорядковъ, такъ какъ оказывается, что они были именно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ оброкъ увеличенъ, тогда какъ въ другихъ было спокойно. Наконецъ, какъ опроверженіе, исправникъ говоритъ, что „состоящая въ пользованіи крестьянъ земля черноземноглинистая, изобилуетъ лѣсами, водою и мельницами“. Ничего подобнаго въ натурѣ не было, да и трудно себѣ представить, чтобы помѣщикъ отдалъ крестьянамъ земли съ такими удобствами, какъ лѣса и мельницы, а самъ остался бы не при чемъ.

Когда обстоятельства измѣнились, когда посредники изъ мѣстныхъ помѣщиковъ-Поляковъ были замѣнены лицами русскими, вотъ что̀ писалъ, ** между прочимъ, поступившій на мѣсто Ч., посредникъ Я—ичъ, по поводу неисправнаго взноса выкупныхъ платежей крестьянами Стараго Олексинца. Причины неисправности, между прочимъ, онъ находитъ въ томъ, что 1) „ни въ одномъ изъ здѣшнихъ имѣній крестьяне такъ не вооружены противозаконными поступками помѣщика, какъ въ Староолексинецкой волости, которая почти вся принадлежитъ графу Р.; и 2) качество земли не соотвѣтствуетъ второй мѣстности и въ натурѣ нѣтъ того количества земли, которое показано по грамотамъ“. Это донесеніе выходитъ совершенно противно прежнимъ донесеніямъ

---

* Донесеніе посредника В—скаго, 26-го января 1863 г.

** 20-го марта 1864 г.

исправника и посредника. На сколько помѣщикъ увеличивалъ по грамотамъ платежи крестьянъ, приведемъ слѣдующій примѣръ изъ донесенія того же посредника. Въ мѣстечкѣ Новомъ Олексинцѣ, до введенія уставной грамоты, цѣлогрунтовые крестьяне платили деньгами и отработкой по 1 р. 30 к. за десятину усадебной и полевой земли вмѣстѣ, а по грамотѣ положено за десятину усадебной земли 5 р. 10 к. и за десятину полевой 3 р. 10 к., что̀ въ общей сложности превыситъ первоначальную плату въ три раза. Что же касается собственно Стараго Олексинца, то перенесеніе во вторую мѣстность изъ пятой увеличило платежъ на 1 р. 10 к. на десятину: вмѣсто 2 р., крестьяне должны были платить по 3 р. 10 к. за полевую землю. Выкупной договоръ олексинецкихъ крестьянъ, составленный немедленно послѣ экзекуціи, въ октябрѣ 1863 года уже былъ утвержденъ выкупнымъ учрежденіемъ: видно, что губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутсвіе торопилось покончить это дѣло. По договору значится въ Олексинцѣ ревизскихъ душъ 349, дворовъ 78; на каждый дворъ приходится 4½ души. Въ надѣлъ отошло земли: усадебной 66 десятинъ 1.517 саженъ, пахатной и сѣнокосной 820 дес. 1.228 саж.; полевой земли на каждый дворъ приходится 10 дес. 1.246½ саж.; всего оброка въ годъ 2.883 р. 25 к. Еслибы перечисленія въ высшую мѣстность не было, крестьянамъ пришлось бы платить на 820½ р. менѣе: вмѣсто 2.883¼ р. они платили бы только 2.063¼ р., на ревизскую душу въ годъ меньше 2 р. 53 к., а на дворъ меньше въ годъ на 11 р. 40 к. Цифра эта для крестьянъ весьма значительна, она сто́итъ 100 рабочихъ дней, да и для помѣщика не пустая.

Добровольно составленный и утвержденный договоръ о выкупѣ былъ, наконецъ, объявленъ крестьянамъ Олексинца въ началѣ 1864 года. Уже были сдѣланы всѣ распоряженія къ выдачѣ помѣщику выкупной суммы и ко вводу крестьянъ во владѣніе землей, съ выдачей данной. При этомъ объявленіи крестьяне подали новому посреднику Я—ичу прошеніе, въ которомъ объясняли, что добровольнаго согласія у нихъ не было, что приговоръ былъ подписанъ только волостнымъ старшиной и старостой за цѣлое общество *, что земля

---

* Не за эту ли услугу исправникъ хлопоталъ о награжденіи старшины.

оцѣнена высоко и неправильно перенесена въ высшую мѣстность и, наконецъ, что въ натурѣ нѣтъ надлежащаго количества земли. Сдѣлавъ на мѣстѣ дознаніе отъ крестьянъ сосѣднихъ селеній и даже отъ помѣщиковъ, посредникъ Я—ичъ удостовѣрился: 1) что дѣйствительно выкупной договоръ не былъ составленъ добровольно, и что при написаніи его не было даже ⅓ домохозяевъ: помѣщикъ воспользовался тѣмъ что недавно въ селѣ была экзекуція; 2) качество земли не соотвѣтствуетъ второй мѣстности, такъ какъ она перерѣзана оврагами и глинистая; и 3) что въ планѣ выкупнаго договора сдѣлана ошибка: въ немъ показано земли болѣе чѣмъ есть въ натурѣ, что̀ подтвердилъ Я—ичу даже самъ бывшій посредникъ Ч. * Мировой посредникъ Я—ичъ просилъ назначить по этому дѣлу особое разслѣдованіе.

Крестьяне подавали прошенія во всѣ стороны, жаловались и посреднику, и губернатору, и генералъ-губернатору. На свои прошенія отвѣта не получили. Это заставило ихъ думать, что вліяніе помѣщика очень сильно, что все уничтожается по его силѣ и вліянію. Они рѣшились на странную вещь: подали просьбу австрійскому императору, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, этимъ путемъ жалоба ихъ дойдетъ до Государя. Додумались ли до этого сами они, или кто научилъ—неизвѣстно. Но тутъ еще больше были поражены: жалоба эта очутилась въ рукахъ помѣщика, который между тѣмъ хлопочетъ о томъ, чтобы запретить крестьянамъ продажу питей и заставить ихъ засыпать хлѣбный магазинъ. Такъ проходитъ еще много времени, недоимки платежей постепенно увеличиваются, положеніе крестьянъ становится еще хуже; уже и скотъ проданъ на уплату платежей. Наступаетъ и 1865 г.

Мировой посредникъ опять пишетъ губернскому присутствію, опять напоминаетъ о прежнемъ своемъ представленіи, говоритъ, что опечатываніе клуней и продажа крестьянскаго имущества помогла очень мало. „Крестьяне обѣднѣли, говоритъ онъ (27-го февраля 1865 г.), у нѣкоторыхъ не осталось даже скота для полевой работы. При описи для продажи имущества не встрѣчено было никакихъ сопротивленій, кромѣ жалобъ на бѣдность и обременительность платежей. За

---

* Бывши посредникомъ, Ч. на это не указалъ.

сентябрьскую треть 1863 г. и за 1864 г. крестьяне Стараго Олексинца и двухъ сосѣднихъ селеній должны были уплатить всего платежей 7.705 р. 98 к., а уплатили только 2.043 р.“ Посредникъ представляетъ за тѣмъ разчетъ, изъ котораго видно, что крестьяне означенныхъ трехъ селеній должны переплачивать въ годъ, по причинѣ неправильности разчета въ подворномъ спискѣ, 955 р. 68 к. и по случаю перевода имѣнія въ высшую мѣстность 1.908 р. 83 к., а вся выкупная ссуда неправильно увеличена на 31.813 р. 66 к.! Со словъ крестьянъ, посредникъ говоритъ, что имъ не были извѣстны всѣ условія выкупа и сдѣланный разчетъ за землю: они только изъявили полное желаніе перейдти на царскій выкупъ.

Представленіе посредника было передано на заключеніе мироваго съѣзда, который нашелъ, что выкупной договоръ олексинецкихъ крестьянъ хотя и утвержденъ выкупнымъ учрежденіемъ, но можетъ быть исправленъ, такъ какъ вводъ крестьянъ во владѣніе еще не совершился. „Законоположеніе 2-го сентября 1864 г., говоритъ съѣздъ, различаетъ выкупные договоры утвержденные выкупнымъ учрежденіемъ, но не приведенные въ исполненіе, отъ договоровъ утвержденныхъ и приведенныхъ въ исполненіе, и освящая ненарушимость послѣднихъ, не даетъ такого освященія договорамъ не приведеннымъ въ исполненіе, потому что, въ случаѣ открывающихся неправильностей, сіи послѣдніе могутъ быть измѣняемы, или совершенно уничтожаемы, какъ не получившіе окончательной законной силы.“ Сдѣлавъ такое заключеніе, мировой съѣздъ представилъ дѣло губернскому присутствію, такъ какъ самъ не считалъ себя въ правѣ окончательно рѣшить его; губернское присутствіе чрезъ губернатора представило дѣло на разрѣшеніе генералъ-губернатора.

Согласно предложенію губернскаго присутствія, сдѣлавъ мѣстное дознаніе, мировой съѣздъ писалъ въ послѣдствіи: „Обременительность выкупныхъ платежей по добровольнымъ договорамъ, совершеннымъ въ имѣніи графа Р., Старомъ Олексинцѣ, Иваньи и Башукахъ, происходитъ отъ дурнаго качества земли, отъ неудобнаго для крестьянъ пользованія ею и отъ того, что нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ меньшее число десятинъ, тогда какъ разчетъ сдѣланъ по большему. По этимъ заявленіямъ мировой съѣздъ нашелъ, что значительная часть полевыхъ и сѣнокосныхъ

надѣловъ заключается въ землѣ гористой, покрытой оврагами, разсѣлинами, давними промоинами и ежегодными водотечинами. Земля оканчивается обрывами и весьма затруднительна къ удобренію, а отчасти даже неспособна, потому что весенняя и дождевая вода сноситъ удобреніе и посѣянное зерно, оставляя обнаженными песокъ и глину. Бо́льшая часть сѣнокосовъ состоитъ изъ крутыхъ горъ, покрытыхъ терновыми кустами, до того густыми и старыми, что сѣнокосъ невозможенъ между ними. Горы эти, имѣя болѣе или менѣе крутые склоны, покрыты мхомъ, растительными наростами и почти безплодны. Нѣкоторые сѣнокосы на лугахъ также совершенно неудобны: на нихъ растетъ не трава, а низкая, рѣдкая осока; луга эти въ родѣ трясины. Часть этой земли отведена и подъ огороды.* Въ Старомъ Олексинцѣ составъ крестьянскихъ надѣловъ образовался изъ части земли инвентарной и части помѣщичьей, предоставленной крестьянамъ въ замѣнъ инвентарныхъ полей, отмежеванныхъ помѣщикомъ въ свою собственность по обязательному разверстанію.** Часть крестьянскихъ надѣловъ, какъ инвентарныхъ, такъ и доставшихся отъ владѣльца, по весьма дурному качеству земли, должна была бы быть засчитанною въ неудобную. Затѣмъ часть выкупленныхъ крестьянскихъ надѣловъ, отличаясь отъ предыдущей нѣкоторою доброкачественностію, должна состоять въ пятой мѣстности. Если въ Олексинцѣ обязательное разверстаніе сдѣлано было съ цѣлью уничтожить чрезполосность, то непонятно для чего оно сдѣлано въ Башукахъ, такъ какъ чрезъ разверстаніе чрезполосность не уничтожена. Неудобство пользованія полевою землей и огородами происходитъ отъ того, что у многихъ крестьянъ поля отдѣлены отъ усадьбы на значительныя разстоянія. Это произошло не потому что иначе быть не могло, а вслѣдствіе замѣна помѣщикомъ инвентарныхъ полей, ближе лежавшихъ къ селеніямъ, своими собственными, болѣе удаленными и притомъ худшими. Есть домохозяева,

---

* Исправникъ Д—о писалъ прежде, что „состоящая въ пользованіи крестьянъ земля черноземно-глинистая, изобилуетъ водою, лѣсами и мельницами“. Оказывается справедливо одно — изобилуетъ водою.

** Тотъ же исправникъ пишетъ, что крестьянскій надѣлъ неизмѣнялся еще съ 1818 года.

которыхъ поля расположены на семиверстномъ разстояніи отъ селенія по ближайшей проѣзжей дорогѣ. Въ селѣ Олексинцѣ, крестьянину Ник. Шигерѣ отведена подъ часть огорода земля, издревле бывшая полевою, и этотъ же самый кусокъ земли крестьянину Штогрѣ засчитанъ въ полевой надѣлъ. Нѣкоторымъ крестьянамъ части огородовъ отведены по руслу балки, гдѣ на плотинѣ стоятъ водяныя мельницы. Весною, и вообще всякій разъ при спускѣ воды изъ шлюзовъ, огороды эти заливаются водой. Такое, повидимому, благодѣтельное орошеніе, не только не приноситъ пользы, но дѣлаетъ существенный вредъ; наносная земля, увлекаемая водой, портитъ огородныя овощи и разрушаетъ плетни. При надѣленіи крестьянъ огородною и полевою землей допущена дробность участковъ; у хозяина Шигеры огородъ состоитъ изъ четырехъ кусковъ, у Рыбака изъ шести. Нѣкоторые изъ этихъ кусковъ заключаютъ $^1/_{20}$ морга (около 86 саженей); части эти находятся въ значительномъ разстояніи одна отъ другой. Эти случаи не единственные, такихъ хозяевъ много. У Гр. Мельника болѣе $^1/_2$ десятины земли совершенно каменистой; четырнадцати хозяевамъ подъ огороды нарѣзана земля полевая по крутому склону высокой горы, почва которой неудобна не только подъ огороды, но и для посѣвовъ. Вообще многіе огороды, какъ нарѣзанные помѣщикомъ изъ полевой земли, такъ и инвентарные, находясь на крутизнахъ и обрывахъ горъ, не представляютъ никакихъ удобствъ къ пользованію ими, потому что весенняя вода сноситъ навозъ и размываетъ удобренную землю.“ Съѣздъ полагалъ (14-го и 15-го апрѣля 1865 г.), что изъ крестьянскаго надѣла слѣдуетъ исключить неудобную пахатную и сѣнокосную землю, а въ замѣнъ прирѣзать изъ помѣщичьей удобную; полевую землю, зачисленную въ усадебную, считать по цѣнѣ не усадебной, а полевой; повѣрить общее количество земли и, если окажется недостатокъ, прирѣзать изъ господской; затѣмъ понизить цѣну земли на 35%.

Въ разрѣшеніи вопроса губернскаго присутствія, 29-го мая 1865 года, генералъ-губернаторъ предписалъ руководствоваться высочайше утвержденнымъ положеніемъ главнаго комитета 28-го апрѣля 1865 года. Это сообщено мировому съѣзду. А между тѣмъ положеніе крестьянъ не поправлялось; они просили по крайней мѣрѣ о разсрочкѣ взноса

накопившейся недоимки. У мироваго съѣзда работы было много, олексинецкое дѣло было не единственное и притомъ запутанное, а съѣздъ спѣшилъ сначала окончить дѣла не столько тяжелыя и повѣрялъ грамоты въ селеніяхъ, гдѣ договоры о выкупѣ не были совершены. Обвинять съѣздъ слѣдовательно невозможно, но крестьянамъ отъ этого не было легче.

Наконецъ, 26-го октября 1866 года, второе повѣрочное отдѣленіе мироваго съѣзда пишетъ: „Помѣщикъ, приступивъ въ началѣ 1862 года къ составленію уставныхъ грамотъ, приглашалъ къ участію въ этомъ и крестьянъ, объявивъ, что имѣніе считается въ пятой мѣстности. Крестьяне заявили ему желаніе перейдти на оброкъ. Долго не соглашаясь, помѣщикъ сказалъ наконецъ, что возвратившись изъ Житомира, переведетъ ихъ на оброкъ, потому что онъ членъ губернскаго присутствія. Возвратившись изъ Житомира, помѣщикъ собралъ крестьянъ, объявилъ о переводѣ имѣнія во вторую мѣстность и сказалъ, что онъ согласенъ перевести крестьянъ на оброкъ. Увидѣвъ такой оборотъ дѣла, крестьяне отказались и отъ участія въ составленіи грамотъ, и отъ составленія приговора объ избраніи уполномоченныхъ для выслушанія грамоты. Между тѣмъ, по ходатайству помѣщика, была введена военная сила, причемъ многіе крестьяне подвергнуты были крайне жестокимъ наказаніямъ. * Наконецъ, въ первыхъ числахъ февраля 1863 года, въ присутствіи войска, крестьянамъ объявлены были грамоты съ переводомъ на оброкъ по второй мѣстности, а вслѣдъ затѣмъ помѣщикъ приступилъ къ измѣренію земель и потребовалъ, чтобы крестьяне каждаго селенія избрали уполномоченныхъ для бытности при землемѣрѣ. Рабочіе къ землемѣру назначены волостнымъ старшиной и сельскими старостами, а между тѣмъ рабочіе эти обозначены на выкупныхъ договорахъ въ качествѣ уполномоченныхъ, избранныхъ обществами для заключенія выкупныхъ сдѣлокъ, тогда какъ ни при самихъ выкупныхъ договорахъ, ни въ волостномъ правленіи не оказывается приговоровъ, которыми бы общества уполномочивали этихъ крестьянъ. Если привыкупныхъ договорахъ не было приговоровъ, какимъ бы то ни было способомъ составленныхъ, то имѣя въ виду 77, 80 и 82 ст. Положенія

---

* По словамъ исправника, подвергнуты были наказанію одни больше, а другіе меньше.

о выкупѣ, повѣрочное отдѣленіе остается въ недоумѣніи какимъ образомъ договоры тѣ могли быть утверждены. По собраннымъ же свѣдѣніямъ положительно оказалось, что крестьяне не составляли приговоровъ объ избраніи уполномоченныхъ для заключенія договоровъ или подписи оныхъ. Подписанные на выкупныхъ договорахъ добросовѣстные свидѣтели не знаютъ объ условіяхъ договоровъ, такъ какъ имъ никто не читалъ ихъ, печати же были отобраны помѣщикомъ насильственнымъ образомъ отъ добросовѣстныхъ и приложены къ договорамъ; то же самое было и относительно засвидѣтельствованія договоровъ волостнымъ правленіемъ. Помѣщикъ, какъ членъ губернскаго присутствія, заставлялъ волостнаго писаря дѣлать подписи, отбиралъ печати, прикладывалъ ихъ самъ, заставлялъ подписываться за неграмотныхъ мнимыхъ уполномоченныхъ, которые, подъ страхомъ военной команды, сгонялись въ помѣщичій дворъ, гдѣ проводили время съ утра до вечера и возвращались домой, не зная для какой надобности ихъ звали.* Когда утверждены были выкупные договоры, и крестьянъ потребовали въ уѣздный судъ для полученія данныхъ, когда начали взыскивать съ нихъ по договорамъ выкупные платежи, тогда только крестьяне узнали о существованіи договоровъ и значеніи ихъ. Съ того времени они начали подавать чрезъ почтовую контору жалобы на имя губернатора, генералъ-губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ, и ни одна изъ жалобъ ихъ не достигла того лица, на имя котораго была адресована. Подозрѣвая, что прошенія ихъ попадаются въ руки помѣщика, крестьяне, въ концѣ 1864 г., послали, черезъ Радзивиловъ, прошеніе въ Вѣну, на имя австрійскаго императора, разчитывая, что оттуда оно передастся въ Петербургъ. Прошеніе это попало въ руки служащаго при австрійскомъ дворѣ брата Р., который и передалъ его брату. Послѣ этого крестьяне наняли отставнаго солдата, чтобъ онъ отправился въ Петербургъ и лично подалъ прошеніе Государю.

„Высочайше утвержденнымъ 15-го марта 1862 г. положеніемъ главнаго комитета помѣщикамъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Волынской губерніи, въ томъ числѣ и Кременецкаго,

---

* Вотъ каковъ былъ *добровольный* договоръ, о которомъ упоминалъ исправникъ Д.

предоставлено было ходатайствовать о перечисленіи имѣній въ высшія мѣстности. Генералъ-губернаторъ, извѣщая объ этомъ, выразилъ, что главнымъ основаніемъ къ распредѣленію имѣній на мѣстности, по ходатайству помѣщиковъ, будетъ принятъ существующій въ имѣніи размѣръ пѣшихъ участковъ. Въ дѣлахъ мироваго посредника 1-го участка, въ которомъ находятся имѣнія Р., нѣтъ положительно никакихъ свѣдѣній, чтобы Р. ходатайствовалъ о перечисленіи его имѣній изъ пятой во вторую мѣстность. Въ дѣлахъ посредника имѣется только присланный уѣзднымъ предводителемъ дворянства, 7-го мая 1862 г., списокъ о раздѣленіи имѣній Кременецкаго уѣзда на мѣстности. Списокъ тотъ, какъ видно, составленъ губернскимъ присутствіемъ согласно постановленію 6-го февраля 1862 г., то-есть раньше чѣмъ состоялось положеніе главнаго комитета. По списку, имѣнія Р. показаны во второй мѣстности, слѣдовательно, назначенная въ примѣчаніи къ 150 ст. Мѣстнаго Положенія, линія, раздѣляющая Кременецкій уѣздъ на мѣстности, измѣнена, вопервыхъ, безъ всякаго ходатайства, а вовторыхъ, въ то время, когда не было еще предоставлено правъ на ходатайство о перечисленіи имѣній въ высшія мѣстности. Если же предположить, что губернскимъ присутствіемъ измѣнена линія, примѣняясь ко 2 § примѣчанія къ ст. 150, то въ виду 3, 4 и 5 §§ къ тому же примѣчанію, не было положительно никакого основанія къ подобному измѣненію линіи, ибо показанный въ инвентарѣ и уставныхъ грамотахъ размѣръ пѣшихъ участковъ, въ 7 дек. 1638 с., никакъ не соотвѣтствуетъ второй мѣстности, а вполнѣ характеризуетъ восьмую мѣстность. Почва же земли въ Старомъ Олексинцѣ, и особенно въ Башукахъ и Иваньи, чисто глинистая и глееватая, мѣстность слишкомъ гористая. Самъ помѣщикъ Р., отецъ настоящаго, составляя статистическія свѣдѣнія къ инвентарямъ, сдѣлалъ слѣдующее описаніе качества земли: „Почва земли черноземъ съ глеемъ и глиною въ $^1/_3$ дюйма, большею частію на подкладкѣ мѣла и бѣлой опаки, возвышеннаго мѣстоположенія и затруднительной вспашки. Безъ ежегоднаго навоза, подъ озимый посѣвъ, а паче пшеницы, сѣять невозможно, равно и яроваго ячменя, гороху, проса, конопли и картофеля. Навозу требуется до 300 возовъ на десятину, не менѣе.“ Относительно выгодъ имѣнія сказано, что выгоды „не столь добры съ поводу неимѣнія вблизи

„торговыхъ городовъ. Пастбища въ маломъ количествѣ, ко„тораго не выстаетъ даже на удержаніе рабочаго скота, съ „гористыхъ и затруднительныхъ земель. Невыгоды, по боль„шей части, съ дурныхъ дорогъ, гористомъ, каменистомъ и „глинистомъ положеніи, что̀ воздержуетъ всякіе транспор„ты на колесахъ и саняхъ, не имѣя въ имѣніи сплавныхъ „рѣкъ“ *.

„При составленіи выкупныхъ договоровъ сдѣлано разверстаніе угодій безъ подворной нарѣзки, а самое количество земли, находившейся въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ, во время составленія договоровъ, не было приведено въ извѣстность. Крестьянамъ же назначена земля по цифрѣ, показанной въ уставной грамотѣ, притомъ крестьянамъ села Олексинца, и особенно Башуковъ, зачислена въ надѣлъ неудобная земля, которой они по настоящее время не пашутъ, лучшая же земля отобрана отъ крестьянъ. Кромѣ того, лѣтъ за шесть до 19-го февраля 1861 г., отъ крестьянъ Стараго Олексинца отобрано значительное количество полевой земли и нѣсколько лѣсныхъ садовъ, а отъ крестьянъ села Башукъ—выгонъ и часть полевой земли. Въ Иваньи на планѣ къ выкупному договору часть сѣнокоса отъ австрійской границы показана за помѣщикомъ, а между тѣмъ до настоящаго времени крестьяне пользуются тѣмъ сѣнокосомъ, не зная, что по договору помѣщикъ оставилъ его за собою. Лѣтъ за десять до 19-го февраля отобрано отъ Иваньскихъ крестьянъ 16 морговъ пахатной земли около Башуковецкой границы, два выгона и двѣ усадьбы; нѣкоторые хозяева, имѣющіе усадьбы, не внесены въ уставныя грамоты и слѣдовательно въ выкупной договоръ“....

Полагаемъ, что это донесеніе бросаетъ достаточно свѣта на главныя причины безпорядка въ Олексинцѣ. Укажемъ и на другія причины, которыя сами по себѣ не много бы значили, но, при главной, онѣ значительно содѣйствовали къ возбужденію въ крестьянахъ движеній.

Въ телеграммѣ, полученной Т—скимъ изъ Радзивилова, о которой упоминаетъ жандармскій штабъ-офицеръ Ж—овъ, сказано было, что интересовъ Р. не слѣдуетъ защищать, потому что *расположеніе крестьянъ необходимо Полякамъ.*

---

* Исправникъ Д—о и бывшій посредникъ Ч—цкій прежде описывали крестьянскія даже земли какъ благодать Божію.

Уже изъ этой телеграммы можно было видѣть, что въ дѣло мѣшается не что-то неизвѣстное, а нѣчто извѣстное и даже хорошо. Мы знаемъ, что между Поляками были двѣ партіи: одна, состоявшая изъ бѣдныхъ, безземельныхъ, старалась, насколько возможно, привлечь народъ на свою сторону и для того считала нужнымъ, чтобы крестьянамъ были подарены земли, другая же, состоявшая изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, дѣйствовала такъ, чтобъ и козы были сыты, и сѣно цѣло. Принадлежавшіе къ послѣдней партіи никакъ не желали разстаться съ землями; они хотѣли и высказать любовь свою къ отчизнѣ и, въ то же время, не упустить личныхъ интересовъ. Они старались, насколько имѣли силы, ставить крестьянъ въ невыгодное положеніе и предъ своими оправдывались необходимостью такихъ дѣйствій. Мы поступаемъ, увѣряли они, въ предѣлахъ закона, и если это невыгодно для крестьянъ, то въ нихъ возбудится ненависть не къ намъ, а къ правительству, издавшему такой законъ. Но Поляки плохо разчитали: они понадѣялись на простоту мужиковъ, а вышло, что вооружили ихъ не противъ закона, а противъ себя.

Крестьяне вездѣ ожидали „царскаго выкупа.“ Откуда они взяли это? Напомню читателю дѣло о золотыхъ грамотахъ. Грамоты эти появились весной 1863 года, но мысль о нихъ, конечно, была выработана Поляками, принадлежавшими къ первой партіи, еще гораздо раньше. Эта-то мысль и была пущена въ ходъ между крестьянами. Въ селѣ Гнѣздичнѣ крестьяне отказались отъ *панской* грамоты, и на приглашеніе идти въ церковь, отвѣчали, что теперь не пойдутъ, а пойдутъ когда услышатъ колоколъ, призывающій къ слушанію *имѣемой быть кѣмъ-то привезенной* въ церковь *казенной грамоты* *. Сразу пустить въ ходъ золотыя грамоты было неудобно, прежде нужно было приготовить къ этому крестьянъ и потомъ, объявивъ грамоты, притянуть на свою сторону хлоповъ. Мы знаемъ, что и этотъ разчетъ не удался Полякамъ. Но мысль была пущена, крестьяне ожидали общаго царскаго выкупа, тѣмъ болѣе, что кое-что о выкупѣ они находили и въ законѣ.

Припомнимъ еще, что крестьянскіе безпорядки происходили въ 1863 г.: въ это же время было и польское повстанье. Безпорядки были на руку Полякамъ, потому что для усми-

---

* Донесеніе мироваго посредника Р—скаго, 12-го февраля 1863 г.

ренія крестьянъ чиновники (исправники и посредники) всегда и вездѣ требовали войскъ. Такимъ образомъ войска растягивались и отвлекались отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ предполагалось образовать шайки. Войска сначала были собраны въ сѣверо-западной части уѣзда, около Почаева и Радзивилова. Требовалось другое расположеніе, нужно было оттянуть войска отъ Радзивилова, на который предполагалось, и потомъ дѣйствительно сдѣлано было, нападеніе. И вотъ — въ южной, пограничной части уѣзда начинаются безпорядки вслѣдствіе отказовъ отъ грамотъ. Въ то же время какъ на причину безпорядковъ польскіе чиновники указываютъ на буйство крестьянъ, да на какихъ-то неизвѣстныхъ подстрекателей, каковыми, кромѣ крестьянъ, оказались: одинъ пограничный стражникъ, одинъ отставной солдатъ и въ добавокъ ко всему—православное духовенство....

К. МОГОЛЬ.

УТРОМЪ

Багряный лучъ проникъ ко мнѣ сквозь пологъ тонкій....
Ужь утро, за окномъ щебечутъ птицы звонко....
Не спится. Выхожу тихонько на крыльцо;
Душистой свѣжестью пахнуло мнѣ въ лицо,
И яркій снопъ лучей въ глаза ударилъ рѣзко....
Какъ свѣтелъ Божій міръ! Кругомъ потоки блеска!...
Въ прозрачно-тающей воздушной синевѣ
Рой легкій облачковъ румяныхъ и пушистыхъ;
Тамъ рѣчка свѣтится вся въ блесткахъ золотистыхъ,
И точно огоньки — росинки на травѣ....
Какъ веселъ Божій міръ!.... Кружась въ теплѣ сіянья,
Станицы рѣзвыхъ птицъ порхаютъ и звенятъ;
Подъ ихъ немолчный звонъ и дружный хоръ жужжанья
Роскошно нѣжится въ лучахъ цвѣтущій садъ;
И пчелы, сочныхъ липъ почуявъ ароматъ,
Изъ ульевъ поднялись и вьются цѣлой тучей....
Какою жизнью все охвачено кипучей:
И каждый листъ, и червь, что̀ въ зелени ползетъ....
И каждымъ шорохомъ и звукомъ міръ пѣвучій
На праздникъ силъ живыхъ и кличетъ, и зоветъ!...

Лишь тамъ, въ затишьи ивъ, поникнувшихъ вѣтвями,—
Куда горячій блескъ еще не подступилъ,
На тѣсномъ кладбищѣ, съ подгнившими крестами,
Безмолвье царствуетъ среди нѣмыхъ могилъ.
Ни птички, ни цвѣтка.... и замкнутъ безотрадно
Весь этотъ уголокъ, подъ темною листвой.

И пусть съ обильемъ благъ, во всей красѣ нарядной,
День Божій шествуетъ надъ радостной землей;
Пусть рвется все, живымъ захвачено движеньемъ,
За нимъ впередъ, впередъ, съ тревожнымъ нетерпѣньемъ;
Пусть кличутъ голоса, несясь во всѣ концы:
Въ затишьи темныхъ ивъ не слышатъ мертвецы,
И сна ихъ не смутитъ ни яркое сіянье,
Ни жизни разлитой вокругъ нихъ трепетанье....

В. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

Какъ столпились свинцовыя тучи
На вечернемъ багрянцѣ небесъ!...
И шумитъ—весь сырой и пахучій—
Золотыми вершинами лѣсъ.

Вонъ, изъ тьмы вырываясь глубокой,
Въ хмуромъ небѣ сверкнулъ грозный лучъ,
Точно въ гнѣвѣ всезрящее око
Вдругъ взглянуло на міръ изъ-за тучъ....

Листья глухо въ лѣсу прошумѣли;
Небо рдѣетъ—все въ черныхъ зубцахъ,
И киваютъ мохнатыя ели,
Точно въ огненныхъ яркихъ вѣнцахъ.

В. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

I.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. I. Спб. 1867.

Всякому занимающемуся русскою исторіей извѣстно, что важнѣйшіе матеріалы для нея хранятся въ государственныхъ архивахъ. Сказанія современниковъ, Русскихъ и иностранцевъ, составляющія единственное руководство для историка древнѣйшихъ эпохъ, уступаютъ, въ послѣдующія эпохи, разнаго рода *правительственнымъ актамъ*, хранящимся въ архивахъ провинціальныхъ и особенно центральныхъ управленій. Къ этимъ послѣднимъ и обратились наши исторіографы, какъ только возникла мысль перейдти отъ простой сводки лѣтописей къ исторіи: Макарову, а потомъ Шафирову, были открыты архивы всѣхъ коллегій и даже собственнаго кабинета Петра Великаго. Точно также доступъ къ нимъ былъ въ послѣдствіи разрѣшенъ князю Щербатову и, послѣ него, Карамзину. Съ другой стороны, по мысли просвѣщеннаго канцлера императора Александра, графа Румянцова, печаталось (1813 г.) *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*; позднѣе, по представленію графа С. С. Уварова, образованы были археографическія коммиссіи для обнародованія разнаго рода актовъ, относящихся до внутренняго управленія и до народнаго быта. Важность всѣхъ этихъ матеріаловъ для изученія русской исторіи необъятна, и когда кончится печатаніе актовъ, относящихся къ исторіи западнаго края, то въ этомъ отношеніи, кажется, нечего будетъ желать.

Но вся эта широкая гласность относится почти исключительно къ до-Петровскому времени. Въ 1823 году графъ

Каподистрія успѣлъ, правда, напечатать *Сборникъ Дипломатическихъ Документовъ*, относящихся къ эпохѣ между 1814 годомъ и Веронскимъ конгрессомъ, но этотъ опытъ русской *Синей Книги* не понравился партіи, которая въ то время была въ силѣ, и съ того времени изданіе правительственныхъ актовъ, относящихся къ новѣйшему времени, прекратилось. Необыкновенно важное изданіе *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными* остановилось именно на порогѣ XVIII вѣка. Ни спеціальныя періодическія изданія, печатающія историческіе документы, ни частныя лица, получавшія въ разное время доступъ въ казенные архивы, не могли въ этомъ отношеніи не только сдѣлать, но даже предпринять ничего систематическаго, ничего широко задуманнаго, подобнаго трудамъ археографическихъ коммиссій, *Собранію грамотъ и договоровъ*, или изданію *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній*: а безъ подобнаго изданія матеріаловъ изученіе ближайшихъ къ намъ полутораста лѣтъ не можетъ стать на твердой почвѣ.

Сознавая, надо думать, эту истину, въ Петербургѣ образовалось Общество для разработки и распространенія въ публикѣ историческихъ матеріаловъ, находящихся какъ въ частныхъ рукахъ, такъ и въ правительственныхъ архивахъ. Въ этомъ Обществѣ, формально открытомъ весной 1866 года, приняли участіе, съ одной стороны, люди извѣстные своими историческими трудами, съ другой—нѣкоторые сановники, а Государь Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ удостоили принять въ немъ почетныя званія; начальники государственныхъ дипломатическихъ архивовъ, петербургскаго и московскаго, приняли участіе въ трудахъ этого Общества и внесли свои вклады изъ сокровищницъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Это Общество издало въ концѣ прошедшаго года первый томъ своего *Сборника*. Частный характеръ петербургскаго Общества не позволяетъ ожидать, чтобъ его труды имѣли тотъ систематическій характеръ, который свойственъ коммиссіямъ, учрежденнымъ правительствомъ для разнаго рода изданій; документы, имъ обнародованные, имѣютъ различную степень важности и касаются весьма различныхъ предметовъ; но они имѣютъ то всѣмъ имъ общее, что относятся всѣ безъ исключенія къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Это послѣднее обстоятельство мы считаемъ весьма важнымъ: оно доказываетъ, что между

лицами, принадлежащими къ высшимъ правительственнымъ сферамъ, начинаетъ колебаться убѣжденіе, будто акты ближайшихъ эпохъ русской исторіи должны оставаться государственною тайной. Нѣкоторые изъ документовъ, напечатанныхъ въ *Сборникѣ Историческаго Общества*, таковы, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ невозможно было бы и подумать о ихъ оглашеніи.... А между тѣмъ, кому и какой ущербъ произошелъ отъ ихъ оглашенія? Что̀ погибло? Что̀ разрушилось, или даже поколебалось?... Мы позволяемъ себѣ предаваться пріятной надеждѣ, что успѣхъ *Сборника Историческаго Общества* (а онъ несомнѣненъ) и серіозное участіе къ ближайшимъ эпохамъ нашей исторіи, которое онъ, безъ сомнѣнія, усилитъ, будутъ содѣйствовать устраненію препятствій, замедляющихъ изданіе матеріала, не имѣющаго себѣ равнаго по своему историческому достоинству: *Протоколовъ государственнаго совѣта въ царствованіе Екатерины II*, встрѣтившаго, какъ слышно, затрудненія относительно выпуска его въ свѣтъ.

Въ *Сборникѣ* — объемистомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ около 550 страницъ, — напечатано 18 различныхъ документовъ, извлеченныхъ частію изъ государственныхъ, а частію изъ партикулярныхъ архивовъ, весьма разнообразныхъ и по содержанію, и по своей важности. Мы намѣреваемся сообщить нашимъ читателямъ содержаніе важнѣйшихъ изъ нихъ, а таковыми намъ кажутся *Рескрипты и Письма* Екатерины II къ графу А. Г. Орлову, два акта, касающіеся финансовъ Россіи при Екатеринѣ, и ея же переписка по дѣламъ управленія католическою церковью въ Россіи. Эту послѣднюю мы разсмотримъ, впрочемъ, особо, въ совокупности съ нѣкоторыми другими матеріалами, относящимися къ тому же предмету и обнародованными въ послѣднее время, а теперь займемся *Рескриптами и Письмами* Екатерины къ графу Орлову и свѣдѣніями по части финансовъ въ Россіи. Начнемъ съ финансовъ.

Продолжительныя войны, далеко раздвинувшія предѣлы Россіи на югъ и западъ и завершившія дѣло, начатое еще князьями-собирателями Руси, разныя внутреннія преобразованія, многія весьма цѣнныя сооруженія, щедрость и нѣкоторая наклонность къ роскоши *сѣверной Семирамиды* требовали большихъ денежныхъ средствъ, какихъ не могъ доставить обыкновенный бюджетъ доходовъ Россіи того

времени. Это было причиной, что богатое наслѣдіе великихъ дѣлъ, оставленное Екатериной ея преемникамъ, имѣло и свою невыгодную сторону: ко временамъ ея царствованія восходятъ начатки того финансоваго разстройства, отъ котораго Россія не освободилась даже до настоящаго времени. Внѣшніе и внутренніе государственные долги, обезцѣненныя бумажныя деньги и хроническій дефицитъ — такова оборотная сторона медали славнаго Екатерининскаго вѣка, блѣднѣющая, конечно, въ сравненіи съ ея лицевою стороной, но тѣмъ не менѣе имѣющая серіозное значеніе и заслуживающая не менѣе серіознаго изученія. Дѣло этого изученія, однако, до послѣдняго времени мало подвинулось впередъ, и тѣмъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ привѣтствуемъ мы начавшееся въ истекшемъ году обнародованіе данныхъ, бросающихъ свѣтъ на состояніе финансовъ въ разныя эпохи царствованія Екатерины II: въ *Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ* напечатаны въ прошломъ году извлеченія, къ сожалѣнію, весьма краткія, изъ бюджетовъ за двѣнадцать лѣтъ, съ 1762 по 1773 г., а въ *Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества* помѣщены „Всеподданнѣйшій докладъ императрицѣ Екатеринѣ II относительно государственныхъ доходовъ“ 1783 года и „Донесеніе Императрицѣ Екатеринѣ II сенаторовъ Державина, Храповицкаго и Новосильцова о бюджетѣ 1794 г.“, въ которомъ, между прочимъ, находимъ нѣкоторыя данныя о бюджетахъ 1790 — 1794 годовъ. Эти матеріалы, по своей краткости и отрывочности, не даютъ, правда, сколько-нибудь удовлетворительнаго очерка общаго положенія финансовъ въ столь интересную для насъ эпоху, но тѣмъ не менѣе они знакомятъ насъ, вопервыхъ, съ постепеннымъ возрастаніемъ размѣровъ бюджета, вовторыхъ, съ тѣми мѣрами, какія въ то время принимались для покрытія дефицитовъ, и втретьихъ—съ постепеннымъ превращеніемъ дефицита въ хроническое явленіе.

Сличеніе данныхъ за разные періоды царствованія Екатерины II показываетъ, что наиболѣе удовлетворительное положеніе русскихъ финансовъ было въ началѣ ея царствованія, несмотря на то что общей системы—ни относительно сбора доходовъ, ни относительно расходованія оныхъ—въ то время еще не было, а покрывались общіе государственные расходы по мѣрѣ представлявшихся источниковъ

изъ разныхъ мѣстныхъ сборовъ. Статьи доходовъ были, такъ-сказать, приписаны къ тѣмъ или другимъ статьямъ расхода, но когда на покрытіе какой-нибудь статьи расхода приписанныхъ къ ней статей дохода было недостаточно, то отпускались суммы изъ статей имѣющихъ другое назначеніе, и т. д. Почти весь подушный сборъ, напримѣръ, шелъ на воинскіе расходы, а за недостачей этого сбора, отпускались на тотъ же предметъ суммы изъ питейныхъ, таможенныхъ и соляныхъ сборовъ; въ „комнату“ и „кабинетъ“ государыни шла часть соляныхъ и таможенныхъ, а иногда и питейныхъ сборовъ, и т. д. При такомъ порядкѣ случалось, что иная статья расхода оставалась совсѣмъ неисполненною, какъ, напримѣръ, это было въ 1762 съ ассигновкой на артиллерію: на этотъ предметъ положено было отпускать ежегодно 701.702 р. (съ копѣйками) изъ дохода отъ чеканки мѣдной монеты, — но въ этомъ году чеканка мѣдныхъ денегъ была пріостановлена, вслѣдствіе чего и оказалось, что денегъ на артиллерію „отпускать не изъ чего“. Но какъ бы то ни было, а изъ всѣхъ двѣнадцати лѣтъ, съ бюджетами коихъ познакомилъ насъ *Сборникъ министерства финансовъ*, дефициты оказывались только въ 1762, 1764, 1771 и 1772 годахъ (послѣдніе два относятся къ эпохѣ Турецкой войны и военныхъ дѣйствій въ Польшѣ); въ остальные восемь лѣтъ оказывался, напротивъ, перевѣсъ доходовъ надъ расходами, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы: *

Годы.	Приходъ. Руб.	Коп.	Расходъ. Руб.	Коп.	Дефицитъ. Руб.	Коп.	Избытокъ прихода надъ расходомъ. Руб.	Коп.
1762	15.350.636	93¼	16.502.660	91	1.152.023	97¾	—	—
1763	19.358.650	89	17.662.050	13¼	—	—	1.696.600	76¼
1764	16.804.585	98¾	17.804.866	53	1.000.280	54½	—	—
1765	20.463.694	12	—	—	—	—	808.709	82¼
1766	21.403.268	67¼	—	—	—	—	295.894	13½
1767	21.710.593	78¼	20.640.266	96¾	—	—	1.070.326	81½
1768	21.695.438	99¼	21.431.608	68½	—	—	263.830	30¾
1769	23.425.707	99	22.383.333	39¼	—	—	1.513.866	49½
1770	25.688.383	24½	25.499.019	96¼	—	—	189.363	28⅝
1771	28.737.865	4¾	28.707.399	21½	—	—	—	—
1772	26.297.911	99¼	26.872.475	2⅛	—	—	—	—
1773	26.704.521	82¾	26.517.381	32¼	—	—	—	—

* Цифры дефицитовъ и избытковъ прихода надъ расходомъ въ приводимой таблицѣ не всегда представляютъ разность между

Въ общемъ выводѣ, въ теченіе всѣхъ приведенныхъ двѣнадцати лѣтъ равновѣсіе между приходомъ и расходомъ почти не нарушалось. Обыкновенныхъ доходовъ доставало на покрытіе не только обыкновенныхъ, но и чрезвычайныхъ и временныхъ расходовъ, цифра которыхъ быстро возрастала. Такъ, временныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ было: *

Въ	1767	году	3.766.210 р.	84¾ к.
„	1768	„	4.328.267 „	74¼ „
„	1769	„	4.179.424 „	6 „
„	1770	„	6.234.507 „	37 „
„	1771	„	9.178,061 „	48 „
„	1772	„	6.972.033 „	82⅞ „
„	1773	„	6.240.683 „	32¼ „

Въ какомъ соотношеніи между собою находились цифры прихода и расхода въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе, изъ указанныхъ выше матеріаловъ не видно, но въ 1783 году самые необходимые чрезвычайные расходы, кромѣ непредвидѣнныхъ, представляютъ уже весьма почтенную цифру 12.384.841 руб. (съ копѣйками), а на покрытіе ихъ, за удовлетвореніемъ штатныхъ расходовъ, изъ обыкновенныхъ доходовъ могло быть удѣлено только 3.181.234 руб. (съ копѣйками), такъ что въ этомъ году оказывался уже весьма крупный дефицитъ

цифрами прихода и расхода; это происходитъ отъ того, что въ „вѣдомостяхъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ“ того времени въ итогъ приходовъ не включались суммы, поступавшія въ зачетъ недоимокъ за прошлые года; въ итогъ расходовъ также иногда не вносились суммы, покрывавшіяся изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ. Кромѣ того, особенно за первые годы, ни въ приходъ, ни въ расходъ не вносились суммы по казенной соляной и винной операціямъ.

* За время съ 1762 по 1766 годъ раздѣленія расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные въ „вѣдомостяхъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ“ не было (по крайней мѣрѣ, его нѣтъ въ напечатанныхъ извлеченіяхъ изъ этихъ вѣдомостей). Повидимому, въ то время чрезвычайные расходы, а равно и опредѣленныя на ихъ покрытіе статьи дохода, совсѣмъ не включались въ общій бюджетъ; такъ можно заключить изъ того, что дефицитъ 1762 года объясняется въ „вѣдомости“ тѣмъ, что въ этомъ году не были положены на „повсягодные расходы“ 1.400.000 р., ассигнованные на „удовольствіе заграничной арміи“ изъ сборовъ: винныхъ, соляныхъ, и новоположенныхъ съ черносошныхъ крестьянъ.

въ 9.203.607 руб. (съ копѣйками). Это и побудило императрицу поручить генералъ-прокурору князю Вяземскому, графу А. П. Шувалову и графу А. Р. Воронцову и (тогда еще генералъ-маіору) Безбородку составить соображенія объ изысканіи средствъ къ умноженію государственныхъ доходовъ. Результатомъ этихъ соображеній были нѣкоторыя исправленія въ финансовой системѣ и повышеніе окладныхъ и неокладныхъ сборовъ,—мѣры, оказывавшіяся, однако, все-таки недостаточными для приведенія бюджета въ равновѣсіе, такъ что въ заключеніи своего „всеподданнѣйшаго доклада“ финансовая коммиссія вынужденною нашлась замѣтить, что „къ удобнѣйшему извороту въ помянутыхъ чрезвычайныхъ издержкахъ не малымъ пособіемъ послужитъ, когда вашему императорскому величеству угодно будетъ повелѣть такъ оныя распорядить, чтобы тѣмъ изъ нихъ, кои не могутъ терпѣть отлагательства болѣе другихъ, прежде удовлетворено было, располагая прочія по мѣрѣ вступленія въ казну государственныхъ доходовъ“. Впрочемъ, упомянутыя мѣры позволили обойдтись въ этомъ году безъ выпуска ассигнацій, которыхъ въ два предыдущіе года было выпущено на $9^1/_2$ милліоновъ. Но уже въ слѣдующемъ 1784 году понадобилось выпустить ихъ слишкомъ 400.000, въ 1784 г.—на три милліона, въ 1785 году—на пять милліоновъ и т. д. Вообще, какъ видно изъ вѣдомости А. Н. Самойлова, съ 1781 по 1793 годъ, внѣшніе и внутренніе займы, выпуски ассигнацій и заимствованія изъ разныхъ чрезвычайныхъ источниковъ на покрытіе дефицитовъ составляли 126.196.556 р. $72^1/_2$ к: сумма громадная для того времени, особенно если принять въ соображеніе, что въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія государственные доходы, за исключеніемъ спеціально принадлежащихъ разнымъ мѣстамъ, составляли:

Въ	1790 году	42.519.921 р.	$21^1/_4$	к.
„	1792 „	41.388.953 „	$87^3/_4$	„
„	1793 „	41.634.181 „	$21^1/_2$	„
„	1794 * „	40.706.581 „	$45^1/_4$	„

* Считая только *чистый* доходъ по питейной и соляной операціямъ, подобно тому, какъ это сдѣлано относительно предшедшихъ годовъ. Со включеніемъ валоваго дохода по этимъ операціямъ, государственные доходы на 1794 годъ представляютъ цифру въ 53.811.897 р. 23 к., изъ чего слѣдуетъ, что издержки взиманія солянаго и питейнаго доходовъ простирались свыше тринадцати милліоновъ, при валовомъ доходѣ съ небольшимъ въ двадцать одинъ милліонъ рублей!

Изъ этихъ суммъ, за покрытіемъ обыкновенныхъ расходовъ, на удовлетвореніе чрезвычайныхъ оставалось:

Въ	1790 году	7.316.522 р.	58½ к.
„	1792 „	5.941.912 „	82½ „
„	1793 „	5.889.154 „	17¼ „
„	1794 „	4.325.733 „	12¼ „

Средства на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, какъ показываютъ приведенныя цифры, съ каждымъ годомъ уменьшались, а расходы эти, между тѣмъ, все болѣе и болѣе возрастали. Такъ, чрезвычайныхъ расходовъ на 1794 годъ было исчислено 15.289.052 р. 59½ к., да въ томъ же году предстояло произвесть расходовъ за прошедшее время и 1793 годъ 14.742.259 р. 9½ к., итого болѣе тридцати милліоновъ, а остатковъ отъ обыкновенныхъ доходовъ (за покрытіемъ штатныхъ расходовъ), даже съ присоединеніемъ разныхъ суммъ,—наличныхъ и ожидаемыхъ изъ различныхъ источниковъ,—имѣлось въ виду всего 6.606.971 р. 89 к. Оказывался дефицитъ въ 23.424.339 р. 80 к., превосходившій половину всего государственнаго дохода!

Вообще за послѣднее время царствованія Екатерины II дефицитъ, какъ видно изъ опубликованныхъ матеріаловъ, переходилъ изъ года въ годъ. 1789 годъ передалъ 1790 году въ наслѣдство болѣе восьми милліоновъ невыполненныхъ расходовъ; на 1791 годъ невыполненныхъ расходовъ за прежнее время, несмотря на всѣ чрезвычайныя пособія, было уже около шестнадцати милліоновъ; къ 1794 году невыполненныхъ расходовъ за прежнее время, какъ сказано выше, было также около пятнадцати милліоновъ. А между тѣмъ недоимки по разнымъ статьямъ дохода чуть не съ каждымъ годомъ возрастали; иныя статьи совсѣмъ переставали давать доходъ и даже обращались въ убытокъ. Такъ, соляная операція, доставлявшая въ 1769 году болѣе 1.900.000 р., въ 1783 году давала уже только 680.000 р., а въ девяностыхъ годахъ были въ чистый убытокъ, который въ 1794 году составлялъ болѣе 900.000 р.

Правительство того времени сознавало опасность такого финансоваго положенія, становившагося хроническимъ, и дѣлало что̀ могло къ покрытію дефицита безъ отягощенія будущихъ поколѣній, но обойдтись безъ государственныхъ займовъ оно не могло; несправедливо было бы, имѣя въ виду

современныя финансовыя понятія, обвинять тогдашнее правительство и за постоянно усиливавшіеся выпуски ассигнацій. Упомянемъ, однако, что въ виду постепеннаго упадка цѣнности бумажныхъ денегъ, противъ выпуска ихъ раздавались голоса и въ средѣ государственныхъ людей того времени. Раздавались голоса и въ пользу сокращенія расходовъ и улучшенія системы отчетности, какъ видно изъ донесенія о бюджетѣ за 1794 годъ. Но главнымъ образомъ, государственные люди того времени заботились объ увеличеніи доходовъ посредствомъ возвышенія податей. Такъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1783 года главныя надежды на увеличеніе доходовъ возлагались, съ одной стороны, на уравненіе окладныхъ сборовъ въ разныхъ привилегированныхъ мѣстностяхъ, — малорусскихъ, бѣлорусскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ, — съ таковыми же сборами въ центральныхъ губерніяхъ, и съ другой, на уравненіе въ повинностяхъ однодворцевъ съ государственными крестьянами и на обложеніе экономическихъ крестьянъ казеннымъ оброкомъ, приблизительно равняющимся оброку помѣщичьихъ крестьянъ. Въ пользу послѣдней мѣры финансовая коммиссія, между прочимъ, приводила то соображеніе, что, „сравнивая состояніе ихъ съ помѣщичьими крестьянами, изъ такого неравенства происходили многіе непорядки, непослушаніе сихъ послѣднихъ господамъ своимъ, и разныя своевольства, въ чаяніи чрезъ то сдѣлаться дворцовыми или другаго званія казенными крестьянами“. Кромѣ вышеозначенныхъ мѣръ, финансовая коммиссія 1783 года предполагала отмѣну привилегированнаго положенія нѣкоторыхъ мѣстностей относительно продажи питей и болѣе широкое развитіе винной откупной системы, продажу казенныхъ земель и т. п. Наконецъ, какъ крайнія средства, указывались: 1) возвышеніе общаго подушнаго сбора; 2) удвоеніе платежа съ купеческихъ капиталовъ, и 3) сложеніе на общество содержанія по губерніямъ судовъ дворянскихъ, магистратовъ и ратушъ. Коммиссія 1794 года для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ предлагала сокращеніе нѣкоторыхъ расходовъ и отсрочку платежа старыхъ долговъ, между прочимъ, долга „полкамъ, разнымъ мѣстамъ и частнымъ лицамъ“, ибо „и при избыткѣ доходовъ грѣшно было бы тратить ихъ на платежъ аптекарскихъ, можно сказать, счетовъ, а нужно необходимо.... подробнѣе разсмотрѣть оные и новые разчеты

учинить"; но главныя надежды коммиссія 1794 года возлагала на увеличеніе питейнаго дохода на пять милліоновъ, вслѣдствіе новой накладки на вино по рублю на ведро, и на рекрутскія деньги, „кои будутъ вступать вмѣсто отдачи натурою рекрутъ". Отъ этой послѣдней статьи коммиссія ожидала до четырехъ милліоновъ рублей дохода, предполагая, что „вступитъ деньгами *половина* рекрутскаго набора"!

Что касается до переписки императрицы съ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, то это матеріалъ въ высшей степени важный и любопытный, за обнародованіе котораго всѣ занимающіеся новѣйшею русскою исторіей должны быть признательны какъ Историческому Обществу, такъ и владѣльцу подлинника этой переписки, князю Н. А. Орлову. Бо́льшая часть этой переписки относится къ такъ-называемой Морейской экспедиціи и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми матеріалами, обнародованными г. Петровымъ (*Война Россіи съ Турціей въ 1769—74 гг.* *), даетъ намъ возможность прослѣдить сношенія Екатерины съ турецкими христіанами, съ самаго начала этихъ сношеній. Они начались по поводу появленія въ Черногоріи Стефана Малаго, о происхожденіи котораго въ перепискѣ императрицы мы находимъ новыя извѣстія. „Здѣсь мимоходомъ дамъ вамъ примѣтить,—писала она графу Орлову,—что извѣстный, я чаю, и вамъ генералъ Подгоричанинъ подозрѣваетъ не безъ основанія, что Степанъ Малый тотъ самый Италіянецъ Вандини, который въ канцеляріи опекунства ** (иностранцевъ переселившихся въ Россію) здѣсь дѣло имѣлъ и, обманувъ здѣсь, выманя алмазы у греческаго купца и заложа оные, денегъ взялъ и самъ ускакалъ. Подгоричанинъ говоритъ, что описаніе фигуры и лица одного и другаго совсѣмъ сходны, а только Вандини не былъ рябъ, и къ Подгоричанинымъ писано, что, пріѣхавъ въ Черногорію, Степанъ въ оспѣ лежалъ и такъ рябъ нынѣ, хотя въ Петербургѣ не былъ таковъ".

Это предположеніе не подтверждается, впрочемъ, никѣмъ изъ писавшихъ о Стефанѣ Маломъ, и едва ли можно допустить, чтобы чужеземецъ, Италіянецъ, въ состояніи былъ такъ электризовать Черногорцевъ, какъ это удалось Стефану. Г. Петровъ полагаетъ, что самозванецъ былъ греческій монахъ.

---

* См. о ней *Русск. Вѣстн.* 1866 г. № 9-й.

** Учреждена въ 1764 году.

Заграничные біографы Стефана называютъ его Боснякомъ; князь Ю. В. Долгоруковъ, имѣвшій съ нимъ близкія сношенія и изобличавшій его самозванство, тоже называетъ его уроженцемъ Босніи и присовокупляетъ, что онъ былъ орудіемъ въ рукахъ черногорскаго архіепископа, прославившаго его Петромъ III. Едва ли это извѣстіе не ближе всѣхъ къ истинѣ. Самозванство Стефана относится къ концу 1766 или началу 1767 года; владыка былъ предъ тѣмъ въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, зналъ о судьбѣ Петра III и могъ придумать сказку о его появленіи на Черной горѣ, чтобы поднять своихъ земляковъ противъ Турокъ. Повидимому, простодушные руководители черногорскаго самозванца не подозрѣвали, что имя, вызванное ими изъ могилы, можетъ охладить къ нимъ Екатерину, и воображали, повидимому, что оказываютъ ей услугу: она сама, въ одномъ изъ писемъ къ графу А. Орлову, свидѣтельствуетъ, что отъ лже-Петра пріѣзжалъ въ Петербургъ нѣкто Бѣличъ, просить помощи и покровительства.

Между тѣмъ отношенія къ Портѣ становились все тревожнѣе. Нельзя было поощрять Стефаново самозванство, но нельзя было и пренебрегать союзникомъ, котораго представляли очень сильнымъ. Совѣтнику русскаго посольства въ Вѣнѣ, капитану Мерку, поручено было провѣдать о черногорскомъ лже-Петрѣ. Меркъ отправился изъ Вѣны лѣтомъ 1768 года, но имѣлъ неблагоразуміе обратиться къ правительству Венеціянской республики, которая въ XVIII вѣкѣ держалась относительно Турціи той же политики, какой нынѣ слѣдуютъ нѣкоторыя западныя державы. Меркъ былъ допущенъ до Каттаро (принадлежавшаго Венеціи), но въ Черногорію ему не дозволили проникнуть и перехватывали письма, которыя онъ писалъ Стефану. Весьма вѣроятно, замѣтимъ кстати, что поѣздка Мерка и его попытки вступить въ сношенія съ самозванцемъ и подали поводъ къ мнѣнію, существующему до сего времени въ заграничной исторической литературѣ, будто Стефанъ Малый былъ орудіемъ русской политики.

Послѣ неудачной поѣздки Мерка, отправленъ былъ въ Черногорію полковникъ Ездемировичъ, одинъ изъ тѣхъ заграничныхъ Славянъ, которые направляли въ Россію славянскую колонизацію. Ему велѣно было обратиться къ Черногорцамъ, да и къ самому Стефану, какъ къ союзникамъ Россіи противъ Турціи, но наединѣ съ само-

званцемъ убѣждать его „кончить пустую басню“. Ездемировичу не удалось склонить къ этому Стефана: тогда уже отправленъ былъ князь Ю. В. Долгоруковъ съ нѣсколькими другими русскими офицерами, которые должны были публично и торжественно обличить Стефаново самозванство. Это порученіе они исполнили съ полнымъ успѣхомъ, но за то славянскія племена не приняли ни малѣйшаго участія въ возстаніи противъ Порты.

Что касается до греческаго народонаселенія, то первыя сношенія Екатерины съ нимъ были предприняты по мысли, поданной графу Г. Г. Орлову однимъ изъ тѣхъ греческихъ патріотовъ, которые, подобно Томарѣ, Мавромихаили, Маруцци и др., начинали приготовлять и въ самой Греціи, и за границей умы къ ея возрожденію. Это былъ, по свидѣтельству г. Петрова, артиллерійскій офицеръ и, слѣдовательно, сослуживецъ любимца государыни, Папа-огли. * Онъ былъ отправленъ на родину въ 1766 году, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, и былъ едва ли не первымъ русскимъ агентомъ между Греками въ царствованіе Екатерины. Это любопытное извѣстіе, добытое г. Петровымъ, дополняется нѣсколькими новыми, напечатанными нынѣ въ *Сборникѣ Историческаго Общества*. Екатерина писала А. Орлову въ 1769 году, что еще „предъ нѣсколькими годами“ отъ Мавромихаили и другихъ присланъ былъ въ Петербургъ нѣкто Петушкинъ (?), да и вообще въ эпоху, предшествующую разрыву Россіи съ Турціей, „множество Грековъ, Сербинъ и прочіе единовѣрные авантюрьеры зачали соваться ко многимъ съ планами, съ проектами, съ переговорами“. Когда послѣдовалъ разрывъ съ Портой или, по крайней мѣрѣ, когда онъ казался уже неизбѣжнымъ (во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ хронологія очень не точна), эти „авантюрьеры“ были отправлены въ разныя части Турецкой имперіи: иные къ Грекамъ, другіе къ Славянамъ, третьи къ Румынамъ и Болгарамъ.

Таковъ очеркъ секретныхъ сношеній Екатерины съ этими племенами предъ началомъ Первой Турецкой войны. Нѣтъ сомнѣнія, что такія сношенія, и особенно надежды на

---

* Кажется, это то же, самое лицо, которое Pouqueville называетъ Папандопуло,—тоже, по словамъ этого писателя, артиллерійскій офицеръ и пріятель Г. Орлова.

готовность Грековъ къ возстанію, были главнымъ побужденіемъ къ снаряженію такъ-называемой *Морейской экспедиціи*. Мысль о ней подана была тѣмъ же самымъ Григоріемъ Орловымъ, по предложенію коего отправленъ былъ въ Грецію первый русскій агентъ. Въ то же время Алексѣй Орловъ, находившійся по болѣзни (многіе сомнѣваются въ этой болѣзни) въ Италіи, прислалъ въ Петербургъ довѣреннаго своего адъютанта Кристенека съ проектомъ поднять православныя народонаселенія Турціи. Екатерина согласилась и возложила на А. Орлова руководить этимъ обширнымъ замысломъ; въ рескриптѣ, отъ 29-го января 1769 года, она писала ему:

„Прежде всего надобно принять за неоспоримую истину и за непремѣнное начало всего дѣла, котораго потому, по крайней возможности, держаться надо будетъ, что возстаніе каждаго народа порознь и прежде нежели смежные оному приготовлены и подвинуты будутъ къ равному или, по крайней мѣрѣ, весьма скоро послѣ, поднятію оружія,—не можетъ для насъ быть полезно, ибо никоторый изъ нихъ самъ по себѣ столько не силенъ, чтобъ иное что произвесть могъ, кромѣ одного набѣга и, такъ сказать, мимоходнаго на оному опустошенія частицы ближней земли; слѣдовательно же, всякій такой набѣгъ, не нанося непріятелю чувствительнаго ущерба, а еще менѣе причиняя ему какую-либо для насъ полезную диверсію, въ чемъ одномъ прямая наша цѣль быть долженствуетъ, послужилъ бы Туркамъ къ открытію глазъ и къ постоянному огражденію себя нужными и достаточными осторожностями противу дальнѣйшихъ покушеній, ибо имъ всемѣрно легче будетъ упредить распаленіе одной искры, нежели послѣ противиться и утушить цѣлое, въ силу пришедшее пламя. На семъ основаніи да будетъ первымъ и верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или бо́льшую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ, а приведя ихъ къ онымъ,—яснымъ убѣжденіемъ собственной ихъ взаимной пользы и надеждою общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, особливо же равно всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностію защищать святую церковь и самое благочестіе,—распорядить всѣ ваши мѣры и приготовленія въ непроницаемой тайнѣ, такимъ образомъ, чтобы принятіе оружія, сколько возможно, вездѣ въ одно время или вскорѣ одного народа за другимъ, а съ онымъ и на непріятеля съ разныхъ сторонъ большими и соединенными силами, а не малыми и разсыпанными кучами каждаго народа вдругъ нечаянное нападеніе послѣдовать могло съ положеннымъ напередъ намѣреніемъ, какъ и куда продолжать дальнѣйшее дѣйствіе, и гдѣ основать надежный себѣ плацъ д'армъ."

Для осуществленія этихъ предположеній графъ А. Орловъ совѣтовалъ послать съ эскадрой и десантное войско. Но флотъ нашъ, по смерти Петра Великаго, былъ въ пренебреженіи. Въ 1765 году, послѣ смотра, сдѣланнаго ему, Екатерина писала Н. И. Панину: „Мы имѣемъ много кораблей и людей на нихъ, но не имѣемъ ни флота, ни матросовъ“. Поэтому-то, когда наша эскадра готовилась къ выступленію изъ Кронштадтскаго порта, французскіе дипломаты смѣялись надъ „романическими замыслами царицы“, и дѣйствительность, казалось, должна была оправдать эти насмѣшки. Императрица съ горестію поставляла на видъ адмиралу Спиридову, начальствовавшему надъ первою эскадрой, отсутствіе въ ней дисциплины; одинъ изъ его кораблей пришлось бросить у береговъ въ Англіи, какъ совершенно негодный; многіе другіе принуждены были чиниться то въ англійскихъ, то въ португальскихъ портахъ. Вообще, изъ числа пятнадцати разной величины судовъ, вышедшихъ подъ начальствомъ Спиридова, собрались у острова Минорки лишь восемь. Вторая эскадра, подъ командой англійскаго моряка Эльфинстона, встрѣтивъ свѣжіе вѣтры по выходѣ въ море, пришла съ первыхъ же дней въ совершенное разстройство. Одинъ изъ кораблей этой эскадры принужденъ былъ остаться на зимовку въ Ревелѣ, два другіе разбились близъ шведскихъ береговъ, и всѣ остальные получили столько поврежденій, что Эльфинстонъ остался зимовать въ англійскихъ портахъ. Но Екатерина не унывала: покупала новые корабли, вмѣсто негодныхъ, нанимала матросовъ и офицеровъ въ Англіи и Даніи, и писала Орлову: „Ничто на свѣтѣ нашему флоту столько добра не сдѣлаетъ, какъ сей походъ. Все закоснѣлое и гнилое наружу выходитъ, и онъ будетъ со временемъ круглехонько обточенъ.“

Встрѣченная насмѣшками, наша морская экспедиція не замедлила вызвать опасенія со стороны нѣкоторыхъ дворовъ, а потому Екатерина предписывала Орлову и подчиненнымъ ему адмираламъ держать себя чрезвычайно осторожно въ отношеніи нейтральныхъ государствъ и избѣгать всякаго столкновенія съ кораблями французскими и испанскими, дворы которыхъ неблагосклонно смотрѣли на развитіе русскаго могущества; она предписывала, съ другой стороны, всѣми мѣрами внушать выгодное о себѣ мнѣніе и стараться, чтобъ общественное мнѣніе не впадало въ заблужденіе насчетъ истинныхъ видовъ русской политики.

„Государи и государства должны полагать взаимное свое поведеніе однихъ къ другимъ на общепринятыхъ правилахъ естественной справедливости“, писала она. „Свѣтъ разсматриваетъ и судитъ на опытѣ всѣ поступки дѣйствующихъ дворовъ, а тотъ, который на своей сторонѣ имѣетъ признаніе публики, можетъ твердо полагаться, что противная ему сторона не дерзнетъ, по меньшей мѣрѣ явно и открытымъ образомъ, дѣйствовать противъ его, по опасности чтобъ инако не поднять на себя негодованія и недовѣрки всѣхъ вообще частей христіянской республики, а тѣмъ самымъ и не доставлять сопернику большей выгоды и способности къ совершенію его дѣла. Къ особливому и чистосердечному порадованію нашему, вѣдаемъ мы удостовѣрительно, что всѣ безпристрастныя державы республики христіянской полагаютъ справедливость на нашей сторонѣ, и что сіе самое общее удостовѣреніе обуздываетъ противъ воли и склонности ненавистниковъ нашихъ къ маскированію истинныхъ ихъ мнѣній. Дѣло теперь въ томъ состоитъ, что польза и слава отечества нашего требуютъ неотмѣнно сохранять и утверждать въ публикѣ сіе для насъ толико выгодное мнѣніе, а для того и надобно, чтобы всѣ наши мѣры и предпріятія дѣйствительно ограничивались въ предѣлахъ видимаго правосудія и собственной безкорыстности, а особливо тѣ, кои нынѣ подъ вашимъ мужественнымъ и патріотическимъ руководствомъ производятся въ Греціи, и чтобъ они, какъ таковыя, чѣмъ ни есть публичнымъ свѣту не собственно отъ насъ однихъ предъявлены и въ общемъ онаго признаніи установлены были. Къ достиженію сего—одинъ способъ, но весьма надежный и, повидимому, никакому сомнѣнію и затрудненію не подверженный. Надобно только, чтобы вы, соединя въ свое предводительство разные греческіе народы, какъ можно скорѣе составили изъ нихъ нѣчто видимое, и между собою къ общему подвигу соединенное, которое бы свѣту представилось новымъ и цѣлымъ корпусомъ, и чтобъ опять сей новый корпусъ, составляясь публичнымъ актомъ (который какъ можно больше во всѣ стороны разсѣянъ быть имѣетъ), и объявя въ ономъ политическое свое бытіе, отозвался во всей христіянской республикѣ въ слѣдующей, напримѣръ, силѣ“....

Екатерина желала, чтобы возставшія племена заявили въ этомъ публичномъ актѣ что „они, такимъ образомъ совокупясь воедино и составя новый членъ въ республикѣ христіянской, всѣхъ государей молятъ и просятъ, заклиная ихъ ранами и кровію общаго всѣмъ Спасителя, дабы они ихъ въ семъ качествѣ признали и снабдили по возможности всякою помощію и покровительствомъ“. Разумѣется, Греки прежде всего должны были доказать дружнымъ возстаніемъ, что они дѣйствительно желаютъ свободы. Но этого-то именно

они не доказали. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказалось, что въ политикѣ не слѣдуетъ основывать соображенія на энтузіазмѣ и что нѣсколько горячихъ головъ не могутъ служить мѣриломъ расположенія умовъ цѣлаго народонаселенія. Въ понятіи Екатерины, русскіе корабли и русскій дессантъ должны были появленіемъ своимъ дать лишь толчокъ народному движенію, которое она воображала совершенно созрѣвшимъ. „Знаю я, писала она Орлову, что въ разсужденіи нашего предпріятія, сухопутнаго у васъ войска не великое число; но какъ бы оно мало ни было, оно служить будетъ всегда подпорою тѣмъ народамъ, кои желаютъ себя освободить отъ ига нечестиваго; да не токмо подпорою, но образцомъ регулярства и послушанія.“ Греки, напротивъ того, повидимому, полагали, что русскій флотъ и русскій дессантъ присланы именно затѣмъ, чтобы завоевать независимость Греціи, и что имъ, Грекамъ, остается лишь не препятствовать, и развѣ слегка пособлять усиліямъ Русскихъ.

Мы имѣемъ въ виду пока два русскія свидѣтельства объ участіи греческаго населенія въ возстаніи 1770 года, князя Долгорукова и графа Орлова,—и оба эти свидѣтельства не въ пользу Грековъ. Первый изъ нихъ очень категорически высказывается объ этомъ въ своихъ *Запискахъ*, а въ какомъ смыслѣ графъ Орловъ доносилъ о Грекахъ императрицѣ, можно видѣть изъ напечатанныхъ въ *Сборникѣ* ея отвѣтовъ. „Мы видимъ теперь, писала она въ рескриптѣ отъ 3-го сентября 1770 г., что Морейская экспедиція не соотвѣтствовала своими слѣдствіями мужественному отъ васъ предпріятому ея отверстію, по причинѣ сродной Грекамъ трусости, кои особливо подъ Модономъ толико пакости причинили.“ Дѣйствительно, возстаніе, быстро охватившее было Морею и сообщившееся даже въ Эпиръ и Ѳессалію, мгновенно потухло при появленіи корпуса турецкихъ войскъ, а потому и Орлову не оставалось ничего болѣе, какъ посадить свои войска на корабли и взорвать нѣкоторыя укрѣпленія, которыми онъ успѣлъ овладѣть въ первые дни экспедиціи. Императрица одобрила и не могла не одобрить такое рѣшеніе; она имѣла право даже почитать не безуспѣшными дѣйствія этой экспедиціи, потому что они отвлекли въ Морею часть турецкихъ силъ; но нельзя безъ прискорбія подумать о тѣхъ страшныхъ послѣдствіяхъ, которыя навлекли на Грековъ опрометчиво

поданныя русскому правительству надежды произвести всеобщее и серіозное возстаніе между ними. Турки прошли среди греческихъ населеній съ огнемъ и мечомъ. Иностранные писатели возлагаютъ пролитую при этомъ кровь на отвѣтственность русской политики. Но справедливо ли это? Не странно ли требовать, чтобы русская императрица устраивала усиліями одного своего народа судьбу постороннихъ, хотя и сочувственныхъ племенъ? Не естественнѣе ли, чтобы Греки сами были главными орудователями своего освобожденія? Можно съ увѣренностію сказать однакоже, что Морейская экспедиція дала сильный толчокъ дѣлу освобожденія Греціи; люди поднимавшіе оружіе въ 1770 году,—Мавромихаили, Бенаки, Ламбро-Каччіоне,—сдѣлались вождями возстанія 1823 года; мысль, которую лелѣяли прежде нѣкоторые, болѣе пылкіе чѣмъ вліятельные, патріоты, проникла въ народныя массы,—и освобожденіе совершилось.

Покинувъ Морею, Орловъ принялъ личное начальство надъ эскадрами Спиридова и Эльфинстона, и 26-го іюня сжегъ весь турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ. Отсюда онъ предполагалъ двинуться къ Дарданелламъ. Еслибы на мѣстѣ его былъ Нельсонъ, онъ, безъ сомнѣнія, провелъ бы свои корабли подъ выстрѣлами этой крѣпости и бросилъ бы якорь у Золотаго Рога; нѣсколько бомбъ, пущенныхъ въ Константинополь, навѣрное заставили бы султана подписать миръ на условіяхъ, которыя побѣдитель продиктовалъ бы ему. Орловъ этого не сдѣлалъ; онъ даже не заперъ Дарданеллъ и зимой 1700—71 года отправился въ Петербургъ.

Но Чесменская побѣда не осталась однакожь безъ важныхъ послѣдствій: въ продолженіе наступившей за тѣмъ осени и зимы, 18 острововъ въ Архипелагѣ было покорено нашимъ флотомъ, и жители ихъ приняли присягу императрицѣ, а это обстоятельство дало совершенно новое направленіе видамъ русской политики относительно цѣли нашей морской экспедиціи. Спиридовъ совѣтовалъ удержать за собой занятые острова до заключенія мира, какъ средство выговорить себѣ выгодныя условія и содержать флотъ въ Архипелагѣ безъ ущерба для казны. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ онъ считалъ возможнымъ удержать и по заключеніи мира. Мысль смѣлаго адмирала была одобрена въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, и

принята какъ одно изъ основаній при открывшихся въ 1771 году сношеніяхъ относительно замиренія. Разумѣется, послѣ Чесмы и Кагула, когда сухопутная наша армія находилась на Дунаѣ, а корабли владѣли Архипелагомъ, Екатерина считала себя въ правѣ требовать значительныхъ вознагражденій; но если европейскіе кабинеты предоставляли ей одинъ-на-одинъ вѣдаться съ Турціей съ оружіемъ въ рукахъ, то въ области дипломатіи подобнаго tête à tête они никакъ не хотѣли допустить. Франція убѣждала Порту не дѣлать уступокъ и утверждала, что военныя силы Россіи истощены, а внутреннія партіи угрожаютъ самому престолу; Вѣнскій дворъ неблагосклонно смотрѣлъ на войну, происходившую такъ близко отъ его владѣній; Пруссія, свидѣтельствуясь въ своемъ дружелюбіи, убѣждала Екатерину быть умѣренною въ своихъ требованіяхъ и только при этомъ условіи принимала на себя склонять Порту къ примиренію. Все это было причиной, что переговоры тянулись безъ всякихъ результатовъ, когда Фридрихъ II возымѣлъ мысль связать съ Турецкимъ вопросомъ Польскій вопросъ: предположивъ вознаградить себя и Австрію насчетъ Польши за нейтралитетъ, онъ убѣдилъ и Екатерину съ той же стороны получить часть вознагражденія за военныя издержки противъ Турціи, умѣривъ за то свои требованія въ отношеніи этой послѣдней: первый раздѣлъ Польши далъ нѣкоторымъ образомъ возможность состояться Кучукъ-Кайнарджискому трактату.

Извѣстно, что Екатерина сильно добивалась при этомъ удержать за собой одинъ изъ острововъ на Архипелагѣ. Не говоримъ о томъ, какое огромное вліяніе это пріобрѣтеніе могло бы имѣть на развитіе русской торговли и русскаго мореходства, но существованіе русскаго поста посреди греческаго населенія должно было неминуемо оказать сильное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Греціи. Екатерина не достигла своей цѣли. Подозрительность западной Европы въ отношеніи Россіи была возбуждена; принципы ея въ отношеніи Восточнаго вопроса начинали обозначаться.

Таково содержаніе переписки Екатерины съ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ. Повторяемъ, за обнародованіе ея нельзя не быть благодарнымъ князю Орлову и Историческому Обществу, въ распоряженіи котораго должно находиться множество и другихъ еще, не менѣе интересныхъ

документовъ. Скажемъ, въ заключеніе, и о внѣшней сторонѣ изданнаго имъ *Сборника*. Нѣкоторыя статьи въ немъ снабжены полезными примѣчаніями и поясненіями, бумага и шрифтъ въ немъ прекрасныя, опечатокъ въ немъ почти нѣтъ, словомъ, это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя имѣютъ и видъ цивилизованный, и какія не часто выходятъ изъ нашихъ типографій.

II.

1) *Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго*, соч. Н. В. Сушкова, съ портретомъ и снимкомъ съ подписи архипастыря.

2) *Изъ бумагъ митрополита московскаго Филарета.* М. И. Сухомлинова. *(Журн. Мин. Народн. Просв.* 1868 г. № 1.)

3) *Воспоминанія В. И. Панаева. (Вѣстн. Европы,* 1867 г. Тт. III и IV.)

Однимъ изъ утѣшительныхъ знаменій настоящаго времени служитъ то, что жизнь и публичная дѣятельность замѣчательныхъ современниковъ, тотчасъ послѣ ихъ кончины, дѣлается предметомъ гласности. Мы не дошли еще до совершенно свободнаго обсужденія публичной дѣятельности живыхъ людей (кромѣ литераторовъ и ученыхъ), но за то далеко ушли уже отъ мертвеннаго безмолвія и отъ восхваленій по указанному каммертону, которыя сопровождали въ могилу людей прежняго, еще весьма недавняго времени. Теперь, когда публичные дѣятели сходятъ со сцены, ихъ сопровождаетъ шумъ голосовъ, доказывающій, что за ними съ участіемъ слѣдило общественное мнѣніе, если оно и не всегда имѣло возможность близко знать ихъ дѣла и оцѣнивать ихъ побужденія.

Подобно тому какъ вслѣдъ за смертію Ермолова посыпались воспоминанія о немъ современниковъ и сослуживцевъ, анекдоты, разказы, матеріалы для жизнеописанія, и появилась, наконецъ, его автобіографія (даже въ нѣсколькихъ различныхъ текстахъ), — такъ теперь, тотчасъ послѣ кончины митрополита Филарета, періодическія изданія стали наполняться воспоминаніями о немъ, чертами изъ его жизни,

и, чрезъ три мѣсяца послѣ того какъ знаменитый архипастырь сошелъ въ могилу, въ печати появилась цѣлая довольно объемистая книга, заключающая въ себѣ извѣстія о всей продолжительной его жизни. Книга, изданная нынѣ г. Сушковымъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ ней, не есть полная біографія, а только „повременныя замѣтки“. „Она составлена, говоритъ авторъ, по неодолимому желанію собрать и сохранить возможно полныя свѣдѣнія о жизни Филарета. Я тогда писалъ о живомъ человѣкѣ, я передавалъ живую рѣчь его, я говорилъ подъ живымъ впечатлѣніемъ словъ нашего пастыря и учителя, день за днемъ, бесѣда за бесѣдой, по разказамъ его, по добываемымъ мною о немъ свѣдѣніямъ, по теченію современныхъ событій, по указаніямъ моей памяти.“ Благодаря личному знакомству автора съ покойнымъ митрополитомъ, *Записки о жизни и времени* знаменитаго архипастыря заключаютъ много чертъ въ высшей степени любопытныхъ. Его первыя бесѣды съ митрополитомъ происходили въ 1828 году, когда г. Сушковъ пріѣхалъ въ Москву, будучи назначенъ на покаяніе за бывшую у него дуэль. Отрекомендованный архипастырю, онъ явился къ нему.

„Мы сѣли. Начался разговоръ, съ одной стороны смиренно-поучительный и любовно-умирительный, съ другой ребячливо-строптивый и гордо-неразумный.

„— Мнѣ жаль васъ! съ вами случилось великое несчастіе.

„— Да-съ; ни предвидѣть, ни предупредить его было невозможно.

„— Обиду, нанесенную вамъ—такъ; но послѣдствія размолвки или ссоры зависѣли отъ васъ.

„— Какъ! оставить обиду безъ наказанія, прослыть за труса, остаться навсегда обезчещеннымъ! Помилуйте! Вѣдь я не монахъ, не схимникъ.

„— А я не рыцарь — и вашихъ рыцарскихъ узаконеній не знаю и не признаю. Церковь учитъ прощать, забывать обиды, не мстить недругу, молиться за враговъ, воздавать добромъ за зло.

„— Все это, нравственно говоря, разумѣется, прекрасно, да въ свѣтѣ неисполнимо. Свѣтъ требуетъ, чтобы всякое посяганіе на вашу честь, всякая дерзость, всякое грубое слово было обмыто отъ безчестія въ крови.

„— Какое ужасное и не только въ христіанствѣ, а и въ язычествѣ безчеловѣчное требованіе!...

„Молчаніе.

„— Ахъ! лучше перенести мірской лукавый судъ и ложный стыдъ передъ неразумными людьми, нежели и судъ своей

совѣсти, и стыдъ передъ Христомъ, преподавшимъ намъ, бѣднымъ и слабымъ, примѣръ смиренія и самоотверженія.“

Мы не имѣемъ въ виду доказывать выписками изъ книги г. Сушкова догматическія познанія и силу убѣжденія московскаго святителя, всѣмъ давно извѣстныя; мы желали только обратить вниманіе на тѣ—если смѣемъ такъ выразиться—симпатичныя черты этой замѣчательной личности, которыя открываются изъ лежащей предъ нами книги и объясняютъ ту привязанность, которую питали къ нему люди, бывшіе въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ, независимо отъ уваженія, въ которомъ никто никогда ему не отказывалъ. Архипастырь не потяготился разглагольствованіями запальчиваго молодаго человѣка, не ограничился назначеніемъ священника для наблюденія за исполненіемъ эпитеміи, но заботливо выбралъ такого пастыря, который могъ бы оказать на него нравственное вліяніе, самъ еженедѣльно принималъ г. Сушкова, бесѣдовалъ съ нимъ, давалъ ему высказываться, тихо возражалъ на его запальчивыя выходки,

И силой кроткой и любовной
Смирялъ онъ гордыя мечты....

Въ короткое время Филаретъ не только успѣлъ совершенно измѣнить образъ мыслей г. Сушкова, но и сдѣлалъ его страстнымъ своимъ почитателемъ. Мы будемъ еще имѣть случай не разъ возвратиться къ книгѣ г. Сушкова, здѣсь же замѣтимъ, что вообще она хорошо знакомитъ съ личностію московскаго архипастыря, хотя, какъ уже сказано, не составляетъ его біографіи. Біографія митрополита Филарета — это страница изъ исторіи. Мы скажемъ, что знаемъ его, — лишь тогда, когда, независимо отъ знакомства съ его личностію, какъ человѣка, независимо отъ обстоятельныхъ изслѣдованій его ученыхъ трудовъ и пастырской дѣятельности, мы въ состояніи будемъ указать ему мѣсто въ ряду нашихъ государственныхъ людей. Его біографъ долженъ будетъ дать отчетъ о дѣйствіяхъ митрополита Филарета, какъ пастыреначальника въ продолженіи полувѣка, какъ вліятельнѣйшаго между членами нашей высшей духовной коллегіи, какъ довѣреннаго лица трехъ монарховъ. Такая біографія есть, конечно, дѣло будущаго. А пока нельзя не быть

признательнымъ г. Сушкову, что онъ такъ скоро и добросовѣстно удовлетворилъ желанію русскаго общества прочесть что-нибудь полное о покойномъ московскомъ митрополитѣ, за жизнію котораго даютъ намъ поводъ прослѣдить нѣкоторыя изъ оставшихся послѣ него бумагъ и напечатанныя въ *Вѣстникѣ Европы* „*Воспоминанія В. И. Панаева*“.

„Записки мои,—говоритъ г. Панаевъ,—или, правильнѣе сказать, *Воспоминанія*, какъ я ихъ назвалъ, обязаны существованіемъ своимъ желанію любознательныхъ друзей моихъ. Слушая иногда разказъ мой о такъ-называемой эпохѣ мистицизма, проявившейся у насъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія императора Александра I, они настоятельно требовали, чтобъ я изложилъ то на бумагѣ.“ Въ 1858 году авторъ пользовался кумысомъ въ Оренбургской губерніи, а потомъ морскими ваннами въ Ѳеодосіи, и употребилъ свои досуга, чтобъ описать эту „эпоху мистицизма“, а потомъ, мало-по-малу, увлеченный своими воспоминаніями, описалъ и всю свою жизнь и обстоятельства, среди которыхъ онъ находился.

Мы придаемъ большое значеніе всякаго рода мемуарамъ, но дѣлаемъ однакожь различіе между *Записками* или *Дневниками*, въ которыхъ день за днемъ отмѣчается все, что̀ авторъ признаетъ заслуживающимъ быть отмѣченнымъ, и *Воспоминаніями*, которыя пишутся много лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій. *Воспоминанія Вигеля*, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно пріятнѣе для чтенія чѣмъ *Записки Храповицкаго*, но какъ пособіе для исторіи, послѣднія имѣютъ неизмѣримое преимущество предъ первыми. Что касается до *Воспоминаній Панаева*, то они читаются не безъ интереса, какъ книга написанная рукой опытнаго литератора, правильнымъ, хорошимъ языкомъ, но историческій ея интересъ сосредоточивается почти исключительно на III главѣ, именно той, которая касается „эпохи мистицизма“.

Главное дѣйствующее лицо въ разказѣ Панаева довольно извѣстный читателямъ *Русскаго Вѣстника* Магницкій. Авторъ ставитъ его въ центрѣ партіи заслужившей печальную извѣстность преслѣдованіемъ всякаго рода свободы и просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Магницкій былъ лицомъ вліятельнымъ въ этой партіи, но едва ли не справедливо и то, что

значеніе его преувеличено. Онъ болѣе выдвинулся для насъ изъ среды своей партіи главнымъ образомъ потому, что о немъ, благодаря доступности архива министерства народнаго просвѣщенія, болѣе написано чѣмъ о другихъ, болѣе его вліятельныхъ, а слѣдовательно и болѣе его вредныхъ. Панаевъ, напримѣръ, имѣлъ случай видѣть близко дѣйствія одного лишь Магницкаго, и вотъ почему онъ въ разказѣ своемъ поставилъ его въ ключѣ свода. Изъ многихъ другихъ источниковъ и, между прочимъ, изъ нынѣ напечатанныхъ *Бумагъ митрополита Филарета*, изъ прекрасной статьи г. Сухомлинова, объясняющей значеніе *Бумагъ*, и изъ книги г. Сушкова, мы знаемъ, что Магницкій былъ одинъ изъ многихъ, образовавшихъ густую тѣнь, такъ рѣзко падающую на эпоху Александра I послѣ яркой эпохи его преобразовательныхъ попытокъ и славной войны 1812 года. Эти многіе были, кромѣ Магницкаго, Аракчеевъ, Шишковъ, митрополитъ Серафимъ, архимандритъ Фотій, Кикинъ, Руничъ и самъ князь А. Н. Голицынъ, открывающій „эпоху мистицизма“, заслуживній въ званіи министра народнаго просвѣщенія, по словамъ Панаева, прозваніе *гасильника*, но скоро опереженный другими, менѣе его образованными и гуманными, гораздо болѣе рѣшительными и жесткими. Откуда и когда произошло это мистическое, а потомъ чисто-монастырское направленіе, возобладавшее въ Россіи,—это довольно извѣстно. „Послѣ окончательнаго торжества надъ Наполеономъ, говоритъ Панаевъ, императоръ Александръ, проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ, что не одними человѣческими силами и средствами, бывшими въ его распоряженіи, совершилъ онъ великое дѣло освобожденія Европы, началъ болѣе и болѣе предаваться богомыслію. Отсюда охлажденіе къ свѣту, къ увеселеніямъ, склонность къ уединенію, къ мистицизму, недовѣріе къ людямъ, особливо чуждымъ смиренія, такъ сильно въ немъ преобладавшаго, и расположеніе къ тѣмъ, которые казались ему благочестивыми, религіозными.“ Такое настроеніе императора не могло скрыться отъ людей проницательныхъ и честолюбивыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Магницкій. Остроумный, насмѣшливый, пропитанный моднымъ вольтеріанизмомъ въ молодости, дѣлецъ и реформаторъ по образцу наполеоновской Франціи во время силы Сперанскаго, Магницкій попалъ въ немилость вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ; когда же, — именно въ „эпоху

мистицизма“,—былъ назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ, „вдругъ, говоритъ Панаевъ, дѣлается жаркимъ фанатикомъ: ѣздитъ по церквамъ, бесѣдуетъ съ духовными лицами, посѣщаетъ чаще обыкновеннаго больницы, тюрьмы (что̀ императоръ обыкновенно дѣлалъ въ своихъ вояжахъ); учреждаетъ въ Симбирскѣ, едва ли не первый изъ губернаторовъ, въ подражаніе столицѣ и въ угожденіе князю Голицыну, общество библейское; выходитъ изъ кареты, несмотря на грязь и холодъ, чтобы принять благословеніе бѣгавшаго по симбирскимъ улицамъ такъ-называемаго блаженнаго, въ надеждѣ, что объ этомъ дойдетъ до князя Голицына, а чрезъ него, можетъ-быть, и до государя“. Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело на государя поведеніе Магницкаго, но оно доставило ему сильнаго покровителя въ особѣ князя Голицына, самаго искренняго и самаго добродушнаго между мистиками, окружавшими въ это время престолъ. Магницкій, вынесшій изъ старыхъ своихъ сношеній съ Кочубеемъ и Сперанскимъ убѣжденіе въ тайномъ сочувствіи государя къ духу филантропіи и уничтоженію крѣпостнаго рабства, началъ было дѣйствовать въ такомъ смыслѣ во ввѣренной ему губерніи и чуть не сломилъ себѣ шеи. Его спасъ Голицынъ: онъ далъ ему мѣсто члена Главнаго Училищъ Управленія (1819 г.), вслѣдъ за тѣмъ послалъ ревизовать Казанскій университетъ, а по окончаніи этой знаменитой ревизіи, назначилъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Вотъ свидѣтельство о дѣйствіяхъ Магницкаго въ Казани, человѣка, котораго, конечно, нельзя назвать ни революціонеромъ, ни безбожникомъ. „Управленіе Магницкаго Казанскимъ округомъ ознаменовалось“, говоритъ Панаевъ, —

„удаленіемъ лучшихъ и способнѣйшихъ профессоровъ, распространеніемъ между наставниками и воспитанниками духа лицемѣрія и ханжества, какъ вѣрнаго средства къ снисканію благосклонности попечителя; происками и враждой членовъ университета, щедрыми наградами и возвышеніемъ окладовъ довѣренныхъ лицъ, частою оныхъ перемѣною; наконецъ, огромными, безотчетными издержками по части строительной. Сверхъ того, профессорамъ и всѣмъ служащимъ запрещалось употребленіе вина; въ торжественные же дни, здоровье высшихъ начальниковъ и государя должны они были пить медомъ. Провинившійся студентъ именовался не виноватымъ, а грѣшнымъ, запирался въ карцеръ,

съ лишеніемъ какъ можно болѣе свѣта, былъ навѣщаемъ тамъ священникомъ, который увѣщевалъ его, потомъ исповѣдывалъ и удостоивалъ Св. Таинъ; послѣ чего освобождался онъ, какъ совершенно исправившійся! Изгнавъ профессора Арнгольда, человѣка, по отзыву его, безнравственнаго, не имѣющаго понятія о наукѣ (хирургіи), которую преподавалъ, Магницкій силился (при новомъ уже министрѣ Шишковѣ) опредѣлить его опять на ту же каѳедру, потому что онъ, какъ сказано въ представленіи, исправился, принялъ православную вѣру и написалъ превосходную диссертацію, въ которой доказалъ, что главная и единственная причина всѣхъ болѣзней *есть грѣхъ*."

Между тѣмъ противъ князя Голицына дѣйствовала весьма сильная интрига, главнымъ руководителемъ которой Панаевъ почитаетъ,—какъ мы думаемъ, не безъ основанія,—Аракчеева.

„Несмотря на свою силу, Аракчеевъ завидовалъ однакожь близости къ императору и вліянію на него трехъ человѣкъ, управлявшихъ важнѣйшими частями—финансовою, военною, народнаго просвѣщенія и соединенныхъ съ онымъ дѣлъ духовныхъ. Ему тѣсно было при нихъ около государя, а притомъ они составляли ему оппозицію въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. То были: графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и часто упоминаемый князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Ему нужно было отъ нихъ избавиться. Онъ началъ съ графа Гурьева, который портфель министра финансовъ долженъ былъ передать генералъ-лейтенанту Канкрину (въ послѣдствіи графъ и полный генералъ). Не устоялъ потомъ и князь Петръ Михайловичъ Волконскій, уступившій званіе начальника главнаго штаба генералъ-лейтенанту Дибичу (въ послѣдствіи графъ и фельдмаршалъ). Оставался князь Голицынъ. Его сломить было нѣсколько труднѣе, какъ по болѣе теплому расположенію къ нему государя, скрѣпленному одинаковымъ религіознымъ направленіемъ, такъ и потому, что части народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ были для Аракчеева terra incognita, страна совершенно неизвѣстная. Нужны были знающіе помощники. Выборъ палъ на митрополита Серафима, архимандрита Фотія и Магницкаго. Какъ послѣдовало это соединеніе, покрыто мракомъ неизвѣстности. Оно тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ сказанныя три лица пользовались благорасположеніемъ и милостями князя Голицына, а послѣдній, то-есть Магницкій, былъ осыпанъ его благодѣяніями, ибо, кромѣ сказаннаго выше, онъ исходатайствовалъ ему въ теченіе пяти лѣтъ (какъ тогда говорили) около двухъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями негласнаго пособія."

Въ трехъ книгахъ, которыя поименованы въ заглавіи нашей статьи, заключается много чертъ, характеризующихъ лица, поименованныя Панаевымъ; но мы ограничимся слѣдующими строками, ярко изображающими личность одного изъ главныхъ дѣятелей партіи, ополчившейся противъ довольно гуманнаго и нѣсколько космополитическаго мистицизма, господствовавшаго подъ вліяніемъ князя Голицына.

„Начальникъ и другъ мой И. И. Ястребцовъ,—говоритъ Панаевъ,—переводчикъ Массиліона, умнѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ, пригласилъ меня на экзаменъ духовной академіи, обѣщая показать тамъ Фотія, котораго я еще не видалъ и который строгою святостью и разными странными поступками привлекалъ тогда общее на себя вниманіе. За конференцъ-столомъ сидѣли уже члены синода, и сверхъ того, митрополитъ Сестренцевичъ, Сперанскій и графъ Хвостовъ. Мы помѣстились въ первомъ ряду креселъ. „Вотъ Фотій,“ сказалъ мнѣ Ястребцовъ, указывая влѣво, на четвертый, весьма длинный рядъ креселъ, гдѣ сидѣлъ, одинъ-одинехонекъ (видно, никто не дерзалъ къ нему приблизиться), худощавый, блѣдный монахъ, съ поникнутымъ лицомъ, съ большими мутными голубыми глазами, быстро поворачивающимися во всѣ стороны. Клобукъ, закрывавшій брови, придавалъ еще болѣе дикости его взору. Вскорѣ вошелъ министръ, князь Голицынъ; всѣ встали. Принявъ благословеніе митрополита и сѣвъ на свое мѣсто, князь началъ оглядываться съ видимымъ намѣреніемъ отыскать Фотія, нашелъ, всталъ и почтительно поклонился; потомъ началъ безпрестанно на него оглядываться. Я невольно дѣлалъ то же, Фотій же ни на него, ни на меня не обращалъ вниманія, перебиралъ четки, а иногда, слѣдуя за ходомъ экзамена (богословіе), крестился: вѣроятно, нѣкоторыя положенія науки, по его понятію, *грѣховныя*, ему не нравились. По окончаніи экзамена, ректоръ, епископъ Григорій (нынѣ с.-петербургскій митрополитъ *), пригласилъ всѣхъ на завтракъ. Впереди, разумѣется, шелъ министръ. Поравнявшись съ четвертымъ рядомъ креселъ, онъ протѣснился по узкому между рядами проходу, чтобы принять благословеніе Фотія, а тотъ, стоя на одномъ мѣстѣ, не сдѣлалъ ни шагу, чтобы двинуться ему навстрѣчу. До залы, гдѣ изготовленъ былъ завтракъ, надлежало проходить длиннымъ коридоромъ. Я шелъ за Фотіемъ въ двухъ шагахъ, не отставая: такъ мнѣ хотѣлось разсмотрѣть его, и, признаюсь, что-то невольно къ нему тянуло. Вдругъ меня обгоняетъ мой помощникъ (я тогда былъ начальникомъ исполнительнаго стола въ коммиссіи духовныхъ училищъ), бывшій домашній секретарь Держа-

* То-есть въ 1858 году.

вина, Абрамовъ; ему, видно, хотѣлось похвастаться предо мной извѣстностью своею Фотію, который часто посѣщалъ вдову Державина, сдѣлавшуюся богомолкой. Опередивъ меня и поравнявшись съ архимандритомъ, онъ протянулъ къ нему на ходу сухощавую свою руку для благословенія; но Фотій, взглянувъ на него презрительно, вмѣсто благословенія, ударилъ его по ладони, такъ что раздалось. Старикъ покраснѣлъ и отступилъ назадъ. Вошедъ въ залу, Фотій остановился у порога; я сталъ съ нимъ рядомъ. Министръ, члены синода и гости приступили къ закускѣ. Сперанскій, закусивъ немного, отошелъ къ окну, противоположному двери, у которой мы стояли, и постучавъ пальцами въ стекло, пошелъ прямо на насъ, дѣлая, однако, видъ, что идетъ такъ, безъ цѣли, безъ намѣренія. Съ этимъ, мнимо-разсѣяннымъ видомъ, приблизился онъ къ Фотію, который, между тѣмъ, опустя голову, перебиралъ четки. „Отецъ Фотій, сказалъ Сперанскій,—благословите меня.“ Фотій поднялъ голову и глухо произнесъ: „Я тебя не знаю.“ Слова эти такъ поразили Сперанскаго, что онъ пошатнулся, покраснѣлъ и въ смущеніи отвѣчалъ: „Я Сперанскій.“ — „А, ты Сперанскій? возгласилъ Фотій:—Господь тебя благословитъ,“ и размашисто благословилъ его. Такіе-то поступки позволялъ себѣ этотъ необыкновенный въ своемъ родѣ монахъ; и видно, они обращались ему не во вредъ, потому что онъ былъ тогда въ большемъ почетѣ. Довольно указать на Державину, на упомянутую графиню Орлову, дочь героя Чесменскаго, которыя предъ нимъ раболѣпствовали, особливо послѣдняя, обогатившая монастырь его приношеніями свыше милліона рублей и исполнявшая въ кельѣ его роль служанки. „Раба Божія Анна,“ бывало онъ ей скажетъ, „подай мнѣ туфли, подай мнѣ квасу,“ и раба Божія смиренно подаетъ. Поступокъ со Сперанскимъ тѣмъ изумительнѣе, что учась въ академіи въ то время, когда Сперанскій составлялъ уставъ оной и часто по этому случаю, да и безъ того, бывалъ тамъ, Фотій не могъ не знать его, а если и не узналъ, давно съ нимъ не встрѣчаясь, то видя передъ собой человѣка почтенныхъ лѣтъ, съ двумя звѣздами, просящаго благословенія, долженъ былъ немедленно благословить его, какъ христіанина, кто бы это ни былъ, а не поразить такимъ грубымъ отвѣтомъ, равно какъ и не щелкать по рукѣ моего помощника, какъ бы ничтоженъ онъ ему ни показался.“

Таковъ былъ архимандритъ Фотій, и мы должны замѣтить, что въ разказѣ Панаева мы узнаемъ всѣ тѣ черты, которыя сохранило о немъ живое преданіе; своею нетерпимостію и совершеннымъ отсутствіемъ духа смиренія онъ напоминаетъ скорѣе доминиканскаго чѣмъ православнаго монаха. Очевидно, въ глазахъ такого человѣка набожность князя Голицына, подернутая космополитизмомъ, должна была

представляться ничѣмъ инымъ какъ нечестіемъ. Совершенно такъ же смотрѣлъ и адмиралъ Шишковъ, человѣкъ страннымъ образомъ совмѣщавшій въ себѣ самый горячій, можно сказать, страстный патріотизмъ съ полнымъ презрѣніемъ къ самымъ возвышеннымъ и священнымъ интересамъ русскаго народа, какъ сейчасъ увидимъ. Князь Голицынъ, хотя и заслуживший, по увѣренію Панаева, прозваніе *гасильника*, думалъ, однакожъ, о томъ, чтобы распространить между низшими классами образованіе и христіанское ученіе. Для этого онъ прибѣгнулъ къ средству, принятому всѣмъ образованнымъ міромъ: къ переложенію на общепонятный языкъ священныхъ книгъ, которыя онъ желалъ продавать по удешевленнымъ цѣнамъ и даже раздавать безденежно. Привести въ исполненіе эту важную задачу должно было основанное имъ Библейское Общество, въ которомъ приняли участіе между прочими с.-петербургскіе митрополиты Михаилъ, а потомъ Серафимъ, и будущій архипастырь Москвы, тогда еще архимандритъ, Филаретъ. Евангеліе и другія священныя книги переводили или сами духовные сановники, засѣдавшіе въ Обществѣ, или подъ ихъ руководствомъ другія лица духовнаго званія. Филаретъ написалъ тогда и *Катихизисъ*, въ которомъ молитвы и заповѣди, съ цѣлію сдѣлать ихъ удобопонятными для людей необразованныхъ, изложены не по-славянски, а по-русски. Всѣ эти изданія Библейскаго Общества были просматриваемы синодомъ и только по его одобреніи выпускаемы въ продажу. Они расходились во множествѣ; народъ жаждалъ духовнаго просвѣщенія. Даже старообрядцы покупали Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ. Но подобно тому какъ нынѣ нѣкоторые ревнители народнаго слова находятъ, что оно будетъ унижено и осквернено, если на немъ станутъ произносить католическія молитвы, такъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ другіе люди находили, что значеніе священныхъ книгъ будетъ умалено, если онѣ будутъ переложены „на простонародное нарѣчіе“. Такое мнѣніе высказываетъ именно адмиралъ Шишковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Аракчееву, руководившему, по мнѣнію Панаева, всѣми атаками противъ князя Голицына и, безъ всякаго сомнѣнія, одобрявшему ихъ. Но раздражительный адмиралъ не ограничился тѣмъ что дѣйствовалъ чрезъ Аракчеева и представилъ самому государю слѣдующее:

„Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило обверткою какихъ-нибудь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими.... Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскаго Общества и на всѣхъ агентовъ ихъ, то произведенные ими пагубные плоды и уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажутся, можетъ-быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій.“

Въ той же запискѣ, представленной государю, Шишковъ говоритъ:

„Въ краткомъ *Катихизисѣ*, недавно изданномъ, первая заповѣдь: *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене*, изложена слѣдующимъ образомъ: *Я Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ*. Замѣтимъ первое, что заповѣди сіи называемъ Господними, а слѣдовательно, почитаемъ ихъ Божескими изреченіями. Благоговѣніе къ Богу и древность запечатлѣли въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое въ нихъ слово. Когда древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ, напримѣръ, одѣяніе или сосуды, сохраняются неприкосновенными, то какъ же дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ исшедшими изъ устъ Божіихъ?... Въ первой заповѣди мѣстоименіе *азъ* перемѣнено въ *я*; здѣсь вмѣсто *Азъ есмь Господь Богъ твой* столько же странно сказать: *Я Богъ твой*, сколько въ какой-нибудь простой рѣчи, напримѣръ, вмѣсто *я ѣду въ гости*, сказать: *азъ ѣду въ гости*; притомъ же *азъ* перемѣнено въ *я* для того, что первое изъ сихъ мѣстоименій неупотребительно; то и слово *Господь* въ просторѣчіи также неупотребительно, а слѣдовательно, когда одному позволено перемѣнить *азъ* въ *я* по неупотребительности мѣстоименія *азъ*, то другой, по той же самой причинѣ, перемѣнитъ слово *Господь* въ *Господина*, и вмѣсто *Азъ есмь Господь Богъ твой*, напишетъ: *Я Господинъ Богъ твой*.... Гордость какого-нибудь монаха или хвастуна ученаго скажетъ: „такъ по-еврейски“. Да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу еврейскаго, такъ мало извѣстнаго языка, на которомъ писано сіе въ столь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ какого не бывало? И могу ли я согласиться дать ему переправлять не пѣсенку, не сказку какую, но изреченія Священнаго Писанія?... Въ *Катихизисѣ*, вмѣсто *Вѣрую во единаго Бога*, сказано: *Вѣрую въ одного Бога*. На что̀ это? Неужели есть такіе люди, которые *во единаго* не понимаютъ, а *въ одного* понимаютъ? Если такъ, то зачѣмъ же оставлено *вѣрую*, ибо мы въ простыхъ разговорахъ не говоримъ *вѣрую*, а *вѣрю*. Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину ихъ переводовъ,

очевидно состоящихъ въ томъ, чтобы, согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Обществъ, исказить и привесть въ неуваженіе священныя книги, измѣня въ нихъ языкъ церкви въ языкъ театра. Если церковныя книги для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный языкъ, какимъ мы говоримъ между собою и на театрѣ; если при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того только нужныхъ, чтобы со временемъ не разумѣть церковной службы или чтобъ и обѣдню служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще сверхъ того, съ иностранныхъ языковъ переводиться будутъ такъ-называемыя духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскія и революціонныя книги, если, говорю, все это будетъ продолжаться попрежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь, ибо, по моему образу мыслей, просвѣщеніе, не основанное на вѣрѣ и вѣрности къ государю и отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе.“

Нечего и прибавлять къ этимъ словамъ. Замѣчательно, что этотъ „монахъ или хвастунъ“ перелагавшій заповѣди и молитвы на русскій языкъ, былъ митрополитъ, а тогда архіепископъ московскій, Филаретъ. Не менѣе Шишкова энергически дѣйствовалъ и Фотій. Мы уже видѣли его многозначительно отмалчивающимся и открещивающимся на экзаменѣ Петербургской духовной академіи. Это было въ 1823 году. Въ слѣдующемъ году Фотій заставилъ графиню Орлову-Чесменскую (безграничное вліяніе его на нее слишкомъ извѣстно) пригласить къ себѣ князя Голицына и, говоритъ г. Сухомлиновъ, основываясь на *Запискахъ* Шишкова, „сталъ требовать отъ него, чтобъ онъ отрекся отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ,—отъ покровительства иностранныхъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ церкви и престола. „Поди къ царю, заключилъ Фотій, — стань передъ „нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ: самъ дѣлалъ „худо и его вводилъ въ заблужденіе.“ Вопросъ изумленнаго князя Фотій прервалъ словами: „Увидимъ, кто изъ насъ „кого преодолѣетъ“, и закричалъ: „Анаѳема! да будешь про„клятъ!“ И сейчасъ же, описавъ свое объясненіе съ княземъ, послалъ письмо государю въ собственныя руки. По прочтеніи письма, государь потребовалъ къ себѣ Фотія и „по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва“.

Поколебавъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго, довѣріе государя къ товарищу его юности, противники этого

послѣдняго стали еще бдительнѣе слѣдить за его дѣйствіями, а князь Голицынъ, своимъ космополитизмомъ въ дѣлахъ вѣры, подавалъ имъ оружіе. Прибывшіе въ началѣ двадцатыхъ годовъ протестантскій (по словамъ г. Сушкова, а по свидѣтельству Панаева,—католическій) проповѣдникъ Линдель, а въ 1823 году, католическій священникъ Госнеръ были приняты княземъ Голицынымъ радушно и получили позволеніе проповѣдывать въ Петербургѣ. Проповѣди ихъ привлекали толпы слушателей, частію и изъ православныхъ, что̀ было поставлено въ вину князю Голицыну: такъ естественно казалось сдѣлать министра духовныхъ дѣлъ отвѣтчикомъ за таланты иновѣрческихъ проповѣдниковъ.... Госнеръ былъ не только краснорѣчивый проповѣдникъ, но и ученый теологъ, и одно изъ сочиненій его (по словамъ Панаева), *Толкованіе Евангелія отъ Матѳея*, переводилось и печаталось по желанію князя Голицына. Не знаемъ, чѣмъ именно грѣшила книга германскаго теолога, но враги князя Голицына ожидали ея выпуска изъ типографіи, чтобы нанести ему окончательный ударъ. Вотъ какъ разказываетъ это Панаевъ:

„По мѣрѣ того какъ печатался переводъ сказанной книги Госнера, нѣкто коллежскій ассессоръ Платоновъ, сирота, воспитанный митрополитомъ Платономъ и потому получившій это прозваніе, ходилъ по порученію Магницкаго въ типографію и покупалъ у наборщиковъ оттиснутые листы, платя по гривеннику за каждый; когда жь послѣдній листъ былъ отпечатанъ, книга, прежде выпуска оной въ свѣтъ, переплетена и представлена государю. Вслѣдъ за тѣмъ митрополитъ отправился во дворецъ. Для этого нарочно было избрано необыкновенное время—шесть часовъ вечера, чтобы необычайностью самого посѣщенія встревожить императора. Митрополитъ упалъ къ ногамъ его и требовалъ удаленія князя Голицына, котораго управленіе, по его словамъ, колеблетъ церковь православную. Такая сцена не могла не подѣйствовать. Государь старался успокоить митрополита, сказалъ, что обратитъ вниманіе на его жалобу, и если найдетъ дѣйствія министра ошибочными, устранитъ отъ управленія ввѣренными ему частями. Подробности этого разговора, за кончиной всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, останутся навсегда неизвѣстными, но главный результатъ, какъ тогда шептали, былъ таковъ: Магницкій, сблизившійся въ послѣдствіи съ моимъ тестемъ, на бѣду послѣдняго.... сказывалъ ему съ торжествомъ, что онъ вслѣдъ за митрополитомъ отправился на Адмиралтейскій бульваръ, а оттуда прошелъ къ подъѣзду государя, гдѣ уже

столпилось довольно народу, привлеченнаго каретой митрополита, съ тѣмъ, чтобы видѣть, съ какимъ лицомъ выйдетъ онъ изъ дворца — веселымъ или печальнымъ? Удостовѣрившись же по довольному выраженію лица владыки, что дѣло идетъ хорошо, поспѣшилъ въ Невскій монастырь поздравить его съ успѣхомъ."

Всѣ эти удары, сыпавшіеся на князя Голицына со стороны Шишкова, Фотія и Серафима, а также, весьма вѣроятно, и Аракчеева, сломили его. Онъ былъ смѣщенъ съ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; правитель его канцеляріи Поповъ удаленъ отъ должности, два цензора, разсматривавшіе переводъ книги Госнера, преданы суду, и хотя были имъ оправданы, но получили увольненіе съ тѣмъ чтобы никуда не опредѣлять ихъ. * Въ цензурный уставъ, который былъ составленъ подъ руководствомъ новаго министра, включено было между прочимъ правило, не пропускать къ печатанію мѣстъ „имѣющихъ двоякій смыслъ, изъ коихъ одинъ противенъ цензурнымъ правиламъ"; запрещалось выставлять точки, обличающія руку или ножницы цензуры; не дозволялось печатать рукописи „въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка"; цензорамъ вмѣнено было въ обязанность представлять по начальству тѣ рукописи, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ „нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, въ видахъ общей пользы"; независимо взысканія съ цензоровъ, опредѣлено было подвергать взысканію и сочинителей, съ которыхъ, кромѣ того, предоставлялось какъ издателямъ, такъ и читающей публикѣ, взыскивать убытки за сочиненія, хотя и пропущенныя цензурой, но потомъ признанныя вредными и изъятыя изъ обращенія.

Таковы были дѣйствія новаго министра народнаго просвѣщенія по отношенію къ литературѣ свѣтской. Относительно духовной литературы послѣдовали мѣры еще болѣе крутыя. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей библейскихъ обществъ, московскій архіепископъ, едва не былъ перемѣщенъ въ Тифлисъ; написанный имъ катихизисъ, имѣвшій по настоящее время до шестидесяти изданій, переведенный на бо́льшую часть европейскихъ языковъ и по которому производится преподаваніе во многихъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ, былъ

---

* *Историч. свѣд. о цензурѣ.*

въ это мрачное время изъятъ изъ обращенія, подобно Евангелію и другимъ священнымъ книгамъ, переложеннымъ „на простонародное нарѣчіе“, изъ опасенія, чтобъ онѣ не попали случаемъ въ кабакъ (въ которомъ однакожъ допускается имѣть образа): убогая изба крестьянина была лишена единственной доступной ему и столь необходимой ему книги. Изъ опасенія, чтобъ о священныхъ предметахъ не говорили на томъ языкѣ, какимъ говорится на театрѣ (гдѣ однакожъ говорится о царяхъ, о любви къ отечеству, о добродѣтели и о Богѣ), вся масса русскаго народа лишена была самаго сильнаго изъ средствъ нравственнаго совершенствованія, самаго могущественнаго стимула умственнаго развитія. Была минута, когда русское крестьянство готово было, казалось, выбраться изъ тины невѣжества духовнаго и умственнаго; можно было предвидѣть не въ дальнемъ будущемъ время, когда вокругъ раскрытаго Евангелія соберется цѣлая семья крестьянъ, и старики станутъ почерпать въ словахъ божественнаго писанія утѣшеніе для своей старости, а дѣти—назиданія для предстоящаго имъ жизненнаго пути. Рука нѣсколькихъ безумцевъ разрушаетъ эту надежду, какъ бы въ угоду тѣмъ, которые полвѣка спустя станутъ говорить, что „нашъ народъ не созрѣлъ для свободы и гражданскихъ правъ“!

Такова была „эпоха мистицизма“, встрѣченная съ радостію, какъ реакція противъ вольтеріанизма, но оставившая самыя тяжкія воспоминанія, открытая людьми вѣрующими и просвѣщенными, но эксплоатированная интриганами и обратившаяся въ какую-то бѣшеную скачку взапуски благонамѣренности. Недавно почившій московскій архипастырь прошелъ эту трудную и опасную эпоху съ честію и достоинствомъ: мы съ радостію кладемъ на его свѣжую могилу этотъ вѣнокъ, сплетенный исторіей, и станемъ ожидать новыхъ извѣстій о его долгой, дѣятельной жизни. Весьма желательно, чтобъ и остальныя бумаги его, поступившія въ распоряженіе правительства, получили гласность подобно тѣмъ, которыя напечатаны въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*.

П. Щ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Нѣсколько замѣчаній о законахъ движенія народонаселенія въ Россіи. *В. Я. Буняковскаго* 5

Русская политика на Востокѣ предъ Крымскою войной. *Е. М. Феоктистова* 21

Идіотъ. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. *Ѳ. М. Достоевскаго*..... 83

Государство и провинція. I—III. *А. Д. Градовскаго* 177

Вакханка и сатиръ. Стихотвореніе. *Я. П. Полонскаго* .. 238

Исторія лейтенанта Ергунова. *И. С. Тургенева* 241

Глинка и его значеніе въ исторіи музыки. Статья вторая. *Г. А. Лароша* 272

Русская литература. *Война и миръ*. Соч. графа Л. Н. Толстаго. Москва, 1868 г. Томы I, II и III. *П. К. Щебальскаго*..... 300

Черты современной политики. *Алека* 321

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Моя невѣстка. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе первой части.

Лунный камень. Романъ. Соч. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—VII.